Право И Государство Пресс

E-mail: prigos@mail.ru

www.prigospress.ucoz.ru

ISSN 1815-1329

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2026

№ 5

- *Землякова Г.Л.* Понятие особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в российском законодательстве
- *Летягина Е.А.* Обеспечение недропользования посредством земельно-правового регулирования
- *Попова О.В.* Некоторые функции правового института экологической экспертизы
- *Шаляпин Г.П.* Аквакультурное право как новый правовой институт в системе российского права
- *Яковлева Т.А.* Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов: сущность и содержание
- *Измайлов В.В.* Преимущественное право на переход доли: современное состояние и перспективы правового регулирования
- *Турецкая М.Ю.* Особенности правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог
- *Боголюбов С.А.* Рецензия на учебник «Земельное право»
- Другие материалы

ISSN 1815-1329

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО
2026. № 5
Федеральный научный юридический ежемесячный журнал

AGRARIAN AND LAND LAW
2026. № 5
Federal scientific juridical monthly journal

Учредитель: *А.И. Бобылев*

Издатель:
Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: *Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор (Москва)*

Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*

Редакционный совет:
А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Ростов-на-Дону),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),
Б.Б. Бидова - д.ю.н., доцент (Нальчик),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
О.В. Болтинова - д.ю.н., профессор (Москва),
В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),
Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),
Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор (Москва),
Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
К.А. Долгополов - д.с.н., доцент (Ставрополь)
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
Д.Н. Ермаков – д.п.н., д.э.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина - д.ю.н., профессор (Москва),
В.И. Ивакин - к.ю.н., доцент (Москва),
П.А. Калиниченко - д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова - д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина - д.ю.н., профессор (Москва),
В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),
А.В. Малько - д.ю.н., профессор (Саратов),
Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),
Т.А. Полякова - д.ю.н., профессор (Москва),
Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Д.Х. Сайдумов - д.ю.н., доцент (Москва),
Н.А. Соколова - д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)
Е.А. Фролова – д.ю.н., профессор (Москва)
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: *A.I. Bobylev*

Publisher:
Publishing house «Law and state press»

Chief editor: *N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow)*

The editor-in-chief: *S.V. Zubkova (Moscow)*

Editorial council:
A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Rostov-na-Donu),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Nalchik),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
O.V. Boltinova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.A.Vlasov - Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)
G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),
B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
K.A. Dolgopolov - Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Stavropol),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
D.N. Ermakov - Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotukhina - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.I. Ivakin - Candidate of Law Associate Professor (Moscow)
P.A. Kalinichenko -Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),
A.V. Malko - Doctor of Law, Professor (Saratov),
G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
T.A. Polyakova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.A.Prokopovich –Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
V.M. Redkous - Doctor of Law, Professor (Moscow),
D.Kh. Saydumov - Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Sokolova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Ustyukova- Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)
E.A. Frolova – Doctor of Law, Professor (Moscow)
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:
141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобразования и науки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008»

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2026. Первое полугодие. Наш индекс 11194.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2026 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2026 № 5

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Краснов Э.В.
Принцип качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективный инструмент ограничения власти государства...8

Хазиева Р.Р., Ларинбаева И.Ш.
Конституционные концепции свободного мандата……....12

Хазиева Р.Р., Сивочкин Е.В.
Место депутатского мандата в системе представительной демократии..14

Конохов М.В.
Актуальные вопросы реализации государственной политики Российской Федерации в области обеспечения информационно-психологической безопасности: правовые аспекты……16

Пузикова С.Р.
Влияние СМИ на формирование правовых стереотипов……...20

Шеяфетдинова Н.А.
Цифровая репутация личности и ее правовые аспекты…….25

Фастович Г.Г.
К вопросу о исследовании института «информационный ресурс» в системе построения эффективного информационного права Российской Федерации……..28

Шитова Т.В.
Логистическое звено, как центральный институт системы АПК Российской Федерации…...31

Немченко С.Б., Смирнова А.А., Болотин Д.Д.
Правовой режим обеспечения эпидемиологической безопасности в блокадном Ленинграде и современной России: историко-правовой анализ…….34

Алимова А.И.
К вопросам административно-правового статуса иностранного гражданина в условиях современной миграционной политики РФ: правовые аспекты и практика реализации……..37

Полянский В.А.
К вопросу о природе контрактной системы……40

Назарова И.С.
Влияние религиозной морали на формирование правосознания в Древнерусском государстве……...42

Сангулия А.Д.
Концепция международного права Михаила Николаевича Капустина...47

Галда М.В.
Правовое регулирование функционирования системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций…….53

Щербакова Н.В.
Трансформация правовой ментальности как фундамент национальной безопасности: гармонизация этноконфессиональных отношений на исторических территориях Российской Федерации……..58

Фастович Г.Г.
Эволюция развития правоприменительной деятельности в общей теории права…….64

Кузьменко В.И.
Раскол XVII века как парализация адаптивного консерватизма: когда механизм защиты идентичности отказывает……66

Шитова Т.В.
Правовые перспективы развития агропромышленного комплекса: теоретический взгляд……69

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Каллагов Т.Э.
Порядок продления и прекращения военного положения в России….72

Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г.
Тенденции и перспективы развития сельской экономики Красноярского края……75

Аннин А.Г., Ледащев С.В., Карпов О.В., Коляганов Н.Д.
Применение искусственного интеллекта в сфере государственных услуг: новые возможности и риски……..79

Миронов В.О.
Истоки, сущность и составляющие гражданского общества……..83

Царькова Е.Г.
Правовые риски внедрения нейросетевых алгоритмов в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации……..86

Смирнова И.Н., Бычинская И.С.
Реализация принципа эффективности управления в деятельности уголовно-исполнительных инспекций……...90

Мугадов К.А., Мамедова М.К., Аскеров Э.С.
Обеспечение защиты права на благоприятную окружающую среду в судебном порядке…….93

Яковлева Т.А.
Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов: сущность и содержание……97

Шатская И.И., Малешина Л.М.
Аспекты правового регулирования тарифообразования в железнодорожной отрасли……101

Галда М.В.
Правовое регулирование транснациональных корпораций на территории Российской Федерации……...105

Евграфова А.Г.
Особенности федерального, регионального и муниципального законодательства, определяющего порядок создания лесных насаждений в рамках общественных экологических инициатив……..109

Кукеев А.К.
Право граждан на благоприятную окружающую среду как фундаментальная основа климатической политики Республики Казахстан……...……..113

Кабанова О.В.
Конституционно-правовой статус федеральных округов и полномочных представителей Президента Российской Федерации: проблемы и перспективы совершенствования……..116

Самончик О.А.
Проблемы правового регулирования возмещения за изъятие недвижимого имущества для публичных нужд и их отражение в судебной практике....119

Землякова Г.Л.
Понятие особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в российском законодательстве……...…….123

Землякова Г.Л.
Величина кадастровой стоимости как критерий отнесения земель к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям. Часть 1……...128

Бывальцева С.Г.
Превентивный потенциал прокурорского предостережения: теоретико-правовое осмысление и коллизии правоприменения……..132

Бывальцева С.Г.
Регулятивные механизмы обеспечения результативности координационной деятельности прокуратуры в сфере борьбы с преступностью…….....135

Елисеев К.А., Черных А.Б.
Проблемы правового регулирования изменения вида разрешённого использования земельного участка……...138

Мусатова С.Г.
Система и юридические свойства актов государственного стратегического планирования: потребность в трансформации……..142

Дойников П.И.
О принципах правового регулирования охраны и использования грибов (микологического права)……146

Мустафинов Э.Э.
Правовые основы использования цифровых технологий в сфере недропользования (Часть 1)……...…150

Терентьева И.А.
Формирование гражданской позиции обучающихся высших учебных заведений в процессе изучения дисциплины «Основы российской государственности»…….....155

Терентьева И.А.
Обязанность государства как этико-политическая категория…….158

Дадашова Э.Г.
Особенности избирательной системы Российской Федерации……...161

Назарова И.С.
Нравственные аспекты совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы в Российской Федерации…….165

Турецкая М.Ю.
Особенности правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог…….170

Маскайкина Е.А.
Цифровые платформы как элемент цифрового пространства: правовые аспекты использования в государственном управлении…175

Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В.
Теоретические и правовые основы осуществления бюджетного процесса в Российской Федерации……...178

Литвякова С.В.
Усиление мер административной ответственности за нарушение антитабачного законодательства – способ защиты здоровья несовершеннолетних…….183

Попова О.В.
Некоторые функции правового института экологической экспертизы.186

Саблин Д.А.
Право на доступ к информации как инструмент защиты прав человека……..189

Полуянова Е.В.
Стратегические национальные приоритеты, формируемые при развитии информационного общества Российской Федерации...192

Летягина Е.А.
Обеспечение недропользования посредством земельно-правового регулирования…….197

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Пархоменко Д.В.
Принцип функциональности в определении объекта земельного правоотношения и объекта судебной землеустроительной экспертизы……..201

Кот М.К.
Правовой режим отдельных элементов рекламы……...…...…204

Кот М.К.
Рекламный продукт как результат интеллектуальной деятельности: критерии охраноспособности…….……..……207

Габараева Н.В.
Онлайн-заседания в гражданском процессе: правовые и технические аспекты……...212

Колесникова М.М.
Некоторые особенности определения родовой подсудности споров о защите прав потребителей……215

Надтачаев П.В., Мельник С.В.
Правовая природа вреда, причинённого правомерными действиями полиции: проблемы определения……218

Стародубова Л.В., Линченко П.В.
Оспаривание сделок с криптовалютой и цифровыми активами в рамках банкротства: проблемы правового регулирования и пути их решения……221

Измайлов В.В.
Преимущественное право на переход доли: современное состояние и перспективы правового регулирования….225

Рябова О.А., Грунин А.В.
О некоторых проблемных аспектах лишения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы……...229

Якубовская В.А.
Государственное регулирование электронной коммерции: анализ зарубежных подходов и перспективы для России……...232

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Орлова А.Н., Муравьев А.Ф.
Цифровые технологии и правовая система: проблемы взаимодействия и перспективы регулирования в условиях цифровой экономики…...237

Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Борисова Р.А., Горяева А.А., Джалкаева Э.М.
О задачах, предмете и пределах прокурорского надзора за исполнением законов: теоретические аспекты……..240

Несветайлов Д.А.
Актуальные вопросы соотношения частноправового и публично-правового регулирования биотехнологий в условиях цифровизации.....244

Мусихина Е.М.
Управление земельными ресурсами в Российской Федерации…….....247

Попков Д.В.
Законность: содержание и признаки……...250

Лесников П.А.
Эволюция правового регулирования применения информационных технологий в деятельности таможенных органов Российской Федерации…….....257

Царькова Е.Г.
Организационно-правовые принципы информационного обеспечения как основа внедрения искусственного интеллекта в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации…….....261

Удальцова Ю.М.
Обязательство оплаты с неопределенным сроком исполнения в рамках действия договора по государственному оборонному заказу……..265

Воронина И.А., Кирпичникова А.В.
Цифровой конституционализм: цифровизация как вызов традиционным правовым нормам……270

Пьянусов А.В.
Классификация экологических преступлений, влияющих на экологическую безопасность……...272

Ковалев С.Д.
Поведенческая биометрическая аутентификация – перспективное направление в технологиях информационной безопасности……...276

Шаляпин Г.П.
Аквакультурное право как новый правовой институт в системе российского права……...280

Смирнов С.В.
Административно-правовые аспекты выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе……285

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Моисеев Н.Д., Гусев А.С.
Воспитательная работа с осуждёнными, имеющими наркотическую зависимость……289

Власова С.В., Аверина Е.Н., Власов Д.А.
К вопросу о некоторых способах совершения тайного хищения……292

Манохин В.С.
Порядок исключения недопустимых доказательств в стадии предварительного расследования и в судебных стадиях уголовного судопроизводства……...296

Иванов П.И.
Незаконное образование юридического лица как способ уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199 УК РФ)…….300

Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.
О взаимообусловленности процессов воспитательного воздействия, осуществляемых в отношении осужденных к лишению свободы……...304

Кулида О.А., Остратюк Т.В., Бакшеева Ю.В.
Религиозный экстремизм как фактор угрозы национальной и духовной безопасности российского общества…….307

Гусев А.С., Казак И.Б.
Побег «на рывок» при конвоировании подозреваемых, обвиняемых и осужденных: пресечение и предупреждение……311

Звонова А.В., Моисеев Н.Д., Драницина А.Н.
«Условность» осуществления контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий и как преодолеть……314

Круковский Р.Н.
Методы и критерии оценки электронных доказательств по статье 88 УПК РФ……317

Каляшин А.В., Дрожжинов Д.Е., Тюканова В.Р.
Профилактика правонарушений в образовательной среде
(на примере высших учебных заведения
федеральной службы исполнения наказаний)……...321

Тищенко Ю.Ю.
О педагогическом назначении основных средств
исправления осужденных к лишению свободы……324

Моисеев Н.Д.
Организация оперативно-розыскного противодействия
преступлениям экстремистской направленности
в исправительных учреждениях ФСИН России……327

Цаплин И.С.
Проблемы достижения целей наказания
через институт пробации……331

Лушин Е.А., Нерсисян Д.Г.
Обеспечение прав потерпевшего в уголовном процессе России
в условиях цифровизации правосудия……...333

Моисеев Н.Д., Шерхов Р.Р.
О некоторых аспектах
проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос»……337

Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.
Направления и формы взаимодействия религиозных организаций
и пенитенциарных учреждений в Великобритании……...339

Арсланова А.Р.
Методы активации памяти при допросе потерпевшего:
от ориентирующей информации к доказательствам……342

Манохин В.С.
Недопустимость доказательств
в уголовном процессе Российской Федерации……..344

Бадамшин И.Д., Кулиев И.Б.
Терроризм в информационном пространстве……...347

Власова С.В., Власов Д.А.
К вопросу о правовой характеристике диверсии……..350

Камалов М.Р.
Следственные действия, направленные
на обнаружение материально-фиксированной информации……...353

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Владимиров А.И., Комендантов С.В.
О реализации инициативы «Открытые Балканы»:
теория и практика……355

Комендантов С.В., Хайдарова Н.Д.
К вопросу об имплементации норм и правил Всемирной торговой
организации (ВТО) в Европейском Союзе……359

Павлов И.Н., Тыркалов Д.В.
Международное правовое регулирование морских перевозок……...364

Татаринов К.А.
Насилие в отношении животных и их правовая защита……368

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Денисов Л.В.
К вопросу об отграничении кражи, совершённой
в присутствии собственника, владельца, посторонних,
от грабежа, связанные с установлением факта
неосознания виновным того, что присутствующие понимают
противоправность его действий……..373

Гачава М.Л., Ковалевич И.В.
Пределы компетенции суда первой инстанции в процессе назначения,
определения порядка и осуществления контроля
за исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы…...377

Гончарова А.В.
Место иных мер уголовно-правового характера
в системе уголовно-правового воздействия……..…...380

Николаева Т.А., Новикова С.В., Салахетдинова Д.Д.
К вопросу об экспертных ошибках
в уголовном судопроизводстве Российской Федерации……..…...383

Никеров Д.М.
Воспрепятствование законной
профессиональной деятельности журналиста……..…...387

Тищенко Ю.Ю., Шерхов Р.Р.
О взаимосвязи основных направлений воспитательного воздействия
на осужденных к лишению свободы……...391

Савин А.А., Зыков Д.А.
Реализация обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-
исполнительной системы с привлечением искусственного интеллекта.394

Тингаева И.В., Авраменко О.В.
Актуальные проблемы, возникающие в ходе исчисления и возмещения
процессуальных издержек в уголовном процессе России……397

Задбаев О.В., Мукабенов В.В., Хараев Э.Б., Балыков Н.Г., Салаева С.Б.
Заключение под стражу
как мера пресечения в уголовном судопроизводстве……...401

Сидорова Е.З.
Традиционный, цифровой
и гибридный форматы отечественного образования……404

Свешников А.В.
Гибридные схемы: мошенничество, соединенное с посредничеством
во взяточничестве (проблемы квалификации «решательства»
в государственных органах)……407

Рогава И.Г.
Защита персональных данных участников уголовного судопроизводства
в условиях цифровизации……410

Степанов Д.В., Бородин А.Е.
Порядок ведения табелей учета использования рабочего времени
и единые условные обозначения при заполнении табелей
учета использования рабочего времени в учреждениях
и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации..415

Пьянусов А.В.
Экологические преступления как правовой феномен,
посягающий на экологическую безопасность……...418

Шаназарова Е.В., Савин А.А.
Проблемные вопросы квалификации преступлений,
составляющих государственную тайну……...423

Фомин И.А.
О совершенствовании уголовно-правовой охраны персональных данных
в свете развития технологий искусственного интеллекта……427

Марченко А.В., Никифорова В.И.
Процессуальные сроки в российском уголовном судопроизводстве:
теоретико-прикладные проблемы исчисления и восстановления……...430

Шеншин В.М.
Уголовно-экологическая политика:
парадигма, обусловленность развития концепции (начало)……434

Рудая Т.Ю.
К вопросу о противодействии экстремизму в сети «интернет»……...438

Кириленко А.М., Улезько С.И.
Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого
имущества: проблемы дифференциации умысла и неосторожности…..441

Иванов П.И.
Теория оптимизации
в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел……446

CONTENTS 2026 № 5

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Krasnov E.V.
The principle of high-quality law (with a minimal number of defects)
as the most effective tool for limiting the power of the state.....8

Khazieva R.R., Larinbaeva I.Sh.
Constitutional concepts of the free mandate……..12

Khazieva R.R., Sivochkin E.V.
The place of the deputy mandate in the system of representative democracy……..14

Konokhov M.V.
Actual issues of state policy implementation the Russian Federation
in the field of information and psychological security: legal aspects.....16

Puzikova S.R.
The influence of the media on the formation of legal stereotypes.....20

Sheyafetdinova N.A.
Digital reputation of an individual and its legal aspects.....25

Fastovich G.G.
On the issue of studying the institution of "information resource" in the system
of building an effective information law of the Russian Federation……28

Shitova T.V.
The logistics link as the central institution
of the agro-industrial complex system of the Russian Federation……...31

Nemchenko S.B., Smirnova A.A., Bolotin D.D.
The legal regime for ensuring epidemiological safety in besieged Leningrad
and modern Russia: a historical and legal analysis……..…34

Alimova A.I.
On issues related to the administrative and legal status of a foreign citizen
in the context of the modern migration policy of the Russian Federation:
legal aspects and implementation practice……...37

Polyansky V.A.
On the issue of the nature of the contract system…….……40

Nazarova I.S.
The influence of religious morality on the formation
of legal awareness in the Ancient Russian state……...42

Sanguliya A.D.
The Concept of International Law by Mikhail Nikolaevich Kapustin…….....47

Galda M.V.
Legal Regulation of the Functioning of the System
for Protecting the Population and Territories from Emergency Situations……...53

Shcherbakova N.V.
Transformation of Legal Mentality as the Foundation of National Security:
Harmonization of Ethno-Confessional Relations
in the Historical Territories of the Russian Federation……58

Fastovich G.G.
Evolution of Development
law enforcement activities in the general theory of law……...64

Kuzmenko V.I.
The schism of the 17th century as a paralysis of adaptive conservatism:
when the mechanism for protecting identity fails……..…66

Shitova T.V.
Legal prospects for the development of the agro-industrial complex:
a theoretical perspective……...…69

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Kallagov T.E.
The procedure for extending and ending martial law in Russia……...72

Naumov O.D., Eisner L.Yu., Lisina L.G.
Trends and prospects of rural economy development in the Krasnoyarsk Territory…....75

Annin A.G., Ledashchev S.V., Karpov O.V., Kolyaganov N.D.
Application of artificial intelligence
in the field of public services: new opportunities and risks.....79

Mironov V.O.
The origins, essence, and components of civil society……83

Tsarkova E.G.
Legal risks of implementing neural network algorithms
in the activities of the penal system of the Russian Federation……...……86

Smirnova I.N., Bychinskaya I.S.
Implementation of the principle of management efficiency
in the activities of penal inspections……....90

Mugadov K.A., Mamedova M.K., Askerov E.S.
Ensuring the protection of the right
to a favorable environment through judicial proceedings……93

Yakovleva T.A.
The principle of the unity of the fate of land plots
and objects firmly associated with them: essence and content……..……97

Shatskaya I.I., Maleshina L.M.
Aspects of the legal regulation of tariff formation in the railway industry……..…101

Galda M.V.
Legal regulation of transnational corporations
on the territory of the Russian Federation……...105

Evgrafova A.G.
Features of federal, regional, and municipal legislation
defining the procedure for creating forest plantations
within the framework of public environmental initiatives……..109

Kukeev A.K.
The right of citizens to a favorable environment as a fundamental basis
of the climate policy of the Republic of Kazakhstan…….....……..113

Kabanova O.V.
The constitutional and legal status of federal districts
and plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation:
problems and prospects for improvement……...116

Samonchik O.A.
Problems of legal regulation of compensation for the seizure of real estate
for public needs and their reflection in judicial practice……....119

Zemlyakova G.L.
The concept of particularly valuable productive
agricultural lands in Russian legislation…….…...……123

Zemlyakova G.L.
The value of the cadastral value as a criterion for classifying lands
as particularly valuable productive agricultural lands. Part 1……...128

Byvaltseva S.G.
The preventive potential of a prosecutor's warning:
theoretical and legal analysis and conflicts in law enforcement……132

Byvaltseva S.G.
Regulatory mechanisms for ensuring the effectiveness of the prosecutor's office's
coordination activities in the field of combating crime…..135

Eliseev K.A., Chernykh A.B.
Problems of legal regulation of changes in the type of permitted use of a land plot…..138

Musatova S.G.
The system and legal properties of acts of state strategic planning:
the need for transformation……....142

Doynikov P.I.
On the principles of legal regulation of the protection
and use of mushrooms (mycological law)……..……146

Mustafinov E.E.
Legal Foundations for the Use of Digital Technologies
in the Sphere of Subsoil Use (Part 1)…….....…150

Terentyeva I.A.
Formation of a Civic Position among Students of Higher Educational Institutions
in the Process of Studying the Discipline "Fundamentals of Russian Statehood"…....155

Terentyeva I.A.
The Duty of the State as an Ethical-Political Category……..158

Dadasheva E.G.
Features of the electoral system of the Russian Federation……...161

Nazarova I.S.
Moral aspects of improving the legal regulation
of military service in the Russian Federation……..165

Turetskaya M.Yu.
Features of the legal regulation of land use in the placement of highways……....170

Maskaykina E.A.
Digital platforms as an element of the digital space:
legal aspects of their use in public administration……..175

Danshina A.E., Zaretskaya E.V.
Theoretical and legal bases of implementation
budget process in the Russian Federation.....178

Litvyakova S.V.
Strengthening measures of administrative responsibility for violation
of anti-smoking legislation – a way to protect the health of minors.....183

Popova O.V.
Some functions of the Legal Institute of Environmental Expertise……186

Sablin D.A.
The right to access information as a tool for protecting human rights……..189

Poluyanova E.V.
Strategic national priorities formed in the development
of the information society of the Russian Federation…….192

Letyagina E.A.
Ensuring the use of subsoil resources through land-legal regulation……..197

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Parkhomenko D.V.
The principle of functionality in determining the object of a land legal relationship
and the object of a judicial land management examination……201

Kot M.K.
The legal regime of individual elements of advertising……204

Kot M.K.
An advertising product as a result of intellectual activity:
criteria for protectability……207

Gabaraeva N.V.
Online hearings in civil proceedings: Legal and technical aspects……212

Kolesnikova M.M.
Some features of determining the subject-matter jurisdiction
in disputes concerning the protection of consumer rights……215

Nadtachaev P.V., Melnik S.V.
The legal nature of harm caused by lawful actions of the police:
problems of determination……218

Starodubova L.V., Linchenko P.V.
Challenging transactions involving cryptocurrency and digital assets within
the framework of bankruptcy: problems of legal regulation and ways to solve them…221

Izmailov V.V.
Preemptive right to transfer a share: current state and prospects of legal regulation….225

Ryabova O.A., Grunin A.V.
On some problematic aspects of depriving parents of their parental rights
if they have been convicted and sentenced to imprisonment……229

Yakubovskaya V.A.
Government regulation of e-commerce:
an analysis of foreign approaches and prospects for Russia……232

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Orlova A.N., Muravyov A.F.
Digital Technologies and the Legal System: Problems of Interaction
and Prospects for Regulation in the Context of the Digital Economy……237

Ochir-Garyaeva I.K., Muchaeva D.G., Borisova R.A., Goryaeva A.A., Dzhalkaeva E.M.
On the tasks, subject matter, and scope of prosecutorial supervision
over the implementation of laws: theoretical aspects……240

Nesvetailov D.A.
Current issues related to the relationship between private law
and public law regulation of biotechnologies in the context of digitalization.....244

Musikhina E.M.
Land resource management in the Russian Federation……247

Popkov D.V.
Legality: content and characteristics……250

Lesnikov P.A.
The evolution of legal regulation of the use of information technologies
in the activities of the customs authorities of the Russian Federation……257

Tsarkova E.G.
Organizational and legal principles of information support
as the basis for implementation artificial intelligence
in the activities of the penal system of the Russian Federation.....261

Udaltsova Y.M.
The obligation to pay with an indefinite period of execution
within the framework of the agreement on the state defense order.....265

Voronina I.A., Kirpichnikova A.V.
Digital constitutionalism: digitalization as a challenge to traditional legal norms.....270

Pyanusov A.V.
Classification of environmental crimes affecting environmental safety..... 272

Kovalev S.D.
Behavioral biometric authentication
is a promising direction in information security technologies.....276

Chaliapin G.P.
Aquaculture law as a new legal institution in the Russian legal system.....280

Smirnov S.V.
Administrative and legal aspects
of identifying conflicts of interest in the civil service.....285

CRIMINAL LAW SCIENCES

Moiseev N.D., Gusev A.S.
Educational work with convicts, having drug addiction.....289

Vlasova S.V., Averina E.N., Vlasov D.A.
On the issue of some methods of committing a secret theft.....292

Manokhin V.S.
The procedure for excluding inadmissible evidence at the stage of preliminary
investigation and at the judicial stages of criminal proceedings……296

Ivanov P.I.
Illegal formation of a legal entity as a method of evading taxes, fees, and insurance
contributions (Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation)……300

Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A.
On the interdependence of the processes of educational influence
carried out in relation to those sentenced to imprisonment……304

Kulida O.A., Ostratyuk T.V., Baksheeva Yu.V.
Religious extremism as a factor threatening
the national and spiritual security of Russian society……307

Gusev A.S., Kazak I.B.
Escape "on the run" during the escort of suspects, accused persons,
and convicted persons: suppression and prevention……311

Zvonova A.V., Moiseev N.D., Dranitsina A.N.
The "conditional" nature of monitoring suspects and accused persons
against whom a preventive measure in the form of a ban on certain actions
has been imposed, and how to overcome it……314

Krukovsky R.N.
Methods and criteria for evaluating electronic evidence
under Article 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation……317

Kalyashin A.V., Drozhzhinov D.E., Tyukanova V.R.
Prevention of offenses in the educational environment (using the example
of higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service)……321

Tishchenko Yu.Yu.
On the pedagogical purpose of the main means
of correcting convicts sentenced to imprisonment……324

Moiseev N.D.
Organization of operational and investigative counteraction
against crimes of an extremist nature in correctional institutions
of the Federal Penitentiary Service of Russia……327

Tsaplin I.S.
Problems of achieving the goals of punishment through the institution of probation…331

Lushin E.A., Nersisyan D.G.
Ensuring the rights of the victim in the criminal process in Russia
in the context of the digitalization of justice……333

Moiseev N.D., Sherkhov R.R.
On some aspects of conducting the operational-search activity "interrogation"……337

Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A.
Directions and forms of interaction between religious organizations
and penitentiary institutions in the United Kingdom……339

Arslanova A.R.
Methods of memory activation during the interrogation of a victim:
from orienting information to evidence……342

Manokhin V.S.
Inadmissibility of evidence in the criminal process of the Russian Federation……344

Badamshin I.D., Kuliev I.B.
Terrorism in the information space……347

Vlasova S.V., Vlasov D.A.
On the issue of the legal characterization of sabotage……350

Kamalov M.R.
Investigative actions aimed at detecting materially fixed information……353

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Vladimirov A.I., Komendantov S.V.
On the implementation of the "Open Balkans" initiative: theory and practice…….355

Komendantov S.V., Khaidarova N.D.
On the issue of implementing the norms and rules
of the World Trade Organization (WTO) in the European Union……359

Pavlov I.N., Tyrkalov D.V.
International legal regulation of maritime transport……364

Tatarinov K.A.
Violence against animals and their legal protection……368

CRIMINAL LAW SCIENCES

Denisov L.V.
On the issue of distinguishing between theft committed in the presence of the owner,
the possessor, or third parties, and robbery, related to establishing the fact
that the perpetrator did not realize
that those present understood the unlawfulness of their actions……373

Gachava M.L., Kovalevich I.V.
The limits of the court of first instance's competence in the process of assigning,
determining the procedure, and exercising control over the execution

of criminal punishment in the form of imprisonment……..377

Goncharova A.V.
The place of other measures of a criminal-legal nature
in the system of criminal-legal influence……..380

Nikolaeva T.A., Novikova S.V., Salakhetdinova D.D.
On the issue of expert errors in criminal proceedings in the Russian Federation……...383

Nikerov D.M.
Obstruction of a journalist's lawful professional activity……..……..387

Tishchenko Yu.Yu., Sherkhov R.R.
On the interrelation of the main directions of educational influence
on persons sentenced to imprisonment……...391

Savin A.A., Zykov D.A.
Implementation of security measures in institutions
of the penal system with the involvement of artificial intelligence……394

Tingaeva I.V., Avramenko O.V.
Actual problems arising in the course of calculation and reimbursement
of procedural costs in the criminal process of Russia.....397

Zadbaev O.V., Mukabenov V.V., Kharaev E.B., Balykov N.G., Salaeva S.B.
Detention as a preventive measure in criminal proceedings.....401

Sidorova E.Z.
Traditional, digital, and hybrid formats of domestic education……..…404

Sveshnikov A.V.
Hybrid schemes: fraud combined with mediation in bribery
(problems of qualifying "decision-making" in government bodies)……..407

Rogava I.G.
Protection of personal data of participants
in criminal proceedings in the context of digitalization……..……410

Stepanov D.V., Borodin A.E.
The procedure for maintaining time sheets for recording the use
of working time and uniform conventional symbols used
when filling out time sheets for recording the use of working time
in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation……...415

Pyanusov A.V.
Environmental crimes
as a legal phenomenon encroaching on environmental safety……...418

Shanazarova E.V., Savin A.A.
Problematic issues in the qualification of crimes
that constitute a state secret……...423

Fomin I.A.
On improving the criminal-legal protection of personal data
in the light of the development of artificial intelligence technologies……427

Marchenko A.V., Nikiforova V.I.
Procedural deadlines in Russian criminal proceedings:
theoretical and applied problems of calculation and restoration……....430

Shensin V.M.
Criminal and environmental policy:
paradigm, conditions for the development of the concept (beginning)……..434

Rudaya T.Yu.
On the issue of countering extremism on the Internet……...438

Kirilenko A.M., Ulezko S.I.
Criminal liability for the destruction or damage of someone else's property:
problems of differentiation between intent and negligence……441

Ivanov P.I.
Optimization theory in the operational
and investigative activities of internal affairs bodies……..…446

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_8

УДК 340.11

ПРИНЦИП КАЧЕСТВЕННОГО ПРАВА (С МИНИМАЛЬНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕФЕКТОВ) КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА
THE PRINCIPLE OF QUALITY LAW (WITH A MINIMUM NUMBER OF DEFECTS) AS THE MOST EFFECTIVE TOOL FOR LIMITING THE POWER OF THE STATE

КРАСНОВ Эдуард Владимирович,
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия.
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: adickkrasnov@yandex.ru;

KRASNOV Eduard Vladimirovich,
Senior lecturer of the Department of theory and history of state and law, faculty of law, Kazan (Volga region) Federal University, senior lecturer of the department of theory and history of law and state, Kazan branch of the Russian State University of Justice.
18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008
E-mail: adickkrasnov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье предпринимается попытка рассмотреть принцип качественного права как основополагающий принцип современного правового государства. Выделяются основные составляющие элементы данного принципа. Также, в статье приводятся основные проблемы, препятствующие должному функционированию принципа и рекомендации по их устранению. Приводится вывод о том, что принцип качественного права необходимо закрепить на законодательном уровне.*

Abstract: *The article attempts to examine the principle of quality law as a fundamental principle of the modern legal state. The main components of this principle are highlighted. The article also presents the main problems that hinder the proper functioning of the principle and provides recommendations for their resolution. The article concludes that the principle of quality law should be enshrined at the legislative level.*

Ключевые слова: *правовое государство, принципы правового государства, общество, государство.*
Keywords: *legal state, the principles of legal state, society, state.*

Для цитирования: *Краснов Э.В. Принцип качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективный инструмент ограничения власти государства // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_8.*
For citation*: Krasnov E.V. The principle of quality law (with a minimum number of defects) as the most effective tool for limiting the power of the state // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_8.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

К одним из первостепенных принципов современного российского правового государства относится принцип качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективный инструмент ограничения власти государства. С точки зрения инструментального подхода функциональная роль и основное назначение права - регулировать общественные отношения, упорядочивать поведение людей, а с точки зрения философского подхода право - это мера (ограничитель) свободы и ответственности личности. Указанный принцип сочетает в себе две равнозначных составляющих: во-первых, рассмотрение права в качестве наиболее действенного способа ограничить власть не только и не столько личности, сколько государства; во-вторых, восприятие необходимости выработки качественного права, отвечающего современным потребностям общества и государства. Сочетание различных подходов к правопониманию позволяет сделать вывод о необходимости интегративного понимания данного принципа.

Рассматривая первую составляющую данного принципа, необходимо отметить, что никакие другие социальные регуляторы не справятся с данной задачей лучше, чем право. К примеру, в качестве альтернативы праву обычно выделяют нормы морали и религиозные права. Справедливо утверждение, что многие правовые нормы являются отражением морали. Так, норма морали о том, что «убивать – плохо», находит подтверждение в нормах уголовного законодательства, запрещающего данное действие под угрозой наказания со стороны государственных органов. Однако отношение общества и государства к некоторым нормам морали, ввиду субъективности, не лишено недостатков. Во-первых, в качестве наиболее очевидного из них выступает положение о том, что мораль, являясь системой нравственных ценностей, имеет множество нюансов и оттенков. Во-вторых, ответственность за нарушение данных норм проявляется в применении мер общественного осуждения, что, по мнению автора работы, эффективно лишь в тех государствах, в которых установлена единая идеология. К примеру, опыт Советского Союза показывает, что в условиях повсеместного использования единой идеологии любое отклонение от общепринятых норм морали не просто выставляет гражданина в дурном свете, но и становится достоянием общественности. Вместе с тем, следует признать, что зачастую моральная ответственность является более суровой, чем юридическая, поскольку исправить ситуацию бывает уже невозможно.

Религиозные нормы тоже не являются наиболее эффективной мерой регулирования отношений в обществе с демократическим политическим режимом. Российская Федерация, являясь светским государством, провозглашает свободу вероисповедания. В то же время данным постулатом государство дает понять, что оно четко отделяет церковь от государства.

Исходя из этого напрашивается вывод о том, что право, действительно, является более предпочтительным инструментом ограничения власти государства, нежели нормы морали и религиозные нормы.

Вместе с тем в состоянии динамики право эффективно только при условии, если оно имеет функционально допустимое количество дефектов, а существующая система социального регулирования дополняется нормами морали, обычаями и традициями. Иными словами, меха-

низм регулирования общественных отношений является эффективным только при их тесном взаимодействии.

Право базируется на прочном нравственном основании. Свобода, справедливость, равенство – моральные источники права – то, откуда оно берет свое начало и на утверждение этих идеалов оно и направлено. Право, мораль, религия – разные, самостоятельные регуляторы, но в реальной жизни они переплетаются, взаимопроникают друг в друга, иногда впадают в противоречия, но имея одни и те же цели, тесно взаимодействуют, дополняя друг друга. Право само по себе – величайшая общекультурная ценность, показатель цивилизованности общества. Российское право, как социальный феномен, отличается духовным потенциалом и в этом его сила. Другое дело, что сама по себе мораль (в том числе и общественная) переживает кризисные времена как результат того ценностного вакуума, который случился в 90-е годы и который дает о себе знать и сегодня. Вот поэтому-то и нужны «духовные скрепы», объединяющие все общество. И многое в этом направлении в последнее время в условиях всевозможных современных угроз национальной безопасности делается и государством, и гражданским обществом (например, утверждение программ воспитания молодежи, в том числе и нравственно-правового).

С точки зрения статики данный принцип должен выражать собой не только абстрактную категорию «право», но и вбирать его наиболее значимые признаки, такие как верховенство и законность. Верховенство права проявляется в первостепенной роли права не только как регулятора общественных отношений, но и в качестве модели существования индивидов в государстве. Законность права проявляется в признании права подавляющим большинством населения, что придает ему качество объективной необходимости.

С точки зрения динамики данный принцип подразумевает, что граждане должны стремиться к выработке высокого уровня правосознания, без которого рациональное применение различных правовых норм не представляется возможным. Без высокого уровня правосознания и необходимой правовой культуры представляется весьма затруднительным на долгое время утвердить данный принцип в качестве постулата правового государства.

Безусловно и то, что воплощение данного принципа можно проследить сквозь призму общественных отношений между субъектами. Субъекты обязаны регулировать деятельность путем применения права. При этом важное значение приобретает социальная принадлежность тех или иных субъектов – представителей государственных органов либо общественных организаций. Кроме того, в динамике первостепенными станут не абстрактно-общие, а индивидуально-определенные нормы, нормы ситуационного права, которые возникают между конкретными субъектами, состоящими между собой в определенной правовой связи.

Разумеется, в контексте вышеупомянутого принципа, одной из насущных задач будет являться соотношение категорий «право» и «закон». В рамках данного принципа следует отметить, что с точки зрения статики необходимо акцентировать внимание именно на законе как источнике, исходящем от компетентного государственного органа, сосредоточившего в себе большое количество законодательных полномочий. В то же время с точки зрения динамики необходимо рассматривать именно право, поскольку речь идет о максимально возможном количестве источников, в том числе заслуживает упоминания ситуационное право.

Немаловажная роль в данном принципе отведена восприятию качественного права как наиболее эффективному инструменту взаимодействия государства с обществом. Как было отмечено в предыдущем параграфе, между государством и обществом наблюдаются не только различия с точки зрения статики и динамики, но и тесное взаимодействие на всех уровнях. Добиться надлежащего уровня данного взаимодействия становится возможным только при активном вовлечении права и его норм. С точки зрения современного правового государства немаловажная роль правовых норм проявляется в их социальной направленности: они должны выражать собой интересы и устремления общества. При этом на практике государственные органы в равной степени так же, как и общественные организации, представлены персонифицированными субъектами. Данное обстоятельство, а также тот факт, что в процессе взаимодействия между ними возникают конкретные правоотношения, показывают нам важность создания общих правил поведения, которыми бы могли воспользоваться субъекты в целях удовлетворения своих интересов и потребностей. Исходя из возможных альтернатив, представляется, что лишь право, в отличие от морали и религии, может обеспечить возможность данного взаимодействия без нанесения ущерба субъектам.

Следует помнить о том, что «*право в практике всегда ситуационно конкретно»* [1]. Это позволяет быть ему не только формальным, но и реальным регулятором общественных отношений. Важным условием в данном случае будет являться востребованность в праве персонально поименованными субъектами в конкретной ситуации, благодаря чему абстрактно-общие нормы смогут преобразоваться в индивидуально-определенные.

В практике нередки ситуации, когда праву присуще наличие большого количества дефектов. Причины их возникновения самые различные. К примеру, влияние коррупциогенного фактора, а также низкий уровень правосознания и правовой культуры. Представляется, что лишь путем общих усилий как государства в лице своих государственных органов, так и общества, представленного гражданами, будет возможно привести право если не к идеальной модели, то модели, вызывающей меньше нареканий по мере развития. Иными словами, существует необходимость создания такого качественного права, которое удовлетворяло бы потребностям как общества, так и государства.

Выработка данного принципа во многом была обусловлена критическим состоянием некоторых укоренившихся принципов правового государства. Современное развитие государства и общества, а также накопленные правовые знания позволяют говорить о том, что классические принципы правового государства, известные еще с XVIII–XIX вв., нуждаются в пересмотре и переосмыслении. Это подтверждает и тот факт, что на данный момент в России отсутствует единая доктрина правового государства. Отсутствие его четкого определения, а также хаотичность в оценке его принципов вызывают ряд проблем в отечественной правовой действительности. К примеру, *принцип конституционализма* не позволяет в полной мере говорить о том, что государство является правовым. Указанный принцип подразумевает собой, что государство должно основываться на неких незыблемых положениях, таких как наличие основного закона государства, который позволял бы обеспечивать права и свободы граждан. Однако далеко не всегда наличие письменной конституции позволяет утверждать, что правовое государство существует. К примеру, в современной Великобритании, вместо единого главного закона, существует ряд конституционных законов, которые не ставят под сомнение тот

факт, что Великобритания – правовое государство. Или же при рассмотрении вопроса об Индии, где Конституция запрещает дискриминацию общества по кастовому принципу, можно понять, что построение правового государства требует большого количества времени и сил.

При этом, говоря об основном законе Российской Федерации, необходимо отметить, что включенное в него положение о наличии правового государства представляет собой также и некую цель, к которой должно стремиться наше общество. Вследствие этого, не следует считать, что уже в настоящее время в российском государстве реализуются на практике все принципы правового государства. Безусловно, их успешное осуществление займет довольно продолжительное время, а декларативный характер Конституции позволяет четко обозначить предстоящую задачу.

Выделение *принципа качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства* приводит к тому, что *принцип верховенства закона* в современных условиях становится не в полной степени удовлетворяющим современным реалиям.

Во-первых, помимо перечисленного соотношения с категорий «господство права», он исключает другие источники права, что ставит под сомнение учет правовым государством их разнообразия и различий. Так, в современных условиях должны рассматриваться не только роль и взаимовлияние актов, исходящих от органов государственной власти, но и то право, которое граждане вправе создавать в отношениях между собой. В данном случае речь идет о ситуационном праве. Типичные отношения, возникающие между гражданами, по количеству и периодичности во много раз превышают количество актов, принятых Государственной Думой Российской Федерации. В отечественной правовой системе увеличение сферы действия закона и количества нормативных актов является важной практической проблемой [2]. Исходя из этого, представляется довольно некорректным заявлять об исключительном влиянии законов на иные источники права.

Благодаря выделению *принципа качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства*, становится возможным сформулировать ряд сопутствующих ему элементов. К примеру, *перераспределение национального дохода в пользу нуждающихся.* Именно благодаря праву, становится возможным добиться осуществления данного принципа на практике. Ярким примером служат государства тоталитарного и авторитарного типа, исповедующие стиль захвата и удержания основных материальных ресурсов либо в руках ограниченного количества лиц, либо в руках господствующего класса. При этом следует признать и тот факт, что в данных государствах нередко господствует верховенство права, правда, выраженное лишь де-юре и не имеющее практического воплощения. Нередки ситуации, когда данные государства провозглашают себя правовыми, однако не подкрепляют данный постулат ничем, кроме декларативных норм. Представляется, что в реально действующем правовом государстве должен быть выработан механизм, при котором право применяют компетентные органы, при этом учитывая потребности широких слоев населения. Данный элемент должен быть свойственен современному социально-правовому государству и сочетаться с принципом обеспечения государством правового статуса личности. В правовом государстве каждый участник общественных отношений и член общества должны иметь не только закрепленные привилегии, но и узаконенные юридические обязанности. Например, в ситуации, когда государство посредством права оказывает посильную помощь определенным слоям населения, - вовсе не означает послабления в отношении необходимости граждан неукоснительно соблюдать юридические обязанности.

Данному принципу обязательно должен соответствовать такой элемент, как *легитимность механизма восстановления и защиты нарушенных прав*. Под легитимностью в данном контексте подразумевается правовое обеспечение выработки должных мер, позволяющих субъектам использовать субъективные возможности. Представляется, что успешное претворение в жизнь данного элемента будет являться основанием для утверждения, что право рассматривается как надежный механизм, благодаря которому общество и государство находятся в тесной взаимосвязи.

Современные принципы правового государства должны модернизироваться и отражать суть развития современных государств. Сто́ит отметить, что четкое воплощение принципа качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства, во многом будет способствовать выработке доктрины правового государства. Мысль о необходимости ее существования неоднократно высказывалась многими видными учеными и исследователями. К примеру, Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин в своих выступлениях неоднократно указывал на отсутствие в России доктрины правового государства.

Представляется, что инициатива ее выработки должна исходить от государственных органов с возможностью привлечения к обсуждению значительной части населения, поскольку смысл правового государства во многом сводится к обеспечению основных прав и свобод граждан, чего невозможно добиться без учета мнения населения о том, в каких именно правах и свободах оно нуждается.

При этом необходимо помнить о том, что современная правовая доктрина правового государства должна включать не только определение основных прав и свобод, но также, что очень важно, определение юридических обязанностей.

Следующим важным составным компонентом принципа качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства должен выступать такой элемент, как *признание и обеспечение социального плюрализма.* Социальный плюрализм выражается в наличии и обеспечении существования в государстве различных социальных групп и образований без какого-либо ущемления с точки зрения их правового статуса. При этом государство должно поощрять создание таких организаций, поскольку они во многом ведут к развитию общественных отношений и выполняют не менее важную функцию – осуществляют контроль за деятельностью органов государственной власти.

Стоит добавить, что социальный плюрализм не должен сводиться лишь к определению прав и свобод нуждающейся части общества. Следует отметить, что данный элемент должен включать в себя необходимость четкого выделения юридических обязанностей государственных органов и государственных служащих по защите и обеспечению прав и свобод данных категорий населения.

Представляется, что признание социального плюрализма и его обеспечение на практике будет осуществимым только при активном

взаимодействии государства с обществом. Право же будет являться идеальным инструментом для практического воплощения данного элемента.

Современному правовому государству также должен быть присущ такой элемент, как *политический* и *идеологический плюрализм.* Суть его раскрывается в том, что государство посредством права должно обеспечивать свободный доступ к участию в политической жизни общества всем заинтересованным сторонам. Данное положение реализовано во многих современных государствах, в том числе в Российской Федерации. Однако следует отметить, что мало лишь провозгласить отдельные положения, необходима их практическая реализация. Иными словами, в государстве должны быть созданы необходимые условия для равной и конкурентной борьбы между различными политическими партиями. Представляется, что здесь уместно использовать опыт Соединенных Штатов Америки, где создана такая модель, при которой в стране конкурируют две равные по полномочиям политические партии, оказывающие влияние в том числе друг на друга. Вкупе с этим, ни у одной из партий не наблюдается серьезного преимущества в долгосрочной перспективе, что позволяет говорить об отсутствии признаков гегемонии и авторитаризма.

Также в государстве должна отсутствовать единая идеология, навязываемая всему обществу, поскольку это может иметь негативные последствия. В данном контексте, прежде всего, вспоминается опыт Советского Союза, который пытался регулировать все сферы жизни общества, а также создать новый тип человека – советского гражданина с присущими ему чертами и системой взглядов на действительность. Пагубность данного подхода в полной мере проявилась тогда, когда ослабли рычаги давления на граждан, т. е. данная позиция, если и эффективна, то только на крайне непродолжительное время, что свидетельствует о необходимости постоянного давления и принуждения со стороны государственных органов.

Во многом это также проявляется через повышенное использование морали в качестве социального регулятора и его переплетение с правовыми нормами. К примеру, в том же Советском Союзе предпринималась попытка создать Моральный Кодекс Строителя Коммунизма, целью которого было установление ряда моральных принципов, которыми должен был обладать советский гражданин, и обеспечить их воплощение в нормах правах. Явным недостатком такого подхода является дискредитация права, поскольку возникают большие сомнения в том, что данные нормы подлежат исполнению и реализации.

Следует признать, что у данной позиции имеется и немало противников. В современных условиях предполагается, что отсутствие государственной идеологии приводит к тому, что в государстве начинают преобладать элементы хаоса и вседозволенности, общество начинает почитать ложные ценности и идеалы. При отсутствии контроля со стороны государства может наблюдаться ситуация, при которой государству начинают угрожать силы извне, осуществляя «промывку мозгов» гражданам.

Возникает парадоксальная ситуация, при которой государство должно заботиться о своих гражданах, но при этом оно никак не вмешивается в складывающийся беспорядок в общественном сознании.

По-видимому, следует признать благоприятным тот факт, что современное российское государство пытается создать некие идеи, «духовные скрепы», чтобы сплотить и объединить население с целью упрочения связей внутри государства.

Сложившаяся ежегодная практика утверждения особо важных событий, таких как «Год семьи», благоприятно воздействует на общественное сознание. При этом государство не только заявляет и декларирует свои намерения, но и активно содействует достижению поставленных целей и задач путем применения различных способов и средств – материального стимулирования, награждения граждан и т. д.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что для современного российского правового государства свойственно использование как демократически-правовых, так и авторитарно-правовых методов. Иными словами, право сможет только тогда эффективно ограничить государственную власть, когда определит рамки допустимости использования тех или иных методов.

При этом, как отмечает А.В. Погодин [3], в теории и практике сложились четкие принципы допустимости и необходимости использования авторитарных средств, к числу основных можно отнести: закрепление в объективном праве; допустимость применения лишь специально уполномоченными на то субъектами; уважение чести и достоинства личности; возможность контроля за их применением вышестоящими государственными органами, представителями гражданского общества и международными организациями; наличие юридически установленной процедуры для их обжалования.

В заключение отметим, что принцип качественного права (с минимальным количеством дефектов) как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства, является инновационным и отражающим суть современного правового государства. Являясь принципом, вбирающим в себя несколько составляющих элементов, без которых невозможно полное раскрытие его смысла, данный принцип направлен на отображение системообразующей роли ключевых теоретических конструкций «право», «государство» и «общество» для практики. Следует также подчеркнуть, что данный принцип представляет собой более цельное понимание сущности современного правового государства, нежели классические принципы верховенства закона и конституционализма.

Предлагается закрепить в законодательстве принцип качественного права (с минимальным количеством дефектов) в качестве наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства.

Признательность:

Автор выражает благодарность и глубокую признательность Казанскому (Приволжскому) федеральному университету и Казанскому филиалу Российского государственного университета правосудия за помощь при работе над данной статьей.

Список литературы:

1. Погодин А.В. Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // Право и государство: теория и практика. 2015. № 10. С. 10–12.
2. Пиголкин А.С. Законодательная техника / А.С. Пиголкин // Теория государства и права. – М., 2008. – С. 435–437.
3. Погодин А.В. Демократически-правовые и авторитарно-правовые методы социально-правового государства (на примере Российской Федерации) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 30-39.

References:

1. Pogodin A.V. Subjective law in legal realization does not exist in its pure form // Law and the state: theory and practice. 2015. No. 10. pp. 10-12.
2. Pigolkin A.S. Legislative technique / A.S. Pigolkin // Theory of the State and Law, Moscow, 2008, pp. 435-437.
3. Pogodin A.V. Democratic–legal and authoritarian–legal methods of the socio-legal state (on the example of the Russian Federation) // Scientific Journal. The cauldron. University of the Humanities. Science. 2020. Vol. 162, book 2. pp. 30-39.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_12

УДК 342.534.1

КОНСТИТУЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДНОГО МАНДАТА
CONSTITUTIONAL CONCEPTS OF MANDATORY AND FREE MANDATE

ХАЗИЕВА Регина Рафисовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;
ЛАРИНБАЕВА Ильмира Ишмурзовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Института права Уфимского университета науки и технологий.
450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.
E-mail: lar-ilmira@mail.ru;
KHAZIEVA Regina Rafisovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;
LARINBAEVA Ilmira Ishmurzovna,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology, Candidate of Legal Sciences.
131 Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia.
E-mail: lar-ilmira@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье раскрывается концепция свободного мандата, как доминирующей модели большинства современных демократических систем и рассматривается как один из фундаментальных атрибутов парламентаризма. Постулат свободного мандата лаконично выражен в формуле: деятельность депутата должна определяться исключительно требованиями конституции и его личными моральными убеждениями.*

Abstract. *The article reveals the concept of a free mandate as the dominant model of most modern democratic systems and is considered as one of the fundamental attributes of parliamentarism. The postulate of a free mandate is succinctly expressed in the formula: the activities of a deputy should be determined solely by the requirements of the constitution and his personal moral convictions.*

Ключевые слова: *свободный мандат, депутат, парламентарий, законодательный орган, государственное устройство.*
Keywords: *free mandate, deputy, parliamentarian, legislative body, state structure.*

Для цитирования: *Хазиева Р.Р., Ларинбаева И.Ш. Конституционные концепции свободного мандата // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 12-13. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_12.*
For citation*: Khazieva R.R., Larinbaeva I.I. Constitutional concepts of mandatory and free mandate // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 12-13. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_12.*

Статья поступила в редакцию: 20.05.2026

Фундаментальной характеристикой демократического государственного устройства служит выборный характер формирования властных структур высшего уровня. По итогам голосования победившие кандидаты наделяются официальным мандатом, который олицетворяет делегированные им полномочия. В правовой науке традиционно выделяют две концептуальные модели таких полномочий: «свободный» и «императивный» мандаты. Современное российское законодательство, равно как и правовые системы большинства других государств, ориентируются на доктрину «свободного мандата», ключевой особенностью которой является невозможность досрочного прекращения полномочий избранника по инициативе избирателей.

Концепция свободного депутатского мандата сформировалась в эпоху буржуазных революций Нового времени. Согласно этой доктрине, парламентарий выступает в качестве полномочного представителя всего народа, а не конкретного электората, при этом он не связан обязательными наказами, избавлен от обязанности отчитываться перед избирателями и обладает иммунитетом от досрочного отзыва. Постулат свободного мандата лаконично выражен в формуле: деятельность депутата должна определяться исключительно требованиями конституции и его личными моральными убеждениями [4, 85].

В определенном смысле статус свободного мандата можно считать правовой абстракцией, ведь депутат, формально являясь частью законодательного органа, оказывается юридически независимым от воли населения страны. Тем не менее именно отказ правовой системы от жесткого регламентирования связей между народным избранником и его электоратом оказался наиболее эффективным решением. На сегодняшний день свободный мандат является доминирующей моделью в большинстве современных демократических систем и рассматривается как один из фундаментальных атрибутов парламентаризма. Свидетельством тому служат и правовые позиции международных органов. Так, в прецедентном решении Ев-

ропейского суда по правам человека по делу «Гитанас и другие против Греции» (1 июля 1997 г.) подчеркивалось, что национальные правовые системы обладают широкой дискрецией в определении статуса парламентариев, при условии, что этот статус гарантирует их независимость и свободное выражение воли граждан.

Природа свободного мандата заключается в минимизации юридических связей с избирателями, что, однако, не исключает иных каналов взаимодействия. Депутат несет политическую ответственность: если его деятельность не устраивает граждан, они могут проголосовать против него на следующих выборах. Ограниченность срока полномочий сама по себе подталкивает парламентария к самостоятельной и активной выработке форматов общения с обществом.

Нередко решения парламентариев напрямую коррелируют с конкретными экономическими выгодами определенных групп. Вторым негативным аспектом является склонность к политическому популизму. В государствах с укоренившимися парламентскими традициями подобные действия нивелируются высокой культурой избирателей, профессиональной этикой и способностью правящих партий слышать оппонентов. Иная ситуация наблюдается в странах, где демократические институты еще не до конца сформированы: там предвыборная демагогия порождает тотальное недоверие граждан к парламенту, а конституционные формулировки о «совести депутата» воспринимаются как проявление цинизма.

Следует признать, что реальная независимость законодателя зачастую находится под угрозой не столько из-за влияния избирателей, сколько из-за давления партийных структур. В условиях партийного характера современной государственности деятельность парламентария неизбежно сковывается партийной дисциплиной, заставляя его подчинять личные убеждения политической целесообразности.

Тем не менее в большинстве стран попытки закрепить партийную зависимость законодательно жестко пресекаются судами. Примечателен вердикт Конституционного суда Румынии 1993 года, который рассматривал правомерность нормы, грозившей депутатам лишением мандата за смену фракции. Суд постановил отменить данное ограничение, аргументировав это тем, что народный избранник служит обществу, а не партийной организации.

В целом стоит констатировать, что концепция представительной демократии сохраняет свою актуальность как краеугольный камень государственного устройства. Мировая практика, тем не менее, наглядно демонстрирует, что одних лишь законодательных рычагов воздействия в данном контексте явно недостаточно. Результативность подобных институтов обусловлена не столько формальным соблюдением правовых норм, сколько уровнем развития политической культуры, устойчивостью общественных традиций, внутренней этикой депутатского корпуса, а также вовлеченностью институтов гражданского общества в процессы мониторинга. Попытки на законодательном уровне жестко детерминировать действия парламентария волей избирателей нередко демонстрируют свою несостоятельность. По сути, оба классических подхода – как императивный, так и свободный мандат – в абсолютном значении представляют собой скорее теоретические конструкты. При этом концепция свободного мандата сохраняет свою приоритетность, поскольку именно она позволяет достичь оптимального равновесия: побуждая депутата придерживаться данных им предвыборных обещаний, она одновременно обеспечивает ему достаточную автономию для принятия взвешенных и независимых решений [3, 845].

Главный вектор развития этой модели сегодня заключается в синтезе свободного мандата с конкретизацией должностных обязанностей и ответственности, а также в законодательной защите депутата от чрезмерного влияния партийных аппаратов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.05.2026).
2. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ. – Текст: электронный // Система КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 20.05.2026).
3. Голубева Л. А. Свободный мандат: теория и практика / Л. А. Голубева, П. С. Красавин // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем: Материалы Международной научно-практической конференции 25 апреля 2025 года, Гатчина, 25 апреля 2025 года. Гатчина: Гатчинский государственный университет, 2025. С. 845.
4.Савостьян Г.О. Свободный мандат и отзыв в РФ // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 85.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ). – Text: electronic // Official Internet portal of legal information: [website]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (accessed 05/20/2026).
2. On the status of a Senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal Law No. 3-FZ of May 8, 1994. – Text: electronic // ConsultantPlus system: [website]. – URL: http://www.consultant.ru (accessed 05/20/2026).
3. Golubeva L. A. Free mandate: theory and practice / L. A. Golubeva, P. S. Krasavin // Modern paradigms of sustainable development of regional socio-economic systems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on April 25, 2025, Gatchina, April 25, 2025. Gatchina: Gatchina State University, 2025. p. 845.
4.Savostyan G.O. Free mandate and recall in the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2022. No. 4 (208). p. 85.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_14

УДК 342.534

МЕСТО ДЕПУТАТСКОГО МАНДАТА В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
THE PLACE OF A DEPUTY'S MANDATE IN THE SYSTEM OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

ХАЗИЕВА Регина Рафисовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;

СИВОЧКИН Егор Валерьевич,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России.
644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, 7.
E-mail: eatmeat@maol.ru;

KHAZIEVA Regina Rafisovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;

SIVOCHKIN E.V.,
senior lecturer at the Department of Fire Training of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7 Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russia.
E-mail: eatmeat@maol.ru

Краткая аннотация. *В статье раскрывается политико-правовая природа мандата, через разрешение противоречий между принципами прямого народовластия и необходимостью профессионального управления. Анализируется принцип свободного мандата, который является гарантом автономии законодательной ветви власти от давления со стороны исполнительных структур или частных интересантов.*

Abstract: *The article reveals the political and legal nature of the mandate, through the resolution of contradictions between the principles of direct democracy and the need for professional governance. It analyzes the principle of a free mandate, which is a guarantor of the autonomy of the legislative branch of government from pressure from executive bodies or private interests.*

Ключевые слова: *депутатский мандат, депутат, парламентарий, представительная демократия, законодательный процесс.*
Keywords: *deputy mandate, deputy, parliamentarian, representative democracy, legislative process.*

Для цитирования: *Хазиева Р.Р., Сивочкин Е.В. Место депутатского мандата в системе представительной демократии // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 14-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_14.*
For citation*: Khazieva R.R., Sivochkin E.V. The place of a deputy's mandate in the system of representative democracy // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 14-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_14.*

Статья поступила в редакцию: 04.05.2026

Сущность депутатского мандата в архитектуре представительной демократии определяется его фундаментальной значимостью как связующего звена между волей избирателей и прикладными механизмами государственного управления. По сути, мандат служит первичным правовым инструментом, преобразующим категорию народного суверенитета в юридически значимые решения. Без данного института легитимность государственной политики была бы труднодостижима, поскольку именно представительство обеспечивает трансформацию массовых запросов в нормативную базу. Наделение парламентария статусом, позволяющим выступать от имени нации, превращает разрозненные общественные требования в вектор государственного развития, тем самым упорядочивая правовую среду страны.

Политико-правовая природа мандата заключается в разрешении противоречий между принципами прямого народовластия и необходимостью профессионального управления. Масштабы и сложность государственного администрирования в современном мире делают невозможной реализацию прямой демократии в чистом виде, вынуждая делегировать властные полномочия специальному корпусу представителей. Мандат в этом контексте легализует процесс делегирования, очерчивая временные рамки и пределы компетенций. Он представляет собой не административную формальность, а юридически закрепленный акт доверия, в рамках которого статус парламентария определяется его ролью в выражении и защите интересов общества. Мандат выступает своего рода «проводником» социальной динамики, позволяя политической системе сохранять стабильность и легитимность при ответе на внешние и внутренние вызовы.

Принцип свободного мандата является гарантом автономии законодательной ветви власти от давления со стороны исполнительных структур или частных интересантов [2, 324]. Правовая защищенность депутата при осуществлении им своей деятельности обеспечивает создание нормативных актов, базирующихся на рациональном дискурсе, а не на сиюминутной конъюнктуре. Иммунитет от преследований за профессиональные ре-

шения необходим для поддержания полноценной политической дискуссии, включая право на оппозиционную критику действий исполнительной власти. Данная независимость не является привилегией конкретного лица; она представляет собой конституционный заслон, препятствующий превращению законодательного процесса в инструмент исполнения директив и обеспечивающий устойчивость парламентских дебатов.

Закрепление особого правового положения депутата выступает фундаментом механизма взаимодействия между обществом и органами государственной власти. Парламентарий в данном контексте выступает как посредник, чья основная функция заключается в аккумулировании, анализе и преобразовании общественных требований в конкретные законодательные инициативы. Мандат же выступает в качестве легитимного инструмента, который переводит общественную активность в строго формализованное русло законотворчества. Стабильность демократических институтов в значительной степени определяется качеством работы данного механизма: именно через мандат происходит отбор наиболее жизнеспособных гражданских инициатив и их последующая интеграция в правовое поле, при одновременной нейтрализации деструктивных или противоречащих государственным интересам тенденций.

Эволюция концепции мандата исторически обусловлена постоянным повышением требований к субъектам, реализующим государственно-властные полномочия. Современные правовые реалии характеризуются усилением императивности депутатского статуса, что напрямую связано с потребностью в повышении персональной ответственности перед избирателями.

Проблема возникновения конфликтов интересов в рамках парламентской деятельности купируется строгими нормативными ограничениями, налагаемыми на статус депутата. Законодательный запрет на совмещение работы в парламенте с ведением бизнеса функционирует как действенный превентивный инструмент, который обязывает народных избранников сосредоточиться исключительно на выполнении их государственных обязанностей. Данная ограничительная норма является значимым элементом системы сдержек и противовесов, препятствуя сращиванию органов власти с коммерческими структурами и снижая вероятность проявления лоббизма, наносящего вред интересам общества. Мандат парламентария в данном контексте выполняет защитную функцию, ограждая законотворческую деятельность от неправомерного влияния со стороны частных групп и коррупционных проявлений. Следовательно, ограничение профессиональной свободы депутата – это оправданная необходимость, обеспечивающая эксклюзивные права по влиянию на формирование правового поля страны.

Обязанности, которые неразрывно сопутствуют депутатскому статусу, служат этической основой работы законодательного органа. Юридическое регламентирование поведения парламентариев нацелено прежде всего на устранение рисков, подрывающих репутацию органов публичного управления. Так как в условиях демократического политического режима уровень доверия граждан является ключевым показателем стабильности, мандат трансформируется из простого подтверждения полномочий в свод жестких этических и процедурных стандартов. Игнорирование этих правил ведет к снижению ценности парламентского статуса и дискредитации представительной власти в целом. В этой связи институты отзыва или досрочного прекращения полномочий выступают как важнейшие инструменты, гарантирующие надлежащую квалификацию и добросовестность депутатского корпуса.

Подводя итог, можно утверждать, что депутатский мандат является центральным элементом системы представительной демократии, обеспечивающим ее жизнеспособность. Это не застывшая правовая форма, а динамичный инструмент, позволяющий политическому строю подстраиваться под трансформации в социальной среде. Статус парламентария, подтвержденный мандатом, гарантирует автономность законодательного процесса и создает базу для разрешения общественных противоречий через диалог и достижение консенсуса. Без результативной работы этого механизма демократические процедуры рискуют стать лишь имитацией. Таким образом, мандат – это своего рода общественный договор между государством и гражданами, определяющий прочность и функциональную эффективность всей современной политической системы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 03.05.2026).
2. Нудненко Л.А. Конституционное право России : учебник для вузов / Л. А. Нудненко. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – С. 324.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ). – Text: electronic // Official Internet portal of legal information: [website]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (accessed 05/03/2026).
2. Nudnenko L.A. Constitutional law of Russia : textbook for universities / L. A. Nudnenko. – 11th ed., revised. and add. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2026. – p. 324.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_16

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ[1]

CURRENT ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY: LEGAL ASPECTS

КОНОХОВ Максим Васильевич,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV M.V.,
Candidate of Legal Sciences, Leading researcher of the Institute State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: konohov76@mail.ru

***Краткая аннотация**: В статье рассматриваются правовые аспекты реализации государственной политики Российской Федерации в области обеспечения информационно-психологической безопасности. Автор приходит к выводу о необходимости принятия Стратегии обеспечения информационно-психологической безопасности, в которой особое внимание должно быть уделено вопросам противодействия распространению заведомо недостоверной информации. На международном уровне, по мнению автора, уполномоченным органам необходимо активизировать работу по принятию глобального договора в области международной информационной безопасности, учитывающего информационно-психологические аспекты последней.*

***Abstract**: The article discusses the legal aspects of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the field of information and psychological security. The author comes to the conclusion that it is necessary to adopt a Strategy for ensuring information and psychological security, in which special attention should be paid to countering the dissemination of deliberately false information. At the international level, according to the author, the authorized bodies need to step up work on the adoption of a global treaty in the field of international information security, taking into account the information and psychological aspects of the latter.*

***Ключевые слова**: информационная, безопасность, международная информационная безопасность, информационно-психологическая безопасность, заведомо недостоверная информация, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, Стратегия обеспечения информационно-психологической безопасности.*

***Keywords**: information, security, international information security, information and psychological security, knowingly unreliable information, Information Security Doctrine of the Russian Federation, National Security Strategy of the Russian Federation, Military Doctrine of the Russian Federation, Information and Psychological Security Strategy.*

***Для цитирования:** Конохов М.В. Актуальные вопросы реализации государственной политики Российской Федерации в области обеспечения информационно-психологической безопасности: правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_16.*

***For citation**: Konokhov M.V. Current issues of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the field of information and psychological security: legal aspects // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_16.*

Статья поступила в редакцию: 20.05.2026

В п. 12 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (далее-Доктрина) указано, что расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий [7].

Как указано в пп. «д» п. 21 Доктрины, в соответствии с военной политикой Российской Федерации основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества [7].

В частности, в п.п. 50-52 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что активизируется деятельность специальных служб иностранных государств по проведению разведывательных и иных операций в российском информационном пространстве. Вооруженные силы таких государств отрабатывают действия по выведению из строя объектов критической информационной инфраструктуры России. В целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации распространяется недостоверная информация, по политическим причинам пользователям сети «Интернет» навязывается искаженный взгляд на исторические факты, а также на события, происходящие в Российской Федерации и в мире [6].

В п. 12 Военной доктрины Российской Федерации указано, что расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств [1].

Названные положения важнейших стратегических документов подтверждаются выводами ведущих ученых в области правового обес-

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами (FMUZ-2024-0035).

печения информационной безопасности. В частности, А.Н. Савенков отмечает, что в рамках приводимой ментальной войны волна дезинформации, запущенная странами Запада, направлена на то, чтобы наше граждане воспринимали действительность в негативном свете [11, с. 3].

По мнению Т.А. Поляковой и А.А. Смирнова, противодействие информационно-психологическому воздействия впервые выделено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.), хотя угрозы нашли отражение еще в действующей Доктрине информационной безопасности (2016). Особый акцент на них сделан и в основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности [10, с. 12].

Отсюда следует необходимость совершенствования правовых основ информационно-психологической безопасности как важнейшей составляющей национальной безопасности Российской Федерации. В этой связи следует отметить, что информационное пространство практически покрывает всю планету и не имеет границ. Оно позволяет любым организациям, министерствам и ведомствам, отдельным людям мгновенно устанавливать связь между собой, передавать и получать любую информацию [12, с. 17]. Это обстоятельство существенно актуализирует вопросы правового обеспечения информационно-психологической безопасности на современном этапе развития информационных технологий.

Особую актуальность вопросы правового обеспечения информационно-психологической безопасности приобретают в период военных конфликтов и проведения военных операций.

И.К. Логинов, исходя из опыта последних вооруженных конфликтов, делает вывод о том, что информационно-психологическое воздействие стало, несомненно, реальностью в современном мире, о чем достаточно много пишут и размышляют военные специалисты. От конфликта к конфликту противник будет использовать в своих интересах даже отрицательный опыт (которого сравнительно немного) в целях наращивания информационно-психологического воздействия на наши войска; информационно-психологическое воздействие обеих противоборствующих сторон друг на друга будет приобретать все большие масштабы, и играть главную роль в достижении поставленных целей, став переломным этапом в этом виде боевой деятельности [4, с. 69].

По мнению Ю.В. Свиридова, стратегии НАТО рассматривают информационную войну против России в качестве альтернативы крупномасштабной войне. Как отмечает названный автор, именно информационная сфера в настоящем и будущем включает в себя наибольшую угрозу для нашей страны [13, с. 67].

В свою очередь силы и средства психологических операций созданы во всех странах НАТО и входят в состав национальных вооруженных сил. Они направлены на формирование определенного общественного мнения в международной среде, а инструментарий внушения и убеждения способен оказывать влияние на широкие слои населения [14, с. 139].

Таким образом, информационно-психологическое воздействие в ходе вооруженного конфликта будущего, по мнению названных ученых в области военной науки, будет иметь решающее значение для достижения военного преимущества. Данный вывод достаточно аргументировано подтверждается в ходе проводимой Вооруженными Силами Российской Федерации с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине.

Как отмечает Ю.В. Свиридов, мероприятия информационно-психологического воздействия и защиты заключаются в комплексном применении специализированных сил, средств методик и приемов по воздействию на психику и подсознание людей путем доведения до них специально модифицированной информации (словесной, печатной, аудиовизуальной и другой) в целях изменения их поведения, а в условиях продолжительного воздействия – и сознания [14, с. 137].

Модифицированная информация представляет собой искусное сочетание достоверных, сомнительных и ложных сведений. Степень достоверности (недостоверности) информации, ее объемы, последовательность, районы, силы и средства распространения и другие организационно-технические вопросы определяются целями психологических операций, проводимых в мирное и военное время, а также характеристиками и принадлежностью целевой аудитории. Доведение информации осуществляется на научной и плановой основе с учетом условий и факторов обстановки. Большое значение имеет организация обратной связи, позволяющей наблюдать за реакцией целевой аудитории и корректировать воздействие на нее в той или иной мере [14, с. 137].

Доведение модифицированной информации осуществляется посредством «информирования общественности». Информирование общественности осуществляется в интересах достижения военных целей и задач НАТО путем своевременного предоставления аудитории точной информации в рамках стратегических коммуникаций. В понимании Ю.В. Свиридова, информирование общественности означает обработку общественного сознания информацией, модифицированной специальным образом, содержание которой, методы и способы доведения согласованы со всеми ведомствами и организациями, отвечающими за ее распространение. В процессе информирования осуществляется налаживание и контроль внешних и внутренних коммуникативных каналов с аудиториями [14, с. 137].

Важно подчеркнуть, что в реализации мероприятий информационно-психологического воздействия и защиты наравне с коалиционными силами и средствами психологических операций участвуют также и национальные структуры. Несмотря на их оснащенность, эффективность и стремление к расширению сотрудничества с государственными и частными информационными структурами, они играют второстепенную роль в этой деятельности [14, с. 138].

Актуальность вопросов правового обеспечения информационно-психологической безопасности Российской Федерации существенно повышается также и в связи с тем обстоятельством, что XX век характеризуется активным развитием когнитивной нейробиологии – науки, исследующей связь головного мозга и других сторон нервной системы с познавательными процессами и поведением. В этой связи в начале XXI века описание человека и его когнитивные способности оказались в центре внимания не только философов, социологов, нейробиологов и представителей иных ветвей естественных и общественных наук, но и маркетологов, политологов, а также государства [18, с. 12].

Наиболее распространенным видом негативного информационно-психологического воздействия является распространение заведомо недостоверной информации, получившей негласное название «фейк». Опасность распространения заведомо недостоверной информации в настоящее время заключается в том, что современные информационные технологии позволяют делать «фейквовые» фото и видеоматериалы максимально реалистичными, недостоверность которых без специального исследования установить практически невозможно [См., например: 19].

В этой связи следует отметить, что важным направлением государственной политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности является реализация принципа достоверности информации, о чем, в частности, указывают О.А. Петровская [9, с. 94-99] и Н.А. Троян [17, с. 75-81].

Именно последовательная реализация принципа достоверности информации позволяет эффективно противодействовать распространению «фейков».

Особую актуальность вопросы реализации принципа достоверности информации приобретают в условиях военных конфликтов и проведения военных операций. А. Манойло в этой связи отмечает, что с началом специальной военной операции в противостоянии России и США и информационной сфере (в которой украинская сторона используется американской разведкой в роли плацдарма и контрагента) произошла перестройка всей структуры мероприятий, проводимых в рамках информационно-психологического воздействия. Они выстроились в четыре яруса: стратегические информационные операции (Буча, с прицелом на международный трибунал); спецпропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности); фейки (создание ажиотажа, и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект); оперативные игры (с олигархами, готовыми ради личного спасения на все; так называемые «переговоры о мире») [5, с. 77].

По мнению указанного автора, с началом специальной военной операции на передний план выдвинулись классические приемы спецпропаганды (известные еще по холодной войне) и примитивные фейки с грубыми дефектами сборки, вытеснив собой с театра военных действий более тонкие инструменты организации идеологических диверсий – оперативные комбинации и оперативные игры спецслужб, в то же время с течением времени нам следует ожидать возвращения на поле боя стратегических информационных операций, адаптированных под новый театр военных действий [5, с. 81-82].

В этой связи пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. Песков 3 июня 2024 г. заявил, что Киев использует операции по дезинформации. Так он прокомментировал журналистам сообщения о том, что Украина готовит инсценировку гибели местных жителей в Херсоне и для этого на место прибыла группа корреспондентов, которые прошли подготовку под руководством инструкторов из Великобритании и США [8].

Сказанное свидетельствует о необходимости противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию, в том числе при помощи правовых средств.

Видится, что необходимость противодействия названному виду воздействия обусловливает необходимость введения в научный оборот и в законодательство Российской Федерации понятия «информационно-психологическая безопасность». В этой связи А.А. Смирнов отмечает, что потребность введения названного понятия в юридическую науку и правовую практику обусловлена необходимостью в рельефном обозначении «психологической» составляющей информационной безопасности. Принципиальное отличие информационно-психологической безопасности от традиционного блока информационной безопасности состоит в том, что ее содержанием выступает не защита информации, а защита от информации [16, с. 90].

Таким образом представляется необходимым формирование Стратегии обеспечения информационно-психологической безопасности Российской Федерации, в которой должны также найти отражение, в том числе и военно-правовые аспекты последней.

По мнению А.В. Сержантова, А.В. Смолового, И.А. Терентьева, в войнах будущего массированному психологическому воздействию будут подвергнуты, в первую очередь военно-политическое руководство, военнослужащие и гражданское население противника для подталкивания их к сознательному или спонтанному совершению определенных действий. Активная пропаганда будет направлена и на свое население, и на жителей «третьих стран» для формирования выгодных внутри- и внешнеполитических условий для дальнейшего ведения войны [15, с. 30].

И.К. Логинов, исходя из опыта последних вооруженных конфликтов, делает вывод о том, что информационно-психологическое воздействие стало, несомненно, реальностью в современном мире, о чем достаточно много пишут и размышляют военные специалисты. От конфликта к конфликту противник будет использовать в своих интересах даже отрицательный опыт (которого сравнительно немного) в целях наращивания информационно-психологического воздействия на наши войска; информационно-психологическое воздействие обеих противоборствующих сторон друг на друга будет приобретать все большие масштабы, и играть главную роль в достижении поставленных целей, став переломным этапом в этом виде боевой деятельности [1, с. 69].

Отсюда следует вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности, что предполагает принятие в форме документа стратегического планирования Стратегии обеспечения информационно-психологической безопасности Российской Федерации.

Говоря о проведении информационно-психологического воздействия с точки зрения международного права, И.Н. Дылевский, С.А. Комов, С.Н. Родионов, Т.А. Полякова, А.В. Федоров отмечают, любое информационно-психологическое воздействие в отношении другого государства в мирное время будет обладать признаками вмешательства в его внутренние дела [2, с. 4]., что требует особого подхода к правовому обеспечению информационно-психологической безопасности как особого вида национальной безопасности.

В этой связи Е.С. Зиновьева отмечает, что в настоящее время выделяется два конкурирующих секьюритизирующих курса в сфере международной информационной безопасности, сложившихся на международной арене. Дискурс «кибербезопасности» подразумевает, что на международном уровне регулированию подлежит исключительно технологические аспекты информационной безопасности, в то время как дис-

курс «информационной безопасности» предполагает обеспечение не только технической безопасности информационных сетей и систем, но и более широкий спектр вопросов, связанный с регулированием контента в целях обеспечения общественной стабильности в государстве. Россия и Китай, а также государства-партнеры этих стран по таким организациям как ШОС, БРИКС, выступают в поддержку дискурса «информационной безопасности», в то время как США и их партнеры по НАТО продвигают дискурс «кибербезопасности» на международной арене [3, с. 234].

Названный автор также особо подчеркивает то обстоятельство, что Россия исходит из расширительного толкования угроз международной информационной безопасности, которые согласно официальной позиции, включают в себя как проблему обеспечения безопасности информационных сетей, систем и данных (дискурс кибербезопасности), так и политико-идеологические аспекты обеспечения безопасности политического режима и политических институтов и общественной стабильности (дискурс информационной безопасности). [3, с. 239].

Завершая рассмотрение правовых аспектов обеспечения информационно-психологической безопасности следует прийти к выводу о необходимости принятия на уровне документа стратегического планирования Стратегии обеспечения информационно-психологической безопасности Российской Федерации, что обусловлено обозначенными особенностями названного вида информационной безопасности и ее особого значения для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

На международном уровне уполномоченным органам Российской Федерации следует продвигать дискурс информационной безопасности и активизировать работу по принятию глобального договора в области международной информационной безопасности, учитывающего в том числе информационно-психологические аспекты последней.

В связи с массовым распространением заведомо недостоверной информации о деятельности органов государственной власти, военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации при реализации государственной политики в области информационно-психологической безопасности особое внимание необходимо уделять вопросам противодействия распространению заведомо недостоверной информации о деятельности органов государственной власти, военнослужащих и Вооруженных Силах Российской Федерации.

Список литературы:

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461?ysclid=mpb8ve8oim544523203 (дата обращения: 18.05.2026).
2. Дылевский И.Н., Комов С.А., Родионов С.Н., Полякова Т.А., Федоров А.В. К вопросу о международно-правовой квалификации информационных операций // Военная мысль. 2008, № 2. С. 2-10.
3. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность: проблемы многостороннего и двустороннего сотрудничества: монография. М., 2021.
4. Логинов П.К. Информационно-психологическое воздействие в современных операциях // Военная мысль 2022, № 5. С. 60-69.
5. Манойло А.В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине // Международная жизнь. 2022, № 12. С. 74-82.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения 20.05.2026).
7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения 05.05.2026).
8. Песков заявил об использовании Киевом операций по дезинформации // https://www.interfax.ru/russia/964640 (дата обращения 05.05.2026).
9. Петровская О.В. Недостоверность информации как угроза информационной безопасности // Мониторинг правоприменения. 2022, № 2 (43). С. 94-99.
10. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Развитие системы международной информационной безопасности и международное информационное право // Шестые Бачиловские чтения. Отв. ред. Т.А. Полкова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М., 2023. С. 9-18.
11. Савенков А.Н. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2024, № 12. С. 3-9.
12. Сайфетдинов Г.И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность // Военная мысль. 2022. № 5. С. 13-20.
13. Свиридов Ю.В. Основные условия и факторы, определяющие развитие военного информационного потенциала зарубежных стран // Военная мысль. 2025, № 1. С. 67-72.
14. Свиридов Ю.В. Современные формы противоборства НАТО с Российской Федерацией в информационной сфере // Военная мысль. 2025. № 4. С. 130-140.
15. Сержантов А.В., Смоловой А.В., Терентьев И.А. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Военная мысль. 2022. № 6. С. 19-30.
16. Смирнов А.А. Проблемы формирования системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 5. С. 82-106.
17. Троян Н.А., Петровская О.В. Принцип достоверности при распространении и предоставлении информации с использованием искусственного интеллекта // Правовая информатика. 2023. № 2. С. 75-81.
18. Фаттахов А.И. Когнитивные и ментальные операции как способ влияния на государство и общество в контексте международных отношений // Информационные войны. 2025, № 1 (73). С. 12-20.
19. Фейк с горящей Эйфелевой башней облетел интернет // URL: https://www.novina24.ru/fejk-s-goryashhej-ejfelevoj-bashnej-obletel-internet/?ysclid=lrt272pghc696319659 (дата обращения 25.05.2026).

References:

1. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976) URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461 ?ysclid=mpb8ve8oim544523203 (accessed: 05/18/2026).
2. Dylevsky I.N., Komov S.A., Rodionov S.N., Polyakova T.A., Fedorov A.V. On the issue of international legal qualification of information operations // Military thought. 2008, No. 2. pp. 2-10.
3. Zinovieva E.S. International information security: problems of multilateral and bilateral cooperation: monograph. Moscow, 2021.
4. Loginov P.K. Informational and psychological impact in modern operations // Military Thought 2022, No. 5. pp. 60-69.
5. Manoilo A.V. Information warfare in the context of a special military operation in Ukraine // International Life. 2022, No. 12. pp. 74-82.
6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (accessed 05/20/2026).
7. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (accessed 05.05.2026).
8. Peskov announced the use of disinformation operations by Kiev // https://www.interfax.ru/russia/964640 (accessed 05.05.2026).
9. Petrovskaya O.V. Unreliability of information as a threat to information security // Law enforcement monitoring. 2022, No. 2 (43). pp. 94-99.
10. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Development of the international information security system and international information law // Sixth Bachilov readings. Edited by T.A. Polkov, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M., 2023. pp. 9-18.
11. Savenkov A.N. Historical consciousness as a new theater of military operations // Law in the Armed Forces – military and legal review. 2024, No. 12. pp. 3-9.
12. Sayfetdinov G.I. Hybrid wars conducted by the United States and NATO countries, their essence and orientation // Military Thought. 2022. No. 5. pp. 13-20.
13. Sviridov Yu.V. The main conditions and factors determining the development of military information potential of foreign countries // Military thought. 2025, No. 1. pp. 67-72.
14. Sviridov Yu.V. Modern forms of NATO's confrontation with the Russian Federation in the information sphere // Military Thought. 2025. No. 4. pp. 130-140.
15. Sergeants A.V., Smolovoy A.V., Terentyev I.A. Transformation of the content of war: contours of military conflicts of the future // Military Thought. 2022. No. 6. pp. 19-30.
16. Smirnov A.A. Problems of forming a system of legal support for information and psychological security Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Volume 17. No. 5. pp. 82-106.
17. Troyan N.A., Petrovskaya O.V. The principle of reliability in the dissemination and provision of information using artificial intelligence // Legal informatics. 2023. No. 2. p. 75-81.
18. Fattakhov A.I. Cognitive and mental operations as a way to influence the state and society in the context of international relations // Information wars. 2025, No. 1 (73). pp. 12-20.
19. Fake with the burning Eiffel Tower flew around the Internet // URL: https://www.novina24.ru/fejk-s-goryashhej-ejfelevoj-bashnej-obletel-internet /?ysclid=lrt272pghc696319659 (accessed 05/25/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_20

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ
THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE FORMATION OF LEGAL STEREOTYPES

ПУЗИКОВА София Руслановна,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru

PUZIKOVA Sofia Ruslanovna,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russia, Tambov region.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию влияния средств массовой информации (СМИ) на формирование правовых стереотипов в современном обществе. Анализируются как исторические, так и современные подходы к пониманию правосознания и его деформации, опираясь на труды отечественных и зарубежных правоведов. Рассматриваются механизмы воздействия СМИ на общественное сознание, их роль в конструировании реальности и формировании устойчивых представлений о праве, правосудии и его субъектах. Особое внимание уделено позитивным и негативным аспектам этого влияния, включая формирование предвзятости, дискриминацию и подрыв доверия к правовым институтам. В работе подчеркивается актуальность критического осмысления медийной информации и необходимость повышения медиаграмотности для построения справедливого правового государства.*

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the influence of mass media on the formation of legal stereotypes in modern society. Both historical and modern approaches to understanding legal consciousness and its deformation are analyzed, based on the works of domestic and foreign jurists. The article examines the mechanisms of media influence on public consciousness, their role in constructing reality and forming stable ideas about law, justice and its subjects. Special attention is paid to the positive and negative aspects of this influence, including the formation of bias, discrimination and undermining trust in legal institutions. The paper emphasizes the relevance of critical reflection on media information and the need to improve media literacy in order to build a fair legal state.*

Ключевые слова: *средства массовой информации, правовые стереотипы, правосознание, общественное мнение, правовая система, законность, справедливость, медиаграмотность.*

Keywords: *mass media, legal stereotypes, legal awareness, public opinion, legal system, legality, justice, media literacy.*

Для цитирования: *Пузикова С.Р. Влияние СМИ на формирование правовых стереотипов // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 20-24. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_20.*

For citation*: Puzikova S.R. The influence of the media on the formation of legal stereotypes // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 20-24. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_20.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Актуальность темы влияния средств массовой информации на формирование правовых стереотипов в современном обществе трудно переоценить. В эпоху информационного изобилия и повсеместного распространения медиа, они становятся не просто трансляторами информации, но и мощным инструментом формования общественного сознания, правосознания и, как следствие, устойчивых представлений о праве, правосудии и его субъектах. Данная работа посвящена исследованию многогранного влияния СМИ на формирование правовых стереотипов, анализу как позитивных, так и негативных аспектов этого процесса, опираясь на взгляды выдающихся правоведов прошлого и современных исследователей. Понимание механизмов этого влияния, а также его последствий для правовой системы и общества в целом, является ключевым для построения справедливого правового государства.

Так, Б.Н. Чичерин, подчеркивал важность нравственного начала в праве и опасность формального подхода к законности. Он отмечал, что «право, оторванное от нравственных основ, превращается в орудие произвола и насилия»[1]. Данное высказывание можно интерпретировать как указание на возможность формирования в правоприменительной практике неких «шаблонов», основанных не на справедливости и морали, а на формальном толковании закона, что, в свою очередь, может вести к нарушению законности.

«Средства массовой информации постоянно влияют на правосознание людей, хотим мы этого или нет. Как известно, правосознание человека тесно связано с процессом правовой социализации, который начинается очень рано и идет на протяжении всей сознательной жизни человека. В этом процессе средства массовой информации призваны выполнять следующие функции:

– распространение правовых знаний;

– демонстрация методов правового регулирования и правоприменительной деятельности;

– распространение правовой культуры;

– порицание и осуждение противоправного поведения;

– развлечение (показ детективов, проведение телеконкурсов по правовой проблематике и т.п.)»[2].

Они могут формировать как позитивные, так и негативные стереотипы о деятельности правоохранительных органов, судов, адвокатов, а также о самих правонарушителях, адвокатах и жертвах преступлений. Скорость и массовость распространения информации через СМИ делают этот инструмент особенно мощным в процессе формирования как индивидуального, так и коллективного правосознания, закладывая основу для будущих стереотипов, которые затем могут проникать в правоприменительную практику, даже если они не основаны на объективной реальности или справедливости»

[1]Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 187
[2]Петрова Т. И. Влияние СМИ на правовое сознание человека // Вестник экономической безопасности. 2009. №4. – Сайт - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-smi-na-pravovoe-soznanie-cheloveka (дата обращения: 15.04.2026).

Другой известный правовед, Л.И. Петражицкий, разрабатывал психологическую теорию права, согласно которой право есть явление индивидуальной психики, а не внешнее установление. Он писал: «Право, как переживание, может быть и ложным, и односторонним, и основанным на предрассудках»[1]. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого открывает широкие возможности для анализа того, как СМИ, воздействуя на психику индивида, формируют его «переживания» о праве. Когда СМИ преподносят информацию о правонарушениях, судебных процессах или законах в определенном эмоциональном ключе, они не просто информируют, но и вызывают определенные переживания у аудитории – страх, возмущение, сочувствие, или, наоборот, безразличие.

«Многие ученые полагают, что в нашей стране продолжается процесс криминализации общественного сознания, проявляющийся в постоянном культивировании норм и ценностей криминальной среды, стереотипов преступного поведения. Образы преступников, распространяемые в СМИ, не только становятся привычными и неизбежными атрибутами нашего существования, но и нередко способны вызывать сочувствие и даже симпатию»[2].

Н.М. Коркунов, представитель социологического направления в юриспруденции, акцентировал внимание на социальной обусловленности права. Он отмечал, что «право есть продукт социальной жизни, отражение существующих в обществе интересов и потребностей»[3]. В этом контексте, укоренившиеся в обществе стереотипы, как часть социальной реальности, неизбежно оказывают влияние на правовую систему. Если в обществе существуют предвзятые представления о каких-либо социальных группах (например, о лицах определенной национальности или социального происхождения), то эти стереотипы могут проникать в правосознание и, соответственно, в правоприменительную практику, приводя к дискриминации и несправедливости.

Влияние СМИ на формирование правовых стереотипов, с точки зрения социологического подхода Н.М. Коркунова, проявляется в их способности как отражать, так и активно формировать «интересы и потребности» общества, которые затем трансформируются в право. Новостные репортажи, аналитические статьи, ток-шоу и даже художественные произведения, транслируемые СМИ, не просто следуют существующей социальной обусловленности права, но и активно участвуют в создании новых социальных установок. Например, постоянное освещение определенных видов преступлений, сопровождающееся стереотипизированными образами преступников (например, «опасный мигрант», «безработный рецидивист»), может создавать запрос на ужесточение законодательства в отношении этих групп. Таким образом, СМИ выступают не только зеркалом, но и мощным инструментом формирования общественного мнения, которое, по Коркунову, является одной из основ права, и, следовательно, прямо влияет на формирование и закрепление правовых стереотипов в правоприменительной практике

Более того, Н.М. Коркунов писал: «Общественное мнение имеет огромное влияние на законодательство и правоприменение, и если это мнение основано на предрассудках и стереотипах, то законность будет поставлена под угрозу»[4].

Именно в этом контексте роль СМИ становится критически важной. Они являются основным генератором и транслятором общественного мнения по вопросам права и правосудия. Если новостные агентства, телеканалы или интернет-ресурсы систематически транслируют информацию, подкрепляющую предрассудки о «преступной натуре» определенных социальных групп, или же создают образ «непогрешимого» судьи или «коррумпированного» полицейского, то это напрямую подпитывает формирование правовых стереотипов. Такое СМИ-формируемое общественное мнение, в свою очередь, оказывает давление на законодателей, стимулируя принятие соответствующих норм, и на правоприменителей, побуждая их действовать в соответствии с этими предвзятыми установками. Последствия такого влияния могут быть катастрофическими для законности, поскольку судебные решения, следственные действия и даже законодательные инициативы будут опираться не на объективное право и справедливость, а на искаженные, стереотипные представления, культивируемые средствами массовой информации. Это приводит к тому, что право, вместо того чтобы служить инструментом защиты прав и свобод, становится средством дискриминации

И.А. Ильин, уделял большое внимание проблеме правосознания и его деформации. Он утверждал, что «правосознание, лишенное чувства справедливости и любви к правде, вырождается в формализм и буквоедство»[5].

Деформация правосознания, о которой говорил И.А. Ильин, является прямым следствием проникновения правовых стереотипов, транслируемых СМИ. Когда СМИ постоянно фокусируются на отдельных, зачастую сенсационных, аспектах правовой жизни, игнорируя при этом более глубокие социальные причины правонарушений или сложность правоприменительной деятельности, они формируют поверхностное, фрагментарное, а порой и искаженное правосознание. Такое правосознание, лишенное «чувства справедливости и любви к правде», склонно к упрощениям и обобщениям, что и приводит к «формализму и буквоедству».

«Современное общество переживает глубокий ценностно-нормативный кризис. Распад традиционных сообществ, атомизация индивидов, снижение уровня доверия к социальным институтам - все это ставит под вопрос саму возможность моральной и правовой регуляции. В поликультурных обществах сталкиваются различные ценностные системы, каждая из которых претендует на универсальность, что делает невозможным достижение консенсуса на основе традиционных механизмов»[6].

---

[1]Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1907. Т. 1. С. 123

[2]Сафронова О. В. О проблеме распространения жестокости, агрессии и насилия в современных средствах массовой информации // Система ценностей современного общества. 2015. №39. – Сайт - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-rasprostraneniya-zhestokosti-agressii-i-nasiliya-v-sovremennyh-sredstvah-massovoy-informatsii (дата обращения: 15.04.2026).

[3]Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С. 76

[4] Там же. С.215.

[5]Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 145.

[6]Большаков Евгений Владимирович Социальная реальность как онтологическая основа соотношения нравственности, морали и права: от антропоцентричной объективации к кибернетической интерсубъективности // Манускрипт. 2026. №1. – Сайт- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-realnost-kak-ontologicheskaya-osnova-sootnosheniya-nravstvennosti-morali-i-prava-ot-antropotsentrichnoy-obektivatsii-k (дата обращения: 15.04.2026).

Г.Ф. Шершеневич, рассматривал право как выражение воли господствующего класса. Он отмечал, что «право всегда отражает интересы тех, кто обладает властью, и может использоваться для подавления других социальных групп»[1]. В данном контексте, стереотипы возможно расценивать как механизм укрепления имеющейся системы власти и общественного неравенства. В случае если в обществе преобладают отрицательные стереотипы в отношении конкретных общественных групп, то право может применяться для их дискриминации и подавления.

Шершеневич предостерегал: «Опасность стереотипов заключается в их способности маскировать истинные мотивы и цели правовой деятельности, делая ее предвзятой и несправедливой»[2].

В контексте влияния СМИ, идеи Г.Ф. Шершеневича приобретают новое звучание. Средства массовой информации, будучи мощным инструментом, могут быть использованы правящими классами или группами интересов для формирования и поддержания выгодных им стереотипов. Это может проявляться в избирательном освещении событий, в создании образов, оправдывающих определенные правовые нормы или действия власти, или, наоборот, в демонизации оппозиционных групп. Например, активное освещение протестных акций в негативном свете, как беспорядков, организованных «провокаторами», или, напротив, освещение отдельных социальных проблем исключительно через призму «неэффективности» или «провокаций» со стороны определенных слоев населения, может служить цели укрепления существующей власти и подавления инакомыслия. СМИ, таким образом, могут маскировать истинные мотивы правовой деятельности, представляя ее как объективный и справедливый процесс, в то время как на самом деле она может быть предвзятой и служить интересам узкой группы. Данное создание «видимости справедливости» через медийные нарративы считается одной из основных угроз, какую несут в себе стереотипы, создаваемые СМИ.

Подобным образом, хотя дореволюционные российские ученые не применяли термин «стереотипы», их деятельность включают глубокие наблюдения о значимости общественного сознания, правосознания и моральных начал в функционировании правовой концепции. Их высказывания возможно разъяснять как предостережение против формализма, предрассудков и общественной обусловленности правоприменительной деятельности, что в окончательном результате может приводить к нарушению законности и правопорядка.

Современные СМИ, обладая невиданной ранее силой а также охватом, выступают в качестве важного фактора, воздействующего на социальное понимание и правосознание. Они готовы как обогащать правовую цивилизацию, так и, напротив, стремительно содействовать деформации правосознания, усиливая предрассудки и создавая постоянные правовые стереотипы. Негативное воздействие СМИ может проявляться в формировании недоверия к правоохранительным органам и судебной системе, в создании образа «врага народа» для определенных социальных групп, в упрощенном толковании сложных правовых вопросов. Особенно остро эта проблема проявляется, когда СМИ, стремясь к сенсационности, транслируют непроверенную информацию, умалчивают о важных деталях или намеренно искажают факты, тем самым подменяя реальность сконструированным нарративом. Это ставит под угрозу не только законность и правопорядок, но и сами основы правового государства, где справедливость и объективность должны быть первостепенными, а не заложниками медийных технологий и стереотипов.

Г. Оллпорт, исследовавший стереотипы, считал их нормальной когнитивной функцией, упрощающей информацию. Он предостерегал от чрезмерного упрощения, ведущего к предвзятости и дискриминации. Оллпорт утверждал, что «стереотипы – это переоцененные убеждения, оправдывающие наше поведение по отношению к определенной категории. В правовой системе стереотипы могут оправдывать предвзятое отношение при принятии решений о виновности, наказании и других мерах. Наиболее вредны стереотипы, приводящие к систематической дискриминации и ущемлению прав, особенно в рамках правовой системы»[3].

Современные средства массовой информации, действуя как мощные когнитивные модуляторы, активно используют и воспроизводят стереотипы, которые, по Оллпорту, являются «привычными преувеличенными убеждениями». Цель такого использования может варьироваться от простого упрощения восприятия сложной информации до сознательного формирования предвзятого отношения. В правовой сфере это проявляется очень наглядно. СМИ, выстраивая нарративы о преступности, часто прибегают к стереотипным образам: «опасный преступник», «жертва обстоятельств», «некомпетентный полицейский». Такие упрощенные представления, многократно тиражируемые, формируют у аудитории готовые «оправдания» для их собственного поведения или отношения к правовой системе. Например, если СМИ постоянно демонстрируют образ «неисправимого рецидивиста», это может оправдывать более жесткие меры наказания, даже если в конкретном случае обстоятельства иные. Это приводит к тому, что правовая система, вместо того чтобы быть беспристрастной, начинает функционировать под влиянием СМИ-инициированных стереотипов, что неизбежно влечет за собой дискриминацию и ущемление прав, особенно у тех групп, которые становятся объектом такого стереотипизированного внимания.

Роберт Бинкли - Американский социолог, в 1928 г. предложил своё определение стереотипа. Под стереотипом он понимал всеобщий универсальный знаменатель (символ), помогающий обывателю адекватно оценивать предметы, явления, удалённые из сферы его жизни и деятельности.

Современные СМИ, выступая в роли «универсального знаменателя», формируют символы и образы, которые помогают обывателю «адекватно» (с точки зрения СМИ) оценивать правовые явления, зачастую удаленные от его непосредственного опыта. Например, сложные вопросы законодательства, реформы правосудия или международные судебные процессы могут быть сведены к простым, эмоционально окрашенным клише, которые легко усваиваются аудиторией. Бинкли подчеркивал оценочный характер стереотипов и их связь с обработкой информации. СМИ активно используют этот аспект, предлагая не просто факты, а их оценочную интерпретацию. Новость о задержании подозреваемого в крупном мошенничестве может сопровождаться риторикой, подчеркивающей его «хитрость» и «бессовестность», или, наоборот, «беззащит-

[1]Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1910. Т. 1. С. 98.
[2] Там же. С. 179.
[3]Allport G. W. (1954). The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley. P. 191.

ность» перед «системой». Такая оценочность, внедренная через медийные каналы, формирует устойчивые представления, которые влияют на то, как люди воспринимают правовые процессы и участников этих процессов, даже не обладая полным объемом информации

«Бинкли выделил ещё одно качество стереотипов, помимо эмоциональной окрашенности и устойчивости, — оценочность и связь с психологическим процессом усвоения и обработки информации»[1].

«Д. Кац и К. Брейли - американские социологи, в 1933 году разработали методику исследования стереотипов с использованием методов социологических исследований, получившую название «приписывания качеств»«[2].

Методика «приписывания качеств», разработанная Кацем и Брейли, прекрасно иллюстрирует, как СМИ формируют правовые стереотипы. Новостные репортажи, публицистические статьи, телевизионные программы часто «приписывают» определенные качества различным участникам правовых отношений. Например, преступникам могут приписываться такие качества, как «жестокость», «иностранное происхождение», «низкая социальная ответственность». Судьям могут приписываться «формализм», «коррумпированность» или, наоборот, «непреклонность» и «мудрость». Адвокатам – «цинизм», «изворотливость» или «стремление к справедливости». Данные «приписываемые качества», транслируемые через СМИ, закрепляются в общественном сознании, формируя устойчивые правовые стереотипы, которые, в свою очередь, могут влиять на восприятие деятельности правоохранительной и судебной систем, а также на доверие к ним

Советские ученые, хотя и не использовали термин «стереотипы» в том же значении, что и современные исследователи, затрагивали в своих работах смежные вопросы, касающиеся предрассудков, общественного мнения, правосознания и их влияния на функционирование советской правовой системы. Они рассматривали эти явления в контексте классовой борьбы, идеологического воспитания и формирования «нового человека».

Так, П.И. Стучка, писал: «Право есть система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой этого класса»[3].

С позиций марксистско-ленинской теории, как ее излагал П.И. Стучка, средства массовой информации в советский период играли роль инструмента идеологического воспитания и формирования правосознания, соответствующего интересам правящего класса. Влияние СМИ на формирование правовых установок рассматривалось через призму классовой борьбы. Репортажи о преступлениях, их анализ, освещение деятельности правоохранительных органов – все это подавалось через призму классовой идеологии. Например, преступления, совершенные представителями «буржуазии» или «бывшими», освещались как враждебные проявления классового врага, в то время как действия, направленные на защиту интересов советского государства, могли героизироваться. Таким образом, СМИ формировали не столько нейтральные правовые стереотипы, сколько идеологически окрашенные установки, направленные на поддержание существующего социально-политического порядка и укрепление «господствующего класса».

А.Я. Вышинский, утверждал, что «в советском праве нет и не может быть места либеральным предрассудкам о правах личности»[4].

В контексте советской правовой системы, идеи А.Я. Вышинского демонстрируют, как СМИ могли использоваться для формирования правосознания, отвергающего «либеральные предрассудки». Публикации, выступления по радио и телевидению могли активно дискредитировать любые проявления индивидуализма, критики власти или защиты прав личности, представляя их как «буржуазные пережитки» или «идеологическую диверсию». Например, дела о «врагах народа» или «антисоветской агитации» могли широко освещаться в прессе с целью формирования атмосферы страха и нетерпимости к инакомыслию. СМИ, таким образом, выступали как инструмент формирования правового нигилизма по отношению к правам личности, укрепляя стереотип о приоритете интересов государства над правами индивида, что было ключевым элементом советской правовой идеологии.

С.С. Алексеев, один из ведущих советских теоретиков права позднего периода, уделял большое внимание проблеме правосознания и его роли в укреплении социалистической законности. Он отмечал, что «правосознание является важнейшим фактором эффективности права, его реального воплощения в жизнь»[5].

Даже в позднем советском периоде, когда риторика о классовой борьбе несколько смягчилась, СМИ продолжали играть значительную роль в формировании правосознания, которое, по С.С. Алексееву, должно было способствовать «укреплению социалистической законности». Однако, в условиях информационной закрытости, формирование такого правосознания зачастую происходило через трансляцию официальной позиции, а не через критическое осмысление. СМИ могли формировать стереотипы о «добросовестном советском гражданине», который не только соблюдает законы, но и активно борется с их нарушениями, проявляя бдительность. Одновременно, могло формироваться и стереотипное представление о «правонарушителе» как о «деклассированном элементе» нуждающемся в перевоспитании. Таким образом, СМИ, фокусируясь на определенных аспектах правовой жизни, могли влиять на то, как граждане воспринимают законность и свою роль в ее поддержании, что, в конечном итоге, сказывалось на «эффективности права.

А.А. Пионтковский, рассматривал влияние социальной среды, включая «пережитки прошлого» в сознании людей, как один из факторов, способствующих совершению преступлений»[6].

Влияние СМИ на формирование правовых стереотипов и, как следствие, на преступность, можно рассматривать через призму концепции А.А. Пионтковского о «пережитках прошлого» в сознании. Современные СМИ, транслируя образы и нарративы, могут как способствовать преодолению устаревших предрассудков, так и, наоборот, культивировать их.

[1] Там же. С.192.
[2] Там же. С.192.
[3] Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общая теория права. М.: Коммунистическая академия, 1924. С. 23
[4] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 67
[5] Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1963. С. 112
[6] Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть общая. М.: Госюриздат, 1961. С. 157

«К формированию правового сознания у россиян СМИ подходят теперь более осмысленно и квалифицированно. Пришло осознание того, что правосознание личности включает в себя такие представления, как важность существования права, необходимость защиты прав человека, знания об устройстве общества и государства. Важна и необходима информированность зрителя в области законов, истории правовой ситуации и нарушений прав человека, правовой ситуации в российском обществе и других странах. Специфика правосознания состоит не в том, что оно отражает поведение людей, а в том, что оно требует установления определенных общеобязательных масштабов поведения, очерчивает рамки этого поведения, обосновывает необходимость установления определенного круга юридических прав и обязанностей участников общественных отношений. А значит, умелое и умное, профессионально состоятельное участие средств массовой информации в этом процессе не только возможно, но и необходимо»[1].

А.И. Бастрыкин, в своих работах затрагивает вопросы влияния общественного мнения и средств массовой информации на формирование представлений о преступности и преступниках. Он отмечает, что «средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения о преступности, но они также могут способствовать распространению стереотипов и предрассудков»[2]. В контексте нашей темы, возможно предположить, что негативные стереотипы, распространяемые СМИ, могут увеличивать пристрастное отношение к конкретным группам жителей и проявлять отрицательное воздействие на работу правоохранительных органов и судов.

Современные медиа, создавая социальное мнение, могут как оповещать, так и дезинформировать. В контексте преступности, СМИ зачастую применяют стереотипы, что, согласно взгляду А.И. Бастрыкина, может вести к популяризации предрассудков, в особенности при регулярной трансляции отрицательных образов, к примеру, о преступниках конкретной национальности либо происхождения.

Такое постоянное «промывание мозгов» через образцы, формируемые СМИ, влечет за собой усиление предвзятого отношения не только у рядовых граждан, но и у представителей правоприменительных органов и судей. В результате, правосудие может начать осуществляться не на основе объективных доказательств, а под влиянием этих медийно-сформированных стереотипов, что, в свою очередь, подрывает принцип равенства всех перед законом и ведет к прямой дискриминации. Поэтому призыв Бастрыкина к критической оценке информации о преступности, распространяемой СМИ, и к недопущению формирования негативных стереотипов, является фундаментальным для защиты прав человека

В.В. Круглов отмечал, что «стереотипы о коррумпированности чиновников и представителей власти являются широко распространенным явлением в российском обществе и оказывают негативное влияние на доверие к государственным институтам»[3].

Средства массовой информации, особенно в условиях социальной и экономической нестабильности, играют ключевую роль в формировании и распространении таких стереотипов, как «коррумпированность чиновников». Постоянное освещение случаев коррупции, зачастую без должной юридической оценки или с излишней эмоционализацией, может привести к формированию у аудитории стойкого убеждения в повсеместной продажности представителей власти.

Таким образом, СМИ формируют правовые стереотипы, воздействуя на правосознание. Они могут как увеличивать правовую культуру, так и провоцировать предрассудки и фотонегатив. Сенсационность искривляет факты, подрывая достоверность. Медиаграмотность и решающее понимание информации нужны для объективного отношения к праву, требуя общих усилий медиа, страны и общества.

Список литературы:

1. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права / С. С. Алексеев. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1963. – 284 с.
2. Бастрыкин, А. И. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / А. И. Бастрыкин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 288 с.
3. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский. – Москва : Госюриздат, 1950. – 308 с.
4. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Москва : Рарогъ, 1993. – 235 с.
5. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 356 с.
6. Круглов, В. В. Социология коррупции: теоретико-методологические подходы / В. В. Круглов. – Москва : Инфра-М, 2020. – 240 с.
7. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1907. – Т. 1. – 322 с.
8. Петрухин, И. Л. Презумпция невиновности и право на защиту / И. Л. Петрухин. – Москва : Проспект, 2018. – 208 с.
9. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права. Часть общая / А. А. Пионтковский. – Москва : Госюриздат, 1961. – 672 с.
10. Стучка, П. И. Революционная роль права и государства. Общая теория права.
11. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова, 1900. – 336 с.
12. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Изд. бр. Башмаковых, 1910. – Т. 1. – 448 с.
13. Allport, G. W. The nature of prejudice / G. W. Allport. – Cambridge, MA : Addison-Wesley, 1954. – 537 p.

References:

1. Alekseev, S. S. The general theory of socialist law / S. S. Alekseev. Sverdlovsk : Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1963. 284 p.
2. Bastrykin, A. I. Actual problems of criminal proceedings / A. I. Bastrykin. Moscow : Yurlitinform, 2019. 288 p.
3. Vyshinsky, A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law / A. Ya. Vyshinsky. Moscow : Gosyurizdat, 1950. 308 p.
4. Ilyin, I. A. On the essence of legal consciousness / I. A. Ilyin. – Moscow : Rarog, 1993. – 235 p.
5. Korkunov, N. M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov. – St. Petersburg : M.M. Stasyulevich Publishing House, 1909. – 356 p.
6. Kruglov, V. V. Sociology of corruption: theoretical and methodological approaches / V. V. Kruglov. Moscow : Infra-M, 2020. 240 p.
7. Petrazhitsky, L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality / L. I. Petrazhitsky. – St. Petersburg : Tip. Yu.N. Er-likh, 1907. – Vol. 1. – 322 p.
8. Petrukhin, I. L. The presumption of innocence and the right to defense / I. L. Petrukhin. Moscow : Prospekt Publ., 2018, 208 p.
9. Piontkovsky, A. A. The course of Soviet criminal law. The general part / A. A. Piontkovsky. – Moscow : Gosyurizdat, 1961. – 672 p.
10. Stuchka, P. I. The revolutionary role of law and the state. General theory of law.
11. Chicherin, B. N. Philosophy of law / B. N. Chicherin. Moscow : A.I. Mamontov Publishing House, 1900, 336 p.
12. Shershenevich, G. F. General theory of law / G. F. Shershenevich. – Moscow : Publishing house of the Bashmakov Brothers, 1910. – Vol. 1. – 448 p.
13. Allport, G. W. The nature of prejudice / G. W. Allport. – Cambridge, MA : Addison-Wesley, 1954. – 537 p.

[1]Петрова Т. И. Влияние СМИ на правовое сознание человека // Вестник экономической безопасности. 2009. №4. – Сайт- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-smi-na-pravovoe-soznanie-cheloveka (дата обращения: 15.04.2026).
[2]Бастрыкин А.И. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 78
[3]Круглов В.В. Социология коррупции: теоретико-методологические подходы. М.: Инфра-М, 2020. С. 123

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_25

УДК 340.1

ЦИФРОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
DIGITAL REPUTATION OF AN INDIVIDUAL AND ITS LEGAL ASPECTS

ШЕЯФЕТДИНОВА Наталья Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского педагогического государственного университета (МПГУ),
доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности»
«МИРЭА- Российский технологический университет».
119435, Россия, г. Москва, Малая Пироговская ул., 1.
E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

SHEIAFETDINOVA Natalia A.
candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of theory of history of state and law
Moscow State Pedagogical University, associate Professor of the Department of "Legal provision of national security"
of the Russian Technological University.
119435, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1.
E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

Краткая аннотация. *Погружение в цифровую среду современной социальной действительности делает личность заложником собственной, и не только цифровой, активности, которая оставляет следы в DIGITAL-сфере, увеличивая возможность наступления правовых последствий. Последние могут быть как благоприятными, так и нет. Привлечение владельца аккаунта к юридической ответственности при обнаружении в цифровой активности признаков правонарушения, использование информации, оставленной человеком в Интернете в противоправных целях преступниками, это лишь видимая часть правовых аспектов, обусловленных, в том числе, цифровой репутацией личности. Кроме того, правовые последствия формирования отношения к личности в виде, к примеру, приема на работу или отказ в ней и т.д., обуславливаются также зачастую и цифровой репутацией сложившейся на основе ложной информации транслируемой о себе личностью в цифровой среде.*

Abstract. *Immersion in the digital environment of modern social reality makes an individual a hostage to their own, and not only digital, activity, which leaves traces in the DIGITAL sphere, increasing the possibility of legal consequences. The latter can be both favorable and unfavorable. The legal liability of an account owner in the event of signs of an offense in digital activity, the use of information left by a person on the Internet for illegal purposes by criminals, is only a visible part of the legal aspects, including the digital reputation of an individual. In addition, the legal consequences of forming an attitude towards an individual, such as hiring or refusing to hire, etc., are often also determined by the digital reputation that has developed based on false information that the individual has broadcast about themselves in the digital environment.*

Ключевые слова: *цифровизация, Интернет, цифровая репутация, имидж, правовые последствия, IT, правонарушения в цифровой среде.*
Keywords: *digitalization, the Internet, digital reputation, image, legal consequences, IT, and digital offenses.*

Для цитирования: *Шеяфетдинова Н.А. Цифровая репутация личности и ее правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_25.*
For citation*: Sheiafetdinova N.A. Digital reputation of an individual and its legal aspects // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_25.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Правореализационные аспекты прав и свобод личности в современном технологически развитом мире зависят не только от действия и бездействия личности в реальном мире, но и от его цифровой деятельности. Углубление цифровизации государственной и общественной жизни делает личность зависимой, в том числе, в правовом плане от деятельности в интернет-пространстве. И если каждодневное функционирование человека вне цифровой среды часто подразумевает малую афишируемость и фиксируемость действий человека, то любая активность в цифровом пространстве оставляет следы, которые, во-первых, не всегда возможно скрыть и удалить, во-вторых, они формируют цифровую репутацию личности и, в-третьих, могут напрямую влечь правовые последствия.

«Цифровая репутация – это имидж человека, который формируется из информации о нем в интернете». [2, с.47] «Репутация больше не создаётся — она формируется в ходе бесконечного обмена сигналами, реакциями, контекстами, которые циркулируют в цифровом пространстве», [9, с.88] и подразумевает создание «особого образа с уникальными характеристиками». [10, с.45] «Репутация – это приобретаемая кем-нибудь или чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о достоинствах или недостатках кого-нибудь или чего-нибудь». [6, с.138]

Цифровая репутация личности как емкое имиджевое явление находящаяся на стыке права, морали и этики может оказать серьезные правовые последствия на дальнейшее существование личности. Самым очевидным представляется обращение к цифровому профилю человека в любых вопросах касаемых уточнения его характеристик. Заочное знакомство с человеком посредством анализа выкладываемых им постов в социальных сетях, комментариев, размещения визуального и аудио контента позволяет сформировать представление о нем, которое может отличаться от того образа, который создает своим поведением человек во время очного общения.

В век прозрачности общественных отношений, ввиду совершенствования механизмов отслеживания государствами активности населения и афишируемости самим населением своих действий посредством интернет-коммуникации приобретает всё большую значимость не только цифровая гигиена, но и цифровая предусмотрительность, которая касается и правомерной активности граждан, не желающих в перспективе стать жертвами мошеннических схем с использованием данных, размещенных самим гражданином в сети Интернет. Ввиду удлинения фактического срока давности (из-за развития IT-технологий) когда цифровые следы могут быть доступны грамотным IT-специалистам, имеющуюся о человеке информацию легко воссоздать, даже если пользователь удалил ее с ресурса. Безусловно, цифровая репутация может не соответствовать той репутации, которая сложилась о личности в оффлайн-действительности и не соответствовать личности как таковой вообще. Особенно, если личность хочет создать о себе ту или иную иллюзию у окружающих. Психологически это объяснимо, поскольку желание лучше выглядеть в глазах окружающих - логичная тенденция, ввиду социальной вовлеченности человека во взаимодействие с себе подобными. И если в предше-

ствующие этапы цивилизационного развития постфактум после тех или иных событий и действий, на которые человек прореагировал оставались мемуары самого человека и тех, кто с ним контактировал, архивные данные, могущие осветить происходившее, то в современный период к этому прибавляется интернет-активность самого человека и тех, в чью интернет-активность он попал.

Малая контролируемость цифровой репутации [1, с.94] и слабая возможность на нее повлиять увеличивает имиджевые риски, которые, тем более велики, чем больше личность публична (популярные певцы, актеры, блогеры и т.д.) и / или склонна к эпатажным проступкам, правовая природа которых неоднозначна, а возможность истолковать их (с моральной позиции) не в пользу совершаемого – существенны.

При общественном ажиотаже с негативным содержанием после подобного поступка "извинительные процедуры" (соответствующие тексты в постах соцсетей, "обеляющие" репутацию инициированные интервью, прямые онлайн-извинения т.п.), не всегда способны репутацию в целом и цифровую репутацию, в частности, восстановить. Кроме того, общественная реальность может довлеть над личностью обязуя, при его соответствующих интернет-активностях определиться – какую позицию он занимает по тем или иным вопросам. Вопрос позиции не всегда находится в правовой плоскости (если это не вопрос напрямую связанный с правомерностью или противоправностью), но определенность позиции личности и ее явная демонстрация в цифровой сфере, дает дополнительную информацию о субъекте, добавляя штрихи исследователям данной личности к ее психологическому портрету. С учетом того, что у каждой личности имеются не только ее почитатели и сторонники, но и критики, не исключена вероятность трактовки цифровой информации о личности в негативном ключе при, казалось бы, благоприятных вводных. Например, цифровое афиширование личности ее участия в благотворительных акциях (а это социально одобряемая деятельность) в любом случае может частью аудитории быть воспринята негативно, по причинам неприятия тех на кого это благотворительность направлена (при помощи зоо-приюту, негативно отреагируют те кто, считает это излишеством, поскольку вокруг много людей нуждающихся в помощи; при помощи больным редким заболеванием, негативно отреагируют те кто, считает целесообразным помощь тем, кто болеет распространенными заболеваниями и пр.) или из-за подозрений в низменных побуждениях благотворителя («обеляет» свою испорченную репутацию, желает напомнить аудитории о себе из-за падения популярности, желает понравиться определенному сегменту своих подписчиков и пр.). В миниатюре подобный "разбор" действий характерен и в отношении непубличных людей, которые, тем не менее, осуществляют ту или иную цифровую активность и имеют круг цифрового общения.

И если цифровая деятельность порождает одни последствия,[3] то ее пролонгация с помощью ретрансляции в субъективном ключе другими интернет-пользователями, может породить совсем другие репутационные последствия. Ярким примером тому служит тренд «хейтерства». [5] Хейтеры своей деятельностью, которая визуализируется в интернете также формируют свою цифровую репутацию, анонимность при этом не является гарантией невозможности установления личности хейтера, ввиду постоянно развивающихся технологий. Это особенно значимо, из-за противоправного характера подробной деятельности, что сопряжено с перспективами юридической ответственности для хейтера. Искреннее заблуждение, что приватность общения или закрытые чаты сделают недоступным информацию там находящуюся, не спасает от всех правовых и не только правовых последствий ее размещения. Даже если это переписка в мессенджере между двумя лицами, никто не помешает цифровому собеседнику сделать скриншот или фотографию сообщения собеседника, чтобы использовать в собственных интересах. Нельзя забывать, что любая цифровая активность, включая факт регистрации на тех или иных ресурсах, при необходимости может стать правовой информацией с потенциалом юридического факта, включенной, например, в массив доказательств по делу.

Методы незаконного раскрытия личных данных постоянно совершенствуются, тогда как правовое регулирование процедуры раскрытия личных данных требует доработки. [11, с.522] Цифровая деятельность на многих платформах, социальных сетях и мессенджерах имеет уже долгий период своего существования (со времен развития Интернета), что делает мало возможным для многих пользователей установление с возможностью редактирования всех своих цифровых активностей, а это имеет определенные репутационные риски, в случае если к данной информации получат доступ третьи лица.

Целесообразно отделять краткосрочные правовые результаты конкретной цифровой активности, от долгосрочных результатов. К первым можно отнести конкретную реакцию, в том числе правовую реакцию на них, в частности привлечение личности к юридической ответственности, отказ на назначение на ту или иную должность и пр. Ко вторым следует отнести те репутационные эффекты которые будут сопровождать личность на протяжении всей ее жизни, поскольку даже если сама компрометирующая информация будет удалена с ресурса, то невозможно проконтролировать распространение ее или комментариев о ней у других пользователей.

Поскольку каждый человек выступает в разных социальных ролях, то и общается он в цифровой среде исходя из этого, будучи, например, преподавателем и имея соответствующий цифровой круг общения, занимаясь спортом, с соответствующими групповыми цифровыми активностями, состоя в родительских и домовых чатах как домовладелец и родитель детей, учащихся в школе. Не исключено, что цифровая репутация в одном сегменте его взаимодействия будет диссонировать с его цифровой репутацией в другом. Например, будучи исполнительным преподавателем числящемся на хорошем счету у руководства и студентов, он может оказаться вечно возмущенным родителем, состоящим в школьных чатах, что отражается в его переписке, отзывах, комментариях. Будет ли школа заинтересована подключать такого родителя в различные (не обязательные) мероприятия, которые подразумевают взаимодействие со школой родителей-энтузиастов? Предоставляется, что нет, его репутация породит незаинтересованность в нем. Если же по мнению школы родительская активность. В том числе в интернет-среде будет созидательной, то это повод приглашать такую конструктивно-настроенную личность как представителя родительской общественности в различные внутри и внешкольные мероприятия.

Перспективная, как минимум с правовой и этической точки зрения, идея о «цифровом забвении» [7] технически малореализуема (ввиду наличия кэша и возможности обратится к архивам вэб-страниц), даже если ее пролонгация в правовом русле получит правовую расширительно трактуемую констатацию.

Вопрос о цифровой репутации чаще всего ставится в контексте бизнес деятельности: «пост недовольного клиента в локальной группе может за несколько часов, подхваченный блогерами и медиа, превратиться в общенациональный скандал», [4, с.299] «….мониторинг онлайн-отзывов клиентов становится неотъемлемой частью HR-аналитики..». [8, с.42] Однако не менее актуальна цифровая репутация и в отношении личной жизни и деятельности человека. При этом правовая природа отзывов в интернете может быть связана с авторским и обязательственным правом, а также информационным законодательством. [12, с.110]

Не следует забывать, что цифровая репутация складывается не только из материалов, представленных самим человеком, но и из любой его цифровой активности, в частности, удаления контента. Тот факт, что история общения удалена или удален самим пользователем его аккаунт, повод для аналитика пристальнее изучить данную личность. В частности, если человек претендует на трудоустройство в силовых структурах и при этом предпринял такие настораживающие цифровые действия, это служит основанием заподозрить его в желании скрыть тот или иной компрометирующий его материал.

Цифровой образ личности часто включает и недостоверную информацию, особенно, когда человек пытается создать о себе у окружающих желаемое впечатление. Постановочные фото на фоне имущества, которое ему не принадлежит и в одежде, которая ему не принадлежит, и фото с участием в дорогостоящих активностях, в которых человек на самом деле не принимал участие – это повод привлечь внимание органов социальной защиты, в том случае если человек числится малоимущим и получает соответствующие выплаты, при задействовании ИИ подобный анализ быстро реализуем.

Заблуждение считать, что правомерная природа любой информации в сети Интернет, имеющейся о человеке исключает возможность негативных правовых последствий в его адрес. Как уже было указано, если подобная информация попадет злоумышленникам, соответственно, она будет использована в противоправных целях и такие правовые последствия явно не пойдут на пользу личности. Возможность же ее противозаконно использовать и в каких направлениях и объемах также анализируется преступниками исходя из цифровой репутации личности, анализ которой они вполне могут осуществить и чем обширнее тот материал, который сам субъект своими цифровыми действиями предоставляет, тем вариабельней и изощренней могут быть преступные схемы в его адрес. Закрытые аккаунты, в отношении которых может быть у их владельцев ложное убеждение о защищенности информации от посторонних не повод исключать подобный сценарий.

Репутационные издержки непредусмотрительного цифрового поведения тем более велики в современный период, когда к анализу массива информации о гражданине подключается (заинтересованными органами и службами) искусственный интеллект, которому по алгоритмам гораздо легче найти полный массив информации о личности, чем если бы такую же работу осуществлял реальный сотрудник.

Список литературы:

1. Ботнарь Д.С., Сизганова Е.Ю. Формирование позитивной цифровой репутации органов государственной и муниципальной власти // Вест-ник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 4(23). С. 92-99. EDN: LEYUEA
2. Ефремов В. А. Цифровая репутация: гид для тех, кто в Сети // Magister. 2022. № 1. С. 46-54. EDN: NUIEWY
3. Иноземцева А.В. Аудит цифровой репутации руководителей: этапы, и инструментарий // Экономика и предпринимательство. 2024. № 3(164). С. 885-888. DOI: 10.34925/EIP.2024.164.3.170 EDN: PUUIEV
4. Камалутдинова А.Р., Бурганова Т.А. Управление репутационными рисками в цифровую эпоху: влияние социальных медиа и онлайн-репутации // Управление экономикой, системами, процессами: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 15-16 октября 2025 года. - Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 298-302. EDN: XMBFFV
5. Красиков В.И. "Хейтеры" в российском сегменте интернета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 73-86. DOI: 10.17223/1998863X/59/8 EDN: VKKFQI
6. Мамаева В.Ю., Мацько В.В. Теоретико-методологические основы формирования имиджа: исторические и современные // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 3(59). С. 134-143. DOI: 10.25513/1812-3988.2017.3.134-143 EDN: ZUEXOD
7. Остапович И.Ю., Шахновская И.В. Право на забвение в контексте развития концепции цифрового суверенитета личности // Вестник Полоц-кого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2024. № 4(69). С. 100-103. DOI: 10.52928/2070-1632-2024-69-4-100-103 EDN: YDLOGM
8. Павлов К.В. Суходолец Е.В. Цифровая репутация сотрудников: влияние онлайн отзывов клиентов на HR-стратегии в ресторанах // Тенден-ции развития интернет и цифровой экономики: Труды VIII Международной научно-практической конференции, Симферополь-Алушта, 29-31 мая 2025 года. - Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2025. С. 41-43.
9. Репутация бренда в условиях цифровой прозрачности и cancel- культуры / Е. В. Васильева, Е. В. Стукалова, О. К. Ойнер [и др.] // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2025. № 4. С. 84-88. DOI: 10.56584/1560-8816-2025-4-84-88 EDN: WOGBSL
10. Сафиуллин М.Р., Павлова Х.А. Репутация: содержание основных понятий // Электронный экономический вестник Татарстана. 2023. № 4. С. 41-47. EDN: WPOZKR
11. Сотникова П.Л., Нуриева Э.И. Атаки на личную информацию: феномен доксинга в Интернете // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2025. № 1-2. С. 521-524. EDN: NXCUKV
12. Фруслов И. Г. Отзывы в сети интернет как объекты гражданских прав: правовая природа, субъектный состав и гражданская ответственность // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 105-112. EDN: UOVBKO

References:

1. Botnar D.S., Sizganova E.Yu. Formation of a positive digital reputation of state and municipal authorities // Bulletin of the Cheboksary Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2020. No. 4(23). Pp. 92-99.
2. Efremov V. A. Digital Reputation: A Guide for Those Who Are Online // Magister. 2022. No. 1. Pp. 46–54.
3. Inozemtseva A. V. Audit of the Digital Reputation of Leaders: Stages and Tools // Economics and Entrepreneurship. 2024. No. 3(164). Pp. 885–888.
4. Kamalutdinova A.R., Burganova T.A. Reputation Risk Management in the Digital Age: The Impact of Social Media and Online Reputation // Management of the Economy, Systems, and Processes: Collection of Articles of the IX International Scientific and Practical Conference, Penza, October 15–16, 2025. – Penza: Penza State Agrarian University, 2025. Pp. 298–302.
5. Krasikov V.I. “Haters” in the Russian segment of the Internet // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 59. Pp. 73–86.
6. Mamaeva V.Yu., Matsko V.V. Theoretical and Methodological Foundations of Image Formation: Historical and Contemporary Aspects // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2017. No. 3(59). Pp. 134–143.
7. Ostapovich I.Yu., Shakhnovskaya I.V. The right to be forgotten in the context of the development of the concept of digital sovereignty of the individual // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences. 2024. No. 4(69). Pp. 100–103.
8. Pavlov K.V., Sukhodolets E.V. Digital reputation of employees: the impact of online customer reviews on HR strategies in restaurants // Trends in the development of the Internet and the digital economy: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Simferopol–Alushta, May 29–31, 2025. – Simferopol: Individual Entrepreneur Zueva T.V., 2025. Pp. 41–43.
9. Brand reputation in the context of digital transparency and cancel culture / E. V. Vasilyeva, E. V. Stukalova, O. K. Oiner [et al.] // RISK: Resources, Information, Supply, Competition. 2025. No. 4. Pp. 84–88.
10. Safiullin M.R., Pavlova Kh.A. Reputation: the content of key concepts // Electronic Economic Bulletin of Tatarstan. 2023. No. 4. Pp. 41–47.
11. Sotnikova P.L., Nurieva E.I. Attacks on personal information: the phenomenon of doxing on the Internet // Science of the 21st Century: Current Directions of Development. 2025. No. 1–2. Pp. 521–524.
12. Fruslov I. G. Online reviews as objects of civil rights: legal nature, subject composition, and civil liability // Vestnik ekonomiki i prava. 2025. No. 107. Pp. 105–112.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_28

УДК 247.2

К ВОПРОСУ О ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУТА «ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС» В СИСТЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON THE ISSUE OF RESEARCHING THE INSTITUTE "INFORMATION RESOURCE" IN THE SYSTEM OF BUILDING AN EFFECTIVE INFORMATION LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна
старший преподаватель,
Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

FASTOVICH GALINA Gennadyevna
Senior Lecturer, Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются проблемные аспекты формирования информационных ресурсов и информационного общества в современной России, раскрываются признаки внедрения форм информационных ресурсов. Автор раскрывает историческое становление информационного общества в Российской Федерации и предполагает, что одним из критериев эффективности функционирования государственного механизма должно выступить развитое информационное общество.*

Abstract: *The article analyzes the problematic aspects of the formation of information resources and the information society in modern Russia, and reveals the signs of the implementation of forms of information resources. The author examines the historical development of the information society in the Russian Federation and suggests that a developed information society should be one of the criteria for the effectiveness of the functioning of the state mechanism.*

Ключевые слова: *информационное общество, государственный механизм, эффективность, информационные ресурсы, органы государственной власти, электронное правительство, информационная безопасность, стратегия национальной безопасности.*

Keywords: *information society, state mechanism, efficiency, information resources, government bodies, e-government, information security, national security strategy.*

Для цитирования: *Фастович Г.Г. К вопросу о исследовании института «информационный ресурс» в системе построения эффективного информационного права Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_28.*

For citation*: Fastovich G.G. On the issue of studying the institution of "information resource" in the system of building an effective information law of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_28.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

На протяжении продолжительного времени, с момента образования действующего российского государства, отдельными должностными лицами государственной власти и частью научного сообщества было обосновано создание в РФ постиндустриального общества, в рамках информирования граждан в сфере публично-правового регулирования и управления. Одним из важных аспектов формирования информационных ресурсов является внедрение электронного правительства в публично-правовые отношения.

Нормативное определение информационного ресурса нашло свое отражение в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [2], в соответствии с которым, под информационными ресурсами понимается процедуры (электронные, в основном), в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социо-культурные условия жизни граждан. В анализируемом определении отсутствуют характерные информационным ресурсам специфические признаки, в то время как оно играет образующую роль в своем построении.

Так, И.Л. Бачило, обозначил следующие признаки информационного ресурса [3]:

1.Формирование информационного и технологического рынка наряду с традиционными реальными рынками (например, рынком труда, сырья), перевод информационных ресурсов в реальные ресурсы государства. То есть информационное общество не подразумевает отказ от традиционных и индустриальных общественных элементов, где первое призвано обеспечить общество пищевой продукцией, а второе служит наличию труда и его разделения с акцентом на технический труд, что является неотчуждаемым в построении современного общества и государства. При этом, автор не акцентирует на превосходстве вновь созданной информационной сферы человеческих отношений, а обозначает ее равную с обозначенными сферами, необходимость.

2. Переориентация экономик наиболее развитых в информационном отношении стран [4] на максимальное задействование непроизводственного сектора. То есть, по мере формирования информационного общества, доля производства, переработки, хранения, реализации и т. д. информационных ресурсов занимает доминирующее положение среди остальных сфер общественных отношений. При этом, следует полагать, что по мере развития информационного общества, рано или поздно может возникнуть конфликт между тремя основными сферами, поскольку имеет место противоречие данного признака с предыдущим, в отношении превосходства той или иной сферы друг над другом.

3.Широкое распространение надежных и относительно недорогих персональных компьютеров, дополнительного программно-аппаратного обеспечения к ним, наличие мощной, разветвленной, высоконадежной и широко доступной сети связи, позволяющей передавать большой диапазон сообщений различных типов в реальном времени [5]. Данный признак в несколько иной интерпретации, также, нашел свое отражение в Стратегии развития информационного общества в РФ, с реализацией которого имеют место быть определенные проблемы, поскольку он перекликается с проблемой формирования жизнеспособной экономической системы в РФ, о чем, далее.

На данный, по данным Минэкономразвития РФ, уровень годовой инфляции на 2022 год составляет, ориентировочно 11-11,5%, наблюдается дефицит государственного бюджета, а также бюджетов субъектов РФ, так, дефицит бюджета Красноярского края по состоянию на 2022 год составляет 1,8 млрд. руб., при этом, как известно, возникают характерные проблемы взаимоотношения государственных органов с органами местного самоуправления, на которого падает бремя финансовых издержек, кроме того рост отечественного ВВП оставляет желать лучшего.

Действующая экономическая ситуация не имеет реальных возможностей, которые будут служить основанию возникновению информационного общества [6].Существующие информационные технологии, закупаемые за рубежом, не имеют отечественных аналогов, кроме того, цена первых, определяется в американских долларах, которые, будучи подкрепленными нефтяными запасами США, закупаемыми за границей, в том числе у РФ и их ВВП, не позволяют российскому рублю расти, более того, из года в год, он идет на спад, при этом растет американская валюта, на фоне чего, даже устаревшие технологии, предположим через год, не потеряют свою цену, а, возможно, даже, возрастут в цене, дело в том, что в данном случае свойственный рынку закон (попрошествии времени цена на товар падает в случае устаревания технологий или наличия улучшенных аналогов), искусственно не работает на фоне взлета доллара. В данном отношении невольно возникает мысль о пересмотре отечественной экономической системы в сторону возврата к выработанному подкреплению отечественной валюты золотому запасу государства, который, на данный момент, служит средством обогащения, будучи пребывающим в руках недружественных стран, хранителей золотого запаса, как например США, поскольку ВВП данного государства растет.Анализируя опыт Советского Союза в данном отношении, с доминированием советского рубля на мировом рынке, его дороговизна, следует прийти к выводу о потенциале данного варианта.

4. Многократное увеличение информационных ресурсов и услуг, доступных для общественного и личного использования. При этом, новые информационные технологии призваны: расширить права граждан путем предоставления моментального доступа к разнообразной информации [7]; чтобы каждый член общества имел возможность своевременно получать с помощью трансграничных информационных сетей полную и достоверную открытую информацию любого вида и назначения из любого государства, находясь при этом практически в любой точке географического пространства. В целом, данный принцип, на данный момент нереализуем, поскольку в отдаленных местностях, в том числе от города, на территории РФ, информационно-телекоммуникационная сеть, в том числе сеть Интернет, либо не функционируют, либо обладают слабым сигналом. На данный момент, в виду ведения информационных войн, о достоверности получаемой посредством обозначенных средств, говорить не приходится. Действующая власть не стремится отойти от советской цензуры, которая, хоть, и запрещена ст. 3 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [8], однако в завуалированном формате, присутствует, что является шагом отхода от демократического политического режима к авторитарному. В виду недавних изменений в ст. 13.15 и ст.20.1 КоАП РФ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] от 27.07.2006 № 149-ФЗ неотъемлемое право человека и гражданина на свободу информации также является ограниченным, что является противоречием ст. 29 Конституции РФ.

5. Наличие высокой правовой культуры в обществе и правового государства. Следует добавить к данному признаку наличие высокого уровня правосознания, как фактора становления гражданского общества. Правовое государство и гражданское общество являются специфическими категориями теории государства и права и конституционного права, они находятся в тесной взаимосвязи. Следует обозначить признаки правового государства, которое предполагает наличие следующих явлений: 1) правовое общество; 2) система гарантий прав человека и гражданина; 3) Верховенство Конституции РФ; 4) органы государственной власти обязуются осуществлять свои функции в пределах своих полномочий [9]; 5) независимый суд, отчетность суда; 6) приоритет международного права. Первое предполагает отсутствие правового нигилизма, идеализма, популизма, высокий уровень правового сознания, правомерной социальной активности, высокий уровень правовой культуры. На данный момент граждане РФ не обладают в своем большинстве данными качествами, процесс перехода на новые технологии с позиции пользования проходит долго, а отсутствие политического плюрализма вынуждает их воздерживаться от выборов должностных лиц в отечественный государственный аппарат, отсутствует какая-либо заинтересованность в состоянии и ведении внутренней и внешней политики РФ в виду не достижения конституционного принципа о достойном уровне жизни для граждан РФ, что свидетельствует о невозможности реализации прав и свобод человека и гражданина, о формальном характере соответствующих гарантий [10,17].

6. Формирование единого мирового информационного пространства и углубляющаяся взаимозависимость. Объективной исторической закономерностью является то, что мир неуклонно движется к глобальному информационному пространству. В данном отношении среди международных правовых актов следует выделить Окинавскую хартию глобального информационного общества [11].

Исходя из данного определения, следует полагать, в полной мере информационная безопасность не соблюдается, поскольку, на данный момент граждане РФ утратили право на свободу информации, предусмотренное ст. 29 Конституции РФ, а о достойном уровне жизни граждан РФ говорить не приходится, поскольку до сих пор не существует соответствующего определения Конституционного суда РФ [12], в котором бы были обозначены критерии такого уровня жизни.

Авакьян С. А., осуществляет градацию достойной жизни на: 1) наличии, законности, охране, гарантированности труда в сочетании с необходимым экономическим уровнем жизни; 2) полная забота или оказание помощи, в том числе организационной (думается, что подразумева-

ется, трудоустройство лица) и материальной отдельным категориям, не способным по объективным причинам поддерживать достойный уровень жизни на свои доходы [13].

Кроме того особую значимость в существующих рыночных отношениях играет наличие конкуренции, ее защиты со стороны государства. Следует полагать, что информационные ресурсы всецело строится на социально-экономических отношениях, существующих в отечественном государстве, отсюда следует, что ему следует изменить свой подход в сторону формирования новой экономической модели, с подкреплением государственной валюты золотому запасу, удержания и исключения явления инфляции, роста ВВП [14,16]. При этом, следует исключить существующие нормы о необоснованных ограничениях конституционных прав граждан, осуществить разъяснение достойного уровня жизни граждан РФ, предпринять меры к реальному возникновению такового уровня жизни. Только посредством данных преобразований у граждан РФ возникнет стимул к росту правосознания [15,18], возникновения справедливой позиции и доверия по отношению к работе государства в лице его компетентных органов и должностных лиц. При этом, применительно к странам постсоветского пространства, в частности России всякое противоречие между усилением правосознания граждан и ростом государственного контроля, исключается.

Список литературы:

1. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу о международном академическом пространстве: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 71-72. EDN: FWHAQG
2. Указ Президента РФ "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" от 09.05.2017 № 203// Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.05.2019).
3. Бачило, И.Л. Информационное право: учебник для академического бакалавриата / И.Л. Бачило. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 419 с.
4. Тепляшин И.В., Богатова Е.В. Снижение абсентизма молодежи в демократических выборах // В сборнике: Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы XV всероссийской национальной научно-практической конференции. 2019. С. 116-118.
5. Рябченок О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10639 EDN: WPMZLL
6. Тепляшин И.В. Нормативные правовые основы общественного контроля: система источников, этапы формирования, перспективы развития // Современное право. 2020. № 6. С. 39-44. DOI: 10.25799/NI.2020.36.37.018 EDN: IFUTZL
7. Фастович Г.Г., Жикулина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10838 EDN: TUROMU
8. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) "О средствах массовой информации"// Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.03.2024).
9. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018)// Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.03.2024).
10. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.03.2024).
11. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.03.2024).
12. Окинавская хартия глобального информационного общества" (Принята на о. Окинава 22.07.2000) из информационного банка "Международное право"// Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 01.03.2024).
13. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: уч. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. 2014. EDN: SFNDBX
14. Богатова Е.В. Внешнее проявление правовой культуры: основные формы и методика установления // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 18-23. EDN: VWIPLC
15. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. С. 22038. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU
16. Фастович Г.Г. Качественное состояние гражданского общества как условие формирования эффективного сильного государства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 46-48. EDN: GVVPQD
17. Фастович Г.Г., Капсаргина С.А. Эффективность государственной политики в сфере подготовки кадров агропромышленного комплекса // Аг-рарное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 11-12. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_11 EDN: AYUZXP
18. Фастович Г.Г. Качественное состояние гражданского общества как условие формирования эффективного сильного государства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 46-48. EDN: GVVPQD
19. Курбатова С.М. Цифровизация российского государства: некоторые аспекты // В сборнике: Цифровые технологии в юриспруденции: гене-зис и перспективы. Материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. 2020. С. 86-89. EDN: CGYHAM

References:

1. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of the international academic space: problems and prospects // Agrarian and Land Law. 2019. No. 9 (177). Pp. 71–72.
2. Decree of the President of the Russian Federation “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” dated 09.05.2017 No. 203 // Consultant Plus: Legislation (accessed: 01.05.2019).
3. Bachilo, I. L. Information Law: a textbook for academic bachelor’s programs / I. L. Bachilo. 5th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 419 p.
4. Teplyashin I.V., Bogatova E.V. Reducing youth abstention from democratic elections // In the collection: Problems of forming a rule-of-law social state in modern Russia. Materials of the 15th All-Russian National Scientific and Practical Conference. 2019. Pp. 116–118.
5. Ryabchenok O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society. // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. Pp. 143–145.
6. Teplyashin I.V. Regulatory and legal foundations of public control: the system of sources, stages of formation, development prospects // Modern Law. 2020. No. 6. Pp. 39-44.
7. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal Regulation of Relations in the Field of Personal Data Processing //International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 199-202.
8. The Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on April 18, 2018, as amended. dated 17.01.2019) "On Mass Media"// Consultant Plus: Legislation (date of application: 03/01/2024).
9. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 07/27/2006 No. 149-FZ (as amended on 12/18/2018)// Consultant Plus: Legislation (date of application: 03/01/2024)
10. "Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 12/30/2001 No. 195-FZ // Consultant Plus: Legislation (date of application: 03/01/2024).
11. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ)// Consultant Plus: Legislation (date of reference: 03/01/2024).
12. Okinawan Charter of the Global Information Society" (Adopted on O. Okinawa 07/22/2000) from the International Law Information Bank// Consultant plus: Legislation (accessed: 03/01/2024).
13. Avakian S.A. Constitutional Law of Russia. Training course: studies.manual : in 2 vol. / S.A. Avakian. 5th ed., revised and additional. M.: Norma: INFRA-M. 2014.
14. Bogatova E.V. External manifestation of legal culture: main forms and methodology for establishing // Theory of State and Law. 2018. No. 4. Pp. 18–23.
15. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. P. 22038.
16. Fastovich G.G. The qualitative state of civil society as a condition for the formation of an effective, strong state // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 1 (181). Pp. 46–48.
17. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. The effectiveness of state policy in the field of training personnel for the agro-industrial complex // Agrarian and Land Law. 2022. No. 11 (215). Pp. 11–12.
18. Fastovich G.G. The qualitative state of civil society as a condition for the formation of an effective, strong state // Law and the State: Theory and Practice. 2020. No. 1 (181). Pp. 46-48.
19. Kurbatova S.M. Digitalization of the Russian State: Some Aspects // In the collection: Digital Technologies in Jurisprudence: Genesis and Prospects. Proceedings of the I International Interuniversity Scientific and Practical Conference. 2020. Pp. 86-89.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_31

УДК 247.2

ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ЗВЕНО, КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ АПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LOGISTICAL LINK, AS THE CENTRAL INSTITUTE OF THE AGRICULTURAL AND INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

ШИТОВА Татьяна Викторовна
Кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

SHITOVA Tatyana Viktorovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

***Краткая аннотация**: В статье рассмотрены вопросы развития агропромышленного комплекса современной России, как одного из критериев эффективной деятельности государственного механизма Автор приходит к выводам, что эффективность деятельности агропромышленного комплекса зависит от действенной системы логистических перевозок, экономически планомерной и стабильной деятельности органов государственной власти и нормативно-правовой базы.*

***Abstract:** The article examines the issues related to the development of the agro-industrial complex in modern Russia as one of the criteria for the effective functioning of the state mechanism. The author concludes that the effectiveness of the agro-industrial complex depends on an efficient system of logistics transportation, the economically planned and stable activities of state authorities, and the regulatory and legal framework.*

***Ключевые слова:** эффективность, государственная аграрная политика, агропромышленный комплекс, регионализация, логистические процессы, логистическая система, сельское хозяйство.*

***Keywords:** efficiency, state agrarian policy, agro-industrial complex, regionalization, logistics processes, logistics system, agriculture.*

***Для цитирования:** Шитова Т.В. Логистическое звено, как центральный институт системы АПК Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 31-33. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_31.*

***For citation**: Shitova T.V. Logistics link as the central institution of the agro-industrial complex system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 31-33. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_31.*

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026

Логистическая система агропромышленного комплекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) принадлежит к центральной производственно – хозяйственной деятельности по управлению материальные потоки в сферах производства и обращения. Главной целью использовании логистики в АПК, является управления экономическими потоками в сферах разработки, обмена, размещения и потребления продукции сельского хозяйства, включая ресурсное обеспечение АПК [1].

Само собой, использование в отраслях АПК логистики, становится особенно необходимым в процессе материально – технического обеспечения сельскохозяйственного производства и сбыта сельхозпродукции, то есть в сфере обращения АПК.

На сегодняшний день логистика, является основой в экономике, в социальном и экономических направлениях для сельского хозяйства и реализации их продукции на рынке сбыта.

Основные направления логистического обеспечения АПК [2]:

1. Повседневное обслуживание потребителей качественной продукцией.
2. Организация и управление закупками
3. Транспортировка - одна из пяти ключевых функций, так как без неё не возможен материальный поток. Тем не менее сам элемент включает в себя не только доставку грузов, но и погрузку, разгрузку, экспедирование и другие операции.
4. Контроль за уровнем запасов в снабжении и продаже продукции - это разработка готовой продукции и материальных ресурсов.
5. Обработка заказов, доставка, продукции к потребителю - это является управление процедурами заказов.
6. Операционный менеджмент включающий в себя эффективный контроль за материальным потоками и процессом производства, которое приводит к снижению затрат и повышению качества доставляемой продукции [3].

Все это существенно позволяет сокращать цепи поставок, оптимизировать товарные потоки, повышать качество поставляемой продукции и увеличивать объемы поставок. Кроме этого, такая специфика позволяет сокращать число контактов между производителем и потребителем товаров и услуг [4]. Фактически, это создано для того, чтобы решить проблему доставки грузов от поставщика к потребителю в кратчайшие сроки и с наименьшими финансовыми затратами.

При этом основное внимание уделялось оптимальному функционированию основных производственно – значимых предприятий АПК, в которых необходима инфраструктура, что способствовало бы выполнению производственных функций предприятий: энергетика, водоснабжение, материально – техническое обеспечение, дорожные коммуникации, информационные сети, торговля и т.д.

Следующей особенностью хотелось бы выделить, материальный поток, который присущий логистическим системам в АПК [5]. Мы мо-

жем наблюдать такую закономерность, что практически на любой стадии материальный поток может быть одновременно сырьем для следующей стадии логистической цепи и конечным продуктом. Данную особенность называют вариативностью потока.

Рассматриваемая инфраструктура АПК является отдельно взятой частью экономики, помогает налаживать производственный процесс, так же помогает быстрому развитию агропромышленного производства, которое является существенным признаком, помогающими создать эффективную природу.

Данный механизм агропромышленного комплекса обуславливает экономическими обновлениями между базовыми субъектами, и жителями села, которые пользуются услугами этого механизма. Из этих отношений, сложившихся из-за оказания торгово - посреднических, транспортно - экспедиционных, кредитно - финансовых, информационно - рекламных и других видов услуг, направления передела материальных, финансовых и трудовых ресурсов и доходов.

К основным целям и задачам применения логистики в сельском хозяйстве относят: [6]

- совершенствование и улучшение рыночных отношений, включающих в себя обеспечение сельхозпродукцией, дизтопливом, горюче-смазочных материалов, поставку оборудования и сельхозтехники и повышение качества сельхозпроизводства;

- совершенствование и улучшение рыночных отношений, включающих в себя обеспечение сельхозпродукцией, дизтопливом, горюче-смазочных

материалов, поставку оборудования и сельхозтехники и повышение качества сельхоз производства;

- организация основательного снабжения и сбыта в корпоративном и территориальном разрезе;

- создание крепкой системы местного и международного товарооборота сельхоз продукции;

- неограниченные возможности ведения сельскохозяйственными предприятиями внешнеторговойдеятельности;

- улучшение новаторской деятельности из-за внедрения

автоматической подлинности сельскохозяйственной продукции;

- сбыт продукции в заданное место и в заданное время - практичное использование оборотных средств - развитие целостности и уменьшение порчи сельскохозяйственного производства;

Предпосылками работы по формированию Логистической сети АПК Красноярского края послужили следующие сложившиеся на продовольственном рынке тенденции: [7]

доминирование крупных розничных сетей на рынке Красноярска,

большой уровень импорта продуктов питания,

высокий уровень потерь первичной сельхозпродукции и рост себестоимости производства агропродукции;

несоответствие сертификатов качества продовольственных товаров, поставляемых по госзаказу, требуемым стандартам;

существующая товаропроводящая инфраструктура в недостаточной степени скоординирована под процесс динамичного развития сельского хозяйства Красноярского края (в частности, овощеводства),

сложившийся на рынке региона дисбаланс между возможностями сельхозтоваропроизводителей и существующим спросом на их продукцию не отражает реальный потенциал АПК региона и демонстрирует необходимость модернизации управленческих технологий в сторону внедрения современных, системных, интеграционных алгоритмов,

недостаточное развитие интегративных отношений в сфере АПК для обеспечения заготовки, переработки сельскохозяйственной продукции и доведения ее до потребителя;

Поэтому, механизм агросектора и региона определяется сложной экономической системой, состоящей из транспортных и оптово - логических центров, которые связаны содержательным обменом для достижения результативно управления целями доставки товаров, государственного управления, увеличенных организаций, имеющими транспорт, склады, финансы. Основным является социальная платформа, вместе с тем она является частью строения сельских территорий, помогает их развитию, потому что может произойти застой производства и увеличение безработицы [8].

Механизм управления АПК имеет логистические цепи, экономические потоки и стадии репродуктивного процесса. В самом сосредоточенном виде она проявляется в сфере общения [9].

Необходимо отметить, что деятельность современных фирм агропромышленного комплекса в России, связано с трудностями в остаточном использовании административно - командной модели экономики, приведшей к деструктуризации логистики АПК и не подходит к современным требованиям развития техники и технологии по производству, переработке, хранению и упаковке продукции сельского хозяйства [10].

Как следствие возникают следующие основные проблемы:

-дефицит достаточного количества, мощностей по переработке сельхозпродукции.

- низкое качество и большой износ оборудования перерабатывающих предприятий.

-- Низкий уровень или отсутствие упаковки и распаковки сельхозпродукции и продукции, поступающей в различную торговлю.

Агропромышленный комплекс в своём масштабе, занимает самый крупный сектор народного хозяйства и является одним из критериев эффективности функционирования органов государственной власти [11], включает в себя три сферы, связанных между собой отраслей, и ими являются само сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность и технические средства сельского хозяйства. За исключением этого в Агропромышленный комплекс нашей страны также входят рыбное и лесное хозяйство, добыча минеральных вод и др.

Концепция логистики — это система взглядов на совершенствование хозяйственной деятельности предприятия или группы предприятий путём рационализации управления материальными потоками. Концепция логистики в АПК реализуется на основе системного подхода, обеспечивает единство и согласованность действий всех функциональных подразделений предприятия или участников цепи поставок, то есть определяет направление, в котором нужно развивать логистическую систему.

Таким образом, при рассмотрении АПК с позиции логистики, нужно брать за основу следующие положения:

- логистическая структура АПК содержит несколько подсистем, и, следовательно, её нужно воспринимать как сложную систему;
- каждая подсистема АПК имеет свою отличительную черту, которая отражает скрытый интерес;
- деятельность логистической системы АПК фиксирует развитие подсистем, задача которого – оптимизированно сочетать значение самостоятельных подсистем и системы в целом.

Список литературы:

1. Фастович Г.Г. О мерах государственной поддержки маломобильных граждан: некоторые вопросы теории и практики // В сборнике: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 111-114. EDN: ZWTXVU

2. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERA-TION // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. С. 22038. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU

3. Фастович Г.Г. Стратегия развития информационного общества в России: понятие и принципы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 61-64. EDN: UTPLRV

4. Фастович Г.Г. Институт регионализации в системе агропромышленного комплекса современной России (на примере исследования логистических процессов Красноярского края) // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 3 (171). - С. 47-49. EDN: TOOUUZ

5. Фастович Г.Г. цифровые технологии и институт логистики: исследование опыта Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 36-38. EDN: XFVTVR

6. Фастович Г.Г., Письменных А.Ю. Содержание публичной власти: конституционно-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 167-169. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_2_167 EDN: XIYHKP

7. Фастович Г.Г., Литвинова В.С. Продовольственная безопасность как один из факторов развития Стратегии национальной безопасности //Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 32-34. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_32 EDN: LGUZMA

8. Фастович Г.Г. К вопросу о внедрении цифровых технологий в отрасли агропромышленного комплекса // Эпоха науки. 2019. №20. С. 322-325. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-12059 EDN: VWTAEL

9. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. Институт суверенитета в теории права: международно-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178). С. 6-8. EDN: YTWWPS

10. Фастович Г.Г., Фомина Л.В., Вяткина Г.Я. К вопросу об эффективности в системе государственного управления: теоретический аспект //Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 32-34. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_32 EDN: KHWMYI

11. Фастович Г.Г. К вопросу о реализации импортозамещения в системе агропромышленного комплекса, как один из показателей эффективной государственной политики // Аграрное и земельное право. 2021. № 2 (194). С. 16-19. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_2_16 EDN: NLBLHI

References:

1. Fastovich G.G. On measures of state support for citizens with limited mobility: some issues of theory and practice // In the collection: Ensuring the rights of participants in criminal proceedings with disabilities: a compensatory approach. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2021. Pp. 111–114.

2. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. P. 22038.

3. Fastovich G.G. Strategy for the Development of the Information Society in Russia: Concept and Principles // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 6 (186). pp. 61-64.

4. Fastovich G.G. Institute of regionalization in the system of the agro-industrial complex of modern Russia (on the example of a study of logistics processes in the Krasnoyarsk Territory) // Agrarian and land law. – 2019. – № 3 (171). – Pp. 47-49.

5. Fastovich G.G. digital Technologies and Institute of Logistics: a study of the experience of the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva // Agricultural and Land law. 2019. No. 4 (172). Pp. 36-38.

6. Fastovich G.G., Pismennykh A.Yu. The Content of Public Authority: a Constitutional and Legal Aspect // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 2 (194). Pp. 167-169.

7. Fastovich G.G., Litvinova V.S. Food Security as One of the Factors in the Development of the National Security Strategy //Law and the State: Theory and Practice. 2023. No. 2 (218). Pp. 32–34.

8. Fastovich G. G. On the issue of introducing digital technologies in the agro-industrial sector // The Era of Science. 2019. No. 20. Pp. 322–325.

9. Fastovich G. G., Shitova T. V. The institution of sovereignty in legal theory: the international legal aspect // Agrarian and Land Law. 2019. No. 10 (178). Pp. 6–8.

10. Fastovich G.G., Fomina L.V., Vyatkina G.Ya. On the issue of efficiency in the system of public administration: a theoretical aspect //Agrarian and Land Law. 2022. No. 11 (215). Pp. 32-34.

11. Fastovich G.G. On the issue of implementing import substitution in the agro-industrial complex system as one of the indicators of an effective state policy // Agrarian and Land Law. 2021. No. 2 (194). Pp. 16-19.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_34

УДК 340

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE LEGAL REGIME FOR ENSURING EPIDEMIOLOGICAL SAFETY IN BESIEGED LENINGRAD AND MODERN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

НЕМЧЕНКО Станислав Борисович,
начальник кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: nemchenko-st@mail.ru

СМИРНОВА Анна Александровна,
доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: smirnovaanna@igps.ru

БОЛОТИН Данила Дмитриевич,
юрист-консультант, Юридическое агентство «Петербургское право»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, ул. Кузнецовская д.19, лит.А,
E-mail: bold.2021@yandex.ru

NEMCHENKO Stanislav Borisovich,
Head of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE "Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia",
Russia, 196105, Saint Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149,
E-mail: nemchenko-st@mail.ru

SMIRNOVA Anna Alexandrovna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia",
Russia, 196105, Saint Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149,
E-mail: smirnovaanna@igps.ru

BOLOTIN Danila Dmitrievich,
legal consultant, Legal Agency "Petersburgskoe Pravo",
Russia, 196105, Saint Petersburg, Kuznetsovskaya St., house 19, building A.
E-mail: bold.2021@yandex.ru

Краткая аннотация. *Исследуется правовой режим обеспечения эпидемиологической безопасности населения в блокадном Ленинграде и проводится его сопоставление с современным режимом чрезвычайной ситуации биологического характера в Российской Федерации. Установлено, что в рассматриваемый исторический период противоэпидемическая защита города обеспечивалась системой решений исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, санитарно-организационных предписаний, массовой мобилизации населения на санитарную очистку территории, восстановлением банно-прачечной и водопроводно-канализационной инфраструктуры, а также мероприятиями по иммунизации. Озвучено, что современное регулирование биологических угроз строится на сочетании законодательства о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и биологической безопасности. Сделан вывод о высокой практической значимости блокадного опыта для современной модели правового реагирования на эпидемиологические угрозы.*

Abstract. *The article examines the legal regime for ensuring the epidemiological safety of the population in besieged Leningrad and compares it with the current regime of a biological emergency in the Russian Federation. It has been established that in the historical period under review, the anti-epidemic protection of the city was provided by a system of decisions of the executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies, sanitary and organizational regulations, mass mobilization of the population for sanitary cleaning of the territory, restoration of the bath and laundry and water supply and sewerage infrastructure, as well as immunization measures. It was stated that the modern regulation of biological threats is based on a combination of legislation on the protection of the population and territories from emergency situations, sanitary and epidemiological welfare of the population and biological safety. The conclusion is made about the high practical significance of the blockade experience for the modern model of legal response to epidemiological threats.*

Ключевые слова: *блокада Ленинграда, эпидемиологическая безопасность, санитарно-противоэпидемические мероприятия, биолого-социальная чрезвычайная ситуация, карантин.*

Keywords: *siege of Leningrad, epidemiological safety, sanitary and anti-epidemic measures, biological and social emergency, quarantine.*

Для цитирования: *Немченко С.Б., Смирнова А.А., Болотин Д.Д. Правовой режим обеспечения эпидемиологической безопасности в блокадном Ленинграде и современной России: историко-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 34-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_34.*

For citation*: Nemchenko S.B., Smirnova A.A., Bolotin D.D. The legal regime for ensuring epidemiological safety in besieged Leningrad and modern Russia: a historical and legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 34-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_34.*

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026

Проблема обеспечения эпидемиологической безопасности в блокадном Ленинграде представляет собой значимый объект историко-правового исследования, поскольку в условиях осады, голода, разрушения коммунальной инфраструктуры и высокой плотности населения город объективно находился в зоне повышенного риска массового распространения инфекционных заболеваний. Вместе с тем тяжелой эпидемической

катастрофы удалось избежать, что свидетельствует о существовании не только медицинской, но и организационно-правовой системы противоэпидемической защиты. В современных условиях интерес к данному опыту возрастает в связи с развитием правового регулирования биологических угроз, пандемий, иных биолого-социальных чрезвычайных ситуаций, необходимостью поддержания готовности государства к отражению латентной гибридной агрессии [1, с. 47].

Актуальной как никогда представляется необходимость развития правового регулирования противодействия угрозам смешанного, военно – биологического характера посредством разработки новых и систематизации имеющихся нормативных правовых актов по различным видам безопасности[1], например, санитарно – эпидемиологической, общественной[2] и пожарной [2, с. 22].

В подтверждение вышесказанному можно привести слова Президента Российской Федерации В. В. Путина, озвученные в ходе встречи с председателями парламентов государств – членов ОДКБ 9 декабря 2024 г.

В ходе встречи В. В. Путин отметил, что важными направлениями работы организации являются оптимизация национального регулирования и недопущение военно – биологической активности, противодействие угрозам биологического характера [3]. Отдельное внимание в выступлении Президента Российской Федерации было уделено деятельности отдельных государств по созданию на территориях иностранных государств лабораторий по разработке биологического оружия, необходимости повышения готовности отражения биологических угроз.

Ввиду изложенного можно привести данные итогового доклада парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины от 2023 г., в соответствии с которыми анализ проб крови украинских военнослужащих показал следующие результаты: «более 30 процентов военнослужащих переболели или больны гепатитом А, 14 процентов - Конго-крымской геморрагической лихорадкой, 21 процентов - лихорадкой Западного Нила». Данные заболевания активно изучались на Украине представителями Пентагона в рамках проектов UP-4 и UP-8, и показатели заболеваемости значительно превышают среднестатистические, что свидетельствует о разработке на территории приграничного государства биологического оружия, создающего угрозу безопасности России [4, с. 88].

В целях осмысления современных военно - биологических угроз и обращения к опыту противодействиям им, предлагаем обратиться к опыту применения мер чрезвычайного реагирования в блокадном Ленинграде, в частности, к опыту организационно – правовых мер.

Одним из ключевых актов блокадного периода стало решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 26 января 1942 г. № 60, п. 61 «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города». Этим решением жилищные и коммунальные органы обязывались в кратчайшие сроки ввести в строй не менее двух бань и прачечных в каждом районе, навести порядок и чистоту на улицах, во дворах и квартирах, привести в исправность выгребные ямы и дворовые уборные, восстановить водопровод и канализацию, установить кипятильники, а также улучшить санитарное состояние ведомственных домов, общежитий, заводских бань, душевых и санпропускников [5, с. 217].

Существенное значение имели и акты, обеспечивавшие санитарную дисциплину мерами ответственности. В качестве примера можно привести решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся № 62-12 от 19 февраля 1942 г. «Об ответственности за уклонение от выполнения работ по уборке квартир, комнат, общежитий, домов, дворов, улиц и мест общественного пользования от снега, мусора и нечистот». Лица, уклонявшиеся от участия в очистительных работах, в административном порядке подвергались наказанию в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3000 рублей [6].

Решением Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 25 марта 1942 г. № 65, п. 15 «О мобилизации населения, в порядке трудовой повинности, на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда» санитарная очистка была переведена в режим трудовой повинности.

Данным актом устанавливались продолжительность рабочего дня, категории населения, освобожденные от трудовой повинности, и ответственные за организацию работ исполнительные органы в лице исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся. Виновных в уклонении от выполнения работ в порядке трудовой повинности надлежало привлекать к ответственности по законам военного времени [7, с. 169].

Организационным центром противоэпидемической деятельности стала Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия, созданная в феврале 1942 г. во главе с председателем Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попковым, позже аналогичные комиссии были образованы во всех районах города [8, с. 289].

Сходство между блокадным и современным режимами, на наш взгляд, проявляется, прежде всего, в их функциональном назначении. И тогда, и сейчас государство использует обязательные санитарные правила, ограничительные меры, санитарную очистку территории, медицинское наблюдение, госпитализацию, вакцинацию и специальные координационные структуры, выступая гарантом собственной и общественной безопасности [9, с. 32]. В обоих случаях эпидемиологическая безопасность достигается не только медицинскими средствами, но и за счет правового регулирования поведения населения, организаций и органов власти.

[1] Шеншин, В. М. К вопросу о взаимодействии войск национальной гвардии Российской Федерации с Федеральным медико-биологическим агентством в сфере обеспечения биологической и химической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 89-97. – EDN SZKTQM; Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения войсками национальной гвардии Российской Федерации биологической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 4(321). – С. 55-61. – EDN GAEJAU.

[2] Титова, Е. А. Законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности отечественного государства: институционализация социальных практик и преемственность традиций / Е. А. Титова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2026. – № 1(70). – С. 50-57. – DOI 10.61260/2074-1626-2026-1-50-57. – EDN CITJHZ.

Вместе с тем различия между этими режимами принципиальны. Блокадный Ленинград существовал в условиях войны, голода и фактического разрушения инфраструктуры, поэтому санитарные меры неизбежно приобретали мобилизационный и зачастую принудительно-трудовой характер. Следует отметить различие в правовом статусе населения. В блокадном Ленинграде жители выступали не только объектом защиты, но и мобилизуемым участником санитарной обороны города, нормативные документы того периода прямо закрепляли обязанность населения участвовать в очистке дворов, улиц, площадей и набережных.

В современных условиях граждане обязаны соблюдать предусмотренные нормативными правовыми актами правила поведения, санитарные требования и карантинные ограничения, но не вовлекаются в санитарно-коммунальные работы в форме трудовой повинности. Это отражает изменение всей модели публичного управления — от военного мобилизационного режима к институционально формализованному правовому регулированию противодействия эпидемиологическим угрозам.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что в блокадном Ленинграде сложился особый правовой режим обеспечения эпидемиологической безопасности, основанный на сочетании санитарных, коммунальных, медицинских и мобилизационных мер.

Опыт блокадного Ленинграда должен рассматриваться не только как элемент исторической памяти, но и как обоснованный ориентир для дальнейшего развития современного санитарно – эпидемиологического законодательства.

Список литературы:

1. Грищенко, Л. Л. Современные опасности войны и мира / Л. Л. Грищенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2025. - № 4(69). - С. 47. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-4-43-48 EDN: RQLAZN
2. Мельникова, К. Р. Соотношение нормативных правовых актов и нормативных документов в сфере пожарной безопасности / К. Р. Мельникова, А. А. Луговой // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2025. - № 4(69). - С. 22. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-4-21-31 EDN: UPIAZC
3. Президент России встретился в Кремле с председателями парламентов государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности. Официальный сайт Президента Российской Федерации Kremlin.ru. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75810 (дата обращения: 02.05.2026).
4. Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины от 01.06.2023. С.88. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации Mid.ru. URL: https://www.pnp.ru/upload/user/2023/04/12/biolab-ukraine.pdf (дата обращения: 02.05.2026).
5. О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города. Извлечение из решения Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 26 января 1942 г. № 60, п. 61. С. 217. Официальный сайт электронной библиотеки исторических документов (ЭБИД) Docs.historyrussia.org. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311427-o-neotlozhnyh-meropriyatiyah-po-bytovomu-obsluzhivaniyu-trudyaschihsya-goroda-izvlechenie-iz-resheniya-ispolnitelnogo-komiteta-leningradenovo-gorodskogo-soveta-deputatov-trudyaschihsya-ot-26-yanvarya-1942-g-60-p-61#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обра-щения: 02.05.2026).
6. Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся № 62-12 "Об ответственности за уклонение от вы-полнения работ по уборке квартир, комнат, общежитий, домов, дворов, улиц и мест общественного пользования от снега, мусора и нечистот". 19 февраля 1942 г. Официальный сайт Центрального государственного архива Санкт - Петербурга Spbarchives.ru. URL: https://spbarchives.ru/dolg-2-5 (дата обращения: 02.05.2026).
7. О мобилизации населения, в порядке трудовой повинности, на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда. Решение Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 25 марта 1942 г. № 65, п. 15. С. 169. Официальный сайт электронной библиотеки исторических документов (ЭБИД) Docs.historyrussia.org. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311398#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 02.05.2026).
8. Постановление бюро ГК ВКП(б) об организации Городской чрезвычайной противоэпидемической комиссии. 11 февраля 1942 г. С. 289. Официаль-ный сайт электронной библиотеки исторических документов (ЭБИД) Docs.historyrussia.org. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357551#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 02.05.2026).
9. Зубарев, Н. В. Государственная власть через призму критической теории права / Н. В. Зубарев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2025. - № 2(67). - С. 32. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-2-27-39 EDN: ZWJQPS
10. Шеншин, В. М. К вопросу о взаимодействии войск национальной гвардии Российской Федерации с Федеральным медико-биологическим агентством в сфере обеспечения биологической и химической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2025. - № 2(331). - С. 89-97. EDN: SZKTQM
11. Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения войсками национальной гвардии Российской Федерации биологической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2024. - № 4(321). - С. 55-61. EDN: GAEJAU
12. Титова, Е. А. Законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности отечественного государства: институционализация социальных практик и преемственность традиций / Е. А. Титова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2026. - № 1(70). - С. 50-57. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-1-50-57 EDN: CITJHZ

References:

1. Grishchenko, L. L. Modern Dangers of War and Peace / L. L. Grishchenko // Right. Safety. Emergency Situations. – 2025. – No. 4(69). – P. 47.
2. Melnikova, K. R. The Relationship between Regulatory Legal Acts and Regulatory Documents in the Field of Fire Safety / K. R. Melnikova, A. A. Lugovoy // Law. Safety. Emergency Situations. – 2025. – No. 4(69). – P. 22.
1. The President of Russia met in the Kremlin with the chairpersons of the parliaments of the member states of the Collective Security Treaty Organization. The official website of the President of the Russian Federation Kremlin.ru . URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75810 (date of request: 05/02/2026).
4. Final report of the parliamentary commission for the investigation of circumstances related to the establishment of biological laboratories in Ukraine by American specialists on 06/01/2023. p.88. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Mid.ru . URL: https://www.pnp.ru/upload/user/2023/04/12/biolab-ukraine.pdf (date of request: 05/02/2026)
5. On urgent measures to provide household services for the city's working population. Extract from the decision of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies of January 26, 1942 No. 60, p. 61. p. 217. The official website of the electronic Library of Historical Documents (EBID) Docs.historyrussia.org . URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311427-o-neotlozhnyh-meropriyatiyah-po-bytovomu-obsluzhivaniyu-trudyaschihsya-goroda-izvlechenie-iz-resheniya-ispolnitelnogo-komiteta-leningradenovo-gorodskogo-soveta-deputatov-trudyaschihsya-ot-26-yanvarya-1942-g-60-p-61#mode/inspect/page/3/zoom/4 (date of notification: 05/02/2026)
6. Decision of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies No. 62-12 "On Liability for Evading Work to Clean Apartments, Rooms, Dormitories, Houses, Courtyards, Streets, and Public Places of Snow, Garbage, and Sewage." February 19, 1942. Official website of the Central State Archive of St. Petersburg: Spbarchives.ru. URL: https://spbarchives.ru/dolg-2-5 (accessed: 02.05.2026).
7. On the mobilization of the population, as part of compulsory labor service, for cleaning courtyards, streets, squares, and embankments in the city of Leningrad. Decision of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies dated March 25, 1942, No. 65, clause 15, p. 169. Official website of the electronic library of historical documents (EBID): Docs.historyrussia.org. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311398#mode/inspect/page/3/zoom/4 (accessed: 02.05.2026).
8. Resolution of the Bureau of the City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the establishment of the City Emergency Anti-Epidemic Commission. February 11, 1942. P. 289. Official website of the electronic library of historical documents (EBD): Docs.historyrussia.org. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357551#mode/inspect/page/1/zoom/4 (accessed: 02.05.2026).
9. Zubarev, N. V. State power through the lens of critical legal theory / N. V. Zubarev // Law. Safety. Emergency Situations. – 2025. – No. 2(67). – P. 32.
10. Shenshin, V. M. On the Issue of Interaction between the National Guard Troops of the Russian Federation and the Federal Medical-Biological Agency in the Field of Ensuring Biological and Chemical Safety / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2025. – No. 2(331). – Pp. 89–97. – EDN SZKTQM.
11. Shenshin, V. M. Legal Regulation of Ensuring Biological Safety by the Troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. – 2024. – No. 4(321). – Pp. 55-61. – EDN GAEJAU.
12. Titova, E. A. Legislation in the Field of Ensuring Fire Safety of the Domestic State: Institutionalization of Social Practices and Continuity of Traditions / E. A. Titova // Right. Safety. Emergency Situations. – 2026. – No. 1(70). – Pp. 50-57. – DOI 10.61260/2074-1626-2026-1-50-57. – EDN CITJHZ.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_37

К ВОПРОСАМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
ON THE ISSUES OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A FOREIGN CITIZEN IN THE CONTEXT OF THE MODERN MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECTS AND IMPLEMENTATION PRACTICE

АЛИМОВА Алина Ильдусовна
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
e-mail: alina30041989@mail.ru
ALIMOVA Alina Ildusovna
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Street, 2
e-mail: alina30041989@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье автором рассматриваются ключевые аспекты административно-правового статуса иностранных граждан на территории Российской Федерации в контексте эволюции миграционной политики государства. Особое внимание уделяется новым правовым институтам, таким как «контролируемое лицо», и их влиянию на права и свободы иностранных граждан. Отмечена необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в сфере нелегальной миграции.*

Abstract: *The author examines the key aspects of the administrative and legal status of foreign citizens in the Russian Federation in the context of the evolution of the state's migration policy. Special attention is paid to new legal institutions such as the "controlled entity" and their impact on the rights and freedoms of foreign citizens. The need for further improvement of legislation in the field of illegal migration was noted.*

Ключевые слова: *иностранные граждане, миграционная политика, миграционное законодательство, нелегальная миграция.*
Keywords: *foreign citizens, migration policy, migration legislation, illegal migration.*

Для цитирования: *Алимова А.И. К вопросам административно-правового статуса иностранного гражданина в условиях современной миграционной политики РФ: правовые аспекты и практика реализации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 37-39. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_37.*
For citation*: Alimova A.I. On the issues of the administrative-legal status of a foreign citizen in the context of the current migration policy of the Russian Federation: legal aspects and implementation practice // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 37-39. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_37.*

Статья поступила в редакцию: 06.05.2026

Раскрывая те или иные особенности пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, следует остановиться на понятии и особенностях миграции и миграционной политики государства в целом. В современном мире миграционные движения населения активны, в том числе и в нашем государстве существует внешняя миграция, однако во времена СССР, в основном, миграция носила внутренний характер и заключалась в передвижении лиц с обжитых территорий в слабозаселенные для приобретения новых земель в собственность или же из деревень в города в пределах одного государства. Причем этот процесс получил не название, которое использовалось в Европе – миграционная политика, а приближенное к сути явления - «переселенческое дело», «рациональное размещение производительных сил».

Миграционная политика – это относительно обособленная часть общенациональной политики государства, наиболее тесно взаимосвязанная с демографической политикой. Развернутое понятие миграционной политики дает Л. Л. Рыбаковский. В его трактовке данной дефиниции необходимо обратить внимание на два аспекта, которые имеют существенное значение и определяют специфику и содержание миграционной политики [1]. Во-первых, субъектом реализации является как государство, так и его общественные институты, международные организации. А во-вторых, миграционная политика осуществляется во вполне объективно сложившихся, конкретных исторических условиях и основывается на тех базовых социальных началах, которые соответствуют тому или иному уровню развития общества.

Во внутренней структуре миграционной политики ученые традиционно выделяют три основные составляющие. Первый элемент – это ее цель, которая состоит в решении общих задач социального развития и обеспечении национальной безопасности страны. При этом приоритетной задачей является регулирование перемещения населения, недопущение и преодоление неблагоприятных последствий массового притока населения, контроль над беспрепятственной реализацией предоставленных переселенцам прав, а также обеспечение уважительного отношения к ним.

Следующим элементом в структуре миграционной политики является концепция, то есть всевозможные пути ее реализации. В структуре миграционной политики концепция, по мнению Е. С. Красинец, определяется социальными, экономическими и политическими проблемами, которые решает страна в тот или иной временной отрезок [2]. Вызывает интерес, что до революции государство достаточно серьезно относилось к данному вопросу, в частности существовали следующие концепции: поэтапных или волновых переселений, выбора предпочтительных районов выхода мигрантов, подбора их состава.

В дальнейшем в науке продолжало уделяться внимание разработке и научному обоснованию концепций миграционной политики. Но, к сожалению, данные теоретические разработки не находили закрепления в нормативных правовых актах государства, а лишь частично применялись при принятии конкретных управленческих решений.

Осуществление миграционной политики - это трудоемкий, весьма противоречивый процесс, реализация которого требует работы как самого государства, так и общественных институтов в целом. Ссылаясь на фундаментальные положения законодательства о правовом положении иностранных граждан, может отметить, что иностранные граждане выступают субъектами общественных отношений, складывающихся в сфере внешней миграции. Следовательно, предлагается целесообразным рассмотреть понятие и административно-правовой статус иностранного гражданина.

В научной среде и литературе по административному праву представляются различные мнения о составе элементов правового статуса иностранных граждан. Единой точки зрения, однако, до настоящего времени не имеется [3].

Более полное представление о положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российском обществе возможно лишь на основе анализа ключевых положений действующего законодательства и рассмотрения вопросов их пребывания в условиях новой миграционной политики государства [4]. Стоит отметить, что Федеральным законом от 28 января 2024 года № 517-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» добавлены существенные корректировки в действующее законодательство, с целью регулирования и продолжения начатого курса на изменение миграционной политики России. На сегодняшний день такие изменения в области миграционного законодательства необходимы для решения текущих задач, стоящих перед государством.

На официальном сайте МВД России опубликованы результаты работы подразделений по вопросам миграции. За январь-октябрь 2024 года вынесено 149,2 тысяч решений об административном выдворении, депортации и реадмиссии иностранных граждан, что в процентном соотношении на 47,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В связи с нарушением законодательства из России выдворено 102,8 тысяч иностранных граждан, что на 45,1% больше по сравнению с итогами работы за 2023 год.

Иностранные граждане прибывшие в Россию с целью обучения имеют право оформить разрешение на временное проживание для получения образования (РВПО). Такое право предоставляется студентам очных отделений в образовательных организациях с государственной аккредитацией, а срок пребывания пролонгируется до конца обучения. Они могут работать в свободное от учебы время, а работодателю не требуется получать разрешение на привлечение иностранной рабочей силы. При изменении условий обучения иностранца изменяются и требования к его легальному нахождению на территории РФ.

В любом правовом государстве действует порядок въезда и выезда, но иногда он может быть упрощен на основании международного договора, и стандартные требования распространяются не на все категории иностранных граждан. Это зависит от уровня дипломатических отношений между странами, и ярким примером может являться Шенгенское соглашение. Однако, в большинстве стран упрощенный порядок устанавливается внутренними нормативно-правовыми актами, и Россия не стала исключением при заключении Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС).

В целом можно наблюдать, что наше государство придерживается национального режима. Для граждан Республики Беларусь, которая также входит в состав ЕАЭС, действуют более комфортные условия пребывания и работы на основании Договора от 08 декабря 1999 года «О создании Союзного государства». Например, при пересечении границы каждому иностранцу выдается миграционная карта, которая подтверждает законность его нахождения, гражданам Беларуси такой документ в РФ не нужен, а граждане из стран ЕАЭС могут обойтись без нее, если находятся не более 30 суток подряд с момента въезда. Но, при этом иностранные граждане из стран ЕАЭС не имеют привилегий при прохождении дактилоскопии, фотографирования и прохождении медицинской комиссии – они должны пройти их по общим правилам, что представляется очень логичным.

Кроме того, Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 № 114-ФЗ устанавливает определенные режимы въезда: визовый или безвизовый. Визовый порядок предусматривает выдачу специального документа (визы), который зависит от цели посещения. Виза может быть дипломатической, служебной, обычной или транзитной. Безвизовый режим доступен гражданам стран, с которыми заключены международные соглашения, включая граждан Содружества Независимых Государств или коротко СНГ - организации, объединяющих страны, входивших в состав бывшего СССР.

В свете последних изменений нельзя не отметить новеллы, которые имеют непосредственное отношение к пребыванию иностранных граждан и лиц без гражданства на территории нашего государства. Например, неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет лицом, приобретшим гражданство Российской Федерации, влечет его прекращение.

Кроме того, для получения разрешения на временное проживание (РВП) в упрощенном порядке иностранный гражданин теперь должен состоять в браке с гражданином Российской Федерации не менее трех лет. Основанием для отказа в выдаче РВП и ВНЖ или аннулирования таковых, будет признание судом брака недействительным.

К числу особенностей можно отнести введение понятия «контролируемое лицо», к которому применяется комплекс ограничительных мер. Такое лицо не может совершать сделки по приобретению и оформлению имущества, не имеет право регистрироваться в качестве юридического лица и индивидуального предпринимателя, открывать банковские счета и осуществлять банковские операции, может быть ограничен в правах на управление транспортными средствами и сдаче экзаменов на получение (замену) водительского удостоверения.

Вся информация об иностранцах, лишившихся законных оснований для пребывания в России, вносится в специальный реестр, а его ведение делегировано МВД России. Для этого на сайте ведомства создан специальный модуль «реестр контролируемых лиц» и введены обязанности о необходимости явки в МВД по первому требованию и подачи определенных сведений, в том числе посредством портала «Госуслуги», содержащие информацию о месте нахождения, маршруте планируемого самостоятельного выезда и обстоятельствах его невозможности. Если иностранец включен в данный реестр, к нему может быть применен режим высылки.

Все вышеуказанные ограничения теперь действуют с момента внесения информации о иностранном гражданине в реестр контролируемых лиц и остаются в силе до исключения из него. Датой уведомления о внесении в такой реестр или об исключении из него, считается день

опубликования сведений на официальном сайте МВД России. Однако, к числу пробелов в этом нововведении можно отнести отсутствие регламента сроков размещения такой информации.

Несмотря на положительные тенденции в области миграционной политики, продолжает оставаться дискуссионным вопрос о пересечение иностранцами государственной границы России в силу чрезвычайных обстоятельств, который требует более детального изучения проблемы и проведения работы в данном направлении. Также следует отметить отдельным вопросом нелегальную миграцию, которая является проблемой для всего мирового сообщества.

Таким образом пребывание иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ в настоящее время регламентировано законодательством, что позволяет в той или иной мере контролировать миграционные потоки, тем самым обеспечивая стабильность страны. Однако до настоящего времени в области миграционного законодательства вносятся изменения и поправки, с целью совершенствования нормативно-правовой базы, что в последующем будет способствовать созданию благоприятных условий для управления миграционными потоками.

Список литературы:

1. Рыбаковский Л. Л. Миграционная политика: понятие, структура, функции // Социологические исследования. - 2020. - № 8.
2. Красинец Е. С. Миграционная политика России: теория и практика. - М.: Юридическая литература, 2021. - 320 с.
3. Михайлов А. В. Проблемы правового статуса иностранных граждан в РФ // Журнал российского права. - 2022. - № 7.
4. Абрамова О. В. Совершенствование миграционной политики: правовые и управленческие аспекты // Государство и право. - 2024. - № 1.

References:

1. Rybakovsky L. L. Migration Policy: Concept, Structure, Functions // Sociological Studies. – 2020. – No. 8.
2. Krasinets E. S. Migration Policy of Russia: Theory and Practice. – Moscow: Legal Literature, 2021. – 320 p.
3. Mikhailov A. V. Problems of the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation // Journal of Russian Law. - 2022. - No. 7.
4. Abramova O. V. Improving Migration Policy: Legal and Management Aspects // State and Law. - 2024. - No. 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_40

УДК 347

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ
ON THE NATURE OF THE CONTRACT SYSTEM

ПОЛЯНСКИЙ Владислав Алексеевич
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: vlad.mrk@yandex.ru

POLYANSKY Vladislav Alekseevich
Postgraduate student of Department of Civil and Arbitration Procedure
of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Samara State University of Economics".
443090, Russia, Samara Region, Samara, Sovetskoy Armii Street, house 141.
E-mail: vlad.mrk@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются основные научные взгляды на правовую природу контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Показано, что данный институт не укладывается в рамки исключительно гражданско-правового регулирования, а обладает выраженными публично-правовыми свойствами. Анализируются императивные процедуры планирования, нормирования, контроля и аудита, которые формируют административный каркас системы. Обосновывается вывод о том, что контрактная система выступает прежде всего инструментом реализации публичного интереса, где договорная форма подчинена задачам управления бюджетными ресурсами.*

Abstract*. The article examines the main scientific views on the legal nature of the contract system in the field of procurement for state and municipal needs. It is shown that this institution does not fit into the framework of exclusively civil law regulation, but has pronounced public law properties. Imperative planning, rationing, control and audit procedures that form the administrative framework of the system are analyzed. The conclusion is substantiated that the contract system acts primarily as a tool for the realization of public interest, where the contractual form is subordinated to the tasks of managing budgetary resources.*

Ключевые слова: *контрактная система, государственный контракт, публичные закупки, правовая природа, административный институт, публичный интерес.*

Keywords*: contract system, government contract, public procurement, legal nature, administrative institution, public interest.*

Для цитирования: *Полянский В.А. К вопросу о природе контрактной системы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 40-41. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_40.*

For citation*: Polyansky V.A. On the Question of the Nature of the Contract System // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 40-41. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_40.*

Статья поступила в редакцию: 07.05.2026

Появление Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] закрепило переход от разрозненных механизмов размещения госзаказа к целостному правовому образованию. Однако и после почти десяти лет действия этого акта вопрос о сущности контрактной системы остается предметом непрекращающихся научных дискуссий. Ряд специалистов традиционно относит государственный (муниципальный) контракт к гражданско-правовым договорам, пусть и со значительной спецификой. Именно такова позиция, обстоятельно аргументированная в трудах М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, которые выводят контракт из общего учения о сделках и обязательствах, указывая на сохранение равенства сторон и добровольность вступления в договорные отношения [2]. При таком подходе сама контрактная система выглядит как совокупность процедур, обеспечивающих выбор наилучшего контрагента для гражданско-правовой сделки.

Между тем подобная трактовка встречает возражения, и с каждым годом все более отчетливо формулируется альтернативная концепция. Её сторонники — Л.В. Андреева, детально проанализировавшая административные элементы закупочной деятельности [3], Ю.А. Тихомиров, рассматривающий институты государственного регулирования в широком контексте публичного управления [4], Э.В. Талапина, исследовавшая административные процедуры нового типа [5] — исходят из того, что контрактная система по своей глубинной природе есть публично-правовой институт. Они обращают внимание на то, что отправной точкой служит государственная или муниципальная нужда, которая сама по себе лишена какого-либо частного содержания. Ещё А.В. Венедиктов в фундаментальном труде о государственной собственности показывал, что обеспечение государственных нужд всегда подчинялось жестким плановым началам, и договор здесь играл роль технического инструмента распределения ресурсов [6]. Исторический опыт, таким образом, свидетельствует о том, что оформление закупок через договорные конструкции никогда не отменяло их административной сердцевины.

Современная контрактная система не просто воспроизводит эту двойственность, но и доводит её до логического завершения. В.Е. Белов, специально изучавший государственный (муниципальный) контракт в гражданском праве, прямо говорит о смешанной правовой природе такого соглашения, где частные и публичные элементы переплетены настолько тесно, что разделить их можно лишь умозрительно [7]. Действительно, провозглашая формальное равенство участников, закон одновременно вводит исключительно императивные правила на этапах планирования закупок, обоснования начальной цены, установления единых требований к участникам, а также в ходе электронных процедур, где влияние заказчика на ход отбора сведено к минимуму. Практически все значимые действия поставщика жестко регламентированы, а любое отступление от предписанного алгоритма влечет неблагоприятные административные последствия — от признания заявки не соответствующей требованиям до включения в реестр недобросовестных поставщиков.

Примечательно, что на данную особенность обращали внимание еще в тот период, когда само понятие контрактной системы отсутствовало в законодательстве. В.А. Дозорцев, анализируя правовое регулирование отношений по удовлетворению государственных нужд в начале 1990-х годов, указывал на необходимость выработки особого правового режима, который не может быть сконструирован по лекалам ординарного гражданского оборота [8]. Спустя десятилетия его оценки подтвердились: судебная практика, в том числе выраженная в постановлении Пленума Высшего

Арбитражного Суда РФ о пределах свободы договора [9], признает, что императивные нормы законодательства о публичных закупках сознательно ограничивают диспозитивность, и такое ограничение обосновано публичными целями. Ссылки на недопустимость создания преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам, на принципы открытости и прозрачности — все это аргументы не частного, а публичного права.

Системный анализ комментариев к Федеральному закону № 44-ФЗ также показывает, что осмысление контрактной системы в профессиональном сообществе смещается в сторону административно-правовой трактовки. Комментируя положения закона, А.Н. Борисов и Т.Н. Трефилова последовательно подчеркивают, что институты планирования, нормирования и мониторинга закупок являются по своей природе управленческими, а не гражданско-правовыми [10]. В этом контексте государственный контракт предстаёт не как свободное соглашение равных субъектов, а как юридический факт, завершающий долгую череду административных процедур и запускающий механизм казначейского контроля за расходованием бюджетных средств.

Дискуссия о правовой природе государственного контракта велась и до реформы закупочного законодательства. Д.В. Кузнецов ещё в 2005 году обращал внимание на то, что государственный контракт не может рассматриваться исключительно сквозь призму Гражданского кодекса, поскольку в нем переплетаются черты гражданско-правовой сделки и административного акта, направленного на исполнение государственной функции [11]. Эта констатация остается верной и сегодня, с той лишь разницей, что теперь административная составляющая многократно усилилась за счёт цифровизации закупок, централизации процедур и внедрения казначейского сопровождения.

Обращение к зарубежному опыту подтверждает общемировую тенденцию. Директива 2014/24/ЕС о государственных закупках [12] построена на тех же базовых ценностях — недискриминация, прозрачность, эффективное расходование средств налогоплательщиков, — и рассматривает закупочные процедуры прежде всего как инструмент публичной политики, а не как разновидность предпринимательских отношений. Там, как и в российской системе, договор является итогом жестко регламентированного отбора, и свобода усмотрения заказчика сведена к минимуму.

В следствие этого, попытки свести контрактную систему к простой модификации гражданско-правового института купли-продажи или подряда оказываются малопродуктивными. Основополагающее значение здесь имеют не частные согласования воль, а императивно установленные правила, определяющие весь жизненный цикл закупки — от обоснования потребности до приемки результатов и контроля за исполнением. Заказчик действует не в собственных интересах, а в качестве агента публичного образования, и его воля изначально запрограммирована требованиями бюджета, нормативных актов и ведомственных инструкций. Следовательно, заключаемый контракт лишь оформляет уже состоявшееся административное решение о том, что конкретная нужда должна быть удовлетворена конкретным способом. Даже механизмы расторжения контракта, предусмотренные законом, несут на себе печать публичного контроля — односторонний отказ заказчика от исполнения договора допустим по строго оговоренным основаниям и фактически превращается в акт административного усмотрения, облеченный в договорную форму.

Таким образом, природа контрактной системы не может быть понята в рамках одной отраслевой парадигмы, но центр тяжести всё же смещён в сферу публичного права. Контрактная система выступает как сложноструктурированный административно-правовой институт, в котором гражданско-правовой договор играет роль завершающего элемента, подчиненного императивной логике публичного управления. Такая трактовка не отрицает частноправовых элементов, но отводит им подчиненное, инструментальное значение. Приоритет публичных начал проистекает из самого существа отношений — необходимости рационального и подконтрольного обществу расходования бюджетных средств. Поэтому дальнейшие исследования контрактной системы, как представляется, должны быть сосредоточены не на выборе между гражданским и административным правом, а на совершенствовании механизмов, обеспечивающих реализацию публичного интереса при сохранении разумной меры диспозитивности, необходимой для нормального хозяйственного оборота.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государствен-ных и муниципальных нужд" // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. - М.: Статут, 2011. - 847 с.
3. Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. - М.: Волтерс Клувер, 2009. - 296 с. ISBN: 978-5-466-00381-9 EDN: QQWNMP
4. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. - М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2014. - 656 с.
5. Талапина Э.В. Административное право и публичное управление: институциональные изменения. - М.: Норма, 2018. - 256 с.
6. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 839 с. EDN: BWDBCH
7. Белов В.Е. Государственный (муниципальный) контракт в гражданском праве // Законодательство. - 2016. - № 7.
8. Дозорцев В.А. Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению государственных нужд // Государство и право. - 1992. - № 7. - С. 45-56.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. - 2014. - № 5.
10. Борисов А.Н., Трефилова Т.Н. Комментарий к Федеральному закону "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (постатейный). - М.: Юстицинформ, 2014. - 584 с. ISBN: 978-5-7205-1269-9 EDN: WGAHZJ
11. Кузнецов Д.В. Проблемы определения правовой природы государственного контракта // Юрист. - 2005. - № 12. - С. 32-36. EDN: OITCGZ
12. Директива 2014/24/ЕС Европейского парламента и Совета от 26 февраля 2014 г. о государственных закупках и отмене Директивы 2004/18/ЕС (неофициальный перевод) // СПС "КонсультантПлюс".

References

1. Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013, “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652.
2. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. General Provisions. – Moscow: Statut, 2011. – 847 p.
3. Andreeva L.V. Procurement of goods for federal government needs: legal regulation. Moscow: Volters Kluwer, 2009. 296 p
4. Tikhomirov Yu.A. Administrative law and process: a complete course. Moscow: Tikhomirov Publishing House M.Yu., 2014. 656 p
5. Talapina E.V. Administrative Law and process. Law and Public administration: institutional changes. Moscow: Norma, 2018. 256 p.
6. Venediktov A.V. State Socialist Property. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. – 839 p.
7. Belov V.E. State (municipal) contract in civil law // Legislation. – 2016. – No. 7. – Pp. 12–21.
8. Dozortsev V.A. Civil-legal regulation of relations aimed at meeting state needs // State and Law. – 1992. – No. 7. – Pp. 45–56.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014, No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2014. – No. 5.
10. Borisov A.N., Trefilova T.N. Commentary on the Federal Law “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs” (article-by-article). – Moscow: Yustitsinform, 2014. – 584 p.
11. Kuznetsov D.V. Problems of Determining the Legal Nature of a Government Contract // Lawyer. – 2005. – No. 12. – Pp. 32–36.
12. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and the repeal of Directive 2004/18/EC (unofficial translation) // SPS “ConsultantPlus”.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_42

УДК 342

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
THE INFLUENCE OF RELIGIOUS MORALITY ON THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE ANCIENT RUSSIAN STATE

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**: статья посвящается анализу различных аспектов влияния религиозной морали на формирование правосознания и развитие права в Древнерусском государстве; исследуется процесс трансформации языческого правосознания под влиянием христианской этики в период, предшествующий официальному Крещению Руси; рассматриваются механизмы проникновения христианских норм через торговые и дипломатические контакты с Византией и другими христианскими государствами; анализируется взаимодействие традиционного обычного права с христианскими моральными принципами, повлиявшее на формирование основных правовых институтов.*

***Abstract**: The article provides a comprehensive analysis of the influence of religious morality on the formation of legal consciousness and the development of law in Ancient Rus in the 9th century. It explores the process of transformation of pagan legal consciousness under the influence of Christian ethics during the period preceding the official Baptism of Rus. The article examines the mechanisms of the penetration of Christian norms through trade and diplomatic relations with Byzantium and other Christian states. It also analyzes the interaction between traditional customary law and Christian moral principles, which influenced the formation of basic legal institutions. Special attention is paid to the first steps in the introduction of ecclesiastical court and the distribution of nomocanon, which laid the foundation for the subsequent systemic reception of Byzantine law.*

***Ключевые слова**: религиозная мораль, правосознание, источники права, церковный суд, номоканоны, обычное право, христианизация.*

***Keywords**: religious morality, legal consciousness, sources of law, ecclesiastical court, nomocanon, customary law, Christianization.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Влияние религиозной морали на формирование правосознания в Древнерусском государстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 42-46. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_42.*

***For citation**: Nazarova I.S. The Influence of Religious Morality on the Formation of Legal Consciousness in the Ancient Russian State // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 42-46. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_42.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Влияние религиозной морали на формирование правосознания в Древнерусском государстве сохраняло актуальность на протяжении многих веков и оказало значительное воздействие на развитие правовой культуры и системы ценностей.

Понимание глубинных основ российской правовой культуры, уходящих корнями в эпоху становления государственности, позволяет осмыслить духовно-нравственные истоки служения Отечеству. Исследование исторических процессов формирования правосознания под влиянием религиозной морали приобретает особую значимость в современных условиях проведения специальной военной операции. Исторический опыт демонстрирует, как религиозные ценности становятся фундаментом правовой системы, определяя направления ее развития и наполняя правовые нормы этическим содержанием. Этот исторический прецедент имеет практическое значение для совершенствования статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии, поскольку показывает, что эффективное правовое регулирование должно опираться не только на формальные предписания, но и на глубокие моральные основания, разделяемые обществом. В условиях современных вызовов обращение к историческим корням правосознания способствует укреплению духовного стержня воинского контингента.

Проникновение христианства на территорию Древней Руси в IX веке представляло собой сложный и многогранный процесс, осуществлявшийся преимущественно через торговые и дипломатические контакты с Византийской империей. Христианство в этот период выступало не просто как религиозное учение, а как целостная нормативно-этическая система, предлагавшая новые принципы регуляции общественных отношений. Через крымские колонии Византии, такие как Херсонес, и благодаря деятельности миссионеров, христианские идеи начали проникать в среду древнерусской знати[1].

Особенностью этого процесса было то, что христианство первоначально распространялось не как официальная государственная религия, а как этическая система, предлагавшая альтернативу языческим нормам. Христианские моральные принципы — милосердие, справедливость, равенство перед Богом — постепенно начинали влиять на правовое сознание древнерусского общества. Даже в дохристианский период эти идеи оказывали воздействие на формирование представлений о справедливом и несправедливом, должном и запретном.

1 Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018. – С. 48.

Важным аспектом стало то, что христианство принесло с собой письменную культуру и представление о божественном происхождении закона, что существенно отличалось от языческих традиций, где право основывалось преимущественно на устных обычаях предков. Эта особенность христианства как нормативной системы заложила основу для последующего развития письменного законодательства на Руси[1].

Религиозная мораль на Руси IX века представляла собой синтез традиционных языческих представлений и постепенно проникающих христианских ценностей. В этот переходный период сосуществовали две системы нравственных ориентиров, взаимно влиявшие друг на друга. Языческая мораль основывалась на родовых ценностях, культе предков и природных сил, тогда как христианская этика предлагала универсальные принципы, выходящие за рамки племенных традиций.

Анализ научных источников позволяет выделить нижеприведенные ключевые характеристики религиозной морали рассматриваемого периода.

Дуализм нормативных систем — одновременное существование языческих и христианских этических принципов, что создавало сложную картину нравственных ориентиров в обществе.

Постепенная христианизация этических понятий — традиционные представления о чести, справедливости, долге начали наполняться христианским содержанием.

Формирование надплеменной этики — христианские нормы способствовали преодолению племенной разобщенности и создавали основу для единой системы ценностей формирующегося государства.

Особенностью религиозной морали IX века было то, что христианские принципы первоначально усваивались преимущественно в среде торговой и военной аристократии, имевшей постоянные контакты с Византией. Это создавало социальную базу для последующего официального принятия христианства и способствовало формированию элитарного правосознания, ориентированного на византийские стандарты[2].

Правосознание древнерусского общества IX века характеризовалось сложным переплетением традиционных языческих представлений и постепенно проникающих христианских идей. Основу правового менталитета составляли родовые ценности и обычаи, передававшиеся из поколения в поколение. Центральное место занимала идея коллективной ответственности рода, что находило выражение в институте кровной мести — фундаментальном принципе языческого правосознания.

Под влиянием христианской морали начался постепенный процесс трансформации правосознания.

Представляется, что данный процесс проявлялся в нескольких аспектах.

Переосмысление справедливости — от идеи равного возмездия к представлению о милосердии и прощении.

Индивидуализация ответственности — постепенное вытеснение коллективной ответственности рода идеей личной ответственности перед Богом.

Формирование представления о грехе как правонарушении — многие деяния, ранее рассматривавшиеся лишь как нарушение обычая, начали осмысляться как греховные.

Важным фактором развития правосознания стало появление письменности и первых правовых документов, что способствовало переходу от мифологического к рациональному осмыслению права. Договоры Руси с Византией 860 и 907 годов демонстрируют формирование дипломатического правосознания, уже испытавшего влияние христианских представлений о клятве и договоре.

Правовая система Древней Руси в IX веке находилась в стадии формирования и представляла собой сложный конгломерат обычного права, княжеских установлений и постепенно проникающих византийских правовых норм. Основным источником права в этот период было обычное право, основанное на традициях и решениях племенных судов. Княжеское законодательство только начинало формироваться и носило эпизодический характер[3].

Структура правовой системы включала в себя несколько элементов.

Обычное право — совокупность неписаных норм, регулировавших семейные, имущественные и уголовные отношения на основе традиций.

Княжеские уставы — первые писаные установления, определявшие порядок управления и судопроизводства.

Договорное право — нормы, содержащиеся в международных соглашениях, прежде всего с Византией.

Церковные установления — постепенно внедряемые христианские нормы, регулировавшие вопросы семейно-брачных отношений и религиозной жизни[4].

Особенностью правовой системы этого периода было отсутствие четкой систематизации и письменной фиксации большинства правовых норм. Право оставалось преимущественно устным и традиционным, что соответствовало догосударственному или раннегосударственному этапу развития общества. Однако уже в этот период начался процесс рецепции отдельных византийских правовых институтов, особенно в сфере торгового и семейного права.

Проникновение христианства на Русь в IX веке сопровождалось постепенным внедрением института церковного суда, который первоначально действовал только в христианских общинах. Церковный суд стал важным инструментом внедрения христианских правовых представлений в древнерусское общество. Его юрисдикция распространялась преимущественно на духовенство и членов христианских общин, затрагивая

1 Васильев А.А. Христианство на Руси до Крещения. – СПб.: Издательство РХГА, 2019. – С.112-113.
2 Ермолаев А.К. Ранние этапы христианизации Руси. – М.: Проспект, 2020. – С. 109.
3 Беляев И.Д. История русского законодательства. – М.: Юрайт, 2021. – С. 462.
4 Сидоров А.Н. Номоканоны в правовой системе Древней Руси. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С. 36-38.

вопросы веры, семейно-брачных отношений и морали.

Выделим особенности деятельности церковного суда в этот период:

Ограниченная юрисдикция — церковный суд действовал только в отношении христиан и не мог применять свои нормы к языческому большинству населения.

Специфические виды наказаний — в отличие от традиционной системы композиций и кровной мести, церковный суд применял епитимии, отлучение от церкви и другие духовные наказания.

Принцип индивидуальной ответственности — церковный суд основывался на концепции личной вины и ответственности перед Богом, что противоречило традиционному пониманию коллективной ответственности рода.

Введение церковного суда создавало прецедент альтернативной системы правосудия, основанной на принципах христианской морали. Это способствовало постепенному вытеснению наиболее архаичных институтов обычного права, таких как кровная месть и ордалии, и закладывало основу для последующего формирования единой судебной системы Древнерусского государства[1].

Важным каналом влияния религиозной морали на правосознание и право Древней Руси в IX веке стало распространение византийских номоканонов — сборников, содержавших как церковные правила, так и светские законы, относящиеся к церковной сфере. Эти сборники представляли собой систематизированные своды норм, регулировавших различные стороны жизни христианской общины[2].

Процесс распространения номоканонов характеризовался несколькими специфическими чертами:

Избирательность рецепции — первоначально заимствовались только те нормы, которые соответствовали условиям древнерусского общества и не вступали в радикальное противоречие с местными обычаями.

Языковой барьер — распространение номоканонов сдерживалось отсутствием качественных переводов на старославянский язык, что ограничивало их использование узким кругом образованных клириков.

Адаптация к местным условиям — византийские нормы постепенно адаптировались к социальным реалиям Древней Руси, что приводило к их трансформации и созданию оригинальных правовых конструкций.

Номоканоны сыграли ключевую роль в формировании представлений о систематизированном, писаном праве, основанном на религиозных и моральных принципах. Они стали своеобразными учебниками права для древнерусских книжников, демонстрируя взаимосвязь правовых норм с христианской этикой. Через номоканоны на Русь проникали не только конкретные правовые предписания, но и сама идея кодификации права, что имело фундаментальное значение для последующего развития древнерусского законодательства[3].

Одним из наиболее значимых последствий влияния христианской морали на правовую систему Древней Руси в IX веке стало постепенное смягчение норм обычного права, отличавшихся исключительной суровостью. Этот процесс носил постепенный характер и затрагивал в первую очередь те сферы, где христианские нормы наиболее радикально противоречили традиционным установлениям.

На наш взгляд, наиболее ярко смягчение норм обычного права проявилось в нескольких направлениях.

Ограничение кровной мести — христианская идея прощения и милосердия постепенно подрывала традиционный принцип равного возмездия, что создавало предпосылки для последующей замены мести системой выкупов.

Отношение к рабству — христианские представления о равенстве людей перед Богом способствовали смягчению положения холопов и появлению норм, ограничивающих произвол господ.

Семейное право — христианские нормы начали оказывать влияние на положение женщины в семье, постепенно ограничивая патриархальный произвол.

Процесс смягчения обычного права не был прямолинейным и встречал сопротивление со стороны приверженцев традиционных устоев. Однако уже в IX веке наметилась тенденция к гуманизации правовых норм под влиянием христианской морали. Это создавало основу для последующего реформирования правовой системы в X-XI веках, которое завершилось созданием Русской Правды — памятника, отразившего синтез традиционных и христианских правовых принципов.

Рассмотрим направления влияния религиозной морали на формирование нравственных ценностей и в регулировании общественных отношений на Руси в IX веке.

Влияние религиозной морали на формирование нравственных ценностей и регулирование общественных отношений в Древней Руси IX века осуществлялось по нескольким основным направлениям, каждое из которых вносило свой вклад в трансформацию правосознания и правовой системы.

В сфере семейно-брачных отношений христианская мораль способствовала укреплению моногамной семьи и повышению статуса женщины. Постепенно начали вытесняться языческие обычаи многоженства и похищения невест, хотя этот процесс занял несколько столетий. Христианские представления о браке как сакральном союзе начали оказывать влияние на формирование семейного права[4].

В области уголовного права религиозная мораль способствовала переосмыслению понятия вины и ответственности. На смену объективному вменению, характерному для кровной мести, постепенно приходило представление о субъективной стороне преступления. Идея искупления вины через раскаяние и несение наказания начала дополнять традиционные представления о возмездии[1].

1 Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. – М.: Общество любителей церковной истории, 2018. – С. 249.
2 Цыпин В.А. Церковное право. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2016. – С. 369.
3 Сидоров А.Н. Номоканоны в правовой системе Древней Руси. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С. 87-88.
4 Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. – СПб.: Академический проект, 2017. – С. 372.

В сфере имущественных отношений христианские нормы начали влиять на регулирование договорных обязательств. Представления о клятве как священном обете, нарушение которого является не только правонарушением, но и грехом, способствовало укреплению договорной дисциплины. Формировались этические стандарты ведения торговли, основанные на христианских заповедях.

В области межличностных отношений христианская мораль способствовала формированию представлений о милосердии, сострадании и помощи слабым[2]. Эти принципы начали оказывать влияние на правовое регулирование отношений между различными социальными группами, постепенно смягчая наиболее жесткие формы социального неравенства.

Религиозная мораль оказала значительное влияние на формирование правосознания в Древнерусском государстве, особенно после принятия христианства в 988 году. Это влияние проявлялось в нескольких ключевых аспектах.

Христианство как нормативно-этическая система предложило критерии оценки поступков и предусматривало привлечение к ответственности за отступления от установленных норм поведения. Это способствовало формированию представления о том, что закон должен соответствовать божественным и нравственным принципам.

Церковь через свою иерархию и пример ревнителей новой веры воздействовала на нравы общества. Например, духовенство выступало против грубых форм рабства, в поучениях и проповедях призывало господ быть милосердными с рабами, напоминая, что раб — такой же человек и христианин.

После крещения Руси церковь получила двоякую юрисдикцию: она судила как духовных, так и мирян по некоторым делам духовно-церковного характера, а также некоторых христиан — по всем делам, церковным и нецерковным, гражданским и уголовным. Это влияло на формирование представлений о том, какие деяния подлежат судебному разбирательству и какие нормы должны регулировать эти отношения.

Вместе с христианством на Русь пришли византийские законодательные акты, основанные на Своде законов Юстиниана. Они повлияли на формирование церковного права и, впоследствии, на некоторые нормы светского права, например, на «Русскую Правду». При этом обычаи, противоречившие основным постулатам христианства, стали считаться противоправными и постепенно устранялись.

Сложился политический, правовой и идеологический союз государства и церкви, получивший название «симфония двух властей». Духовенство внушало людям евангельское учение о божественном происхождении власти («несть власть, яже не от Бога»), а князья стремились охранять церковь.

Совместное правотворчество и правоприменение светских и духовных властей воспитывало общерусское народное правосознание в духе реципированных христианских церковно-правовых новелл и правовых обычаев.

Таким образом, религиозная мораль стала важным фактором формирования правосознания в Древнерусском государстве, влияя на нравственные ориентиры, судебные практики и систему правовых норм. Христианские ценности, интегрированные в правовую культуру, способствовали формированию представлений о справедливости, ответственности и божественном происхождении власти.

Влияние христианской этики на правовую систему началось задолго до официального Крещения Руси и осуществлялось через различные каналы — торговые и дипломатические контакты, деятельность миссионеров, распространение письменных источников права.

Религиозная мораль выступала в этот период как важный фактор трансформации правосознания, способствуя переходу от языческих представлений о праве как обычае предков к христианскому пониманию права как выражения божественной воли.

Именно религиозная мораль заложила основы для последующей системной рецепции византийского права и создания оригинальной древнерусской правовой системы.

Исторический опыт IX века демонстрирует, что эффективная правовая система должна иметь прочные моральные основания, разделяемые обществом. Для совершенствования статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии это означает необходимость опоры не только на формальные правовые нормы, но и на систему духовно-нравственных ориентиров, укорененных в национальной культурной традиции. Как в IX веке религиозная мораль способствовала формированию представлений о долге, чести и справедливости, так и в современных условиях укрепление морально-этических основ военной службы является важнейшим направлением совершенствования правового статуса военнослужащих. Исторический прецедент перехода от обычного права к праву, основанному на религиозно-нравственных принципах, показывает значение духовных основ для создания эффективной системы правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности. В условиях специальной военной операции это приобретает особую актуальность, поскольку подтверждает, что боевой дух и правовая защищенность военнослужащих являются двумя сторонами единого целого — надежной системы защиты национальных интересов.

Таким образом, религиозная мораль оказывает многоаспектное влияние на формирование правосознания и развитие права в Древнерусском государстве. Религиозные ценности стали фундаментом правовой системы, определив направления ее развития и наполнив правовые нормы этическим содержанием. В условиях современных вызовов обращение к историческим корням правосознания способствует укреплению духовного стержня, в том числе, воинского контингента.

1 Рогов В.А. Уголовное право Древней Руси. – М.: Статут, 2020. – С. 243; Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

[2] Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.

Список литературы

1. Беляев И.Д. История русского законодательства. - М.: Юрайт, 2021. - 543 с.
2. Васильев А.А. Христианство на Руси до Крещения. - СПб.: Издательство РХГА, 2019. - 298 с.
3. Выменец П.С. Власть как юридический феномен статья // Теория государства и права. - 2023. - № 4-1 (34). - С. 52-61. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_52 EDN: YYLIRI
4. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. - М.: Общество любителей церковной истории, 2018. - 654 с.
5. Ермолаев А.К. Ранние этапы христианизации Руси. - М.: Проспект, 2020. - 278 с.
6. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. - М.: Языки славянской культуры, 2019. - 456 с.
7. Жуков В.Н. Бессознательное и власть: классический психоанализ: Монография. - М.: Юнити-Дана, 2024. - 504 с. ISBN: 978-5-238-03868-1 EDN: IOUBEC
8. Зимин А.А. Правда Русская. - М.: Древлехранилище, 2017. - 421 с.
9. Иванов И.В. Конституционно-правовой механизм публичной власти в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. - 2023. - № 4 (33). - С. 198-202. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_198 EDN: IMWHRU
10. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. - М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018. - 768 с.
11. Леонтьев А.И. Церковное право и его источники в Древней Руси. - М.: Зерцало, 2016. - 345 с.
12. Петров И.В. Византийское право и его рецепция в славянских странах. - М.: Юрлитинформ, 2018. - 456 с.
13. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. - Самара: БАХРАХ, 1999. - 576 с.
14. Рогов В.А. Уголовное право Древней Руси. - М.: Статут, 2020. - 411 с.
15. Сидоров А.Н. Номоканоны в правовой системе Древней Руси. - СПб.: Издательство РХГА, 2015. - 298 с.
16. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. - СПб.: Академический проект, 2017. - 736 с.
17. Цыпин В.А. Церковное право. - М.: Издательство Московской Патриархии, 2016. - 672 с.
18. Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. - 2024. - № 4(41). - С. 102-113. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102 EDN: MGYJFK
19. Шеншин, В. М. О необходимости правового регулирования заключения брака с несовершеннолетними / В. М. Шеншин, Д. А. Прокофьева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 3(52). - С. 9-16. EDN: YSRRIT
20. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 424 с. ISBN: 978-5-91837-939-4 EDN: MVBFJC

References

1. Belyaev I.D. History of Russian Legislation. – Moscow: Yurayt, 2021. – 543 p.
2. Vasiliev A.A. Christianity in Rus' before the Baptism. – St. Petersburg: RKhGA Publishing House, 2019. – 298 p.
3. Vymenets P.S. Power as a Legal Phenomenon: Article // Theory of State and Law. – 2023. – No. 4-1 (34). – Pp. 52-61. DOI: 10.25839/MATGIP_2022_4_1_34_52
4. Golubinsky E.E. History of the Russian Church. Vol. 1. – Moscow: Society of Lovers of Church History, 2018. – 654 p.
5. Ermolaev A.K. Early Stages of the Christianization of Rus'. – Moscow: Prospekt, 2020. – 278 p.
6. Zhivov V.M. Research in the Field of the History and Prehistory of Russian Culture. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2019. – 456 p.
7. Zhukov V.N. The Unconscious and Power: Classical Psychoanalysis: Monograph. – Moscow: Unity-Dana, 2024. – 504 p.
6. Zimin A.A. Russian Truth. – Moscow: Drevlekhranilishche, 2017. – 421 p.
7. Ivanov I.V. The Constitutional and Legal Mechanism of Public Power in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. – 2023. – No. 4 (33). – Pp. 198–202. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_198.
8. Kartashev A.V. Essays on the History of the Russian Church. Vol. 1. – Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2018. – 768 p.
9. Leontiev A.I. Church Law and Its Sources in Ancient Rus'. – Moscow: Zertsalo, 2016. – 345 p.
10. Petrov I.V. Byzantine Law and Its Reception in Slavic Countries. – Moscow: Yurlitinform, 2018. – 456 p.
11. Raigorodsky D.Ya. Psychology and Psychoanalysis of Power. Vol. 2. Reader. – Samara: BAKHRAKH, 1999. – 576 p.
12. Rogov V.A. Criminal Law of Ancient Rus'. – Moscow: Statut, 2020. – 411 p.
13. Sidorov A.N. Nomocanons in the Legal System of Ancient Rus'. – St. Petersburg: RKhGA Publishing House, 2015. – 298 p.
14. Sverdlov M.B. Pre-Mongol Rus'. – St. Petersburg: Academic Project, 2017. – 736 p.
15. Tsypin V.A. Church Law. – Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2016. – 672 p.
16. Kiiko, A. Yu. The Role of the Russian Orthodox Church in the Spiritual and Moral Education of National Guard Personnel / A. Yu. Kiiko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of State and Law. – 2024. – No. 4(41). – Pp. 102–113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
17. Shenshin, V. M. On the Need for Legal Regulation of Marriage with Minors / V. M. Shenshin, D. A. Prokofieva // Right. Safety. Emergency Situations. – 2021. – No. 3(52). – Pp. 9-16. – EDN YSRRIT.
18. Criminal Law. General Part: textbook / A. V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [et al.]. – 2nd edition, revised and supplemented. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_47

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА КАПУСТИНА
THE CONCEPT OF INTERNATIONAL LAW BY MIKHAIL NIKOLAEVICH KAPUSTIN

САНГУЛИЯ Аслан Даурович
к.ю.н., доцент кафедры Государства и права юридического факультета Абхазского государственного университета.
Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1.
E-mail: asanguliya@mail.ru

SANGULIYA Aslan Daurovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Law Faculty of Law, Abkhaz State University.
Sukhumi, Republic of Abkhazia, Universitetskaya Street, 1.
E-mail: asanguliya@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена характеристике представлений М.Н. Капустина о предмете и методе международного права как научной дисциплины. По мнению автора, эволюция теоретических представлений М.Н. Капустина о международном праве включает три периода: первый – определение понятия международного права, международных правоотношений как более высокого уровня международного общения, которому предшествует дипломатия; второй – обоснование о модификации права в соответствии с особенностями культурной жизни народов, необходимости его унификации в контексте международного общения; третий – обоснование положения о близости представлений народов о справедливости, что является главным условием международного права, источником которого является национальное право, легитимируемое в контексте национальных интересов в пространстве международного общения, на основе идентичных представлений о справедливости. Автор исследования обосновывает мысль о том, что, несмотря на неизбежное отражение в концепции международного права М.Н. Капустина исторических особенностей становления юридической науки, она сохраняет свою актуальность и в наши дни. Представляется, что не утратил своего значения конструируемый теоретиком идеал, выступающий общим началом международного права. Он состоит в признании культурной самодостаточности всех народов, их равенства, выражаемого в необходимости строить международные отношения на основе уважения суверенитета государств. Эта мысль является актуальной в силу той злободневности, которую в последние десятилетия приобретает концепция многополярности мира, являющаяся альтернативой однополярному миру. Многополярное мироустройство является более эффективным порядком защиты национальных интересов, что убедительно доказывал М.Н. Капустин в конце XIX столетия.*

Abstract. *The article is devoted to the characteristics of M.N. Kapustin's views on the subject and method of international law as a scientific discipline. According to the author, the evolution of M.N. Kapustin's theoretical ideas about international law includes three periods: the first period is the definition of the concept of international law and international legal relations as a higher level of international communication, which is preceded by diplomacy; the second period is the justification of the modification of law in accordance with the cultural life of nations and the need for its unification in the context of international communication; and the third period is the justification of the idea that nations have similar concepts of justice, which is the main condition for international law, which is based on national law that is legitimized in the context of national interests in the space of international communication, based on identical concepts of justice. The author of the study substantiates the idea that, despite the inevitable reflection of the historical features of the development of legal science in M.N. Kapustin's concept of international law, it remains relevant today. It seems that the ideal constructed by the theorist, which serves as the general principle of international law, has not lost its significance. This ideal consists in recognizing the cultural self-sufficiency of all nations and their equality, which is expressed in the need to build international relations based on respect for the sovereignty of states. This idea is relevant due to the urgency of the concept of a multipolar world, which has become an alternative to a unipolar world in recent decades. A multipolar world order is a more effective way to protect national interests, as M.N. Kapustin convincingly argued in the late 19th century.*

Ключевые слова: *М.Н. Капустин, правоведение, юридическая наука, методология, общая теория права, правовая норма, история права, международное право.*

Keywords: *M.N. Kapustin, jurisprudence, legal science, methodology, general theory of law, legal norm, history of law, international law.*

Для цитирования: *Сангулия А.Д. Концепция международного права Михаила Николаевича Капустина // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 47-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_47.*

For citation*: Sanguliya A.D. The Concept of International Law by Mikhail Nikolaevich Kapustin // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 47-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_47.*

Статья поступила в редакцию: 03.05.2026

Особое место среди представителей позитивистской школы занимает Михаил Николаевич Капустин (1828 – 1899) – выдающийся государственный деятель, действительный тайный советник, педагог, крупный специалист в области международного права, общей теории права, всеобщей истории права, доктор международного права, заслуженный ординарный профессор. М.Н. Капустин – автор первых в России систематических руководств и учебных пособий по международному праву, основоположник науки «всеобщая история права». Так же весьма значителен его вклад в науку общей теорию права, являясь одним из первых русских теоретиков, кто предпринял попытку сформулировать идею общей теории права посредством своей своеобразной догматической методологии.

Не смотря на погруженность в административную работу (директор Демидовского юридического лицея в Ярославле, попечитель Дерптского и Петербургского учебного округа), М.Н. Капустин, никогда не прекращал преподавательскую и научную деятельность, что, несомненно, обогатило русскую фундаментальную юридическую теорию. Еще в студенческие годы его научным предпочтением стало изучение международного права, которое рассматривалось в качестве одного из самых перспективных направлений правоведения того времени, так как эта сфера юридического знания лишь формировалась как самостоятельная отрасль.

Так, магистерская диссертация М.Н. Капустина была посвящена именно международно-правовой проблематике, вызвав немалый интерес научной общественности. Ее предметом стали дипломатические отношения России со странами Западной Европы во второй половине XVII века. Она стала событием в российской науке. Один из оппонентов следующим образом охарактеризовал научное значение диссертации: «Во-

прос о дипломатии в древней России есть раскрытие новой и важной стороны отечественной истории – раскрытие, объясняющее нам моральное и религиозное состояние русского народа, и вытекающий оттуда взгляд Руси на окружающие его народы и потом на все человечество. Этот взгляд можно охарактеризовать отсутствием исключительности и уважение к человеку, независимо от того, грек ли этот человек, татарин или немец. Это отсутствие исключительности: родиться оно должно было в глубине русского духа» [11, с.90].

Очевидно, что М.Н. Капустин совершенно сознательно сделал выбор в пользу науки международного права. Еще, будучи студентом, он понял, что «Международное право, хотя и ограничивается у нас по преимуществу сферою научною, однако начинает возбуждать интерес общий: юридическое мышление находит для себя особый простор в сфере отношений между государствами; в процессе их развития юридический ум с особенной любовью уловляет общие нормы права» [2, с.143].

Увлеченность М.Н. Капустина проблематикой международного права в первую очередь объясняется перспективностью этого направления, конституируемого как отрасль правоведения, актуальностью правового обеспечения международных отношений для развивающихся межгосударственных связей середины XIX века. Можно сказать, что этот теоретик был одним из первооткрывателей этой науки на почве русского правоведения. Так, среди оппонентов по магистерской диссертации будущего молодого ученого, которую он защищал в Московском университете, не было ни одного профессора международного права. В.Н. Лешков был профессором полицейского права, С.И. Баршев – криминалистом, Н.В. Калачов – специалистом по истории русского права, а С.М. Соловьев, как известно, был историком.

Отрасль международного права в российском правоведении возникла позднее, в конце XIX – начале XX века, родив имена ее известных теоретиков. Однако примечательна оценка этой сферы одним из ученых правоведов начала XX века, известного как профессор международного права. Речь идет о таком теоретике права, как А.С. Ященко. Уже признанный специалист в этой сфере в Московском университете, после перевода в Юрьевский университет, он был вынужден преподавать философию и энциклопедию права, вместо этой еще молодой науки. Однако в связи с этим в письме одному из своих учителей В.Э. Грабарю он сделал следующее признание, говоря о новой, преподаваемой им дисциплине: «…я люблю, действительно, свой предмет, рад избавиться от международного права… и Вы, быть может, были правы о моем окончательном избавлении от моей первоначальной специальности. Бог с нею, не поминай ее лихом» [14, с.21].

Так, не смотря на то, что в начале XX века уже существовало достаточное количество учебников по теории международного права, эта отрасль далеко не всеми юристами признавалась в качестве науки.

Тем большее значение имеют первые исследования, теоретические разработки в этой сфере, которые претендуют на роль первооткрывателей данной области. М.Н. Капустин, не смотря на значение его общетеоретических работ, посвященных систематизации и обобщению теоретических знаний о праве в концепции общей теории (юридической догматике), не смотря на значение его государственной и общественной деятельности, внесшей огромный вклад в развитие юридического образования в нашей стране, становление системы воспитательных учреждений для беспризорных детей, не смотря на все это, он остается в истории правоведения, в том числе, как один из первых русский теоретиков международного права.

Предметом большинства его работ фундаментального характера являются международные правоотношения и международное право [5, с.21], они посвящены теории международного права. При этом их значение состоит в создании теоретико-методологической почвы исследования международных отношений, определения предмета данной научной и учебной дисциплины, ее познавательных и дидактических задач.

По нашему мнению, в эволюции представлений М.Н. Капустина о международном праве и, соответственно, науки международного права следует выделить три периода. Первый период связан со становлением его как ученого, защитой магистерской диссертации, которая свидетельствует о сложившемся понятии международного права. Однако здесь еще отсутствует та теоретическая концептуальность, которая необходима для научного осмысления феномена международного права, выяснения его юридической природы. Она появляется в докторской диссертации, посвященной истории европейского права, предмет которой, хотя и не касается непосредственно международного права, создает методологические предпосылки для его теоретической разработки. Дело в том, что в докторской диссертации со всей определенностью сформулирован подход к изучению права как международного явления, та модель правопонимания, которую следует признать в качестве общей основы его теоретической конструкции международного права, легшей в основу последующих работ по данной проблеме. Третий период связан с изданием учебника по международному праву, демонстрирующего зрелый взгляд ученого на его природу предмет и методологию данной научной и учебной дисциплины.

Как известно, его магистерская диссертация была посвящена дипломатическим отношениям России со странами Западной Европы во второй половине XVII века. Внимание молодого ученого привлекает проблема титулования Алексея Михайловича, вернее, отношение к принятому в России именованию титула, применение этой формулы в договорах с Швецией и Францией. Вопрос состоял в полноте титула Алексея Михайловича, примененного в договорах. В дипломатических отношения это имело особое значение, поскольку титул отражал статус государя, объем его прав, обеспечивавший равенство в отношениях. То есть, «полные титлы» необходимы были в межгосударственном соглашении для подтверждения равенства сторон, косвенно, означавшего гарантию его уважения и исполнения.

Главный же вывод, который сделал кандидат на магистерское звание М.Н. Капустин состоит в констатации того факта, что Россия в указанный период еще не была интегрирована в сферу международного права. Соглашения, которые имели место в данный период, были правовой основой дипломатических отношений. Лишь XVIII век дал начало интеграции нашей страны в международное право, что было связано с реформаторской деятельностью Петра I. При этом М.Н. Капустин не склонен к возвышению роли личности великого реформатора в этом процессе. Он полагает, что это явилось закономерным этапом эволюции, начавшейся задолго до рождения Петра I. Так период дипломатии XVII века,

означающий для России отсутствие институциональности международных отношений является переходным этапом к народному (международному) праву, в контексте которого Россия рассматривается как равноправный субъект международных отношений. Теоретик пишет: «В дипломатии, как и во внутренней жизни, XVII век представляет эпоху переходную. Конечно, реформа началась прежде Петра Великого – было осознание ее необходимости; Петр явился продолжателем древней русской жизни, давший ей более простора в новых формах, новых путях, созданных его гением. В XVII веке начинается полное вступление России в европейское народное право» [5, с.31].

Дипломатию М.Н. Капустин рассматривает как необходимую составляющую международного общения. При этом он полагает, что она может иметь разный характер, опираясь на разные этические и мировоззренческие установки государств. Речь идет о начале государственной международной политики государства. Так, характеризуя российскую дипломатию XVII века, ученый указывает на принцип равновесия и уважения, которыми руководствовалась Россия в отношениях с другими государствами. Более того, он полагает, что важной ценностью российской дипломатии того времени было общенародное благо.

Это разделение периода дипломатии и периода вступления в народное (международное) право имело большое значение для формирования концептуальных представлений о международном праве М.Н. Капустина. В то же время, не смотря на очень интересные оценки анализируемых в работе фактов международной жизни, необходимо отметить, что данная работа свидетельствует о формировании концепции ученого, но не о сложившейся теории. Так, очевидным упущением следует признать принижение значения римского права в качестве исторического источника международного права будущего.

Тем не менее, было очевидно и то, что данная работа свидетельствует о рождении перспективного ученого юриста-международника. После защиты диссертации он приступает к чтению лекций по международному праву. Известно, что М.Н. Капустин неоднократно приглашался в качестве оппонента на защиту диссертаций по международному праву.

Как было указано выше, докторская диссертация М.Н. Капустина посвящена истории европейского права, однако в концептуальном плане она восполняет некоторый пробел, существовавший в представлениях о природе международного права ранее. Этим пробелом является отсутствие общего взгляда на право, позволяющего теоретически сформулировать природу международного права.

В этот период методология М.Н. Капустина обогащается историческим подходом. Изучая европейское право, он обращается к его исторической эволюции, видя в ней ответы на ключевые вопросы его научного поиска. Соединение этой методологии с этнографическим аспектом исследования позволило теоретику прийти к выводам об идентичной сущности права у разных народов, которое модифицируется в своих определяемых этническими и историческими особенностями формах. Это объясняет тенденцию унификации правовой жизни и возникновение равноправного международного общения, международных союзов и, соответственно, международного права. По мнению М.Н. Капустина, «В каждом государстве, образовавшемся через постепенное нарастание, хотя и сохранилась своя этнографическая национальность с ее отличительными чертами, но она изменялась постоянно под влиянием общей цивилизации и государственной жизни. Чем способнее оказывался народ к такому видоизменению, тем более силы он получал для своего развития. Все европейские народы доказали эту способность при посредстве государства слагаться в исторические национальности, выходить из исключительного племенного быта в общение гражданственности, и на этом законе историческом основывается возможность и необходимость международного союза. В этом союзе каждое государство представляет собой известную политическую народность со всеми ее свойствами и силами; оно сохраняет и развивает народные силы, собранные его историей и законодательством» [8, с.210-211].

Таким образом, феномен международного права рассматривается в контексте его универсальной природы, приобретающей исторические формы на разных этапах эволюции человеческой цивилизации; его возможность обусловлена единством исторического процесса, вектором которого является интеграция человечества, юридической формой которого является международное право. Однако сказанное не говорит о приоритете международных правовых норм, над нормами национального законодательства, напротив, последние являются главным источником международного общения, обеспечивают защиту национальных интересов в контексте исторически сформировавшихся представлений о справедливости.

По сути дела, именно эта идея лежит в основе концепции международного права М.Н. Капустина, сформулированной на третьем этапе эволюции его представлений об этом предмете и реализованной в таких работах, как «Обозрение предметов международного права», «О значении национальности в международном праве», «Международное право». Последняя из указанных работ, не смотря на незначительный объем, представляет наибольший интерес своей концептуальной определенностью и ясностью постановки проблемы.

Предпосылкой международного права является, по М.Н. Капустину, то, что человечество едино «по своей идее». Однако каждый народ отличен от другого своей историей, культурой, нравами, верованиями и пр. В то же время, обладая собственными интересами, народы не могут не общаться друг с другом, общение дает возможность более полно удовлетворять потребности. Отсюда, народы, существуя как самобытные образования, представляют собой единство, которое в силу распространения цивилизации приобретает форму отношений между ними. В связи с этим, «Начинаясь с отдельных лиц, эти отношения обнимают, затем целые государства и распространяются все шире, по мере распространения цивилизации. Международные отношения во всех своих видах могут получить характер определенности и, следовательно, творческое значение лишь под условием права и нравственности. Юридическая сторона этих отношений составляет предмет науки международного права. Предметом её служат те начала права, которыми охраняется и на которых основывается цивилизация, т.е. раскрытие материальных и духовных сил каждого народа при посредстве его общения с другими народами. А так как юридическим выражением народа и представителем его сил является государство, то международное право имеет содержанием своим положение и деятельность государств и их подданных в международ-

ной (внегосударственной) области» [6, с.4].

Раскрывая юридическую природу международного права, М.Н. Капустин обосновывает положение об отсутствии четких рамок международных норм, указывает на особенности механизмов их действия. Обращаясь к истории международного права, он показывает, что попытки кодификации норм международного права не имею смысла, в силу их особенной природы. Так, лишь некоторые международные акты получили значение всеобщих законов, обладающих обязательной силой. Юридической формой международного права, согласно М.Н. Капустину, является международное соглашение, а также нормы национального законодательства, предметом регулирования которых является правовое положение иностранцев в государстве, защита интересов граждан данного государства за его пределами.

Ученый следующим образом определяет предмет регулирования (содержание) международного права: «Содержанием международного права служит вся совокупность отношений между народами. Оно не ограничивается положением мира и войны, а обнимает собою разнообразные юридические формы удовлетворения потребностей государственных и частных, выходящие за пределы действия национального права» [6, с.14]. Таким образом, из этого вытекает его разделение, обусловленное разными группами отношений:

первую группу отношений составляют те, которые возникают между национальным государством и сообществом (союзом) государств, с которым оно себя отождествляет (международный союз); здесь национальные интересы уступают место интересам этого союза, так как их защищенность во многом обусловлена статусом государства как члена этого союза;

вторую группу составляют отношения между национальными государствами, основанные на взаимном признании суверенитета, где каждое государство, обладая своими национальными интересами, обеспечивает их защиту, является независимым субъектом международного права;

третью группу составляют отношения между частными лицами, они основаны на признании государством законодательства государств гражданской принадлежности этих лиц, которое действует лишь в отношении этих лиц.

В заключение можно сказать, что концепция международного права М.Н. Капустина является отражением уровня развития этой отрасли юридического знания во второй половине XIX века. Учитывая уровень теоретических обобщений, имеющих место в его работах по международному праву, энциклопедический характер этих работ, следует сделать вывод о том, что они вносят значительный вклад в развитие науки международного права в нашей стране. В связи с этим, необходимо согласиться с оценкой одного из исследователей, согласно которой «М.Н. Капустин стал одним из основателей отечественной науки международного права. Создатель первой отечественной систематизации международного права, он также являлся первопроходцем во многих аспектах этой науки. Его вклад и как педагога, наставника будущих выдающихся отечественных юристов-международников, и как ученого юриста, в развитие международного права в России очень значителен, но, к сожалению, недооценен» [13, с.10-11].

Необходимо констатировать то обстоятельство, что определение предмета международного права, с одной стороны, выражает качество правопонимания теоретика, с другой же стороны, само правопонимание является методологическим началом его концепции, определяя способы изучения данного предмета. Как было выяснено в предыдущих разделах диссертационного исследования, правопонимание М.Н. Капустина сочетает в себе черты юридического позитивизма, исторической школы права с признанием важности философского компонента права (школа естественного права). Во вводных параграфах своего главного труда по международному праву М.Н. Капустин пишет: «Человечество, единое по своей идее, представляется в действительной жизни отдельными народами, сознающими свою особенность, имеющими свою историю, предания, нравы, политическую форму и право. С другой стороны эти народы связаны между собою взаимными интересами, одинаковостью религиозных, нравственных и юридических воззрений, а также сознанием общего происхождения» [6, с.1]. Он выделяет формальную и содержательную стороны международного общения народов. История показывает, что к формальной относятся принятые внутренним законодательством, обычаями, нравственными и религиозными началами, международными правовыми документами, прежде всего, соглашениями между государствами правила, признание и исполнение которых зависит от воли государств. Содержательная сторона выражается в чувстве справедливости, источником которого является особенность национальной культуры, сложившейся исторической ситуации, в котором можно узнать не только исключительно национальные признаки, но и общие, универсальные, общечеловеческие, так как «человечество едино по своей идее».

По мнению теоретика, нравственность является главным началом, на котором всегда основывались отношения между народами. Тем не менее, когда речь идет о защите интересов этих народов, ее недостаточно, необходима более четкая и определенная основа, каковой и является право. Однако на международном уровне право не имеет той же определенности, какую оно имеет в рамках национального государства. Отсюда идеал справедливости становится той точкой отсчета, из которой начинают свое движение нормы международного права. Так, «В действительности нравственность, при всем своем великом значении, сама по себе недостаточна для охранения международной жизни. Для этого необходимо право, хотя оно является во внегосударственной области не в виде строгих формальных определений, а в значении справедливости, jus aequum, примиряющей и уравновешивающей народные силы» [6, с.2].

Особенность международного права заключается в том, что ее субъект, каковым является народ в лице представляющего его государства, одновременно выступает и в качестве судьи, и в качестве исполнителя, что может вести к сомнению существования какого-либо международного порядка в мире. Однако та ситуация, когда государство на основе соглашения формулирует нормы, компромиссно отказываясь от части своих интересов, одновременно, оставляя за собой право их несоблюдения, выхода из соглашения, если содержание интерпретируемой им справедливости не соответствует реально складывающимся отношениям, не означает невозможности международного порядка. Исходя из своего правопонимания, в котором свое место заняла идея естественного права, он полагает, что представления народов о справедливости, не

смотря на их разнообразие и особенности культурного развития, на то, что право, как правда, является порождением их национального духа, ученый правовед верит, что существует и общая идея справедливости, разделяемая всеми народами. Тем более, что ее основой «…служит чувство правды, нравственное удовлетворение, вера в непреложное воздаяние, сопротивление насилию и признание действительной живой силы в размере ее творчества. Строго-юридические нормы служат могучим средством для осуществления справедливости и видоизменяются лишь требованиями индивидуальной жизни народов, которая заключается не в одном приобретении, но также в отказе от того, на что уполномочивает строгое право» [6, с.3].

Согласно представлениям М.Н. Капустина, особенность международных юридических норм заключается в их конвенциальном характере и, соответственно, в том, что нет института принуждающей силы, характерного для национального права. Таким образом, главная их особенность заключается в сознании их необходимости, коренящейся в их ценности не только для отдельно взятого народа, но и для человечества в целом. Поэтому «…здравая политика немыслима вне высших интересов человеческого общества; дипломатия должна опираться на праве и почерпать силу в сохранении основ международной жизни» [6, с.4].

Следует отметить, что, не смотря на гуманистическую риторику и симпатии к идеям естественного права, М.Н. Капустина нельзя причислить к абстрактным гуманистам. Он твердо стоит на почве фактов, руководствуясь здравым смыслом. Так, положение о приоритете общечеловеческих ценностей, определяющих представление народов о справедливости, вовсе не означает, что именно на этих основаниях должен строиться международный порядок отношений. Напротив, его источником являются национальные интересы, а международное право выступает в качестве способа их реализации. Содержанием отношений между народами являются именно национальные интересы, а международной право выступает в качестве их юридической формы, нормы которого устанавливают взаимные права и обязанности, соблюдение которых обеспечивает гарантии национальным интересам. Так, возникают соглашения между государствами, межгосударственные союзы, целью которых является, с одной стороны, взаимное признание интересов, а с другой стороны, взаимное их обеспечение в процессе взаимодействия с другими государствами.

Указание на то, что международное право является юридической формой отношений, обусловленных интересами национальных государств, имеет принципиальное значение для теории международного права М.Н. Капустина. Оно выводит международные отношения за пределы оценочной сферы, придавая им форму порядка, охраняемого самими же государствами. Примечательно то, что потребность в международном праве существовала давно, а некоторые формы международных отношений с древности определялись нормами права. Такими нормами были нормы национального законодательства, признававшиеся в Древнем Риме в решении вопросов, связанных с иностранцами. Однако jus gentium не рассматривалось как международное право, и не могло быть таковым по своей природе. Очевидно, только средневековье делает первый шаг в установлении нормативных источников, регулирующих отношения между народами. К таким источникам относилось божественное или естественное право, которое по своей сущности имело нравственную природу. Лишь эпоха нового времени создает реальные правовые нормы международного характера. Речь идет о международных соглашениях, одним из которых является Вестфальские договоры 1648 года, итогом которых явилось завершение войны в Священной Римской империи, продолжавшейся в течение тридцати лет (Тридцатилетняя война), образование новой системы международных отношений, основанной на признании суверенитета национальных государств.

Но научная позиция М.Н. Капустина как теоретика права заключается в том, что, не смотря на реально функционирующие в международном пространстве правовые нормы, их особенность не позволяет отнести их к главному источнику международного права. Исходя из своего понимания юридических норм, особенность которых заключается в их гарантированной государственным принуждением общеобязательности, не видя такого же механизма их действия в международных отношениях, ученый полагает, что их гарантия лежит в сфере сознания, их ценностного признания государствами, как важного фактора обеспечения национальных интересов. А значит, «…истинным источником международного права останется всегда справедливость в значении взаимного уважения и признания; она же будет служить критерием для всякого внешнего выражения международных юридических норм, находить опору для себя в нравах цивилизованных народов» [6, с.8].

Необходимо подчеркнуть, что представления М.Н. Капустина о международном праве соответствуют особенностям эволюции как международных отношений второй половины девятнадцатого века, так и уровню развития науки международного права того времени. В связи с этим следует указать на то, что еще было далеко время, когда усилиями национальных государств будут созданы универсальные механизмы защиты прав и свобод человека в виде международных организаций, участниками которых станет большинство современных государств. Еще далеко то время, когда будут созданы правовые основы международного правового порядка, на основе международных деклараций, конвенций его закрепляющих и делающих реальностью, благодаря тому, что ценности и нормы этих международных документом становятся частью правовой системы стран, их подписавших. Но уже после Вестфальского договора, признавшего государственный суверенитет в качестве высшей ценности международной политики, Французской декларации 1789 года, целого ряда международных документов XIX века, стали вырисовываться контуры международной системы отношений, что требовало теоретического отражения, позволяющего познать сущность и закономерности этой сферы. Это объясняет столь бурное развитие учений о международном праве, начиная с XVII века.

К сожалению, в России подобного рода исследования не проводились. Что касается Западной Европы, то они, как правило, имели общетеоретический характер. Заслуга отечественных теоретиков права состояла в обобщении сложившегося в Европе знания, в ходе которого могли быть высказаны оригинальные идеи, что объективно вносило вклад в становление молодой науки международного права. Очевидно, первым теоретиком права, который не только предпринял попытку обобщения учений о международном праве, но и высказал ряд интересных идей, был К.Н. Неволин, который выделял «законы союза народов», фактически, не отличая их от законов национальных государств, признавая

принуждение со стороны государства (право войны) в качестве механизма его действия (принуждение) [12, с.71-72]. Кроме того, ему принадлежит первенство обзора истории международного права на русском языке. Примечательно определение международного права, которое дает К.Н. Неволин: «Народное право в истинном его смысле есть часть законодательства, принадлежащая собственно новым временам. Она предполагает в людях сознание общего единства их природы и, следовательно, равенства их всечеловеческого достоинства. Древние народы не признавали взаимно прав друг друга; каждый из них присваивал себе исключительное право, ставил себя выше всех других народов» [12, с.511]. Можно признать это определение близким тому, которое дает М.Н. Капустин.

Сам же Капустин указывает несколько десятков научных источников по международному праву, среди них лишь один является русским. Речь идет о работе Д.И. Кочановского (1827 - 1872) «Курс международного права» [10], которая осталась неоконченной из-за смерти автора. Следует указать и на лекции Н.М. Коркунова «Международное право» [9], которые, однако, были изданы через тринадцать лет после выхода в свет «Курса международного права» М.Н. Капустина.

Заслуга М.Н. Капустина состоит не только в систематизации зарубежной литературы по международному праву, в результате чего появилось его учебное пособие, предназначенное для студентов изучающих соответствующий курс, значение его работ в этой области заключается в определении предметной области и методологии исследования (изучения) международного права. Это значение имеет исторический характер, являясь вехой в становлении науки международного права в России. Тем не менее, следует указать и на значение разработанного М.Н. Капустиным подхода к изучению международного права для современной науки и практики. В первую очередь речь идет об обоснованной им системе ценностей, на основе которых должны строиться международные отношения. Согласно теоретику международное сообщество представляет собой совокупность самобытных народов, вступающих в отношения в силу взаимной необходимости реализации интересов; при этом каждый народ, обладая самобытностью, сознает себя в качестве независимого субъекта международного права. Данная модель международного порядка, провозглашенная М.Н. Капустиным в качестве идеала, является востребованной современной цивилизацией. Но это не значит, что юрист должен придать забвению национальные интересы, напротив, национальный интерес должен быть главным мотивирующим фактором его деятельности.

Список литературы:

1. Капустин М.Н. Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852. – 152 с.
2. Капустин М.Н. Обозрение предметов международного права. Выпуск 1 – 4. М.: Универсистеская типография, 1856 – 1859.
3. Капустин М.Н. О значении национальности в международном праве. М.: Университетская типография, 1863.
4. Капустин М.Н. Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1873. – 87 с.
5. Капустин М.Н. Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852. С. 31.
6. Капустин М.Н. Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1873.
7. Капустин М.Н. Обозрение русской юридической литературы за 1855 год // Русский вестник (Современная летопись). 1856. Кн. 1. С. 143.
8. Капустин М.Н. Очерк истории права в Западной Европе. М.: Катков и Ко, 1866. С. 210 – 211.
9. Коркунов Н.М. Международное право. СПб.: Типография Морского Министерства, 1886. – 355 с.
10. Кочановский Д.И. Курс международного права. Харьков: Университетская типография, 1863. – 412 с.
11. Лешков В.Н. Об исследовании М. Капустина «Дипломатические отношения России с Западною Европою» // Москвитянин. 1852. Т. 3. Отд. 5. С. 90.
12. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типо-графия Эдуарда Праца. 1857. – 501 с.
13. Яковлев М.Н. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: Дисс… канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10 – 11.
14. Ященко А.С. Письмо к Грабарю В.Э. от 3 марта 1909 года (Юрьев (Дерпт) // Архив РГБ. Отдел рукописей РГБ. Письма к Грабарю В.Э. (1906 – 1911, 1917). Фонд № 376; Картон № 12; Единица хранения № 21.

References:

1. Kapustin M.N. Diplomatic Relations of Russia with the Countries of Western Europe in the Second Half of the 17th Century. Moscow: University Printing House, 1852. – 152 p.
2. Kapustin M.N. Review of the Subjects of International Law. Issue 1–4. Moscow: University Printing House, 1856–1859.
3. Kapustin M.N. On the Significance of Nationality in International Law. Moscow: University Printing House, 1863.
4. Kapustin M.N. International Law. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Zemstvo Administration, 1873. – 87 p.
5. Kapustin M.N. Diplomatic Relations of Russia with the Countries of Western Europe in the Second Half of the 17th Century. Moscow: University Printing House, 1852. P. 31.
6. Kapustin M.N. International Law. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Zemstvo Administration, 1873.
7. Kapustin M.N. Review of Russian Legal Literature for 1855 // Russky Vestnik (Modern Chronicle). 1856. Book 1. P. 143.
8. Kapustin M.N. An Essay on the History of Law in Western Europe. Moscow: Katkov and Co., 1866. Pp. 210–211.
9. Korkunov N.M. International Law. St. Petersburg: Printing House of the Naval Ministry, 1886. – 355 p.
10. Kochanovsky D.I. Course in International Law. Kharkiv: University Printing House, 1863. – 412 p.
11. Leshkov V.N. On M. Kapustin's Study "Diplomatic Relations of Russia with Western Europe" // Moskvityanin. 1852. Vol. 3. Section 5. P. 90.
12. Nevolin K.A. Encyclopedia of Jurisprudence // Nevolin K.A. Complete Works. Vol. 1 "Encyclopedia of Jurisprudence". St. Petersburg: Printing house of Eduard Prats. 1857. – 501 p.
13. Yakovlev M.N. The state-legal views of Mikhail Nikolaevich Kapustin: Dissertation of the cand. jurid. M., 2014. pp. 10-11.
14. Yashchenko A.S. Letter to Grabar V.E. dated March 3, 1909 (Yuriev (Dorpat) // Archive of the Russian State Library. The Manuscripts Department of the Russian State Library. Letters to V.E. Grabar (1906–1911, 1917). Fund No. 376; Box No. 12; Unit of Storage No. 21.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_53

УДК 351. 628

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
LEGAL REGULATION OF THE FUNCTIONING OF THE SYSTEM FOR PROTECTING THE POPULATION AND TERRITORIES FROM EMERGENCIES

ГАЛДА Михаил Владимирович
Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

GALDA Mikhail Vladimirovich
Associate Professor at the Department of Physical Training,
St. Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: *развитие человека, общества в целом и его технологий, с каждым годом, все больше и больше входит в конфликт с естественными ценностями природы, нормальным существованием окружающей среды. Аварии, катастрофы, стихийные бедствия, вызванные как деятельностью человека, так и негативными природными явлениями становятся обыденностью, а наносимый ими ущерб приближается к катастрофическому. Несмотря на постоянное совершенствование системы, обновление законодательной и нормативно-правовых баз, внедрения в свою деятельность положительного опыта других стран, новых достижений науки и техники, имеются определенные сложности и проблемы. В представленной статье рассматриваются особенности правового регулирования функционирования системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.*

Abstract: *the development of humanity, society as a whole, and its technologies is increasingly coming into conflict with the natural values of nature and the normal functioning of the environment. Accidents, disasters, and natural calamities—caused both by human activity and by negative natural phenomena—are becoming commonplace, and the damage they cause is approaching catastrophic levels. Despite the continuous improvement of the system, the updating of the legislative and regulatory framework, and the incorporation of positive experience from other countries and new scientific and technological achievements into its activities, certain difficulties and problems persist. The article examines the features of the legal regulation of the functioning of the system for protecting the population and territories from emergency situations.*

Ключевые слова: *правовое регулирование; защита населения и территории; чрезвычайная ситуация.*
Keywords: *legal regulation; protection of the population and territory; emergency situation.*

Для цитирования: *Галда М.В. Правовое регулирование функционирования системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 53-57. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_53.*
For citation*: Galda M.V. Legal Regulation of the Functioning of the System for Protecting the Population and Territories from Emergency Situations // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 53-57. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_53.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Российская Федерация – правовое демократическое государство со смешанной формой правления.

Россия – правовое федеративное государство. Согласно правовой системе РФ, каждый субъект федерации вправе издавать нормативно-правовые акты, которое будут действовать на территории данного субъекта[1]. Такие нормативно- правовые акты не должны противоречить федеральным. Также субъекты федерации имеют право на издание нормативно-правовых актов сфере гражданской обороны и защиты населения. Таким правом также наделены органы местного самоуправления. Для государства в целом, это необходимо, так как территория Российской Федерации очень большая. В разных субъектах могут отличаться климатические условия, экономические условия, уровень угроз тех или иных природных катаклизмов[2]. Поэтому необходимо принимать нормативно-правовые акты в сфере ЧС в зависимости от географического и экономического расположения субъекта[3].

Качественная и полная нормативно-правовая база является залогом успешного функционирования системы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций[4]. В противном случае, систему нельзя считать высоко эффективной. Применительно к этому, вопросы нормотворческой деятельности в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также их прогнозирования, стоят на первом мере и на сегодняшний день, о чем свидетельствует количество принятых документов.

Так, в современных условиях принято около 46 федеральных законов, 24 указа Президента Российской Федерации, 200 нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, свыше 1000 нормативных актов МЧС России и некоторых других министерств и ведомств, которые входят в Единую Государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций[5].

[1] Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
[2] Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
[3] Мун, Д. В. Сотрудничество Российской Федерации и Тунисской Республики в области управления чрезвычайными ситуациями и реагирования на кризисы и стихийные бедствия / Д. В. Мун, О. А. Морозова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 64-77. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-64-77. – EDN IQPJEK.
[4] Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF.
[5] Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ; Шеншин, В. М. О повышении устой-

Для понимания того, какие проблемы в законодательстве есть на данный момент, в каких направлениях необходимо изменить положения нормативно-правовых документов, целесообразно рассмотреть наиболее важные акты, которые регулируют правоотношения в области деятельности Единой Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС)[1].

Конституция Российской Федерации, как основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, действует во всех субъектах, что отражено в пункте 1 статьи 15. Применительно к теме данного исследования, Конституция регламентирует некоторые вопросы по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в соответствии с частью 1 статьи 72. Согласно данной статьи, Российская Федерация совместно с субъектами предпринимает меры, направленные на борьбу с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, включая мероприятия по ликвидации их последствий[2]. Соответственно, на основе данного принципа, издаются нормативно-правовые документы, содержащие положения о разграничении полномочий, связанных с решением задач по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Анализируя федеральные конституционные законы, регламентирующие определенные аспекты по решению проблемы, которой посвящено исследование, необходимо выделить новую редакцию закона «О чрезвычайном положении» - от 30 мая 2001г. №3-ФКЗ. Согласно данного закона чрезвычайное положение вводится в условиях возникновения природных, техногенных, экологических чрезвычайных ситуаций, включая такие ЧС, как эпидемии и эпизоотии, как источники большого количества человеческих жертв. Законом определяются особенности введения ограничительных мер, а также применяемых сил и средств, включая права населения и сферу ответственности их и должностных лиц в кризисных условиях.

Анализ документации в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций позволяет сделать вывод о том, что все нормативно-правовые документы разделены на определенные группы. Первая группа представлена Федеральными законами от 21 декабря 1994г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и от 12 февраля 1998 г. №28-ФЗ «О гражданской обороне».

Федеральный закон № 68 посвящен общим организационно-правовым нормам в области защиты населения России, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, а также территории государства - земельного, водного, воздушного пространства, объектов производственного и социального назначения и окружающей среды от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Федеральный закон № 28 посвящен организационно-правовым основам, их осуществлению и полномочиям органов государственной власти Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, в области гражданской обороны.

Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 15-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» непосредственно связан с вопросами защиты от чрезвычайных ситуаций. Главной особенностью данного закона является регламентация статуса спасателя.

Вторая группа документов, по вопросам защиты от чрезвычайных ситуаций, является более широкой. В нее входит широкий круг актов.

Анализ каждого отдельного акта, на предмет эффективности закрепленных тех или иных положений, может позволить разработать целую программу по совершенствованию системы защиты от чрезвычайных ситуаций. Однако процесс совершенствования государственной системы защиты целесообразно начать с внесения определенных изменений в законодательство.

По замечанию исследователей, законы, регламентирующие порядок защиты населения и территорий в Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, нельзя назвать совершенными, в виду того в них множество типовых недостатков, выражающихся в необоснованной лаконичности положений, что не дает возможности понять сущность той или иной нормы, а также в дублировании норм, заимствованных из других законов. Здесь же можно выделить и такой недостаток, как неполноценное отражение всего спектра полномочий, в частности, субъектов Российской Федерации.

Таким образом, даже мелкие недочеты можно найти в любом документе, регламентирующем вопросы по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Применительно к этому, исследователи убеждены в том, что сегодня законодательство нуждается в некоторой систематизации правового опыта.

Перечень нормативно-правовых документов, с одной стороны, является системой, поскольку регламентируют вопросы одной сферы, а именно защиты населения и территории при чрезвычайных ситуациях. С другой же стороны, каждый отдельный документ является лишь фрагментом, который не имеет практически ничего общего с другими, которые отражают другие акты. По мнению ученых, чтобы правильно ориентироваться в этом огромном потоке правовой информации, необходимо, как минимум, издание специализированного нормативно-правового документа, который систематизировал бы все в единый комплекс норм и положений[3]. Данная необходимость обуславливается также тем, что даже на уровне терминологических понятий отсутствует консенсус. К примеру, на сегодняшний день не существует общей позиции по разграничению таких понятий, как «критически важные объекты», «критически важные объекты инфраструктуры» и «критические объекты». Здесь же можно

чивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

[1] Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.

[2] Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.

[3] Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.

отметить и то, что сегодня отсутствует единый перечень опасных для человека объектов, которые могут представлять собой потенциальную угрозу ЧС или террористический очаг.

Правовое регулирование в сфере защиты населения и территории в Российской Федерации фрагментарно, положения атомизированы друг от друга и чтобы их систематизировать, нужно приложить немало умственных усилий, поскольку нарушается принцип единства[1].

Ученые предлагают разработать модельные документы, которые бы обобщили весь накопленный субъектами Российской Федерации опыт правового регулирования рассматриваемых вопросов. На основе таких документов можно сформулировать определенные предложения, направленные на совершенствование законодательной базы.

Модельные документы рассматриваются как варианты воздействия на нормативно-правовую основу, действующую на территории субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Такие документы необходимы там, где речь идет о вопросах, решение которых предусматривает совместные усилия Российской Федерации и ее субъектов. Разработка модельной документации позволит системно устранить все недостатки. В частности, она может способствовать повышению показателей эффективности и результативности деятельности органов и должностных лиц Субъектов Российской Федерации по вопросам защиты населения и территорий субъекта Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, организации деятельности аварийно-спасательных служб субъектов Российской Федерации.

Как ни странно, но модельные законы в рассматриваемой сфере существуют на настоящий момент. Иначе говоря, такие законы представляют собой ключевое звено в системе гражданской обороны, защиты населения и территории при чрезвычайных ситуациях. Речь идет о таких федеральных законах, как:

- «О защите населения и территорий субъекта Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

- «Об аварийно-спасательных службах и социальной поддержке спасателей»;

- «О внесении изменений в конституцию / устав субъекта Российской Федерации в части определения полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по вопросам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и обеспечения пожарной безопасности».

Следует подчеркнуть, что данные акты разработаны в соответствии с положениями Конституции РФ. На них, в свою очередь, основана законодательная база субъектов Российской Федерации.

Содельная документация, основанная на ныне существующих нормативно-правовых документах, рассматривается как перечень официальных рекомендаций, которыми целесообразно воспользоваться в процессе с совершенствования законов субъектов Российской Федерации в сфере защиты и обеспечения безопасности населения и территории при чрезвычайных ситуациях[2]. Дело в том, что тот или иной модельный закон содержит несколько правовых сценариев решения той или иной задачи.

По этой причине руководство МЧС России утвердило специальный перечень рекомендаций, которые позволяют объяснить, как правильно читать модельные документы и как правильно применять их положения на практике при реализации других актов.

В то же время, говоря о правовом регулировании в сфере защиты населения и территории при чрезвычайных ситуациях, нельзя не отметить ряд положительных тенденций, которые были выделены исследователями[3].

По мнению ученых, на данный момент максимально полная регламентация наблюдается при решении вопросов, касающихся организации и проведения мероприятий, позволяющих контролировать соблюдение тех или иных требований, относительно обеспечения безопасности критически важных объектов. Применительно к этому, ежегодно готовится материал для оформления Государственного доклада, который содержит сведения о состоянии защищенности граждан и населенных пунктов, объектов от чрезвычайных ситуаций. Подготовка данного документа позволяет определить приоритетные направления деятельности по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая минимизацию нанесённого ущерба. Государственный доклад выносится на повестку дня каждый год на заседании Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности, позже представляется в Правительство Российской Федерации.

Анализ основных проблем правового регулирования, в сфере защиты населения и территорий в Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, позволяет сделать вывод о том, что работа по совершенствованию законодательства не закончена, напротив, требует новых подходов к устранению недочетов, пробелов в тех или иных нормах. Так или иначе, но несовершенство нормативно-правовой основы может негативно сказываться на подготовке управленческих кадров, как специалистов, обладающих необходимыми компетенциями, позволяющими быстро реагировать на поражающие факторы чрезвычайных ситуаций и своевременно предпринять комплекс мер защиты и обеспечения безопасности. То же самое нельзя не сказать об обучении простых граждан, которые не владеют элементарным

[1] Гордиенко, А. Н. Конституционные основы предотвращения чрезвычайных ситуаций / А. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 27-38. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-27-38. – EDN JRIGTH.

[2] Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.

[3] Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS; Шеншин, В. М. О процессе реформирования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 02 июня 2022 года. – Нижний Новгород: КТ "Буки-Веди", 2023. – С. 484-489. – EDN BSPNTI.

пониманием того, как необходимо вести себя в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

По замечанию исследователей, несмотря на то, что в Российской Федерации функционирует единая система подготовки населения на всех уровнях, процессы решения задач в данном аспекте являются разрозненными, что не может не препятствовать равномерному и эффективному совершенствованию системы защиты населения и территории. Применительно к этому, ученые предлагают:

- внести определенные коррективы во все нормативно-правовые документы, содержащие нормы о подготовке населения к чрезвычайным ситуациям относительно терминологических понятий;

- внедрить в процессы подготовки новые образовательные технологии в соответствии с вызовами современности (в частности, речь идет о необходимости развития курсового обучения, развития практики участия руководящего состава в организации и проведении образовательных мероприятий).

Как показала практика, сегодня данные аспекты были учтены, они легли в основу новых нормативно-правовых документов в сфере подготовки населения к чрезвычайным ситуациям. Проблема же заключается в том, что сегодня вызовы современности диктуют необходимость поиска инновационных подходов, связанных с информационными технологиями[1], визуализацией, моделированием и автоматизацией учебного процесса и иных механизмов, которые бы способствовали быстрому и эффективному формированию должного представления о безопасности в целом.

Кроме того, правильная организация образовательного процесса в плане подготовки, как простых граждан, так и специалистов, оказывает прямое влияние на особенности предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, особенно на современном этапе. В условиях цифровизации общества[2] на первый план выходит формирование и развитие цифровых компетенций, которые могут способствовать повышению показателей эффективности и результативности практически любой деятельности человека. Применительно к чрезвычайным ситуациям, немаловажно уделять внимание развитию и совершенствованию навыков математических исследований, где приоритетное значение имеют методы моделирования и методы статистической обработки данных. В качественно инновационной технологии сегодня рассматривается развитие нейронных сетей[3], которые позволяют быстро и эффективно спрогнозировать те или иные чрезвычайные ситуации, в частности, природного и техногенного характера.

Другим инновационным подходом, относительно подготовки населения, рассматривается распространение необходимой информации о безопасности в чрезвычайных ситуациях различного характера посредством распространения в социальных сетях. Учитывая тот факт, что МЧС России не в полной мере сегодня овладело всеми возможностями виртуализации данных через Интернет, развитие информационных технологий требует особого внимания, поскольку в некоторой степени позволяет предупредить многие чрезвычайные ситуации (антропогенные) при помощи пропаганды правильного отношения к тем или иным вещам, прямо связанным с обеспечением безопасности.

Соответственно, по мере того, как совершенствуется процесс подготовки населения и специалистов спасательных служб, вносимые коррективы должны своевременно отражаться в правовых нормах, которые нуждаются в своевременном обновлении, в соответствии с вызовами современности. Отсюда следует, что проблема предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций может быть обусловлена устаревшими подходами к подготовке населения и специалистов, это означает, что и здесь некоторые нормативно-правовые нормы сегодня являются устаревшими и требуют надлежащего обновления.

Нормативно-правовую базу, регламентирующую порядок решения вопросов в сфере защиты населения и территорий в Российской Федерации, при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, необходимо обновить. Процесс обновления заключается в обобщении и систематизации накопленных правовых норм и приведении их к одному общему знаменателю, исключив дублирующие понятия и уточнив терминологию в соответствии с общепринятыми значениями.

С этой целью необходимо продолжить работу по разработке модельных документов, что позволит привести в порядок законодательный фундамент рассматриваемой сферы на уровне субъектов Российской Федерации.

Кроме того, необходимо модернизировать образовательные программы для усовершенствования подготовки населения и специалистов. Данные предложения могут способствовать, в свою очередь, улучшению механизма предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
2. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
3. Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.

[1] Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
[2] Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVBU.
[3] Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 73-77. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_73. – EDN FMBZZG; Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 40-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_40. – EDN QHWUBR.

4. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
5. Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
6. Мун, Д. В. Сотрудничество Российской Федерации и Тунисской Республики в области управления чрезвычайными ситуациями и реагирования на кризисы и стихийные бедствия / Д. В. Мун, О. А. Морозова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 64-77. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-64-77. – EDN IQPJEK.
7. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
8. Гордиенко, А. Н. Конституционные основы предотвращения чрезвычайных ситуаций / А. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 27-38. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-27-38. – EDN JRIGTH.
9. Шеншин, В. М. О процессе реформирования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 02 июня 2022 года. – Нижний Новгород: КТ "Буки-Веди", 2023. – С. 484-489. – EDN BSPNTI.
10. Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF.
11. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.
12. Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
13. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
14. Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVBU.
15. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 73-77. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_73. – EDN FMBZZG.
16. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 40-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_40. – EDN QHWUBR.

References

1. Grechnykh, A. A. On Some Trends in the Development of Russian Law Aimed at Protecting the Sovereignty and Territorial Integrity of the Russian Federation / A. A. Grechnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State Power and Local Self-Government. – 2021. – No. 5. – Pp. 8–11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
2. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public safety in the North-West of Russia as a factor in ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – Pp. 14–19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
3. Utkin, N. I. Digital transformation of departmental universities: harmonization of the regulatory legal framework for information security / N. I. Utkin, V. M. Shenshin, A. V. Shestakov // Law. Safety. Emergency Situations. – 2024. – No. 4(65). – Pp. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
4. Iroshnikov, D. V. Security as a Category of International Public Law: A Theoretical Aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency Situations. – 2022. – No. 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
5. Prudnikova, L. B. Information and Information Security as Attributes of Civil Society (a Brief Overview of the Relationship) / L. B. Prudnikova, V. M. Shenshin, N. S. Gleiberman // State Power and Local Self-Government. – 2022. – No. 7. – Pp. 7–9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
6. Mun, D. V. Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tunisia in the field of emergency management and response to crises and natural disasters / D. V. Mun, O. A. Morozova // Right. Safety. Emergency Situations. – 2025. – No. 3(68). – Pp. 64-77. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-64-77. – EDN IQPJEK.
7. Kapustin, A. Ya. Prevention and Elimination of Emergency and Crisis Situations: Problems of Forming International Legal Regulation / A. Ya. Kapustin // Law. Safety. Emergency Situations. – 2024. – No. 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
8. Gordienko, A. N. Constitutional Foundations for the Prevention of Emergency Situations / A. N. Gordienko // Right. Safety. Emergency situations. – 2024. – No. 2(63). – Pp. 27-38. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-27-38. – EDN JRIGTH.
9. Shensin, V. M. On the process of reforming control (supervisory) activities in the Russian Federation in the field of protecting the population and territories from emergencies / V. M. Shensin // Current issues of control and supervision in socially significant areas of society and state activity: Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of the establishment of the Russian Prosecutor's Office, Nizhny Novgorod, June 2, 2022. – Nizhny Novgorod: KT "Buki-Vedi", 2023. – Pp. 484–489. – EDN BSPNTI.
10. Shenshin, V. M. The CSTO's Activities in Preventing and Eliminating Emergency Situations / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2023. – No. 12(317). – Pp. 98–103. – EDN WXEJOF.
11. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main areas of activity of the unified state system for preventing and eliminating emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – Pp. 120–126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.
12. Shensin, V. M. On the issue of reforming control and supervisory activities in the field of protecting the population and territories from emergency situations / V. M. Shensin // Lex Russica (Russian Law). – 2022. – Vol. 75, No. 8(189). – Pp. 148–156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
13. Shensin, V. M. On Improving the Resilience of Organizations' Operations in Wartime, as well as in Emergency Situations of Natural and Man-Made Origin / V. M. Shensin, N. M. Siluyanova // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2022. – No. 9(302). – Pp. 111–120. – EDN THPMIA.
14. Popkov, D. V. On the Digitalization of Public Administration / D. V. Popkov, V. M. Shenshin // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 11(239). – Pp. 125–130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVBU.
15. Shenshen, V. M. Artificial Intelligence in the Field of Jurisprudence in the Era of Digitalization (Part 1) / V. M. Shenshen, D. V. Popkov // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 5(233). – Pp. 73–77. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_73. – EDN FMBZZG.
16. Shensin, V. M. Artificial Intelligence in the Field of Jurisprudence in the Era of Digitalization (Conclusion) / V. M. Shensin, D. V. Popkov // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 6(234). – Pp. 40–44. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_40. – EDN QHWUBR.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_58

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ГАРМОНИЗАЦИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
TRANSFORMATION OF THE LEGAL MENTALITY AS THE FOUNDATION OF NATIONAL SECURITY: HARMONIZATION OF ETHNO– CONFESSIONAL RELATIONS IN THE HISTORICAL TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЩЕРБАКОВА Нина Владимировна,
к.фил.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет».
Пр-т Б. Хмельницкого, 18, г. Мелитополь, Запорожская область, Россия.
E– mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru
ORCID: 0000– 0003– 2632– 2641,
SPIN– код 7645– 6875,
РИНЦ AuthorID 1224718,
Scopus AuthorID 57217023622,

SHCHERBAKOVA Nina Vladimirovna,
PhD, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Melitopol State University,
B. Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia.
E– mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru
ORCID: 0000– 0003– 2632– 2641,
SPIN code 7645– 6875,
RSCI AuthorID 1224718,
Scopus AuthorID 57217023622,

Краткая аннотация. *В настоящей статье исследуется взаимосвязь между трансформацией правовой ментальности и обеспечением национальной безопасности Российской Федерации, акцентируя внимание на процессе гармонизации этноконфессиональных отношений на исторических территориях страны. Выявлена ключевая роль правовой ментальности как системообразующего фактора, определяющего уровень социальной стабильности и межэтнического согласия. Исследование базируется на анализе современных социокультурных и правовых тенденций, влияющих на формирование правосознания граждан, и предлагает комплексный подход к укреплению национальной безопасности через целенаправленное воздействие на правовую ментальность. Особое внимание уделено историческим территориям Российской Федерации, где этноконфессиональное многообразие требует особого внимания при выстраивании правовых механизмов.*

Abstract. *This article examines the relationship between the transformation of the legal mentality and ensuring the national security of the Russian Federation, focusing on the process of harmonization of ethnic and religious relations in the historical territories of the country. The key role of the legal mentality as a system– forming factor determining the level of social stability and interethnic harmony is revealed. The study is based on an analysis of modern socio– cultural and legal trends affecting the formation of citizens' legal awareness, and offers a comprehensive approach to strengthening national security through a targeted impact on the legal mentality. Special attention is paid to the historical territories of the Russian Federation, where ethnic and religious diversity requires special attention when building legal mechanisms.*

Ключевые слова: *правовая ментальность, национальная безопасность, этноконфессиональные отношения, гармонизация, Российская Федерация, исторические территории, правосознание, правовая культура, социальная стабильность, межэтническое согласие.*

Keywords: *legal mentality, national security, ethnos– confessional relations, harmonization, Russian Federation, historical territories, legal awareness, legal culture, social stability, interethnic harmony.*

Для цитирования: *Щербакова Н.В. Трансформация правовой ментальности как фундамент национальной безопасности: гармонизация этноконфессиональных отношений на исторических территориях Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 58-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_58.*

For citation*: Shcherbakova N.V. Transformation of legal mentality as the foundation of national security: harmonization of ethno-confessional relations in the historical territories of the Russian Federation. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 58-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_58.*

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026

Введение. Современные геополитические реалии характеризуются нарастанием вызовов безопасности, которые требуют переосмысления фундаментальных основ государственной стабильности. В условиях усиления внешнего давления и трансформации миграционных потоков особую актуальность приобретает исследование правовой ментальности как системообразующего элемента национальной идентичности. Для многонационального российского государства этот аспект становится ключевым фактором обеспечения суверенитета и территориальной целостности. Исторические регионы с их этнокультурным разнообразием выступают своеобразным тестом на устойчивость правовой системы. Миграционные процессы последних десятилетий существенно изменили социальный ландшафт исторических территорий Российской Федерации, обострив необходимость гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Традиционные правовые установки, формировавшиеся веками, сегодня сталкиваются с вызовами глобализации и транснациональными угрозами. Данное противоречие актуализирует поиск новых парадигм правосознания, способных интегрировать историческое наследие в современные механизмы обеспечения безопасности. Это определяет научную и практическую значимость настоящего исследования.

Ключевая проблема исследования заключается в сохраняющемся дисбалансе между исторически сложившимися правовыми установками и динамикой современных социальных процессов в полиэтничных регионах. Такие территории, как Северный Кавказ и Поволжье, демонстрируют устойчивое напряжение между традиционными нормами обычного права и требованиями унифицированного законодательства. Этот конфликт правовых культур создаёт питательную среду для этноконфессиональных противоречий, подрывающих основы гражданского единства. Неконтролируемое развитие таких процессов представляет прямую угрозу национальной безопасности государства. Особую остроту проблеме придаёт наслоение современных вызовов на глубинные пласты исторической памяти, связанные с колониальным прошлым и советским опытом

национально– государственного строительства. Трансформация правовой ментальности в этих условиях требует тонкого баланса между сохранением культурной идентичности народов и необходимостью формирования общегражданской правовой культуры. Отсутствие эффективных механизмов такой трансформации ведёт к маргинализации отдельных групп и радикализации общественных настроений. Преодоление этого противоречия составляет суть исследуемой проблемы.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе механизмов трансформации правовой ментальности и разработке научно обоснованных рекомендаций по гармонизации этноконфессиональных отношений на исторических территориях Российской Федерации. Работа направлена на выявление оптимальных путей интеграции традиционных правовых ценностей в современную систему обеспечения национальной безопасности. Особое внимание уделяется поиску баланса между унификацией законодательства и учётом региональной специфики в контексте укрепления государственного суверенитета.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи: во– первых, проводится историко– правовой анализ эволюции правовой ментальности в этнокультурном контексте ключевых регионов России. Во– вторых, выявляются системные барьеры, препятствующие гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в условиях современных вызовов безопасности. Этот анализ позволяет диагностировать узловые точки социальной напряжённости и факторы, влияющие на дестабилизацию правового поля. Третья задача предполагает сравнительно– правовое исследование успешных практик трансформации правосознания в многонациональных государствах, выявление адаптационного потенциала этих моделей для российских реалий. Наконец, на основе полученных данных разрабатываются конкретные рекомендации по модернизации правовой системы, направленные на укрепление гражданской идентичности при сохранении этнокультурного разнообразия. Последовательное решение этих задач формирует методологическую основу для обеспечения национальной безопасности.

Научная значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории правовой ментальности применительно к условиям полиэтничного общества. Практическая ценность работы заключается в разработке механизмов гармонизации законодательства с традиционными нормами, что создаёт основу для устойчивого гражданского единства. Предложенные решения способны стать концептуальной базой для государственной политики в сфере укрепления национальной безопасности на исторических территориях Российской Федерации в условиях глобальной нестабильности.

Обсуждение. Традиционные правовые системы многих народов России опирались на обычное право, являвшееся результатом коллективного опыта и практик разрешения конфликтов. Такие нормы передавались устно и реализовывались через институты общинной ответственности, обеспечивая предсказуемость и устойчивость социальных связей. Локальные обычаи формировали представления о справедливости, долге и санкциях, что становилось основой правосознания в условиях ограниченного вмешательства централизованной власти. Понимание права как элемента повседневной практики обеспечивало высокую степень легитимности местных норм в глазах населения. Наряду с обычным правом на отдельных территориях действовали религиозные правовые системы, в частности шариат и каноническое право, которые регулировали семейные и личные отношения. Эти системы встраивались в социальную ткань через религиозные общины и духовные институты, обеспечивая нормативную основу поведения и механизмы разрешения споров. Наличие нескольких источников права способствовало формированию плюралистического правосознания, где легитимность нормы зависела от её соответствия традиционным и религиозным представлениям. В результате базовые элементы правосознания включали уважение к авторитету общинных и религиозных институтов, а также практическую ориентацию на компромиссные решения [11, с.21].

Православие и ислам выступали ключевыми конфессиональными основаниями, формировавшими ценностные ориентиры в регулировании общественных отношений и встраиванием моральных предписаний в правовые практики. Религиозные нормы влияли на понимание семейных обязанностей, имущественных прав и общественной морали, обеспечивая устойчивые модели социального поведения. Духовные авторитеты играли роль арбитров моральных и правовых споров, что усиливало интегративную функцию религии в обществе. Такая конфессиональная нормативность способствовала формированию устойчивых представлений о легитимности и справедливости.

Процесс синтеза местных правовых традиций с имперской правовой системой породил уникальные модели правовой адаптации в полиэтничном пространстве, где централизованные нормы сочетались с региональной гибкостью. Имперские институты нередко конструировали механизмы легального признания локальных практик через формальные акты, автономии или прецедентные решения, что позволяло снижать конфликты между центром и периферией. В результате возникали гибридные правовые режимы, сочетающие письменную регламентацию и устоявшиеся обычаи, что закрепило менталитет адаптивного правосознания. Такая историческая смешанность правовых источников продолжает определять способы восприятия права и ожидания от государства в современных полиэтничных регионах [12,с.50].

Советская правовая система целенаправленно устраняла религиозные и сословные элементы дореволюционного правосознания, заменяя их принципами пролетарского интернационализма. Законодательство 1920– х годов последовательно ликвидировало институты религиозного права, включая шариатские суды на Северном Кавказе и мусульманские семейно– брачные нормы. Упразднение сословных привилегий и замена традиционных правовых обычаев формализованными кодексами способствовали созданию унифицированного правового пространства. Данные преобразования коренным образом изменили правовую культуру многонационального советского общества. Радикальная трансформация правовой ментальности сопровождалась конфликтом между новыми юридическими нормами и сохранявшимися традиционными представлениями. Особенно ярко это проявлялось в регионах с сильными досоветскими правовыми традициями, где население продолжало руководствоваться адатом и шариатом в повседневной практике. Государственная политика правового просвещения, сочетавшая идеологическую пропаганду с репрессивными мерами, постепенно формировала новое поколение с советским типом правосознания. Однако полного искоренения традиционных правовых установок достичь не удалось.

Классовая парадигма в советском праве обусловила его восприятие как инструмента реализации политических задач государства. Правовые нормы рассматривались прежде всего как средство построения социалистического общества, что подчиняло юридическую систему

партийным директивам. Такая инструментализация права способствовала формированию двойственного отношения к закону: при формальном признании его верховенства на практике доминировали целесообразность и революционное правосознание. Это создавало предпосылки для правового нигилизма, сохраняющего влияние в постсоветский период.

Несмотря на официальное непризнание традиционных правовых систем, элементы дореволюционного правосознания сохранялись в неформальных практиках разрешения этноконфессиональных конфликтов. В сельских районах Средней Азии и Кавказа продолжали действовать механизмы примирения на основе адата и местных обычаев, особенно в сфере семейных и земельных споров. Советские власти вынужденно терпели такие практики, поскольку они обеспечивали социальную стабильность в полиэтничных регионах. Это свидетельствует о глубинной преемственности правовой ментальности, сохранявшейся вопреки официальной идеологии.

Процессы демократизации российского общества привели к плюрализации правосознания, что особенно заметно в полиэтничных регионах. Разнообразие правовых установок, обусловленное этнокультурными особенностями, создаёт необходимость поиска баланса между универсальными юридическими нормами и местными традициями. Данная дилемма актуализирует вопрос о гармонизации правового пространства без ущемления идентичности народов. Современное законодательство сталкивается с задачей интеграции различных правовых традиций в единую систему координат. Особую сложность представляет совмещение светских правовых стандартов с религиозно– общинными нормами, сохраняющими влияние в отдельных субъектах Федерации. На примере Северного Кавказа наблюдается противоречие между федеральным законодательством и адатами, регулирующими социальные отношения на местном уровне. Эта ситуация требует выработки дифференцированных подходов к правоприменению с учётом историко– культурной специфики. Успешное разрешение данных противоречий способствует укреплению доверия к государственным институтам.

Глобализационные процессы обострили необходимость защиты цивилизационной идентичности при восприятии международных правовых стандартов. «Ясно, что по степени включенности народов, их религиозному, этнокультурному разнообразию наше государство нельзя сравнить ни с одной западноевропейской страной, в мировом же масштабе здесь, правда, можно хотя бы частично сравнить Россию с США, хотя коренным отличием будут разные модели ассимиляции этносов: «плавильный тигль» (США) и сохранение титульного народа – русские (Россия), что и должно быть подтверждено планируемыми в Конституцию РФ поправками в 2020 г [6, с.22]». Данное положение подчёркивает уникальность российской модели межэтнического взаимодействия, требующей особых механизмов гармонизации правовых ценностей.

Система правового образования выступает ключевым фактором формирования общероссийской гражданской идентичности в условиях этнического многообразия. Федеральные образовательные стандарты постепенно интегрируют модули по изучению национально– региональных правовых традиций в рамках единого правового поля. Особое внимание уделяется подготовке юридических кадров, способных работать в поликультурной среде. Эти меры способствуют воспитанию правовой культуры, сочетающей общегражданские ценности с уважением к этноконфессиональным особенностям. Длительные процессы миграции, торговли, завоеваний и межобщинных контактов способствовали формированию сложных этноконфессиональных слоев в границах современных российских регионов. Эти процессы обеспечивали взаимовлияние языков, обрядов и правовых практик, приводя к культурной синкретизации и множественности идентичностей. В результате сформировались устойчивые локальные модели сосуществования, сочетающие элементы автономности и интеграции. «Актуальность ему придает мультиэтнический и мультиязыковой характер российского общества, объединяющего представителей свыше 190 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сформированным на основе самоопределения граждан). Многообразие этнического состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, традиции проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации [2, с.290]." Данное положение указывает, что многообразие выступает одновременно как фактор устойчивости и как источник нормативных вызовов для публичной политики. Понимание исторических корней этого многообразия необходимо для выработки адекватных правовых и политических решений.

Географическая локализация этнических и религиозных групп формирует разнообразные модели межгруппового взаимодействия, от компактных поселений до смешанных урбанистических пространств. Такая пространственная дифференциация обуславливает специфику социальных связей, уровней доверия и конфликтности, что требует учета при разработке мер регулирования. Необходим дифференцированный подход, включающий уважение к местным обычаям, языковую политику и адаптацию правоприменительных практик к региональным особенностям.

Государственная политика Российской империи и СССР сформировала комплекс институциональных решений и прецедентов, которые продолжают влиять на современные практики управления этноконфессиональными отношениями. Сопровождалось это сочетанием мер централизованного регулирования и элементов формального признания этнических и религиозных различий, что создало противоречивое наследие. Эти исторические практики породили одновременно правовые стандарты и социальные ожидания, несовпадение которых повышает сложность современной гармонизации.

Локальные этноконфессиональные противостояния создают устойчивые очаги политической нестабильности в регионах Российской Федерации. Данные конфликты формируют благоприятную среду для распространения сепаратистских идей среди местного населения. Дестабилизация управленческих структур снижает эффективность реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений. Это приводит к эрозии доверия к федеральным органам власти и правовым институтам.

Конфликты на этнической или религиозной почве разрушают социальную ткань многонационального российского общества. Они провоцируют рост взаимного недоверия между различными этническими и конфессиональными группами. Усиливается тенденция к самоизоляции общин и формированию параллельных социальных структур. Данные процессы ограничивают возможности консолидации гражданского обще-

ства вокруг общих правовых ценностей.

Эскалация межэтнической и межконфессиональной напряжённости влечёт прямые экономические издержки для регионов. Разрушение инфраструктуры в зонах конфликтов требует значительных бюджетных ассигнований на восстановление. Инвестиционная привлекательность территорий снижается из– за нестабильности и повышенных рисков. Долгосрочные экономические последствия включают отток квалифицированных кадров и снижение налоговых поступлений.

Этноконфессиональные противоречия активно используются внешними акторами для ослабления позиций Российской Федерации. Вмешательство международных организаций и иностранных государств направлено на поддержку дезинтеграционных процессов. Данные действия создают угрозы территориальной целостности и суверенитету страны. Противодействие этим вызовам требует комплексного подхода, сочетающего правовые и политические инструменты.

Правовые коллизии между федеральным и региональным законодательством проявляются в несовпадении норм, касающихся регулирования межнациональных и конфессиональных отношений, и в разной трактовке прав и обязанностей субъектов федерации. Такая неоднозначность порождает правовую неопределённость и создает предпосылки для конфликтных толкований в местной практике. В условиях исторических территорий с выраженной этноконфессиональной спецификой это усложняет формирование единой юридической политики и единого правового пространства. Практические последствия этих коллизий включают затруднения в реализации общегосударственных программ по образованию, культуре и профилактике межэтнической напряженности, а также сегментацию правоприменительной практики. Региональные нормативы, вступающие в противоречие с федеральными стандартами, усиливают правовую разрозненность и снижают доверие к институтам права. Для преодоления этих барьеров необходима системная гармонизация норм и механизмов координации, что требует учета как общегосударственных приоритетов, так и локальных этноконфессиональных особенностей. Это ставит задачу обращения к международному опыту для выявления эффективных моделей гармонизации.

Устойчивые социокультурные стереотипы и исторические обиды сохраняются в коллективной памяти сообществ и формируют устойчивые модели межгрупповых ожиданий. Эти культурно– психологические установки препятствуют внедрению толерантных моделей поведения, поскольку снижают готовность к межгрупповому общению и компромиссу. Преодоление такого наследия требует целенаправленных образовательных инициатив и программ примирения, направленных на трансформацию правовой ментальности через формирование новой, основанной на взаимном уважении, правовой культуры.

Недостаточная эффективность институтов гражданского общества и государственных структур проявляется в ограниченной превентивной деятельности, слабой координации и дефиците доверия между участниками локального диалога. Ограниченные ресурсы, отсутствие специализированных механизмов раннего предупреждения и недостаточная подготовленность кадров снижают способность систем разрешать конфликтные ситуации на уровне сообществ. Усиление роли гражданских институтов и повышение оперативной интеграции государственных структур являются необходимыми условиями для расширения возможностей гармонизации этноконфессиональных отношений и трансформации правовой ментальности.

Либеральная модель интеграции этноконфессиональных групп предполагает обеспечение равенства правовых возможностей при минимизации акцента на культурных различиях. Данный подход, характерный для США и Франции, основывается на принципе индивидуальных прав и универсальных юридических норм. Его эффективность проявляется в условиях доминирующей гражданской идентичности, однако он может нивелировать специфику исторически сложившихся этноконфессиональных сообществ. Критики отмечают, что подобная модель способствует ассимиляции, а не подлинному межкультурному диалогу. Мультикультурная модель, реализуемая в Канаде и Великобритании, акцентирует признание групповых прав и поддержку культурного разнообразия через специальные правовые механизмы. Она предусматривает создание институтов, ответственных за сохранение этнической и религиозной самобытности при условии соблюдения базовых демократических ценностей. Сравнительные исследования демонстрируют, что данный подход эффективен для снижения межгрупповой напряжённости в обществах с глубокими историческими различиями. Однако чрезмерная фрагментация правового поля может создавать предпосылки для формирования параллельных социальных пространств.

Институциональные механизмы гармонизации включают разработку антидискриминационного законодательства и создание межведомственных комиссий по вопросам межэтнических отношений. Правовые акты, такие как Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, устанавливают минимальные стандарты обеспечения коллективных прав. Национальные планы действий, как показывает опыт Бельгии и Швейцарии, позволяют координировать усилия органов власти в сфере профилактики этноконфессиональных конфликтов. Эти инструменты создают основу для системного управления культурным разнообразием. Общественные диалоговые площадки, включая консультативные советы при органах власти и межрелигиозные форумы, дополняют формальные правовые механизмы. Их деятельность направлена на выработку консенсусных решений по спорным вопросам взаимодействия этнических и конфессиональных групп. Практика Германии и Нидерландов демонстрирует эффективность таких структур в предотвращении радикализации молодёжи и формировании толерантной правовой культуры. Комплексное использование институциональных инструментов обеспечивает устойчивость моделей гармонизации в долгосрочной перспективе.

Примеры трансформации правосознания в Канаде демонстрируют значимость институциональных мер, направленных на признание многообразия и защиту прав различных сообществ. Канадская политика официальной мультикультурализма и последовательные шаги в области признания прав коренных народов способствовали формированию нормативных ожиданий, основанных на уважении прав и равенстве. Эти институциональные изменения сопровождались адаптацией образовательных и публичных практик, что привело к постепенному снижению этноконфессиональной напряженности. В результате трансформация правовой ментальности стала важным фактором уменьшения социальных конфликтов в многонациональном контексте. В Бельгии процессы федерализации и закрепление языковых гарантий иллюстрируют модель, где правовая архитектура служит механизмом управления этноконфессиональными различиями. Конституционные и административные решения по

децентрализации полномочий способствовали формированию правовой культуры, ориентированной на консенсус и компромисс между лингвистическими сообществами. Механизмы распределения властных преференций и уважения прав меньшинств снизили мотивацию к насильственному разрешению конфликтов и усилили межгрупповое взаимодействие в правовом поле. Оба кейса показывают, что структурные реформы в сочетании с культурными практиками способны трансформировать правосознание и уменьшать этноконфессиональную напряженность.

Образовательные программы, включающие курсы гражданского образования и межкультурного диалога, системно воздействуют на формирование правовой ментальности, направленной на уважение прав другого. Медиа– стратегии, основанные на продвижении плюрализма мнений и противодействии стереотипам, поддерживают эти усилия посредством создания новых социальных нарративов. Комбинация школьных инициатив и ответственной медиакоммуникации способствует устойчивому изменению норм и ожиданий населения относительно разрешения межэтнических конфликтов.

Некритичное заимствование зарубежных практик без учета российского историко– культурного контекста способно породить институциональные и нормативные диссонансы. Различия в политической структуре, роли религиозных институтов и исторических опытах взаимоотношений между этносами требуют адаптации мер, а не их механического переноса. Игнорирование локальных традиций и ожиданий может вызвать обратный эффект в виде усиления недоверия к правовым реформам и радикализации позиций. Поэтому заимствования должны сопровождаться анализом рисков, пилотными программами и механизмами мониторинга для обеспечения соответствия российской специфике.

Совершенствование законодательной базы выступает ключевым элементом формирования толерантной правовой ментальности. Введение антидискриминационных норм на федеральном уровне создаёт универсальные стандарты защиты прав этноконфессиональных групп. Закрепление гарантий культурной автономии в рамках конституционных принципов обеспечивает баланс между единством правового пространства и многообразием традиций. «Система антидискриминационного законодательства служит фундаментом для предотвращения маргинализации культурных меньшинств» – отмечают эксперты в области правового регулирования межэтнических отношений. Региональное законодательство дополняет федеральные нормы, адаптируя их к местным историко– культурным реалиям. Разработка специальных программ культурной автономии для коренных народов способствует сохранению их правовой идентичности. Институт национально– культурных автономий, закреплённый в ФЗ «О национально– культурной автономии», предоставляет механизмы самоорганизации этнических сообществ. Такая многоуровневая система законодательных гарантий формирует правовую основу для взаимного уважения и диалога.

Специализированные программы правового просвещения направлены на развитие межкультурной компетентности всех участников правоотношений. Образовательные модули для государственных служащих включают изучение этноконфессиональных особенностей регионов их профессиональной деятельности. В школьные программы внедряются курсы по основам межрелигиозного диалога и правовым традициям народов России. «Формирование межкультурной компетентности через правовое образование является эффективным инструментом профилактики этноконфессиональных конфликтов» – подчёркивается в методических рекомендациях Минобрнауки.

Адаптация правоприменительной практики требует учёта региональных историко– культурных особенностей при сохранении единства правового пространства. Судебные органы развивают практику назначения культурологических экспертиз по делам, затрагивающим этноконфессиональные отношения. Административные регламенты органов власти дополняются положениями о необходимости учета местных традиций при оказании государственных услуг. «Гармонизация общефедеральных правовых стандартов с региональной спецификой создаёт условия для добровольного правового послушания» – отмечается в решениях Конституционного Суда РФ.

Институты гражданского общества активно развивают медиационные практики для урегулирования локальных этноконфессиональных конфликтов. Эти механизмы позволяют находить компромиссные решения без прямого государственного вмешательства, сохраняя социальную стабильность. Общественные организации, обладая знанием местной специфики, выступают нейтральными посредниками в спорных ситуациях. Их деятельность способствует восстановлению доверия между конфликтующими группами на ранних стадиях противостояний. Реализация медиационных процедур требует создания специализированных структур в рамках гражданского общества. «Поэтому необходимо создавать не только государственные, но и гражданские механизмы развития межнационального и межконфессионального сотрудничества и взаимодействия [10, с.61]». Такие практики доказали свою эффективность в регионах с высокой этнической мозаичностью, где традиционные судебные методы часто оказываются недостаточно адаптированными.

Национально– культурные объединения реализуют просветительские проекты, направленные на укрепление гражданской солидарности. Через образовательные программы и культурные инициативы они формируют установки толерантности и взаимного уважения. Особое внимание уделяется работе с молодежью, для которой разрабатываются интерактивные форматы межкультурного диалога. Эти проекты способствуют преодолению стереотипов и создают основу для долгосрочной гармонизации отношений.

Коалиционные площадки, объединяющие представителей религиозных групп и государственных структур, играют ключевую роль в согласовании интересов. Такие платформы обеспечивают постоянный диалог, позволяющий своевременно выявлять и нивелировать потенциальные противоречия. Через консультативные советы при органах власти религиозные организации получают возможность влиять на формирование этноконфессиональной политики. Этот механизм способствует легитимации управленческих решений через учет мнений всех заинтересованных сторон.

Федеративное устройство Российской Федерации создаёт правовые предпосылки для дифференцированного подхода к регулированию этноконфессиональных отношений на исторических территориях. Учёт специфики правовых традиций этнических сообществ требует разработки гибких законодательных моделей, сочетающих общефедеральные стандарты с региональными особенностями. Такой подход способствует сохранению культурной идентичности народов при обеспечении единства правового пространства государства. Конкретизация законодательных механизмов должна включать анализ этнополитических угроз и разработку инструментария управления безопасностью. «Направлением дальнейших исследований может стать анализ непосредственных этнополитических угроз безопасности Российской Федерации, изучение конкретных

законодательных, организационных и иных механизмов ее обеспечения, а также разработка инструментария для оценки управления этнополитической безопасностью страны на различных уровнях [7, с.43]». Реализация данного подхода предполагает создание адаптивных правовых режимов для территорий с выраженной этнокультурной спецификой.

Институционализация этноконфессионального фактора в региональной нормотворческой деятельности требует формирования устойчивых правовых рамок. Необходимо законодательное закрепление процедур учёта традиционных правовых представлений этнических групп при разработке нормативных актов. Это обеспечит легитимность принимаемых решений и повысит уровень доверия к правовой системе со стороны различных этнических сообществ. Практическая реализация данного подхода предполагает создание консультативных советов и экспертных комиссий с участием представителей этнических групп. Такие структуры способны обеспечить баланс между общегосударственными интересами и особенностями регионального правосознания. Систематический мониторинг эффективности внедряемых механизмов позволит корректировать стратегию адаптации правовой системы в динамично меняющихся условиях.

Заключение. Исторический анализ эволюции правовой ментальности на исторических территориях Российской Федерации выявил её неразрывную связь с этнокультурным многообразием регионов. Исследование продемонстрировало, что правосознание формировалось под влиянием уникальных исторических условий, сохраняя при этом элементы традиционных правовых систем. Трансформация современного правового менталитета требует органичного синтеза устоявшихся ценностных ориентиров и актуальных правовых принципов. Такой подход создаёт основу для устойчивого межэтнического диалога, способствуя укреплению социальной стабильности.

Проведённое исследование подтвердило, что этноконфессиональные противоречия в регионах с богатым историческим наследием остаются значимым вызовом национальной безопасности. Анализ выявил наличие правового дуализма, проявляющегося в столкновении официальных правовых норм с традиционными практиками. Преодоление этого противоречия возможно через целенаправленное формирование инклюзивной правовой культуры, признающей многоукладность российского общества. Такой подход позволит минимизировать конфликтогенный потенциал этноконфессиональных различий. Сравнительно-правовой анализ международного опыта продемонстрировал эффективность контекстуальной адаптации моделей гармонизации отношений в многонациональных государствах. Исследование выявило, что успешная трансформация правовой ментальности достигается через баланс универсальных правовых стандартов и уважения к этноконфессиональной идентичности. Адаптация зарубежных практик к российским реалиям требует учёта специфики исторического развития регионов. Этот подход обеспечивает создание гибкой правовой системы, способной отвечать на современные вызовы. Разработанные рекомендации включают институционализацию диалоговых площадок, модернизацию правового просвещения и дифференцированный учёт региональной специфики в правотворчестве. Предложенные меры направлены на создание системного механизма гармонизации этноконфессиональных отношений. Их реализация обеспечит синергию государственной политики и гражданских инициатив в сфере укрепления национального единства. Комплексный характер рекомендаций позволяет рассматривать их как эффективный инструмент повышения уровня национальной безопасности.

Список литературы

1. Адиев А.З., Мурзаев Р.А. Этноконфессиональные аспекты земельных конфликтов на Северном Кавказе // Власть. - 2014. - №1. - С. 177-179. EDN: RWCBVB
2. Гладкова А.А., Асланов И.А. Особенности освещения стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в федеральных и региональных СМИ России // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2020. - №64. - С. 291-294. DOI: 10.17223/19986645/64/17 EDN: DYYWBS
3. Клименко Л.В., Посухова О.Ю., Будаев П.Е. Динамика правового сознания населения Юга России: когнитивный аспект // Правовая парадигма. - 2019. - №4. - С. 75-82. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.10 EDN: ZUUGVC
4. Лившин А.Я. Некоммерческие организации в системе межнациональных отношений: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). - 2023. - №4. - С. 119-139. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-119-139 EDN: EDKCBJ
5. Макович Г.В. Развитие правосознания в эпоху социальной трансформации // Социальное управление. - 2024. - №1. - С. 4-8. EDN: TVSYMT
6. Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В., Ким А.А. Национально- культурный тренд в исследовании российского политико- правового пространства начала xxi в.: ментальное измерение модернизационных стратегий // Advances in law studies. - 2020. - №8. - С. 18-24. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-18-24 EDN: JERXZJ
7. Погорельский Д.М. Цивилизационное измерение этнополитической безопасности Российской Федерации: теоретический аспект // Госу-дарственное управление. Электронный вестник. - 2024. - №104. - С. 37-46. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-37-46 EDN: PBDTKE
8. Попов М.Е. Socio- cultural integration as a tool for ethnic conflicts resolution in the North Caucasus // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. seriya 4, istoriya. regionovedenie. mezhdunarodnye otnosheniya. - 2018. - №4. - С. 186-196. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.16 EDN: RCTXRW
9. Рожков Р.С., Молчанова Е.С., Попова Е.А. и др. Этнические диаспоры, как угроза национальной безопасности России в условиях гибрид-ной войны // Вестник евразийской науки. - 2025. - С. 1-11. EDN: HYEZPX
10. Сибирцева Ю.А. Интерпретация религиозности в системе общественных отношений: диалектика этнического и религиозного в социальном пространстве России // Философия. социология. политология. - 2014. - С. 58-62. EDN: SIYIQP
11. Щербакова Н.В. Правовая ментальность: ключ к пониманию социального феномена // Право и государство: теория и практика. - 2025.- №3 - С. 22- 25. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_22 EDN: WIXJRV
12. Щербакова Н.В. Правосознание и правовой менталитет: ценности в условиях информационного общества //Аграрное и земельное право - 2025. - №8 - С. 49-53. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_8_49 EDN: SWICMK

References

1. Adiev A.Z., Murzaev R.A. Ethno-confessional aspects of land conflicts in the North Caucasus // Vlast. – 2014. – No. 1. – Pp. 177–179.
2. Gladkova A.A., Aslanov I.A. Features of coverage of the strategy of the state national policy of the Russian Federation in federal and regional media in Russia // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2020. – No. 64. – Pp. 291–294.
3. Klimenko L.V., Posukhova O.Yu., Budaev P.E. Dynamics of the legal consciousness of the population of the South of Russia: cognitive aspect // Legal Paradigm. – 2019. – No. 4. – Pp. 75–82.
4. Livshin A. Ya. Non-profit organizations in the system of interethnic relations: history and modernity // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 21. Management (state and society). – 2023. – No. 4. – Pp. 119–139.
5. Makovich G. V. Development of legal consciousness in the era of social transformation // Social Management. – 2024. – No. 1. – Pp. 4–8.
6. Mordovtsev A. Yu., Mordovtseva T. V., Kim A. A. National-cultural trend in the study of the Russian political and legal space at the beginning of the 21st century: the mental dimension of modernization strategies // Advances in law studies. – 2020. – No. 8. – Pp. 18–24.
7. Pogorelsky D.M. Civilizational dimension of the ethnopolitical security of the Russian Federation: a theoretical aspect // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2024. – No. 104. – pp. 37-46.
8. Popov M.E. Socio–cultural integration as a tool for ethnic conflicts resolution in the North Caucasus // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. seriya 4, istoriya. regionovedenie. mezhdunarodnoe otnosheniya. – 2018. – No. 4. – pp. 186-196.
9 Rozhkov R.S., Molchanova E.S., Popova E.A. and others. Ethnic diasporas as a threat to Russia's national security in the context of hybrid warfare // Vestnik evraziyskoy nauki. – 2025. – Pp. 1–11.
10. Sibirtseva Yu.A. Interpretation of religiosity in the system of social relations: the dialectics of the ethnic and religious in the social space of Russia // Philosophy. sociology. political science. – 2014. – Pp. 58–62.
11. Shcherbakova N.V. Legal mentality: the key to understanding a social phenomenon // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3 – Pp. 22–25.
12. Shcherbakova N.V. Legal consciousness and legal mentality: values in the context of the information society //Agrarian and Land Law – 2025. – No. 8 – pp. 49–53.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_64

УДК 342.7

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА
EVOLUTION OF THE DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE GENERAL THEORY OF LAW

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна
Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

FASTOVICH GALINA Gennadyevna
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Avenue, building 90.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *Правоприменительная деятельность» является ключевой формой реализации права, которая отличается особыми признаками и направлена на обеспечение законности и стабильности в гражданском обществе. В ходе правового исследования, автор дает характеристику указанному виду деятельности. Выделяет особый субъектный состав, публичный характер правоприменительных отношений, а также определенная процессуальная форма, дополнительно исследуются проблемы правоприменительной деятельности.*

Abstract: *"Law enforcement activity" is a key form of law implementation, which is distinguished by specific features and is aimed at ensuring law and order and stability in civil society. In the course of legal research, the author provides a characterization of this type of activity. The author identifies a specific subject composition, the public nature of law enforcement relations, as well as a certain procedural form; in addition, the problems of law enforcement activity are examined.*

Ключевые слова: *правоприменительная деятельность, органы государственной власти, реализация права, система, эффективность, государственная политика*

Keywords: *law enforcement activity, government bodies, implementation of law, system, effectiveness, state policy.*

Для цитирования: *Фастович Г.Г. Эволюция развития правоприменительной деятельности в общей теории права // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 64-65. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_64.*

For citation*: Fastovich G.G. The Evolution of the Development of Law Enforcement Activities in the General Theory of Law // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 64-65. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_64.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Правоприменительные действия – это процесс постоянного юридического познания, в ходе которого субъект обращается к юридическим фактам и юридическим нормам и складывает все воедино. На наш взгляд, правоприменение довольно сильно отличается от других форм реализации права, оно осуществляется строго в пределах закона и на базе правовых норм, а также имеет подзаконный характер. Автором было выделено несколько основных признаков правоприменительной деятельности:

1. С помощью применения права происходит процесс упорядочивания общественной жизни путем введения границ взаимоотношений между субъектами права, а также, сосредоточения решения отдельных вопросов в руках органов государственной власти [1].

2. Деятельность по правоприменению осуществляется только лишь в рамках конкретных правовых отношений.

3. Само правоприменение проходит только в рамках закона, оно не может ему противоречить, так как осуществляется с помощью процедурно-процессуальной формы, именно из-за нее возможно достижение нужного результата при реализации норм права.

4. В процессе правоприменительной деятельности всегда выносится нормативный правовой акт. Данный акт исходит от субъекта правоприменения, текстовка документа составлена исходя из требований использования юридических терминов, конструкций и в соответствии с законом.

5. Осуществление правоприменения происходит в соответствии с принципами законности, обоснованности и целесообразности, принимаемых решений в порядке правоприменения.

В современной российской юридической науке можно выделить некоторые особенности правоприменительной деятельности:

1. К субъектам правоприменения, которые осуществляют свои права и обязанности в правовой жизни, применяются обеспечительные принципы. В юридической практике субъекты правоприменительной деятельности, обладающие властными полномочиями, применяют правовые средства для достижения цели в разрешении какой-либо ситуации для других лиц. Именно поэтому, можно считать, что этот вид деятельности имеет правообеспечительный и факультативный характер.

2. Подвидом властной юридической деятельности по своему содержанию является правоприменительная деятельность. При этом, выступать субъектами правоприменения могут лишь лица наделенные специальной правосубъектностью и властными полномочиями.

3. Деятельность правоприменения относится к разновидностям профессиональной юридической деятельности. Правоприменительная деятельность требует особой профессиональной подготовки, набора умений и навыков, высокую квалификацию [2] и готовность в применении специальных правовых средств при решении поставленных перед субъектом задач.

В процессе правоприменительной деятельности субъекты (органы государственной власти) пытаются убедить или вовсе принуждают граждан к признанию и соблюдению правовых норм и права в целом. Для того чтобы точно разобраться в правоприменительной деятельности необходимо опираться не только на поверхностные знания о праве, но и на понимание и сущность законодательного процесса и деятельности

государственных органов [3]. Правоприменительную деятельность следует также характеризовать не только как особый вид деятельности, но и как особый вид социальных отношений (взаимосвязей), возникающих между людьми в процессе этой деятельности [4]. В теории права вопросы правоприменения и правоприменительной деятельности не получили должной разработки, это можно заметить из работ российских ученых в области теории государства и права. Данная отрасль крайне редко рассматривается отдельно, обычно ее совмещают с другими формами реализации права, такими как соблюдение, использование, исполнение, правовое воздействие и регулирование [5].

В юридической литературе правоприменительная деятельность традиционно рассматривается как властная, организующая деятельность компетентных государственных органов по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний [6].

Итогом и завершающей стадией правотворчества является правоприменение. В ходе данного процесса норма приобретает собственную среду обитания в определенной отрасли права. На этом месте норма права сталкивается с объектом своего регулирования.

Применением права называется процесс реализации права компетентными органами государственной власти, которые наделены властными полномочиями для обеспечения законности и правопорядка в государстве путем осуществления своей деятельности с помощью принудительной силы государства [7,10]. Правоприменение права осуществляется посредством выполнения своих должностных обязанностей органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами. Следовательно, российское государство с помощью компетентных органов осуществляет деятельность по применению права.

В современном правовом государстве право и законность действует в интересах общества и государства. Для более правильного исполнения законов необходимо опираться на сознательность общества, их уважения к законам Российской Федерации, в которых прописаны основные принципы деятельности, политика государства, которые, непременно соответствуют правосознанию народа [8]. Правоприменительная деятельность основывается на силе государственного аппарата и обеспечивается государственным принуждением, но применение принуждения возможно лишь к нарушителям порядка, законов и общественной дисциплины. При вмешательстве государственной власти при реализации юридической нормы и начинается процесс применения права.

Таким образом, правоприменительная деятельность является активатором для целенаправленного воздействия на общество, социальные группы и личности для управления их мнениями и знаниями о законах и права. Проблемы правоприменительной деятельности не получили необходимой научной разработки и обоснования в науке права и стандартах юридического образования [9].

Для российского государства и законодательства такое понятие как «правоприменительная деятельность» является важнейшей формой реализации права, которая отличается особыми признаками и направлена на обеспечение законности и стабильности в гражданском обществе. Данному виду деятельности характерен особый субъектный состав, публичный характер правоприменительных отношений, а также определенная процессуальная форма.

Список литературы:

1. Демидов А.В. Правоприменительная деятельность в системе правовых отношений / А.В. Демидов // Новая наука: от идеи к результату. 2016. 12-3. 188-189. EDN: XEOZUD
2. Фастович Г.Г. Письменных А.Ю. Содержание публичной власти: конституционно-правовой аспект. // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 167-169. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_2_167 EDN: XIYHKP
3. Фастович Г.Г. Стратегия развития информационного общества в России: понятие и принципы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 61-64. EDN: UTPLRV
4. 4Литвинова В.С., Фастович Г.Г., Фомина Л.В. К вопросу о формировании стратегии обеспечения трудовыми ресурсами в системе образовательных учреждений //Аграрное и земельное право. 2022. № 10 (214). С. 38-43. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_10_38 EDN: NYVIFP
5. Фастович Г.Г. Социальная политика современной России (на примере принципа нуждаемости граждан при предоставлении мер социальной поддержки) // Право и практика. 2020. № 3. С. 37-42. EDN: PEENCW
6. Тепляшин И.В. Нормативные правовые основы общественного контроля: система источников, этапы формирования, перспективы развития // Современное право. 2020. № 6. С. 39-44. DOI: 10.25799/NI.2020.36.37.018 EDN: IFUTZL
7. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22. EDN: OVJEMC
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. С. 22038. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU
9. Фастович Г.Г. Качественное состояние гражданского общества как условие формирования эффективного сильного государства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 46-48. EDN: GVVPQD
10. Фастович Г.Г., Капсаргина С.А. Эффективность государственной политики в сфере подготовки кадров агропромышленного комплекса // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 11-12. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_11 EDN: AYUZXP

References:

1. Demidov A.V. Law enforcement activity in the system of legal relations / A.V. Demidov // New Science: from idea to result. 2016. 12-3. 188-189. EDN: XEOZUD
2. Fastovich G.G., Pismennykh A.Yu. The content of public power: a constitutional and legal aspect. // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 2 (194). Pp. 167-169. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_2_167 EDN: XIYHKP
3. Fastovich G.G. Strategy for the Development of the Information Society in Russia: Concept and Principles // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 6 (186). Pp. 61-64. EDN: UTPLRV
4. 4Litvinova V.S., Fastovich G.G., Fomina L.V. On the issue of forming a strategy for ensuring labor resources in the system of educational institutions // Agrarian and Land Law. 2022. No. 10 (214). Pp. 38-43. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_10_38 EDN: NYVIFP
5. Fastovich G.G. Social Policy in Modern Russia (using the principle of citizens' need as an example in the provision of social support measures) // Law and Practice. 2020. No. 3. Pp. 37-42. EDN: PEENCW
6. Teplyashin I.V. Regulatory and Legal Foundations of Public Control: a System of Sources, Stages of Formation, and Development Prospects // Sovremennoe Pravo. 2020. No. 6. Pp. 39-44. DOI: 10.25799/NI.2020.36.27.018 EDN: IFUTZL
7. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information Technologies in the System of Improving the Efficiency of State Authorities: A Theoretical and Legal Aspect // Law and Politics. 2020. No. 2. Pp. 18-22. EDN: OVJEMC
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. P. 22038. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU
9. Fastovich G.G. The qualitative state of civil society as a condition for the formation of an effective, strong state // Law and the State: Theory and Practice. 2020. No. 1 (181). Pp. 46–48. EDN: GVVPQD
10. Fastovich G. G., Kapsargina S. A. The effectiveness of state policy in the field of training personnel for the agro-industrial complex // Agrarian and Land Law. 2022. No. 11 (215). Pp. 11–12. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_11_11 EDN: AYUZXP

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_66
УДК 340.15

РАСКОЛ XVII ВЕКА КАК ПАРАЛИЗАЦИЯ АДАПТИВНОГО КОНСЕРВАТИЗМА: КОГДА МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ОТКАЗЫВАЕТ
THE SEVENTEENTH CENTURY SCHISM AS A PARALYSIS OF ADAPTIVE CONSERVATISM: WHEN THE MECHANISM OF IDENTITY PROTECTION FAILS

КУЗЬМЕНКО Валентина Игоревна,
кандидат юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин, доцент Казанского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).
420126, Россия, Республика Татарстан, городской округ город Казань, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, 14.
E-mail: kuzmenko_valya@mail.ru

KUZ´MENKO Valentina Igorevna
Kazan branch, All-Russian State University of Justice, candidate of law, associate professor,
acting head of the department of theory, history of state and law, and socio-economic disciplines, associate professor.
420126, Republic of Tatarstan, Kazan city district, Kazan, Fatykh Amirkhan str., zd. 14.
E-mail: kuzmenko_valya@mail.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье автором исследован церковный раскол XVII века как кризис адаптивного консерватизма. Обоснован тезис о том, что раскол явился результатом разрушения доверия к процедурам артикуляции. В работе отдельно рассматривается, как конфликт отразился в праве. Анализ Соборного уложения 1649 года, решений Большого Московского собора 1666–1667 годов и «Двенадцати статей» 1685 года показывает, как религиозное несогласие шаг за шагом превращалось в уголовно наказуемое деяние и переводилось под контроль государства с помощью принудительных мер. Автор приходит к выводу, что такие меры не только не победили раскол, но и юридически закрепили раскол, а также дали старообрядчеству ореол мученичества и помогли ему оформиться в самостоятельное историческое явление. Механизм защиты идентичности отказывает тогда, когда он перестаёт быть общепризнанным и начинает восприниматься как инструмент переопределения самой идентичности. Представленное исследование базируется на комплексе общенаучных и специально-юридических и историко-правовых методов познания, что обусловлено междисциплинарным характером изучаемой проблемы – церковный раскол XVII века рассматривается не только как религиозно-догматический конфликт, но и как кризис нормативной системы, механизмов легитимации изменения и правовой охраны идентичности в традиционном обществе.*

Abstract. *In this article, the author examines the church schism of the 17th century as a crisis of adaptive conservatism. The thesis is substantiated that the split was the result of the destruction of trust in articulation procedures. The work separately examines how the conflict was reflected in law. An analysis of the Conciliar Code of 1649, the decisions of the Great Moscow Council of 1666-1667, and the «Twelve Articles» of 1685 shows how religious disagreement was step by step transformed into a criminalized act and brought under state control through coercive measures. The author comes to the conclusion that such measures not only did not defeat the schism, but also legally consolidated the schism, and also gave the Old Believers an aura of martyrdom and helped it to take shape into an independent historical phenomenon. The identity protection mechanism fails when it ceases to be universally recognized and begins to be perceived as a tool for redefining identity itself. The presented research is based on a set of general scientific and special legal (historical and legal) methods of cognition, which is due to the interdisciplinary nature of the problem under study - the church schism of the 17th century is considered not only as a religious and dogmatic conflict, but also as a crisis of the normative system, mechanisms of legitimization of change and legal protection of identity in traditional society.*

Ключевые слова*: адаптивный консерватизм, церковный раскол, механизм идентичности, юридическое переопределение, Соборное уложение 1649 г., Большой Московский собор 1666–1667 г.*

Key words: *adaptive conservatism, church schism, the mechanism of identity, legal redefinition, the Conciliar Code of 1649, the Great Moscow Cathedral of 1666-1667.*

Для цитирования: *Кузьменко В.И. Раскол XVII века как парализация адаптивного консерватизма: когда механизм защиты идентичности отказывает // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_66.*

For citation*: Kuzmenko V.I. The schism of the 17th century as a paralysis of adaptive conservatism: when the mechanism of identity protection fails // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_66.*

Статья поступила в редакцию: 09.04.2026

Церковный раскол XVII века в русской историографии изучался как реформа и как сопротивление ей. Такая схема аналитически недостаточна. Она не объясняет, почему изменение, задуманное как восстановление канонической правильности, привело не к укреплению церковного единства, а к длительному институциональному и культурному распаду единой православной среды.

Более продуктивным представляется иной подход. Раскол целесообразно рассматривать как кризис адаптивного консерватизма - такого способа охраны коллективной идентичности, при котором традиция сохраняется не через неподвижность, а через контролируемое, легитимируемое самой традицией изменение. Реформа не разрушила традицию извне; напротив, ее проводники утверждали, что действуют ради «очищения» церковной жизни. Однако в общественном сознании это изменение оказалось не изменением нормы, а вторжением в сакрально легитимированную форму русского православия. Отсюда и возник тот перелом, который позднее получил название раскола. Московская система была гораздо динамичнее, чем это иногда предполагается. Она умела реформировать себя, но делала это не в языке новизны, а в языке восстановления должного. Суть московского консерватизма состояла не в запрете изменения как такового, а в требовании, чтобы любое изменение было санкционировано как возвращение к более древнему и более чистому образцу. Именно поэтому столь важен Стоглав 1551 г. [1]. Он был не просто сборником церковных постановлений, а образцом того, как традиция переводится в нормативную форму. Решения Стоглавого собора затрагивали не только литургические и дисциплинарные вопросы, но и более широкий круг отношений между церковью, государем и обществом. Сам факт, что русская церковная среда середины XVI в. мыслила исправление через соборную фиксацию норм, показывает: консерватизм Московской Руси был институционально организован и включал в себя элемент внутренней коррекции. Традиция сохранялась именно потому, что была способна к саморегуляции в рамках признанного порядка.

Следовательно, раскол нельзя понимать как первую попытку изменить традиционную среду. Изменения были и раньше. Но до середины XVII века они осуществлялись в такой форме, которая не уничтожала доверие к самой нормотворческой процедуре. Когда собор устанавливал правило, оно воспринималось как уточнение уже существующей православной жизни, а не как демонтаж ее основания. Иначе говоря,

система сохраняла единство потому, что признавала за своими институтами право на ограниченное истолкование предания [1].

Понятие адаптивного консерватизма в данном контексте обозначает не идеологию в современном политическом смысле, а историко-социальный режим воспроизводства идентичности. Его центральное свойство - способность допускать внутреннюю настройку без признания разрыва с прошлым. Традиция в таком режиме не отвергает изменения абсолютно; она подчиняет их языку преемства. Пока изменение мыслится как “исправление”, «очищение», «возвращение», оно не воспринимается как угроза. Однако у подобной модели есть очевидный предел. Она зависит от трех условий. Во-первых, должно существовать общее представление о том, что именно считать источником подлинной нормы. Во-вторых, должны действовать признанные процедуры решения спора. В-третьих, должен сохраняться минимум доверия к тем инстанциям, которые объявляют то или иное изменение законным. Если хотя бы одно из этих условий исчезает, консервативный порядок начинает парадоксальным образом производить не согласие, а раскол.

Процедуры тоже перестали восприниматься как безусловно легитимные, поскольку соборность все заметнее сплеталась с царской волей и придворной политикой. Наконец, доверие к реформирующей инстанции было подорвано тем, что изменения стали быстрыми, слишком административным и, главное, слишком внешним по отношению к той религиозной памяти, в которой жила широкая церковная среда.

Н.Ф. Каптерев [1]. особенно интересно описал этот перелом, поскольку показал: никоновская реформа не возникла на пустом месте и не была исключительно личной инициативой патриарха. Она вырастала из более широкого круга идей и намерений, связанных с московскими «ревнителями благочестия», с царской поддержкой преобразований и с ориентацией на греческий церковный образец. Тем самым автор фактически разрушил знание о реформе как о произвольной прихоти одного иерарха. Но отсюда следует и более важный вывод: проблема заключалась не в случайности реформы, а именно в ее системности. Чем глубже она была связана с государственным и церковным центром, тем сильнее она воспринималась как переориентир всего порядка.

В действительности никоновская реформа была не просто комплексом технических мероприятий по исправлению книг. Она была актом юрисдикционного переопределения прошлого. Спор шел не столько о содержании отдельных обрядов, сколько о праве назвать один исторический слой церковной практики ошибочным, а другой — канонически обязательным. С этой точки зрения чрезвычайно показательно, что сами реформаторы не мыслили себя новаторами. Напротив, они говорили языком коррекции, исправления и восстановления [1]. В этом отношении важно свидетельство дореволюционной историографии. С.М. Соловьёв [1], излагая ход событий, показывал, что Никон вовсе не выступал с позиций революционного нововведения; напротив, вопрос о порядке богослужения и исправлении книг вырастал из более ранних стремлений к церковному благоустройству, а сам Никон поначалу был связан с кругом ревнителей благочестия. Тем значительнее последующий разрыв: реформа исходила не от очевидного врага старой церковности, а изнутри того же самого мира. Именно поэтому раскол нельзя описывать как обычную реакцию архаического сознания на модернизацию.

Особенность русского раскола состоит еще и в том, что он очень быстро перестал быть только внутрицерковным делом. Московское государство XVII века не знало строгого разведения религиозного и публично-правового порядка. Вера, государственная устойчивость и символическое единство царства мыслились как взаимосвязанные элементы. Поэтому несогласие по вопросам обряда и церковной дисциплины почти неизбежно получало правовую квалификацию как нарушение порядка [1].

Это особенно хорошо видно уже в Соборном уложении 1649 года [1]. Его первая глава – «О Богохульниках и о церковных мятежниках» – симптоматична не только по содержанию, но и по самому способу законодательной классификации. Государство тем самым фиксировало: деяния, направленные против веры и церковного мира, находятся в сфере особой юрисдикционной охраны. Речь шла не об абстрактной морали, а о защите основ порядка, нарушение которых подлежит пресечению и наказанию. Таким образом, еще до окончательного развертывания раскола был задан нормативный каркас, в котором религиозное несогласие легко интерпретировалось как деликт против общего мира.

В юридическом смысле это чрезвычайно важно. Там, где религиозная норма является элементом публичного строя, спор о правильности обряда не может оставаться нейтральным. Он почти автоматически становится спором о лояльности. Именно поэтому в московской правовой культуре противник реформы мог быть воспринят не просто как заблуждающийся верующий, а как нарушитель церковного и государственного спокойствия. Такая логика впоследствии и привела к тому, что церковный конфликт был институционально переведен в режим надзора, розыска и карательной реакции.

Кульминацией институционального оформления раскола стали решения Большого Московского собора 1666–1667 годов [1].

В материалах собора сам факт его созыва связывался с рассмотрением «новоявльшихся раскольников и мятежников святой православно-кафолической церкви». Уже эта формула знаменательна. Она соединяет церковное отступление и мятеж, то есть богословское несогласие и нарушение порядка. Перед нами не просто оценка ошибочности определенной практики, а акт властной квалификации, в результате которого спор о предании получает характер почти институционального бунта.

С точки зрения истории права и институтов собор имел двойное значение. Во-первых, он закрепил нормативное преобладание новой редакции церковной нормы. Во-вторых, он придал сопротивлению этой норме юридически и канонически уязвимый статус. Иначе говоря, собор не просто решил спор; он изменил положение сторон в правовом и церковном пространстве.

Таким образом, решения Собора 1666–1667 годов представляли собой не просто правовое завершение конфликта, но момент существенного изменения принципа и формы легитимности.

Мы можем наблюдать недостаточность институционального способа урегулирования. Собор исключал прежнюю практику из числа легитимных форм, тем в большей степени данная практика приобретала характер священного объекта в сознании её защитников. Вследствие этого Собор, задуманный как инструмент восстановления единства, объективно ускорил процесс формирования самостоятельной правовой и религиозной идентичности старообрядчества [1].

Одной из наиболее частых ошибок при юридической квалификации раскола является недооценка внутренней логики сопротивления

старообрядцев. Для правосознания старообрядцев обряд не являлся второстепенной формой (оболочкой) вероучения, но выступал в качестве чувственно и телесно закреплённой формы истины. Изменение обряда означало не «уточнение ритуала», а вмешательство в установленный порядок христианской жизни. Именно поэтому столь важное значение имеют тексты протопопа Аввакума. В «Житии» [1] и иных сочинениях реформа представлена как глубокое духовное изменение нормативного порядка.

Карташёв А.В. [1] в своем труде квалифицировал старообрядничество как религиозно-исторический тип сознания, при котором русское православие воспринимает себя в качестве особой ответственности за сохранение традиции церковной формы. В рассматриваемом значении, старообрядчество представляет собой не хаотичное нормативное применение, а попытка сохранения традиционной сакральной и церковной мысли.

Зеньковский С.А. [1] смог убедительно доказать, что старообрядчество не является отрицанием реформы, а также не является процессом стагнации. Старообрядничество оформилось в особую форму с собственными источниками, традициями, став особой формой социального регулирования.

Таким образом, раскол XVII века следует рассматривать не как частный спор о церковном обряде, а как системный кризис нормативного традиционного регулирования в Московском государстве. Существовавший прежний механизм охраны и защиты идентичности – адаптивный консерватизм – утратил способность соединять преемственность и трансформацию. Пока традиция могла представлять реформу как внутренне легитимное возвращение к подлинной норме, церковное и государственное единство сохранялось. Когда же возник спор о самом критерии подлинности, прежняя модель перестала функционировать.

Конфликт между религиозным авторитетом Церкви и суверенной волей государя с новой силой воспроизвёл то противоречие, которое было заложено в механизме с самого начала. Как отмечал С.М. Соловьёв, дело патриарха Никона обнаружило пределы, за которые доктрина «симфонии» властей не могла быть распространена без разрушения либо государственного суверенитета, либо церковного авторитета. И, наконец, петровские реформы начала XVIII в. стали наиболее радикальным ответом на это противоречие: упразднение патриаршества и учреждение Синода означало не что иное, как государственное «поглощение» церковного авторитета – устранение институционального посредника, через которого осуществлялась сакральная легитимация. Устойчивость традиционного общества зависит не от статичности формы, а от имеющегося последовательного механизма преемственности. Русский раскол показал: разрушение такого механизма ведет к конкуренции и деформации формы и общественного сознания.

Соборное уложение 1649 года, а затем и соборные решения 1666-1667 годов свидетельствуют о цельной правовой системе, в рамках которой религиозное несогласие квалифицируется как мятеж, смута или опасное отступление от охраняемой нормы. В этой связи, старообрядчество нельзя описывать как отрицательное проявление формы общественного мышления. Напротив, оно стало радикальной формой сохранения той самой русской православной идентичности, которая, по убеждению его носителей, была под угрозой уничтожения. В этом смысле раскол произошел не на окраине традиции, а в ее центре.

Механизм защиты идентичности отказывает тогда, когда он перестает быть общепризнанным механизмом защиты и начинает восприниматься как инструмент переопределения самой идентичности. В XVII веке русская церковная и государственная власть именно с этим и столкнулась. Она стремилась сохранить православный порядок, но, изменив правила определения «подлинного православия», породила длительный исторический раскол. Тем самым кризис раскола непосредственно подготовил почву для петровской «реформы» церкви, её фактического встраивания в государственный аппарат через Синод, создав прецедент государственного участия в определении нормативного содержания религиозных ценностей.

Раскол, напротив, есть кризис нормативного авторитета как такового. В нём единый институт, являвшийся на протяжении столетий главным хранителем и транслятором традиционных ценностей русской правовой культуры, раскалывается изнутри, причём обе образовавшиеся части апеллируют к одним и тем же ценностям, понимая их взаимоисключающим образом.

Список литературы:

1. Никонов В. Стоглавый собор 1551 г. // Журнал Московской Патриархии. - 1951. - № 09. - С. 45-51.; Стоглав. - Казань: Тип. губернского правления, 1862. - 454 с.
2. Дылевский М.В. Стоглавый собор: предпосылки, ход, значение // Новосибирский временник. - 2022. - № 1 (5). - С. 21-35. EDN: VWMWKV
3. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: Т. 1-2 / Проф. Н.Ф. Каптерев. - Сергиев-Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909-1912. / Т. 1. - 1909. - 525 с.
4. Гаршин П.А., Бондарь С.А. Причины, ход и последствия церковного раскола // Вестник магистратуры. - 2022. - № 11-5 (134). - С. 26-28. EDN: MWINJT
5. История России с древнейших времен / соч. Сергея Соловьева: В 29 т. - Изд. 5-е. - Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1874-1889.
6. Быковская Г.А., Черных В.Д., and Злобин А.Н. Проблемы взаимоотношений государства и Церкви: историография церковного раскола XVII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - 2011. №1-3. - С. 198-202. EDN: NXKHFB
7. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. - М.: Зерцало, 2011. - С. 1-52.
8. Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. - Изд. 2-е, вновь провер. по подлин. рукоп. - Москва: В Синод. тип., 1893. - 338 с.
9. Белякова Е.В. К изучению истории соборов 1666 и 1666-1667 гг. // Исторический курьер. - 2019. - № 2. - С. 5. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-5 EDN: NUMPGP
10. Житие протопопа Аввакума: (последняя авторская редакция): [в 2-х кн.] / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН; подготовка текста, вступительная статья, перевод и комментарии Н. В. Понырко. - Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2016. / Кн. 1. - 218 с.
11. Карташев А.В. Смысл старообрядчества // Журнал "Церковь". - 1992 - № 2. - С. 18-20.
12. Русское старообрядчество: В 2-х т. / С.А. Зеньковский; Сост. Г.М. Прохоров. -М.: Ин-т ДИ-ДИК, Квадрика 2009. - С. 122. ISBN: 978-5-93311-012-5 EDN: QUTMNT

References:

1. Nikonov B. The Hundred-Domed Cathedral of 1551 // Journal of the Moscow Patriarchate. 1951. No. 09. p. 45-51.; Stoglav. Kazan: Tip. of the provincial government, 1862. 454 p.
2. Dylevsky M.V. Stoglavy Cathedral: prerequisites, course, meaning // Novosibirsk Time Guide. – 2022. – № 1 (5). – Pp. 21-35.
3. Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich : Vol. 1-2 / Prof. N.F. Kapterev. Sergiev Posad : type. Holy Trinity. St. Sergius Lavra, 1909-1912. / Vol. 1. – 1909. – 525 p.
4. Garshin P.A., Bondar S.A. Causes, course and consequences of the church schism // Bulletin of the Magistracy. – 2022. – № 11-5 (134). – Pp. 26-28.
5. The history of Russia since ancient times / op. Sergei Solovyov : In 29 volumes, 5th ed. - Moscow : Univ. tip. (Katkov and Co.), 1874-1889.
6. Bykovskaya G.A., Chernykh V.D., and Zlobin A.N. Problems of the relationship between the state and the Church: historiography of the Church schism of the 17th century // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2011. №1-3. – pp. 198-202.
7. Cathedral Code of 1649 of the year. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich / Compiled by V. A. Tomsinov, author of the preface and introductory articles. Moscow: Zertsalo, 2011. pp. 1-52.
8. Acts of the Moscow Cathedrals of 1666 and 1667. - 2nd ed., checked again. according to podlin. rukop. - Moscow : In the Synod. type., 1893. - 338 p.
9. Belyakova E.V. On the study of the history of the cathedrals of 1666 and 1666-1667. // Historical Courier. – 2019. – No. 2. – p. 5.
10. The Life of Protopop Avvakum : (the last author's edition) : [in 2 books] / Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences ; text preparation, introductory article, translation and comments by N. V. Ponyrko. - St. Petersburg : Pushkin House, 2016. / Book 1. – 218 p.
11. Kartashev A.V. The Meaning of Old Believers // The Church Magazine. - 1992 – No. 2. – pp. 18-20.
12. Russian Old Believers: In 2 volumes. / S.A. Zenkovsky; Comp. G.M. Prokhorov. –M.: In-t DI-DIK, Quadrika 2009. – p. 122.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_69

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
LEGAL PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: A THEORETICAL PERSPECTIVE

ШИТОВА Татьяна Викторовна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

SHITOVA Tatyana Viktorovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Agrarian University".
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Avenue, building 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В современной России в последние годы особое внимание ученых теоретического и прикладного направления привлекает тема исследований информационных технологий. В настоящее время наиболее востребованным и перспективным направлением в исследовании является направление информационных исследований в сфере агропроектирования, которая является трендом в сфере развития агропромышленного комплекса.*

Abstract: *In recent years, in modern Russia, the topic of research into information technologies has attracted particular attention from scholars in both theoretical and applied fields. Currently, the most in-demand and promising area of research is the field of information research in the area of agro-design, which is a trend in the development of the agro-industrial complex.*

Ключевые слова: *государственная политика, сельское хозяйство, информационные технологии, агропроектирование, агропромышленный комплекс, агроландшафтные преобразования.*

Keywords: *state policy, agriculture, information technologies, agro-design, agro-industrial complex, agrolandscape transformations.*

Для цитирования: *Шитова Т.В. Правовые перспективы развития агропромышленного комплекса: теоретический взгляд // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 69-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_69.*

For citation*: Shitova T.V. Legal Prospects for the Development of the Agro-Industrial Complex: A Theoretical Perspective // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 69-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_69.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Экономика агроландшафтных преобразований представляет сложную, недостаточно изученную проблему, которая в настоящее время является новеллой действующего законодательства, отражающая потребность современного общества в новых теоретических и практических исследований. Это связано с необходимостью учета множества факторов, трудно поддающихся количественной оценке, зачастую являющихся взаимозависимыми и нестабильными. То, что является предметом стремлений одних, для других может оказываться совершенно неприемлемым. В определенной мере это может относиться, например, к совместимости потребностей производственной сферы с экологическими требованиями; потребности людей в отдыхе на лоне природы не всегда согласуются с необходимостью сохранения ценных природных ландшафтов в виде заповедников, национальных парков и т. д.; потребности строительного освоения территории могут противоречить потребностям земледельцев, желающих использовать эту территорию для сельскохозяйственных угодий, и т. д. Везде требуются приемлемые компромиссы. Иными словами, само понятие «ценный ландшафт» [1, с. 8-9] без привязки к конкретным потребностям общества может зачастую представляться расплывчатым и служить предметом дискуссий. Принципы создания «зеленых объектов» примерно такие же, как и создания архитектурно-строительных объектов. Работы начинаются с «предпроектной» стадии: решаются вопросы целесообразности создания парка или сада, выбирается место его нахождения, оценивается его эффективность, выясняются источники финансирования и т. д. Затем методом тендера или прямых переговоров находят исполнителей намечаемых работ, которые будут вести эти работы. Такие работы включают инженерные изыскания, разработку проектной документации и реализацию проекта, т. е. посадочные и строительные работы. Стоит отметить, что на уровне отдельных субъектов исследуются механизмы устойчивого развития градостроительных институтов, что обуславливает применение к рассматриваемым вопросам правовых, философских, экономических, политических, культурологических средств и технологий [2]. Такая же ситуация складывается при реконструкции «зеленых объектов» многих регионов. Решаются вопросы предпроектной стадии, производится обследование реконструируемого объекта, составляется проект реконструкции и производится реализация этого проекта в различных измерениях [3, с. 126]. Большое значение в лесохозяйственной деятельности имеет восстановление лесов после лесных пожаров. Стоимость ущерба от таких пожаров (или других стихийных бедствий) принимается равной стоимости восстановительных работ в ценах на момент их восстановления.

Следует лишь отметить, что вопросы оценки эффективности создаваемого или реконструируемого «зеленого объекта» часто оказываются значительно сложнее оценок архитектурно-строительных объектов. Ценность создаваемого парка или другого «зеленого объекта» приходится определять с помощью множества критериев не только экономического, но и социального, культурного, экологического характера, с учетом непосредственного мнения общественных структур [4]. При этом приходится учитывать сложность взаимовлияния парка и прилегающих к нему территорий, что должно учитываться уже на стадии выбора места расположения парка. В местах, близких к парку, должно уменьшаться загряз-

нение воздуха, упрощаться управление ливневыми потоками. Иными словами, после создания парков ценность прилегающих к ним территорий начинает довольно быстро возрастать, в связи с чем активизируется строительство жилых и общественных зданий на таких территориях. Это обстоятельство во многих странах эффективно используется в качестве дополнительного источника доходов для нужд города. Поступление дополнительных денежных средств достигается за счет повышения цен на землю прилегающих территорий, использования гибкой системы налогообложения, т. е. с пользователей такими территориями берется повышенный налог [5, с. 46-48].

Примером может служить история с идеей поворота северных рек Сибири в Среднюю Азию, которая во второй половине XX в. в нашей стране (точнее в бывшем СССР) была предметом очень жестких дискуссий. Сама идея такой переброски была выдвинута еще в середине XIX в., после чего она неоднократно обсуждалась, хотя радикальных решений по ней не принималось. В 1960– 1970-е гг. идея показалась особенно привлекательной и обсуждение приняло практический характер. Проект переброски рек поддерживали многие авторитетные ученые и влиятельные политики. Противники же проекта прогнозировали совершенно недопустимые природно-климатическиеизменения глобальных масштабов. Сторонников проекта это не убеждало, и они уверяли, что опасности сильно преувеличены, так как доля перебрасываемых водных ресурсов не превысит 6% объема сибирских рек. На основании тщательных исследований и активной деятельности противников проекта идея поворота рек была полностью отвергнута. Решение этого вопроса заняло в целом 10–15 лет, причем окончательную оценку, по-видимому, сделают потомками через 100– 200 лет. Надо отметить, что решение этого вопроса должно осуществляться не только со стороны государства, но и активной части гражданского общества, институтов общественного контроля [6, с. 28-39]. Такие примеры показывают, насколько сложными могут быть решения крупных проблем окультуривания ландшафтов даже при участии высококомпетентных специалистов. Как мы можем предположить, при формировании культурных ландшафтов приходится проводить значительные работы по озеленению территории, т. е. созданию новых или защите (реконструкции) существующих «зеленых объектов». В населенных пунктах это парки, скверы, сады, лесопарки; на межселенных территориях это лесные массивы, защитные лесополосы, особо охраняемые природные территории (заповедники, национальные парки, природные парки, заказники и др.) [7, с. 52-53].

Другим важным фактором экономической эффективности парка является продуманность его функционального назначения. Когда в парке размещается какой-либо интересный объект (музей, театр, необычный аттракцион или природный объект и т. д.), число посетителей будет значительно возрастает, чем при отсутствии такого объекта. История садово-паркового хозяйства содержит множество примеров, в которых недостаточная продуманность функционального назначения парка становилась причиной его банкротства, даже при очень высоких затратах на его создание. Все это подтверждает мнение, что эффективно эксплуатируемый парк — это не обязательно дорогой парк. При проектировании парков ландшафтный архитектор начинает свою работу с решения вопроса, каких размеров должен быть парк, какой у него должен быть уровень благоустройства и, соответственно, затраты на его устройство [8, с. 269-270].

Описанная оценка стоимости посадочных работ применима и к лесохозяйственной деятельности, т.е. к посадке древесно-кустарниковой растительности защитных лесополос, лесных массивов, при превращении природного лесного участка в рекреационный лес и пр. Во всех таких случаях работы производятся по тем же принципам и в такой же последовательности, как и при создании рассмотренных выше парков и садов («зеленых объектов»). Например, при превращении природного (необустроенного) лесного участка в рекреационный лес работы также начинаются с предпроектной стадии: решаются вопросы целесообразности превращения существующего лесного массива в рекреационный лес, намечаются его границы, оценивается его эффективность, выясняются источники финансирования и т.д. На основании полученных данных разрабатывается проект, который затем будет реализовываться. Работы начинаются с оценки существующего ландшафта: проводится так называемое фитопатологическое обследование лесного участка — это выяснение, какие деревья заражены вредителями и грибками, какие из них нужно лечить, а какие вырубать. Чаще всего приходится вырубать ветки нижней части деревьев, на которых обычно скапливаются вредители-насекомые и грибковые поражения. Вырубленные ветки и стволы должны сразу же удаляться (сжигаться), иначе все эти вредители и грибки снова возвратятся в лес. Следует иметь в виду, что для срубки деревьев требуется специальное разрешение от соответствующих служб.

Вместо вырубленных деревьев высаживаются новые, преимущественно не требующие много света. В зависимости от состава и состояния лесных почв, от вида высаживаемых лесных культур в лесную почву могут вноситься удобрения. Наибольшие сложности создают участки с хвойными породами. Такие породы обычно в первые же годы забирают из почвы весь азот. Благодаря деятельности полезных бактерий содержание азота в почве восстанавливается, но в недостаточном объеме. Из-за этого в почву вносят азотные удобрения (навоз и др.), а культурные растения высаживаются лишь через 2–3 года после этого.

Все эти работы нормируются. Имеются нормы времени и расценки на каждый вид услуг. Сметная документация представляется примерно так же, как и на строительные работы. Разрабатывается Сметный расчет на выполнение лесоустроительных работ, который охватывает все виды деятельности, связанные с лесоустройством. К таковым относятся: защита леса от вредителей и болезней; дорожные, лесомелиоративные объекты работы; создание противопожарных разрывов, работы по лесовосстановлению и т. д. Для каждого вида таких работ разрабатываются нормативно-технологических карты, аналогичные технологическим картам на строительные процессы. По ним устанавливается стоимость работ по окультуриванию лесных участков [9].

Все это относится не только к глобальным проблемам. Сложные вопросы взаимного влияния различных природных факторов могут возникать и при небольших изменениях ландшафтов, в чем специалист по природообустройству должен разбираться. Осушение болот может отрицательно повлиять на произрастание ценных трав или проживание ценных представителей животного мира; создание прудов может отражаться на местном рыбоводстве (как отрицательно, так и положительно); строительство зданий и сооружений может негативно влиять на режим

подземных вод, на древесно-кустарниковую растительность [10]. Изложенные соображения не отвергают полезности разработки инновации в проектировании ландшафтного дизайна, но они показывают, что онавсегдануждается в уточнении применительно к каждому конкретному случаю [11]. Эти уточнения обычно основываются на местном опыте хозяйствования, на результатах исследований культурно-исторического, экологического, медико-биологического характера.

Список литературы

1. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 81-82. EDN: REOMUT
2. Фастович Г.Г. Стратегия развития информационного общества в России: понятие и принципы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 61-64. EDN: UTPLRV
3. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22. EDN: OVJEMC
4. Фастович Г.Г. Институт регионализации в системе агропромышленного комплекса современной России (на примере исследования логистических процессов Красноярского края) // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 3 (171). - С. 47-49. EDN: TOOUUZ
5. Рябченок О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 3-1.- С. 143-145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10639 EDN: WPMZLL
6. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Сборник докладов Междуна-родной научной конференции. 2011. С. 114-116.
7. Фастович Г.Г. О мерах государственной поддержки маломобильных граждан: некоторые вопросы теории и практики // В сборнике: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 111-114. EDN: ZWTXVU
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. С. 2203. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU
9. Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. - С. 269-272.
10. Фастович Г.Г. цифровые технологии и институт логистики: исследование опыта Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 36-38. EDN: XFVTVR
11. Фастович Г.Г., Письменных А.Ю. Содержание публичной власти: конституционно-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 167-169. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_2_167 EDN: XIYHKP
12. Фастович Г.Г., Литвинова В.С. Продовольственная безопасность как один из факторов развития Стратегии национальной безопасности //Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 32-34. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_32 EDN: LGUZMA

References

1. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the functioning of the state mechanism // Eurasian Legal Journal. 2020. No. 10 (149). Pp. 81-82. EDN: REOMUT
2. Fastovich G.G. Strategy for the development of the information society in Russia: concept and principles // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 6 (186). Pp. 61-64. EDN: UTPLRV
3. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information technologies in the system of improving the efficiency of state authorities: a theoretical and legal aspect // Law and Politics. 2020. No. 2. Pp. 18-22. EDN: OVJEMC
4. Fastovich G.G. The Institute of Regionalization in the Agro-Industrial Complex System of Modern Russia (on the Example of a Study of Logistical Processes in the Krasnoyarsk Territory) // Agrarian and Land Law. – 2019. – No. 3 (171). – Pp. 47–49. EDN: TOOUUZ
5. Ryabchenok O.N., Fastovich G.G. The Internet and Its Impact on Modern Society// International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - No. 3-1. - Pp. 143-145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10639 EDN: WPMZLL
6. Teplyashin I.V., Fastovich G.G. Criteria for the effectiveness of the state mechanism: a general theoretical analysis // Problems of modernization of the legal system of modern Russian society. Collection of reports of the International Scientific Conference. 2011. Pp. 114–116.
7. Fastovich G.G. On measures of state support for people with limited mobility: some issues of theory and practice // In the collection: Ensuring the rights of participants in criminal proceedings with disabilities: a compensatory approach. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2021. Pp. 111–114. EDN: ZWTXVU
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. THE PROBLEM OF STATE SUPPORT MEASURES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. P. 2203. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022038 EDN: ZTPFMU
9. Fastovich G.G. On the issue of using information technologies in logistics systems // Logistics — the Eurasian Bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. – Pp. 269–272.
10. Fastovich G.G. Digital technologies and the logistics institution: a study of the experience of the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia, and the Republic of Tuva // Agrarian and Land Law. 2019. No. 4 (172). Pp. 36–38. EDN: XFVTVR
11. Fastovich G.G., Pismennykh A.Yu. The content of public power: a constitutional and legal aspect // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 2 (194). Pp. 167-169. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_2_167 EDN: XIYHKP
12. Fastovich G.G., Litvinova V.S. Food Security as One of the Factors in the Development of the National Security Strategy //Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 2 (218). Pp. 32-34. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_32 EDN: LGUZMA

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_72

УДК: 342.9

ПОРЯДОК ПРОДЛЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РОССИИ
THE PROCEDURE FOR THE EXTENSION AND TERMINATION OF MARTIAL LAW IN RUSSIA

КАЛЛАГОВ Таймураз Эльбрусович,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет».
362040, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

KALLAGOV Taimuraz Elbrusovich,
candidate of legal sciences, associate professor of the Department of constitutional and administrative law,
FGBOU VO «Gorsky State Agrarian University».
362040, Russia, Republic of North Ossetia–Alania, Vladikavkaz, Kirov Street, 37.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу возможности и порядка пролонгации режима военного положения (ВП) в контексте российского законодательства, в частности, в свете Указа Президента РФ о введении ВП в новых субъектах. В исследовании проводится сравнение общих правовых подходов, где ВП вводится на ограниченный срок и требует повторного согласования, с особенностями российского регулирования, где Указ Президента не содержит явных временных ограничений, что потенциально позволяет поддерживать режим длительное время без формальной пролонгации. Акцентируется внимание на юридических и практических рисках, связанных с чрезмерным и бесконтрольным продлением ВП, включая угрозу злоупотреблений и ущемления гражданских прав и свобод. Кроме того, рассматривается терминологическая неопределенность, в том числе необходимость законодательного закрепления понятий, обозначающих различные "режимы" в условиях особых правовых режимов. Отдельно анализируется юридический статус термина «специальная военная операция» (СВО), который позиционируется как описательное обозначение военно-политической ситуации, а не как самостоятельная правовая категория, регулируемая, в первую очередь, Федеральным конституционным законом «О военном положении» и доктринальными подходами к классификации вооруженных конфликтов.*

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the possibility and procedure for prolonging the regime of martial law (ML) within the context of Russian legislation, particularly in light of the Presidential Decree on the imposition of ML in the new constituent entities. The study compares general legal approaches, where ML is imposed for a specified term requiring repeated approval, with the specifics of Russian regulation, where the Presidential Decree lacks explicit time limitations, potentially allowing the regime to be maintained for an extended period without formal prolongation. Emphasis is placed on the legal and practical risks associated with the excessive and uncontrolled extension of ML, including the threat of abuse and the infringement of civil rights and freedoms. Furthermore, terminological ambiguity is examined, including the need for legislative consolidation of concepts designating various "regimes" under special legal circumstances. The legal status of the term "special military operation" (SMO) is analyzed separately, positioning it as a descriptive designation of a military-political situation rather than an independent legal category, primarily regulated by the Federal Constitutional Law "On Martial Law" and doctrinal approaches to classifying armed conflicts.*

Ключевые слова: *военное положение, пролонгация, Указ Президента РФ, режим, гражданские права, полномочия должностных лиц, специальная военная операция, правовое регулирование, прекращение режима, правовая определенность.*

Keywords: *martial Law, prolongation, Decree of the President of the Russian Federation, regime, civil rights, official powers, special military operation, legal regulation, termination of the regime, legal certainty.*

Для цитирования: *Каллагов Т.Э. Порядок продления и прекращения военного положения в России // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 72-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_72.*

For citation*: Kallagov T.E. The Procedure for Extending and Terminating Martial Law in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 72-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_72.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026

Одним из ключевых вопросов является возможность и порядок пролонгации режима военного положения.

В большинстве правовых систем предусмотрено, что военное положение вводится на определённый срок (обычно не более 30–60 дней). Для его дальнейшего действия требуется повторное согласование высших органов власти, чаще всего – парламента. Продление часто требует обоснования, что ситуация не стабилизировалась.

Практика показывает, что чрезмерное и бесконтрольное продление может привести к злоупотреблениям и снижению доверия граждан.

Тем не менее, Указ Президента РФ «О введении военного положения в Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областях» не содержит ограничений по времени, что свидетельствует о том, что указанное положение будет действовать вплоть до его отмены. Это может означать, что в данном случае власти имеют возможность поддерживать военное положение длительный период без необходимости его повторного согласования, что важно с точки зрения оперативности и устойчивости режима. Однако такой подход вызывает споры, так как длительное и необоснованное использование военного положения может привести к затруднениям в гражданских правах и свободах, а также к повышенной уязвимости системы правового контроля. Поэтому, несмотря на предусмотренную законом возможность ограниченного срока, ситуация требует постоянного мониторинга и внимательного анализа со стороны как власти, так и общества, чтобы избежать злоупотреблений и обеспечить соблюдение прав граждан.

Анализ норм Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» показывает, что решения по вопросам применения установленных главой государства полномочий, которые позволяют осуществлять названные в документе меры, а также ограничи-

вать права и свободы лиц, проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, права органов и организаций, осуществляющих деятельность в конкретном субъекте России, принимаются только высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (губернатором, главой, мэром) в форме актов, определенных Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1], то есть указов (постановлений) и распоряжений с официальным их опубликованием. Анализ действующих нормативных актов выявил наличие ряда противоречий и формальных недоработок в текстах, касающихся определения компетенции государственных органов и должностных лиц, ответственных за выполнение установленных мер в условиях введения в отдельных регионах Российской Федерации особых режимов, таких как военное положение. Устранение указанных недостатков обусловлено необходимостью обеспечения однозначного понимания распределения полномочий и ответственности среди участников правового регулирования. Согласно положениям действующих нормативных актов, в частности Указа Президента Российской Федерации, все полномочия, связанные с проведением мероприятий, установленных данным документом, возложены в первую очередь на высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. При этом из текста указа должно быть чётко и недвусмысленно понятно, что вся полнота ответственности за реализацию соответствующих мер принадлежит именно ему, для чего необходима ясная и последовательная формулировка нормативных положений. Такой однозначный подход способствует повышению эффективности правового регулирования и снижению вероятности возникновения правовых конфликтов в процессе реализации мер правового характера в условиях чрезвычайных режимов.

Введение концепций, обозначаемых термином «режимы», с указанием их уровней в нормативных актах, предусмотренных актом Президента Российской Федерации, требует их закрепления в федеральном законодательстве. Этот подход направлен на обеспечение однозначности правового регулирования и исключение возможных двусмысленностей. Недостаток закрепления указанных понятий в нормативных актов федерального уровня может привести к возникновению сомнений относительно легитимности соответствующих мер и инициатив. Указанные уровни «режимов» предназначены для применения в условиях действия особых правовых режимов, таких как режим военного положения, который предусматривает реализацию комплекса мер, связанных с обороной, защитой государственных интересов и обеспечением территориальной целостности. Эти меры должны регулироваться в соответствии с федеральным законом «О военном положении», с учетом возможных отсылочных положений к иным федеральным нормативным актам, регулирующим соответствующие сферы деятельности. Такой системный подход позволит обеспечить единообразие правового регулирования и повысить правовую определенность в рассматриваемых вопросах.

В научном контексте термин «специальная военная операция» требует внимательного анализа с точки зрения его использования в юридической и профессиональной практике. На уровне правовой науки данный термин не обладает статусом самостоятельной правовой категории или режима правового регулирования. В основном, он выступает в качестве описания временного периода, в течение которого Российская Федерация реализует свои международные обязательства, направленные на противодействие актам агрессии. В этом смысле «специальная военная операция» также может обозначать конкретную территорию, на которой осуществляются соответствующие военные мероприятия.

С точки зрения правового регулирования, деятельность, связанная с данной операцией, в первую очередь регулируется нормативными актами, в частности Федеральным конституционным законом «О военном положении». Этот нормативный документ закладывает правовые основы, формы и механизмы организации мер, направленных на отражение или пресечение враждебных действий, осуществляемых против государства. Следовательно, использование термина «специальная военная операция» можно интерпретировать как обозначение комплекса мер, реализуемых в рамках правового режима, закрепленного данными федеральными актами, а не как обозначение самостоятельной правовой категории. Таким образом, данный термин выступает скорее как описание конкретного режима деятельности в определенный временной промежуток, чем как самостоятельный элемент юридической систематизации. В связи с этим термин «специальная военная операция» выступает скорее как описательное обозначение военно-политической ситуации и не представляет собой самостоятельную юридическую категорию или особый правовой режим. Его использование носит чисто описательный характер и служит указанием на специфический режим функционирования государства в условиях конфликта, не закрепленный в правовых нормах как отдельный юридический режим.

В рамках анализа современного конфликта, связанного с проведением специальной военной операции (СВО), важно учитывать теоретические и законодательные подходы к определению различий между понятием «война» и другими формами вооруженных столкновений. В. Литвиненко обращает внимание на то, что, с одной стороны, СВО обладает уникальными особенностями, отличающими её от классической войны: она преимущественно ориентирована на поражение военных объектов противника и гуманитарное обеспечение выхода гражданского населения из зоны боевых действий. В данном контексте, Министерство обороны Российской Федерации склоняется к трактовке этой операции как к военной деятельности, характеризующейся ограниченными целями, что больше соответствует понятию «военная операция», нежели «война» в полном смысле слова. Этот подход поддерживают и другие исследователи, подчеркивающие специфику СВО как особого рода вооруженного конфликта.

Положения военной доктрины Российской Федерации 2014 года (утвержденной Президентом РФ под номером Пр-2976) позволяют углубленно рассмотреть смысл категорий, связанных с вооруженными столкновениями. В документе отсутствует четкое определение понятия «война», однако представлена классификация типов вооруженных конфликтов, включающая локальные, региональные и крупномасштабные конфликты. Каждая категория характеризуется своим масштабом и целей, что отражает разнообразие форм и уровней военного противоборства. В дополнение к этому, в доктринальных положениях подчеркивается более широкая концепция «военного конфликта» как формы разрешения

[1] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021.№ 52 (часть I). Ст. 8973.

межгосударственных или внутригосударственных противоречий с использованием вооруженной силы. Эти определения позволяют рассматривать все виды вооруженных столкновений, начиная от крупных войн и заканчивая региональными и локальными конфликтами, в рамках единой системы классификации, что подчеркивает комплексный подход к анализу современных военных форм и их места в стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1]. Кроме того, как отмечает Л.А. Лазутин, «специальная военная операция не предусматривала объявления войны…»[2].

Порядок прекращения действия военного положения в Российской Федерации представляет собой важнейший правовой механизм, обеспечивающий завершение режима чрезвычайных обстоятельств и восстановление нормального функционирования правовой системы. В данной статье рассмотрены основные юридические принципы и процедурные особенности, обусловливающие процедуру его отмены, а также их значение для правового регулирования.

Первичным элементом процедуры является указ Президента Российской Федерации, который осуществляет отмену военного положения после устранения условий и причин, послуживших его введению. Такое государственное решение подчеркивает роль высших органов государственной власти в управлении чрезвычайными ситуациями и гарантирует, что режим прекращается только при наличии объективных предпосылок. Значимым аспектом является информирование населения о прекращении режима в порядке, аналогичном способам информирования о его введении, что способствует обеспечения прозрачности принятого решения и информационной открытости власти.

Во-вторых, предусмотрены случаи, при которых автоматическая отмена военного положения возможна в соответствии с пунктом 7 статьи 4 федерального закона. Это происходит в ситуациях, когда обстоятельства, послужившие основанием для введения чрезвычайного режима, полностью устранены или при наступлении иных условий, изложенных законом, подтверждающих необходимость его прекращения. Автоматическая отмена обеспечивает своевременное реагирование на изменение ситуации и уменьшает необходимость административного вмешательства.

В-третьих, после официальной отмены режима все нормативно-правовые акты, принятые с целью обеспечения или реализации режима военного положения, утрачивают свою силу или отменяются уполномоченными органами. Такой шаг способствует восстановлению общего правового порядка, устранению специальных властных мер и возвращению к стандартной правовой среде. В результате эти процедуры обеспечивают стабильность, законность и последовательность в правовом регулировании в условиях перехода к нормальной жизнедеятельности общества.

И, наконец, после прекращения военного положения органы власти, ранее осуществлявшие полномочия в этой области, прекращают свои функции согласно установленной процедурой. Это обеспечивает возвращение к обычной правовой деятельности государственных структур в сфере обеспечения национальной безопасности.

В целом, данная статья подчеркивает важность четкого юридического регулирования процесса отмены военного положения, что обеспечивает стабильность правового порядка и защиту прав граждан в периоды чрезвычайных ситуаций и после их устранения.

Таким образом, возможность и порядок пролонгации режима военного положения в различных правовых систем регулируются с учетом необходимости ограничения срока его действия и повторного согласования высшими органами власти. В российском законодательстве, в частности в Указе Президента РФ, закреплена возможность действия военного положения без ограничений по времени, что позволяет сохранять режим длительный период, обеспечивая оперативность и стабильность. Однако такой подход вызывает споры из-за риска злоупотреблений, нарушения гражданских прав и снижения доверия населения. Закон предусматривает механизмы прекращения режима и его отмены, обеспечивая юридическую четкость и контроль за соблюдением прав граждан. Также подчеркивается важность ясности в распределении полномочий и ответственности между органами власти, а введенные термины и понятия требуют законодательно закрепленных определений для предотвращения двусмысленности. В целом, долгосрочное поддержание военного положения требует постоянного мониторинга, сбалансированного подхода и соблюдения правовых процедур для предотвращения злоупотреблений и защиты прав граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Рос-сийской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2021.№ 52 (часть I). Ст. 8973.
2. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № Пр-2976 // Рос-сийская газета. 2014. 30 декабря.
3. Лазутин Л.А. Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 44-49. DOI: 10.34076/20713797_2022_3_44 EDN: OABWVK

References

1. Federal Law No. 414-FZ dated December 21, 2021 (as amended on December 13, 2024) "On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021.No. 52 (Part I). Article 8973.
2. Military Doctrine of the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014 year No. Pr-2976 // Rossiyskaya gazeta. 2014. December 30th.
3. Lazutin L.A. Problems of temporal action of certain regimes of international humanitarian law // Russian Law Journal. 2022. No. 3. pp. 44-49.

[1] Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.
[2] Лазутин Л.А. Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 44–49.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_75

УДК 338.2

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL ECONOMY IN KRASNOYARSK REGION

НАУМОВ Олег Дмитриевич,
кандидат философских наук, руководитель Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

АЙСНЕР Лариса Юрьевна,
кандидат культурологии, доцент, доцент Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

ЛИСИНА Лариса Георгиевна
Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, экономики и права
ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
e-mail: lisina@kspu.ru

NAUMOV Oleg Dmitrievich,
Candidate of Philosophy, Head of the Unified Project Office Krasnoyarsk State Agrarian University
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

AISNER Larissa Yurievna,
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Unified Project Office
Krasnoyarsk State Agrarian University
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

LISINA Larissa Georgievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Economics and Law
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89
e-mail: lisina@kspu.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются современные тенденции и структурные особенности экономики сельских территорий Красноярского края. На основе анализа статистических данных за период 2023–2025 гг. выделены ключевые тренды в развитии агропромышленного комплекса, промышленного производства, инвестиционной активности и предпринимательской среды. Выявлена значительная дифференциация муниципальных образований по уровню экономического развития, обусловленная отраслевой специализацией, климатическими условиями и объёмами инвестиций в основной капитал. Установлено, что, несмотря на общий рост объёмов сельскохозяйственного производства, в несеверных территориях сохраняются негативные тенденции: снижение маржинальности агробизнеса, падение частных инвестиций на душу населения, низкая плотность малого и среднего предпринимательства. Определены ключевые проблемы и предложены направления стратегического развития сельской экономики региона, направленные на снижение межрайонной асимметрии и стимулирование эндогенного роста.*

Abstract*. The article examines current trends and structural features of the economy of rural areas in the Krasnoyarsk Region. Based on the analysis of statistical data for the period 2023–2025, key trends in the development of the agro-industrial complex, industrial production, investment activity, and the business environment have been identified. A significant differentiation of municipalities in terms of economic development has been revealed, which is influenced by their sectoral specialization, climatic conditions, and investment in fixed assets. It has been established that, despite the overall increase in agricultural production, negative trends persist in non-northern territories: a decrease in the profitability of agribusiness, a drop in private investment per capita, and a low density of small and medium-sized enterprises. The key problems have been identified, and strategic development directions for the region's rural economy have been proposed to reduce interregional asymmetry and stimulate endogenous growth.*

Ключевые слова: *сельская экономика, Красноярский край, агропромышленный комплекс, региональная дифференциация, инвестиции в основной капитал, малое и среднее предпринимательство, личные подсобные хозяйства.*

Keywords: *rural economy, Krasnoyarsk Region, agro-industrial complex, regional differentiation, investments in fixed assets, small and medium-sized enterprises, and personal subsidiary farms.*

Для цитирования: *Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г. Тенденции и перспективы развития сельской экономики Красноярского края // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 75-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_75.*

For citation*: Naumov O.D., Aisner L.Yu., Lisina L.G. Trends and Prospects for the Development of the Rural Economy in the Krasnoyarsk Territory // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 75-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_75.*

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

Сельские территории Красноярского края, занимающие обширную площадь и отличающиеся значительным природно-климатическим и социально-экономическим разнообразием, являются важным структурным элементом региональной экономики. Экономическое развитие этих территорий характеризуется сложным переплетением общероссийских тенденций и специфических локальных факторов. Анализ современных процессов в сельской экономике края актуален для формирования научно обоснованной региональной политики, направленной на обеспечение

сбалансированного и устойчивого развития, преодоление пространственных диспропорций и повышение качества жизни сельского населения.

Целью статьи является выявление ключевых тенденций и определение перспективных направлений развития экономики сельских территорий Красноярского края на основе анализа статистических данных за последние годы (2023–2025 гг.). Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Оценить динамику и структурные изменения в сельскохозяйственном и промышленном производстве.
2. Проанализировать тенденции в инвестиционной активности, включая источники финансирования и территориальную дифференциацию.
3. Охарактеризовать состояние предпринимательской среды, включая развитие малого и среднего бизнеса (МСП) и роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ).
4. Выявить проблемы бюджетной обеспеченности муниципальных образований.
5. Сформулировать основные проблемы и перспективные векторы развития.

Теоретической основой исследования послужили работы российских учёных в области региональной экономики и развития сельских территорий, в которых исследуются вопросы пространственной организации, диверсификации и устойчивости сельской экономики [1, 2, 3].

1. Основные тенденции в развитии агропромышленного комплекса. В большинстве муниципальных районов Красноярского края, соответствующих первому (аграрному) типу сельских территорий, сельское хозяйство остаётся основным видом экономической деятельности. За период с 2023 по 2025 год наблюдается стабильный, хотя и замедляющийся, рост объёмов производства сельскохозяйственной продукции. Ключевыми факторами роста в анализируемый период продолжали оставаться государственная поддержка, включая реализацию федеральных и региональных программ, а также адаптация хозяйств к изменчивым климатическим условиям. Однако действие позитивных факторов частично нивелировалось ростом цен на материально-технические ресурсы.

Основной структурной проблемой отрасли, сохранившейся к 2025 году, остаётся давление на рентабельность. Стоимость энергоносителей, удобрений, средств защиты растений и ветеринарных услуг продолжала расти опережающими темпами по сравнению с ценами на готовую сельскохозяйственную продукцию, что сдерживало рост маржинальности.

Роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ) продолжает постепенно снижаться. К 2025 году их доля в общем объёме сельхозпродукции края составила около 25-27%. Сокращение связано с продолжающимся процессом старения сельского населения, занятого в ЛПХ, низкой экономической мотивацией к товарному производству и растущей конкуренцией со стороны более технологичных сельхозорганизаций.

Таблица 1. Ключевые тенденции в сельскохозяйственном производстве Красноярского края (2023–2025 гг.)

Тенденция	Характеристика	Период
Рост объёмов производства	Стабильный, но замедляющийся рост	2023–2025 гг.
Давление на рентабельность	Сохранение высоких темпов роста издержек при сдержанной динамике цен на продукцию	2023–2025 гг.
Снижение доли ЛПХ	Сокращение удельного веса до 25-27% в общем объёме производства	К 2025 г.
Территориальная концентрация	Основные объёмы товарной продукции концентрируются в Назаровском, Ужурском, Большемуртинском, Емельяновском районах	–

2. Динамика промышленного производства и инвестиционная активность. Поляризация между промышленно развитыми северными территориями (районы Крайнего Севера и приравненные к ним) и остальными сельскими районами края в период 2023–2025 годов не только сохранилась, но и углубилась. Северные территории, благодаря реализации крупных инвестиционных проектов в добывающем и перерабатывающем секторах, обеспечивали основной прирост промышленного производства в сельской местности. В несеверных районах промышленное производство, за исключением локальных точек роста, демонстрировало вялую динамику.

Инвестиционный климат также остаётся крайне неравномерным. Динамика инвестиций в основной капитал в значительной степени определялась политикой крупных корпораций, работающих на севере края. В то же время, в аграрных и депрессивных районах наблюдалось дальнейшее снижение инвестиционной активности, особенно в расчёте на душу населения.

Таблица 2. Динамика инвестиций в основной капитал в сельских территориях (2023–2025 гг.)

Показатель	Тренд (с учётом Крайнего Севера)	Тренд (без учёта Крайнего Севера)	Примечания

Показатель	Тренд (с учётом Крайнего Севера)	Тренд (без учёта Крайнего Севера)	Примечания
Совокупные инвестиции	Рост, сконцентрированный в 3-4 северных муниципальных районах	Стагнация или умеренное снижение	Разрыв в абсолютных значениях продолжает увеличиваться
Источники финансирования	Частные инвестиции: волатильность, зависимость от сырьевой конъюнктуры. Бюджетные инвестиции: фрагментарные вливания в рамках нацпроектов.	Аналогично, но на крайне низком базовом уровне. Роль муниципальных бюджетов минимальна.	Неразвитость механизмов государственно-частного партнёрства в несеверных районах
Инвестиции на душу населения	Незначительный общий рост за счёт северных районов	Снижение или стагнация на низком уровне	Показатель 2025 года в несеверных районах остался ниже уровня 2023 года

3. Предпринимательская среда и бюджетная обеспеченность. Предпринимательская среда в сельской местности Красноярского края к 2025 году претерпела лишь незначительные изменения. Число субъектов МСП на 10 тыс. сельских жителей остаётся низким, не превышая в среднем 220–230 единиц, что существенно ниже как среднероссийских, так и среднесибирских показателей. Ограниченность локального спроса, дефицит инфраструктуры и кадров продолжают сдерживать предпринимательскую инициативу.

Бюджетная система сельских муниципалитетов сохраняет высокую степень зависимости от межбюджетных трансфертов. Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в общем объёме поступлений в 2023–2025 годах колебалась в диапазоне 20–25%, не демонстрируя устойчивой положительной динамики. Низкая налогооблагаемая база напрямую связана с неразвитостью малого и среднего бизнеса, а также с высокой долей населения, занятого в ЛПХ и неформальном секторе.

Таблица 3. Условное ранжирование районов по ключевым социально-экономическим показателям (на основе анализа тенденций 2023–2025 гг.)*

Группа районов	По совокупному производству на душу населения	По инвестициям на душу населения	По развитию предпринимательской среды
Лидеры	Районы Крайнего Севера (Таймырский, Эвенкийский), приравненные к ним территории, Шарыповский район	Аналогичный список лидеров; Большеулуйский район (при наличии новых проектов)	Емельяновский, Березовский, Минусинский районы (относительно высокие показатели по числу МСП)
Территории со средним потенциалом	Большемуртинский, Богучанский, Назаровский, Ужурский районы	Районы с реализуемыми инфраструктурными проектами	Районы с высокой численностью ЛПХ, но слабым развитием МСП (потенциал для кооперации)
Депрессивные / отстающие районы	Козульский, Казачинский, Енисейский, Пировский, Тюхтетский, Ермаковский и др.	Районы с минимальными объёмами инвестиций и отсутствием новых проектов	Большинство районов центральной и северо-восточной части края (ниже 200 субъектов МСП на 10 тыс. жителей)

4. Проблемы и перспективы развития. На основе проведённого анализа можно выделить следующие ключевые проблемы развития экономики сельских территорий Красноярского края, актуальные на период до 2025 года:

- углубление пространственного неравенства: усиление разрыва между экспортно-ориентированными сырьевыми анклавами на севере и аграрно-демографическими районами юга и центра края;

- инвестиционный дефицит в несеверных районах: отсутствие притока капитала в основной капитал консервирует устаревшую технологическую базу и низкую производительность;

- уязвимость агробизнеса: высокая зависимость от импортных материально-технических ресурсов и ценовой волатильности на фоне климатических рисков;

- институциональная слабость предпринимательства: недостаточная плотность МСП, низкий уровень кооперации и неэффективность мер поддержки на местном уровне;

- хроническая дотационность местных бюджетов,ограничивающая самостоятельность в решении инфраструктурных и социальных задач.

Перспективы развития должны быть основаны на стратегии **дифференцированного и точечного вмешательства**. Для **сельскохозяйственных районов** ключевым становится переход к «зелёной» экономике и глубокой переработке, развитие кластеров и сельскохозяйственной кооперации нового типа. Для **несеверных промышленных районов** – диверсификация за счёт перерабатывающих производств и логистических хабов.

Стратегические направления для всех территорий:

Стимулирование инвестиций: разработка и внедрение специальных инвестиционных контрактов (СПИК) для несырьевых проектов в

сельской местности, развитие инфраструктурной ипотеки для бизнеса.

Цифровая трансформация АПК: массовое внедрение элементов точного земледелия, развитие цифровых платформ сбыта продукции ЛПХ и малых фермеров.

Поддержка человеческого капитала: создание системы непрерывного аграрного образования, программ привлечения молодых специалистов и «сельской ипотеки».

Бюджетная реформа: повышение заинтересованности муниципалитетов в росте собственной доходной базы через новые механизмы зачисления налогов с МСП.

Анализ тенденций 2023–2025 годов подтверждает, что экономика сельских территорий Красноярского края развивается по инерционному сценарию с усилением структурных дисбалансов. Позитивная динамика в отдельных сырьевых анклавах не компенсирует стагнацию и накопленные проблемы в основной массе аграрных районов. Преодоление сложившейся поляризации требует не просто увеличения объёмов финансирования, а смены парадигмы управления развитием сельских территорий – перехода от поддержки отраслей к комплексной поддержке местных экономических систем, основанной на их уникальных активах и потенциале. Будущее сельской экономики края зависит от способности региональных и местных властей создать условия для формирования точек роста за пределами традиционных сырьевых зон, сделав ставку на диверсификацию, кооперацию и технологическую модернизацию.

Список литературы:

1. Алтухов А. И. Сельские поселения: проблемы и тенденции развития // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 1. 5. DOI: 10.31279/2782-6414-2023-1-5-1-12 EDN: CMGTTP

2. Смыслова О.Ю., Сергеева А.В., Киселев К.В. Инновационное развитие сельских территорий России: вызовы и угрозы в современных усло-виях Экономика, предпринимательство и право. Том 15. Номер 5. Май 2025. DOI: 10.18334/epp.15.5.123214 EDN: UCXLKS

3. Игонина Л.Л. Финансовая самостоятельность муниципальных образований: ограничения и возможности // Финансы и кредит - 2015, 35 - С. 12-24. EDN: UKDZSN

4. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Механизмы и результаты аграрной реформы в постсоветской России // ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации". 2015. - № 8. - 99 с.

5. Якимова Л.А. Развитие малого предпринимательства на сельских территориях: социально-экономический аспект / Л.А. Якимова, А.В. Стрельцова. 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1057-1068. // Baikal Research Journal. - 2023. - Т. 14, № 3. - С. 1057-1068. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1057-1068.BaikalResearchJournal.-2023.- EDN: OHWPUP

References:

1. Altukhov A. I. Rural Settlements: Problems and Development Trends // Research on Economic and Financial Issues. 2023. No. 1. 5. http://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-5-1-12

2. Smyslova O.Yu., Sergeeva A.V., Kiselev K.V. Innovative Development of Rural Territories in Russia: Challenges and Threats in the Current Economic, Entrepreneurial, and Legal Environment. Volume 15. Number 5. May 2025.

3. Igonina L.L. Financial Independence of Municipalities: Limitations and Opportunities // Finance and Credit – 2015, 35 – Pp. 12–24.

4. Uzun V.Ya., Shagaida N.I. Mechanisms and Results of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia // Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow. – 2015. – No. 8. – 99 p.

5. Yakimova L.A. Development of Small Business in Rural Areas: Socio-Economic Aspect / L.A. Yakimova, A.V. Streltsova. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1057-1068. — EDN OHWPUP // Baikal Research Journal. — 2023. — Т.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_79

УДК 332.025

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ
THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC SERVICES: NEW OPPORTUNITIES AND RISKS

АННИН Анатолий Геннадьевич,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС; профессор кафедры истории России,
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: annin-ag@mail.ru;

ЛЕДАЩЕВ Сергей Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Владимирский филиал РАНХиГС.
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: sergey-ledaschev@mail.ru;

КАРПОВ Олег Вячеславович,
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Владимирский филиал РАНХиГС.
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: okarp67@mail.ru;

КОЛЯГАНОВ Никита Дмитриевич,
студент юридического факультета Владимирский филиал РАНХиГС.
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
e-mail: nkolyaganov05@mail.ru

ANNIN A. G.,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
Professor of the Department of Russian History,
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs.
600017, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., 59a.
E-mail: annin-ag@mail.ru;

LEDASHCHEV S. V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department administrative and legal disciplines
Vladimir branch of RANEPA.
600017, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., 59a.
E-mail: sergey-ledaschev@mail.ru;

KARPOV O. V.,
Senior Lecturer of the Department administrative and legal disciplines Vladimir branch of RANEPA.
600017, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., 59a.
E-mail: okarp67@mail.ru;

KOLYAGANOV N D.,
law student at the Vladimir branch of RANEPA.
600017, Russia, Vladimir Region, Vladimir, Gorky Street, 59a.
Email: nkolyaganov05@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются проблемы и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в систему предоставления государственных услуг. Анализируются ключевые технологические решения, их преимущества в части оптимизации административных процессов, снижения коррупционных рисков и повышения экономической эффективности. Особое внимание уделяется правовым и социальным вызовам цифровой трансформации, включая проблемы защиты персональных данных, алгоритмической прозрачности, кибербезопасности и цифрового неравенства. На основе сравнительного анализа международного опыта регулирования и российской правовой практики предлагаются направления совершенствования законодательства в данной сфере. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего технологическое развитие с созданием адекватной нормативной базы и инфраструктуры доверия.*

Abstract: *The article examines the problems and prospects of introducing artificial intelligence technologies into the public service delivery system. The key technological solutions and their advantages in terms of optimizing administrative processes, reducing corruption risks and increasing economic efficiency are analyzed. Special attention is paid to the legal and social challenges of digital transformation, including issues of personal data protection, algorithmic transparency, cybersecurity and digital inequality. Based on a comparative analysis of international regulatory experience and Russian legal practice, directions for improving legislation in this area are proposed. The conclusion is drawn about the need for an integrated approach combining technological development with the creation of an adequate regulatory framework and trust infrastructure.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, государственные услуги, цифровая трансформация, машинное обучение, административные процессы, персональные данные, алгоритмическая прозрачность, правовое регулирование ИИ, цифровое неравенство, кибербезопасность, биометрическая идентификация, прогнозная аналитика, автоматизация госуправления.*

Keywords: *artificial intelligence, public services, digital transformation, machine learning, administrative processes, personal data, algorithmic transparency, legal regulation of AI, digital inequality, cybersecurity, biometric identification, predictive analytics, automation of public administration.*

Для цитирования: *Аннин А.Г., Ледащев С.В., Карпов О.В., Коляганов Н.Д. Применение искусственного интеллекта в сфере государственных услуг: новые возможности и риски // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 79-82. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_79.*

For citation*: Annin A.G., Ledashchev S.V., Karpov O.V., Kolyaganov N.D. Application of artificial intelligence in the field of public services: new opportunities and risks // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 79-82. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_79.*

Статья поступила в редакцию: 24.05.2026

Современное государственное управление находится на этапе активной цифровой трансформации, где искусственный интеллект (далее - ИИ) становится ключевым инструментом повышения эффективности предоставления услуг населению. Стремительно развиваются технологии машинного обучения, нейросетей и автоматизированных систем, которые внедряются в процессы взаимодействия государства и граждан. В условиях роста спроса на качественные и доступные госуслуги ИИ предлагает решения, способные минимизировать бюрократические барьеры, ускорить обработку запросов и снизить нагрузку на государственные органы. Однако наряду с преимуществами возникают новые вызовы, связанные с защитой персональных данных, алгоритмической прозрачностью и правовым регулированием, что требует глубокого научного осмысления.

Современные технологии искусственного интеллекта активно трансформируют систему предоставления государственных услуг, предлагая инновационные решения для оптимизации административных процессов. Внедрение ИИ в государственный сектор позволяет не только ускорить обработку запросов граждан, но и повысить качество сервисов за счет снижения человеческого фактора и минимизации бюрократических барьеров. Одним из наиболее востребованных инструментов являются чат-боты и голосовые помощники, которые обеспечивают круглосуточное взаимодействие с пользователями. Например, на «Госуслугах» виртуальные ассистенты помогают гражданам в оформлении документов, отвечают на типовые вопросы и перенаправляют сложные запросы специалистам.

Другим перспективным направлением выступает прогнозная аналитика, основанная на обработке больших данных. Алгоритмы машинного обучения позволяют предсказывать нагрузку на государственные учреждения, оптимизировать распределение ресурсов и сокращать очереди. Так, в некоторых регионах России ИИ используется для планирования графика работы МФЦ, что значительно сокращает время ожидания для посетителей [1]. Особое место занимают технологии компьютерного зрения и биометрии, которые упрощают процедуру идентификации личности. Системы распознавания лиц, внедряемые в аэропортах и многофункциональных центрах, ускоряют прохождение паспортного контроля и снижают риски мошенничества. Кроме того, ИИ применяется для автоматической верификации документов, что уменьшает количество ошибок, связанных с человеческим фактором [2].

Зарубежные страны также активно интегрируют ИИ в систему государственных услуг. В Европейском Союзе алгоритмы искусственного интеллекта используются для автоматического перевода официальных документов, что упрощает межгосударственное взаимодействие. В Сингапуре виртуальный помощник «Ask Jamie» обрабатывает более 30 тысяч запросов ежемесячно, экономя время государственных служащих. В Китае система «Social Credit» на основе ИИ оценивает благонадежность граждан, предоставляя доступ к льготам и услугам в зависимости от рейтинга [3]. Несмотря на спорность такого подхода с точки зрения приватности, он демонстрирует потенциал ИИ в управлении социальными процессами. Таким образом, технологии искусственного интеллекта открывают новые возможности для повышения эффективности государственных услуг, однако их внедрение требует тщательного анализа как технических, так и правовых аспектов.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу государственного управления приносит значительные преимущества, трансформируя традиционные механизмы взаимодействия между властью и обществом. Эти инновационные решения кардинально меняют парадигму предоставления публичных услуг, создавая принципиально новую экосистему государственного сервиса. В качестве основных преимуществ можно выделить:

1. Оптимизация административных процессов. Наиболее заметным преимуществом является существенное повышение скорости обработки запросов граждан. Интеллектуальные системы способны анализировать и обрабатывать до нескольких тысяч обращений одновременно, что недостижимо при традиционном бумажном документообороте. Например, экспериментальные проекты в московских МФЦ демонстрируют сокращение времени обработки стандартных заявлений на 40-60% благодаря внедрению алгоритмов машинного обучения [1].

2. Снижение коррупционных рисков. Автоматизированные системы принятия решений минимизируют человеческий фактор в ключевых административных процессах. Особенно это актуально для таких чувствительных сфер, как: распределение бюджетных средств, выдача разрешительных документов, проведение конкурсных процедур. Анализ данных антикоррупционных организаций показывает, что в ведомствах, внедривших ИИ-системы контроля, количество нарушений снизилось на 25-30% за последние три года [4].

3. Персонализация государственных сервисов. Современные технологии big data позволяют создавать индивидуальные траектории взаимодействия граждан с государственными структурами. Системы на основе ИИ анализируют историю предыдущих обращений, социально-демографические характеристики, поведенческие паттерны [2]. Это позволяет предлагать гражданам наиболее релевантные услуги и сервисы, существенно повышая удовлетворенность от взаимодействия с государственными институтами.

4. Экономическая эффективность. Опыт пилотных проектов свидетельствует о значительном сокращении бюджетных расходов: автоматизация рутинных операций высвобождает до 30% рабочего времени чиновников, интеллектуальные системы документооборота сокращают затраты на бумажный архив на 40-50%, предиктивная аналитика позволяет оптимизировать распределение бюджетных средств. При этом важно отметить, что экономический эффект проявляется не только в прямой экономии бюджетных средств, но и в сокращении косвенных издержек для бизнеса и граждан, связанных с получением государственных услуг [5].

Реализация этих преимуществ требует комплексного подхода, сочетающего технологические инновации с адаптацией нормативно-правовой базы и подготовкой кадрового потенциала. Как показывает практика, наибольший эффект достигается при системном внедрении ИИ-решений во все уровни государственного управления.

Переход к цифровым форматам предоставления государственных услуг с применением технологий искусственного интеллекта сопровождается комплексом правовых и социальных вызовов, которые требуют системного осмысления. Первостепенной проблемой становится защита персональных данных в условиях их массовой обработки алгоритмами машинного обучения. Современные ИИ-системы, интегрированные в

государственные информационные системы, аккумулируют и анализируют огромные массивы конфиденциальной информации, создавая новые угрозы цифровой безопасности.

Особую озабоченность экспертов вызывает проблема обеспечения справедливости и беспристрастности автоматизированных решений. В отличие от традиционных административных процедур, где решения принимаются человеком на основе четких нормативных критериев, алгоритмы машинного обучения часто действуют как "черные ящики", чья логика остается непрозрачной как для граждан, так и для самих государственных служащих. Это создает риски систематических ошибок при оказании социально значимых услуг - от назначения пенсий и пособий до распределения льгот. Зарубежный опыт (на примере систем социального обеспечения в нескольких штатах США) показывает, что подобные ошибки могут носить массовый характер и затрагивать наиболее уязвимые группы населения [6].

Правовое регулирование не успевает за стремительным развитием технологий, что создает значительные нормативные лакуны. В российском законодательстве до сих пор не решены фундаментальные вопросы: какой юридический статус имеют решения, принятые ИИ-системами; как распределяется ответственность за ошибочные решения между разработчиками алгоритмов и государственными органами; какие механизмы обжалования автоматизированных решений должны быть предусмотрены. Эти пробелы особенно критичны в свете последних изменений в ФЗ-152 "О персональных данных", которые пока не учитывают специфику обработки информации системами искусственного интеллекта [7].

Кибербезопасность становится ключевым вызовом в условиях повсеместной цифровизации госуслуг. Новые технологии порождают новые векторы атак - от подделки биометрических данных с помощью deepfake-технологий до манипуляций с алгоритмами распределения бюджетных средств. Особую тревогу вызывает зависимость критической инфраструктуры от иностранных технологических решений, что ставит вопрос о технологическом суверенитете в условиях геополитической нестабильности.

Социальные последствия цифровой трансформации проявляются в росте "цифрового неравенства". По данным Росстата за 2024 год, значительная часть населения, особенно в сельской местности и среди старших возрастных групп, испытывает трудности с доступом к цифровым сервисам [8]. Это создает риск формирования новой формы социальной исключенности, когда возможность получения качественных государственных услуг становится зависимой от уровня цифровой грамотности и технической оснащенности.

Совокупность этих рисков требует комплексного подхода к регулированию, который бы сочетал:

1. Развитие специализированного законодательства об искусственном интеллекте.
2. Создание независимых органов аудита алгоритмов.
3. Внедрение обязательных стандартов прозрачности для ИИ-систем.
4. Масштабные программы повышения цифровой грамотности населения.

Только такой многоуровневый подход позволит реализовать потенциал цифровизации, минимизировав сопутствующие риски и обеспечив равный доступ граждан к современным государственным услугам.

Современная правовая система сталкивается с необходимостью фундаментального переосмысления традиционных административно-правовых институтов в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Сложившаяся нормативная база, сформированная в эпоху "аналогового" государственного управления, демонстрирует свою неэффективность перед лицом новых технологических реалий. Российское законодательство, включая базовые нормативные акты в сфере цифровизации (ФЗ № 210 "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", ФЗ № 149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"), не содержит четких правовых дефиниций искусственного интеллекта и не регулирует специфику его применения в публично-правовой сфере [9, 10].

Особую проблему представляет вопрос деликтоспособности автономных систем. Действующее административное законодательство исходит из презумпции человеческого участия в процессе принятия решений, что создает правовой вакуум применительно к полностью автоматизированным административным процедурам. Отсутствие четкого механизма установления вины при ошибках алгоритмов (например, при неправомерном отказе в предоставлении услуги) ставит под сомнение саму возможность применения традиционных составов административных правонарушений. Эта правовая неопределенность была наглядно продемонстрирована в ходе недавнего судебного разбирательства по делу о неправомерном начислении штрафов автоматизированной системой контроля дорожного движения, где суд столкнулся с невозможностью применения стандартных норм об административной ответственности [11].

Международный опыт регулирования (в частности, Европейский акт об искусственном интеллекте) предлагает интересные подходы к решению этих проблем. Ключевыми принципами европейского регулирования стали:

а) обязательная сертификация высоко рисковых ИИ-систем;

б) введение специального режима ответственности для операторов ИИ;

в) право граждан на объяснение автоматизированных решений;

г) создание независимых органов по надзору за алгоритмами [12].

Однако прямое заимствование этих подходов в российской правовой системе затруднено в силу существенных различий в организации государственного управления и традициях правового регулирования.

Перспективным направлением развития российского законодательства могла бы стать разработка специализированного нормативного акта, регулирующего применение ИИ в государственном управлении. Такой закон должен:

- установить четкие критерии отнесения систем к искусственному интеллекту;

- определить перечень государственных функций, которые могут быть делегированы алгоритмам;

- ввести механизмы обязательного аудита алгоритмов на предмет дискриминации и ошибок;

- предусмотреть специальные административные процедуры обжалования автоматизированных решений.

Особое внимание следует уделить созданию системы "человеческого надзора" за критически важными решениями, когда окончательное решение по ключевым вопросам (например, о предоставлении социальных выплат или медицинской помощи) сохраняется за государственным служащим. Одновременно необходимо развивать институты общественного контроля за применением ИИ в государственном управлении, обеспечивая разумный баланс между эффективностью технологических решений и защитой прав граждан.

Реализация этих мер требует тесного взаимодействия юридического сообщества, разработчиков ИИ-систем и государственных органов. Как показывает практика последних лет (в частности, опыт внедрения ИИ в работу МФЦ) [1], успешная цифровая трансформация возможна только при синхронном развитии технологий и адекватного им правового регулирования. Только такой комплексный подход позволит реализовать потенциал искусственного интеллекта в сфере государственных услуг, минимизировав сопутствующие риски и обеспечив защиту прав граждан в цифровую эпоху.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что интеграция искусственного интеллекта в систему предоставления государственных услуг представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий сбалансированного подхода. Технологии ИИ действительно открывают новые горизонты для повышения эффективности государственного управления, предлагая решения для автоматизации рутинных операций, оптимизации ресурсов и персонализации сервисов. Однако, как показал анализ, эти преимущества сопровождаются комплексом правовых, социальных и технологических рисков, игнорирование которых может привести к серьезным системным дисбалансам.

Список литературы

1. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_4_regionah_zapushchen_pilotnyy_proekt_cifrovoy_mfc.html (дата обращения 26.10.20250).
2. Министерство цифрового развития и связи Нижегородской области. URL: https://digital.nobl.ru/presscenter/news/91356/ (дата обращения 26.10.2025).
3. Раджабов Г.Т. Виртуальные ассистенты в государственном управлении: новая эра взаимодействия с гражданами // Научно-издательский центр Аспект. URL: https://na-journal.ru/4-2024-informacionnye-tekhnologii/11261-virtualnye-assistenty-v-gosudarstvennom-upravlenii-novaya-ehra-vzaimodejstviya-s-grazhdanami (дата обращения 26.10.2025).
4. Информационно-аналитическая справка по результатам мониторинга внедрения решений в сфере искусственного интеллекта в приоритетных отраслях экономики Российской Федерации по итогам 2023 года, НЦРИИ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2023_informacionno-analitich-eskaya_spravka_po_rezulytatam_monitoringa_vnedreniya_resheniy_v_sfere_iskusstvennogo_intellekta_v_prioritetnyh_otraslyah_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_po_itogam_2023_goda_ncrii/ (дата обращения 26.10.2025).
5. Отчёт о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» за 2024 год. URL: https://digital.gov.ru/documents/otchyot-o-hode-realizaczii-gosprogrammy (дата обращения 26.10.2025).
6. "The Benefits Automation Crisis" (ProPublica, 2021) – расследование о массовых ошибках в системах Medicaid и unemployment benefits.
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. –2006. – № 31, ч. 1, ст. 3451.
8. Федеральная служба государственной статистики // Итоги выборочного наблюдения использования населением цифровых технологий. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения 26.10.2025).
9. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210 "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498 (дата обращения 26.10.2025).
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264 (дата обращения 26.10.2025).
11. Адвокатская газета // Орган Федеральной палаты адвокатов РФ // Адвокат добился отмены штрафа за правонарушение, зафиксированное техническим средством. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-shtrafa-za-pravonarushenie-zafiksirovannoe-tekhnicheskim-sredstvom/ (дата обращения 26.10.2025).
12. Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika_/ (дата обращения 26.10.2025).

References

1. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_4_regionah_zapushchen_pilotnyy_proekt_cifrovoy_mfc.html (accessed on 26.10.20250).
2. Ministry of Digital Development and Communications of the Nizhny Novgorod Region. URL: https://digital.nobl.ru/presscenter/news/91356 / (accessed 26.10.2025).
3. Radjabov G.T. Virtual assistants in public administration: a new era of interaction with citizens // Scientific Publishing Center Aspect. URL: https://na-journal.ru/4-2024-informacionnye-tekhnologii/11261-virtualnye-assistenty-v-gosudarstvennom-upravlenii-novaya-ehra-vzaimodejstviya-s-grazhdanami (accessed 26.10.2025).
4. Information and analytical information on the results of monitoring the implementation of solutions in the field of artificial intelligence in priority areas sectors of the economy of the Russian Federation by the end of 2023, NCRII. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2023_informacionno-analitich-eskaya_spravka_po_rezulytatam_monitoringa_vnedreniya_resheniy_v_sfere_iskusstvennogo_intellekta_v_prioritetnyh_otraslyah_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_po_itogam_2023_goda_ncrii / (accessed 26.10.2025).
5. Report on the implementation of the state program of the Russian Federation "Information Society" for 2024. URL: https://digital.gov.ru/documents/otchyot-o-hode-realizaczii-gosprogrammy (accessed 10/26/2025).
6. "The Benefits Automation Crisis" (ProPublica, 2021) – investigation of massive errors in the Medicaid and unemployment systems benefits.
7. Federal Law No. 152 dated July 27, 2006, “On Personal Data” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31, Part 1, Art. 3451.
8. Federal State Statistics Service // Results of a sample survey on the use of digital technologies by the population. URL: https://rosstat.gov.ru/ (accessed on 26.10.2025).
9. Federal Law No. 210 dated July 27, 2010, “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services.” URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498 (accessed on 26.10.2025).
10. Federal Law No. 149 dated July 27, 2006, “On Information, Information Technologies, and Information Protection.” URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264 (accessed on 26.10.2025).
11. Lawyers’ Newspaper // Organ of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation // A lawyer managed to have a fine for an offense recorded by technical means cancelled. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-shtrafa-za-pravonarushenie-zafiksirovannoe-tekhnicheskim-sredstvom/ (accessed on 26.10.2025).
12. The European Union Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika_/ (accessed on 26.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_83

ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
THE ORIGINS, ESSENCE, AND COMPONENTS OF CIVIC SOCIETY

МИРОНОВ Василий Олегович,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью
Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8.
E-mail: mironov-vo@yandex.ru

MIRONOV Vasily Olegovich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Professor at the Department of State Law and Management of Customs Activities
of the M.M. Speransky Law Institute of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov.
600000, Russia, Vladimir, Studencheskaya St., 8.
E-mail: mironov-vo@yandex.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена рассмотрению истоков, сущности и основных составляющих гражданского общества применительно к современной России.*

Abstract: *This article examines the origins, essence, and main components of civil society in relation to modern Russia.*

Ключевые слова: *гражданское общество, государство, конституция, общественные структуры, личность, индивид, сотрудничество индивидов, гражданское согласие.*

Keywords: *civil society, state, constitution, social structures, personality, individual, cooperation of individuals, and civil consent.*

Для цитирования: *Миронов В.О. Истоки, сущность и составляющие гражданского общества // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_83.*

For citation*: Mironov V.O. The Origins, Essence, and Components of Civil Society // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_83.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Известно, что представления о гражданском обществе и его устройстве возникли в достаточно далеком прошлом. Дефиниция «гражданское общество» употреблялась уже Аристотелем, Платоном, Цицероном и другими для описания сформировавшегося в тогдашних Греции и Риме строя. Античные мыслители заложили фундамент для последующего исследования вопросов организации гражданского общества. В дальнейшем их замыслы были существенно развиты в работах Т. Гоббса, Г. Гроция, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и других. Наименование «гражданское общество» начали широко использовать в XVIII веке, хотя тогда им зачастую характеризовали несовместимые между собой представления о таком обществе, а категории «гражданское общество» и «государство» применялись как равноценные [1].

В середине XVIII века сформировалась вполне определенная линия на переосмысление понятия о гражданском обществе в качестве аналога государства, оформились суждения о нем как об отдельной области социальной активности. В течение второй половины XVIII столетия и затем в XIX веке произошло осознание сложностей в разграничении сферы деятельности власти государства и пространства функционирования гражданского общества. В связи с этим уместно напомнить, что согласно К. Марксу в гражданском обществе личность имеет не только для себя, но и для других значение подлинного индивида, а в государстве она лишена подлинной индивидуальности [2].

Интеллектуалы в царской России придавали значение, прежде всего, правовой стороне гражданского общества. Среди них здесь следует вспомнить П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкова, Б.Н. Чичерина и некоторых других. Они уделяли внимание не столько правам, но, в первую очередь, обязанностям человека применительно к обществу, благополучие которого, как они небезосновательно полагали, определяется коллективной ответственностью и сотрудничеством индивидов [3]. В то же время на Западе гражданское общество формировалось вследствие размежевания государства и общественных структур, а также выделения условно независимого пространства для социума, его раскрепощения от излишнего регулирования со стороны органов государственной власти [4].

В современной России концепция гражданского общества приняла форму теории, устанавливающей вероятный вектор дальнейших социальных преобразований. В нашей научной среде отсутствует согласие в толковании понятия «гражданское общество». Нередко под ним имеют ввиду, прежде всего, комплекс самодостаточных и при этом обособленных по отношению к государству общественных организаций и соответствующих им связей, предназначенных создать предпосылки для личностного развития людей, функционирования их объединений, охрану прав тех и других [5].

В формировании определения гражданского общества у нас делают упор на социальные связи в среде отдельных лиц и их организаций при негосударственной сущности подобных коммуникаций. Отталкиваясь от этого, гражданское общество возможно обозначить как комплекс социальных, экономических, нравственных, культурных и иных отношений среди индивидов, их ассоциаций, появляющихся в связи с осуществлением таковыми своих прав, имеющий место за пределами государственных и частных взаимосвязей [6].

Учитывая это, к признакам гражданского общества относят:

- общественную и материальную самостоятельность индивидов при наличии в государстве с рыночной экономикой свободного предпринимательства;

- приятие и гарантированность со стороны государства прав и свобод человека и гражданина, их эффективную защиту в судебных инстанциях;

- самостоятельность индивидов в вопросах социально полезных инициатив, управления процессом их реализации;

- обеспечение прав личности на возможность получения информации, за исключением содержащей государственную и иную законодательно охраняемую тайну, свободного выражения взглядов, мнений, оценок;

- обеспечение верховенства права и действенного надзора со стороны органов государственной власти за надлежащей реализацией требований законодательства;

- полное равенство членов социума перед законом и судом, постоянство конституционного устройства в государстве, демократическую политическую систему, законность государственной власти и ее демократические основы;

- наличие правового государства и надлежащее обеспечение действия принципа разделения властей;

- многообразие в политической жизни и идеологической составляющей социального бытия, ответственную самостоятельность средств массовой информации;

- отказ государства от вмешательства в личную жизнь граждан при наличии их обоюдных обязанностей и ответственности;

- общественное единство, социальную стабильность, межнациональную гармонию;

- результативно функционирующую экономику, достаточно удовлетворяющую потребности людей и гарантирующую для них подобающие условия существования;

- наличие комплекса социальных коллективов, выступающих в качестве основы общественной власти и составных частей гражданского общества, ориентированных на обособленность от государства;

- проходящую в гражданском обществе обыденную жизнь индивидов при параллельном решении государством политических вопросов;

- выработку гражданским обществом у своих членов надлежащих моральных качеств, содействие формированию у последних стремления к высоконравственному образу действий и развитого чувства долга [7].

В качестве субъектов гражданского общества проявляют себя отдельные индивиды и создаваемые ими союзы: общественные движения, политические партии, новостные информационные каналы и другие. Основным субъектом здесь выступают индивиды, а вторичными – создаваемые ими общественные структуры. Соответственно, личность вовлекается в жизнь гражданского общества не только сама по себе, но и как представитель социальных формирований, различных общественных групп, участвующий в их деятельности с учетом собственных стремлений и запросов [8].

Для гражданского общества важна развернутая сеть самодостаточных по отношению к государству общественных организаций, обладающих возможностями оказывать влияние на органы власти, оберегать жизнь социума от неосновательного воздействия на нее со стороны государственного аппарата. Характерная особенность таких организаций заключается в том, что они образуются индивидами самостоятельно и действуют в режиме самоуправляемости в законодательно установленных государством пределах [9].

Гражданское общество органически неоднозначно, поскольку внутри него преобладают индивидуальные стремления, проявляются персоналистические расхождения, противоборство, столкновения среди его членов. Они оказываются катализатором дальнейшего развития данного общества. В отличие от него государство стремится к реализации единых целей, консолидируя активность отдельных личностей и их объединений, будучи нацеленным на выработку согласия среди разнообразных представителей гражданского общества. То есть, миссия государства здесь заключается в снятии разногласий и воплощении в жизнь общих замыслов, утверждении общественного спокойствия [10].

Представляя собой сопряженные составляющие социума, государство и гражданское общество оказывают обоюдное воздействие друг на друга, определяя тем самым свое соприсутствие и взаимное совершенствование. Акцент, как правило, делают на следующих вариантах взаимодействия между ними:

- гражданское общество и государство сбалансировано взаимодействуют, обогащая один другого;

- гражданское общество выступает как представитель оппозиционных по отношению к государству сил, а его составные части агрессивно предрасположены по отношению к органам государственной власти;

- государство присваивает себе компетенцию гражданского общества, которое в таком случае становится излишним;

- гражданское общество превалирует над государством – чисто теоретическая версия.

Естественно, что предпочтительной для жизнедеятельности и гражданского общества, и государства является первая из упомянутых здесь вариаций, так как их противоборство может повлечь за собой взаимное уничтожение. Соответственно, основное предназначение гражданского общества заключается в устранении конфликтных ситуаций, возникающих между государством и различными общественными организациями, а также индивидами, содействии утверждению гражданского мира и согласия. Государству, конечно, также надлежит заниматься этим [11].

Следует отметить, что в Конституции Российской Федерации отсутствуют раздел или глава, посвященные гражданскому обществу. Более того, о нем там вообще не говорится. Статьи, в которых присутствуют упоминания о некоторых составляющих этого общества, можно найти преимущественно в главах первой и второй Основного закона. Так, в статьях главы «Основы конституционного строя» закреплены важнейшие положения, касающиеся организации не только государства, но и социума, включая гражданское общество. Глава «Права и свободы человека и гражданина» регламентирует, в частности, некоторые составляющие правового положения гражданского общества, поскольку гаран-

тии прав и свобод личности, их охрана – это основополагающая обязанность не только государства, но и упомянутого общества [12].

В современной России гражданское общество пребывает в стадии становления. Условия для его дальнейшего развития в основном сформированы. Экономическое разгосударствление, идеологическое многообразие, развитие у индивидов способности мыслить неординарно, по новому, реальное постижение ими прав и свобод личности, включая возможность выражения своей индивидуальности, самоутверждения, самодеятельности – важнейшие условия вызревания гражданского общества [13].

В российском социуме у немалой части населения по-прежнему присутствуют инертность, дефицит стремления к проявлению гражданской позиции и инициативы, сочетающиеся с неудовлетворенностью состоянием общества и власти. А без единства и целеустремленности общества в целом не представляется успешным дальнейший прогресс страны. В этой связи здесь уместно напомнить высказывание Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Общественные, предпринимательские, волонтерские инициативы – это настоящий мотор развития, а сильное, ответственное гражданское общество – основа суверенитета нашей страны» [14].

Список литературы:

1. Становление гражданского общества в России: правовой аспект / Под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2002. С. 9.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 64.
3. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М., 1993. С. 133. EDN: TJXZBH
4. Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2004. С. 548. ISBN: 5-98553-004-3 EDN: THKHVZ
5. Нудненко Л.А. Теория демократии. М., 2001. С. 26. ISBN: 5-7975-0458-8 EDN: RSNTYN
6. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М., 2021. С. 265.
7. Матузов Н. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3.
8. Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. С. 550.
9. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 276.
10. Черниловский З. Гражданское общество: опыт исследования. Государство и право. 1992. № 6. С. 150.
11. Одинцова А.В. Гражданское общество: история и современность. М., 1990. С. 41.
12. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 272.
13. Мартышин О. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России. Государство и право. 1996. № 5. С. 12.
14. Кагалтынов Э. Президент Путин: сильное гражданское общество - основа суверенитета России. Коммерсант. 2023. 29 июня.

References:

1. The Formation of Civil Society in Russia: The Legal Aspect / Edited by O.I. Tsybulevskaya. Saratov, 2002. P. 9.
2. Marx K., Engels F. Works. Vol. 3. Moscow, 1955. P. 64.
3. Reznik Yu.M. Civil Society as a Phenomenon of Civilization. Moscow, 1993. P. 133. EDN: TJXZBH
4. Avdeenkova M.P., Dmitriev Yu.A. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, 2004. P. 548. ISBN: 5-98553-004-3 EDN: THKHVZ
5. Nudnenko L.A. Theory of Democracy. Moscow, 2001. P. 26. ISBN: 5-7975-0458-8 EDN: RSNTYN
6. Ebzeev B.S. Constitutional Law of Russia. Moscow, 2021. P. 265.
7. Matuzov N. Civil Society: Essence and Basic Principles // Jurisprudence. 1995. No. 3.
8. Avdeenkova M.P., Dmitriev Yu.A. Constitutional Law of the Russian Federation. P. 550.
9. Ebzeev B.S. Constitutional Law of Russia. P. 276.
10. Chernilovsky Z. Civil Society: An Experience of Research. State and Law. 1992. No. 6. P. 150.
11. Odintsova A.V. Civil Society: History and Modernity. Moscow, 1990. P. 41.
12. Ebzeev B.S. Constitutional Law of Russia. P. 272.
13. Martyshin O. Several Theses on the Prospects of the Rule of Law State in Russia. State and Law. 1996. No. 5. P. 12.
14. Kagaltynov E. President Putin: a strong civil society is the foundation of Russia's sovereignty. Kommersant. 2023. June 29.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_86

УДК 343.2

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ АЛГОРИТМОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL RISKS OF IMPLEMENTING NEURAL NETWORK ALGORITHMS IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Research Fellow, Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia),
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье исследуются правовые риски внедрения нейросетевых алгоритмов в практическую деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, связанные с прецедентной логикой обучения алгоритмов и ее противоречием с принципами российского правоприменения. Обосновывается, что использование искусственного интеллекта (ИИ) для прогнозирования рецидивов, оценки поведения осужденных и поддержки решений о поощрении либо взыскании способно подменять индивидуальное рассмотрение дела статистической аналогией, снижать прозрачность решений, а также воспроизводить системные ошибки прошлой практики. На основе анализа технологической природы искусственных нейронных сетей, зарубежного опыта и положений российской правовой системы формулируются предложения о закреплении принципа алгоритмической прозрачности, запрета на полностью автоматизированные юридически значимые решения и развитии отечественных экспертных систем, основанных на инженерии знаний.*

Abstract: *the article examines the legal risks of implementing neural network algorithms in the practical activities of the penal enforcement system of the Russian Federation, associated with the precedent-based logic of algorithm training and its contradiction with the principles of Russian legal application. It argues that the use of artificial intelligence (AI) for predicting recidivism, assessing the behavior of convicted persons, and supporting decisions on rewards or penalties can substitute individual case consideration with statistical analogy, reduce the transparency of decisions, and reproduce systemic errors of past practice. Based on an analysis of the technological nature of artificial neural networks, foreign experience, and the provisions of the Russian legal system, proposals are formulated regarding the establishment of the principle of algorithmic transparency, a prohibition on fully automated legally significant decisions, and the development of domestic expert systems based on knowledge engineering.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, правовое регулирование, биометрическая идентификация, персональные данные, прогноз поведения, безопасность, технические средства охраны и надзора, предиктивная аналитика, цифровая трансформация.*

Keywords: *artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, legal regulation, biometric identification, personal data, behavior prediction, security, technical means of security and supervision, predictive analytics, digital transformation.*

Для цитирования: *Царькова Е.Г. Правовые риски внедрения нейросетевых алгоритмов в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_86.*

For citation*: Tsarkova E.G. Legal risks of implementing neural network algorithms in the activities of the penal system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_86.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026

Цифровизация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) в последние годы перестала быть сугубо техническим проектом и приобрела выраженное правовое измерение. Расширение применения информационных технологий, аналитических платформ и элементов искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности учреждений и органов УИС объективно обусловлено задачами повышения управляемости, сокращения издержек, ускорения документооборота и совершенствования информационного обеспечения управленческих решений [1, С. 414]. Вместе с тем, сам по себе технологический прогресс не устраняет, а, напротив, актуализирует вопрос о пределах допустимости алгоритмизации тех сфер исполнения наказаний, где затрагиваются права, свободы и законные интересы осужденных, а также гарантии служебной и процессуальной ответственности должностных лиц.

Особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что в российском законодательстве до настоящего времени отсутствуют специальные нормы, прямо регламентирующие применение нейросетевых алгоритмов в пенитенциарной сфере [2, С. 523]. В результате формируется зона правовой неопределенности, в которой технологическое внедрение опережает нормативную адаптацию, а правовые последствия использования ИИ оказываются не до конца осмысленными ни в уголовно-исполнительном праве, ни в информационном праве, ни в ведомственном регулировании. Между тем именно в сфере исполнения наказаний цифровые решения способны оказывать непосредственное влияние на правовой статус личности: от оценки поведения осужденного и прогнозирования его дальнейшего поведения до автоматизированной поддержки решений о поощрении, взыскании, переводе, условно-досрочном освобождении, изменении вида исправительного учреждения и иных юридически значимых последствий [3, С. 115].

Проблема здесь состоит не только в технической корректности алгоритмов, но и в их правовой природе. Современные нейросетевые системы, внедряемые в правоохранительную сферу, как правило, обучаются на ранее накопленных массивах решений, статистических зависи-

мостях, массиве учетных данных и типизированных сценариях поведения. В этом отношении они воспроизводят логику прецедентной аналогии: новое решение выводится не из прямого применения нормы к индивидуально установленным обстоятельствам, а из сопоставления с ранее «усвоенными» случаями. Для англосаксонской правовой системы такая логика является естественной, однако в континентальном праве она вступает в структурное противоречие с принципом нормативного, индивидуализированного и мотивированного правоприменения [4, С. 83]. Цель настоящей статьи состоит в выявлении системных правовых противоречий, возникающих при внедрении нейросетевых алгоритмов в деятельность УИС, и в обосновании необходимости разработки специальных правовых принципов, позволяющих использовать преимущества ИИ без разрушения основ континентального правопорядка.

Современные системы искусственного интеллекта, используемые в правоохранительной сфере, неоднородны по своей природе. К ним относятся экспертные системы, интеллектуальные поисковые механизмы, средства автоматической классификации текстов, системы извлечения знаний, а также алгоритмы, основанные на применении искусственных нейронных сетей, способные выявлять закономерности в больших массивах данных и использовать их для выдачи прогноза или рекомендации.

Экспертные системы и инженерия знаний здесь опираются на формализованное знание: нормы права, типовые правила, нормативно закрепленные процедуры, структурированные базы данных и заранее заданные логические связи. Однако нейросетевые алгоритмы строятся иначе: они не столько «понимают» норму, сколько статистически сопоставляют входные признаки с ранее известными исходами и на основе настройки весовых коэффициентов предлагают наиболее вероятный результат. Именно поэтому большая часть разновидностей нейронных сетей и соответствующих алгоритмов связана с систематизацией уже принятых аналогичных решений на основе имевшихся данных; процесс настройки нейронной сети сводится к обучению на примерах известных прецедентов.

С технической точки зрения такая модель решения задач действительно эффективна в сфере распознавания образов, обработки текстов, прогнозирования в условиях высокой неопределенности и слабой формализации [5, С. 280]. Однако в правовой сфере эффективность не может служить единственным критерием допустимости. Здесь значение имеет не только способность алгоритма предсказать вероятный исход, но и соответствие способа прогнозирования требованиям законности, обоснованности, мотивированности и проверяемости решения. Иначе говоря, в правовом аспекте недостаточно того, что алгоритм предсказал нужный результат; необходимо установить, на каком основании, по каким критериям и с какой степенью юридической корректности этот результат был достигнут [6, С. 423].

Особую значимость здесь приобретают вопросы консолидации ведомственных информационных ресурсов. Для работы нейросети требуется массив однородных и сопоставимых данных: дисциплинарные практики, характеристики поведения, сведения о поощрениях и взысканиях, данные о судимости, социально-демографические параметры, результаты психологических тестов и иная информация [7, С. 111]. Но чем более полным становится массив данных, тем выше риск того, что в него будут включены не только объективные юридически значимые сведения, но и исторически сложившиеся управленческие перекосы, статистические искажения, предвзятости, некорректные эмпирические допущения. Следовательно, юридическая значимость данных, обрабатываемых ИИ, должна оцениваться не только по их полноте, но и по нормативной допустимости, релевантности и источниковой чистоте.

Наиболее существенный правовой риск внедрения нейросетевых алгоритмов в УИС связан с тем, что их операционная логика в значительной степени совпадает с логикой прецедентного права. Нейросеть обучается на массиве ранее принятых решений и затем переносит выявленные закономерности на новые ситуации, предлагая решение по аналогии с прошлым. Такая модель соответствует англосаксонской традиции, где предшествующее судебное решение может выступать источником правового регулирования или, по меньшей мере, обязательным ориентиром для дальнейшего разрешения сходных дел.

Для континентального права данный механизм принципиально проблематичен. Российская правовая система исходит из приоритета закона, а не судебного прецедента; правоприменитель обязан установить фактические обстоятельства конкретного дела и соотнести их с нормативной моделью, закрепленной в законе. Отсюда вытекает право на индивидуальное правоприменение, которое не сводится к статистической вероятности и не может быть подменено усредненной аналогией. Решение о применении поощрения, взыскания, изменении условий содержания, переводе, представлении к УДО или замене наказания должно строиться на индивидуализированной оценке личности, поведения, мотивации, динамики исправления и иных юридически значимых факторов.

Именно здесь возникает фундаментальное несоответствие. Нейросетевой алгоритм, обученный на прецедентных массивах данных, не исходит из нормативного толкования, а воспроизводит корреляции. Он способен выявить, что в прошлом определенная совокупность признаков статистически чаще сопровождалась тем или иным решением, но не способен юридически доказать, что именно это решение является единственно правильным и законным в новом случае. В результате статистическая аналогия начинает подменять правовую аргументацию. Это особенно опасно в пенитенциарной сфере, где от решения должностного лица зависит не только режим правового воздействия, но и перспективы дальнейшей ресоциализации человека.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации строится на принципах законности, гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, уважения прав человека, стимулирования законопослушного поведения и учета личности осужденного. Эти начала предполагают, что каждое юридически значимое решение должно приниматься с учетом конкретных обстоятельств и мотивироваться не шаблонно, а индивидуально. Следовательно, использование нейросетей в УИС допустимо лишь в той мере, в какой оно не разрушает индивидуализированный характер правоприменения. Конфликт возникает тогда, когда алгоритм используется не как вспомогательное средство, а как фактический фильтр решений. Если оценка поведения осужденного, прогноз риска рецидива или рекомендация по дисциплинарной мере фор-

мируются на основе скрытой модели, обученной на прошлых решениях, то возникает риск подмены правового критерия вероятностным. В этом случае решение начинает опираться на коллективную статистику прошлых случаев, а не на актуальные данные о конкретном лице. Это противоречит самой идее индивидуального исполнения наказания и может привести к воспроизводству системных ошибок: если в прошлом определенные группы осужденных чаще получали неблагоприятные оценки, нейросеть закрепит эту тенденцию как обоснованную. Такая ситуация чревата и дискриминационными последствиями. Исторические данные почти всегда несут следы предшествующей правоприменительной практики, включая социальные, региональные, этнокультурные и статусные перекосы. Алгоритм не отличает «нейтральную корреляцию» от корреляции, порожденной системной предвзятостью. Поэтому без специальных фильтров нейросеть не устраняет человеческие ошибки, а масштабирует их. В УИС это может выразиться в устойчиво более жесткой оценке лиц, относимых к определенным социальным категориям, или в неоправданном снижении шансов на поощрение и смягчение режима.

Наиболее известным примером использования алгоритмических систем в уголовной юстиции остается COMPAS, применявшийся для оценки риска рецидива в США. Исследования показали, что подобные системы, хотя и позиционируются как объективные, воспроизводят значимые ошибки и могут давать искажения в отношении различных групп лиц. Отмечается, что алгоритмы прогнозирования рецидива не оказываются ни точнее, ни справедливее человеческой оценки, а при наличии большого числа признаков сопоставимая точность может достигаться и с помощью куда более простых моделей.

Поэтому полный импорт таких решений в российскую пенитенциарную среду нецелесообразен. Во-первых, отечественная правовая система не допускает подмены нормативного решения прецедентной статистикой. Во-вторых, в российском регулировании отсутствует развитый механизм обязательного раскрытия внутренней логики частных алгоритмических продуктов, особенно если они поставляются как программные комплексы закрытого типа. В-третьих, ведомственные программы цифровизации УИС, ориентированные преимущественно на информационное обеспечение, далеко не всегда содержат развернутую оценку рисков, связанных с прецедентной природой нейросетей и их возможным влиянием на правовой статус осужденных.

Наиболее остро конфликт между нейросетевой логикой и континентальной моделью правоприменения проявляется в четырех сферах. Во-первых, прогнозирование рецидивной преступности. Сама по себе идея прогнозирования не является неправомерной: уголовно-исполнительная система объективно нуждается в аналитических инструментах для планирования профилактической работы. Однако юридически недопустимо превращать прогноз в основание для предрешения правового статуса осужденного. Прогноз может служить лишь вспомогательным элементом оценки, но не заменять собой нормативно установленную процедуру индивидуального рассмотрения. Во-вторых, автоматизированная поддержка решений о поощрении, взыскании, переводе и условно-досрочном освобождении. В этих случаях особенно опасно, чтобы алгоритм задавал «рекомендательный коридор» настолько жестко, что должностное лицо фактически лишалось свободы усмотрения. Тогда ответственность человека становится фикцией, а реальная власть переходит к модели, которая не несет юридической ответственности и не способна мотивировать решение в правовом смысле. В-третьих, дисциплинарная практика. Алгоритмы оценки поведения могут поощрять стандартизированное, внешне благополучное поведение и одновременно не улавливать реальные признаки исправления либо, напротив, оценивать ситуативные нарушения в отрыве от индивидуального контекста. В условиях лишения свободы это опасно, поскольку может провоцировать формализацию дисциплины и подмену исправительного воздействия статистической лояльностью. В-четвертых, распределение осужденных по учреждениям и отрядам, а также иные решения, влияющие на условия отбывания наказания. Если нейросеть строит выводы на основании исторических паттернов, она может закреплять латентные неблагоприятные эффекты прошлой практики, воспроизводя неформальные иерархии и управленческие стереотипы. В таком случае данные, считавшиеся нейтральными, становятся источником вторичной дискриминации.

Ключевым юридическим ответом на описанные риски становится принцип алгоритмической прозрачности. Его смысл состоит не в полном раскрытии коммерческой тайны программного продукта как таковой, а в нормативно закрепленной обязанности обеспечить проверяемость юридически значимых решений, принимаемых при участии ИИ. Иными словами, важно, чтобы лицо, в отношении которого алгоритм использовался при принятии решения, могло иметь возможность понять, какие данные были положены в основу вывода, какие критерии использовались, какова роль алгоритма, и кто именно принял итоговое решение. Алгоритмическая прозрачность должна включать несколько элементов: раскрытие типа модели; описание категорий данных, использованных при обучении; сведения о том, какие параметры могут влиять на результат; фиксация факта применения ИИ в конкретном решении; возможность независимой проверки корректности входных данных; обязательство указывать, какие именно доводы человека-правоприменителя подтвердили или опровергли алгоритмическую рекомендацию. Без этого право на обжалование теряет практический смысл, поскольку невозможно оспаривать то, логика чего скрыта. Для УИС это особенно значимо, поскольку решения о правовом положении осужденного не могут быть сведены к внутренней служебной рекомендации. Если при рассмотрении вопроса о поощрении или взыскании использовалась нейросеть, осужденный должен иметь право знать об этом и оспаривать не только итог, но и алгоритмический вклад в этот итог. В противном случае право на судебную защиту становится формальным, а алгоритм превращается в «черный ящик», фактически вытесняющий аргументацию права.

Дополнительным направлением может стать разработка отечественных проблемно-ориентированных экспертных систем, построенных не на прецедентном массиве решений, а на формализованных нормах права, типовых процедурах и нормативно утвержденных моделях поведения. В этом отношении особенно перспективна инженерия знаний как метод создания систем, работающих не по принципу статистического сходства, а по принципу нормативной логики. Такие системы могут использоваться для подготовки справочных заключений, поиска норм, сопоставления фактических обстоятельств с нормативными критериями, проверки полноты документов, выявления формальных противоречий и

предварительной аналитики. В отличие от нейросетей, обученных на прецедентах, они не подменяют индивидуальное решение статистическим аналогом, а помогают правоприменителю ориентироваться в нормативном массиве. Это особенно важно для УИС, где допустимо и полезно автоматизировать не решение как таковое, а информационное обеспечение решения. Развитие отечественных экспертных систем служит сохранению континентальной правовой логики и одновременно повышению эффективности управленческих процессов. При этом должны быть предусмотрены стандарты качества данных, требования к их верификации, режимы хранения, разграничения доступа и защиты информации. Консолидация информационных ресурсов в такой модели будет служить не обучению на скрытых прецедентах, а обеспечению полноты и актуальности нормативно ориентированной базы знаний.

Внедрение нейросетевых алгоритмов в деятельность УИС является объективно неизбежным этапом цифровой трансформации, однако его правовая допустимость не может определяться только технической эффективностью. Внедрение искусственных нейронных сетей в деятельность органов и учреждений ФСИН России должно осуществляться при соблюдении взаимосвязанных условий, включая обязательную алгоритмическую прозрачность, запрет на полностью автоматизированные юридически значимые решения и приоритетное развитие отечественных экспертных систем, основанных на инженерии знаний. Такой подход позволяет использовать потенциал цифровизации без разрушения основ правового государства и без превращения человека в объект статистической оптимизации.

Список литературы:

1. Ковалев О.Г. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. №6. С. 412-417. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-6-412-417 EDN: VANDPV
2. Алиев Э.Н. Организационно-правовые основы взаимодействия судов и специализированных государственных органов в сфе-ре исполнения наказания в виде обязательных работ // Аграрное и земельное право. 2025. № 10. С. 523-525. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_10_523 EDN: AUZIIE
3. Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасно-сти на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024. № 4. С. 113-119. DOI: 10.37523/SUI.2024.60.4.017 EDN: VMDHDZ
4. Баранов М. Н., Жумжаева А. Е. Зарубежный опыт применения электронных средств слежения в деятельности службы пробации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2013. № 1-2 (29). С. 81-87. EDN: YWNGXZ
5. Французова-Низамеева З.К., Владимиров С.В. Использование биометрической идентификации личности в учреждениях и ор-ганах уголовно-исполнительной системы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием: в 3 ч., Самара, 23 апреля 2021 года. Том Ч. 3. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 279-283.
6. Царькова Е.Г., Краева Н.В. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024, № 12(199). С. 422-424. EDN: MRTYSG
7. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Уни-верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.99.11.108-116 EDN: MEMYDB

References:

1. Kovalev O.G. Voprosy pravovogo regulirovaniya primeneniya tekhnicheskih sredstv nadzora i bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Obrazovanie i pravo. 2024. №6. S. 412-417.
2. Aliev E.N. Organizacionno-pravovye osnovy vzaimodejstviya sudov i specializirovannyh gosudarstvennyh organov v sfere ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 10. Pp. 523-525.
3. Denisenko O. I., ZHarov I. S., Kadraleeva ZH. A. Ispol'zovanie sistem identifikacii lichnosti dlya obespecheniya bezopasnosti na rezhimnyh ob"ektah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 4. Pp. 113-119.
4. Baranov M. N., ZHumzhaeva A. E. Zarubezhnyj opyt primeneniya elektronnyh sredstv slezheniya v deyatel'nosti sluzhby probacii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2013. № 1-2 (29). Pp. 81-87.
5. Francuzova-Nizameeva Z.K., Vladimirov S.V. Ispol'zovanie biometricheskoj identifikacii lichnosti v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii adyunktov, aspirantov, kursantov i studentov s mezhdunarodnym uchastiem: v 3 ch., Samara, 23 aprelya 2021 goda. Tom CH. 3. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2021. Pp. 279-283.
6. Car'kova E.G., Kraeva N.V. Aspekty primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024, № 12(199). Pp. 422-424.
7. Ponkin I.V. Gosudarstvennoe upravlenie i regulyatornoe prostranstvo v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2022, № 11 (99). Pp. 108-116.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_90

УДК 342; 343.8

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ
IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EFFECTIVE MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF CRIMINAL EXECUTION INSPECTIONS

СМИРНОВА Ирина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

БЫЧИНСКАЯ Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета, Университет ФСИН России.
Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А
E-mail: firefirst@mail.ru

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure,
Pskov State University. Russia, Pskov, Lenin Square, 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

BYCHINSKAYA Irina Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A
E-mail: firefirst@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией принципа эффективности управления уголовно-исполнительными инспекциями. Обосновывается, что в условиях достижения целей пробации этот принцип управления еще больше актуализируется. С учетом результатов проведенного исследования указывается на важность разработки и внедрения эффективных управленческих технологий, которые позволяют избежать некачественного управления, снизить расходы в процессе его реализации и в итоге – повысить эффективность решения задач пробации. Кроме того, рассматривается необходимость оптимизации имеющейся структуры управления с учетом изменяющихся внутренних и внешних условий функционирования уголовно-исполнительных инспекций, что в конечном счете позволит добиться высокой степени эффективности предупреждения преступлений лиц, в отношении которых применяется пробация.*

Abstract. *The article discusses issues related to the implementation of the principle of effective management of penal inspections. It is substantiated that in the context of achieving the goals of probation, this principle of management becomes even more relevant. Based on the results of the conducted research, the article highlights the importance of developing and implementing effective management technologies that help to avoid poor-quality management, reduce costs during its implementation, and ultimately improve the effectiveness of probation tasks. In addition, the need to optimize the existing management structure is being considered, taking into account the changing internal and external conditions of the criminal enforcement inspections, which will ultimately lead to a high degree of effectiveness in preventing crimes by individuals subject to probation.*

Ключевые слова: *пробация, уголовно-исполнительная инспекция, предупреждение преступлений, кадровый потенциал, организационная структура управления, информация, критерии эффективности, показатели эффективности, технология управления, принцип эффективности управления.*

Keywords*: probation, penal inspection, crime prevention, human resources, organizational management structure, information, performance criteria, performance indicators, management technology, management efficiency principle.*

Для цитирования: *Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Реализация принципа эффективности управления в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 90-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_90.*

For citation*: Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. Implementation of the principle of effective management in the activities of criminal execution inspections // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 90-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_90.*

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026

Прежде всего уточним, что, как справедливо отмечается в литературе, реальное обеспечение мер по соблюдению законности и укреплению правопорядка, как важнейшего фактора успешной практической работы, в той или иной степени присуще всем участникам общественных отношений [1, с. 4–5]. В связи с этим ключевое значение, на наш взгляд, приобретает принцип эффективности управления, который заключается в обеспечении достижения целей и решении задач управления при наименьших затратах сил, средств, времени и других ресурсов (уточним, что принцип управления – это лишь то правило, которое «пронизывает» все его содержание, включая статику и динамику. Совокупность этих правил охватывает управление и характеризует его со всех сторон).

Применительно к теме настоящей публикации речь пойдет об эффективности управления уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ), которое можно рассматривать как обеспечение достижения целей и решения задач пробации при наименьших затратах сил, средств, времени и других ресурсов. В соответствии с положениями Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» в числе целей пробации предупреждение преступлений со стороны лиц, в отношении которых она применяется. Следовательно, управление УИИ должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить достижение названной цели (ранее нами уже отражались некоторые аспекты предупреждения преступлений со стороны лиц, состоящих на учете УИИ, однако при этом недостаточно учитывались задачи пробации)

[2, с. 130–153; 3, с. 262–268; 4, с. 418–424; 5, с. 51–56].

Большую роль в этом процессе будет играть целенаправленное и рациональное использование разных видов ресурсов в рамках реализации поставленных перед УИИ задач. В свою очередь, это предусматривает важность измерения, количественного и качественного учета, оценки используемых в управлении ресурсов и достижения на этой основе поставленных целей [6, с. 66–67].

С позиции теории и практики управления управленческая деятельность всегда реализуется по определенной, принятой на каждом конкретном историческом этапе технологии, значение которой состоит в том, что она делает управленческий процесс более рациональным, включая в него только те элементы и операции, которые действительно необходимы для достижения поставленной цели, исключая при этом лишнее, в том числе устаревшее, в его содержании.

Можно в связи с этим сделать обоснованный вывод о том, что разработка и внедрение эффективных управленческих технологий выступает ключевым условием предупреждения некачественного управления, снижения расходов в процессе его осуществления, оказывает непосредственное влияние на повышение результативности управленческой деятельности.

Проведенное нами исследование показывает (этот факт также ранее был обоснован применительно к органам внутренних дел), что эффективность правоохранительной деятельности зависит от организационной структуры управления, которая представляет собой совокупность управленческих подразделений, между которыми существует система взаимосвязей, обеспечивающих выполнение необходимых функций для достижения целей организации [7, с. 49]. При этом верно утверждают авторы, что любая, даже самая совершенная, структура управления обречена на изменения и дальнейшее совершенствование, что обусловлено постоянным развитием и перераспределением функций между элементами системы управления, изменением условий внешней среды и моральным старением структуры [8, с. 19–20].

Существенное влияние на результативность управленческой деятельности оказывают различия в структуре организации и особенностях ее функционирования. При этом в числе специфических признаков социальной системы, к числу которых относится УИИ, не только их целенаправленность, но и осуществление в системе управления процессов управления путем беспрерывной циркуляции информации между ее структурными элементами, между системой и окружающей ее средой функционирования, вышестоящими и нижестоящими системными образованиями.

Как показало проведенное нами исследование, в рамках оценки эффективности деятельности УИИ важно использовать ту информацию, которая отвечает всем предъявляемым к ней требованиям: соответствие поступающей в УИИ информации специфике их деятельности; объективность, достоверность, точность информации; оптимальность (необходимость и достаточность) информации; актуальность информации; своевременность (или требуемая периодичность); доступность и легкость восприятия информации; логичность и лаконичность информации; системность, комплексность информации. В противном случае может снизиться эффективность принятых решений, особенно в условиях расширения выполняемых УИИ функций и решаемых ими задач [9, с. 40–44].

В настоящей публикации мы исходили из того, что в зависимости от формы представления количественной оценки эффективности деятельности УИИ она может быть разделена на абсолютную, расчеты которой служат для определения фактических результатов деятельности за какой-либо отрезок времени, и сравнительную, которая важна для анализа итогов деятельности по сравнению с предшествующим периодом или другими подразделениями. Уровень эффективности деятельности УИИ определяется на основе конкретных критериев и показателей: критерии отражают качественные характеристики эффективности, требования, которые предъявляются к результатам деятельности, показатели содержат количественную меру выполнения того или иного критерия.

Как обосновывает П.В. Голодов, «Даже проводя разграничение между оценкой эффективности уголовно-исполнительной деятельности и оценкой эффективности деятельности такого субъекта государственного управления, как уголовно-исполнительные инспекции, все же представляется в корне неверным подменять критерии-результаты критериями-средствами, отражающими объем проведенной уголовно-исполнительной инспекцией работы, ее законность и плановость, хотя и их учет тоже необходим в ходе оценки внутриорганизационной управленческой деятельности» [10, с. 46–47].

С учетом изложенного субъект управления должен обладать необходимыми правами и властными полномочиями, достаточным ресурсным потенциалом, определенными личными качествами [11, с. 240–242]:

– организаторские умения связаны с реализацией управленческого цикла, поэтому особую важность приобретают умения реализовать основные формы работы руководителя, а также коллективные формы работы (правильное распределение обязанностей между сотрудниками, планирование совместной работы, организация взаимодействия между подразделениями, умение работать с людьми);

– командные умения руководителя определяют умение тактически грамотно и эффективно использовать вверенные силы и средства для выполнения поставленных перед подразделением задач; способность проявлять твердую волю и принимать оптимальные решения в самых критических ситуациях;

– педагогические умения руководителя составляют навыки педагогического воздействия, воспитательной работы, в связи с чем их успешная реализация невозможна без наличия высоких нравственных качеств руководителя, обладание авторитетом.

В заключение можно отметить, что реализация принципа эффективности управления УИИ направлена на достижение целей пробации, результативную реализацию ее задач и в конечном счете – на обеспечение общественной и государственной безопасности [12, с. 241–243].

Список литературы

1. Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы: учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. М.: Мастерство, 2002. 304 с.
2. Минаева И.С. Организационно-правовые основы взаимодействия уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел в сфере предупреждения совершения преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества: специальность 12.00.11 "Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Минаева Ирина Сергеевна, 2021. 244 с. EDN UJDNOW.
3. Смирнова И.Н. О проблемах внешнего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций в области предупреждения повторных преступлений осужденных без изоляции от общества // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX - начала XXI века: материалы международной научной конференции, Витебск, 27 февраля – 03 2017 года / главный редактор А.В. Егоров, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. С. 262–268. EDN YPGNDD.
4. Смирнова И.Н. Организационно-правовое обеспечение эффективности функционирования уголовно-исполнительных инспекций / И.Н. Смирнова, С.О. Коноплева // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 3. С. 418–424. EDN ZREOIL.
5. Смирнова И.Н. Организационно-правовое регулирование предупреждения повторных преступлений осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций / И. Н. Смирнова // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 51–56. EDN VWWDQF.
6. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник: в 3 т. / под общ. ред. Ю.Я. Чайки; науч. ред. В.М. Анисимков, А.А. Аксенов, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. Т. 1: Общая часть. 536 с.
7. Леонов А.П. Управление органами внутренних дел: курс лекций / А.П. Леонов; М-во внутрен. Дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. 323 с.
8. Плюснин А.М. Организационные структуры управления в социальных системах : учеб. пособие / А.М. Плюснин, Е.Ф. Еськов. Киров: филиал НОУ ВПО «СПбИВЭСЭП» в г. Кирове, 2006. 84 с.
9. Казак Б.Б. Организация правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы на примере уголовно-исполнительных инспекций / Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова, М.Н. Заводчиков. Псков: Псковский государственный университет, 2023. 144 с. ISBN 978-5-00200-123-1. EDN WRCNLS.
10. Голодов П.В. Методика оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций: проблемы и пути совершенствования // Пенитенциарная наука. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-deyatelnosti-ugolovnoispolnitelnyh-inspektsiy-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya (дата обращения: 25.10.2025).
11. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. А.П. Коренева. М. Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2003. 396 с.
12. Смирнова И.Н. Организация правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в механизме обеспечения общественной и государственной безопасности / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская, И.Б. Казак // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 241–243. DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_241. EDN HMQMLQ.

References

1. Dmitriev Yu.A., Shapkin M.A. Law enforcement agencies: textbook. student's handbook. sred. Prof. studies. Moscow: Mastery, 2002. 304 p.
2. Minaeva I.S. Organizational and Legal Foundations of Interaction between the Penitentiary System and Internal Affairs Bodies in the Field of Prevention of Crimes Committed by Convicts Sentenced to Punishments and Other Criminal Law Measures Not Involving Isolation from Society: Speciality 12.00.11 "Judicial Activity, Prosecutorial Activity, Human Rights Protection and Law Enforcement Activities": Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Minaeva Irina Sergeevna, 2021. 244 p. EDN UJDNOW.
3. Smirnova I.N. On the Problems of External Interaction of Penal Enforcement Inspections in the Field of Prevention of Repeat Crimes by Convicts without Isolation from Society // The Great Russian Revolution of 1917 in the History and Destinies of the Peoples and Regions of Russia, Belarus, Europe, and the World in the Context of the Historical Realities of the 20th and Early 21st Centuries: Proceedings of the International Scientific Conference, Vitebsk, February 27-March 3, 2017 / Edited by A.V. Egorov, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2017. pp. 262–268. EDN YPGNDD.
4. Smirnova I.N., Konopleva S.O. Organizational and legal support for the effective functioning of penal enforcement inspections // Man: crime and punishment. 2017. Vol. 25, No. 3. pp. 418–424. EDN ZREOIL.
5. Smirnova I.N. Organizational and Legal Regulation of the Prevention of Repeat Crimes by Convicts Registered with Penitentiary Inspectorates / I.N. Smirnova // International Penitentiary Journal. 2016. No. 1. Pp. 51–56. EDN VWWDQF.
6. Management Organization in the Penitentiary System: Textbook: in 3 volumes / edited by Yu.Ya. Chaika; scientific editors: V.M. Anisimkov, A.A. Aksenov, B.B. Kazak, and N.P. Barabanov. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2002. Vol. 1: General Part. 536 p.
7. Leonov A.P. Management of internal affairs bodies: a course of lectures / A.P. Leonov; Moscow, Internal Affairs. Do the Rep. Belarus, Academy of the Ministry of Internal Affairs. Minsk: Akad. Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus, 2007. 323 p.
8. Plyusnin A.M. Organizational Management Structures in Social Systems: Textbook. / A.M. Plyusnin, E.F. Eskov. Kirov: Branch of the Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "SPbIWEPSE" in Kirov, 2006. 84 p.
9. Kazak B.B. Organization of Law Enforcement Activities of the Penitentiary System on the Example of Penitentiary Inspections / B.B. Kazak, I.N. Smirnova, M.N. Zavodchikov. Pskov: Pskov State University, 2023. 144 p. ISBN 978-5-00200-123-1. EDN WRCNLS.
10. Golodov P.V. Methodology for Assessing the Effectiveness of Penitentiary Inspections: Problems and Ways of Improvement // Penitentiary Science. 2019. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-deyatelnosti-ugolovnoispolnitelnyh-inspektsiy-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya (accessed: 25.10.2025).
11. Fundamentals of Management in Internal Affairs Bodies: Textbook / edited by A.P. Korenev. M. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Publishing House "Shchit-M", 2003. 396 p.
12. Smirnova I.N. Organization of Law Enforcement Activities of Penal Inspection in the Mechanism of Public and State Security / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya, I.B. Kazak // Agrarian and Land Law. 2023. No. 11(227). Pp. 241–243. DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_241. EDN HMQMLQ.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_93

УДК 349.6

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ
PROTECTING THE RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT IN COURTS

МУГАДОВ Курбанмагомед Адильевич
Магистр Юридического института Дагестанского государственного университета.
ул. Батырая, 4а, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008, Россия.
E-mail: info@dgu.ru

МАМЕДОВА Майя Камзатовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса. Юридический институт Дагестанского государственного университета.
ул. Батырая, 4а, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008, Россия.
E-mail: professor-rpa@yandex.ru;

АСКЕРОВ Эфлетдин Садитдинович,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкале.
ул. Агасиева, 7, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367009, Россия.
E-mail: professor-rpa@yandex.ru;

MUGADOV Kurbanmagomed Adilevich
Master's degree student at the Law Institute of Dagestan State University.
4a Batyraya Street, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia.
Email: info@dgu.ru

MAMEDOVA Maya Kamzatovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure. Law Institute of Dagestan State University.
4a Batyraya St., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia.
E-mail: professor-rpa@yandex.ru ;

ASKEROV Efletdin Saditdinovich,
Doctor of Agricultural Sciences, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala.
Agasieva str., 7, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367009, Russia.
E-mail: professor-rpa@yandex.ru;

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования судебного механизма защиты права на благоприятную окружающую среду. На основе положений правовой доктрины и прецедентного права выделяют ряд проблем, связанных с упорядочением правил о перечне лиц, имеющих право обращаться в суды с соответствующими исками. В статье также поднимается проблема разграничения компетенции дел по защите права на благоприятную окружающую среду. На основе проанализированного материала автор предлагает законодательные рекомендации, которые могут способствовать формированию позитивных перспектив охраны окружающей среды.*

Abstract. *The article discusses the current problems of the functioning of the judicial mechanism for the protection of the right to a favorable environment. Based on the provisions of legal doctrine and case law, a number of problems are identified related to the streamlining of the rules on the list of persons entitled to file relevant claims with the courts. The article also raises the problem of delineating the competence of cases for the protection of the right to a favorable environment. Based on the analyzed material, the author offers legislative recommendations that can contribute to the formation of positive prospects for environmental protection.*

Ключевые слова*: судебная защита экологических прав, судебная защита права на благо.*
Keywords: *judicial protection of environmental rights, judicial protection of the right to benefit.*

Для цитирования: *Мугадов К.А., Мамедова М.К., Аскеров Э.С. Обеспечение защиты права на благоприятную окружающую среду в судебном порядке // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 93-96. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_93.*
For citation*: Mugadov K.A., Mamedova M.K., Askerov E.S. Ensuring the protection of the right to a favorable environment through judicial proceedings // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 93-96. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_93.*

Статья поступила в редакцию: 10.05.2026

Одним из фундаментальных и всеобъемлющих прав человека и гражданина, затрагивающих основы человеческой жизни, является право на благоприятную окружающую среду, закрепленное в статье 42 Конституции Российской Федерации. [1]

Это конституционное право закреплено в Законе об охране окружающей среды, согласно которому каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на защиту ее от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, а также на достоверную информацию.

Решение проблем разработки механизма судебной защиты права на благоприятную окружающую среду весьма актуально в свете недавних событий, связанных с техногенными авариями, которые представляют значительные экологические риски и требуют оперативного реагирования государства, в том числе путем применения норм природоохранного законодательства. Судебная защита экологических прав играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и сохранении природных ресурсов, а также в поддержании баланса между экономические интересы и экологическая безопасность. На сегодняшний день отдельные аспекты механизма экологического правового регулирования, прояв-

ляющиеся в виде неупорядоченных норм отраслевого законодательства, касающихся форм и методов защиты экологических прав, нуждаются в своем теоретическом осмыслении.

Право на благоприятную окружающую среду, а также правовые средства, направленные на его обеспечение, составляют «ядро» механизма эколого-правового регулирования. Инструменты правовой защиты этого права наиболее популярны в правоприменительная практика и значительная доля судебных дел связаны именно с использованием претензионного метода ее защиты. Его обеспечению посвящен отдельный законодательный акт - Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Этот закон объединяет нормы об управлении в рассматриваемой сфере, статусе субъектов эколого-правовых отношений, а также систему стандартов и требований по оценке, мониторингу и контролю (надзору).

Право на благоприятную окружающую среду можно рассматривать как объективно, так и субъективно. В объективном смысле это сложный правовой институт, состоящий из правовых норм, призванных регулировать отношения между личностью, обществом и государством в области охраны окружающей среды с целью обеспечения нормальных экологических, экономических, эстетических и других условий жизни человека. В субъективном смысле право на благоприятную окружающую среду является конституционным правом человека, гарантируемым государством, что предоставляет ему возможность требовать соблюдения права посредством использования законных средств, предусмотренных законом.

Непосредственным объектом этого права является благоприятная окружающая среда. В соответствии со статьей 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», «благоприятная окружающая среда» означает окружающую среду, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и техногенных объектов. «Качество окружающей среды» — это состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими химическими, биологическими и иными показателями и их совокупностью. [2]

Судебная защита права на благоприятную окружающую среду является одной из форм защиты экологических прав. Помимо привлечения экологических правонарушителей к ответственности за причиненный ущерб, эколого-правовые споры, связанные как с потенциальными рисками для экологического благополучия, так и с фактическим ущербом, причиненным окружающей среде, разрешаются в рамках судебной защиты.

Эти эколого-правовые споры разрешаются в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Потенциальный риск для окружающей среды, создаваемый определенными видами производства или любой другой деятельностью, определяет право на подачу иска о предотвращении нарушений природоохранного законодательства.

Как правило, такие иски подаются органами государственной власти с требованиями об ограничении, приостановлении, прекращении или запрете деятельности, которая может нанести ущерб окружающей среде.

Согласно статье 45 ГПК РФ предусмотрена возможность обращения в суд с заявлением, направленным на обеспечение права на благоприятную окружающую среду. [3] Возможность обжалования прокурор не зависит от способности самого гражданина подать иск в суд. Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен закрытый перечень требований, с которыми может обратиться в суд прокурор. В нем не упоминаются действия, связанные с правом на благоприятную окружающую среду. [4]

Таким образом, решением Арбитражного суда Красноярского края удовлетворен иск, поданный в связи с нарушением лесного законодательства. Истец, являющийся государственным органом, осуществляющим надзор за соблюдением лесного законодательства, обратился в суд с требованием обязать ответчика, компанию, арендовавшую лесной участок, устранить нарушения, допущенные при проведении лесозаготовок. В частности, истец потребовал очистить лесосеку от порубочных остатков, вывезти бесхозную древесину и установить на лесосеке привязной столб. Нарушения были выявлены в ходе проверки, проведенной истцом, и подтверждены актом осмотра лесосеки. Суд, принимая во внимание продолжительность рассмотрения. В связи с отсутствием доказательств работы ответчика, обязал ответчика завершить указанную работу в течение восьми месяцев. [5]

Требования о возмещении ущерба связаны с требованиями, предъявляемыми правонарушителю о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, и восстановлении нарушенных экологических прав. Существенной проблемой в механизме судебной защиты права на благоприятную окружающую среду является ограниченное число лиц, которые могут подавать иски в суд.

Подтверждением этого фактического запрета, хотя и не указанного непосредственно в законодательстве, является правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, которая часто используется правоохранительными органами в качестве обоснования принимаемых решений. Высшая судебная инстанция уже отнесла к общей юрисдикции споры, которые были возбуждены прокуратурой в отношении субъектов хозяйственной деятельности, если в исковых заявлениях содержится указание на нанесение ущерба окружающей среде. [6]

При этом до сих пор существуют прецеденты, когда суды общей юрисдикции, принимая иск экологического прокурора с требованиями, обращенными к субъекту хозяйственной деятельности, передают его в компетенцию арбитражного суда. Так, прокурор обратился в суд с требованием возместить ущерб, причиненный лесному фонду. Истец утверждал, что ответчик, компания, которая сдавала в аренду лесной участок для лесозаготовок, утверждал, что ответчик, компания, которая арендовала лесной участок для лесозаготовок незаконная вырубка леса, которая не была предметом необходимых лесных обследований, нанесла ущерб лесам.

Суть искового заявления заключалась в том, что ответчик на основании дополнительного соглашения к договору аренды значительно увеличил объем заготовки древесины и получил право приступить к вырубке спелых и скоропортящихся насаждений, а также санитарной рубке, что привело к сокращению объемов заготовки древесины и нагрузка, и ущерб, наносимый лесному фонду, значительно возросли. Суд первой

инстанции (общей юрисдикции) ошибочно, исходя из характера требований истца, которые были связаны с недействительностью дополнительного соглашения, вернул дело в Арбитражный суд, посчитав, что оно относится к компетенции этого суда. Апелляционный суд подтвердил это решение. Только кассационный суд, рассмотрев жалобу истца, пришел к выводу, что суды первой и апелляционной инстанций неправильно применили процессуальные нормы.

Во многих отношениях ошибки, допущенные судами общего права, могут быть объяснены как пробелом в процессуальном праве, так и регуляризацией вышестоящего суда, что приводит к размыванию границ общей юрисдикции и арбитражной юрисдикции (по крайней мере, в отношении требования о компенсации экологического ущерба). По этой причине правоприменение «на местах», используя интуитивно понятную логику разграничения юрисдикций, по умолчанию направляет соответствующие споры в Арбитражный суд. [7]

Ситуация усугубляется статьей 80 закона об окружающей среде, которая прямо относит требования жертв о компенсации к компетенции обоих судов, предотвращение ущерба окружающей среде. Хотя спор может быть разрешен судом общей юрисдикции и арбитражным судом, закон Об охране окружающей среды предполагает обоснованность разграничения их компетенции. Другими словами, действия, связанные с предотвращением экологические риски (риски для окружающей среды), на первый взгляд, должны подчиняться общим правилам компетенции, а не «поглощаться» полностью общей компетенцией.

Правоприменительная практика свидетельствует о выработке в рамках государственного механизма своеобразного способа «обхода» правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации. Таким образом, факты ведения хозяйственной деятельности, выявленные в ходе прокурорской проверки, которые служат основанием для предъявления претензий, формулируются и в дальнейшем передаются в компетентные органы государственный экологический контроль (надзор). Они, в свою очередь, и подают затем иск, содержащий требования к субъекту хозяйственной деятельности, в Арбитражный суд.

Так, руководство Россельхознадзора обратилось в Арбитражный суд Москвы с иском к двум обществам с ограниченной ответственностью о возмещении ущерба, причиненного почвам на участке. Поводом для обращения в суд послужило указание прокурора города Пушкина Московской области, который инициировал внеплановую выездную проверку на этом участке и в ходе проверки было установлено, что деятельность по обращению с отходами осуществлялась на земельном участке, арендованном у ответчика. На многих были обнаружены нарушения, которые привели к значительному загрязнению и деградации земель.

М. А. Шабалина и Ю. А. Крючкова указывают, что иногда в таких случаях арбитражный суд может привлечь прокурора в качестве третьей стороны, не предъявляя самостоятельных требований. Иногда существует определенная последовательность согласованных действий между эшелонами государственного механизма. [8, с. 243]

Во-первых, прокуратура в суде общей юрисдикции подает ходатайство о приостановлении деятельности коммерческого субъекта, а затем надзорный орган в Арбитражном суде подает ходатайство о возмещении ущерба, причиненного окружающая среда.

Так, Министерство природных ресурсов и экологии обратилось в арбитражный суд с иском к ответчику с требованием взыскать ущерб, причиненный в результате нарушения законодательства о недропользовании. Ответчик осуществлял разработку карьера за пределами границ горного отвода, что привело к несанкционированному использованию недр и нанесло значительный ущерб окружающей среде. До рассмотрения этой апелляции Темрюкский городской суд районная прокуратура уже добилась в Темрюкском районном суде решения о запрете ответчику заниматься геологоразведкой и добычей полезных ископаемых до устранения нарушений, что подтвердило факт незаконной деятельности ответчика. В ходе судебного разбирательства арбитражный суд пришел к выводу, что требования истца о возмещении ущерба являются законными и обоснованными.

Другим проблемным аспектом механизма судебной защиты окружающей среды являются ограничения, связанные с обращением в суд физических лиц – граждан. С одной стороны, природоохранное законодательство предоставляет гражданам возможность подавать иски о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде. В частности, это предусмотрено частью 2 статьи 11 Закона об окружающей среде.

Заметным пробелом в природоохранном законодательстве остается отсутствие у физических лиц возможности подавать иски в случае возникновения потенциальных рисков для окружающей среды. Судебные органы, как правило, также отказывают в принятии соответствующих исков к рассмотрению.

Итак, «М.З.А.», «К.А.Н.» и «О.Н.Г.» подали иск против энергетической компании. Истцы требовали обязать ответчика сократить экологически вредные выбросы в атмосферу. В список требований также входил запрет на строительство в природоохранной зоне, утверждалось, что выбросы от сжигания угля являются основной причиной ухудшения состояния окружающей среды. Кроме того, они указали на незаконное строительство золоотвала в водоохранной зоне. [9]

Судья оставил исковое заявление без удовлетворения, указав, что оно не соответствует требованиям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Истцам было предложено устранить недостатки, в частности, предоставить доказательства причинно-следственной связи между выбросами и болезнями, а также указать, какие именно их права были нарушены. Исковое заявление в интересах неопределенного круга лиц, по мнению суда, противоречило процессуальным правам истцов. После того, как истцы не устранили указанные недостатки, судья вернула исковое заявление, сославшись на пункт 4 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Апелляционный суд первой инстанции отказался принять исковое заявление. Она пришла к выводу, что исковое заявление не могло быть принято, поскольку истцы, после того как их иск был оставлен без движения, сформулировали предупредительные требования, которые были направлены на устранение потенциальных экологических претензий. По мнению суда, это также противоречило их процессуальный статус. Такие иски, как указал суд, могут быть поданы только определенными субъектами – государственными органами и общественными объединени-

ями, коими истцы не являются. Законодательство не предоставляет такого права физическим лицам.

В настоящее время механизмы судебной защиты часто направлены на восстановление уже нарушенных экологических прав. Обеспечение право граждан на обращение в суд позволит им активно участвовать в защите этих общих интересов. Граждане смогут действовать на опережение, подавая судебные иски для предотвращения потенциальных экологических рисков, таких как строительство опасных объектов или реализация промышленных (строительных) проектов, которые могут нанести вред окружающей среде. Это усилит общественный контроль за деятельностью как государственных, так и частных организаций. Организации будут вынуждены учитывать потенциальные экологические риски и принимать меры по их минимизации, чтобы избежать судебных разбирательств. Одним из очевидных преимуществ данного способа защиты прав на благоприятную окружающую среду, как отмечают Е.С. Смагина и Д.А. Чупилин, «является оперативность реализации гражданами права на судебную защиту». [10, с. 47-55]

Сегодня регулирующие органы могут столкнуться с ограниченностью ресурсов (в том числе финансовых и временных) для мониторинга всех потенциально опасных объектов. Например, как указывает Д.А. Туманов, вполне может быть, что «в той или иной местности просто нет общественной организации по охране окружающей среды, а власти по тем или иным причинам бездействуют». [11, с. 57-62]

Граждане могут выступать в качестве дополнительного механизма контроля, выявляя и пресекая нарушения на ранней стадии. Это также соответствует международным экологическим стандартам, которые подчеркивают важность участия общественности в решении экологических проблем. Предоставление гражданам возможности активно участвовать в судебных процессах по экологическим вопросам поможет повысить их экологическую осведомленность и укрепить их ответственное отношение к окружающей среде.

Таким образом, часть 2 статьи 11 Закона об окружающей среде может быть дополнена подпунктом следующего содержания:

«подавать иски в суд об ограничении, приостановлении, прекращении или запрете деятельности, которая может нанести ущерб окружающей среде».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что приоритетом для разработки современного механизма судебной защиты права на благоприятную окружающую среду должно стать упорядочение правил, касающихся перечня лиц, имеющих право обращаться в суд с жалобами. Нормы гражданского и арбитражного процессуального законодательства нуждаются в совершенствовании в части разграничения подсудности дел о защите права на благоприятную окружающую среду. Позитивные перспективы развития судебного механизма защиты экологических прав открывают новые возможности для повышения активности граждан и общества в целом, направленной на обеспечение благоприятной окружающей среды.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссий-ского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. Доступ из справ. - правовой системы "КонсультантПлюс".

2. Федеральный закон Об охране окружающей среды от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. 28.12.2025) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. Доступ из справ. - правовой системы "КонсультантПлюс".

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) [Электрон-ный ресурс] // СЗ РФ. Доступ из справ. - правовой системы "КонсультантПлюс".

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // [Электронный ресурс] // СЗ РФ. Доступ из справ. - правовой системы "КонсультантПлюс".

5. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 10 сентября 2024 г. по делу № А33-33879/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/wDvwLGuq8Lbm/ (дата обращения: 13.04.2026).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г. // Бюллетень ВС РФ. 2015. №5.

7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2021 г. №88-4939/2021. URL: https://actofact.ru/case-42KJ0008-8g-4126-2021-88-4939-2021-2021-02-17-0-2/ (дата обращения: 13.04.2026).

8. Шабалина М.А., Крючкова Ю.А. Особенности определения юрисдикции экологических споров // Вестник гражданского процесса. - 2020. - Т. 10. - № 5. - С. 248. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-5-248-274 EDN: ZTTNBS

9. Решение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда по делу № 33-10316/2015 от 24.12.2015. URL: https://reputation.su/sudrf/245786457 (дата обращения: 10.04.2026).

10. Смагина Е.С., Чупилин Д.А. Субъекты, обращающиеся в суд за защитой экологических прав // Российская юстиция. - 2023. - №2. - С. 47- 55. DOI: 10.52433/01316761_2023_02_47 EDN: GTVWAJ

11. Туманов Д.А. О праве граждан на обращение в суд с иском о предупреждении и пресечении причинения вреда окружающей среде // Зако-ны России: опыт, анализ, практика. - 2017. - №9. - С. 57-62. EDN: ZDFKPV

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) [Electronic resource] // SZ RF. Access from the reference system. — the legal system “ConsultantPlus”.

2. Federal Law on Environmental Protection No. 7-FZ dated 10.01.2002 (as amended on 12/28/2025) [Electronic resource] // Federal Law of the Russian Federation. Access from the help. - the legal system "ConsultantPlus".

3. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 23.03.2026, as amended. dated March 31, 2026) [Electronic resource] // SZ RF. Access from sprav. — legal system “ConsultantPlus”.

4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) // [Electronic resource] // SZ RF. Access from sprav. - the legal system “ConsultantPlus”.

5. Decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated September 10, 2024, in case No. A33-33879/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/wDvwLGuq8Lbm/ (accessed: 13.04.2026).

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2015), approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 4, 2015 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No.5.

7. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 6, 2021 No.88-4939/2021. URL: https://actofact.ru/case-42KJ0008-8g-4126-2021-88 -4939-2021-2021-02-17-0-2/ (accessed: 04/13/2026).

8. Shabalina M.A., Kryuchkova Yu.A. Features of determining the jurisdiction of environmental disputes // Bulletin of Civil Procedure. – 2020. – Vol. 10. – No. 5. – P. 248. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-5-248-274 EDN: ZTTNBS

9. Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Omsk Regional Court in case No. 33-10316/2015 dated 24.12.2015. URL: https://reputation.su/sudrf/245786457 (accessed: 10.04.2026).

10. Smagina E.S., Chupilin D.A. Subjects who apply to the court for the protection of environmental rights // Russian Justice. - 2023. - No. 2. - Pp. 47–55. DOI: 10.52433/01316761_2022_02_47 EDN: GTVWAJ

11. Tumanov D.A. On the right of citizens to file a lawsuit to prevent and stop harm to the environment // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2017. - No. 9. - Pp. 57–62. EDN: ZDFKPV

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_97

УДК 349.41

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ И ПРОЧНО СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОБЪЕКТОВ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ
THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY OF THE DESTINY OF PLOTS OF LAND AND THE FACILITIES AFFIXED THERETO: ESSENCE AND MEANING

ЯКОВЛЕВА Татьяна Афанасьевна,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона юридического факультета Северо-Восточного федерального университета, Якутск, Россия.
677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.
E-mail: tanyakovleva@mail.ru

YAKOVLEVA Tatyana Afanasyevna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Chair of Arctic Law and Law of the Countries of the Asia-Pacific Region Faculty of Law of the North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.
58 Belinsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russia.
E-mail: tanyakovleva@mail.ru

Краткая аннотация. *В юридической науке отсутствует единое мнение о сущности и содержании принципа земельного законодательства единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Земельный кодекс Российской Федерации не раскрывает о каких объектах идет речь, в связи с чем в науке земельного права нет единого подхода в его толковании. Многие ученые к таковым объектам относят здания, сооружения, постройки. Принципы законодательства являются системообразующими и являются фундаментом для построения отраслевых институтов и норм. По мнению автора, содержание данного принципа раскрывает единство судьбы земельного участка и находящихся на нем природных объектов: почвенного слоя, водных объектов и растительности. Исключением из данного правила, являются положения федеральных законов, в соответствии с которыми земельный участок входит в состав имущественного комплекса.*

Abstract. *In legal science there is no consensus on the essence and the meaning of the land law principle of "uniformity of the destiny of plots of land and the facilities affixed thereto". The Land Code of the Russian Federation does not specify the facilities mentioned, as a result, in the science of land law there is no unified approach to its interpretation. Many scientists regard buildings, constructions, and structures as such facilities. Legal principles are systemically important and provide the framework for institutions and norms. The author's opinion is that the meaning of this principle covers the uniformity of the destiny of plots of land and the affixed natural objects: soil, bodies of water and vegetation. An exception from this rule is a stipulation of federal law, according to which a land plot is part of a property complex.*

Ключевые слова: *земля, земельный участок, земельное право, принципы земельного права, принципы земельного законодательства, земельные участки и прочно связанные с ним объекты.*
Key words*: land, plot of land, land law, principles of land law, principles of land legislation, plots of land and the facilities affixed thereto.*

Для цитирования: *Яковлева Т.А. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов: сущность и содержание // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_97.*
For citation*: Yakovleva T.A. The principle of the unity of the fate of land plots and objects firmly associated with them: essence and content // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_97.*

Статья поступила в редакцию: 07.05.2026

Земельное право - комплексная отрасль права, тесно связана с одной стороны, экологическим, с другой – гражданским, что нашло отражение в принципах земельного законодательства, закрепленных в ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (далее – ЗК РФ).

Принципы права – основополагающие идеи, руководящие начала, исходные положения, отражающие его содержание [1, с. 101], выражающие сущность права как специфического социального регулятора [2, с. 33], процесса его формирования, развития и функционирования [3, с. 22], определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений …, когда они непосредственно (легально) выражены в нормативно-правовых актах или иных формах права [4, с. 19].

В юридической науке присутствует мнение о разграничении понятий «принцип права» и «принцип законодательства», рассматривается их соотношение. Безусловно, что эти принципы должны быть взаимосвязанными и взаимозависимыми, принципы законодательства должны исходить и соответствовать принципам права, «принципы права являются смыслообразующими, а принципы законодательства - системообразующими», отражать соотношение «духа» и «буквы закона» [5, с. 99, 100]. При этом принципы права имеют существенное значение для системы права, поскольку отраженные в них идеи выступают фундаментом для построения отраслевых институтов и норм [6, с. 15]. Принципы законодательства отражают особенности правового регулирования однородных общественных отношений, группы отношений различного характера, закрепленных в отраслях российского права [7, с. 370].

В науке земельного права, как и в теории права, принципы классифицируются по различным основаниям, наиболее полная картина представлена в работе А.Я. Рыженкова [8, с. 27-35]. Общепринятая классификация принципов земельного права предполагает выделение четырех групп: общеправовые – общие для всего российского права, в том числе и земельного; межотраслевые – общие для двух и более отраслей права (н-р, земельного и гражданского, земельного и экологического); отраслевые – действующие в рамках одной отрасли (земельного); институциональные – действующие на уровне правовых институтов (н-р, принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и др.).

К одному из наиболее обсуждаемых в юридической науке, следует отнести принцип единства судьбы земельных участков и прочно

связанных с ними объектов [9, 10, 11, 12 и др.]. Вышеуказанный принцип относится к межотраслевому [13, с. 89], системообразующему - образует единую систему земельного и экологического, земельного и гражданского законодательства, определяет правовое регулирование конкретных общественных отношений по поводу оборота земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

Согласно пп.5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Сам ЗК РФ не конкретизирует о каких объектах идет речь в рассматриваемом принципе, что приводит к различным толкованиям. Так, Д.В. Пархоменко и Е.А. Предтеченская к таковым объектам относят здания и сооружения и считают, что единство судьбы земельного участка и находящихся на нем зданий и сооружений законодательно закреплено [9, с. 91]. С.В. Лихолетова предлагает содержание данного принципа рассматривать с двух позиций: во-первых, перехода права собственности на земельный участок и объекты недвижимости, если они уже принадлежат одному лицу; во-вторых, возникновение права на объект недвижимости при уже возникшем праве собственности на земельный участок и наоборот [10, с. 24]. Аналогичной позиции придерживается М.В. Логунов, утверждая, что «юридическая взаимосвязь зданий, сооружений и земельного участка под ними нашла свое отражение в одном из принципов земельного законодательства, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами» [11, с. 86]. В результате своих исследований авторы приходят к выводу, что принцип единства судьбы земельных участков и объектов недвижимости (зданий, сооружений, построек), расположенных на нем, полностью не реализуется. Указанные авторы исходят из понятия недвижимости, согласно которому здания, строения и объекты незавершенного строительства прочно связаны с землей (п. 1 ст. 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (далее – ГК РФ)).

О каких объектах идет речь в вышеуказанном принципе? Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к законодательству, в первую очередь, определить содержание законодательных дефиниций «недвижимые вещи», «земля», «земельный участок», далее – определить объекты, которые неразрывно связанны с землей. В-третьих, выяснить исключительные случаи, предусмотренные федеральными законами, когда земельный участок выступает не главной вещью, а принадлежностью и к какой вещи.

Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ, к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Это дефиниция содержит перечень объектов недвижимости. Для более точного толкования дефиниции необходимо определить значение союзов «то есть» и «в том числе». В данном случае «то есть» употреблен как союз, а не частица, и присоединяет слова поясняющую или уточняющую высказанную мысль; то же, что «а именно, другими словами» [14, с. 498]. Союз «в том числе» указывает на то, что упоминаемые элементы являются частью более широкой группы, упомянутой ранее [14, с. 116].

Таким образом, в зависимости от правовой определенности к недвижимым вещам отнесены: 1) абсолютно определенные объекты (земельный участок, участок недр); 2) относительно определенные объекты (прочно связанные с землей). В зависимости от происхождения недвижимые вещи можно разделить на две группы: 1) обособленные части природных объектов (н-р, земельный участок, участок недр); 2) антропогенные объекты (прочно связанные с землей здания, сооружения и объекты незавершенного строительства). Антропогенные объекты в рассматриваемой дефиниции являются частью более широкой группы объектов, прочно связанных с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно.

Какие объекты прочно связаны с землей, кроме зданий, сооружений и объектов незавершенного строительства? В пп.1 п. 1 ст. 6 ЗК РФ, закреплено двойственное значение земли - как природного объекта и природного ресурса. В законодательстве понятие «земля как природный объект» раскрывается как его компонент, элемент естественной экологической системы, природного ландшафта, сохранившего свои природные свойства (ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды»). С юридической точки зрения, природный объект является сложной вещью, состоящей из различных компонентов: земли, недр, почвы, поверхностных и подземных вод, растительного, животного мира, иных организмов, объединенные одним общим назначением - обеспечением экологической безопасности (следуя понятию сложной вещи, указанного в ст. 134 ГК РФ).

Ключевым признаком земли как природного объекта выступают его природные свойства - фундамент (основа) для существования и развития почв, растений, животных и других организмов, атмосферного воздуха, водных объектов, которые взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществ и энергией. Природная среда существует в трехмерном пространстве и в законодательстве об охране окружающей среды нередко обозначается как территория (например, особо охраняемые природные территории, территории традиционного природопользования, лесопарковый зеленый пояс и иные пространственно-территориальные образования, хотя содержание указанных территорий может отличатся). В понятие земли как природного объекта превалирует экологический фактор. Таким образом, прочно связаны с землей компоненты природной среды.

Земля как природный ресурс используется или может быть использован при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии (например, для строительства гидро-, электро-, тепло-, атомных станций, зданий и сооружений), продуктов производства и предметов потребления (добычи и производства сырья, товаров) и имеют потребительскую ценность (для человека). Земли, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, выступают в качестве «материала» для первоначального образования земельного участка (ст. 11.3 ЗК РФ). Образованные земельные участки предоставляются и используются гражданами и юридическими лицами для ведения хозяйственной и иной деятельности, в том числе строительства зданий и сооружений. Земля как природный ресурс рассматривается в качестве эко
номической категории. Таким образом, объекты, прочно связанные с землей можно разделить на две подгруппы: 1) природные объекты (компо-

ненты природной среды), 2) антропогенные объекты (созданные человеком).

В действующем законодательстве земельный участок рассматривается, во-первых, как недвижимая вещь и представляет собой часть земной поверхности, границы которой определены в порядке, установленном законом (ст. 141.2 ГК РФ). Во-вторых, как объект права собственности и иных предусмотренных ЗК РФ прав на землю (п. 3 ст. 6 ЗК РФ):

1) недвижимая вещь - следовательно, на земельный участок распространяется правовой режим недвижимых вещей, предусмотренный ГК РФ (оборотоспособность, государственная регистрация самого объекта и прав на него и др.);

2) часть земной поверхности - не зависит от присутствия или отсутствия земли в общепринятом значении слова, даже в том случае, если земля подверглась ветровой или водной эрозии и произошло обнажение ее недр (песка, глины, суглинка, горных пород и др.); существует в одной плоскости (в двух измерениях);

3) индивидуально определенная вещь, характеризующаяся наличием основных и дополнительных сведений, перечисленных в ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 30.01.2026) «О государственной регистрации недвижимости».

По мнению, Е.А. Ивановой, «… наличие двух разных определений одного и того же понятия «земельный участок» в гражданском и земельном кодексах» «вносят определенную дезориентацию в попытку понимать искомый термин ясно и единообразно…» [15, с. 61]. Здесь стоит обратить внимание, что законодательные дефиниции не раскрывают содержание термина «земельный участок» как объекта окружающей человека среды, а наделяют его «юридическими» признаками, позволяющими определить в качестве недвижимой вещи.

Сущность принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов заключается в правовом режиме, согласно которому судьба объектов, прочно связанных с земельным участком (принадлежности) следует судьбе земельного участка (главной вещи). В России законодательно закреплены следующие положения:

1) если иное не установлено законом, право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения (п. 2 ст. 261 ГК РФ);

2) не допускается отчуждение прудов и обводненных карьеров без отчуждения земельных участков, в границах которого они расположены (ч. 4 ст. 8 Водного Кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025).

Следовательно, судьбе земельного участка следуют поверхностный (почвенный слой), пруды, обводнённые карьеры, растительность, расположенные в границах такого земельного участка. В пользу данной позиции говорят следующие законодательные положения: во-первых, в кадастр земельного участка вносятся сведения о лесах, водных объектах и об иных природных объектах, расположенных в границах земельного участка, и данные сведения отнесены к дополнительным (п.2 ч. 5 ст. 8 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»). Во-вторых, эти же компоненты входят в состав особо охраняемых природных территорий (преамбула Федерального закона Российской Федерации от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об особо охраняемых природных территориях»). Участок недр – самостоятельный объект недвижимости и не входит в состав особо охраняемых природных территорий, территорий традиционного природопользования и других территориальных образований.

В действующем законодательстве, как справедливо замечено Е.Г. Семеновой, «сложился режим оборота недвижимости, в котором одновременно и земельный участок, и объекты, размещенные на нем, в том числе здания, сооружения и объекты незавершенного строительства, объявляются самостоятельными недвижимыми вещами» [16, с. 402]. Так, согласно п. 2 ст. 266 ГК РФ, владелец земельного участка вправе возводить на нем здания, сооружения и создавать другое недвижимое имущество, приобретая на него право собственности.

Лицо, которому земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, вправе, если иное не предусмотрено законом, самостоятельно использовать участок в целях, для которых он предоставлен, включая возведение для этих целей на участке зданий, сооружений и другого недвижимого имущества. Здания, сооружения, иное недвижимое имущество, созданные этим лицом для себя, являются его собственностью (п. 2 ст. 269 ГК РФ). Таким образом, ГК РФ устанавливает различные правовые режимы для земельных участков и созданных на нем антропогенных объектов, следовательно, земельный участок и объекты строительства (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства) являются самостоятельными объектами гражданских прав, на которые не распространяется режим главной вещи и ее принадлежности, что подтверждается судебной практикой.

В каких случаях земельный участок не относится к главной вещи, и является принадлежностью другой вещи и к какой? Исключение из общего правила единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними природных объектов предусмотрены федеральными законами, в частности, где земельный участок входит в состав предприятия (ст. 132 ГК РФ), единого недвижимого комплекса (ст. 133.1ГК РФ); общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (ст. 36 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

Таким образом, сущность и содержание принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов заключается в образовании системы земельного и экологического, земельного и гражданского законодательства. Земельный участок является главной вещью в отношении расположенных на нем природных объектов: поверхностного (почвенного) слоя, прудов и обводненных карьеров, растительности. Исключения из данного правила предусмотрены федеральными законами, в соответствии с которыми определены частные случаи, когда земельный участок входит в состав имущественного комплекса и следует судьбе такого объекта.

Список литературы:

1. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т.1. М.: Статут, 2010. - 366 с.
2. Опанасенко А.С. Понятие и сущность принципов права // Проблемы в российском законодательстве. Т. 12. № 6, 2019. С. 33-38. EDN: AEESOZ

3. Общая теория государства и права. Т.2. /под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2000. - 640 с.
4. Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 17-28. DOI: 10.12737/art_2018_9_2 EDN: XYUMWL
5. Азархин А.В., Карев Д.А., Прокудина Н.О. Соотношение принципа права и принципа законодательства // Евразийская адвокатура. 2020. № 2 (45). С. 99-102. EDN: OQSOTO
6. Александров Ю.А. К вопросу о соотношении принципов гражданского права и принципов гражданского законодательства // Baikal Research Journal. 2014. № 2. С. 15-20. EDN: SECXPH
7. Афзалетдинова Г.Х. К вопросу о соотношении принципов права и принципов законодательства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 370-371. Афзалетдинова Г.Х. К вопросу о соотношении принципов права и принципов законодательства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 370-371. EDN: VHBINY
8. Рыженков А.Я. К вопросу о классификации принципов земельного права // Legal Concept. 2016. № 4 (33). С. 27-35. DOI: 10.15688/jvolsu5.2016.4.3 EDN: XHLKNF
9. Пархоменко Д.В., Предтеченская Е.А. Единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимого имущества // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2018. № 3. С. 90-96. EDN: YLHQZF
10. Лихолетова С.В. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 24-30. DOI: 10.14529/law190204 EDN: MAMLTE
11. Логунова М.В. Особенности реализации принципа единства судьбы земельных участков, ограниченных в обороте, и прочно связанных с ними объектов недвижимости // Имущественные отношения в РФ. 2019. № 1 (208). С.86-97. EDN: YTOGCL
12. Глушко О.А. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов // Аграрное и земельное право. 2024. № 7 (235). С. 102-103. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_102 EDN: IEJPGT
13. Волков Г.А. Принципы земельного права России. М.: Городец, 2005. - 366 с.
14. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник / В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова. М.: Эксмо, 2012. - 576 с. Бажайкин А.Л., Черняев В.Н. Земельный участок и его составные части // Вестник Удмуртского университета. 2020. № 2. С. 236-242. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-2-236-242 EDN: LEQAWC
15. Иванова Е.А. Земля, земельный участок, часть земельного участка как объекты земельных правоотношений (Часть 2. Земельный участок) // Международный журнал гуманитарных и профессиональных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 56-63.
16. Семенова Е.Г. Применение юридических конструкций взаимосвязи объектов в рамках концепции единого объекта недвижимости // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 3. С. 402-408. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-402-408 EDN: OSESOR

References:

1. Problems of Legal Theory: a course of lectures: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut, 2010. - 366 p.
2. Opanasenko A.S. The Concept and Essence of Legal Principles // Problems in Russian Legislation. Vol. 12. No. 6, 2019. Pp. 33-38. EDN: AEESOZ
3. General Theory of State and Law. Vol. 2 / edited by M.N. Marchenko. Moscow: Zertsalo, 2000. – 640 p.
4. Polyakov S.B. Legal and Real Principles of Law // Journal of Russian Law. 2018. No. 9. Pp. 17–28. DOI: 10.12737/art_2018_9_2 EDN: XYUMWL
5. Azarkhin A.V., Karev D.A., Prokudina N.O. The Relationship between the Principle of Law and the Principle of Legislation // Eurasian Advocacy. 2020. No. 2 (45). Pp. 99-102. EDN: OQSOTO
6. Alexandrov Yu.A. On the Issue of the Relationship between the Principles of Civil Law and the Principles of Civil Legislation // Baikal Research Journal. 2014. No. 2. Pp. 15–20. EDN: SECXPH
7. Afzaletdinova G.Kh. On the Issue of the Relationship between the Principles of Law and the Principles of Legislation // Legal Technique. 2020. No. 14. Pp. 370–371. Afzaletdinova G.Kh. On the Issue of the Relationship between the Principles of Law and the Principles of Legislation // Legal Technique. 2020. No. 14. Pp. 370-371. EDN: VHBINY
8. Ryzhenkov A.Ya. On the Issue of Classifying the Principles of Land Law // Legal Concept. 2016. No. 4 (33). Pp. 27-35. DOI: 10.15688/jvolsu5.2016.4.3 EDN: XHLKNF
9. Parkhomenko D.V., Predtechenskaya E.A. The Unity of the Fate of Land Parcels and the Objects of Real Estate Firmly Connected with Them // Interexpo Geo-Siberia, 2018. No. 3. Pp. 90–96. EDN: YLHQZF
10. Likholetova S. V. The Principle of the Unity of the Fate of Land Parcels and Objects Firmly Connected with Them // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2019. No. 2. Pp. 24–30. DOI: 10.14529/law190204 EDN: MAMLTE
11. Logunova M.V. Features of Implementing the Principle of Unity of the Fate of Land Plots Restricted in Circulation and Real Estate Objects Firmly Connected with Them // Property Relations in the Russian Federation. 2019. No. 1 (208). Pp. 86–97. EDN: YTOGCL
12. Glushko O.A. The Principle of the Unity of the Fate of Land Parcels and Objects Firmly Connected with Them // Agrarian and Land Law. 2024. No. 7 (235). Pp. 102-103. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_102 EDN: IEJPGT
13. Volkov G.A. Principles of Land Law in Russia. Moscow: Gorodets, 2005. – 366 p.
14. Difficult Cases of Russian Punctuation: Dictionary-Reference Book / V.M. Pakhomov, V.V. Svintsov, I.V. Filatova. Moscow: Eksmo, 2012. – 576 p. Bazhaykin A.L., Chernyaev V.N. Land Plot and Its Components // Bulletin of the Udmurt University. 2020. No. 2. Pp. 236-242. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-2-236-242 EDN: LEQAWC
15. Ivanova E.A. Land, land plot, part of a land plot as objects of land legal relations (Part 2. Land plot) // International Journal of Humanities and Professional Sciences. 2024. No. 2–3 (89). Pp. 56–63.
16. Semenova E.G. The Use of Legal Constructs to Describe the Relationship Between Objects within the Framework of the Concept of a Single Real Estate Object // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2020. No. 3. Pp. 402–408. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-402-408 EDN: OSESOR

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_101

УДК 336.2

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАРИФООБРАЗОВАНИЯ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ОТРАСЛИ
ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF TARIFF FORMATION IN THE RAILWAY INDUSTRY

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

МАЛЁШИНА Людмила Михайловна,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9
E-mail: docentmlm@mail.ru

SHATSKAYA Irina Ivanovna,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport,
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia,
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

MALESHINA Lyudmila Mikhailovna,
PhD of technical sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport,
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia
E-mail: docentmlm@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена вопросам правового регулирования тарифообразования на железнодорожном транспорте, совершенствование которого требует системного внедрения конкурентных механизмов в тарифную политику естественной монополии. Рассмотрены меры по модернизации существующей модели тарифообразования, направленные на создание сбалансированной системы, сочетающей государственный контроль с элементами рыночной гибкости.*

Abstract. *This article examines the legal regulation of tariff setting in rail transport, the improvement of which requires the systematic implementation of competitive mechanisms in the tariff policy of a natural monopoly. It examines measures to modernize the existing tariff-setting model, aimed at creating a balanced system combining state control with elements of market flexibility.*

Ключевые слова: *железнодорожный транспорт, правовое регулирование, тарифообразование, тарифная реформа.*
Keywords: *rail transport, legal regulation, tariff formation, tariff reform.*

Для цитирования: *Шатская И.И., Малешина Л.М. Аспекты правового регулирования тарифообразования в железнодорожной отрасли // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 101-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_101.*
For citation*: Shatskaya I.I., Maleshina L.M. Aspects of the legal regulation of tariff formation in the railway industry // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 101-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_101.*

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026

На долю железнодорожного транспорта, являющегося системообразующим элементом российской экономики, приходится значительный объем грузооборота, а тарифы напрямую влияют на себестоимость продукции базовых отраслей промышленности, таких как металлургия, нефтегазовый комплекс, угледобыча, сельское хозяйство. В условиях санкционного давления и необходимости переориентации грузопотоков на новые рынки, в первую очередь, азиатские, эффективность и конкурентоспособность железнодорожных перевозок становятся значимыми факторами национальной экономической безопасности и устойчивого роста.

Правовые аспекты тарифообразования представляют собой одну из наиболее актуальных и дискуссионных тем в рамках юридической и экономической теории. С одной стороны, требуется достижение оптимального баланса интересов государства, предпринимательского сектора [1] и конечных потребителей. С другой, необходимо создание условий для поддержания здоровой конкурентной среды, которая способствует стимулированию инноваций и снижению производственных издержек. Значимость данного исследования усиливается в контексте реформирования транспортного законодательства, интеграции Российской Федерации в международные транспортные коридоры и обеспечения соответствия национальным и глобальным стандартам регулирования. В условиях перманентной глобализации и усиления конкурентных процессов в транспортной отрасли вопросы тарифообразования приобретают первостепенное значение.

Совершенствование правового регулирования тарифообразования на железнодорожном транспорте требует системного внедрения конкурентных механизмов в тарифную политику естественной монополии. Основная цель этих преобразований заключается в создании гибкой и экономически эффективной системы ценообразования, которая позволит ОАО «РЖД», контролирующей более 99% грузовых и пассажирских железнодорожных перевозок, оптимизировать издержки, повысить качество услуг и удовлетворить динамичный спрос, оставаясь в рамках госу-

дарственного регулирования.

Ключевым аспектом является правовое закрепление и стимулирование гибких тарифных моделей, что предполагает поэтапный переход от унифицированных ставок, устанавливаемых на год, к системе, допускающей вариации в рамках допустимого «тарифного коридора». Внедрение таких моделей потребует внесения изменений в методики Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России) и может включать следующие элементы:

– *динамическое ценообразование на основе спроса.* Правовая база должна предусматривать возможность дифференцирования тарифов в зависимости от сезонности, времени суток, загрузки направлений и прогноза спроса, особенно в конкурентных сегментах, таких как контейнерные перевозки и перевозки в специализированном подвижном составе. Это позволит ОАО «РЖД» оптимизировать загрузку мощностей и повысить конкурентоспособность по сравнению с автомобильным и морским транспортом;

– *долгосрочные тарифные контракты*. Законодательное оформление механизма заключения долгосрочных соглашений с крупными грузоотправителями на основе фиксированных или формульных тарифов создаст предсказуемость для обеих сторон. Это укрепит грузовую базу, снизит транзакционные издержки и станет стимулом для взаимных инвестиций;

– *тарифы, привязанные к гарантиям качества*. Правовые основы должны предусматривать возможность установления дифференцированной платы в зависимости от согласованных с клиентом параметров услуги, таких как скорость доставки, регулярность подачи вагонов и сохранность груза. Это перенесет фокус конкуренции с цены на ценность услуги и стимулируют ОАО «РЖД» к повышению операционной надежности [2].

Вторым важным аспектом является создание прозрачных правил доступа к инфраструктуре, что является ключевым фактором для развития реальной конкуренции на рынке перевозок. Совершенствование законодательства в этой области должно предусматривать следующие меры:

– *цифровизация и автоматизация распределения пропускной способности* через единую электронную торговую площадку. Это минимизирует административные барьеры и риски субъективных решений, обеспечивая равные условия для всех перевозчиков;

– *развитие механизма «конкуренции за маршрут».* Для социально значимых, но низкорентабельных направлений может быть законодательно внедрена процедура конкурсного отбора перевозчика на долгосрочный период на основе критериев минимального необходимого тарифа и качества услуг;

– *четкое нормативное разделение финансовой отчетности* по инфраструктурному и перевозочному блокам внутри холдинга ОАО «РЖД». Это исключит скрытое перекрестное субсидирование и обеспечит формирование экономически обоснованной, понятной для участников рынка и регулятора цены за доступ к путям.

Третье направление – стимулирование инноваций и снижения издержек через тарифное регулирование. Регулирующая политика должна трансформироваться из затратной в стимулирующую, это предполагает:

– *внедрение элементов эталонного (сравнительного) регулирования*, при котором допустимый уровень тарифов или издержек определяется на основе сравнения с аналогичными эффективными компаниями или внутренними лучшими практиками;

– *закрепление в нормативных актах механизма «экономии от снижения издержек»,* позволяющего компании сохранять часть полученной экономии на определенный регулируемый период. Это создаст прямой финансовый стимул для инвестиций в цифровизацию и оптимизацию процессов;

– *увязку тарифных решений с долгосрочными инвестиционными программами* развития инфраструктуры, что обеспечит сбалансированность между текущими тарифами и финансированием стратегических проектов, таких как развитие Восточного полигона.

Одним из предложений по улучшению конкурентных механизмов является либерализация «тарифного коридора», устанавливаемого ФАС России. Действующая модель, где верхняя граница коридора определяется конкурентоспособностью ОАО «РЖД» относительно других видов транспорта, а нижняя – себестоимостью перевозок, показала свою эффективность в сдерживании злоупотреблений со стороны монополии. Однако избыточная регламентация, включая детальные правила предоставления скидок и индексации, ограничивает адаптацию тарифов к рыночным колебаниям.

Цифровая трансформация грузового комплекса ОАО «РЖД» представляет собой стратегическое направление развития компании, соответствующее общероссийскому тренду технологической модернизации, и включает три последовательных этапа:

– *цифровая оптимизация:* цифровые инструменты применяются для совершенствования существующих бизнес-процессов и моделей. Этап включает повышение операционной эффективности внутренних производственных циклов, снижение финансовых издержек и расширение функциональных возможностей для сотрудников и клиентов за счет автоматизации и интеграции систем. Для тарифной политики этот этап критически важен, так как он формирует прозрачную и верифицируемую структуру затрат, которая служит основой для обоснования тарифов перед ФАС России;

– *цифровые инновации*: создание принципиально новых цифровых продуктов и сервисов на основе прорывных технологий, которые откроют путь к внедрению гибких, динамических тарифных моделей, основанных на реальном спросе и загрузке мощностей, что сегодня часто вступает в противоречие с жесткими рамками отраслевого регулирования;

– *цифровая трансформация*: фундаментальное изменение бизнес-модели и корпоративной культуры. Целью является создание продуктов и услуг с абсолютно новым ценностным предложением для клиента. Это затрагивает все аспекты: от исследования клиентского опыта

и сценариев взаимодействия до реорганизации внутренних структур и формирования сквозных информационных потоков. Для системы тарифообразования цифровая трансформация предполагает переход от простой оплаты за перевозку к комплексной ценовой модели за интегрированные логистические услуги, что требует соответствующей адаптации нормативно-правовой базы.

В настоящее время грузовой комплекс ОАО «РЖД» находится преимущественно на стадии цифровой оптимизации. Ведутся активные работы по разработке и внедрению новых информационных систем и автоматизации процессов, целью которых является создание единой экосистемы всех производственных процессов. Это создает основу для более точного калькулирования себестоимости услуг, что является обязательным условием для диалога с регулятором по вопросам экономической обоснованности тарифов.

Для дальнейшего развития цифровизации грузовому комплексу ОАО «РЖД» рекомендуется сосредоточиться на следующих ключевых задачах: разработке и внедрении интегрированной автоматизированной системы управления терминально-складским комплексом; создании и размещении на корпоративном портале онлайн-калькулятора для предварительного расчета стоимости услуг; оснащении складских объектов системами управления складом.

Успешная реализация этих задач позволит компании повысить операционную эффективность, укрепить конкурентные позиции и сформировать более гибкую и клиентоориентированную тарифную политику. Цифровые инструменты станут основой для обоснования ценности и конкурентоспособности услуг, что позволит ОАО «РЖД» перейти к новому этапу взаимодействия с регулятором и клиентами. Однако для полной реализации потенциала необходимо параллельное совершенствование правового регулирования, предусматривающее создание прозрачных и недискриминационных механизмов, стимулирующих технологические инвестиции и внедрение адаптивных тарифных моделей.

Анализ действующей системы правового регулирования тарифообразования в сфере железнодорожных перевозок выявил острую необходимость ее модернизации для повышения эффективности функционирования естественной монополии в условиях конкурентной рыночной среды. Основные направления совершенствования включают:

1) гармонизацию нормативно-правовой базы и внедрение стимулирующих методов регулирования. Ключевым вызовом остается комплексный характер проблем, требующих системного подхода. В качестве приоритетного направления видится разработка и принятие универсального нормативного акта (например, в форме Транспортного кодекса или базового закона о регулировании транспортной инфраструктуры), который устранит внутренние противоречия между законодательством о естественных монополиях и антимонопольным законодательством. Это позволит создать единое правовое поле, упростить правоприменительную практику и снизить регуляторные издержки для всех участников рынка.

Параллельно необходимо поэтапное внедрение стимулирующих методов тарифообразования. Речь идет о постепенном переходе от традиционной модели «затраты плюс» к инновационным подходам, обеспечивающим экономические стимулы для компании в повышении операционной эффективности. Эти меры приобретают особую актуальность в контексте реформы тарифной системы 2026 года. Новая модель направлена на отказ от устаревшей системы Прейскуранта №10-01 [3], сформированной на экономических принципах 1980-90-х годов, которая характеризовалась значительной зависимостью от перекрестного субсидирования. Система, введенная в действие с 2003 года, демонстрировала критический уровень зависимости от данного механизма, объемы которого в 2025 году достигли 340 млрд рублей. С 1 января 2026 года в Российской Федерации вступила в силу новая система расчета тарифов на железнодорожные грузовые перевозки, разработанная с учетом актуальных экономических реалий и требований современного рынка [4];

2) повышение прозрачности, подотчетности и учет региональной специфики. Формирование доверия к системе регулирования требует беспрецедентной открытости. Законодательно целесообразно закрепить обязательность публичной детализированной калькуляции затрат, обосновывающих тарифы, с выделением инфраструктурной, перевозочной и сервисной составляющих. Это позволит участникам рынка и общественности лучше понимать структуру тарифов и повысит убедительность аргументации компании перед регулятором. Внедрение цифровых инструментов, таких как блокчейн-платформы для аудита ключевых расходов, позволит минимизировать спорные начисления и повысить точность расчетов. Непрозрачность расчетов, как в случае блокировки ФАС России повышения тарифов на купе в 2023 году, подрывает доверие участников рынка. Закрепление в законодательстве блокчейн-платформ для аудита тарифов, успешно апробированных на Свердловской ЖД (сокращение спорных начислений на 18%), и легализация динамического ценообразования с публикацией алгоритмов расчета повысят прогнозируемость.

Для сбалансированного развития регионов и учета объективных различий в издержках необходимо внедрение дифференцированных подходов к тарифообразованию. Это может включать введение региональных поправочных коэффициентов, а также четкое разграничение регулирования между коммерчески рентабельными и социально-значимыми перевозками. Финансирование последних должно осуществляться через прозрачные механизмы государственных субсидий или контрактов, а не через скрытое перекрестное субсидирование, искажающее рыночные сигналы;

3) развитие институциональных основ и интеграция в международные стандарты. Повышение эффективности регулирования может быть достигнуто за счет оптимизации институциональной архитектуры [5]. Рассмотрение вопроса о создании специализированного отраслевого регулятора, сосредоточенного на технических аспектах тарифообразования, аудите долгосрочных инвестиционных программ и методологическом обеспечении, позволит разграничить функции стратегического контроля и оперативного регулирования. Это будет способствовать углублению экспертизы и повышению качества принимаемых решений.

В условиях глобализации логистических процессов важно гармонизировать национальное регулирование с передовыми международными практиками и стандартами, в частности, в рамках Евразийского экономического союза. Развитие правовых основ для «сквозных» транзит-

ных тарифов и интермодальных перевозок укрепит конкурентные позиции российского железнодорожного транспорта на международных рынках.

Заключение. Модернизация системы тарифообразования на железнодорожном транспорте требует комплексного подхода, включающего гармонизацию законодательной базы, внедрение стимулирующих методов регулирования, повышение прозрачности и учёт региональной специфики. Интеграция в международные стандарты и развитие институциональных основ также играют важную роль в повышении эффективности регулирования и конкурентоспособности отрасли. Реализация предложенных мер позволит создать сбалансированную систему, сочетающую государственный контроль с элементами рыночной гибкости, что будет способствовать стимулированию инвестиций, снижению издержек и повышению качества услуг.

Список литературы:

1. Проблемы предпринимательского права: учебник / Е. И. Данилина, В. И. Ивакин, О. И. Мамина [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 312 с.
2. Власова Н. В., Оленцевич В. А. Цифровизация как основное стратегическое направление для достижения устойчивой конкурентной позиции ОАО «РЖД» на транспортном рынке // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2023. – № 1 (77). – С. 127-135.
3. Постановление ФЭК России от 17.06.2003 № 47-т/5т «Об утверждении Прейскуранта № 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» (Тарифное руководство № 1, части 1 и 2)» // Российская газета. – № 164. – 20.08.2003.
4. Приказ ФАС России от 06.11.2025 № 894/25 «Об утверждении Порядка расчета тарифов на перевозки грузов железнодорожным транспортом общего пользования и услуги по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, выполняемые ОАО «РЖД», а также сборов на дополнительные работы (услуги), связанные с перевозкой грузов железнодорожным транспортом общего пользования, и тарифов на перевозки грузов железнодорожным транспортом общего пользования и услуги по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, выполняемые ОАО «РЖД», сборов на дополнительные работы (услуги), связанные с перевозкой грузов железнодорожным транспортом общего пользования (Тарифное руководство № 1)» // URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).
5. Малешина Л. М., Шатская И. И. Цифровая экономика: понятие и институциональные тренды // Аграрное и земельное право. – 2026. – № 1. – С. 277-279.

References:

1. Problems of Entrepreneurial Law: Textbook / E. I. Danilina, V. I. Ivakin, O. I. Mamina [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024. – 312 p.
2. Vlasova N. V., Olentsevich V. A. Digitalization as the Main Strategic Direction for Achieving a Sustainable Competitive Position of JSC Russian Railways in the Transport Market // Modern Technologies. Systems Analysis. Modeling. – 2023. – No. 1 (77). – P. 127-135.
3. Resolution of the Federal Energy Commission of Russia dated June 17, 2003 No. 47-t/5t "On Approval of Price List No. 10-01 "Tariffs for Freight Transportation and Infrastructure Services Performed by Russian Railways" (Tariff Guide No. 1, Parts 1 and 2)" // Rossiyskaya Gazeta. – No. 164. – 20.08.2003.
4. Order of the FAS Russia dated 06.11.2025 No. 894/25 "On approval of the Procedure for calculating tariffs for the transportation of goods by public rail transport and services for the use of public rail transport infrastructure performed by JSC Russian Railways, as well as fees for additional works (services) related to the transportation of goods by public rail transport, and tariffs for the transportation of goods by public rail transport and services for the use of public rail transport infrastructure performed by JSC Russian Railways", ees for additional works (services) related to the transportation of goods by public rail transport (Tariff Guide No. 1)" // URL: http://pravo.gov.ru (date accessed: 12.05.2026).
5. Maleshina L. M., Shatskaya I. I. Digital economy: concept and institutional trends // Agrarian and land law. - 2026. - No. 1. - P. 277-279.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_105

УДК 341. 12

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL REGULATION OF MULTINATIONAL CORPORATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ГАЛДА Михаил Владимирович
Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

GALDA Mikhail Vladimirovich
Associate Professor at the Department of Physical Training,
St. Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассмотрены некоторые вопросы правового регулирования, с которыми, как правило, сталкиваются транснациональные корпорации, реализующие свою деятельность в России. Способность адаптироваться к особой системе правовых норм и требований законодательства и антимонопольного регулирования определена основой для успешного функционирования.*

Abstract: *This article discusses some of the legal issues that multinational corporations typically face when operating in Russia. The ability to adapt to the specific legal framework and requirements of the country's legislation and antitrust regulations is crucial for successful operations.*

Ключевые слова: *транснациональные корпорации, национально-правовое регулирование деятельности ТНК, мировая политика, государство, безопасность.*

Keywords: *transnational corporations, national legal regulation of TNC activities, global politics, state, security.*

Для цитирования: *Галда М.В. Правовое регулирование транснациональных корпораций на территории Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 105-108. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_105.*

For citation*: Galda M.V. Legal Regulation of Transnational Corporations on the Territory of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 105-108. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_105.*

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026

Транснациональные корпорации (ТНК) представляют собой интегрированные бизнес-структуры с централизованным управлением, осуществляющие производственную, коммерческую и сервисную деятельность через сеть аффилированных лиц (филиалов, дочерних компаний) на территории государств, отличных от страны базирования материнской компании.

Являясь ключевыми субъектами мировой экономики, ТНК выступают драйверами глобализации и интернационализации капитала. Вместе с тем их операционная деятельность сопряжена со значительными правовыми вызовами. В контексте функционирования на территории Российской Федерации доступ иностранных ТНК к национальному рынку детерминирован необходимостью имплементации норм российского законодательства и адаптации корпоративных практик. Ключевые сложности включают обеспечение комплаенса в сферах антимонопольного регулирования, валютного контроля, налогового администрирования и защиты данных. Кроме того, критическое значение приобретает эффективное управление внутригрупповыми отношениями и разрешение корпоративных конфликтов в рамках российской правовой среды, что требует построения сложных холдинговых структур и применения механизмов трансграничного корпоративного управления[1].

Ключевой задачей для транснациональных корпораций (ТНК), осуществляющих хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации, является обеспечение полного соответствия своей операционной модели требованиям национального правопорядка. Данная задача охватывает имплементацию норм антимонопольного, трудового, налогового законодательства, а также стандартов финансовой отчётности.

В качестве критического вектора комплаенс-контроля выступает соблюдение антимонопольного регулирования. Деятельность ТНК находится под пристальным вниманием Федеральной антимонопольной службы, которая осуществляет надзор с целью превенции злоупотреблений доминирующим положением, заключения антиконкурентных соглашений и координации экономической деятельности.

Таким образом, управление правовыми рисками в данной сфере требует от корпорации внедрения превентивных механизмов внутреннего контроля для недопущения нарушений, способных повлечь за собой применение мер административной ответственности и взыскание оборотных штрафов[2].

Кроме того, ТНК, действующие в России, должны учитывать специфику корпоративного права страны. Это включает в себя понимание структуры управления юридическими лицами, вопросов местной регистрации филиалов и представительств, а также процедур получения корпоративных лицензий и разрешений[1].

[1] Фароян, Э. М. Транснациональные корпорации как акторы международных отношений / Э. М. Фароян // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал : Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума, Ялта, 24–27 апреля 2023 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной, науч. ред. Е.А. Сенюшкин. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 361-365.

[2] Зокоев, В. А. О некоторых особенностях взаимодействия норм международного права и российских национальных норм при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне / В. А. Зокоев, К. М. Иванов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 4. – С. 95-100. – EDN VDGCGB.

Одним из ключевых правовых аспектов, которые необходимо учитывать транснациональным корпорациям, является регулирование иностранных инвестиций. В условиях глобального экономического взаимодействия российское правительство создало определенные барьеры для защиты внутренних интересов, такие как ограничения на владение стратегически важными отраслями и контроль за валютными операциями. Соответствие этим регламентам требует от компаний тщательной стратегической подготовки и применения значительных ресурсов.

Помимо этого, важнейшим аспектом является соблюдение законодательства о защите персональных данных, особенно в связи с ужесточением требований, предъявляемых к иностранным компаниям в России. Закон "О персональных данных" накладывает строгие обязательства по обработке, хранению и передаче данных, которые должны неукоснительно соблюдаться, чтобы избежать существенных штрафов и репутационных потерь[2].

Разберем судебную практику по данному вопросу, одним из примеров разбирательства может послужить дело между ООО «В Контакте» и ООО «Дабл», в котором последнее было привлечено к ответственности за скрапинг (процесс автоматизированного извлечения данных с веб-сайтов).

Между обществом с ограниченной ответственностью «Дабл» (ООО «Дабл») и акционерным обществом «Национальное бюро кредитных историй» (АО «НБКИ») был заключён гражданско-правовой договор. Согласно его условиям, ООО «Дабл», используя специализированное программное обеспечение (веб-скрейпер/бот), осуществляло автоматизированный сбор и агрегацию данных о кредитоспособности пользователей из открытых источников, включая социальную платформу «ВКонтакте», с последующей передачей указанных информационных массивов АО «НБКИ». Деятельность по профилированию субъектов на основе неформализованных данных носила систематический характер до момента обращения одного из пользователей в правоохранительные органы по факту несанкционированного сбора информации с его персональной страницы. В ходе доследственной проверки было установлено, что ООО «Дабл» является разработчиком программного обеспечения, предназначенного для автоматизированного извлечения пользовательских данных с веб-ресурса, администрируемого обществом с ограниченной ответственностью «В Контакте» (ООО «В Контакте»). Указанные действия могут быть квалифицированы как неправомерный доступ к компьютерной информации и нарушение законодательства о персональных данных.

ООО «В контакте» (Истец) обратился с иском в суд о признании действий ООО «Дабл» неправомерными и выдвинул ряд требований:

1. Перестать собирать информацию;

2. Удалить накопленную информацию со всех источников;

3. Взыскать 1 руб. компенсации.

В обосновании своих требований истец указывал на нарушения исключительных прав конфиденциальности баз данных, изготовителем и правообладателем которых является. По мнению ООО «В Контакте», ответчик регулярно извлекал данные с баз данных в коммерческих целях без разрешения со стороны истца.

В первой инстанции, руководствуясь ст. 1333 ГК РФ, суд полностью отказал в удовлетворении иска, посчитав недоказанным факт создания ООО «В Контакте» баз данных, а соответственно отсутствия у истца исключительных прав на эти базы. Данное дело дошло до кассационной инстанции, в которой решения первой и апелляционной инстанций были отменены, и дело было отправлено на новое рассмотрение. При новом рассмотрении суд первой инстанции снова вынес вердикт не в пользу истца, но в повторном обращении в апелляционную инстанцию решение было уже в пользу ООО «В контакте».

Исключительные права истца на базы данных были доказаны, признаны объектом смежного права. Факт сбора информации признавался самим ответчиком в его письмах и доводах, однако был признан неправомерным из-за его коммерческой цели (предоставление информации АО «НБКИ») согласно п. 3 ст. 1335.1 ГК РФ.

Доводы ООО «Дабл» о том, что он имеет техническую возможность осуществлять сбор только общедоступной, открытой информации, был отклонен судом ввиду того, что сбор информации осуществлялся им, в том числе в рамках социальной сети, однако истец не давал согласия на сбор данной информации. Истец гарантировал пользователям защиту информации о них от посторонних лиц, не являющихся пользователями социальной сети, независимо от того, является ли информация открытой или приватной. Ответчик не является пользователем социальной сети «ВКонтакте», на что он сам неоднократно указывал при рассмотрении дела, следовательно, возможность получения информации, содержащейся внутри социальной сети, не была санкционирована истцом. Судом установлено, что ответчик не лишен возможности получать такую же информацию из других источников, если обладатели этой информации не владеют исключительными правами на нее и не заявляют возражений.

Как видно, мнение судов в отношении данного дела различно. Обращаясь к международной практике, можно заметить схожую неоднородность судебных решений по вопросу скрапинга и парсинга (процесс анализа и обработки данных, с целью извлечения полезной информации). Например, в деле Facebook v. PowerVentures, последний собирал информацию с социальных сетей и унифицировал ее на собственном сайте. В ходе судебного разбирательства решение было вынесено в пользу Facebook, так как суд посчитал, что ответчик занимается копированием существующих страниц в социальных сетях и созданием на основе неё новой платформы. Кроме того, ответчик каким-то образом смог обойти технические средства защиты информации истца.

[1] Стасенков, П. А. Проблемы правового регулирования транснациональных корпораций на территории РФ в свете последних изменений Конституции Российской Федерации / П. А. Стасенков // Актуальные проблемы функционирования и развития государства и права на современном этапе : Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Оренбург, 19–20 ноября 2020 года / Под редакцией И.А. Ворониной. – Оренбург: ОГУ, 2021. – С. 85-89.

[2] Маруев, А. Ю. Транснациональные корпорации в современной системе международных отношений / А. Ю. Маруев, А. А. Евсюков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 2. – С. 93-102.

Ключевой проблемой международно-правового регулирования деятельности транснациональных корпораций (ТНК) является фрагментарность нормативной базы. Отсутствие единого кодифицирующего международного акта приводит к правовым коллизиям и создаёт пробелы в юрисдикции. Несмотря на многолетнюю научную дискуссию о необходимости разработки и принятия всеобъемлющей конвенции, закрепляющей права, обязанности и ответственность ТНК, практических шагов по созданию подобного универсального инструмента до настоящего времени предпринято не было[1].

В то же время эффективность хозяйственной деятельности ТНК на территории Российской Федерации детерминирована не только экономическими факторами, но и качеством институционального взаимодействия. Фактором успеха выступает выстраивание конструктивного диалога с органами государственной власти. Эффективная двусторонняя коммуникация способствует ускорению административных процедур, своевременному принятию решений по стратегическим инвестиционным проектам и формированию благоприятного делового климата, что минимизирует регуляторные риски.

Взаимодействие с органами государственной власти в России требует от транснациональных корпораций разработанной стратегии и понимания местных политических и культурных особенностей[2]. Одним из ключевых аспектов этого процесса является честность и прозрачность, которые способствуют доверию и взаимопониманию. Компании, которые проактивно подходят к построению таких отношений, могут рассчитывать на более благоприятные условия для своих операций и поддержки со стороны властей в случае возникновения сложностей.

Кроме того, существенную роль в успешном взаимодействии играет готовность транснациональных корпораций учитывать и уважать национальные интересы и приоритеты. Это может включать в себя локализацию производства, создание рабочих мест, внедрение технологий, которые соответствуют российским экологическим стандартам, и участие в социальных инициативах. Компании, демонстрирующие такую вовлеченность, зачастую получают поддержку и понимание со стороны государственных структур[3].

Локальные партнерства также оказываются важным элементом в формировании эффективного диалога с госструктурами. Благодаря сотрудничеству с российскими компаниями и организациями, транснациональные корпорации могут лучше ориентироваться в местных реалиях и законодательстве, что значительно упрощает и ускоряет процесс принятия важных бизнес-решений. Создание таких альянсов способствует укреплению позиций компаний на российском рынке и значительно снижает риски, связанные с возможными законодательными изменениями и административными барьерами.

В условиях глобализации ТНК играют ключевую роль в определении экономических трендов, технологического развития и межкультурного обмена. Однако на фоне усиливающегося геополитического напряжения и новых экономических санкций, вводимых против России, правовая среда, в которой действуют эти корпорации, претерпевает значительные изменения.

В период 2023–2024 гг. наблюдается тенденция к ужесточению государственного контроля за иностранными капиталовложениями на территории Российской Федерации. Данная мера реализуется в рамках политики по обеспечению экономической безопасности и защите стратегических отраслей народного хозяйства от недружественного влияния. Инструментарий регуляторных изменений включает введение дополнительных ограничительных мер и обременений для инвесторов из «недружественных» юрисдикций. К числу таких требований относятся: усиление инспекционного надзора, установление квот на участие иностранного капитала, обязательное назначение граждан РФ на ключевые руководящие посты (TOP-менеджмент) и предписания по локализации производственных активов на территории страны.

Налоговая среда для деятельности транснациональных корпораций (ТНК) характеризуется возрастающей сложностью и детализированностью нормативно-правовых актов. Вектор государственной фискальной политики направлен на повышение налоговой дисциплины субъектов хозяйствования. Это выражается в интенсификации налогового администрирования, включая увеличение частоты выездных и камеральных налоговых проверок, а также в росте финансовых рисков вследствие повышения штрафных санкций за налоговые правонарушения. Указанные факторы детерминируют необходимость для ТНК адаптации своих бизнес-моделей, что требует усиления внутреннего финансового контроля, привлечения квалифицированного правового сопровождения и пересмотра долгосрочных инвестиционных стратегий на российском рынке.

Кроме того, стоит отметить изменения в трудовом законодательстве, касающиеся деятельности ТНК. В условиях глобальной борьбы за таланты и динамичного развития рынков труда особое внимание уделяется соблюдению прав работников в рамках российских стандартов. Это означает необходимость адаптации корпораций к требованиям российского трудового законодательства, включая соблюдение норм о минимальной заработной плате, предельной рабочей нагрузке и предоставлении социальных гарантий.

Не менее важной становится экологическая ответственность ТНК, на которую обратили внимание российские законодатели, принимая более строгие требования в сфере охраны окружающей среды. Введение новых регламентов требует от корпораций реализации "зеленых" инициатив и устойчивых практик ведения бизнеса, что отражается в увеличении вложений в соответствующие технологии и программы.

Таким образом, правовая среда функционирования транснациональных корпораций на территории Российской Федерации характеризуется тенденцией к ужесточению регуляторного контроля и усилению надзора. В этих условиях ключевым фактором успешной деятельности становится способность корпорации к адаптации и проявлению гибкости при навигации в специфическом российском правовом ландшафте.

---

[1] Правовые аспекты деятельности транснациональных корпораций на территории Российской Федерации / В. А. Зокоев, А. В. Пьянусов, У. А. Авдеева, Д. А. Плевако // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 121-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_1_121. – EDN ERBVIA.

[2] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

[3] Проскурин, Е. В. Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций на территории России / Е. В. Проскурин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 7. – С. 103-106.

Стратегическая проактивность, выраженная в предварительной правовой оценке рисков и обеспечении полного соответствия нормативным требованиям, выступает неоспоримым условием для обеспечения устойчивого роста и консолидации рыночных позиций. Следовательно, сложность правового регулирования является преодолимым вызовом.

Компании, интегрирующие в свою бизнес-модель принципы высокой юридической ответственности и выстраивающие устойчивые деловые отношения с локальными стейкхолдерами, получают значимые конкурентные преимущества и формируют основу для долгосрочного присутствия на рынке.

Список литературы

1. Фароян, Э. М. Транснациональные корпорации как акторы международных отношений / Э. М. Фароян // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал : Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума, Ялта, 24–27 апреля 2023 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной, науч. ред. Е.А. Сенюшкин. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 361-365.

2. Зокоев, В. А. О некоторых особенностях взаимодействия норм международного права и российских национальных норм при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне / В. А. Зокоев, К. М. Иванов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 4. – С. 95-100. – EDN VDGCGB.

3. Стасенков, П. А. Проблемы правового регулирования транснациональных корпораций на территории РФ в свете последних изменений Конституции Российской Федерации / П. А. Стасенков // Актуальные проблемы функционирования и развития государства и права на современном этапе : Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Оренбург, 19–20 ноября 2020 года / Под редакцией И.А. Ворониной. – Оренбург: ОГУ, 2021. – С. 85-89.

4. Маруев, А. Ю. Транснациональные корпорации в современной системе международных отношений / А. Ю. Маруев, А. А. Евсюков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 2. – С. 93-102.

5. Правовые аспекты деятельности транснациональных корпораций на территории Российской Федерации / В. А. Зокоев, А. В. Пьянусов, У. А. Авдеева, Д. А. Плевако // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 121-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_1_121. – EDN ERBVIA.

6. Проскурин, Е. В. Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций на территории России / Е. В. Проскурин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 7. – С. 103-106.

7. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

References

1. Faroyan, E. N. M. N. Transnational corporations as actors of international relations / E. N. M. N. Faroyan / / Political space and social time: the axiology of power and the social ideal : A collection of scientific papers of the XLI International Philosophical Forum, Yalta, April 24-27, 2023 / under the general editorship of the so-called A. N. Senyushkina, scientific editorship of the so-called E.A.N. Senyushkin. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2023. pp. 361-365.

2. Zokoev, V. N. A. N. On some features of the interaction of the norms of international law and Russian national norms in the elimination of the consequences of emergency situations in the Arctic zone / V. N. A. N. Zokoev, K. N. M. N. Ivanov / / Legal policy and legal life. – 2015. – No. 4. -pp. 95-100. – EDN VDGCGB.

3. Stasenkov, P. N. A. N. Problems of legal regulation of transnational corporations in the territory of the Russian Federation in the light of recent amendments to the Constitution of the Russian Federation / P. N. A. N. Stasenkov / / Actual problems of functioning and development of the state and law at the present stage : Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Orenburg, November 19-20, 2020 / edited by I. N.A. N. Voronina. Orenburg: OSU, 2021, pp. 85-89.

4. Maruyev, A. N. Yu. n. Transnational corporations in the modern system of international relations / A. N. Yu. n. Maruyev, A. N. A. N. Evsyukov / / Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. – 2018. – No. 2. - pp. 93-102.

5. Legal aspects of the activities of multinational corporations in the territory of the Russian Federation / V. N. A. N. Zokoev, A. N. V. N. Pyanusov, U. N. A. N. Avdeeva, Dr. A. N. Plevako / / Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 1. - S. N. 121-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_1_121. – EDN ERBVIA.

6. Proskurin, E. N. V. N. Problems of legal regulation of the activities of transnational corporations in Russia / E. N. V. N. Proskurin / / Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2011. – No. 7. - S. N. 103-106.

7. Kainov, V. N. Prize winner named after Constitutional law: Textbook / V. N. Prizewinner. Kainov, I. N. According to S. N. Nazarov, V. N. M. N. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 284 p. ISBN 978-5-605-57024-0. EDN JAWRNO.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_109

ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ
FEATURES OF FEDERAL, REGIONAL, AND MUNICIPAL LEGISLATION THAT DETERMINES THE PROCEDURE FOR CREATING FOREST PLANTS AS PART OF PUBLIC ENVIRONMENTAL INITIATIVES

ЕВГРАФОВА Анна Георгиевна,
аспирант ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105005, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15 стр. 3.
E-mail: enzowa@mail.ru;
EVGRAFOVA Anna Georgievna,
Postgraduate Student of the State University for Land Management.
15 Kazakova str., building 3, Moscow, 105005, Russia.
E-mail: enzowa@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию особенностей федерального, регионального и муниципального законодательства, регулирующего процессы создания лесных насаждений в рамках общественных экологических инициатив. Автор рассматривает динамику восстановления лесов в России, отмечая рост показателей лесовосстановления с 2021 года, однако подчеркивает недостаток правовой базы, регулирующей участие общественности в этих процессах. Анализируя Лесной кодекс РФ и региональные нормативные акты, делается вывод о необходимости разработки специальных правовых механизмов, позволяющих эффективно привлекать волонтеров и общественные организации к восстановлению зеленых насаждений. Особое внимание уделяется вопросам агролесомелиорации и создания защитных лесных полос, где существующие процедуры являются чрезмерно бюрократизированными и требуют упрощения. Предлагается разработка упрощенного порядка проектирования и согласования работ, а также исключение излишне жестких требований к посадочным материалам. В статье обосновывается необходимость комплексного подхода к решению проблем деградации почв и эрозии путем активизации общественного участия и адаптации законодательства к современным реалиям.*

Abstract: *The article is devoted to the study of the specifics of federal, regional and municipal legislation regulating the processes of creating forest plantations within the framework of public environmental initiatives. The author examines the dynamics of forest restoration in Russia, noting an increase in reforestation rates since 2021, but highlights the lack of a legal framework governing public participation in these processes. Analyzing the Forest Code of the Russian Federation and regional regulations, it is concluded that it is necessary to develop special legal mechanisms that effectively involve volunteers and public organizations in the restoration of green spaces. Particular attention is paid to agroforestry and the creation of protective forest belts, where existing procedures are overly bureaucratic and require simplification. It is proposed to develop a simplified procedure for designing and approving works, as well as eliminating unnecessarily stringent requirements for planting materials. The article substantiates the need for an integrated approach to solving the problems of soil degradation and erosion by enhancing public participation and adapting legislation to modern realities.*

Ключевые слова*: лесовосстановление, общественное участие, агролесомелиорация, защитное лесоразведение, экологические инициативы, региональное законодательство.*

Keywords*: reforestation, public participation, agroforestry, protective afforestation, environmental initiatives, regional legislation.*

Для цитирования: *Евграфова А.Г. Особенности федерального, регионального и муниципального законодательства, определяющего порядок создания лесных насаждений в рамках общественных экологических инициатив // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 109-112. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_109.*

For citation*: Evgrafova A.G. Features of federal, regional, and municipal legislation that determines the procedure for creating forest plants as part of public environmental initiatives // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 109-112. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_109.*

Статья поступила в редакцию: 01.05.2026

В России актуален вопрос увеличения площади земель, покрытых лесными насаждениями. И это касается не только земель лесного фонда, но и других категорий земельных участков, например, земель сельскохозяйственного назначения, промышленности – для создания защитных полос. Форма собственности таких земельных участков может быть как частной, так и государственной. Тем не менее задача одна – борьба с деградацией почв, улучшение и сохранение благоприятной окружающей среды.

Согласно данным государственной статистики ЕМИСС, с 2021 года площадь лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений (GA) увеличивается (таблица 1). Это выделил 29 февраля 2024 года также Президент РФ Владимир Путин, выступая перед Федеральным Собранием Российской Федерации: «Очень важный рубеж: начиная с 2021 года, в России восстанавливается лесов больше, чем вырубается» [1]. Глава государства подчеркнул важность поддержки гражданских инициатив в сфере экологии и выделил вклад волонтеров в деятельность по лесовосстановлению: «Я хочу поблагодарить за этот результат волонтеров, школьников, студентов, всех граждан, которые высаживали деревья, и, конечно, представителей бизнеса за поддержку таких проектов. Мы обязательно продолжим восстановление лесов, парков, садов, в том числе вокруг агломераций, промышленных центров».

Таблица 1. Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений (GA)

		2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	процент	73	80,7	94,3	110,7309	119,24	135,1593	157,91

Государственная статистика учитывает только данные лесовосстановления на землях лесного фонда – нет сведений по приживаемости созданных лесных культур. Также существенный пробел – не учитывается площадь созданных и вырубленных (погибших) зеленых насажде-

ний на землях иных категорий: земли населенных пунктов, земли сельскохозяйственного назначения и пр.

Между тем, создание защитных зеленых насаждений требуется в качестве меры борьбы с эрозией почвы, ветродуями, выбросами промышленных предприятий и автотранспорта, для защиты от шума и других неблагоприятных факторов.

Для всего этого необходимо привлечение общественности: для выполнения значительного объема работ в сжатые сроки и в рамках мероприятий по экологическому просвещению, воспитанию любви к природе, родной земле и бережного природопользования.

Между тем, ни на уровне федерального, ни на уровне регионального законодательства роль общественности в создании зеленых насаждений не определена. Исключение составляют нормативные правовые акты местного значения, регламентирующие вопросы озеленения и благоустройства конкретных населенных пунктов в муниципальных образованиях. Но и в таких нормативных актах есть возможности для конкретизации и расширения роли населения в озеленении населенных пунктов.

Начнем анализ с федерального законодательства. Учитывая, что основные работы по созданию лесных насаждений ведутся на землях лесного фонда, возьмем базис – Лесной кодекс Российской Федерации [2].

Согласно пункту 3 статьи 61 Лесного кодекса РФ, воспроизводство лесов выполняется органами государственной власти, органами местного самоуправления в пределах их полномочий и лицами, на которых Лесным кодексом РФ возложена обязанность по лесовосстановлению.

Согласно пункту 5 статьи 62 Лесного кодекса Российской Федерации, лесовосстановление проводится лицами, осуществляющими рубки лесных насаждений, в том числе при использовании лесов для геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых, изыскательской деятельности, строительства, реконструкции и эксплуатации гидротехнических сооружений, в том числе образующих водохранилища и иные искусственные водные объекты, размещения водохранилищ и иных искусственных водных объектов, создания и расширения территорий морских и речных портов, строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов, создания и эксплуатации объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры.

Исключение составляют рубки лесных насаждений при заготовке древесины для обеспечения государственных нужд или муниципальных нужд, субъектами малого и среднего предпринимательства, на основании договоров купли-продажи лесных насаждений, а также заготовка гражданами древесины для собственных нужд, заготовка елей и (или) деревьев других хвойных пород для новогодних праздников гражданами, юридическими лицами на основании договоров купли-продажи лесных насаждений без предоставления лесных участков.

Как мы видим, возможность привлечения волонтеров и широкой общественности к деятельности по лесовосстановлению не предусмотрена. Исключение составляют особо охраняемые территории федерального значения, ведомственные Минприроды России. Их перечень утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 года № 2055-р от 31 декабря 2008 [3]. На этих территориях, в том числе территории национального парка «Чаваш вармане», привлечение волонтеров для создания лесных насаждений осуществляется в соответствии с распоряжением Минприроды России от 5 февраля 2020 года № 5-р «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению добровольческой (волонтерской) деятельности на особо охраняемых природных территориях федерального значения, находящихся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» [4].

Учитывая, что работы по лесовосстановлению на землях лесного фонда проводят государственные и муниципальные предприятия, то для них можно подготовить на федеральном уровне аналогичные рекомендации. Это позволит направить в правовое русло деятельность волонтерских и общественных организаций при посадке деревьев.

Федеральным закон от 27 декабря 2019 года №477-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мелиорации земель» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования проведения агролесомелиорации» [5] введено понятие «мелиоративные защитные лесные насаждения». Это лесные насаждения естественного происхождения или искусственно созданные на землях сельскохозяйственного назначения или на землях, предназначенных для осуществления производства сельскохозяйственной продукции, в целях предотвращения деградации почв на пастбищах, эрозии почв и защиты от воздействия неблагоприятных явлений природного, антропогенного и техногенного происхождения посредством использования климаторегулирующих, почвозащитных, противоэрозионных, водорегулирующих и иных полезных функций лесных насаждений в целях сохранения и повышения плодородия земель.

В развитие этого закона разработан приказ Минсельхоза России от 27 октября 2023 года № 820 «Об утверждении Порядка осуществления учета агролесомелиоративных насаждений, состава, формы и порядка предоставления сведений, подлежащих такому учету» [6] и приказ Минсельхоза России от 26 апреля 2024 года № 225 «Об утверждении Правил содержания и сохранения агролесомелиоративных насаждений и (или) агрофитомелиоративных насаждений» [7].

Воспроизводство агролесомелиоративных насаждений должно осуществляться согласно правилам лесовосстановления (приказ Минприроды России от 29 декабря 2021 года № 1024 «Об утверждении Правил лесовосстановления, формы, состава, порядка согласования проекта лесовосстановления, оснований для отказа в его согласовании, а также требований к формату в электронной форме проекта лесовосстановления» [8]) в соответствии со статьями 15, 62, 89.1 Лесного кодекса Российской Федерации, то есть с учетом лесорастительного районирования, естественным, искусственным или комбинированным способом, на основании проекта лесовосстановления.

Анализ нормативных документов показал, что в субъектах РФ не приняты региональные нормы, регулирующие создание агролесомелиоративных насаждений на ведомственных территориях – субъекты ориентируются на федеральное законодательство.

По данным «Россельхозземмониторинга», в 2023 году общая площадь мелиоративных защитных лесных насаждений (МЗЛН) в России составила 1 567,864 тыс. га [9]. По результатам обследований состояния МЗЛН на землях сельскохозяйственного назначения, площадь, находя-

щаяся в удовлетворительном состоянии, составила 1 173,200 тыс. га, в неудовлетворительном — 236,352 тыс. га.

В то же время анализ практикоприменения норм в области воспроизводства мелиоративных защитных лесных насаждений показывает, что собственники земель не спешат заниматься данным вопросом [10]. Процедуры проектирования защитных лесополос и противоэрозионных лесов, согласования проектов, приемки работ, учета, контроля, дальнейшего ухода и содержания занимают слишком много времени, сил и финансовых средств, а при несоблюдении норм грозят правообладателям земельных участков штрафными санкциями. Стимул заниматься этим вопросом у землепользователей пропадает.

Более того, овраги и балки, прибрежные территории часто не имеют собственников – они включены в границы муниципалитетов или являются государственной, федеральной собственностью в зависимости от местонахождения. Потому вопрос о том, чьими силами нужно создавать на таких территориях защитные лесные насаждения, остается открытым. Этот пробел нужно отрегулировать на законодательном уровне, особенно в свете поручения Председателя Правительства России М. Мишустина о разработке к осени 2026 года программы по созданию государственных защитных полос [11].

Согласно Земельному кодексу РФ [12], отсутствие государственной регистрации права собственности на земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, не является препятствием для распоряжения ими. Следовательно, балки и овраги, другие участки можно использовать для создания агролесомелиоративных насаждений.

Для распоряжения ими и выделения средств для борьбы с деградацией почв требуются региональные и муниципальные нормативные правовые акты и программы, так как даже на уровне муниципалитетов вопрос вовлечения общественности в озеленение рассматривается лишь в контексте благоустройства территорий и в большинстве случаев не затрагивает территории, подверженные деградации почв. Создание агролесомелиоративных насаждений и озеленение с целью благоустройства решают разные задачи.

На территории России сосредоточено примерно 15 млн. оврагов. Ими поражено 7 млн. га сельскохозяйственных земель, а прирост протяженности овражной сети превышает 20 тыс. км/год [13]. Это значит, что решение вопроса борьбы с оврагами посредством создания агролесомелиоративных насаждений возможно только при привлечении общественности, потому что масштаб работ – весьма объемный. В то же время земли деградируют в результате воздействия других факторов, как упоминалось в начале статьи. В настоящий момент регионам и муниципалитетам при создании агролесомелиоративных насаждений по оврагам и балкам (потому что земли сельскохозяйственного назначения в основном разграничены и у них есть собственники), стоит брать за основу опыт реализации Всероссийского эколого-просветительского проекта «Семейный лес» [14], реализуемого под эгидой Чувашского республиканского и Луганского регионального отделений Русского географического общества, а также Агентства территориального развития с 2022 года.

Для высадки противоэрозионных лесных насаждений на берегах рек Кунер и Шатьма в Мариинско-Посадском и Красноармейском муниципальных округах Чувашской Республики на общей площади примерно 10 га весной и осенью 2024-2025 гг. организаторы акции действовали в упрощенном порядке:

- Согласование проведения работ по посадке сеянцев и саженцев лесных культур на определенном участке с администрацией муниципального округа.
- Привлечение лесничества для выделения посадочного материала, а также проведения мастер-класса по посадке, разъяснения участникам техники посадки.
- Привлечение необходимой техники, инвентаря и других необходимых ресурсов.
- Информирование населения о проведении акции.
- Проведение мероприятия с учетом мер безопасности.

При формальном подходе такая работа была бы невозможна, так как уже на первом этапе встал бы вопрос о наличии согласованного и утвержденного уполномоченными органами власти проекта лесоразведения.

Создание лесополос и противоэрозионных насаждений осуществляется согласно правилам лесовосстановления. Следовательно, работы включают следующее:

- Планирование – определение местоположения и ежегодный учет площадей земель, на которых высажены защитные полосы;
- Обследование участков земель;
- Проектирование работ;
- Выполнение работ;
- Приемка выполненных работ;
- Инвентаризация мероприятий по искусственному и комбинированному лесовосстановлению.

В проекте нужно указать характеристику местоположения участка, лесорастительных условий (рельеф (уклон), гидрологические условия (увлажнение), почва), имеющихся подроста и молодняка лесных древесных пород (состав пород, средний возраст, средняя высота и количество деревьев и кустарников на единице площади, размещение их по площади лесного участка (равномерное, неравномерное, групповое), состояние лесных насаждений и их оценку), проектируемый способ лесовосстановления (естественное, искусственное, комбинированное), сроки и технологии (методы) выполнения работ, требования к используемому посадочному (посевному) материалу (порода, вид посадочного материала, возраст, высота, диаметр корневой шейки.

Потребуется также внести сведения об объеме работ и их исполнителе.

Если подходить формально, то в настоящий момент невозможно проводить мероприятия по посадке защитных лесонасаждений с привлечением общественности. Население можно привлекать только для работ по озеленению в рамках благоустройства территории муниципалитета, если это предусмотрено в правилах озеленения и благоустройства населенных пунктов.

Чтобы поменять ситуацию, нужно существенно упростить правила для создания защитных полос в первую очередь на землях, собственность на которые не разграничена и де-юре такие земли находятся в ведении муниципалитета или региона.

Процедуры проектирования защитных лесополос и противоэрозионных лесов, согласования проектов, приемки работ, учета и контроля предлагается оставить только для случаев, когда собственник планирует проводить такие работы с привлечением государственной поддержки. При этом нужен гораздо более упрощенный порядок проектирования и согласования, чем при лесовосстановлении. Это касается и требований к посадочному материалу, потому что на таких участках можно сажать, например, 4-5-летние дубы, которые не подходят для лесовосстановления, но имеются в наличии в лесном питомнике. Их передача для создания агролесомелиоративных насаждений можно было бы расценивать как пример рационального отношения к ресурсам. Требования по содержанию и сохранению лесополос предлагается применять только для насаждений, созданных в советское время и до ликвидации сельских лесхозов (т.е. до принятия Лесного Кодекса 2006 года), а также для новых защитных насаждений, созданных за бюджетные деньги.

Нужно исключить отсылки к лесному законодательству, а разработать упрощенный порядок именно для защитных насаждений на сельхозземлях и землях иных категорий, где для выполнения работ можно будет привлечь общественность.

Принятые меры на законодательном уровне, широкая информационная кампания позволят создать базис для реализации будущей национальной программы по созданию государственных защитных лесополос.

Список литературы:

1. Президент России: офиц. сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/5 (дата обращения: 01.03.2026).
2. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ: в ред. от 29.12.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 г. № 2055-р «Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий федерального значения, находящихся в ведении Минприроды России» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128658/ (дата обращения: 01.03.2026).
4. Распоряжение Минприроды России от 5 февраля 2020 г. № 5-р «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению добровольческой (волонтерской) деятельности на особо охраняемых природных территориях федерального значения, находящихся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351689/ (дата обращения: 01.03.2026).
5. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. №477-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мелиорации земель» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования проведения агролесомелиорации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341778/ (дата обращения: 01.03.2026).
6. Приказ Минсельхоза России от 27 октября 2023 г. № 820 «Об утверждении Порядка осуществления учета агролесомелиоративных насаждений, состава, формы и порядка предоставления сведений, подлежащих такому учету» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463401/ (дата обращения: 01.03.2026).
7. Приказ Минсельхоза России от 26 апреля 2024 г. № 225 «Об утверждении Правил содержания и сохранения агролесомелиоративных насаждений и (или) агрофитомелиоративных насаждений» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477206/ (дата обращения: 01.03.2026).
8. Приказ Минприроды России от 29 декабря 2021 г. № 1024 «Об утверждении Правил лесовосстановления, формы, состава, порядка согласования проекта лесовосстановления, оснований для отказа в его согласовании, а также требований к формату в электронной форме проекта лесовосстановления» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409248/ (дата обращения: 01.03.2026).
9. Россельхозземмониторинг: офиц. сайт. — URL: https://rshzm.ru/tpost/vmds3hz5z1-ploschadi-meliorativnih-zaschitnih-lesni (дата обращения: 01.03.2026).
10. Нечаев, Д. Ю. О совершенствовании административно-правового регулирования использования, охраны, защиты и воспроизводства защитных лесополос Российской Федерации / Д. Ю. Нечаев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 4(62). – С. 109-113. – EDN BWDGIV.
11. Правительство России: офиц. сайт. — URL: http://government.ru/docs/57479/ (дата обращения: 01.03.2026).
12. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: в ред. от 30.01.2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Экологический энциклопедический словарь / научный редакционный совет: В. И. Данилов-Данильян, Ю. М. Арский, Р. И. Вяхирев [и др.]. - Москва: Ноосфера, 1999. - 932 с.: ил. - Словник-указ.: с. 810-840. - Англо-рус. словарь терм.: с. 841-930. - ISBN 5-8126-0003-1.
14. Евграфова, А. Г. Проект «Семейный лес» как инструмент реализации государственной политики в области народосбережения и экологического благополучия / А. Г. Евграфова // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 4(69). – С. 186-190. – DOI 10.52068/2304-9839_2024_69_4_186. – EDN MMBDLQ.

References:

1. The President of Russia: official website. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/5 (date of reference: 03/01/2026).
2. Forest Code of the Russian Federation: Federal Law No. 200-FZ of December 4, 2006: as amended. dated December 29, 2025. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 31, 2008 No. 2055-r "On Approval of the List of Specially Protected Natural Territories of Federal Significance under the Jurisdiction of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128658 / (date of access: 03/01/2026).
4. Order No. 5-r of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated February 5, 2020 "On Approval of Methodological Recommendations for conducting voluntary (volunteer) activities in Specially Protected Natural Territories of Federal Significance under the jurisdiction of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351689 / (date of access: 03/01/2026).
5. Federal Law No. 477-FZ of December 27, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On Land Reclamation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Improving the Legal Regulation of Agroforestry" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341778 / (date of access: 03/01/2026).
6. Order No. 820 of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated October 27, 2023 "On Approval of the Procedure for Accounting for agroforestry plantations, the composition, form and procedure for providing information subject to such accounting" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463401 / (date of access: 03/01/2026).
7. Order No. 225 of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated April 26, 2024 "On Approval of the Rules for the Maintenance and Conservation of agroforestry and (or) agrophytomeliorative plantations" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477206 / (date of access: 03/01/2026).
8. Order No. 1024 of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated December 29, 2021 "On approval of the Rules of reforestation, the form, composition, procedure for approving the reforestation project, the grounds for refusing its approval, as well as the requirements for the format in electronic form of the reforestation project" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409248 / (date of reference: 03/01/2026).
9. Rosselkhoznadzor Monitoring: official website. — URL: https://rshzm.ru/tpost/vmds3hz5z1-ploschadi-meliorativnih-zaschitnih-lesni (date of request: 03/01/2026).
10. Nechaev, D. Y. On improving the administrative and legal regulation of the use, protection, protection and reproduction of protective forest belts of the Russian Federation / D. Y. Nechaev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 4(62). – Pp. 109-113. – EDN BWDGIV.
11. The Russian Government: official website. — URL: http://government.ru/docs/57479 / (date of reference: 03/01/2026).
12. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ of October 25, 2001: as amended. from 30.01.2026. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
13. Ecological encyclopedic dictionary / scientific editorial board: V. I. Danilov-Danilyan, Yu. M. Arsky, R. I. Vyakhirev [et al.]. - Moscow: Noosphere, 1999. - 932 p.: ill. - Dictionary of edicts.: pp. 810-840. - English-Rus. dictionary of terms: pp. 841-930. ISBN 5-8126-0003-1.
14. Evgrafova, A. G. The Family Forest project as a tool for implementing state policy in the field of conservation and environmental well-being / A. G. Evgrafova // The Eurasian Legal Profession. – 2024. – № 4(69). – Pp. 186-190. – DOI 10.52068/2304-9839_2024_69_4_186. – EDN MMBDLQ.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_113

УДК 349.6

ПРАВО ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
THE RIGHT OF CITIZENS TO A FAVORABLE ENVIRONMENT AS THE FUNDAMENTAL BASIS OF THE CLIMATE POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

КУКЕЕВ Аскар Кульчимбаевич,
Аспирант кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
644077, Россия, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А.
E-mail: askar_kukeyev@mail.ru;

KUKEEV Askar Kulchimbaevich,
Postgraduate student of the Department of State and Municipal Law
of Omsk State University named after F.M.Dostoevsky.
644077. 55-A Mira Avenue, Omsk.
E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

Краткая аннотация. *В данной статье рассматривается право граждан на благоприятную окружающую среду, которое служит основой для формирования и реализации климатической политики Республики Казахстан. В контексте этой темы изучаются конституционные положения, международно-правовые стандарты и национальное законодательство, закрепляющие экологические права граждан и определяющие обязанности государства по предотвращению изменения климата. Особое внимание уделяется взаимосвязи права на благоприятную окружающую среду с правом на жизнь, здоровье и устойчивое развитие. Автор приходит к выводу, что эффективность климатической политики напрямую зависит от того, насколько полно реализуется право на благоприятную окружающую среду. Таким образом, право граждан на благоприятную окружающую среду представляет собой основополагающий принцип государственной климатической политики, определяющий приоритеты устойчивого развития. Это, в свою очередь, требует дальнейшего совершенствования климатического законодательства, включая разработку и принятие специализированного закона о климате в Республике Казахстан.*

Abstract. *This article examines the right of citizens to a favorable environment, which serves as the basis for the formation and implementation of the climate policy of the Republic of Kazakhstan. In the context of this topic, constitutional provisions, international legal standards and national legislation are studied, which consolidate the environmental rights of citizens and define the duties of the state to prevent climate change. Special attention is paid to the interrelation of the right to a favorable environment with the right to life, health and sustainable development. The author comes to the conclusion that the effectiveness of climate policy directly depends on how fully the right to a favorable environment is realized. Thus, the right of citizens to a favorable environment is a fundamental principle of the state climate policy, which determines the priorities of sustainable development. This, in turn, requires further improvement of climate legislation, including the development and adoption of a specialized law on climate in the Republic of Kazakhstan.*

Ключевые слова: *право на благоприятную окружающую среду, климатическая политика, климатическое право, экологические права граждан,*

Keywords: *the right to a favorable environment, climate policy, climate law, environmental rights of citizens*.

Для цитирования: *Кукеев А.К. Право граждан на благоприятную окружающую среду как фундаментальная основа климатической политики Республики Казахстан // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 113-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_113.*

For citation*: Kukeev A.K. The right of citizens to a favorable environment as the fundamental basis of the climate policy of the Republic of Kazakhstan // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 113-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_113.*

Статья поступила в редакцию: 31.03.2026

Право человека на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду - это одно из его основных прав, которое имеет естественное происхождение. Поэтому оно нуждается в защите, в том числе путём официального закрепления в законодательстве. Экологические проблемы выходят за пределы отдельных государств, и их решение становится делом всего мирового сообщества. Однако стоит отметить, что право человека на безопасную окружающую среду не закреплено в таких важных документах, как Всеобщая декларация прав человека[1], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах[2].

В частности, Конституция Республики Казахстан[3], основываясь на гуманистических и правовых идеях признания человека высокой социальной ценностью (статья 15), предусмотрела роль государства, ставящей целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека (статья 37). Данная норма подчеркивает фундаментальность и неразрывную связь с другими конституционными гарантиями. Упоминание экологических прав в Основном законе государства свидетельствует о том, что они являются важнейшими и приоритетными для государства. В Конституции закреплены обязательства государства по обеспечению экологической безопасности и предотвращению климатических угроз. Эти обязанности включают разработку превентивных мер, создание эффективных регуляторных механизмов и реализацию долгосрочных стратегий устойчивого развития. Государство берёт на себя ответственность за соблюдение экологических стандартов, что особенно важно в условиях растущих климатических рисков. «Для решения указанной проблематики требуется укрепить легитимную государственную обязанность обеспечивать реализацию и охрану данного права для каждого человека через функционирование компетентных властных структур

[1] Международное уголовное право: Сб. нормативных правовых актов. – Караганда, 2010. – С.3-6
[2]Казахстанская правда. 25 ноября 2005 года N 321-322.
[3] Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года. [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 25.03.2026)

[1, с.103]». На примере Республики Казахстан это означает, что необходимо улучшить работу институциональных механизмов, которые отвечают за реализацию климатической политики и контроля за состоянием окружающей среды.

Кроме того, соответствующая норма закреплена в пункте 2 статьи 3 Экологического кодекса Республики Казахстан, где отмечено, что «задачами экологического законодательства является обеспечение благоприятной для жизни и здоровья человека окружающей среды»[1].

На основе указанного, можно утверждать, что между основными правами человека, в частности правом на жизнь и чистой окружающей средой и охраной окружающей природной среды, существует прочная связь, которую можно рассматривать с двух точек зрения:

во-первых, защита окружающей среды может выступать средством достижения цели соблюдения универсальных стандартов в области прав человека (например, права человека на жизнь, здоровье, чистая и безопасная окружающая среда);

во-вторых, юридическая защита прав человека может стать средством достижения целей защиты и сохранения окружающей среды (например, защита прав на получение экологической информации, право на участие в принятии решений в сфере экологии или право на возмещение вреда, причиненного вследствие загрязнения окружающей среды).

Впервые о климатических правах человека заговорили в 2005 году, когда представители коренных индейских народов - племена инуитов, обитающие в Северной Америке, - обратились в Межамериканский Суд по правам человека с требованием к правительству США выплатить компенсацию за неспособность сократить уровень парниковых газов, что привело к изменению климата в их родных краях. Повышение средних годовых температур в Арктике вызвало таяние вечной мерзлоты, что стало причиной разрушения жилищ коренных народов и исчезновения привычных видов диких животных, на которых они охотились. Хотя суд и отказал в удовлетворении иска, это дело привлекло значительное внимание общественности и стимулировало активные обсуждения проблемы климатических прав человека [2, с.379].

В юридическом понимании качество окружающей среды определяется установленными в правовом порядке нормативами (предельно допустимые концентрации вредных веществ в воде, атмосферном воздухе и почвах (ПДК), нормативы предельно допустимых уровней воздействия шума, вибрации, магнитных полей, уровней радиационного воздействия и т.п.). Соответствие состояния окружающей среды этим нормативам свидетельствует о безопасном, а несоответствие – о неблагоприятном (опасном) качестве для человека.

Соответственно, право человека на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду как предпосылку климатических прав человека – это фактически его право требовать соблюдения эколого-правовых нормативов. Они установлены во всех странах и на международном уровне.

Так, по мнению О. С. Колбасова: право на безопасную окружающую среду - это гарантированное государством право человека на защиту от негативного воздействия хозяйственной деятельности[3, с.76]. Бринчук М.М. утверждает, что: «окружающая среда является благоприятной, если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям, касающимся чистоты (незагрязненности), ресурсоемкости (неистощимости), экологической устойчивости, видового разнообразия, эстетического богатства, сохранения уникальных (достопримечательных) объектов природы, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска»[4]. С точки зрения Д.Л. Байдельдинова, Право на благоприятную окружающую среду - это закрепленное законодательством субъективное право граждан на такое состояние окружающей среды, которое обеспечивает нормальные условия жизни, сохранение здоровья и экологическую безопасность населения[5, с.45]. М.В. Светличная обращает внимание на сложность определения самого понятия «благоприятная окружающая среда», что создает дополнительные трудности при правоприменении [6]».

Итак, все цитируемые выше авторы настаивают на сложном, структурированном характере этого права человека, содержащего в своей структуре целую «гамму» возможностей правомерного поведения человека. Соглашаемся с выводом Л.С. Шошаевой и А.А. Нукушевой о том, что содержание данного права имеет тенденцию к развитию и расширению, поскольку на сегодняшний день в Казахстане наблюдается изменение национального законодательства и адаптация его в соответствие с международными стандартами [7].

Характерно, что указанный доктринальный подход относительно сложной структуры права на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду в определенной степени находит подтверждение и на уровне позитивного права. Так, согласно п.3 ст. 3 Лесного кодекса РК[2] принципами лесного законодательства Республики Казахстан являются: признание общегосударственного значения лесов, выполняющих климаторегулирующие функции.

В контексте права человека на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду можно значительно расширить логическую цепочку, включив в неё все аспекты окружающей среды, включая климат и его изменения. Они начинают играть самостоятельную роль в формировании безопасной среды, важной для человеческого благополучия. В рамках эколого-правового аспекта климат вполне справедливо рассматривают как целостную совокупность (систему) природных условий и процессов [11,с.18], а изменения климата – в едином эколого-правовом контексте с изменениями в подсистемах окружающей среды (Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года г.[3] В то же время Рамочная конвенция ООН об изменении климата закономерно рассматривается учеными как одна из ключевых составляющих обеспечения права на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду в целом [8, с.99].

Таким образом, вышеупомянутые особенности доктрины, права и законодательства определяют, что право на безопасную для жизни и здоровья человека окружающую среду можно рассматривать как основу для формирования всей системы климатических прав человека и в более

[1] Экологический Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК//Казахстанская правда. 05.01.2021 г., № 2.
[2] Лесной кодекс Республики Казахстан от 8 июля 2003 года № 477 // Казахстанская правда. 12 июля 2003 года № 203-204.
[3] Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 «Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года»// Әділет: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/ docs/U2300000121(дата обращения: 11.03.2026)

широком смысле, системы экологических прав человека. Ведь именно право на безопасную окружающую среду считается «основным в системе экологических прав»[9,с.193]. Все остальные права являются либо способами его защиты, либо гарантиями, которые расширяют его содержание. Климатические права человека представляют собой особую форму проявления, конкретизации и детализации основного экологического права человека в отношении конкретной области окружающей среды - климата и его изменений.

Изменение климата - это один из самых серьёзных вызовов нашего времени, и чтобы сохранить планету, международное сообщество должно объединить свои усилия. Защита климатических прав человека становится одним из приоритетных направлений государственной экологической политики. Это связано с новыми вызовами, такими как изменение климата и его последствия, необходимость адаптироваться к ним, сокращение биологического разнообразия, исчезновение природных видов и экосистем, а также загрязнение окружающей среды вредными веществами. Эти угрозы и негативные влияния на окружающую среду способствуют формированию новых видов правоотношений, экологизации сознания и возникновению и развитию климатических прав человека.

В системе всех экологических прав человека центральное место занимает право на безопасную окружающую среду. Климатические права человека представляют собой его подсистему и служат своеобразными инструментами для детализации и защиты этого базового права. Они также служат гарантиями, которые расширяют его содержание.

Таким образом, климатические права человека являются своеобразной формой проявления и конкретизации основного экологического права в контексте конкретной области окружающей среды - изменения климата.

Выводы. Конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду является фундаментальной основой климатической политики Республики Казахстан. Оно служит правовой основой для гармоничного взаимодействия между международными обязательствами в рамках Парижского соглашения и национальными стратегиями развития. В результате нормативного анализа было установлено, что данное право обеспечивает баланс между экономическими и экологическими интересами общества в условиях глобального потепления. Его закрепление в основных законах страны создает необходимые условия для устойчивого развития государства в долгосрочной перспективе.

Таким образом, интеграция международно-правовых стандартов в национальное законодательство способствует формированию единой правовой концепции, ориентированной на защиту гражданских интересов при реализации климатических программ. Такой подход позволяет Казахстану согласовать свои стратегии с глобальными тенденциями в области экологического права, укрепляя правовые гарантии для населения в период климатических изменений.

Список литературы:

1. Барамидзе С.М. Реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду в современной российской правовой системе: проблемы и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. - 2025. - №9. - С. 102-105.
2. Макоева Р.Х. Международно-правовая охрана прав коренных народов в условиях изменения климата//Пробелы в российском законодательстве. -2021. -№4 2021. -С.373-383.
3. Экология: политика - право. Правовая охрана природы в СССР / Колбасов О.С. - М.: Наука, 1976. - 230 с.
4. Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. -2008. -№ 9. -С. 45-47.
5. Байдельдинов Д. Л. Экологическое право Республики Казахстан учебное пособие. Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби, Юрид. фак.. - Алматы : Интерлигал, 2004. - 311 с.
6. Светличная М.В. К вопросу об определении понятия «благоприятная окружающая среда»// Политика, государство и право. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://politika.snauka.ru/2012/01/61 (дата обращения: 25.02.2026).
7. Шошаева Л.С,, Нукушева А.А Участие Казахстана в международных соглашениях по климату: правовые аспекты и национальная реализация// Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». -2025, -№ 3(119). -С.44-58.
8. Современные правовые векторы развития климатической политики: опыт России и зарубежных стран: монография/ под общ.ред. М.А.Егоровой. - М: Проспект, 2023. -456 с.
9. Нукушева А. А., Рустембекова Д. К., Асанова С. Э. Климатическое право Казахстана: правовой анализ и пути совершенствования регулирования декарбонизации// Вестник Института законодательства и правовой информации РК.- 2025.- №2-2025. – С.94-107.
10. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: монография / С. А. Боголюбов. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 498 с.

References:

1. Baramidze S.M. Implementation of the constitutional right to a favorable environment in the modern Russian legal system: problems and prospects // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. - 2025. - No. 9. - pp. 102-105.
2. Makoeva R.H. International legal protection of the rights of indigenous peoples in the context of climate change//Gaps in Russian legislation. -2021. -No. 4, 2021. -pp.373-383.
3. Ecology: politics - law. Legal protection of nature in the USSR / Kolbasov O.S. - M.: Nauka, 1976. - 230 p.
4. Brinchuk M.M. Favorable environment is the most important category of law // Journal of Russian Law. -2008. -No. 9. -pp. 45-47.
5. Baideldinov D. L. Environmental law of the Republic of Kazakhstan textbook. Kazakh National Al-Farabi University, Law Faculty.. Almaty : Interligal Publ., 2004. 311 p.
6. Svetlichnaya M.V. On the issue of defining the concept of a "favorable environment"// Politics, state and law. 2012. No. 1. [Electronic resource]. URL: https://politika.snauka.ru/2012/01/61 (date of request: 02/25/2026).
7. Shoshayeva L.S.,, Nukusheva A.A. Kazakhstan's participation in international climate agreements: legal aspects and national implementation// Bulletin of the Karaganda University. The Pravo series. -2025, -№ 3(119). - Pp .44-58.
8. Modern legal vectors of climate policy development: the experience of Russia and foreign countries: monograph/ under the general editorship of M.A.Egorova. Moscow: Prospekt, 2023. 456 p.
9. Nukusheva A. A., Rustembekova D. K., Asanova S. E. Climate law of Kazakhstan: legal analysis and ways to improve decarbonization regulation// Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.- 2025.- No. 2-2025. – pp.94-107.
10. Bogolyubov S. A. Actual problems of environmental law: a monograph / S. A. Bogolyubov. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 498 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_116

УДК 340

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ И ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF FEDERAL DISTRICTS AND PLENIPOTENTIARY REPRESENTATIVES OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

КАБАНОВА Оксана Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
e-mail: oxana.v.kabanova@gmail.com

KABANOVA Oksana V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Customs Management at the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: oxana.v.kabanova@gmail.com

Краткая аннотация. *В статье исследуется конституционно-правовой статус федеральных округов и полномочных представителей Президента Российской Федерации в системе публичной власти. Автор показывает, что данный институт, возникший на основании Указа Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849, играет существенную роль в обеспечении единства правового пространства, координации федеральных и региональных органов власти и контроле за исполнением решений главы государства, однако не имеет прямого закрепления в Конституции РФ и специального федерального закона. Особое внимание уделяется правовому разграничению федеральных округов и субъектов Российской Федерации. Делается вывод о противоречии между фактической значимостью института и недостаточной степенью его нормативной определенности и обосновывается необходимость принятия специального федерального закона о полномочных представителях Президента РФ при сохранении за федеральным округом статуса административной рамки реализации президентских полномочий, а не самостоятельного уровня публичной власти.*

Abstract: *This article examines the constitutional and legal status of federal districts and plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation within the system of public authority. The author demonstrates that this institution, established by a presidential decree in 2000, plays a significant role in ensuring the unity of the legal space, coordinating the activities of federal and regional authorities, and monitoring the implementation of presidential decisions. At the same time, it lacks direct constitutional recognition and is not regulated by a special federal law. Particular attention is paid to the legal distinction between federal districts and constituent entities of the Russian Federation. The article concludes that there is a contradiction between the institution's practical significance and the insufficient degree of its legal certainty and substantiates the need for the adoption of a special federal law on plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation while preserving the status of federal districts as an administrative framework for the exercise of presidential powers rather than as an independent level of public authority.*

Ключевые слова: *федеральные округа, полномочный представитель, конституционно-правовой статус, система публичной власти, федерализм, разграничение полномочий, совершенствование законодательства.*

Keywords: *federal districts, plenipotentiary representative, constitutional and legal status, system of public authority, federalism, division of powers, improvement of legislation.*

Для цитирования: *Кабанова О.В. Конституционно-правовой статус федеральных округов и полномочных представителей Президента Российской Федерации: проблемы и перспективы совершенствования // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_116.*

For citation*: Kabanova O.V. The Constitutional and Legal Status of Federal Districts and Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation: Problems and Prospects for Improvement // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_116.*

Статья поступила в редакцию: 10.05.2026

По своей правовой природе федеральные округа занимают в Российской Федерации промежуточное, преимущественно служебно-организационное положение [1]. Задачи поддержания государственного суверенитета, единства и территориальной целостности страны сделали оправданным появление управленческих единиц, превосходящих по масштабу отдельные субъекты РФ, - федеральных округов. Именно с этой целью Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» переоформил прежний институт полномочных представителей в регионах в институт полномочных представителей в федеральных округах, одновременно учредив восемь таких округов: Центральный (г. Москва), Северо-Западный (г. Санкт-Петербург), Южный (г. Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский (г. Пятигорск), Приволжский (г. Нижний Новгород), Уральский (г. Екатеринбург), Сибирский (г. Новосибирск) и Дальневосточный (г. Владивосток).

Создание этой территориальной конструкции не затрагивало субъектный состав Российской Федерации; речь шла о перенастройке самого механизма президентского присутствия в регионах. Благодаря ему федеральный центр получил возможность вести контроль, координацию, кадровое сопровождение и информационно-аналитическое наблюдение уже не по каждому субъекту в отдельности, а в границах укрупненного межрегионального пространства. Нормативной основой деятельности округов послужил тот же Указ, утвердивший Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе и сам перечень округов.

В тексте Конституции РФ федеральные округа не упоминаются, но и прямого запрета на их существование она не содержит. Появились они ради того, чтобы взаимодействие федеральной власти с регионами стало более результативным: центр приблизился к субъектам Федерации территориально, а сами отношения с ними выстроились единообразно - независимо от того, по какому принципу был образован конкретный субъект. В кризисные периоды представители центра на местах фактически становятся прямым каналом проведения президентских решений в регионах [2].

Под федеральным округом понимается очерченная территория, в границах которой федеральные органы власти и их подразделения реализуют политику главы государства на местах. Внешне округа похожи на государственно-территориальные образования, хотя и были учреждены самой федеральной властью. Вместе с тем от привычных административных единиц они ощутимо отличаются: их компетенция шире, а вес в системе государственного управления существенно больше, поскольку они покрывают весь объем федеральных полномочий и не сводятся

ни к отраслевым, ни к функциональным структурам. Само существование округов корректирует и взгляд на современный российский федерализм: оно демонстрирует, что федеративные отношения держатся не только на нормах о разграничении предметов ведения и полномочий, но и на организационных механизмах, поддерживающих единство публичной власти. Конституционная реформа 2020 года, закрепив категорию единой системы публичной власти, повысила значимость согласованной работы федерального, регионального и муниципального уровней — и округа стали одним из практических инструментов подобного согласования. Конституционным уровнем публичной власти они не являются, однако через институт полномочного представителя Президента РФ поддерживают целостность управленческой системы, обеспечивая в пределах округа связь федеральных органов с региональными органами власти, муниципальными структурами и общественными объединениями.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе (полпред) — значимое звено системы государственного управления, призванное наладить результативное взаимодействие между федеральной властью и субъектами Российской Федерации. Возник этот институт в 1991 году: потребность в нем была вызвана необходимостью сформировать единую вертикаль власти и сдержать региональные элиты, избыточное влияние которых стало одной из причин, ускоривших распад СССР.

Прямого законодательного закрепления институт полномочных представителей в России не получил — его деятельность опирается исключительно на указы и иные подзаконные акты, которые Президент РФ издает в рамках своих конституционных полномочий. Несмотря на это, правовое положение полпредов очерчено достаточно определенно: они состоят в Администрации Президента РФ, имеют статус федеральных государственных служащих и обеспечивают деятельность главы государства в конкретном округе. Подзаконный характер регулирования логично вписывается в модель президентской вертикали, где задачи, структуру и принципы работы этого института определяет сам Президент РФ [3].

Круг функций полномочных представителей включает содействие Президенту РФ и федеральным органам государственной власти; надзор за исполнением решений Президента РФ и федеральных органов власти; подотчетность главе государства; информирование о социально-экономическом положении округа с особым вниманием к вопросам безопасности. Осуществляемый ими контроль не тождествен ни прокурорскому надзору, ни судебному контролю, ни ведомственным проверкам федеральных органов исполнительной власти: полпред отслеживает, как на территории округа исполняются решения Президента и федеральных органов, устанавливает региональные препятствия, мешающие выполнению поручений, и определяет необходимые меры реагирования.

Самостоятельных властных решений полномочные представители не принимают. Действуя как доверенные лица Президента на подведомственной территории, они исполняют лишь те задачи, что закреплены за ними в нормативных актах, и выполняют вспомогательную роль. К числу ключевых задач относятся координация работы органов власти на местах, контроль за соблюдением и исполнением федерального законодательства субъектами Федерации, а также информирование Президента о положении дел в округе. У этой деятельности есть не только юридическое, но и социально-экономическое содержание, что особенно показательно для Дальневосточного федерального округа, где полпред совмещает свою должность с постом заместителя Председателя Правительства РФ и вовлечен в реализацию стратегии развития макрорегиона.

Полномочный представитель Президента России в федеральном округе занимает в системе государственного управления особое положение. Его ключевое предназначение — обеспечить действие президентской власти на всем пространстве страны. Собственных властных полномочий у полпреда при этом нет: он выступает от имени главы государства и представляет его в своем округе. Должность производна от института президентской власти и вытекает из него — нормы о деятельности полпредов опираются на п. «к» ст. 83 Конституции РФ [4], в силу чего институт полномочного представительства следует рассматривать как субинститут института Президента Российской Федерации.

Главная правовая проблема заключается в том, что институт федеральных округов и полномочных представителей Президента РФ лишен самостоятельной законодательной базы. По существу единственным нормативным фундаментом их работы остается Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849. Специального федерального закона, который раскрывал бы понятие и правовую природу округа, очерчивал компетенцию полномочного представителя, формы его взаимодействия с субъектами Федерации и гарантии против подмены региональных органов власти, до сих пор нет. В результате институт, заметно влияющий на федеративные отношения, регулируется главным образом подзаконным актом, что ослабляет его нормативную определенность и устойчивость [5].

Различие между федеральными округами и субъектами Российской Федерации носит принципиальный, сущностно-правовой характер. Субъект Федерации — конституционно признанная территориальная единица государства: он располагает собственной системой органов государственной власти, выступает участником федеративных отношений и осуществляет полномочия в сфере федерального и совместного ведения. Округ субъектом права в таком смысле не выступает, своей компетенции не имеет и волю населения определенной территории не выражает; он образует пространственную рамку, внутри которой полномочный представитель Президента РФ ведет контроль за исполнением федеральных решений, анализирует ситуацию в регионах и координирует деятельность органов власти.

Однако реальное воздействие округов на федеративные отношения не исчерпывается технической административной ролью. Полномочные представители согласовывают действия федеральных и региональных органов, отслеживают исполнение федерального законодательства, докладывают Президенту РФ о политической и социально-экономической обстановке и состоянии безопасности в округах, а также влияют на кадровые и управленческие процессы. Формально статус субъектов Федерации от этого не меняется, но возникает дополнительный надрегиональный контур президентского контроля — а вместе с ним и вопрос о допустимых пределах централизации в федеративном государстве.

Конституция сознательно ограничивается общими положениями и не вдается в детали — на это прямо указывает С. А. Авакьян: ее задача в том, чтобы задать вектор последующего правового регулирования, а не предусмотреть все возможные случаи [6]. Конкретным содержанием положения п. «к» ст. 83 Конституции наполнили именно президентские указы — так государство выстраивало властную вертикаль и под-

держивало единое правовое пространство. При этом вопросы легитимности института окончательно не сняты, а его устойчивость заметно зависит от позиции конкретного президента. Положение усугубляется тем, что и сами федеральные округа конституционного статуса не имеют, отчего правовая неопределенность приобретает сразу два измерения.

Дополнительную трудность создает внешнее сходство округов с единицами территориального деления: у них есть установленные границы, административные центры, перечень входящих субъектов и аппарат полномочного представителя. Юридически эти атрибуты не делают округ элементом федеративного устройства, ведь он не наделен собственным предметом ведения, не вправе осуществлять нормотворчество, не образует органы власти на основе волеизъявления населения и не вступает в разграничение полномочий с Российской Федерацией.

Проявляется проблема соотношения округов и субъектов Федерации и в риске постепенного сужения региональной самостоятельности. В начале 1990-х годов высокая политическая автономия субъектов обернулась пестротой правового пространства, усилением региональных элит и трудностями в исполнении федеральных решений. Окружная система возникла как ответ на эти процессы и позволила центру восстановить управляемость и усилить контроль. Тем не менее у движения контроля «сверху вниз» есть отчетливый предел: регион сохраняет статус полноправного субъекта Федерации с собственным конституционным положением и не превращается в простую административную единицу округа [7].

Итак, существо проблемы конституционно-правового статуса федеральных округов сводится к тому, что они не закреплены ни в Конституции РФ, ни в специальном федеральном законе, который определял бы их правовую природу, место в системе публичной власти и границы взаимодействия с субъектами Российской Федерации. Опора преимущественно на Указ Президента РФ № 849 дает управленческую гибкость, но нормативную неопределенность института не снимает. Подзаконное регулирование удобно для президентского управления, однако позволяет менять задачи, структуру и территориальную организацию института вне полноценной законодательной процедуры, что для института, отвечающего за контроль исполнения федеральных решений и взаимодействие с субъектами Федерации, является явно недостаточным уровнем нормативного оформления.

Принципиально важно последовательно разграничивать федеральные округа и субъекты Российской Федерации в правовом отношении. За субъектом Федерации закреплены конституционный статус, система органов государственной власти, компетенция в сфере собственного и совместного ведения, право регионального нормотворчества и публичная ответственность перед населением своей территории. Округ подобными свойствами не обладает и не должен обретать их вследствие законодательного регулирования: его роль следует определять через организацию президентского контроля и межуровневой координации, а не через создание нового звена территориального устройства государства.

Для преодоления обозначенных проблем целесообразно, во-первых, законодательно закрепить статус полномочного представителя, зафиксировав его компетенцию, структуру, гарантии деятельности и механизмы подотчетности, а во-вторых, принять Федеральный закон «О полномочных представителях Президента Российской Федерации», который задаст единую нормативную основу института и обеспечит прозрачность, стабильность и эффективность его работы. С научно-практической точки зрения закреплять надлежит не федеральный округ как новый уровень публичной власти, а полномочного представителя как должностное лицо, реализующее президентские полномочия в границах определенной административной территории [8]. Исторически Россия сохраняет черты имперского прошлого, и это сказывается на устройстве системы государственного управления. Закрепление федеральных округов на уровне Конституции или закона стало бы прямым возвращением к прежним имперским подходам и формальным юридическим отходом от классической федеративной модели. Более взвешенной выглядит конструкция, при которой законодательно оформляется именно статус полномочных представителей Президента РФ, а федеральный округ трактуется как административная рамка их деятельности. Закон призван закрепить обеспечительный, координационный и контрольный характер полномочий, установить пределы взаимодействия с органами власти субъектов и запретить вмешательство в вопросы, отнесенные к самостоятельному ведению регионального уровня.

Таким образом, совершенствование правового регулирования и практики работы федеральных округов следует связывать с принятием специального федерального закона о полномочных представителях Президента Российской Федерации и нормативным закреплением их компетенции, пределов контрольной деятельности, форм взаимодействия с субъектами Федерации и механизмов подотчетности. Сам же федеральный округ при этом должен оставаться административной рамкой реализации президентских полномочий, а не превращаться в самостоятельный уровень публичной власти.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: уч. пособие: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. ISBN: 978-5-392-45588-1 EDN: UPHAHD
2. Государственное и муниципальное управление: учебник и практикум для вузов / под ред. С.Е. Прокофьева, О В. Паниной, С.Г. Еремина, Н.Н. Мусиновой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024.
3. Минеева К. А. Правовой статус полномочного представителя в федеральных округах // Современность в творчестве начинающего исследователя: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. EDN: YAXCJX
4. Лысиков П. А. Конституционно-правовой статус полномочного представителя Президента РФ в Федеральном округе: эволюция и современные проблемы легитимности // Лучшая научная статья 2025: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2025. EDN: HWDFNM
5. Комкова Г.Н., Колесников Е.В., Липчанская М.А. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026.
6. Конюхова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026.
7. Стрекозов В. Г. Конституционное право России: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024.
8. Джафаров К. Ю. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах как структурные подразделения Администрации главы государства // Новый юридический вестник. 2022. № 2. EDN: DOLEOK

References:

1. Avakian S. A. Constitutional law of Russia. Training course: textbook: in 2 volumes, 7th ed., revised. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026.
2. State and municipal management: textbook and workshop for universities / ed. by S.E. Prokofiev, O.V. Panina, S.G. Eremin, N.N. Musinova. 2nd ed. M.: Yurait, 2024.
3. Mineeva K. A. The legal status of an authorized representative in the federal districts // Modernity in the work of a novice researcher: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025.
4. Lysikov P. A. The constitutional and legal status of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: evolution and modern problems of legitimacy // The best scientific article 2025: collection of articles of the XVII International Scientific Research Competition. Penza, 2025.
5. Komkova G.N., Kolesnikov E.V., Lipchanskaya M.A. Constitutional law of the Russian Federation: textbook for universities. 9th ed., revised and add. M.: Yurait, 2026.
6. Konyukhova I. A. Constitutional law of the Russian Federation. General part: textbook for universities. 3rd ed., revised and add. Moscow: Yurait, 2026.
7. Strekozov V. G. Constitutional law of Russia: textbook for universities. 9th ed., revised and add. Moscow: Yurait, 2024.
8. Jafarov K.Y. Authorized representatives of the President of the Russian Federation in federal districts as structural units of the Administration of the Head of state // New Legal Bulletin. 2022. № 2.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_119

УДК 349.41

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ИЗЪЯТИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ДЛЯ ПУБЛИЧНЫХ НУЖД И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ*<2>

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COMPENSATION FOR THE SEIZURE OF REAL ESTATE FOR PUBLIC NEEDS AND THEIR REFLECTION IN JUDICIAL PRACTICE*<2>

САМОНЧИК Ольга Анатольевна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: raps-07@mail.ru;

SAMONCHIK Olga Anatolyevna,
PhD in law, senior research associate of the ecological, land and agrarian law department
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: raps-07@mail.ru

Статья подготовлена при информационной поддержке КонсультантПлюс.
<2> Продолжение. Начало в ж. «Аграрное и земельное право». 2026. № 3. С. 126-130.

Краткая аннотация: в статье анализируется правовое регулирование возмещения в случае изъятия у правообладателя недвижимого *имущества для публичных нужд, выявлены недостатки законодательства в этой области, которые нередко приводят к возникновению споров на практике и обусловливают принятие судами неоднозначных решений. Проанализированы результаты рассмотрения Конституционным Судом РФ жалобы А.Д. Краснощекова о соответствии Конституции РФ оспариваемых заявителем законоположений о возмещении. Автором предлагаются некоторые пути решения проблем, связанных, в частности, с соблюдением конституционной нормы о предварительном и равноценном возмещении за изымаемую недвижимость.*

Abstract: *The article also analyzes the results of the Constitutional Court of the Russian Federation's consideration of the complaint filed by A.D. Krasnoshchekov regarding the compliance of the legislation on compensation with the Constitution of the Russian Federation. The author suggests some solutions to address the issues related to the compliance with the constitutional norm on prior and equivalent compensation for the seized real estate.*

Ключевые слова: *изъятие недвижимого имущества для публичных нужд, соглашение об изъятии, принудительное изъятие по решению суда, предварительное и равноценное возмещение, конституционная жалоба Краснощекова А.Д., постановление Конституционного суда РФ от 09 апреля 2026 г. № 22-П.*

Key words: *seizure of real estate for public needs, agreement on seizure, forced seizure by court decision, preliminary and equivalent compensation, Krasnoshchekov A.D.'s constitutional complaint, and the Constitutional Court of the Russian Federation's decision of April 9, 2026, No. 22-P.*

Для цитирования: *Самончик О.А. Проблемы правового регулирования возмещения за изъятие недвижимого имущества для публичных нужд и их отражение в судебной практике // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_119.*

For citation*: Samonchik O.A. Problems of legal regulation of compensation for the seizure of real estate for public needs and their reflection in judicial practice // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_119.*

Статья поступила в редакцию: 29.04.2026

Отношения по изъятию земельных участков и других объектов недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд, включая отношения по возмещению возникающих в результате убытков, регулируются базирующимися на конституционных положениях нормами Гражданского и Земельного кодексов РФ, некоторых других законов. Однако, несмотря на установленный законодательством достаточно подробный порядок возмещения убытков, остаются определенные пробелы в регулировании, некоторые правовые нормы страдают нечеткостью, что нередко приводит к возникновению споров на практике [1].

Следует отметить, что вопрос о возмещении за изымаемую недвижимость, как правило, выделяется судами в отдельное от иска об изъятии производство, и принятие решения по нему часто затягивается на длительный срок после изъятия участка. В результате бывший правообладатель недвижимости может испытывать негативные последствия, в частности, нести дополнительные убытки.

Затягивание с выплатой адекватного возмещения особенно болезненно может отразиться на субъектах, ведущих сельскохозяйственную деятельность, для которых земля является основным средством производства (необходимо приобрести новый земельный участок и подготовить его для ведения сельхозпроизводства, возвести хозяйственные постройки и т.д.

Для минимизации негативных последствий, вызванных изъятием недвижимого имущества для публичных нужд, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в этой области. В частности, требуется установить четкие процедурные правила, обеспечивающие соблюдение конституционной нормы о предварительном и равноценном возмещении за изымаемые объекты недвижимости, причем как со стороны уполномоченных органов, принимающих решения об изъятии, так и судебных органов, рассматривающих возникающие в связи с этим споры.

Представляется, что следует подумать о закреплении особых условий изъятия для публичных нужд земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, как наиболее ценной категории земель, нуждающихся в качественном и количественном сохранении. Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [2] он определяет условия изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в государственную или муниципальную собственность. Однако никаких специальных условий изъятия таких земельных участков для публичных нужд в Законе практически не предусмотрено (кроме пп. 6) п. 3 ст. 14) [3], а дается отсылка к земельному и гражданскому законодательству, устанавливающему общий порядок изъятия для всех категорий земель (ст. 6.1).

Механизм принудительного изъятия собственности для государственных или муниципальных нужд, как инструмент решения обще-

ственно значимых задач, должен содержать в себе не только условия выплаты компенсации, но и четко определять порядок выплаты компенсации для исключения злоупотребления со стороны органов публичной власти. Инфляция, изменения рыночной конъюнктуры способны значительно снизить покупательную способность денежных средств, полученных при последующем возмещении стоимости изымаемого имущества. Предварительность выплаты выступает гарантом ее равноценности [4].

Остановимся подробнее на упомянутом в предыдущей статье [5] судебном деле, послужившем основанием для обращения А.Д. Краснощекова с жалобой в Конституционный суд РФ о проверке конституционности положений п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ, п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ, и о результатах ее рассмотрения, отраженных в постановлении Конституционного Суда РФ от 09 апреля 2026 г. № 22 [6].

Обстоятельства дела заключаются в следующем [6].

Заявитель жалобы, ИП А.Д. Краснощеков (ИП, заявитель), владел земельным участком сельхозназначения площадью 4,3 га в Тверской области. В апреле 2024 г. государственная компания «Российские автомобильные дороги» (госкомпания «Автодор», истец) обратилась в Арбитражный суд Тверской области с иском об изъятии у ИП участка для нужд Российской Федерации в целях строительства скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург с установлением возмещения в размере 899 550 руб.

Из-за возникшего спора относительно суммы возмещения требование об установлении размера компенсации определением от 13 августа 2024 г. арбитражный суд Тверской области было выделено в отдельное производство. А уже через неделю 20 августа 2024 г. суд удовлетворил иск об изъятии земельного участка, приняв во внимание, что спорный участок не используется ИП и фактически передан им подрядной организации и на нем уже возведена автодорожная инфраструктура. Решение суда было обращено к немедленному исполнению для ввода в эксплуатацию участка дороги, который имеет особое государственное значение. И только через шесть месяцев, в марте 2025 г. решением суда ИП была назначена компенсация в размере 1,9 млн руб., а фактическое возмещение было получено через семь месяцев после изъятия участка.

Здесь надо отметить один интересный момент. В ходе рассмотрения дела госкомпанией «Автодор» еще в мае 2024 г. заявлялось ходатайство о выделении в отдельное производство требования к А.Д. Краснощекову об определении размера возмещения за изымаемый земельный участок. Однако оно было отклонено судом, который указал, что в этом случае не обеспечивалось бы требование п. 4 ст. 281 ГК РФ о предварительном равноценном возмещении за изымаемый земельный участок для государственных нужд до разрешения вопроса о таком возмещении.

Однако позже, в августе 2024 г. суд удовлетворил заявленное истцом повторно ходатайство и выделил в отдельное производство вопрос об определении размера возмещения, обосновав это необходимостью исключить затягивание судебного процесса. То есть у суда первой инстанции не было четкого мнения (или здесь сыграли роль иные обстоятельства) относительно возможности изъятия земельного участка до предварительного и равноценного возмещения.

В жалобе в Конституционный Суд РФ заявитель указывает, что по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой обжалуемым нормам п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ, п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ, они допускают изъятие недвижимости для государственных нужд без предоставления правообладателю предварительного возмещения, что противоречит ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. В данном деле суды всех инстанций исходили из того, что оспариваемые нормы допускают раздельное рассмотрение вопроса об изъятии и вопроса о возмещении. В таком случае право собственности прекращается раньше, чем выполняется конституционное условие его допустимости. В итоге ИП оказался лишен права собственности на имущество, не имея при этом ясности ни относительно размера компенсации, ни сроков ее получения [7].

На заседании Конституционного Суда РФ 05 февраля 2026 г. прозвучало мнение о том, что сами оспариваемые в жалобе положения соответствуют Конституции, однако сложившаяся судебная практика порождает ряд проблем, в том числе доктринальных [4]. Представляется, что проблемы в правоприменительной практике возникают не сами по себе или из-за «плохих» судей, а по причине недостатков правового регулирования конкретных общественных отношений, в данном случае по причине отсутствия в ЗК и ГК четкой процедуры выплаты возмещения.

Как отметил в своем выступлении на заседании Конституционного Суда РФ адвокат заявителя А. Крылов, антиконституционный результат в данном деле был достигнут не вследствие искажения закона, а в рамках того смысла, который предполагают и допускают сами оспариваемые нормы [7].

Далее остановимся подробнее на указанных в жалобе А.Д. Краснощекова п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ и п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ которые, по мнению заявителя, противоречат ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Сразу оговорюсь, что не совсем понятно включение в жалобу п. 4 ст. 281 ГК РФ, так как он практически дословно воспроизводит ч. 3 ст. 35 Конституции. В п. 4 закреплено, что принудительное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд допускается при условии предварительного и равноценного возмещения.

Что касается п. 6 ст. 279 ГК РФ, то в нем предусмотрено, что сроки, размер возмещения и другие условия, на которых осуществляется изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, определяются либо соглашением об изъятии, либо судом в случае принудительного изъятия, то есть если соглашение не заключено.

Из смысла статей 279, 281 и 282 ГК РФ можно сделать вывод, что «непринудительное» изъятие (по соглашению сторон), в отличие от принудительного, осуществляется без обращения в суд и на него не распространяется требование о предварительном возмещении.

Если же, как вытекает из ст. 282, п. 6 ст. 279 ГК, правообладатель возражает либо против решения уполномоченного органа об изъятии, либо против условий изъятия, в частности размера и сроков возмещения, то в этом случае изъятие будет носить принудительный характер и осуществляется оно по решению суда.

Возникает вопрос, противоречит ли положение п. 6 ст. 279 ГК о том, что при принудительном изъятии суд определяет размер и сроки возмещения, конституционному требованию о предварительном и равноценном возмещении? Расплывчатость формулировки п. 6 не дает воз-

можности для его однозначного толкования.

Если трактовать положение п. 6 в том смысле, что суд в решении об изъятии одновременно определяет конкретный размер возмещения и конкретные сроки его выплаты до изъятия недвижимости, то противоречия ч. 3 ст. 35 Конституции нет. Но этот вариант возможен только в случае согласия обеих сторон с решением суда. Чаще же правообладатель недвижимости возражает против установленного судом размера возмещения, и тогда суд выделяет этот спор в отдельное от иска об изъятии производство. В итоге суд, удовлетворяя иск об изъятии до выплаты возмещения, нарушает требование ч. 3 ст. 35 Конституции.

Таким образом, возможность различной трактовки п. 6 ст. 279 ГК дает основание рассматривать его как «условно противоречащий» ч. 3 ст. 35 Конституции и нуждается в соответствующей корректировке.

В указанном в жалобе п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ закреплено, что в случае, если соглашением об изъятии недвижимости либо вступившим в законную силу решением суда о принудительном изъятии земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимого имущества предусмотрено полное или частичное возмещение за изъятые объекты недвижимости в денежной форме, предусмотренные п. 1 настоящей статьи последствия наступают только после предоставления указанного возмещения.

О каких последствиях идет речь в п. 1 ст. 56.11 ЗК? Это переход права частной собственности на изымаемую недвижимость, прекращение иных прав, государственная регистрация возникновения, прекращения или перехода прав на изъятые земельные участки и иную недвижимость, но наступить такие последствия могут только, как указано в п. 2 ст. 56.11, после возмещения полного или частичного.

Вызывает вопрос понятие «частичное возмещение», не создает ли такая формулировка возможность чисто формально указать в решении суда какую-то минимальную сумму к выплате, а определение основной части возмещения отложить на более отдаленный срок после изъятия объекта недвижимости? Кроме того, положение о частичном возмещении по-любому не соответствует конституционному требованию о равноценном предварительном возмещении.

Отметим, что в постановлении Конституционного Суда РФ от 09 апреля 2026 г. № 22-П содержится, на мой взгляд, не очень убедительное разъяснение положения п. 2 ст. 56.11 ЗК о полном или частичном возмещении. Так, по мнению КС РФ, нет оснований интерпретировать эту норму как допускающую изъятие земельного участка без предоставления возмещения (в этом пункте не говорится об изъятии земельного участка без предоставления возмещения – *О.С.*) или с неполным (неравноценным) возмещением. Данная лексическая конструкция использована для указания именно на денежную форму возмещения, притом что правовым регулированием допускается, что при наличии согласия лица, у которого изымается недвижимое имущество, в соглашении об изъятии может быть предусмотрено предоставление этому лицу иного земельного участка и (или) иного недвижимого имущества с зачетом стоимости таких объектов или прав на них в размер возмещения за изымаемый земельный участок (п. 3 ст. 281 ГК РФ, п. 3 ст. 56.9 ЗК РФ). Следовательно, не исключено, что в соответствии с соглашением возмещение полностью или частично будет предоставлено в натуральной форме.

Обратим внимание, что в этом пространном разъяснении речь идет только о частичном возмещении в случае изъятия недвижимости по соглашению сторон, но ничего не сказано о частичном возмещении в случае принудительного изъятия по решению суда. А именно в этой части, как представляется, п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ противоречит требованию ч. 3 ст. 35 Конституции.

Хотелось бы отметить, что практически все выступавшие на заседании Конституционного Суда 05 февраля 2026 г. представители органов власти утверждали, что оспариваемые заявителем нормы ГК РФ и ЗК РФ не противоречат Конституции РФ, но при этом говорили о необходимости дополнительного конституционно-правового истолкования оспариваемых норм с целью обоснованного и оптимального достижения баланса частного и публичных интересов [8].

С интересной просьбой к КС РФ обратился адвокат заявителя А. Крылов. Доказывая обоснованность жалобы А.Д. Краснощекова, он в то же время попросил Конституционный Суд, если тот придет к выводу о соответствии обжалуемых норм Конституции РФ, определить конституционно-правовое истолкование данных норм, которое бы исключало разрыв во времени между прекращением права собственности и возмещением [7]. Так в итоге и произошло. КС РФ подтвердил соответствие обжалуемых норм Конституции и попытался смягчить возможные негативные последствия от принудительного изъятия недвижимого имущества до равноценного предварительного возмещения.

В постановлении указывается, что в деле заявителя признаки нарушения его прав проявились в связи с тем, что суд выделил требования об установлении размера возмещения за изымаемый земельный участок в отдельное производство и принял решение об изъятии участка с обращением его к немедленному исполнению, до вынесения и вступления в законную силу решения о размере возмещения в рамках выделенного дела. Суд признал, что А.Д. Краснощеков имеет право на возмещение убытков, если временной разрыв между изъятием участка и выплатой ему равноценного возмещения повлек их причинение.

Необходимо отметить, что Конституционный суд, признавая не противоречащими Конституции РФ указанные в жалобе А.Д. Краснощекова нормы Гражданского и Земельного кодексов РФ, считает возможным при рассмотрении спора об изъятии земельного участка для публичных нужд (в случае несогласия собственника с размером предложенного ему возмещения за передачу земельного участка в публичную собственность) выделить требование об определении размера возмещения в отдельное производство и принять решение об изъятии земельного участка до установления в выделенном деле окончательного размера возмещения.

При этом КС РФ считает необходимым предоставить собственнику связанные с этим гарантии, которые он сформулировал в постановлении от 09 апреля 2026 г. № 22-П. В частности, предусмотрено, что выделение дела в отдельное производство допускается, если обоснованность требования об изъятии земельного участка не вызывает сомнения, и обусловлено такими обстоятельствами, при которых промедление с изъятием

земельного участка влечет риски наступления существенных неблагоприятных последствий для здоровья, прав и законных интересов других лиц или интересов обеспечения обороны страны и безопасности государства, либо тем, что с согласия или при отсутствии возражений правообладателя земельный участок фактически уже используется для целей, в связи с которыми производится изъятие (абз. 2 п. 1 резолютивной части постановления).

То есть фактически КС РФ допускает отступление от нормы ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, обосновывая это рисками наступления особых неблагоприятных последствий для здоровья, прав и законных интересов других лиц и т.д. Суд в каждом конкретном случае обязан установить наличие таких рисков. Такое решение КС РФ представляется небесспорным, в условиях отсутствия четких законодательных критериев для выявления особых неблагоприятных последствий слишком многое будет зависеть от судейской оценки, что может привести к принятию противоречивых решений.

Таким образом, КС РФ не признавая оспариваемые в жалобе нормы не соответствующими Конституции, придает им новый смысл, что существенно меняет сложившуюся правоприменительную практику.

Конституционный Суд установил, что решение об изъятии должно предусматривать предварительную выплату либо внесение в депозит нотариуса предложенного собственнику возмещения. Речь идет о сумме, установленной по отчету об оценке, составленного при подготовке соглашения об изъятии земельного участка.

Согласно постановлению бывший собственник земельного участка, помимо доплаты разницы между произведенной предварительной выплатой и размером возмещения, который определен судом в результате рассмотрения выделенного в отдельное производство дела, имеет право на возмещение убытков, вызванных тем, что при изъятии земельного участка ему не было предоставлено возмещение в полном размере. Данные убытки устанавливаются в выделенном в отдельное производство деле, если соответствующее требование заявлено бывшим собственником (абз. 4 п. 1 резолютивной части). Бывшему собственнику при наличии всех предусмотренных в постановлении обстоятельств и условий также причитаются проценты на сумму положительной разницы между установленным в выделенном в отдельное производство деле размером возмещения и предварительно выплаченной или внесенной в депозит нотариуса суммой возмещения (абз. 5 п. 1 резолютивной части).

В заключение можно сказать, что основной упор в постановлении сделан на создании механизма компенсаций временного разрыва между изъятием объекта недвижимости и полной выплатой возмещения. Если по результатам выделенного в отдельное производство дела размер возмещения оказывается выше предварительно выплаченной суммы, бывший собственник вправе получить доплату положительной разницы; проценты на эту разницу, рассчитанные по правилам ст. 395 ГК РФ (средняя ставка по вкладам физических лиц), за период с даты изъятия до даты фактической доплаты; сверх процентов может быть предоставлено возмещение убытков, вызванных временным разрывом и не покрытых процентами.

В постановлении указано, что Федеральный законодатель не лишен возможности с учетом правовых позиций Конституционного Суда, выраженных в настоящем постановлении, внести изменения в действующее правовое регулирование. Именно такой способ решения существующих проблем в рассматриваемой области представляется наиболее целесообразным.

Надо отметить, что постановление Конституционного Суда от 09 апреля 2026 г. № 22-П представляет собой сложный неоднозначный правовой документ, требующий дальнейшего изучения и анализа.

Список литературы:

1. Самончик О.А. Особенности возмещения убытков третьим лицам при изъятии объектов недвижимости для нужд г. Москвы // Аграрное и земельное право. 2025. № 12. С. 138-141; Самончик О.А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями публичных органов в случае изъятия недвижимого имущества: некоторые проблемы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 126-130.

2. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

3. Согласно пп. 6) п. 3 ст. 14 Закона № 101-ФЗ участники долевой собственности на общем собрании могут принять решение о лице, которое уполномочено от имени участников долевой собственности без доверенности, наряду с прочими действиями, заключать соглашения об изъятии недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд.

4. Арстанова А. КС проверяет конституционность норм о процедуре изъятия недвижимости для государственных нужд // Адвокатская газета. № 5 (454) 16-31 марта 2026 г. // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

5. Самончик О.А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями публичных органов в случае изъятия недвижимого имущества: некоторые проблемы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 126-130.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 апреля 2026 г. № 22 «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Краснощекова Александра Дмитриевича» // СЗ РФ. 2026. № 16. Ст. 2145.

7. Арстанова А. КС проверяет конституционность норм о процедуре изъятия недвижимости для государственных нужд //Адвокатская газета. № 5 (454) 16-31 марта 2026 г. // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

8. Арстанова А. КС проверяет конституционность норм о процедуре изъятия недвижимости для государственных нужд //Адвокатская газета. № 5 (454) 16-31 марта 2026 г. // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

References:

1. Samonchik O.A. Features of compensation for losses to third parties when real estate objects are seized for the needs of Moscow // Agrarian and Land law. 2025. No. 12, pp. 138-141; Samonchik O.A. Compensation for damage caused by lawful actions of public authorities in the event of seizure of immovable property: some problems of theory and practice // Agrarian and Land Law. 2026. No. 3. Pp. 126-130.

2. NW RF. 2002. No. 30. Art. 3018.

3. According to subclause 6) of Clause 3 of Article 14 of Law No. 101-FZ, participants in shared ownership at a general meeting may decide on a person who is authorized on behalf of participants in shared ownership without a power of attorney, along with other actions, to conclude agreements on the seizure of immovable property for state or municipal needs.

4. Arstanova A. The Constitutional Court checks the constitutionality of the norms on the procedure for the seizure of real estate for state needs // Advocate Newspaper. No. 5 (454) March 16-31, 2026 // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

5. Samonchik O.A. Compensation for damage caused by lawful actions of public authorities in the event of seizure of immovable property: some problems of theory and practice. Decree.soc.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 09, 2026 No. 22 "In the case of checking the constitutionality of paragraph 6 of Article 279, paragraph 4 of Article 281 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 2 of Article 56.11 of the Land Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Krasnoshchekov Alexander Dmitrievich" //SZ RF.2026. No 16. Art. 2145.

7. Arstanova A. The Constitutional Court verifies the constitutionality of the norms on the procedure for the seizure of real estate for state needs //Advocate newspaper. No. 5 (454) March 16-31, 2026 // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

8. Arstanova A. The Constitutional Court verifies the constitutionality of the norms on the procedure for the seizure of real estate for state needs //Advocate newspaper. No. 5 (454) March 16-31, 2026 // https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_123

ПОНЯТИЕ ОСОБО ЦЕННЫХ ПРОДУКТИВНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ[1]
THE CONCEPT OF PARTICULARLY VALUABLE PRODUCTIVE FARMLAND IN RUSSIAN LEGISLATION

ЗЕМЛЯКОВА Галина Леонидовна,
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: ecolaw@igpran.ru;
ZEMLYAKOVA Galina L.,
leading researcher at the Institute of state and law
of the Russian academy of sciences, associate professor, doctor of law.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: ecolaw@igpran.ru

Краткая аннотация: *понятие особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, закрепленное в действующем федеральном законодательстве, является весьма неопределенным. Применительно к таким землям Земельный кодекс РФ не устанавливает каких-либо специальных механизмов охраны, в частности запретов на их использование для иных, кроме сельскохозяйственного производства целей, если они не внесены в перечни особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий субъектами РФ. Субъекты РФ самостоятельно решают, требуется ли установление критериев и порядка отнесения земель к особо ценным сельскохозяйственным угодьям и утверждение соответствующих перечней или нет. Отсутствие установленного на федеральном уровне перечня земель, относящихся к особо ценным угодьям, порождает нестабильность и непредсказуемость условий хозяйственной деятельности для сельскохозяйственных товаропроизводителей.*

Abstract: *the concept of particularly valuable productive farmland, as defined in current federal legislation, is quite vague. The Russian Federation Land Code does not establish any special protection mechanisms for such lands, including prohibitions on their use for purposes other than agricultural production, unless they are included in the lists of particularly valuable productive farmland established by constituent entities of the Russian Federation. Constituent entities of the Russian Federation independently decide whether to establish criteria and procedures for classifying lands as particularly valuable farmland and approve corresponding lists. The absence of a federally established list of lands classified as particularly valuable lands creates instability and unpredictability in the economic conditions for agricultural producers.*

Ключевые слова: *земли сельскохозяйственного назначения, особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, сельскохозяйственные угодья, почва, охрана земель, земля как основы жизни и деятельности человека, законодательство субъектов РФ, совместное ведение Российской Федерации и субъектов РФ.*

Keywords: *agricultural lands, particularly valuable agricultural production lands, farmland, soils, land protection, land as the basis of human life and activity, legislation of the constituent entities of the Russian Federation, joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Землякова Г.Л. Понятие особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в российском законодательстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 123-127. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_123.*

For citation*: Zemlyakova G.L. The concept of particularly valuable productive farmland in Russian legislation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 123-127. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_123.*

Статья поступила в редакцию: 15.05.2026

Земли сельскохозяйственного назначения и в первую очередь сельскохозяйственные угодья традиционно рассматриваются в российском праве как особый объект, отличающийся повышенной публичной значимостью. Их ценность определяется не столько рыночной стоимостью, сколько способностью обеспечивать производство продовольствия, поддерживать устойчивость сельских территорий, сохранять экологическое равновесие. В связи с этим определенность и системность в правовом регулировании охраны и защиты этих земель имеет особое значение.

Действующее законодательство декларирует приоритет охраны сельскохозяйственных угодий, в особенности наиболее продуктивных. Но на практике такие земли нередко вовлекаются в несельскохозяйственное использование, в частности под жилищное строительство, промышленные объекты, линейную инфраструктуру, добычу полезных ископаемых, размещение логистических комплексов и даже полигонов размещения отходов[2], мусоросортировочных комплексов[3].

Актуальность темы усиливается в условиях необходимости обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, рационального использования земельного фонда, противодействия деградации почв и сохранения высокопродуктивных агроландшафтов. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации к основным направлениям государственной политики в данной сфере относит повышение урожайности сельскохозяйственных культур, сохранение, восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения, рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения, соблюдение технологий производства сельскохозяйствен-

[1] Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 12.12.2025 № 310-р «О внесении изменений в распоряжение главы администрации Краснодарского края от 04 октября 2005 г. N 810-р «Об утверждении перечня земель особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Белореченского района, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» и переводе земельных участков в муниципальном образовании Белореченский муниципальный район Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс».
[3] Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 09.07.2025 № 177-р «О внесении изменений в распоряжение главы администрации Краснодарского края от 31 января 2006 г. № 90-р «Об утверждении перечня земель особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Абинского района, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» и переводе земельного участка в муниципальном образовании Абинский муниципальный район Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс».

ных культур, вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых пахотных земель[1].

Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) относит к землям сельскохозяйственного назначения земли, находящиеся за границами населенных пунктов и предоставленные для нужд сельского хозяйства либо предназначенные для этих целей (п. 1 ст. 77). В составе земель сельскохозяйственного назначения высокую значимость имеют сельскохозяйственные угодья: пашня, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями.

Согласно п. 1 ст. 79 ЗК РФ, сельскохозяйственные угодья имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране. Среди угодий выделяются особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья (далее также – особо ценные угодья, ценные сельскохозяйственные угодья, ценные угодья), использование которых для других целей может ограничиваться. Однако федеральный законодатель, не формулирует четкого определения понятия таких угодий, а возлагает значительный объем полномочий по отнесению земель к таким угодьям на субъекты РФ.

На основе действующего законодательства можно сформулировать основные характеристики особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий.

Во-первых, это не самостоятельная категория земель, а специальный объект охраны внутри категории земель сельскохозяйственного назначения. Следовательно, на них распространяется общий правовой режим земель сельскохозяйственного назначения, а также специальные ограничения, обусловленные их особой ценностью.

Во-вторых, ценность таких угодий имеет производственный характер, обусловленный высокой потенциальной или фактической природной (естественной) продуктивностью, качеством почв, уровнем плодородия, агротехническими характеристиками, пригодностью для интенсивного сельскохозяйственного использования.

В-третьих, они обладают экологической значимостью. Плодородная почва — это не просто объект имущественного оборота, а сложная природная система, формирование которой занимает длительное время. Ее деградация, эрозия, загрязнение или застройка приводят к утрате природного ресурса, восстановление которого требует значительных затрат либо невозможно в прежнем качестве.

В-четвертых, государство устанавливает ограничения использования, запрещает или ограничивает их перевод в иные категории земель. Очевидно, в целях строгой охраны ценных угодий государством могут быть введены и более строгие меры юридической ответственности за нарушения использования таких земель, которые сейчас, однако, не установлены.

Таким образом, правовое регулирование отношений по поводу ценных сельскохозяйственных угодий должно основываться на сочетании имущественной, производственной, экологической и социальной особенностей этих земель.

Правовой статус особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий установлен п. 4 ст. 79 ЗК РФ в самом общем виде. В соответствии с данной нормой к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям относятся, в том числе сельскохозяйственные угодья опытно-производственных подразделений научных организаций и учебно-опытных подразделений образовательных организаций высшего образования, сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (муниципальному округу, городскому округу).

Таким образом, полного и четкого определения понятия «особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья» в ЗК РФ нет, а имеющееся определение сформулировано через перечисление. Причем это определение не только не раскрывает сущности понятия ценных угодий, но и характеризуется неконкретностью и неограниченным объемом, т.к. в нем содержится грамматический оборот «в том числе»[2] и неопределенный термин (оценочная категория) «существенно».

Особо ценные угодья, согласно ЗК РФ, могут быть в соответствии с законодательством субъектов РФ включены в перечень земель, использование которых для других целей не допускается. Следовательно, состав ценных угодий раскрывается в региональном законодательстве[3]. То есть, механизмы охраны таких угодий частично предусмотрены федеральным законодательством, а объекты этой охраны – могут быть установлены на уровне субъектов РФ.

Иными словами, п. 4 ст. 79 ЗК РФ содержит открытый и весьма неопределенный перечень угодий, которые, очевидно, *могут* быть отнесены к особо ценным. Ведь применительно к этим землям ЗК РФ не устанавливает каких-либо специальных механизмов охраны. И только после внесения земель в перечень особо ценных угодий, утвержденный субъектом РФ, к ним будет применим механизм, запрещающий их использование для иных целей. Но до внесения этих угодий в перечень, утвержденный субъектом РФ, все перечисленные в рассматриваемой норме земли, такого «охранного статуса» не имеют.

В ст. 1 ЗК РФ закреплен принцип приоритета сохранения особо ценных земель. Несмотря на нечеткость его формулировки[4], можно заметить, что если в отношении земель особо охраняемых территорий и объектов в данном принципе речь идет о целой категории земель (а также перечисляются ее подкатегории), то применительно к землям сельскохозяйственного назначения – лишь об относительно небольшой их части[5].

---

[1] Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

[2] См.: Устюкова В.В. Особо ценные земли: понятие, виды и проблемы сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 20-23.

[3] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2026 № 10АП-16008/2025 по делу № А41-115835/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См. подробнее: Землякова Г.Л. Проблемы эффективности принципа приоритета сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 121 – 125.

[5] Правда, следует отметить, что в четырех регионах (Сахалинская область, Краснодарский край, республики Бурятия и Ингушетия) особо ценными признана большая часть угодий (соответственно — 90,9%; 53,5%; 55,4%; 51,2%). Однако в 14 субъектах РФ особо ценными являются — менее 1%, в 21 – от 1 до 9,9%, в 9 от 10 до 49%

Следовательно, ЗК РФ в отличие от ранее действовавшего земельного законодательства не устанавливает приоритета использования земель для производства сельскохозяйственной продукции[1], а декларирует приоритет сохранения в сельскохозяйственном производстве только особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий. Тем не менее, на федеральном уровне не регламентирована как сама процедура, состав критериев и документов, на основании которых сельскохозяйственные угодья включаются в перечни земель, использование которых для других целей не допускается, так и обязательность для субъекта РФ установления перечней таких угодий[2].

Иными словами, из анализа норм ЗК РФ следует, что, во-первых, утверждение перечней ценных угодий для субъектов РФ не является обязательным. Во-вторых, критерии и порядок отнесения земель к особо ценным сельскохозяйственным угодьям и исключения из их состава могут устанавливаться законодательством субъектов РФ. И, в-третьих, если речь идет о продуктивных землях, значит, эта продуктивность должна быть обоснована какими-либо данными, содержащимися в соответствующих документах.

По состоянию на 1 января 2022 года перечни особо ценных продуктивных угодий утверждены только в 57 из 85 субъектов РФ, и охватывают они лишь 6,65 миллиона гектаров, или 3,4 процента от общей площади сельхозугодий в стране[3].

В период с 2016 по 2022 год наблюдалось разнонаправленное изменение площади особо ценных угодий в различных экономических районах России, что отражает сложные тенденции в сельскохозяйственном развитии страны. В Центрально-Черноземном экономическом районе отмечен значительный рост площади особо ценных угодий. В Нечерноземье и Поволжском экономическом районе также отмечено увеличение площади особо ценных угодий. В Северо-Кавказском экономическом районе за этот же период наоборот шло снижение площади особо ценных угодий[4]. В то время как на его долю приходится порядка 14% всех посевных площадей России. В указанном экономическом районе перечни особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий утверждены только в 5 из 10 субъектов РФ и охватывают они лишь 25,95% от общей площади сельскохозяйственных угодий[5].

Таким образом, в одних субъектах РФ приняты перечни особо ценных угодий, в законодательстве других – имеются лишь общие формулировки критериев отнесения сельскохозяйственных угодий к ценным, в третьих их специальный учет фактически не обеспечивается. В одних регионах перечни формируются активно, а в других – они отсутствуют или характеризуются неполнотой. В результате схожие по качеству земли могут иметь различный правовой режим в разных субъектах РФ. Критерии включения земель в такие перечни дифференцированы. Региональные нормативные акты, устанавливающие критерии отнесения сельскохозяйственных угодий к особо ценным, различаются по составу учитываемых критериев; порядку формирования перечней; органам, ответственным за учет ценных угодий; степени публичности информации; процедуре изменения перечня; правовым последствиям включения участка в перечень.

Порядок исключения земель из перечней особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий отсутствует в федеральном законодательстве и не всегда урегулирован должным образом на уровне субъектов РФ. Если процедура исключения не содержит строгих требований к научному, агрохимическому и экологическому обоснованию, возникает риск использования этого механизма в интересах строительства или иных инвестиционных проектов.

В то же время, в случаях, когда земельный участок, включенный в перечень, фактически утратил сельскохозяйственную ценность или был внесен в него ошибочно, то его правообладатель должен иметь реальную возможность доказать как в судебном, так и досудебном порядке, что такое включение необоснованно. Однако не во всех субъектах РФ нормативные акты, регулирующие отношения по поводу ценных сельскохозяйственных земель, предусматривают возможность участия правообладателей земельных участков в составлении соответствующих перечней[6].

Уровень защиты особо ценных угодий не является единообразным во всех субъектах РФ. Нередки случаи, когда экономически привлекательные земли не включаются в перечень для последующего перевода под застройку или иные цели. В связи с этим земля может обладать высокой сельскохозяйственной ценностью фактически, но не иметь соответствующего правового статуса.

Следовательно, закрепленная в ЗК РФ модель правового регулирования отнесения сельскохозяйственных угодий к особо ценным имеет двойственный эффект. С одной стороны, она позволяет учитывать региональные природно-климатические, почвенные, аграрные и экономические особенности. Очевидно, что критерии особо ценных угодий в черноземных регионах, северных территориях, горных районах или зонах рискованного земледелия не могут быть полностью идентичными. С другой стороны, отсутствие установленного на федеральном уровне единого перечня особо ценных угодий и/или унифицированных критериев отнесения земель к таковым приводит к разнородности правового режима, пробелам в учете таких земель и риску необоснованного лишения продуктивных земель специальной охраны.

угодий. (См.: Липски С. А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: региональная дифференциация // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2020. Т. 64. № 5. С. 557-565.).

[1] Волков Г.А. Принципы земельного права России. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. С 172.

[2] См.: Янюк В. М., Липидина Г. О., Филатова М. А. Информационно-правовые аспекты выявления особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в Саратовской области // Экологические, правовые и экономические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей II международной научно-практической конференции, посвященной году экологии в России, Саратов, 04–05 мая 2017 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2017. С. 205-208.

[3] Носов С. Как будут использовать особо ценные земли // URL: https://rg.ru/2023/10/10/reg-cfo/pole-osobogo-v №ima №iia.html?ysclid=mok0kh №5fo140382795&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения 10.11.2023 г.).

[4] Шанина Е.Н. Анализ изменений площади ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в разрезе субъектов России // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 4. С. 368-373.

[5] Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109-118.

[6] См., напр.: ст. 38 Закона Калининградской области от 21.12.2006 № 105 «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Калининградской области» // «Комсомольская правда» в Калининграде. 2006. № 196.

Между тем в соответствии с Конституцией РФ (ст. 9) государство обязано обеспечить охрану не только формального права собственности, но и сохранение земель как основы жизни общества. В развитие конституционных норм в ст. 1 ЗК РФ провозглашены соответствующие нормы-принципы земельного законодательства, согласно которым основой земельного законодательства являются учет значения земли как основы жизни и деятельности человека, а также приоритет охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве.

В отношении особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий это означает необходимость приоритета долгосрочного публичного интереса над краткосрочной экономической выгодой, получаемой от застройки или иного несельскохозяйственного использования этих земель. Необходимость сохранения особо ценных угодий обусловлена их общегосударственной значимостью для обеспечения продовольственной и экологической безопасности страны, а также устойчивости агропромышленного комплекса.

В то же время, как следует из ЗК РФ, государство самоустранилось от обеспечения сохранности ценных земель, полностью передав субъектам РФ полномочия по решению вопроса о том, каким сельскохозяйственным угодьям следует придать статус особо ценных и охранять особым образом. Исходя из норм ЗК РФ можно сделать вывод о том, что количество ценных угодий в нашей стране зависит от воли субъектов РФ по утверждению перечней таких угодий и включению или исключению земель из них.

Надо отметить, что помимо ЗК РФ существуют и иные федеральные законы, включающие положения, направленные на защиту земель сельскохозяйственного назначения, но не содержащие специфических норм, ориентированных на охрану особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий.

Так, ст. 6 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» содержит важные положения о недопустимости использования земельного участка с нарушением требований рационального использования земли, если это приводит к существенному снижению плодородия почв или причинению вреда окружающей среде. Вместе с тем закон преимущественно ориентирован на регулирование оборота земельных участков как объектов гражданских прав, а не на специальную охрану наиболее продуктивных угодий. Это обусловливает правовую дихотомию между экономико-правовым режимом оборота земельных ресурсов и эколого-правовыми приоритетами сохранения их агроэкологического потенциала.

Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» представляет собой специализированный нормативный акт, призванный обеспечить воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения как основы продовольственной безопасности РФ. Тем не менее, он регулирует главным образом состояние почв и мероприятия по сохранению их плодородия, но не создает самостоятельного комплексного правового режима для особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий. Кроме того, закон ориентирован преимущественно на сохранение плодородия, а не на защиту земель от изъятия из сельскохозяйственного оборота.

Таким образом, в действующем федеральном законодательстве понятие особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий является весьма неопределенным и расплывчатым, порождая нестабильность и непредсказуемость условий хозяйственной деятельности правообладателей земельных участков, расположенных на сельскохозяйственных угодьях, что является недопустимым с точки зрения конституционно обоснованных принципов справедливости, разумности и соразмерности.

Помимо этого, законодательством не предусмотрены какие-либо особенности юридической ответственности за нарушения использования особо ценных сельскохозяйственных земель. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных нарушениях (далее – КоАП) и Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) отсутствуют какие-либо специальные нормы, направленные на охрану особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий. В ч. 2 и 2.1 ст. 8.8 КоАП речь идет в целом о сельскохозяйственных угодьях, а специфика ответственности за неиспользование или ненадлежащее использование земель, отнесенных к особо ценным угодьям, никак не отражена. Для усиления их охраны, представляется, целесообразно закрепить в нормах административного и уголовного законодательства в качестве квалифицирующего признака отдельных правонарушений и преступлений (например, ст. 247, 254 УК РФ) или обстоятельства, отягчающего административную (ч. 1 ст. 4.3 КоАП) и уголовную ответственность (ст. 63 УК РФ) за правонарушения и преступления, если они совершенны на землях, отнесенных к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям.

Однако предлагаемые меры будут эффективны только в случае установления на федеральном уровне четкого перечня земель, относящихся к особо ценным угодьям.

Список литературы:

1. Волков Г.А. Принципы земельного права России. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. – 336 с.
2. Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109-118.
3. Закон Калининградской области от 21.12.2006 № 105 «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Калининградской области» // «Комсомольская правда» в Калининграде. 2006. № 196.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
5. Землякова Г.Л. Проблемы эффективности принципа приоритета сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 121 – 125.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Липски С. А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: региональная дифференциация // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2020. Т. 64. № 5. С. 557-565.

9. Носов С. Как будут использовать особо ценные земли // URL: https://rg.ru/2023/10/10/reg-cfo/pole-osobogo-v №ima №iia.html?ysclid=mok0kh №5fo140382795&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения 10.11.2023 г.).
10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2026 № 10АП-16008/2025 по делу № А41-115835/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 09.07.2025 № 177-р «О внесении изменений в распоряжение главы администрации Краснодарского края от 31 января 2006 г. № 90-р «Об утверждении перечня земель особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Абинского района, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» и переводе земельного участка в муниципальном образовании Абинский муниципальный район Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 12.12.2025 № 310-р «О внесении изменений в распоряжение главы администрации Краснодарского края от 04 октября 2005 г. N 810-р «Об утверждении перечня земель особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Белореченского района, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» и переводе земельных участков в муниципальном образовании Белореченский муниципальный район Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
15. Устюкова В.В. Особо ценные земли: понятие, виды и проблемы сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 20-23.
16. Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ.1998. № 29. Ст. 3399.
17. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
18. Шанина Е.Н. Анализ изменений площади ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в разрезе субъектов России // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 4. С. 368-373.
19. Янюк В. М., Липидина Г. О., Филатова М. А. Информационно-правовые аспекты выявления особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в Саратовской области // Экологические, правовые и экономические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей II международной научно-практической конференции, посвященной году экологии в России, Саратов, 04–05 мая 2017 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2017.

References:

1. Volkov G.A. Principles of Russian Land Law. Moscow: Gorodets Publishing House, 2005. 336 p.
2. Zhuikov V.I., Suvorova S.P., Titkov A.A. Especially valuable productive agricultural lands: problems and aspects of management in the system of value-semantic management (regional aspect) // Economics, labor, management in agriculture. 2024. No. 9 (115). pp. 109-118.
3. The Law of the Kaliningrad region dated December 21, 2006 No. 105 "On the specifics of regulating land relations in the territory of the Kaliningradskaya region" // Komsomolskaya Pravda in Kaliningrad. 2006. № 196.
4. The Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated 10/25/2001 // Federal Law of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.
5. Zemlyakova G.L. Problems of effectiveness of the principle of priority of conservation of valuable agricultural lands // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 121-125.
6. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // SZ RF. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the general debate-voting on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus".
8. Lipsky S. A. Especially valuable productive agricultural lands: regional differentiation // Izvestia of Higher Educational institutions. Geodesy and aerial photography. 2020. Vol. 64. No. 5. pp. 557-565.
9. Nosov S. How will especially valuable lands be used // URL: https://rg.ru/2023/10/10/reg-cfo/pole-osobogo-v IMA No.iia.html ?ysclid=mok0kh No.5fo140382795&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (date of application 11/10/2023).
10. Decision of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 01/29/2026 No. 10AP-16008/2025 in case No. A41-115835/2024 // SPC "ConsultantPlus".
11. Decree of the Governor of the Krasnodar Territory dated 07/09/2025 No. 177-r "On Amendments to the Decree of the Head of the Administration of the Krasnodar Territory dated January 31, 2006 No. 90-r "On approval of the list of lands of especially valuable productive agricultural land in the territory of the Abinsky district, the use of which is not allowed for purposes not related to agricultural production" and transfer of a land plot in the municipality of Abinsky municipal district of Krasnodar Krai" // SPS "ConsultantPlus".
12. Decree of the Governor of the Krasnodar Territory dated 12.12.2025 No. 310-r "On Amendments to the Decree of the Head of the Administration of the Krasnodar Territory dated October 04, 2005 No. 810-r "On approval of the list of lands of especially valuable productive agricultural land in the territory of the Belorechensk district, the use of which is not allowed for purposes not related to agricultural production" and transfer of land plots in the Belorechensk municipal district of the Krasnodar Territory" // SPS "ConsultantPlus".
13. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
14. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/21/2020 No. 20 "On approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation" // SZ RF. 2020. No. 4. Art. 345.
15. Ustyukova V.V. Especially valuable lands: the concept, types and problems of preserving valuable agricultural lands // Agrarian and Land law. 2019. No. 9 (177). pp. 20-23.
16. Federal Law No. 101-FZ dated 07/16/1998 "On State regulation of ensuring the fertility of agricultural lands" // SZ RF.1998. No. 29. Art. 3399.
17. Federal Law No. 101-FZ of 07/24/2002 "On the turnover of agricultural land" // Federal Law of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3018.
18. Shanina E.N. Analysis of changes in the area of valuable productive agricultural land in the context of the subjects of Russia // Actual issues of modern economics. 2024. No. 4. pp. 368-373.
19. Yanyuk V. M., Lipidina G. O., Filatova M. A. Information and legal aspects of identifying especially valuable productive agricultural lands in the Saratov region // Environmental, legal and economic aspects of rational use of land resources: Collection of articles of the II International Scientific and practical conference dedicated to the Year of Ecology in Russia, Saratov, 04-05 May 2017 / Edited by V.A. Tarbaev. Saratov: Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, 2017.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_128

ВЕЛИЧИНА КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ОТНЕСЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ К ОСОБО ЦЕННЫМ ПРОДУКТИВНЫМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ УГОДЬЯМ. ЧАСТЬ 1[1]

THE CADASTRAL VALUE AS A CRITERION FOR CLASSIFYING LAND AS PARTICULARLY VALUABLE PRODUCTIVE AGRICULTURAL LAND. PART 1

ЗЕМЛЯКОВА Галина Леонидовна,
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: ecolaw@igpran.ru;

ZEMLYAKOVA Galina L.,
leading researcher at the Institute of state and law
of the Russian academy of sciences, associate professor, doctor of law.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: ecolaw@igpran.ru

Краткая аннотация: *на основе анализа законодательства, а также научных позиций специалистов профильных областей, сделан вывод о том, что в большинстве субъектов РФ, в которых утверждены перечни особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, одним (а в некоторых субъектах РФ единственным) из критериев отнесения земель к таким угодьям является порог превышения среднерайонного уровня кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий, установленный субъектом РФ. Однако этот показатель не отражает реальную ценность земель для ведения сельскохозяйственной деятельности, не обеспечивает охрану мелиорированных, мелиорируемых и других ценных для аграрного производства земель, так как не учитывает многие факторы, влияющие на продуктивность, рентабельность и возможность долгосрочного устойчивого использования земель, а, следовательно, не является объективным.*

Abstract: *based on an analysis of legislation and the scientific opinions of specialists in relevant fields, it was concluded that in most constituent entities of the Russian Federation that have approved lists of particularly valuable productive agricultural land, one (and in some constituent entities, the only) criterion for classifying land as such land is the threshold for exceeding the average regional cadastral value of agricultural land, as established by the constituent entity. However, this indicator does not reflect the actual value of land for agricultural activities, does not ensure the protection of reclaimed, reclaimed, and other lands valuable for agricultural production, as it fails to take into account many factors influencing productivity, profitability, and the possibility of long-term sustainable use of land, and, therefore, is not objective.*

Ключевые слова: *земли сельскохозяйственного назначения, особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, охрана земель, перевод земель из одной категории в другую, кадастровая стоимость, полномочия субъектов РФ.*

Keywords: *agricultural lands, particularly valuable productive farmland, land protection, land transfer from one category to another, cadastral value, powers of the constituent entities of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Землякова Г.Л. Величина кадастровой стоимости как критерий отнесения земель к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям. Часть 1 // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 128-131. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_128.*

For citation*: Zemlyakova G.L. The cadastral value as a criterion for classifying land as particularly valuable productive agricultural land. Part 1 // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 128-131. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_128.*

Статья поступила в редакцию: 26.05.2026

В соответствии с Земельным кодексом РФ (далее – ЗК РФ) особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья (далее также – особо ценные угодья, ценные сельскохозяйственные угодья, ценные угодья) являются разновидностью сельскохозяйственных угодий и наиболее значимой с точки зрения аграрного производства и обеспечения продовольственной безопасности страны частью категории земель сельскохозяйственного назначения. Именно ценные сельскохозяйственные угодья, являясь частью природы и средством производства в сельском хозяйстве, имеют первостепенное значение для выполнения «жизнеобеспечивающей функции в отношении человека и общества»[2].

На основе анализа норм п. 4 ст. 79 ЗК РФ и п. 2 ст. 7 Федерального закона от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (в редакции Федерального закона от 01.04.2025 № 52-ФЗ[3], вступающей в силу с 1 января 2027 года) можно сделать вывод о том, что особой охране в виде запрета на перевод в другие категории земель будут подлежать только те ценные угодья, которые включены в перечни особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, утвержденные субъектами РФ.

В связи с тем, что перечень особо ценных угодий, содержащийся в п. 4 ст. 79 ЗК РФ является открытым, в каждом регионе России выработаны свои критерии отнесения земель к ценным сельскохозяйственным угодьям[4].

Однако во многих субъектах РФ, где утверждены соответствующие перечни, к таким угодьям относятся только те, которые указаны в ЗК РФ, то есть это сельскохозяйственные угодья опытно-производственных подразделений научных организаций и учебно-опытных подразделений образовательных организаций высшего образования и сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (муниципальному округу, городскому округу). Процент (уровень, порог)

[1] Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] См.: Бринчук М.М. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в свете общей теории права: цивилизационный взгляд на философию экологического права // Государство и право. 2026. № 2. С. 220–235.
[3] Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1585.
[4] См.: Арзамасцева Н. В. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и перспективы // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 7. С. 124-129.

превышения среднерайонной кадастровой стоимости угодий варьируется от 5 до 200 и более процентов в разных субъектах РФ[1]. В законодательстве некоторых субъектов РФ содержится противоречивая информация о пороге превышения среднерайонного уровня кадастровой стоимости. Например, в одном законе Карачаево-Черкесской Республики указан критерий превышения среднерайонной кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий более чем на 60 процентов[2], а в другом – на 50[3]. В законе Республики Дагестан речь идет о превышении кадастровой стоимости на 60 процентов[4], а в перечне особо ценных угодий – на 50[5].

Причем в отдельных субъектах РФ превышение кадастровой стоимости является единственным критерием[6]. Правда, ради справедливости надо отметить, что есть субъекты РФ, в нормативных актах которых порог превышения среднерайонного уровня кадастровой стоимости как критерий отнесения земель к особо ценным угодьям не предусмотрен[7].

Тем не менее, в подавляющем числе субъектов РФ одним из критериев отнесения земель к особо ценным угодьям является превышение порога среднерайонного уровня кадастровой стоимости.

Использование этого критерия нередко приводит к тому, что статусом особо ценных угодий наделяют малопродуктивные и малоценные земли, высокая стоимость которых не обусловлена объективными причинами. В большинстве случаев кадастровая стоимость сельскохозяйственных угодий определяется субъективным набором способов их использования по разновидностям почв, что может противоречить их природной ценности, которая и является уникальной особенностью таких земель[8].

Правоведы, экономисты, а также специалисты в области сельского хозяйства едины во мнении о том, что достоверная корреляция между кадастровой стоимостью участков и крайне важными с хозяйственной точки зрения показателями (фрагментация, наличие дороги, геоэкологические факторы (плакор[9], склон, пойма)) отсутствует. Это препятствует объективной оценке сельскохозяйственных угодий и их эффективному использованию[10]. Применение в качестве критерия порога превышения среднерайонного уровня кадастровой стоимости не отражает относительной ценности угодий как главного средства сельскохозяйственного производства[11], данный критерий научно не обоснован[12]. Так, например, отнесение к ценным сельскохозяйственным угодьям, согласно утвержденным субъектами РФ перечням в наиболее плодородных субъектах РФ черноземной зоны (Орловской, Курской, Воронежской областях), приводит к тому, что доля земельных участков, представленных такими угодьями, составляет не более 1,2 % и свидетельствует об отсутствии в этих регионах ценных угодий, хотя в действительности это не так. Иными словами, региональные нормы выделения ценных угодий не обеспечивают охрану черноземов, как наиболее плодородных почв в составе пашни[13].

Включение в указанные перечни земельных участков исходя из их кадастровой стоимости без учета, в частности, вида разрешенного использования приводит к тому, что в число особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий попадают участки с видом разрешенного использования «для дачного строительства», «для эксплуатации хозяйственных построек крестьянского фермерского хозяйства», «для эксплуатации зданий и сооружений», а также участки, снятые с государственного кадастрового учета[14]. При этом земельные участки опытно-производственных подразделений научных организаций, учебно-опытных подразделений образовательных организаций, экспериментальных хозяйств, а также используемые для исследовательских, опытных целей, испытаний сортов сельскохозяйственных культур, производства семян высших репродукций не включены в указанные перечни[15].

---

[1] См. подробнее: Землякова Г.Л. Правовые проблемы охраны особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Аграрное и земельное право. 2026. № 5.
[2] Статья 17 Закона Карачаево-Черкесской Республики от 09.12.2003 № 61-РЗ «Особенности регулирования земельных отношений в Карачаево-Черкесской Республике» // День Республики. 2003. № 178-179 (16383).
[3] Статья 12 Закона Карачаево-Черкесской Республики от 26.03.2007 № 17-РЗ «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // День Республики. 2007. № 58-60 (17167).
[4] Статья 3 Закона Республики Дагестан от 29.12.2003 № 46 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2003. № 12. Ст. 925.
[5] Постановление Правительства РД от 28.05.2008 № 164 «Об утверждении перечня особо ценных земель, в том числе особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2008. № 10. Ст. 400.
[6] Закон Республики Северная Осетия-Алания от 14.05.2004 № 17-РЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» // Северная Осетия. 2004. № 100(24148); Закон Ульяновской области от 17.11.2003 № 059-ЗО «О регулировании земельных отношений в Ульяновской области» // Деловой Вестник. 2003. № 135.
[7] См.: ст. 13.2 Закона Тверской области от 09.04.2008 № 49-ЗО «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской области» // Тверские ведомости. 2008. № 15; Закон Костромской области от 05.03.2004 № 172-ЗКО «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Костромской области» // Деловое обозрение. 2005. № 446; Постановление Правительства Вологодской области от 25.12.2017 № 1190 «Об утверждении Порядка формирования перечня особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Вологодской области, использование которых для других целей не допускается» // Красный Север. 2017. № 147; Закон Новосибирской области от 30.12.2003 № 162-ОЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Новосибирской области» // Советская Сибирь. 2004. № 5; Закон Амурской области от 11.12.2003 № 278-ОЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Амурской области» // Амурская правда. 2003. № 361-362; Закон Сахалинской области от 31.05.2006 № 54-ЗО «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2006. № 99 (2576).
[8] Власенко В. П., Быкова М.В. Нормативно-правовая база обоснования отнесения сельскохозяйственных угодий к особо ценным и ее региональные особенности // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 апреля 2022 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. С. 55-60.
[9] Водораздельные пологие равнины и плато // URL: https://ecolog.academic.ru/1920/Плакоры?ysclid=mopwhg4847976996133 (дата обращения 03.05.2026 г.).
[10] Пасько О. А., Захарченко А.В. Кадастровые и геоэкологические характеристики особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2020. Т. 331. № 11. С. 7-19.
[11] См.: Спиридонова Д. Д., Чернова У. Ю., Янюк В. М., Тарбаев В. А. Проблемные аспекты формирования реестра особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Правовые, экономические и экологические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Саратов, 27 мая 2022 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2022. С. 77-82; Ресин В.И., Носов С.И., Бондарев Б.Е., Свинцова Т.Ю., Швецов А.В. Проблемы выделения особо ценных земель в субъектах Российской Федерации // Горизонты экономики. 2024. № 1 (81). С. 97-105.
[12] Юрченко К.А. Установление границ особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Современные векторы развития науки. Сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2023 год. Краснодар, 2024. С. 259-261.
[13] Спиридонова Д. Д., Чернова У. Ю., Янюк В. М., Тарбаев В. А. Указ. соч.
[14] Юндунов Х.И., Елтошкина Н.В. Пространственный анализ особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий Иркутской области // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии. Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского». п. Молодежный, 2024. С. 70-74.
[15] Юндунов Х. И., Елтошкина Н. В. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья Иркутского района // Климат, экология и сельское хозяйство Евразии. – п. Молодежный, 2023. С. 220-225.

Помимо прочего, отсутствуют не только надлежащие механизмы охраны мелиорированных земель, которые претерпели коренное улучшение, и, как правило, обладают повышенной хозяйственной ценностью[1], но и четкая непротиворечивая информация об их наличии и количестве[2]. Нередко они не попадают в перечни особо ценных земель, утвержденные субъектами РФ.

То же самое касается и мелиорируемых угодий. За последние десятилетия многие степные территории Северо-Кавказского экономического района подверглись эрозионным процессам[3]. В связи с чем, в стратегии его развития до 2030 г. предусмотрено расширение площадей орошаемых земель посредством проведения мелиоративных мероприятий[4]. Однако отсутствие необходимости отнесения мелиорируемых угодий к особо ценным, установленной федеральным и/или региональным законодательством, и обеспечения их особой охраны приводит к тому, что некоторые суды, руководствуясь ст. 30 Федерального закона от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель», делают вывод о том, что действующее законодательство позволяет осуществлять строительство и эксплуатацию газопроводов на мелиорируемых земельных участках[5]. Поэтому критерий превышения порога среднерайонного уровня кадастровой стоимости земельных участков, устанавливаемый нормативными актами субъектов РФ, не в состоянии обеспечить охрану мелиорированных и мелиорируемых земель.

Кроме того, кадастровая стоимость устанавливается не в разрезе отдельных угодий, а только в отношении отдельных земельных участков[6]. Однако границы земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения зачастую не установлены в соответствии с требованиями действующего законодательства. Такие участки весьма большие по площади и нередко являются многоконтурными. Соответственно, эти земельные участки могут располагаться на разных сельскохозяйственных угодьях и неодинаковых по качеству почвах, что является препятствием для установления их объективной кадастровой стоимости.

Очевидно, сельскохозяйственная ценность земель зависит не только от плодородия, но и от удельного веса посевных площадей и иных земель, непосредственно используемых для сельскохозяйственных целей, от размера и формы участка, от местоположения, рельефа, климатических, гидрологических условий, уровня мелиорации, экологических факторов (наличие поблизости природных экосистем или промышленных предприятий, осуществляющих выбросы и сбросы вредных веществ, загрязняющих окружающую среду), инфраструктуры, близости к населенным пунктам, плотности сельского населения, транспортной доступности, расстояния до пунктов реализации сельскохозяйственной продукции и баз снабжения материально-техническими ресурсами и др. Далеко не все эти факторы надлежащим образом учитываются при проведении кадастровой оценки земельных участков.

Список литературы:

1. Арзамасцева Н. В. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и перспективы // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 7. С. 124-129.
2. Бринчук М.М. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в свете общей теории права: цивилизационный взгляд на философию экологического права // Государство и право. 2026. № 2. С. 220–235.
3. Власенко В. П., Быкова М.В. Нормативно-правовая база обоснования отнесения сельскохозяйственных угодий к особо ценным и ее региональные особенности // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 апреля 2022 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. С. 55-60.
4. Водораздельные пологие равнины и плато // URL: https://ecolog.academic.ru/1920/Плакоры?ysclid=mopwhg4847976996133 (дата обращения 03.05.2026 г.).
5. Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109-118.
6. Закон Амурской области от 11.12.2003 № 278-ОЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Амурской области» // Амурская правда. 2003. № 361-362.
7. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 09.12.2003 № 61-РЗ «Особенности регулирования земельных отношений в Карачаево-Черкесской Республике» // День Республики. 2003. № 178-179 (16383).
8. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 26.03.2007 № 17-РЗ «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // День Республики. 2007. № 58-60 (17167).
9. Закон Костромской области от 05.03.2004 № 172-ЗКО «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Костромской области» // Деловое обозрение. 2005. № 446.
10. Закон Новосибирской области от 30.12.2003 № 162-ОЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Новосибирской области» // Советская Сибирь. 2004. № 5.
11. Закон Республики Дагестан от 29.12.2003 № 46 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2003. № 12. Ст. 925.
12. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 14.05.2004 № 17-РЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» // Северная Осетия. 2004. № 100(24148).
13. Закон Сахалинской области от 31.05.2006 № 54-ЗО «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2006. № 99 (2576).
14. Закон Тверской области от 09.04.2008 № 49-ЗО «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской области» // Тверские ведомости. 2008. № 15.
15. Закон Ульяновской области от 17.11.2003 № 059-ЗО «О регулировании земельных отношений в Ульяновской области» // Деловой Вестник. 2003. № 135.
16. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
17. Землякова Г.Л. Правовые проблемы охраны особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Аграрное и земельное право. 2026. № 5.
18. Липски С. А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: региональная дифференциация // Известия высших учебных заведе-

[1] Пышьева Е.С. Перевод мелиорированных земель в иные земли: правовые проблемы и их решение // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 153 - 161.
[2] Липски С. А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: региональная дифференциация // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2020. Т. 64. № 5. С. 557-565.
[3] Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109-118.
[4] Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2022 № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3252.
[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023 № Ф05-25246/2023 по делу № А41-83261/2022. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.05.2024 № 305-ЭС23-29621 данное постановление отменено, дело передано на новое рассмотрение в Арбитражный суд Московской области. // СПС «КонсультантПлюс».
[6] См.: Янюк В. М., Липидина Г. О., Филатова М. А. Информационно-правовые аспекты выявления особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в Саратовской области // Экологические, правовые и экономические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей II международной научно-практической конференции, посвященной году экологии в России, Саратов, 04–05 мая 2017 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2017. С. 205-208.

ний. Геодезия и аэрофотосъемка. 2020. Т. 64. № 5. С. 557-565.
19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.05.2024 № 305-ЭС23-29621 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Пасько О. А., Захарченко А.В. Кадастровые и геоэкологические характеристики особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2020. Т. 331. № 11. С. 7-19.
21. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023 № Ф05-25246/2023 по делу № А41-83261/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Правительства Вологодской области от 25.12.2017 № 1190 «Об утверждении Порядка формирования перечня особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий на территории Вологодской области, использование которых для других целей не допускается» // Красный Север. 2017. № 147.
23. Постановление Правительства РД от 28.05.2008 № 164 «Об утверждении перечня особо ценных земель, в том числе особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, использование которых не допускается для целей, не связанных с сельскохозяйственным производством» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2008. № 10. Ст. 400.
24. Пышьева Е.С. Перевод мелиорированных земель в иные земли: правовые проблемы и их решение // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 153-161.
25. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2022 № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3252.
26. Ресин В.И., Носов С.И., Бондарев Б.Е., Свинцова Т.Ю., Швецов А.В. Проблемы выделения особо ценных земель в субъектах Российской Федерации // Горизонты экономики. 2024. № 1 (81). С. 97-105.
27. Спиридонова Д. Д., Чернова У. Ю., Янюк В. М., Тарбаев В. А. Проблемные аспекты формирования реестра особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Правовые, экономические и экологические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Саратов, 27 мая 2022 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2022. С. 77-82.
28. Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1585.
29. Федеральный закон от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 142.
30. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5276.
31. Юндунов Х. И., Елтошкина Н. В. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья Иркутского района // Климат, экология и сельское хозяйство Евразии. – п. Молодежный, 2023. С. 220-225.
32. Юндунов Х.И., Елтошкина Н.В. Пространственный анализ особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий Иркутской области // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии. Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского». п. Молодежный, 2024. С. 70-74.
33. Юрченко К.А. Установление границ особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий // Современные векторы развития науки. Сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2023 год. Краснодар, 2024. С. 259-261.
34. Янюк В. М., Липидина Г. О., Филатова М. А. Информационно-правовые аспекты выявления особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в Саратовской области // Экологические, правовые и экономические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей II международной научно-практической конференции, посвященной году экологии в России, Саратов, 04–05 мая 2017 года / Под редакцией В.А. Тарбаева. – Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2017. С. 205-208.

References:

1. Arzamastseva N. V. Especially valuable productive agricultural lands: problems and prospects // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2021. No. 7. pp. 124-129.
2. Brinchuk M.M. Legal responsibility for environmental offenses in the light of the general theory of law: a civilizational view on the philosophy of environmental law // State and Law. 2026. No. 2. pp. 220-235.
3. Vlasenko V. P., Bykova M.V. The regulatory framework for substantiating the classification of agricultural land as especially valuable and its regional features // Modern problems and prospects for the development of land and property relations: A collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 22, 2022. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2022. pp. 55-60.
4. Watershed flat plains and plateaus // URL: https://ecolog.academic.ru/1920/Tears?ysclid=mopwhg4847976996133 (accessed 05/03/2026).
5. Zhuikov V.I., Suvorova S.P., Titkov A.A. Especially valuable productive agricultural lands: problems and aspects of management in the system of value-semantic management (regional aspect) // Economics, labor, management in agriculture. 2024. No. 9 (115). pp. 109-118.
6. The Law of the Amur region of 11.12.2003 No. 278-OZ "On the turnover of agricultural land in the Amur region" // Amurskaya Pravda. 2003. № 361-362.
7. The Law of the Karachay-Cherkess Republic of 09.12.2003 No. 61-RZ "Peculiarities of regulation of land relations in the Karachay-Cherkess Republic" // Republic Day. 2003. № 178-179 (16383).
8. The Law of the Karachay-Cherkess Republic dated 26.03.2007 No. 17-RZ "On ensuring the fertility of agricultural land" // Republic Day. 2007. № 58-60 (17167).
9. The Law of the Kostroma region dated 05.03.2004 No. 172-WKO "On the turnover of agricultural land in the Kostroma region" // Business Review. 2005. № 446.
10. The Law of the Novosibirsk region dated 12/30/2003 No. 162-OZ "On the turnover of agricultural land in the territory of the Novosibirsk region" // Soviet Siberia. 2004. № 5.
11. The Law of the Republic of Dagestan dated 29.12.2003 No. 46 "On the turnover of agricultural land in the Republic of Dagestan" // Compilation of legislation of the Republic of Dagestan. 2003. No. 12. Art. 925.
12. The Law of the Republic of North Ossetia-Alania dated 05/14/2004 No. 17-RZ "On the specifics of regulating land relations in the Republic of North Ossetia-Alania" // North Ossetia. 2004. № 100(24148).
13. The Law of the Sakhalin region dated 05/31/2006 No. 54-ZO "On the turnover of agricultural land in the Sakhalin region" // Gubernskie Vedomosti. 2006. № 99 (2576).
14. The Law of the Tver region dated 04/09/2008 No. 49-ZO "On the regulation of certain land relations in the Tver region" // Tverskiye vesti. 2008. № 15.
15. The Law of the Ulyanovsk region dated 17.11.2003 No. 059-ZO "On the regulation of land relations in the Ulyanovsk region" // Business Bulletin. 2003. No. 135.
16. The Land Code of the Russian Federation dated 10/25/2001 No. 136-FZ // SZ RF. 2001. No. 44. Art. 4147.
17. Zemlyakova G.L. Legal problems of protection of especially valuable productive agricultural lands // Agrarian and land law. 2026. № 5.
18. Lipsky S. A. Especially valuable productive agricultural lands: regional differentiation // Izvestia of Higher Educational institutions. Geodesy and aerial photography. 2020. Vol. 64. No. 5. pp. 557-565.
19. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/13/2024 No. 305-ES23-29621 // SPS "ConsultantPlus".
20. Pasko O. A., Zakharchenko A.V. Cadastral and geoecological characteristics of especially valuable productive agricultural lands // Proceedings of Tomsk Polytechnic University. Georesource engineering. 2020. Vol. 331. No. 11. pp. 7-19.
21. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 18.10.2023 No. F05-25246/2023 in case No. A41-83261/2022 // SPS "Consultant-Plus".
22. Resolution of the Government of the Vologda Region dated December 25, 2017 No. 1190 "On approval of the Procedure for forming a list of especially valuable productive agricultural land in the Vologda region, the use of which for other purposes is not allowed" // Krasny Sever. 2017. № 147.
23. Resolution of the Government of the Republic of Dagestan dated 05/28/2008 No. 164 "On approval of the list of especially valuable lands, including especially valuable productive agricultural lands, the use of which is not allowed for purposes not related to agricultural production" // Collection of Legislation of the Republic of Dagestan. 2008. No. 10. St. 400.
24. Pysheva E.S. Transfer of reclaimed lands to other lands: legal problems and their solution // Journal of Russian Law. 2017. No. 4. pp. 153-161.
25. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.04.2022 No. 1089-r "On approval of the Strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District for the period up to 2030" // SZ RF. 2022. No. 19. Art. 3252.
26. Resin V.I., Nosov S.I., Bondarev B.E., Svintsova T.Yu., Shvetsov A.V. Problems of allocation of especially valuable lands in the subjects of the Russian Federation // Horizons of Economics. 2024. No. 1 (81). pp. 97-105.
27. Spiridonova D. D., Chernova U. Yu., Yanuk V. M., Tarbaev V. A. Problematic aspects of the formation of the register of especially valuable productive agricultural lands // Legal, economic and environmental aspects of rational use of land resources: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference, Saratov, May 27, 2022 / Edited by V.A. Tarbaev. Saratov: SSAU Center for Social Agro-Innovations, LLC, 2022. pp. 77-82.
28. Federal Law No. 52-FZ dated 04/01/2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2025. No. 14. Art. 1585.
29. Federal Law No. 4-FZ dated 01/10/1996 "On Land Reclamation" // SZ RF. 1996. No. 3. 142.
30. Federal Law No. 172-FZ of 12.21.2004 "On the transfer of lands or land Plots from one category to another" // SZ RF. 2004. No. 52 (part 1). Art. 5276.
31. Yundunov Kh. I., Eltoshkina N. V. Especially valuable productive agricultural land Irkutsk region // Climate, ecology and agriculture of Eurasia. – P. Molodezhny, 2023. pp. 220-225.
32. Yundunov Kh.I., Eltoshkina N.V. Spatial analysis of especially valuable productive agricultural lands of the Irkutsk region // Climate, ecology, agriculture of Eurasia. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Yezhevsky. Molodezhny, 2024. pp. 70-74.
33. Yurchenko K.A. Establishment of boundaries of especially valuable productive agricultural lands // Modern vectors of science development. A collection of articles based on the materials of the annual scientific and practical conference of teachers on the results of research in 2023. Krasnodar, 2024. pp. 259-261.
34. Yanyuk V. M., Lipidina G. O., Filatova M. A. Information and legal aspects of identifying especially valuable productive agricultural lands in the Saratov region // Environmental, legal and economic aspects of rational use of land resources: Collection of articles of the II International Scientific and practical conference dedicated to the Year of Ecology in Russia, Saratov, 04-05 May 2017 / Edited by V.A. Tarbaev. Saratov: Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, 2017. pp. 205-208.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_132

УДК 347.963

ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОКУРОРСКОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И КОЛЛИЗИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
THE PREVENTIVE POTENTIAL OF PROSECUTORIAL CAUTION: THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING AND CONFLICTS OF LAW ENFORCEMENT

БЫВАЛЬЦЕВА Светлана Геннадьевна,
доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент.
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

BYVALTSEVA Svetlana Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activities
of the Ural State Law University named after V. F. Yakovleva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
620137, Russia, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, st. Komsomolskaya, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется правовая природа и превентивный потенциал института прокурорского предостережения как ключевого инструмента предупреждения деликтов. Автор анализирует актуальные проблемы правоприменительной практики, препятствующие эффективной реализации данной меры реагирования. Особое внимание уделено вопросам последующего контроля за исполнением требований прокурора, сложностям доказывания намерений лица совершить правонарушение, а также недостаткам дистанционного порядка вручения акта. На основе проведенного исследования сформулированы конкретные научно обоснованные предложения по совершенствованию федерального законодательства и методического обеспечения.*

Abstract: *The article examines the legal nature and preventive potential of the institute of prosecutorial caution as a key tool for the prevention of torts. The author analyzes the current problems of law enforcement practice that hinder the effective implementation of this response measure. Special attention is paid to the issues of subsequent control over the fulfillment of the prosecutor's requirements, the difficulties of proving a person's intentions to commit an offense, as well as the disadvantages of the remote procedure for handing over the act. Based on the conducted research, specific scientifically based proposals have been formulated to improve federal legislation and methodological support.*

Ключевые слова: *предостережение, акт прокурорского реагирования, прокурор, прокурор, превентивный характер.*
Keywords: *warning, act of prosecutorial response, prosecutor, prosecutor, preventive nature.*

Для цитирования: *Бывальцева С.Г. Превентивный потенциал прокурорского предостережения: теоретико-правовое осмысление и коллизии правоприменения // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_132.*
For citation*: Byvaltseva S.G. The preventive potential of prosecutorial caution: theoretical and legal understanding and conflicts of law enforcement // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_132.*

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026

Эффективность деятельности прокуратуры по обеспечению законности и прав граждан сегодня во многом определяется качеством применения превентивного инструментария, среди которого особое место занимает предостережение о недопустимости нарушения закона. Данная мера реагирования представляет собой прерогативу прокурора по вмешательству в правовую ситуацию на стадии формирования угрозы общественным интересам. Направляя такое требование потенциальному правонарушителю, прокуратура предотвращает возможные нарушения закона и не допускает ущемления прав граждан. Подобный формат работы отражает преобладание правоохранительного вектора над функцией государственного принуждения в деятельности органов прокуратуры, что способствует укреплению режима законности и снижает риски возникновения деликтных проявлений.

Закон о прокуратуре, называя предостережение о недопустимости нарушения закона в числе актов прокурорского реагирования, не детерминирует его, что, в свою очередь, служит препятствием в гносеологии природы, целей, задач и последствий применения указанного акта. Одним из наиболее объемных и содержательных определений является определение, описывающее предостережение прокурора о недопустимости нарушения закона в качестве акта, применяемого в надзорной деятельности, отличительным аспектом которого можно отметить его прицельную направленность в будущее [1]. Как полагает Н.Р. Корешникова, предостережение есть акт индивидуального воздействия на лиц, готовящихся совершить такие противоправные деяния, которые хотя и не влекут уголовной ответственности, но способны нанести вред гражданам или интересам государства и общества [2].

Данный акт может использоваться прокурором исключительно в ситуациях, когда прокурору стало бесспорно известно о том, что лицо (таковыми могут быть лишь должностные, и в исключительных случаях, упомянутых в Законе, иные лица), собирается нарушить закон. Содержательный аспект анализируемого акта составляет требование прокурора, направленное на недопущение совершения нарушающих законоположение действий вышеуказанным лицом и непременное пояснение о том, какие последствия наступят в случае игнорирования требований прокурора.

Приведенные выше определения влекут за собой выделение некоторых специфических черт предостережения, позволяющих его идентифицировать и отличить от иных актов прокурорского реагирования. Основной детерминирующей особенностью можно определить превентивность рассматриваемого акта вследствие того, что ключевой целью будет выступать предотвращение нарушения правовых норм, следовательно, его применение безусловно возможно только в случаях, когда предполагаемое нарушение еще не совершено. Следует учитывать такой

необходимый компонент, как обладание прокурором сведениями о вероятностном намерении должностного или иного лица нарушить нормы закона, причем достоверность сведений также является обязательным аспектом. Очевидно, что этот ключевой признак предостережения влечет за собой невозможность применить предостережение с каким-либо другим актом реагирования прокурора.

Хотя предостережение прокурора, как акт превентивного характера, направляется для предупреждения нарушения закона, когда само нарушение еще не совершено, нередки случаи применения предостережения по факту уже выявленного правонарушения, из-за чего утрачивает свое значение сущностная характеристика предостережения [3]. Так, прокуратура провела проверку хозяйствующего субъекта по имеющейся информации о возможном нарушении законодательства о труде. И хотя по итогам проверочного мероприятия были выявлены конкретные реальные факты выплаты заработной платы ниже допустимого законом уровня, прокурором были применены не соответствующие рассмотренной ситуации акты реагирования, а направлено предостережение о недопустимости нарушения закона [4]. Для исключения подобных фактов необходимо внести дополнения в ведомственный акт Генерального прокурора РФ, делающие акцент на превентивном характере рассматриваемого акта.

Несмотря на очевидную значимость предостережения для предотвращения нарушений и обеспечения режима законности можно отметить недостаточность правового регулирования, которая создает неопределенность в практике применения. Так, Генеральный прокурор Российской Федерации в Указании от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» детерминирует содержательные аспекты применения рассматриваемого акта прокурора, в частности, помимо описанного выше условия о наличии в распоряжении прокурора исключительно сведений о возможном совершении деяния, противоречащего закону, обладающих признаком достоверности, приводимый акт Генерального прокурора РФ содержит условие о том, что деяние не может иметь последствием уголовную ответственность, хотя и возможно способно причинить вред как правам и свободам, так и интересам государства или общества [5].

Также указание детализирует порядок проверки сведений на предмет их достоверности, обязывая прокурора истребовать объяснения от проверяемых лиц в письменной форме (пункт 2 Указания).

Однако практическое воплощение этого аспекта в отношении указанного инструмента сопряжено с рядом существенных правоприменительных трудностей, поскольку процесс доказывания намерения должностных лиц совершить нарушение закона достаточно сложен, что является одним из поводов к обжалованию направленного предостережения. Так, областной суд в апелляционном определении отказал в удовлетворении апелляционного представления, поданного прокуратурой субъекта с целью обжалования решения о признании незаконным направления предостережения, на основании непредставления прокуратурой доказательств, свидетельствующих об имеющихся на момент направления предостережения в ее распоряжении сведений о готовящемся противоправном деянии [6].

Другим аспектом, требующим доработки является положение Закона о прокуратуре, в соответствии с которым предостережение направляется поднадзорному субъекту. Представляется, что для достижения цели предостережения, а именно предупреждения нарушений, оно должно подкрепляться механизмом психологического воздействия. В прошлой редакции Закона о прокуратуре от 28.06.2002 ст. 25.1 содержала указание на объявление предостережения, а не его направление, как сейчас. Указание Генерального прокурора РФ также включает в себя положение, касающееся объявления предостережения под расписку непосредственно в прокуратуре (п. 2.3). Безусловно, такая форма донесения характера возможных действий и их последствий до должностных лиц усиливает эффект морального воздействия на них. На практике же предостережения лишь направляются, что сказывается на исполнимости требований прокуроров, изложенных в акте реагирования.

Также еще одной недоработкой механизма реализации предостережения является тот факт, что несмотря на то, что обязание осуществлять неукоснительный контроль содержится в п.3 Указания, детализация и регламентирование механизма этого контроля в нормативном акте отсутствует. Стоит также отметить, что необходимо разработать механизм контроля за его исполнением в соответствии с Указанием Генерального прокурора РФ. Можно согласиться с предложением О.Р. Безсалий, которая полагает, что наиболее рациональным способом такого контроля является вызов в прокуратуру должностных лиц для дачи письменных или устных пояснений, уже после направления предостережения. Так, должностному лицу будет необходимо сообщать все, что ему известно относительно вынесенного акта прокурорского реагирования, какие меры были приняты в связи с его направлением [7].

Кроме того, требования прокурора в предостережении носят ограниченно-императивный характер, поскольку обязательному исполнению подлежит лишь его рассмотрение и уведомление об этом прокурора. Верховный суд Российской Федерации в определении от 18.06.2014 № 82-КГПР14-2 подчеркнул факт ненаступления юридических последствий в отношении лица, являющегося субъектом объявления предостережения со стороны прокурора [8]. Констатирован факт, что какие-либо последствия наступят исключительно после совершения нарушения и данные последствия повлекут за собой применение уже других средств прокурорского реагирования в зависимости от совершенного нарушения.

Также в отличие от иных актов прокурорского реагирования, таких как представление или протест, для предостережения не установлены сроки рассмотрения. Такое законодательное упущение в действительности сказывается на поведении адресата, выражающемся в затягивании предоставления сведений о рассмотрении предостережения, что затрудняет процесс контролирования исполнения требований и невозможности в дальнейшем установить факт нарушения закона, совершенного после его направления.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что оптимизация института предостережения требует комплексного реформирования методической и нормативной базы в части устранения ключевых дефектов его реализации. Для решения выявленной проблемы отсутствия последующего контроля за исполнением требований прокурора необходимо законодательно закрепить за прокурором обязанность и механизмы проведения проверок фактического исполнения требований, изложенных в акте реагирования, и возможность вызова должностных лиц в проку-

ратуру для дачи пояснений в связи с направленным предостережением. Преодоление сложностей, связанных с доказыванием субъективного намерения лица совершить правонарушение, видится в разработке методических рекомендаций по выявлению признаков готовящегося противоправного деяния и их фиксации. Наконец, в целях повышения правового статуса и дисциплинирующего эффекта данной меры превенции, предлагается на законодательном уровне закрепить императивное требование о его исключительно личном объявлении должностному лицу непосредственно в прокуратуре.

Список литературы:

1. Ергашев, Е. Р. Предостережение о недопустимости нарушения закона как надзорный акт прокурорского реагирования. – Екатеринбург : Издательский дом «Автограф», 2009. – 76 с.
2. Корешникова, Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры РФ как инструмент обеспечения исполнения закона: монография. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. 105 с.
3. Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах применения прокурорами предостережения о недопустимости нарушения закона // Административное и муниципальное право. 2014. № 8(80). С. 882–889.
4. Безсалий О.Р. Современные проблемы правовой регламентации предостережений прокурора и его применения: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.11. Екатеринбург, 2018. — 36 с.
5. Указание Генерального прокурора РФ от 06.07.1999 N 39/7 "О применении предостережения о недопустимости нарушения закона". Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Тюменского областного суда от 17.01.2024 N 33а-223/2024 (УИД 72RS0025-01-2023-008154-75). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Безсалий, О.Р. Контроль за исполнением требований, изложенных в предостережении прокурора // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-za-ispolneniem-trebovaniy-izlozhennyh-v-predosterezhenii-prokurora (дата обращения: 03.04.2026).
8. Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2014 N 82-КГПР14-2. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. Ergashev, E. R. Warning about the inadmissibility of violating the law as a supervisory act of prosecutorial response : a textbook / E. R. Ergashev. Yekaterinburg : Autograph Publishing House, 2009. 76 p.
2. Koreshnikova, N.R. The main legal means of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a tool for ensuring the enforcement of the law: monograph. Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publishing House, 2010. 105 p.
3. Vinokurov A. Yu. On some issues of the use by prosecutors of warnings about the inadmissibility of violating the law // Administrative and municipal law. 2014. No. 8(80). pp. 882-889.
4. Bezsaliy O.R. Modern problems of legal regulation of the prosecutor's warnings and its application: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law: specialty 12.00.11. Yekaterinburg, 2018. — 36 p.
5. Instruction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 07/06/1999 N 39/7 "On the application of a warning about the inadmissibility of violating the law." Access from the ConsultantPlus legal reference system.
6. The appeal ruling of the Tyumen Regional Court dated 17.01.2024 N 33a-223/2024 (UID 72RS0025-01-2023-008154-75). Access from the ConsultantPlus legal reference system.
7. Bezsaliy, O.R. Control over the fulfillment of the requirements set out in the prosecutor's warning // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-za-ispolneniem-trebovaniy-izlozhennyh-v-predosterezhenii-prokurora (date of appeal: 04/03/2026)/
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/18/2014 N 82-KGPR14-2. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_135

УДК 347.163

РЕГУЛЯТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
REGULATORY MECHANISMS FOR ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S COORDINATION ACTIVITIES IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

БЫВАЛЬЦЕВА Светлана Геннадьевна,
доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент.
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

BYVALTSEVA Svetlana Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activities
of the Ural State Law University named after V. F. Yakovleva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
620137, Russia, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, st. Komsomolskaya, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются особенности модернизации регулятивных механизмов координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью при помощи разработки научно обоснованных критериев и методологии оценки эффективности межведомственного взаимодействия. Автором обосновывается необходимость перехода от формальных количественных показателей к комплексной многофакторной системе оценки качества межведомственного взаимодействия. В работе на основе научных источников сформирована и детально раскрыта система из ключевых критериев, позволяющих оценить координацию с позиций ее системности и практической результативности. На основе проведенного анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию ведомственного нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.*

Abstract: *The article analyzes the specifics of modernizing the regulatory mechanisms of the prosecutor's office's coordination activities in combating crime through the development of scientifically sound criteria and methodology for evaluating the effectiveness of interdepartmental cooperation. The author substantiates the need to move from formal quantitative indicators to a comprehensive multifactorial system for assessing the quality of interdepartmental interaction. In the work, based on scientific sources, a system of key criteria has been formed and disclosed in detail, making it possible to evaluate coordination from the standpoint of its consistency and practical effectiveness. Based on the analysis, recommendations are proposed for improving departmental regulatory regulation in this area.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, координационная деятельность, правоохранительные органы, борьба с преступностью, критерии эффективности.*

Keywords: *prosecutorial supervision, coordination activities, law enforcement agencies, crime control, effectiveness criteria.*

Для цитирования: *Бывальцева С.Г. Регулятивные механизмы обеспечения результативности координационной деятельности прокуратуры в сфере борьбы с преступностью // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 135-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_135.*

For citation*: Byvaltseva S.G. Regulatory mechanisms for ensuring the effectiveness of the prosecutor's office's coordination activities in the field of combating crime // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 135-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_135.*

Статья поступила в редакцию: 01.05.2026

При осуществлении координационной деятельности одной из основных целей является снижение преступности в целом и повышение раскрываемости преступлений. В связи с этим представляет интерес вопрос, насколько эффективна данная деятельность для достижения этих целей. Внедрение эффективных регулятивных механизмов в практику правоохранительного взаимодействия требует создания объективной системы обратной связи. Инструментальным базисом такого механизма выступает научно обоснованная система критериев и показателей, позволяющая всесторонне оценить качество и результативность координационной деятельности прокуратуры.

Однако на сегодняшний день возможность объективно установить влияние координационной деятельности на конечный результат в виде снижения преступности остается ограниченной, ввиду отсутствия такой системы.

В юридической науке вопросам эффективности координации деятельности правоохранительных органов не уделялось значительного внимания, которого заслуживает данный вопрос. Ключевая сложность данного вопроса заключается и в отсутствии каких-либо законодательных конструкций, нормативно закрепленных критериев и показателей, предназначенных для определения эффективности координационной деятельности. Отсутствие научно обоснованных критериев и показателей не позволяет с достоверностью оценить, насколько эффективно работают координационные механизмы и какое конкретное влияние они оказывают на динамику преступности.

На данный момент, когда речь заходит об определении эффективности координационной деятельности, все сводится лишь к анализу статистических данных, но, статистика снижения/повышения преступности не всегда отражает эффективность координационной деятельности, поскольку, помимо координационной деятельности на отдельные виды преступности, и в целом, на всю преступность в обществе также влияют иные факторы. Можно выделить две основных группы, это: 1) социально-политические факторы - социальные, политические, экономические процессы и явления, влияющие на увеличение/уменьшение преступности в обществе и государстве (вопросы миграции, безработицы, и т.д.);

2) юридические факторы — это изменения уголовного законодательства, расширяющие либо сужающие сферу преступного и наказуемого, изменяющие классификацию и квалификацию преступлений.

Очевидно, что для того, чтобы координационные мероприятия достигали поставленных целей и задач, их нужно оценивать через критерии и показатели эффективности. Оценка деятельности правоохранительных органов представляет собой процесс определения эффективности их деятельности в ходе реализации целей и задач органа государственной власти в соответствии с его компетенцией, позволяющий получить существенную, значимую информацию для принятия дальнейших управленческих решений и влияния на борьбу с преступностью. При этом вопросы оценки эффективности координационной деятельности прокуратуры относятся к числу наиболее дискуссионных в научной литературе [1]. Эффективность координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, с учетом доктринальных позиций [2,3,4] - это степень достижения целей совместной правоохранительной деятельности, выражающаяся в соответствии фактических результатов заранее установленным целям и задачам, при условии оптимального использования сил, средств и ресурсов взаимодействующих субъектов, а также характеризующая уровень внутренней организованности и готовности системы к решению поставленных задач.

Как обоснованно указывает Ф.М. Кобзарев, внешне решение обозначенных задач и достижение целевых установок координационной деятельности действительно может восприниматься как отражение характеристики эффективности координации. Однако для вынесения суждения о том, насколько результативно функционирует данный механизм, требуется применение специального оценочного инструментария по выявлению и анализу качественных параметров координационной работы [5].

В связи с этим, оценка координационной деятельности правоохранительных органов должна базироваться на четких критериях эффективности, под которыми понимаются конкретные измерители - как количественные, так и качественные, характеризующие процесс борьбы с преступностью. Данные измерители заложены в основу итоговых показателей координационный деятельности. Среди них можно выделить две категории: организационно-управленческая и статистико-криминологическая.

Организационно-управленческие критерии эффективности представляют собой систему показателей, характеризующих качество организации взаимодействия между субъектами координационной деятельности по борьбе с преступностью. С учетом анализа доктринальных источников [6,3], можно выделить 5 основных организационно-управленческих критериев: 1) наличие планов координационной деятельности и их содержание; 2) полнота использование форм координации; 3) своевременность и полнота исполнения решений координационных совещаний; 4) количество участников координационной деятельности; 5) степень участия в координационной деятельности иных субъектов борьбы с преступностью. Стоит отметить, что данный перечень лишь отчасти описывает процесс координации деятельности, и больше с формальной стороны (планы, явка, формы).

Исходя из этого, предлагается расширить данный перечень, рассмотрев дополнительные показатели в рамках организационно-управленческих критериев: 1) регулярность (периодичность) проведения координационных мероприятий - позволяет оценить, носит ли координация системный характер или является разовой реакцией на резонансные события; 2) уровень информационно-аналитического обеспечения координационной деятельности - наличие/отсутствие единых банков данных, качество аналитических справок, обмен оперативной информацией между ведомствами; 3) степень автоматизации и цифровизации процессов координации -анализ использования современных технологий для быстрого оповещения, совместного мониторинга ситуации и контроля исполнения; 4) своевременность выявления проблем и выработки совместных решений - определение степени оперативности реагирования на новые угрозы, в части тенденций по определенным видам преступлений; 5) соотношение запланированных и фактически достигнутых результатов координационных мероприятий - будет представляться оценка эффективности планирования и качества реализации; 6) уровень ресурсного обеспечения координационных мероприятий - достаточность выделяемых сил, средств, финансирования для проведения совместных операций и совещаний; 7) наличие/отсутствие системы контроля и мониторинга за ходом координационной деятельности - наличие/отсутствие механизмов, отслеживающих не только конечное исполнение решений, но и сам процесс.

Представленные дополнительные критерии позволяют оценить: глубину взаимодействия (информационное обеспечение, автоматизация); результативность управления (достижение целей, решение проблем); обеспеченность процесса (ресурсы, кадры); долгосрочный эффект. Такой подход делает систему критериев более пригодной для комплексной оценки эффективности управления.

Количественные (статистические) критерии эффективности. Данная группа критериев представляет собой систему формализованных, поддающихся числовому измерению показателей, отражающих состояние, структуру, динамику преступности и результаты правоприменительной практики. В отличие от организационно-управленческих критериев, оценивающих качество процесса взаимодействия, данная группа критериев фиксирует результирующий эффект реализации форм координации правоохранительных органов. Они базируются на данных официальной статистики и криминологических исследований и позволяют объективно оценить, как совместная работа ведомств влияет на криминальную ситуацию.

С учетом специфики координационной деятельности можно выделить следующие количественные критерии эффективности: 1) изменение общего процента преступности - динамика объема преступности по всем видам и категориям; 2) объем раскрытых преступлений - общий уровень раскрываемости; 3) тенденции изменения показателей раскрываемости преступных деяний.

Однако при использовании только этих данных можно получить лишь усредненную картину. Для более точной оценки влияния координационной деятельности на состояние преступности можно выделить дополнительные критерии: 1) динамика латентной (скрытой) преступности - оценивается через соотношение зарегистрированных преступлений к данным опросов и медицинской статистики - чем меньше латентности, тем лучше координация при выявлении; 2) показатели рецидивной преступности - динамика повторных преступлений; 3) усредненные сроки расследования уголовных дел - сокращение сроков может говорить о слаженности координации. Однако, оценивать данный критерий нужно в совокупности с иными показателями; 4) количество уголовных дел, по которым истекли сроки давности в связи с нераскрытием - негативный показатель, характеризующий

недоработки в координации; 5) показатели "двойной работы" - количество уголовных дел, возвращенных судом для дополнительного расследования.

Ведомственный подход к оценке эффективности представлен в приказе Генерального прокурора РФ [7], которым утвержден и введен в действие статистический отчет «сведения о работе прокурора по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». В рамках данного статистического отчета в качестве оценки, определения критерия эффективности координационной деятельности предлагается использовать следующие данные: 1) количество проведённых координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; 2) количество вопросов по направлениям борьбы с преступностью, рассмотренных на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов; 3) количество проведенных межведомственных совещаний; 4) количество созданных межведомственных рабочих групп по отдельным направлениям совместной деятельности и другие показатели, отражающие *число* проведенных координационных мероприятий.

Для демонстрации преимущества предлагаемого в данной статье подхода, (который основан на доктринальных источниках) по сравнению с существующим ведомственным, можно провести их сравнительный анализ, представленный в виде таблицы ниже.

Сравнительный анализ ведомственного подхода, представленного в Приказе Генерального прокурора РФ № 762 и предлагаемого подхода:

Критерий сравнения	Ведомственный подход	Предлагаемый подход
Объект оценки	Активность прокурора как координатора	Результативность скоординированной системы в целом
Предмет измерения	Количество проведенных мероприятий	Результат - изменение криминальной ситуации и социальный эффект
Характер показателей	Исключительно количественные, формальные	Комплексные: количественные + качественные

Очевидно, что ведомственный подход фиксирует лишь факт и количество проведения мероприятий (количество совещаний, групп, документов), но не оценивает их качество и последствия. Предложенный подход дополняет существующий оценкой регулярности, информационно-аналитического обеспечения, цифровизации, своевременности выявления проблем, ресурсного обеспечения, контроля. Таким образом, ведомственный подход оценивает количество действий, предложенный, помимо этого, качество координационной деятельности.

Также ведомственная отчетность не содержит показателей влияния координации на преступность, что создает разрыв между деятельностью и ее эффектом. Предложенный подход включает динамику преступности, раскрываемость, процессуальные и судебные показатели. Разработанный подход дополняет ведомственные показатели качественными и результативными критериями, превращая формальную отчетность в инструмент реальной оценки эффективности.

Подводя итог, можно отметить, что в правовом поле отсутствует достаточный инструментарий для оценки достижения целей координации, а существующая практика сведения оценки к статистике преступности или проводимых координационных мероприятий методологически несостоятельна. Сравнительный анализ показал, что действующая отчетность фиксирует лишь формальную активность участников, в то время как подлинная оценка достижима лишь через комплексную систему критериев, объединяющую качество организации координации и влияние на преступность. Для преодоления пробела следует провести существенную реформу существующей оценки эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, дополнив статистические и организационно-управленческие критерии оценки эффективности координации, систематизированные на основе доктринальных источников, предложенными выше критериями. Представленные критерии следует закрепить в межведомственном акте, а также создать в прокуратурах аналитические подразделения для анализа данных в отношении этих критериев.

Список литературы:

1. Ергашев Е. Р., Леготин А. О. Мониторинг как важнейший инструмент в деятельности российской прокуратуры // Российский юридический журнал. 2024. № 5. С. 111–116.
2. Кобзарев, Ф. М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью / Ф. М. Кобзарев // Законность. — 2014. — № 11. — С. 20–23.
3. Омарова, Х. М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью / Х. М. Омарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 7. — С. 144–147.
4. Исаенко, В. Н. Проблемы оценки эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / В. Н. Исаенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 5 (43). — С. 31–36.
5. Кобзарев Ф.М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Законность. 2014. № 11 (961). С. 21.
6. А.Н. Варыгин, С.Ю. Бытко: «К вопросу об эффективности координационной деятельности органов прокуратуры». Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 232.
7. Приказ Генерального прокурора РФ от 16 декабря 2021 года N 762 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета "Сведения о работе прокурора по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью" по форме КДПО и Инструкции по его формированию» .- Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. Ergashev E. R., Legotin A. O. Monitoring as the most important tool in the activities of the Russian prosecutor's office // Russian Law Journal. 2024. No. 5. pp. 111-116.
2. Kobzarev, F. M. Evaluation of the effectiveness of the prosecutor's office's coordination activities to combat crime / F. M. Kobzarev // Legality. 2014. No. 11. pp. 20-23.
3. Omarova, H. M. Evaluation of the effectiveness of the Prosecutor's Office's coordination activities in combating crime / H. M. Omarova // Humanities, socio-economic and social sciences. - 2015. — No. 7. — pp. 144-147.
4. Isaenko, V. N. Problems of evaluating the effectiveness of coordinating the activities of law enforcement agencies in combating crime / V. N. Isaenko // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. — 2014. — № 5 (43). — Pp. 31-36.
5. Kobzarev F.M. Evaluation of the effectiveness of the prosecutor's office's coordination activities in combating crime // Legality. 2014. No. 11 (961). p. 21.
6. A.N. Varygin, S.Y. Bytko: "On the issue of the effectiveness of the coordination activities of the prosecutor's office." Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 1 (150). p. 232.
7. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 762 dated December 16, 2021 "On approval and Implementation of the statistical report "Information on the work of the prosecutor in coordinating the activities of law enforcement agencies in combating crime" in the form of a KDPO and Instructions for its formation."- Access from the ConsultantPlus legal reference system.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_138

УДК 349.41; 332.38

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ВИДА РАЗРЕШЁННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CHANGES IN THE PERMITTED USE OF A LAND PLOT

ЕЛИСЕЕВ Кирилл Алексеевич,
Инспектор по объектам нежилого фонда,
Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Имущество Санкт-Петербурга,
Агентство имущественных отношений Южного направления»;
магистрант, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская улица, 3/6.
e-mail: kirilllleliseevv@gmail.com

ЧЕРНЫХ Антонина Борисовна,
кандидат социологических наук, доцент права; Член-корреспондент Российской инженерной академии,
доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики;
доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская улица, 3/6.
e-mail: antonina_komar@bk.ru

ELISEEV K.A.,
Inspector for non-residential facilities, St. Petersburg State Government Institution
"Property of St. Petersburg, Agency of Property Relations of the Southern direction"
Master's student Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: kirilllleliseevv@gmail.com

CHERNYKH A.B.,
PhD in Sociology, Associate Professor of Law; Corresponding Member of the Russian Engineering Academy
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics;
Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: antonina_komar@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются основные проблемы, которые могут возникнуть в ходе правового регулирования трансформации категории разрешенного применения земли. Проводится изучение прецедентов, созданных судебной системой, в отношении правового регулирования смены функционального назначения земельных наделов, а также рассматривается вопрос о толковании данного понятия в различных существующих источниках. Проблемы в юриспруденции возникают из-за несогласованности и взаимозависимости нормативных документов, регламентирующих порядок изменения разрешенного использования земли. Отсутствие в текущем законодательстве однозначного толкования этого юридического понятия создает неясность в его понимании. Анализ судебных решений по данной категории дел демонстрирует, что в большинстве случаев суды корректно интерпретируют и применяют правовые нормы при рассмотрении споров, касающихся модификации вида разрешенного использования земельных наделов.*

Abstract: *This article examines the main issues that may arise during the legal regulation of changes in the permitted land use category. It examines precedents established by the judicial system regarding the legal regulation of changes in the functional purpose of land plots, and examines the interpretation of this concept in various existing sources. Problems in jurisprudence arise from the inconsistency and interdependence of regulatory documents governing the procedure for changing the permitted land use. The lack of a clear interpretation of this legal concept in current legislation creates ambiguity in its understanding. An analysis of court decisions in this category of cases demonstrates that in most cases, courts correctly interpret and apply legal norms when considering disputes related to the modification of the permitted use of land plots.*

Ключевые слова: *проблемы правового регулирования, изменение вида разрешенного использования земельного участка, земельный участок, судебная практика.*

Keywords*: legal regulation issues, changes in the permitted use of a land plot, land plot, judicial practice.*

Для цитирования: *Елисеев К.А., Черных А.Б. Проблемы правового регулирования изменения вида разрешённого использования земельного участка // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_138.*

For citation*: Eliseev K.A., Chernykh A.B. Problems of legal regulation of changes in the permitted use of a land plot // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_138.*

Статья поступила в редакцию: 05.04.2026

Основой для определения юридического положения земельного участка выступает его классификация в рамках установленной категории земель и утвержденного вида разрешенного использования, что регламентируется нормами земельного права. Недостаток единого, согласованного толкования дозволенного землепользования представляет собой вызов для научных исследований, нормативных актов и местной практики регулирования земельных отношений. Это обуславливает актуальность темы в данном исследовании. Данный пробел приводит к осложнениям в работе муниципальных органов. Одновременно с этим, земельное законодательство не предоставляет однозначного алгоритма для установления видов разрешенного использования земли.

Ряд деятелей правовой науки полагают, что определение разрешенного вида использования земельных участков предполагает строго установленную цель предназначения территории. Сущность разрешенного использования определяется правами граждан на эксплуатацию зе-

мельного участка.

Данное толкование способствует более четкому пониманию и устранению неоднозначностей, что делает более прозрачной саму идею разрешенных видов землепользования.

Рассматривая в перспективе, возможно увидеть, как различные виды землепользования входят в общую правовую систему, регулирующую управление земельными ресурсами. Отдельное внимание уделяется последовательности классификации и использования земель, что способствует более упорядоченному определению правомерного использования земельных участков.

В силу того, что любые операции с земельным участком непосредственно зависят от его разрешенного использования, вопросы изменения и установления данного вида остаются актуальными.

Юридические сложности возникают из-за многозначности толкования и отсылочного характера нормативно-правовых актов, регулирующих данную область, и которые регламентируют процедуры, касающиеся изменения дозволенного использования территорий. В действующем законодательстве нет четко зафиксированного определения данного юридического термина, что порождает неясность в его трактовке.

В п. 2 ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2026) (далее – ЗК РФ) зафиксированы базовые принципы допустимого землепользования, устанавливающие соответствие правового регулирования земельных территорий характеру их разрешенного использования. Данная норма базируется на одном из фундаментальных положений земельного права, отраженном в абз. 8 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ, который связывает правовое положение земельных участков, а также специфическая классификация и разрешенные методы использования обусловлены территориальным зонированием и нормативно-правовыми документами. Сведения о принадлежности к той или иной категории земель в недостаточной степени отражают правовой режим конкретного участка.

В соответствии с основополагающими нормами земельного законодательства, характер эксплуатации земельного надела должен соответствовать установленному для него виду разрешенного использования. Тем не менее, данное предписание не всегда реализуется на практике с должной степенью точности.

В Российской Федерации земля и прочие природные ресурсы, являющиеся фундаментальной основой существования населяющих её территорию этносов, подлежат действенному применению и охране в соответствии с конституционными нормами. Допускаются различные виды прав собственности на указанные объекты, в том числе индивидуальная, федеральная, региональная и другие.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ) определяет, что субъекты, обладающие правами на земельные наделы и иные естественные ресурсы, вправе осуществлять правомочия владения, применения и распоряжения ими по собственному усмотрению, при условии отсутствия негативного воздействия на экологическую обстановку и соблюдения прав и интересов третьих лиц. Регламент и процедура землепользования определяются на основании федерального законодательства.

Конституция закрепляет основополагающий принцип земельного права, которым выступает классификация земель, основанная на их целевом использовании. Юридический статус земельных наделов непосредственно зависит от их классификации и допустимых видов использования, которые устанавливаются согласно территориальному зонированию и нормативным требованиям. Собственники земельных участков и другие лица, обладающие правами на землю, несут обязательство по использованию земли в строгом соответствии с установленным целевым назначением, категорией земель и разрешенными видами деятельности на данной территории.

Ст. 7 ЗК РФ определяет разделение земельных ресурсов на территории Российской Федерации на разные категории. Например, земли обладающие особой природоохранной значимостью; земли, составляющие лесной фонд страны; земли, формирующие водный фонд; и земли, находящиеся в резерве и т.д.

Вопросы, касающиеся градостроительного зонирования территорий, подпадают под юрисдикцию Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ). В соответствии с пунктом 7 статьи 1 данного кодекса, территориальные зоны представляют собой участки, чьи границы определены в правилах землепользования и застройки, и для которых установлены градостроительные регламенты.

Согласно ст. 30 ГрК РФ, схема градостроительного зонирования отображает границы территориальных зон, в то время как перечень допустимых вариантов использования земельных наделов и строительных объектов представлен в градостроительном регламенте. Упомянутая схема и регламенты являются составной частью правил землепользования и застройки, которые, помимо прочего, определяют порядок внесения изменений в перечень разрешенных видов использования земельных участков и объектов капитального строительства по инициативе субъектов правоотношений.

Принципы установления территориальных зон, их систематизация и составные части регулируются положениями ГрК РФ.

Владельцы земельных наделов обладают полномочиями самостоятельно определять основные и дополнительные виды деятельности, допустимые для реализации на их территории, без обязательного оформления дополнительных разрешений или согласований.

В Государственном кадастре недвижимости в разделе расширенных сведений об объекте недвижимости отражается принадлежность земельного участка к определенной категории земель и допустимые варианты его эксплуатации. Эта информация вносится в соответствии с положениями ч.5 ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Для каждой территориальной зоны утверждаются градостроительные регламенты, регулирующие порядок использования земли и осуществления застройки. В рамках этих регламентов для каждой зоны определяются разрешенные виды использования земельных участков.

В зависимости от решения, принятого местным сообществом, предлагается перечень видов использования, утверждаемый в процессе разработки или внесения изменений в правила землепользования и застройки.

ЗК РФ, устанавливает принцип самостоятельного определения вида разрешенного использования в пределах, установленных градостроительным зонированием. Это означает, что владельцы земли могут выбирать любой допустимый вид использования без дополнительных разрешений и согласований.

Несмотря на декларируемую свободу выбора, градостроительные нормы вносят значительные изменения, разделяя территории со свободным выбором типа использования и земли, подверженные строгим ограничениям. Существуют земельные категории, которые не регулируются градостроительными регламентами, а также участки, к которым данные регламенты не применимы.

Концепция целевого назначения земельного участка тесно связана с его классификацией в соответствии со ст. 7 ЗК РФ. Разрешенное использование, в свою очередь, определяет конкретные цели, для которых данный участок может быть законно использован.

Определение правового статуса и полного спектра допустимых видов использования земельных участков осуществляется на базе классификации видов разрешенного землепользования, закрепленной в Приказе Росреестра № П/0412 от 10.11. 2020, утвердившем соответствующий классификатор. Имеется ввиду Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков»

В 2010 году в п. 3 ч. 2 ст. 7 ЗК РФ была внесена норма, предусматривающая согласование допустимого использования земельных наделов с утвержденным классификатором. Однако, указанный классификатор был введен в действие лишь в 2014 году и в дальнейшем подвергся актуализации в 2020 году. Данный временной разрыв обусловил возникновение коллизий в процедурах установления и модификации разрешенных видов использования земельных участков, что потенциально создавало условия для злоупотреблений.

До введения классификатора в кадастровых документах зачастую применялись неоднозначные определения, например, «для прочих целей», либо вносился избыточно широкий перечень возможных вариантов использования с целью обеспечения правовой защиты. Подобные записи занимали значительный объем в документации и оказывали влияние на кадастровую стоимость участка, что впоследствии могло отразиться на величине земельного налога.

Легитимность разрешенного использования, определенного до момента введения классификатора в действие, сохраняется независимо от его соответствия актуальным нормам. Внедрение системы классификации позволило упорядочить процессы определения и корректировки допустимых способов эксплуатации земельных участков. На сегодняшний день, установление типа разрешенного землепользования выполняется в строгом соответствии с утвержденными нормами и правилами, на основании положений действующего классификатора.

С момента вступления в силу нового классификатора типов разрешенного землепользования, владелец земли имеет право начать процесс установления соответствия текущего использования его участка положениям классификатора, подав заявление в местную администрацию. Указанный орган обязан осуществить проверку и подтвердить это соответствие в течение определенного периода, составляющего тридцать дней.

На основании полученного подтверждения в Единый государственный реестр недвижимости вносятся изменения относительно разрешенного вида использования земельного участка.

Анализ судебных решений демонстрирует, что в случае бездействия муниципального органа после получения заявления о приведении вида разрешенного использования в соответствие с классификатором, или при наличии необоснованного отказа, оспоренного в судебном порядке, требования истца, как правило, удовлетворяются [1].

Для достижения единообразия в подходах судов общей юрисдикции и арбитражных трибуналов при рассмотрении дел, касающихся корректировки разрешенного использования земельных участков, Верховный Суд РФ, опираясь на ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», провел изучение и упорядочивание имеющейся судебной практики.

Анализ судебных решений по данной категории дел демонстрирует, что в большинстве случаев суды корректно интерпретируют и применяют правовые нормы при рассмотрении споров, касающихся модификации вида разрешенного использования земельных наделов. Вместе с тем, в процессе рассмотрения дел возникают определенные трудности, в частности, при идентификации лиц, имеющих право на инициирование процедуры изменения вида разрешенного пользования; а также при принятии во внимание специфических обстоятельств, когда возможность изменения целевого назначения земли ограничена действующим законодательством, и при соблюдении процессуальных аспектов данной процедуры.

Владелец земельного надела, которому было выдано разрешение на создание и дальнейшее использование спортивно-оздоровительного комплекса, подал официальное обращение в регистрационный орган. Целью обращения является инициирование процедуры внесения изменений в установленные параметры разрешенного использования данного объекта недвижимости в целях соответствия основному виду "здравоохранение", как это установлено действующими градостроительными нормами.

Регистрирующий орган отклонил запрос на внесение изменений в кадастровый учет вида разрешенного использования, ссылаясь на отсутствие решения органа власти (местного самоуправления), санкционирующего данное изменение.

Не приняв отказ, организация подала иск в судебные инстанции, оспаривая его законность. Решением нижестоящего суда, подтвер-

жденным апелляционной инстанцией, требования истца не были удовлетворены. Судебные органы сочли аргументы регистрирующего органа правомерными и достаточными для отклонения запроса на внесение изменений в данные об объекте недвижимости.

Тем не менее, кассационный суд отменил предшествующие судебные акты и признал решение регистрирующего органа необоснованным, мотивируя это следующими обстоятельствами.

Согласно положениям, закрепленным в п. 4 ст. 37 ГрК РФ, а также в п. 3 ст. 85 ЗК РФ, лицо, обладающее правами на земельный участок, имеет право самостоятельно определять основные и вспомогательные виды разрешенного использования в пределах установленных градостроительных регламентов. Данное право реализуется при условии соблюдения технических регламентов и не требует получения каких-либо дополнительных разрешений или согласований с уполномоченными органами.

Исходя из вышесказанного и положений ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, владелец участка вправе независимо выбирать варианты разрешенного использования, предусмотренные для данной территории.

Изменение информации о разрешенном использовании в упомянутых обстоятельствах осуществляется посредством подачи заявления заинтересованным лицом и предоставления документации, необходимой для кадастрового учета, через процедуру внесения изменений в кадастровые сведения об объекте недвижимости.

Судом было констатировано соответствие заявленного типа использования земельного надела одному из установленных для данной территориальной зоны, где располагается участок, принадлежащий организации.

В этой связи, запросы регистрирующего учреждения о предоставлении дополнительных бумаг, включая акт органа власти на уровне государства или муниципалитета об изменении типа разрешенного использования, были квалифицированы судебной инстанцией как необоснованные и неправомерные.

Вместе с тем, необходимо учитывать вероятность недобросовестного использования предоставленного права. В частности, отдельные землевладельцы могут предпринимать попытки изменения действующего вида разрешенного использования, ущемляя интересы других лиц. Отсутствие исчерпывающего списка законных причин для отклонения подобных ходатайств представляет собой значительную трудность.

Вместе с тем, в процессе рассмотрения дел возникают определенные трудности, в частности, при идентификации лиц, имеющих право на инициирование процедуры изменения вида разрешенного пользования; а также при принятии во внимание специфических обстоятельств, когда возможность изменения целевого назначения земли ограничена действующим законодательством, и при соблюдении процессуальных аспектов данной процедуры.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложности возникают при определении правовых последствий несоблюдения установленного порядка изменения вида разрешенного использования и последствий эксплуатации. Действия, связанные с земельным участком, осуществленные в противоречие с действующими нормами и установленными требованиями, считаются нарушением. При условии наличия утвержденных градостроительных регламентов, действующих на определенной территории, собственник земельного участка обладает правом самостоятельного выбора как основных, так и вспомогательных видов использования данного участка. В таком случае, получение дополнительных разрешений или согласований от органов местного самоуправления не требуется.

В связи с этим, юридическая концепция допустимого применения земельных наделов сохраняет свою сложность и динамичность. Несмотря на то, что классификатор был введен в действие в 2014 году и наблюдается непрерывное развитие законодательной базы, прецедентное право продолжает эволюционировать. Предполагается, что будущие судебные решения окажут значительное влияние на определение векторов развития этой правовой структуры и методов её оптимизации.

Таким образом, с целью достижения единого понимания и применения норм права представляется целесообразным закрепление определения типов разрешенного использования земель на уровне законодательства.

Анализ действующих нормативных правовых актов и судебных решений показывает, что отсутствие однозначного определения понятия вида разрешенного использования земельного участка порождает множество споров.

Следует установить, что основной целью является внесение ясного и официально утвержденного определения видов разрешенного использования земельных участков в законодательство.

Для результативного устранения указанного затруднения необходимо совершенствование нормативно-правовых актов, усиление механизмов государственного контроля в области землепользования, а также повышение профессионального уровня специалистов, работающих в данной сфере.

Список литературы:

1. Щебленков М.Е. К вопросу об определении понятия «виды разрешенного использования земельных участков» // Евразийская адвокатура. - 2024. - № 4 (69). - С. 95 -98.

References:

1. Shcheblenkov M.E. On the issue of defining the concept of "types of permitted use of land" // Eurasian Advocacy. - 2024. - № 4 (69). - Pp. 95-98.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_142

УДК 342

СИСТЕМА И ЮРИДИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: ПОТРЕБНОСТЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ
THE SYSTEM AND LEGAL PROPERTIES OF STATE STRATEGIC PLANNING ACTS: THE NEED FOR TRANSFORMATION

МУСАТОВА Светлана Геннадьевна,
старший преподаватель Высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680042, Росси, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 013089@togudv.ru

MUSATOVA Svetlana Gennadyevna,
Senior Lecturer of Graduate School of Theory of Law and Private Law Pacific State University.
136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russia.
E-mail: 013089@togudv.ru

Краткая аннотация: *Неотъемлемой частью государственного управления является система стратегического планирования. Порядок и формы осуществления государственного планирования носят концептуальный характер и имеют существенные отличия от иных видов государственных функций, поскольку задачи сформулированы по направлениям опережающего назначения и находят решение посредством аналитической работы. Несмотря на высокий уровень правовой организации стратегических функций, остается открытым вопрос о неоднозначной правовой природе документов стратегического планирования и определения их положения в структуре национальной правовой системы. Интерес к теме исследования обусловлен активными проектными процессами, приемами и методами государственного управления, адаптированными к современным условиям. В статье рассматриваются виды стратегических актов, их правовая сущность. Предпринята попытка определения соотношения стратегических актов по предназначению и нормативным свойствам. Предположены некоторые подходы, способные оказать позитивное влияние на повышение эффективности правового регулирования в сфере государственного планирования.*

Abstract*: An integral part of public administration is the strategic planning system. The order and forms of state planning are conceptual in nature and have significant differences from other types of government functions, since the tasks are formulated in the areas of priority assignment and are solved through analytical work. Despite the high level of legal organization of strategic functions, the question of the ambiguous legal nature of strategic planning documents and the definition of their position in the structure of the national legal system remains open. The interest in the research topic is due to active project processes, techniques and methods of public administration adapted to modern conditions. The article examines the types of strategic acts and their legal nature. An attempt has been made to determine the ratio of strategic acts by purpose and regulatory properties. Some approaches are suggested that can have a positive impact on improving the effectiveness of legal regulation in the field of public planning.*

Ключевые слова*: функции государства, стратегическое планирование, стратегии, концепции, доктрины, основы государственной политики, органы публичной власти, источники права.*

Key words*: state functions, strategic planning, strategies, concepts, doctrines, foundations of public policy, public authorities, sources of law.*

Для цитирования: *Мусатова С.Г. Система и юридические свойства актов государственного стратегического планирования: потребность в трансформации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_142.*

For citation*: Musatova S.G. The system and legal properties of state strategic planning acts: the need for transformation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_142.*

Статья поступила в редакцию: 14.03.2026

Государственное стратегическое планирование рассматривается как механизм реализации «долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации» по направлениям опережающего назначения [5]. Стратегические проекты разрабатываются с учётом разнообразных факторов, определяющих потребности населения, уровень развития страны и статуса её политического влияния. Сложился документальный массив правового регулирования отражающий порядок и форму работы по стратегическому планированию, формированию национальной политики и национальной безопасности.

Несмотря на высокий уровень правовой организации стратегических функций, остается открытым вопрос о неоднозначной правовой природе документов стратегического планирования и определения их положения в структуре национальной правовой системы.

Эти вопросы являются предметом активных научных дискуссий. В контексте обсуждения проблемы представляют интерес научные взгляды и исследования, например, мнение Ежуковой О.А. в части обоснования необходимости оценки документов стратегического содержания на их принадлежность к системе источников права и наличия у них признаков нормативности [25]. Болдырев О.Ю. по результатам исследования считает необходимым концептуально определить инновационные подходы по созданию системного правового регулирования стратегического управления и его ресурсно-финансового обеспечения, направленного на реализацию миссии социального государства [23]. В результате научного анализа Мамяшева Д.Р. приходит к выводу о нетипичной правовой природе стратегических документов, относя их к категории смешанных актов [27]. Воронкова С.В. обращаясь к вопросу об эффективности стратегического планирования отмечает «… нормативные акты, регулирующие сферу стратегического планирования, не формируют завершенную систему» [24]. Садовская Т.Д. указывает на проблемы правового обеспечения государственного планирования системного характера: «не приняты важнейшие документы стратегического планирования, взаимоувязанная система документов стратегического бюджетного планирования не сформирована, правовой статус национальных проектов законодательно не закреплен» [28].

Большинство ученых, вовлеченных в исследование стратегической политики, приходят к выводу об обилии правовых актов в сфере планирования и необходимости создания единого системного подхода к документам стратегического планирования, а также усматривают целе-

сообразность в установлении соотношения стратегических документов по юридическим свойствам.

Реализация стратегических проектов и актов основана на бюджетировании и опосредована распорядительными и контрольными функциями органов исполнительной власти. Стратегические документы различаются аспектуально, по уровню принятия, целевым приоритетам, основополагающим подходам к задачам, масштабам реализации. Не представляется возможным в упрощенном порядке установить иерархию актов в связи с неочевидностью принципиальных отличий этих документов. При ранжировании документов можно опираться на различные правовые константы: статус органа публичной власти, принимающего акт и его компетенции; правовой смысл документа и особенности его реализации. Обратим внимание на то, что законодатель не рассматривает стратегическое планирование с позиции источника права, а определяет как "документированную информацию, разрабатываемую, рассматриваемую и утверждаемую (одобряемую) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования" [5].

Стратегические документы утверждаются президентскими и правительственными решениями, выполняют разные задачи, поэтому признаки нормативности в разных стратегических документах проявляются в разном объеме. Большая часть документов стратегических документов принята или утверждена указами Президента Российской Федерации. Однако, статья 11 Федерального закона РФ от 28 июня 2014 № 172 ФЗ «О Стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее по тексту Федеральный закон №172) в перечень документов стратегического планирования президентские указы не включает и в качестве первоочередного документа стратегического планирования в статье 15 Федерального закона №172 называет ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики государства [5].

Статус ежегодных посланий Президента Российской Федерации по фундаментальным приоритетным вопросам внутренней и внешней установлен содержанием конституционной нормы. Сложилась практика двух типов ежегодных посланий: адресованные Федеральному Собранию Российской Федерации и Бюджетные послания (используемые в период с 1997 по 2013 годы). Послания не обладают признаками нормативных предписаний, не имеют формального нормативного закрепления, но при этом согласуются с конституционными принципами, облечены в форму правового обращения первого лица государства и обязательны для исполнения органами публичной власти. Липинский Д.А., Иванов А.А. по данному вопросу указывают на недостатки посланий в связи с не выраженностью признаков нормативности и, как следствие, возникающих вопросов о юридической силе и сложностей в применении мер юридической ответственности [26].

Стратегическая работа Правительства Российской Федерации осуществляется согласно президентскому указу от 11 мая 2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», определяющему функции федеральных органов исполнительной власти и федеральных министерств, руководство которыми возложено на Правительство Российской Федерации [8]. Правительство Российской Федерации обеспечивает реализацию национальных проектов, определяет отраслевые цели развития, формирует федеральные целевые программы и государственные программы; формирует общенациональные планы и планы деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Обращает внимание многообразие форм правительственных стратегических документов (стратегии, единый план, перечень инициатив) [17, 18, 21]. В настоящее время реализуется порядка пятидесяти стратегий по наиболее важным социально-экономическим вопросам, утвержденных правительственным распоряжением. При этом согласно статье 5 Федерального конституционного закона от 06 ноября 2020 «О Правительстве Российской Федерации» № 4-ФКЗ распоряжения Правительства Российской Федерации не обладают нормативностью, что также порождает вопросы об определении юридических свойств этих документов [2].

На наш взгляд наиболее информативным является анализ стратегических документов в содержательном аспекте. В первую очередь определим содержательный статус доктрин и концепций, как документов, создающих теоретическую правовую базу поэтапной реализации различных направлений государственной политики. Доктрины и концепции представляют собой фундаментальные теоретические научно-практические выкладки и обоснования по вопросам практической актуальности, содержание которых формирует фундамент для стратегических задач или указания на порядок их исполнения. Они служат организационной основой для создания нормативных правовых актов.

Доктрины - документы, преимущественно созданные до 2022 г., представляют собой систему официально принятых в государстве взглядов, оформленных в виде документов. Тексты доктрин представлены как совокупность аргументированных системных взглядов на конкретную проблему или группу задач отраслевого содержания. При этом, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации 1993 года, Военная доктрина не получила характеристику в качестве нормативного документа [22].

Что касается концепций, они носят рекомендательный характер и излагают системную позицию по отраслевому вопросу с представлением конкретных организационных мер или приемов, как правило с применением терминологии «рекомендовать органам государственной /исполнительной власти…».

При сопоставлении стратегий и основ политики можно заметить, что эти документы не имеют преимущества друг перед другом по юридической силе и используются разработчиками исходя из целевого предназначения, указывают объекты и субъекты регулирования, обладают комплексным характером изложения и устойчивыми характеристиками. Дальнейшая конкретизация стратегических документов по достижению национальных целей развития осуществляется в реализации программ и проектов, которые находятся в системной связи и детализируют форму, сроки и порядок реализации. В целях обеспечения открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти соответствующая информация о реализации программ размещается на портале государственных программ в телекоммуникационной сети Интернет [19].

Государственные стратегии используются как базовые документы в сфере национальной безопасности или государственной политики,

поскольку задают основные направления работы преимущественно для органов публичной власти. Например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации названа «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты» [11].

Из содержания документов следует, что основы государственной политики в разных сферах отражают официальные взгляды на актуальные проблемы государственного и общественного развития и формулируют приоритетные задачи, цели и направления государственной политики с указанием механизма реализации. Например, в Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации «определяются цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере стратегического планирования»; в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей указано, что документ устанавливает «систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета» [9, 10].

Разнообразные формы документов ранжируются по содержательным стратегическим функциям: послание является официальным обращением, концепция представляет собой рекомендации, доктрины отражают официально принятые в государстве взгляды, стратегии содержат базовые комплексные позиции, основы государственной политики определяют цели, задач и основных направлений государственной политики. Исходя из этого следует заключить, что конкретизированным признакам стратегического планирования в большей степени отвечают стратегии и основы политики. При этом данные типы документов могут быть приняты как Президентом Российской Федерации, так и Правительством Российской Федерации, и при явном отсутствии правовой конкуренции такие стратегические документы поддерживают правовое согласие на балансе государственных интересов.

Из изложенного следует, что в вопросах стратегического планирования мы сталкиваемся с излишним моделированием форм документов, что не позволяет привести их к системности в соответствие с позиционными принципами национального права, а также вызывает неясности в части компетенционных критериев. Имеют место акты, конкретизирующие поставленные задачи, при этом, не ясно является ли это уточнение реакцией на новые требования действительности или недоработкой при предыдущем планировании. Так, в части планирования развития государственной культурной политики в 2014 году указом Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 созданы Основы государственной культурной политики и 11 сентября 2024 распоряжением Правительства РФ от № 2501-р утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Из текста документов следует, что Основы государственной культурной политики определяют цели, задачи, принципы ее реализации, а Стратегия конкретизирует приоритетные направления государственной культуры и механизмы достижения [15, 16]. Результаты реализации Основ государственной культурной политики и Стратегии не являются строго синонимичными, но выражены в одном форматном контексте с некоторой детализацией посредством учета новых политических вызовов в более позднем документе. Возникает вопрос о целесообразности избранного подхода в контексте соотношения документов по юридическим свойствам.

Например, вопрос, обозначенный в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в 2016 году и в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы в 2017 году получает развитие в Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности в 2021 году, в Концепциях формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации 2022 года и информационной безопасности детей в Российской Федерации 2023 года [12-14, 17, 20]. Безусловно, отчасти это может свидетельствовать о реагировании и принятии мер в ответ на новые глобальные риски, но использование конструктивных преимуществ юридической техники в видовом многообразии актов в данном случае привело к гипердокументации. Перечисленные стратегические акты конкретизируют поставленные ранее задачи, при этом, не ясно является ли каждая последующая редакция уточняющей реакцией на новые требования или свидетельствует о недоработки при предыдущем планировании. Это порождает вопросы не только о правовом значении документов, но и о гарантиях исполнения, материальных затратах и юридической ответственности.

Подводя некоторые итоги следует признать, что стратегическое планирование изначально провозглашено в статусе документированной информации и нормативного содержания изначально актам задано не было. Следовательно, сегодня эти документы входят в правовую систему, но не обладают признаками источников права.

Таким образом формирование единой системы стратегических документов не завершено. Наблюдается вариабельность свойств стратегических документов, что вызывает противоречия в понимании их юридической природы и свидетельствует о необходимости обновления унифицированного подхода к системе стратегического планирования с учетом механизма правовых гарантий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.07.2020).
2. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 № 4-ФКЗ (в послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 45. — Ст. 7061.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 ФЗ №3 // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 12. — Ст. 1200.
4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 № 414-ФЗ (в послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 52 (часть I). — Ст. 8973.
5. О Стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ (в послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 26 (часть I). — Ст. 3378.
6. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 № 858 //Собрание законодательства РФ Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 48 (Часть IV). — Ст. 7312.
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07 мая 2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.
8. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 11 мая 2024 № 326 (ред. от 17.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2024. № 20. — Ст. 2590.
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 46. — Ст. 7977
10. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 08 ноября

2021 № 633 // Собрание законодательства РФ. —2021. — № 46. — Ст. 7676.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 (в послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть II). — Ст. 5351

12. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 № 213 // Собрание законодательства РФ — 2021. — №16 (Часть I) — Ст.2746

13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

14. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.

15. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 (ред. от 17.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7753.

16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030: распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г №2501-р // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.

17. Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 22декабря 2022 № 4088-р // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 52. — Ст. 9726.

18. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 06 октября 2021 № 2816-р. // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 41. — Ст. 7051.

19. О создании, развитии и эксплуатации аналитической информационной системы обеспечения открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (www.programs.gov.ru)" (вместе с "Положением о создании, развитии и эксплуатации аналитической информационной системы обеспечения открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (www.programs.gov.ru)"): Постановление Правительства РФ от 23 июля 2015 № 748 (ред. от 01.10.2024) // Собрание законодательства РФ — 2015. — № 31. — Ст. 4683.

20. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02 декабря 2015 № 2471-р: Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 № 1105-р // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 19. — Ст. 348.

21. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ) Текст документа использован в соответствии с публикацией на сайте http://static.government.ru по состоянию на 09.01.2025.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П "По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики"// Собрание законодательства РФ. — 14.08.1995. — № 33. — Ст. 3424; 28.08.1995. — № 35.

23. Болдырев О.Ю. Подходы к разработке федерального закона о стратегическом управлении социально-экономическим развитием // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 8. – С. 9 - 13.

24. Воронкова С.В. К вопросу об эффективности стратегического планирования // Административное право и процесс. – 2022. – № 9. – С. 6-9.

25. Ежукова О.А. К вопросу об актуализации системы источников российского конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 9-18.

26. Липинский Д.А., Иванов А.А. Юридическая аномия как фактор неопределенности целей социального развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 6–29.

27. Мамяшева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 50–59.

28. Садовская Т.Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // Финансовое право. – 2022. – № 8 – С. 11-16.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020]. – Text : electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of appeal: 07/31/2020).

2. On the Government of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 4-FKZ dated November 06, 2020 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 45. Art. 7061.

3. On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority: Federal Law No. 3 of March 20, 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2025. ¾ № 12. 4.

On the general principles of the organization of public Authority in the Subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. ¾ No. 52 (Part I). ¾ Art. 8973.

5. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). 3378.6.

On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated November 25, 2025 No. 858 //Collection of legislation of the Russian Federation Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. No. 48 (Part IV). Art. 7312.

7. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated May 07, 2024 No. 309 // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2024. ¾ № 20. ¾ Art. 2584.

8. On the structure of Federal Executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2024 No. 326 (as amended on 06/17/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2024. № 20. ¾ Art. 2590.

9. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated November 09, 2022 No. 809 // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2022. ¾ № 46. ¾ Art. 7977

10. On the approval of the Fundamentals of State Policy in the field of strategic planning in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated November 08, 2021 No. 633 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. ¾ No. 46. ¾ Art. 7676.

11. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2021. ¾ No. 27 (Part II). ¾ St. 5351

12. On approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of international information security: Decree of the President of the Russian Federation dated April 12, 2021 No. 213 // Collection of Legislation of the Russian Federation 2021. ¾ No. 16 (Part I) ¾ Art.2746

13. On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 09, 2017 No. 203 // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2017. ¾ № 20. 2901.

14. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 05, 2016 No. 646 // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2016. ¾ № 50. ¾ Art. 7074.

15. On the approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy: Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 2014 (as amended on 07/17/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 52 (part I). – Art. 7753.

16. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated September 11, 2024 No. 2501-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. № 20. 2584.

17. On approval of the Concept of formation and development of the culture of information security of citizens of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 22, 2022 No. 4088-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2022. ¾ № 52. ¾ Art. 9726.

18. On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated October 06, 2021 No. 2816-R. // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2021. ¾ № 41. ¾ Art. 7051.

19. On the creation, development and operation of an analytical information system to ensure the openness of the activities of federal executive authorities, hosted on the Internet information and telecommunications network (www.programs.gov.ru)" (together with the "Regulations on the creation, development and operation of an analytical information system for ensuring the openness of the activities of federal executive authorities, located in information and telecommunication network "Internet" (www.programs.gov.ru)"): Decree of the Government of the Russian Federation dated July 23, 2015 No. 748 (ed. dated 01.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation, 2015. № 31.

4683.20. On the approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation and the Invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 02, 2015 No. 2471-r: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2023 No. 1105-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. ¾ 2023. ¾ № 19. ¾ Art. 348.

21. The Unified Plan for achieving the national Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036 (approved by the Government of the Russian Federation). By the Government of the Russian Federation) The text of the document is used in accordance with the publication on the website http://static.government.ru as of 01/09/2025.

22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/31/1995 No. 10-P "In the case of the review of the Constitutionality of Decree No. 2137 of the President of the Russian Federation dated November 30, 1994 "On measures to restore constitutional legality and law and order on the territory of the Chechen Republic"// Collection of Legislation of the Russian Federation. 14.08.1995. № 33. St. 3424; 08/28/1995. No. 35.

23. Boldyrev O.Y. Approaches to the development of the federal law on strategic management of socio-economic development // Constitutional and municipal law. – 2025. – No. 8. – pp. 9-13.

24. Voronkova S.V. On the issue of the effectiveness of strategic planning // Administrative law and process. – 2022. – No. 9. – pp. 6-9.

25. Yezhukova O.A. On the issue of updating the system of sources of Russian constitutional law // Constitutional and municipal law. – 2025. – No. 2. – p. 9 18.

26. Lipinsky D.A., Ivanov A.A. Legal anomie as a factor of uncertainty of social development goals // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2024. – No. 1. – pp. 6-29.

27. Mamyasheva D. R. The legal nature of strategic planning acts // Legal Concept = The legal paradigm. – 2023. – Vol. 22, No. 2. – pp. 50-59.

28. Sadovskaya T.D. National projects: from management decisions to a document of strategic development // Financial law. – 2022. – No. 8 – pp. 11-16.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_146

приоритет2030^
право для лидерства

О ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРИБОВ (МИКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА)
ON THE PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION AND USE OF MUSHROOMS (MYCOLOGICAL LAW)

ДОЙНИКОВ Павел Игоревич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская улица, 9 стр. 2.
e-mail: pidoinikov@msal.ru

DOYNIKOV P.I.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law O.E. Kutafin University (MSAL).
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, 9 p. 2.
e-mail: pidoinikov@msal.ru

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Краткая аннотация: *грибопользование — это деятельность, направленная на использование грибов, как природных объектов и ресурсов, акцентированная на удовлетворение потребностей человечества в качестве и разнообразии грибов, как части окружающей среды. Выделяют принципы рационального и нерационального грибопользования пользования, а также принципы законодательного регулирования в сфере грибопользования и мониторинга состояния грибов.*

Рациональное грипопользования — это система пользования, направленная на экономное использование грибов, как природных ресурсов и их воспроизводство с учётом перспективных интересов развивающегося хозяйства и сохранения здоровья людей. Ряд принципов рационального грибопользования: комплексность подхода — учёт всех факторов, влияющих на грибы, как части окружающей среды: не только экономической выгоды, но и социальных, экологических и культурных последствий.

Эффективное управление грибами, как природными ресурсами — планирование и оптимизация использования грибов, как природных ресурсов, контроль за их воспроизводством и восполнением, минимизация негативного воздействия на грибы, как природных ресурсов.

Восстановление и рекультивация земель, как мест произрастания грибов — после добычи полезных ископаемых или иных воздействий на землю, как места произрастания грибов, необходимо вернуть ей первоначальное состояние или придать новую функцию, как природного ресурса, где произрастают грибы, например, для сельского хозяйства (выращивание грибов) или лесного хозяйства (сбора грибов).

Нерациональное грибопользование — это система природопользования, при которой в больших количествах и обычно не полностью используются наиболее легко доступные грибы, как часть природных ресурсов, что приводит к их быстрому истощению. При нерациональном грибопользовании, производится большое количество отходов, из-за чего сильно загрязняется окружающая среда, как место произрастания грибов.

Abstract: *Mushroom management is an activity aimed at utilizing fungi as natural objects and resources, focusing on meeting human needs for the quality and diversity of fungi as part of the environment. Principles of rational and irrational mushroom management are distinguished, as well as principles of legislative regulation in the field of mushroom management and monitoring of mushroom condition.*

Rational mushroom management is a system of management aimed at the economical use of mushrooms as natural resources and their reproduction, taking into account the long-term interests of developing the economy and maintaining human health. A number of principles of rational mushroom management include: a comprehensive approach – consideration of all factors affecting mushrooms as part of the environment: not only economic benefits, but also social, environmental, and cultural consequences.

Effective management of mushrooms as natural resources – planning and optimization of their use as natural resources, monitoring their reproduction and replenishment, and minimizing the negative impact on mushrooms as natural resources. Restoration and reclamation of lands used as mushroom habitats – after mining or other impacts on land used as a mushroom habitat, it is necessary to restore it to its original condition or repurpose it as a natural resource where mushrooms grow, for example, for agriculture (mushroom cultivation) or forestry (mushroom harvesting).

Unsustainable mushroom management is a system of natural resource management that overuses readily available mushrooms as part of natural resources, often incompletely, leading to their rapid depletion. Unsustainable mushroom management produces large quantities of waste, severely polluting the environment where mushrooms grow.

Ключевые слова: *грибользование; право грибопользования; микологическое право; принципы правого регулирования; охрана и использование грибов; общие принципы грибопользования; специальные принципы грибопользования; право природопользования; охрана окружающей среды; земля и лес, как природные объекты, где произрастают грибы.*

Keywords: *mushroom use; right to use mushrooms; mycological law; principles of legal regulation; protection and use of mushrooms; general principles of mushroom use; special principles of mushroom use; law on nature management; environmental protection; land and forest as natural objects where mushrooms grow.*

Для цитирования: *Дойников П.И. О принципах правового регулирования охраны и использования грибов (микологического права) // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 146-149. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_146.*

For citation*: Doynikov P.I. On the principles of legal regulation of the protection and use of mushrooms (mycological law) // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 146-149. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_146.*

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

Исходя из общей теории права принципы права - это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие, характеризующие содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни[1]. Принципы правого регулирования охраны и использования грибов

[1] *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Т.1. - Свердловск, 1972.

(микологического права), делятся на общие и специальные[1]. Общие принципы микологического права содержатся главным образом в Федеральном законе от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[2].

В соответствии со статьей 3 ФЗ «Об охране окружающей среды», хозяйственная и иная деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, оказывающая воздействие на грибы, как части окружающей среды, должна осуществляться на основе следующих принципов: соблюдение права человека на благоприятное состояние грибов, как части окружающей среды; обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека; научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития грибов, как части благоприятной окружающей среды; охрана, воспроизводство и рациональное использование грибов, как части природных ресурсов, как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности; ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятного состояния грибов, как части окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях; платность пользования грибами, как вида природопользования и возмещение вреда, грибам как части окружающей среды; независимость государственного контроля (надзора) в сфере охраны и использования грибов, как вида государственного экологического контроля (надзора); презумпция экологической опасности для грибов, планируемой хозяйственной и иной деятельности; обязательность оценки воздействия на грибы, как части окружающей среды, при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности; обязательность проведения в соответствии с законодательством Российской Федерации проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать негативное воздействие грибы, как части окружающей среды, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды[3]; учет природных и социально-экономических особенностей территорий, как мест произрастания грибов, при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности; приоритет сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов, где произрастают грибы; допустимость воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду, где произрастают грибы, исходя из требований в области охраны окружающей среды; обеспечение снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на грибы, как части окружающей среды, в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, которого можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий с учетом экономических и социальных факторов; обязательность участия в деятельности по охране грибов, как части окружающей среды, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, иных юридических лиц, граждан; сохранение видового разнообразия грибов, как части биологического разнообразия[4]; обеспечение сочетания общего и индивидуального подходов к установлению мер государственного регулирования в области охраны грибов, как элемента окружающей среды, применяемых к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим хозяйственную и (или) иную деятельность или планирующим осуществление такой деятельности; запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для грибов, как части окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации грибов, как составного элемента естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, в том числе и грибов, истощению грибов, как части природных ресурсов и иным негативным изменениям состояния грибов, как части окружающей среды; соблюдение права каждого на получение достоверной информации о состоянии грибов, как части окружающей среды, а также участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятное состояние грибов, как части окружающей среды, в соответствии с законодательством; ответственность за нарушение законодательства в области охраны грибов, как элемента окружающей среды; организация и развитие системы экологического, микологического образования, воспитание и формирование экологической, микологической культур; участие общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, иных юридических лиц, граждан в решении задач охраны грибов, как компонента окружающей среды; международное сотрудничество Российской Федерации в области охраны грибов, как части окружающей среды; обязательность финансирования юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению грибов, как компонента окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на грибы, как части окружающей среды, устранению последствий этого воздействия.

Специальные принципы правового регулирования охраны и использования грибов (микологического права), закреплены в различных федеральных законодательных актах, регулирующих отношения по охране и использованию отдельных природных объектов и ресурсов, где произрастают, либо выращиваются грибы[5].

В статье 1 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ, закреплены специальные принципы охраны и использования грибов, как природных объектов и ресурсов, которые произрастают на земле: учет значения земли, в качестве объекта где произрастают

[1] *Дойников П.И.* О принципах Фаунистического права Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2020. – № 3(35). – С. 158-161.
[2] Российская газета, N 6, 12.01.2002.
[3] Экологическое право: учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский [и др.]. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 106-124.
[4] Экология и право в XXI веке: теория и практика / Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов, О. А. Артюхин [и др.]. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2023. С.152-181.
[5] *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 193-196.

грибы, как основы жизни и деятельности человека, согласно которому регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю; приоритет охраны земли, в качестве места где произрастают грибы, как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества, согласно которому владение, пользование и распоряжение землей осуществляются собственниками земельных участков свободно, если это не наносит ущерб окружающей среде; приоритет охраны жизни и здоровья человека, согласно которому при осуществлении деятельности по использованию и охране земель, как природного объекта, где произрастают грибы, должны быть приняты такие решения и осуществлены такие виды деятельности, которые позволили бы обеспечить сохранение жизни человека или предотвратить негативное (вредное) воздействие на здоровье человека, даже если это потребует больших затрат; участие граждан, общественных организаций (объединений) и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю, как природного объекта где произрастают грибы, согласно которому граждане Российской Федерации, общественные организации (объединения) и религиозные организации имеют право принимать участие в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на состояние земель, как объекта где произрастают грибы, при их использовании и охране, а органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной и иной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и в формах, которые установлены законодательством[1]; единство судьбы земельных участков, как мест произрастания грибов и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами; приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, как мест произрастания грибов, согласно которому изменение целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель, занятых защитными лесами, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами. Установление данного принципа не должно толковаться как отрицание или умаление значения земель других категорий[2]; платность использования земли, как места произрастания грибов, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации; деление земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель, как природного объекта где произрастают грибы, определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с требованиями законодательства; разграничение государственной собственности на землю, как природного объекта, где произрастают грибы, на собственность Российской Федерации, собственность субъектов Российской Федерации и собственность муниципальных образований, согласно которому правовые основы и порядок такого разграничения устанавливаются федеральными законами; дифференцированный подход к установлению правового режима земель, как места произрастания грибов, в соответствии с которым при определении их правового режима должны учитываться природные, социальные, экономические и иные факторы; сочетание интересов общества и законных интересов граждан, согласно которому регулирование использования и охраны земель, как природного объекта где произрастают грибы, осуществляется в интересах всего общества при обеспечении гарантий каждого гражданина на свободное владение, пользование и распоряжение принадлежащим ему земельным участком[3].

При регулировании земельных отношений применяется принцип разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства в части регулирования отношений по использованию земель, как природного объекта, где произрастают грибы, а также принцип государственного регулирования приватизации земли, как места, где растут грибы[4].

Специальные принципы правового регулирования охраны и использования грибов, закреплены и в Лесном кодексе Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ[5].

Лесное законодательство и иные регулирующие лесные отношения нормативные правовые акты, как часть нормативно-правовых актов по охране и использованию грибов, основываются на следующих принципах: устойчивое управление лесами, как местами произрастания грибов, сохранение биологического разнообразия грибов, как части лесов, повышение их потенциала; сохранение средообразующих, климаторегулирующих, водоохранных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных полезных функций лесов, как мест произрастания грибов в интересах обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду[6]; использование грибов, как части лесов с учетом их глобального экологического значения, а также с учетом длительности их выращивания и иных природных свойств лесов, как мест произрастания грибов; обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов, мест произрастания грибов, для удовлетворения потребностей общества в грибах, как части леса и лесных ресурсов; сохранение лесов, как мест произрастания грибов, в том

[1] Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова [и др.]. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2024. С.39-57.
[2] *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах землепользования // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 143-146.
[3] *Дойников П.И.* О зонах с особыми условиями использования территорий, как отдельной категории земель // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 227-230.
[4] Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева, Н. Г. Жаворонкова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. С.152-211.
[5] Российская газета, N 277, 08.12.2006.
[6] Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. С.204-212.

числе посредством их охраны, защиты, воспроизводства, лесоразведения; улучшение качества лесов, как мест произрастания грибов, а также повышение их продуктивности; участие граждан, общественных объединений в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на леса, как места произрастания грибов, при их использовании, охране, защите, воспроизводстве, в установленных законодательством Российской Федерации порядке и формах; использование лесов, как мест произрастания грибов, способами, не наносящими вреда окружающей среде и здоровью человека; использование лесов, как мест произрастания грибов, по целевому назначению, определяемому в соответствии с видами лесов и выполняемыми ими полезными функциями; недопустимость использования лесов, как мест где произрастают грибы, органами государственной власти, органами местного самоуправления; платность использования лесов, как природных комплексов, где произрастают грибы[1].

Список литературы:

1. Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева, Н. Г. Жаворонкова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023.
2. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Т.1. - Свердловск, 1972.
3. *Дойников П.И.* О принципах Фаунистического права Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2020. – № 3(35).
4. *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2.
5. *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах землепользования // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2.
6. *Дойников П.И.* О зонах с особыми условиями использования территорий, как отдельной категории земель // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6.
7. Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации / М. В. Мажорина, Ю. Г. Шпаковский, В. Б. Агафонов [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024.
8. Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025.
9. Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова [и др.]. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2024.
10. Экологическое право: учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский [и др.]. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023.
11. Экология и право в XXI веке: теория и практика / Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов, О. А. Артюхин [и др.]. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2023.

References:

1. Current Issues in Land, Urban Development, and Natural Resource Law / O. A. Zinovieva, N. O. Vedysheva, N. G. Zhavoronkova [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2023.
2. Alekseev, S. S. Problems of Legal Theory. Vol. 1. – Sverdlovsk, 1972.
3. Doynikov, P. I. On the Principles of Faunistic Law of the Russian Federation // Academic Law Journal. – 2020. – No. 3(35).
4. Doynikov, P. I. On the Legal Nature, Content, and Types of Mushroom Use Law (Mycological Law) // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 2.
5. Doynikov, P. I. On the Legal Nature, Content, and Types of Land Use // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 2.
6. Doynikov P.I. On zones with special conditions of territorial use, as a separate category of land // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 6.
7. Legal regulation of environmental safety in the Arctic zone of the Russian Federation / M.V. Mazhorina, Yu.G. Shpakovsky, V.B. Agafonov [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2024.
8. Legal support for nature management / V.B. Agafonov, S.A. Amashukeli, Ya.A. Blazheev [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2025.
9. Modern problems of the theory of land law in Russia / E.N. Abanina, A.P. Anisimov, E.S. Boltanova [et al.]. – Moscow: Legal House “Justitsinform”, 2024.
10. Environmental law: textbook / V. B. Agafonov, S. A. Amashukeli, V. K. Bykovsky [and others]. – Moscow: Publishing Center of the University named after O.E. Kutafina (MSAL), 2023.
11. Ecology and law in the XXI century: theory and practice / N. N. Averyanova, A. P. Anisimov, O. A. Artyukhin [and others]. – Moscow: Publishing house “Yurlitinform”, 2023.

[1] Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации / М. В. Мажорина, Ю. Г. Шпаковский, В. Б. Агафонов [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. С. 113-121.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_150

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ (ЧАСТЬ 1)
LEGAL FOUNDATIONS FOR THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SUBSOIL USE SECTOR (PART 1)

МУСТАФИНОВ Эдвард Эдуардович,
Аспирант кафедры горного, земельного и экологического права
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.
119991, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 65.
E-mail: e.mst@mail.ru
MUSTAFINOV E.E.,
Postgraduate Student, Department of Mining, Land, and Environmental Law,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).
65 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: e.mst@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются особенности правового регулирования использования цифровых технологий в сфере недропользования в условиях развития цифровой экономики и трансформации системы государственного управления. Рассматриваются подходы к пониманию цифровых технологий как объекта правового регулирования, анализируются их признаки и значение для осуществления деятельности, связанной с геологическим изучением недр, обработкой геологической информации и управлением государственным фондом недр. Особое внимание уделяется специфике цифровизации недропользования, обусловленной стратегическим характером геологических данных и высокой степенью участия государства в регулировании соответствующих общественных отношений. Проанализированы положения законодательства Российской Федерации и документов стратегического планирования, определяющих основные направления цифровой трансформации отрасли. По итогам исследования сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы, регулирующей использование цифровых технологий в сфере недропользования, а также формирования комплексного подхода к правовому обеспечению цифровизации отрасли.*

Abstract. *The paper explores legal aspects of applying digital technologies in the subsoil use sector under conditions of ongoing digital transformation of public administration and the development of the digital economy in the Russian Federation. The author examines doctrinal approaches to the understanding of digital technologies as a category of legal regulation and evaluates their role in geological exploration, management of geological data, and administration of the state subsoil fund. Particular emphasis is placed on the specific character of digitalization in the subsoil sector, which is associated with the strategic value of geological information and the significant involvement of public authorities in regulating the relevant relations. The study also addresses the provisions of Russian legislation and strategic policy documents governing the digital modernization of the mineral resource sector. It is concluded that the existing regulatory framework requires further development in order to ensure a coherent legal basis for the implementation of digital technologies in subsoil use.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровизация государственного управления, недропользование, государственные информационные системы.*

Keywords: *digital technologies, digital transformation, digitalization of public administration, subsoil use, state information systems.*

Для цитирования: *Мустафинов Э.Э. Правовые основы использования цифровых технологий в сфере недропользования (Часть 1) // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 150-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_150.*

For citation*: Mustafinov E.E. Legal foundations for the use of digital technologies in the subsoil use sector (part 1) // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 150-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_150.*

Статья поступила в редакцию: 27.05.2026

Введение

В последние годы цифровая трансформация заняла одно из центральных мест в системе приоритетов социально-экономического и государственного развития Российской Федерации. Последовательное внедрение цифровых решений затрагивает различные сферы публичного управления, включая природопользование и управление природными ресурсами. Наиболее заметное значение процессы цифровизации приобретают в сфере недропользования, что обусловлено необходимостью обработки значительных массивов геологической информации, осуществления многоэтапных административных процедур, а также координации деятельности многочисленных участников соответствующих правоотношений, включая органы государственной власти, недропользователей и специализированные научные организации.

Использование цифровых технологий в сфере управления государственным фондом недр способно повысить эффективность реализации публичных функций и усовершенствовать механизмы государственного регулирования, обеспечить более оперативный обмен сведениями между участниками правоотношений в сфере недропользования, повысить качество и точность геологоразведочных работ, а также оптимизировать процедуры предоставления права пользования участками недр. Отдельное значение имеет развитие электронных реестров, цифровых картографических сервисов и иных информационных ресурсов, использование которых направлено на повышение прозрачности принимаемых административных решений и совершенствование управления минерально-сырьевой базой государства.

При этом развитие процессов цифровизации в сфере недропользования сопровождается возникновением ряда проблем правового характера. Действующая система российского законодательства пока не предусматривает системного регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий в данной отрасли. Вследствие этого соответствующее регулирование не образует единой правовой модели, способной обеспечить последовательное и устойчивое правовое сопровождение цифровой трансформации недропользования. Кроме того, отсутствует единый подход к определению понятия цифровых технологий применительно к отношениям недропользования, что затрудняет формирование устойчивой правоприменительной практики.

Как отмечает Р.В. Амелин, «отношения по поводу публичной информационной системы и ее информационного ресурса тесно переплетаются с иными общественными отношениями, для информационного обеспечения которых информационная система создается»[1], что подтверждает предположения о взаимосвязи правового регулирования отдельных цифровых технологий с общим массивом норм, характерных для конкретного объекта регулирования.

Следует учитывать и то обстоятельство, что цифровая трансформация отрасли происходит на фоне активного развития государственной политики в области цифровой экономики и стратегического планирования развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации. Соответствующие стратегические документы, такие как Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.07.2024 № 1838-р, и Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, утвержденное распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.12.2023 № 3664-р, предусматривают внедрение современных информационных решений в процессы геологического изучения недр, обработки геологических данных и осуществления государственного контроля. В этой связи возрастает значение научного анализа правовых и распорядительных актов, затрагивающих основы цифровизации недропользования и выявления особенностей нормативного регулирования соответствующих общественных отношений.

Несмотря на очевидную актуальность рассматриваемой проблематики, вопросы правового регулирования использования цифровых технологий в сфере недропользования остаются недостаточно разработанными в отечественной юридической науке. В научной литературе исследуются отдельные аспекты цифровизации государственного управления и информационного обеспечения природоресурсной деятельности, однако комплексный анализ теоретико-правовых основ применения цифровых технологий в сфере недропользования практически отсутствует.

1. Понятие и правовая характеристика цифровых технологий

Развитие цифровой экономики и внедрение информационных технологий в различные сферы общественной жизни обусловили формирование новых правовых категорий, связанных с обработкой и использованием данных. Одной из таких категорий является понятие цифровых технологий, которое широко применяется в научной литературе и нормативных актах, однако до настоящего времени не получило универсального закрепления в российском законодательстве.

Данное понятие можно сформулировать по итогам обобщения применения современной практики законотворчества в сфере развития правоотношений в различных аспектах цифровых технологий. Отсутствие официальной трактовки рассматриваемого понятия создает определенные проблемы, а цифровые технологии, как отмечал А.В. Корнев, влекут риски, которые «содержатся и в правоприменительной деятельности. Как органов исполнительной власти, контрольно-надзорных, так и судов»[2].

В действующей системе нормативных правовых актов чаще используется термин «информационные технологии». Так, в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3], информационные технологии определяются как процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, а также способы осуществления указанных процессов и методов. Данное определение отражает технологический аспект обработки информации, однако не раскрывает в полной мере особенности цифровой среды и автоматизированных способов взаимодействия субъектов.

Д.А. Кононов отмечает, что «обобщение современной практики развития правоотношений в различных аспектах цифровых технологий позволяет сформулировать следующее определение цифровых технологий: цифровые технологии есть технические средства, способы и методы обработки и передачи данных посредствам интерактивных каналов связи»[4].

В современной научной доктрине цифровые технологии обычно понимаются как совокупность программно-технических средств и методов, предназначенных для автоматизированного сбора, передачи, хранения и обработки информации с использованием вычислительных систем и телекоммуникационных сетей. Характерной особенностью подобных технологий является возможность функционирования с крупными массивами данных в электронной форме, а также обеспечение дистанционного информационного взаимодействия между участниками соответствующих процессов. При этом сама технология представляет собой способ совершенствования определенной деятельности или процедуры, тогда как ее цифровая составляющая предполагает применение механизмов компьютерной обработки и анализа информации.

С юридической точки зрения цифровые технологии следует рассматривать не только в качестве технического инструментария работы с информацией, но и как элемент организационно-правовой инфраструктуры, обеспечивающей реализацию прав и обязанностей участников общественных отношений. Использование электронных документов, информационных систем и цифровых платформ оказывает влияние на традиционные способы правового регулирования, поскольку значительная часть взаимодействия между субъектами переносится в электронную среду и осуществляется посредством автоматизированных каналов передачи и обработки данных.

Так, по мнению Р.В. Амелина, они «становятся инструментом воздействия на общественные отношения, во-первых, выступая продолжением правовых норм, во-вторых, заменяя собственно нормы права в редких отдельных случаях и, наконец, выступая в качестве средства удостоверения и квалификации юридических фактов»[1]. Таким образом цифровые технологии выходят за пределы роли простого технического

[1] Амелин Р.В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 455-465. – С. 455.
[2] Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9 (130). С. 11-20. – С. 19.
[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.
[4] Кононов Д.А. Влияние цифровых технологий на правотворчество и судебное правоприменение // Образование и право. 2023. № 5. С. 309-315. – С. 309.

средства и становятся инфраструктурой реализации прав и обязанностей.

В этой связи цифровые технологии приобретают значение самостоятельного объекта правового регулирования. Нормативные правовые акты устанавливают требования к созданию и функционированию информационных систем, определяют порядок обработки и хранения данных, а также закрепляют правила электронного взаимодействия между субъектами. В результате формируется особая правовая среда, в которой технологические решения становятся не только инструментом обработки информации, но и важным элементом реализации публичных полномочий и прав участников соответствующих правоотношений.

Для целей настоящего исследования представляется возможным выделить ряд юридически значимых признаков цифровых технологий:

1) использование автоматизированных систем обработки данных, функционирующих на основе специализированного программного обеспечения;

2) обеспечение возможности хранения и обработки значительных массивов информации в электронном формате;

3) использование сетевых каналов связи, позволяющих осуществлять удаленное взаимодействие между участниками общественных отношений.

Помимо этого, использование цифровых технологий способствует формированию информационных ресурсов, которые могут использоваться для принятия управленческих решений.

Особое значение цифровые технологии приобретают в сфере публичного управления. Применение государственных информационных систем создает предпосылки для перевода значительной части административных процедур в автоматизированный формат, способствует повышению результативности контрольной деятельности и обеспечивает большую открытость функционирования органов публичной власти. Расширение использования цифровых сервисов и электронных платформ постепенно трансформирует традиционные механизмы взаимодействия государства, граждан и организаций, формируя новые способы реализации публичных функций в электронной среде.

В сфере природопользования и управления природными ресурсами роль цифровых технологий обусловлена необходимостью обработки значительных объемов разнородной информации, отражающей состояние окружающей среды, особенности природных объектов и ресурсный потенциал отдельных территорий. Использование современных цифровых инструментов позволяет осуществлять систематизацию, анализ и актуализацию таких данных, что имеет существенное значение для принятия управленческих решений в области рационального использования природных ресурсов.

Это в полной мере относится и к сфере недропользования, где обработка геологической информации, проведение геологоразведочных работ и принятие решений о предоставлении права пользования участками недр тесно связаны с использованием информационных систем и цифровых моделей.

Таким образом, цифровые технологии в сфере недропользования могут рассматриваться как совокупность информационных и программных решений, обеспечивающих сбор, обработку, хранение и использование геологической и иной информации в электронном формате, поддерживающих реализацию функций органов государственного управления в данной области.

2. Особенности использования цифровых технологий в сфере недропользования

Использование цифровых технологий в сфере недропользования имеет ряд специфических особенностей, обусловленных характером соответствующих общественных отношений, правовым режимом подземного пространства и участков недр и значением геологической информации для обеспечения экономической и ресурсной безопасности государства. В отличие от многих других отраслей экономики, где цифровизация направлена преимущественно на повышение эффективности производственных процессов или улучшение взаимодействия между хозяйствующими субъектами, в сфере недропользования внедрение цифровых технологий тесно связано с реализацией публичных полномочий государства и управлением стратегически важными природными ресурсами.

Одной из ключевых особенностей рассматриваемой сферы является высокая информационная насыщенность деятельности, связанной с изучением, использованием и охраной недр. Геологическое изучение недр, предусмотренное как вид пользования недрами в статье 6 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»[2], предполагает сбор и обработку значительных объемов данных, включающих результаты геофизических исследований, геохимических анализов, буровых работ, а также различные картографические и пространственные сведения. Эти данные характеризуются сложной структурой и требуют применения специализированных методов обработки и анализа. В условиях развития цифровых технологий подобная информация все чаще формируется и хранится в электронном виде, что позволяет использовать современные инструменты автоматизированной обработки данных и геоинформационные системы.

В научной литературе отмечается, что деятельность по геологическому изучению недр является одной из наиболее информационно емких сфер природопользования. По мнению ряда исследователей, геологическая информация представляет собой особый вид природоресурсной информации, обладающей высокой научной и экономической ценностью и требующей специального правового режима обращения.

В качестве примера, в научной литературе уже обосновывается формирование самостоятельного института информационного обеспечения в сфере эколого-правовых отношений. Е.В. Зазолина связывает это с легализацией понятия экологической информации и закреплением

[1] Амелин Р.В. Информационные системы как правовой инструмент воздействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 445–452. – С. 445.
[2] О недрах : Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10, ст. 823.

состава соответствующих сведений[1]. Сходная тенденция прослеживается и в сфере недропользования, где цифровизация геологической информации постепенно формирует предпосылки для выделения специального информационно-правового режима данных о недрах.

Так, например, из анализа позиции Н.И. Садовникова следует, что геологическая информация о недрах рассматривается как конечный продукт геологоразведочного процесса и основа для развития минерально-сырьевой базы страны. При этом подчеркивается чрезвычайная важность ее оборота для воспроизводства минерально-сырьевой базы, наличие значительного массива норм, регулирующих доступ к ней и ее использование, а также отмечается особый административно-правовой режим геологической информации, в том числе первичной информации[2].

В официальных и отраслевых источниках подчеркивается, что обеспечение страны геологической информацией о недрах является приоритетным направлением в рамках осуществляемых государственными органами мероприятий по информационному обеспечению в составе автоматизированных информационных систем недропользования, что свидетельствует о ее стратегическом значении для государства[3].

Цифровизация геологических исследований и применение современных вычислительных методов, программного моделирования и дистанционных технологий способствует повышению точности прогнозирования месторождений полезных ископаемых и эффективности геологоразведочных работ. Вместе с тем использование подобных технологических решений требует формирования соответствующей нормативной базы, обеспечивающей юридическое признание результатов цифровой обработки геологических данных и их использование в рамках административных процедур, связанных с предоставлением права пользования недрами.

Еще одной особенностью применения цифровых технологий в сфере недропользования является значительная роль государства в организации информационных процессов. Недра в соответствии с законодательством Российской Федерации находятся в государственной собственности, что обусловливает необходимость централизованного учета и хранения геологической информации. Государство выступает не только регулятором отношений недропользования, но и обладателем значительной части информационных ресурсов, связанных с изучением недр. По этой причине развитие цифровых механизмов в отрасли тесно связано с формированием и совершенствованием государственных информационных систем, предназначенных для сбора, систематизации, хранения и обработки данных о геологическом строении территорий, месторождениях полезных ископаемых и состоянии минерально-сырьевой базы.

Одним из ключевых направлений развития цифровых механизмов в сфере недропользования является создание единой информационной среды, предназначенной для консолидации сведений, используемых при осуществлении государственного управления государственным фондом недр. Речь идет о систематизации и интеграции данных, связанных с геологическим изучением территорий, предоставлением лицензий на пользование участками недр, результатами геологоразведочных мероприятий и иной информацией, характеризующей деятельность недропользователей. Формирование подобных информационных ресурсов позволяет повысить качество административного управления, ускорить обработку данных и обеспечить большую открытость процедур, связанных с использованием природных ресурсов.

Существенную роль в условиях цифровизации приобретает правовой режим геологической информации и особенности ее использования в электронном формате. Геологические сведения формируются в результате длительной исследовательской и производственной деятельности, связанной с изучением недр, и представляют собой значимый информационный ресурс, обладающий научной, экономической и стратегической ценностью. Использование таких данных позволяет оценивать перспективы освоения минерально-сырьевой базы, прогнозировать ресурсный потенциал отдельных территорий и принимать решения, связанные с разработкой месторождений полезных ископаемых. В связи с этим развитие цифровых технологий обусловливает необходимость совершенствования правовых механизмов, регулирующих хранение, обработку и использование геологической информации, а также обеспечение защиты прав субъектов, участвующих в ее формировании и предоставлении.

Особенности цифровой трансформации недропользования выражаются также в том, что соответствующие процессы затрагивают не только сферу геологических исследований, но и систему публичного администрирования отрасли. Современные информационные технологии используются при реализации процедур предоставления права пользования участками недр, осуществлении контроля за исполнением лицензионных условий, а также в процессе информационного взаимодействия между государственными органами и пользователями недр. В результате цифровые решения становятся одним из инструментов реализации публичных полномочий и позволяют повысить результативность административных процедур и качество принимаемых управленческих решений.

Одновременно с этим развитие цифровых технологий оказывает влияние на формы взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в сфере недропользования. Использование электронных форм документооборота, цифровых реестров и специализированных информационных порталов позволяет упростить порядок предоставления документов и обмена сведениями между участниками соответствующих правоотношений. Применение подобных механизмов способствует сокращению административных издержек, повышению доступности государственных услуг и ускорению процедур, связанных с реализацией прав и обязанностей недропользователей.

По мнению Р.О. Шамордина и С.Р. Ясинского они также «снижают административные барьеры и повышают прозрачность административных операций при оказании государственных услуг в сфере недропользования, а также сокращают сроки рассмотрения заявок и обращений граждан и юридических лиц»[1].

---

[1] Зазолина Е.В. Правовое регулирование информационного обеспечения в области эколого-правовых отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 207-214. – С. 213.

[2] Садовников Н. И. Правовое регулирование геологического изучения недр в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Н. И. Садовников. — Москва, 2015. — 188 с. — С. 100–102.

[3] См.напр.: Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.07.2024 № 1838-р.

Выводы

Одной из проблем развития цифровых технологий в сфере недропользования является необходимость обеспечения достоверности и сохранности цифровых данных, используемых в процессе геологического изучения недр и управления минерально-сырьевой базой. Поскольку подобная информация имеет стратегическое значение для государства, особую актуальность приобретает формирование правовых механизмов защиты цифровых информационных ресурсов и предотвращения их несанкционированного использования.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация сферы недропользования в Российской Федерации представляет собой самостоятельное направление развития современного природоресурсного и информационного законодательства. Применение цифровых технологий в рассматриваемой области обусловлено не только использованием современных технических и программных средств, но и изменением существующих подходов к осуществлению государственного управления, обработке геологической информации и организации взаимодействия между публичными органами и пользователями недр.

При этом использование цифровых технологий в сфере недропользования характеризуется рядом особенностей, связанных с высокой информационной насыщенностью отрасли, значительной ролью государства в организации информационных процессов и стратегическим значением геологических данных. Цифровизация данной сферы направлена не только на совершенствование технологических процессов геологоразведки, но и на модернизацию системы государственного управления недрами. Развитие цифровых технологий требует формирования комплексного правового регулирования, обеспечивающего эффективное использование геологической информации и надежное функционирование информационной инфраструктуры отрасли.

Список литературы:

1. Амелин Р.В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 455-465.
2. Амелин Р.В. Информационные системы как правовой инструмент воздействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 445–452.
3. Зазолина Е.В. Правовое регулирование информационного обеспечения в области эколого-правовых отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 207-214.
4. Кононов Д.А. Влияние цифровых технологий на правотворчество и судебное правоприменение // Образование и право. 2023. № 5. С. 309-315.
5. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9 (130). С. 11-20.
6. Садовников Н.И. Правовое регулирование геологического изучения недр в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Н.И. Садовников. – Москва, 2015. – 188 с.
7. Шамордин Р.О., Ясинский С.Р. Правовое регулирование применения информационных технологий в недропользовании // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 8 (203). – С. 102-106.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.
9. О недрах : Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10, ст. 823.
10. Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 11.07.2024 № 1838-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 32. Ст. 4880.

References:

1. Amelin R.V. Information and Legal Regime of State and Municipal Information Systems // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2018. Vol. 18, Issue 4. P. 455–465.
2. Amelin R.V. Information Systems as a Legal Instrument of Influence // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2021. Vol. 21, Issue 4. P. 445–452.
3. Zazolina E.V. Legal Regulation of Information Support in the Field of Environmental Legal Relations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. No. 6 (161). P. 207–214.
4. Kononov D.A. The Impact of Digital Technologies on Lawmaking and Judicial Enforcement // Education and Law. 2023. No. 5. P. 309–315.
5. Kornev A.V. Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of Their Minimization // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 9 (130). P. 11–20.
6. Sadovnikov N.I. Legal Regulation of Geological Exploration in the Russian Federation : Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 12.00.06 / N.I. Sadovnikov. Moscow, 2015. 188 p.
7. Shamordin R.O., Yasinsky S.R. Legal Regulation of the Application of Information Technologies in Subsoil Use // Property Relations in the Russian Federation. 2018. No. 8 (203). P. 102–106.
8. On Information, Information Technologies and Information Protection : Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.
9. On Subsoil : Law of the Russian Federation No. 2395-1 of February 21, 1992 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 10. Art. 823.
10. Strategy for the Development of the Mineral Resource Base of the Russian Federation up to 2050 : approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1838-r of July 11, 2024 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 32. Art. 4880.

[1] Шамордин Р.О., Ясинский С.Р. Правовое регулирование применения информационных технологий в недропользовании // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 8 (203). – С. 102-106. – С. 104.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_155

УДК 378.4

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»
FORMATION OF A CIVIC POSITION AMONG STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF STUDYING THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

ТЕРЕНТЬЕВА Ирина Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13.
e-mail: irina_m1973@mail.ru

TERENTYEVA Irina Alexandrovna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
associate professor of the department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University (Orenburg).
460018, Russia, Orenburg, ave. Victory, 13.
e-mail: irina_m1973@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается ресурсный потенциал новой учебной дисциплины «Основы российской государственности» как ключевой инструмент в формировании гражданской позиции обучающихся первых курсов высших учебных заведений. Автором определяются и анализируются структурные компоненты гражданской позиции (когнитивный, ценностный, деятельностный) и их формирование в ходе освоения курса. Особое внимание уделяется методологическим подходам преподавания, способствующим усвоению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и осознанию молодежью своей сопричастности к судьбе страны в условиях осмысления России как «государства-цивилизации».*

Abstract. *The article examines the resource potential of the new academic discipline "Fundamentals of Russian Statehood" as a key tool in shaping the civic position of first-year students at higher education institutions. By the author defines and analyzes the structural components of civic position (cognitive, value-based, and activity-based) and their formation during the course of study. Special attention is paid to the methodological approaches of teaching that promote the assimilation of traditional Russian spiritual and moral values and the awareness of young people of their involvement in the fate of the country in the context of understanding Russia as a «state-civilization».*

Ключевые слова: *гражданская позиция, высшее образование, дисциплина «Основы российской государственности», государство-цивилизация, традиционные ценности.*

Keywords: *civic position, higher education, the discipline "Fundamentals of Russian Statehood", the state-civilization, and traditional values*.

Для цитирования: *Терентьева И.А. Формирование гражданской позиции обучающихся высших учебных заведений в процессе изучения дисциплины «Основы российской государственности» // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 155-157. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_155.*

For citation*: Terentyeva I.A. Formation of a civic position among students of higher educational institutions in the process of studying the discipline «Fundamentals of Russian Statehood» // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 155-157. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_155.*

Статья поступила в редакцию: 07.02.2026

Современный мир характеризуется глобальными геополитическими трансформациями, проявляющимися в ослаблении гегемонии США, появлении новых центров силы – Китая, Индии, России, усилении роли региональных держав, кризисе институтов «старого миропорядка», мировой турбулентности (региональных конфликтов).

Параллельно этим процессам происходит информационное давление на молодежь со стороны недружественных стран, что актуализирует задачу формирования устойчивой гражданской позиции студентов высших учебных заведений. В современных условиях это, на наш взгляд, приобретает статус приоритетной задачи национальной безопасности.

В 2023 году по поручению Президента РФ в образовательный процесс вузов была внедрена дисциплина «Основы российской государственности» (ОРГ). Дисциплина является обязательной для всех обучающихся первого курса высших учебных заведений образовательных программ бакалавриата и специалитета. Данный курс призван не только транслировать знания об историческом пути и политическом устройстве России, но и формировать ценностно-смысловой фундамент личности будущего специалиста: толерантное восприятие социальных и культурных различий, уважительное и бережное отношение к историческому наследию и культурным традициям; демонстрацию уважительного отношения к историческому наследию и социокультурным традициям различных социальных групп; сознательный выбор ценностных ориентиров и устойчивую гражданскую позицию, в основе которой - патриотизм и любовь к Отечеству [1,2].

Формирование гражданской позиции, на наш взгляд, невозможно без опоры на глубокие исторические и теоретические знания. Дисциплина «Основы российской государственности» отходит от классического изложения истории или политологии, предлагая междисциплинарный подход с опорой на различные социогуманитарные дисциплины [3,4,5].

В рамках раздела «Что такое Россия?» особое внимание на учебных занятиях необходимо уделить изучению и осмыслению уникальности страны как государства-цивилизации. Это знание критически важно для формирования альтернативной позиции европоцентризма, агрессивно навязываемой молодежи недружественными странами. На наш взгляд, это способствует осмыслению и устойчивому формированию в

сознании молодого человека понимания необходимости интеллектуального суверенитета для национальной безопасности страны. Гражданская позиция в данном контексте базируется на понимании преемственности основ российской государственности и способности страны сохранять идентичность и суверенитет в меняющемся мире.

Центральное место в формировании устойчивой гражданской позиции в рамках изучения дисциплины занимает работа с ценностными константами [6,7].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей», традиционные ценности являются основой российского общества.

В процессе изучения дисциплины гражданская позиция студента трансформируется через призму следующих категорий:

1. Служение Отечеству через осознание личного, в том числе, профессионального долга как вклада в общее благо, понимание социальной ответственности перед Отечеством;
2. Соборность и коллективизм через осмысление и понимание важности социальной солидарности;
3. Приоритет духовного над материальным через формирование внутренней этической опоры [8].

Педагогическая задача курса — перевести эти понятия из разряда «декларативных» в разряд «личностно значимых». Это достигается на учебных занятиях интерактивного типа (дискуссионные площадки и другие), на которых осмысливаются, анализируются и осознаются актуальные вызовы, стоящие перед Россией сегодня [9,10,11]. Гражданская позиция — это не только убеждения, но и готовность к действию.

Дисциплина «Основы российской государственности» предполагает использование активных методов обучения:

1. Проектная деятельность**:** разработка инициатив, направленных на решение проблем региона или вуза.
2. Работа с кейсами**:** анализ реальных ситуаций из государственного управления и общественной жизни.
3. Дебаты**:** аргументированная защита национальных интересов в дискуссии.

Участие в таких формах работы позволяет студенту «прожить» роль гражданина, принимающего решения, что способствует переходу от пассивного наблюдения к активному участию в жизни общества.

Практика реализации дисциплины студентам 1 курса института математики и информационных технологий, института наук о земле ФГБОУ ВО ОГУ показала, что эффективность преподавания дисциплины достигается благодаря сочетанию теоретического материала и практических занятий, направленных на активное участие студентов. Среди методов и подходов можно выделить:

1. Проблемно-ориентированное обучение, связанное с обсуждением проблемных ситуаций, стимулирующих к размышлению и дискуссии среди студентов.
2. Создание и презентация проектов, посвященных различным аспектам русской культуры, истории, героям семьи и другие.
3. Организация диспутов и дебатов на актуальные темы, связанные с осмысление социальных и политических вопросов современной России.
4. Экскурсии и посещение музеев («Зал истории» Управления ФСБ России по Оренбургской области и другие), создают прямой контакт с историческими памятниками и культурными объектами, способствуют лучшему пониманию изучаемого материала.

В процессе формирования ценностных ориентаций молодежи важное место в методике преподавания занимает способ взаимодействия в системе «преподаватель - обучающийся» [12].

Применение личностно-ориентированного подхода, создание ситуации успеха для каждого обучающегося на каждом учебном занятии, акцент на осмыслении обучающимся учебного материала в творческой деятельности с применением активных методов обучения, раскрытие творческого потенциала на каждом из учебных занятий, помогают передать знания и информацию максимально быстро, точно и эффективно, достичь целей обучения:

— патриотическое воспитание молодежи, выражающееся в чувстве гордости за свою страну, уважение к её истории и традициям;

— осознание студентом понимания важности гражданской ответственности, участия каждого гражданина в жизни общества и государства;

— нравственное воспитание через приобщение к традиционным духовно-нравственным ценностям, уважение к моральным нормам, честности, справедливости и ответственности перед обществом и государством;

— формирование правовой культуры посредством ознакомления студентов с основами конституционного строя Российской Федерации, формами и методами власти, Конституцией Российской Федерации, правами и обязанностями граждан.

Методика по формированию ценностных ориентиров в рамках реализации дисциплины «Основы российской государственности», на наш взгляд, должна выстраиваться на следующих принципах:

- акцент на мотивации, побуждение интереса к теме через актуализацию мотивации;
- разъяснение целей и задач обучения (формирование ожиданий от итогов процесса получения знаний);
- презентация нового материала (необходимо предусмотреть определенные элементы, которые позволят удержать внимание олбучающегося на важных моментах и довести до него главную мысль в максимально доступной форме);
- сопровождение обучения (руководство обучающимся, семантическое формирование установки на удержание полученного

материала в долгосрочной памяти);

- апробирование на практике полученных знаний (создание проектов, творческих работ, изложение собственных размышлений по определенной проблеме, поисковая работа по решению проблем и др.);
- обратная связь (оценка выбранного метода обучения и его эффективности);
- оценка успеваемости.

Процесс формирования гражданской позиции в рамках курса сталкивается с рядом вызовов:

1. Скептицизм молодежной среды (нивелирование скептицизма возможно посредством**,** использования живого, современного языка и опора на визуальный контент).
2. Цифровизация сознания. На учебных занятиях студентам предлагаются методики, формирующие навык противодействия фейковой информации и манипуляциям в сети.

Таким образом, практика формирования устойчивой гражданской позиции в рамках изучения дисциплины «Основы Российской государственности» раскрывает потенциал дисциплины в формировании альтернативной европоцентристкой мировоззренческой позиции молодых людей, развитию патриотизма и гражданской активности, необходимых для успешного функционирования современного российского общества.

Можно заключить, что дисциплина «Основы Российской государственности» выступает в роли мировоззренческого каркаса высшего образования. Содержание дисциплины способствует осмыслению и пониманию ключевых аспектов российского государства, его исторических корней, культурных традиций и способствует становлению гражданской позиции и гражданского долга. Гражданская позиция, формируемая в ходе освоения дисциплины, представляет собой синтез любви к Родине, знания её законов и истории, а также ответственности за её будущее. Эффективность курса напрямую зависит от готовности преподавателей к открытому диалогу со студентами и их способности показать, что величие государства-цивилизации складывается из малых дел и активной позиции каждого гражданина.

Список литературы:

1. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв.Президнтом РФ 29 января 2023 г. № Пр-173ГС). – режим доступа: https://base.garant.ru/406266551/
2. Воронина, И. А. Основы российской государственности [Электронный ресурс] : практикум для обучающихся по образовательным программам высшего образования по всем направлениям подготовки и специальностям / И. А. Воронина, П. В. Ляшенко, И. А. Терентьева; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». - Оренбург : ОГУ, 2025. - ISBN 978-5-7410-3356-2. – С. 5.
3. Борзова, Т. А. Возвращение к истокам: о подходах к преподаванию курса «основы российской государственности» в высшей школе / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4(101). – С. 138-142.
4. Галимуллина, Н. М. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высший школы: восприятие обучающимися и методика преподавания / Н. М. Галимуллина, О. А. Вагаева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 4. – С. 235-250.
5. Максимова, О. Д. Реализация междисциплинарных связей при изучении «Основ российской государственности» в юридическом вузе / О. Д. Максимова // Высшее образование для XXI века. Проблемы воспитания жизнеспособных поколений : Доклады и материалы XX Международной научной конференции, Москва, 21–23 ноября 2024 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2025. – С. 303-306.
6. Ценностные основания Российской государственности: историко-политические и социокультурные аспекты / А. И. Демидов, Д. В. Михель, А. Е. Михайлов [и др.]. – Саратов : Саратовский источник, 2024. – 177 с.
7. Основы российской государственности: практические рекомендации по курсу для образовательных организаций высшего образования / Авт.-сост. В. М. Марасанова; под ред. проф. И. А. Кузнецовой. Ярославль : ОМЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. – 40 с.
8. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mmfzwgz8dx936560479
9. Терентьева, И. А. Основы российской государственности: размышления о педагогическом дизайне дисциплины [Электронный ресурс] / И. А. Терентьева // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф., посвящ. 70-летию Оренбург. гос. ун-та, Оренбург, 30 янв. - 1 февр. 2025 г. / Оренбург. гос. ун-т ; ред. А. В. Зайцев. - Оренбург : ОГУ,2025. - . - С. 2303-2306. . - 4 с.
10. Гражданская позиция : Практикум. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2022. – 107 с.
11. Основы российской государственности : учебно-методическое пособие для студентов 1-го курса очной и заочной форм обучения. – Тверь : Тверской государственный университет, 2024. – 140 с.
12. Иерусалимский, Ю. Ю. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» / Ю. Ю. Иерусалимский, А. В. Попова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2024. – № 1. – С. 35 - 46.

References:

1. The list of instructions following the meeting of the State Council (approved by theBy the President of the Russian Federation on January 29, 2023, No. Pr-173GS). – access mode: https://base .garant.ru/406266551/
2. Voronina, I. A. Fundamentals of Russian statehood [Electronic resource] : a workshop for students of educational programs of higher education in all areas of training and specialties / I. A. Voronina, P. V. Lyashenko, I. A. Terentyeva; Ministry of Science and Higher Education. education grew. Federation, Federal State budget. educated. the institution is higher. education "Orenburg State University". Orenburg : OSU, 2025. - ISBN 978-5-7410-3356-2. - P. 5.
3. Borzova, T. A. Return to the Origins: On Approaches to Teaching the Course "Fundamentals of Russian Statehood" in Higher Education / T. A. Borzova // World of Science, Culture, and Education. – 2023. – No. 4(101). – Pp. 138-142.
4. Galimullina, N. M. Introduction of the discipline "Fundamentals of Russian Statehood" into the educational process of higher education: students' perception and teaching methods / N. M. Galimullina, O. A. Vagaeva // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". – 2024. – No. 4. – Pp. 235-250.
5. Maksimova, O. D. Implementation of interdisciplinary connections in the study of "Fundamentals of Russian Statehood" in a law university / O. D. Maksimova // Higher Education for the 21st Century. Problems of Raising Viable Generations: Reports and Materials of the 20th International Scientific Conference, Moscow, November 21–23, 2024. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2025, pp. 303-306.
6. The value foundations of Russian statehood: historical, political and socio-cultural aspects / A. I. Demidov, D. V. Mikhel, A. E. Mikhailov [et al.]. – Saratov : Saratov source, 2024. – 177 p.
7. Fundamentals of Russian statehood: practical course recommendations for educational institutions of higher education / Author-comp. V. M. Marasanova; edited by prof. I. A. Kuznetsova. Yaroslavl: OMC of YarSU named after P. G. Demidov, 2023. – 40 p.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy on Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” – access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mmfzwgz8dx936560479
9. Terentyeva, I. A. Fundamentals of Russian statehood: reflections on the pedagogical design of discipline [Electronic resource] / I. A. Terentyeva // The University complex as a regional center of education, science and culture : materials of the All-Russian Scientific Method. conf., dedication. To the 70th anniversary of Orenburg State University, Orenburg, January 30 - February 1, 2025 / Orenburg State University ; edited by A.V. Zaitsev. - Orenburg: OSU, 2025. - . - Pp. 2303-2306. . - 4 p.
10. Civic Position: A Practical Guide. – Irkutsk: Baikal State University, 2022. – 107 p.
11. Fundamentals of Russian Statehood: A Study Guide for First-Year Full-Time and Part-Time Students. – Tver : Tver State University, 2024. – 140 p.
12. Yuriy Yurievich Ierusalimskiy, A. V. Popova. The Significance of Traditional Values in Teaching the Course “Fundamentals of Russian Statehood” / Yuriy Yurievich Ierusalimskiy, A. V. Popova // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. – 2024. – No. 1. – Pp. 35 -

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_158

УДК 342.1:172

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
THE STATE'S OBLIGATION AS AN ETHICAL AND POLITICAL CATEGORY

ТЕРЕНТЬЕВА Ирина Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13.
e-mail: irina_m1973@mail.ru

TERENTYEVA Irina Alexandrovna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
associate professor of the department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University (Orenburg).
460018, Russia, Orenburg, ave. Victory, 13.
e-mail: irina_m1973@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается природа государственной обязанности в качестве фундаментальной этико-политической категории. Автором проводится анализ генезиса идеи ответственности власти перед обществом, начиная от теорий общественного договора до современных концепций социальной справедливости. Особое внимание уделяется этическому обоснованию легитимности государственной власти через призму исполнения её обязательств перед гражданами, анализируются ключевые концепции социальной справедливости, представленные в трудах ведущих современных зарубежных и отечественных мыслителей. Автором актуализируется проблема необходимости возврата к этико-политическому осмыслению рассматриваемого концепта.*

Abstract. *The article examines the nature of state duty as a fundamental ethical and political category. The author analyzes the genesis of the idea of the government's responsibility to society, from the theories of the social contract to modern concepts of social justice. Special attention is given to the ethical justification of the legitimacy of state power through the fulfillment of its obligations to citizens, and key concepts of social justice are analyzed in the works of leading contemporary foreign and domestic thinkers. The author highlights the need for a return to the ethical and political understanding of this concept.*

Ключевые слова: *обязанность государства, этико-политическая категория, легитимность, общественный договор, ответственность власти, политическая этика.*

Keywords: *state duty, ethical and political category, legitimacy, social contract, government responsibility, and political ethics.*

Для цитирования: *Терентьева И.А. Обязанность государства как этико-политическая категория // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_158.*

For citation*: Terentyeva I.A. The state's obligation as an ethical and political category // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_158.*

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

В современной политической науке и юриспруденции обязанность государства традиционно рассматривается в позитивистском ключе — как совокупность законодательно закрепленных функций. Наиболее строгий и методологически выверенный анализ данного феномена предлагает юридический позитивизм. С позиции позитивистов обязанность государства — это строго формализованный элемент правовой системы, возникающий в результате самоограничения власти законом [1,2].

Английский юрист Джон Остин в своем труде «Определение области юриспруденции» заложил основы императивной теории. С точки зрения Д. Остина, право — это приказ суверена, подкрепленный санкцией. В рамках позитивизма вопрос об «обязанности государства» перед подданными является парадоксальным: суверен по определению не может быть юридически обязан перед кем-либо, так как он сам является источником права [3].

Соглашаясь с мнением авторов, анализирующих труды Г. Кельзена, можно заключить о том, что Г. Кельзен пишет, прежде всего, о тождестве государства и правопорядка. Для Г. Кельзена государство не является субъектом, «стоящим над правом» или «создающим право» — государство и есть сама система правовых норм. Обязанность государства в позитивизме Г. Кельзена лишается сакрального или этического смысла, превращаясь в функциональную характеристику правовой системы [4,5,6,7].

Представитель лингвистического позитивизма Герберт Харт в работе «Понятие права» уточняет природу обязательств власти. Г. Харт критикует модель Д.Остина («приказ суверена») и вводит различие между «первичными» и «вторичными» правилами. С точки зрения Г. Харта, обязанность государства (в лице его органов и должностных лиц) проистекает из«правила признания» [8,9]. Это фундаментальное правило обязывает судей и чиновников применять определенные критерии при определении того, что является правом.

Обязанность власти носит институциональный характер: государство обязано действовать в рамках правил, которые оно само признает в качестве обязательных для функционирования системы.

В отечественной правовой мысли наиболее последовательным позитивистом выступал Г. Ф. Шершеневич. В концепции государственного самоограничения Г.Ф.Шершеневич подчеркивал, что государство, сознавая необходимость правопорядка для своего существования, ограничивает свою волю созданными им же нормами. Обязанность государства, по Шершеневичу, — это сознательное следование установленному закону [10,11].

Таким образом, позитивистский подход к обязанности государства характеризуется отказом от метафизических спекуляций. В работах позитивистов обязанность государства предстает как:

1. Следствие иерархической структуры правовых норм.

2. Результат рационального самоограничения суверена ради социального мира.

3. Соблюдение процедурных «правил игры», заложенных в фундамент правовой системы.

Несмотря на критику за отсутствие «морального фильтра», на наш взгляд, именно позитивистский ключ позволяет наиболее четко разграничить правовую реальность и политическую риторику в вопросах власти.

Анализ научных источников показывает, что вопрос о социальной справедливости, тесно связанный с обязанностью и ответственностью государственной власти, также остается центральным как в политической философии, так и в юриспруденции на протяжении десятилетий. Однако в XXI веке понимание справедливости претерпело значительную трансформацию. Если во второй половине XX века дискурс вращался преимущественно вокруг распределения материальных благ, то современные авторы акцентируют внимание на культурном признании, индивидуальных возможностях и глобальной ответственности.

Точкой отсчета для большинства современных исследований остается теория «справедливости как честности» Джона Ролза. Его «принцип различия» постулирует, что социальное и экономическое неравенство допустимо лишь в том случае, если оно приносит наибольшую пользу наименее преуспевающим членам общества. Современные последователи Дж. Ролза, такие как Рональд Дворкин, развили эту идею в концепцию «равенства ресурсов», подчеркивая необходимость компенсации за биологические или социальные факторы, не зависящие от выбора индивида (luck egalitarianism).

Критическим этапом развития теории стало появление работ А. Сена и М. Нуссбаум. А. Сен в труде «Идея справедливости» утверждает, что справедливость нельзя оценивать лишь по наличию институтов или объему ресурсов. Важным является то, что человек способен реально делать и кем он способен быть (*capabilities*). М. Нуссбаум конкретизировала этот подход, предложив перечень «центральных способностей» (здоровье, телесная целостность, практический разум и др.), которые должны быть гарантированы государством как конституционный минимум. Таким образом, справедливость переходит из плоскости «обладания» в плоскость «реализации свободы».

Одной из наиболее актуальных сегодня является дискуссия о соотношении перераспределения (*redistribution*) и признания (*recognition*). Нэнси Фрейзер предлагает интегрированную теорию, выделяя три измерения несправедливости: экономическое, культурное и политическое.

В свою очередь, Аксель Хоннет в рамках теории коммуникативного действия доказывает, что фундаментальной основой справедливости является взаимное признание субъектов, а любой социальный протест коренится в опыте «неуважения».

Современные авторы, такие как Майкл Сэндел, подвергают критике либеральный нейтралитет. В работе «Справедливость: как поступать правильно?» Сэндел утверждает, что обсуждение справедливости невозможно без обращения к вопросу о «благой жизни» и общих ценностях сообщества. Исследователь указывает на опасность «рыночного мышления», когда справедливость сводится к эффективности, игнорируя моральное достоинство личности. На наш взгляд, эти процессы могут стать фактором кризиса общественного доверия к власти [12].

Сегодня в академической среде отмечается системный кризис доверия к институтам власти в ряде стран, который актуализирует необходимость возврата к этико-политическому осмыслению этого концепта. Обязанность государства — это не просто юридическое предписание, но и моральный императив, определяющий смысл существования самого государственного аппарата [13,14].

Политическая категория обязанности неразрывно связана с понятием легитимности. Власть признается оправданной и законной до тех пор, пока она эффективно выполняет свои этические обязательства:

1. Обеспечение справедливости (дистрибутивной и ретрибутивной).
2. Защита социально незащищенных слоев населения и поддержание социального мира.
3. Создание условий для самореализации граждан.

Если государство игнорирует свои обязанности, наступает кризис легитимности, при котором правовые нормы перестают восприниматься обществом как морально обязательные.

В XXI веке этико-политическая сфера обязанностей государства расширяется. К традиционным функциям добавляются: обязанность перед будущими поколениями, защита приватности и прав человека в киберпространстве, содействие в решении глобальных проблем

Трансформация «государства - ночного сторожа» в «социальное государство» (Welfare State) окончательно закрепила обязанность власти по обеспечению достойного уровня жизни как этический стандарт современной цивилизации.

Таким образом, на наш взгляд, обязанность государства как этико-политическая категория является первичной по отношению к правовым нормам. Она служит фундаментом для формирования доверия между обществом и властью. Понимание государства как этического агента, обремененного обязанностями, позволяет сместить акцент с репрессивных функций на созидательные и сервисные, что является необходимым условием стабильного развития демократического общества. Современные концепции социальной справедливости демонстрируют отказ от узкоэкономического детерминизма. В трудах А. Сена, Н. Фрейзер и М. Сэндела справедливость предстает как сложный синтез материального благополучия, правового равенства и уважения к человеческому достоинству. Для современной России адаптация этих идей актуальна в контексте преодоления глубокого социального неравенства и выработки новой стратегии социального государства.

Список литературы:

1. Зингерман, Д. А. Понимание юридического позитивизма / Д. А. Зингерман // Sustainable development forum - 2023 : Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 27 июня 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 120-125.
2. Пищулин, А. В. Проблема определения современных подходов к понятию "юридический позитивизм" / А. В. Пищулин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2009. – № 3. – С. 89-99.
3. Остин, Д. Определение области юриспруденции : Курс лекций по юриспруденции «Философии позитивного права» / Д. Остин. – Санкт-Петербург : Издательство Алетейя, 2022. – 472 с.
4. Володина, А. А. Учение Ганса Кельзена о государстве как правопорядке / А. А. Володина // Российское правосудие. – 2015. – № 3(107). – С. 22-28.
5. Дидикин, А. Б. Философия права Ганса Кельзена: релятивизм и переосмысление причинности / А. Б. Дидикин // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 265-282.
6. Желева, О. В. К вопросу об основных положениях чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве / О. В. Желева, А. С. Ткач // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 97-106.
7. Кельзен, Г. Судебный контроль законодательства: сравнительное исследование австрийской и американской конституций / Г. Кельзен // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 2(301). – С. 190-202.
8. Касаткин, С. Н. Правовое учение "позднего" Г. Харта: очерк позиций / С. Н. Касаткин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 3(50). – С. 91-103.
9. Горбунов, М. Д. Герберт Харт и современные включающие позитивисты / М. Д. Горбунов // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 2(100). – С. 210-219.
10. Шлома, О. А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича / О. А. Шлома, Т. Б. Чердакова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 68. – С. 71-77.
11. Шигабутдинов, Р. Р. Проблемы государства, власти и права в политико-правовых взглядах профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича / Р. Р. Шигабутдинов // Вестник КрасГАУ. – 2013. – № 4(79). – С. 186-189.
12. Сэндел М. «Справедливость: как поступать правильно?» / Майкл Сэндел; [пер. с англ. Александра Калинина]. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 338 с. — (Бестселлер The New York Times). — ISBN 978-5-91657-814-0.
13. Мещеряков, Д. А. Институт доверия к государственным структурам и общественным институтам / Д. А. Мещеряков // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2016. – Т. 4, № 3(23). – С. 86-88.
14. Шадынина, А. М. Кризис доверия к власти в условиях современной России / А. М. Шадынина // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования : Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической студенческой конференции, Тверь, 16 апреля 2019 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Тверской филиал. Том 2. – Тверь: ООО "Издательство "Триада", 2019. – С. 125-130.
15. Кобелева, Х. А. Кризис доверия к власти в современном Российском обществе / Х. А. Кобелева // Общество и власть: история и современность : материалы 13-й Региональной научной конференции, Воронеж, 01 февраля 2019 года. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – С. 353-358.

References:

1. Zingerman, D. A. Understanding Legal Positivism / D. A. Zingerman // Sustainable development forum - 2023 : Collection of articles from the III International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, June 27, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "Novaya Nauka" (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. – Pp. 120-125. 2. Pishchulin, A. V. The Problem of Defining Modern Approaches to the Concept of "Legal Positivism" / A. V. Pishchulin // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2009. – No. 3. – Pp. 89-99. 3. Austin, D. The Definition of the Field of Jurisprudence: A Course of Lectures on the Philosophy of Positive Law / D. Austin. – St. Petersburg: Aleteia Publishing House, 2022. – 472 p.
2. Voronina, I. A. Fundamentals of Russian statehood [Electronic resource] : a workshop for students of educational programs of higher education in all areas of training and specialties / I. A. Voronina, P. V. Lyashenko, I. A. Terentyeva; Ministry of Science and Higher Education. education grew. Federation, Federal State budget. educated. the institution is higher. education "Orenburg State University". Orenburg : OSU, 2025. - ISBN 978-5-7410-3356-2. - P. 5.
3. Borzova, T. A. Return to the Origins: On Approaches to Teaching the Course "Fundamentals of Russian Statehood" in Higher Education / T. A. Borzova // World of Science, Culture, and Education. – 2023. – No. 4(101). – Pp. 138-142.
4. Volodina, A. A. Hans Kelsen's Theory of the State as a Legal Order / A. A. Volodina // Russian Justice. – 2015. – No. 3(107). – Pp. 22-28.
5. Didikin, A. B. Hans Kelsen's Philosophy of Law: Relativism and the Reinterpretation of Causality / A. B. Didikin // Schole. Philosophical Classics and the Classical Tradition. – 2015. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 265-282.
6. Zheleva, O. V. On the Basic Provisions of the Pure Theory of Law and the State by G. Kelsen / O. V. Zheleva, A. S. Tkach // Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2019. – No. 3. – Pp. 97-106.
7. Kelsen, G. Judicial Control of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and American Constitutions / G. Kelsen // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. – 2012. – No. 2(301). – Pp. 190-202.
8. Kasatkin, S. N. The Legal Doctrine of "Late" G. Hart: An Outline of Positions / S. N. Kasatkin // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Law. – 2022. – № 3(50). – Pp. 91-103.
9. Gorbunov, M. D. Herbert Hart and modern inclusive positivists / M. D. Gorbunov // Academic Law Journal. – 2025. – Vol. 26, No. 2(100). – pp. 210-219.
10. Shloma, O. A. State-legal views of G.F. Shershenevich / O. A. Shloma, T. B. Cherdakova // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. – 2015. – No. 68. – Pp. 71-77.
11. Shigabutdinov, R. R. Problems of the State, Power, and Law in the Political and Legal Views of Professor G. F. Shershenevich of Kazan University / R. R. Shigabutdinov // Vestnik KrasGAU. – 2013. – No. 4(79). – Pp. 186-189.
12. Sandel M. "Justice: how to do the right thing?" / Michael Sandel; [trans. from the English by Alexander Kalinin]. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 338 p. (The New York Times bestseller). — ISBN 978-5-91657-814-0.
13. Meshcheryakov, D. A. The Institute of Trust in State Structures and Public Institutions / D. A. Meshcheryakov // Current Directions of Scientific Research in the 21st Century: Theory and Practice. – 2016. – Vol. 4, No. 3(23). – Pp. 86-88.
14. Shadynina, A. M. The Crisis of Trust in the Government in Contemporary Russia / A. M. Shadynina // Scientific Community of Students: Interdisciplinary Research : Collection of Scientific Papers based on the materials of the II International Scientific and Practical Student Conference, Tver, April 16, 2019 / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tver Branch. Volume 2. – Tver: Triada Publishing House LLC, 2019. – Pp. 125-130.
15. Kobeleva, Kh. A. The Crisis of Trust in the Government in Contemporary Russian Society / Kh. A. Kobeleva // Society and Power: History and Modernity : Proceedings of the 13th Regional Scientific Conference, Voronezh, February 1, 2019. – Voronezh: Voronezh State University, 2019. – Pp. 353-358.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_161

УДК 342.8

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
FEATURES OF THE ELECTORAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ДАДАШОВА Эстелита Гусунбековна,
преподаватель кафедры «Экономики и права»,
Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал)
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Российская Федерация (ИФ ГУАП).
188491, Россия, Ленинградская обл., Кингисеппский р-он, г. Ивангород, ул. Котовского, д. 1.
E-mail: esti_94@mail.ru

DADASHOVA Estelita Gusunbekovna,
Lecturer of the Department of Economics and Law,
Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch)
of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russian Federation (IF GUAP).
188491, Russia, Leningrad Region, Kingisepp District, Ivangorod, Kotovskogo Street, 1.
E-mail: esti_94@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается вопрос понятия и сущности избирательной системы Российской Федерации, в частности вопрос особенностей применения определённого типа избирательной системы (или их совместного применения) при проведении выборов государственной власти. Актуальность темы исследования обусловлена изучением эффективности типов избирательных систем, применяемых в процессе проведения определённых выборов, в частности с точки зрения правового обеспечения участников соответствующих выборов. Для автора важно выявить основные проблемные аспекты избирательной системы России, проанализировать изменения законодательства в соответствующей области и на основе анализа осуществить прогнозирование дальнейшего развития избирательной системы Российской Федерации, в том числе определить возможные варианты совершенствования избирательной системы государства.*

Abstract: *The article examines the issue of the concept and essence of the electoral system of the Russian Federation, in particular, the issue of the specifics of the application of a certain type of electoral system (or their joint application) in the conduct of public elections. The relevance of the research topic is due to the study of the effectiveness of the types of electoral systems used in the process of conducting certain elections, in particular from the point of view of legal support for participants in the relevant elections. It is important for the author to identify the main problematic aspects of the Russian electoral system, analyze legislative changes in the relevant area and, based on the analysis, predict the further development of the electoral system of the Russian Federation, including identifying possible options for improving the electoral system of the state.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, избирательное право, избирательная система Российской Федерации, типы избирательных систем, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, смешанная избирательная система, выборы.*

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation, electoral law, the electoral system of the Russian Federation, types of electoral systems, majoritarian electoral system, proportional electoral system, mixed electoral system, elections.*

Для цитирования: *Дадашова Э.Г. Особенности избирательной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_161.*

For citation*: Dadashova E.G. Features of the electoral system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_161.*

Статья поступила в редакцию: 10.05.2026

Важнейшим элементом механизма существования демократического государства, обеспечивающего функционирование власти и выражение воли гражданского населения, является избирательная система государства. В современном государстве избирательная система проходит пути значительных изменений, характеризующихся направлениями роста эффективности и открытости. Многочисленные ограничения, осложняющие вхождение в пространство системы выборов новой политической силы, способствуют возникновению трудностей на всех уровнях избирательных систем в Российской Федерации [1].

Исходя из исторического аспекта, следует, что: «избирательная система – это сложно определяемый феномен современного демократического процесса. Историческая траектория формирования современного избирательного права Российской Федерации, определившая форму современной российской избирательной системы, во многом опиралась на советский политический и юридический опыт. Хотя на практике избирательный процесс в Советском Союзе во многом носил рудиментарный характер вследствие господствующей политической культуры и особенностей однопартийной политической системы, тем не менее, в эту эпоху было создано полноценной избирательное законодательство, во многом легшее в основу современного избирательного законодательства. В то же время, будучи неотъемлемой частью истории отечественного конституционного права, развитие избирательной системы происходило с опорой не только на советский опыт прямой демократии, но и на признанные международные образцы формирования избирательных систем. То же можно сказать и о подходах к изучению работы избирательных систем, учитывающих как отечественный, так и зарубежный опыт» [2].

Избирательную систему Российской Федерации возможно разделить на три периода становления, а именно:

«1. Формирование избирательной системы Российской Федерации, 1993-1999 гг. Происходит становление институциональных основ, разрабатываются нормативные правовые акты, которые регулируют организацию и проведение выборов на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном;

2. Модификация установленных положений и избирательных практик в Российской Федерации, 2000-2011 гг. В первой декаде XXI века происходит преобразование избирательного законодательства. Вносятся изменения в управление деятельностью избирательных объединений.

Реформа направлена на поддержку единства государства, предупреждение процесса деления;

3. Модернизация избирательной системы Российской Федерации, 2012 г. – настоящее время. Новый период реформирования ориентирован на демократизацию избирательного процесса, распространение прав и возможностей реализации активного и пассивного избирательного права, открытости и гласности избирательных процедур» [3].

Итак, современная избирательная система государства представляет собой комплекс законодательно закреплённых правоотношений, с одной стороны обеспечивающих процесс реализации выборных органов государственной власти и местного самоуправления для выполнения ими соответствующих функций, а с другой, устанавливающих регламент избирательного процесса и правовой статус его участников, в частности процесс голосования и подведения итогов выборов [4].

Рассматривая определение избирательной системы с точки зрения политико-правовой категории, неизбежно устанавливается взаимосвязь между самой избирательной системой и процессом выборов власти государства. В этой связи, учитывая многогранность и многосторонность избирательной системы, по общему правилу, понятие избирательной системы возможно рассматривать и в узком, и в широком смысле. В узком толковании под избирательной системой государства понимается спектр правовых норм, обеспечивающих функционирование процедуры выборов, а также подведение их итогов. Широкое толкование избирательной системы характеризуется самой формой и способом взаимосвязи общества и государства путём действия соответствующих норм, в частности институтов и образований избирательного права [5].

По своей сути, выборы представляют собой выражение народной воли в вопросе выбора власти, что является основой демократического государства. Эффективность политико-правового механизма выборов предоставляет гражданам возможность реализовать права своего участия в процессе управления государством [6]. Решение граждан, участвующих в выборах, определяет не только состав представительных органов государственной власти и местного самоуправления, но и будущее политическое направление сферы деятельности соответствующих органов власти, что непосредственно влияет на дальнейшее развитие государства в целом [7].

Реализация основных принципов избирательного права обеспечивает современную процедуру проведения выборов. Так, «всеобщность избирательного права, если опираться на зарубежный опыт, служит фундаментом избирательного права, поскольку является не только юридической базой для механизма правового регулирования электоральных отношений, но и оказывает значительное влияние на содержание правовых норм и их практическую реализации в целом» [8].

Нормы избирательного права закрепляют некоторые основные международные принципы избирательного права. Соответствующее закрепление указанных принципов определяет характерные признаки процедуры выборов государственной власти и органов местного самоуправления, а именно: свободу голоса, общего и равного избирательного права, а также тайности голосования. В Конституции Российской Федерации нормам избирательного права уделяется незначительное внимание, к примеру, не указано определённого типа избирательной системы государства. Соответствующее положение закреплено в специальном нормативном акте о выборах власти. Необходимо отметить, что отсутствие конституционного закрепления определённого типа избирательной системы не является случайным, наоборот, законодатель намеренно не указал в Конституции Российской Федерации тип избирательной системы, так как на момент её принятия соответствующий тип избирательной системы было достаточно сложно установить [9].

Тем не менее, опираясь на законодательно установленные нормы о выборах власти Российской Федерации, выделяет три типа избирательных систем, а именно мажоритарную, пропорциональную и смешанную.

Мажоритарная и пропорциональная избирательные системы являются базовыми избирательными системами Российской Федерации.

Для пропорциональной избирательной системы характерно строгое распределение мест избираемых партий, соответствующих количеству голосов, которые были ими получены в процессе выборов.

В свою очередь, широкое использование в российском избирательном праве получила именно мажоритарная избирательная система, имеющая ряд своих преимуществ, по сравнению с иными избирательными системами.

Следует выделить основные преимущества мажоритарной избирательной системы, а именно:

«– сравнительная простота и легкость подсчета голосов, когда победителем является кандидат, набравший относительное, абсолютное или квалифицированное большинство голосов;

– мажоритарная система относительного большинства не предусматривает проведение второго тура выборов, поскольку кандидата-победителя всегда можно выявить по итогам проведения первого тура: набравший большинство голосов кандидат побеждает на выборах, даже если численный перевес голосов электората в пользу данного кандидата был небольшим. Дополнительным преимуществом отсутствия второго тура выборов является то отсутствие дополнительных трат из бюджета соответствующего уровня на организацию и проведение выборов [10];

– мажоритарная система абсолютного и квалифицированного большинства учитывает мнение большего числа избирателей, поскольку в таком случае побеждает кандидат, набравший определенное количество голосов, не ниже установленного минимума;

– мажоритарная избирательная система, как относительного, так и абсолютного, квалифицированного большинства, не предполагает проведение выборов исключительно на партийной основе: к участию в выборах допускаются не только кандидаты от политических партий, но и независимые кандидаты, которые прошли процедуру самовыдвижения» [11].

В российском избирательном праве существует объединение мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, под названием «смешанная избирательная система». Для смешанной избирательной системы характерно разделение процесса избрания представительного органа власти на части, а именно одна часть избирается по мажоритарной избирательной системе, а другая часть идёт по пути пропорцио-

нальной избирательной системы.

При выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации используется именно смешанный тип избирательной системы.

Переходя к достоинствам смешанной избирательной системы, следует обратить внимание на следующие особенности: «избрание части депутатов по одномандатным округам - «возвращение смешанной избирательной системы предоставило возможность непосредственного выдвижения кандидатов-одномандатников в порядке самовыдвижения, а также политическими партиями. Фактически тем самым устраняется главное препятствие для реализации беспартийным своего конституционного пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы, которое возникло в результате использования только пропорциональной избирательной системы». Еще одно достоинство смешанной избирательной системы, а именно по которой избирались депутаты Государственной Думы пятого и шестого созыва, является тот факт, что «избиратели могут голосовать непосредственно за кандидата, а не только за партийные списки. Это значительно увеличивает процент народного представительства в российском парламенте, а также увеличивает региональную ориентированность деятельности депутатов» [12].

Помимо представленных достоинств смешанной избирательной системы, указанный тип избирательной системы имеет ряд своих недостатков. Одним из существенных недостатков указанного типа избирательной системы является факт появления партий, неспособных в процессе выборов набрать соответствующее количество голосов для последующего допуска к распределению депутатских мандатов, в связи с недостаточной степенью известности. Следовательно, указанные партии не способны получить дальнейшего партийного представительства в Государственной Думе Совета Федерации Российской Федерации, что чревато ограничением их возможностей и должного влияния на принятие решений в представительном органе.

Тем не менее, не смотря на наличие имеющихся недостатков, смешанный тип избирательной системы был эффективно внедрён в процесс проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и имеет положительные показатели.

Все указанные типы избирательных систем Российской Федерации, а также их возможные комбинации на этапе своего зарождения имеют различные подходы к формированию коллегиальных и единоличных органов, что обуславливается следующими обстоятельствами: «имеющейся в стране политической системой (многопартийной, двухпартийной или однопартийной), сочетанием партийного и внепартийного представительства, а также необходимостью разрешения ряда юридико-организационных задач и функций (определение условий, при которых выборы признаются состоявшимися или несостоявшимися, действительными или недействительными, результативными

или нерезультативными и др.). Многообразие видов применяемых избирательных систем есть важный показатель демократичности современного российского общества» [13].

Путь современной избирательной системы России весьма многообразен и имеет различные этапы развития. Не смотря проводимое реформирование избирательных систем, ряд нерешённых проблем и возникающих вызовов в соответствующей области избирательного права достаточно велик.

Одной из важных проблем избирательной системы Российской Федерации является: «отказ избирателей от участия в голосовании, что выступает как форма протеста против текущей системы. Выдающиеся российские политологи, психологи, социологи, историки и юристы проводят исследования, направленные на выявление и анализ факторов, влияющих на низкую избирательную активность граждан. Этот фактор также влияет на снижение порога явки избирателей, при котором выборы признаются состоявшимися. Приведённая явка избирателей на выборах Президента России в последние годы демонстрирует колебания: 2012 г. – 65,3%; 2018 г. – 67,5%» [14].

Следующим проблемным аспектом избирательной системы России является контроль за дистанционным электронным голосованием, в том числе в связи с отсутствием единого нормативно-правового акта, регулирующего соответствующий процесс. Также весьма затруднительным и проблематичным является доступ партий и кандидатов к ресурсам медиа-сферы и соответствующему представлению в средствах массовой информации [15].

Необходимо отметить, что дважды в год, до и после избирательной кампании, применяются общие методы по совершенствованию избирательной системы: обеспечиваются условия для роста числа голосующих избирателей, в том числе применяются меры по улучшению порядка голосования, обеспечения комфорта и мобильности граждан при их волеизъявлении; осуществляется непрерывная поддержка процесса выборов с точки зрения их гласности, прозрачности и открытости. Вместе с тем, перед началом проведения выборов назначается объективная экспертная проверка, которая обеспечивает выявление возможных проблем, а также порядок их последующего устранения. В завершении избирательной кампании соответствующими участниками проводится работа над ошибками, а также фиксация перспективных направлений деятельности.

Очевидным является тот факт, что для решения проблемных аспектов избирательной системы России необходимо дальнейшее совершенствование не только реформ соответствующей области избирательного права, но и также улучшение политического и правового положения государства. В этой связи важным фактором выступает создание равных возможностей для кандидатов и политических партий, обеспечение справедливого подхода и прозрачности процесса проведения выборов, а также укрепление автономности избирательных органов и обеспечение их объективности и беспристрастности.

Список литературы:

1. Бунтовский С. Ю., Лукомская В. Е. Проблемы и перспективы развития избирательной системы в Российской Федерации на со-временном этапе // Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. В 3-х томах: Будущее науки: взгляд молодых учёных на инновационное развитие общества. - Издательство: ЗАО "Университетская книга". Курск, 2025. С. 51-54. EDN: QIBCOO

2. Арбатова А. Д., Кузьмина О. А. Современная избирательная система в Российской Федерации // Сборник научных статей 8-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. В 4-х томах: Молодёжь и системная модернизация страны. - Издательство: ЗАО "Университетская книга". Курск, 2024. С. 107-109. EDN: BFKHSM

3. Родионова А. А. Становление избирательной системы Российской Федерации // Выборы: теория и практика. 2022. № 1 (57). С. 20-27. EDN: IUMPRA

4. Ямковая И. Н. Особенности избирательной системы России: сравнительно-правовой анализ // Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. В 2-х томах. Том 1: Государство и право: Проблемы и перспективы совершенствования. - Издательство: Юго-Западный государственный университет. Курск, 2021. С. 41-45. EDN: ZRPNQA

5. Жильченко М. Е. Избирательная система как институт современного демократического общества // Аллея науки. 2019. № 4 (31). С. 570-575. EDN: ZMDQZN

6. Мехтиев М. Ш. Проблемы политико-правового регулирования выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в условиях реформирования избирательной системы современной России // Актуальные вопросы современной экономики. 2025. № 2. С. 526-531. EDN: NFDUUV

7. Макаров В. О., Анжиров А. К. Проблемы реализации особых избирательных систем // Сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции: Поколение будущего. - Издательство: Гуманитарный национальный исследовательский институт "Нацразвитие". Санкт-Петербург, 2022. С. 104-107. EDN: MOIYXG

8. Волошин Д. А. Современные проблемы политико-правового механизма избирательной системы в Российской Федерации // Вестник науки. 2019. № 6 (15). С. 214-219. EDN: CZSSFQ

9. Ямковая И. Н. Теоретико-правовые особенности избирательной системы Российской Федерации // INTERNATIONAL LAW JOURNAL. 2022. № 6. С. 191-195. EDN: FARVMU

10. Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. Избирательная система России: в поисках компромисса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 34-44. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10029 EDN: VNTFTC

11. Шалгин Г. А., Князева И. Н. Мажоритарная избирательная система современной России: достоинства и недостатки // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 1-1. С. 71-73. EDN: DJKMXV

12. Клещева Е. А. Проблемы перехода от пропорциональной к смешанной избирательной системе на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Аллея науки. 2020. № 10 (49). С. 566-569. EDN: WUTAZX

13. Гуторова А. Н. Избирательная система России: правовые позиции Конституционного суда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. 2021. № 2. С. 31-42. EDN: KGBBMY

14. Зангиев А. А. Особенности избирательной системы России: сравнительно-правовой анализ // Сборник статей VII Международной научно-практической конференции: Современная наука, общество и образование: Актуальные вопросы, достижения и инновации. - Издательство: Наука и просвещение. Пенза, 2024. С. 150-152. EDN: RITVZU

15. Новикова С. А. Динамика становления избирательной системы современной России (2013-2019 годы) // Выборы: теория и практика. 2023. № 2 (60). С. 69-72. EDN: NVQJCW

References:

1. Buntovskij S. Yu., Lukomskaya V. E. Problemy` i perspektivy` razvitiya izbiratel`noj sistemy` v Rossijskoj Federacii na sovremennom e`tape // Sbornik nauchny`x statej 3-j Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii. V 3-x tomax: Budushhee nauki: vzglyad molody`x uchyony`x na innovacionnoe razvitie obshhestva. - Izdatel`stvo: ZAO «Universitetskaya kniga». Kursk, 2025. P. 51-54. EDN: QIBCOO

2. Arbatova A. D., Kuz`mina O. A. Sovremennaya izbiratel`naya sistema v Rossijskoj Federacii // Sbornik nauchny`x statej 8-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molody`x ucheny`x. V 4-x tomax: Molodyozh` i sistemnaya modernizaciya strany`. - Izdatel`stvo: ZAO «Universitetskaya kniga». Kursk, 2024. P. 107-109. EDN: BFKHSM

3. Rodionova A. A. Stanovlenie izbiratel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii // Vy`bory`: teoriya i praktika. - 2022. – No. 1 (57). - P. 20-27. EDN: IUMPRA

4. Yamkovaya I. N. Osobennosti izbiratel`noj sistemy` Rossii: sravnitel`no-pravovoj analiz // Sbornik nauchny`x trudov 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2-x tomax. Tom 1: Gosudarstvo i pravo: Problemy` i perspektivy` sovershenstvovaniya. - Izdatel`stvo: Yugo-Zapadny`j gosudarstvenny`j universitet. Kursk, 2021. P. 41-45. EDN: ZRPNQA

5. Zhil`chenko M. E. Izbiratel`naya sistema kak institut sovremennogo demokraticheskogo obshhestva // Alleya nauki. - 2019. – No. 4 (31). - P. 570-575. EDN: ZMDQZN

6. Mextiev M. Sh. Problemy` politiko-pravovogo regulirovaniya vy`borov deputatov Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii v usloviyax reformirovaniya izbiratel`noj sistemy` sovremennoj Rossii // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj e`konomiki. - 2025. – No. 2. - P. 526-531. EDN: NFDUUV

7. Makarov V. O., Anzhirov A. K. Problemy` realizacii osoby`x izbiratel`ny`x sistem // Sbornik izbranny`x statej Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii: Pokolenie budushhego. - Izdatel`stvo: Gumanitarny`j nacional`ny`j issledovatel`skij institut «Naczrazvitie». Sankt-Peterburg, 2022. P. 104-107. EDN: MOIYXG

8. Voloshin D. A. Sovremenny`e problemy` politiko-pravovogo mexanizma izbiratel`noj sistemy` v Rossijskoj Federacii // Vestnik nauki. - 2019. – No. 6 (15). - P. 214-219. EDN: CZSSFQ

9. Yamkovaya I. N. Teoretiko-pravovy`e osobennosti izbiratel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii // INTERNATIONAL LAW JOURNAL. - 2022. – No. 6. - P. 191-195. EDN: FARVMU

10. Shelegov Yu. V., Shelegov V. G. Izbiratel`naya sistema Rossii: v poiskax kompromissa // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. - 2019. – No. 4 (91). - P. 34-44. EDN: VNTFTC

11. Shalgin G. A., Knyazeva I. N. Mazhoritarnaya izbiratel`naya sistema sovremennoj Rossii: dostoinstva i nedostatki // Simvol nauki: mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal. - 2022. – No. 1-1. - P. 71-73. EDN: DJKMXV

12. Kleshheva E. A. Problemy` perexoda ot proporcional`noj k smeshannoj izbiratel`noj sisteme na vy`borax deputatov Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii // Alleya nauki. - 2020. – No. 10 (49). - P. 566-569. EDN: WUTAZX

13. Gutorova A. N. Izbiratel`naya sistema Rossii: pravovy`e pozicii Konstitucionnogo suda // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i Pravo. - 2021. – No. 2. - P. 31-42. EDN: KGBBMY

14. Zangiev A. A. Osobennosti izbiratel`noj sistemy` Rossii: sravnitel`no-pravovoj analiz // Sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: Sovremennaya nauka, obshhestvo i obrazovanie: Aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii. - Izdatel`stvo: Nauka i prosveshhenie. Penza, 2024. P. 150-152. EDN: RITVZU

15. Novikova S. A. Dinamika stanovleniya izbiratel`noj sistemy` sovremennoj Rossii (2013-2019 gody`) // Vy`bory`: teoriya i praktika. - 2023. – No. 2 (60). - P. 69-72. EDN: NVQJCW

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_165

УДК 340.11

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОПРОСОВ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
MORAL ASPECTS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**. В статье исследуются нравственные аспекты совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы в Российской Федерации. Целью работы является анализ взаимосвязи правовых и нравственных основ военной службы, выявление проблем в правовой регламентации и разработка предложений по их решению с учетом нравственных принципов. Результаты показывают, что эффективная правовая регламентация военной службы должна основываться не только на формальных правовых нормах, но и на нравственных принципах, таких как патриотизм, воинский долг, честь, достоинство и дисциплинированность. Выявлены ключевые проблемы правовой регламентации: отсутствие четких критериев оценки прохождения испытательного срока, пробелы в регулировании социальных гарантий военнослужащих, недостаточное развитие антикоррупционных механизмов. Предложены направления совершенствования: уточнение ключевых понятий в законодательстве, введение процедур контроля и обжалования решений, усиление антикоррупционных механизмов, совершенствование социальной защиты военнослужащих, развитие системы военно-патриотического воспитания.*

***Abstract**. The article explores the moral aspects of improving the legal regulation of military service in the Russian Federation. The purpose of the work is to analyze the relationship between the legal and moral foundations of military service, identify problems in legal regulation, and develop proposals for their solution based on moral principles. The results show that effective legal regulation of military service should be based not only on formal legal norms, but also on moral principles such as patriotism, military duty, honor, dignity, and discipline. The key problems of legal regulation have been identified: the lack of clear criteria for evaluating the completion of the probationary period, gaps in the regulation of social guarantees for military personnel, and insufficient development of anti-corruption mechanisms. The following areas for improvement have been proposed: clarifying key concepts in legislation, introducing procedures for monitoring and appealing decisions, strengthening anti-corruption mechanisms, and improving the legal framework.*

***Ключевые слова**: нравственные аспекты, военная служба, правовая регламентация, патриотизм, воинский долг, честь, достоинство.*

***Keywords**: moral aspects, military service, legal regulation, patriotism, military duty, honor, and dignity.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Нравственные аспекты совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 165-169. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_165.*

***For citation**: Nazarova I.S. Moral Aspects of Improving the Legal Regulation of Military Service in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 165-169. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_165.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Актуальность исследования нравственных аспектов совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы в Российской Федерации обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, в условиях специальной военной операции и усиления внешнего давления на Российскую Федерацию вопросы повышения эффективности военной службы приобретают особую значимость.

Во-вторых, военная служба является особым видом государственной службы, который требует не только высокого профессионального уровня, но и высоких нравственных качеств от военнослужащих.

В-третьих, современные вызовы безопасности требуют от военнослужащих не только профессиональных знаний и умений, но и высоких нравственных качеств, таких как патриотизм[1], воинский долг, честь, достоинство и дисциплинированность.

В-четвертых, в условиях специальной военной операции возникает необходимость в совершенствовании правовой регламентации военной службы с учетом нравственных аспектов, что позволит повысить эффективность военной службы и укрепить обороноспособность страны.

Особую актуальность приобретает вопрос о взаимосвязи правовых и нравственных основ военной службы. Правовая регламентация военной службы должна основываться не только на формальных правовых нормах, но и на нравственных принципах, которые определяют мотивацию и поведение военнослужащих. Это особенно важно в условиях специальной военной операции, когда требования к качеству военной службы значительно возрастают.

Нравственные аспекты совершенствования правовой регламентации военной службы в Российской Федерации связаны с обеспечением

[1] Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.

соответствия законодательства этическим принципам, формированием высоких моральных качеств у военнослужащих и созданием условий для добросовестного исполнения воинского долга. Это включает укрепление патриотизма, дисциплины, чести, достоинства и других нравственных ценностей, а также устранение правовых пробелов, которые могут способствовать коррупции и нарушению прав военнослужащих[1].

Правовая регламентация военной службы должна учитывать нравственные аспекты, поскольку военная служба является особым видом государственной службы, который требует от военнослужащих не только профессиональных знаний и умений, но и высоких нравственных качеств[2]. Нравственные аспекты правовой регламентации военной службы включают формирование у военнослужащих патриотизма, воинского долга, чести, достоинства, дисциплинированности и других нравственных качеств, а также создание условий для их реализации в процессе военной службы.

Совершенствование правовой регламентации военной службы с учетом нравственных аспектов требует разработки и внедрения правовых норм, которые способствуют формированию у военнослужащих высоких нравственных качеств и создают условия для их реализации в процессе военной службы. Это включает уточнение ключевых понятий в законодательстве, введение процедур контроля и обжалования решений, усиление антикоррупционных механизмов, совершенствование социальной защиты военнослужащих и развитие системы военно-патриотического воспитания[3].

Воинская служба в России базируется на конституционном долге защиты Отечества[4].

Воинская служба в России базируется на конституционном долге защиты Отечества, который имеет как правовой, так и этический характер. Согласно статье 59 Конституции Российской Федерации, защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Это положение закрепляет правовую основу воинской службы и определяет ее конституционный характер.

Конституционный долг защиты Отечества имеет не только правовой, но и этический характер. Он предполагает не только формальное выполнение обязанностей по защите Отечества, но и осознание военнослужащими своей миссии и ответственности перед Родиной. Это требует от военнослужащих высоких нравственных качеств, таких как патриотизм, воинский долг, честь, достоинство и дисциплинированность.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ определяет правовые основы воинской обязанности и военной службы, а также права, обязанности и ответственность военнослужащих. Закон устанавливает, что военная служба является особым видом федеральной государственной службы, связанной с исполнением обязанностей по защите Отечества.

Согласно статье 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащие обязаны:

- Защищать Конституцию Российской Федерации, суверенитет, независимость, целостность и безопасность Российской Федерации
- Соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации
- Выполнять требования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов военного управления
- Выполнять приказы командиров (начальников) в пределах их компетенции
- Беречь военное имущество
- Соблюдать воинскую дисциплину.

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации является одним из общевоинских уставов и определяет права, обязанности и ответственность военнослужащих, а также основные правила внутреннего порядка в воинских частях и подразделениях. Устав устанавливает требования к воинской дисциплине, воинскому этикету, несению службы и выполнению воинских обязанностей.

Согласно статье 10 Устава внутренней службы, военнослужащие обязаны:

- Быть верными Военной присяге (обязательству)
- Защищать Конституцию Российской Федерации, суверенитет, независимость, целостность и безопасность Российской Федерации
- Соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации
- Выполнять требования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов военного управления
- Выполнять приказы командиров (начальников) в пределах их компетенции.

Представляется, что ключевыми нравственными категориями, определяющими деятельность военнослужащих, являются:

Патриотизм — беззаветная любовь к Родине, которая лежит в основе военной системы и мотивирует на защиту государственных интересов. Патриотизм является фундаментальной нравственной категорией, определяющей мотивацию и поведение военнослужащих. Он предполагает готовность военнослужащих к самопожертвованию ради защиты Отечества и его интересов.

Воинский долг — обязанность защищать Отечество, которая реализуется через соблюдение нравственно-правовых норм: защиту суверенитета, территориальной целостности, безопасности государства. Воинский долг является основной нравственной обязанностью военнослужа-

[1] Назарова И.С. Конституционные основы укрепления российской государственности: монография/ И.С. Назарова. - Санкт-Петербург, Белгород ООО «Эпицентр», 2026.-С. 56.
[2] Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
[3] Краевский В.В. Методология педагогики: учебное пособие. М.: Академия, 2023. -С. 39-40.
[4] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

щих, которая определяет их миссию и ответственность перед Родиной.

Честь и достоинство — неотъемлемые качества военнослужащего, которые предполагают соблюдение высоких моральных стандартов и уважение к себе и окружающим. Честь и достоинство являются важными нравственными категориями, которые определяют поведение и мотивацию военнослужащих. Они предполагают соблюдение высоких моральных стандартов, уважение к себе и окружающим, а также готовность к самопожертвованию ради защиты чести и достоинства[1].

Дисциплинированность — строгое соблюдение законов, уставов и приказов командиров, основанное на осознании воинского долга и личной ответственности. Дисциплинированность является важной нравственной категорией, которая определяет поведение и мотивацию военнослужащих. Она предполагает строгое соблюдение законов, уставов и приказов командиров, основанное на осознании воинского долга и личной ответственности (14, Устав внутренней службы ВС РФ).

Взаимовыручка и товарищество — коллективизм и готовность помогать сослуживцам, что особенно важно в экстремальных условиях. Взаимовыручка и товарищество являются важными нравственными категориями, которые определяют поведение и мотивацию военнослужащих. Они предполагают коллективизм и готовность помогать сослуживцам, что особенно важно в экстремальных условиях.

Нравственная культура военнослужащего предполагает гармонию внутреннего и внешнего облика, соблюдение этических норм в поведении, общении и выполнении служебных обязанностей. Нравственная культура военнослужащего включает формирование у него высоких нравственных качеств, таких как патриотизм, воинский долг, честь, достоинство, дисциплинированность, взаимовыручка и товарищество, а также создание условий для их реализации в процессе военной службы.

Нравственная культура военнослужащего определяет его поведение и мотивацию в процессе военной службы. Она предполагает соблюдение этических норм в поведении, общении и выполнении служебных обязанностей, а также готовность к самопожертвованию ради защиты Отечества и его интересов. Нравственная культура военнослужащего является важным фактором повышения эффективности военной службы и укрепления обороноспособности страны[2].

Формирование нравственной культуры военнослужащего требует разработки и внедрения системы военно-патриотического воспитания и морально-психологической подготовки. Это включает проведение занятий по военно-патриотическому воспитанию, организацию мероприятий по морально-психологической подготовке, создание условий для развития нравственных качеств у военнослужащих.

Современная правовая регламентация военной службы в Российской Федерации имеет ряд проблем, которые требуют решения с учетом нравственных аспектов. К основным проблемам относятся:

Отсутствие четких критериев оценки прохождения испытательного срока. В настоящее время законодательство не устанавливает четких критериев оценки прохождения испытательного срока военнослужащими. Это создает возможности для произвольной оценки и нарушения прав военнослужащих. С нравственной точки зрения, отсутствие четких критериев оценки прохождения испытательного срока противоречит принципам справедливости и объективности.

Пробелы в регулировании социальных гарантий военнослужащих[3]. В настоящее время законодательство не полностью регулирует социальные гарантии военнослужащих, что создает проблемы в обеспечении их прав и интересов. С нравственной точки зрения, пробелы в регулировании социальных гарантий военнослужащих противоречат принципам социальной справедливости и защиты прав человека.[4]

Недостаточное развитие антикоррупционных механизмов. В настоящее время законодательство не полностью регулирует антикоррупционные механизмы в военной службе, что создает возможности для коррупции и нарушения прав военнослужащих. С нравственной точки зрения, недостаточное развитие антикоррупционных механизмов противоречит принципам честности, справедливости и объективности.

Для повышения нравственного уровня правовой регламентации военной службы можно предложить следующие меры:

Уточнение ключевых понятий в законодательстве. Необходимо четко определить термины «конфликт интересов», «служебная необходимость», «более целесообразное использование военнослужащего» и другие, чтобы исключить их произвольной трактовки. Это позволит повысить объективность и справедливость правовой регламентации военной службы.

Введение процедур контроля и обжалования решений. Например, закрепление правил оценки прохождения испытаний с участием аттестационной комиссии и возможностью обжалования решений повысит объективность и справедливость. Это позволит защитить права военнослужащих и повысить эффективность военной службы.

Усиление антикоррупционных механизмов[5]. Заполнение правовых пробелов, которые провоцируют коррупцию, будет способствовать соблюдению нравственных принципов в армии. Это включает разработку и внедрение антикоррупционных программ[6], создание системы контроля и надзора, а также усиление ответственности за коррупционные правонарушения.

---

[1] Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2022. -С. 46.

[2] Гужва, Е. Г. Гуманитарная образовательная среда как условие и фактор воспитания нравственной культуры у курсантов военных вузов / Е. Г. Гужва, Л. А. Шеншина // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития : сборник научных трудов. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. – С. 47-55. – EDN TUEVWD.

[3] Шеншин, В. М. О некоторых вопросах, связанных с пенсионным обеспечением лиц, проходивших военную службу, и предоставлением им социальных гарантий / В. М. Шеншин, Е. А. Дунаева, Ю. Д. Ладилова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 6(311). – С. 41-45. – EDN YXHUID.

[4] Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 2021.- С. 95.

[5] Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.

[6] Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 32-40. – EDN LYDNCR.

Совершенствование социальной защиты военнослужащих. Повышение уровня материального обеспечения, решение жилищных вопросов, гарантии трудоустройства после увольнения с военной службы укрепят престиж военной службы и мотивацию к добросовестному исполнению долга. Это позволит повысить эффективность военной службы и укрепить обороноспособность страны.

Развитие системы военно-патриотического воспитания и морально-психологической подготовки. Это поможет формировать у военнослужащих высокие нравственные качества и осознание значимости своего служения Отечеству. Это включает проведение занятий по военно-патриотическому воспитанию, организацию мероприятий по морально-психологической подготовке, создание условий для развития нравственных качеств у военнослужащих.

Привлечение практиков и учёных к разработке нормативных актов. Опыт офицеров и научные исследования в сфере военного права могут способствовать созданию более эффективных и нравственно обоснованных правовых норм. Это позволит повысить качество правовой регламентации военной службы и укрепить обороноспособность страны.

Эффективная правовая регламентация военной службы должна основываться не только на формальных правовых нормах, но и на нравственных принципах, таких как патриотизм, воинский долг, честь, достоинство и дисциплинированность. Нравственные аспекты совершенствования правовой регламентации военной службы связаны с обеспечением соответствия законодательства этическим принципам, формированием высоких моральных качеств у военнослужащих и созданием условий для добросовестного исполнения воинского долга[1].

Воинская служба в России базируется на конституционном долге защиты Отечества, который имеет как правовой, так и этический характер. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и Устав внутренней службы являются основополагающими документами, определяющими правовой статус военнослужащих, их права, обязанности и ответственность.

Ключевыми нравственными категориями, определяющими деятельность военнослужащих, являются патриотизм, воинский долг, честь, достоинство, дисциплинированность, взаимовыручка и товарищество. Нравственная культура военнослужащего предполагает гармонию внутреннего и внешнего облика, соблюдение этических норм в поведении, общении и выполнении служебных обязанностей[2].

Современная правовая регламентация военной службы в Российской Федерации имеет ряд проблем, которые требуют решения с учетом нравственных аспектов. К основным проблемам относятся отсутствие четких критериев оценки прохождения испытательного срока, пробелы в регулировании социальных гарантий военнослужащих, недостаточное развитие антикоррупционных механизмов.

Для повышения нравственного уровня правовой регламентации военной службы можно предложить следующие меры: уточнение ключевых понятий в законодательстве, введение процедур контроля и обжалования решений, усиление антикоррупционных механизмов, совершенствование социальной защиты военнослужащих, развитие системы военно-патриотического воспитания и морально-психологической подготовки, привлечение практиков и учёных к разработке нормативных актов.

Изучение нравственных аспектов совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы имеет важное теоретическое и практическое значение для совершенствования статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии.

Теоретическое значение заключается в систематизации и анализе нравственных аспектов правовой регламентации военной службы, выявлении проблем и перспектив развития правового регулирования в этой сфере. Это способствует развитию теории военного права и конституционного права, а также формированию научных основ правового обеспечения военной службы.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования нормативной базы, регулирующей военную службу, разработки рекомендаций по повышению эффективности деятельности военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии, а также для подготовки научных и учебных материалов по данной теме.

Для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии изучение нравственных аспектов совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы является важным элементом профессиональной подготовки. Понимание нравственных основ своей деятельности позволяет им более эффективно выполнять служебные обязанности, защищать свои права и интересы, а также обеспечивать законность и правопорядок в своей деятельности.

Таким образом, изучение нравственных аспектов совершенствования вопросов правовой регламентации военной службы является актуальной и важной задачей, решение которой способствует повышению эффективности деятельности военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии и укреплению обороноспособности страны в целом.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2022. -192 с.
2. Белкин В.С. Педагогика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. -416 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 2021.- 288 с.
4. Ермаков С.В. Современные проблемы военного образования. М.: РАГС, 2023. -256 с.
5. Краевский В.В. Методология педагогики: учебное пособие. М.: Академия, 2023. -240 с.
6. Лаптев В.В. Военная служба в Российской Федерации: правовые основы. М.: Юристъ, 2023.- 320 с.
7. Назарова И.С. Конституционные основы укрепления российской государственности: монография/ И.С. Назарова. - Санкт-Петербург, Белгород ООО «Эпицентр», 2026.-208 с.
8. Сальников В. П. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, К. Г. Прокофьев // Теория государства и права. 2024. № 2–1 (37). С. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186.

[1] Краевский В.В. Методология педагогики: учебное пособие. М.: Академия, 2023. -С. 95.
[2] Лаптев В.В. Военная служба в Российской Федерации: правовые основы. М.: Юристъ, 2023.- С. 35-36.

9. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
10. Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.
11. Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
12. Гужва, Е. Г. Гуманитарная образовательная среда как условие и фактор воспитания нравственной культуры у курсантов военных вузов / Е. Г. Гужва, Л. А. Шеншина // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития : сборник научных трудов. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. – С. 47-55. – EDN TUEVWD.
13. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах, связанных с пенсионным обеспечением лиц, проходивших военную службу, и предоставлением им социальных гарантий / В. М. Шеншин, Е. А. Дунаева, Ю. Д. Ладилова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 6(311). – С. 41-45. – EDN YXHUID.
14. Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.
15. Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 32-40. – EDN LYDNCR.

References

1. Zimnyaya I.A. Key Competencies as the Resultative-Target Basis of the Competence Approach in Education. Moscow: Research Center for Problems of the Quality of Specialist Training, 2022. – 192 p.
2. Belkin V.S. Pedagogy: a textbook for universities. Moscow: Yurayt, 2022. – 416 p.
3. Davydov V.V. Theory of Developmental Learning. Moscow: INTOR, 2021. – 288 p.
4. Ermakov S.V. Modern Problems of Military Education. Moscow: RAGS, 2023. – 256 p.
5. Kraevsky V.V. Methodology of Pedagogy: a textbook. Moscow: Academy, 2023. – 240 p.
6. Laptev V.V. Military Service in the Russian Federation: Legal Foundations. Moscow: Yurist, 2023. – 320 p.
7. Nazarova I.S. Constitutional Foundations for Strengthening Russian Statehood: a monograph / I.S. Nazarova. – Saint Petersburg, Bel-gorod, LLC “Epicenter”, 2026. – 208 p.
8. Salnikov V.P. Philosophical and Theological Prerequisites for the Sovereignty of Russian Legal Philosophy: Value and Moral Aspects / V.P. Salnikov, R.F. Ismagilov, K.G. Prokofiev // Theory of State and Law. 2024. No. 2–1 (37). Pp. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186.
9. Kainov, V. I. Constitutional Law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shensin. – Belgorod: LLC “Epicenter”, 2026. – 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
10. Shensin, V. M. Patriotism as a factor in the formation of state policy in the sphere of ensuring state and public security, and the role of the National Guard in this process / V. M. Shensin // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2025. – No. 11(340). – Pp. 39-46. – EDN LUTVWG.
11. Shensin, V. M. Types of state service in the National Guard troops / V. M. Shensin, L. A. Shensina // Military Law. – 2021. – No. 3(67). – Pp. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
12. Guzhva, E. G. Humanitarian educational environment as a condition and factor in fostering moral culture among cadets of military universities / E. G. Guzhva, L. A. Shenshina // Humanities in modern education: problems, solutions, development prospects: collection of scientific papers. – Moscow: Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 2014. – Pp. 47–55. – EDN TUEVWD.
13. Shensin, V. M. On some issues related to the pension provision for persons who have served in the military and the provision of social guarantees to them / V. M. Shensin, E. A. Dunaeva, Yu. D. Ladilova // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2023. – No. 6(311). – Pp. 41–45. – EDN YXHUID.
14. Shensin, V. M. Corruption as a Threat to National Security / V. M. Shensin, U. N. Gordienko // Right. Safety. Emergency Situations. – 2021. – No. 2(51). – Pp. 27-33. – EDN HWFNAZ.
15. Arutyunyan, T. I. Official websites of the FSB of Russia and the National Guard of Russia as a tool for public anti-corruption control (comparative legal analysis) / T. I. Arutyunyan, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. – 2020. – No. 1(270). – Pp. 32–40. – EDN LYDNCR.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_170

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LAND USE IN THE CONTEXT OF ROAD DEVELOPMENT

ТУРЕЦКАЯ Мария Юрьевна
аспирант кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: mturetskaya@gmail.com
TURETSKAYA Maria Yuryevna,
postgraduate student at the Department of Environmental and Land Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, building 1.
E-mail: mturetskaya@gmail.com

***Краткая аннотация**: **Цель** настоящего исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе особенностей правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог в Российской Федерации с учетом новейших изменений законодательства. **Методологическую основу работы** составляют общенаучные методы системного анализа, формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, а также метод правового моделирования. **Результатом исследования** является выявление ключевых проблем правоприменительной практики в сфере землепользования при размещении автодорог, включая вопросы кадастрового учёта автомобильных дорог как сложных объектов недвижимости, разграничение правовых режимов полос отвода и придорожных полос, правовую природу объектов дорожного сервиса, а также механизмы защиты прав землепользователей при установлении публичных ограничений. На основе анализа нового Положения о придорожных полосах автомобильных дорог, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 27 сентября 2025 г. № 1486, и актуальной судебной практики предложены направления совершенствования правового регулирования.*

***Abstract:** The aim of this study is to conduct a comprehensive theoretical and legal analysis of the features of the legal regulation of land use in the context of road construction in the Russian Federation, taking into account the latest legislative changes. The methodological basis of the work consists of general scientific methods of system analysis, the formal-legal method, comparative legal analysis, and the method of legal modeling. The result of the study is the identification of key problems in law enforcement practice in the field of land use when locating roads, including issues related to the cadastral registration of roads as complex real estate objects, the delineation of the legal regimes of right-of-way and roadside zones, the legal nature of road service facilities, as well as mechanisms for protecting the rights of land users when public restrictions are established. Based on the analysis of the new Regulation on Roadside Zones of Roads, approved by Resolution No. 1486 of the Government of the Russian Federation dated September 27, 2025, and current judicial practice, directions for improving legal regulation have been proposed.*

***Ключевые слова:** автомобильные дороги, земли транспорта, придорожные полосы, полоса отвода, линейные объекты, кадастровый учёт, публичный сервитут, объекты дорожного сервиса, дорожная деятельность, безопасность дорожного движения.*

***Keywords:** highways, transport lands, roadside strips, right-of-way, linear facilities, cadastral registration, public servitude, road service facilities, road activities, road safety.*

***Для цитирования:** Турецкая М.Ю. Особенности правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 170-174. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_170.*

***For citation**: Turtskaya M.Yu. Features of the legal regulation of land use in the placement of highways // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 170-174. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_170.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Введение

Проблематика правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог приобретает в современных условиях особую актуальность, что обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами.

Российская Федерация располагает одной из крупнейших в мире дорожных сетей: по данным Федерального дорожного агентства, протяжённость автомобильных дорог общего пользования превышает 1,5 млн км, что делает вопросы правового регулирования земельных отношений в этой сфере особенно значимыми для экономики и социальной сферы страны. Реализация национального проекта «Безопасные качественные дороги» и масштабные планы строительства и реконструкции автомобильных дорог предъявляют повышенные требования к правовому обеспечению использования земельных ресурсов. Правовой режим земель транспорта традиционно характеризуется сложной структурой: он охватывает не только земли под дорожными покрытиями, но и земли полос отвода, а также придорожные территории, что порождает объективные сложности для правообладателей смежных земельных участков и требует поиска баланса между публичными интересами государства в развитии транспортной инфраструктуры и частными интересами граждан и юридических лиц.

Научная значимость исследуемой темы определяется тем, что правовое регулирование использования земель при размещении автомобильных дорог находится на стыке нескольких отраслей права — земельного, градостроительного, экологического. В доктрине земельного права до настоящего времени отсутствует единое понимание правового статуса придорожных полос, не выработаны единые подходы к определению их юридического режима, соотношения с категорией земель транспорта и землями иных категорий. Именно придорожные территории становятся зоной наиболее острых конфликтов интересов, что подтверждается многочисленной судебной практикой[1]. Современный этап развития законодательства характеризуется принятием ключевого подзаконного акта — Постановления Правительства РФ от 27 сентября 2025 г. № 1486, утвердив-

[1] Постановление Правительства РФ от 27.09.2025 № 1486 «Об утверждении Положения о придорожных полосах автомобильных дорог» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 40. Ст. 6842.

шего новое Положение о придорожных полосах автомобильных дорог, вступившего в силу с 1 марта 2026 г. Данный документ существенно пересматривает сложившиеся подходы и требует глубокого научного осмысления.

1. Теоретические основы правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог

1.1. Понятие и структура земель транспорта как категории земель

В системе земельного законодательства Российской Федерации земли транспорта относятся к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения. Статья 90 Земельного кодекса РФ[1] определяет, что землями транспорта признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности организаций и (или) эксплуатации объектов автомобильного, морского, внутреннего водного, железнодорожного, воздушного и иных видов транспорта и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Особенность правового режима земель транспорта состоит в том, что они предоставляются для размещения не только собственно транспортных коммуникаций, но и широкого круга вспомогательных объектов. Применительно к автомобильным дорогам к таким объектам относятся: конструктивные элементы дороги (земляное полотно, дорожное покрытие, искусственные сооружения), объекты дорожного сервиса (автозаправочные станции, станции технического обслуживания, мотели, кемпинги), объекты связи, рекламные конструкции, а также объекты, необходимые для обеспечения безопасности дорожного движения[2]. Критерием отнесения земельных участков к землям автомобильного транспорта, как справедливо отмечают Е. В. Рышкова и Л. В. Рышкова, следует считать размещение на этих землях объектов недвижимости, обеспечивающих работу автомобильного транспорта[3].

В теоретическом плане дискуссионным остаётся вопрос о возможности отнесения земель, занятых автомобильными дорогами, к самостоятельной категории. Ряд исследователей обоснованно указывают, что автомобильная дорога как сложный инженерный объект включает в себя не только земельный участок, но и расположенные на нём конструктивные элементы, что создаёт предпосылки для рассмотрения дороги в качестве единого недвижимого комплекса. Как отмечает Е. А. Галиновская, природа публичных ограничений, устанавливаемых в отношении земель транспорта, требует особого внимания к балансу публичных и частных интересов, что особенно актуально в контексте придорожных территорий[4]. Потенциальная сложность при разграничении понятий «земли транспорта» как категории земель и «земельные участки, занятые автомобильными дорогами» как объекта земельных отношений имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет правовой режим использования таких участков и порядок их предоставления.

1.2. Полоса отвода и придорожная полоса: соотношение понятий

Ключевыми теоретическими и практическими вопросами является разграничение понятий «полоса отвода автомобильной дороги» и «придорожная полоса». В соответствии с Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации»[5] (далее — Закон № 257-ФЗ) полоса отвода автомобильной дороги представляет собой земельные участки (независимо от категории земель), которые предназначены для размещения конструктивных элементов автомобильной дороги, дорожных сооружений и на которых располагаются или могут располагаться объекты дорожного сервиса. Придорожная полоса, в свою очередь, определяется как территория, прилегающая с обеих сторон к полосе отвода, в границах которой устанавливается особый режим использования земельных участков. Как отмечал Н. И. Краснов, к полосе отвода относятся земли, занятые путями сообщения и непосредственно примыкающими служебными сооружениями[6].

Принципиальное разграничение полосы отвода и придорожной полосы состоит в следующем. Полоса отвода — это территория непосредственного нахождения дорожной инфраструктуры, на которой, как правило, размещены объекты, составляющие элементы самой дороги либо обеспечивающие её эксплуатацию. Придорожная же полоса выполняет охранную функцию: она обеспечивает безопасность дорожного движения и условия для эксплуатации и развития автомобильной дороги. Д. А. Шаповалов, Д. В. Антропов и А. С. Забавников обращают внимание на то, что вопрос формирования территорий ограниченного пользования от полосы отвода требует чёткого правового оформления с учётом сложившейся практики определения границ земельных участков[7].

Новое Положение о придорожных полосах автомобильных дорог, утверждённое Постановлением Правительства РФ от 27 сентября 2025 г. № 1486[8] (далее — Положение 2025), вносит существенную определённость в понимание функционального назначения придорожных полос. Согласно пункту 2 Положения, придорожные полосы устанавливаются в отношении автомобильных дорог (за исключением дорог четвёртой и пятой категорий и дорог, расположенных в границах населённых пунктов) в целях обеспечения требований безопасности дорожного движения, а также нормальных условий реконструкции, капитального ремонта, ремонта, содержания автомобильных дорог и их сохранности с учётом перспектив

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ: ред. от 30.01.2026 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ: ред. от 30.01.2026 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
[3] Рышкова Е. В., Рышкова Л. В. Правовой режим земель автомобильного транспорта: перспективы развития // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 106–114.
[4] Галиновская Е. А. Публичный сервитут в системе ограничений прав на землю: теория и практика // Имущественные отношения в РФ. 2024. № 2. С. 67–73.
[5] Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ : ред. от 28.02.2025 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5553.
[6] Краснов Н. И. Правовой режим земель специального назначения. М. : Госюриздат, 1961. С. 47.
[7] Шаповалов Д. А., Антропов Д. В., Забавников А. С. Формирование территорий ограниченного права пользования от полосы отвода автомобильной дороги // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 2.
[8] Постановление Правительства РФ от 27.09.2025 N 1486 "Об утверждении Положения о придорожных полосах автомобильных дорог" // СПС КонсультантПлюс

развития. Важнейшим нововведением является установление бессрочного характера придорожных полос (п. 3 Положения 2025), что соответствует природе данных зон как инструмента обеспечения публичных интересов, не утрачивающих актуальность с течением времени.

1.3. Теоретические подходы к обоснованию ограничений прав на землю в придорожных полосах

Правовой режим придорожных полос представляет собой классический пример установления публичных ограничений на землю. В теории земельного права такие ограничения принято обосновывать необходимостью обеспечения публичных интересов — безопасности дорожного движения, сохранности дорожной инфраструктуры, возможности развития транспортной сети. Выделяют три основных теоретических подхода к обоснованию правомерности таких ограничений.

Первый подход — концепция «охранной зоны» — при котором придорожная полоса рассматривается как разновидность охранных зон объектов транспортной инфраструктуры. Сторонники данного подхода акцентируют внимание на том, что ограничения, устанавливаемые в придорожных полосах, направлены прежде всего на предотвращение негативного воздействия на автомобильную дорогу и обеспечение безопасности её эксплуатации. При этом право собственности или иное вещное право на земельный участок не прекращается, однако его содержание существенно ограничивается.

Второй подход — концепция «публичного сервитута» — исходит из того, что установление придорожной полосы представляет собой, по сути, установление публичного сервитута в пользу неопределённого круга лиц — пользователей автомобильной дороги. Данный подход позволяет задействовать механизмы, предусмотренные статьёй 23 Земельного кодекса РФ, включая возможность требования соразмерной платы за обременение земельного участка[1]. Как справедливо отмечает С. А. Боголюбов, правовые проблемы развития транспортной инфраструктуры требуют учёта экологических требований, что также корреспондирует с природой публичных сервитутов[2].

Третий подход — концепция «территориального планирования» — связывает правовой режим придорожных полос с документами территориального планирования и градостроительного зонирования. В соответствии с данной концепцией придорожные полосы рассматриваются как элемент планировочной структуры, что предполагает необходимость их отражения в правилах землепользования и застройки, а также в документации по планировке территории.

Представляется, что наиболее перспективным является синтезированный подход, учитывающий элементы всех трёх характеристик. Правовой режим придорожных полос должен формироваться на основе публичного сервитута как основания ограничения прав конкретных землепользователей, с одновременным закреплением в документах территориального планирования как инструмента обеспечения системности и предсказуемости градостроительного развития, и при обязательном соблюдении экологических требований.

2. Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования использования земель при размещении автомобильных дорог

2.1. Актуальные проблемы правоприменения

Проведённый анализ позволяет выявить ряд актуальных проблем правоприменения в сфере использования земель при размещении автомобильных дорог. Первая и наиболее значимая — проблема кадастрового учёта автомобильных дорог и придорожных полос. Как установлено исследованием И. В. Брыжко и соавторов[3], отсутствие единого подхода к учёту автомобильных дорог как объектов недвижимости создаёт сложности при установлении границ придорожных полос и внесении сведений о них в ЕГРН. Необходима унификация практики кадастрового учёта и разработка единых методических рекомендаций для органов государственной власти, осуществляющих дорожную деятельность.

Вторая проблема — правовая природа объектов дорожного сервиса (далее по тексту — ОДС). Включение ОДС в состав автомобильной дороги вступает в противоречие с возможностью распространения на них частной собственности и требует пересмотра подхода к определению их правового режима. Третья проблема — недостаточная разработанность механизма компенсации ограничений прав землепользователей, устанавливаемых в связи с придорожными полосами. Следует предусмотреть в законодательстве возможность получения соразмерной платы за установление придорожной полосы, аналогично механизму, действующему при установлении публичных сервитутов согласно главе V.7 Земельного кодекса РФ[4].

Четвёртая проблема — системность нормативного регулирования. Действующее законодательство содержит значительное количество отсылочных норм, что затрудняет его применение. Необходима дальнейшая систематизация правовых актов, регулирующих отношения в сфере использования земель для размещения автомобильных дорог, включая принятие комплексного технического регламента в этой сфере. Пятая проблема — природоохранное регулирование. Несмотря на наличие обширных природоохранных норм, их практическая реализация сталкивается с проблемами, связанными с отсутствием детализированных методик оценки вреда, недостаточным контролем и межведомственной координацией. Н. А. Духно и В. И. Ивакин справедливо указывают, что при регулировании использования земель транспорта необходимо учитывать весь комплекс публичных интересов, включая экологические[5].

2.2. Перспективные направления развития законодательства

С учётом выявленных проблем можно выделить несколько перспективных направлений совершенствования правового регулирования.

---

[1] Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ: ред. от 30.01.2026 // СЗ РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 23.
[2] Боголюбов С. А. Правовые проблемы развития транспортной инфраструктуры и охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–58.
[3] Брыжко И. В., Столбов И. А., Брыжко В. Г. Геоинформационное обеспечение перераспределения земельного имущества для автодорожного строительства // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2025. Т. 31. № 1. С. 109–139.
[4] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ : ред. от 30.01.2026 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
[5] Духно Н. А., Ивакин В. И. Лекции по курсу «Земельное право». М. : Юридический институт МИИТ, 2014. С. 98.

Первое направление — **унификация терминологии и дефиниций**. Необходимо внести изменения в Земельный кодекс РФ и Федеральный закон № 257-ФЗ, чётко разграничив понятия: автомобильная дорога — как собственно линейный объект транспортной инфраструктуры, — и объекты дорожного сервиса — как самостоятельные объекты недвижимости.

При этом автомобильная дорога должна включать только те элементы, которые непосредственно обеспечивают движение и безопасность, а ОДС должны быть исключены из её состава как объекты частного предпринимательства.

Второе направление — **уточнение правового режима объектов дорожного сервиса**. Следует закрепить в законодательстве самостоятельный правовой статус ОДС как объектов недвижимости, отличных от элементов автомобильной дороги. Основным правовым основанием для размещения ОДС на землях транспорта должен стать договор аренды земельного участка, а не сервитут, с учётом коммерческого характера такой деятельности. Развитие института многофункциональных зон дорожного сервиса, разработанное Коростелевой Н. В. и Полонским Д. В.[1] на примере Волгоградской области, заслуживает особого внимания.

Третье направление — **гармонизация земельного, градостроительного и экологического законодательства**. Следует детализировать процедуры установления и использования придорожных полос, предусмотрев более строгие экологические требования и механизмы контроля за их соблюдением. Стратегическая экологическая оценка должна стать обязательным элементом планирования крупных дорожных проектов.

Четвёртое направление — **усиление природоохранных механизмов**. Целесообразно внедрить обязательную стратегическую экологическую оценку для всех проектов развития транспортной инфраструктуры на ранних стадиях планирования. Необходимо разработать стандарты «зелёного» дорожного строительства, предусматривающие использование экологически чистых материалов, минимизацию воздействия на ландшафты, создание экологических переходов для животных. Боголюбов С. А. обоснованно указывает, что комплексное решение экологических проблем транспортной инфраструктуры требует системного правового подхода[2].

Пятое направление — **имплементация международного опыта**. Сравнительный анализ показывает, что развитые страны, такие как Германия, Швейцария и США, располагают более отработанными механизмами экологической оценки воздействия и комплексного планирования при строительстве дорог. Их опыт в обязательном применении стратегической экологической оценки, детальном ландшафтном планировании, а также механизмах компенсации экологического вреда может быть адаптирован с учётом российской правовой системы[3].

Шестое направление — **внедрение геоинформационных технологий**. Как убедительно показывают Брыжко И. В., Столбов И. А. и Брыжко В. Г.[4], применение геоинформационного обеспечения при перераспределении земельного имущества для автодорожного строительства позволяет существенно повысить точность установления границ земельных участков и придорожных полос, снизить количество споров и ускорить процедуры государственного кадастрового учёта. Законодательное закрепление обязательного использования геоинформационных систем при установлении придорожных полос было бы значительным шагом вперёд.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы. Правовое регулирование использования земель при размещении автомобильных дорог представляет собой сложный комплексный институт, находящийся на стыке земельного, градостроительногои экологического права. Основу этого регулирования составляют Земельный кодекс РФ, Федеральный закон № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности», а также подзаконные акты, среди которых ключевое значение имеет Положение 2025[5], вступившее в силу с 1 марта 2026 г.

Новое Положение вносит существенный вклад в развитие правового регулирования: устанавливает бессрочный характер придорожных полос, детально регламентирует процедуры их установления и согласования строительства в их границах, а также закрепляет гарантии прав правообладателей земельных участков, чьи объекты были размещены до вступления Положения в силу. Вместе с тем анализ выявил ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства: отсутствие единого подхода к кадастровому учёту автомобильных дорог и придорожных полос; коллизии в определении правовой природы объектов дорожного сервиса; недостаточная разработанность механизма компенсации ограничений прав землепользователей; необходимость систематизации нормативного регулирования; усиление экологических требований при размещении автомобильных дорог.

Перспективными направлениями развития законодательства являются: унификация подходов к кадастровому учёту автомобильных дорог; распространение на придорожные полосы механизмов публичного сервитута с обязательной соразмерной компенсацией правообладателям; совершенствование процедур информирования правообладателей о вводимых ограничениях; развитие института многофункциональных зон дорожного сервиса; внедрение геоинформационных технологий в практику землеустроительного обеспечения дорожного строительства; усиление экологической экспертизы проектов автомобильных дорог. Решение указанных проблем будет способствовать формированию эффективного правового механизма, обеспечивающего баланс публичных интересов в развитии транспортной инфраструктуры и частных интересов граждан и юридических лиц — правообладателей земельных участков.

[1] Коростелева Н. В., Полонский Д. В. Обоснование создания многофункциональных зон дорожного сервиса на территории Волгоградской области // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2025. № 1(32). С. 89–97.
[2] Боголюбов С. А. Правовые проблемы развития транспортной инфраструктуры и охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–58.
[3] Галиновская Е. А. Применение земельного законодательства: проблемы и решения. М. : ИЗиСП, 2012. С. 7.
[4] Брыжко И. В., Столбов И. А., Брыжко В. Г. Геоинформационное обеспечение перераспределения земельного имущества для автодорожного строительства // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2025. Т. 31. № 1. С. 109–139.
[5] Постановление Правительства РФ от 27.09.2025 № 1486 «Об утверждении Положения о придорожных полосах автомобильных дорог» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 40. Ст. 6842.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: от 29.12.2004 № 190-ФЗ: ред. от 30.01.2026 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005. - № 1 (ч. 1). - Ст. 16.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: от 25.10.2001 № 136-ФЗ: ред. от 30.01.2026 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.
3. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ: ред. от 28.02.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 46. - Ст. 5553.
4. Об утверждении Положения о придорожных полосах автомобильных дорог: Постановление Правительства РФ от 27.09.2025 № 1486 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2025. - № 40. - Ст. 6842.
5. Боголюбов С. А. Правовые проблемы развития транспортной инфраструктуры и охраны окружающей среды // Журнал российского права. - 2023. - № 5.
6. Брыжко И. В., Столбов И. А., Брыжко В. Г. Геоинформационное обеспечение перераспределения земельного имущества для автодорожного строительства // ИнтерКарто. ИнтерГИС. - 2025. - Т. 31, № 1. - С. 109-139. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_5_127 EDN: HBYYIF
7. Галиновская Е. А. Применение земельного законодательства: проблемы и решения: научно-практическое пособие. - Москва: ИЗиСП, 2012. - 192 с.
8. Галиновская Е. А. Публичный сервитут в системе ограничений прав на землю: теория и практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2024. - № 2.
9. Духно Н. А., Ивакин В. И. Лекции по курсу "Земельное право". - Москва: Юридический институт МИИТ, 2014. - 172 с.
10. Коростелева Н. В., Полонский Д. В. Обоснование создания многофункциональных зон дорожного сервиса на территории Волгоградской области // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. - 2025. - № 1(32). - С. 89-97. DOI: 10.36622/2541-9110.2025.32.1.010 EDN: WGLWPC
11. Краснов Н. И. Правовой режим земель специального назначения. - Москва: Госюриздат, 1961. - 215 с.
12. Рышкова Е. В., Рышкова Л. В. Правовой режим земель автомобильного транспорта: перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2016. - Т. 2 (68), № 4. - С. 106-114. EDN: ZQNVLD
13. Шаповалов Д. А., Антропов Д. В., Забавников А. С. Формирование территорий ограниченного права пользования от полосы отвода автомобильной дороги // Московский экономический журнал. - 2022. - Т. 7, № 2. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_2_82 EDN: UBZPEX

References

1. Urban Planning Code of the Russian Federation: dated 29.12.2004, No. 190-FZ: as amended on 30.01.2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part 1). – Art. 16.
2. Land Code of the Russian Federation: dated 25.10.2001, No. 136-FZ: as amended. dated 30.01.2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 44. – Art. 4147.
3. On Highways and Road Activities in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 257-FZ dated 08.11.2007: as amended on 28.02.2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2007. - No. 46. - Art. 5553.
4. On the approval of the Regulations on roadside strips along highways: Resolution of the Government of the Russian Federation dated September 27, 2025, No. 1486 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2025. - No. 40. - Art. 6842.
5. Bogolyubov S. A. Legal problems of transport infrastructure development and environmental protection // Journal of Russian Law. - 2023. - No. 5.
6. Bryzhko I. V., Stolbov I. A., Bryzhko V. G. Geoinformation support for the redistribution of land property for road construction // InterCarto. InterGIS. - 2025. - Vol. 31, No. 1. - Pp. 109-139. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_5_127 EDN: HBYYIF
7. Galinovskaya E. A. Application of Land Legislation: Problems and Solutions: a Scientific and Practical Guide. – Moscow: IZiSP, 2012. – 192 p.
8. Galinovskaya E. A. Public servitude in the system of restrictions on land rights: theory and practice // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 2.
9. Dukhno N. A., Ivakin V. I. Lectures on the course “Land Law”. – Moscow: Law Institute of MIIT, 2014. – 172 p.
10. Korosteleva N. V., Polonsky D. V. Justification for the creation of multifunctional road service zones in the Volgograd Region // Housing and Communal Infrastructure. - 2025. - No. 1(32). - Pp. 89-97. DOI: 10.36622/2541-9110.2025.32.1.010 EDN: WGLWPC
11. Krasnov N. I. The Legal Regime of Lands of Special Purpose. - Moscow: Gosyurizdat, 1961. - 215 p.
12. Ryshkova E. V., Ryshkova L. V. Legal Regime of Land for Road Transport: Development Prospects // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 4. – Pp. 106–114. EDN: ZQNVLD
13. Shapovalov D. A., Antropov D. V., Zabavnikov A. S. Formation of territories with limited use rights from the right-of-way strip of a highway // Moscow Economic Journal. – 2022. – Vol. 7, No. 2. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_2_82 EDN: UBZPEX

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_175

УДК 34.09

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ
DIGITAL PLATFORMS AS AN ELEMENT OF DIGITAL SPACE: LEGAL ASPECTS OF USE IN PUBLIC ADMINISTRATION

МАСКАЙКИНА Елена Александровна,
Руководитель Проектного офиса Центра управления изменениями
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: elena.maskaykina@bk.ru

MASKAYKINA Elena Aleksandrovna,
Head of the Project Office of the Change Management Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: elena.maskaykina@bk.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию особенностей правового режима цифровых платформ, используемых в системе государственного управления. В ходе анализа доктрины и законодательства автором констатировано, что, несмотря на внедрение платформенных решений и закрепление понятия «ГосТех» как цифровой экосистемы, единый подход к правовой природе государственных цифровых платформ отсутствует. Автором сделан вывод о необходимости формирования комплексного правового режима таких платформ, разграничения публичных и частных функций операторов, а также законодательного закрепления гарантий прав граждан в условиях перехода к платформенному государству.*

Abstract: *The article is devoted to the study of the peculiarities of the legal regime of digital platforms used in the public administration system. Through the analysis of doctrine and legislation, the author concludes that, despite the introduction of platform solutions and the establishment of the concept of "GosTech" as a digital ecosystem, there is no unified approach to the legal nature of state digital platforms. The author draws the conclusion about the need to form a comprehensive legal regime for such platforms, delineate the public and private functions of operators, and legislatively enshrine guarantees of citizens' rights in the context of the transition to a platform state.*

Ключевые слова*: цифровые платформы, цифровое пространство, цифровая трансформация, государственное управление, государственные информационные системы.*

Keywords: *digital platforms, digital space, digital transformation, public administration, state information systems.*

Для цитирования: *Маскайкина Е.А. Цифровые платформы как элемент цифрового пространства: правовые аспекты использования в государственном управлении // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 175-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_175.*

For citation*: Maskaykina E.A. Digital platforms as an element of digital space: legal aspects of their use in public administration // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 175-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_175.*

Статья поступила в редакцию: 09.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Вклад платформенной экономики уже достигает пятой части валового внутреннего продукта страны. Данный сектор способствует выводу бизнеса из теневого оборота, объединяет территории и открывает новые возможности для развития регионов. Вместе с тем эксперты указывают на отсутствие прозрачных и унифицированных правил функционирования цифровых платформ[1] Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивает, что цифровые платформы являются чрезвычайно важным инструментом повышения качества и эффективности работы в современных условиях, обращая особое внимание на необходимость недопущения формирования «цифровых барьеров» между гражданами и органами публичной власти, а также на сохранение устойчивой обратной связи[2]. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость научного осмысления правового режима цифровых платформ как ключевых элементов формирующегося цифрового пространства публичной власти.

Как справедливо отмечает В. А. Вайпан, цифровая экономика сейчас формируется на трех уровнях, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом [1]. К таким уровням относят:

1) рынки и отрасли экономики (традиционные сферы деятельности), где осуществляется непосредственное взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);

2) платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);

3) среду, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность [7, с. 499.]. В этой связи особую актуальность приобретает задача формирования единого понятийного аппарата, что и обусловило решение о выработке на государственном уровне основных категорий в сфере цифровых технологий. Определенность основных дефиниций выступает необходимым условием для эффективного регулирования данных отношений.

Цифровые платформы не существуют изолированно, а формируются в рамках более широкой конструкции цифровой экономики и цифрового пространства. Для определения места цифровых платформ в системе публичной власти необходимо уточнить содержание понятий «цифровое пространство» и «государственное управление», поскольку именно в их пересечении формируется предмет исследования. В российском

[1] Как цифровые платформы меняют экономику. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/68407d3c9a7947268f72e7f6?ysclid=mlxlfsryua108120393 (дата обращения: 10.02.2026).
[2] Путин: власти не должны создавать «цифрового забора» между собой и людьми. URL: https://tass.ru/politika/23740409 (дата обращения: 10.02.2026).

законодательстве отсутствует нормативное закрепление понятия «цифровое пространство». Согласно ст. 2 Модельного закона о цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ», принятого на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, под цифровым пространством понимается «область, где осуществляются функционирование и взаимодействие цифровых сетей и цифровых процессов и в которой вместе с данными процессами на основе определенных регулятивных норм и соответствующих пользовательских, организационных и иных управленческих механизмов также объединяются и интегрируются цифровая среда, электронная сеть, информационные ресурсы (включая цифровые документы), информационные, информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии»[1]. Таким образом, цифровое пространство выступает той макросредой, в которой цифровые платформы функционируют в качестве ключевых структурных элементов, обеспечивающих взаимодействие различных субъектов.

Однако, несмотря на очевидную связь этих категорий, в юридической литературе отсутствует единый подход к пониманию самих цифровых платформ, что требует их детального анализа. Как отмечает профессор А.В. Минбалеев, действующее законодательное определение не отражает всех особенностей данного объекта, что затрудняет правоприменительную практику [3]. В этой связи предлагается рассматривать цифровые платформы как сложный информационный объект современной цифровой среды, включающий совокупность информационных систем (программ для ЭВМ и баз данных), информационно-телекоммуникационных сетей, информации и цифровых технологий.

Имманентные свойства цифровых платформ (их способность интегрировать разнородные данные и технологии, обеспечивая эффективное взаимодействие) предопределяют высокий потенциал для использования в государственном управлении. Для оценки эффективности и границ такого использования необходимо уточнить содержание понятия «государственное управление». Государственное управление - деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.[2]

Само понятие «платформа» также связывается с технологическим развитием. Так, в проекте Федерального закона «О российских технологических платформах» 2021 г. под платформой понимался объект инновационной инфраструктуры, обеспечивающий взаимодействие бизнеса, науки, государства и общества в целях развития приоритетных технологических направлений.

Представляется, что активное внедрение цифровых платформ в сферу государственного управления обусловлено переходом от модели электронного правительства к формированию платформенного государства, при котором цифровые платформы становятся инфраструктурной основой реализации публичных функций. В условиях цифровой трансформации именно государство выступает ключевым субъектом формирования цифрового пространства, интегрируя платформенные решения в систему предоставления государственных и муниципальных услуг, а также в процессы управления социально-экономическим развитием [2, 4-6].

Для раскрытия сущности цифровой трансформации государства представляется целесообразным обратиться к национальному проекту «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утвержденному в 2024 году. Паспорт нацпроекта включает девять федеральных проектов, среди которых «Цифровое государственное управление», «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», «Искусственный интеллект», «Инфраструктура кибербезопасности» и др.[3] Реализация указанных направлений осуществляется в рамках единой системы публичной власти, включающей федеральные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, действующие на основе согласованного функционирования в целях защиты прав граждан и обеспечения социально-экономического развития.

Анализ нормативного регулирования отдельных государственных цифровых платформ (в частности, постановлений Правительства РФ о платформе «Работа в России» и «Национальной системе пространственных данных») свидетельствует о закреплении подхода, согласно которому цифровые платформы рассматриваются преимущественно как государственные информационные системы.

При этом платформа «ГосТех» понимается как цифровая экосистема создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, включающая в себя единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты, информацию, информационные технологии, государственные информационные системы, необходимые для реализации функций платформы «ГосТех», а также совокупность нормативных правовых, организационных, методологических правил и процедур, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием платформы «ГосТех». Отдельно закрепляется дефиниция государственных информационных систем на платформе «ГосТех» - государственные информационные системы, создаваемые, развиваемые, эксплуатируемые с использованием программно-аппаратной среды, цифровых продуктов, включенных в каталог цифровых продуктов платформы «ГосТех», а также инструментов, информационных технологий платформы «ГосТех»[4]. Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что законодатель закладывает двухуровневую модель: инфраструктурный уровень (собственно платформа «ГосТех» как среда) и прикладной уровень (государственные информационные системы, создаваемые на этой среде). Следовательно, «ГосТех» следует рассматривать не как единую государственную информационную систему, а как совокупность технологических и правовых средств, обеспечивающих жизненный цикл различных ГИС. Данный подход коррелирует с общим вектором развития законодательства о платформенной экономике, однако требует четкого разграничения публичной и частной сфер. Так, недавно принятый Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Феде-

[1] Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государств - участников СНГ
(Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-9 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. URL: http://iacis.ru/.
[2] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
[3] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 13.02.2026).
[4] Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338 (ред. от 08.09.2025) «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации “ГосТех”…» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 52. Ст. 9610.

рации» ограничивает свой предмет отношениями, возникающими между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, работ, услуг. Тем самым законодатель выводит государственные (публичные) цифровые платформы, функционирующие в интересах общества и государства, из-под действия общих норм.

Вместе с тем широкое внедрение цифровых платформ в публичную сферу сопровождается рядом системных правовых проблем. В настоящее время отсутствует однозначно определенный правовой режим цифровых платформ в государственном управлении, не определены пределы ответственности операторов платформ, сохраняется неопределенность в разграничении публичных полномочий, а также в обеспечении гарантий прав граждан в цифровом пространстве.

Заместитель главы Администрации Президента РФ М. Орешкин указывает на формирование глобального тренда «платформенной колонизации»[1], при которой концентрация данных, собираемых посредством цифровых платформ, обеспечивает контроль не только над рынками, но и над поведением пользователей. Данная тенденция рассматривается как вызов технологическому суверенитету и требует выработки новых подходов к регулированию цифровых пространств. Несмотря на активное внедрение цифровых платформ в государственное управление, сохраняется дефицит прозрачных правовых механизмов, что усиливает риски зависимости государства и общества от крупных цифровых операторов.

Цифровые платформы в государственном управлении непосредственно связаны с реализацией конституционных прав граждан, включая право на информацию, право на обращение в государственные органы, право на судебную защиту и право на неприкосновенность частной жизни. Переход к платформенной модели управления трансформирует механизм реализации указанных прав. Государственная услуга становится цифровым сервисом, административная процедура — алгоритмизируется, а решение — может приниматься в автоматизированном режиме. Это порождает проблему допустимости и пределов алгоритмического управления. Особую значимость приобретает вопрос прозрачности алгоритмов, используемых при обработке заявлений граждан, распределении социальных выплат, принятии управленческих решений. Отсутствие нормативно закрепленных требований к объяснимости алгоритмов создает риск цифровой дискриминации и ограничения доступа к публичным благам.

Список литературы

1. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отноше-ний в современных условиях развития цифровой экономики: монография / колл. авт.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 25. EDN: TLMXNJ
2. Инновационная юриспруденция: учебник / В. В. Блажеев, М. В. Мажорина, В. Б. Агафонов [и др.]. М.: ООО "Проспект", 2025. 912 с. ISBN: 978-5-392-43930-0 EDN: STZVDI
3. Минбалеев А. В. Проблемы правовой природы цифровых платформ // Российская правовая система: в поисках национальной идентично-сти: сборник докладов XIV Московской юридической недели: в 6 ч. (Москва, 26-29 ноября 2024 г.). М.: Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 112-115. EDN: GIVXHS
4. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информаци-онного права и законодательства // Государство и право. 2025. № 11. С. 204-219. DOI: 10.7868/S3034543X25110171 EDN: FWCKTY
5. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой транс-формации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81-91. DOI: 10.31857/S1026945224010087 EDN: MSBVPD
6. Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства: монография / Ю. М. Батурин, Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 228 с. ISBN: 978-5-8339-0296-7 EDN: CIYCST
7. Цифровое право: учебник / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. 2-е изд. М.: Проспект, 2025. 848 с.

References

1. Vaipan V.A. Legal regulation of the digital economy: history, theory, practice // Legal regulation of economic relations in the modern conditions of digital economy development: monograph / ed. by V.A. Vaipan, M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2019. p. 25. (In Russ.).
2. Innovative Jurisprudence: Textbook / V. V. Blazheev, M. V. Mazhorina, V. B. Agafonov [and others]. Moscow: LLC "Prospekt", 2025. 912 p. (In Russ.).
3. Minbaleev A.V. Problems of the legal nature of digital platforms // Russian legal system: in search of national identity: proceedings of the XIV Moscow Legal Week (Moscow, 26–29 November 2024). Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publishing Center, 2025. pp. 112–115. (In Russ.).
4. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V. Digital transformation as a legal phenomenon and its impact on the development of information law and legislation // State and Law. 2025. No. 11. Pp. 204-219. (In Russ.).
5. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. On the issue of codifying information legislation in the context of digital transformation // State and Law. 2024. No. 1. Pp. 81-91. (In Russ.).
6. Legal support of sovereignty and codification of information legislation: monograph / Yu. M. Baturin, T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev [et al.]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. 228 p. (In Russ.).
7. Digital Law: textbook / ed. by V.V. Blazheev, M.A. Egorova. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2025. 848 p. (In Russ.).

[1] Орешкин рассказал о пяти ключевых трендах мировой экономики // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/01/30/1173016-oreshkin-o-trendah?from=copy_text (дата обращения: 13.02.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_178

УДК: 342

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE BUDGET PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ДАНЬШИНА Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
e-mail: Anna.sav@bk.ru

ЗАРЕЦКАЯ Элла Владимировна,
старший преподаватель кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
e-mail: eiler1@mail.ru

DANSHINA Anna Evgenyevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Transport Law
of the St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
196210, Russia, St. Petersburg, Pilotov St., building 38.
e-mail: Anna.sav@bk.ru

ZARETSKAYA Ella Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Transport Law
Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
196210, Russia, Saint Petersburg, Pilotov Street, building 38.
e-mail: eiler1@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые аспекты осуществления бюджетного процесса в современной России. Раскрывается генезис данной правовая категории. Анализируется актуальные вопросы в данной сфере общественных отношений.*

Abstract. *This article examines the theoretical and legal aspects of the budget process in modern Russia. It explores the genesis of this legal category and analyzes current issues in this area of public relations.*

Ключевые слова: *право; бюджет государства; бюджетный процесс; Бюджетный кодекс; субъекты бюджетных правоотношений; общественные отношения.*

Keywords: *law; state budget; budget process; Budget Code; subjects of budgetary legal relations; public relations.*

Для цитирования: *Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В. Теоретические и правовые основы осуществления бюджетного процесса в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_178.*

For citation*: Danshina A.E., Zaretskaya E.V. Theoretical and legal foundations for the implementation of the budget process in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_178.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В контексте заявленной проблематике следует отметить, что в Российской Федерации существует официальное определение понятия «бюджетный процесс», оно содержится в Бюджетном кодексе Российской Федерации.

Так, в соответствии со ст. 6 БК РФ бюджет – это «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления».

В российском законодательстве закреплено официальное определение понятия *бюджетный процесс*. Между тем, в научной среде до сих существуют дискуссии относительно содержания этого понятия.

Для того чтобы понять содержание понятия бюджетный процесс обратимся к истории понятия «бюджет» и «процесс» как исходных начал, которые в последствии при развитии и эволюции права привели к понятию бюджетный процесс.

Примечательным является тот факт, что процесс возник в первую очередь применительно к деятельности суда[1]. Изначально существует две стороны материального правоотношения, которые вынуждены обратиться к третей незаинтересованной стороне, то есть к суду, который в силу своей беспристрастности способен разрешить спор в пользу одной из сторон.

Процессуальные нормы призваны урегулировать правоотношения, связанные с деятельностью суда при разрешении спора между сторонами материального правоотношения.

Дореволюционные ученые считали, чтобы правильно установить правомерность требований гражданина нужно установить подходящие нормы, а также истолковать их, для этого необходимо знание действующих правовых норм, а также умение истолковывать их. Данная деятельность поручается специалистам, обладающим необходимыми навыками и беспристрастностью при разрешении дела. Вследствие этого, проверка правомерности требований поручается судам, а для их деятельности устанавливаются нормы и правила, образующие гражданский процесс в тесном смысле слова[2].

При этом, ученые исходили из того, что бюджетный процесс нельзя отождествлять с понятием процесс в чистом его понимании[3] ввиду

[1] Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
[2]Учебник гражданского процесса // Васьковский Е.В.; Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. М.: 2013. С. 200
[3] Шеншин, В. М. Нормативно-правовое регулирование осуществления Росгвардией бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета / В. М. Шеншин, В. Е. Хазова // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 247-253. – DOI 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253. – EDN JINPKS; Назарова, И. С.

того, что понятие бюджетный процесс узкоспециализировано для финансового права[1].

Д.Л. Комягин в своей книге «Казна бюджет» высказывает предположение как в понятии казна соединились разные категории как бюджет и публичное имущество. Эпоха металлического денежного обращения характеризовалась тем, что монеты, которые находились в обороте представляли собой номинальную стоимость, которая практически совпадала с фактической. Металлические деньги таким образом вместе с другим имущество в буквальном смысле составляли сокровищницу государства (казначейство с английского «treasury» (сокровищница)[2].

Слово «бюджет», что с латинского языка означает мешок, маленькая сумка[3]. Между тем данное слово, имевшее юмористический оттенок со второй половины XVIII стало использоваться официально. Речь канцлера, в которой упоминался отчет о предложениях на будущий финансовый год и отчет об истекшем финансовом годе стали называть словом «бюджет»[4].

Тем не менее, в России конца XIX начала XX использовали понятие «бюджетное правило»[5], а термин «бюджет» не использовался в нормативно-правовых актах[6]. При этом понятие бюджет обширно использовалось в научной литературе. Разработанный М.М. Сперанским трактат «План финансов» 1810 года упоминал слово «бюджет», ставя знак равенства к понятию сметы расходов и доходов[7]. При этом необходимость разграничения данных понятий осознавали многие ученые. В1881 году ученые исходили из того, что бюджет отличается от сметы доходов и расходов строгостью принятия и рассмотрения, иерархичностью, охватом всех государственных доходов и расходов и обязательностью исполнения[8].

Г.А. Елинек исходил из того, что бюджет — это хозяйственный план какого-либо сообщества[9].

Понятие «бюджет» и государственная роспись отождествлялись, ситуация изменилась после того, как государственную роспись стала утверждать государственная Дума[10].

Советская научная мысль тоже проводила исследования понятия бюджет, пытаясь найти адекватное определение. Так, Е.А. Ровинский в 60-е годы XX века дал определение понятию бюджет как план использования средств государства[11]. М.И. Пискотин дает схожее определение[12].

В целом, советские ученые исходили из того, что при определении понятия бюджет следует исходить из экономической и правовой деятельности государства, так как формулируя бюджет нужно учитывать экономические потребности государства, используя правовые нормы для реализации бюджета как закона, плана, стратегии для государства[13].

Учитывая все вышеизложенное, проявляется специфика бюджетного процесса. В соответствии с абзацем 9 статьи 6 БК РФ бюджетный процесс - это «регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных участников бюджетного процесса по составлению и рассмотрению проектов бюджетов, утверждению и исполнению бюджетов, контролю за их исполнением, осуществлению бюджетного учета, составлению, внешней проверке, рассмотрению и утверждению бюджетной отчетности».

Таким образом, понятие бюджетного процесса отражает движение средств в бюджете, а точнее проекта бюджета на будущий финансовый год[14].

Ученые выделяют две группы отношений, которые охватывает данное понятие:

1) отношений между субъектами по поводу аккумулирования доходов и осуществления расходов;

2) отношения по поводу рассмотрения проектов бюджетов, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы, контроля за исполнением, а также утверждения бюджетной отчетности.

Следовательно, бюджетный процесс охватывает не только материальные так и процессуальное понятие, связанное с бюджетом как финансовым планом[15].

Принципы — это основополагающие начала, лежащие в основе любой отрасли права, в том числе и бюджетного процесса. При этом, отсутствует единый подход к пониманию принципов бюджетного процесса. Кандидат экономических наук Л.К. Самойлова отмечает «отсутствие единой точки зрения на типологию принципов бюджетного процесса у разных авторов».

Так, Н.А. Саттарова выделяет общеправовые принципы, такие как: «самостоятельность органов местного самоуправления по вопросам

Актуальные проблемы, возникающие в сфере исполнения государственных контрактов бюджетных учреждений / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Юрист. – 2015. – № 6. – С. 27-31. – EDN TPCQBL.

[1]Проблемы современного понимания бюджетного процесса // Пауль А.Г. № 11. Финансовое право, 2013. С. 145

[2] Казна и бюджет // Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; под. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С. 67

[3] Бюджет // Штурм Р. Петербург.: Типография товарищества Общественная польза, 1907 г.

[4]Финансовое право: Курс лекций, читанный в Московском университете// Озеров И.Х. М..: 1905. С. 345

[5]Высочайше утвержденные «Правила о порядке рассмотрения Государственной Росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» // ПСЗ-III. Т. 26. № 26505. С. 206

[6] Сперанский М.М. План финансов, истоков финансового права // отв. ред. А.Н. Козырина. М.: 1998. С. 92

[7] Там же. С. 94

[8]Лебедев В. А. Финансовое право. Золотые страницы финансового права России том.2. М.: Статут, 2002.

[9] Бюджетное право// Еллинек Г.Ю., Ростов, 1906. С. 120

[10]Казна и бюджет // Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; под. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С.170.

[11] Финансовое право// Ровинский Е. А., М., 1971. С.87

[12] Советское бюджетное право// Пискотин М. И., М.: 1971. С.17

[13]Бюджетная система Союза ССР: Сб. законодательных материалов / Сост. С.С. Глезин. М.: 1947. С. 11

[14] Шеншин, В. М. Об осуществлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, а также бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета, администратора источников финансирования дефицита федерального бюджета / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 22-24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ.

[15]Проблемы современного понимания бюджетного процесса // Пауль А.Г. № 11. Финансовое право, 2013. С. 13-16;Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011; Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107.

местного значения, законность» и специальные принципы, присущие только бюджетному праву: «преемственность бюджетов, периодичность бюджета, среднесрочное бюджетное планирование, самостоятельность публичных образований в осуществлении бюджетного процесса, единство системы бюджетного процесса».

Между тем, Х.В. Пешкова приводит несколько другое разграничение, а именно: общеправовые (законность, подконтрольность, разграничение компетенции), общие принципы бюджетного процесса (самостоятельность бюджета, единство кассы и так далее), принципы бюджетного процесса, отражающие специфический характер бюджетного процесса (периодичность процесса, учет показателей, бюджетная классификация, сроки).

Отмечая принципы, перечисленные в БК РФ, стоит начать с принципа эффективности и результативности использования бюджетных средств. Исходя из нормативного содержания ст. 35 БК РФ участники бюджетного процесса в своей деятельности должны руководствоваться эффективностью и экономичностью. При этом, понятие эффективность не определена в законодательстве. Представляется, что в нынешней ситуации эффективность должна определяться через задачи, которые ставят перед собой участники бюджетного процесса. Помимо этого, эффективность может сопоставить с рамками, когда распорядитель определяет распределение средств в пределах бюджетной строки или в ситуации, когда расходы увязаны с приказом, в котором расписная все расходы[1].

Продолжением этого принципа является концепция бюджета, ориентированного на результат. Данная концепция внедрена Федеральным законом от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», вносящим изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации.[2] Бюджет ориентированный на результат предполагает, что ресурсы выделяемы на достижение обеспечение публично-значимых функций должны выделяться с определенным результатом.

Однако, развитие данной концепции не завершено и системной практики данный принцип в БК РФ своего отражения не нашел.

Принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджета. Данный принцип означает что расходы бюджета не должны увязываться определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета.

Принцип сбалансированности бюджета (ст.33 Бюджетного кодекса Российской Федерации) предусматривает, что объем доходов бюджета в должен соответствовать суммарному объему доходов поступлений источника финансирования дефицита бюджета и доходов бюджета. Следует отметить, что такая ситуация возможна лишь в идеале. Но, справедливости ради заметим, что в настоящее время либо доходы превышают расходы (профицит бюджета), либо расходы превышают доходы бюджета (дефицит бюджета).

Принцип полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицита бюджета (ст.32 Бюджетного кодекса Российской Федерации), означает, что все доходы, расходы бюджета и источники финансирования дефицита бюджета должны иметь соответствующее отражение. Данный принцип обеспечивается, в частности, за счет кодов бюджетной классификации, состоящих из 20 знаков и отражающих основные направления бюджетных средств для реализации социально-экономических задач.

Принцип достоверности бюджета предполагает реалистичность доходов и расходов бюджета и что расчеты, положенные в основу расчета дохода и расхода также реалистичны.

Принцип прозрачности означает в соответствии со статьей 36 открытость бюджета и обязательное опубликование бюджета, отчетов об их утверждении, а также проектов бюджета.

Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств (ст.38 Бюджетного кодекса Российской Федерации) означает, что бюджетные расходы должны поступать до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования. То есть при нарушении адресности и принципа целевого характера бюджетных средств может наступить административная либо уголовная ответственность. Как индикатор, органы государственного финансового контроля используют коды бюджетной классификации, по которым можно определить доведены ли те или иные лимиты объема финансирования, лимиты ассигнования.

Вышеуказанный принцип получил свое разъяснение в Постановлении Пленума ВАС Российской Федерации. Так, «Министерством финансов Российской Федерации устанавливаются перечни расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, подлежащих отнесению на определенные статьи и подстатьи Классификации» (абзац 6 Постановления Пленума ВАС Российской Федерации от 22.06.2006 № 23«О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»)[3].

Принцип подведомственности расходов бюджета закреплен в ст. 38.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации означает, что получатели бюджетных средств вправе принимать средства только от подведомственного главного распорядителя.

Принцип единства кассы (ст.38.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации) означает, что выплата поступлений и зачисление всех поступлений происходит с единого счета бюджета. Единство кассы выражается в том, что в Банке РФ открыт единый счет для каждого бюджета Российской Федерации. Так, например, управление Федерального казначейства имеет единый расчетный счет, открытый в Банке России №40101, с которого происходят зачисления в соответствующие бюджеты, исходя из нормативного содержания ст. 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации [4].

Таким образом, мировая научно-практическая мысль подтверждает, что при таком типе исполнения бюджета можно своевременно про-

[1] Финансово-правовое обеспечение эффективности исполнения расходных обязательств // Реформы и право. Барыкин Е.А. 2010. № 2. – С. 3–7
[2]Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации»//СПС Гарант
[3]Постановление Пленума ВАС Российской Федерации от 22.06.2006 № 23«О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»//СПС Гарант
[4]Письмо ФНС России от 07.11.2016 № ЗН-4-1/21026 «Об изменении счета №40101»//СПС Гарант

верять и получать актуальную информацию о состоянии счетов, движении средств[1].

К специальной группе принципов по мнению Ю.А. Крохиной следует отнести:

-принцип ежегодности, который означает, что закон о бюджете реализуется в течение календарного года, учитывая то, что при этом существует среднесрочное планирование, направленное на следующий финансовый год, следуемый за текущим;

- принцип разделения властей проявляется через разделение бюджетного процесса на этапы проектирование закона исполнительной властью (Правительством Российской Федерации) и рассмотрение закона о бюджете законодательной властью (Федеральное Собрание Российской Федерации);

- принцип специализации реализуется через коды бюджетной классификации, которые показывают соотносимость доходов, расходов, источников финансирования дефицита бюджета показателям в законе о бюджете[2].

Необходимо рассмотреть также и мнение других авторов, которые выделяют следующие принципы:

-принцип исполнения бюджета посредством органов Федерального казначейства. В соответствии с этим принципом Федеральное казначейство занимает центральную роль при удостоверении бюджетных поступлений, выделении лимитов и осуществлении расходов в рамках выделенных лимитов, осуществление платежей от имени бюджетополучателей происходит посредством центральных и региональных отделений Федерального казначейства.

- принцип обеспечения бюджетных расходов и платежей только в случае фактического наличия средств на бюджетном счете. Бюджетное обязательство предполагает наличие суммы денежных средств в рамках данного бюджетного обязательства и списание происходит после верификации этого бюджетного обязательства.

- принцип исполнения бюджета по доходам означает, что доходы перечисляются на единый счет бюджета. Суммы, поступившие излишне в бюджет, возвращаются обратно.

-принцип санкционирования расходов бюджета. Расходы происходят в пределах бюджетных средств на едином счете бюджета с соблюдением процедур санкционирования.

- принцип бюджетного учета исполнения бюджета. Все операции по расходам и доходам бюджета регистрируются, и единая методология бюджетного учета доводится до территориальных органов Федерального казначейства.

- принцип предоставления обязательной отчетности об исполнении бюджета означает, что органы государственной власти предоставляют отчеты в контрольно-счетные органы.

- принцип иммунитета бюджета означает, что расходы бюджета утверждаются актом соответствующего уровня, носят целевой характер и списание в бесспорном порядке запрещено.

Подводя итог анализа понятий *бюджет* и *бюджетный процесс*, а также рассмотрению принципов бюджетного процесса можно сказать, что развитие понятия бюджет происходило по мере развития и усложнения экономических отношений[3]. Помимо этого, на понятие бюджет как правовой категории повлияли взаимоотношение между различными субъектами права, а также различные подходы к понимаю права.

Можно отметить, что бюджет эволюционировал в бюджетный процесс и нельзя говорить о бюджете как о понятии, существующем отдельно от понятия процесс, так как эти категории слились воедино для всестороннего охвата деятельности, контроля государства, анализа как структуры, обеспечивающей социальные гарантии для граждан.

Анализируя принципы бюджетного процесса, как закрепленные в Бюджетном кодексе Российской Федерации, так и представленные учеными стоит отметить, что основополагающие идеи принципы бюджетного процесса являются необходим условием развития бюджетного процесса, а также стабильности правовой системы в условиях экономического кризиса, колебания цен на нефть.

Осуществление бюджетного процесса строится, в первую очередь, на основе Конституции Российской Федерации. Исходя из содержания ст.106 Конституции Российской Федерации на рассмотрении в Совете Федерации подлежат одобренный и принятый Государственной думой федеральный закон о бюджете[4]. В статье 71 Конституции Российской Федерации говорится о том, что Российская Федерация осуществляет исключительные полномочия по принятию закона о бюджете.

Следующим по важности актом, регулирующим бюджетный процесс, является Бюджетный кодекс Российской Федерации. Данный законодательный акт закрепляет полномочия участников бюджетного процесса, порядок составления, рассмотрения, исполнения бюджета нашей страны.

Таким образом, в завершение рассмотрения заявленной проблематики следует сделать вывод, бюджетные правоотношения имеют нормативно-правовое выражение, выстроенное на основе обширных нормативно-правовых источников, выражающих как общую структуру бюд-

---

[1]Казна и бюджет // Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; под. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С. 250

[2] Финансовое право России: Учебник // Ю.А. Крохина - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 320;Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5; Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007;Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228;Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48;Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158.

[3]Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228;Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16;Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021;Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87;Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020.

[2]Конституция Российской Федерации. М., 2026

жетного процесса (определение в Бюджетном кодексе Российской Федерации стадий бюджетного процесса), так и регулирующих полномочия участников бюджетного процесса так и отдельные стадии бюджетного процесса.

Список литературы

1. Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228
2. Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16
3. Шеншин, В. М. Нормативно-правовое регулирование осуществления Росгвардией бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета / В. М. Шеншин, В. Е. Хазова // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 247-253. – DOI 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253. – EDN JINPKS.
4. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87
5. Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020
6. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5
7. Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007
8. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
9. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
10. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
11. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
12. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13
13. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011
14. Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107
15. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107
16. Лебедев В. А. Финансовое право. Золотые страницы финансового права России том.2. М.: Статут, 2002
17. Сперанский М.М. План финансов, истоков финансового права // отв ред. А.Н. Козырина. М.: 1998. С. 92
18. Бюджет // Штурм Р. Петербург.: Типография товарищества Общественная польза, 1907 г.
19. Казна и бюджет // Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; под. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С. 67, 170, 250
20. Проблемы современного понимания бюджетного процесса // Пауль А.Г. № 11. Финансовое право, 2013. С. 13-16
21. Учебник гражданского процесса // Васьковский Е.В.; Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. М.: 2013. С. 200
22. Финансовое право: Курс лекций, читанный в Московском университете// Озеров И.Х. М..: 1905. С. 345
23. Финансовое право России: Учебник // Ю.А. Крохина - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 320
24. Финансово-правовое обеспечение эффективности исполнения расходных обязательств // Реформы и право. Барыкин Е.А. 2010. № 2. – С. 3–7.
25. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
26. Назарова, И. С. Актуальные проблемы, возникающие в сфере исполнения государственных контрактов бюджетных учреждений / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Юрист. – 2015. – № 6. – С. 27-31. – EDN TPCQBL.
27. Шеншин, В. М. Об осуществлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, а также бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета, администратора источников финансирования дефицита федерального бюджета / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 22-24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ.

References

1. Kainov V.I., Prokhorova O.V. Reforming the State Civil Service in the Russian Federation: Analysis and Improvement //Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. No. 4 (28-2), 2005. Pp. 227–228.
2. Kainov V.I. The Provisional Government and Constitutional Reform: An Unfulfilled Vector of Russia's Development //Collection of Articles of the Scientific and Practical Conference "Practice and Problems of Implementing the Constitutional Foundations of Russian Legislation". Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019. Pp. 12-16
3. Shenshin, V. M. Regulatory and legal regulation of the National Guard's exercise of budgetary powers as the chief administrator of federal budget revenues / V. M. Shenshin, V. E. Khazova // Bulletin of Economic Security. – 2021. – No. 3. – Pp. 247–253. – DOI 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253. – EDN JINPKS.
4. Kainov V.I. Development of Domestic Legislation on Administrative Law // World of Economics and Law. 2015. No. 6. Pp. 83–87.
5. Drozdov A.G., Kainov V.I. Disciplinary Liability of Judges. Moscow–Berlin, 2020
6. Kainov V.I. The Prosecutor's Office of the Russian Federation in the System of Separation of Powers: A Theoretical and Legal Aspect // History of State and Law.2007. No. 9. Pp. 4–5
7. Kainov V.I. Administrative Liability: an Album of Diagrams — an Educational and Visual Guide. Moscow, 2007
8. Kainov V.I. Reform of the Civil Service in the Russian Federation: Analysis and Improvement // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. Pp. 227–228.
9. Kainov V.I. Legal Acts of the Executive Authorities of the Russian Federation //In the collection: Hospitable St. Petersburg-2018. Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. 2018. Pp. 39–48
10. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 5. Pp. 150–158
11. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) // The Legal Framework of the Modern Economy. 2015. No. 1. Pp. 157-165
12. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some Methodological Problems of Modern Legal Studies in Russia //The World of Legal Science. 2013. No. 12. Pp. 4-13
13. Kainov V.I., Kainova Yu.V. The Institution of Banking Secret in the Russian Federation: History, Theory and Practice: a Monograph. St. Petersburg, 2011
14. Kainov V.I., Salnikov M.P., Petrov P.A. Issues of optimizing the administrative-legal regulation of the provision of electronic state services // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 7. Pp. 97–107.
15. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 7. Pp. 104–107
16. Lebedev V. A. Financial Law. Golden Pages of Russian Financial Law, Vol. 2. Moscow: Statut, 2002
17. Speransky M. M. The Plan of Finance, the Origins of Financial Law // Edited by A.N. Kozyrina. Moscow: 1998. P. 92
18. Budget // Sturm R. St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership, 1907.
19. Treasury and Budget // R.E. Artyukhin, A.V. Bogdanova, Yu.V. Ginzburg et al.; edited by D.L. Komyagin. Moscow: Nauka, 2014. Pp. 67, 170, 250.
20. Problems of the Modern Understanding of the Budget Process // Paul A.G. No. 11. Financial Law, 2013. Pp. 13–16.
21. Textbook on Civil Procedure // E.V. Vaskovsky; edited and with a foreword by V.A. Tomsinov. Moscow: 2013. P. 200.
22. Financial Law: A Course of Lectures Delivered at Moscow University // I.Kh. Ozerov. Moscow: 1905. P. 345.
23. Financial Law of Russia: Textbook // Yu.A. Krokhina – 4th ed., revised. and additional — Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. P. 320.
24. Financial and legal support for the effectiveness of fulfilling expenditure obligations // Reforms and Law. Barykin E.A. 2010. No. 2. pp. 3-7.
25. Arbitration process: a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eriashvili, A. E. Danshina [et al.]. Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE, LLC, 2024. - 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
26. Nazarova, I. S. Current problems arising in the field of executing state contracts by budgetary institutions / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Lawyer. – 2015. – No. 6. – Pp. 27–31. – EDN TPCQBL.
27. Shenshin, V. M. On the implementation by the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation of the functions of the main manager and recipient of funds from the federal budget, as well as the budgetary powers of the main administrator of federal budget revenues and the administrator of sources of financing the federal budget deficit / V. M. Shenshin // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 7(223). – Pp. 22–24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_183

УДК 342.9

УСИЛЕНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИТАБАЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЗДОРОВЬЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
STRENGTHENING MEASURES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATIONS OF ANTI-TABOO LEGISLATION – A WAY TO PROTECT MINORS' HEALTH

ЛИТВЯКОВА Светлана Викторовна
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.
Россия, 644092, Омск, Комарова, 7.
E-mail: Svetadanya02@mail.ru

LITVIAKOVA Svetlana Viktorovna
Lekturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Agencies Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Russia, 644092, Omsk, Komarova St., 7.
E-mail: Svetadanya02@mail.ru

Краткая аннотация: *Процесс поступательного развития административно-деликтного регулирования неразрывно связан с трансформацией политической, экономической и социальной конъюнктуры. Несмотря на кардинальные изменения макроэкономических факторов за последние десять лет охранительный потенциал норм, пресекающих нарушения антитабачного законодательства, находится в стагнации. Действующие санкции за курение в запрещенных местах в виде административных штрафов зачастую демонстрируют низкий коэффициент полезного действия. Актуализация закрепленных в КоАП РФ размеров административных штрафов за нарушение антитабачного законодательства и их приведение в соответствие с текущими социально-экономическими реалиями позволит существенно повысить эффективность применения данного правового института.*

Abstract: *The process of progressive development of administrative-tort regulation is inextricably linked with the transformation of the political, economic and social situation. Despite dramatic changes in macroeconomic factors over the past ten years, the protective potential of regulations preventing violations of anti-tobacco legislation has stagnated. Current sanctions for smoking in prohibited areas in the form of administrative fines often demonstrate low effectiveness. Updating the administrative fines for violations of anti-tobacco legislation established in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and bringing them into line with current socio-economic realities will significantly improve the effectiveness of this legal institution.*

Ключевые слова: *Обеспечение и охрана здоровья несовершеннолетних, динамика развития отечественного антитабачного законодательства, защита несовершеннолетних от воздействия табачного дыма и последствий потребления никотинсодержащей продукции, оценка действенности мер административной ответственности, действующие санкции за курение, имплементация позитивного зарубежного опыта, увеличение суммы штрафа и установление административной ответственности за повторное нарушение запрета потребления табака.*

Key words: *Ensuring and protecting the health of minors, the dynamics of the development of domestic anti-tobacco legislation, protecting minors from the effects of tobacco smoke and the consequences of consuming nicotine-containing products, assessing the effectiveness of administrative liability measures, current sanctions for smoking, implementing positive foreign experience, increasing the amount of the fine and establishing administrative liability for repeated violation of the ban on tobacco consumption.*

Для цитирования: *Литвякова С.В. Усиление мер административной ответственности за нарушение антитабачного законодательства – способ защиты здоровья несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_183.*

For citation*: Litvyakova S.V. Strengthening administrative liability measures for violating anti-tobacco legislation is a way to protect the health of minors. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_183.*

Статья поступила в редакцию: 17.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Закрепленный на высшем конституционном уровне [1] вектор развития российской государственности связывает охрану здоровья несовершеннолетних с процессом их полноценной социализации, воспитанием гражданственности и защитой традиционных духовно-нравственных устоев [2]. Конституционные обязанности Российской Федерации детерминируют необходимость формирования комплексной институциональной среды, направленной на превенцию угроз детскому здоровью и обеспечение многоаспектного (физического, интеллектуального и ценностного) развития подрастающего поколения. Данная обязанность находит свое прямое материально-правовое воплощение в императивных запретах на потребление табачной и никотинсодержащей продукции, поскольку распространение данной аддикции напрямую нивелирует государственные усилия по формированию здорового общества.

Обеспечение и охрана здоровья несовершеннолетних находится в фокусе перманентного правотворческого контроля со стороны законодателя. Выявление деструктивных факторов, сопряженных с потенциальной угрозой причинения вреда физическому или психическому развитию ребенка, – в частности, рисков, связанных с пассивным курением и популяризацией альтернативных видов никотинсодержащей продукции, – детерминирует незамедлительное превентивное реагирование посредством оперативного нормотворчества.

В такой деятельности компетентные органы своевременно имплементируют институты запретов и правовых ограничений (например, в сфере рестрикций на оборот и потребление электронных систем доставки никотина в запрещенных местах), а также модернизируют регулятивные нормы в соответствии с динамично изменяющейся социальной конъюнктурой.

Яркой иллюстрацией данной тенденции служит динамика развития отечественного антитабачного законодательства, базовым элементом которого выступает Федеральный закон от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [3]. Защита несовершеннолетних от воздействия табачного дыма и последствий потребления никотинсодержащей продукции за последнее десятилетие трансформировалось из точечных ограничений в комплексный уголовно- и административно-правовой превентивный механизм. Законодатель демонстрирует высокую скорость правотворческой реакции на новые вызовы: так, экспансия рынка систем нагревания табака, электронных систем доставки никотина (вейпов), никотинсодержащих паучей и снюсов повлекла за собой оперативную унификацию их правового статуса с традиционными табачными изделиями, последовательное ужесточение мер юридической ответственности за их реализацию несовершеннолетним и планомерное расширение зон, свободных от курения.

Комплексный доктринальный аудит правоприменительной практики позволяет констатировать наличие определенного дисбаланса между превентивным потенциалом административно-деликтного законодательства и реальной эффективностью его инструментария в сфере противодействия курению. Оценка действенности мер административной ответственности за несоблюдение отдельных антитабачных ограничений базируется на критериях неотвратимости наказания и соразмерности их карательного воздействия характеру правонарушения. Действующие санкции за курение в запрещенных местах в виде административных штрафов зачастую демонстрируют низкий коэффициент полезного действия. Обусловлено это как латентностью рассматриваемой категории деликтов, так и дефектами правоприменительного механизма, что требует ревизии регуляторного и фискального потенциала соответствующих норм КоАП РФ.

Констатируя значимость реализуемых мер в области охраны здоровья несовершеннолетних, следует признать, что эффективное развитие национальной системы антитабачного законодательства в современных реалиях не может ограничиваться лишь декларативными мерами (например, законом установлен запрет курения несовершеннолетними, но ответственности за его нарушение в не запрещенных мест не существует). Законодательство напрямую зависит от релокации акцентов на превентивный потенциал административно-деликтологического инструментария, выступающего барьером на пути распространения табачной аддикции.

Сочетание мер убеждения и принуждения в государственной политике направлено на достижение целей общей и специальной превенции, а также на повышение уровня правосознания и правовой культуры населения. Однако правоприменительная практика в сфере антитабачного регулирования демонстрирует латентный кризис данных институтов. Массив правонарушений, связанных с несоблюдением нормативных рестрикций на потребление табака, сохраняет устойчиво высокий удельный вес. В 2023 году сотрудниками органов внутренних дел было пресечено 335023 правонарушений, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ, в 2024 – 315205, а в 2025 – 278645 [3].

КоАП РФ провозглашает охрану здоровья и превенцию деликтов ключевыми задачами административно-деликтного регулирования. С позиции правовой доктрины соотношение цели и задачи носит диалектический характер: задача более высокого уровня абстракции трансформируется в правовую цель по отношению к конкретным правовым институтам. Применительно к исследуемому вопросу это означает, что частная задача по усилению административной ответственности за нарушение антитабачного законодательства выступает подчиненным элементом в достижении основной цели – минимизации угроз здоровью несовершеннолетних.

Процесс поступательного развития административно-деликтного регулирования неразрывно связан с трансформацией политической, экономической и социальной конъюнктуры, а также уровнем правовой культуры социума. Однако приходится констатировать латентный дисбаланс в отечественном правотворчестве: в то время как институты ответственности за иные правонарушения подвергаются перманентному совершенствованию, охранительный потенциал норм, пресекающих нарушения антитабачного законодательства, фактически стагнирует, несмотря на кардинальные изменения макроэкономических факторов за последние десять лет. С момента установления в октябре 2013 года административной ответственности за курение в запрещенных местах, максимальный штраф составлял и составляет одну тысячу пятьсот рублей.

В 2013 году минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) составлял 5 205 рублей [4] и, на наш взгляд, максимальные суммы штрафа (по ч.1 ст. 6.24 – 1500 руб., ч.2 ст. 6.24 – 3000 руб.) позволяли решить задачу – охрана здоровья и достигнуть цель – предупреждение совершения новых правонарушений. Следует отметить, что по данным федеральной службы государственной статистики среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в октябре 2013 года составляла 30069 руб., а в феврале 2026 года – 103 900 руб. С 1 января 2026 года МРОТ – 27093 [5]. Соответственно сумма максимального штрафа за нарушение запрета курения в 2013 году составляла 58% от суммы МРОТ и 10% от номинальной начисленной заработной платы, а в 2026 году – 11 % от суммы МРОТ и 3% от заработной платы.

Эмпирические показатели свидетельствуют о том, что существующие меры государственного принуждения утратили свою превентивную функцию. Действующий размер имущественного взыскания за деяние, причиняющее вред здоровью ребенка, несоразмерен современным экономическим реалиям и легко поглощается бюджетом правонарушителей из любых социальных категорий. Ничтожность санкции нивелирует цели специальной превенции, порождая рецидивную деликтность среди лиц, уже привлекавшихся к ответственности. Одновременно с этим деструктивное демонстративное поведение правонарушителей разрушает институт общей превенции, транслируя окружающим ложные сигналы о допустимости игнорирования императивных антитабачных запретов.

Представляется, что имплементация позитивного зарубежного опыта в сфере реализации институтов административной ответственности способна выступить катализатором модернизации отечественного законодательства. Данный вектор сравнительно-правовых исследований обоснован общностью генезиса и доктринальных основ правовых систем отдельных государств постсоветского пространства, эволюционирующих в синергии их суверенного социально-экономического развития.

С 1 января 2026 года Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете» [6] установил базовый месячный расчетный показатель

(МРП) 4 325 тенге, установив при этом минимальную заработную плату (МЗП) в размере 85 000 тенге. Экстраполяция данных индикаторов на охранительные нормы национального законодательства показывает, что первичное административное наказание за курение в запрещенных местах в республике составляет 15 МРП [7], что эквивалентно 76,3% от объема минимального ежемесячного дохода граждан. В случае рецидива делинквенту назначается административное наказание в виде штрафа в размере 20 МРП (86 500 тенге), что полностью нивелирует фискальный порог МЗП, обеспечивая тем самым бескомпромиссный уровень как общей, так и специальной превенции.

Актуализация закрепленных в КоАП РФ размеров административных штрафов на нарушение антитабачного законодательства и их приведение в соответствие с текущими социально-экономическими реалиями позволит существенно повысить эффективность применения данного правового института. Модернизация санкционной матрицы будет способствовать полноценной реализации регулятивно-охранительного потенциала закона и гарантирует более высокий уровень административно-правовой защиты несовершеннолетних.

В правовой доктрине присутствует позиция отдельных исследователей [8], согласно которой интенсификация имущественного бремени правонарушителя (в частности рост штрафных санкций) не выступает репрезентативным направлением модернизации института административной ответственности. Тем не менее подобный абстрактно-гуманистический подход упускает из вида макроэкономический фактор девальвации фиксированных штрафов, нивелирующий их предупредительный потенциал. В сложившихся реалиях представляется дискуссионной позиция авторов, трактующих интенсификацию карательного воздействия как этически неприемлемый (безнравственный) инструмент.

По нашему мнению, увеличение суммы штрафа и установление административной ответственности за повторное нарушение запрета потребления табака детерминировано не психологическим устрашением деликвентов как таковым, а объективной необходимостью формирования правовых условий, обеспечивающих достижение легитимных целей административной ответственности. Рост материальных издержек правонарушителя, скорректированный с учетом актуальных экономических показателей, выступит действенным стимулом к соблюдению установленных пространственно-территориальных ограничений, что приведет к минимизации количества данных правонарушений и обеспечит более действенную защиту несовершеннолетних от деструктивного воздействия окружающего табачного дыма.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Доступ: СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 10.04.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 "Основы государственной политики по сохранению и укреплению традицион-ных российских духовно-нравственных ценностей". Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
3. Сборник по России. Раздел 1. Сведения о пресеченных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП, учет которых осуществляется в модуле "Административная практика" Сервиса обеспечения охраны общественного порядка за январь-декабрь 2023-2025 года.
4. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn23/news/activities_fts/4250706/ (дата обращения 20.12.2025).
5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения 19.05.2026).
6. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000239 (дата обращения 19.05.2026).
7. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31577399&pos=5;134 (дата обращения 19.05.2026).
8. Майоров В.И., Бекетов О.И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 566. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-4-563-567 EDN: KHXNHV

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. Access: legal reference system “ConsultantPlus” (accessed: 10.04.2026).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, No. 809 “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.” Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.
3. Collection on Russia. Section 1. Information on prevented administrative offenses provided for in the Code of Administrative Offenses, which are recorded in the “Administrative Practice” module of the Public Order Protection Service for January–December 2023–2025.
4. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn23/news/activities_fts/4250706/ (accessed on 20.12.2025)
5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (accessed on 19.05.2026)
6. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000239 (accessed on 19.05.2026)
7. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31577399&pos=5;134 (accessed on 19.05.2026)
8. Mayorov V.I., Beketov O.I. Administrative liability in the field of road safety: current trends and prospects // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16, No. 4. P. 566.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_186

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
SOME FUNCTIONS OF THE LEGAL INSTITUTE ENVIRONMENTAL EXPERTISE

ПОПОВА Ольга Владимировна,
к.ю.н., МГЮА им. О.Е. Кутафина.
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9 стр. 1.
E-mail: volodina1973@mail.ru
POPOVA Olga Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Kutafin Moscow State Law Academy.
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9, building 1.
E-mail: volodina1973@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье осуществляется анализ функций правового института экологической экспертизы, исследуется соотношение принципов и функций права, подчёркивается первичность принципов как основы правовой системы, определяющей её сущность, социальную ценность и направления реализации функций. Автор показывает, что принципы обеспечивают содержательную сторону правового института экологической экспертизы, а функции — его практическое воздействие на общество через обязательность реализации процедуры экологической экспертизы. Правовой институт экологической экспертизы реализуется через основные функции права: регулятивную и охранительную: первая упорядочивает отношения по организации и проведению экспертизы, вторая обеспечивает соблюдение закреплённых в законодательстве требований. Отдельно раскрывается содержание превентивной и прогностической функций права, которые приобретают особую значимость в контексте экологической экспертизы: превентивная функция рассматривается как самостоятельное направление правового воздействия с опережающим характером — она нацелена на предупреждение негативных последствий до их наступления через установление запретов и санкций. Прогностическая функция связана с анализом текущей ситуации и моделированием сценариев развития, что позволяет научно обоснованно планировать правовые реформы и минимизировать риски. Автор аргументирует, что, несмотря на близость целей (ориентация на будущее), эти функции имеют разные механизмы реализации и сферы применения: превентивная устанавливает запреты и ограничения, а прогностическая — строит модели будущего. Делается вывод о значимости информационной функции права, которая критически важна в условиях цифровизации: она обеспечивает доведение до граждан и организаций сведений о законодательстве в области осуществления экологической экспертизы и правоприменительной практике в этой сфере. Подчёркивается необходимость совершенствования законодательной техники для эффективной реализации информационной функции правового института экологической экспертизы. В заключение отмечается, что комплексный учёт принципов и всех функций права (включая превентивную, прогностическую и информационную) критически важен для совершенствования правового регулирования экологической экспертизы и обеспечения экологической безопасности.*

Abstract. *The article analyzes the functions of the legal institute of environmental expertise, examines the relationship between the principles and functions of law, emphasizes the primacy of principles as the basis of the legal system, determining its essence, social value and the direction of implementation of functions. The author shows that the principles provide the substantive side of the legal institute of environmental expertise, and the functions provide its practical impact on society through the mandatory implementation of the environmental assessment procedure. The Legal Institute of environmental expertise is implemented through the main functions of law: regulatory and protective: the first regulates relations on the organization and conduct of expertise, the second ensures compliance with the requirements stipulated in the legislation. The content of the preventive and predictive functions of law, which acquire particular importance in the context of environmental expertise, is separately disclosed: the preventive function is considered as an independent direction of legal action with a proactive nature — it is aimed at preventing negative consequences before they occur through the establishment of prohibitions and sanctions. The predictive function is related to the analysis of the current situation and modeling of development scenarios, which makes it possible to scientifically plan legal reforms and minimize risks. The author argues that, despite the proximity of goals (future orientation), these functions have different implementation mechanisms and areas of application: preventive sets prohibitions and restrictions, and predictive builds models of the future. The conclusion is made about the importance of the information function of law, which is critically important in the context of digitalization: It ensures that citizens and organizations are informed about legislation in the field of environmental assessment and law enforcement practices in this area. The necessity of improving legislative techniques for the effective implementation of the information function of the legal institute of environmental expertise is emphasized. In conclusion, it is noted that a comprehensive consideration of the principles and all functions of law (including preventive, predictive and informational) is critically important for improving the legal regulation of environmental expertise and ensuring environmental safety.*

Ключевые слова*: функции права, превентивная функция, прогностическая функция, информационная функция, экологическая экспертиза.*

Keywords: *legal functions, preventive function, predictive function, information function, environmental expertise.*

Для цитирования: *Попова О.В. Некоторые функции правового института экологической экспертизы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_186.*

For citation*: Popova O.V. Some functions of the legal institution of environmental expertise // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_186.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Экологическая экспертиза — это правовой институт экологического права, определяющий принципы, виды, прочие характеристики экологической экспертизы.

Принципы права первичны по отношению к его функциям. Они формируют основу правовой системы, определяют её сущность и социальную ценность, задают рамки и направления для реализации функций права. Функции права, в свою очередь, воплощают на практике те цели и задачи, которые заложены в принципах. Основываясь на принципах, право, как социальный регулятор, реализует свои цели, обеспечивает соблюдение обязательных правил поведения через функции права, которые в общем смысле являются внешним проявлением свойств объекта. Таким образом, принципы обеспечивают содержательную сторону права, а функции — его функционирование, практическое воздействие на общество.

Т. Н. Радько отмечал, что функция права представляет собой единство двух моментов: роли (назначения) права в обществе и основных направлений его воздействия на общественные отношения [3]. В функциях права мы можем увидеть дуализм цели и способов воздействия.

Правовой институт экологической экспертизы закреплен в одноименном законе об экологической экспертизе[1] и реализуется через целый ряд функций.

В первую очередь, нормы права об экологической экспертизе реализуются через основные функции права регулятивную и охранительную. Регулятивная функция права обеспечивает упорядочивание отношений по вопросу организации, проведению, исполнению требований по проведению и исполнению результатов экологической экспертизы. Охранительная по данному направлению выражена в обеспечении соблюдения норм права, закрепленных в законодательстве об экологической экспертизе.

Кроме того, напрямую через законодательство об экологической экспертизе, основываясь на принципе предосторожности, реализуются прогностическая и превентивная функция права. Эти функции права имеют интерес для правового института экологической экспертизы, так как посредством него реализуется шанс заглянуть в будущее, попытка исключить или хотя бы снизить риски хозяйственной деятельности субъектов права для защиты прав и интересов граждан и общества и охраны природы.

Именно в законе об экологической экспертизе предусматривается, что необходимо превентивно обеспечить такие условия хозяйственной деятельности, корректировать общественные отношения таким образом, чтобы не навредить окружающей среде.

Превентивность – это направленность действий, нацеленных на предупреждение, предотвращение нежелательных событий, последствий действий. Осуществляется превентивность через предупреждение или профилактику, чтобы не допустить проблемы, снизить риски, устранить условия наступления нежелательной ситуации. По мнению некоторых авторов, превентивная функция всегда осуществляется до события нарушения права, до наступления негативных последствий чьих-то действий или бездействия [1]. Превентивность имеет опережающий характер, когда действия (противодействия) предполагается предпринять до того, как возникнет проблема или до того, как последствия станут необратимыми. Превентивная функция использует средства правового воздействия для предотвращения негативных явлений до их проявления. Превентивное воздействие может осуществляться через установление запретов, ограничений, санкций, то есть таких правовых норм, которые формируют у субъектов права осознание последствий нарушения закона и побуждают их соблюдать правовые предписания, обязательные требования, установленные в законах и подзаконных актах.

Превентивная функция права не способна исключить возникновение стихийных бедствий и катастроф. Однако предупреждать или минимизировать последствия таких явлений посредством превентивной функции права возможно. Если говорить о стихийных бедствиях, то здесь необходима отсылка в первую очередь к законодательству о чрезвычайных ситуациях, где предусмотрено заблаговременное оповещение граждан о надвигающихся неблагоприятных природных явлениях[2]. В случае с потенциальными техногенными авариями также действуют нормы, устанавливающие запреты и ограничения по обеспечению промышленной безопасности[3]. Предусмотрев необходимость экологической экспертизы для ряда объектов капитального строительства, относимых в первую очередь к категориям значительного негативного воздействия на окружающую среду и в первую очередь на особо значимых для сохранения окружающей среды и благополучия граждан территориях, а также необходимость экологической экспертизы при внедрении новых технологий (технологических процессов, оборудования, технических способов, методов), веществ, которые могут впервые поступать в окружающую среду, - законодатель реализовал превентивную функцию права в Федеральном законе об экологической экспертизе.

Некоторые авторы рассматривают превентивную функцию права как подфункцию охранительной функции [2, с. 14], однако, современная ситуация требует как наполнения дополнительными смыслами указанной функции, так и увеличение ее значимости. Кроме того, превентивная функция права отчасти содержит и элементы регулятивной функции, устанавливая права и обязанности, упорядочивая общественные отношения, определяя процедуры взаимодействия между субъектами, в частности, по проведению экологической экспертизы, а не только обеспечивая профилактику противоправного поведения по непроведению экологической экспертизы, свойственную охранительной функции. Таким образом, в настоящее время по нашему мнению превентивная функция должна рассматриваться как самостоятельная.

Прогностическая функция связана с прогнозированием будущего развития права, государства, а также общества и экономики, связанного с воздействием правовых норм. Прогностическая функция направлена на предвидение изменений в правовой сфере, выявление рисков и проблем, связанных с новыми нормами права или, напротив, пробельностью права, выдвижением гипотез о будущем права и государства. Прогнозирование опирается на анализ текущей ситуации, моделирование сценариев развития, учёт социальных, экономических и других факторов. Цель прогностической функции — обеспечить научно обоснованное планирование реформ законотворчества и правоприменения.

По мнению Я. И. Тихонова в функциональном аспекте превенция рассматривается как направление правового воздействия на общественные отношения, в рамках которого обеспечивается профилактика противоправного поведения, а также прогнозирование вероятностных рисков перспективных вызовов и угроз, с выработкой модельных стандартов оптимального поведения в проблемных ситуациях [4, с. 11–12].

Таким образом, превентивная и прогностическая функции близки, так как обе нацелены на будущее, только одна - на предотвращение

[1] Федеральный закон от 23.11.1995 N 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об экологической экспертизе" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ, 27.11.1995, N 48, ст. 4556

[2] Федеральный закон "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" от 21.12.1994 N 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 26.12.1994, N 35, ст. 3648.

[3] Федеральный закон "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" от 21.07.1997 N 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 28.07.1997, N 30, ст. 3588; Федеральный закон от 21.07.1997 N 117-ФЗ "О безопасности гидротехнических сооружений" // Собрание законодательства РФ, 28.07.1997, N 30, ст. 3589; Федеральный закон от 09.01.1996 N 3-ФЗ "О радиационной безопасности населения" //Собрание законодательства РФ", 15.01.1996, N 3, ст. 141; Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ "О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" // Собрание законодательства РФ", 25.07.2011, N 30 (ч. 1), ст. 4604; Федеральный закон от 19.07.1997 N 109-ФЗ "О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами" // Собрание законодательства РФ, 21.07.1997, N 29, ст. 3510; Федеральный закон от 30.12.2020 N 492-ФЗ "О биологической безопасности в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 04.01.2021, N 1 (часть I), ст. 31; и нек. др.

будущих проблем в настоящее время, а вторая установление будущих правил.

Однако между ними есть и различия: прогностическая функция реализуется через анализ текущих данных и построение моделей того, как эта система будет работать в будущем при разных условиях, а превентивная функция это установка запретов и ограничений («светофоров» и «ограничителей скорости»), которые не дают системе выйти из строя. Таким образом, можно присоединиться к выводу о том, что «прогностическая и превентивная функции права имеют разные цели, механизмы реализации и сферы применения» [5]. Однако обе эти функции играют большую роль в обеспечении реализации правового института экологической экспертизы.

Еще одна функция, которая присуща праву, - информационная функция, обеспечивающая направление воздействия правовой системы на общество, заключаемое в доведении до сведения граждан и организаций информации о действующем законодательстве, его изменениях и правоприменительной практике. Нет сомнений в важности данной функции в условиях цифровизации. Реализация информационной функции права — необходимое условие эффективной работы любого правового института, в том числе, правового института экологической экспертизы. Для этого важно совершенствовать законодательную технику: добиваться однозначности и простоты правовых норм; вырабатывать единую терминологию, проводить систематизацию и структуризацию правовых институтов и норм и т.п.

Список литературы

1. Арапчор, О. М. Превентивная функция российского трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. - 27 с. EDN: ZOVNXD
2. Курцев И. А. Проблемы реализации охранительной функции права: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. - 28 с. С. 14. EDN: NKQTDD
3. Радько Т. Н. Понятие и виды функций социалистического права // Вопросы теории государства и права. Сборник статей. - Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1971, Вып. 2. - С. 106-122.
4. Тихонов Я. И. Институт превенции в системе российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2019. 26 с.
5. Честнов И. Л. Прогностическая функция теории государства и права // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии". 2022. № 1 (81). с. 94-96. EDN: MPNTJK

References

1. Arapchor, O. M. The preventive function of Russian labor law: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2013. - 27 p.
2. Kurtsev I. A. Problems of realization of the protective function of law: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2008. - 28 p. p. 14.
3. Radko T. N. The concept and types of functions of socialist law // Questions of the theory of state and law. Collection of articles. - Saratov: Sarat Publishing House. jurid. Institute, 1971, Issue 2, pp. 106-122.
4. Tikhonov Ya. I. Institute of Prevention in the system of Russian law: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Kazan, 2019. 26 p .
5. Chestnov I. L. Prognostic function of the theory of state and law // Scientific notes.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_189

УДК 342.7

ПРАВО НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
THE RIGHT TO ACCESS INFORMATION AS A TOOL FOR PROTECTING HUMAN RIGHTS

САБЛИН Дмитрий Александрович
кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет.
460018, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: dsablinosu@mail.ru

SABLYN Dmitry Alexandrovich
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Orenburg State University.
460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue, 13.
E-mail: dsablinosu@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются конституционные основы права на доступ к информации. Перечислены способы реализации права на доступ к информации. Определены особенности реализации права на доступ к информации в условиях цифровизации. Кроме того, в статье изучены способы обжалования нарушений прав на доступ к информации как основных конституционных прав человека. Также определена роль органов публичной власти в реализации права человека на доступ к информации в условиях цифровизации.*

Abstract: *The article examines the constitutional foundations of the right to access information. It lists the ways to exercise the right to access information. It identifies the specific features of exercising the right to access information in the context of digitalization. Additionally, the article explores the methods of appealing against violations of the right to access information as a fundamental constitutional human right. It also examines the role of public authorities in the implementation of the human right to access information in the context of digitalization.*

Ключевые слова: *информация, общество, доступ к информации, права человека, цифровизация.*
Keywords: *information, society, access to information, human rights, and digitalization.*

Для цитирования: *Саблин Д.А. Право на доступ к информации как инструмент защиты прав человека // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 189-191. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_189.*
For citation*: Sablin D.A. The right to access information as a tool for protecting human rights // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 189-191. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_189.*

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Сегодня информация служит фундаментом функционирования государства и общества. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого гражданина на свободный доступ к информации, которое входит в систему базовых прав и свобод человека. Согласно статье 29 Основного закона страны, граждане имеют возможность беспрепятственно искать, получать, создавать и распространять любые доступные сведения. Это фундаментальное право неразрывно связано с иными конституционными гарантиями, такими как право обращаться в государственные органы, право на справедливое судебное разбирательство и возможность получения профессиональной правовой поддержки [1, с. 12].

Право на доступ к информации трактуется двояко: широко – как возможность свободно добывать и применять любую информацию независимо от её происхождения и содержания, и узко – как ограниченная привилегия получать лишь сведения о работе государственных структур. Часть первая статьи 8 Федерального закона об информации гласит, что физические и юридические лица обладают правом самостоятельно искать и запрашивать интересующую их информацию в различных форматах и источниках, соблюдая требования законодательства Российской Федерации [2, с. 120].

Понимание права на доступ к информации в узком значении предполагает, что оно даёт гражданам и организациям возможность контролировать деятельность государственных органов, обеспечивая открытость и ясность их действий. Благодаря этому субъекты получают всю необходимую информацию для равноправного участия в правовых отношениях и принятия взвешенных решений. Однако чрезмерная доступность некоторых видов информации способна создать угрозы личной, корпоративной либо государственной безопасности.

На наш взгляд, реализовать данное право возможно несколькими способами:

1) обязательное публичное распространение информации. Законодательством и нормативными актами установлен порядок информирования населения обо всём важном. Государственные структуры и должностные лица обязаны немедленно доводить до общественности сведения о событиях и ситуациях, представляющих опасность общественному порядку, жизни и здоровью граждан;

2) публикация информации для общего пользования. Информация предоставляется путём официального обнародования документов в специализированных изданиях, размещается в общедоступных информационных системах, базах данных;

3) удовлетворение индивидуальных и групповых запросов на информацию. Получение необходимой информации по запросу возможно следующим образом:

– ознакомление с официальными документами, содержащими требуемые сведения;

– выдача копий соответствующих документов или извлечений из них;

– оформление письменных справок с информацией по запросу;

– устное разъяснение запрошенной информации;

– сообщение сведений об источниках публикации запрашиваемых материалов в официальных публикациях. Запросы на информацию и сама процедура предоставления данных могут проводиться как письменно, так и устно, а также посредством электронной связи [3, с. 37].

Хотелось бы еще раз отметить, что фундаментальное конституционное право на доступ к информации претерпевает значительные изменения с наступлением цифровой эры. Цифровизация способствует возникновению новых прав, среди которых выделяется право пользоваться сетью Интернет. Современные государственные учреждения всё чаще используют электронные формы обмена документами, внедряют онлайн-платформы для общения с населением и открывают многочисленные информационные ресурсы открытого доступа. Тем не менее реализация права на информацию сталкивается с рядом препятствий: недостаточной законодательной регламентацией, сложностями бюрократического порядка, техническими сбоями и низкой степенью правовой грамотности пользователей. Одновременно возрастают риски, связанные с незаконной передачей личных данных, вторжением в личную жизнь и обеспечением информационной безопасности [4, с. 105].

Согласно Федеральному закону № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г., существует ряд нарушений, касающихся доступа граждан к сведениям о деятельности госорганов и местных властей. К таким нарушениям относятся:

– необоснованный отказ в предоставлении информации;

– задержка в предоставлении необходимых сведений;

– передача неполной, искаженной или несоответствующей сути запроса информации.

Гражданин, чьи права были ущемлены, имеет возможность восстановить их как в суде, так и во внесудебном порядке. Закон допускает одновременное использование обоих способов восстановления прав, причем выбор способа остается за самим заявителем.

Статья 23 указанного Закона устанавливает гарантии судебной и административной защиты прав граждан на получение актуальной и точной информации. Жалоба подается руководителю органа или уполномоченному лицу, совершившим правонарушение, в рамках процедуры административного обжалования, регламентируемого соответствующими правилами.

Нельзя не заметить, что законодатель предусмотрел гражданско-правовую ответственность за ущерб, нанесенный вследствие отказа в доступе к информации, задержки или предоставлению неверных данных. Гражданину придется доказать наличие убытков, однако он также обладает правом требовать компенсацию морального ущерба в порядке, установленном статьей 151 ГК РФ. Размер компенсации определяет суд исходя из степени виновности правонарушителя и иных обстоятельств дела, включая тяжесть переживаний пострадавшего [5, с. 3].

Важнейший принцип юридического положения личности заключается в тесной взаимосвязи между правами и обязанностями: обладание каким-либо правом подразумевает возникновение аналогичной обязанности у другого субъекта права. Следовательно, расширение содержания права на информацию, обусловленное процессами цифровизации, требует пропорционального увеличения обязательств государства. Прежде всего, государство должно обеспечить такие условия, чтобы каждый гражданин имел возможность сам, своими силами и ресурсами подключиться к современным цифровым средствам коммуникации. Зачастую жители сельской местности оказываются изолированными от высокоскоростных каналов передачи данных, что создаёт дисбаланс возможностей реализации человеком своего права в зависимости от региона проживания.

При этом важно понимать, что, хотя государство юридически ответственно за создание технической инфраструктуры для подключения к интернету, способствуя тем самым осуществлению права на информацию, помимо технических аспектов необходимо учитывать и дополнительные факторы, такие как заинтересованность властных структур в доступности цифровых сервисов, предлагаемых государством и муниципалитетами населению.

Также стоит отметить, что негативное воздействие экономических факторов проявляется тогда, когда финансовое состояние человека не позволяет оплачивать оборудование, покупку техники и ежемесячные платежи за интернет-сервисы. Учитывая заинтересованность публичных институтов в обеспечении граждан доступом к глобальной сети, государственная политика должна предусматривать не только формирование общей среды для самостоятельных подключений, но и адресную финансовую помощь отдельным категориям граждан или территориям, что позволит расширить круг гарантий, предоставляемых государством.

Мы считаем, что одним из возможных путей решения проблемы выступает прямое бюджетное финансирование подключения конкретных пользователей к интернету и компенсация расходов на дальнейшее пользование услугами связи. Для этого целесообразно установить перечень льготников, имеющих право на покрытие затрат на подключение и (или) использование интернета. Такими категориями могли бы стать, например, инвалиды, для которых доступ к интернету становится ключевым инструментом взаимодействия с обществом и решением социальных и финансовых вопросов [6, с. 172].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что закрепленное Конституцией Российской Федерации право на доступ к информации является неотъемлемой составляющей системы прав и свобод личности. В статье 29 основного закона страны гарантируется свобода распространения информации, включающая право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять сведения. Реализация данного права обеспечивается различными механизмами: обязательная публикация важной информации, открытое оповещение широкой аудитории и удовлетворение индивидуальных и коллективных запросов на получение данных. Нарушения прав граждан на доступ к информации подлежат восстановлению как в судебных инстанциях, так и вне судебного процесса. В эпоху цифровизации осуществление права на доступ к информации непосредственно зависит от уровня доступности Интернета. Поэтому органам публичной власти следует предпринимать меры не только по формированию общих условий для самостоятельного подключения пользователей к информационно-коммуникационным ресурсам, но и обеспечивать

дополнительную экономическую поддержку отдельных слоев населения или регионов, расширяя тем самым диапазон гарантий, предоставляемых государством.

Список литературы:

1. Громова, Н. С. Доступ к информации: вопросы соотношения прав и обязанностей / Н. С. Громова, К. А. Красюк, В. П. Кивилева // Теория и практика мировой науки. - 2025. - № 9. - С. 12-14. EDN: AUZHCC

2. 2 Геращенко, А. И. Проблемы реализации права на доступ к информации в условиях развития технологий искусственного интеллекта / А. И. Геращен-ко, А. А. Беда // Правовая информатика. - 2025. - № 2. - С. 119-131. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-2-119-131 EDN: GIIWXF

3. Климова, О. В. Реализация конституционного права граждан на доступ к информации: содержание, пределы осуществления / О. В. Климова // Науч-ная Россия: теории, проблемы и вызовы: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием, Хабаровск, 09 ноября 2022 года. - Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023. - С. 36-41. EDN: MSACGT

4. Адаева, Е. Ю. Право на доступ к информации и его защита / Е. Ю. Адаева, Ю. С. Петрова // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. - 2025. - № 2(52). - С. 105-107. EDN: LILJBX

5. Машкович, Н. К. Способы защиты права на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления / Н. К. Машкович // Бизнес и общество. - 2024. - № 2(42). EDN: RBESPE

6. 6 Васильев, А. А. Право на информацию как основа доступа человека в сеть Интернет / А. А. Васильев, А. Е. Канакова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № S3(127). - С. 167-174. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.167-174 EDN: UTALSC

References:

1 Gromova, N. S. Access to information: issues of correlation of rights and obligations/N. S. Gromova, K. A. Krasyuk, V. P. Kivileva//Theory and practice of world science. – 2025. – № 9. - S. 12-14. – EDN AUZHCC.

2 Gerashchenko, A. I. Problems of exercising the right to access information in the context of the development of artificial intelligence technologies/A. I. Gerashchenko, A. A. Beda//Legal informatics. – 2025. – № 2. - S. 119-131. – DOI 10.24412/1994-1404-2025-2-119-131. – EDN GIIWXF.

3 Klimova, O. V. Realization of the constitutional right of citizens to access information: content, limits of implementation/O. V. Klimova//Scientific Russia: theories, problems and challenges: Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference with student participation, Khabarovsk, November 09, 2022. - Khabarovsk: Pacific State University, 2023. - S. 36-41. – EDN MSACGT.

4 Adaeva, E. Yu. The right to access information and its protection/E. Yu. Adaeva, Yu. S. Petrova//Bulletin of young scientists of Samara State University of Economics. – 2025. – № 2(52). - S. 105-107. – EDN LILJBX.

5 Mashkovich, N.K. Ways to protect the right to access information on the activities of state bodies and local self-government bodies/N.K. Mashkovich//Business and society. – 2024. – № 2(42). – EDN RBESPE.

6 Vasiliev, A.A. The right to information as a basis for human access to the Internet/A.A. Vasiliev, A.E. Kanakova//Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). – 2025. – № S3(127). - S. 167-174. – DOI 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.167-174. – EDN UTALSC.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_192

УДК 340

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ, ФОРМИРУЕМЫЕ ПРИ РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
STRATEGIC NATIONAL PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПОЛУЯНОВА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры специальной техники и информационных технологий
юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

POLUYANOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies
at the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 67E.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье рассмотрены положения ряда нормативных правовых актов, касающиеся стратегических национальных приоритетов, формируемых при развитии информационного общества в целях обеспечения национальных интересов Российской Федерации. Проанализированы основные вопросы формирования стратегических национальных приоритетов при развитии информационного общества в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.*

Abstract: *The article examines the provisions of a number of regulatory legal acts regarding strategic national priorities formed during the development of the information society in order to ensure the national interests of the Russian Federation. The main issues of forming strategic national priorities during the development of the information society in the penal system of the Russian Federation are analyzed.*

Ключевые слова: *информация, информационные технологии, информационное общество, информационное пространство, национальные приоритеты, национальные интересы, государственные органы, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.*

Keywords: *information, information technologies, information society, information space, national priorities, national interests, state bodies, and the penal system of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Полуянова Е.В. Стратегические национальные приоритеты, формируемые при развитии информационного общества Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 192-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_192.*

For citation*: Poluyanova E.V. Strategic national priorities formed in the development of the information society of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 192-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_192.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) провозглашено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (п. 1 ст. 7) [1]. Обеспечение достойной жизни человека и его свободное развитие в современном технологичном мире, безусловно, связано с информацией и информационными технологиями. Следует пояснить, что в соответствии с положениями ст. 71 Конституции РФ информация и информационные технологии, а также вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных находятся в ведении Российской Федерации (п. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ). В Российской Федерации в целях реализации внутренней и внешней политики в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на формирование национальной цифровой экономики необходимо создание и развитие информационного общества.

В 2014 году Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 утверждена государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (далее – государственная Программа РФ «Информационное общество»), уточним, что в Программу регулярно вносятся актуальные изменения, последняя редакция от 19.12.2025 [5]. В положениях документа отмечено, что приоритетами данной Программы являются: повышение благосостояния, качества жизни и работы граждан; повышение степени информированности и цифровой грамотности; обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; защита личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз; развитие искусственного интеллекта.

Позже, в 2017 году, Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы (далее – Стратегия) [3], правовую основу которой составляет Конституция РФ. Указанная Стратегия определяет задачи и цели обеспечения условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, направленного на развитие информационного общества, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов государства в данной сфере. Стратегия призвана способствовать обеспечению национальных интересов, включающих в себя: развитие человеческого потенциала, обеспечение безопасности граждан и государства, а также повышение роли государства в мировом гуманитарном и культурном пространстве. Кроме того положения Стратегии направлены на развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти и повышение эффективности государственного управления и формирование цифровой экономики.

Отметим, что понятие «информационное общество» не было представлено в государственной Программе РФ «Информационное общество», но нашло отражение в положениях Стратегии, которое сформулировано как общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан (пп. «г» п. 4 Стратегии). Кроме того, в Стратегии представлено понятие «информационное пространство» как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры (пп. «д» п. 4 Стратегии).

Вопросы, касающиеся стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, формируемых при развитии информационного общества рассматривались в научных работах ряда авторов, так Р.В. Гурфова и К.С. Шумахова анализируют развитие информационного общества в России и полагают, что информационное общество – это общество, в котором главным ресурсом является информация, и большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации и знаний и считают, что в нашей стране наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям актуальной является проблема интенсификации использования технологий, созданных на основе передовых знаний, а российское общество заинтересовано в получении информации, способствующей повышению интеллектуального и культурного уровня развития граждан страны [9, 37]. Н.В. Свиридова и Э.Ю. Балаян при рассмотрении конституционных гарантий свободы слова в информационном обществе в условиях цифровизации считают, что человечество получило безграничную свободу в цифровых ресурсах, забывая при этом, что неограниченная свобода не может быть безопасной.

В связи с этим необходимо соблюдение баланса между правом на свободу убеждений и обязанностями по соблюдению законности реализации данной свободы, баланса между личными правами и правами других, публичным порядком, интересами государства на условиях взаимной ответственности [11, 34].

Е.В. Ступаченко разбирает вопросы цифровизации организации прокурорской деятельности как необходимого условия функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества, рассуждает о развитии информационного общества и полагает, что в Российской Федерации в настоящее время информационное общество развивается активно, экономика все больше подвергается процессам цифровизации, информационные технологии повсеместно опосредуют взаимодействие органов публичной власти между собой и субъектами гражданского общества [12, 83]. С.Е. Фомина анализирует вопросы соблюдения прав человека в информационном обществе и полагает, что государство обязано устанавливать баланс между конкурирующими публичными и частными интересами, между правом на неприкосновенность частной жизни и интересами национальной безопасности, что необходимо определить критерии для установления баланса между конкурирующими публичными и частными интересами, между правом на неприкосновенность частной жизни и интересами национальной безопасности, а также анализ ситуации, касающейся реализации прав человека в международном и национальном правопорядках в условиях современного информационного общества [14, 154].

С.Р. Чеджемов и З.Т. Золоева в научной работе анализируют тенденции развития глобального информационного общества и считают, что в современном мире изменяются правовые стереотипы взаимоотношений между странами и народами, проявляются процессы правовой аккультурации и унификации за счет внедрения компьютерных технологий в социально-экономическую жизнь современных обществ и государств [15, 10]. Коллектив авторов Л.Н. Косова и Ю.А. Косова в своей научной статье рассматривают социальный аспект при формировании информационного общества в современной России и анализируют концепцию государственной политики формирования «информационного общества», а также практические результаты реализации государственной программы цифровой трансформации коммуникационных процессов и предоставления услуг населению органами государственной власти и обеспечения равных возможностей в их получении на всей территории страны и приходят к выводу, что формирование информационного общества может быть реализовано посредством обеспечения единого информационного пространства функционирования национальной социально-экономической системы [10, 69].

В Российской Федерации при развитии информационного общества обеспечиваются национальные интересы путем реализации национальных приоритетов, структурированных в соответствии с положениями п. 22 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 и представленных на рисунке 1.

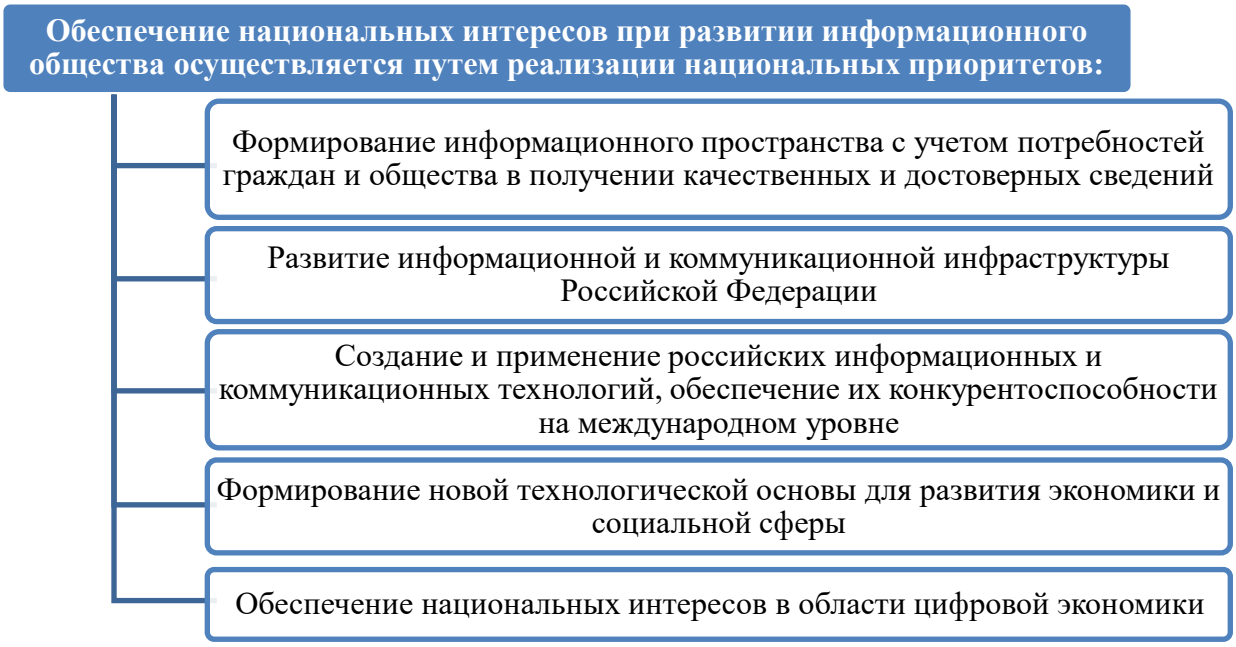

Рисунок 1. Обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества, осуществляемых путем реализации национальных приоритетов.

Первым национальным приоритетом при развитии информационного общества является формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений. Уточним, что доступность информации предполагает наличие возможности беспрепятственно получать информацию необходимую гражданам и обществу в целом. Так, положения п. 2 ст. 24 Конституции РФ провозглашают, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Кроме того, формирование информационного пространства включает право граждан на ознакомление с информацией о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, сформулированных положениями Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – Закон № 8-ФЗ) [2]. Уточним, что граждане могут осуществить возможность ознакомления, только в том случае, если им будет обеспечен соответствующий доступ к информации. Безусловно, в реализации данного права есть ограничения связанные с содержанием предоставляемой информации, так действие Закона № 8-ФЗ не распространяется на отношения, связанные с обеспечением доступа к персональным данным, обработка которых осуществляется данными органами, на порядок рассмотрения ими обращений граждан, а также на порядок предоставления информации в иные государственные органы, органы местного самоуправления об их деятельности в связи с осуществлением ими своих полномочий (ч. 5 ст. 2).

Следующим национальным приоритетом, формируемым при развитии информационного общества, являются вопросы создания, развития и применения информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии являются основой стратегического развития в современном мире в сфере управления ключевыми отраслями экономики, в сферах государственного управления, обороны страны и безопасности государства. Отметим, что в целях решения задач по научно-технологическому развитию государства Указом Президента от 15.03.2021 № 143 [4] утверждены меры по повышению эффективности государственной политики в области научно-технологического развития.

В данном документе сформулированы положения по подготовке и принятию решений, связанных с организацией и совершенствованием деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации государственной политики в области научно-технологического развития, включая важнейшие инновационные проекты государственного значения, федеральные научно-технические программы и национальные проекты по обеспечению технологического лидерства в части, касающейся кадрового и научного обеспечения их реализации, а также осуществление контроля за исполнением таких решений. Поясним, что по данным, представленным в государственной Программе РФ «Информационное общество» на основе официальной статистической информации с 2019 по 2024 год вклад ИТ-отрасли в валовый внутренний продукт за последние 5 лет увеличился почти в 2 раза, а объем реализации собственных продуктов – почти в 4 раза. За 5 лет инвестиции внутри отрасли выросли в 7,4 раза, достигнув 828 миллиардов рублей. При этом главными направлениями вложений являются: разработка программного обеспечения и расширение вычислительных мощностей для облачных сервисов и онлайн-платформ.

В процессе создания и развития информационного общества важными являются национальные приоритеты обеспечения конкурентоспособности информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации на международном уровне. В целях формирования системы взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества распоряжением Правительства РФ от 16.05.2025 № 1218-р утверждена Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации [6]. В положениях данной Концепции отмечено, что международное сотрудничество Российской Федерации в сфере науки и технологий является значимым фактором глобального научно-технологического развития страны, а также инструментом реализации национальных интересов в форме повышения влияния российской науки и расширения взаимовыгодного взаимодействия в мировом научном пространстве, направленным на научно-технологическое развитие и достижение технологического суверенитета государства (п. 5 Раздела I).

Следующими при развитии информационного общества являются принципы по формированию новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы, а также обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики. Основными задачами применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы и цифровой экономики являются: реализация проектов по повышению доступности качественных медицинских услуг, создание различных технологических платформ для дистанционного обучения, совершенствование механизмов предоставления финансовых услуг в электронной форме и обеспечение их информационной безопасности, развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций и государственных органов с сохранением возможности взаимодействия без применения информационных технологий, а также применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления.

Выражаем согласие с мнением В.С. Ускова, который в ходе анализа экономических и социальных перемен в процессе развития информационного общества полагает, что влияние информационно-коммуникационных технологий на социально-экономическое пространство носит глобальный характер, а скорость их распространения высока. Информационно-коммуникационные технологии широко используются в различных сферах социальной и производственной деятельности. Масштаб процесса информатизации определяет необходимость измерения влияния информационных процессов и информационно-коммуникационных технологий на развитие национальной экономики [13, 121].

Обеспечение национальных интересов при образовании информационного общества, осуществляется путем реализации национальных приоритетов во всех сферах деятельности государства, в том числе и уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС РФ). Повышение эффективности деятельности УИС РФ благодаря наличию информационного общества предусматривает совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала, а также повышение уровня открытости и создание положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы. Национальные приоритеты при развитии информационного общества и информационного пространства реализованы в УИС РФ путем формирования совокупности информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры.

Задачи по цифровой трансформации и научно-техническому развитию УИС РФ закреплены положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (далее – Концепция) [7]. Проведение цифровой трансформации УИС РФ и внедрение цифровых технологий предусматривает решение ряда задач, таких как: создание и внедрение единой информационной системы, обеспечивающей сквозную автоматизацию рабочих процессов, формирование баз данных по вопросам деятельности Службы, создание и развитие систем сбора и обработки данных и принятие решений на основе результатов применения искусственного интеллекта, создание единого защищенного управляемого информационного пространства, а также развитие научного потенциала уголовно-исполнительной системы, способствующего получению научных и научно-технических результатов высокого качества (Раздел XIV Концепции).

В заключение, рассматривая стратегические национальные приоритеты, формируемые при развитии информационного общества Российской Федерации следует сказать о реализации национальных интересов в данной сфере. При этом выделим ряд задач решаемых в процессе обеспечения национальных интересов в ходе развития технологических процессов, таких как: развитие человеческого потенциала и обеспечение безопасности граждан и государства, развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также повышение эффективности государственного управления, развитие экономики, социальной сферы и формирование цифровой экономики. Именно такую позицию высказал в ходе своего выступления 05.06.2026 на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума ПМЭФ-2026 Президент России В.В. Путин, который отметил, что важнейшим фактором глобальной трансформации является именно технологический прогресс. По словам В.В. Путина, эксперты выделяют три ключевые технологии сегодняшнего и завтрашнего дня, способные менять жизнь граждан, работу бизнеса, деятельность государства. Это - искусственный интеллект, который позволяет обрабатывать большие массивы данных, принимать оптимальные решения практически во всех сферах. Второе – это автономные системы, которые кардинально повышают производительность труда, меняют целые отрасли экономики. И наконец, третье - это платформенные решения, которые позволяют участникам рынка напрямую, в реальном времени и в автоматическом режиме обмениваться информацией и заключать сделки. Без этих технологий реальный суверенитет будет в принципе невозможен. Наличие собственной технологической базы принципиально важно для стран с большим населением, обширными территориями и самобытной культурой [8].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента Российской Федерации 15.03.2021 № 143 «О мерах по повышению эффективности государственной политики в области научно-технологического развития» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 19.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.05.2025 № 1218-р «Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Выступление Президента России В.В. Путина на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума 05.06.2026 году : URL : http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/79956?ysclid=mq6mc2h7ja596920378.
9. Гурфова Р. В. Шумахова К. С. Развитие информационного общества в России // Научные известия. 2019. № 15. С. 36-39.
10. Косова Л.Н., Косова Ю.А. Информационное общество в современной России, социальный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 8 (часть 1) С. 69-74.
11. Свиридова Н.В., Балаян Э.Ю. Конституционные гарантии свободы слова в информационном обществе в условиях цифровизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. N 6. С. 32 - 38.
12. Ступаченко Е.В. Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. N 9. С. 81 - 84.
13. Усков В.С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз Т. 15. № 2. С. 120 - 137.
14. Фомина С.Е. Права человека в информационном обществе // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2021. N 12. С. 154-163.
15. Чеджемов С.Р., Золоева З.Т. Глобальное информационное общество - зло или благо для человечества? // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. N 7. С. 10 – 14.

***References**:*

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 8-FZ of 09.02.2009 "On Ensuring Access to Information about the Activities of State and Local Government Bodies" // SPS «ConsultantPlus».
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017, "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // SPS ConsultantPlus.
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 143 dated March 15, 2021, "On Measures to Improve the Effectiveness of State Policy in the Field of Scientific and Technological Development" // SPS ConsultantPlus
5. 5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 dated 15.04.2014 (as amended on 19.12.2025) "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Information Society'" // SPS ConsultantPlus.
6. Order of the Government of the Russian Federation No. 1218-r dated 16.05.2025 "Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
7. 7. Order of the Government of the Russian Federation No. 1138-r dated 29.04.2021 "Concept of Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030" // SPS "ConsultantPlus".
8. 8. Speech by Russian President Vladimir Putin at the plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum on June 5, 2026: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/79956?ysclid=mq6mc2h7ja596920378.
9. Gurfova R. V. Shumakhova K. S. Development of the Information Society in Russia // Scientific News. 2019. No. 15. Pp. 36-39.
10. Kosova L.N., Kosova Yu.A. Information Society in Modern Russia, Social Aspect // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 8 (P. 1), p. 69-74.
11. Sviridova N.V., Balayan E.Yu. Constitutional Guarantees of Freedom of Speech in the Information Society in the Context of Digitalization // State Power and Local Self-Government. 2025. N 6. Pp. 32 - 38.
12. Stupachenko E.V. Digitalization of the Organization of Prosecutorial Activity as a Necessary Condition for the Functioning of Prosecutor's Offices in the Context of the Development of the Information Society // Administrative Law and Procedure. 2024. N 9. Pp. 81 - 84.
13. Uskov V.S. Development of the Information Society in the Russian Federation: Problems and Prospects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast Vol. 15. No. 2. Pp. 120 - 137.
14. Fomina S.E. Human Rights in the Information Society // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian Edition. 2021. N 12. Pp. 154 - 163.
15. Chedzhemov S.R., Zoloeva Z.T. Global Information Society - Evil or Good for Mankind? // State Power and Local Self-Government. 2022. N 7. Pp. 10 – 14.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_197

УДК 349.41

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
SUPPORT OF SUBSOIL USE THROUGH LAND LEGAL REGULATION

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: let_k@mail.ru,

LETYAGINA Ekaterina Aleksandrovna,
Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process, Law Institute Krasnoyarsk state agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
Email: let_k@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье проанализированы вопросы земельно-правового регулирования недропользования в Российской Федерации. Недра и недропользование выступают одним из приоритетных направлений развития нашего государства, обеспечивая ресурсную автономию нашей страны. По этой причине специализированное правовое регулирование недропользования имеет приоритетное значение по отношению к земельно-правовому. Такая позиция основывается на первичности права использования ресурсов недр по отношению к праву на пользование земельным участком, под которым расположены недра. В этой связи получение субъектом полномочий на недра должно корреспондироваться с объективной возможностью использования для этого соответствующего земельного участка. Однако это не абсолютный постулат, он подчиняется общеправовой логике, позволяющей в исключительных случаях установить сервитут, изъять земельный участок или перевести категорию земель из одной в другую для создания законных условий и обстоятельств недропользования. Более того, уполномоченные органы, предоставляя лицензию субъекту, должны учесть все важные обстоятельства для обеспечения реальной возможности такой деятельности, а вопросы охраны и защиты природной среды должны разрешаться и продумываться заблаговременно, еще до выдачи лицензии и в некоторых обстоятельствах препятствовать ее получению. Автор полагает, что на законодательном уровне в Земельном кодексе РФ и в Законе РФ «О недрах» необходимо четко установить обязанность муниципальных и государственных органов власти предоставлять земельные участки в аренду без торгов на основании предоставления полного пакета, в том числе и полученной лицензии, недропользователем. Также необходимо четко сформулировать такое основание изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд как недропользование в ст. 49 Земельного кодекса РФ.*

Abstract: *This article analyzes the land and legal regulation of subsoil use in the Russian Federation. Subsoil and subsoil use are a priority area for the development of our state, ensuring our country's resource autonomy. For this reason, specialized legal regulation of subsoil use takes precedence over land law. This position is based on the primacy of the right to use subsoil resources over the right to use the land plot under which the subsoil is located. Therefore, a subject's acquisition of subsoil authority must correspond to the objective possibility of using the corresponding land plot for this purpose. However, this is not an absolute postulate; it is subject to general legal logic, which allows, in exceptional cases, the establishment of an easement, the seizure of a land plot, or the transfer of land categories from one to another to create legal conditions and circumstances for subsoil use. Moreover, when granting a license to a subject, authorized bodies must take into account all relevant circumstances to ensure the feasibility of such activity. Environmental protection and conservation issues must be addressed and considered in advance, even before issuing a license, and in some circumstances, even prevent it from being obtained. The author believes that, at the legislative level, the Land Code of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation "On Subsoil" must clearly establish the obligation of municipal and state authorities to lease land plots without a tender, subject to the subsoil user's submission of a full package of documents, including the obtained license. It is also necessary to clearly articulate the basis for the seizure of a land plot for state and municipal needs, such as subsoil use, in Article 49 of the Land Code of the Russian Federation.*

Ключевые слова*: недра, недропользование, лицензирование, изъятие земель для государственных и муниципальных нужд, сервитут, аренда земельного участка, перевод земель из одной категории в другую, земли промышленности.*

Key words: *subsoil, subsoil use, licensing, land acquisition for state and municipal needs, easement, land lease, transfer of land from one category to another, industrial land.*

Для цитирования: *Летягина Е.А. Обеспечение недропользования посредством земельно-правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 197-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_197.*

For citation*: Letyagina E.A. Ensuring subsoil use through land-legal regulation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 197-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_197.*

Статья поступила в редакцию: 06.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Недра земли на сегодняшний день имеют огромное государственное значение, обеспечивая ресурсную независимость страны и общества. Именно поэтому правовое регулирования отношений по недропользованию имеет такую высокую актуальность, а его эффективность обуславливает результативную экономическую составляющую данного вида общественных отношений.

При этом недра располагаются под земной поверхностью на разном уровне. Кроме того, залежи различных полезных ископаемых могут располагаться под земельными участками разных категорий земель, что порождает необходимость применения разных отраслей национального законодательства.

В этой связи комплексный анализ правовых предписаний в области охраны и обеспечения использования недр представляется нам актуальным.

Таким образом, целью нашей работы выступает всесторонний системный анализ действующего законодательства на предмет особенностей правового регулирования отношений в сфере охраны и использования недр в нашем государстве.

Исследуя вопросы разработанности данной тематики, отметим, что она вызывает достаточный интерес у исследователей-правоведов.

В этой связи отметим работы Ефимцевой Т.В. о проблемных вопросах и путях решения в сфере недр и полезных ископаемых как объектах правового регулирования [1], В.В. Романовой, М.И. Клеандрова, Е.А. Наховой об актуальных задачах энергетического права и современной правовой науки [2], Лалетиной А.С. о проблемах законодательно установленных пределов усмотрения недропользователей, государства, землевладельцев (землепользователей) и владельцев инфраструктуры ТЭК в процессе эксплуатации ресурсов недр [3], Красильникова П.А. о нормативно-правовых аспектах комплексного природопользования и предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы [4], Агафонова В.Б. о тенденциях и перспективах развития законодательства о недрах [5], Галиновской Е.А. о роли права в обеспечении устойчивого природопользования [6], Ерыгина Д.А. о предоставлении прав на земельные участки в целях образования особо охраняемых геологических объектов [7]. Тишковой Е.И. об изменениях в правовом регулировании отношений по региональному геологическому изучению недр [8], Муштаковой Е.С. о предоставлении и использовании участков недр Арктической зоны Российской Федерации [9], Игнатьевой И.А. о концептуальных правовых вопросах снятия плодородного слоя почвы недропользователем [10], Бесланеевой М.С. по вопросам открытия месторождения полезных ископаемых и получение приоритетного права на него [11].

Конечно, данными исследованиями не исчерпываются все работы в этой сфере. Однако, мы привели наиболее весомые, интересные и относительно новые научно-исследовательские статьи, монографии, представляющие на наш взгляд научную значимость и ценность.

Вместе с тем, имеющиеся работы не раскрывают всей имеющейся проблематики вопроса, более того системных комплексных исследований правового регулирования недр и недропользования не так много.

Следовательно, полагаем, что наша работа обладает теоретической значимостью, так как систематизирует разноплановое отраслевое законодательство в этой области, что, несомненно, дополнит объем доктринальных исследований этой сферы общественных отношений.

Кроме того, сформулированные нами проблемы и пути их решения имеют практическое значение для правоприменительной деятельности и дальнейшего нормотворчества в этой области.

Новизна исследования определяется актуализацией задач, которые стоят перед законодателем на текущем этапе развития общественных отношений в сфере недр и недропользования.

Особенностью недр и недропользования выступает то, что правовое регулирование этих отношений регулируется различными отраслями национального законодательства, а значит носит межотраслевой характер и зависит от категории земель, под которой расположены соответствующие недра.

При этом обозначим методологическую системную связь земельного права со специализированным законодательством о недрах, в котором мы встречаем положения земельно-правового характера. Однако законодатель так или иначе пошел по пути специализации правовых предписаний в области недр и недропользования, переместив отдельные положения из Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ), в Закон РФ «О недрах» [12], в частности п. 4 ст. 88 ЗК РФ трансформировался в положения ст. 25.1 Закона РФ «О недрах».

Такие действия нормотворцев свидетельствуют о поиске оптимальной модели регулирования приобретения и утраты прав на недра, непосредственно связанные с землей, но все же обособленные от нее в правовом пространстве.

О важности и специфичности правового регулирования недр и недропользования, свидетельствует и отдельный раздел ЗК РФ, посвященный данной сфере общественных отношений.

Отметим, что категория земель, которая представляет наибольшее число возможностей для недропользователей – это земли промышленности и иного специального назначения. Соответственно, процесс недропользования и строительство необходимой для этой деятельности инфраструктуры должны определять выбор земли нужной категории.

Кроме того, и специализированный нормативный правовой акт - Закон РФ «О недрах», и ЗК РФ устанавливают, что земельные участки (далее - ЗУ) предоставляются без проведения торгов особому субъекту – недропользователю, приобретающему такое специальное правовое положение в связи с предоставлением ему лицензии, т.е. до получения ЗУ в аренду.

Какие-то дополнительные требования ЗК РФ для недропользователя не определяет, однако, в соответствии с подзаконным документом - приказом Росреестра от 2.09.2020 № П/0321 [13] приобретатель права аренды на такой ЗУ должен пройти все стадии подготовки и утверждения соответствующего пакета документов, требуемого для осуществления деятельности по недропользованию. В частности, к таким документам относится: различная документация по проекту такой деятельности; госзадание либо госконтракт по геологическому изучению недр.

При это отметим, что муниципальные и государственные органы при обращении недропользователя с соответствующими документами не вправе осуществлять торги по ЗУ, который необходимо предоставить. Более того, отказ недропользователю возможет только по общим основаниям, доминирующим из которых является непредставление полного пакета документов недропользователем. Однако на практике все складывается не так однозначно. Здесь обозначим следующую проблему. Так, по сути, в действующем правовом пространстве отсутствует четко зафиксированная обязанность предоставить определенный ЗУ недропользователю, что порождает многочисленные судебные разбирательства между недропользователями и органами, наделенными полномочиями по передаче ЗУ, что, в конечном итоге, значительно увеличивает временные сроки реализации лицензии, полученной недропользователем.

По этой причине считаем, что на законодательном уровне в ЗК РФ и в Законе РФ «О недрах» необходимо четко установить обязанность муниципальных и государственных органов власти предоставлять ЗУ в аренду без торгов на основании полного пакета, в том числе и полученной лицензии, недропользователем.

Важность и особое значение недропользования последовательно реализовано законодателем и при необходимости задействовать для

этого ЗУ, принадлежащие на праве частной собственности физическим и юридическим лицам. В частности, такие ЗУ могут быть изъяты для государственных или муниципальных нужд в установленном законом порядке, при несогласии собственника передать его недропользователю на договорных условиях. Такие действия возможны, поскольку перечень оснований изъятия, сформулированный в ст. 49 ЗК РФ, имеет открытый характер. Более того, специальная норма ст. 25.1 Закона РФ «О недрах» предусматривает самостоятельное основания изъятия ЗУ, в том числе и лесных, если они нужны для использования недр, размещенных под их поверхностью. В любом случае в основе таких действий уполномоченных муниципальных или государственных органов власти лежит лицензия, полученная недропользователем.

Обозначим, что при осуществлении изъятия ЗУ с последующей передачей его недропользователю по своей сути речь не идет о реализации государственных или муниципальных потребностей напрямую. Однако, судебные органы при рассмотрении споров об изъятии преимущественно в своих решениях фиксировали, что такие действия (изъятие) обеспечивают интересы страны и общества в достижении бесперебойного получения полезных ископаемых, в том числе и энергетических ресурсов, таких как нефтепродукты и т.п., добыча которых осуществляется силами коммерческих организаций на основании лицензии недропользователей. Однако встречается и другая практика, и при оспаривании действий уполномоченных органов, суд не всегда признает законным изъятие ЗУ для недропользования, считая, в отдельных случаях речь идет о получении коммерческой выгоды частными субъектами, функционирование которых только опосредованно служит интересам государства и общества.

Мы же полагаем, что недропользование юридически синхронизировано с обеспечением интересов страны в получении необходимых для развития ресурсов, залегающих в недрах. В этой связи для устранения обозначенной проблемы, полагаем для избегания спорных и неоднозначных ситуаций на практике необходимым четко сформулировать соответствующее основание изъятия ЗУ для государственных и муниципальных нужд в ст. 49 ЗК РФ.

Отметим, что законодатель предусмотрел и механизм перевода земель из одной категории в другую в случаях, когда недра расположены под землями, имеющими правовой статус, исключающий возможность недропользования. В частности, в соответствии со ст. 7 ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [14] земли сельхозназначения могут быть переведены в другую категорию в определенных ситуациях, одной из которых именуется добыча полезных ископаемых при наличии утвержденной документации по рекультивации земли. Также земли лесов с защитными насаждениями, или земли в составе таких ЗУ, если отсутствует возможность размещения объектов, необходимых для недропользования, в другом месте, также могут изменить категорию. Такие же возможности с 2014 года предоставлены и по отношению к землям запаса на основании ФЗ № 171 [15]. Такое последовательное законодательное регулирование еще раз подчеркивает приоритетность для государства деятельности по недропользованию, как экономической основы жизнедеятельности государства.

В заключении обозначим некоторые важные, на наш взгляд, выводы.

Правовое регулирование недропользования имеет приоритетное значение по отношению к земельно-правовому. Такая позиция основывается на первичности права использования ресурсов недр по отношению к праву на использование ЗУ, под которым расположены соответствующие недра. В этой связи получение субъектом полномочий на пользования частью недр должно корреспондироваться с объективной возможностью использования для этого соответствующего ЗУ.

Однако это не абсолютный постулат, он подчиняется общеправовой логике, позволяющей в исключительных случаях установить сервитут, изъять ЗУ или перевести категорию земель из одной в другую для создания законных условий и обстоятельств пользования ЗУ. Эти действия исходят из исключительности ситуации по недропользованию, не позволяющей объективно осуществлять добычу соответствующих полезных ископаемых в другом месте. Более того, уполномоченные органы, предоставляя лицензию субъекту, должны учесть эти и другие важные обстоятельства для обеспечения реальной возможности такой деятельности. Соответственно, вопросы охраны и защиты биоресурсов, природной среды, сохранения этих объектов должны разрешаться и продумываться заблаговременно еще до выдачи лицензии, а в некоторых обстоятельствах и препятствовать ее получению.

Более детальная правовая регламентация нормативных предписаний позволила бы разрешить спорные ситуации, возникающие на практике. По этой причине считаем, что на законодательном уровне в ЗК РФ и в Законе РФ «О недрах» необходимо четко установить обязанность муниципальных и государственных органов власти предоставлять ЗУ в аренду без торгов на основании полного пакета, в том числе и полученной лицензии, недропользователем. А также необходимо четко сформулировать такое основание изъятия ЗУ для государственных и муниципальных нужд как недропользование в ст. 49 ЗК РФ.

Список литературы:

1. Ефимцева, Т.В. Недра и полезные ископаемые как объекты правового регулирования: проблемные вопросы и пути их решения / Т.В. Ефимцева // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. - 2025. - № 1. - С. 22-34. DOI: 10.61525/S0034283-1 EDN: PIIFMD

2. Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки / В.В. Романова, М.И. Клеандров, Е.А. Нахова [и др.]. - Москва : Автономная некоммерческая организация "Научно-исследовательский "Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Муси-на", 2024. - 400 с. DOI: 10.61525/978-5-6050667-8-1 ISBN: 978-5-605-06678-1 EDN: VAGDEK

3. Лалетина, А.С. Проблема законодательно установленных пределов усмотрения недропользователей, государства, землевладельцев (землепользователей) и владельцев инфраструктуры ТЭК в процессе эксплуатации ресурсов недр / А.С. Лалетина // Закон и право. - 2025. - № 8. - С. 125-134. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-125-134 EDN: GBWZNC

4. Красильников, П.А. Нормативно-правовые аспекты комплексного природопользования и предложения по совершенствованию нормативно правовой базы / П.А. Красильников, Р.В. Симонова, А.В. Татаркин // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. - 2025. - № 1(37). - С. 13-22. DOI: 10.25587/2587-8751-2025-1-13-22 EDN: JRULUA

5. Агафонов, В.Б. Тенденции и перспективы развития законодательства о недрах / В.Б. Агафонов // Минеральные ресурсы России. Экономи-ка и управление. - 2022. - № 2(177). - С. 59-66. EDN: BYEZYN

6. Галиновская, Е.А. Роль права в обеспечении устойчивого природопользования (обзор Международной научно-практической конференции, октябрь 2024) / Е.А. Галиновская, Р.В. Никонов, М.В. Пономарев // Черные дыры в Российском законодательстве. - 2024. - № 4. - С. 64-77. EDN: HCBDYA

7. Ерыгин, Д.А. Предоставление прав на земельные участки в целях образования особо охраняемых геологических объектов / Д.А. Ерыгин // Журнал российского права. - 2025. - Т. 29, № 5. - С. 162-175. DOI: 10.61205/S160565900031914-9 EDN: GUONZD

8. Тишкова, Е.И. Изменения в правовом регулировании отношений по региональному геологическому изучению недр / Е.И. Тишкова // Мине-ральные ресурсы России. Экономика и управление. - 2024. - № 2(187). - С. 67-74. EDN: UCGNEY

9. Муштакова, Е.С. Предоставление и использование участков недр Арктической зоны Российской Федерации / Е.С. Муштакова // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 3. - С. 89-95. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_89 EDN: RTYQNA

10. Игнатьева, И.А. Снятие плодородного слоя почвы недропользователем: концептуальные правовые вопросы / И.А. Игнатьева // Экологиче-ское право. - 2024. - № 2. - С. 16-21. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-2-16-21 EDN: NNQIZG

11. Бесланеева, М.С. Открытие месторождения полезных ископаемых и получение приоритетного права на него: закон и практика / М.С. Бесланеева // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. - 2024. - № 1(186). - С. 58-68. EDN: HCOOLX

12. Закон РФ от 21.02.1992 №2395-1 "О недрах": [Электронный ресурс] // Справочная система "Консультант плюс". Законодательство (дата обращения 5.05.2026).

13. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 2.09.2020 № П/0321 "Об утверждении перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов": [Электронный ресурс] // Справочная система "Кон-сультант плюс". Законодательство (дата обращения 5.05.2026).

14. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую": [Электронный ресурс] // Справочная система "Консультант плюс". Законодательство (дата обращения 5.05.2026).

15. Федеральный закон от 23.06.2014 №171-ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ": [Электронный ресурс] // Справочная система "Консультант плюс". Законодательство (дата обращения 5.05.2026).

References:

[1] Efimtseva, T.V. Subsoil and mineral resources as objects of legal regulation: problematic issues and ways of their solution / T.V. Efimtseva // Bulletin of the V.A. Musin Law Center. - 2025. - No. 1. - pp. 22-34.

[2] Actual tasks of energy law and modern legal science / V.V. Romanova, M.I. Kleandrov, E.A. Nakhova [et al.]. – Moscow: Autonomous Non-Commercial Organization "Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musin", 2024. – 400 p.

[3] Laletina, A.S. The Problem of Legislatively Established Limits of Discretion of Subsoil Users, the State, Landowners (Land Users) and Owners of Fuel and Energy Complex Infrastructure in the Process of Subsoil Resource Exploitation / A.S. Laletina // Law and Right. – 2025. – No. 8. – pp. 125-134.

[4] Krasilnikov, P.A. Regulatory Aspects of Integrated Nature Management and Proposals for Improving the Regulatory Framework / P.A. Krasilnikov, R.V. Simonova, A.V. Tatarkin // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Earth Sciences. - 2025. - No. 1 (37). - pp. 13-22.

[5] Agafonov, V.B. Trends and Prospects for the Development of Subsoil Legislation / V.B. Agafonov // Mineral Resources of Russia. Economics and Management. - 2022. - No. 2 (177). - pp. 59-66.

[6] Galinovskaya, E.A. The Role of Law in Ensuring Sustainable Nature Management (review of the International Scientific and Practical Conference, October 2024) / E.A. Galinovskaya, R.V. Nikonov, M.V. Ponomarev // Black Holes in Russian Legislation. - 2024. - № 4. – pp. 64-77.

[7] Erygin, D.A. Granting Rights to Land Plots for the Purpose of Forming Specially Protected Geological Objects / D.A. Erygin // Journal of Russian Law. – 2025. – Vol. 29, № 5. – pp. 162-175.

[8] Tishkova, E.I. Changes in the Legal Regulation of Relations on Regional Geological Study of Subsoil / E.I. Tishkova // Mineral Resources of Russia. Economy and Management. – 2024. – № 2(187). – pp. 67-74.

[9] Mushtakova, E.S. Granting and Use of Subsoil Plots in the Arctic Zone of the Russian Federation / E.S. Mushtakova // Agrarian and Land Law. – 2025. – № 3. – pp. 89-95.

[10] Ignatyeva, I.A. Removal of the fertile soil layer by a subsoil user: conceptual legal issues / I.A. Ignatyeva // Environmental law. - 2024. - No. 2. - pp. 16-21.

[11] Beslaneyeva, M.S. Discovery of a mineral deposit and obtaining a priority right to it: law and practice / M.S. Beslaneyeva // Mineral resources of Russia. Economy and management. - 2024. - No. 1 (186). - pp. 58-68.

[12] Law of the Russian Federation of 21.02.1992 No. 2395-1 "On Subsoil": [Electronic resource] // Reference system "Consultant Plus". Legislation (date of access 5.05.2026).

[13] Order of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography dated September 2, 2020 No. P/0321 “On approval of the list of documents confirming the applicant’s right to acquire a land plot without an auction”: [Electronic resource] // Reference system “Consultant Plus”. Legislation (date of access May 5, 2026).

[14] Federal Law of 21.12.2004 No. 172-FZ "On the transfer of lands or land plots from one category to another": [Electronic resource] // Reference system "Consultant Plus". Legislation (date of access 5.05.2026).

[15] Federal Law of 23.06.2014 No. 171-FZ “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation": [Electronic resource] // Reference system “Consultant Plus”. Legislation (date of access 5.05.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_201

УДК 347.94

ПРИНЦИП ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ И ОБЪЕКТА СУДЕБНОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
THE PRINCIPLE OF FUNCTIONALITY IN DEFINING THE OBJECT OF LAND LEGAL RELATIONS AND THE OBJECT OF FORENSIC LAND SURVEYING EXPERTISE

ПАРХОМЕНКО Дарья Васильевна,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия).
630099, Россия, г. Новосибирск, Каменская ул., 52/1.
E-mail: dara8@inbox.ru;

PARKHOMENKO Daria V.,
Novosibirsk State University of Economics and Management, Ph.D.,
Associate Professor of the Administrative, Financial and Corporate Law Department (Novosibirsk, Russia).
52/1 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia.
E-mail: dara8@inbox.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье рассматривается принцип возможности эксплуатации пространственного объекта по назначению как принцип функциональности. Сущность обозначенного принципа и его применение в отношении объектов судебной землеустроительной экспертизы тесно связано с экологическими принципами рационального использования природных ресурсов. В первую очередь он распространяется на объекты земельных отношений, а также – на иные объекты, которые относятся к объектам судебной землеустроительной экспертизы, например, неразграниченные земли, зоны с особыми условиями использовании территории и иные. В этом случае становится логичным определение в качестве объектов земельных отношений те объекты, учет которых ведется в реестре границ Единого государственного реестра недвижимости. Автор предлагает выделять обозначенный подход в качестве одного из подходов к объектам земельных отношений, наряду с существующим в науке подходом исходя из видовых и непосредственных объектов отношений.*

Abstract. *This article examines the principle of functionality, understood as the possibility of using a spatial object for its intended purpose. This principle and its application to objects of forensic land surveying expertise are closely linked to the environmental principles of rational natural resource use. Primarily, it applies to objects of land relations, as well as to other objects that fall within the scope of forensic land surveying expertise, such as undifferentiated lands, zones with special land use conditions, and others. In this case, it is logical to define as objects of land relations those objects that are recorded in the boundary register of the Unified State Register of Real Estate. The author proposes treating this approach as one of the approaches to objects of land relations, in addition to the existing academic approach based on the classification of objects into generic and immediate categories.*

Ключевые слова: *доказывание, судебная землеустроительная экспертиза, функциональность, объект правоотношений, объект земельных правоотношений.*

Key words: *evidence, forensic land surveying expertise, functionality, object of legal relations, object of land legal relations.*

Для цитирования: *Пархоменко Д.В. Принцип функциональности в определении объекта земельного правоотношения и объекта судебной землеустроительной экспертизы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 201-203. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_201.*

For citation*: Parkhomenko D.V. The principle of functionality in defining the object of land legal relations and the object of forensic land surveying expertise // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 201-203. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_201.*

Статья поступила в редакцию: 28.03.2026

Одним из принципов земельного права, установленных в статье 1 Земельного кодекса Российской Федерации, является принцип рационального использования земель. Он перекликается с этим же принципом, раскрываемым в статье 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации постольку, поскольку с точки зрения национального права его основы лежат в плоскости конституционного принципа обеспечения права на благоприятную окружающую среду, а с точки зрения международного права закрепляются рядом международных документов. Примерами являются Декларация по окружающей среде, принятая в г. Стокгольм 16 июня 1972 года, Декларация по окружающей среде и развитию, принятая в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 года и другие документы.

Целью настоящей статьи ставится рассмотрение подхода к определению объекта земельных отношений и объекта судебной землеустроительной экспертизы через призму признака функциональности. Задачами, которые направлены на достижение обозначенной цели, выступают: определение признака функциональности и рассмотрение объектов обозначенных правоотношений через указанный признак.

Все с они признают необходимость разумного (рационального) использования природных ресурсов. Под ним следует понимать, во-первых, неистощительную эксплуатацию, во-вторых, незатрудняющую хозяйствование и использование (для земель), в-третьих, его сопряженность с охраной ресурсов, и в-четвертых, обеспечение их сохранение [1, с. 63]. В контексте земельного права, как части экологического права и как самостоятельной отрасли, выделяют, кроме того, рациональное использование и управление земельным фондом [2, с. 172], а также экологически и организационно-технологически возможное, социально и экономически наиболее эффективное использование.

Автор настоящей статьи обращает внимание на последний технико-ориентированный подход, подразумевающий интерпретацию рациональности использования земель через функциональность их использования.

Так, разъясняя отдельные положения об определении размеров земельного участка, формируемого под объектом капитального строительства, суды указывают на следующее: определение границ и площади земельного участка должно производиться исходя из необходимости обеспечить функциональное использование расположенного на нем здания или сооружения, при том, что размер земельного участка, предо-

ставленного для строительства объектов недвижимости, может не совпадать с размером земельного участка, необходимого для эксплуатации этих объектов, поскольку данные цели различны (Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 935-О[1], Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 №26-КГПР23-4-К5[2]).

Положения о принципе функциональности относятся, в первую очередь, к вопросу о размере земельного участка, что логично вытекает из принципа единства судьбы земельного участка и объектов капитального строительства на нем. Но эта же тенденция сохраняется при выявлении функциональной связи между объектами, расположенными на разных земельных участках[3] и даже на разных территориях.

Таким образом, из практики судебной землеустроительной экспертизы, как одной из технических составляющих применения земельного права, можно определить принцип функциональности использования объекта исследования. Под ним можно понимать возможность эксплуатации объекта по назначению обоснованным и наиболее эффективным способом (с экологической, экономической, технической точки зрения и с точки зрения организации геопространства вокруг него).

Обозначенное следует интерпретировать следующим образом:

1. Объект землеустроительной экспертизы предполагает возможность его анализа на предмет использования в рамках земельных и градостроительных отношений. Таким объектом может быть земельный участок или его часть, объект капитального строительства или его части (например, жилой блок в доме блокированной застройки, имеющий статус квартиры), а также пространственный объект, как имеющий, так и не имеющий закрепление на местности: неразграниченные земли и территории, включая территориальные зоны, зоны с особыми условиями использования территории и иные объекты, включенные в реестр границ Единого государственного реестра недвижимости.

2. Эффективность эксплуатации не всегда является критерием, который можно выразить в числовом значениях. Так, Верховный суд Российской Федерации отмечает[4], что сервитут должен устанавливаться способом, наиболее удобным и наименее обременительным для собственника или для общества. Но не всегда занимаемая сервитутом площадь земельного участка или неразграниченных земель является единственным критерием обременительности. Ими могут стать мера безопасности (путь не может быть проложен ввиду возможности схода снега на планируемый вариант сервитута), защиты редких ресурсов (часть не может быть обременена сервитутом ввиду изменения экосистемы на сложившейся территории) и другое.

То есть функциональность в данном случае – это анализ совокупности факторов, один из которых может быть ключевым. К ним могут относиться:

– экологический фактор – установление новых отношений не повлечет утраты сложившихся экологических показателей среды или улучшит их состояние;

– экономический фактор – извлечение предпринимательской выгоды при установлении отношений улучшит положение одной из сторон, при этом не ухудшив положение другой. Примером этого может являться возможность осуществления перераспределения частных земель и земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности;

– технический фактор – эксплуатация объекта по назначению может реализовываться только в случае формирования определенных отношений;

– фактор организации геопространства – определенные отношения формируются исходя из необходимости создания жизнеобеспечивающей, инфраструктурной и иных пространственных составляющих.

Анализируя обозначенные факторы также следует прийти к выводу, что вопрос о функциональности объекта всегда лежит в основе производства землеустроительной экспертизы. Любой вопрос, который суд или уполномоченный орган ставит перед экспертом этого направления, всегда связан с возможностью реализации функционирования объекта по назначению в той или иной мере.

Таким образом, автор считает, что определение объекта землеустроительной экспертизы связано с его функциональностью.

В этом контексте представляет интерес возможность переноса этого качества в плоскость земельного права. Так, определение самостоятельного объекта является одним из условий выделения земельного права как самостоятельной отрасли права; объект является тем, на что направлена деятельность субъекта [3, с. 165]. На сегодняшний день к объектам земельных отношений отнесены: земля как природный ресурс, земельный участок и его часть (согласно статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации).

Традиционно эти объекты интерпретировались в некотором смысле как «земля», «ресурс», которые, однако, выполняют разные функции:

– земля как природный ресурс является, в первую очередь, объектом охраны,

– земельный участок – объект гражданского оборота,

– часть земельного участка – объект ограничений и обременений.

Данный подход можно было считать завершенным до времени включения в Земельный кодекс Российской Федерации главы XIX «Зо-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 935-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 №26-КГПР23-4-К5[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 августа 2011 г. по делу №А46-15250/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[4] Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.

ны с особыми условиями использования территорий»[1]. Это явление не было новым, но в Земельном кодексе впервые был приведен закрытый перечень этих объектов.

При этом в науке земельного права есть сложившееся мнение по поводу того, как зонирование территории соотносится объектами земельного права. Подробно и системно этот вопрос освещен в монографии Н. Н. Мельникова [4]. Указанный труд имеет предметом глубокую проработку ряда общественных отношений, объектов и носит важный теоретико-практический характер. Автор относит зоны с особыми условиями использования территорий в первую очередь к территориям как явлению, хотя и не поименованном в законе, но объединяющему ряд схожих правовых отношений (обозначенные ЗОУИТ, территориальные зоны и другое), задачами которой является установление правовых режимов и которые являются инструментом для управления земельным фондом. Он называет их видовыми объектами, подобными категориям земель. Кроме того, Н. Н. Мельников [4] указывает на то, что «земельный участок необходимо рассматривать в качестве части определенного видового объекта. Земельному участку присущ признак принадлежности, и его режим носит придаточный характер и следует судьбе режима видового объекта». Следовательно, в некотором смысле для земельных отношений видовые объекты являются в некотором смысле первичными, тогда как обозначенные в статье 6 объекты являются «вторичными».

Но выделение функциональности использования объекта в самостоятельный критерий идет иным путем. Если именно функциональность лежит в основе определения объекта как такового, то к ним можно отнести в равной мере и объекты, перечисленные в ст. 6 Земельного кодекса, которые в буквальном смысле могут быть определены на местности, и неразграниченные земли, и все те территории (в терминологии Н. Н. Мельникова [4]), которые должны отражаться в реестре границ Единого государственного реестра недвижимости.

Таким образом, можно заметить, что принцип, обозначенный в настоящей работе как функциональность, заложен в основу объектов реестра объектов недвижимости (государственного кадастра недвижимости) и реестра границ Единого государственного реестра недвижимости. Этот реестр имеет как правовые, так и технические предпосылки возникновения, а кроме того, как отечественные, так и зарубежные принципы в основе его ведения.

Автор настоящей статьи не считает единственным возможным подход к объектам земельных отношений с точки зрения критерия функциональности, а лишь допускает его как один из способов интерпретации.

Проводя сравнение объектов земельного права и судебной землеустроительной экспертизы, следует выявить, что второе является более широким явлением, и включает в себя и объекты земельного права, и объекты градостроительного права, и объекты кадастровой деятельности, учетно-регистрационных отношений, - но все они могут быть объединены признаком функциональности.

В заключение следует сделать выводы:

1) объектом землеустроительной экспертизы является пространственный объект, имеющий самостоятельное функциональное назначение. Именно его функциональность идентифицирует его и лежит в основе ответов судебного эксперта на вопросы суда и иных уполномоченных органов;

2) принцип функциональности пространственного объекта также может рассматриваться как основополагающий фактор для определения объекта земельных отношений наряду с существующим подходом к видовым и непосредственным объектам. Тогда зоны с особыми условиями использования территории, территориальные зоны и иные объекты, учитываемые в реестре границ ЕГРН, могут рассматриваться как объекты земельных отношений.

Список литературы:

1. Лунева Е. В. Рациональное использование природных ресурсов: понятие и правовые критерии // Lex Russica/ № 8 (129) август 2017. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.061-072
2. Жарников В. Б. Рациональное использование земель и основные условия его реализации // Вестник СГУГиТ, Том 22, № 3, 2017. С. 171-179.
3. Гиззатуллин Р. Х. Земельное право в системе российского права // Правовое государство: теория и практика. № 4 (58) 2019. С. 164-171.
4. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

References:

1. Luneva E. V. Rational use of natural resources: concept and legal criteria // Lex Russica/ No. 8 (129) August 2017. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.061-072
2. Zharnikov V. B. Rational use of lands and the main conditions for its implementation // Bulletin of the SSUGiT, Volume 22, No. 3, 2017. pp. 171-179.
3. Gizzatullin R. H. Land law in the system of Russian law // The rule of law: theory and practice. No. 4 (58) 2019. pp. 164-171.
4. Melnikov N.N. Objects of land legal relations: a monograph. Moscow: INFRA-M, 2024. 302 p. [Electronic resource]. Access from the help.-legal system "ConsultantPlus"

[1] Федеральный закон от 03.08.2018 N 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ. 2018, №32 (Часть II). С. 5135.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_204

УДК 349

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РЕКЛАМЫ
LEGAL REGIME OF INDIVIDUAL ADVERTISING ELEMENTS

КОТ Марина Константиновна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета.
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, 443090, Россия.
E-mail: mkroz@mail.ru

KOT Marina Konstantinovna
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of Economic Activities of the Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii St., Samara, 443090, Russia.
E-mail: mkroz@mail.ru

***Краткая аннотация**: В настоящей статье автором рассмотрены особенности правовых режимов отдельных элементов, входящих в состав рекламы, понимаемой в качестве сложного объекта правовой охраны, выступающего результатом интеллектуальной деятельности. Проанализированы правовые режимы и проблемы охраноспособности таких элементов, как слоган, дизайн упаковки и рекламный дизайн, видеоизображения (видеоролики). Автором сделан вывод о том, что с учетом современной правоприменительной практики субъекты рекламных отношений должны учитывать при создании рекламного продукта особенности правовой защиты каждого из применяемых элементов.*

***Abstract:** In this article, the author considers the peculiarities of the legal regimes of individual elements included in advertising, understood as a complex object of legal protection, which is the result of intellectual activity. Analyzed legal regimes and problems of security of elements such as slogan, packaging design and advertising design, video images (videos). The author concluded that, taking into account modern law enforcement practice, subjects of advertising relations should take into account the specifics of the legal protection of each of the applied elements when creating an advertising product.*

***Ключевые слова**: реклама, авторские права, слоган, дизайн упаковки, правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, рекламный продукт.*

***Key words:** advertising, copyright, slogan, packaging, legal protection of intellectual activity results, advertising product.*

***Для цитирования:** Кот М.К. Правовой режим отдельных элементов рекламы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 204-206. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_204.*

***For citation**: Kot M.K. Legal regime of individual advertising elements // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 204-206. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_204.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Реклама как сложный объект интеллектуальной собственности (ст. 1259, 1263, 1477, 1352 ГК РФ) состоит из отдельных элементов, каждый из которых может (или не может) получать самостоятельную правовую охрану. Правовой режим этих элементов определяет возможность их защиты от копирования, модификации и незаконного использования в конкурентной среде. Основные проблемы возникают при разграничении авторского права, права на товарный знак, промышленного образца и случаев, когда элемент вообще не охраняется (отсутствие оригинальности, функциональность, краткость). Рассмотрим каждый из элементов рекламного продукта в отдельности. Начнем со слогана.

Слоган (рекламный лозунг) представляет собой краткое, выразительное и запоминающееся словесное обозначение, предназначенное для формирования положительной ассоциации потребителя с конкретным товаром, услугой или брендом. Наименование в рекламном контексте - это название товара, линейки продукции или услуги (например, «Актимель», «Имунеле» или «Twix»), которое также служит средством индивидуализации. Оба элемента рекламы могут охраняться в двух самостоятельных, но взаимодополняющих режимах: как объекты авторского права (ст. 1259 ГК РФ) и как средства индивидуализации (товарные знаки по ст. 1477–1483 ГК РФ). Выбор режима определяет объем защиты, срок действия и возможности принудительного осуществления прав.

Слоган (краткая рекламная фраза) и наименование (название товара, услуги или кампании) могут охраняться в двух основных режимах.

Во-первых, он может охраняться как объект авторского права (ст. 1259 ГК РФ). Слоган признаётся литературным произведением, если обладает оригинальностью и творческим характером (п. 1 ст. 1256, Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019[1]). Охраняется с момента создания в объективной форме (письменной или устной). Примером подобного могут служить сложные, образные слоганы, как то: «Мир в твоей тарелке» или авторские поэтические конструкции.

Во-вторых, слоган не охраняется авторским правом (п. 5 ст. 1259 ГК РФ) в тех случаях, когда:

- слоган или наименование носит описательный характер («Лучшее молоко», «Свежие продукты каждый день»);

- обозначение вошло во всеобщее употребление или состоит из общепринятых терминов;

- отсутствует регистрация как товарного знака и не доказана оригинальность для авторского права;

- нарушены относительные основания (сходство до степени смешения с ранее зарегистрированными знаками для однородных товаров/услуг).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 79 и связанные с ним разъяснения) прямо указывает, что объектами авторского права могут быть «названия произведений, фра-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»

зы, словосочетания и иные части произведения», обладающие признаками творчества и выраженные в объективной форме. Идеи, методы, процессы, концепции или общеизвестные выражения охране не подлежат.

Охрана возникает автоматически с момента создания произведения в объективной форме (текстовый документ, аудиозапись, публикация). Для служебных произведений (созданных сотрудником в рамках трудовых обязанностей) исключительное право принадлежит работодателю при условии надлежащего оформления (ст. 1295 ГК РФ: выплата вознаграждения, фиксация в должностной инструкции или отдельном соглашении). При создании по заказу права передаются по договору об отчуждении исключительных прав или лицензионному договору (ст. 1285-1288 ГК РФ).

Однако на практике защита коротких слоганов авторским правом крайне затруднительна. Суды требуют доказывания существенной творческой составляющей, что для фраз из 3-7 слов редко удается. Классическим примером неудачной защиты является дело ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания» против ООО «Данон-Индустрия» (Постановление ФАС Московского округа от 19.01.2010 по делу № А40-87800/09-110-529).[1] Истец утверждал авторские права на слоган «В подарок вашему иммунитету» (использовался в рекламе йогурта «Имунеле») и требовал запрета использования ответчиком аналогичного слогана «Подарок вашему иммунитету» в рекламе «Актимель», а также компенсации и изъятия продукции. Все инстанции (Арбитражный суд г. Москвы, 10-й апелляционный арбитражный суд и кассация) отказали в иске. Суды квалифицировали слоган как не обладающий творческим характером, не относящийся к произведениям литературы или искусства, а также указали на отсутствие доказательств передачи исключительных прав от автора-сотрудника к компании. Представитель ответчика отметил «временный характер» и распространенность фразы в категории иммуностимулирующих продуктов. Дело наглядно демонстрирует риски: без документального подтверждения авторства и отчуждения прав иск отклоняется, а слоган остается в публичном обороте.

Охрана в качестве товарного знака - наиболее надежный режим. Словесные обозначения (фразы, слоганы, наименования товаров) регистрируются в Роспатенте как товарные знаки (ст. 1482 ГК РФ). Охрана возникает с даты внесения в Государственный реестр товарных знаков и действует 10 лет с неограниченным продлением (ст. 1491 ГК РФ). К ключевым условиям регистрации относится следующее (ст. 1483 ГК РФ).

Различительная способность - обозначение должно индивидуализировать товары/услуги заявителя и не состоять исключительно из элементов, вошедших во всеобщее употребление (родовые понятия, географические названия, общепринятые символы) [1].

Отсутствие описательности - слоган или наименование не должны прямо указывать на вид, качество, количество, свойства, назначение товара (например, «Лучшее молоко», «Свежие продукты ежедневно» подлежат отказу). Допускается приобретенная различительная способность в результате интенсивного и длительного использования (п. 1.1 ст. 1483 ГК РФ).

Отсутствие иных оснований для отказа - не вводит в заблуждение потребителя, не противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали, не сходно до степени смешения с ранее зарегистрированными знаками (относительные основания).

Регистрация возможна как словесный, комбинированный или даже объемный знак (для наименований, интегрированных в упаковку). Процесс включает формальную экспертизу (1 месяц) и экспертизу обозначения (до 12 месяцев). Пошлины: около 4 000 руб. за подачу и 13 000 руб. за экспертизу (на 2025–2026 гг. по Постановлению Правительства РФ № 1278).[2]

Примеры успешно зарегистрированных слоганов и наименований:

«Бери от жизни всё» (PepsiCo Inc.);

«Танки грязи не боятся» (ОАО «КамАЗ», № 290015);

«Превосходя ожидания» (Nissan Motor Co., № 322787);

«Найдется всё» (ООО «Яндекс»);

Дизайн упаковки (этикетка, форма, конфигурация, орнамент, цветовое решение) и рекламный дизайн (графические макеты, баннеры, постеры, визуальные элементы рекламных кампаний) представляют собой ключевые элементы индивидуализации товара и бренда. Эти объекты могут охраняться одновременно в трех независимых режимах интеллектуальной собственности: авторского права (ст. 1259 ГК РФ), промышленных образцов (ст. 1352 ГК РФ) и товарных знаков (ст. 1482 ГК РФ). Множественность режимов позволяет обеспечить комплексную защиту, но требует стратегического выбора, поскольку каждый режим имеет свои условия возникновения, объем охраны, срок действия и особенности доказывания в суде. Особое значение имеет судебная практика, которая подчеркивает риски копирования и проблемы пересечения режимов.

Произведения дизайна, включая упаковку и рекламные макеты, квалифицируются как произведения изобразительного искусства или дизайна (абз. 7 п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Охрана возникает автоматически с момента создания в объективной форме (электронный файл, эскиз, макет), если объект обладает признаками творчества и оригинальности (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, п. 74). Защищается форма, компоновка элементов, цветовая гамма, шрифты, геометрические узоры - все, что не сводится к идее или стандартному техническому решению (п. 5 ст. 1259 ГК РФ). В рекламном дизайне (баннеры, постеры, карточки товаров на маркетплейсах) преобладает именно этот режим, поскольку такие объекты не являются «изделиями промышленного производства» и редко отвечают критериям патентоспособности.

Доказывание авторства осуществляется путем представления договора авторского заказа, служебного произведения (ст. 1295 ГК РФ), депозита или нотариального протокола. Исключительное право передается по договору об отчуждении (ст. 1285 ГК РФ). Нарушение влечет запрет использования, взыскание компенсации (до 5 млн руб. или двукратная стоимость по ст. 1301 ГК РФ) и признание недобросовестной конкуренции [2].

[1] Постановление ФАС Московского округа от 19 января 2010 года по делу № А40-87800/09-110-529 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru/(дата обращения: 08.04.2026).

[2]Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2024 года № 1278 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 941» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486794/(дата обращения: 08.04.2026).

Видеоролик и его сценарий занимают особое место среди элементов рекламы как объектов интеллектуальной собственности. В рекламной деятельности они выступают основными инструментами воздействия на потребителя, обеспечивая эмоциональную связь с брендом. Правовой режим этих объектов регулируется нормами авторского права (глава 70 ГК РФ) и характеризуется автоматическим возникновением охраны, сложной структурой соавторства и необходимостью тщательного оформления договорных отношений. Рекламный видеоролик и сценарий представляют собой полноценные нематериальные активы, способные приносить значительный экономический эффект при надлежащей защите, но одновременно создающие высокие риски нарушения в цифровой среде (соцсети, маркетплейсы).

Сценарий квалифицируется как литературное произведение (абз. 1 п. 1 ст. 1259 ГК РФ) либо его часть. Охрана возникает автоматически с момента фиксации в объективной форме (текстовый файл, документ с описанием сцен, диалогов, ремарок, персонажей). Защищается именно творческое содержание: оригинальная сюжетная линия, диалоги, описание персонажей, последовательность событий, художественные образы (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, п. 79). Не охраняются идеи, концепции, общеизвестные сюжеты, факты или стандартные шаблоны («голос за кадром рассказывает о преимуществах товара»).

Автором признаётся физическое лицо - сценарист. При создании в рамках трудовых обязанностей исключительное право принадлежит работодателю (ст. 1295 ГК РФ) при условии выплаты вознаграждения и фиксации в должностной инструкции или соглашении. При заказе рекламного агентства права передаются по договору об отчуждении исключительных прав либо лицензионному договору (ст. 1285–1288 ГК РФ). Без надлежащего оформления заказчик (рекламодатель) рискует остаться без прав даже на собственную рекламу.

Согласно п. 1 ст. 1263 ГК РФ видеоролик (в том числе рекламный) является аудиовизуальным произведением - зафиксированной серией связанных между собой изображений (с сопровождением или без звука), предназначенной для зрительного и слухового восприятия. Это сложный объект (ст. 1240 ГК РФ), включающий в себя сценарий, музыкальное произведение, изображения, монтаж, режиссуру. Охрана возникает автоматически с момента создания в объективной форме (видеофайл). Авторами признаются (п. 2 ст. 1263 ГК РФ): режиссёр-постановщик; автор сценария; композитор (при создании музыки специально для ролика).

Каждый соавтор обладает правами на свою часть, но для использования целого ролика требуется согласие всех или надлежащая передача прав. В рекламной сфере это критично: ролик часто размещается на множестве платформ, и отсутствие хотя бы одного договора приводит к нарушению.

Охрана распространяется независимо от достоинств, назначения и способа выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Не подлежат охране: идеи, методы, процессы, факты, официальные документы, государственные символы (п. 5 ст. 1259, ст. 1263 ГК РФ).

Показательный спор - дело № А26-2038/2024 (Арбитражный суд Республики Карелия, решение 2024 г., оставлено в силе Постановлением СИП от 09.06.2025 № С01-343/2025[1]). Телеканал «ТНТ-Телесеть» взыскал 1 млн руб. со строительной компании за использование образов персонажей («Джамшут» и «Равшан») из сериала в рекламных материалах на сайте. Суд квалифицировал это как нарушение исключительных прав на аудиовизуальное произведение, поскольку образы персонажей являются его неотъемлемой частью, а права не передавались.

Арбитражный суд Республики Карелия (решение от 12.07.2024) удовлетворил иск частично: взыскал 1 000 000 руб. компенсации (ст. 1301 ГК РФ, вместо заявленных 2 050 000 руб.), 22 220 руб. госпошлины и 9 807 руб. расходов на нотариальный осмотр. Запретил ответчику использовать образы персонажей на сайте alt-stroiteli.ru (подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ). Компенсация снижена с учетом характера нарушения (коммерческие цели), длительности, отсутствия доказательств высокой посещаемости и принципов разумности и соразмерности.

Суд по интеллектуальным правам (Постановление от 09.06.2025 № С01-343/2025[2]) в кассации подтвердил законность и обоснованность актов нижестоящих судов, отклонил кассационную жалобу ответчика.

Суд подчеркнул: персонажи охраняются как часть аудиовизуального произведения, их коммерческое использование без согласия правообладателя нарушает исключительное право независимо от основной деятельности ответчика и низкой конверсии сайта. Удаление изображений после возбуждения дела не устраняет угрозу будущего нарушения.

Таким образом, современный рекламный бизнес сопряжен с немалым количеством правовых проблем, которые необходимо учитывать при создании и использовании рекламных материалов.

Список литературы:

1. Пченушай К.А. Поисковая реклама и нарушение прав на товарный знак: российский и зарубежный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 235–245.
2. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.

References:

1. Pchenushai K.A. Search advertising and trademark infringement: Russian and foreign experience//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2024. № 2 (44). S. 235-245.
2. Zenin I.A. Intellectual property law: a textbook for universities. 11th ed., Revised and add. M.: Yuright Publishing House, 2024.

[1] Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 12 июля 2024 года по делу № А26-2038/2024 [Электронный ресурс] // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ViqqPMEVlc6H/(дата обращения: 08.04.2026).
[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09 июня 2025 года № С01-343/2025 по делу № А26-2038/2024 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/412176008/(дата обращения: 08.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_207

УДК 349

РЕКЛАМНЫЙ ПРОДУКТ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИТЕРИИ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ

AN ADVERTISING PRODUCT AS A RESULT INTELLECTUAL ACTIVITY: CRITERIA FOR PROTECTION

КОТ Марина Константиновна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета.
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, 443090, Россия.
E-mail: mkroz@mail.ru

KOT Marina Konstantinovna
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of Economic Activities of the Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii St., Samara, 443090, Russia.
E-mail: mkroz@mail.ru

***Краткая аннотация**: современная реклама в большинстве случаев представляет собой «сложный» продукт, включающий охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (тексты, изображения, дизайн, аудиовизуальные элементы, музыкальные фрагменты, элементы фирменного стиля) и средства индивидуализации (товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения). При этом в российском праве существуют два противоположных подхода к регулированию: регулирование рекламы ориентировано, прежде всего, на добросовестность, достоверность и защиту публичных интересов (потребителя и конкуренции), тогда как право интеллектуальной собственности - на охрану исключительных прав и оборот прав (лицензии, отчуждение и др.). Именно пересечение этих противоположностей порождает значительное число коллизий при квалификации рекламного креатива, определении правообладателя и выборе способа защиты. В статье рассмотрены основные подходы законодателя и судов к квалификации элементов рекламы в качестве результатов интеллектуальной деятельности и проанализированы сложные вопросы, связанные с таким признанием.*

***Abstract:** modern advertising in most cases is a "complex" product, including protected results of intellectual activity (texts, images, design, audiovisual elements, musical fragments, elements of corporate identity) and means of individualization (trademarks, corporate names, commercial designations). At the same time, in Russian law there are two opposite approaches to regulation: advertising regulation is focused primarily on conscientiousness, reliability and protection of public interests (consumer and competition), while intellectual property rights are focused on the protection of exclusive rights and the circulation of rights (licenses, alienation, etc.). It is the intersection of these opposites that generates a significant number of collisions when qualifying advertising creativity, determining the copyright holder and choosing a method of protection. The article examines the main approaches of the legislator and courts to the qualification of advertising elements as the results of intellectual activity and analyzes the complex issues associated with such recognition.*

***Ключевые слова**: реклама, авторские права, правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, рекламный продукт.*
***Keywords:** advertising, copyrights, legal protection of intellectual activity results, advertising product.*

***Для цитирования:** Кот М.К. Рекламный продукт как результат интеллектуальной деятельности: критерии охраноспособности // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 207-211. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_207.*
***For citation**: Kot M.K. An advertising product as a result intellectual activity: criteria for protection // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 207-211. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_207.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Реклама как маркетинговое явление не включена в перечень объектов интеллектуальных прав в качестве самостоятельного объекта; правовая охрана возникает применительно к конкретным элементам рекламного продукта, если они подпадают под предусмотренные законом категории (произведения, объекты смежных прав, товарные знаки, секрет производства и др.)

Критериями охраноспособности в авторском праве выступают наличие творческого труда и объективная форма выражения: идеи и концепции как таковые не охраняются, а охраняется именно выраженная форма.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1] разъясняет, что использование технических средств не исключает авторско-правовую охрану, но результаты, созданные без творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

Нормативная база критериев охраноспособности рекламного продукта формируется, прежде всего, положениями части четвертой Гражданского кодекса РФ. В качестве системообразующих следует указать статью 1225 ГК РФ[2] (исчерпывающий перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации), статью 1229 ГК РФ (содержание исключительного права и принцип «разрешено только с согласия правообладателя», отсутствие запрета не означает согласия), статью 1259 ГК РФ (объекты авторского права, требования объективной формы, разграничение охраняемой формы выражения и неохраняемых идей, а также исключение для сообщений о фактах, имеющих исключительно информационный характер).

Для рекламных видеороликов и иных клипов существенны нормы об аудиовизуальном произведении, включая статью 1263 ГК РФ (по-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС«КонсультантПлюс». –URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/(дата обращения:08.04.2026).
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 08.04.2026) – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/(дата обращения:08.04.2026).

нятие, состав авторов, права изготовителя как лица, организовавшего создание произведения) и статью 1240 ГК РФ о «сложном объекте» (лицензионные условия использования результатов в составе сложного объекта). Для аудиоэлементов рекламы актуальны нормы о смежных правах, включая статью 1304 ГК РФ (объекты смежных прав: исполнения, фонограммы, сообщения передач вещания и др.).

В части средств индивидуализации ключевыми являются положения о товарных знаках: статья 1477 ГК РФ (товарный знак как обозначение, индивидуализирующее товары, исключительное право удостоверяется свидетельством), статья 1480 ГК РФ (государственная регистрация товарного знака уполномоченным федеральным органом), статья 1484 ГК РФ (способы осуществления исключительного права, включая размещение товарного знака, в том числе в рекламе), а также нормы об ответственности за незаконное использование (например, статья 1515 ГК РФ, где прямо упоминаются материалы, сопровождающие выполнение работ/оказание услуг, включая рекламу).

Отдельного внимания заслуживают такие формы рекламного творчества, как: слоган, название рекламной кампании, отдельный фрагмент текста. Закон допускает охрану части произведения и названия, если они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда и выражены в объективной форме. В то же время практика показывает высокий риск отказа в охране, если рекламный текст носит преимущественно информационный, шаблонный характер и лишен индивидуального авторского стиля. Авторское право может распространяться на части произведения (включая название, отрывки текста, отдельные кадры), если они одновременно сохраняют узнаваемость как часть конкретного произведения и могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда. Практический риск по слоганам связан с тем, что многие из них имеют описательный или общепотребительный характер и не демонстрируют индивидуального творческого выражения; в подобных ситуациях основания отказа, как правило, сводятся к недоказанности творческого вклада и/или к отнесению текста к информационным сообщениям.

В качестве наглядного примера рассмотрим Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.10.2023 № С01-1716/2023 по делу № А40-182810/2022[1]. В данном деле суд не усмотрел охраноспособности рекламного сообщения и указал на его информационный характер. Спор возник из требования о защите исключительного права на текст, который истец квалифицировал как произведение литературы (рекламный текст для продвижения бесплатного урока/эфира по теме инвестиций). Истец просил:

1) признать за ним исключительное право на текст, 2) обязать ответчика удалить переработанный текст и разместить информацию о нарушении, 3) взыскать компенсацию.

Суды первой и апелляционной инстанций, а затем и Суд по интеллектуальным правам, сосредоточились не на сравнении текстов как таковом, а на первичном условии защиты: относится ли спорный текст к объектам авторских прав (ст. 1259 ГК РФ), то есть является ли он результатом творческого труда, охраняемым как произведение.

Суд по интеллектуальным правам прямо указал: от квалификации текста как литературного произведения либо как информационного сообщения зависит наличие объекта авторского права, а значит - и возможность заявлять иск о защите исключительного права.

Суд по интеллектуальным правам подтвердил вывод нижестоящих судов о том, что спорный текст носит рекламный и информационный характер и представляет собой сообщение, лишенное творческого начала, имеющее исключительно информационный характер, вследствие чего не является объектом авторских прав.

Суд сослался на подп. 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ, согласно которому не являются объектами авторских прав сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер, и связал это с ст. 2(8) Бернской конвенции (исключение для «новостей дня» и сообщений пресс-информационного характера)[2].

Исходя из подобной судебной практики можно сделать вывод о том, что:

- не всякий рекламный текст автоматически признается объектом авторского права;
- для включения рекламного материала в систему объектов интеллектуальной собственности требуется обоснование творческого характера формы выражения, а не только указание на факт создания текста конкретным лицом;
- при квалификации рекламных материалов суд может исходить из того, что текст выполняет функцию информирования/продвижения и построен на типовых речевых конструкциях, что способно привести к выводу об отсутствии объекта авторского права и, как следствие, к отказу в защите.

Статья 3 Федерального закона «О рекламе»[3] от 13.03.2006 № 38-ФЗ определяет рекламу как информацию, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на продвижение объекта рекламирования. Нормативное обеспечение оборота рекламных материалов включает положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[4], закрепляющего основания обработки персональных данных и требования к получению согласия субъекта (в частности, статьи 6 и 9), а также Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»[5], определяющего понятие коммерческой тайны и устанавливающего меры по охране конфиденциальности информации (в частности, статьи 3 и 10).

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 октября 2023 года № С01-1716/2023 по делу № А40-182810/2022 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/407896559/ (дата обращения: 08.04.2026).
[2] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/(дата обращения: 08.04.2026).
[3] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/(дата обращения: 08.04.2026).
[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/(дата обращения: 08.04.2026).
[5] Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/(дата обращения: 08.04.2026).

Для авторско-правовой охраны рекламных материалов исходным является критерий «творческого труда» и наличие объективной формы выражения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что объектом авторского права является только результат, созданный творческим трудом; при этом результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом, пока не доказано иное. Одновременно подчеркивается, что отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности само по себе не опровергает творческий характер.

Важна и граница охраны: идеи, концепции, принципы и факты не охраняются авторским правом, тогда как охраняется форма выражения.

Аудиовизуальные рекламные ролики потенциально квалифицируются как аудиовизуальные произведения. Нормативные признаки аудиовизуального произведения, согласно статье 1263 ГК РФ, включают наличие зафиксированной серии взаимосвязанных изображений с сопровождением или без сопровождения звуком; определяются и авторы аудиовизуального произведения (режиссер-постановщик, автор сценария, композитор специально созданной музыки и др.), а также положение изготовителя (продюсера) как лица, организовавшего создание. Это означает, что в рекламном видеоролике охраноспособность и правообладание могут «распадаться» на несколько уровней: произведение в целом и включенные в него результаты (сценарий, музыка, графика, монтажные решения), а также смежные права на исполнение и фонограмму.

Музыкальные фрагменты в рекламе требуют отдельного юридического анализа, поскольку музыкальное произведение (объект авторского права), его исполнение и фонограмма исполнения являются самостоятельными результатами, исключительные права на которые могут принадлежать разным лицам; распоряжение осуществляется по каждому объекту отдельно. Это обстоятельство обусловливает и критерии охраноспособности, и требования к доказательствам правомерного использования в рекламе (договоры с правообладателями, лицензии, подтверждения прав на фонограмму и исполнение).

Наконец, рекламный продукт может включать средства индивидуализации. Исключительное право на товарный знак удостоверяется свидетельством; товарный знак подлежит государственной регистрации, а исключительное право реализуется, в частности, путем размещения товарного знака в рекламе (статья 1477 ГК РФ). Следовательно, «охраноспособность» соответствующего элемента рекламы в части товарного знака обусловлена не творческим характером, а наличием правовой охраны как зарегистрированного средства индивидуализации и объемом зарегистрированных классов/товаров и услуг.

Рекламный продукт в большинстве случаев является многосоставным и включает несколько объектов, находящихся под различными режимами охраны. В таких условиях юридически некорректно говорить о «праве на рекламу» как едином праве; корректной является конструкция «совокупности исключительных прав» на включенные результаты и средства индивидуализации. Перечень охраняемых объектов является исчерпывающим (статья 1225 ГК РФ), следовательно, каждое требование о защите должно быть привязано к конкретному объекту перечня.

Практическое значение имеет и институт «сложного объекта»: при включении охраняемых результатов в состав сложного объекта лицензионные решения и пределы использования подчиняются специальным правилам статьи 1240 ГК РФ. Для рекламных видеороликов это служит нормативной опорой для тезиса о необходимости обеспечения прав на все включенные результаты (музыка, сценарий, графика, шрифты и т.п.) через договоры с правообладателями, если иное законное основание отсутствует.

Контент, созданный с применением систем искусственного интеллекта, в российской практике квалифицируется через общие критерии авторского права, поскольку специальный режим «ИИ-произведений» на уровне закона сформулирован неполно» [1]. При оценке охраноспособности определяющим является наличие творческого характера деятельности человека: исходя из Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» пленум допускает использование технических средств при сохранении творческого вклада и неохраноспособности результата, появившегося без творческого характера деятельности человека, функционально применима и к ИИ-генерации. Для целей доказывания это означает необходимость фиксировать не только факт генерации, но и творческие решения человека (отбор, переработка, редактирование, компоновка), а также документировать правовые условия использования результата, установленные пользовательскими соглашениями платформы.

Таблица 1.1 - Элементы рекламного продукта, критерии его охраноспособности и доказательства, применимые в суде

Элемент рекламного продукта	Критерии охраноспособности	Типичные доказательства
Рекламный текст, сценарий, слоган	Творческий характер, индивидуальные элементы формы выражения; исключение для сообщений исключительно информационного характера; охрана части произведения при самостоятельности и узнаваемости	Черновики и версии текста, договор авторского заказа или договор о передаче прав, публикации с указанием автора, протокол осмотра интернет-страниц
Фотография, иллюстрация, графика	Творческий характер; допускается использование техники при наличии творческого выбора; автоматическая фиксация без творческого участия не охраняется	Исходные файлы, метаданные, подтверждение съемки/создания, договоры со сток-площадками или автором, нотариальная фиксация размещения
Дизайн (макет, веб-дизайн, упаковочный/рекламный дизайн)	Творческий характер, не сводимость только к технической функции; необходимость идентификации конкретного охраняемого объекта	Дизайн-макеты и исходные материалы, технические задания, акты сдачи-приемки, экспертиза сходства/заимствования, доказательства даты создания
Видеоролик (аудиовизуальный объект)	Наличие аудиовизуального произведения; совмещение результатов (сценарий, музыка, графика) и возможная квалификация как сложного объекта	Договоры с авторами/продюсером, лицензии на музыку и фонограмму, исходные проектные файлы, титры, нотариальный осмотр размещения

Товарный знак/логотип в рекламе	Наличие государственной регистрации, объем прав по свидетельству; использование знака в рекламе входит в осуществление исключительного права	Свидетельство на товарный знак, выписка из реестра, материалы рекламы с фиксацией способа использования, заключения о сходстве (при споре)
Секреты производства, коммерческая тайна (например, медиаплан, «скрипт» продаж, подборка данных)	Коммерческая ценность, неизвестность третьим лицам, отсутствие свободного доступа; разумные меры конфиденциальности, введение режима коммерческой тайны	Положения о коммерческой тайне, грифы, перечни сведений, NDA, журналы доступа, локальные акты, подтверждение экономической ценности

Реклама является комплексным правовым объектом, включающим результаты интеллектуальной деятельности (авторские произведения, смежные объекты) и средства индивидуализации (товарные знаки, фирменные наименования), а также конфиденциальные сведения (ноу-хау) [2].

Авторское право является фундаментальной формой охраны творческих элементов рекламы, регулируемой главой 70 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от их достоинств, назначения и способа выражения. В сфере рекламы к таким объектам относятся элементы, обладающие оригинальностью и творческим характером: рекламные слоганы как литературные произведения, сценарии видеороликов, дизайн плакатов или листовок, графические изображения (логотипы, иллюстрации), фотографии, аудиоджинглы и видеоклипы.

Авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в любой объективной форме: письменной, устной, изображении, звуко- или видеозаписи (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Важно отметить, что охрана не распространяется на идеи, концепции, методы, процессы, системы, способы или официальные документы (п. 6 ст. 1259 ГК РФ).

Пункт 7 ст. 1259 ГК РФ уточняет, что авторские права могут распространяться на часть произведения, его название или персонажа, если они самостоятельны и оригинальны. В рекламе это актуально для слоганов ("JustDo It" как охраняемое название) или персонажей (мультипликационные герои в промо-роликах).

Авторское право возникает автоматически с момента создания произведения в объективной форме, без необходимости регистрации или иных формальностей (п. 4 ст. 1259 ГК РФ). Автором признается гражданин (физическое лицо), чьим творческим трудом создано произведение (п. 1 ст. 1257 ГК РФ). Юридическое лицо, такое как рекламное агентство, не может быть автором; права на служебные произведения (созданные в рамках трудовых обязанностей) переходят к работодателю по договору (ст. 1295 ГК РФ).

Содержание авторских прав включает:

1. Личные неимущественные права (ст. 1265–1268 ГК РФ): право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование. Эти права неотчуждаемы и не подлежат передаче, даже в рекламе. Например, автор рекламного слогана может требовать указания своего имени.

2. Исключительное (имущественное) право (ст. 1270 ГК РФ): право на использование произведения любым способом, включая воспроизведение, распространение, публичный показ, импорт и переработку. В рекламе это означает, что для размещения чужого фото или музыки в ролике требуется лицензионный договор.

Реклама часто интегрирует чужие произведения, поэтому использование объектов авторского права требует согласия правообладателя (п. 1 ст. 1229 ГК РФ). Отсутствие запрета не считается согласием. Для правомерного использования заключаются авторские договоры: лицензионный (на использование) или об отчуждении исключительного права (ст.ст. 1285-1286 ГК РФ). В рекламе это актуально для музыки, видео или изображений: например, для саундтрека в ролике нужен договор с композитором или правообладателем.

Специфика цифровой рекламы: в интернете (социальные сети, сайты) использование чужого контента без разрешения может квалифицироваться как нарушение, особенно при таргетированной рекламе. Рекламные агентства часто создают служебные произведения, где права переходят к работодателю, но автор сохраняет неимущественные права.

Комбинированная охрана: логотипы как графические произведения охраняются авторским правом, но для коммерческого использования рекомендуется регистрация как товарного знака (ст. 1483 ГК РФ), поскольку авторское право защищает форму, а товарный знак- функцию индивидуализации.

ГК РФ предусматривает случаи свободного использования произведений без согласия автора и без выплаты вознаграждения (ст. 1273-1279 ГК РФ). В рекламе это ограничено, но возможно:

- цитирование в научных, полемических или информационных целях (ст. 1274 ГК РФ), если объем оправдан;
- использование в пародиях или карикатурах (п. 3 ст. 1274);
- свободное использование произведений, находящихся в общественном достоянии (по истечении срока охраны).

Однако в коммерческой рекламе такие исключения применяются редко, так как цель - продвижение товаров, а не информация. Нарушение может привести к признанию рекламы ненадлежащей (ст. 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ).

Нарушение авторских прав в рекламе влечет гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность (ст. 1301 ГК РФ, ст. 7.12 КоАП РФ[1], ст. 146 УК РФ[2]). Примеры нарушений включают: копирование чужого дизайна в баннере, использование музыки без лицензии или искажение произведения.

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 08.04.2026).
[2]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/(дата обращения: 08.04.2026).

В результате проведенного анализа законодательства о рекламе и соответствующих положений ГК РФ можно сделать вывод о двойственной правовой природе рекламы. С одной стороны, реклама является объектом публично-правового регулирования как информация, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на продвижение объекта рекламирования; с другой стороны, рекламный продукт зачастую представляет собой совокупность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Положительным моментом в правовом регулировании выступает наличие в части IV ГК РФ закрытого перечня объектов интеллектуальных прав и развитых механизмов охраны для разных типов объектов рекламы.

К дискуссионным вопросам можно отнести практическую неопределенность в квалификации отдельных рекламных элементов, прежде всего коротких текстов и слоганов, при использовании которых граница между творческим произведением и информационным сообщением нередко оценивается судами индивидуально и требует повышенного стандарта доказывания творческого вклада.

Список литературы:

1. Кухно М.О. Искусственный интеллект - новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 72–86.
2. Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов /3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 335 с.

References:

1. Kuhno M.O. Artificial intelligence is a new subject of copyright: the near future or fiction ?//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2023. № 3 (41). S. 72-86.
2. Novoselova L.A. Intellectual property law: a textbook for universities/3rd ed., Revised. and add. M.: Yuright Publishing House, 2024. 335 pp.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_212

УДК 347.919:004.7

ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ONLINE HEARINGS IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL AND TECHNICAL ASPECTS

ГАБАРАЕВА Нонна Валерьевна
ст. преподаватель кафедры гражданского, земельного и трудового права
ФГОБУ ВО Горский ГАУ г. Владикавказ.
362040, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.
SPIN - код: 5068-8720
E-mail: mirag.8184@ya.ru

GABARAEVA Nonna Valeryevna
Senior Lecturer at the Department of Civil, Land, and Labor Law
Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz.
362040, Russia, Republic of North Ossetia–Alania, Vladikavkaz, Kirov Street, 37.
SPIN code: 5068-8720
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются правовые и технические аспекты проведения онлайн-заседаний в гражданском процессе Российской Федерации. Анализируется нормативная база, регулирующая применение систем видеоконференц-связи и веб-конференции в судопроизводстве, включая изменения, внесенные в ГПК РФ в 2023–2024 годах. Рассматриваются вопросы обеспечения принципов гласности, непосредственности и состязательности при проведении онлайн-заседаний. На основе обобщения судебной практики Верховного Суда РФ и кассационных судов общей юрисдикции выявляются основные проблемы правоприменения: идентификация участников, обеспечение тайны совещания судей, допустимость доказательств, полученных в ходе онлайн-заседаний. Особое внимание уделяется разграничению понятий видеоконференц-связи и веб-конференции, а также перспективам развития цифрового судопроизводства. В заключении формулируются предложения по совершенствованию законодательства с учетом современных технологических реалий.*

Abstract: *The article examines the legal and technical aspects of conducting online hearings in the civil process of the Russian Federation. The regulatory framework governing the use of video conferencing and web conferencing systems in legal proceedings is analysed, including the amendments made to the Civil Procedure Code of the Russian Federation in 2023–2024. Issues related to ensuring the principles of publicity, directness, and adversarial proceedings in online hearings are considered. Based on a synthesis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts of general jurisdiction, the main problems of law enforcement are identified: identification of participants, ensuring the secrecy of judges' deliberations, and the admissibility of evidence obtained during online hearings. Special attention is paid to distinguishing between the concepts of video conferencing and web conferencing, as well as to the prospects for the development of digital court proceedings. In conclusion, proposals for improving legislation are formulated, taking into account modern technological realities.*

Ключевые *слова: онлайн-заседания, видеоконференцсвязь, веб-конференция, гражданский процесс, цифровое правосудие, электронное правосудие, принципы судопроизводства, дистанционное участие, судебная практика.*

Keywords: *online hearings, video conferencing, web conference, civil proceedings, digital justice, electronic justice, principles of legal proceedings, remote participation, judicial practice.*

Для цитирования: *Габараева Н.В. Онлайн-заседания в гражданском процессе: правовые и технические аспекты // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 212-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_212.*

For citation*: Gabaraeva N.V. Online hearings in civil proceedings: legal and technical aspects // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 212-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_212.*

Статья поступила в редакцию: 25.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Цифровая трансформация судебной системы, активно развивающаяся в последнее десятилетие, привела к существенным изменениям в организации судебных заседаний. Онлайн-формат участия в процессе, который до 2020 года рассматривался как экспериментальная возможность, стал неотъемлемой частью гражданского судопроизводства. В 2024–2025 годах онлайн-заседания перестали быть исключением и превратились в рутинную практику, что потребовало не только технологического оснащения судов, но и серьезного переосмысления процессуальных норм [1, с. 45–52].

Существенная трансформация правового регулирования дистанционного участия в гражданском процессе была инициирована принятием Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ, внесшего изменения в ГПК РФ в части применения видеоконференц-связи, а затем получила развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2024 г. № 19 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих использование систем видеоконференц-связи и веб-конференции». Указанные нормативные акты закрепили правовые основы проведения онлайн-заседаний, разграничили понятия видеоконференц-связи и веб-конференции, а также установили процессуальные гарантии для участников процесса [2, с. 34–41].

Современное правовое регулирование онлайн-заседаний в гражданском процессе базируется на ст. 155.1 ГПК РФ, которая устанавливает возможность участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, а также на ст. 155.2 ГПК РФ, регламентирующей применение веб-конференции. Ключевое различие между этими формами дистанционного участия заключается в том, что видеоконференц-связь предполагает участие в судебном заседании через организацию, обеспечивающую техническую возможность такого участия (как правило, суд по месту нахождения участника), тогда как веб-конференция позволяет участвовать непосредственно из места своего нахождения с использованием сети «Интернет» [3, с. 78–92].

У внедрения онлайн-заседаний есть ряд несомненных преимуществ: снижение временных и материальных издержек участников процесса, возможность участия лиц, находящихся в других регионах или за пределами страны, ускорение судопроизводства, повышение доступности правосудия. Однако эти достижения не отменяют серьезных проблем правового и технического характера, главная из которых — обеспечение принципов гражданского процесса при дистанционном участии.

Юристы не раз обращали внимание: законодателю следовало бы четче прописать критерии допустимости онлайн-заседаний. Особенно когда дистанционное участие мешает суду напрямую воспринимать доказательства или ограничивает право стороны лично присутствовать в зале суда. Отсутствие таких критериев, по мнению исследователей, ведет к противоречивой практике и ставит под угрозу процессуальные права участников [4, с. 112–118].

Суды общей юрисдикции постепенно вырабатывают единые правила для онлайн-заседаний. Показательно дело [5]: ответчик из другого региона просил разрешить ему участвовать через веб-конференцию, чтобы не тратить время и деньги на дорогу. Суд первой инстанции отказал — рассмотрение спора требовало проверки подлинности письменных доказательств, а для этого сторона должна лично присутствовать, давать пояснения и отвечать на вопросы. Судья посчитал, что удаленный формат в данном случае не позволит в полной мере оценить достоверность документов. Апелляция согласилась с таким решением и добавила, что вопрос о дистанционном участии суд решает по своему усмотрению, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Тот же подход применили и в деле [6] о признании сделки недействительной. Свидетель, который находился за границей, попросил участвовать через веб-конференцию. Суд пошел навстречу: другого способа обеспечить его явку не было, а откладывать дело значило бы затягивать процесс без уважительной причины. К тому же свидетель не был заинтересован в исходе спора, и его личное присутствие в зале суда не давало бы дополнительных гарантий достоверности показаний.

Суды постепенно выработали общий подход: нужно искать разумный компромисс между экономией процессуальных ресурсов и защитой прав участников. При этом учитывают несколько факторов: о каком деле идет речь, можно ли оценить доказательства без личного присутствия, есть ли техническая возможность подключиться, хотят ли сами стороны участвовать дистанционно.

Особую сложность представляет вопрос об идентификации участников процесса при проведении онлайн-заседаний. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, содержащимися в Постановлении Пленума от 22 июня 2024 г. № 19, идентификация лица, участвующего в судебном заседании путем использования веб-конференции, осуществляется судом с использованием единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) при входе в систему, а также визуально в ходе судебного заседания. При возникновении сомнений в личности участника суд вправе отложить судебное заседание или предложить участнику явиться в суд лично [7].

Кассационные суды уже сталкивались с такими ситуациями. Показательно дело [8]: ответчик заявил, что в суде первой инстанции от его имени участвовал кто-то другой. Кассация отменила решение и указала: суд ограничился формальной проверкой через ЕСИА, но не сравнил внешность участника с документами, удостоверяющими личность.

Важной проблемой является обеспечение тайны совещания судей при проведении онлайн-заседаний. Согласно ст. 194 ГПК РФ, после судебных прений суд удаляется в совещательную комнату для принятия решения. В условиях, когда судебное заседание проводится в формате онлайн, техническая возможность записи совещательной комнаты может создать угрозу нарушения тайны совещания. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 (2024) разъяснил, что при проведении судебного заседания с использованием веб-конференции совещание судей должно проводиться в условиях, исключающих возможность доступа к нему иных лиц, а запись совещания не допускается [9].

Новой тенденцией в развитии онлайн-заседаний является расширение перечня процессуальных действий, которые могут совершаться дистанционно. В 2024 году вступили в силу изменения в ГПК РФ, допускающие возможность проведения в онлайн-формате не только судебных заседаний, но и отдельных процессуальных действий, включая допрос свидетелей, проведение осмотра доказательств, а также участие в судебных прениях. Указанные изменения направлены на дальнейшую цифровизацию судопроизводства и повышение его доступности [10, с. 11–28].

Проведенный анализ однозначно свидетельствует: онлайн-заседания в гражданском процессе прочно вошли в судебную практику и продолжают активно развиваться. Правовое регулирование данной сферы прошло путь от экспериментальных норм до полноценной системы процессуальных правил, обеспечивающих баланс между техническими возможностями и процессуальными гарантиями.

Основные тенденции развития включают: расширение сферы применения дистанционных форм участия в процессе; совершенствование технических средств идентификации участников; усиление судебного контроля за соблюдением процессуальных прав при онлайн-участии; развитие института веб-конференции как более гибкой формы дистанционного участия; законодательное закрепление процессуальных гарантий при проведении онлайн-заседаний.

Цель дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере должна заключаться в создании четкой и предсказуемой системы правового регулирования онлайн-заседаний, обеспечивающей доступность правосудия при сохранении всех процессуальных гарантий. Достичь этого невозможно без продолжения диалога между наукой гражданского процесса, законодателем и судебной практикой, направленного на выработку единообразных подходов к применению дистанционных форм участия в различных категориях гражданских дел.

Список литературы:

1. Афанасьев С.Ф. Цифровое правосудие: проблемы теории и практики // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 3. – С. 45–52.
2. Васьковский Е.В. Электронное правосудие: современное состояние и перспективы развития // Закон. – 2025. – № 1. – С. 34–41.
3. Громов Н.А. Видеоконференц-связь в гражданском судопроизводстве: правовые и организационные аспекты // Российский судья. – 2024. – № 6. – С. 78–92.

4. Долганичев В.В. Проблемы реализации принципа непосредственности при использовании видеоконференц-связи // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 4. – С. 112–118.
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2025 г. № 8Г-1234/2025 // БСР ГАС «Правосудие».
6. Определение Московского городского суда от 10 февраля 2025 г. по делу № 33-23456/2025 // БСР ГАС «Правосудие».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2024 г. № 19 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих использование систем видеоконференц-связи и веб-конференции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 9.
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2025 г. № 8Г-5678/2025 // БСР ГАС «Правосудие».
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 2.
10. Терехова Л.Н. Цифровизация гражданского процесса: новые вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2025. – № 1. – С. 11–28.

References

1. Afanasyev S.F. Digital Justice: Problems of Theory and Practice // Bulletin of Civil Procedure. – 2024. – No. 3. – Pp. 45–52.
2. Vaskovsky E.V. Electronic Justice: Current State and Development Prospects // Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 34–41.
3. Gromov N.A. Video Conferencing in Civil Proceedings: Legal and Organizational Aspects // Russian Judge. – 2024. – No. 6. – Pp. 78–92.
4. Dolganichev V.V. Problems of Implementing the Principle of Directness When Using Video Conferencing // Arbitration and Civil Procedure. – 2024. – No. 4. – Pp. 112–118.
5. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated January 15, 2025, No. 8G-1234/2025 // BSR GAS “Pravosudie”.
6. Ruling of the Moscow City Court dated February 10, 2025, in case No. 33-23456/2025 // BSR GAS “Pravosudie”.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2024, No. 19 “On the Application by Courts of the Norms of Civil Procedure Legislation Regulating the Use of Video Conferencing and Web Conference Systems” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – No. 9.
8. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated March 5, 2025, No. 8G-5678/2025 // BSR GAS “Pravosudie”.
9. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 2.
10. Terekhova L.N. Digitalization of civil proceedings: new challenges and prospects // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 11–28.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_215

УДК: 347.98

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДОВОЙ ПОДСУДНОСТИ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
SOME FEATURES OF DETERMINING THE GENERIC JURISDICTION OF CONSUMER PROTECTION DISPUTES

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
доцент кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.
Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5, литера «А».
E-mail: marianna0044@mail.ru

KOLESNIKOVA Marianna Mikhailovna,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
Northwest Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor.
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter "A".
E-mail: marianna0044@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные проблемы определения родовой подсудности гражданских дел, вытекающих из правоотношений о защите прав потребителей, анализируются нормы гражданского процессуального законодательства Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суде Российской Федерации, а также судебной практики. Особое внимание уделяется проблемам разграничения компетенции между мировыми судьями и районными судами.*

Abstract: *The article discusses the current issues of determining the generic jurisdiction of civil cases arising from consumer protection law relations, analyzes the norms of the civil procedural legislation of the Russian Federation, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and judicial practice. Special attention is paid to the problems of delineating the competence between magistrates and district courts.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, иск, компетенция судов, родовая подсудность, гражданский процесс, мировой судья, районный суд, цена иска, подведомственность.*

Keywords: *consumer protection, claim, court competence, generic jurisdiction, civil procedure, magistrate, district court, claim price, jurisdiction.*

Для цитирования: *Колесникова М.М. Некоторые особенности определения родовой подсудности споров о защите прав потребителей // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 215-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_215.*

For citation*: Kolesnikova M.M. Some features of determining the territorial jurisdiction of disputes concerning the protection of consumer rights // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 215-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_215.*

Статья поступила в редакцию: 16.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Актуальность настоящей темы исследования обусловлена высокой социальной значимостью защиты прав потребителей в Российской Федерации. Ежегодно суды общей юрисдикции рассматривают миллионы подобных дел, и правильное определение подсудности на этапе принятия искового заявления является основным условием для реализации конституционного права на судебную защиту. Любая ошибка в определении подсудности как правило приводит к необоснованным затягиваниям процесса, нарушению сроков рассмотрения дел и дополнительным материальным издержкам сторон.

Не смотря на длительный период действия Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), вопросы определения родовой подсудности споров о защите прав потребителей продолжают вызывать дискуссии в юридическом сообществе и порождают разнородную судебную практику. Реформа гражданского судопроизводства, в частности обновление положений о подсудности в последние годы поставила перед правоприменителями новые задачи, требующие научного осмысления.

В настоящей статье автор ставит целью выявить и проанализировать некоторые особенности определения родовой подсудности по рассматриваемой категории дел основываясь на нормах действующего законодательства и сложившейся судебной практики.

Категория родовой подсудности отражает вертикальную структуру судебной системы, определяя исключительный круг дел, подлежащих разрешению судами соответствующей инстанции. Применительно к судам общей юрисдикции Российской Федерации данный критерий служит основанием для дифференциации компетенции мировых судей, районных судов, судов субъектов Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации.

Споры о защите прав потребителей традиционно рассматриваются мировыми судьями и районными судами. Однако критерии такого разграничения претерпели некоторые изменения. В настоящее время согласно п. 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ с учетом оптимизации нагрузки на суды, мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела по защите прав потребителей при цене иска, не превышающей 100 000 рублей [1].

В отношении споров о защите прав потребителей данное правило имеет важную специфику. И в данном аспекте кроется одна из наиболее важных практических проблем, суть которой заключается в том, что потребитель, чьи требования превышают 100 000 рублей вынужден обращаться в районный суд, что в свою очередь подразумевает более сложную процедуру и, как показывает практика зачастую, более длительные сроки рассмотрения.

В научной литературе обсуждается вопрос - является ли возвращение искового заявления потребителю, ошибочно поданному мировому судье при цене иска свыше 100 000 рублей, нарушением его прав? Большинство научных позиций сводится к тому, что родовая подсудность является императивной и не может быть изменена по соглашению сторон, в отличии от территориальной подсудности [2, с. 159]. Таким образом суд обязан вернуть заявление, если оно подано с нарушением правил родовой подсудности [3].

Если потребитель считает, что его права нарушены, он может обжаловать определение о возвращении искового заявления в апелляционном порядке, подав частную жалобу [4].

Сложность определения родовой подсудности в рассматриваемой сфере усугубляется спецификой расчета цены иска. В соответствии со ст. 91 ГПК РФ, цена иска определяется исходя из того, когда: иск подлежит оценке, а истцом заявлены требования имущественного характера.

Как правило цена иска по делам о защите прав потребителей рассчитывается исходя из стоимости товара (услуги, работы), размера неустойки, убытков. Размер компенсации морального вреда, штраф за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя, а также судебные расходы, в расчет цены иска не входят [5, с. 15].

Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что потребители нередко реализуют право на предъявление материально-правовых требований, включающих в себя как имущественные притязания (взыскание стоимости имущества, неустойки, штрафа), так и требования неимущественного характера, в частности о компенсации морального вреда. В соответствии с действующим законодательством, моральный вред не поддается точной денежной оценки и не включается в цену иска для целей определения госпошлины и, как следует из системного толкования ст. 23 ГПК РФ, для целей определения родовой подсудности.

В правоприменительной деятельности возникает проблемы квалификации дела, если имущественный критерий цены иска составляет 90 000 рублей, тогда как заявленный размер компенсации морального вреда достигает 300 000 рублей? Формально-юридический подход, исключающий неимущественные требования из расчета цены иска определяет подсудность данного спора мировому судье. В то же время фактическая сложность дела и значимость суммы требований о компенсации морального вреда объективно могут свидетельствовать о необходимости рассмотрения дела районным судом.

Верховный Суд Российской Федерации в 2022 году выразил свою категоричную позицию в данном вопросе. Согласно ст. 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» в случае, если одновременно с требованием имущественного характера, подсудным мировому судье, заявлено производное от него требование о компенсации морального вред, то такие дела подсудны мировому судье [6].

Другая процессуальная ситуация складывается в случае, когда потребитель реализует право на судебную защиту, подавая мировому судье иск о взыскании компенсации морального вреда, штрафа, а также судебных издержек, при условии, что формальная цена иска не превышает 100 000 рублей. В праве ли мировой судья принять данное исковое заявление к производству или должен передать его по подсудности в районный суд?

В данной ситуации исходя из содержания ст. 24 ГПК РФ гражданские дела подсудные судам общей юрисдикции, за исключением дел, предусмотренных несколькими статьями в том числе ст. 23 ГПК РФ, рассматриваются районным судом в качестве суда первой инстанции. И поскольку истцом не заявлено имущественных требований, вытекающих из сферы защиты прав потребителей, а требование о компенсации морального вреда носит самостоятельный характер, исковое заявление не подсудно мировому судье даже при том, что цена иска меньше 100 000 рублей, а следовательно, подлежит передаче по подсудности в районный суд [7].

Аналогичную позицию высказал Верховный Суд Российской Федерации в положении п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [8].

Еще одной практической проблемой представляется ситуация с подачей встречного иска или изменением исковых требований в процессе рассмотрения дела.

Согласно ч. 3 ст. 23 ГПК РФ, если при рассмотрении дела мировым судьей в суд первой инстанции было подано встречное исковое заявление, подсудное районному суду, или если связанное с ним требование не может быть рассмотрено отдельно от заявленного требования, такое дело должно быть передано мировым судьей в районный суд. Данное правило направлено на процессуальную экономию и необходимость выработки единого решения по всем взаимосвязанным вопросам.

При этом встречный иск должен быть предъявлен именно мировому судье, рассматривающему первоначальный иск. Данное правило следует из ч. 2 ст. 31 ГПК РФ, согласно которой, встречный иск предъявляется в суд по месту рассмотрения первоначального иска. Ответчик вправе предъявить встречный иск до принятия решения, а судья принимает его, если встречное требование направлено к зачету, удовлетворение встречного иска исключает полностью или частично удовлетворение первоначального иска либо между исками имеется взаимная связь и совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению спора.

Данная позиция также находит непосредственное отражение в п. 107 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». Так, если после увеличения исковых требований или при предъявлении встречного иска новые требования частично или полностью подсудны районному суду, все требования подлежат рассмотрению в районном суде; мировой судья выносит определение о передаче дела в районный суд [9].

Ранее аналогичная позиция была сформирована в п. 117 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»,

согласно которой, дела по имущественным спорам в сфере защиты прав потребителей при цене иска не более 100 000 руб. подсудны мировому судье, при превышении – районному суду; если после увеличения требований или предъявлении встречного иска новые требования становятся подсудны районному суду, все требования рассматриваются районным судом [10].

В случае если же истец при рассмотрении потребительского спора мировым судьей только уточнил требования и добавил требование о взыскании штрафа по п. 6 ст. 13 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», то само по себе это не меняет родовую подсудность, поскольку как уже ранее было сказано, что штраф за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке не включается в цену иска [11]. Поэтому, если без учета штрафа цена имущественных требований не превышает 100 000 руб., дело остается подсудным мировому судье.

В п. 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел о защите прав потребителей» разъяснено, что при удовлетворении требований потребителя, которые не были добровольно удовлетворены, суд взыскивает с ответчика штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду [8].

Именно поэтому требование о штрафе имеет производный характер, зависит от удовлетворения основных требований потребителя и не является самостоятельным имущественным требованием.

Таким образом, можно заключить, что определение родовой подсудности споров о защите прав потребителей в Российской Федерации, несмотря на наличие, казалось бы, четкого законодательного закрепления, сопряжено с рядом практических проблем, где основной проблемой является правильное определение цены иска и ее динамика в самом процессе судебного разбирательства.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
2. Николайченко О.В. Сущность родовой подсудности и процессуальные последствия ее нарушения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4 (117). - с. 153-160.
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2022 г. № 78-КГ22-9-К3 // [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404432636/?ysclid=mqglv3ewq996353979 (дата обращения: 15.05.2026).
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2022 г. N 78-КГ22-9-К3 // [Электронный ресурс] URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404432636/?ysclid=mqglwo2mt314150019 (дата обращения: 15.05.2026).
5. Барамзина О.Н., Кирсанов К.А., Кощеева Е.С. Проблемы определения подсудности дел мировому судье по делам о защите прав потребителей // Российский судья. - 2023. - № 11. - С.12 - 16.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. - 2022. - № 267.
7. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2026 № 88-2221/2026 (УИД 27MS0003-01-2025-003978-62) // СПС Консультант плюс (дата обращения: 15.05.2026)
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. - 2012. - № 156.
9. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Российская газета. - 2024. - № 148.
10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. - 2022. - № 261.
11. Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве. 2024. // [Электронный ресурс] URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=69091765

References

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on March 23, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
2. Nikolaychenko O.V. The essence of generic jurisdiction and the procedural consequences of its violation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2017. – No. 4 (117). – pp. 153–160.
3. Determination of the Civil Cases Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 12, 2022, No. 78-KG22-9-K3 // [Electronic resource] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404432636/?ysclid=mqglv3ewq996353979 (accessed: 15.05.2026).
4. Determination of the Civil Cases Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 12, 2022, No. 78-KG22-9-K3 // [Electronic resource] URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404432636/?ysclid=mqglwo2mt314150019 (accessed: 15.05.2026).
5. Baramzina O.N., Kirsanov K.A., Koshcheeva E.S. Problems of determining the jurisdiction of cases to the magistrate in cases concerning the protection of consumer rights // Russian Judge. - 2023. - No. 11. - Pp. 12–16.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022, No. 33 “On the Practice of Courts Applying the Rules on Compensation for Moral Damage” // Rossiyskaya Gazeta. - 2022. - No. 267.
7. Determination of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated 13.02.2026, No. 88-2221/2026 (UID 27MS0003-01-2025-003978-62) // SPS Consultant Plus (accessed: 15.05.2026)
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012, No. 17 “On the consideration by courts of civil cases involving disputes over the protection of consumers’ rights” // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – No. 156.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2024, No. 19 “On the application by courts of legislation on voluntary property insurance” // Rossiyskaya Gazeta. - 2024. - No. 148.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.11.2022 No. 21 “On the Application by Courts of the Legislation on Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners” // Rossiyskaya Gazeta. - 2022. - No. 261.
11. Tumanov D.A. Protection of Public Interests in Civil Proceedings. 2024. // [Electronic resource] URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=69091765

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_218

УДК 347.426.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
THE LEGAL NATURE OF HARM CAUSED BY LAWFUL ACTIONS OF THE POLICE: PROBLEMS OF DEFINITION

НАДТАЧАЕВ Павел Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский юридический институт МВД России», полковник полиции.
450103 Россия, г. Уфа, ул. Муксинова 2.
E-mail: napaval77@mail.ru

NADTACHAEV Pavel Valerievich,
the candidate of jurisprudence, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federal State Educational Institution of Higher Education, the colonel of police.
450103, Russia, Ufa, Muksinova Street, 2.
E-mail: napaval77@mail.ru

МЕЛЬНИК Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.В. Лукьянова», полковник полиции.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.
E-mail: k021@mail.ru

MELNIK Sergey Vasylevich,
the professor of civil disciplines of Federal public educational of higher education Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, the candidate of jurisprudence, the associate professor, the colonel of police.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Street, house 2.
E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируется правовая природа отношений, возникающих из вреда, причинённого правомерными действиями сотрудников полиции. Авторы указывают на невозможность квалификации подобных случаев как классического деликта ввиду отсутствия ключевого признака противоправности и возникновения ущерба непосредственно из правомерных действий при исполнении служебных полномочий. Квалификация подобных отношений как квазиделиктных обосновывается тем, что компенсация в данном случае служит не санкцией за вину, а инструментом распределения публичных рисков. Такой подход позволяет определить границы ответственности государства и обеспечить баланс частных и публичных интересов при компенсации исключительно имущественного ущерба.*

Abstract*. The article analyzes the legal nature of relations arising from harm caused by lawful actions of police officers. The authors point out that it is impossible to qualify such cases as a classic tort due to the absence of a key sign of illegality and the occurrence of damage directly from lawful actions in the performance of official duties. The qualification of such relations as quasi-contractual is justified by the fact that compensation in this case does not serve as a sanction for guilt, but as a tool for distributing public risks. This approach makes it possible to define the boundaries of state responsibility and ensure a balance of private and public interests when compensating exclusively for property damage.*

Ключевые слова: *гражданские правоотношения, компенсация ущерба, правомерные действия, возмещение вреда, полиция, обязательства вследствие причинения вреда, баланс интересов, причинение вреда, квазиделикт.*

Keywords: *civil law relations, compensation for damage, lawful actions, compensation for harm, police, obligations due to harm, balance of interests, harm, quasi-delict.*

Для цитирования: *Надтачаев П.В., Мельник С.В. Правовая природа вреда, причинённого правомерными действиями полиции: проблемы определения // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 218-220. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_218.*

For citation*: Nadtachaev P.V., Melnik S.V. The legal nature of harm caused by lawful actions of the police: problems of definition // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 218-220. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_218.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В условиях усиления роли государства в обеспечении общественной безопасности и расширения полномочий полиции особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе вреда, причиняемого гражданам в ходе законных, но потенциально опасных служебных действий. Яркими примерами могут служить применение физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия сотрудниками полиции при пресечении правонарушений или преступлений, проникновении в жилище, преследовании и задержании подозреваемых и т.п. Формально такие действия соответствуют требованиям Федерального закона «О полиции», однако их последствия могут привести к образованию как имущественного вреда, так и вреда причиняемого здоровью и жизни граждан (ранения, травмы, а в отдельных случаях – гибель граждан).

Это порождает правовой дисбаланс между публичными и частными интересами, т.е. конфликт между публичной обязанностью государства по эффективному пресечению правонарушений и конституционными правами граждан на неприкосновенность личности, здоровья и частной собственности (ст. 21-25, 35, 36 Конституции РФ). Сложившаяся правоприменительная практика характеризуется существенным нормативным разрывом, при котором действия сотрудников правоохранительных органов признаются полностью правомерными и обоснованными с точки зрения административного регламента, однако фактически наносят ущерб имущественным или личным неимущественным интересам третьих лиц. В

результате законопослушные граждане, понесшие ущерб в ходе оперативно-служебной деятельности полиции, зачастую лишены действенного юридического механизма для полного и оперативного восстановления своих нарушенных прав.

Прежде всего правовую природу правомерного вреда стоит разграничить от вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц (ст. 1069, п. 2 ст. 1070 ГК РФ). Традиционно гражданско-правовая теория опирается на презумпцию виновности и противоправности поведения причинителя, что характерно для классического деликта. Однако при оценке действий полиции такая логика заходит в тупик. Если сотрудник применяет физическую силу, табельное оружие или спецсредства строго в рамках Федерального закона «О полиции», его поведение юридически безупречно. Здесь отсутствует главный элемент правонарушения – противоправность. В рамках ст. 1069 и п. 2 ст. 1070 ГК РФ ответственность государства наступает лишь как санкция за управленческую ошибку или произвол, где незаконность акта власти или действие должностного лица очевидно. Напротив, правомерный вред возникает в ситуации, когда государство через своего представителя выбирает «меньшее из зол», защищая правопорядок ценой умаления интересов случайных лиц.

Классическая модель, основанная на генеральном деликте в таких спорах, пробуксовывает из-за жесткой привязки к вине. Суды часто отказывают гражданам в исках к казне, мотивируя это законностью приказов и действий сотрудников. Получается парадокс: чем профессиональнее сработал полицейский, тем меньше шансов у пострадавшего соседа или автовладельца получить компенсацию по правилам ст. 1069 и п.2 ст. 1070 ГК РФ.

Попытка втиснуть эти отношения в рамки обычного гражданского правонарушения игнорирует публичную природу риска, который несет общество при выполнении государством охранных функций. В случае с правомерным вредом речь идет не о наказании виновного сотрудника, а о справедливом распределении бремени чрезвычайных расходов. Когда полиция взламывает чужую дверь для поимки преступника, ущерб наносится не из-за «плохой» работы ведомства, а ради безопасности всех граждан. Поэтому подмена понятий и навязывание в подобных случаях пострадавшему роли истца в деликтном споре создает ложный вектор доказывания, где вместо оценки размера ущерба стороны вынуждены годами спорить о правомерности или не правомерности действий сотрудников полиции.

Не все так же однозначно обстоит с квалификацией действий, совершенных в состоянии крайней необходимости. Данный правовой институт занимает пограничное положение в противопоставлении между противоправными деяниями и правомерным причинением вреда.

Крайняя необходимость в цивилистическом понимании детерминирована устранением опасности, угрожающей самому причинителю или третьим лицам, при условии, что данная опасность не могла быть устранена иными средствами. Здесь законодатель признает действия социально полезными или допустимыми. При этом он сохраняет обязанность возместить ущерб.

Выявленный парадокс заключается в признании целесообразности или прямой необходимости совершенного действия при одновременном сближении его имущественных последствий с признаками обычного деликта. Разрыв между правомерностью стимула и вредоносностью результата заставляет суд искать баланс интересов. Судебная дискреция, закрепленная в ст. 1067 ГК РФ, позволяет перенести обязанность по возмещению вреда на третье лицо, в чьих интересах действовал причинитель, либо вовсе освободить обе стороны от выплат. Такой подход фактически размывает жесткие границы концепции генерального деликта, которая традиционно замыкается на фигуре конкретного причинителя вреда. В данном случае крайняя необходимость служит основанием, чтобы перераспределить убытки, опираясь на соразмерность и справедливость. Это превращает ее в автономный институт, ограничивающий общее правило об ответственности любого лица, чьи действия повлекли умаление чужого блага.

Специфика проблемы в том, что гражданское право, в отличие от уголовной доктрины, сохраняет компенсационную функцию даже при социальной полезности или допустимости действий. Таким образом, ст. 1067 ГК РФ работает как специальная норма, не отменяя саму конструкцию генерального деликта, но существенно трансформируя механизм реализации ответственности. Исключением здесь выступает правомерный вред, причиненный сотрудниками полиции, которые законом освобождены от возмещения. При этом далеко не любое вмешательство полиции подпадает под признаки крайней необходимости; показательный пример – случайный ущерб третьим лицам при проведении силовых операций. Вместе с тем п. 3 ст. 1064 ГК РФ предусматривает возможность возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, но только в случаях, прямо предусмотренных законом. К таким случаям закон относит: возмещение за изымаемый земельный участок (ст. ст. 279, 281 ГК РФ); возмещение транспортным организациям расходов понесенных в связи с предоставлением льгот или преимущества по провозной плате за перевозку грузов, пассажиров и багажа (ст. 790 ГК РФ); компенсацию Российской Федерацией ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями органа регистрации прав (ст. 66 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»); возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта (ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»); возмещение владельцам транспортных средств понесенных ими расходов либо причиненного им материального ущерба (п. 37 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»).

Как видно из приведенных примеров только в двух случаях он касается вреда, причиненного силовыми структурами, в то время как вред, нанесенный правомерными действиями сотрудников, может быть более разнообразным. Например, повреждение имущества, причинение телесных повреждений гражданам в ходе задержания преступника и т.п.

В 2012 году в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) была добавлена ст. 16.1 «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления». Данная статья также, как и п. 3 ст. 1064 ГК РФ предусматривает возможность реагирования на негативный результат правомерных действий в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом.

Перечень случаев, указанных в законе, остался прежними, что и для п. 3 ст. 1064 ГК РФ, перечисленный нами выше.

Вместе с тем назвать эти нормы идентичными или дублирующими друг друга нельзя. Между ними есть существенные отличия, так в ст. 16.1 ГК РФ было определено, что подлежит компенсации ущерб, а не возмещается вред. Четко был обозначен круг ответственных лиц и лиц, имеющих право на компенсацию за ущерб. К первым были отнесены государственные органы, органы местного самоуправления или должностные лица этих органов, а также иные лица, которым государством делегированы властные полномочия. Ко вторым – физические лица за ущерб, причиненный личности или имуществу, а также юридические лица за ущерб, причиненный их имуществу.

Казалось бы, вопрос решен, но в правоприменительной практике за почти 14 лет существования этой нормы вопросов, связанных с удовлетворением интересов потерпевших от правомерных действий сотрудников полиции только прибавилось.

Так что же представляет собой правовая природа правоотношений, возникающих в результате причинения правомерного вреда? В юридической литературе не сложилось однозначного мнения по поводу правовой природы правоотношений, связанных с причинением правомерного вреда. Одни авторы указанные правоотношения рассматривают как деликтные обязательства или специальный деликт [1, 2, 3].

Специальные деликты в отечественном законодательстве выделяются по принципу привлечения к ответственности лица совершившего деяние, выразившееся в виде действия или бездействия повлекшего за собой вредоносные последствия без наличия признаков полного юридического состава, предусмотренного генеральным деликтом, нашедшим свое отражение в п.1 ст. 1064 ГК РФ. В отличие от указанной статьи, устанавливающей универсальную презумпцию вины, специальные составы изменяют условия наступления ответственности, исходя из правового статуса причинителя или характера его деятельности. Здесь вина нередко уступает место объективному вменению, как в случае с владельцами источников повышенной опасности, либо дополняется специфическими процессуальными гарантиями при деликтах власти. Специальный деликт выступает инструментом целевого распределения рисков, позволяя законодателю гибко регулировать ответственность в зонах повышенной социальной значимости или профессионального риска.

Но при более детальном анализе мы приходим к выводу, что специальный деликт это один из видов обязательства вследствие причинения вреда, где противоправность деяний лица очевидна, а вина лица презюмируется, хотя в отдельных случаях и не учитывается.

В этой связи точка зрения Н. А. Малышевой представляется наиболее интересной и на наш взгляд верной. В своих работах [3, 4, 5] автор последовательно обосновывает принцип неполного возмещения вреда в контексте правоотношений, возникающих из правомерных действий госорганов (ст. 16.1 ГК РФ), как квазиобязательство. Автор подчёркивает, что такие ситуации не подпадают под классические деликтные обязательства. Вред возникает не из-за нарушений закона, а вследствие реализации властных полномочий в установленных рамках.

Ключевым аргументом здесь служит необходимость баланса частных и публичных интересов: государство, допуская возможность ущерба при выполнении социально значимых задач (например, пресечении преступлений), берёт на себя обязанность компенсировать лишь реальный имущественный ущерб (ст. 16.1 ГК РФ), исключая упущенную выгоду. Это не мера ответственности за вину, а форма государственной компенсации. Своего рода компромисс, обеспечивающий эффективность госуправления без чрезмерной нагрузки на бюджет.

Квазиобязательственная природа данных отношений определяет компенсацию не как инструмент ответственности, а как способ частичного восстановления прав потерпевшего на стыке частных и публичных интересов.

Авторы статьи считают изложенную точку зрения наиболее отвечающей современному пониманию правовой природы отношений, связанных с негативными последствиями, возникающими в результате правомерных действий сотрудников полиции, с небольшим уточнением. Соглашаясь с их квазиобязательственной природой, считаем более верным квалифицировать их как квазиделикт, что по нашему мнению более точно отражает их содержание.

Список литературы:

1. Алыев, Р. А. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций / Р. А. Алыев // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 96-98. – EDN OSLOQB.
2. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014.
3. Гражданское право: В 2 т. / Под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2009.
4. Малышева, Н. А. Принцип неполного возмещения вреда в квазиобязательственных правоотношениях / Н. А. Малышева // Цивилист. – 2022. – № 1(37). – С. 81-85. – EDN YDZQNZ.
5. Малышева, Н. А. Статья 16.1 ГК РФ как норма-принцип / Н. А. Малышева // Цивилист. – 2022. – № 3(39). – С. 61-67. – EDN UUCHGF.
6. Малышева, Н. А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в системе внедоговорных обязательств / Н. А. Малышева // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : Сборник научных трудов Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 14 мая 2021 года / Сост. А. В. Тумаков. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. – С. 102-105. – EDN HAYONL.

References:

1. Alyev, R. A. Compensation for damage caused by lawful actions during counter-terrorism operations / R. A. Alyev // Sovremennoe pravo. – 2018. – No. 4. – Pp. 96–98. – EDN OSLOQB.
2. Gints E. M. Compensation for damage caused by lawful actions of state bodies: dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. Moscow, 2014.
3. Civil Law: In 2 vols. / Edited by E. A. Sukhanov. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Wolters Kluwer, 2009.
4. Malysheva, N. A. The Principle of Incomplete Compensation for Harm in Quasi-Obligatory Legal Relations / N. A. Malysheva // Civilist. – 2022. – No. 1(37). – Pp. 81–85. – EDN YDZQNZ.
5. Malysheva, N. A. Article 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation as a norm-principle / N. A. Malysheva // Civilist. – 2022. – No. 3(39). – Pp. 61–67. – EDN UUCHGF.
6. Malysheva, N. A. Compensation for damage caused by lawful actions of state bodies in the system of non-contractual obligations / N. A. Malysheva // Reform of the legal model of contractual and non-contractual obligations in the era of creating a national digital ecosystem: Collection of scientific papers, All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, May 14, 2021 / Compiled by A. V. Tumakov. – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, 2021. – Pp. 102–105. – EDN HAYONL.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_221

УДК 347.736

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК С КРИПТОВАЛЮТОЙ И ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ В РАМКАХ БАНКРОТСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

CHALLENGING TRANSACTIONS WITH CRYPTOCURRENCY AND DIGITAL ASSETS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND SOLUTIONS

СТАРОДУБОВА Людмила Валериевна,
старший преподаватель департамента частного права
ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru;

ЛИНЧЕНКО Полина Владимировна,
Студент ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: poly.linchenko@yandex.ru

СОКОЛОВА Анастасия Александровна,
К.э.н., доцент департамента частного права,
ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: envevessa@mail.ru;

STARODUBOVA Lyudmila Valerievna,
Senior Lecturer of the Department of Private Law Togliatti State University.
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru;

LINCHENKO Polina Vladimirovna,
Student of Togliatti State University.
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: poly.linchenko@yandex.ru

SOKOLOVA Anastasia Alexandrovna,
Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Private Law
Tolyatti State University.
14 Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: envymesaa@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам оспаривания сделок с криптовалютой и цифровыми активами в процедурах банкротства. Анализируется правовая природа цифровых активов, выявляются пробелы в законодательном регулировании, препятствующие эффективному возврату криптоактивов в конкурсную массу. На основе судебной практики рассмотрены основные подходы к квалификации сделок с цифровыми активами по основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве. Выявлены ключевые проблемы, включая отсутствие процедурных механизмов ареста и реализации криптоактивов, недостаточную техническую грамотность арбитражных управляющих и судей, а также трансграничный характер обращения цифровых активов. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство о банкротстве, включая установление механизма «заморозки» криптоактивов, разработку ведомственных регламентов для управляющих, внедрение специализированного программного обеспечения и создание государственной площадки для реализации арестованных цифровых активов.*

Abstract. *The article is devoted to the current problems of challenging transactions with cryptocurrency and digital assets in bankruptcy proceedings. Analyzes the legal nature of digital assets and identifies gaps in legislative regulation that hinder the effective return of crypto assets to the bankruptcy estate. Based on judicial practice, the main approaches to qualifying transactions with digital assets on the grounds provided for by bankruptcy legislation are examined. Key problems are identified, including the lack of procedural mechanisms for the seizure and realization of crypto assets, insufficient technical literacy of insolvency administrators and judges, as well as the cross-border nature of digital asset circulation. Proposals are formulated for amending bankruptcy legislation, including the establishment of a mechanism for "freezing" crypto assets, the development of departmental regulations for administrators, the implementation of specialized software, and the creation of a state platform for the realization of seized digital assets.*

Ключевые слова: *криптовалюта, цифровые активы, банкротство, оспаривание сделок, конкурсная масса, арбитражный управляющий, судебная практика, блокчейн.*

Keywords: *cryptocurrency, digital assets, bankruptcy, challenging transactions, bankruptcy estate, insolvency administrator, judicial practice, blockchain.*

Для цитирования: *Стародубова Л.В., Линченко П.В. Оспаривание сделок с криптовалютой и цифровыми активами в рамках банкротства: проблемы правового регулирования и пути их решения // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 221-224. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_221.*

For citation*: Starodubova L.V., Linchenko P.V. Challenging transactions involving cryptocurrency and digital assets within the framework of bankruptcy: problems of legal regulation and ways to resolve them // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 221-224. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_221.*

Статья поступила в редакцию: 25.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Правовое регулирование сделок с криптовалютой и цифровыми активами существенно отстает от технологических и рыночных реалий.

Правовая природа цифровых активов остается дискуссионной, а их правовой режим в большинстве юрисдикций либо отсутствует, либо находится в стадии становления. Эта нормативная неопределенность порождает значительные риски для участников оборота, особенно в области защиты прав и законных интересов при совершении сделок. Ключевая проблема заключается в том, что классические гражданско-правовые конструкции оспоримости и ничтожности сделок, разработанные для материального мира и традиционных активов, оказываются плохо применимы к транзакциям в блокчейне в силу их децентрализованной, анонимной и трансграничной природы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере оспаривания сделок с криптовалютой и цифровыми активами в рамках процедур несостоятельности (банкротства), а также судебная и правоприменительная практика, связанная с возвратом цифровых активов в конкурсную массу.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, процедурные механизмы выявления, ареста, оценки и реализации криптоактивов в рамках банкротства законодательно не урегулированы, что вынуждает суды и арбитражных управляющих действовать по аналогии закона или аналогии права. Во-вторых, криптовалюты стали излюбленным инструментом недобросовестных должников для вывода активов из-под контроля кредиторов и управляющих благодаря своей псевдоанонимности и трансграничности. В-третьих, большинство арбитражных управляющих и судей не обладают достаточной технической грамотностью для работы с блокчейном, что приводит к ошибкам в квалификации и доказывании. В-четвертых, децентрализованная природа активов и размещение криптовалютных бирж вне российской юрисдикции создают практически непреодолимые препятствия для полноценного взыскания.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе судебной практики оспаривания сделок с криптовалютой в процедурах банкротства за период 2022-2026 гг. с выявлением устойчивых правовых позиций судов. В статье систематизированы основания оспаривания сделок с цифровыми активами, применяемые в рамках законодательства о банкротстве, выявлены правовые последствия отказа должника от предоставления доступа к криптокошельку, обоснована необходимость внесения изменений в законодательство о банкротстве в части установления специальных процедур ареста и реализации криптоактивов, а также предложен комплекс мер организационного и технического характера, направленных на повышение эффективности работы арбитражных управляющих с цифровыми активами.

Согласно законодательству о банкротстве, сделки с криптовалютой могут быть признаны недействительными по следующим основаниям: неэквивалентное встречное исполнение (например, приобретение неликвидной или фиктивной монеты), причинение ущерба имущественным правам кредиторов, либо предпочтительное удовлетворение требований одного из них в ущерб остальным. Судебная практика подтверждает применимость этих норм и к цифровым активам. Так, в деле по постановлению Арбитражного суда Поволжского округа от 01.06.2023 № А65-18296/2021 суд отказал в возврате в конкурсную массу денежных средств, потраченных на криптовалюту BIP [5]. Несмотря на то, что финансовый управляющий указывал на отсутствие встречного исполнения, суды установили, что должник действительно получил криптовалюту через Telegram-бот, а факт передачи был подтверждён данными транзакций. Суд указал, что даже при отсутствии доступа управляющего к активам, сам факт исполнения сделки подтверждает её действительность. Интересен также случай, связанный с криптовалютой OneCoin, признанной крупнейшей криптоаферой. В деле по определению Арбитражного суда Пермского края от 11.01.2022 по делу № А50-6372/2018 суд признал сделки по покупке OneCoin безвозмездными, поскольку эта монета не обладает реальной ценностью [7]. Деньги были возвращены в конкурсную массу. Суд квалифицировал действия должника как злоупотребление правом, направленное на сокрытие имущества. Ещё один показательный эпизод – оспаривание сделок, в рамках которых должник использовал банковские счета для покупки криптовалюты на бирже Binance от имени третьих лиц. Суд установил, что сделки были совершены без согласия должника на оплату от своего имени за других участников. Скриншоты переписок, ордера и переводы с карты были признаны недостаточными доказательствами, и средства вернулись в конкурсную массу. Однако из-за ущерба добросовестным участникам рынка кассационная инстанция направила дело на новое рассмотрение (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.06.2024 по делу № А57-1904/2022) [6]. В настоящее время практика всё чаще показывает, что арбитражные управляющие могут требовать у должника доступ к криптокошельку. В таком случае в присутствии нотариуса составляется акт приёма-передачи, и криптовалюта включается в конкурсную массу. Если же должник отказывается передать доступ, суд может не освободить его от обязательств после завершения процедуры банкротства (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.06.2023 по делу № А75-14563/2021) [4].

Из представленной судебной практики следует, что подход судов к цифровым активам в делах о банкротстве неоднозначен и зависит от наличия реальной ценности криптовалюты и добросовестности должника. Если факт получения криптовалюты (например, BIP через Telegram-бот) подтверждён транзакциями, суд может отказать в возврате средств в конкурсную массу, признав сделку действительной. Однако в случаях с заведомо необеспеченными активами (OneCoin) или при попытке сокрытия имущества через счета третьих лиц суды возвращают деньги в конкурсную массу, квалифицируя действия должника как злоупотребление правом. При этом современная практика идёт по пути активного истребования доступа к криптокошелькам: отказ должника передать такой доступ может повлечь отказ в освобождении от обязательств после банкротства. Таким образом, криптоактивы всё чаще признаются имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу, а их сокрытие влечёт негативные правовые последствия для должника.

Зарубежная практика рассмотрения дел о банкротстве криптокомпаний, в первую очередь громкое дело FTX (банкротство с ноября 2022 года), предоставляет ценный опыт для формирования российского подхода к оспариванию сделок с цифровыми активами. В октябре 2024 года суд по делам о банкротстве штата Делавэр утвердил план реорганизации FTX, предусматривающий возврат более 14 млрд долларов кредиторам, причём 98% кредиторов получат 119% от суммы их подтверждённых требований. Ключевым аспектом этого дела для России является прецедентный подход к оспариванию транзакций: американский суд признал, что даже в отсутствие прямых доказательств недобросовестности контрагента,

бремя доказывания может быть перераспределено в пользу конкурсного управляющего при наличии признаков «подозрительного периода» (preferential transfer). Кроме того, в рамках дела FTX был выработан механизм взаимодействия с криптовалютными биржами для заморозки и возврата активов, основанный на межюрисдикционных запросах. Показательным является эпизод, когда суд отклонил попытку FTX Recovery Trust ограничить выплаты кредиторам из 49 юрисдикций (включая Россию и Китай), сославшись на необоснованность дискриминационных условий. Для российской правовой системы из этого дела следует извлечь урок о необходимости:

— закрепления в законодательстве механизмов международного сотрудничества по розыску и возврату криптоактивов;

— создания типовых форм судебных запросов к крупнейшим криптобиржам;

— признания зарубежных судебных актов о возврате криптовалюты на территории РФ при условии соблюдения принципа взаимности.

Только комплексный учёт международного опыта позволит сформировать эффективную систему конкурсного оспаривания сделок с цифровыми активами в Российской Федерации.

В настоящий момент одной из ключевых проблемой правоприменения остаётся неопределенность правового статуса криптовалюты как объекта гражданских прав. Хотя Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» ввёл понятие «цифровая валюта», легальное определение криптовалюты как имущества в законодательстве о банкротстве отсутствует. Это порождает коллизии: арбитражные управляющие вынуждены обосновывать включение криптоактивов в конкурсную массу через аналогию закона, ссылаясь на положения ст. 128 ГК РФ, где перечень объектов гражданских прав является открытым. В судебной практике наблюдается разброс подходов – от признания криптовалюты «иным имуществом» до отказа в её включении из-за невозможности ареста и оценки. В связи с этим представляется необходимым внесение изменений в ст. 128 ГК РФ и ст. 131 Закона о банкротстве, прямо закрепляющих цифровую валюту в качестве объекта, подлежащего включению в конкурсную массу, с одновременным установлением особенностей ее реализации. Однако, стоит отметить, что «существенным фактором, способным кардинально изменить правовой ландшафт оспаривания сделок с криптовалютой в процедурах банкротства, является принятый Государственной Думой в первом чтении 21 апреля 2026 года законопроект № 1194929-8, направленный на приведение терминологии и положений 15 федеральных законов в соответствие с новым базовым законом о цифровой валюте и цифровых правах» [2]. По нашему мнению, указанный законопроект, внесённый Правительством РФ и одобренный правкомиссией, вносит принципиальные изменения в законодательство о банкротстве: цифровая валюта признаётся валютной ценностью, вводится обязанность уведомлять ФНС об открытии криптокошельков, а также устанавливаются правила обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие меры по совершенствованию правового регулирования. В части внесения изменений в законодательство о банкротстве предлагается установить процедуру «заморозки» (ареста) криптоактивов не через традиционный запрет распоряжения, а через обязательство должника предоставить доступ к кошелькам и биржам под угрозой неосвобождения от долгов; разработать ведомственный регламент для арбитражных управляющих (например, через приказ Минэкономразвития РФ); утвердить форму нотариального акта осмотра и фиксации содержимого криптокошелька, который будет иметь силу исполнительного документа. Также предлагается создать межведомственную рабочую группу при ФНС, Банке России, Росфинмониторинге с привлечением представителей арбитражных судов и СРО управляющих для обмена опытом и лучшими практиками, формирования типовых судебных запросов к крупнейшим биржам (Binance, Bybit и др.), разработки методик отслеживания транзакций по публичным блокчейнам, обязательного повышения квалификации для арбитражных управляющих по программе «Цифровые активы в исполнительном производстве и банкротстве», а также формирования открытого реестра судебных решений по данной категории дел с детальной аналитикой для унификации подходов судов. Кроме того, необходимо разработать и внедрить специализированное программное обеспечение для управляющих, позволяющее анализировать банковские операции и выявлять подозрительные переводы на криптобиржи или P2P-платформы, проводить базовую проверку публичных адресов (wallet address) в блокчейн-обозревателях, систематизировать собранные доказательства (скриншоты, выписки, хэши транзакций). Целесообразным представляется также создание государственной или аккредитованной площадки-агрегатора для реализации арестованных криптоактивов, что обеспечит прозрачность, контроль и максимальную выручку в пользу кредиторов.

Для преодоления технической некомпетентности управляющих целесообразно ввести обязательный сертификационный модуль по работе с блокчейн-транзакциями в программы подготовки арбитражных управляющих. Современные инструменты анализа блокчейна (Chainalysis, Crystal Blockchain) позволяют отслеживать движение средств даже по анонимным кошелькам, однако доступ к ним у большинства российских управляющих отсутствует. Предлагается создание при СРО специализированных аналитических отделов, уполномоченных проводить блокчейн-расследования по поручению управляющих.

Результаты исследования могут быть применены в законотворческой деятельности при подготовке изменений в законодательство о несостоятельности (банкротстве) и иные нормативные правовые акты. Конкретным примером такой реализации является проект дополнения Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» новой статьёй, регулирующей порядок работы с цифровыми активами в процедурах банкротства. Предлагается дополнить главу III «Лица, участвующие в деле о банкротстве» статьёй 20.10 «Особенности выявления, ареста и реализации цифровых активов в процедурах банкротства». В целях указанной статьи под цифровыми активами понимаются цифровая валюта, цифровые финансовые активы, а также иные цифровые права, признаваемые объектами гражданских прав в соответствии с

законодательством Российской Федерации. Арбитражный управляющий при выявлении сведений о наличии у должника цифровых активов обязан провести анализ банковских выписок, платёжных документов и иных сведений для установления факта владения должником цифровыми активами, направить в суд ходатайство об истребовании у должника доступа к криптокошелькам, аккаунтам на криптовалютных биржах и иным носителям цифровых активов, а в случае неисполнения должником обязанности по предоставлению доступа в течение десяти рабочих дней с момента вынесения судом соответствующего определения обратиться в суд с заявлением о неприменении правил об освобождении должника от обязательств после завершения процедуры банкротства. Арест цифровых активов предлагается осуществлять путём составления нотариального акта осмотра и фиксации содержимого криптокошелька или аккаунта на криптовалютной бирже, который является основанием для включения сведений о наличии и объёме цифровых активов в конкурсную массу. Реализация цифровых активов, включённых в конкурсную массу, осуществляется на специализированной электронной площадке, определённой Правительством Российской Федерации, а порядок реализации, включая требования к оператору площадки, форме торгов и расчётам, устанавливается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации. До утверждения указанного порядка реализация цифровых активов осуществляется путём проведения торгов в форме аукциона с использованием программно-технических средств, обеспечивающих фиксацию перехода прав на цифровые активы в распределённом реестре (блокчейне), при этом расчёты осуществляются в рублях с последующей конвертацией на организованных торгах или с привлечением аккредитованной криптовалютной биржи. Средства, полученные от реализации цифровых активов, зачисляются в конкурсную массу и распределяются в порядке, установленном настоящим Федеральным законом. Внедрение указанных изменений позволит сформировать эффективный правовой механизм выявления, ареста и реализации цифровых активов в процедурах банкротства, что обеспечит баланс интересов должников и кредиторов, исключит возможность безнаказанного вывода криптоактивов из конкурсной массы и повысит эффективность института банкротства в целом.

Также результаты исследования могу быть применены в правоприменительной деятельности арбитражных судов при формировании единообразной практики по делам об оспаривании сделок с цифровыми активами; в деятельности арбитражных управляющих при выявлении, аресте и реализации криптоактивов в рамках процедур банкротства; а также в учебном процессе юридических вузов при изучении курсов предпринимательского права, конкурсного права и цифрового права.

Таким образом, мы пришли к выводу, что существующее правовое регулирование оспаривания сделок с криптовалютой и цифровыми активами в процедурах банкротства не отвечает современным технологическим и экономическим реалиям. Отсутствие специальных процедурных механизмов, недостаточная техническая оснащённость арбитражных управляющих и пробелы в законодательстве приводят к тому, что криптоактивы остаются вне конкурсной массы, а недобросовестные должники получают возможность безнаказанно выводить имущество из-под контроля кредиторов. Предложенные в статье изменения – как законодательные, так и организационно-технические – направлены на формирование эффективной системы выявления, ареста, оценки и реализации цифровых активов в рамках банкротства. Внедрение указанных мер позволит повысить эффективность процедур несостоятельности, обеспечить баланс интересов должников и кредиторов, а также создать условия для дальнейшего развития цифрового оборота в Российской Федерации.

Список литературы

1. Алексеева Д. Г., Кузнецов А. В. Цифровые активы в банкротстве: проблемы и перспективы // Вестник арбитражной практики. 2024. № 2.
2. Артемов М. Терминологию о цифровой валюте приведут к единообразию // Парламентская газета. - 2026. - 20 апреля. - URL: https://www.pnp.ru/economics/terminologiyu-o-cifrovoy-valyute-privedut-k-edinoobraziyu.html (дата обращения: 01.04.2026).
3. Левушкин А. Н., Козлов Т. Л. Правовой режим криптовалюты как объекта гражданских прав // Предпринимательское право. 2023. № 4.
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.06.2023 № Ф04-2427/2023 по делу № А75-14563/2021 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online197910 (дата обращения: 01.04.2026).
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.06.2023 по делу № А65-18296/2021 [Электронный ресурс]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jYBWvqDGnWVY/ (дата обращения: 01.04.2026).
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.06.2024 по делу № А57-1904/2022 [Электронный ресурс]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/qitqdzqP75UZ/ (дата обращения: 01.04.2026).
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.12.2019 по делу № А50-6372/2018 [Электронный ресурс]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GBPa3zjmkOxd/ (дата обращения: 01.04.2026).
8. Суворов Е. Д. Оспаривание сделок должника с цифровыми активами в деле о банкротстве // Арбитражный управляющий. 2025. № 1. С. 34-41.
9. Филиппова С. Ю. Цифровые финансовые активы в системе объектов гражданского права // Закон. 2023. № 8.

References

1. Alekseeva, D. G., and A. V. Kuznetsov. "Digital Assets in Bankruptcy: Problems and Prospects." Bulletin of Arbitration Practice, no. 2, 2024, pp. 23–31.
2. Artemov, M. "Terminology of Digital Currency to Be Unified." Parliamentary Gazette, 20 Apr. 2026, www.pnp.ru/economics/terminologiyu-o-cifrovoy-valyute-privedut-k-edinoobraziyu.html. Accessed 1 Apr. 2026.
3. Levushkin, A. N., and T. L. Kozlov. "Legal Regime of Cryptocurrency as an Object of Civil Rights." Entrepreneurial Law, no. 4, 2023,
4. Ruling of the Arbitration Court of the West-Siberian District, 6 June 2023, No. F04-2427/2023 in Case No. A75-14563/2021. Consultant.ru, www.consultant.ru/cons/cgi/online197910. Accessed 1 Apr. 2026.
5. Ruling of the Arbitration Court of the Volga District, 5 June 2023, in Case No. A65-18296/2021. Sudact.ru, sudact.ru/arbitral/doc/jYBWvqDGnWVY/. Accessed 1 Apr. 2026.
6. Ruling of the Arbitration Court of the Volga District, 4 June 2024, in Case No. A57-1904/2022. Sudact.ru, sudact.ru/arbitral/doc/qitqdzqP75UZ/. Accessed 1 Apr. 2026.
7. Ruling of the Seventeenth Arbitration Court of Appeals, 30 Dec. 2019, in Case No. A50-6372/2018. Sudact.ru, sudact.ru/arbitral/doc/GBPa3zjmkOxd/. Accessed 1 Apr. 2026.
8. Suvorov, E. D. "Challenging Debtor's Transactions Involving Digital Assets in Bankruptcy Proceedings." Arbitration Manager, no. 1, 2025, pp. 34–41.
9. Filippova, S. Yu. "Digital Financial Assets in the System of Civil Law Objects." Law, no. 8, 2023, pp. 56–64.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_225

УДК 347.6

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО НА ПЕРЕХОД ДОЛИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
PRE-EMPTIVE RIGHT TO TRANSFER A SHARE: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

ИЗМАЙЛОВ Виталий Викторович,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры социологии и управления института фундаментального образования
Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова.
308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46.
E-mail: vizmailov@mail.ru

IZMAILOV Vitalii Viktorovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Sociology and Management
at the Institute of Fundamental Education Belgorod State Technological University V.G. Shukhov University.
Address: 46 Kostyukova Street, Belgorod, 308012.
E-mail: vizmailov@mail.ru

Краткая аннотация: *Преимущественное право – это юридический термин, который концентрируется вокруг понятия «правовое преимущество». ГК РФ предоставил участникам ООО привилегированное право на покупку доли или части доли компании. Законодательно установлены порядок осуществления данного привилегированного права и время, на протяжении которого участники компании имеют возможность воспользоваться своими правами. В представленной статье определены сущностные аспекты преимущественного права на переход доли, установлено современное состояние закрепления на уровне корпоративного законодательства и перспективы правового регулирования в современной России.*

Abstract: *Preemptive right is a legal term that centers around the concept of "legal advantage." The Civil Code of the Russian Federation granted the participants of the LLC a privileged right to purchase a share or part of a share of the company. The legislation establishes the procedure for exercising this privileged right and the time during which the company's participants have the opportunity to exercise their rights. The presented article defines the essential aspects of the pre-emptive right to transfer a share, establishes the current state of consolidation at the level of corporate legislation and the prospects for legal regulation in modern Russia.*

Ключевые слова: *Корпоративные отношения, преимущественное право, доля, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, корпорация, акция, современное правовое регулирование, перспективы развития.*

Keywords: *Corporate relations, pre-emptive right, share, limited liability company, joint-stock company, corporation, share, modern legal regulation, development prospects.*

Для цитирования: *Измайлов В.В. Преимущественное право на переход доли: современное состояние и перспективы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 225-228. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_225.*

For citation*: Izmailov V.V. Preemptive right to transfer a share: current state and prospects for legal regulation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 225-228. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_225.*

Статья поступила в редакцию: 27.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Преимущественное право, как правовой инструмент, позволяет определенным категориям субъектов пользоваться отдельными благами или преимуществами в отличие от других участников гражданско-правовых отношений. Основополагающей чертой преимущественного права является его приоритет перед другими аналогичными правами. Для преимущественного права характерно наличие и общих свойств, которые присущи всем терминам, которые являются отражением понятия «правовое преимущество», и специфическим терминам. Это нормативно закрепленная возможность иметь благо, которое отсутствует у других субъектов. Существование преимущественного права возможно только в тех случаях, когда оно выражается в нормах объективного права. В зависимости от сферы применения и конкретных условий, преимущественное право может быть подразделено на внеочередное и первоочередное права. Учитывая его ключевую роль в правовой системе, необходимо продолжить научные исследования в этом направлении, дополняя и уточняя концептуальное понимание преимущественного права.

Российский бизнес и частные лица обоснованно полагаются на устойчивость экономических и гражданско-правовых отношений, доверие к сделкам и договорам с целью планирования своих юридических действий и управления предпринимательскими рисками [7, с. 3]. В текущей редакции Гражданского кодекса (далее - ГК РФ)[1] список преимущественных прав значительно увеличился по сравнению с ГК РСФСР. Современные корпоративные связи являются областью реализации преференциальных прав. На сегодняшний день при продаже части права на общую собственность другому лицу остальные дольщики сохраняют преимущественное право на приобретение этой доли по цене продажи согласно статье 250 ГК РФ. В то же время действующее законодательство не предполагает передачу преимущественного права на покупку доли, которое относится как к движимому, так и к недвижимому имуществу. ГК РФ прямым образом не относит преимущественное право к материальным или нематериальным личным правам, хотя эта деталь имеет значительное значение в контексте вопросов о правопреемстве прав наследства.

В ГК РФ (ст. 66.3) указано, что участники непубличного общества могут единогласно включить в устав порядок осуществления привилегии покупки доли уставного капитала ООО или приобретения размещаемых акций общества (ценных бумаг, конвертируемых в акции).

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

«Рассматривая сделки в уставном капитале акционерного общества, необходимо дифференцировать их по степени влияния на корпоративно-правовое положение участника» [8, с. 170]. Договорные формы ведения бизнеса представляют собой разнообразные виды соглашений, которые используются компаниями для достижения своих целей [2, с. 259]. В соответствии с российским корпоративным законодательством, участники общества сохраняют свои привилегии на приобретение долей или их частей у держателей долей пропорционально их объемам. Это условие действует в том случае, если устав компании не предусматривает иной порядок реализации преимущественного права на покупку долей. В этом случае следует говорить только о специфике корпоративных связей, границы которых не выходят за рамки определенного регулирования, поэтому не могут ставить участников выше других категорий людей, не принимающих участия в указанных корпоративных связях.

Эта точка зрения уже получила косвенное признание в научных работах. В своих исследованиях Ю. Г. Лескова подчеркивает, что упомянутый процесс предоставления очевидных преимуществ для всех направлен на стимуляцию экономической деятельности компаний. Исследователь связывает это с обладанием специфическими данными участниками корпораций, тогда как третьи стороны, не являющиеся членами корпорации [12, с. 10], не располагают такой информацией. Тем временем, члены корпорации стремятся предотвратить вмешательство посторонних лиц в число тех, кто может оказывать влияние на принятие решений внутри компании.

В научных трудах И.С. Чупрунова проводится анализ двух типов преимущественных прав на приобретение доли: (а) тех, которые явно закреплены в корпоративной нормативной базе России и могут быть определены уставом коммерческого предприятия, и (б) таких, которые не фиксированы в российской законодательной системе (непоименованные преимущественные права), но часто интегрируются участниками деловой активности в корпоративные соглашения и другие контракты, касающиеся доли.

Исследователь разделяет преимущественные права на те, что проистекают из законодательства, и те, что стороны определяют на основе соглашения. Он акцентирует внимание на преимущественных правах, которые возникают благодаря юридическим основаниям, зафиксированным в законе, но не являющимися контрактом. Тем не менее, в контрактной деятельности условия о преимущественном праве на заключение определенных сделок (купля-продажа, предоставление услуг и др.) являются распространенными. Нередко, особенно в отношении российских корпораций, корпоративные соглашения содержат договорные преимущественные права на приобретение доли с более обширным спектром применения, чем узаконенные права. В рамках принципа договорной свободы участники могут разработать различные концепции договорных преимущественных прав, учитывая как условия их возникновения, так и их характеристики. Однако в российской правовой доктрине аспекты последствий «нарушения» непоименованных преимущественных прав, а также их различные модификации, по-прежнему остаются малоизученными [13, с. 89].

При предоставлении сторонам права на формирование нового преимущественного права следует учесть интересы третьих сторон. Рассматривая гипотезу, в соответствии с которой непоименованное преимущественное право дает правообладателю возможность настаивать на «переносе прав и обязательств» при заключении сделки между грантором и другой стороной, он приходит к выводу, что это может негативно сказаться на деловой активности. Третьи лица, вступая в контрактные отношения с грантором, могут не осознавать существование внедренного в пользу правообладателя преимущественного права, отличающегося от стандартных, установленных законодательством.

Соответственно, как отмечается в литературе [4, с. 102], [5, с. 60], [1, с. 89], механика работы непоименованных преимущественных прав должна различаться от функционирования поименованных преимущественных прав, особенно при предпосылке добросовестности другой стороны сделки. Как обоснованно установлено в доктрине профессором А.Н. Левушкиным, в рамках корпоративных правоотношений защита законных прав и интересов участников корпорации осуществляется с использованием тех же механизмов, что и для любого другого субъективного гражданского права, но с учетом специфики корпоративных управленческих правоотношений [9, с. 8].

Представленный теоретический обзор научных исследований свидетельствует о ключевой роли исследуемого правового института в сфере корпоративных отношений. Преимущественное право обеспечивает стабильность корпоративной структуры, предотвращает нежелательное вмешательство третьих лиц в деятельность компании и укрепляет доверие между участниками общества. Однако, несмотря на его значимость, существует ряд юридических и практических трудностей, связанных с его реализацией. Законы и нормативные акты, регулирующие данную область, зачастую содержат нечеткие или двусмысленные положения, что создает проблемы в их толковании и применении. Определение рыночной стоимости доли может стать предметом споров среди участников, особенно при попытках продать долю третьим лицам. Конфликты интересов между акционерами не редкость, особенно если одни из них стремятся продать свои акции, минуя преимущественное право других акционеров.

Полагаем, что защита корпоративных прав имеет большое значение, так как корпорации занимают большую часть среди действующих юридических лиц в России. Большая конкуренция между корпорациями порождает различные конфликты и требует поиска их решений [3, с. 42]. В науке корпоративного права обоснованно определено, что конфликт интересов в корпоративных правоотношениях - предполагаемое законом противоречие, являющееся следствием участия одного и того же лица в нескольких правоотношениях, которое может повлиять на формирование его воли в ущерб правам и охраняемым законом интересам корпорации и ее участников [6, с. 332]. Следует поддержать сложившееся в науке мнение, что «система общих способов защиты корпоративных прав основывается на способах, закрепленных в ст. 12 ГК РФ и дополняемых на уровне федерального законодательства и локальных актов корпораций» [9, с. 10].

Этот процесс может затягиваться, создавая неопределенность для всех сторон. Даже при наличии нарушений, доказать их может быть сложно, особенно если сделка была заключена неформально. К тому же санкции за нарушение правил преимущественного права зачастую оказываются недостаточно строгими. Несмотря на заключение корпоративных договоров, в практике могут возникать проблемы с их выполнением и применением, что подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в этой области.

Необходимость детального регулирования в законодательстве, а также разработка практических рекомендаций для его эффективного

применения, являются актуальными и требующими дополнительного научного анализа.

На сегодняшний день при продаже части права на общую собственность другому лицу остальные дольщики сохраняют преимущественное право на приобретение этой доли по цене продажи согласно статье 250 ГК РФ. В то же время действующее законодательство не предполагает передачу преимущественного права на покупку доли, которое относится как к движимому, так и к недвижимому имуществу. ГК РФ прямым образом не относит преимущественное право к материальным или нематериальным личным правам, хотя эта деталь имеет значительное значение в контексте вопросов о правопреемстве прав наследства.

Исключительное право на приобретение долей (акций) в ООО и АО является законодательным ограничением, служащим инструментом регулирования и определяющим рамки для уполномоченного субъекта на реализацию предоставленных ему возможностей управления собственным имуществом.

В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе носящих предпринимательский характер [10, с. 16], [11, с. 32]. Преимущественное право покупки, как право первоочередного приобретения доли или акции, прежде чем она будет продана третьей стороне, закреплено в разных нормах законодательства это право регулируется императивно и диспозитивно:

1. Ст. 21 ФЗ ООО имеет императивный характер регулирования, т.е. участники ООО имеют преимущественное право на покупку доли, принадлежащей другому участнику. Если участник ООО решает продать свою долю, он обязан предложить ее сначала другим участникам общества.

2. Ст. 40 ФЗ АО в основном имеет императивный характер регулирования, т.е. акционеры акционерных обществ имеют преимущественное право на приобретение акций при их продаже. Однако, учредительными документами может быть установлено иное порядок реализации этого права.

Стоит отметить, что в публичных акционерных обществах преимущественное право на приобретение акций может быть ограничено или не применяться в связи с особенностями публичного размещения и обращения акций на рынке.

При этом, следует отметить, что для участников ООО такое право стоит в центре защиты их интересов и поддержания текущего состава участников. Оно дает возможность участникам в первую очередь приобрести доли, которые предполагается продать, что способствует сохранению стабильности в отношениях внутри компании. Однако, когда речь идет о публичных акционерных обществах (ПАО), динамика меняется: преимущественное право может быть ограничено из-за стремления к быстрому привлечению инвестиций. В отличие от ПАО, непубличные акционерные общества (АО) больше полагаются на преимущественное право, так как оно служит защите их корпоративных интересов, учитывая их закрытую структуру и относительную непрозрачность для внешних инвесторов.

Исследование показало, что преимущественное право на приобретение доли или акции, предоставляющее участникам или акционерам возможность первоочередного приобретения, прежде чем они будут проданы сторонним лицам, является ключевым элементом корпоративного законодательства. В соответствии со статьей 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» участники ООО обладают неоспоримым преимущественным правом на покупку доли другого участника. Это право имеет императивный характер, что означает обязанность участника предложить свою долю к покупке сначала соратникам по бизнесу. С другой стороны, статья 40 Федерального закона «Об акционерных обществах» также предоставляет акционерам преимущественное право, но с некоторой гибкостью: учредительные документы АО могут установить особые условия реализации этого права. Однако в публичных акционерных обществах может быть установлены ограничения на применение преимущественного права из-за специфики публичного размещения акций на фондовом рынке. Таким образом, ООО и АО имеют разные подходы к регулированию преимущественного права, хотя в обоих случаях оно служит защите интересов участников и акционеров. Этот законодательный институт обеспечивает стабильность корпоративных отношений и предсказуемость их развития. В соответствии со статьей 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», участники ООО обладают неотъемлемым преимущественным правом на покупку доли другого участника. Это значит, что перед продажей своей доли третьим лицам, участник ООО обязан предложить ее сначала остальным участникам. Такой императивный подход обеспечивает сохранение корпоративного баланса и предотвращает неожиданное появление новых участников в обществе.

Таким образом, в различных формах корпоративных отношений преимущественное право выполняет свою роль, но делает это с разной степенью жесткости регулирования. В ООО преимущественное право функционирует как неотъемлемый элемент структуры общества, в то время как в акционерных обществах это право может адаптироваться в зависимости от корпоративной стратегии и рыночной конъюнктуры. Такая гибкость и многогранность подходов к регулированию преимущественного права подчеркивает его ключевую роль в корпоративном праве России, но особое внимание здесь следует уделить тому, что в некоторых случаях у акционеров может отсутствовать данное преимущественное право. Это может быть определено непосредственно в уставе акционерного общества или на основе решения, принятого единогласно всеми акционерами на общем собрании. Такое решение представляет собой исключение из общепринятой практики и позволяет компании большей степенью гибкости реагировать на корпоративные и финансовые потребности, а также на конкретные рыночные обстоятельства.

Также следует подчеркнуть, что устав непубличного акционерного общества имеет дополнительные полномочия в определении корпоративных обязанностей акционеров. Кроме тех обязанностей, которые прямо указаны в ГК РФ, устав может содержать и дополнительные обязанности, что делает его ключевым инструментом для корпоративного управления в непубличных обществах. Это позволяет таким обществам адаптировать корпоративные отношения в соответствии с их уникальными потребностями и обстоятельствами.

В заключении можно сказать, что корпоративное законодательство России предоставляет акционерным обществам определенную степень гибкости, позволяя регулировать некоторые аспекты корпоративных отношений через устав и решения акционеров. Это позволяет компаниям лучше адаптироваться к меняющимся рыночным условиям, учитывая при этом интересы их акционеров.

При этом, дела, связанные с переводом прав и обязанностей по акциям или долям, регулярно становятся предметом рассмотрения в

судах. Опираясь на анализ судебной практики, большинство судебных решений оказываются в пользу истцов. Это происходит благодаря устоявшемуся в судах единому пониманию подобных вопросов, что существенно упрощает принятие решений в подобных делах. Чтобы успешно доказать свои требования, истец должен предоставить убедительные доказательства нескольких ключевых моментов. Среди наиболее весомых: отсутствие родственных или иных близких отношений между сторонами сделки; короткий временной промежуток между сделками; первичное отчуждение малой доли или акции по договору дарения, что может указывать на попытку обойти преимущественное право; последующее отчуждение большого объема акций или доли по договору купли-продажи, что подтверждает коммерческие интересы сторон. Эта последовательность в подходе судов к решению корпоративных споров подчеркивает важность соблюдения принципов прозрачности и честности в корпоративных отношениях, а также способствует защите прав участников корпоративного процесса.

Тем самым, законодательство ставит задачу минимизировать долевую собственность из-за ее потенциальной неустойчивости и предоставляет сособственникам преимущественное право на приобретение доли в соответствии с статьей 250 ГК РФ. Однако этот подход не всегда приемлем в корпоративной сфере. Корпоративные структуры характеризуются множественностью участников, что считается обыденной практикой. Применение преимущественного права в этой сфере требует особого подхода, учитывающего особенности корпоративных отношений.

Полагаем, что преимущественные права, предоставляемые членам определенных объединений, актуальны и имеют свою специфику. Такие права не являются обязательными элементами механизма совладания гражданско-правовыми правами, но имеют свою ценность в определенных контекстах. При этом имущественное обеспечение прав акционеров часто становится причиной различных споров, особенно при учете особенностей открытой подписки на дополнительные акции. Законодательство строго регулирует порядок эмиссии ценных бумаг, включая преимущественное право акционеров на приобретение и формы оплаты.

Особое внимание следует уделять утвержденному реестру акционеров, учитывая даты принятия решений и размещения бумаг. Любые нарушения или спорные моменты в этом процессе могут вызвать судебные разбирательства, что подчеркивает важность строгого следования установленным законом нормам и регламентам. Однако стоит отметить, что не все ситуации с размещением и конвертацией акций попадают под действие преимущественных прав. Необходимо исследование преимущественных прав в парадигме компонентов института защиты корпоративных прав. Проведение систематического, последовательного и научного исследование данного института будет способствовать улучшению корпоративного законодательства России [3, с. 43].

Споры, связанные с нарушением этих прав, часто становятся предметом рассмотрения в судах. В этом контексте важным является понимание положений ст. 75 ФЗ № 39, которая регулирует порядок выкупа акций обществом. Все акционеры, независимо от типа акций, которыми они владеют, имеют право на участие в общем собрании и высказывание своего мнения по ряду важнейших вопросов, включая реорганизацию общества, изменения в уставе и другие ключевые решения. Судебная практика подчеркивает сложность и многогранность вопросов, связанных с правами акционеров. Это подтверждается детализацией процесса в пунктах 4, 5, ст. 32 и 49 Федерального закона. В свете этих сложностей актуальной стоит задача дальнейшей стандартизации и уточнения правовой базы для избегания дублирования и противоречий в законодательстве, обеспечивая таким образом прозрачность и предсказуемость в корпоративных отношениях.

Список литературы:

1. Блинков О.Е., Никольский С.Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран. М., 2006. 203 с.
2. Измайлов В.В. Предпринимательский договор как обязательственно-правовая конструкция // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 259-262. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_259 EDN: ATUYVW
3. Измайлов В.В. Защита корпоративных прав в системе форм, способов и средств защиты права // Право и экономика. 2025. № 7. С. 40-46. EDN: OUFVRI
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой / [Т. В. Богачева и др.]; под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. М: Юристъ, 2005. 892 с.
5. Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 59-62. EDN: PBVRHD
6. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. 740 с.
7. Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. № 2. С. 2 - 5. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5 EDN: BMXUEJ
8. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.168-174 EDN: UUJQSU
9. Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6 - 11. DOI: 10.18572/2712-8865-2025-3-6-11 EDN: EGFOHZ
10. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18. DOI: 10.18572/2070-2140-2022-6-14-18 EDN: WNOEMP
11. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30-35. EDN: XWOXPN
12. Лескова Ю.Г. К вопросу о модернизации системы некоммерческих организаций: некоторые проблемные аспекты проекта изменений ГК РФ // Российская юстиция. 2022. № 1.
13. Чупрунов И.С. Преимущественное право покупки доли (акций): монография. М.: Статут, 2022. 410 с.

References:

1. Blinkov O.E., Nikolsky S.E. Preferential rights in the inheritance law of Russia and foreign countries. Moscow, 2006. 203 p.
2. Izmailov V.V. Business contract as a binding legal structure // Agrarian and land law. 2024. No. 12(240). pp. 259-262.
3. Izmailov V.V. Protection of corporate rights in the system of forms, methods and means of legal protection // Law and economics. 2025. No. 7. pp. 40-46.
4. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one / [T. V. Bogacheva et al.]; edited by S.P. Grishaev, A.M. Erdelevsky. M.: Yuridist Publ., 2005. 892 p.
5. Karapetov A.G. Option to conclude a contract and an option agreement in accordance with the new edition of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 3. pp. 59-62.
6. Corporate law: a training course: in 6 volumes / ed. by I.S. Shitkin. 2nd ed., revised and additional M.: Statute, 2025. 740 p.
7. Levushkin A.N. Insignificant and contested transactions: nature, problems of law enforcement and improvement of legal regulation // Civil law. 2025. No. 2. pp. 2-5.
8. Levushkin A.N. Conflict of interests between subjects of corporate legal relations during transactions with shares // Actual problems of Russian law. 2022. No. 12. p. 168-174.
9. Levushkin A.N. Application of certain methods of protecting corporate rights // Law and business. 2025. No. 3. pp. 6-11.
10. Levushkin A.N. Ensuring the balance of interests of majority and minority shareholders in corporate legal relations // Civil law. 2022. No. 6. pp. 14-18.
11. Levushkin A.N. Organizational business contracts in the system of norms of law of obligations and judicial practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 8. pp. 30-35.
12. Leskova Yu.G. On the issue of modernization of the system of non-profit organizations: some problematic aspects of the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Russian Justice. 2022. No. 1.
13. Chuprunov I.S. Pre-emptive right to purchase a share (shares): monograph. Moscow: Statute, 2022. 410 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_229

УДК 347

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ON SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

РЯБОВА Ольга Алексеевна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru;

ГРУНИН Андрей Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: grunin-andreyy@rambler.ru;

RYABOVA Olga A.,
senior lecturer of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru

GRUNIN Andrey V.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines,
Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation.
59a Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: grunin-andreyy@rambler.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов лишения родительских прав в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Авторы исследуют специфику применения данной меры ответственности, обусловленную особым статусом осужденного родителя. На основе анализа законодательных норм и практики применения выявляются ключевые проблемы правового регулирования и правоприменения, сложность установления виновного поведения родителя, ограниченные возможности личного участия осужденного в воспитании ребенка, процедурные сложности рассмотрения дел в судах. Также отмечается, что сам факт осуждения не может являться основанием для лишения. Предлагаются пути совершенствования действующего законодательства, связанные как с законодательными изменениями, так и с подходом судей при рассмотрении указанной категории дел.*

Abstract: *This article analyzes the theoretical and practical aspects of deprivation of parental rights for individuals serving prison sentences. The authors examine the specifics of applying this measure of responsibility, conditioned by the special status of a convicted parent. Based on an analysis of legislative norms and practical application, key issues in legal regulation and enforcement are identified, including the difficulty of establishing culpable parental conduct, the limited opportunities for a convicted person to personally participate in raising a child, and the procedural complexities of court proceedings. It is also noted that the mere fact of a conviction cannot be grounds for a conviction. Paths for improving current legislation are proposed, related both to legislative changes and to the approach of judges when considering this category of cases.*

Ключевые слова: *лишение родительских прав, осужденные к лишению свободы, ограничение родительских прав, ответственность, права ребенка, исполнение родительских обязанностей, правовой статус осужденного.*

Keywords: *deprivation of parental rights, persons sentenced to imprisonment, restriction of parental rights, liability, rights of the child, performance of parental responsibilities, legal status of the convicted person.*

Для цитирования: *Рябова О.А., Грунин А.В. О некоторых проблемных аспектах лишения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 229-231. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_229.*

For citation*: Ryabova O.A., Grunin A.V. On some problematic aspects of depriving persons convicted of imprisonment of parental rights // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 229-231. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_229.*

Статья поступила в редакцию: 15.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Современное российское законодательство закрепляет принцип приоритета защиты прав несовершеннолетних, что нашло свое отражение в Семейном кодексе РФ (далее СК РФ). Вместе с тем ежегодно десятки тысяч детей остаются без попечения родителей (одного родителя) вследствие различных обстоятельств, среди которых особое место занимает осуждение родителей к лишению свободы.

По данным Министерства просвещения РФ в 2025 году в России родительских прав были лишены 17 тысяч человек, при этом у почти 4,3 тысяч детей родители были изолированы от общества (находились в следственных изоляторах или в их отношении был вынесен приговор суда и избрано наказание, связанное с лишением свободы).[9] Е.В Глебовой отмечено, что отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы существенным образом нарушает семейные связи и, к сожалению, способствует увеличению числа детей, оставшихся без родительской заботы и внимания.[5] Вместе с тем, сам факт привлечения родителя к уголовной ответственности и осуждение не является безусловным основанием для лишения родительских прав, что обусловливает необходимость комплексного анализа данной меры семейно-правовой ответственности.

Многие вопросы, связанные с определением виновного поведения осужденного родителя, оценкой возможности сохранения детско-родительских отношений и выбором между лишением и ограничением родительских прав, остаются дискуссионными и требуют дальнейшего осмысления.

Необходимо отметить, что лишение родительских прав представляет собой крайнюю меру ответственности родителей за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по воспитанию и содержанию детей. Исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав установлен ст. 69 СК РФ. Указанные основания в полной мере распространяются и на осужденных к лишению свободы. Вместе с тем, законодательство не содержит ограничений в осуществлении прав относительно своих детей рассматриваемой категорий лиц и им принадлежит весь

комплекс родительских прав, что обуславливает необходимость участвовать в воспитании детей. Однако, как справедливо указывает Е.В Глебова, это создает правовую коллизию: с одной стороны, изоляция родителя от общества, в рамках установленного судом наказания, делает невозможным повседневное участие в жизни ребенка, а с другой - закон не освобождает осужденного от исполнения родительских обязанностей и не лишает его родительских прав автоматически.[5]

Анализ оснований, предусмотренных вышеуказанной статьей СК РФ, применительно к рассматриваемой категории лиц, позволяет выделить определенные особенности. Так, наиболее распространенным основанием лишения родительских прав является уклонение от выполнения родительских обязанностей. Это подтверждается судебной статистикой. По данным на 2025 год, по данному основанию были лишены родительских прав 11,8 тысяч человек, что в процентном соотношении составляет 69, 4% от общего количества случаев лишения родительских прав по всем, предусмотренным СК РФ основаниям.[9] Именно данное основание и ложится в основу решений судов в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. Однако применительно к указанным лицам возникает вопрос: может ли сам факт отбывания наказания, связанного с лишением свободы, рассматриваться как уклонение от обязанностей родителя? Правовая позиция судов в данном вопросе исходит из необходимости установления виновного поведения родителя. Изоляция от общества создает объективные препятствия для выполнения родительских обязанностей, что затрудняет разграничение виновного и невиновного поведения. Под неисполнением родительских обязанностей следует понимать «полное или частичное отсутствие заботы о здоровье, о физическом, духовном и нравственном развитии ребенка».[8] При этом суды, вынося решение о лишении родительских прав осужденного, должны установить, что родитель имел реальную возможность исполнять свои обязанности (в той мере, в какой это позволяют условия изоляции), но сознательно этого не делал. Здесь важно защитить не только права ребенка, но и права осужденного родителя, который хочет и может исполнять свои родительские обязанности. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее УИК РФ) предусмотрены способы общения с детьми лиц, осужденных к лишению свободы, которые предполагают осуществление родительских обязанностей в условиях изоляции.[2] Однако, законные представители ребенка не всегда обеспечивают общение осужденного родителя с ребенком.[11] Судебная практика знает случаи, когда второй родитель (или законный представитель) после осуждения родителя, начинают процедуру ограничения или лишения родительских прав. В данном случае отправной точкой становится именно факт осуждения, вне зависимости от виновного поведения, в контексте отношения к своим родительским обязанностям, осужденного лица. Ошибки, которые могут быть допущены при разрешении подобных споров, негативным образом сказываются как на детях, так и на осужденных родителях.

Еще одним значимым основанием лишения родительских прав относительно рассматриваемой категории лиц, является совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого члена семьи. Для применения данной нормы не имеет значения срок установленного судом наказания, а важен сам факт совершения такого преступления, подтвержденный вступившим в законную силу приговором суда.

Отдельного внимания заслуживает такое основание, как заболевание хроническим алкоголизмом или наркоманией. В 2025 году 2,1 тысяча человек были лишены родительских прав по данному основанию.[9] Необходимо понимать, что факт осуждения родителя сам по себе не свидетельствует о наличии у него подобного заболевания, однако в тех случаях, когда суд устанавливает такого рода заболевание посредством назначения судебно-психиатрической или наркологической экспертизы, отбывание наказания не препятствует применению соответствующего основания.

Порядок лишения родительских прав установлен ст. 70 СК РФ, согласно которой лишение родительских прав производится исключительно в судебном порядке. Заявителем по данным спорам является один из родителей, лица, их заменяющие, прокурор, а также иные органы и организации, на которых возложена обязанность по охране прав несовершеннолетних лиц. Указанные дела рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства. При этом необходимо учитывать специфику рассмотрения подобных споров.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее ГПК РФ) предусматривает обязательное и надлежащее извещение лица относительно рассматриваемого с его участием спора.[4] Суд обязан известить осужденного о заявленном иске посредством направления судебного извещения в администрацию учреждения, где последний отбывает наказание. Однако нередки случаи, когда такие извещения доходят до самого осужденного с опозданием или отсутствует возможность должным образом подготовиться к судебному заседанию.

Также необходимо обратить внимание на имеющуюся проблему участия осужденных в указанных спорах. ГПК РФ, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса РФ, не содержит норм, которые обязывают суд обеспечить присутствие осужденного в судебном заседании. Поэтому, если суд получает отметку о надлежащем извещении лица, он имеет право рассмотреть спор в отсутствие осужденного. Решением проблемы может являться имеющаяся в ГПК РФ норма о применении системы видеоконференц-связи (далее ВКС) при надлежащим образом заявленном ходатайстве осужденного, однако практическое разрешение не всегда возможно, поскольку не всякое учреждение оснащено соответствующим оборудованием для ВКС, отсутствует доступ к интернету, значительная удаленность, Следует отметить, что причиной невозможности рассмотрения дела посредством ВКС может стать высокая загруженность суда и отсутствие свободных комнат, оснащенных необходимым оборудованием. Необходимо указать на тот факт, что использование ВКС имеет и свои специфические негативные особенности, к которым можно отнести отсутствие конфиденциальности, невозможность быстро отреагировать для разрешения некоторых вопросов и т.д. При этом, стоит отметить, что лишение родительских прав является крайне серьезным и судьбоносным для человека событием, которое имеет тяжелые последствия. И государство обязано изыскать возможности обеспечить явку осужденного в суд. М.М. Попович отметил в своей работе, что исследование статуса осужденных к лишению свободы, выделяет обязанности последних, которые влекут за собой ограничение гражданских прав.[7] Однако ограничения не должны нарушать права конституционные. Видится, что решением проблемы могли бы стать дополнения в ГПК РФ в части новой главы, которая отрегулирует особенности рассмотрения споров с участием лиц, лишенных свободы или ограниченных в свободе. В частности необходимо установить основания, которые обяжут суды обеспечивать явку указанной категории лиц по определенным спорам, к числу которых должны отно-

сятся споры об ограничении и лишении родительских прав.

Последствия лишения родительских прав определены в ст.71 СК РФ и предполагают, что родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на родстве с ребенком. При этом лишение родительских прав не освобождает родителей содержать ребенка. И в ситуациях, когда такая мера ответственности, как лишение родительских прав, действительно оправданно, государство оказывает реальную помощь несовершеннолетнему. А тогда, когда осужденный родитель, который до совершения преступления, являлся прекрасным родителем и играл важную роль в жизни ребенка, лишается родительских прав по формальным основаниям, является опасным с точки зрения последствий. Ребенок, лишенный возможности общения с родителем, может быть подвержен стигматизации, деструктивному поведению и иным последствиям психологической травмы. Осужденные лица также испытывают психологические проблемы, связанные с расставанием с ребенком, что может сказаться на эффективности реализации целей наказания. Вместе с тем, согласно ст. 72 СК РФ, родители, лишенные родительских прав, в том числе, осужденные, могут восстановиться в родительских правах, если исчезли причины, которые стали основаниями для лишения (изменили образ жизни, отношение к воспитанию ребенка и т.д.). Восстановление в родительских правах осуществляется в судебном порядке. Однако стоит отметить, что имеющаяся статистика констатирует крайне малый процент восстановления в родительских правах, он существенно уступает лишению. Так, например, по информации на 2024 год исков о восстановлении в родительских правах подается лишь 5 процентов от количества исков об ограничении в родительских права и о лишении родительских прав.[10] Также стоит указать и на недостаточную эффективность механизмов восстановления прав осужденных родителей.

В этой связи стоит отметить, что, применительно к осужденным родителям, ограничение родительских прав может выступать более адекватной мерой ответственности, чем лишение, в тех случаях, когда виновность установлена. Как отмечает П.А. Якушев, основным отличием правовых последствий ограничения родительских прав от лишения родительских прав является временное ограничение, а не прекращение прав и обязанностей, что способствует сохранению взаимоотношений ребенка с родителями (родителем).[6] Лишение родительских прав не всегда соответствует интересам ребенка и принципу пропорциональности меры ответственности.

Таким образом, лишение родительских прав осужденных к лишению свободы, представляет собой сложный правовой институт, в котором пересекаются нормы семейного, уголовно-исполнительного и гражданского процессуального права. Проблема лишения родительских прав в отношении осужденных к лишению свободы лиц не исчерпывается формальным применением семейно-правовых санкций, а затрагивает глубинные противоречия между карательной функцией правосудия и сохранением детско-родительских связей. Ключевым вопросом остается разграничение виновного поведения, выражающегося в сознательном отказе от заботы о ребенке, и вынужденной невозможности полноценно участвовать в воспитании в силу режимных ограничений.

В конченом счете, совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере должно способствовать не только сокращению числа детей, формально оставшихся без попечения, но и созданию предпосылок для реального восстановления родительского участия после освобождения осужденного, что отвечает как интересам конкретного ребенка, так и общегуманистическим принципам семейной политики

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения 02.05.2026 г.).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ре-сурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/1306500/ (дата обращения 02.05.2026 г.).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/10105807/ (дата обращения 15.05.2026 г.).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12128809/ (дата обращения 15.05.2026 г.).
5. Глебова Е.В. Проблемы осуществления родительских прав лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы //Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2023. - №9. - С. 16-23. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-256-9-16-23 EDN: AUEKEM
6. Якушев П.А. Ограничение родительских прав и семейное воспитание ребенка как семейно-правовая ценность: проблемы соотношения, пути гармонизации // Вопросы российского и международного права. - 2016. - Том 6. - № 12А. - С. 124-133. EDN: YFOETD
7. Попович М.М. Правосубъектность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // ВИПЭ ФСИН России Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2009 - № 6 - С. 38-40. EDN: LLRLLD
8. Лапина, К. В. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы. Дисс… канд. юрид. наук. Рязань. 2010 С. 192.
9. В 2025 году в РФ выявили 35 тыс. детей без попечения родителей // Комерсантъ [Электронный ресурс]. Режим доступа: (дата обращения 11.05.2026 г.).
10. Стало известно, сколько родителей лишаются прав по решению суда // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.ru/vlast/stalo-izvestno-skolko-roditelej-lishayutsya-prav-po-resheniyu-suda (дата обращения 11.05.2026 г.).
11. Родители в местах лишения свободы // Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://deti.gov.ru/Press-Centr/region-news/15251 (дата обращения 12.05.2026 г.).

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993, with amendments approved during the vote on 01.07.2020 // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/10103000/ (date of access 02.05.2026)
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 N 1-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/1306500/ (date of access 02.05.2026)
3. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N 223-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/10105807/ (date of access 05/15/2026)
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/12128809/ (date of access 05/15/2026)
5. Glebova E.V. Problems of exercising parental rights by persons serving a sentence of imprisonment // Vedomosti of the criminal-executive system. - 2023. - No. 9. - P. 16-23.
6. Yakushev P.A. Restriction of parental rights and family upbringing of a child as a family-legal value: problems of correlation, ways of harmonization // Issues of Russian and international law. – 2016. – Vol. 6. – No. 12A. – P. 124–133
7. Popovich, M.M. Legal capacity of persons serving a sentence of imprisonment // VIPE FSIN of Russia. Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. – 2009 - No. 6 – P. 38–40.
8. Lapina, K.V. Exercise of parental rights and fulfillment of duties by persons sentenced to imprisonment. Diss… Cand. of Law. Ryazan. 2010. P. 192
9. In 2025, 35 thousand children without parental care were identified in the Russian Federation // Kommersant [Electronic resource]. Access mode: (date of access 05/11/2026)
10. It became known how many parents are deprived of rights by a court decision // [Electronic resource]. Access mode: https://news.ru/vlast/stalo-izvestno-skolko-roditelej-lishayutsya-prav-po-resheniyu-suda (date accessed May 11, 2026)
11. Parents in places of deprivation of liberty // Website of the Presidential Commissioner for Children's Rights [Electronic resource]. Access mode: https://deti.gov.ru/Press-Centr/region-news/15251 (date accessed May 12, 2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_232

УДК 347.1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ
GOVERNMENT REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE: ANALYSIS OF FOREIGN APPROACHES AND PROSPECTS FOR RUSSIA

ЯКУБОВСКАЯ Виктория Александровна,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ), Санкт-Петербург
193315, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Народная, д.80.
E-mail: v-yakubovskaya@inbox.ru

YAKUBOVSKAYA Viktoria Aleksandrovna,
postgraduate student Department of Civil law and process
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE), Saint-Petersburg.
193315, Russia, Saint Petersburg, Narodnaya Street, house 80.
E-mail: v-yakubovskaya@inbox.ru

Научный руководитель
ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ), Санкт-Петербург.
193315, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Народная, д.80.
E-mail: v-yakubovskaya@inbox.ru

GELDIBAEV Movlad Khasievich
Doctor of Law, Professor Department of Civil Law and Procedure
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE), Saint Petersburg.
193315, Russia, Saint Petersburg, Narodnaya Street, house 80.
E-mail: v-yakubovskaya@inbox.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится анализ отечественного и зарубежных подходов к государственному регулированию электронной коммерции. Автором исследуются сложившиеся в мировой практике модели регулирования электронной коммерции на примере США, Китая, Японии, Германии, Швеции и Франции. Анализируются сложившиеся в мире модели государственного регулирования цифровых платформ и электронной торговли. Уделяется внимание положениям Директивы ЕС 2000/31/ЕС, Закону США об электронных подписях, а также Закону КНР «Об электронной торговле» как одним из ключевых актов. Автор делает вывод о том, что перспективы развития правового регулирования электронной коммерции в России связаны с формированием комплексной государственной политики, сохраняющей ключевую роль государства в установлении правил функционирования рынка, но предполагающей конструктивный диалог с бизнес-сообществом, с целью достижения баланса частных и публичных интересов.*

Abstract. *The article deals with the historical traditions of borrowing foreign legal concepts in Russia. Using the examples of the United States, China, Japan, Germany, Sweden, and France, the article analyzes the existing models of state regulation of digital platforms and e-commerce in the world. Attention is paid to the provisions of the EU Directive 2000/31/EC, the US Electronic Signatures Act, and the Chinese Electronic Commerce Law as one of the key acts. The author substantiates that the formation of national legal policy should be based on taking into account national specifics, the principle of freedom of entrepreneurship, and a constructive dialogue between the state and the business community.*

Ключевые слова: *электронная коммерция, частное право, цифровая платформа, агрегатор информации, государственное регулирование.*

Key words: *e-commerce, private law, digital platform, information aggregator, state regulation.*

Для цитирования: *Якубовская В.А. Государственное регулирование электронной коммерции: анализ зарубежных подходов и перспективы для России // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 232-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_232.*

For citation*: Yakubovskaya V.A. Government Regulation of E-Commerce: Analysis of Foreign Approaches and Prospects for Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 232-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_232.*

Статья поступила в редакцию: 02.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Актуальность темы. Актуальность обусловлена стремительным развитием рынка электронной коммерции в России, который требует оперативного восполнения пробелов в правовом регулировании деятельности цифровых платформ. Обращение к иностранному опыту выступает одним из способов формирования отечественной правовой базы для выработки эффективной государственной политики в данной сфере.

Цель исследования. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и определении оптимальной модели государственного регулирования электронной коммерции, обеспечивающей баланс интересов.

Методологическая основа. Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания. В работе использовались также историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, а также метод системного анализа.

Полученные результаты. В ходе исследования установлено, что заимствование иностранных правовых концепций в России исторически носило адаптивный характер. Проведенный анализ моделей регулирования показал, что каждая из них отражает национальную специфику соответствующего государства. Доказано, что в условиях современного этапа развития, для России наиболее приемлемым является формирование комплексной правовой политики, при которой государство сохраняет ключевую роль в установлении правил функционирования рынка электронной коммерции, но действует в режиме диалога с бизнес-сообществом, учитывая интересы не только крупных, но и малых, и средних предпринимателей.

Практическая значимость работы. Положения и выводы статьи могут быть использованы для совершенствования законодательства, а также могут стать доктринальным ориентиром для формирования новых положений об электронной коммерции.

Исторически сложилось, что российские правители, осознавая необходимость связи с иностранными государствами заимствовали их идеи и опыт. В частности, одним из важных поворотных этапов развитии отношений России и Запада являются реформы Петра Великого, целью которых было ввести Московское государство на равных в круг западноевропейских держав [1, с. 137].

Позднее, в Своде законов Российской империи (1832-1835 гг.), подготовленном М.М. Сперанским, помимо уже имеющейся в России правовой базы (Соборное уложение, 1649 года, реформы, указы и тд), активно использовались европейские правовые концепции, как передовые в то время идеи, для систематизации русского права. Уже тогда, кодификация не являлась слепым копированием. Российские правоведы, лишь оглядываясь на опыт и законодательство европейских стран, адаптировали его к самобытным условиям России. Заимствования включали римское право, французский Гражданский кодекс (1804) и шведское законодательство. Активно развивалось частное право, правовая теория и международные отношения. XIX век в России справедливо считается временем расцвета отечественной цивилистической мысли [2].

Современное российское гражданское право начало формироваться только в 1990-х годах, в то время как многие западные правопорядки имели многовековую историю [2, с. 87]. В условиях необходимости быстрого создания правовой базы для новых экономических и социальных отношений заимствование зарубежного опыта виделось эффективным решением. Глобализация и стремление стать частью международного сообщества, приводила к необходимости приведения отечественного законодательства в соответствие с общеевропейскими и мировыми стандартами, обусловило продолжение активного заимствования западных правовых идей, включая унификацию норм в сферах электронной торговли, инвестиций, защиты прав и прочих сферах. Участие в международных организациях, таких как Совет Европы, обязывало Россию адаптировать своё право к европейским стандартам. После начала Специальной военной операции фокус внимания России сместился с Европы на Азию. В настоящее время Россия продолжает заимствовать правовые идеи других государств и выборочно адаптировать их.

Российская юридическая наука прошла путь от заимствования иностранных моделей до формирования оригинальных концепций.

Отмечу, что электронная коммерция в России находится в развитии, поэтому иностранное право и международный опыт играют важную роль в формировании правовой базы.

Опыт иностранных государств, особенно развитых в сфере электронной коммерции (США, Франция, Япония, Китай и др.) становится ориентиром для России. Например, в Европейском союзе, который оказался в числе первых, кто принял нормативные правовые акты, посвященные электронной коммерции [3], действует Директива 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» [4], которая устанавливает рамки внутреннего рынка для онлайн - услуг. Документ устанавливает принципы, устраняющие барьеры для трансграничной торговли, определяет ответственность посредников, требования к коммерческой информации, заключению электронных сделок и защиту потребителей, в частности в Директиве признается юридическая сила онлайн-контрактов. Положения Директивы находят свое отражение в российских нормативно - правовых актах, в частности используется в российской доктрине концепция ответственности посредников (информационных посредников), а российские суды, при отсутствии прямого регулирования, обращаются к международному опыту и принципам, заложенным в Директиве 2000/31/ЕС, для интерпретации правовых норм, как к ориентиру при регулировании отношений в данной сфере.

В США законодатель пошел по пути «легкого регулирования», которое выразилось в принятии Закона об электронных подписях в мировой и национальной торговле в 2000 году, который установил общие правила действительности электронных записей и подписей для сделок, связанных с международной и внутренней торговлей [5]. Основная роль в регулировании вопросов, связанных с электронной коммерцией, была отведена Федеральной торговой комиссии, которая занимается обеспечением соблюдения требований к онлайн рекламе и конфиденциальности данных потребителей, проверкой подлинности электронных подписей и обеспечением сбора налога с продаж.

В Китае основное внимание при разработке регулирования сфокусировано на цифровых платформах в электронной коммерции. Закон Китайской Народной Республики «Об электронной торговле», вступивший в силу 1 января 2019 года, стал первым в Китае комплексным нормативным актом, регулирующим сферу онлайн-торговли [6]. Закон включает в себя правила продажи товаров и оказания услуг через интернет и распространяется на все виды электронной коммерции (B2B, B2C, C2C, в том числе на продажи через стриминговые сервисы) и охватывает всех предпринимателей в сфере электронной коммерции (продавцы товаров на площадках для электронной коммерции и в социальных сетях, а также сайты и сети, создающие условия для продажи товаров и оказания услуг) [7]. В Законе об электронной коммерции закреплен широкий перечень обязанностей оператора платформ электронной коммерции, например, операторы обязаны проверять и регистрировать данные о продавцах (реальные имена, адреса, лицензии) (статья 27), а также хранить информацию о товарах и сделках не менее трех лет с даты завершения транзакции (статья 31). В законе содержатся нормы посвященные ответственности за его нарушение в виде штрафов (статья 76-88), а также за определенные виды нарушений (недобросовестная конкуренция, злоупотребление доминирующим положением, нарушение прав интеллектуальной собственности и т.д.) применяется наказание в соответствии с действующим законодательством (статья 85). Главная особенность рассматриваемого Закона в наличии строгого системного подхода, который легализует новые бизнес - модели (микробизнес) и одновременно с этим ужесточает требования к прозрачности, налогообложению и ответственности операторов платформ за качество реализуемых товаров и предоставляемую информацию о них для защиты прав потребителей.

Рассматривая правовое регулирование электронной коммерции в России следует отметить, что в настоящий момент оно базируется на комплексе законодательных актов, международных стандартов и правовых концепций, адаптированных к российским реалиям. Развитие цифровой инфраструктуры значительно уступает упомянутым зарубежным странам. Основные правовые концепции включают использование электронных документов и подписей, регулирование цифровых платформ, защиту прав потребителей, а также особенности трансграничных сделок, в частности

Федеральным законом «О защите прав потребителей», Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие нормы, включая Федеральный закон № 572-ФЗ от 29.12.2022 года [8], Федеральный закон № 406-ФЗ от 31.07.2023 года [9] и Федеральный закон № 588-ФЗ от 12.12.2023 года [10]. Таким образом, электронная коммерция в России регулируется комплексом нормативных актов, а не одним конкретным федеральным законом.

В существующей нормативно - правовой базе имеются пробелы в регулировании деятельности цифровых платформ. В настоящий день эта проблема является одной из наиболее острых и широко обсуждаемых тем среди законодателей, ученых, практиков, в том числе и представителей бизнеса, продвигающего свои товары и услуги на электронных площадках [11, с. 1]. Регулирование стремится к большей прозрачности, защите прав участников рынка и борьбе с недобросовестной конкуренцией.

Алгоритм взаимодействия государства и бизнеса во многом предопределяется действующей в государстве системой экономического хозяйствования, спецификой, проводимой в экономической сфере государственной политики. При этом, государство может по своему усмотрению: тормозить развитие предпринимательства, создавая неблагоприятные условия для осуществления предпринимательской деятельности или вовсе запрещая ее; занять нейтральную позицию, не запрещая предпринимательство, но и не содействуя его развитию; способствовать активному развитию бизнеса.

К настоящему времени в мире сложилось несколько моделей регулирования отношений в сфере электронной коммерции. Наибольшее распространение получили американская модель, а также японская, шведская, китайская и немецкая.

Американская модель регулирования базируется на всестороннем стимулировании предпринимательской деятельности, при этом не ставя целью достижение социального равенства среди населения. Культура предпринимательства и поддержка инноваций являются важнейшими чертами американской экономической модели. Главным субъектом экономики США выступают предприниматели. Государство участвует в организации рынка, но прямо не вмешивается, так как предполагается, что при правильно устроенном рынке, рынок будет урегулирован самими участниками. При этом, США не ограничивается данным либеральным подходом и в случае необходимости активно вмешивается для урегулирования рынка [12].

Японская модель экономики исторически опиралась на национальные традиции и социокультурные особенности, ориентируясь на долгосрочные интересы заинтересованных сторон, осознающих высокий уровень ответственности и готовность к материальным жертвам ради общего блага. Это одни из ключевых черт модели, широко распространённой в Азии, несмотря на её рыночный характер. В Японии государство активно вмешивается в экономику, препятствуя появлению «слабых мест» (неэффективности) рынка.

В немецкой модели, которая по-своему близка социально - экономическому содержанию к японской, государство имеет сильное воздействие на экономику, которое проявляется преимущественно в решении социальных проблем, например, прямо влияет на ценообразование, регулирует ставки пошлин и технических стандартов, уделяя особое внимание малому и среднему бизнесу [13].

Шведская модель выделяется высоким уровнем социальной политики, который поддерживается значительным налогообложением. Большая часть услуг в Швеции предоставляется в государственном секторе, причем бесплатно. Государство достаточно часто вмешивается в процесс ценообразования, устанавливая фиксированные цены и обеспечивая достойное качество жизни населения, а бизнес сосредоточен на производственных функциях [14].

В китайской модели рынок функционирует в условиях жесткого управления и контроля со стороны правительства. Бизнес вынужден подчиняться воле государства, которое задает рамки, выход за которые пресекается. Данная система способствует совершенствованию экономики, где фактические интересы государства и партии имеют приоритет над интересами частного капитала, даже самого крупного [15, 16].

Французская модель основывается на понимании, что рынок не всегда способен решить общественные задачи, поэтому государство регулирует его, учитывая инфляцию, конкуренцию и баланс. Французская экономика открыта для иностранных инвестиций. В научных кругах часто разделяют государство, бизнес и общество как отдельные сущности, что порождает противопоставление. Однако на практике они существуют в единой системе [17].

Многие американские ученые, включая Э. Аткинсона и Дж. Стиглица, утверждали, что рынок не может функционировать успешно без вмешательства правительства. Такие заявления стали основой для определения уровня государственного вмешательства [18, с. 22-24].

По мнению И.И. Шувалова для России интересна именно французская система регулирования с её разнообразными хозяйственными инструментами и сочетанием различных моделей [19].

При этом противопоставлять саморегулирование государственному регулированию невозможно. При саморегулировании рынка частному субъекту от государства делегируются определенные полномочия, вследствие чего саморегулирование и есть часть системы государственного регулирования. Следует отметить, что находясь в неразрывной связи, несовершенство механизмов саморегулируемого рынка в стране может привести к проблемам практического характера. Ввиду этого именно государство, а не сам рынок, в лице его крупнейших игроков, должно урегулировать сферу электронной коммерции.

Необходимо принимать во внимание, что отношения государства и предпринимательства основаны на взаимном интересе обеих сторон. Государство заинтересовано в развитии предпринимательства, что способствует стабильности рынка и росту сферы электронной коммерции. Используя средства регулирования экономики и рынка, государство устанавливает правила функционирования и работы для субъектов предпринимательской деятельности. Поскольку основу государственного регулирования определяет проводимая государством экономическая политика, соответственно, предприниматели заинтересованы принять участие в формировании соответствующей ее части. Прямое государственное регулирование не предполагает учет мнения предпринимателей в процессе разработки концепции развития национальной экономики.

В рассматриваемой модели осуществляется властное воздействие государственных органов в отношении субъектов бизнеса, которое сопровождается различного рода ограничениями и запретами.

В научных работах выделяют несколько способов взаимодействия государства и бизнеса, среди которых можно назвать государственное администрирование, коррупцию, взаимовыгодное экономическое сотрудничество [19], лоббирование [20] и диалог в целях достижения консенсуса [15].

Эти модели взаимодействия бизнеса и государства в той или иной мере применяются в США и во многих странах ЕС. Что касается Российской Федерации с учетом всех ее особенностей (географических, исторических, правовых и т.д.), представляется, что именно государство должно оставаться ключевой фигурой в формировании экономической политики. При этом наиболее оптимальным сценарием взаимодействия государства и предпринимателей является совокупность всех вышеописанных моделей, и в первую очередь модели конструктивного диалога. Следует также отметить, что исключительно либеральная модель для России не подходит в силу национальных особенностей ведения предпринимательской деятельности. Директивная, жесткая модель регулирования электронной коммерции противоречит существующему принципу свободы предпринимательства, как одной из конституционных экономических свобод человека.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, регулирование рынка электронной коммерции, само по себе, без сильного государства, невозможно. Видится, что ведущая роль в определении направлений экономического развития в электронной коммерции должна оставаться за государством.

Изложенное позволяет сделать вывод о невозможности минимизации участия государства в урегулировании предпринимательской деятельности в сфере электронной коммерции. [19] При этом необходимо исходить из того, что основная задача государства заключается в создании условий для эффективного развития предпринимательства, реализации принципа свободы предпринимательской деятельности и обеспечения защиты его субъектов. Учитывая положительный опыт регулирования экономики в других государствах, Российской Федерации при формировании экономической политики следует также принимать во внимание позицию бизнес - сообщества. Государство должно «услышать» не только крупный бизнес, но также и малое, и среднее предпринимательство. Единая правовая политика, включающая в себя цели, задачи, способы, сроки, исполнителей, институты, призванные реализовывать соответствующие замыслы в сфере электронной коммерции, должна быть основана на реальных потребностях рынка, и как следствие корректироваться с учетом изменения экономической политики государства.

Список литературы:

1. Орленко, С.П. Правовой статус выходцев из Западной европы в России XVII века. [Электронный ресурс] - 137 - 141 с. -URL. - https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Orlenko_02.pdf.
2. Арсланов, К. М. О заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве / К. М. Арсланов // Ученые за-писки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. [Электронный ресурс] - 2015. - Т. 157, № 6. - С. 79-89. - URL. - download/elibrary_25296775_12777840.pdf. EDN: VHOUQV
3. Палчаева, Н. А.-К. Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформы: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. / Палчаева Наима Абдул-Керимовна; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс] - М., 2026. - 229 с.
4. Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)" [рус., англ.] (Вместе с "Исключениями из статьи 3") (При-нята в г. Люксембурге 08.06.2000) [Электронный ресурс]. - URL. - https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/11/direktiva_2000_31_esobelektronnoittorgovle.pdf.
5. The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-Sign Act) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1714/text.
6. E-Commerce Law of the People's Republic of China (P.R.C. E-commerce Law (2018)). [Электронный ресурс]. - URL.: https://www.chinalawtranslate.com/en/p-r-c-e-commerce-law-2018.
7. Закон КНР "Об электронной коммерции": новые правила бизнеса в интернете. [Электронный ресурс]. - URL.: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_ecommerce_law_2019.
8. Федеральный закон "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических пер-сональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" от 29.12.2022 № 572-ФЗ. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436110.
9. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информа-ции" и Федеральный закон "О связи" от 31.07.2023 № 406-ФЗ. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453265.
10. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 8 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 12.12.2023 № 588-ФЗ. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464079.
11. Сиземова, О. Б. О концепции правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов электронной торговли / О. Б. Сиземова, А. В. Пчелкин, А. Ю. Бурова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. [Электронный ресурс]. - 2023. - № 6. - С. 112-119. - URL: download/elibrary_60046043_33866097.pdf;. DOI: 10.52452/19931778_2023_6_112 EDN: ZXITAU
12. State Capitalism in America: The Government as Investor, Broker, Rentier…Thug? [Электронный ресурс]. - URL: https://www.cfr.org/articles/state-capitalism-america-government-investor-broker-rentierthug.
13. Панин, А. А. Специфика правового регулирования рыночных отношений в развитых странах / А. А. Панин // Вестник науки. [Электронный ресурс]. - 2023. - Т. 2, № 10(67). - С. 185-189. - URL: download/elibrary_54643672_48174416.pdf. EDN: WSBMUD
14. Коноплева, Е. М. Смешанная экономика Швеции: экономический потенциал и проблемы развития / Е. М. Коноплева // МОЛОДЫЕ ИССЛЕ-ДОВАТЕЛИ за УСТОЙЧИВОЕ развитие: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 апреля 2023 года. - г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства "Новая Наука" (ИП Ивановская И.И.). [Электронный ресурс]. - 2023. - С. 12-15. EDN: DFWUYW
15. Го, Л. Особенности государственного регулирования экономики Китая / Л. Го // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. [Электронный ресурс]. - 2015. - № 37-1. - С. 56-60. - URL: download/elibrary_25140864_17180611.pdf. EDN: VEECHB
16. Карлусов, В. В. Частное предпринимательство в Китае: системный анализ факторов развития / В. В. Карлусов // Modern Economy Success. [Электронный ресурс]. - 2020. - № 3. - С. 257-265. - URL: download/elibrary_43089720_20613839.pdf. EDN: EWUPXV
17. Рассадина, А. К. Планирование как инструмент государственной промышленной политики: опыт Франции / А. К. Рассадина // Вестник Мос-ковского университета. Серия 6: Экономика. [Электронный ресурс]. - 2018. - № 1. - С. 122-139. - URL: download/elibrary_32658303_54611031.pdf. EDN: YTFBXE
18. Аткинсон, Э. Б., Стиглиц, Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: Учебник / Пер. с англ. под ред. Л.Л.Любимова. (Программа: Обновление гуманит. образования в России). [Электронный ресурс]. - М.: Аспект Пресс, 1995. - 832 с. - URL: http://edu.gber.ge/uploads/files_67_1.pdf. ISBN: 5-7567-0040-4
19. Шувалов, И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практи-ка): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 /Шувалов Игорь Иванович; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - М., 2022. - С. 1 - 401 с. - URL.: https://izak.ru/upload/iblock/035/Dissertatsiya_final.pdf?ysclid=m9yie83h8461705036. EDN: CYFTGF
20. Котомин, Д. С. Место и роль стратегии лоббирования в правотворчестве / Д. С. Котомин // Актуальные проблемы теории и истории право-вой системы общества. [Электронный ресурс]. - 2012. - № 11(11). - С. 74-80. - URL.: download/elibrary_62416669_53147103.pdf. EDN: NOEEIJ
21. Шаназарова, Е. В. Лоббирование в правотворческой деятельности в Российской Федерации / Е. В. Шаназарова // Тенденции развития науки и образования. [Электронный ресурс]. - 2024. - № 109-9. - С. 125-128. - URL.: download/elibrary_69168584_77369210.pdf;. DOI: 10.18411/trnio-05-2024-491 EDN: RUXTFV
22. Шувалов, И. И. Место и роль государства в регулировании предпринимательских отношений / И. И. Шувалов // Вестник экономической без-опасности. [Электронный ресурс]. - 2021. - № 6. - С. 215-222. - URL.: download/elibrary_48221995_22024209.pdf. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-6-215-222 EDN: VZLFKN

References:

1. Orlenko, S.P. The Legal Status of People from Western Europe in 17th-Century Russia. [Electronic resource] – pp. 137–141. – URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Orlenko_02.pdf;
2. Arslanov, K.M. On the Borrowing of Foreign Legal Concepts in Russian Civil Law / K.M. Arslanov // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. [Electronic resource] – 2015. – Vol. 157, No. 6. – Pp. 79-89. – EDN VHOUQV. – URL. – https://elibrary.ru/download/elibrary_25296775_12777840.pdf;
3. Palchaeva, N. A.-K. Legal regulation of entrepreneurial activity using digital platforms: dis. ... kand. jurid. Sciences : 5.1.3. / Naima Abdul-Kerimovna Palchaeva ; Lomonosov Moscow State University. [Electronic resource] - Moscow, 2026. - 229 p. - URL.: https://dissovet.msu.ru/dissertation/3791;
4. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union "On certain legal aspects of information society services, in particular on electronic commerce (Electronic Commerce Directive)" [Russian, English] (together with the "Exceptions to Article 3") (adopted in Luxembourg on 08.06.2000) [Electronic resource]. - URL. - https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/11/direktiva_2000_31_esobelektronnoittorgovle.pdf;
5. The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-Sign Act) [Electronic resource]. - URL: https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1714/text;
6. E-Commerce Law of the People's Republic of China (P.R.C. E-commerce Law (2018)). [electronic resource]. - URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/p-r-c-e-commerce-law-2018/;
7. The PRC Law "On Electronic Commerce": new rules for doing business online. [electronic resource]. - URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_ecommerce_law_2019/;
8. Federal Law "On the Implementation of Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on the Revocation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 29, 2022, No. 572-FZ. [electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436110/;
9. Federal Law "On Amendments to the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection' and the Federal Law 'On Communications'" dated July 31, 2023, No. 406-FZ. [electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453265/;
10. Federal Law "On Amendments to Article 8 of the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection'" dated 12.12.2023, No. 588-FZ. [electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464079/;
11. Sizemova, O. B. On the Concept of Legal Regulation of the Activities of E-Commerce Aggregator Owners / O. B. Sizemova, A. V. Pchelkine, A. Yu. Burova // Vestnik of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. [electronic resource]. - 2023. - No. 6. - Pp. 112-119. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_60046043_33866097.pdf;
12. State Capitalism in America: The Government as Investor, Broker, Rentier…Thug? [electronic resource]. - URL: https://www.cfr.org/articles/state-capitalism-america-government-investor-broker-rentierthug;
13. Panin, A. A. The specifics of legal regulation of market relations in developed countries / A. A. Panin // Vestnik nauki. [electronic resource]. - 2023. - Vol. 2, No. 10(67). - Pp. 185-189. - EDN WSBMUD. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54643672_48174416.pdf;
14. Konopleva, E. M. Sweden's Mixed Economy: Economic Potential and Development Challenges / E. M. Konopleva // YOUNG RESEARCHERS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: Collection of Articles from the IV International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, April 11, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (Individual Entrepreneur Ivanovskaya I.I.). [Electronic resource]. - 2023. - Pp. 12-15. - EDN DFWUYW. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50506697_98883187.pdf;
15. Go, L. Features of State Regulation of China's Economy / L. Go // Modern Trends in Economics and Management: A New Perspective. [electronic resource]. - 2015. - No. 37-1. - Pp. 56-60. - EDN VEECHB. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25140864_17180611.pdf;
16. Karlusov, V. V. Private Entrepreneurship in China: A Systematic Analysis of Development Factors / V. V. Karlusov // Modern Economy Success. [electronic resource]. - 2020. - No. 3. - Pp. 257-265. - EDN EWUPXV. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43089720_20613839.pdf;
17. Rassadina, A. K. Planning as a Tool of State Industrial Policy: The French Experience / A. K. Rassadina // Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics. [electronic resource]. - 2018. - No. 1. - Pp. 122-139. - EDN YTFBXE. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32658303_54611031.pdf;
18. Atkinson, A. B., Stiglitz, J. E. Lectures on Public Economics: A Textbook / Translated from English. Edited by L. L. Lyubimov. (Program: Updating Humanitarian Education in Russia). [Electronic resource]. – Moscow: Aspect Press, 1995. – 832 p. – ISBN 5-7567-0040-4. – URL: http://edu.gber.ge/uploads/files_67_1.pdf;
19. Shuvalov, I.I. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity during a Socio-Economic Crisis (Theory and Practice): dis. … Cand. jurid. Sciences : 12.00.03 /Igor IvanovichShuvalov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. [Electronic resource]. Moscow, 2022. pp. 1-401 p. - URL.: https://izak.ru/upload/iblock/035/Dissertatsiya_final.pdf?ysclid=m9yie83h8461705036;
20. Kotomin, D. S. The Place and Role of Lobbying Strategy in Lawmaking / D. S. Kotomin // Current Problems of the Theory and History of the Society's Legal System. [electronic resource]. - 2012. - No. 11(11). - Pp. 74-80. - EDN NOEEIJ. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_62416669_53147103.pdf;
21. Shanazarova, E. V. Lobbying in law-making activities in the Russian Federation / E. V. Shanazarova // Trends in the Development of Science and Education. [electronic resource]. - 2024. - No. 109-9. - Pp. 125-128. - DOI 10.18411/trnio-05-2024-491. - EDN RUXTFV. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_69168584_77369210.pdf;
22. Shuvalov, I. I. The Place and Role of the State in Regulating Business Relations / I. I. Shuvalov // Bulletin of Economic Security. [electronic resource]. - 2021. - No. 6. - Pp. 215-222. - DOI 10.24412/2414-3995-2021-6-215-222. - EDN VZLFKN. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48221995_22024209.pdf.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_237

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE LEGAL SYSTEM: PROBLEMS OF INTERACTION AND PROSPECTS FOR REGULATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

ОРЛОВА Анастасия Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры Юриспруденции
Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета.
602264, Россия, Владимирская область, г. Муром, ул. Орловская, д.23.
E-mail: hactia1988@mail.ru

МУРАВЬЕВ Алексей Федорович
студент Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета.
602264, Россия, Владимирская область, г. Муром, ул. Орловская, д.23.
E-mail: hactia1988@mail.ru

ORLOVA Anastasia Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence Murom Institute (branch) of Vladimir State University.
602264, Vladimir region, Murom, Orlovskaya str., 23.
E-mail: hactia1988@mail.ru

MURAVYOV Alexey Fedorovich
a second-year student at the Murom Institute (branch) of Vladimir State University.
602264, Vladimir region, Murom, Orlovskaya str., 23.
E-mail: hactia1988@mail.ru

***Краткая аннотация**. Автор исследует влияние цифровых технологий на правовую систему Российской Федерации, а также обратное взаимодействие правовых механизмов на развитие цифровой экономики. В статье анализируются ключевые направления правового регулирования цифровизации, включая появление категории «цифровые права» в гражданском законодательстве, принципы правовой политики в сфере инноваций, а также проблемы децентрализации, технологической независимости и защиты прав потребителей. Обосновывается вывод о формировании новой комплексной области российского законодательства – цифрового права. Автор приходит к заключению, что успешное развитие цифровой экономики требует системного обновления правовой базы, сочетания централизованного и децентрализованного регулирования, а также активного диалога между государством, бизнесом и научным сообществом.*

***Abstract**. The author examines the impact of digital technologies on the legal system of the Russian Federation, as well as the inverse interaction of legal mechanisms on the development of the digital economy. The article analyzes key areas of legal regulation of digitalization, including the emergence of the category of «digital rights» in civil law, the principles of legal policy in the field of innovation, as well as issues of decentralization, technological independence, and consumer protection. The author substantiates the conclusion that a new, complex area of Russian legislation-digital law-is emerging. The author concludes that the successful development of the digital economy requires a systematic update of the legal framework, a combination of centralized and decentralized regulation, and an active dialogue between the government, business, and the scientific community.*

***Ключевые слова:** цифровые технологии, правовая система, цифровая экономика, цифровые права, правовое регулирование, инновации.*
***Keywords**: digital technologies, legal system, digital economy, digital rights, legal regulation, innovation.*

***Для цитирования:** Орлова А.Н., Муравьев А.Ф. Цифровые технологии и правовая система: проблемы взаимодействия и перспективы регулирования в условиях цифровой экономики // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_237.*
***For citation**: Orlova A.N., Muravyov A.F. Digital Technologies and the Legal System: Problems of Interaction and Prospects for Regulation in the Context of the Digital Economy // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_52_237.*

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Цифровые технологии и правовая система влияют друг на друга, приобретая новые смыслы и формы. По мере развития технологий увеличивается количество сфер, требующих правового регулирования [1]. Н.В. Разуваев подчеркивает: появление виртуальных объектов и изменения в праве, связанные с цифровизацией, могут привести нееосредственно к созданию новой комплексной области российского законодательства [2].

Развитие правового регулирования цифровизации находит свое выражение в двух ключевых направлениях: на одной стороне лежит совершенствование существующего законодательства, на другой - создание новых, ранее не имевших аналогов, нормативных актов, которые формируют новое правовое поле. Первое направление включает в себя трансформацию уже действующих законодательных актов, при этом внимание в значительной степени уделяется гражданскому праву. А.Ю. Яковлева-Чернышева и А.В. Дружинина обращают внимание на ключевое событие в развитии гражданского права в условиях цифровой трансформации - появление термина «цифровые права» [3] в Гражданском кодексе, открывающего новую категорию объектов гражданских прав; данное введение оценивается как значимое достижение, отражающее адаптацию правовой системы к новым реалиям. Определённая часть научного сообщества подчеркивает ограничения этого новшества, считая его недостаточно широким; другие же исследователи фокусируются на том, что предложенная трактовка не просто ограничивается уточнением прав, но демонстрирует инновационный подход к их реализации в условиях цифровой среды; в частности, Экспертное заключение по проекту Федерального закона трактует «цифровые права» как современный механизм закрепления гражданских правовых норм. Это свидетельствует о необходимости создания единого терминологического аппарата, охватывающего как само право, так и элементы цифровой экономики; взаимосвязь этих понятий играет важную роль в их гармонизации и интеграции в правовую систему. Появление данной статьи в ГК - ответ правовой системы на вызовы цифровой эпохи; интенсивная общественная дискуссия вокруг данного вопроса свидетельствует о его высокой актуальности, и кроме того, о востребованности его в юридической практике [4].

Цифровая экономика включает несколько взаимосвязанных уровней. Первый - это традиционные рынки и отрасли, где взаимодействуют поставщики и потребители товаров и услуг. Второй - платформы и технологии, обеспечивающие развитие этих рынков и отраслей; непосредственно на заключительном уровне формируется соответствующая среда, обеспечивающая условия эффективного функционирования платформ, технологий, - она охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадровое обеспечение, безопасность ИС, что, в

конечном итоге, содействует оптимизации взаимодействия непосредственно всех участников цифровой экономики.

Формирование системных основ правовой политики, ориентированной непосредственно на стимулирование цифровой экономики в РФ основано на следующих принципах:

1. Поддержка инновационных технологий, как центральный принцип правовой политики, играет важную роль в формировании и развитии цифровой экономики. В рамках данного принципа предполагается комплексный подход к правовому регулированию инновационных процессов. Прежде всего, это означает, что законодатель должен создавать условия, способствующие как ускорению разработки новых технологий, так и их успешному выходу на рынок. Для этого необходима оптимизация действующих процедур регистрации и сертификации, что поможет избежать излишних бюрократических преград и ускорит процесс коммерциализации новых идей.

К примеру, в России наблюдается тенденция к упрощению процедур регистрации патентов и инновационных продуктов, - это, конечно, стало возможным благодаря внедрению электронных сервисов и сокращению сроков обработки заявок. Упомянутое позволяет стартапам и малым предприятиям более оперативно представлять свои разработки, и кроме того, получать защиту интеллектуальной собственности. Это критически важно для обеспечения успешной конкуренции непосредственно на внутреннем, а также международном рынках.

Важным шагом в контексте правовой поддержки инновационных технологий стало принятие Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» - данный закон создал правовую основу развития инвестиционных платформ, что, в свою очередь, способствовало расширению доступа предпринимателей к финансированию своих проектов. В рамках закона разработаны механизмы привлечения инвестиций (они позволили значительно упростить взаимодействие между инвесторами и стартапами, - это дало новый импульс для роста инновационных компаний).

2. Принцип концептуального осмысления качественно новых моделей взаимодействия субъектов рынка в процессе формирования архитектуры приоритетов правовой политики выступает важнейшим элементом, определяющим необходимость разработки инновационных подходов в правовой доктрине и законодательстве; в частности, в сфере высоких технологий создание благоприятной регуляторной среды требует тщательного учета специфики общественных отношений, возникающих в результате внедрения инноваций, а также готовности научного сообщества и регулирующих органов к интеграции и внедрению новых методов регулирования. К примеру, распространение технологий блокчейн, искусственного интеллекта порождает уникальные вызовы (для существующих правовых систем); традиционные юридические модели не всегда способны адекватно охватить специфику новых экономических взаимодействий, связанных с децентрализованными платформами, и автоматизированными процессами принятия решений, - это обуславливает необходимость пересмотра и адаптации действующего законодательства к современным реалиям.

3. Принцип правового регулирования, охватывающий цифровые экономические отношения, подразумевает разработку и осуществление правовой политики, направленной на регулирование не только экономической сферы, но и смежных с ней социальных взаимодействий. Это предполагает, что регулирование в этой области должно иметь двойную цель: с одной стороны, обеспечение экономической эффективности, а с другой - защита интересов граждан, государства и общества в целом. Комплексный подход также включает внедрение современных методов регулирования, опирающихся на инновационные механизмы оценки правового воздействия. Здесь речь идет о необходимости тщательного анализа правовых норм и обратной связи с участниками экономических процессов - как потребителями, так и представителями малого и среднего бизнеса; при этом системы рейтинговых оценок становятся важным инструментом для формирования регуляторных решений, адаптированных к текущим экономическим реалиям.

4. Принцип ограниченной децентрализации правового регулирования акцентирует внимание на важности сочетания различных форм правового воздействия. Предпочтение отдается механизмам добровольного, рекомендательного характера, а также системе сорегулирования и саморегулирования. Однако в определенных экономических сферах, где особенно важны гарантии государственной безопасности, сохраняется необходимость централизованного контроля со стороны государства; упомянутое касается прежде всего тех областей, которые требуют повышенного уровня правовых гарантий и государственного вмешательства.

5. Обеспечение равных возможностей для всех участников цифровой экономики - от крупных компаний до представителей малого и среднего бизнеса - является ключевой задачей при разработке цифровой экосистемы. Этот принцип реализуется через меры государственной поддержки, а также через регулирование цифровых платформ, которые предоставляют входные точки для субъектов экономических отношений. Правовая основа для разработки таких публичных платформ становится важным инструментом в обеспечении доступа к цифровым технологиям для всех участников.

6. Принцип альтернативности цифровым инновациям позволяет субъектам экономики сохранять выбор в отношении формы коммуникации. Государство, придерживаясь этого принципа, не должно принуждать граждан или организации использовать исключительно цифровые технологии; это означает, что в рамках правовой политики обеспечивается возможность для добровольного отказа от цифровых решений, что способствует поддержанию разнообразия форм взаимодействия участников рынка, включая традиционные.

7. Цифровая экономика основывается на ряде ключевых принципов, направленных на регулирование взаимодействий участников рынка. Одним из таких является принцип прозрачности информации — он подчеркивает важность четкой идентификации всех контрагентов, задействованных в экономических операциях. Установление стандартов идентификации контрагентов служит для поддержания доверия между участниками, для предотвращения случаев мошенничества. При этом соблюдение анонимности допустимо лишь в ситуациях, выходящих за рамки экономической активности, - это способствует соблюдению прав человека при условии сохранения национальной безопасности.

8. Наряду с этим немаловажное место занимает стандартизация нормативно-правовой базы: она включает в себя установление этических и трудовых норм, касающихся использования цифровых технологий. Суть этого принципа заключается в создании единого подхода к трактовке прав и обязанностей пользователей и разработчиков в условиях цифровизации; также предусматривается гармонизация правового регулирования в данной области.

9. Особое внимание уделяется добросовестности всех участников цифрового пространства. Важно учитывать, что технические сбои, возникающие в сетевых структурах или оборудовании, могут вносить искажения в намерения как разработчиков, так и пользователей, что способно привести к ошибочным операциям или сбоям в их исполнении. Принцип презумпции добросовестности нацелен на защиту интересов обеих сторон в условиях таких непредвиденных ситуаций.

10. Правовое регулирование в сфере цифровизации должно также учитывать мнение экспертного сообщества и предпринимателей. Легитимность новых законопроектов требует экспертной оценки для определения их эффективности, актуальности и соответствия потребностям бизнеса. Это позволяет внедрять изменения с учетом реальных потребностей рынка, избегая чрезмерных и преждевременных нововведений.

11. Немаловажным является право потребителей на свободу выбора. Законодательные нормы должны обязывать разработчиков цифровых платформ предоставлять пользователям возможность выбора программных решений, соответствующих их индивидуальным предпочтениям; при этом создатели программных продуктов должны иметь возможность свободно распространять свои решения, если они удовлетворяют стандартам безопасности.

12. Регулирование цифровой экономики требует реактивного подхода, кроме того, предсказательной модели. Превентивное правовое регулирование включает юридическое моделирование, прогнозирование социальных процессов, связанных с высокими технологиями, позволяющими подготовиться к возможным рискам, связанным с внедрением новых технологий, опережать их появление, создавая более устойчивую и безопасную правовую среду их использования. Нужно планировать правотворческую деятельность с учетом крупных технологических проектов с целью разработки эффективных цифровых методов правового регулирования экономических отношений; например, Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ предусматривает эксперимент по специальному регулированию. Основная же цель - создание нужных условий внедрения технологий ИИ в г.Москве - данный закон показывает подход превентивного регулирования в государственном управлении, позволяя тестировать новые технологии в условиях правового эксперимента.

13. Принцип технологической независимости требует создания законов, стимулирующих развитие отечественных товаров и программ. Важная цель - уменьшение зависимости от зарубежных технологий, укрепление экономики. Без технологической независимости невозможно обеспечить национальную безопасность. С приходом новых экономических порядков этот суверенитет под угрозой. Развитие собственных инноваций важно, дабы РФ не только заимствовала технологии, но и создавала их сама.

14. Координация правовых норм становится критической на фоне роста цифровых преступлений. Киберпреступники используют современные технологии для уклонения от ответственности. Новые схемы коррупции появляются из-за контроля над информационными системами. Для их пресечения требуется усиленный надзор [5].

Важно сказать, что разработка целостной стратегии обновления политики непосредственно в цифровой сфере деятельности, становится ключевым шагом усиления доверия непосредственно среди самих потребителей, а также стимулирования активного роста инвестиций, и кроме того, различных технологических нововведений.

Для успешной модернизации правовой базы необходимо:

1) Разработать политику, поддерживающую развитие всей цифровой инфраструктуры, и кроме того, отвечающую всем интересам общества - это создаст все необходимые условия для активного привлечения инвестиций в инновационные технологии (допустим, сети 5G, искусственный интеллект).

2) Усилить защиту потребителей через обновление законодательства в области цифровых услуг; новые законы должны быть гибкими, обеспечивать при этом последовательную защиту потребителей, независимо от того, какие услуги они используют - будь то обмен сообщениями, интернет-шопинг или же облачные технологии.

3) Поощрять развитие открытого Интернета, способствующего росту конкуренции, и кроме того, - созданию новых возможностей непосредственно для бизнеса.

Цифровое право становится новой областью правового регулирования. Оно включает нормы, направленные непосредственно на решение разнообразных проблем, связанных с использованием интернет-технологий. В субъективном плане цифровое право предоставляет возможности непосредственно для использования данных, цифровых услуг через глобальную сеть, создавая новую правовую среду для участников цифровой экономики.

Список литературы:

1. Гаджиева Х.В., Омарова З.Н. Вопросы правового регулирования цифровой трансформации финансовой системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 1. С. 91-93. EDN: FZIIFY

2. Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юрис-пруденция. 2021. № 1. С. 18-38. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-18-38 EDN: XACWLI

3. Яковлева-Чернышева А.Ю., Дружинина А.В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 51-62. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.8.36270 EDN: AAPBDZ

4. Гравшина И. Н. К вопросу нормативно-правового регулирования цифровой экономики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1(36). С. 12-16. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-1-12-16 EDN: GHXZBW

5. Кравченко А.Г. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики / А.Г. Кравченко, А.И. Овчинников // NB: Адми-нистративное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1-10. DOI: 10.7256/2306-9945.2020.4.34654 EDN: WWPXGQ

References:

1. Gadzhieva Kh.V., Omarova Z.N. Issues of legal regulation of the digital transformation of the financial system // Science and Education: Economy and Management; Entrepreneurship; Law and Governance. 2021. No. 1. Pp. 91-93. EDN: FZIIFY

2. Razuvaev N.V. Digital transformation of subjective civil rights: problems and prospects // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2021. No. 1. Pp. 18-38. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-18-38 EDN: XACWLI

3. Yakovleva-Chernysheva A.Yu., Druzhinina A.V. Legal Regulation of Digitalization Processes in Russia: Civil Law Aspect // Legal Studies. 2021. No. 8. Pp. 51-62. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.8.36270 EDN: AAPBDZ

4. Gravshina I. N. On the issue of regulatory and legal regulation of the digital economy // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2023. No. 1(36). Pp. 12-16. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-1-12-16 EDN: GHXZBW

5. Kravchenko A.G. Principles and Priorities of Russia's Legal Policy in the Sphere of the Digital Economy / A.G. Kravchenko, A.I. Ovchinnikov // NB: Administrative Law and Administration Practice. 2020. No. 4. Pp. 1-10. DOI: 10.7256/2306-9945.2020.4.34654 EDN: WWPXGQ

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_240

О ЗАДАЧАХ, ПРЕДМЕТЕ И ПРЕДЕЛАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ON THE OBJECTIVES, SUBJECT MATTER, AND SCOPE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE ENFORCEMENT OF LAWS: THEORETICAL ASPECTS

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,
Ассистент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

БОРИСОВА Раиса Александровна,
магистрант направления «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: raisaborisova@mail.ru;

ГОРЯЕВА Александра Андреевна,
магистрант направления «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: sgoryaeva2003@mail.ru;

ДЖАЛКАЕВА Энгеля Михайловна,
магистрант направления «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: ejalkaeva@yandex.ru

OCHIR-GARAEVA Irina Kalinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov".
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A. S. Pushkin Street, building 11.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

MUCHAEVA Darima Gennadyevna,
Assistant at the B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin St., 11.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

BORISOVA Raisa Alexandrovna,
Master's student in the field of "Jurisprudence"
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov".
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin Street, building 11.
E-mail: raisaborisova@mail.ru;

GORYAEEVA Alexandra Andreevna,
Master's student in the field of "Jurisprudence".
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov".
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin Street, building 11.
E-mail: sgoryaeva2003@mail.ru;

DJALKAEVA Engelya Mikhailovna,
Master's student in the field of "Jurisprudence"
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov".
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin Street, building 11.
E-mail: ejalkaeva@yandex.ru.

Краткая аннотация: *Одним из наиболее существенных направлений самостоятельного института государственной деятельности является прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов. Он осуществляется от имени Российской Федерации. Суть данного положения заключается в том, что прокуратура призвана выполнять задачи, поставленные перед ней государством, представлять и защищать интересы граждан, общества и государства.*

Abstract: *One of the most significant areas of this independent state institution's activity is prosecutorial oversight of the precise and uniform enforcement of laws. This oversight is exercised on behalf of the Russian Federation. The essence of this provision is that the prosecutor's office is called upon to fulfill the tasks assigned to it by the state, representing and protecting the interests of citizens, society, and the state.*

Ключевые слова: *надзор, прокурорская деятельность, общественные отношения, нормотворчество, исполнение законов, законные интересы граждан.*

Key words: *supervision, prosecutorial activity, public relations, rule-making, law enforcement, legitimate interests of citizens.*

Для цитирования: *Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Борисова Р.А., Горяева А.А., Джалкаева Э.М. О задачах, предмете и пределах прокурорского надзора за исполнением законов: теоретические аспекты // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 240-243. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_240.*

For citation*: Ochir-Garyaeva I.K., Muchaeva D.G., Borisova R.A., Goryaeva A.A., Dzhalkaeva E.M. On the tasks, subject matter, and scope of prosecutorial supervision over the implementation of laws: theoretical aspects // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 240-243. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_240.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Неотъемлемый атрибут любого государства - надзор и контроль за соблюдением издаваемых в нем законов. В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» определены предмет надзора и основные параметры такой прокурорской деятельности. Предметом про-

курорского надзора выступают общественные отношения, на регулирование которых направлена прокурорская деятельность, а именно общественные отношения, связанные с исполнением требований законов. При этом следует иметь в виду всю систему действующих законов. В их число входят: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции, уставы и законы субъектов РФ, а также законы, действовавшие на территории РФ до вступления в силу Конституции 1993 г. в части, не противоречащей ей. Предмет надзора играет ключевую роль для понимания содержания надзорной деятельности, ее сущности и специфики.

Прокурорский надзор как самостоятельный институт государственной деятельности имеет несколько направлений, что вызвано существенными различиями в задачах, предмете и пределах надзора его отраслей. Одним из них, причем наиболее существенным, является прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов. Он осуществляется от имени Российской Федерации. Суть данного положения заключается в том, что прокуратура призвана выполнять задачи, поставленные перед ней государством, представлять и защищать интересы граждан, общества и государства. Данная деятельность конкретизирована в Соглашении Генеральной прокуратуры РФ и Минюста РФ от 25 марта 1998 г. № 18 «О формах взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ и Министерства юстиции Российской Федерации в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами субъектов РФ, а также за созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений»[1]; Приказе Генерального прокурора РФ от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»[2]. При проведении обобщения материалов о нарушениях законов при издании правовых актов вышеуказанными объектами выявлены наиболее характерные несоответствия.

В их число входят:

отсутствие предусмотренных в законе фактических обстоятельств, являющихся основанием для издания соответствующих правовых актов;

издание правового акта во исполнение отмененного либо утратившего силу закона;

произвольное толкование положений закона, обусловившее принятие противоречащего ему правового акта;

умышленное искажение смысла закона в изданном правовом акте;

неправильный выбор закона, положенного в основу решения представленных в правовом акте вопросов;

несоблюдение правил, сроков, формы и процедуры издания актов.

В случае несоответствия принятых правовых актов федеральному законодательству и нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности прокуратура должна добиваться их фактической отмены путем принесения протестов или обращения с заявлениями об оспаривании данных правовых актов в суд (общей юрисдикции, арбитражный).

Пределы предмета прокурорского надзора выражаются в исчерпывающем круге названных законодателем в ч.1 ст.21 Закона «О Прокуратуре РФ» органов и должностных лиц. В число поднадзорных субъектов не входят граждане. В систему субъектов надзора не входят Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, федеральные суды и мировые судьи.

Важную роль прокурорский надзор играет в защите прав граждан в различных сферах жизнедеятельности, а также имеет существенное значение и в профилактике правонарушений, поскольку именно с помощью надзора достигается не только надлежащее исполнение законов, но и выявление правонарушений на ранних стадиях их формирования. Подтверждением служит ряд нормативных документов Генеральной прокуратуры[3].

С позиции реализации организационных форм деятельности прокуратуры по надзору п.2 ст.21 Федерального закона «О прокуратуре РФ» установлены определенные пределы. Заключается это в том, что органы прокуратуры при осуществлении надзора не подменяют иные государственные органы, а проверки исполнения законов проводят на основании поступающей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения закона, требующих принятия мер прокурорского реагирования.

С учетом требования о недопустимости подмены прокуратурой иных государственных органов в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» определяются поводы и основания проверок исполнения законов. Существуют обязательные условия для проведения проверки:

прокурор должен располагать информацией о фактах нарушения закона;

содержание информации должно свидетельствовать о том, что соответствующие вопросы не входят в компетенцию других государственных органов и требуется принятие мер непосредственно прокурором.

Поводами для проверок являются и поступающие в прокуратуру заявления, жалобы и иные обращения, материалы средств массовой информации, контролирующих органов, уголовных, гражданских и арбитражных дел, иные материалы, а также результаты анализа статистики, прокурорской и правоприменительной практики, непосредственное обнаружение прокурором правонарушений.

Действия прокуратуры по организации проверок регламентированы соответствующими актами[4] . Генеральная прокуратура, определяя надзорную политику, проводит курс на решение органами прокуратуры только тех вопросов, которые входят в их компетенцию.

---

[1] Соглашение «О формах взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также за созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений» от 25. 03.1998 № 18 // Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора РФ.- М., 1999.

[2] Приказ Генерального прокурора РФ от 02. 10.2007 г. № 155 (ред. от 23. 12.2009 г.) «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» //СПС Консультант-Плюс.

[3] Приказ Генерального прокурора РФ от 31. 03.2008 г. № 53 (ред. от 30. 04.2009) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» // СПС Консультант-Плюс; Приказ Генерального прокурора РФ от 26. 11.2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. 2008. № 2; Приказ Генерального прокурора РФ от 21. 11.2007 г. № 186 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах" // Законность. 2008. № 1; Приказ Генерального прокурора РФ «О мерах по реализации в органах прокуратуры Российской Федерации требований законодательства о федеральной государственной гражданской службе Российской Федерации" от 02. 02.2006 г. № 4 // СПС Консультант-Плюс.

[4] Приказ Генерального прокурора РФ от 27. 12.2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» // Законность. 2008. № 3; Приказ Генерального прокурора РФ от 17. 12.2007 г. № 200 «О введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации" (ред. от 17. 03.2010 г.) // Законность. 2008. № 4.

Пункт 2 ст.21 Закона о прокуратуре, устанавливающий, по сути, пределы прокурорского надзора, нуждается в определенной корректировке. Дело в том, что у надзорной деятельности прокурора есть схожие черты, прежде всего, с контрольной (надзорной) работой соответствующих государственных органов исполнительной власти как федерального, так и регионального подчинения. В то же время в последние годы активно проходит процесс наделения контрольными функциями и муниципальных органов (ст.14 ЖК РФ, ст.72 ЗК РФ, ст.68 ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» и др.), что обязывает принимать во внимание и эти органы, также наделяемые властными полномочиями[1]. В этой связи первое предложение п.2 ст.21 Закона о прокуратуре можно было бы изложить в следующей редакции: «При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют другие государственные и муниципальные органы, наделенные контрольными (надзорными) функциями».

Законом указано право прокурора на беспрепятственный вход при предъявлении служебного удостоверения на территории и в помещения федеральных органов исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, а также в помещения органов управления коммерческих и некоммерческих организаций (п.1 ст.21 Закона о Прокуратуре РФ).

Служебное удостоверение является официальным документом, подтверждающим личность работника, его должность, наличие классного чина, а также иные права и полномочия, предоставленные работнику действующим законодательством[2].

Прокурор вправе знакомиться со всеми документами, которые могут содержать информацию о нарушениях закона.

Иногда некоторые представители органов, учреждений, компаний и фирм стараются уклониться от предоставления документов прокурору под каким-либо предлогом, в том числе по мотивам содержания в них государственной или коммерческой тайны.

Соответствующие акты устанавливают перечень данных, которые могут быть отнесены к государственной тайне, например сведения в военной области, области экономики, науки и техники, внешней политики и экономики[3]. Доступ работников, осуществляющих прокурорский надзор, к информации, содержащей государственную тайну, производится при наличии соответствующего допуска. Лица, допущенные к секретным работам и документам, обязаны хранить в тайне секретные сведения, ставшие им известными по службе; а также пресекать действия других лиц, которые могут привести к разглашению указанных секретных сведений.

Прокурору предоставлено право по мотивированному требованию запрашивать на безвозмездной основе информацию, составляющую коммерческую тайну[4]. В случае отказа обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, предоставить ее, прокурор вправе затребовать эту информацию в судебном порядке. Согласно ст.15 ФЗ «О коммерческой тайне» невыполнение обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, законных требований органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления о предоставлении им информации, составляющей коммерческую тайну, а равно воспрепятствование получению должностными лицами этих органов указанной информации влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Задачи проверки исполнения законов состоят в установлении фактов их нарушения, правовой оценке, выявлении лиц, ответственных за нарушение закона, определении характера и размера причиненного вреда, причин и условий, способствовавших правонарушениям.

Такие проверки проводятся при наличии соответствующих поводов и оснований. Поводами для производства проверок служат любые поступившие в прокуратуру сведения о фактах нарушения закона, требующих принятия мер прокурором. Основание проведения проверок - наличие данных о признаках состава правонарушения в поступившей в прокуратуру информации либо полученной непосредственно прокурором.

По материалам проверки составляется справка, в которой отражаются поводы и основания проведения проверки, исследованные в процессе материалы, выводы и предложения о формах реализации результатов проверки.

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры и их заместители в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства возбуждают производство об административном правонарушении в соответствии со своими полномочиями.

КоАП РФ (ст.24.6) определяет процессуальные полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: право возбуждать производство, участвовать в рассмотрении дела, приносить протест на постановление по делу независимо от участия в деле и совершать иные действия[5].

Прокуроры и их заместители должны решительно пресекать факты незаконного применения к гражданам административного задержания. Они, в случае установления факта нарушения закона органом, обязаны освободить своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов[6].

На основе материалов прокурорской проверки готовится представление. Представление прокурора - акт прокурорского реагирования, имеющий целью устранение нарушений закона, их причин и способствующих им условий. Основанием для его внесения служат установленные факты нарушения закона. Представление об устранении нарушения закона характеризуется, прежде всего, своей ориентированностью на устранение действий, нарушающих закон, приводящих к неисполнению его требований. Его основная цель - не только устранение выявленных нару-

[1] Винокуров А. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов // Законность. 2006. № 4.- С. 42-43.
[2] Приказ Генерального прокурора РФ от 21. 06.2002 г. № 33 «Об утверждении Инструкции о порядке оформления и выдачи служебных удостоверений работникам органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» //Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. том 2. М., 2004.
[3] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Закон РФ от 21. 07.1993 г. № 5485-1 (ред. от 18. 07.2009 г.) «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 13. 10.1997 г. № 41, стр. 8220-8235, Приказ Генерального прокурора РФ от 10. 06.1998 г. № 33 «О введении в действие Положения о работе с секретными материалами, документами, делами» // Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора РФ.- М., 1999.
[4] Федеральный закон от 29. 07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 01. 01.2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. ст. 3283.
[5] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2017) //СПС Консультант-Плюс.
[6] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». - Ст.24.6, 25.11.

шений, но и их предупреждение в последующем.

Согласно требованиям Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» протест приносится на правовой акт в случае его противоречия закону. В нем заключается требование об устранении имеющихся в правовом акте противоречий закону (в целом или в определенной части), о приведении акта в соответствие с федеральным законом или его отмене[1].

Правом принесения протеста в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращения в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, на незаконные правовые акты обладают прокурор и заместитель прокурора. Правовые акты федеральных министерств и ведомств могут быть опротестованы только Генеральным прокурором РФ и его заместителями.

Законом установлен предельный десятидневный срок с момента поступления рассмотрения протеста для органов, имеющих общий повседневный режим работы. Время рассмотрения протеста представительными (законодательными) органами субъектов Российской Федерации или органа местного самоуправления, исходя из особенностей организации их деятельности приурочивается к ближайшему заседанию коллегиального органа.

По действующему законодательству принесение протеста не приостанавливает действия опротестованного акта. Тем не менее, имеются реальные возможности снижения либо полной нейтрализации отрицательного эффекта противоречащего закону акта. Именно, исходя из этих соображений прокурору предоставлено право устанавливать сокращенный срок рассмотрения протеста, когда этого требуют исключительные обстоятельства[2].

Предостережение выносится в письменной форме с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений. В случае, если возможно принять меры по устранению допущенных нарушений, в предупреждении также устанавливается срок для устранения указанных нарушений, составляющий не менее двух месяцев со дня вынесения предупреждения.

Предостережение предписывает прокурорам субъектов РФ, городов и районов, военным и другим прокурорам специализированных прокуратур использовать его как важнейшую меру предупреждения правонарушений[3]. Применение предостережения отнесено к исключительной компетенции прокурора и его заместителей. Другие работники прокуратуры такими полномочиями не обладают. Предостережение применяется только при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. Для профилактики нарушений закона при производстве дознания, предварительного следствия и при рассмотрении дел судами должны использоваться иные средства прокурорского реагирования, предусмотренные законом. Основанием для предостережения должностного лица могут быть только достоверные сведения о готовящихся противоправных деяниях, могущих привести к совершению правонарушения и причинению вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и свободам граждан, не влекущих уголовную ответственность.

Подводя итог, можно сказать следующее:

1. Прокурорский надзор за исполнением законов («общий надзор») не просто выжил, но и показал (и продолжает показывать) свою значимость в вопросе укрепления законности в различных сферах жизни общества.

2. Вопрос совершенствования надзорной деятельности должен рассматриваться одновременно с вопросом модернизации законодательства, регламентирующего эту деятельность.

3. С учетом того, что названия и правовой статус федеральных органов исполнительной власти постоянно меняются, было бы целесообразно в ст.21 Закона о прокуратуре ограничиться нейтральным термином «федеральные органы исполнительной власти». Необходимо единообразное применение терминологии и в отношении региональных органов.

4. По нашему мнению, есть потребность в определении понятия «должностное лицо» применительно к рассматриваемой отрасли надзора. Из содержания ст.21 Закона о прокуратуре следует, что должностные лица - это те, кто исполняет служебные обязанности в перечисленных федеральных органах исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Федерации, органах военного управления и органах местного самоуправления. Вместе с тем названная норма упоминает еще и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, представляющих собой самостоятельную, отличную от должностных лиц категорию. Представляется, надо распространить понятие «должностное лицо» и на руководителей коммерческих и некоммерческих организаций.

5. Пункт 2 ст.21 Закона о прокуратуре, устанавливающий, по сути, пределы прокурорского надзора, нуждается в определенной корректировке. Дело в том, что у надзорной деятельности прокурора есть схожие черты, прежде всего, с контрольной (надзорной) работой соответствующих государственных органов исполнительной власти как федерального, так и регионального подчинения. В то же время в последние годы активно проходит процесс наделения контрольными функциями и муниципальных органов, что обязывает принимать во внимание и эти органы, также наделяемые властными полномочиями. В этой связи первое предложение п.2 ст.21 Закона о прокуратуре можно было бы изложить в следующей редакции: «При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют другие государственные и муниципальные органы, наделенные контрольными (надзорными) функциями».

Список литературы:

1. Винокуров А. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов // Законность. 2006. № 4.- С. 42-43.
2. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина М.: Городец, 2007.- С. 201-202.

References:

1. Vinokurov A. The powers of a prosecutor to oversee the enforcement of laws // Zakonnost. 2006. No. 4. – Pp. 42-43.
2. Bessarabov V.G., Kashaev K.A. Protection of human and civil rights and freedoms by the Russian prosecutor's office. Moscow: Gorodets, 2007. – Pp. 201-202.

[1] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».- Ст.23.
[2] Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина М.: Городец, 2007.- С. 201-202.
[3] Указание Генеральной прокуратуры РФ от 06. 07.1999 г. № 39/7 (с изм. от 16. 10.2000 г.) «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ. Том 1. М., 2004.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_244

УДК 347:342:608

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
TOPICAL ISSUES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC LAW REGULATION OF BIOTECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

НЕСВЕТАЙЛОВ Данил Александрович,
студент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
ул. Садово-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: danil.nesvetailov0@yandex.ru;

NESVETAYLOV Danil Aleksandrovich,
student of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation,
E-mail: danil.nesvetailov0@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются особенности правового регулирования биотехнологий в Российской Федерации в условиях цифровизации экономики. Обосновывается, что действующее законодательство формируется как совокупность разрозненных публично-правовых и частноправовых механизмов, не учитывающих специфику цифровых биотехнологий. Выявлены ключевые правовые проблемы, связанные с правовым режимом результатов биотехнологической деятельности, использованием цифровых платформ и распределением ответственности субъектов. Сделан вывод о необходимости адаптации существующих правовых режимов на основе их согласования, без создания избыточного специального регулирования.*

Abstract: *The article analyzes the features of the legal regulation of biotechnologies in the Russian Federation in the context of the digitalization of the economy. It is substantiated that the current legislation is formed as a set of fragmented public law and private law mechanisms that do not take into account the specifics of digital biotechnologies. The key legal problems related to the legal regime of the results of biotechnological activities, the use of digital platforms, and the distribution of liability among subjects are identified. The conclusion is drawn that it is necessary to adapt the existing legal regimes based on their coordination, without creating excessive special regulation.*

Ключевые слова: *биотехнологии, коллизии правового регулирования, гражданский оборот, административные запреты, биологические данные, цифровизация, правовой режим.*

Keywords: *biotechnologies, legal conflicts, civil circulation, administrative prohibitions, biological data, digitalization, legal regime.*

Для цитирования: *Несветайлов Д.А. Topical issues of the relationship between private and public law regulation of biotechnologies in the context of digitalization // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 244-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_244.*

For citation*: Nesvetaylov D.A. Topical issues of the relationship between private and public law regulation of biotechnologies in the context of digitalization // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 244-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_244.*

Статья поступила в редакцию: 09.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Правовое регулирование биотехнологий в Российской Федерации находится на этапе активного формирования, что обусловлено ускоренным развитием генетических, клеточных и иных высокотехнологичных решений, внедряемых в медицину, промышленность, сельское хозяйство и иные сферы общественных отношений. При этом современный этап развития биотехнологий характеризуется не только расширением областей их практического применения, но и глубокой цифровой трансформацией соответствующей отрасли. Использование алгоритмов искусственного интеллекта, автоматизированных систем анализа биологических данных, цифровых платформ и технологий обработки больших массивов информации существенно меняет содержание регулируемых общественных отношений.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о соотношении частноправовых и публично-правовых механизмов регулирования биотехнологической сферы. Действующее российское законодательство формирует сложную систему нормативного воздействия, в которой одновременно функционируют гражданско-правовые механизмы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, защиты имущественных интересов участников оборота и договорного регулирования, а также публично-правовые инструменты лицензирования, государственного контроля, биологической безопасности и административных ограничений.

Проблема заключается не только во фрагментарности действующего регулирования, на что неоднократно указывалось в научной литературе, но и в наличии внутреннего нормативного конфликта между различными правовыми режимами, усиливающегося в условиях цифровизации. Именно данный конфликт требует самостоятельного научного осмысления.

Цель настоящего исследования состоит в анализе доктринальных подходов к соотношению частных и публичных начал в правовом регулировании биотехнологий, выявлении ключевых противоречий действующего законодательства и формулировании направлений его совершенствования в условиях цифровой трансформации.

В доктрине обоснованно утверждается, что формирование законодательства о генетических технологиях должно базироваться на разработке фундаментальных основ и принципов, среди которых ключевое место занимает принцип сочетания частных и публичных интересов. Как отмечают А.А. Мохов и А.Н. Яворский, реализация этого принципа предполагает предварительное определение круга участников общественных отношений, выявление их интересов, а также установление необходимых разрешений, обязательств и запретов[1].

[1] Мохов А. А., Яворский А. Н. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании генетических технологий // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2019. № 9. С. 48-51.

Существенно, что задача обеспечения баланса интересов граждан, общества и бизнеса рассматривается в литературе как базовая обязанность государства, выводимая из содержания всего массива действующего отечественного законодательства. При этом частные и публичные интересы в данной сфере могут значительно различаться по своему уровню, объему и направленности, что объективно порождает противоречия и социальные конфликты различной степени выраженности.

Более глубокий взгляд на проблему предлагает А.О. Малофеев, который характеризует состояние имущественных отношений в сфере оборота ГМО через понятие «нравственно-правового конфликта». Суть этого конфликта заключается в противоречии между публичным интересом государства в обеспечении продовольственной безопасности и здоровья населения, с одной стороны, и частными интересами производителей товаров, содержащих ГМО, – с другой.

Показательно, что данный конфликт, по мнению автора, «в настоящее время не урегулирован нормами права», что порождает практические проблемы. Причина видится в недостатке объективных научных данных относительно последствий применения биотехнологий, что порождает три группы рисков: риски для здоровья человека (аллергенное или токсичное действие); экологические риски (нарушение биоразнообразия); агротехнические риски (возникновение «суперсорняков»)[1].

Показательным примером конфликта частных и публичных интересов выступила правовая регламентация вакцинации в период пандемии COVID-19. Формально законодательство исходит из принципа добровольности медицинского вмешательства, однако установленные ограничения для невакцинированных граждан (в том числе в сфере трудовых отношений) фактически придали данной процедуре элементы обязательности. Это породило дисбаланс прав и обязанностей субъектов и продемонстрировало зависимость частноправовых возможностей (реализации трудовых прав, ведения бизнеса) от публично-правовых решений государства[2].

Конкретизация указанного конфликта может быть выявлена при анализе нормативной конструкции Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»[3]. Закон устанавливает жесткую разрешительную модель допуска продукции на рынок, включающую обязательность клинических исследований, государственной регистрации и последующего контроля. Указанная модель ориентирована преимущественно на защиту публичных интересов – жизни и здоровья граждан, что выражается в значительном объеме административных процедур и ограничений. Вместе с тем подобная конструкция объективно увеличивает издержки участников оборота и снижает предсказуемость коммерциализации результатов научных разработок. Таким образом, нормативное регулирование в данной сфере демонстрирует смещение баланса в сторону публично-правовых механизмов, что подтверждает тезис о наличии структурного дисбаланса в системе правового воздействия.

В литературе последних лет высказывается интересный тезис о «конвергенции публичных и частных интересов» в законодательном регулировании инновационных биомедицинских технологий. Н.В. Кравченко, анализируя эту тенденцию, делает акцент на «нехватке частноправового сегмента», которая обусловлена невозможностью спрогнозировать скрытые недостатки инновационных биотехнологий[4].

Это наблюдение заслуживает внимания: оно указывает не на простой конфликт двух начал, а на их взаимодействие, в рамках которого публичный интерес (безопасность) проникает в сферы, традиционно относимые к частному праву. В известном смысле можно говорить о «публицизации» частноправовых институтов применительно к биотехнологиям — о формировании гибридного режима, где граница между гражданско-правовыми и административно-правовыми механизмами становится размытой.

Современное развитие биотехнологий неразрывно связано с цифровизацией исследовательских и производственных процессов. Алгоритмы машинного обучения используются при моделировании биологических процессов, анализе геномных последовательностей, разработке лекарственных препаратов и прогнозировании эффективности биотехнологических решений. Наряду с этим формируются специализированные цифровые платформы, обеспечивающие хранение, обработку и обмен биотехнологической информацией.

Цифровизация существенно усложняет традиционное разграничение частноправовых и публично-правовых начал. С одной стороны, цифровые платформенные решения выступают объектом коммерческого оборота и подчиняются логике гражданско-правового регулирования. С другой стороны, обращение биотехнологических данных связано с необходимостью усиленного государственного контроля, обусловленного рисками биологической безопасности, защиты персональных данных и предотвращения неправомерного использования чувствительной информации.

В результате цифровая трансформация не устраняет существующий конфликт частных и публичных интересов, а усиливает его, формируя новые зоны правовой неопределенности. Это свидетельствует о необходимости адаптации существующих нормативных механизмов с учетом специфики цифровой среды.

В доктрине сегодня отмечается, что статус биоматериалов после отделения от организма остается недостаточно четким. С одной стороны, они могут рассматриваться как объекты гражданских прав (вещи, ограниченные в обороте), с другой – несут в себе личностное начало, связанное с генетической информацией[5]. Эта двойственность порождает конфликт между правом собственности и правом на неприкосновенность частной жизни.

---

[1] Малофеев А. О. К вопросу о гражданско-правовом регулировании оборота генно-модифицированных организмов в Российской Федерации // Современное право. 2015. № 2. С. 35–40.

[2] Кашехлебова Е. А. К вопросу об изменениях в трудовом законодательстве о дистанционной (удалённой) работе (опыт пандемии COVID-19) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4.

[3] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3849.

[4] Кравченко Н. В. Развитие правового регулирования инновационных биомедицинских технологий в условиях современных вызовов // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Р. Р. Хамматова. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет, 2022. С. 197–202.

[5] Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. Т. 1, № 11. С. 32–46. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046.

Рост популярности генетического тестирования в частных лабораториях приводит к формированию гражданско-правовых отношений по оказанию медицинских услуг, результатом которых является получение чувствительной генетической информации. При этом правовой режим хранения, использования и защиты таких данных остается недостаточно определенным, что усиливает риски нарушения прав субъектов и требует усиления публично-правовых механизмов контроля.

Отмечается, что положения ключевых международно-правовых актов – Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года[1], Конвенции о правах человека и биомедицине 1997 года[2], Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 года[3] – до настоящего времени в полной мере не имплементированы в российское законодательство. Конвенция о правах человека и биомедицине не ратифицирована РФ, что создает пробелы в регулировании.

В научной литературе также обосновывается необходимость формирования специальных конструкций гражданско-правовой ответственности (частного деликта) в сфере биомедицины, обусловленных рисками причинения вреда вследствие применения инновационных технологий[4].

Проведённый анализ доктринальных подходов позволяет сделать вывод о том, что ключевая проблема правового регулирования биотехнологий в Российской Федерации заключается не столько в отсутствии нормативного массива как такового, сколько в несогласованности действующих гражданско-правовых и публично-правовых механизмов. Современное законодательство ориентировано преимущественно на обеспечение биологической безопасности и государственный контроль, тогда как частноправовые инструменты, обеспечивающие устойчивость гражданского оборота, предсказуемость предпринимательской деятельности и коммерциализацию результатов биотехнологических разработок, остаются недостаточно развитыми.

Цифровизация биотехнологической сферы усиливает данное противоречие, поскольку в регулируемые отношения включаются новые объекты — цифровые платформы, алгоритмы обработки биологических данных, автоматизированные аналитические системы. Их правовой режим в настоящее время не получил достаточного нормативного закрепления.

Представляется, что действующая модель регулирования не обеспечивает баланс интересов. Необходимо совершенствовать действующее законодательство не посредством создания самостоятельного комплексного закона о цифровых биотехнологиях, а путем согласования существующих правовых режимов, уточнения механизмов взаимодействия гражданско-правовых и публично-правовых инструментов, а также выработки риск-ориентированного подхода к регулированию цифровых биотехнологических процессов. Таким образом, речь идёт не о классическом конфликте, а о формировании смешанного правового режима.

Список литературы:

1. Мохов А. А., Яворский А. Н. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании генетических технологий // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2019. № 9. С. 48-51. DOI: 10.21518/1561-5936-2019-9-48-51 EDN: AMTPJE
2. Малофеев А. О. К вопросу о гражданско-правовом регулировании оборота генно-модифицированных организмов в Российской Федерации // Современное право. 2015. № 2. С. 35-40. EDN: TKUFOB
3. Кашехлебова Е. А. К вопросу об изменениях в трудовом законодательстве о дистанционной (удалённой) работе (опыт пандемии COVID-19) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 118-124. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.84.8.118-124 EDN: GEHNMS
4. Кравченко Н. В. Развитие правового регулирования инновационных биомедицинских технологий в условиях современных вызовов // Со-временные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Р. Р. Хамматова. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет, 2022. С. 197-202. DOI: 10.33184/spprchppr-2022-04-22.33 EDN: SAHNQK
5. Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. Т. 1, № 11. С. 32-46. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046 EDN: UOOJGM
6. Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной ме-дицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25-32. EDN: CHLZNI

References:

1. Mokhov A. A., Yavorsky A. N. Combination of Private and Public Interests in the Legal Regulation of Genetic Technologies // Remedium. Journal on the Russian Drug and Medical Equipment Market. 2019. No. 9. pp. 48-51. (in Russian)
2. Malofeev A. O. On the Issue of Civil Law Regulation of the Circulation of Genetically Modified Organisms in the Russian Federation // Modern Law. 2015. No. 2. pp. 35-40. (in Russian)
3. Kashekhlebova E. A. On Changes in Labor Legislation on Remote Work (Experience of the COVID-19 Pandemic) // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 4. pp. 118-124. (in Russian)
4. Kravchenko N. V. Development of legal regulation of innovative biomedical technologies in the context of modern challenges // Modern problems and prospects for the development of private and public law regulation: Proc. of the V Int. scientific-practical. conf. (April 22, 2022) / ed. R. R. Khammatova. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 2022. Pp. 197–202. (in Russian)
5. Bogdanova E. E. The ratio of private and public principles in the legal regulation of the use of genomic and assisted reproductive technologies // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. Vol. 1, No. 11. Pp. 32–46. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046. (in Russian)
6. Bogdan V. V. Damage caused by defects in goods (works, services) as a private tort in the context of the development of modern medicine // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. No. 9. pp. 25–32. (in Russian)

[1] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.). URL: https://www.cbd.int/convention/text (дата обращения: 30.04.2026).
[2] Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.). URL: https://rm.coe.int/168007cf98 (дата обращения: 30.04.2026).
[3] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека : принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. в Париже. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights (дата обращения: 30.04.2026).
[4] Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25–32.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_247

УДК 34.96

УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LAND RESOURCES MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

МУСИХИНА Елена Мунаваровна
аспирант кафедры экологического и трудового права
Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».
450075, Россия, г. Уфа, проспект Октября,107Б.
E-mail: elena.musihina16@yandex.ru,

MUSIKHINA Elena Munavarovna
is a postgraduate student of the Department of Environmental and Labor Law
at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology.
450075, Russia, Ufa, 107B, Oktyabrya Avenue.
E-mail: elena.musihina16@yandex.ru

Краткая аннотация: *Управление земельными ресурсами в Российской Федерации – это система, созданная для обеспечения рационального использования, охраны и воспроизводства земель. Автором проводится анализ существующих научных подходов к определению понятия «управление земельными ресурсами», выявляются дискуссионные вопросы, связанные с распределением полномочий между ветвями власти и уровнем участия различных субъектов. Анализируются теоретические основы системности управления, определяются субъекты и объект управления, его предмет и функции, цель и задачи управления земельными ресурсами, и прежде всего, государственного управления. Уделено отдельное внимание классификации видов управления (государственное, муниципальное, ведомственное и внутрихозяйственное) с раскрытием их специфики, полномочий и механизмов реализации. Рассматривается роль государства как главного субъекта, ответственного за регулирование земельных отношений.*

Abstract: *The management of land resources in the Russian Federation is a system aimed at ensuring the rational use, protection, and reproduction of land. The author analyzes existing scientific approaches to defining the concept of "land resources management" and identifies controversial issues related to the distribution of powers between branches of government and the level of participation of various entities. The article examines the theoretical foundations of systemic management, defines the subjects and objects of management, its subject matter and functions, the goals and objectives of land resources management, and, above all, public administration. Special attention is paid to the classification of types of management (state, municipal, departmental, and intra-enterprise) and their specific features, powers, and implementation mechanisms. The role of the state as the main entity responsible for regulating land relations is also discussed.*

Ключевые слова: *управление земельными ресурсами, система управления земельными ресурсами, субъект и объект управления земельными ресурсами, виды управления земельными ресурсами, государственное управление земельными ресурсами.*

Keywords: *land management, land management system, subject and object of land management, types of land management, public land management.*

Для цитирования: *Мусихина Е.М. Управление земельными ресурсами в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 247-249. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_247.*

For citation*: Musikhina E.M. Land Resource Management in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 247-249. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_247.*

Статья поступила в редакцию: 10.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Термин «система» применяют для обозначения совокупности связанных и взаимодействующих элементов, которые вместе образуют единое целое. Зафиксировано, что у такой структуры появляются новые свойства, которые отсутствуют у отдельных частей по отдельности. У системы всегда выделяют несколько главных признаков: целостность, наличие цели и постоянные контакты с внешней средой в том числе обмен информацией или ресурсами.

Система управления представляет собой механизм, обеспечивающий целенаправленное воздействие на объект для перевода его из текущего состояния в желаемое. Основой этого процесса является работа с информацией: её сбор, передача и обработка.

В широком смысле управление выступает ключевой функцией организованных систем, выполняя следующие задачи:

- обеспечение целостности и стабильности системы;

- обеспечение функционирования в заданных параметрах;

- реализация программных целей и адаптация к изменениям внешней среды.

В качестве субъектов управления обычно действуют органы власти, административные структуры, а также физические и юридические лица с нужными полномочиями. При воздействии на объект управления применяют именно эти полномочия.

В качестве объектов управления выступают общественные отношения в соответствующей сфере, в нашем случае в сфере управлениями земельными ресурсами в Российской Федерации. Субъекты управления воздействуют на объект управления. В роли носителей этого качества обычно фигурируют как физические, так и юридические лица, а также сложные системы и процессы: социальные, природные, экологические и экономические.

Любая система управления строится из двух частей – управляющей и управляемой подсистем; в первой происходит выработка и принятие управленческих решений. Вторая подсистема – исполнительская, её роль сводится к выполнению указанных решений. Между указанными частями зафиксированы определённые законы управления: именно они отражают самые весомые (и объективно существующие) связи как внутри самой системы, так и между системой и внешней средой. Подобная структура прослеживается без исключения во всех системах управления, независимо от их функционального назначения или размера.

В основе эффективного управления лежат основные законы, среди которых:

– закон единства и целостности системы управления;

– закон пропорциональности и рационального сочетания элементов распространяется на любые системы управления, включая как простые организационные структуры, так и сложные иерархические системы (например, крупные корпорации или государственные органы). Поддержание оптимального баланса между всеми компонентами управления – субъектом (лицом или группой, принимающими решения), объектом (процессом, над которым осуществляется контроль) и каналами связи (путями передачи информации и обратной связи) – оказалось решающим условием для стабильного функционирования системы;

– закон эффективности системы управления находится в прямой зависимости от объема, качества и своевременности информации, служащей основой для принятия управленческих решений;

– закон совместимости применяемых технических средств с соподчиненными и взаимодействующими системами управления, применяемые в управлении технические средства и информационные системы должны быть полностью совместимы с оборудованием и программным обеспечением соподчинённых и взаимодействующих структур [1].

Управление земельными ресурсами является комплексным процессом, который находится на стыке множества дисциплин, и интегрирует в себе социальные, экономические, правовые и экологические аспекты, что требует от управленца применения всего спектра методов для достижения устойчивого развития.

Взгляд Е.С. Болтановой на управление земельными ресурсами предполагает его понимание как деятельности, осуществляемой структурами исполнительной власти, наделенными соответствующими компетенциями (например, федеральными и региональными министерствами, а также профильными департаментами). Главная цель такой деятельности – организация разумного использования и бережного отношения к земельным ресурсам [2].

Для Т.Л. Кудрявцевой, управление земельными ресурсами – это, прежде всего, систематическое, осознанное и целенаправленное воздействие, которое оказывают государство и общество на земельные ресурсы. В основе этой деятельности лежит разветвленная система, включающая в себя несколько главных компонентов: объект, субъект, предмет, цели, задачи и функции управления [3].

В определении А.П. Анисимова управление земельным фондом представляет собой исполнительную и распорядительную деятельность, осуществляемую органами государственной власти и местного самоуправления в рамках их полномочий. В данном контексте речь идет о публично-правовом регулировании земельных отношений на территории Российской Федерации [4].

Рассмотрение существующих определений помогает увидеть, что управление земельными отношениями обычно трактуется как разновидность деятельности, при этом при углубленном анализе научных публикаций обнаруживаются заметные различия в понимании главных сторон указанного понятия. Эта неоднородность подходов затрудняет построение единой и внутренне согласованной концепции управления земельными отношениями (включая их правовые и экономические грани).

Государство традиционно выступает ключевым субъектом управления земельными ресурсами. Защита и эффективное использование земель осуществляется преимущественно через государственное управление с применением административно-правовых методов регулирования [5]. Его доминирующая роль в этой сфере является общепризнанной и не подлежит сомнению. Как отмечает С. А. Боголюбов, именно на государство возложена первостепенная ответственность за поддержание земель в надлежащем состоянии, их разумное применение и обеспечение сохранности. Следовательно, ключевая функция в управлении земельными ресурсами принадлежит именно государственным структурам [6].

Субъекты, осуществляющие управленческую деятельность, традиционно классифицируются по трем основным сферам: государственное управление, управление на местном уровне и управление в рамках отдельных хозяйствующих субъектов. Государство занимает доминирующее положение в этой структуре, являясь основным субъектом, регулирующим земельные отношения [6].

В научных дискуссиях основное внимание сосредоточено на субъекте, который занимается управлением земельными ресурсами. Несмотря на признание доминирующей роли государства в этой сфере, его статус требует обоснования. Например, С. А. Боголюбов подчеркивает, что ведущая функция государственных органов заключается в их ответственности за эффективное использование и бережное сохранение земельных угодий [6]. Е. С. Болтанова же интерпретирует право государства на управление как следствие его верховенства на определенной территории, что позволяет ему осуществлять властное регулирование независимо от формы владения землей [2].

Объектом управления является весь земельный фонд, охватывающий территории Российской Федерации, её субъектов и муниципальных образований, а также отдельные земельные участки, которые отличаются по назначению и правовому статусу [7].

Субъектный состав включает:

– государственные органы, осуществляющие общее, ведомственное (отраслевое) и специальное управление;

– органы местного самоуправления, реализующие муниципальное управление;

– хозяйствующие субъекты к которым относят юридических и физических лиц, ведущих внутрихозяйственное управление [3].

Государственная власть регулирует управление всеми земельными ресурсами без исключения – эта деятельность охватывает любые категории земель, а также все типы субъектов права. Отраслевое управление на уровне государства принято выстраивать посредством министерств, федеральных служб и агентств. В такой модели структура руководства определяется через подчинение предприятий и учреждений, на которые оформлены земли, при этом территориальное расположение участков значения не имеет. Местное управление, реализуют непосредственно органы местного самоуправления. Частное (внутрихозяйственное) управление осуществляют собственники, землевладельцы, земле-

пользователи и арендаторы земельных участков [3].

Предмет управления земельными ресурсами – комплекс мероприятий, направленных на разумное применение и защиту земель в рамках определённой территории для удовлетворения всего спектра потребностей общества [8].

Управление земельными ресурсами подразумевает совокупность управленческих действий, нацеленных на эффективное применение и сохранение указанных ресурсов.

Основная цель государственного управления в области земельных ресурсов - обеспечение рационального и устойчивого использования земель, охрана и воспроизводство земель, обеспечение публичных (общественных) интересов с соблюдением гарантий прав и законных интересов правообладателей земельных участков, поддержания установленного порядка пользования землей.

Список литературы

1. Дегтярева, Н. А. Принятие управленческих решений: учеб - метод. пособие / Н.А. Дегтярева. - Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2021 - 83 с.
2. Болтанова, Е.С. Земельное право: учебник /Е.С. Болтанова. - М.: Инфра-М, 2026. - 399 с.
3. Кудрявцева, Т.Л. Управление земельными ресурсами: методические указания по изучению дисциплины, задания для контрольных и самостоятельных работ для обучающихся по направлению подготовки 21.03.02 Землеустройство и кадастры / Т.Л. Кудрявцева. - Уссурийск: ФГБОУ ВПО "Приморская государственная сельскохозяйственная академия", 2021 -70 с.
4. Анисимов, А. П. Земельное право России: учебник для вузов / А.П. Анисимов, Ю.И. Исакова, А.Я. Рыженков. - М.: Юрайт, 2023. - 339 с.
5. Гиззатуллин Р.Х. Земельное право в системе российского права // Правовое государство: теория и практика. № 4 (58). 2019. С. 164 - 172. EDN: NWUGCV
6. Боголюбов С. А. Земельное право: учебное пособие / С.А. Боголюбов. - М.: Юрайт, 2023. - 288 с.
7. Мещанинова, Е.Г. Управление земельными ресурсами: учебное пособие / Е.Г. Мещанинова, О.А. Ткачева. - Новочеркаск: Новочерк.инж. - мелиор. ин-т Донской ГАУ, 2022. - 109 с.
8. Масловская, М. В. Основные методы, принципы и функции управления земельными ресурсами / М. В. Масловская // Дневник науки. 2020. № 11 (47). - С. 40. EDN: IVZXTB

References

1. Degtyareva, N. A. Decision Making in Management: Educational and Methodical Guide / N.A. Degtyareva. - Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 2021 - 83 p.
2. Boltanova, E.S. Land Law: Textbook / E.S. Boltanova. - Moscow: Infra-M, 2026. - 399 p.
3. Kudryavtseva, T.L. Land Resource Management: Methodical Instructions for Studying the Discipline, Assignments for Control and Independent Work for Students in the Field of Study 21.03.02 Land Management and Cadastre / T.L. Kudryavtseva. – Ussuriysk: FSBEI HE "Primorsky State Agricultural Academy", 2021 – 70 p.
4. Anisimov, A. P. Land Law of Russia: Textbook for Universities / A.P. Anisimov, Yu.I. Isakova, A.Ya. Ryzhenkov. - Moscow: Yurayt, 2023. - 339 p.
5. Gizzatullin R.Kh. Land Law in the System of Russian Law // The Legal State: Theory and Practice. No. 4 (58). 2019. Pp. 164 – 172.
6. Bogolyubov, S. A. Land Law: Study Guide / S.A. Bogolyubov. - Moscow: Yurayt, 2023. - 288 p.
7. Meshchaninova, E.G. Land Resource Management: Textbook / E.G. Meshchaninova, O.A. Tkacheva. – Novocherkassk: Novocherk. Eng. - Melior. Inst. of the Don State Agrarian University, 2022. – 109 p.
8. Maslovskaya, M. V. Basic Methods, Principles, and Functions of Land Resource Management / M. V. Maslovskaya // Science Diary. - 2020. - No. 11 (47). - P. 40.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_250

УДК: 340.131.4

ЗАКОННОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЗНАКИ
LEGALITY: CONTENT AND CHARACTERISTICS

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич
профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

POPKOV Dmitry Valeryevich
Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.
198206, Russia, Saint Petersburg, Pilot Pilyutov Street, 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящее время признание верховенства права и закона придает проблеме законности особую актуальность. Между тем, реальное состояние законности в нашей стране далеко от идеала. Нарушений законов и иных правовых актов очень много и пока не удается приостановить волну правонарушений и преступлений. Одна из причин – слабое внимание к механизму действия закона и недооценка способов его полной и последовательной реализации. Бум законотворчества отодвинул в сторону решение этой задачи. Законность как явление и как понятие почти исчезло из поля зрения ученых – юристов, депутатов, работников правоохранительных органов. Между тем потребность в правильном понимании законности и ее обеспечении стало достаточно ощутимой.*

Abstract: *Currently, the recognition of the supremacy of law and the rule of law makes the issue of legality particularly relevant. Meanwhile, the actual state of legality in our country is far from ideal. There are many violations of laws and other legal acts, and so far it has not been possible to halt the wave of offenses and crimes. One of the reasons is the insufficient attention paid to the mechanism of law enforcement and the underestimation of ways to ensure its full and consistent implementation. The boom in lawmaking has pushed the resolution of this task to the side. Legality, both as a phenomenon and as a concept, has almost disappeared from the radar of scholars – lawyers, deputies, and law enforcement officials. Meanwhile, the need for a proper understanding of legality and its enforcement has become quite tangible.*

Ключевые слова*: законность; права и свободы; право; закон; правовые акты.*
Keywords: *legality; rights and freedoms; law; right; legal acts.*

Для цитирования: *Попков Д.В. Законность: содержание и признаки // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 250-256. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_250.*
For citation*: Popkov D.V. Legality: content and characteristics // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 250-256. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_250.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Законность – важнейшая правовая категория всей юридической науки и практики, а ее уровень и состояние служат главными критериями оценки правовой жизни общества и граждан.

Юридическая наука рассматривает законность в трех аспектах - социальном, юридическом и психологическом[1].

Социальный аспект включает в себя требования общества к государству и праву, исполнение которых необходимо для его нормального функционирования и развития.

Юридический аспект проявляется в правотворческой и правоприменительной деятельности, направленной на принятии и реализацию необходимых в конкретно – исторический период развития общества правовых норм[2].

Психологический аспект законности выражается в понимании и осознании необходимости исполнять правовые предписания и в конкретных психологических переживаниях людей, связанных с правоприменительной деятельностью государства.

Большинство юристов в настоящее время признают сложный характер законности. Разносторонний и многоплановый подход к определению законности находит поддержку у многих исследователей. Так, В.С. Афанасьев и Н.Л. Гранат пишут, что законность – это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах, и подзаконных актах, всеми участниками общественных отношений[3]. Данное определение законности, отражая ее основные черты и свойства, имеет комплексный характер.

Другое определение законности сформулировал Н.В. Витрук: «Законность означает идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве»[4]. В данном перечне к объектам, выражающем право, следует добавить и правоприменение.

Исследуя вопросы законности, В.И. Шинд раскрывает данное понятие, как «определенное состояние безопасности, стабильности, «общественного здоровья» государства»[5]. Из подобной трактовки законности вытекает следующее правило: учитывая ограниченность ресурсов и

[1] Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. Волгоград, 1991.
[2] Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.
[3] Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
[4] Общая теория права. Курс лекций /Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород.1993. С.523.
[5] Шинд В.И. Некоторые вопросы управления в органах прокуратуры (Методический аспект) //Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора: Сборник науч. трудов. М., 1994. С. 27-29.

времени, следует в первую очередь анализировать те нарушения законов, которые особенно беспокоят общество, и принимать все возможные меры, чтобы ликвидировать эти нарушения или по крайней мере существенно их сократить.

Между тем, в юридической литературе по проблемам законности можно отметить два основных подхода:

1. законность – это принцип государственной и общественной жизни, требование неуклонного соблюдение и исполнения законов всеми гражданами и должностными лицами;

2. законность – это неуклонное соблюдение и исполнение не только законов, но и всех правовых предписаний, т.е. как правомерное поведение[1].

Эти два подхода к законности имеют свои особенности. Очевидно, было бы неправильно «сталкивать» друг с другом сложившиеся концепции законности как взаимоисключающие одна другую. Обе они имеют объективные основы для существования. Действительно, чисто функциональный, «поведенческий» подход к определению законности чреват ее отождествлением с правопорядком. Но ведь трактовка законности, как требования в свою очередь ведет к ее отождествлению с законодательством. Закон по своей природе предписывает определенное поведение, содержит известные требования. В противном случае законодательство (равно как и любая форма правотворчества) теряло бы всякий смысл. Даже самый совершенный закон жив только тогда, когда он выполняется, воздействует на общественные отношения, на сознание и поведения людей. Поэтому вряд ли плодотворны попытки раскрыть понятие закона вне связи с предписаниями (требованиями), заключенными в нем. Законность органически связана с законодательством, не может без него существовать. Они возникли вместе. Право является атрибутом правового регулирования и в этом смысле законность производна от права. Субъекты права соблюдают, исполняют нормы права. Поэтому содержание правовых норм определяет содержание законности. Словом, законодательство служит предпосылкой законности, но не является элементом законности.

Когда же выдвигается задача различать законность и законодательство, правомерно обратить внимание на вторую его сторону – соблюдение содержащихся в законе требований. К тому же требования закона и требование законности несколько отличны друг от друга и по своей направленности. Если первый преимущественно отвечает на вопрос, что требуется соблюдать, то второй отвечает на вопрос как соблюдать.

Следовательно, законность вбирает в себя не только «должное», но и «сущее». Таким образом, рассматривая разные подходы к пониманию законности, необходимо учитывать ее сущность, которая выражается, прежде всего, в точном и неуклонном соблюдении и исполнении требований закона всеми субъектами права.

С учетом современных условий развития России представляется, что законность политико-правовое явление. Многие нормативно правовые акты имеют не только юридическое, но и политическое содержание.

В целом, анализ законности позволяет различать в ее содержании следующие самостоятельные моменты диалектики правового, юридического и государственно-политического[2].

Законность неотторжима от общеобязательности права. Именно этот момент получил наибольшее отражение в науке, в большинстве определений законности. В таком случае законность характеризует право, взятое под углом зрения его существования. Главное здесь – требование неукоснительного претворения в жизнь законов и базирующихся на них нормативных правовых актов. Иными словами, законность в подобном понимании требует соответствия поведения субъектов общественных отношений предписаниям правовых норм, т.е. обеспечения правомерного поведения всех их участников. Данная сторона законности вытекает из самого факта существования права как система общеобязательных правил. С этих позиций о законности можно говорить, как об условии жизни государственно-организационного общества.

Другая грань исследуемого явления отождествляется с идеей законности, под которой понимается формирующаяся в общественном правосознании идея о целесообразности и необходимости такого реального положения, когда не останется места для произвола, будут фактически достигнуты всеобщность права, действительная реализация прав и свобод. Не случайно законность трактуется как принцип права, который концентрировано, выражает основные особенности последнего, его свойства, рассматриваемые в действии в процессе реализации. В результате и право анализируется как сила, обеспечивающая организованность общественных отношений. Будучи оправданным принципом, законность проникает в плоть правовой материи, определяет ее формирование, функционирование, развитие и, в частности, такой признак права, как верховенство закона и поднормативность правоприменительных актов.

Понимая, как метод государственного руководства обществом, законность предполагает, что свои функции государство осуществляет исключительно правовыми средствами – путем принятия нормативных актов и обеспечения их неукоснительной реализации. А поскольку правовое регулирование распространяется на различные сферы общественной жизни, необходима достаточная полнота ее регламентации. При этом государство не только закрепляет правовые нормы, но и обеспечивает их реализацию и защиту прав.

В таком государстве недопустим произвол деятельности, должностных лиц, исключается принятие субъективных, волюнтаристских решений, решений политических вопросов силовыми методами.

В то же время законность есть принцип деятельности государства. Государство, все его органы, организации и учреждения, сами связаны правовыми нормами, действует в их рамках и во имя их реализации. Законность, рассматриваемая с этой стороны, служит принципом не всякого, а лишь демократического государства, иначе говоря, законность есть антипод произвола и беззакония и, прежде всего беззакония самой

[1] Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
[2] Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.,1997. С.438.

государственной власти, произвола, творимого органами государства и его должностными лицами. Наиболее ярко данный принцип проявляется в правовом государстве, обусловливая его сущность. Такое государство можно определить и как государство строжайшей законности.

Вместе с тем требование реализации права, неукоснительного претворения правовых предписаний в жизнь не формальное требование, не самоцель, а условие нормального функционирования общества и государства, обеспечение порядка организованности и дисциплины. Благодаря законности в обществе внедряются идеи справедливости, гуманизма, личной общественной свободы.

В социально – политическом смысле законность можно считать режимом общественно – политической жизни. Это режим, при котором деятельность всех субъектов основывается на законе, а идея права, гуманизма, справедливости, свободы и ответственности господствует над личными, групповыми, классовыми интересами. Режим законности означает такое состояние общественной жизни, при котором участники правоотношений свободно реализуют принадлежащие им юридические права и обязанности.

Таким образом, *законность* – это политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно – правовой формы организации общества и реализации идеи социальной справедливости путем строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства, положение при котором общественная жизнь обеспечивается законами.

Безусловно, законность представляет собой сложное и многообразное общественное явление. Обозначим наиболее существенные признаки:

всеобщность требования соблюдать и исполнять законодательство в широком смысле;

осуществление всех государственно властных функций исключительно на основе законов при строгом соблюдении должностными лицами предусмотренных законом прав и свобод личности, гарантированность от необоснователном привлечении к ответственности или незаконного лишения благосостояния.

Решительное предупреждение и пресечения любых правонарушений, от кого бы они ни исходили, обеспечение неотвратимости ответственности за нарушение законов.

На основании вышесказанного, думается, что многозначность и многоаспектность понятия «законность» объясняется его местом в системе политико-правовых категорий. Данное понятие находится как бы на стыке объективного и субъективного права, права и государства, права и общества, права в «нормах» и права в «жизни» и т.д. Законность выступает при этом как оценочная категория соответствия между принципами и нормами права, с одной стороны, и социальными отношениями с другой.

Принципы законности – это основополагающие идеи, взгляды, которые представляют собой исходные начала, обусловливающие содержание законности.

В юридической литературе сформулирована следующая система принципов законности:

единство законности;

верховенство закона;

равенство всех перед законом;

неотвратимость юридической ответственности[1].

Рассмотрим каждый из принципов поподробнее.

Единство законности предполагает, что при всем многообразии действующих законов и нормативно – правовых актов, при всех местных особенностях законность должна быть одна для всей страны. Недопустимы попытки создания в каждой республике, области, районе своей законности, отличной от общегосударственной. К сожалению, в нашей стране этот принцип не всегда четко проводится в жизнь, отдельные регионы принимают нормативные акты, противоречащие федеральным законам и даже Конституции Российской Федерации. В этой связи актуальны вопросы обеспечения единого правового пространства Российской Федерации, сущность которой заключается в точном соответствии актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления основополагающим федеральным конституционным принципам и нормам. Единство законности, однако, не означает шаблона в применении правовых актов, ущемление самостоятельности и инициативы мест. Более того, было бы не плохо, если бы центр не только и не столько бы гневался на регионы за каждый их «шаг влево, шаг вправо», а помогал бы им в разработке законов. Дело в том, чтобы, проявляя инициативу, субъекты не допускали отступлений от общих правил, чтобы учет своеобразия местных условий не был направлен на обход закона. А федеральное законодательство в свою очередь должно быть достаточно гибким и учитывать интересы как страны в целом, так и субъектов.

В обеспечение принципа единства законности должно быть соблюдено также следующее обстоятельство. Понимание и применение законов должно быть одинаковым на всей территории страны.

Единое понимание правовых норм зависит от качества самих правовых норм, точности их изложения, от четкости содержания в них понятий, а также от уровня профессиональной подготовки тех, кто применяет эти нормы.

Российскими правоведами обстоятельно изучены свойства, которыми должны обладать нормы права, в результате выделено четыре вида свойств: собственно – юридические, языковые, логические и социологические, которые включают такие критерии качества закона, как:

нормативность, полнота и конкретность нормативно – правового регулирования, характеризующие собственно-юридический аспект

[1] Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: Автореф. дис. на соискание ученой степени докт. юрид. наук. Саратов, 2001.

нормы права;

простота, краткость, ясность, точность, характеризующие языковой аспект нормы права;

определенность, последовательность, непротиворечивость, характеризующие логический аспект нормы права;

юридическая и социальная эффективность права[1].

В системе свойств, которые должна иметь любая качественно совершенная норма, важное место занимает ее юридические свойства – нормативность, полнота и конкретность.

Нормативность характеризует способность нормы права быть регулятором общественных отношений, содержать правило, стандарт определенного поведения субъектов правоотношений.

Степень полноты нормативно – правового регулирования, закрепленного нормой права, характеризуется, прежде всего, требованием предусматривать в проекте все три элемента (гипотезу, диспозицию и санкцию) либо отсылать к акту, где содержатся те или иные компоненты проектируемых норм права.

При недостаточно полной регламентации правоотношений в законе появляются пробелы, которые влекут за собой возникновение ситуаций, когда субъективное право, предоставленное законом, не может быть реализовано по мотивам отсутствия соответствующего нормативно правового предписания.

Критерий конкретности нормы права требует разработки действенного механизма реализации нормы права в конкретных отношениях. Любая норма может действовать эффективно и широко использоваться в конкретных правоотношениях при условии, что она имеет тот или иной набор действительных правовых средств, тогда норма становится привлекательной в глазах заинтересованных лиц и легче обеспечивается неукоснительное соблюдение и исполнение данной нормы права. Неконкретность регулирования неизбежно влечет за собой появление декларативных норм, которые превращают акт, не обязывающий ни к чему призыв. Между тем для действия нормы главным является факт ее соблюдения, использования в конкретных отношениях.

Критериями качества закона с точки зрения языка являются простота, краткость, ясность и точность[2].

Простота текста закона характеризуется прямым порядком слов, отсутствием громоздких конструкций, а также умеренным использованием причастных и деепричастных оборотов. Чем проще текст для понимания, тем вероятнее будет его исполнение.

Критерий краткости сосредотачивает внимание субъекта на сути закона.

Ясность закона способствует правильному и полному выявлению содержащейся в нем информации, обеспечивает эффективность действия нормативных предписаний закона.

Точность означает «достижение наибольшего соответствия между идеей, мыслью и воплощением этой мысли в законодательной формуле».

Любые нарушения критериев языкового аспектов закона затрудняют восприятие текста нормативных актов, создают ситуации, когда заинтересованные лица неправильно понимают соответствующие нормативно – правовые предписания либо вовсе не могут понять смысл и содержание нормы права, что затрудняет ее надлежащее соблюдение и использование.

Единство законность предполагает также, соблюдение всех правовых норм, а не только законов, т.е. законодательства в широком понимании. Здесь понимается, что каждый подзаконный акт, если он издан в развитии закона и соответствует ему, должен соблюдаться, как и закон, ибо нарушение подзаконного акта будет нарушением и самого закона.

Верховенство закона.

Данный принцип понимается, как подчиненность ему всех иных нормативных правовых актов и актов применения права. В Российской Федерации наивысшую юридическую силу имеет Конституция. Стало быть, данный принцип предполагает соблюдение иерархии источников права (Конституция – закон – указ) в рамках правового государства каким провозгласила себя Россия в Конституции (ст.1). В данной связи в вопросе реализации данного принципа особого внимания заслуживает конкуренция между актами Президента РФ и федеральными законами. Согласно Конституции (ст.90), обязательные для исполнения на всей территории Российской Федерации указы распоряжения Президента РФ «не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам». Здесь, отчасти ввиду больших пробелов в праве указанный принцип нарушен. Данный принцип требует иной формулировки, а именно: «Указы и распоряжения Президента Российской Федерации издаются на основании и во исполнении Конституции Российской Федерации и Федеральных законов». Очевидно, что указное правотворчество, какие бы объективные причины при этом ни приводились, девальвирует роль высшего представительного органа и ставит под сомнение принцип верховенства закона. Тем самым подрываются общие правовые основы всей системы нормативных актов и нормативно – правовая база законности. Думается, что данную коллизию между законом и указом следует решить в пользу верховенства закона посредством внесения поправок в Конституцию или соответствующего толкования Конституции Конституционным судом Российской Федерации.

Принцип равенства всех перед законом.

Этот принцип состоит в том, что в процессе реализации законов и в равной степени нести ответственность перед законом в случае его нарушения. Никакое должностное, социальное имущественное положение, прошлые заслуги, принадлежность к той или иной национальности,

[1] Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М., 2000. С. 272.
[2] Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности. // Язык закона. М., 1990. С.22.

партии и т.д. не освобождают от соблюдения законов и от ответственности за их нарушение. Однако данный принцип имеет ряд недостатков в практике реализации. Неравенство в некоторых случаях существует законодательно, т.е. нормы права по существу закрепляют неравенство субъектов права в их субъективных правах. Так, установление в ряде санкций статей Особенной части УК РФ альтернативно таких видов законодательства, как штраф и лишение свободы представляется равнозначным допустимости их взаимной замены, что ставит граждан в неравное положение в зависимости от имущественного положения.

Принцип неотвратимости юридической ответственности. Данный принцип важнейший и необходимый для укрепления законности, поскольку эффективность его применения определяется не жесткостью, а неотвратимостью. Понятие юридической ответственности шире понятия наказания, т.к. действующие законодательство не ставит перед собой цели во всех случаях применить к субъекту санкцию. Об этом свидетельствует институт освобождения от ответственности в уголовном[1], административном, гражданском праве. Неотвратимость юридической ответственности не может быть сведена к поимке и наказанию правонарушителя. Она возможна при соблюдении ряда условий. К ним относятся следующие: юридическая ответственность должна охватывать все сферы общественных отношений, где совершаются или могут быть совершены правонарушения; юридическая ответственность наступает либо за нарушения прав и законных интересов, либо за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей; практика применения мер юридической ответственности должна быть последовательной и непротиворечивой; санкции должны соответствовать тяжести, характеру совершенного правонарушения, характеру и функции того или иного вида юридической ответственности; недопустимость изъятия, исключения из правил об обязательности юридической ответственности в отношении отдельны категорий субъектов права или отдельных лиц; недопустима обратная сила закона, отягчающего ответственность.

Таким образом, главное требование законности с точки зрения данного принципа заключается в том, чтобы ответственность имела место лишь за деяние, предусмотренное законом, и только в пределах закона.

Препятствием нарушения законности является развитие системы гарантий законности, под которыми понимается обусловленная закономерностями общественного развития система условий и средств, посредством которых, обеспечивается законность[2]. В юридической литературе выделяются общие и специальные гарантии. К первой группе относятся экономические, политические, нравственно – духовные и общественные гарантии, а ко второй собственно юридические.

Экономические гарантии – являются одними из основных гарантий законности. Все существенные изменения в экономической жизни страны неизбежно отражают состояние законности. Кризис в экономической сфере ведет к ослаблению законности. И, наоборот, усиление, упрочнение в стране экономических гарантий имеет результатом укрепление законности в стране. Среди экономических, гарантий выделяют многообразные формы собственности, существование предпринимательства, рынка, конкуренции, многоукладность экономики, рынка товаров, капиталов, труда. А также уровень благосостояния страны, ресурсов, реальные материальные средства обеспечения юридических прав и обязанностей. Материальное обеспечение является основной предпосылкой реальности прав и свобод, провозглашенных в законодательстве. Падение жизненного уровня населения, рост безработицы, стоимости жизни самым непосредственным образом сказывается на уровне законности в стране, провоцируя людей на поиски путей незаконного обогащения, обход закона и т. д. Таким образом, прочная законность возможна только в условиях экономической стабильности страны.

Политические гарантии законности – это вся политическая система, функционирование всей политической организации общества, ведущее место в которой занимает государство. Принципы организации и деятельности всех органов государственной власти обеспечивают, отражают политический режим демократии (в частности, принципы полновластия народа, разделение властей и т.д.). Подлинный демократизм общества, разделение властей, политический плюрализм, гласность, свобода печати являются предпосылками законности. Они, как показал опыт СССР и многих других стран, будут реальными только в условиях функционирования не зависимо от государства гражданского общества, построения подлинно демократического правового государства[3]. Таким образом, к политическим гарантиям законности можно отнести как политическую систему в целом, так и отдельные ее элементы, принципы функционирования: легитимность власти, разделение властей, наличие и реальная возможность осуществление прав и свобод, политический плюрализм, выражающийся в существовании многопартийной системы.

Духовными гарантиями законности выступают различные факторы общественного сознания и культуры: мировоззрение, правосознание, признание действующей Конституции идеологического многообразия, высокий уровень общей и правовой культуры населения, мораль, глубокое уважение к требованиям права, а также образованность, высокий профессионализм работников государственных органов, развитие юридической науки. Правовая культура граждан и должностных лиц, правосознание, основанное на признании абсолютной ценности основных прав человека, имеют огромное значение для укрепления законности.

Под общественными гарантиями следует понимать сложившийся в стране комплекс мер, применяемых общественностью в целях борьбы с нарушениями законности – задача не только государственных органов, но и различных политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, а также органов местного самоуправления, самодеятельных организаций – различных комиссий, квартальных, уличных комитетов и др. Важное место в ряду общественных гарантий законности принадлежит средствам массовой информации. Все они

[1] Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC; Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
[2] Зиновьева М.Ю. Понятие гарантий законности и их виды // Вопросы теории государства и права.1998. № 1. С. 96.
[3] Бахрах Д.Н. Вопросы законности в государственном управлении // Правоведение. 1993. №2. С. 3.

призваны внести свой конкретный вклад в обеспечении строжайшего соблюдения законов, улучшении правового воспитания граждан. Это и профилактические работы по предупреждению правонарушений, и содействие в раскрытии преступлений и иных правонарушений, и правовое воспитание населения, пропаганда правовых знаний и др.

Таким образом, все экономические, политические, духовные явления, выражающие, природу общества с объективной необходимостью требуют установления законности, порождают естественную потребность в ней, предопределяют с большей или меньшей степенью опосредованности ее упрочнения. Общие гарантии являются необходимыми, но не единственными условиями обеспечения законности в стране. Они составляют материальную базу, основу ее реальности. Однако сами по себе они не всемогущи, не действуют автоматически. В большинстве случаев влияние этих факторов опосредуется специальными средствами, к каковым относят юридические гарантии.

Юридические гарантии – это закрепленные в действующем законодательстве способы и средства непосредственно направленные на обеспечение законности. От того насколько развиты, совершенны эти гарантии, насколько активно и умело пользуются ими государственные органы, общественные объединения, органы местного самоуправления, должностные лица и граждане, в значительной степени зависит состояние законности в стране.

Существует следующая классификация юридических гарантий, в основу которой положено выделение в их системе четырех блоков:

1. Дальнейшее развитие, совершенствование и повышение эффективности законодательства как нормативной основы законности, улучшение правотворческой деятельности государства. Имеется в виду постоянное обновление законодательства, своевременное принятие новых законов и подзаконных нормативных актов, отмена устаревших, внесение в действующие нормативные акты необходимых назревших изменений, дополнений и уточнений. Сейчас законодательная база далеко не в полной мере отвечает требованиям времени, поэтому данный блок юридических гарантий требует к себе постоянного, пристального внимания.

2. Внутриведомственный и межведомственный контроль за законностью. Такой контроль занимает исключительно важное место в системе специально – юридических гарантий, ибо он проистекает из того, что все государственные органы, начиная с Президента РФ, Федерального Собрания РФ, правительства РФ, высших судебных органов РФ, призваны обеспечить законность в стране. Внутриведомственный контроль заключается в контроле высшего органа за соблюдением законности в деятельности подчиненных ему нижестоящих органов, то есть этот контроль, осуществляется по вертикали. Вся структура механизма государства пронизана внутриведомственным контролем за законностью, им охватываются все государственные органы снизу до верху.

Межведомственный контроль осуществляется межведомственными органами, которые наделены правом проверять законность в деятельности не только подчиненных и подотчетных им органов, но также и других органов, не находящихся в их посредственном подчинении.

3. Осуществление и совершенствование деятельности специальных государственных органов, непосредственно стоящих на страже законности, среди которых выделяются следующие:

а) судебные органы. Судебная система выражается в защите и охране судами нормально функционирующих общественных отношений. Она включает механизм решения судами общей юрисдикции споров о праве и иных конфликтов путем отправления гражданского, уголовного и административного судопроизводства в особом процессуальном порядке. Такие принципы правосудия, как независимость, открытое судебное разбирательство, состязательность, равноправие сторон и другие, призваны обеспечить верховенство закона, незыблемость, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, интересов государства. Особое место в судебной системе занимает Конституционный Суд РФ, призванный защищать конституционный строй государства. Он рассматривает дела о конституционности нормативно – правовых актов, их соответствие действующей конституции, дает общеобязательное толкование.

б) органы прокурорского надзора. Прокуратура РФ осуществляет надзоры за исполнением действующих на территории РФ законов, принимает меры, направленные на устранение их нарушений и привлечение виновных к ответственности, осуществляет уголовное преследование[1]. В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепление законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства Прокуратура РФ осуществляет надзор за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, представительными и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, и должностными лицами, а также за соответствием издаваемых им правовых актов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина различными органами и должностными лицами.

в) органы внутренних дел. В деятельности органов внутренних дел (ОВД) законность выражается, во-первых, в том, что их структура и компетенция определены в законах и подзаконных нормативных актах, во-вторых, в точном осуществлении ОВД требований и принципов права, в-третьих, в строгой подзаконной всей правоприменительной деятельности, в-четвертых, в строгой субординации актов, издаваемых ОВД. Законность есть показатель уровня и результата работы правоохранительных органов.

г) органы ФСБ. Федеральные органы государственной безопасности, предназначены для предупреждения нанесения ущербов безопасности Российской Федерации. Деятельность органов ФСБ направлена на выявление, расследование которое отнесено законом к их ведению; выявление, пресечение актов терроризма; организацию и осуществление борьбы с организованной преступностью, коррупции, контрабандой и незаконным оборотом оружия и наркотиков.

[1] Шеншин, В. М. Об усилении контроля за законностью владения оружием гражданами Российской Федерации / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : Сборник докладов XIV Московской юридической недели: в 6-ти частях, Москва, 26–29 ноября 2024 года. – Москва: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 226-230. – EDN LSXIKT.

д.) органы юстиции. Данные органы обеспечивают реализацию государственную политику в сфере юстиции. Они координируют нормотворческую деятельность федеральных органов исполнительной власти, проводят юридическую экспертизу нормативных правовых актов субъектов РФ на предмет их соответствия Конституции РФ и федеральным законам, обеспечивают необходимые условия функционирования судов, регистрируют нормативные акты, уставы общественных и религиозных объединений, выполняют и другие функции.

4.Иные специально – юридические гарантии:

а) жалобы и заявления граждан, их своевременное и правильное рассмотрение, а также судебный порядок защиты прав.

Конституция РФ создает возможность выбора форм и процедур защиты нарушенных прав граждан – судебных или административных.

Гражданин может обжаловать решения, акты государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций, должностных лиц в вышестоящие по порядку подчиненности органы, если он считает, что изданный акт нарушает его права.

Судебный порядок защиты прав осуществляется на основании Федерального закона от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права граждан» с изменениями от 14 декабря 1995г.

б) адвокатура, занимает промежуточное положение между общественными и специально – юридическими гарантиями законности. Она представляет собой общественную самоуправляющуюся организацию, добровольное объединение лиц, осуществляющих в соответствии с законом оказание юридической помощи гражданам и организациям по защите их прав и законных интересов, способствующих укреплению законности.

Таким образом, все правовые гарантии законности необходимо изучать в системе, совокупности, которая определяется тем, что задача обеспечения законности является общей для всех отраслей государственной деятельности. Специально – юридические гарантии сильны именно в своей совокупности, тесном сочетании. Ослабление любой из составных частей структурных элементов этой системы непосредственно сказывается на состоянии законности, приводит к ее нарушениям и затрудняет возможность их обнаружения и исправления.

Список литературы

1. Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 10(238). - С. 82-85. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_82 EDN: LVMCPU
2. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Гос-ударственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 2. - С. 179-183. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183 EDN: CNAKOE
3. Общая теория права. Курс лекций /Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород.1993. С.523.
4. Шинд В.И. Некоторые вопросы управления в органах прокуратуры (Методический аспект) //Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора: Сборник науч. трудов. М., 1994. С. 27-29.
5. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. - 888 с. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
6. Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: Автореф. дис.на со-искание ученой степени докт. юрид. наук. Саратов, 2001.
7. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М., 2000. С. 272.
8. Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности. // Язык закона. М., 1990. С.22.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и до-полненное. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
10. Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. - 632 с. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX
11. Зиновьева М.Ю. Понятие гарантий законности и их виды // Вопросы теории государства и права. 1998. № 1. С. 96.
12. Бахрах Д.Н. Вопросы законности в государственном управлении // Правоведение. 1993. №2. С. 3.

References

1. Shenshin, V. M. Legal Guarantees of Legality in the Activities of the National Guard / V. M. Shenshin // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 10(238). – Pp. 82-85. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_82 EDN: LVMCPU
2. Utkin, N. I. Compliance with the law and order as a factor in supporting citizens who voluntarily participate in the protection of the State Border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – Pp. 179–183. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183 EDN: CNAKOE
3. General Theory of Law. Course of Lectures / Edited by V.K. Babaev. Nizhny Novgorod. 1993. P. 523.
4. Shind V.I. Some Issues of Management in the Prosecutor's Office (Methodological Aspect) //Problems of the Theory of Legality, Methodology, and Methodology of Prosecutorial Supervision: Collection of Scientific Papers. Moscow, 1994. Pp. 27–29.
5. Military Law / A. V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [et al.]. Volume II. - Moscow: Limited Liability Company “Center for Legal Communications”, 2021. – 888 p. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
6. Efremov A.F. Theoretical and practical problems of implementing the principles of legality in the Russian state: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. sciences'. Saratov, 2001.
7. Legislative Technique: A Scientific and Practical Guide. Moscow, 2000. P. 272.
8. Pigolkin A.S. The Language of the Law: Features, Characteristics. // The Language of the Law. Moscow, 1990. P. 22.
9. Criminal Law. General Part: a textbook / A. V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [et al.]. – 2nd edition, revised and supplemented. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
10. Criminal Law. Special Part: Course of Lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [et al.]. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX
11. Zinovieva M. Yu. The Concept of Guarantees of Legality and Their Types // Questions of the Theory of State and Law. 1998. No. 1. P. 96.
12. Bakhrakh D.N. Issues of legality in public administration // Pravovedenie. 1993. No. 2. P. 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_257

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЛЕСНИКОВ Пётр Анатольевич,
основатель и управляющий партнёр юридической фирмы "Лесников, Ильичёв и Партнёры" (г. Челябинск),
кандидат юридических наук
454100, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 55.
E-mail: lesnikovpro@gmail.com

LESNIKOV Pyotr Anatolievich,
founder and managing partner of the law firm "Lesnikov, Ilyichev and Partners" (Chelyabinsk), candidate of law sciences.
454100, Russia, g. Chelyabinsk, pr. Lenina, d. 55.
Email: lesnikovpro@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье исследуется историческая и современная эволюция правового регулирования применения информационных технологий в деятельности таможенных органов Российской Федерации. Анализируются ключевые этапы цифровизации таможенной сферы, роль нормативных правовых актов, международно-правовые стандарты, трансформация организационно-административных основ таможенного администрирования, а также основные тенденции и перспективы совершенствования правового обеспечения цифровой трансформации таможенных органов. Сделаны выводы о необходимости системной модернизации административно-правовых инструментов регулирования в условиях перехода к интеллектуальной модели таможенного контроля.*

Abstract: *This article examines the historical and contemporary evolution of legal regulation of the use of information technology in the activities of customs authorities of the Russian Federation. It analyzes key stages of digitalization in the customs sphere, the role of regulatory legal acts, international legal standards, the transformation of the organizational and administrative foundations of customs administration, as well as the main trends and prospects for improving the legal framework for the digital transformation of customs authorities. Conclusions are drawn regarding the need for a systemic modernization of administrative and legal regulatory instruments in the context of the transition to an intelligent model of customs control.*

Ключевые слова*: информационное законодательство, информационные технологии, правовое регулирование, таможенное законодательство, таможенные органы, цифровизация государственного управления, цифровизация таможенной сферы, цифровые технологии, этапы развития.*

Keywords: *information legislation, information technology, legal regulation, customs legislation, customs authorities, digitalization of public administration, digitalization of the customs sphere, digital technologies, stages of development.*

Для цитирования: *Лесников П.А. Эволюция правового регулирования применения информационных технологий в деятельности таможенных органов Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_257.*

For citation*: Lesnikov P.A. The Evolution of Legal Regulation of the Use of Information Technologies in the Activities of the Customs Authorities of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_257.*

Статья поступила в редакцию: 09.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Цифровизация государственного управления выступает определяющим направлением модернизации публично-правовых институтов, что в полной мере относится к сфере таможенного дела. В современном мире таможенные органы являются не только контролирующими структурами, но и информационно-аналитическими центрами, обеспечивающими безопасность трансграничных операций, устойчивость логистических цепочек и интеграцию в глобальное экономическое пространство. Применение информационных технологий (далее – ИТ) стало ключевым условием эффективности таможенного администрирования, что обусловило потребность в формировании разветвлённой системы нормативного регулирования цифровых процессов.

Эволюция правового обеспечения цифровизации таможенной сферы демонстрирует переход от фрагментарного использования отдельных автоматизированных систем к комплексной цифровой экосистеме, включающей электронное декларирование[1], автоматизированный выпуск товаров[2], систему управления рисками (далее – СУР)[3], технологии больших данных, машинного обучения и элементы искусственного интеллекта[4].

Цель настоящей статьи – проанализировать основные этапы развития правового регулирования применения ИТ в российской таможен-

[1] Статья 104 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/5c49b9bb8929db2f583d07f088ea219ce5e2f7cb/ (дата обращения: 15.12.2025).
Статья 95 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/08080c8cf761cbc7245a812a399693d9b3ceed40/
[2] Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.12.2017 № 188 «О некоторых вопросах, связанных с выпуском товаров» . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285929/946bba5ecf8a48cf904057396d1cd53141d80b9f/ (дата обращения: 15.12.2025).
[3] Глава 50 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/2de6cf0cce90e97204cefd92b32df8187531586d/ (дата обращения: 15.12.2025).
Глава 54 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/b3a1b28701754c9874cd9401d705ffdd5ecb5f2b/ (дата обращения: 15.12.2025).
[4] Передовые цифровые технологии, реализуемые в сфере внешнеэкономической деятельности, в контексте совершенствования механизма «единого окна» Департамент таможенного законодательства и правоприменительной практики ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8dd/2023_11_16_Obzor.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

ной сфере, выявить ключевые тенденции и определить проблемы дальнейшего совершенствования административно-правового обеспечения цифровизации.

Процесс внедрения ИТ в деятельность таможенных органов России прошёл несколько этапов, каждый из которых отражал общие тенденции развития государственного управления и экономической среды.

1. Ранний этап (1990-е - начало 2000-х гг.).

Формирование российской таможенной службы в постсоветский период сопровождалось созданием первых автоматизированных рабочих мест, предназначенных для учёта таможенных платежей, регистрации деклараций и ведения статистики. Основу правового регулирования составляли: Закон РФ «О таможенном тарифе»[1], Таможенный кодекс РФ[2], ведомственные акты ГТК России. На тот момент ИТ рассматривались преимущественно, а зачастую исключительно как технический инструмент, что отражалось в отсутствии комплексного нормативного подхода к цифровым процессам. Однако именно в этот период появились предпосылки для последующего формирования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов (ЕАИС)[3].

2. Переход к формированию единой информационной среды (2003–2010 гг.).

Принятие Таможенного кодекса РФ[4] 2003 года обозначило переход к электронному управлению таможенными процедурами. В этот период были реализованы: создание и развитие ЕАИС; запуск электронного декларирования товаров; внедрение первых модулей системы управления рисками; расширение каналов межведомственного информационного взаимодействия.

Правовое регулирование стало более структурированным, но всё ещё опиралось преимущественно на подзаконные акты, что приводило к фрагментарности требований, а зачастую и к их противоречивости.

3. Переход к цифровой модели таможенного администрирования.

Данный этап ознаменовался интеграцией в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, а позднее в ЕАЭС и переходом к единой цифровой модели таможенного администрирования (2010-е гг.). Качественный рывок произошёл после формирования Таможенного союза и последующего создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Ключевым нормативным документом стал Таможенный кодекс Таможенного союза[5], который закрепил: возможность электронного декларирования; закрепил основы существования и функционирования Информационных систем, информационных технологий, средств их обеспечения, используемых таможенными органами, информационные ресурсы таможенных органов; установил саму необходимость защита информации и прав субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации; предусмотрел информационный обмен таможенных органов.

В дальнейшем указанные положения получили своё развитие в Таможенном кодексе ЕАЭС 2017 г.,[6] который закрепил: приоритет электронного декларирования; саму возможность автоматического выпуска товаров; обязательность информационного взаимодействия в электронном виде; развитие механизмов предварительного информирования.

Одновременно в российском праве началось формирование «сквозной» цифровой архитектуры, интегрирующей системы ФТС России с ФНС, МВД, Банком России, Минпромторгом и иными органами. Современное правовое регулирование цифровизации таможенной сферы формируется на многоуровневой основе: международный уровень – наднациональный (ЕАЭС) – федеральный уровень – ведомственные нормативные акты.

К международно-правовым стандартам, сохранившим своё значение можно отнести: Киотская конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур[7]; Рамочные стандарты SAFE[8]; Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года[9]; Рекомендации по применению электронного обмена данными (EDI).

Российская Федерация имплементировала положения данных документов в национальную практику, что обеспечило совместимость цифровых решений с международными стандартами[10].

Регулирование на уровне ЕАЭС

Ключевым актом является Таможенный кодекс ЕАЭС 2017 года, который с позиции развития единой цифровой модели определил основные цифровые принципы таможенного администрирования:

– электронный документооборот по умолчанию;

– возможность автоматизированного принятия решений;

[1] Закон РФ «О таможенном тарифе» от 21.05.1993 № 5003-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1995/ (дата обращения: 15.12.2025).
[2] Таможенный кодекс РФ утв. ВС РФ 18.06.1993 № 5221-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_624/ (дата обращения: 15.12.2025).
[3] Приказ ФТС России от 17 июня 2010 г. № 1154 «Об утверждении Положения о Единой автоматизированной информационной системе таможенных органов». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/10pr1154/ (дата обращения: 15.12.2025).
[4] Таможенный кодекс Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42438/ (дата обращения: 15.12.2025).
[5] "Таможенный кодекс Таможенного союза" приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/ (дата обращения: 15.12.2025).
[6] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215314/ (дата обращения: 15.12.2025).
[7] Международная Конвенция Об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901082 (дата обращения: 15.12.2025).
[8] Рамочные стандарты безопасности и упрощения мировой торговли — международный документ, принятый членами Всемирной таможенной организации (ВТамО) в июне 2005 года в Брюсселе / https://www.wcoomd.org/~/media/50518838DCAD4D4B9600B3E94F37C663 (дата обращения: 15.12.2025).
[9] Соглашение ВТО от 15.04.1994 «Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0006/ (дата обращения: 15.12.2025).
[10] ГОСТР ИСО 9735-7—2016 Электронный обмен данными в управлении, торговле и на транспорте (edifact) . URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/240/gost_r_iso_9735-7-2016.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

– интеграцию информационных систем государств-членов через МИИС (механизмы интегрированной информационной системы ЕАЭС);

– единые форматы и структуры электронных документов.

Это стало важнейшим фактором гармонизации цифровых процессов. Логическим продолжением стало решение Коллегии ЕЭК от 27.01.2015 № 5 «Об утверждении Правил электронного обмена данными в интегрированной информационной системе внешней и взаимной торговли»[1].

Российское законодательство о цифровизации таможенной сферы базируется в первую очередь на федеральных законах «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ[2]; «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ[3]; «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ[4]; "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ[5]; «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ[6].

Важное значение в регулировании цифровых процессов играют и подзаконные нормативные правовые акты: указы Президента РФ и постановлений Правительства РФ, регулирующие развитие цифровой экономики и экономики данных, а также цифровой трансформации государства.

В связи со спецификой деятельности особое значение имеют положения о юридической силе электронных документов; электронной подписи; межведомственном электронном взаимодействии; обеспечении кибербезопасности.

Специальное регулирование вопросов цифровизации осуществляется в рамках ведомственного регулирования со стороны ФТС России. За последнее десятилетие ФТС России принято ряд нормативных правовых актов, определяющих: порядок функционирования ЕАИС; регламенты электронного декларирования; правила обмена данными с внешними информационными системами; регламенты автоматизированного выпуска товаров; применение системы управления рисками; функционирование центров электронной таможни и централизованных таможенных постов. В совокупности эти акты формируют современную единую цифровую модель «электронной таможни России».

На основании системы нормативного правового обеспечения цифровизации таможенных органов можно выделить ряд основных этапов и направлений цифровизации ФТС России:

1) Электронное декларирование и автоматизированный выпуск.

Правовое закрепление электронного декларирования обеспечило: перевод более 99% деклараций в электронный формат; сокращение сроков оформления; не исключение, но минимизацию коррупционных рисков; автоматизацию принятия решений.

Автоматизированный выпуск товаров, регулируемый нормами ТК ЕАЭС и актами ФТС России стал важным шагом к интеллектуальным технологиям контроля.

2) Система управления рисками (СУР). СУР является ключевым механизмом дифференцированного контроля, основанного на анализе больших массивов данных. Правовое регулирование данной системы включает: прежде всего принципов СУР в ТК ЕАЭС; приказы ФТС России об управляющих профилях рисков; методологии оценки вероятностных индикаторов. Постепенно СУР трансформируется в интеллектуальную модель, использующую машинное обучение и прогнозную аналитику.

3) Межведомственное электронное взаимодействие.

Создание цифровой экосистемы государственного контроля обеспечивается: едиными каналами связи через СМЭВ; электронным обменом данными с налоговыми, финансовыми, санитарными, транспортными и иными ведомствами; интеграцией с государственными информационными системами, включая «Честный знак», ЕГАИС, ГИИС ДМДК (Государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них), Единый государственный реестр объектов культурного наследия (ЕГРОКН), «Электронный паспорт» и т.д.

4) Внедрение и применение технологий больших данных и искусственного интеллекта (далее – ИИ).

На новом этапе цифровизации ФТС России начала внедрять: интеллектуальный анализ деклараций; алгоритмы прогнозирования нарушений; автоматизированные системы контроля стоимости; системы видеоаналитики на пунктах пропуска; технологии распознавания образов и документов.

Правовое регулирование ИИ пока формируется, но тенденция к его институционализации очевидна. В связи с чем самое время обратить пристальное внимание на проблемы и вызовы правового обеспечения цифровизации таможенной сферы. Несмотря на значительный прогресс, существует ряд системных проблем, без устранения которых дальнейшее развитие остается под вопросом. К их числу можно отнести следующие:

- несоответствие нормативных требований темпу технологических изменений;

- правовое регулирование традиционно отстаёт от технологических инноваций, что приводит к: задержке внедрения новых технологий

[1] Решение Коллегии ЕЭК от 27.01.2015 № 5 "Об утверждении Правил электронного обмена данными в интегрированной информационной системе внешней и взаимной торговли». URL: https://docs.eaeunion.org/documents/292/4147/ (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 15.12.2025).

[5] Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 15.12.2025).

[6] Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 15.12.2025).

(ИИ, блокчейн), неоднозначности правового статуса автоматизированных решений, необходимости постоянного обновления ведомственных актов.

- высокий уровень фрагментарности правового обеспечения процессов цифровизации таможенной сферы. Цифровые процессы регулируются рядом актов различного уровня, что детерминирует дублирование ряда норм, отсутствие единого понятийного аппарата, ряд сложностей в правоприменении. Все это достаточно негативно сказывается на реализации правах и законных интересов участников внешнеэкономических процессов и развития цифровизации таможенной сферы;

- риски, связанные с угрозами в сфере информационной, в том числе цифровой, безопасности. Процессы цифровизации во многом обусловили увеличение угроз, в том числе и в сфере критической информационной инфраструктуры, необходимость правового обеспечения баланса между обработкой больших данных и защитой персональных данных, потребностью в развитии ряда современных криптографических стандартов.

- необходимость международной гармонизации. Любая внешнеэкономическая деятельность невозможна внутри страны в принципе, а в условиях глобализации является жизненной необходимостью государства, для функционирования систем требуется дальнейшая синхронизация: форматов электронных документов, требований к электронным транзитным системам, стандартов обмена данными в рамках Трансевразийской логистики.

После либо параллельно с решением общих проблем цифровизации, необходимо обозначить перспективы и направления развития правового регулирования цифровизации таможенных органов РФ.

В долгосрочной перспективе возможна систематизация правовых норм, регулирующих вопросы электронного оформления, транзитных операций, аналитических технологий и автоматизированных решений. Такая систематизация могла бы быть произведена в рамках специальной главы Таможенного кодекса или принятия предварительно специального федерального закона, но с обязательным включением в последующем этих норм к кодекс. Такой подход мог бы синхронизировать нормы Российской Федерации и ЕАЭС, обеспечив системность регулирования вопросов цифровизации таможенной сферы.

Также явно существует необходимость правового регулирования закрепления решений, принятых алгоритмами ИИ, определение ответственности за автоматизированные действия, регулирование использования ИИ в аналитических модулях СУР, сертификация и аудит алгоритмических систем и др.

Важно обеспечить и развитие цифровой экосистемы «умного контроля». В частности перспективами здесь можно выделить: интеллектуальную оценку рисков, цифровые двойники товаров и транспортных средств, применение технологии распределённых реестров (блокчейн), алгоритмы выявления аномалий в торговых потоках.

Эволюция правового регулирования применения информационных технологий в деятельности таможенных органов РФ представляет собой последовательный переход от локальных автоматизированных систем к комплексной цифровой экосистеме, охватывающей все аспекты таможенного контроля и администрирования. В основе этой трансформации лежит многоуровневая система нормативно-правового обеспечения – от международных стандартов до ведомственных регламентов. Современная модель цифровой таможни России характеризуется высокой степенью автоматизации, развитым электронным документооборотом, интегрированными информационными системами и активным внедрением технологий анализа данных. Вместе с тем стратегической задачей остаётся формирование упорядоченной, логически цельной нормативной системы, способной обеспечивать устойчивое развитие цифрового управления в условиях технологической динамики.

Правовое обеспечение цифровизации таможенной сферы должно стать инструментом не только регламентации, но и развития, создавая условия для инновационного преобразования таможенных органов, гарантирующих законность, открытость и предсказуемость их деятельности прежде всего для участников ВЭД, что в конечном итоге должно способствовать повышению конкурентоспособности Российской Федерации в глобальном пространстве международной торговли.

Список литературы:

1. Соглашение ВТО от 15.04.1994 «Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0006/ (дата обращения: 15.12.2025).
2. ГОСТР ИСО 9735-7—2016 Электронный обмен данными в управлении, торговле и на транспорте (edifact) . URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/240/gost_r_iso_9735-7-2016.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

References:

1. WTO Agreement of 15.04.1994 “Agreement on the Application of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade of 1994”. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0006/ (accessed: 15.12.2025).
2. GOST R ISO 9735-7-2016 Electronic data interchange in management, trade and transport (edifact). URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/240/gost_r_iso_9735-7-2016.pdf (accessed: 15.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_261

УДК 343.2

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ОСНОВА ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PRINCIPLES OF INFORMATION SUPPORT AS THE BASIS FOR IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем
социологического обеспечения и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы
ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Research Fellow, Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia),
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена формированию системы принципов информационного обеспечения как правовой основы внедрения искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Показано, что фрагментарность информационной среды правоохранительных органов, и в том числе, уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) может приводить к затруднениям в части внедрения интеллектуальных информационных систем и межведомственного обмена данными. В работе обосновывается переход от сервисной цифровизации к системной архитектуре, основанной на консолидации, стандартизации и достоверности данных. Показано, что применение искусственного интеллекта в учреждениях УИС требует нормативного закрепления алгоритмической прозрачности, согласованной консолидации информационных ресурсов и юридической значимости сведений. Отдельное внимание уделено рискам нарушения прав граждан при автоматизированной обработке персональных данных и использовании предиктивной аналитики. Предлагается классификация принципов информационного обеспечения по общеотраслевым, специальным техническим, организационным и правовым основаниям. Сформулированы авторские положения о принципе алгоритмической прозрачности, принципе согласованной консолидации и принципе юридической значимости данных.*

Abstract: *the article is devoted to forming a system of principles of information support as the legal basis for implementing artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation. It is shown that the fragmentation of the information environment of law enforcement bodies, including the penal system of the Russian Federation, may create difficulties in implementing intelligent information systems and interagency data exchange. The study substantiates the transition from service-oriented digitalization to a systemic architecture based on consolidation, standardization, and data reliability. It is demonstrated that the use of artificial intelligence in penal institutions requires normative consolidation of algorithmic transparency, coordinated consolidation of information resources, and legal significance of information. Special attention is paid to the risks of violating citizens' rights during automated processing of personal data and the use of predictive analytics. A classification of information support principles is proposed according to cross-sectoral, special technical, organizational, and legal grounds. The author's propositions are formulated regarding the principle of algorithmic transparency, the principle of coordinated consolidation, and the principle of legal significance of data.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, правовое регулирование, биометрическая идентификация, персональные данные, прогноз поведения, безопасность, технические средства охраны и надзора, предиктивная аналитика, цифровая трансформация.*

Keywords: *artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, legal regulation, biometric identification, personal data, behavior prediction, security, technical means of security and supervision, predictive analytics, digital transformation.*

Для цитирования: *Царькова Е.Г. Организационно-правовые принципы информационного обеспечения как основа внедрения искусственного интеллекта в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_261.*

For citation*: Tsarkova E.G. Organizational and legal principles of information support as the basis for the implementation of artificial intelligence in the activities of the penal system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_261.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС) в настоящее время выходит за пределы только лишь модернизации инженерно-технического обеспечения пенитенциарного ведомства, становясь вопросом правовой организации информационной среды, без которой алгоритмические решения теряют управленческую и юридическую ценность [1, С. 524]. В условиях разрозненности баз данных, неполной автоматизации учетов и отсутствия единого информационного пространства для правоохранительных органов, что зачастую продиктовано необходимостью обеспечения информационной безопасности, актуализируются вопросы консолидации, стандартизации и достоверности данных, факторов, выступающими в реалиях цифровой трансформации государственного управления не частными требованиями, а важными условиями функционирования всей ведомственной информационной инфраструктуры. Последствия цифровизации

деятельности УИС демонстрируют положительные эффекты, вместе с тем сохраняется потребности в создании организационной платформы для устойчивого применения ведомственных систем искусственного интеллекта [2, С. 115; 3, С. 281]. Сегодня, несмотря на убедительные достижения в области внедрения информационных систем в практическую деятельность сотрудников ФСИН России, сохраняется потребность в уточнении процессуального статуса сведений, полученных с использованием ИИ, а также выработке единых стандартов оценки таких данных, поскольку применяемые алгоритмы искусственного интеллекта могут влиять на повседневный режим изоляции и, как следствие, на интенсивность ограничения прав человека [4, С. 422].

В рассматриваемом контексте проблема внедрения ИИ в деятельность УИС не сводится к автоматизации отдельных процедур. В рамках ведомственного сервисного подхода, широко используемого в деятельности органов государственного управления, когда цифровые решения внедряются по отдельным функциональным направлениям работы, отсутствует потребность в создании общей правовой среды для искусственного интеллекта. Такой подход способен поддерживать локальные учеты, но не обеспечивает сквозную верификацию данных между учреждениями, территориальными органами, а также автоматизацию межведомственного взаимодействия.

Указанная фрагментарность информационного обеспечения, включающая разобщенность ресурсов, слабую унификацию данных, отсутствие единой архитектуры и ограниченную пригодность данных для интеллектуальной обработки, приводит к снижению эффективности выработки управленческих решений на основе анализа данных, что обуславливается, например, сложностями с корректным обучением ИИ-моделей, поскольку алгоритмы извлекают закономерности из массивов данных, а разнородные и неполные массивы воспроизводят систематические ошибки [5, С. 110]. В условиях пенитенциарной системы такие ошибки могут порождать риски, связанные, например, с неправомерной оценкой поведения осужденного.

Сегодня в правовом и научном дискурсе уже сложился блок подходов, описывающих специальные технические и организационные принципы ведомственного информационного обеспечения правоохранительной деятельности, включающие консолидацию, стандартизацию, достоверность, оперативность, защищенность, совместимость и оптимизацию данных [6, С. 83]. Вместе с тем, для УИС указанный набор принципов требует трансформации в правовую модель, поскольку в исправительном учреждении техническое качество данных приобретает юридическое значение. Так, например, если сведения о нарушении режима зафиксированы некорректно, а источник записи не верифицирован, то любое автоматизированное решение о взыскании оказывается несовершенным.

Если база сведений о перемещениях осужденного не синхронизирована с локальным автоматизированным учетом, интеллектуальная система может предлагать ошибочный профиль риска. Если распознавание лиц работает на неполных и недостаточно нормализованных массивах, возрастает вероятность ошибочной идентификации [7, С. 413]. Для такой среды общий тезис о цифровой эффективности недостаточен, для нее требуется выработка системы правовых принципов, ограничивающих принятия решений на основе ИИ-алгоритма и одновременно обеспечивающих его полезность.

Перспективы применения искусственного интеллекта в ФСИН России лежат в нескольких плоскостях. Первый аспект применения связан с прогнозированием деструктивного поведения осужденных. Использование искусственного интеллекта делает возможным выполнение автоматизированного анализа цифрового профиля осужденного, формируемого на основе собираемых данных, включая моделирование риска нарушений режима. Второй аспект связан с системами распознавания лиц и видеоаналитикой, в том числе, с системами контроля и мониторинга движения в местах лишения свободы, а также для выявления нетипичного поведения и контроля доступа. Третий аспект затрагивает автоматизированную поддержку решений при применении мер поощрения и взыскания.

В указанном контексте ИИ может быть полезен как средство интеллектуальной агрегации данных о дисциплине, трудовой активности, участии в программах ресоциализации и межличностных взаимодействий. Четвертых аспектом являются особенности межведомственного информационного обмена с алгоритмами верификации, без которого невозможно сопровождение этапов движения осужденного, проверка сведений о судимости, розыске, процессуальном статусе и ограничениях, установленных судом.

Указанные аспекты обостряют правовую неопределенность. Поскольку в настоящее время в правоохранительной сфере отсутствует единый критерий допустимости результатов работы ИИ, а также единые правила их доказательственного и управленческого использования, для учреждений и органов УИС эта неопределенность выражается в ряде ограничивающих факторов. В первую очередь, возникает потребность в выработке единых стандартов достоверности и полноты данных.

Далее, требуются механизмы обеспечения согласованности между информационными системами ФСИН России и иными государственными информационными. Наконец, необходимо детальное рассмотрение проблемных аспектов, связанных с неопределенностью статуса информации, которую формирует или интерпретирует интеллектуальная система. При отсутствии успехов в решении данных вопросов процессы внедрения ИИ в пенитенциарной системе остаются фактами использования технологий вероятностной поддержки, а не юридически устойчивым инструментом управления.

Системный ответ обозначенных задач требует перехода от использования отдельных цифровых сервисов к модели правового информационного обеспечения. Может быть предложена многоуровневая архитектура ведомственного информационного пространства, служащая поступательному устойчивому внедрению в практическую деятельность интеллектуальных систем, включающая международный, федеральный, межрегиональный, региональный и местный уровни, рассматриваемые как взаимосвязанные элементы единой информационной среды, где международный уровень задает рамки прав человека и стандартов обращения с данными, федеральный уровень устанавливает правовой режим, межведомственный уровень обеспечивает обмен между субъектами правоохранительной деятельности, региональный уровень формирует

совместимость ресурсов территориальных органов, а местный – обеспечивает первичную достоверность сведений в учреждениях УИС. Такая модель дает возможность ИИ-систем работать на сквозных данных, а не на изолированных источниках информации. С учетом сделанных замечаний обозначенная многоуровневая система информационного обеспечения УИС требует соблюдения ряда правовых принципов.

Одним из ключевых принципов становится необходимость консолидации ведомственных информационных источников, которая здесь приобретает не технологический, а юридический смысл; объединение ресурсов становится не простым слиянием баз данных, а нормативно организованным сведением информации в единый контур с определением источников, полномочий доступа, правил верификации и распределением ответственности за искажение информации. Для ФСИН России этот принцип должен быть расширен до межведомственной согласованной консолидации как необходимого условия для создания полной и объективной информационной картины. Такой обмен, например, подразумевает исключение дублирующих записей, минимизацию ошибок идентификации и разрыва между судебным решением и фактическим режимом исполнения.

Определенный выше принцип стандартизации в контексте внедрения ИИ-систем в деятельность УИС также требует уточнения. Стандартизация в информационном обеспечении ФСИН России означает единые форматы данных о личности, статусе, перемещении, дисциплинарных событиях, медицинских ограничениях, поощрениях и взысканиях осужденных. Без нее алгоритм не способен сопоставлять записи из разных источников, поэтому именно стандартизация относится к числу условий информационной совместимости. Для ИИ это условие превращается в обязательное требование. Так, одна и та же категория событий должна кодироваться одинаково для всех учреждений, иначе обученная модель будет воспроизводить ошибку. Например, если в одном учреждении событие фиксируется как «нарушение распорядка», а в другом как «дисциплинарный проступок» без общей кодировки, алгоритм не сможет корректно оценить динамику поведения осужденного, что приводит к возникновению правовых рисков. Поэтому правовая норма здесь опережает технику, ключевым становится условие: сначала унификация данных, затем машинная обработка.

Принцип достоверности занимает центральное место в процессах внедрения ИИ в деятельность УИС как фактор, обеспечивающий связь обрабатываемой информации с юридическими последствиями. Проверка качества данных и оценка надежности их обработки в информационных системах, контроль их полноты, согласованности и проверяемости является важнейшим критерием допустимости использования подобных сведений при принятии решений о режиме содержания, перемещении, предоставлении поощрений и т.д. Если данные не верифицированы, интеллектуальная система может строить ложный прогноз, а юридический эффект такого прогноза становится сомнительным. Поэтому достоверность должна пониматься как нормативное условие, без которого сведения не переходят в разряд оснований для принятия управленческого решения.

Следует отметить общеотраслевые принципы внедрения ИИ-систем в информационную инфраструктуру ФСИН России, в числе которых законность, уважение прав и свобод человека, гуманизм, равенство перед законом, соразмерность вмешательства, целевое использование информации и охрана частной жизни. Данные условия формируют пределы процессов цифровой трансформации пенитенциарного ведомства. Специальные технические принципы, в свою очередь, определяют качество данных и алгоритмов, включая консолидацию, стандартизацию, достоверность, совместимость, идентифицируемость информационных источников, защищенность и воспроизводимость результатов. Организационные принципы отвечают за архитектуру системы и определяют порядок распределения полномочий, межведомственную координацию, централизованное управление справочниками, единый контур доступа и режим журналирования событий. Правовые принципы превращают эту конструкцию в юридически устойчивый режим с обеспечением алгоритмической прозрачности, юридической значимости верифицированных данных, определением ответственности за ошибку и права на оспаривание результата, полученного с участием ИИ.

Принцип алгоритмической прозрачности приобретает отдельную значимость и для пенитенциарной системы означает необходимость раскрытия логики работы ИИ-систем в той мере, в какой алгоритм влияет на права осужденного или на решение должностного лица. Речь здесь идет не о раскрытии исходного кода, а об уточнении факторов, весов, источников данных и границ автоматизации, отказе от принципа «черного ящика», характерного для систем искусственного интеллекта, а также создании механизма внешнего контроля за алгоритмическими выводами.

Принцип согласованной консолидации дополняет алгоритмическую прозрачность и требует не просто объединения сведений, а юридически организованной интеграции информационных ресурсов ФСИН России с органами иных ведомств на основе единых протоколов обмена, идентификаторов и правил верификации. Согласованная консолидация здесь становится условием обеспечения управляемой связности информационных источников. Принцип юридической значимости данных задает границу между технической информацией и юридически значимым сведением. Если данные прошли верификацию, нормализацию и подтверждение источником, они могут использоваться в автоматизированной поддержке решений. Если же сведения не подтверждены, они остаются лишь вспомогательным сигналом. Именно эта граница позволяет избежать подмены юридической оценки статистической вероятностью. Важно, чтобы юридическую силу получал не результат машинного вывода, а решение должностного лица, которое этот вывод интерпретировало.

Переход к системному информационному обеспечению означает отказ от представления об ИИ как о самостоятельном «умном решателе». Внедрение ИИ в деятельность УИС должно рассматриваться как средство повышения эффективности информационной системы, а не как источник автономного принятия решений, с сохранением статуса ИИ в качестве инструмента оптимизации процессов управления, контроля и планирования, когда центром ответственности является должностное лицо, а машинный алгоритм служит аналитическим посредником. Итоговая архитектура организационно-правовых принципов внедрения искусственного интеллекта в деятельность учреждений и органов ФСИН России выглядит как переход от сервисной цифровизации к ведомственной правовой интеллектуализации, ядро которой составляют консолидация, стандартизация и достоверность, правовые гарантии обеспечивают алгоритмическая прозрачность, согласованная консолидация и юридическая значимость данных, а пределы применения задаются правами человека и принципом персональной ответственности должностного лица. Предложенная

система принципов формирует эффективную модель внедрения искусственного интеллекта в деятельность УИС, где искусственный интеллект трансформируется из источника потенциальных рисков в инструмент правомерного контроля.

Список литературы:

1. Алиев Э.Н. Организационно-правовые основы взаимодействия судов и специализированных государственных органов в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Аграрное и земельное право. 2025. № 10. С. 523-525. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_10_523 EDN: AUZIIE

2. Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024. № 4. С. 113-119. DOI: 10.37523/SUI.2024.60.4.017 EDN: VMDHDZ

3. Французова-Низамеева З.К., Владимиров С.В. Использование биометрической идентификации личности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием: в 3 ч., Самара, 23 апреля 2021 г. Ч. 3. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 279-283.

4. Царькова Е.Г., Краева Н.В. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024, № 12(199). С. 422-424. EDN: MRTYSG

5. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.99.11.108-116 EDN: MEMYDB

6. Баранов М. Н., Жумжаева А. Е. Зарубежный опыт применения электронных средств слежения в деятельности службы пробации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2013. № 1-2 (29). С. 81-87. EDN: YWNGXZ

7. Ковалев О.Г. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. №6. С. 412-417. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-6-412-417 EDN: VANDPV

References:

1. Aliev E.N. Organizacionno-pravovye osnovy vzaimodejstviya sudov i specializirovannyh gosudarstvennyh organov v sfere ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 10. Pp. 523-525.

2. Denisenko O. I., ZHarov I. S., Kadraleeva ZH. A. Ispol'zovanie sistem identifikacii lichnosti dlya obespecheniya bezopasnosti na rezhimnyh ob"ektah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 4. Pp. 113-119.

3. Francuzova-Nizameeva Z.K., Vladimirov S.V. Ispol'zovanie biometricheskoj identifikacii lichnosti v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii adyunktov, aspirantov, kursantov i studentov s mezhdunarodnym uchastiem: v 3 ch., Samara, 23 aprelya 2021 goda. Tom CH. 3. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2021. Pp. 279-283.

4. Car'kova E.G., Kraeva N.V. Aspekty primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024, № 12(199). Pp. 422-424.

5. Ponkin I.V. Gosudarstvennoe upravlenie i regulyatornoe prostranstvo v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2022, № 11 (99). Pp. 108-116.

6. Baranov M. N., ZHumzhaeva A. E. Zarubezhnyj opyt primeneniya elektronnyh sredstv slezheniya v deyatel'nosti sluzhby probacii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2013. № 1-2 (29). Pp. 81-87.

7. Kovalev O.G. Voprosy pravovogo regulirovaniya primeneniya tekhnicheskih sredstv nadzora i bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Obrazovanie i pravo. 2024. №6. S. 412-417.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_265

УДК 347.4

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ОПЛАТЫ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ СРОКОМ ИСПОЛНЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ
THE OBLIGATION TO PAY WITH AN UNCERTAIN DEADLINE PERFORMANCE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE AGREEMENT UNDER THE STATE DEFENCE ORDER

УДАЛЬЦОВА Юлия Михайловна
юрисконсульт ПАО "Техприбор".
196128, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Варшавская, д. 5а.
e-mail: yuliaudalcova01@gmail.com

UALTSOVA Yulia Mikhailovna
Legal Counsel, PJSC "Tekhpribor".
196128, Russia, Saint Petersburg, Varshavskaya Street, house 5a.
e-mail: yuliaudalcova01@gmail.com

Краткая аннотация: *В ходе исследования анализируются теоретико-правовые и правоприменительные проблемы регулирования обязательств по оплате с неопределенным сроком исполнения в рамках договоров, заключаемых в целях выполнения государственного оборонного заказа. Обосновывается, что специфика государственного оборонного заказа, выражающаяся в многоуровневой системе кооперации исполнителей, зависимости исполнения обязательств от бюджетного финансирования, а также применении специальных режимов банковского и казначейского сопровождения, способствует широкому распространению условий оплаты, ставящих исполнение денежного обязательства в зависимость от поступления денежных средств от государственного заказчика, либо иных участников кооперационной цепочки. Исследуется многоуровневая система нормативно-правового регулирования обязательств по оплате в рассматриваемой сфере, включающая гражданское, бюджетное, специальное федеральное и подзаконное регулирование и правоприменительную практику. Выявляются основные проблемные аспекты, среди которых: неопределенность потестативных условий оплаты, смешение порядка расчетов и срока исполнения обязательства, неопределенность распределения финансовых рисков между участниками кооперации, а также противоречивость судебной квалификации условий об оплате после поступления финансирования. Формулируется вывод о наличии системного дисбаланса между публично-правовыми особенностями финансирования государственного оборонного заказа и фундаментальными частноправовыми принципами определенности сроков исполнения денежного обязательства. В качестве направления совершенствования законодательства предлагается нормативное закрепление обязательного требования о наличии предельного срока исполнения обязательств по оплате в договорах государственного оборонного заказа.*

Abstract: *The study analyzes the theoretical, legal, and law enforcement issues related to regulating payment obligations with an indefinite performance period under contracts concluded for the purpose of fulfilling a state defense order. It is substantiated that the specific features of a state defense order, which manifest themselves in a multi-level system of cooperation among contractors, the dependence of obligation fulfillment on budgetary funding, and the use of special regimes for bank and treasury support, contribute to the widespread use of payment terms that make the fulfillment of a monetary obligation dependent on the receipt of funds from the state customer or other participants in the cooperation chain. The study examines a multi-level system of regulatory and legal regulation of payment obligations in the area under consideration, which includes civil, budgetary, special federal, and subordinate legislation, as well as law enforcement practice. The main problematic aspects are identified, including: the uncertainty of the postulated payment terms, the conflation of the payment procedure and the deadline for fulfilling the obligation, the uncertainty regarding the distribution of financial risks among the participants in the cooperation, and the contradictory judicial interpretation of payment terms after the receipt of funding. The conclusion is formulated that there is a systemic imbalance between the public-law features of financing the state defence order and the fundamental private-law principles regarding the clarity of the deadlines for fulfilling monetary obligations. As a way to improve the legislation, it is proposed to enshrine in law the mandatory requirement for a maximum deadline for fulfilling payment obligations in state defence order contracts.*

Ключевые слова: *государственный оборонный заказ; обязательство по оплате; неопределенный срок исполнения; потестативные условия; срок исполнения обязательства; государственный контракт; кооперация исполнителей; банковское сопровождение; гражданско-правовая ответственность.*

Keywords: *state defense order; payment obligation; indefinite execution period; contingent conditions; obligation execution period; state contract; cooperation of performers; banking support; civil liability.*

Для цитирования: *Удальцова Ю.М. Обязательство оплаты с неопределенным сроком исполнения в рамках действия договора по государственному оборонному заказу // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_265.*

For citation*: Udaltsova Yu.M. Payment obligation with an indefinite deadline for fulfillment within the framework of the contract for the state defense order. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_265.*

Статья поступила в редакцию: 24.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Актуальность научного исследования обусловлена совокупностью взаимосвязанных теоретико-правовых, правоприменительных и экономических факторов, приобретающих особую значимость в условиях трансформации механизмов государственного финансирования, усложнения кооперационных связей и одновременного усиления роли государственного оборонного заказа (далее по тексту – ГОЗ) в современной экономике Российской Федерации. Следует отметить, что категория срока исполнения обязательства традиционно относится к числу базовых элементов обязательственного правоотношения, поскольку именно временная определенность исполнения обеспечивает стабильность гражданского оборота, предсказуемость имущественных отношений и возможность эффективной реализации механизмов гражданско-правовой ответственности[1]. Вместе с тем современная договорная практика в сфере обеспечения ГОЗ демонстрирует устойчивую тенденцию к распространению конструкций, при которых момент исполнения денежного обязательства ставится в зависимость от наступления обстоятельств, которые не всегда являются четко определенными[2], например поступление бюджетного финансирования, получение денежных средств от третьих лиц, завершение отдельных процедур казначейского сопровождения и др.[3]

1 Уткин Г. Н. Правовая природа исполнения обязательств // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 348–350.
2 Михашин А. В. Потестативные условия в сопровождаемых сделках по государственному оборонному заказу // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 1. – С. 49–54.
[3] Шеншин, В. М. Об осуществлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, а также бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета, администратора источников финансирования дефицита федерального бюджета / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 22-24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ;

Наиболее ярко указанная проблематика проявляется в сфере ГОЗ, характеризующейся многоуровневой системой договорной кооперации, повышенной зависимостью участников обязательственных отношений от публичного финансирования, а также специальными режимами банковского и казначейского сопровождения денежных средств, что на практике приводит к широкому распространению особых договорных условий об оплате: «после поступления денежных средств от государственного заказчика», «после получения финансирования» и иных аналогичных конструкций, фактически формирующих обязательства с неопределенным либо условно-определимым сроком исполнения[1].

Актуальность исследуемой темы дополнительно подтверждается современной статистикой состояния расчетов и платежной дисциплины организаций в Российской Федерации, представленной по оперативным данным Росстата: «на конец ноября 2025 года суммарная задолженность организаций по обязательствам составила 274,7 трлн рублей, из которых просроченная задолженность – 6,55 трлн рублей; объем просроченной кредиторской задолженности достиг 6,16 трлн рублей, что на 14,2 % выше показателей аналогичного периода 2024 года; просроченная дебиторская задолженность организаций составила 7,67 трлн рублей, увеличившись на 17,7 % по сравнению с предыдущим годом»[2]. Особое значение выявленная статистика имеет в свете того, что наиболее высокий уровень просроченной задолженности фиксируется именно в сфере обрабатывающих производств, машиностроения, промышленного производства и иных отраслей, непосредственно связанных с исполнением государственного оборонного заказа и функционированием военно-промышленного комплекса.

Все вышесказанное обуславливает научное исследование рассматриваемой темы и разработку путей совершенствования нормативно-правового регулирования условий договора по ГОЗ для дальнейшего развития данного института в правовом поле российского государства.

Переходя к подробному теоретико-правовому исследованию поставленного вопроса, необходимо в первую очередь обратиться к анализу нормативно-правовой системы регламентации обязательства по оплате с неопределенным сроком исполнения в рамках договора по ГОЗ. Особенность рассматриваемой сферы обусловлена многоуровневым и разветвленным характером нормативного регулирования – в отличие от классических гражданско-правовых обязательств, механизм исполнения денежных обязательств по договорам ГОЗ формируется посредством сложного взаимодействия норм различной отраслевой принадлежности и уровня юридической силы, что предопределяет необходимость системного теоретико-правового анализа. В этой связи в рамках настоящего научного исследования представляется обоснованным выделение нескольких самостоятельных уровней нормативного регулирования обязательств по оплате по договорам ГОЗ (что позволит комплексно раскрыть механизм формирования обязательств по оплате), среди которых: базовый (гражданско-правовой) уровень, профильный уровень специального федерального законодательства, контрактный уровень, уровень подзаконного регулирования, бюджетный уровень, правоприменительный уровень. Для более полного и системного понимания выявленная система нормативного регулирования обязательств по оплате в рамках ГОЗ представлена в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1. Система нормативно-правового регулирования обязательств по оплате в рамках ГОЗ

Уровень / Тип НПА	Нормативный акт	Ключевые положения и регулируемые вопросы
Базовый (гражданско-правовой)	Гражданский кодекс РФ (ГК РФ)	Понятие обязательства и принципы исполнения (ст. 307, 309, 310); Сроки исполнения обязательств (ст. 314) Ответственность за пользование чужими средствами (ст. 395); Поставка товаров для государственных нужд (§ 4 гл. 30, ст. 506, 516, 525–534)
Специальный (профильный)	Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»	Режим использования отдельных счетов и банковское сопровождение (ст. 8, 8.3-8.5) Полномочия Правительства по типовым условиям контрактов (ст. 12); Контроль и ответственность в сфере ГОЗ (ст. 15.1-15.3)
Контрактная система	Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»	Обязательные условия государственного контракта (ст. 34); Порядок приемки и оплаты продукции (ст. 94); Сроки оплаты и контрактная ответственность (неустойки)
Подзаконные акты (Типовые условия)	Постановление Правительства РФ от 19.09.2022 № 1658 «О типовых условиях контрактов, заключаемых в целях выполнения ГОЗ»	Условия о расчетах и режиме использования отдельных счетов; Порядок приемки и перечень документов для оплаты; Порядок взаимодействия участников кооперации
Подзаконные акты (Ценообразование)	Постановление Правительства РФ от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по ГОЗ»	Государственное регулирование цен на продукцию ГОЗ; Механизм формирования цены контракта
Бюджетный	Бюджетный кодекс РФ	Доведение лимитов бюджетных обязательств (ЛБО); Казначейское сопровождение и санкционирование операций
Правоприменительный	Судебная практика (ВС РФ, арбитражные суды)	Определение момента возникновения обязанности по оплате; Квалификация обязательств с неопределенным сроком исполнения; Допустимость условия об оплате «после поступления финансирования»

Анализируя данные, приведенные в таблице 1 можно подтвердить вывод о сложном комплексном и многоуровневом характере нормативно-правовой системы регулирования обязательств по оплате в рамках ГОЗ, объединяющей нормы частно-правового и публично-правового регулирования.

Шеншин, В. М. Нормативно-правовое регулирование осуществления Росгвардией бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета / В. М. Шеншин, В. Е. Хазова // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 247-253. – DOI 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253. – EDN JINPKS.

1 Михашин А. В. Потестативные условия в сопровождаемых сделках по государственному оборонному заказу // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 1. – С. 49–54.

2 Состояние платежей и рассветов в организациях: отчет // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2025/03-06/Tw9R0K2C/Doklad_12-2025/2-5-2-2_12-2025.doc (дата обращения: 22.05.2026).

При этом специфика рассматриваемой сферы обусловлена тем, что механизм исполнения денежного обязательства оказывается тесно связанным не только с условиями самого гражданско-правового договора, но и с особенностями бюджетного финансирования, банковского сопровождения и государственного контроля исполнения оборонного заказа, что в свою очередь усложняет и создает дополнительную проблематику реализации контракта ГОЗ.

Переходя к вопросу об актуальных проблемах обеспечения контракта ГОЗ в призме исследуемого элемента – неопределенного срока по обязательству оплаты, необходимо осветить систему проблемных векторов, выявленных при анализе указанных в таблице 1 нормативно-правовых актов, среди которых: неопределенность потестативных условий оплаты, смешение порядка расчетов и срока оплаты, распределение финансовых рисков, квалификация условия об оплате и пределы его допустимости.

1. Неопределенность потестативных условий оплаты (или условий, зависящих (полноценно или частично) от воли и действий одной из сторон договора[1]).

В науке такие «зависимые» условия оплаты часто освещаются как потестативные[2], а применительно к договору ГОЗ, к таковым относят «условие о перечислении средств на специальный счет исполнителя после получения их заказчиком от вышестоящего звена кооперации (либо государственного заказчика)»[3]. При этом общее регулирование обязательства оплаты с неопределенным сроком воспроизводится в п. 2 ст. 314 ГК РФ: «если обязательство не предусматривает срок исполнения и не содержит условий, позволяющих его определить, оно подлежит исполнению в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования…», а также в ст. 327.1 ГК РФ: «Исполнение обязанностей…, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств…»[4].

Однако в договорах, заключаемых в рамках ГОЗ, нередко используется конструкция, подразумевающая зависимость оплаты от поступления денежных средств от государственного заказчика, головного исполнителя либо от наличия средств на отдельном счете, соответственно проблемой в данном ключе является факт того, что такое условие внешне оформляется в качестве срока оплаты, однако по своей правовой природе не может обладать «неизбежностью наступления» (т.е. условие об оплате после поступления денежных средств от государственного заказчика может приобрести неопределенный, «подвешенный» характер, особенно если оплата не производится длительное время и (или) отсутствуют сведения о перспективах финансирования), что довольно четко прослеживается в материалах судебной практики (например, Постановление пятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А51-14392/2024[5]; Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-289930/2024[6] и др.)[7].

В то же время суды часто указывают на действие разумного срока наступления оплаты по договору (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2018 № 15АП-3380/2018 [9]), понятие которого является «оценочной категорией и остается на усмотрение суда в зависимости от системы различных факторов: вида обязательства, параметров предмета исполнения, условий исполнения и пр.»[8].

2. Смешение порядка расчетов и срока оплаты, определяемые как проблема в ходе анализа Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[9], подробно регулирующего специальный режим расчетов, включая использование отдельных счетов, банковское сопровождение и контроль операций. Однако данные нормы, прежде всего, определяют, каким именно образом должны осуществляться расчеты, но не всегда отвечают на вопрос о сроках исполнения денежного обязательства. Аналогичная проблематика прослеживается и в Постановлении Правительства РФ от 19.09.2022 № 1658 «О типовых условиях контрактов, заключаемых в целях выполнения государственного оборонного заказа, и о внесении изменений в Положение о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу», которым утверждены типовые условия контрактов по ГОЗ, детализирующие типовые условия контрактов, включая условия расчетов, но не включающие при этом формирование самостоятельной модели определения срока исполнения обязанности по оплате.

На практике это приводит к подмене срока оплаты процедурой финансирования, где должник нередко ссылается не на отсутствие обязанности оплатить поставленный товар, а на «невозможность осуществить расчет до поступления целевых денежных средств», как в деле № А40-51439/2024[10], в ходе которого суд указал, что по условиям контракта окончательный расчет производился после получения денежных средств от государственного заказчика, но не позднее конкретной даты; при этом суд дополнительно сослался на возможность участника ГОЗ пополнить отдельный счет с иных своих счетов и затем восстановить соответствующую сумму. Как видится, специальный режим расчетов по ГОЗ не должен автоматически трансформироваться в основание для неопределенного переноса срока оплаты, поскольку порядок движения денежных средств и срок исполнения обязательства являются различными по правовому смыслу категориями.

---

1 Крашенинников Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е. А. Крашенинников; отв. ред. Ю. В. Байгушева. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 1125 с.
2 Протопопова О. В., Белицина Е. В. Проблемы применения потестативных условий в договорах на выполнение опытно-конструкторских работ в сфере государственного оборонного заказа // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 4. – С. 58–65; Михашин А. В. Потестативные условия в сопровождаемых сделках по государственному оборонному заказу // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 1. – С. 49–54; Жемеров В. В. Судебная оценка потестативного условия оплаты по государственному оборонному заказу // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 236–246.
3 Михашин А. В. Потестативные условия в сопровождаемых сделках по государственному оборонному заказу // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 1. – С. 49–54.
4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
5 Постановление пятого Арбитражного аппелияционного суда по делу № А51-14392/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Ez4w3lgZqq6N/ (дата обращения: 24.05.2026).
6 Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-289930/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/qaRz5rIBYh1B/ (дата обращения: 24.05.2026).
7 Шеншин, В. М. О некоторых проблемах развития института несостоятельности (банкротства) / В. М. Шеншин, Д. С. Зудин, Ю. Ю. Тиханова // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 4(101). – С. 52-62. – EDN PCEUPJ.
8 Энциклопедия решений. Разумный срок исполнения обязательства (2025 год) // Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/58074821/ (дата обращения: 24.05.2026).
9 Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7600.
10 Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 июля 2024 г. по делу № А40-51439/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uGncafJshH6g/ (дата обращения: 24.05.2026).

3. Проблема распределения финансового риска между участниками кооперации ГОЗ, отражающаяся в системе действия такой кооперации (государственный заказчик – головной исполнитель – исполнители – соисполнители), в которой непоступление денежных средств на одном уровне кооперационной цепочки фактически блокирует расчеты на последующих уровнях, создавая прямую взаимозависимость и неоднозначность вопроса о распределении рисков непоступления денежных средств. Обращаясь к материалам судебной практики по данному вопросу, можно констатировать неоднородность судебных решений: в одних случаях суды признают условие об оплате после поступления денежных средств от государственного заказчика обычной деловой практикой в сфере ГОЗ (Решение по делу № А41-22867/2022[1], Постановление по делу № А55-18409/2023[2]), в других случаях суды, напротив, исходят из недопустимости длительного уклонения от оплаты под предлогом отсутствия финансирования (Решение по делу № А40-164356/2024[3]). Таким образом, подобные условия оплаты в договорах по ГОЗ приводят к ситуации, при которой лица, надлежащим образом исполнившие обязательства, оказываются зависимыми от последующего бюджетного финансирования, не обладая реальными инструментами влияния на его поступление.

4. Противоречивость судебной квалификации условий об оплате после получения финансирования, что и в науке, и на практике признается одним из наиболее сложных вопросов, поскольку квалификация условия об оплате «после поступления денежных средств» как срока, отлагательного условия, либо неопределенного условия исполнения обязательства не имеет четкой законодательной и (или) правоприменительной позиции. Так, по гражданско-правовому смыслу срок исполнения обязательства по договору должен обладать признаком «неизбежности наступления», а если наступление обстоятельства зависит от поведения третьего лица, либо от административно-финансовых процедур, логичной является постановка вопроса о возможности рассмотрения такого обстоятельства как срока исполнения обязательства.

В правоприменительном поле по данному вопросу имеются разъяснения Пленума ВС РФ, где разъясняется, что срок исполнения обязательства может исчисляться, в том числе, с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором[4].

Однако основная проблема состоит в том, что данное разъяснение, в сущности, не устраняет дискуссионный вопрос о пределах допустимости таких условий именно в сфере ГОЗ, ведь если поступление денежных средств не имеет определенного предела во времени, то условие об оплате фактически утрачивает качество срока и превращается в механизм неопределенного отложения исполнения денежного обязательства.

Таким образом, обобщая выявленную проблематику, в качестве основной фундаментальной проблемы современного нормативного регулирования обязательств по оплате в рамках ГОЗ необходимо определять не сам факт допустимости использования зависимых механизмов финансирования (объективно обусловленных спецификой оборонного заказа), а отсутствие нормативно-правового баланса между публично-правовыми особенностями системы ГОЗ и фундаментальными частноправовыми принципами определенности сроков исполнения денежного обязательства. Именно данный системный дисбаланс предопределяет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в части установления обязательных критериев определенности срока оплаты, допустимых пределов использования потестативных условий и механизмов распределения финансовых рисков между участниками кооперации государственного оборонного заказа.

В научной литературе в качестве одного из возможных направлений совершенствования законодательства предлагается нормативная легализация условий, где речь фактически идет о законодательном признании допустимости потестативных условий оплаты, при которых момент исполнения денежного обязательства ставится в зависимость от наступления определенного обстоятельства, связанного с поступлением финансирования[5]. Но в данном ключе необходимо обратить внимание, что, несмотря на объективную специфику финансирования ГОЗ, полная легализация условий об оплате после поступления денежных средств без установления предельного срока исполнения обязательства способна привести к чрезмерному смещению финансовых рисков на нижестоящих участников кооперации, что мы можем наблюдать на современной судебной практике. В подобных условиях соисполнители и поставщики фактически оказываются поставленными в зависимость от обстоятельств, на которые они объективно не способны влиять (поступление бюджетного финансирования, исполнение обязательств иными участниками кооперационной цепочки и др.), в связи с чем, более обоснованным видится формирование компромиссной модели правового регулирования, допускающей использование условий об оплате после поступления финансирования исключительно при наличии установленного предельного срока исполнения денежного обязательства, что позволило бы одновременно учитывать специфику финансового механизма ГОЗ и сохранять необходимый уровень правовой определенности обязательственных отношений.

Фактически предлагается законодательно закрепить критерий временной определенности денежного обязательства как обязательный элемент договорной конструкции ГОЗ, чего возможно достичь путем внесения следующих законодательных изменений:

– дополнить Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» новой ст. 8.7 следующего содержания:

«Статья 8.7. Срок исполнения обязательств по оплате

1. Контракты и договоры, заключаемые в целях выполнения государственного оборонного заказа, должны содержать определенный

1 Решение Арбитражного суда Московской области от 31 августа 2022 г. по делу № А41-22867/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Vp0bXrry5RdK/ (дата обращения: 24.05.2026).
2 Постановление одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 5 апреля 2024 г. по делу № А55-18409/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FMjVdcQCsnWd/ (дата обращения: 24.05.2026).
3 Решение Арбитражного суда города Москвы от 20 декабря 2024 г. по делу № А40-164356/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/fuUlvSyJwsHO/ (дата обращения: 24.05.2026).
4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. – № 275. – 05.12.2016.
5 Михашин А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу : автореферат дисс. … к.ю.н. : 12.00.03 / Михашин Алексей Викторович. – Москва, 2021. – 29 с.

срок исполнения обязательства по оплате поставленной продукции, выполненных работ или оказанных услуг.

Условия договора, ставящие исполнение обязательства по оплате в зависимость от поступления бюджетного финансирования, допускаются исключительно при условии установления предельного срока исполнения обязательства по оплате.

2. В случае отсутствия в договоре определенного срока исполнения обязательства по оплате применяется срок, установленный статьей 314 Гражданского кодекса Российской Федерации, если иной предельный срок не установлен Правительством Российской Федерации»;

– дополнить типовые условия контрактов, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 19.09.2022 № 1658 «О типовых условиях контрактов, заключаемых в целях выполнения государственного оборонного заказа, и о внесении изменений в Положение о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу», отдельным обязательным условием о сроке исполнения денежного обязательства.

В данном ключе важно отметить, что представленный механизм совершенствования законодательства направлен не на исключение специфики ГОЗ, а на формирование баланса между публично-правовыми особенностями финансирования ГОЗ и фундаментальными принципами гражданского права, включая принцип определенности обязательства, стабильности гражданского оборота и надлежащего исполнения денежных обязательств.

Закрепление требования о временной определенности исполнения обязанности по оплате позволит существенно снизить уровень правовой неопределенности, минимизировать противоречивость судебной практики, ограничить возможность злоупотребления конструкциями неопределенного финансирования и обеспечить большую устойчивость кооперационных связей в сфере государственного оборонного заказа.

Список литературы:

1. Уткин Г. Н. Правовая природа исполнения обязательств // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 3 (231). - С. 348-350. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_3_348 EDN: YLYUXS
2. Михашин А. В. Потестативные условия в сопровождаемых сделках по государственному оборонному заказу // Журнал предпринимательского и кор-поративного права. - 2020. - № 1. - С. 49-54. EDN: CAGFUX
3. Состояние платежей и рассветов в организациях: отчет // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ре-сурс]. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2025/03-06/Tw9R0K2C/Doklad_12-2025/2-5-2-2_12-2025.doc (дата обращения: 22.05.2026).
4. Крашенинников Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е. А. Крашенинников; отв. ред. Ю. В. Байгушева. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 1125 с.
5. Протопопова О. В., Белицина Е. В. Проблемы применения потестативных условий в договорах на выполнение опытно-конструкторских работ в сфе-ре государственного оборонного заказа // Проблемы экономики и юридической практики. - 2024. - № 4. - С. 58-65. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-4-58-65 EDN: TMPVJM
6. Жемеров В. В. Судебная оценка потестативного условия оплаты по государственному оборонному заказу // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 15. - С. 236-246. EDN: ZRSSEF
7. Энциклопедия решений. Разумный срок исполнения обязательства (2025 год) // Информационно-правовое обеспечение "ГАРАНТ". [Электронный ресурс]. - URL: https://base.garant.ru/58074821/ (дата обращения: 24.05.2026).
8. Михашин А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу: автореферат дисс. … к.ю.н.: 12.00.03 / Михашин Алексей Викторович. - Москва, 2021. - 29 с. EDN: ZLLBXE
9. Шеншин, В. М. Об осуществлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, а также бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета, администратора источ-ников финансирования дефицита федерального бюджета / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 22-24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ.
10. Шеншин, В. М. Нормативно-правовое регулирование осуществления Росгвардией бюджетных полномочий главного администратора доходов федерального бюджета / В. М. Шеншин, В. Е. Хазова // Вестник экономической безопасности. - 2021. - № 3. - С. 247-253. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253 EDN: JINPKS
11. Шеншин, В. М. О некоторых проблемах развития института несостоятельности (банкротства) / В. М. Шеншин, Д. С. Зудин, Ю. Ю. Тиханова // Вестник арбитражной практики. - 2022. - № 4(101). - С. 52-62. EDN: PCEUPJ

References:

1. Utkin G. N. The Legal Nature of Performance of Obligations // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 3 (231). – Pp. 348-350. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_3_348 EDN: YLYUXS
2. Mikhashin A. V. Potestative conditions in supported transactions under the state defense order // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. – 2020. – No. 1. – Pp. 49–54. EDN: CAGFUX
3. The state of payments and settlements in organizations: report // Official website of the Federal State Statistics Service. [Electronic resource]. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2025/03-06/Tw9R0K2C/Doklad_12-2025/2-5-2-2_12-2025.doc (accessed: 22.05.2026).
4. Krasheninnikov E. A. Civil Law and Procedure. Selected Works / E. A. Krasheninnikov; ed. by Yu. V. Baigusheva. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 1125 p.
5. Protopopova O. V., Belitsina E. V. Problems of applying potestative conditions in contracts for the performance of experimental and design work in the field of the state defense order // Problems of Economics and Legal Practice. – 2024. – No. 4. – Pp. 58-65. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-4-58-65 EDN: TMPVJM
6. Zhemerov V. V. Judicial assessment of the potestative condition for payment under the state defense order // Issues of Russian Justice. – 2021. – No. 15. – Pp. 236-246. EDN: ZRSSEF
7. Encyclopedia of Solutions. Reasonable timeframe for fulfilling the obligation (2025) // Information and legal support “GARANT”. [electronic resource]. - URL: https://base.garant.ru/58074821/ (accessed: 24.05.2026).
8. Mikhashin A. V. Civil and Legal Regulation of Procurement under the State Defense Order: abstract of the dissertation … Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Mikhashin Alexey Viktorovich. - Moscow, 2021. - 29 p. EDN: ZLLBXE
9. Shenshin, V. M. On the implementation by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation of the functions of the main manager and recipient of funds from the federal budget, as well as the budgetary powers of the main administrator of federal budget revenues and the administrator of sources of financing the federal budget deficit / V. M. Shenshin // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 7(223). – Pp. 22–24. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_22. – EDN XUBSAQ.
10. Shenshin, V. M. Regulatory and legal regulation of the implementation by the National Guard of budgetary powers as the main administrator of revenues of the federal budget / V. M. Shenshin, V. E. Khazova // Bulletin of Economic Security. - 2021. - No. 3. - Pp. 247-253. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-3-247-253 EDN: JINPKS
11. Shenshin, V. M. On some problems in the development of the institution of insolvency (bankruptcy) / V. M. Shenshin, D. S. Zudin, Yu. Yu. Tikhanova // Bulletin of Arbitration Practice. – 2022. – No. 4(101). – Pp. 52–62. EDN: PCEUPJ

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_270

УДК 34

ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННЫМ ПРАВОВЫМ НОРМАМ
DIGITAL CONSTITUTIONALISM: DIGITALIZATION AS A CHALLENGE TO TRADITIONAL LEGAL NORMS

ВОРОНИНА Ирина Аркадьевна,
доцент, заведующая кафедрой теории государства и права и конституционного права,
ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко (Оренбург),
460024, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13,
e-mail: post@mail.osu.ru

КИРПИЧНИКОВА Анастасия Владимировна
старший преподаватель, кафедра теории государства и права и конституционного права,
ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко (Оренбург),
460024, Российская Федерация, Оренбург, про. Победы, 13,
e-mail: kirpichnikova20@inbox.ru

VORONINA Irina Arkadyevna,
associate Professor, head of the department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko (Orenburg),
460024, Russian Federation, Orenburg, Pobedy Ave., 13,
e-mail: post@mail.osu.ru

KIRPICHNIKOVA Anastasia Vladimirovna
lecturer, department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko (Orenburg),
460024, Russian Federation, Orenburg, Pobedy Ave., 13,
e-mail: kirpichnikova20@inbox.ru

Краткая аннотация: *XXI век – век бурного развития цифровых технологий, становящихся частью не только общественного бытия, но и государственного управления. Появляется новая категория такая как «цифровой конституционализм», где на смену классической модели конституционно-правового контроля приходят цифровые механизмы конституционализма. В статье предпринимается попытка обозначить вызовы цифровизации в условиях перехода от традиционных правовых норм к цифровых регуляторам права, обозначены проблемы цифрового перехода к цифровому конституционализму и сформулированы вызовы такого перехода и цифровой трансформации традиционных норм права.*

Abstract: *The 21st century is a century of rapid development of digital technologies, which are becoming part of not only public life, but also public administration. A new category is emerging, such as «digital constitutionalism», where digital mechanisms of constitutionalism are replacing the classical model of constitutional and legal control. The article attempts to identify the challenges of digitalization in the context of the transition from traditional legal norms to digital legal regulators, identifies the problems of the digital transition to digital constitutionalism, and formulates the challenges of such a transition and the digital transformation of traditional legal norms.*

Ключевые слова: *конституционализм, цифровой конституционализм, цифровизация, норма права.*
Keywords: *constitutionalism, digital constitutionalism, digitalization, rule of law.*

Для цитирования: *Воронина И.А., Кирпичникова А.В. Цифровой конституционализм: цифровизация как вызов традиционным правовым нормам // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 270-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_270.*
For citation*: Voronina I.A., Kirpichnikova A.V. Digital constitutionalism: digitalization as a challenge to traditional legal norms // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 270-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_270.*

Статья поступила в редакцию: 12.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В эпоху цифровой революции и информационных технологий мир переходит в качественно новую фазу своего развития, где цифровизация интегрируется практически во все сферы общественной и государственной жизни. Одним из основных направлений становится адаптация традиционных правовых систем к реалиям «цифры» - появляется такая новая категория, как «цифровой конституционализм», которое включает в себя обеспечение защиты прав и свобод человека в условиях цифровой реальности, а также поиска баланса между традиционным правовым регулированием и информационными технологиями.

Так. традиционные правовые регуляторы на практике зачастую оказываются неэффективными в новой цифровой эпохе, поскольку правовые институты имеют своей конечной целью регламентирование общественных и публичных сфер в физическом контексте, а именно при прямом взаимодействии субъектов общественных отношений между собой. Однако, цифровизация требует качественного пересмотра существующего порядка социально-экономических взаимоотношений между всеми участниками и порождает новые вызовы:

1. Проблема защиты персональных данных. При таком активном развитии и использовании цифровых и информационных технологий назревает вопрос защиты персональных данных пользователей социальных сетей и мессенджеров [2]. Традиционные подходы к конфиденциальности не могут справиться с вызовами кибербезопасности, выражающейся в многочисленных правонарушениях со стороны неопределенного круга лиц.

2. Проблема свободы информации. С учетом изменяющейся геополитической обстановкой в мире границы свободы слова размываются – традиционные правовые нормы теряют свою актуальность, поскольку не содержат в своих положениях механизмы регламентирующие

отношения субъектов в онлайн-пространстве. При этом личная свобода, формально гарантированная Конституцией Российской Федерацией [1], оказывается в зависимости от архитектуры платформ, чьи внутренние регламенты нередко остаются вне поля действия публичного права [3].

3. Проблема регулирования онлайн-платформ и контента в сети Интернет.

4. Проблема автоматизации и цифровой профориентации при принятии решений, взаимодействии с получателями онлайн-услуг и так далее. В данном случае речь идет о том, что алгоритмы, используемые при цифровом взаимодействии субъектов, как правило, содержат большие информационные массивы, в которых очертания прозрачности, логики, объективности не имеют четких форм.

Так, что же представляет собой «цифровой конституционализм», собственно? Цифровой конституционализм представляет собой концепцию, имеющей своим направлением интеграцию конституционно-правовых принципов в цифровую среду. Так, традиционно понятие «конституционализм» основывается на нормативном ограничении публичной власти и обеспечении прав и свобод человека и гражданина, но применительно к цифровым преобразованиям XXI века приобретает новые черты – цифровые черты. В данном случае у законодателя появляется необходимость в осмыслении с точки зрения права традиционного понимания конституционно-правового регулирования и фундаментального пересмотра, затрагивающего не только технические параметры управления, но и глубинные аксиологические основания публично-правовых институтов. Здесь проблема состоит не только в вопросе адаптации правовых механизмов к цифровой реальности, сколько в самой постановке вопроса о том, сохраняется ли в условиях платформенного капитализма и алгоритмической логики традиционная структура конституционного пространства или наступает эпоха, где требуется качественно иная нормативная архиотектоника [3]. Таким образом, очевидно, что происходит некая утрата универсальных классических моделей конституционно-правовой модели регулирования в эпоху стремительно развивающихся цифровых инструментов и технологий. Конституционные гарантии защиты прав и свобод и народного суверенитета приобретают цифровые очертания и легитимации, соответственно.

Контекст цифрового конституционализма формируется на основе тезиса о цифровой среде, свидетельствующей о совершенно новой форме общественной и государственной надстройки. Поэтому важно отметить, что существенным отличием цифрового конституционализма от классически традиционного состоит в отказе государства, как единого источника регулирования правопорядка. Вместе с тем, при рассмотрении цифрового конституционализма как компонента публичного права, важно учитывать его междисциплинарную и трансверсальную природу [3]. Цифровой конституционализм не может сводиться только к цифровым стандартам, поскольку он (цифровой конституционализм) обладает способностью к методологической интеграции различных подходов в нормативные связки в условиях цифровизации.

Таким образом, для эффективной реализации цифрового конституционализма необходимо реализации законодателем следующих задач:

1. Обновление нормативной базы в соответствии с вызовами цифровой революции.

2. Координированные усилия государства и гражданского общества при разработке механизмов конституционного контроля применительно к новой конституционной модели – цифровой модели конституционно-правового регулирования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изм. от июля 2020 года) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.04.2026 год).
2. Алферова Е.В. Цифровые «новеллы» Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов (Обзорная статья) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-novelly-konstitu-tsii-rossiyskoy-federatsii-vzglyad-uchenyh-yuristov-obzornaya statya?ysclid=mnvt9r3yfb701098891 (дата обращения: 12.04.2026 год).
3. Гончаров В.В. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-konstitutsionalizm-evolyutsiya-pravovyh-printsipov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sovremennogo-obschestva/viewer (дата обращения: 12.04.2026 год).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993 (as amended in July 2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 12.04.2026).
2. Alferova E.V. Digital “novelties” of the Constitution of the Russian Federation: the perspective of legal scholars (review article) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-novelly-konstitu-tsii-rossiyskoy-federatsii-vzglyad-uchenyh-yuristov-obzornaya-statya?ysclid=mnvt9r3yfb701098891 (date accessed: 12.04.2026).
3. Goncharov V.V. Digital constitutionalism: the evolution of legal principles in the context of the digitalization of modern society // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-konstitutsionalizm-evolyutsiya-pravovyh-printsipov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sovremennogo-obschestva/viewer (accessed: 12.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_272

УДК 343.3/7

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЛИЯЮЩИХ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
CLASSIFICATION OF ENVIRONMENTAL CRIMES AFFECTING ENVIRONMENTAL SAFETY

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
кандидат военных наук, доцент, г. Санкт-Петербург,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, St. Petersburg,
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *Исследование вопросов классификации экологических преступлений, проводимых в настоящей статье позволяет пользователю природными ресурсами обратить внимание на сложность и неоднозначность процесса обеспечения экологической безопасности. Предложенные меры в какой-то степени позволяют купировать те проблемы, которые существуют в масштабах страны.*

Abstract: *The study of the classification of environmental crimes conducted in this article allows the user of natural resources to pay attention to the complexity and ambiguity of the process of ensuring environmental safety. The proposed measures to some extent make it possible to alleviate the problems that exist across the country.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность; охрана окружающей среды; уголовно-экологическая политика; уголовный закон.*

Keywords: *environmental safety; environmental protection; criminal environmental policy; criminal law.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Классификация экологических преступлений, влияющих на экологическую безопасность // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 272-275. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_272.*

For citation*: Pyanusov A.V. Classification of environmental crimes affecting environmental safety // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 272-275. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_272.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Классификации как для уголовного права, так и в целом, имеет важное значение[1]. В переводе с латинского языка «classis» означает «разряд, класс» и «facio – делать». Она подразумевает под собой распределение предметов на группы по каким-либо отличительным признакам.

Система классификации преступлений может быть совершенно различной в зависимости от целей классификации, например, по предмету посягательства, по способы совершения, по субъекту и другие.

В научной литературе рассматриваются различные квалификации экологически преступлений[2]. Так, например, профессор Л.М. Прозументова, предлагает разделить на следующие группы:

– общие преступные деяния наносят ущерб окружающей природе в целом и попадают под действие ст. 246–249 УК РФ;

– специальные экологические преступления, преступления, напротив, наносят ущерб отдельным компонентам природы или их составным частям и рассматриваются в ст. 250–262 УК РФ [3].

Н.Г. Иванов акцентирует внимание на значимости соблюдения норм экологической безопасности в различных сферах деятельности:

1) Уголовное законодательство содержит ст. 246–249, описывающие преступления, возникающие из нарушения данных норм;

2) преступления, связанные с нарушением правил охраны неживой природы, которые излагаются в ст. 250–255, а также в ст. 259, 260–262 УК РФ;

3) преступления, нарушающие правила охраны живой природы (ст. 256-258 УК РФ)[4].

На основе непосредственного объекта Н.А. Лопашенко рекомендует классифицировать преступления в сфере экологии следующим образом:

1) Нарушение общественных отношений, направленное на реализацию и защиту права на благоприятную окружающую среду (статьи 246-248 УК РФ);

[1] Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.

[2] Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR;
Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.

[3] Прозументова Л.М. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 543.

[4] Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Особенная часть: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2020. С. 543.

2) Посягательство на общественные отношения в целях защиты окружающей среды и ее природно-ресурсного потенциала (ст. 249-262 УК РФ)[1].

Разделением преступлений на две основные категории - общие преступления и специальные преступления[2] - занимается И.М. Тяжкова. Общие преступления регламентируются ст. 246-248, 262 УК РФ, в то время как специальные преступления охватываются ст. 249-261 УК РФ. Она выделяет различные виды нарушений, учитывая их разнообразие и уникальность. Среди таких нарушений можно отличить те, которые связаны с водными и воздушными средами (ст. 250-252 УК РФ), землей и ее недрами (ст. 253-255 УК РФ), а также животным миром (ч. 1 ст. 249, ст. 256-259 УК РФ) и растительным миром (ч. 2 ст. 249, ст. 260-261 УК РФ)[3].

Некоторые преступления, указанные в уголовном законе, могут быть связаны или не быть связанными с нанесением ущерба окружающей среде. Кроме того, данные нормы предусмотрены в отдельных случаях в статьях, посвященных обеспечению защиты других социальных ценностей: собственности (гл. 21 УК РФ), сохранения памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ) и др[4]. В связи с отсутствием определения и системы экологических правонарушений в УК РФ их классификация в теории уголовного права не единственна[5]. Разнообразно определяются как варианты таких преступлений, так и основания для их классификации. Чаще всего к экологическим преступлениям относятся все преступления, связанные с элементами природной среды.

Хотя не все преступные поступки имеют экологический характер, все человеческие действия, связанные с окружающей средой, в общем плане можно считать экологическими, так как все ресурсы, которые мы используем, извлекаются из природы. Нарушение правил относительно сдачи золота и других драгоценных металлов или камней, извлеченных из земли и принадлежащих государству (ст. 192 УК РФ), в отличие от нарушения правил разработки недр, изложенных в данной статье, затрагивает отношения, ограничивающие монополию государства на эти драгоценные ресурсы, так как преступление, предусмотренное этим нормативным актом, осуществляет ответственность за нарушение порядка передачи извлеченных частными лицами драгоценных металлов и камней. Создание охранных зон вокруг объектов и сооружений на континентальном шельфе без соответствующего разрешения Российской Федерации является противозаконным. Такие зоны служат для обеспечения безопасности морского судоходства вблизи этих сооружений и объектов, а также для обнаружения и ликвидации неиспользуемых средств оповещения. Кроме того, нарушения, предусмотренные этой статьей, направлены на нарушение экологических отношений. В результате, такие действия могут рассматриваться как преступления общего характера. Эти же преступления, наносящие ущерб природным элементам окружающей среды и связанные с ними особыми общественными отношениями, четко определенны в законе, следует определять, как специальные экологические преступления.

В доктрине уголовного права выделяются различные классификации экологических преступлений, соответственно, различные признаки.

Первый признак систематизирует преступления в сфере экологии на различные виды в соответствии с содержанием предмета и объектом посягательства. Вторым признаком является разделение преступлений в области экологии на категории по способу и характеру их совершения. Остановимся на третьем признаке, разделим семнадцать статей УК РФ в зависимости от объекта посягательства.

1) Экологические преступления общего характера. Объектом данного вида преступления является посягательство на природу в целом. В рамках этой категории включаются нарушения законов, касающихся охраны окружающей среды во время проведения работ (ст. 246 УК РФ), нарушения правил перевозки опасных веществ и отходов в окружающую среду (ст. 247 УК РФ), нарушения правил безопасности при работе с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ), нарушения законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и экономической зоне (ст. 253 УК РФ) и нарушения режима особо охраняемых природных территорий и объектов (ст. 262 УК РФ).

2) Экологические преступления специального характера. Они представляют собой, совокупность мер, направленных на устранение причин и условий преступности. Нарушение ветеринарных норм и правил, предусмотренных для борьбы с болезнями и вредителями растений, считается одним из преступлений, перечисленных в УК РФ. Загрязнение вод, атмосферы, морской среды также рассматривается как серьезное нарушение (ст. 250-252 УК РФ). Порча земли, нарушение правил охраны и использования недр, незаконная добыча водных животных - все эти действия приравниваются к нарушениям законодательства в области охраны окружающей среды. Охрана животного мира, правила охраны рыбных запасов, браконьерство, незаконная рубка деревьев и кустарников, уничтожение или повреждение лесов - все эти преступления влекут за собой ответственность согласно статьям 256, 257, 258, 260 и 261 УК РФ.

Статья 248 УК РФ о нарушении правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами представляет собой образец экологического преступления. Охрана окружающей среды обеспечивается данной правовой нормой, которая защищает нормативно-правовой порядок обращения с указанными агентами и токсинами.

Объектом преступления является экологическая безопасность. Общественные отношения, обеспечивающие безопасность флоры и

---

[1] Сверчков В. В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебное пособие для вузов / В. В. Сверчков. - М.: Издательство Юрайт. 2021. С. 139-140.

[2] Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC; Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.

[3] Гензюк Э.Е. Об уголовно-правовой характеристике экологических преступлений / Э.Е. Гензюк // В сборнике: Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах. Ответственный редактор А.А. Горохов. 2020. С. 61.

[4] Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF; Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

[5] Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN; Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.

фауны, а также жизни и здоровья человека, являются дополнительным объектом. Предметом преступления считаются микробиологические, биологические или токсичные вещества, включающие микроорганизмы и сложные соединения белковой структуры, происходящие от растений, бактерий или животных и способные проникать в организмы людей и животных, вызывая заболевания или смерть. Рассматриваются как предметы преступления патогены, опасные для человека и животных, включая вирусы, риккетсии, бактерии и токсины, а также генетически модифицированные микроорганизмы или генетические элементы с патогенными факторами или токсинами, а также патогены, опасные только для животных и опасные патогены растений, такие как вирусы, бактерии, микроскопические грибы и генетически модифицированные микроорганизмы.

Нарушение правил безопасности при работе с микробиологическими или другими биологическими веществами или токсинами, которые могут причинить вред здоровью человека, распространению эпидемий или эпизодическим явлениям, а также вызвать другие серьезные последствия, является объективной стороной.

Специфический характер преступлений, описанных в статье 248 УК РФ, подтверждается в момент наступления соответствующих последствий, что является признаком завершенности преступления. Умышленная вина характеризует субъективную сторону преступления. Лицо, обязанное соблюдать нормы взаимодействия с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами, играет роль субъекта преступления. Таким образом, субъект данного рода преступлений представляет собой специфическую категорию.

Второй пример относится к экологическим преступлениям специального характера – незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ).

Нарушение отношений в сфере разумного использования водных биологических ресурсов – вот цель, стоящая перед этим преступлением. Рыба, морские животные и другие промысловые морские растения – вот кого затрагивает это преступление. Важно отметить, что такие действия запрещены только в отношении морских биологических ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны России.

Объективная сторона преступления заключается в нарушении закона при добыче указанных ресурсов, что может привести к крупному ущербу. Преступление также может быть совершено с использованием запрещенных методов, таких как самоходные плавучие средства, взрывчатые вещества, химикаты, электрический ток или другие способы массового уничтожения водных организмов. Деяния могут осуществляться на запретных территориях, в зонах экологических катастроф или при чрезвычайных экологических ситуациях.

В соответствии с нормативными актами, регулирующими правила добычи водных животных и растений подчинены лицензированию и регулированию в соответствии с законами страны. Добыча без разрешения, с просроченным разрешением или другими нарушениями, а также вывоз или ввоз морских животных, не соответствующих установленным правилам, является экологическим преступлением.

Незаконная добыча, согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ст. 253, 256 УК РФ)», представляет собой противоправное извлечение или завладение водными биологическими ресурсами, которое нарушает экологические законы, квалифицируется как незаконная добыча. Это может включать действия без надлежащего разрешения, нарушение условий выданного разрешения, а также добычу в местах или временах, где или, когда это запрещено, или извлечение видов, которые подлежат охране. Также возможно, что субъект, управляющий плавучим самоходным средством, может использовать взрывчатки или химические вещества для осуществления определенных действий[1].

Преступление совершено лицом, которое использовало своё служебное положение, что отличает его от других видов преступлений. Физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, считается субъектом преступления. Прямой умысел характеризует субъективную сторону данного деяния в соответствии с третьей частью статьи 256 УК РФ[2].

Анализ правоприменительной практики в отношении экологических преступлений показывает, что наиболее распространенными преступлениями в этой области являются нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, незаконная добыча водных биологических ресурсов, незаконная охота и незаконная рубка лесных насаждений, соответствующие ст. 246, 247, 256, 258 и 260 УК РФ.

Таким образом, в уголовной доктрине существует множество мнений, касающихся классификации преступлений в сфере экологии. Проанализировав мнения ученых-правоведов, можно прийти к выводу, о том, что они выделяют две группы преступлений: преступления общего и специального характера.

Экологические преступления оказывают серьезное воздействие на окружающую среду и биоразнообразие планеты. Кроме того, статистика показывает, что наибольшее количество таких преступлений фиксируется по ст. 256 и 260 УК РФ. Нарушения, связанные с незаконной добычей водных биологических ресурсов и незаконной рубкой лесных насаждений, угрожают экосистемам и природным ресурсам. Каждый случай незаконной деятельности в этой сфере приводит к ухудшению состояния окружающей среды и создает проблемы для будущих поколений. Поэтому борьба с экологическими преступлениями является важной задачей для обеспечения устойчивого развития нашей планеты.

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 "О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)" // Российская газета, N 142, 04.07.2018.

[2] Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX; Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB; Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

Список литературы

1. Прозументова Л.М. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 543.
2. Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Особенная часть: учебное пособие. - Москва: Проспект, 2020. С. 543. DOI: 10.31085/9785392310043-2020-752 ISBN: 978-5-392-31004-3 EDN: WZGRLQ
3. Сверчков В. В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебное пособие для вузов / В. В. Сверчков. - М.: Издательство Юрайт. 2021. С. 139-140.
4. Гензюк Э.Е. Об уголовно-правовой характеристике экологических преступлений / Э.Е. Гензюк // В сборнике: Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах. Ответственный редактор А.А. Горо-хов. 2020. С. 61. EDN: DJPIOS
5. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 2(51). - С. 33-37. EDN: OWQZGY
6. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. - 2018. - № 6. - С. 68-71. EDN: XPPKHR
7. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. - 2018. - № 6. - С. 27-31. DOI: 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31 EDN: XRORGX
8. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2018. - № 1(77). - С. 120-122. EDN: YUUETC
9. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 10(95). - С. 236-244. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244 EDN: YOICCL
10. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2018. - № 3. - С. 157-164. EDN: XSMIJF
11. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. - 156 с. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV
12. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. - 2017. - № 11. - С. 81-87. EDN: YMOYDN
13. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. - 2017. - № 4. - С. 33-37. EDN: ZFANYH
14. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017. - № 2(74). - С. 123-127. EDN: ZFLWXX
15. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики Рос-сии / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017. - № 3(75). - С. 98-101. EDN: ZTEKUB
16. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. - 156 с. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV

References

1. Prozumentova L.M. Criminal Law. Special Part: a textbook for universities / edited by L.M. Prozumentova. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. P. 543.
2. Ivanov N.G. Course of Criminal Law. Special Part: a study guide. – Moscow: Prospekt, 2020. P. 543. DOI: 10.31085/9785392310043-2020-752 ISBN: 978-5-392-31004-3 EDN: WZGRLQ
3. Sverchkov V. V. Crimes against the Environment: System, Legal Characteristics, Features, and Problems of Applying Criminal Legislation: A textbook for universities / V. V. Sverchkov. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. Pp. 139–140.
4. Genzyuk E. E. On the criminal-legal characteristics of environmental crimes / E. E. Genzyuk // In the collection: Youth and Science: a Step towards Success. Collection of scientific articles from the 4th All-Russian Scientific Conference on Promising Developments by Young Scientists. In 5 volumes. Editor-in-Chief A.A. Gorokhov. 2020. P. 61. EDN: DJPIOS
5. Shenschin, V. M. Ensuring environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenschin, S. Yu. Koryago // Law. Safety. Emergency Situations. - 2021. - No. 2(51). - Pp. 33-37. EDN: OWQZGY
6. Shenshin, V. M. Environmental Safety as an Object of Russia's Criminal-Environmental Policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. - 2018. - No. 6. - Pp. 68-71. EDN: XPPKHR
7. Shenschin, V. M. On the Regional Factor in the Implementation of Criminal-Environmental Policy / V. M. Shenschin // Legal Education and Science. – 2018. – No. 6. – Pp. 27–31. DOI: 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31 EDN: XRORGX
8. Shenschin, V. M. Features of Establishing Penalties for Environmental Crimes / V. M. Shenschin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1(77). – Pp. 120–122. EDN: YUUETC
9. Shenschin, V. M. The Social Demand of Society as a Neologism in Criminal-Environmental Policy / V. M. Shenschin // Current Problems of Russian Law. - 2018. - № 10(95). - Pp. 236-244. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244 EDN: YOICCL
10. Shenshin, V. M. Towards the concept of criminal environmental policy in Russia / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Loba-Chevsky, 2018, No. 3, pp. 157-164. EDN: XSMIJF
11. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineating environmental offenses: / V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. - Belgorod: Epitsentr Limited Liability Company, 2017. – 156 p. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV
12. Shensin, V. M. Reflection of environmental crime in statistics / V. M. Shensin // Voprosy Statistiki. – 2017. – No. 11. – Pp. 81-87. EDN: YMOYDN
13. Shenshin, V. M. Features of Prevention and Suppression of Environmental Crimes / V. M. Shenshin // Environmental Law. – 2017. – No. 4. – Pp. 33–37. EDN: ZFANYH
14. Shenshin, V. M. Criminal-Environmental Policy of Russia: Formulation of the Problem / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 2(74). - Pp. 123-127. EDN: ZFLWXX
15. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal-environmental policy / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 3(75). - Pp. 98-101. EDN: ZTEKUB
16. Shenshin, V. M. Theoretical Approaches and Problems of Delimiting Environmental Offenses: / V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – Belgorod: Limited Liability Company Epitsentr, 2017. – 156 p. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_276

УДК 343.98

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ БИОМЕТРИЧЕСКАЯ АУТЕНТИФИКАЦИЯ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
BEHAVIORAL BIOMETRIC AUTHENTICATION IS A PROMISING AREA IN INFORMATION SECURITY TECHNOLOGIES

КОВАЛЕВ Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

KOVALEV Sergey Dmitrievich,
Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020.
Candidate of Law, Associate Professor,
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

Краткая аннотация: *В эпоху повсеместной цифровизации вопросы безопасной аутентификации пользователей приобретают критическую значимость. Традиционные механизмы аутентификации, основанные на паролях и физиологических биометрических характеристиках – все чаще оказываются уязвимыми. В данной статье рассматривается использование поведенческой биометрической аутентификации, как перспективное направление в технологиях информационной безопасности. Автор обращает внимание на технические проблемы и существующие пробелы в законодательстве, которые требуют поиска оптимального решения способствующие безопасному и эффективному применению поведенческой биометрической аутентификации.*

Abstract: *In the era of widespread digitalization, issues of secure user authentication are gaining critical importance. Traditional authentication mechanisms based on passwords and physiological biometric characteristics are increasingly vulnerable. This article considers the use of behavioral biometric authentication as a promising direction in information security technologies. The author draws attention to the existing gaps in the legislation, which require the search for an optimal solution that contributes to the safe and effective use of behavioral biometric authentication.*

Ключевые слова: *поведенческая биометрия, аутентификация пользователей, биометрия, биометрические технологии, ФСИН России.*

Keywords: *behavioral biometrics, user authentication, biometrics, biometric technologies, FSIN of Russia.*

Для цитирования: *Ковалев С.Д. Поведенческая биометрическая аутентификация – перспективное направление в технологиях информационной безопасности // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 276-279. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_276.*

For citation*: Kovalev S.D. Behavioral biometric authentication is a promising direction in information security technologies. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 276-279. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_276.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Современные тенденции цифровой трансформации и развития цифровой экономики формируют возрастающую потребность в надёжных методах идентификации и аутентификации. В связи с чем разрабатываются и внедряются новые автоматизированные решения в сфере идентификации и аутентификации. В настоящее время все чаще начинают использоваться такие методы идентификации личности, как биометрия. В России тема биометрической идентификации граждан находится в фокусе общественного, политического и экономического внимания. Это связано главным образом с развитием Единой биометрической системы, для нормативно-правового обеспечения которой был принят Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Следует сказать, что технологии биометрии быстро развиваются и используются во многих областях, а возможности верификации пользователей по отпечатку пальца уже сейчас входят в функционал разных устройств бытового назначения, например в телефонах, планшетах. Еще одним примером может служить работающая в Москве с 2025 года автоматизация прохода пассажиров на транспорт на основе биометрической идентификации. Эта технология позволяет проходить через турникеты в метро с помощью распознавания лица. Также сервис доступен на причалах регулярных речных маршрутов, «Аэроэкспрессе» и некоторых станциях МЦД. С июня 2026 года в аэропортах Шереметьево и Пулково при участии авиакомпании «Аэрофлот» тестируется сервис биометрического прохождения предполётных процедур на рейсах «Москва – Санкт-Петербург» (см.: В России запущена биометрическая идентификация пассажиров при прохождении предполетных процедур URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12716).

Исходя из того, что нельзя «украсть» наши физические характеристики, такие как, отпечаток пальца или рисунок радужной оболочки глаза, физическая биометрия кажется надежным способом идентификации личности. Однако у нее есть ряд недостатков, разные виды биометрических характеристик обладают разным уровнем надежности.

Важно отметить, по мнению специалистов крупнейшей в Европе немецкой хакерской ассоциации Chaos Computer Club, не требуется никакого физического контакта для того, чтобы похитить дактилоскопические отпечатки человека. В 2015 году специалист по компьютерной безопасности Ян Крисслер (псевдоним Starbug) с помощью программы VeriFinger создал цифровую копию отпечатка пальца министра обороны Германии Урсулы фон дер Ляйен по нескольким фотографиям. Основную часть снимков Крисслер сделал сам во время пресс-конференции с расстояния около трёх метров. Дополнительные изображения он получил из видеозаписей высокого разрешения, на которых рука Урсулы была показана

крупным планом с разных ракурсов. Далее с помощью общедоступной программы VeriFinger Крисслер обработал все эти снимки и получил цифровое изображение дактилоскопического отпечатка министра обороны. По утверждению Яна Крисслера, полученное таким образом изображение получается столь высокого качества, что его можно использовать для биометрической идентификации: разблокировки смартфонов, компьютеров, других технических устройств или дверей (см.: Обвести вокруг пальца. Хакеры научились запросто обманывать систему биометрической защиты. URL: https://ug.ru/obvesti-vokrug-palcza-hakery-nauchilis-zaprosto-obmanyvat-sistemu-biometricheskoj-zashhity/). Своими исследованиями Крисслер доказывает необходимость полного отказа от использования отпечатков пальцев в качестве биометрической защиты важной информации, но это совсем не означает, что надо полностью отказаться от биометрической идентификации.

В связи с этим возникает потребность в поиске новых, улучшенных биометрических технологий в области информационной безопасности. и цифровой аутентификации личности. В настоящее время специалисты в области информационной безопасности рекомендуют применять биометрические данные, набор которых принято называть Behavioral Biometrics (поведенческая биометрия). На их основе была разработана поведенческая биометрическая аутентификация.

В рамках данной статьи мы ставим цель выяснить существуют ли нерешенные проблемные вопросы правового и технического характера, которые требуют поиска оптимального решения в целях безопасного и эффективного применения поведенческой биометрической аутентификации.

Поведенческая биометрия уверенно занимает нишу "биометрии нового поколения", предлагая радикально новый подход к аутентификации и идентификации. В отличие от традиционных биометрических систем, анализирующих статические физиологические характеристики (отпечатки пальцев, радужную оболочку глаза, черты лица), поведенческая биометрия фокусируется на динамических, уникальных моделях поведения пользователя. Это могут быть особенности набора текста (скорость, ритм, сила нажатия, межсимвольные интервалы), способ перемещения курсора мыши, алгоритм прокрутки веб-страниц, угол наклона и прикосновения к смартфону, интонация голоса и даже паттерны передвижения. Поведенческая биометрия работает в фоновом режиме, постоянно анализируя действия пользователя непрерывно сравнивая текущую активность с эталонным профилем. Американское агентство передовых исследований DARPA предложило именовать этот класс новаторских подходов к опознанию «активной аутентификацией» (Active Authentication) [7, с. 141].

Бесспорным представляется, что поведенческая биометрическая аутентификация открывает новые горизонты в обеспечении безопасности, поскольку поведенческие паттерны крайне сложно подделать. Поведенческая биометрия делает аутентификацию невидимой, но при этом более устойчивой к взлому. Даже если злоумышленник получит доступ к учетным данным пользователя, он вряд ли сможет воспроизвести его уникальные поведенческие характеристики. Такая система позволяет минимизировать риски несанкционированного доступа и повысить уровень доверия к аутентификации, делая ее более удобной и незаметной для конечного пользователя.

Мы поддерживаем точку зрения, высказанную Д.Е. Николаевым и Е.В. Кручининой, что «для биометрических методов аутентификации важно определить, что идентифицируется именно живой человек» [13]. Здесь важно отметить, что в алгоритмах поведенческой биометрической аутентификации в качестве признаков жизни используется физиологическая и поведенческая информация. Пока пользователь ведет себя "как обычно", его личность считается подтвержденной. При малейшем отклонении от привычных паттернов, система может запросить дополнительную проверку или и вовсе заблокировать доступ, предупреждая о потенциальной угрозе.

Следует отметить, что в соответствии со стандартом ГОСТ Р 54412-2019 «биометрия – это автоматическое распознавание индивидов, основанное на их биологических и поведенческих характеристиках» [3]. В словаре биометрических терминов ГОСТ ISO/IEC 2382-37-2016 определение биометрического распознавания приведено следующим образом: "Биометрическое распознавание (Biometric Recognition)/биометрия (Biometrics): автоматическое распознавание индивидов, основанное на их поведенческих и биологических характеристиках [4]. Из сказанного, следует, что анализ уникальных моделей поведения пользователя для проверки личности, который используется в поведенческой биометрической аутентификации, с правовой точки зрения относится к биометрии.

Необходимо отметить, что в ГОСТ Р 5441 2-20112 приведены основные биометрические характеристики, которые можно отнести к поведенческим. К поведенческим характеристикам относятся: динамика набора текста (keystroke dynamics), движения компьютерной мыши (mouse dynamics), взаимодействие с сенсорным экраном (touch dynamics), на основе которых создается устойчивый поведенческий профиль. Здесь следует сказать, что для реализации технологии поведенческой биометрической аутентификации также важное значение имеет ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-1-2007 «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и протоколы испытаний в биометрии. Часть 1. Принципы и структура» [5] и ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-2-2008 «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и протоколы испытаний в биометрии. Часть 2. Методы проведения технологического и сценарного испытаний» [5].

В рассматриваемом аспекте, поведенческая биометрическая аутентификация, несмотря на свою инновационность и растущую популярность, порождает ряд сложных правовых коллизий. Ключевая проблема заключается в недостаточной урегулированности данного вида идентификации на законодательном уровне. Отсутствие четких определений, стандартов и правил обращения с поведенческими биометрическими данными создает правовой вакуум, который может привести к злоупотреблениям и нарушению прав граждан.

Одной из основных коллизий правового регулирования института биометрических данных является отсутствие четких критериев отнесения той или иной информации к биометрической [9, с. 126]. На наш взгляд проблема состоит в том, что институт биометрических данных является предметом исследования различных отраслей науки. Различные методологические подходы, как следствие, порождают споры относительного того, можно ли считать ту или иную информацию биометрическими данными, особенно когда речь заходит о поведенческих биометрических

характеристиках. Согласно ст. 11 «Биометрические персональные данные» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] к биометрическим данным относятся сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором в указанных целях. Однако эта законодательная дефиниция справедливо подвергается критике в научной среде. Проблема кроется в неточности используемых понятий. Определяя биометрические данные через «физиологические и биологические особенности человека», законодатель допускает логическую погрешность, поскольку физиология – это составная часть биологии, а значит, определение включает в себя избыточное повторение. Таким образом, происходит некорректное отождествление части с целым [8, с. 10].

Однако наряду с идентификацией человека биометрические данные широко применяются в информационных технологиях в процессе верификации и аутентификации [10, с. 82]. Ни один из этих процессов, ни верификация, ни аутентификация не подразумевает установление личности как таковой, а направлен лишь на подтверждение подлинности предъявленных данных и соответствия личности заявителя. Следовательно, существующая нормативно-правовая дефиниция, в которой закреплен правовой режим только для биометрических данных, которые позволяют провести идентификацию, требует уточнения. В этом контексте представляется вполне обоснованной позиция Г.Г. Камаловой, которая предлагает расширить цели использования биометрических данных, включив в них проверку личности физического лица в автоматизированных информационных системах персональных данных [8, с. 9].

Применительно к рассматриваемому вопросу, мы поддерживаем предложение высказанное Н.И. Платоновой по уточнению дефиниции «биометрические данные», которая предлагает их следующую классификацию:

1. Сведения о физиологических особенностях человека, обладающие высокой степенью устойчивости (геномная, дактилоскопическая информация, группа крови, строение сетчатки глаза, ушной раковины, геометрия руки и т.д.).
2. Физические параметры человека, (рост, вес, возраст, татуировки, пирсинг, шрамы и т.д.).
3. Поведенческие особенности человека, проявляющиеся в динамике и характерные для подсознательных движений (походка, жестикуляция, мимика, артикуляция, речь, голос и т.д.) [11, с. 15].

Нельзя не отметить проблему связанную с необходимость определения статуса поведенческих биометрических данных. Являются ли они «персональными данными» в общепринятом смысле, подпадая под действие существующих законов о защите данных, или же требуют отдельной законодательной классификации? На сегодняшний день законодательство ориентировано на более традиционные биометрические признаки (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза и т.д.), оставляя поведенческие паттерны в зоне неопределенности. Это затрудняет точное применение норм хранения и удаления этих данных, а также порядка проведения проверок на соответствие требованиям безопасности.

Другая значимая проблема связана со сбором и обработкой поведенческих биометрических данных. В отличие от традиционных биометрических данных, таких как отпечатки пальцев или лицо, поведенческие характеристики (походка, манера печатать, движения мыши) могут гораздо глубже вторгаться в личную жизнь человека, отражая его эмоциональное состояние, уровень стресса или наличие определенных заболеваний. Это поднимает вопросы о согласии субъекта на сбор таких данных, объеме собираемой информации и целях ее использования. Правоприменительная практика пока не выработала единых подходов к определению момента и формы получения согласия на сбор и обработку поведенческих биометрических данных.

Наконец, существует пробел в законодательстве относительно ответственности за ошибки, связанные с поведенческой биометрической аутентификации. Неправильная аутентификация, будь то ложноположительное или ложноотрицательное срабатывание, может иметь серьезные последствия для пользователей, от отказа в доступе до обвинений в мошенничестве. Определение ответственности – разработчика системы, организации, внедряющей поведенческую биометрическую аутентификацию, или самого пользователя является сложной юридической задачей. Необходимы ясные критерии оценки рисков и определения виновной стороны.

Внедрение поведенческой биометрической аутентификации, несмотря на ее огромный потенциал в сфере безопасности, сопряжено и с рядом существенных технических сложностей. Эти проблемы охватывают весь жизненный цикл системы, начиная от сбора и обработки данных и заканчивая обеспечением устойчивости и адаптивности. Одной из первоочередных задач является выбор и настройка датчиков, для сбора данных о поведении пользователя – таких как характер набора текста, движение мыши, взаимодействие с сенсорным экраном. Поведенческие методы аутентификации обладают высоким потенциалом пассивной, ненавязчивой проверки личности, однако при высокой чувствительности датчиков они нередко страдают от ложных срабатываний [12, с.16]. Факторы внешней среды, стресс пользователя, изменения в его физическом состоянии (например, усталость или болезнь) могут привести к искажению поведенческих паттернов, что затрудняет их точное распознавание и требует постоянного переобучения моделей и адаптации системы. В связи с этим актуальной задачей является разработка алгоритмов, способных отличать аномалии, вызванные внешними причинами, от реальных попыток взлома систем информационной безопасности. Обработка и хранение биометрических данных, обеспечение конфиденциальности, защита от утечек и несанкционированного доступа, также являются критически важными задачами, требующие применения передовых криптографических методов и строгих политик безопасности. Наконец, необходимость унификации технических стандартов и протоколов, является важными фактором для широкого внедрения поведенческой биометрии. Отсутствие единых стандартов затрудняет интеграцию различных решений и создает барьеры для разработчиков и конечных потребителей. Требуется разработка стандартов, охватывающих все процессы, начиная от сбора данных, до их хранения и использования.

Необходимо отметить, что ФСИН России, как и другие силовые ведомства, уделяет пристальное внимание вопросам информационной безопасности. Применительно к ФСИН России, поведенческая биометрия может найти своё место в самых разнообразных сценариях. Например,

при доступе к конфиденциальным базам данных, электронному документообороту, системам видеонаблюдения или в процессе идентификации лиц, имеющих право посещения учреждений уголовно исполнительной системы. Более того, поведенческая биометрия способна значительно повысить эффективность контроля и надзора. Система, выявляя отклонения от типичного поведенческого профиля может автоматически подавать тревожные сигналы, позволяя оперативно реагировать на потенциальные угрозы.

Таким образом, правовые коллизии, связанные с применением поведенческой биометрической аутентификации и технические сложности требуют комплексного подхода на пути своего решения. Необходимо не только актуализировать существующее законодательство, но и разрабатывать новые правовые акты, учитывающие специфику данного вида аутентификации. Только всестороннее регулирование, охватывающее вопросы согласия, конфиденциальности, безопасности, ответственности и технических стандартов, позволит в полной мере реализовать потенциал поведенческой биометрии, обеспечивая при этом надежную защиту прав и интересов граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.12.2017 № 482-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС "Консультант Плюс".
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных" (ред. от 29 июля 2017 г.) // СПС "Консультант Плюс".
3. ГОСТ Р 54412-2019 (ISO/IEC TR 24741:2018) Информационные технологии. Биометрия. Общие положения и примеры применения // СПС "Консультант Плюс".
4. ГОСТ ISO/IEC 2382-37-2016 Информационные технологии. Словарь. Часть 37. Биометрия // СПС "Консультант Плюс".
5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-1-2007 "Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и прото-колы испытаний в биометрии. Часть 1. Принципы и структура" // СПС "Консультант Плюс".
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-2-2008 "Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и прото-колы испытаний в биометрии. Часть 2. Методы проведения технологического и сценарного испытаний" // СПС "Консультант Плюс".
7. Довгаль В.А. Довгаль Д.В. Анализ перспективных методов поведенческой биометрии для аутентификации пользователя // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. № 3 (206). С. 139 - 142. EDN: ZWKVCJ
8. Камалова Г.Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность // Информационное право. 2016. № 3. С. 8 - 12. EDN: WTQNDV
9. Кривогин М.С. Правовой режим биометрических персональных данных // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 10 (40). С. 126 - 129. EDN: UKKWLL
10. Овод И.В., Александров А.А., Ивашев П.А. Биометрические данные, индивидуализирующие личность гражданина // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 1. С. 82 - 84. EDN: XKOVEH
11. Платонова Н.И. Современный подход к пониманию персональных данных // Право в современном государстве. 2017. № 5. С. 9- 16. EDN: YLSRPK
12. Уймин А.Г, Белоусов А.В. Поведенческая биометрическая аутентификация и ее применимость в системах с комплексной дискретно-непрерывной передачей данных // Системы управления, связи и безопасности. 2025. № 4. С. 1-26. DOI: 10.24412/2410-9916-2025-4-001-026 EDN: WAOURY
13. Николаев Д.Е., Кручинина Е.В. Нападение и защита от атак в биометрии. URL: https://www.aktivsb.ru/statii/napadenie_i_zashchita_ot_atak _v_biometrii.html.

References

1. Federal Law of 31.12.2017 № 482-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»" // SPS «Consultant Plus».
2. Federal Law of 27.07.2006 № 152-FZ «On Personal Data» (as amended on July 29, 2017) // SPS «Consultant Plus».
3. GOST R 54412-2019 (ISO/IEC TR 24741:2018) Information technology. Biometrics. General provisions and examples of application // SPS «Consultant Plus».
4. GOST ISO/IEC 2382-37-2016 Information Technologies. Dictionary. Part 37. Biometrics // SPS «Consultant Plus».
5. GOST R ISO/IEC 19795-1-2007 «Automatic identification. Biometric identification. Performance tests and test protocols in biometrics. Part 1. Principles and structure» // SPS «Consultant Plus».
6. GOST R ISO/IEC 19795-2-2008 «Automatic identification. Biometric identification. Performance tests and test protocols in biometrics. Part 2. Methods of technological and scenario tests» // SPS «Consultant Plus».
7. Dovgal V.A. Dovgal D.V. Analysis of promising methods of behavioral biometrics for user authentication // Quarterly peer-reviewed, refereed scientific journal «Bulletin of ASU». 2017. № 3 (206). Pp. 139 – 142.
8. Kamalova G.G. Biometric personal data: definition and essence // Information law. 2016. №. 3. pp. 8 – 12.
9. Krivogin M.S. The legal regime of biometric personal data // Problems of modern science and education. 2015. №. 10 (40). pp. 126 – 129.
10. Ovod I.V., Alexandrov A.A., Ivashev P.A. Biometric data that individualize the personality of a citizen // Sustainable development of science and education. 2017. №. 1. pp. 82 – 84.
11. Platonova N.I. Modern approach to understanding personal data // Law in the modern state. 2017. №. 5. pp. 9 – 16.
12. Uimin A.G., Belousov A.V. Behavioral biometric authentication and its applicability in systems with complex discrete-continuous data transmission // Control, communication and security systems. 2025. №. 4. pp. 1 – 26.
13. Nikolaev D.E. Kruchinina E.V. Attack and attack protection in biometrics. URL: https://www.aktivsb.ru/statii/napadenie_i_zashchita_ot_atak _v_biometrii.html.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_280

УДК 340.1

АКВАКУЛЬТУРНОЕ ПРАВО КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА
AQUACULTURAL LAW AS A NEW LEGAL INSTITUTION IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

ШАЛЯПИН Григорий Павлович,
канд. юр. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дмитровского рыбохозяйственного технологического института (филиала) Астраханского государственного технического университета,
141821, Россия, Московская область, Дмитровский г.о., п. Рыбное, 36,
E-mail: griha71@mail.ru

SHALYAPIN G.P.,
PhD in Law, Associate professor, Department of humanities and socioeconomic disciplines, Dmitrov fisheries technological institute (branch) of Astrakhan state technical university,
141821, Russia, Moscow Region, Dmitrov u.d., v. Rybnoye, 36,
E-mail: griha71@mail.ru

Краткая аннотация: *В постсоветской России повышенное внимание уделяется созданию системы нормативно-правовых актов, регулирующих аквакультуру. Совокупность правовых норм, регламентирующих отношения в данной сфере производства, относящегося одновременно к сельскому и рыбному хозяйствам, позволяет говорить о сформированном новом институте права в нашей стране – аквакультурном праве. Этот элемент правовой базы определяет юридические основы деятельности по культивированию водных организмов в естественной и искусственно созданной среде обитания, внедрению новых технологических процессов, защиты прав и интересов физических и юридических лиц в рыбоводстве, а также иных аспектов управления данной сферой экономики. В статье приводятся результаты оценки источников права в области аквакультуры, приводятся аргументы о междисциплинарности обозначенной подотрасли права и её месте в российской правовой системе.*

Abstract: *In post-Soviet Russia, increased attention has been paid to the development of a system of legal regulations governing aquaculture. The body of legal norms governing relations in this area of production, which encompasses both agriculture and fisheries, allows us to speak of the emergence of a new legal institution in our country – aquaculture law. This element of the legal framework defines the legal foundations for cultivating aquatic organisms in natural and artificial habitats, the implementation of new technological processes, the protection of the rights and interests of individuals and legal entities in fish farming, and other aspects of managing this economic sector. The article presents the results of an assessment of sources of law in the field of aquaculture, and provides arguments about the interdisciplinary nature of the designated sub-branch of law and its place in the Russian legal system.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, аквакультурное право, институт права, гидробионты, рыбоводство, концепция, закон, правоотношения.*

Key words: *Russian Federation, aquaculture law, legal institution, hydrobionts, fish farming, concept, law, legal relations.*

Для цитирования: *Шаляпин Г.П. Аквакультурное право как новый правовой институт в системе российского права // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 280-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_280.*

For citation*: Shalyapin G.P. Aquaculture Law as a New Legal Institution in the System of Russian Law // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 280-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_280.*

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций аквакультура (далее также – рыбоводство) признана наиболее растущим сегментом производства пищевой продукции в мире по сравнению с иными направлениями сельского и рыбного хозяйств [1]. Помимо указанной роли этот вид деятельности обеспечивает значительную долю непищевого производства (корма, пробиотики, медицинские и ветеринарные препараты, кожевенные, косметические, ювелирные товары и прочее), а также оказание различных видов услуг населению (в рамках декоративного, биомелиоративного, ларвицидного и других направлений рыбоводства). Немаловажным является экологическая миссия аквакультуры по сохранению водных биоресурсов, обеспечению их устойчивых запасов в Мировом океане и поддержанию биоразнообразия видов.

В некоторых странах к рыбоводной деятельности относятся такие мероприятия, как берегоукрепление, обустройство прибрежных береговых зон, сохранение и восстановление мангровых и иных литоральных лесов, ландшафтное проектирование побережных зон, создание искусственных водных объектов, проведение дноуглубительных и прочих видов работ на водоемах и прибрежных территориях, направленных, в том числе на сохранение и рациональное использование гидробионтов и среды их обитания.

Функционирование организаций культурно-просветительских и научных организаций, таких как океанариумы, дельфинарии, аквариумальные и полюдариумные комплексы; ферм по выращиванию рептилий и земноводных также во многих странах признаны аквакультурой. Можно долго перечислять и другие виды рыбоводства, в том числе ещё не признанные в нашей стране таковыми на уровне закона, но по мнению авторов комментария к Закону об аквакультуре (А.В. Габов, О.А. Беляева и др.) требующих внимания правовой науки и российского законодателя [2]. Вместе с тем в условиях всевозрастающей роли аквакультуры, как составляющей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, в обеспечении

[1] ФАО. 2018. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2018 – Достижение целей устойчивого развития. Рим. https://www.fishnet.ru/upload2/File/ФАО.pdf.
[2] Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»/ под ред. А.В. Габова. – М.: ИЗиСП, 2014. - 240 с.

продовольственной безопасности нашей страны усиливается потребность в её нормативно-правовом регулировании. Данный факт обуславливает целесообразность дальнейшей модернизации норм права, регламентирующих общественные отношения в рыбоводстве, ориентированные на обеспечение публичного и частного интереса одновременно.

В постсоветский период благодаря повышенному вниманию российского правительства к вопросу развития аквакультуры была сформирована комплексная система правовых актов в обозначенной сфере. А поскольку исследователи государственно-правовых явлений (А.И. Балашов, Г.П. Рудаков, М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина [1] и проч.) под понятием «правовая система» подразумевают внутреннюю конструкцию права, выражающуюся в единстве и согласованности его элементов (отраслей, подотраслей, институтов), то пришло время задаться вопросом: какое же место занимает в системе российского права «рыбоводное» законодательство.

Для ответа на него стоит решить задачи по выявлению конкретных источников права в области аквакультуры (с учетом разнообразия общественных отношений в этой сфере), а также определению функций упомянутой структурной единицы правовой системы и степени её междисциплинарности. Таким образом мы отчасти пройдем тот путь научного познания, что совершили ученые в историко-правовом контексте при оценке критериев классификации норм права относительно таких отраслей и подотраслей, как «горное право» (И.В. Изюмов, В.И. Карасев и др. [2] и проч.), «торговое право» (М.М. Агарков, Л.В. Андреева, Г.Ф. Шершеневич [3] и проч.), «транспортное право» (В.К. Андреев, Н.А. Духно, А.И. Землин и др.; [4]), «строительное право» (Е.С. Болтанова, Н.Б. Щербаков и др. [5] и проч.) и некоторых иных (А.В. Карасс, Л.З. Газизуллина, Т.В. Кашанина, А.И. Маркеев, Н.Н. Ковалева и др.; П.В. Крашенинников [6] и проч.).

Начнем с того, что многие положения Конституции Российской Федерации имеют непосредственное отношение к регулированию рыбоводства (ст. 8, 9, 30 и др.), так как оно является экономической деятельностью, связано с использованием земельных и иных природных ресурсов, осуществляется под покровительством профессиональных союзов. Базовым законодательным актом, регулирующим рыбоводство в России, служит Федеральный закон от 02.07.2013 № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - *Закон об аквакультуре*). В значительной мере (например, в части искусственного воспроизводства и акклиматизации водных биоресурсов) рыбоводство подпадает под действие Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». Вместе с тем складывающиеся в ходе осуществления аквакультуры правоотношения регламентируются гражданским, земельным, водным, лесным и иным законодательством Российской Федерации. Так, Земельный кодекс Российской Федерации определяет условия использования земельных участков при осуществлении разных видов рыбоводства, а Лесной кодекс Российской Федерации – лесных участков для этих же целей (далее – *ЗК РФ* и *ЛК РФ* соответственно). На основании ст. 78 *ЗК РФ* земли сельскохозяйственного назначения используются для ведения сельскохозяйственного производства, включая аквакультуру, а согласно ст. 38 *ЛК РФ* на лесных участках, предоставленных для ведения сельского хозяйства, допускается размещение некапитальных строений и сооружений, необходимых для осуществления рыбоводства (навесов, изгородей и других объектов инфраструктуры и т.д.).

Ввиду специфики указанной деятельности, связанной с использованием водных ресурсов, являющихся средой обитания для культивируемых гидробионтов, на аквакультуру распространяются требования Водного кодекса Российской Федерации (далее – *ВК РФ*), в том числе в части определения порядка предоставления водных объектов в пользование рыбоводным хозяйствам (ст. 11, 38, 65 *ВК РФ*). Допуск таких хозяйств к артезианским источникам водоснабжения осуществляется на основании Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах».

Поскольку товарное рыбоводство на основании ст. 11 и 12 *Закона об аквакультуре* относится к сельскохозяйственному производству, то эту сферу экономики регулируют федеральные законы от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель», от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» и иные «аграрные» законы. В определенной степени на аквакультуру распространяют свое действие федеральные законы от 14.07.2022 № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в случае применения органических удобрений в прудовом рыбоводстве), от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части ведения органической аквакультуры), от 11.06.2021 № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» (в части рыбоводной продукции с повышенными требованиями к его качеству) и прочие.

Марикультура регулируется федеральными законами от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», от 17.12.1998 № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации», от

---

[1] Балашов А.И., Рудаков Г.П. Правоведение: Учебник для вузов. 7-е изд., доп. и перераб. Стандарт третьего поколения. - СПб.: Питер, 2021. - 544 с.; Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права России: учебное пособие: в 2 т., Т. 2. Право. - М.: Проспект, 2019. - 448 с.

[2] Горное право: Учебник / И.В. Изюмов, В.И. Карасев, М.И. Клеандров, И.Р. Салиев (и др.); отв. ред. И.А. Ларочкина, Р.Н. Салиева. - М.: ПравоТЭК, 2010. - 504 с.

[3] Агарков М.М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие в 3 кн. Книга 1: учебник для вузов / М.М. Агарков, составитель В.А. Белов. - М.: Юрайт, 2026. - 337 с.; Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право. Учебник. М.: Изд-во «КноРУС», - 2017. - 324 с.; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права / Соч. Г.Ф. Шершеневича. Ч. 1/24. – Казань: тип. Имп. Ун-та, 1892. - 411 с.

[4] Андреев В.К. Транспортное право: учебное пособие / под науч. ред. Самойлова М.В. Калинин: КГУ, 1977. - 84 с.; Транспортное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. - М.: Юрид. институт МИИТа, 2017. - 259 с.

[5] Болтанова Е.С., Романова О.А., Бандорин Л.Е. Градостроительное право: учебник. М.: Проспект, 2021. - 283 с.; Проблемы строительного права: сборник статей / Строительный клуб [и др.], отв. редактор Н.Б. Щербаков. - М.: Статут, 2022. - 558 с.

[6] Карасс А.В. Советское промышленное право: (обзор и материалы) / А.В. Карасс. - Л.; М.: Государственное изд-во (Госиздат), 1925. - 161 с.; Газизуллина Л.З., Хисамутдинова Э.Н. Корпоративное право: учебно-методич. пособие. - Казань: КФУ, 2023. - 61 с.; Инновационное право: учебник / А.И. Маркеев, В.А. Свиридов, Н.М. Тюкавин, Р.З. Юсупов /отв. ред. А.В. Юдин. - Самара: СГУ. - 2020. - 308 с.; Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н.Н. Ковалевой. - М.: Юрайт, - 2025. - 353 с.; Крашенинников П.В. Собрание сочинений. Т. 4. Жилищное право: в 10 т. / П.В. Крашенинников. - М.: Статут, 2019. - 430 с.

30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации», которые, в том числе определяют правила размещения в море искусственных рыбоводных установок и сооружений: садков, рифов, коллекторов и т.д. (далее – законы «о морской деятельности»). На озере Байкал и в его экологических зонах рыбоводство подпадает под действие Федерального закона от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (запрещающий содержание и разведение не эндемичных гидробионтов в этом водоеме).

Учитывая природоресурсную и экологическую направленность рыбоводства, её зависимость от состояния окружающей среды и непосредственное влияние на экологию, деятельность рыбоводных хозяйств регулируется предписаниями федеральных законов от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Статья 13 *Закона об аквакультуре* предусматривает особенности племенного животноводства, ветеринарии и карантина растений в области рыбоводства, которые исходят из норм федеральных законов от 03.08.1995 № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» (в отношении племенных рыб и их гибридов), от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений» (в части подкарантинной растительной продукции) и Закона Российской Федерации от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (в части сохранения здоровья водных животных).

В силу ст. 6 *Закона об аквакультуре* особенности создания и эксплуатации зданий, строений и сооружений для целей рыбоводства определяются в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации (ч. 2), а особенности создания, эксплуатации и использования установок, сооружений, искусственных островов для нужд аквакультуры в морских водах устанавливаются законами «о морской деятельности» (ч. 3 ст. 6).

Объекты аквакультуры, готовая продукция, рыбоводные участки и рыбоводная инфраструктура являются объектами гражданских прав в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - *ГК РФ)*. Договорные обязательства и иные отношения, связанные с оборотом объектов аквакультуры и рыбоводных участков, тоже регулируются гражданским законодательством. То есть вещные и обязательственные права в сфере аквакультуры определяет и регламентирует *ГК РФ*, а хозяйственные и административные споры, возникающие при ведении рыбоводства, разрешаются на основании Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В соответствующей части деятельность рыбоводных хозяйств регулируется Бюджетным кодексом Российской Федерации, Налоговым кодексом Российской Федерации, Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации содержат правила регистрации и эксплуатации судов в аквакультуре. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» упорядочивает деятельность иностранных инвесторов в российском рыбоводстве. Все рыбоводные хозяйства вне зависимости от их организационно-правовой формы обязаны соблюдать федеральные законы от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (при создании и реорганизации рыбоводного хозяйства) и от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» (при наличии и использовании указанных в нём сооружений).

Государственный контроль (надзор) в аквакультуре осуществляется на основании федеральных законов от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и других, а ответственность за правонарушения (преступления) при ведении аквакультуры наступает согласно санкциям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, администрации некоторых субъектов Российской Федерации приняли свои законы, регулирующие рыбоводство, дополняющие федеральные законы с учетом региональной специфики этой деятельности. К таковым относятся: Закон Краснодарского края от 06.12.2017 № 3705-КЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) на территории Краснодарского края»; Закон Калининградской области от 06.11.2014 № 352 «О рыболовстве, аквакультуре (рыбоводстве) и сохранении водных биологических ресурсов в Калининградской области» и другие.

Помимо национального законодательства аквакультура регулируется международными актами и договорами, признанными Российской Федерацией. Большинство межправительственных соглашений о сотрудничестве в рыбном хозяйстве, заключенных Россией с другими странами, содержат положения о взаимодействии в аквакультуре. Для примера можно привести Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в области рыбного хозяйства (1999 г.), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о сотрудничестве в области рыбного хозяйства и аквакультуры (2018 г.), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ангола о сотрудничестве в области рыбного хозяйства и аквакультуры (2019 г.) и многие другие. В качестве многосторонних международных договоров и актов, регулирующих рыбоводство, стоит привести следующие: *Конвенцию ООН по морскому праву* (1982 г.), регулирующую использование морских пространств, в том числе для нужд марикультуры; *Кодекс ведения ответственного рыболовства* ФАО (1995 г.), содержащий рекомендации по ответственному ведению рыболовства и аквакультуры, а также охране водных экосистем и недопущению негативного воздействия на окружающую среду; иные *соглашения по защите морских экосистем* (Конвенция о защите морской среды Балтийского моря, 1992 г.; Конвенция о защите Средиземного моря, 1976 г. и др.), устанавливающих экологические требования к аквакультуре в зонах своего влияния; *Кодекс Алиментариус* (1963 г.), определяющий помимо прочего стан-

дарты качества и безопасности продукции аквакультуры.

Отечественная аквакультура регулируется актами «мягкого права», такими как Модельный рыбохозяйственный кодекс СНГ 2011 г., модельные законы СНГ «Об аквакультуре» 2004 г., «О сохранении осетровых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них» 2004 г., «О сохранении лососевых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них» 2006 г., которые содержат рекомендации для стран-членов этого Союза и учитываются в национальном нормотворчестве. Существуют и акты ЕАЭС в области аквакультуры обязательные для применения российскими предпринимателями, имеющие примат в правоприменительной практике её стран-участников. К ним относятся Единые ветеринарные (ветеринарно-санитарные) требования, предъявляемые к объектам, подлежащим ветеринарному контролю (надзору), утвержденные Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 13.02.2018 № 27, устанавливающие требования к прудовому рыбоводству для обеспечения ветеринарно-санитарного благополучия объектов аквакультуры.

Все вышеперечисленные и иные, не указанные здесь, законодательные и подзаконные акты в совокупности составляют единую правовую базу, регулирующую отношения в рыбоводстве на условиях комплементарности (взаимодополнения) правовых предписаний. Такие отношения касаются не только обеспечения надлежащих условий содержания объектов аквакультуры, но и многих других аспектов (производственного контроля, государственного надзора, экспорта рыбоводной продукции, трудовых и корпоративных отношений и т.д.).

Продекларированные в ст. 3 *Закона об аквакультуре* принципы правового регулирования отношений в рыбоводстве и анализ основных источников права подтверждает наличие всех необходимых для отрасли и подотрасли права функций права (регулятивная, охранительная, экономическая, идеологическая, политическая). Дополнительно можно указать на социальную и экологическую функцию аквакультурного права, что не выбивается, по нашему мнению, из общего контекста определения её правовых функций. В частности, Т.Н. Радько, В.В. Лазарев и Л.А. Морозова в своих работах приводят достаточно веские аргументы тому, что не только правовым отраслям, но и институтам права «присущи частные, сугубо специфические функции» [1].

Несмотря на наличие широкого спектра юридического воздействия на общественные отношения изучаемый нами компонент российской правовой системы все же является междисциплинарным правовым институтом (подотраслью) в составе иных признанных авторитетными правоведами (М.И. Козырев, Ю.Н. Андреев, С.А. Боголюбов, И.Б. Калинин и др. [2]) отраслей права, таких как аграрное, природоресурсное и экологическое право. Теоретические основы развития аквакультурного права были заложены в концепции проекта федерального закона «Об аквакультуре», предложенного ещё до издания базового закона в этой сфере [3]. Многое рекомендации этого документа уже воплотились в жизнь, но требуют ревизии и дальнейшего развития с учетом текущих реалий. Следовательно, по итогам изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время можно уверенно говорить о сформировавшемся в России аквакультурном праве – правовом институте (или подотрасли права), представляющем собой систему взаимосвязанных правовых норм в части материального и процессуального права, регулирующих общественные отношения, связанные с осуществлением аквакультуры (рыбоводства). Подтверждением тому является заимствование в рамках данного института норм различных отраслей права, регулирующих отношения в сфере аквакультуры; комплементарность таких норм; его взаимодействие с иными отраслями права при наличии собственных правовых предписаний.

2. Аквакультурное право сочетает в себе частно - и публично-правовые методы, свойственные различным отраслям права, но более всего оно относится к аграрному, природоресурсному и экологическому отраслям права в виде комплексной подотрасли, характеризующейся особой спецификой правового регулирования. Последнее утверждение должно сподвигнуть отечественного законодателя на конструирование и издание «своих» норм права, регулирующих отношения в сфере рыбоводства (например, для создания договорных конструкций по предоставлению рыбоводных участков в пользование, отличных от таковых в ГК РФ). Это потребует совершенствования концепции развития указанного института права.

Список литературы:

1. Агарков М.М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие в 3 кн. Книга 1: учебник для вузов / М.М. Агарков, составитель В.А. Белов. - М.: Юрайт, 2026. - 337 с.
2. Аграрное право России. Учебник / Ю.Н. Андреев, М.М. Бринчук, Г.Л. Землякова, Рук. авт. кол. и отв. ред. М.М. Козырь. Ин-т государства и права РАН. М.: Норма-Инфра, 2010. - 608 с. ISBN: 978-5-91768-091-0 EDN: QRQGSL
3. Андреев В.К. Транспортное право: учебное пособие / под науч. ред. Самойлова М.В. Калинин: КГУ, 1977. - 84 с.
4. Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право. Учебник. М.: Изд-во "КноРУС", - 2017. - 324 с.
5. Балашов А.И., Рудаков Г.П. Правоведение: Учебник для вузов. 7-е изд., доп. и перераб. Стандарт третьего поколения. - СПб.: Питер, 2021. - 544 с.
6. Болтанова Е.С., Романова О.А., Бандорин Л.Е. Градостроительное право: учебник. М.: Проспект, 2021. - 283 с.
7. Газизуллина Л.З., Хисамутдинова Э.Н. Корпоративное право: учебно-методич. пособие. - Казань: КФУ, 2023. - 61 с.
8. Горное право: Учебник / И.В. Изюмов, В.И. Карасев, М.И. Клеандров, И.Р. Салиев (и др.); отв. ред. И.А. Ларочкина, Р.Н. Салиева. - М.: ПравоТЭК, 2010. - 504 с.
9. Инновационное право: учебник / А.И. Маркеев, В.А. Свиридов, Н.М. Тюкавин, Р.З. Юсупов /отв. ред. А.В. Юдин. - Самара: СГУ. - 2020. - 308 с.
10. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н.Н. Ковалевой. - М.: Юрайт, - 2025. - 353 с.
11. Калинин И.Б. Природоресурсное право. Томск: ТГУ, 2009. - 350 с.
12. Карасс А.В. Советское промышленное право: (обзор и материалы) / А.В. Карасс. - Л.; М.: Государственное изд-во (Госиздат), 1925. - 161 с.
13. Крашенинников П.В. Собрание сочинений. Т. 4. Жилищное право: в 10 т. / П.В. Крашенинников. - М.: Статут, 2019. - 430 с.
14. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права России: учебное пособие: в 2 т., Т. 2. Право. - М.: Проспект, 2019. - 448 с.
15. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2026. - 568 с.

[1] Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2026. - 568 с.
[2] Аграрное право России. Учебник / Ю.Н. Андреев, М.М. Бринчук, Г.Л. Землякова, Рук. авт. кол. и отв. ред. М.М. Козырь. Ин-т государства и права РАН. М.: Норма-Инфра, 2010. - 608 с.; Экологическое право: учебник для вузов / под ред. С.А. Боголюбова. - 8-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2025. - 318 с.; Калинин И.Б. Природоресурсное право. Томск: ТГУ, 2009. - 350 с.
[3] Шаляпин Г.П. О концепции проекта федерального закона «Об аквакультуре» / Успехи современного естествознания. - 2011. - № 4. - С. 166-176.

16. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону "Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"/ под ред. А.В. Габова. - М.: ИЗиСП, 2014. - 240 с.
17. Проблемы строительного права: сборник статей / Строительный клуб [и др.], отв. ред. Н.Б. Щербаков. - М.: Статут, 2022. - 558 с.
18. Транспортное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. - М.: Юрид. институт МИИТа, 2017. - 259 с.
19. ФАО. 2018. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2018 - Достижение целей устойчивого развития. Рим. https://www.fishnet.ru/upload2/File/ФАО.pdf.
20. Шаляпин Г.П. О концепции проекта федерального закона "Об аквакультуре" / Успехи современного естествознания. - 2011. - № 4. - С. 166-176. EDN: NRXCMR
21. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права / Соч. Г.Ф. Шершеневича. Ч. 1/24. - Казань: тип. Имп. Ун-та, 1892. - 411с.
22. Экологическое право: учебник для вузов / под ред. С.А. Боголюбова. - 8-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2025. - 318 с.

References:

1. Agarkov M.M. Grazhdanskoe i torgovoe pravo: istochniki, kategorii, instituty, konstrukcii. Pedagogicheskoe nasledie v 3 kn. Kniga 1: uchebnik dlya vuzov / M.M. Agarkov, sostavitel' V.A. Belov. - M.: Yurajt, 2026. – 337 s.
2. Agrarnoe pravo Rossii. Uchebnik / Yu.N. Andreev, M.M. Brinchuk, G.L. Zemlyakova, Ruk. avt. kol. i otv. red. M.M. Kozyr'. In-t gosudarstva i prava RAN. M.: Norma-Infra, 2010. – 608 s.
3. Andreev V.K. Transportnoe pravo: ucheb. posobie / pod nauch. red. Samojlova M.V. Kalinin: KGU, 1977. – 84 s.
4. Andreeva L.V. Kommercheskoe (torgovoe) pravo. Uchebnik. M.: Izd-vo «KnoRUS», - 2017. – 324 s.
5. Balashov A.I., Rudakov G.P. Pravovedenie: Uchebnik dlya vuzov. 7-e izd., dop. i pererab. Standart tret'ego pokoleniya. - SPb.: Piter, 2021. – 544 s.
6. Boltanova E.S., Romanova O.A., Bandorin L.E. Gradostroitel'noe pravo: uchebnik. M.: Prospekt, 2021. – 283 s.
7. Gazizullina L.Z., Hisamutdinova Eh.N. Korporativnoe pravo: uchebno-metodich. posobie. - Kazan': KFU, 2023. – 61 s.
8. Gornoe pravo: Uchebnik / I.V. Izyumov, V.I. Karasev, M.I. Kleandrov, I.R. Saliev (i dr.); otv. red. I.A. Larochkina, R.N. Salieva. - M.: PravoTEHK, 2010. – 504 s.
9. Innovacionnoe pravo: uchebnik / A.I. Markeev, V.A. Sviridov, N.M. Tyukavin, R.Z. Yusupov/otv. red. A.V. Yudin. - Samara: SGU. - 2020. – 308 s.
10. Informacionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. N.N. Kovalevoj. - M.: Yurajt, - 2025. – 353 s.
11. Kalinin I.B. Prirodoresursnoe pravo. Tomsk: TGU, 2009. – 350 s.
12. Karass A.V. Sovetskoe promyshlennoe pravo: (obzor i materialy) / A.V. Karass. - L.; M.: Gosudarstvennoe izd-vo (Gosizdat), 1925. – 161 s.
13. Krasheninnikov P.V. Sobranie sochinenij. T. 4. Zhilishchnoe pravo: v 10 t. / P.V. Krasheninnikov. - M.: Statut, 2019. – 430 s.
14. Marchenko M.N., Deryabina E.M. Teoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnoe posobie: v 2 t., T. 2. Pravo. - M.: Prospekt, 2019. – 448 s.
15. Rad'ko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. - M.: Prospekt, 2026. – 568 s.
16. Postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob akvakul'ture (rybovodstve) i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii»/ pod red. A.V. Gabova. - M.: IZiSP, 2014. – 240 s.
17. Problemy stroitel'nogo prava: sbornik statej / Stroitel'nyj klub [i dr.], otv. red. N.B. Shcherbakov. - M.: Statut, 2022. – 558 s.
18. Transportnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / otv. red. N.A. Duhno, A.I. Zemlin. - M.: Yurid. institut MIITa, 2017. – 259 s.
19. FAO. 2018. Sostoyanie mirovogo rybolovstva i akvakul'tury 2018 – Dostizhenie celej ustojchivogo razvitiya. Rim. https://www.fishnet.ru/upload2/ File/FAO.pdf.
20. Shalyapin G.P. O koncepcii proekta federal'nogo zakona «Ob akvakul'ture» / Uspehi sovremennogo estestvoznaniya. - 2011. - № 4. - S. 166-176.
21. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava / Soch. G.F. Shershenevicha. Ch. 1/24. - Kazan': tip. Imp. Un-ta, 1892. – 411s.
22. Ehkologicheskoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. S.A. Bogolyubova.- 8-e izd., pererab. i dop. - M.: Yurajt, 2025. – 318 s.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_285

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ
ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF IDENTIFYING CONFLICTS OF INTEREST IN THE FEDERAL CIVIL SERVICE

СМИРНОВ Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова,
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 36.
E-mail: smsv@inbox.ru

SMIRNOV Sergey Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Transport Law,
Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov,
196210, Russia, Saint Petersburg, Pilotov Street, 36.
E-mail: smsv@inbox.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются административно-правовые аспекты выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе в современной России. Раскрывается генезис данной правовая категории. Анализируется актуальные вопросы в данной сфере общественных отношений.*

Abstract. *This article examines the administrative and legal aspects of identifying conflicts of interest in the federal civil service in modern Russia. The origins of this legal category are explored and current issues in this area of public relations are analyzed.*

Ключевые слова: *право; государственная гражданская службаслужба; конфликт интересов; современная Россия; субъекты конфликта интересов; общественные отношения.*

Keywords: *law; federal civil service; conflict of interest; modern Russia; parties to conflicts of interest; public relations.*

Для цитирования: *Смирнов С.В. Административно-правовые аспекты выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 285-288. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_285.*

For citation*: Smirnov S.V. Administrative and legal aspects of identifying conflicts of interest in the civil service // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 285-288. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_285.*

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

По мнению автора статьи, правовое регулирование порядка выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе является важнейшим элементом борьбы с коррупцией, необходимым условием нормального функционирования служебных взаимоотношений.Порядок выявления конфликта интересов состоит из трех ключевых элементов. Эти элементы получили нормативное закрепление в ст. 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1].

Первым элементом является предотвращение, которое представляет собой систему установленных законом ограничений, запретов[2] и иных мероприятий, направленных на недопущение появления конфликта интересов[3]. Для предотвращения такого конфликта федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» возлагает на должностное лицо обязательство предпринимать необходимые меры, используя предоставленные полномочия, чтобы исключить любые предпосылки для возникновения конфликта интересов[4]. Система противодействия конфликтам интересов в сфере государственной службы строится на комплексе антикоррупционных мер ограничительного характера. В качестве основных инструментов используются нормативные запреты, включающие в себя ограничения на получение вознаграждений любого вида, запреты на осуществление коммерческой деятельности, а также требования по отчуждению финансовых активов и ценных бумаг. Эффективность данных мер напрямую зависит от организации действенного контроля за имущественным положением государственных служащих. Такой мониторинг позволяет не только своевременно выявлять потенциальные нарушения, но и служит важным превентивным механизмом, создающим дополнительные барьеры для злоупотреблений.

Не менее значимым элементом системы урегулирования конфликтов интересов выступает процедура их своевременного выявления. Данный механизм предполагает целенаправленный сбор и всесторонний анализ информации о возможной личной заинтересованности государственных служащих. Ключевую роль в этом процессе играет институт декларирования, обязывающий сотрудников государственного аппарата регулярно предоставлять достоверные сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Такая система финансовой прозрачности создает необходимые условия для превентивного выявления потенциальных конфликтных ситуаций и принятия своевременных

[1]Федеральный закон от 25.12.2008 №273 – ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025) «О противодействии коррупции» // СПС Гарант; Степаненко Д. Предотвращение, выявление и урегулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе // Информационное ежемесячник «Верное решение» №9. 2019
[2] Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 9(290). – С. 2-11. – EDN UYRRRN.
[3] Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 5(75). – С. 174-185. – EDN HAXZAM.
[4] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

мер по их нейтрализации. Здесь следует упомянуть ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая обязывает гражданского служащего не просто предоставить сведения «о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», но и указать аналогичные показатели в отношении своего супруги (супруга) и несовершеннолетних детей[1].

Кроме упомянутого федерального закона, существует значительный объем подзаконных нормативных документов, регулирующих конкретные аспекты рассматриваемого вопроса. В качестве примера следует упомянуть Постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2013 г. № 207 «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности»[2], которое определяет различные способы выявления потенциального конфликта интересов, включая проведение беседы с лицом, претендующим на должность либо уже занимающим её, изучение представленной информации о доходах, имуществе и финансовых обязательствах, а также получение соответствующих разъяснений по поданным документам и материалам[3]. Анализ постановления показывает, что уже на стадии участия в конкурсе на занятие свободной должности государственный служащий должен внимательно изучить все требования законодательства, касающиеся данной позиции, во избежание возможных ситуаций конфликта интересов[4].

Действующее законодательство закрепляет комплексный подход к разрешению конфликтов интересов на государственной службе, основанный на последовательном взаимодействии нескольких взаимосвязанных элементов. Основополагающей обязанностью гражданского служащего становится незамедлительное информирование руководства о возникновении ситуаций, содержащих признаки конфликта интересов. Эта первоначальная стадия создает необходимые условия для своевременного реагирования и предупреждения возможных нарушений[5].

Третьим элементом является процесс урегулирования, который предполагает применение различных способов нейтрализации конфликтной ситуации, включая ограничение участия заинтересованного лица в принятии соответствующих решений, возможное изменение его служебного статуса или добровольный отказ от выгод, породивших конфликтную ситуацию. Особое место в этом механизме занимает практика отвода или самоотвода сотрудника при возникновении спорных обстоятельств. Завершающая фаза процесса сосредоточена на реализации профилактических мер, направленных на недопущение подобных ситуаций в будущем. Данный подход находит свое отражение в разрабатываемых государственными органами методических рекомендациях и служебных инструкциях, детально регламентирующих порядок действий при возникновении конфликтов интересов.

Приведенный выше порядок выявления и устранения конфликта интересов не является универсальным и определяется особенностями конкретной ситуации. Так, например, сам гражданский служащий имеет право подать заявление о самоотводе или добровольно отказаться от личной выгоды, предприняв таким образом действия, исключающие возникновение конфликта интересов.

Предупреждение и разрешение конфликта интересов служит важным инструментом противодействия коррупции и способствует эффективной работе государственных служащих. Однако предложенная система обладает определенными пробелами, нуждающимися в дальнейшем совершенствовании[6].

1.Недостаточная детализация правил: законы и подзаконные акты недостаточно детально регламентируют критерии оценки риска возникновения конфликта интересов. Отсутствие ясных критериев усложняет идентификацию потенциально опасных ситуаций и делает процедуру оповещения необъективной.

2. Ограниченность механизмов контроля: практика свидетельствует о недостаточной эффективности ведомственных комиссий по вопросам конфликта интересов. Члены комиссий не обладают достаточными полномочиями для всестороннего расследования обстоятельств дела и вынесения объективных рекомендаций. Нередко члены комиссий оказываются зависимыми от руководства ведомства, что снижает доверие к результатам их деятельности.

3.Несовершенство системы отчетности: отчетность о доходе, расходах и имущественном положении гражданского служащего является обязательной процедурой. Однако установленные формы отчетов недостаточно удобны и понятны для заполнения. Часто сотрудники сталкиваются с трудностями при подаче достоверной информации о финансовом состоянии своей семьи, что создает почву для ошибок и манипуляций.

4.Информационная закрытость: недостаточное распространение информации о реальных ситуациях конфликта интересов приводит к отсутствию наглядных примеров для молодых специалистов. Практические рекомендации по предупреждению нарушений отсутствуют, а сама процедура уведомления воспринимается многими сотрудниками как формальность.

---

[1]Федеральный закон от 25.12.2008 №273 – ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025) «О противодействии коррупции» // СПС Гарант

[2]Постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2013 г. № 207 (в ред. от16.03.2026) «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности»//СПС Гарант

[3] Сумкин Ю.Г. Проблемы выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации // Журнал «Научный лидер» выпуск №16 (217). Апрель 2025

[4]Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России// Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019. С. 12-15; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Банковская тайна и банкротство: спорные моменты открытия информации//Банковское право.2007, № 2. С. 29-32;Кайнов В.И. Институт президентства: конституционно-правовой статус: монография. Санкт-Петербург, 1999. 230 С.; Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект// История государства и права. 2007, № 9. С.4-5

[5] Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.

[6]Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях //Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107;Кайнов В.И., Капустин А.А. Гражданское процессуальное право: учебник. Санкт-Петербург, 2015. 205 С.; Кайнов В.И., Прохорова О.В., Ильичев В.В. и др. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005, № 4 (28-2). С.227-228

Ключевая проблема существующей системы регулирования конфликтов интересов заключается в излишней формализации применяемых подходов. Государственные органы зачастую механически применяют типовые регламенты, не учитывая ведомственную специфику и индивидуальные обстоятельства каждого случая. Действующие нормативные акты ограничиваются общими предписаниями, не раскрывая алгоритмов действий для конкретных участников процедуры урегулирования, включая комиссии по конфликтам интересов[1].

Это приводит к неоправданному уравниванию различных по своей природе нарушений. Так, формально одинаковые санкции могут быть применены как к сотруднику, допустившему техническую ошибку при декларировании доходов, так и к тому, кто сознательно использовал служебное положение в корыстных целях. Подобная практика нивелирует принцип справедливости наказания, не позволяя учесть ни тяжесть проступка, ни степень злоупотребления служебными полномочиями.

Сложившаяся ситуация требует пересмотра системы дисциплинарной ответственности. Необходима детальная дифференциация мер воздействия с четкой градацией в зависимости от характера в конкретном конфликте интересов.

Важным аспектом совершенствования антикоррупционной работы является повышение информационной открытости в сфере выявления и разрешения конфликтов интересов. Существующие нормы о защите персональных данных создают правовую основу для публикации обобщенных сведений о подобных случаях без раскрытия конфиденциальной информации.

Такая аналитика могла бы стать ценным учебно-методическим ресурсом для государственных служащих, особенно для вновь принятых сотрудников. Нередко начинающие специалисты, не имея достаточного опыта, не осознают потенциальных правовых последствий своих действий. Изучение типовых ситуаций позволило бы сформировать четкое понимание границ допустимого поведения и развить антикоррупционную культуру в госорганах[2].

Автор статьи констатирует, что конфликты в системе государственной службы представляют собой сложное социальное явление, обусловленное как общими закономерностями общественного развития, так и спецификой управленческой деятельности. Они возникают на различных уровнях – от межличностных противоречий до институциональных коллизий – и могут проявляться в форме ролевых конфликтов, столкновения интересов или ценностного диссонанса.

Природа конфликтов интересов в государственном управлении носит дуалистический характер, сочетая в себе как объективные предпосылки, так и субъективные составляющие. Важно отметить, что объективные условия создают потенциальную возможность для возникновения конфликтной ситуации, однако ее реализация неизбежно связана с действием человеческого фактора, что и придает конфликту субъективно-объективную природу.

Действующее законодательство устанавливает четкий механизм выявления и урегулирования конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе. Основная ответственность возлагается на самого служащего, который обязан письменно уведомлять представителя нанимателя о возникновении личной заинтересованности. В свою очередь, работодатель должен принимать меры по предотвращению или разрешению таких ситуаций, включая возможное временное отстранение сотрудника от должности. Ключевую роль в этом процессе играют специальные комиссии, создаваемые в государственных органах. Они рассматривают вопросы соблюдения служебной этики и конфликтов интересов, анализируя различные ситуации – от предоставления недостоверных сведений до возможных злоупотреблений после увольнения со службы.

Таким образов, в завершении рассмотрения заявленной проблематики автор статьи делает вывод о том, что несмотря на наличие развитой правовой базы, практика выявления и урегулирования конфликта интересов нуждается в доработке. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего внесение изменений в действующее законодательство, повышение квалификации работников и усиление общественного контроля над процессом. Только благодаря систематической работе можно создать эффективную систему защиты публичных интересов от угроз частного влияния[3].

Список литературы

1. Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотреблением правом в Российской правовой системе: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2015. 210 С.
2. Глущенко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право: краткий курс. Санкт-Петербург, 2010. 135 С.
3. Гурьева О.А., Трясицина К.А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт // Новая парадигма социально - гуманитарного знания: Сб. науч. тр. по матер. Междунар. Науч. - практ. конф.: В 6 ч. / Под. общ. ред. Е.П. Ткачевой. М., 2018. С. 121. EDN: YLUYFN
4. Деханова, Н. Г. Социология государственной службы: учебник для вузов / Н. Г. Деханова - 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025 - 124 с.
5. Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №6. С. 6. EDN: MTWIQR
6. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. - 888 с. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
7. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект// История государства и пра-ва. 2007, № 9. С.4-5. EDN: JXDONH
8. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Банковская тайна и банкротство: спорные моменты открытия информации//Банковское право.2007, № 2. С. 29-32. EDN: KWHVGN
9. Кайнов В.И., Капустин А.А. Гражданское процессуальное право: учебник. Санкт-Петербург, 2015. 205 С.

[1]Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации//В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С.39-48; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход)//Правовое поле современной экономики. 2015. № 1.С.157-165; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного в России//Мир юридической науки. 2013. №12. С.4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. Санкт-Петербург, 2011. 216 С.

[2]Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №6. С. 6; Деханова, Н. Г. Социология государственной службы: учебник для вузов / Н. Г. Деханова — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025 — 124 с.; Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебное пособие. М.: Издательство «Альфа – Пресс», 2008. С. 35 – 36; Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотреблением правом в Российской правовой системе: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2015. 210 С.

[3]Федеральный закон от 27 июля 2004 №79 – ФЗ (в ред. от 8 марта 2026) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»//СПС Гарант; Гурьева О.А., Трясицина К.А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт // Новая парадигма социально – гуманитарного знания: Сб. науч. тр. по матер. Междунар. Науч. – практ. конф.: В 6 ч. / Под. общ. ред. Е.П. Ткачевой. М., 2018. С. 121

10. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход)//Правовое поле современной экономи-ки. 2015. № 1.С.157-165. EDN: LXTJBB
11. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного в России//Мир юридической науки. 2013. №12. С.4-13. EDN: RWFGXL
12. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных госу-дарственных услуг//Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107
13. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об администра-тивных правонарушениях //Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110. EDN: YWCJTN
14. Кайнов В.И., Прохорова О.В., Ильичев В.В. и др. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005, № 4 (28-2). С.227-228. EDN: NHCJCH
15. Кайнов, В. И. Конституционное право: Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. - Белгород: ООО "Эпицентр", 2026. - 284 с. ISBN: 978-5-605-57024-0 EDN: JAWRNO
16. Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Рос-сийской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. - 2022. - № 5(75). - С. 174-185. EDN: HAXZAM
17. Сумкин Ю.Г. Проблемы выявления конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации // Журнал "Научный лидер" выпуск №16 (217). Апрель 2025. EDN: SDVHMP
18. Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Рос-сийской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2021. - № 9(290). - С. 2-11. EDN: UYRRRN

References

1. Bayramov Sh.B., Kainov V.I., Shakhbazov R.A. Abuse of Law in the Russian Legal System: a Study Guide. Saint Petersburg, 2015. 210 P.
2. Glushchenko P.P., Zhilsky N.N., Kainov V.I., Kurtyak I.V. Administrative Law: a Short Course. Saint Petersburg, 2010. 135 P.
3. Guryeva O.A., Tryasitsina K.A. Conflict of interests in public service as a social conflict // New paradigm of social and humanitarian knowledge: Collection of scientific tr. on mater. International Scientific. - practical conference: At 6 o'clock / Under the general editorship of E.P. Tkacheva. Moscow, 2018. p. 121. EDN: YLUYFN
4. Dekhanova, N. G. Sociology of Public Service: a textbook for universities / N. G. Dekhanova – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025 – 124 p.
5. Dolinskaya V. V. The Concept of Corporate Conflicts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. No. 6. P. 6. EDN: MTWIQR
6. Military Law / A. V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [et al.]. Volume II. – Moscow: Limited Liability Company “Center for Legal Communications”, 2021. – 888 p. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
7. Kainov V. I. The Prosecutor’s Office of the Russian Federation in the System of Separation of Powers: a Theoretical and Legal Aspect // History of State and Law. 2007, No. 9. Pp. 4–5. EDN: JXDONH
8. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Banking secrecy and bankruptcy: controversial issues regarding the disclosure of information //Banking Law. 2007, No. 2. Pp. 29–32. EDN: KWHVGN
9. Kainov V.I., Kapustin A.A. Civil Procedure Law: a textbook. Saint Petersburg, 2015. 205 p.
10. Kainov V.I., Kapustin A.A. The International Aspect of Administrative Justice (a Systems Approach) // The Legal Field of the Modern Economy. 2015. No. 1. Pp. 157–165. EDN: LXTJBB
11. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some Methodological Problems of Modern Russia // The World of Legal Science. 2013. No. 12. Pp. 4–13. EDN: RWFGXL
12. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.V. Issues of Optimizing the Administrative and Legal Regulation of the Provision of Electronic State Services //The World of Politics and Sociology. 2019. No. 7. Pp. 97–107
13. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.V. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 7. Pp. 104–110. EDN: YWCJTN
14. Kainov V.I., Prokhorova O.V., Ilyichev V.V., et al. Reforming the civil service in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005, No. 4 (28-2). Pp. 227–228. EDN: NHCJCH
15. Kainov, V. I. Constitutional Law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. - Belgorod: LLC “Epicenter”, 2026. – 284 p. ISBN: 978-5-605-57024-0 EDN: JAWRNO
16. Nazarova, I. S. Organizational basis for the prevention of corruption-related offenses in the troops of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Military Law. - 2022. - No. 5(75). - Pp. 174-185. EDN: HAXZAM
17. Sumkin Yu.G. Problems of Identifying Conflict of Interest in the State Civil Service in the Russian Federation // Journal “Nauchny Lider”, issue No. 16 (217). April 2025. EDN: SDVHMP
18. Faiskhanov, R. R. Prohibitions, restrictions, and obligations imposed on military personnel and employees of the National Guard troops of the Russian Federation in connection with the performance of military service and service in the National Guard troops / R. R. Faiskhanov, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. — 2021. — No. 9(290). — Pp. 2–11. EDN: UYRRRN

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_289

УДК 343.85:159.9

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЁННЫМИ, ИМЕЮЩИМИ НАРКОТИЧЕСКУЮ ЗАВИСИМОСТЬ
EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS WITH DRUG ADDICTION

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru

ГУСЕВ Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru

MOISEEV Nikolai Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya Street, 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru

GUSEV Anton Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia,
600020, Russia, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 67E.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается воспитательная работа с осуждёнными, имеющими наркотическую зависимость в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. На основе анализа психолого-педагогических барьеров и действующих правовых механизмов обосновывается ограниченная эффективность традиционных просветительских и эмоционально-ориентированных методов. Предлагается концепция когнитивно-реабилитационного воспитания, базирующаяся на нейропедагогике и направленная на восстановление исполнительных функций мозга.*

Abstract. *The article discusses educational work with convicts with drug addiction in correctional institutions of the penal system. Based on the analysis of psychological and pedagogical barriers and existing legal mechanisms, the limited effectiveness of traditional educational and emotionally oriented methods is substantiated. The concept of cognitive rehabilitation education based on neuropedagogy and aimed at restoring executive functions of the brain is proposed.*

Ключевые слова: *наркотическая зависимость, аддиктивное поведение осужденных, реабилитация, ресоциализация, пенитенциарная педагогика, психологическая коррекция, воспитательная работа, исправление осужденных.*

Keywords: *drug addiction, addictive behavior of convicts, rehabilitation, re-socialization, penitentiary pedagogy, psychological correction, educational work, correction of convicts.*

Для цитирования: *Моисеев Н.Д., Гусев А.С. Воспитательная работа с осуждёнными, имеющими наркотическую зависимость // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 289-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_289.*

For citation*: Moiseev N.D., Gusev A.S. Educational work with convicts, having drug addiction // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 289-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_289.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Наркотическая зависимость осуждённых представляет собой одну из наиболее сложных проблем, стоящих перед воспитательным аппаратом уголовно-исполнительной системы (Далее УИС). Значительная часть данной категории осужденных имеет сформированную физическую и психическую зависимость, что закреплено в медицинской документации и учтено при назначении обязательного лечения [1,2].

Воспитательная работа, в качестве результата, ставит перед собой задачу исправления, интерпретируемого как формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития [2]. Однако применительно к наркозависимым осуждённым эта задача часто блокируется специфическими личностными и нейробиологическими деформациями. Эмоциональные призывы к совести, лекции о вреде наркотиков и, вероятно, угроза ужесточения режима нередко разбиваются о патологическую структуру аддиктивного мышления. Возникает потребность в переосмыслении самого понятия воспитательного воздействия и его инструментария.

Понимание причин низкой эффективности традиционных воспитательных мер требует обращения к структуре личности осуждённого, страдающего наркотической зависимостью. Центральным барьером выступает анозогнозия – непризнание себя больным, стремление минимизировать последствия употребления или объяснить их внешними обстоятельствами. Подобная защитная реакция исключает подлинную мотивацию к участию в реабилитационных и воспитательных мероприятиях. Осуждённый формально посещает занятия, но не допускает мысль о том, что нуждается в коррекции.

Кроме анозогнозии, для данной категории характерны: 1. эмоционально-волевая неустойчивость: высокая импульсивность, неспособ-

ность к отсроченному вознаграждению. Осуждённый не удерживает в сознании долгосрочные последствия своих поступков, поэтому беседы о будущей правопослушной жизни без специальной подготовки теряют смысл; 2. искажение ценностно-смысловой сферы: доминирование гедонистической установки и элементов тюремной субкультуры, в которой наркотическое средство может быть средством статусного потребления или способом снятия напряжения в условиях изоляции; 3. манипулятивное поведение: осужденный легко демонстрирует внешнее согласие и «положительную динамику» ради условно-досрочного освобождения или иных поощрений, сохраняя внутреннюю готовность к рецидиву.

С правовой точки зрения работа с этой категорией базируется на УИК РФ [3], а также на положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года [4]. Федеральный закон № 313-ФЗ предоставил судам право возлагать обязанность пройти курс лечения и реабилитации [5]. В некоторых исправительных учреждениях УИС могут функционировать отряды с особыми условиями содержания, где предпринимаются попытки соединить медицинскую помощь с воспитанием. Однако, на практике происходит механическое объединение лекционных курсов («О вреде наркотиков»), трудотерапии и мероприятий культурно-массового характера, что редко приводит к системному изменению личности.

Педагогическая проблема заключается в том, что воспитатели адресуют воздействие к высшим нравственным структурам (совесть, ответственность), в то время как нейробиологический субстрат этих структур у наркозависимых серьёзно ослаблен или отсутствует совсем. Хроническая интоксикация приводит к дисфункции префронтальной коры головного мозга, отвечающей за контроль импульсов, планирование и прогнозирование. Таким образом, осуждённый может на когнитивном уровне понимать вред наркотиков, но физиологически не способен затормозить импульсивное влечение в критической ситуации. Отсюда следует, что воспитательная работа должна включать компонент когнитивной реабилитации, восстанавливающий нейропсихологическую базу для нравственного поведения.

Типовая модель воспитательной работы с наркозависимыми осуждёнными включает несколько устоявшихся направлений: 1. информационно-просветительское: циклы лекций и бесед о последствиях наркотизации, правовой ответственности и путях ресоциализации; 2. эмоционально-нравственное: просмотр документальных фильмов, встречи с бывшими наркозависимыми, прошедшими реабилитацию, обращение к религиозным ценностям; 3. трудовое воспитание: привлечение к оплачиваемому труду, формирование профессиональных навыков, участие в благоустройстве территории; 4. психокоррекционное: групповые тренинги и индивидуальные консультации, направленные на преодоление аддиктивных установок (в рамках компетенции психологической лаборатории).

Каждое из этих направлений имеет свою эффективность, однако при изолированном применении сталкивается с серьёзными ограничениями. Информационные лекции наталкиваются на защитное обесценивание («я это всё знаю, я не такой, как те, кто умер»). Эмоциональные методики, включая демонстрацию тяжёлых последствий, способны вызвать кратковременный положительный эффект, но не формируют автоматического навыка саморегуляции. Труд, как мощный воспитательный фактор, даёт отвлечение и дисциплинирует, однако без когнитивной переработки трудовой опыт остаётся внешним и не всегда трансформирует внутренние убеждения. Психокоррекционные группы, наиболее близкие к предлагаемой далее парадигме, в большинстве учреждений проводятся эпизодически и не интегрированы в единую воспитательную систему. В итоге может наблюдаться формальное «участие в мероприятиях» при сохранении глубинной аддиктивной зависимости.

Преодоление обозначенных ограничений требует смены педагогической парадигмы. Если традиционное воспитание обращается главным образом к содержанию сознания (знания, убеждения, чувства), то когнитивно-реабилитационное воспитание направлено на восстановление «инструментов» сознания – когнитивных функций, позволяющих этому содержанию реализоваться в поведении. Речь идёт о тренировке так называемых исполнительных функций: рабочей памяти, когнитивной гибкости и особенно тормозного контроля.

У наркозависимого нарушена связь между лобными долями (центр управления) и лимбической системой (центр влечений). Он способен усвоить информацию о вреде наркотиков, но в ситуации, когда старый знакомый из тюремного прошлого предлагает употребить наркотическое средство сразу после освобождения, импульс «здесь и сейчас» перекрывает любые лекционные воспоминания. Следовательно, воспитание должно создавать нейрокогнитивную базу, на которой нравственные решения становятся физически осуществимыми. Иными словами, надо научить мозг тормозить импульс и выбирать отсроченное вознаграждение подобно тому, как мышцы работают в спортзале.

Идея когнитивно-реабилитационного воспитания заключается в интеграции в педагогический процесс трёх модулей, каждый из которых воздействует на определённый компонент исполнительного функционирования. Эти модули реализуются в рамках существующей структуры воспитательной работы (отряд, начальник отряда, психолог, школа подготовки к освобождению), но наполняются новым содержанием. Принципиально важно, что все занятия строятся как тренинг, а не как лекция: осуждённый активен, получает немедленную обратную связь и видит измеримый прогресс.

Первый модуль нацелен на восстановление способности удерживать долгосрочные цели и выдерживать паузу между усилием и наградой. В его основе лежит механизм формирования новых нейронных связей в префронтальной коре через систематическое удлинение цикла «действие – подкрепление».

Второй модуль направлен непосредственно на укрепление тормозного контроля – способности сказать «нет» в ответ на аддиктивный стимул. Традиционное воспитание учит правильному ответу (осуждённый на словах знает, что надо отказаться), но не тренирует саму способность затормозить автоматическую реакцию. Модуль переносит воспитательный процесс из класса в динамику высокореалистичных провокационных ситуаций.

Третий модуль адресован функции планирования и когнитивной гибкости, а также реконструирует автобиографический нарратив – жизненную историю, в рамках которой осуждённый объясняет себе, кто он и почему действует так или иначе. Аддиктивная личность склонна к ригидному, фаталистическому восприятию биографии: «Я с детства такой, мне ничего не светит, один раз сорвался – и всё бесполезно». Тради-

ционная автобиография, которую пишут в отряде, часто превращается в формальную отписку или самооправдание.

Воспитательное воздействие здесь заключается в том, что осуждённый перестаёт быть пассивным объектом собственной судьбы и становится «автором-программистом» своей жизни. Следует подчеркнуть, что предлагаемая модель не отменяет традиционные направления работы, а встраивается в них как системообразующее ядро. Так, трудовая деятельность получает дополнительное осмысление через призму отсроченного вознаграждения, а нравственные беседы – через понятные физиологические механизмы самоконтроля.

Внедрение когнитивно-реабилитационного подхода возможно в рамках существующей штатной структуры, но требует повышения квалификации начальников отрядов и психологов. Программа обучения должна включать основы нейропедагогики, методику проведения тренингов и ведения когнитивных карт. Техническое оснащение минимально: фитнес-браслеты, планшеты с простым приложением для фиксации пульса, канцелярские принадлежности для картирования.

Ожидаемые результаты можно сформулировать на трёх уровнях.

1. Непосредственный педагогический эффект: осуждённые приобретают конкретный навык торможения аддиктивного импульса, осваивают техники планирования и самоорганизации.

2. Воспитательный эффект: одновременно с тренировкой функций происходит изменение Я-концепции – от «безнадёжно зависимого» к «человеку, способному управлять своим мозгом». Это убирает экзистенциальное оправдание рецидива и формирует позитивную идентичность.

3. Уголовно-исполнительный эффект: снижается уровень нарушений режима, повышается включённость в трудовую деятельность, а главное – существенно увеличивается вероятность устойчивой ремиссии в постпенитенциарный период, что напрямую влияет на снижение рецидивной преступности.

Воспитательная работа с осуждёнными, страдающими заболеванием наркоманией, не может замыкаться в рамках сугубо просветительской парадигмы, апеллирующей к уже дефицитарным структурам совести и воли. Переход к модели когнитивно-реабилитационного воспитания, ориентированной на тренировку исполнительных функций мозга, открывает новые возможности для реального исправления. Предложенные модули – система отсроченного вознаграждения, тренировка торможения и картирование жизненного пути – представляют собой педагогически организованные формы нейрокоррекции, позволяющие сформировать у наркозависимого осуждённого не просто знание о вреде наркотиков, а функциональную способность удерживаться от их употребления.

Данная концепция соответствует требованиям уголовно-исполнительного законодательства, делает воспитательный процесс измеримым и персонализированным, а также снижает риск формализма.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. - Москва: Эксмо, 2017. - 350 с. - ISBN 978-5-04-004029-2. - Ст. 72.1

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). Ст.ст. 18, 15 {КонсультантПлюс}

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) - Ст.ст. 9, 56, 109 – 110 {КонсультантПлюс}

4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. №1138-р (ред. от 27 мая 2023 г.) // {КонсультантПлюс}.

5. Федеральный закон от 25.11.2013 г. № 313-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. №313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - №48.- Ст. 6161.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation: Criminal Code: text with amendments and additions as of August 1, 2017: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996]. - Moscow: Eksmo, 2017. - 350 p. - ISBN 978-5-04-004029-2. Art. 72.1

2. The Penal Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, with amendments dated 17.12.2025) (with amendments and additions, intro. in force as of 20.01.2026). ¬ Articles 18, 15 {ConsultantPlus}

3. The Penal Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, with amendments as of 17.12.2025) (with amendments and additions, effective. in force from 20.01.2026) — Articles 9, 56, 109–110 {ConsultantPlus}

4. Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 [Electronic resource]: Order of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021, No. 1138-r (as amended on May 27, 2023) // {ConsultantPlus}.

5. Federal Law No. 313-FZ dated November 25, 2013, “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” Federal Law No. 313-FZ dated November 25, 2013, “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (with amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 48. – Art. 6161.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_292

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ТАЙНОГО ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА
ON CERTAIN METHODS OF SECRETLY THEFT OF ANOTHER'S PROPERTY

ВЛАСОВА Светлана Владимировна
Доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

VLASOVA Svetlana Vladimirovna
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, Candidate of Law, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

АВЕРИНА Екатерина Николаевна
Ассистент кафедры судебной и прокурорской деятельности Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: averina052@mail.ru

AVERINA Ekaterina Nikolaevna
Assistant Professor, Department of Judicial and Prosecutor's Activities, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.
E-mail: averina052@mail.ru

ВЛАСОВ Дмитрий Алексеевич
Помощник судьи Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук, Нижний Новгород, Россия, 603950, пр. Гагарина, д.17А, пом. П1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

VLASOV Dmitry Alekseevich
Assistant Judge of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction, PhD in Law, Nizhny Novgorod, Russia, 603950, Gagarin Ave., Building 17A, Room P1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

Краткая аннотация: *В рамках данной статьи авторами систематизируется правовая природа способов тайного хищения имущества. На примере конкретных примеров правоприменительной практики проведен анализ отдельных способов совершения тайного хищения имущества.*

Abstract: *In this article, the authors systematize the legal nature of methods of secretly theft of property. Using specific examples from law enforcement practice, they analyze individual methods of secretly theft of property.*

Ключевые слова: *тайное хищение, способы совершения преступления, кража.*
Keywords: *secret theft, methods of committing a crime, theft.*

Для цитирования: *Власова С.В., Аверина Е.Н., Власов Д.А. К вопросу о некоторых способах совершения тайного хищения // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 292-295. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_292.*
For citation*: Vlasova S.V., Averina E.N., Vlasov D.A. On the issue of some methods of committing secret theft // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 292-295. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_292.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В контексте эволюции уголовно-правовой доктрины вопрос о способах совершения кражи (ст. 158 УК РФ) приобретает особую значимость, поскольку их разнообразие иллюстрирует адаптацию преступного поведения к социально-экономическим реалиям, требуя от правоприменителя точной квалификации с учетом объективной стороны состава преступления.

Превалирующим способом остается классическая тайная кража без взлома, когда виновный незаметно изымает имущество из сумок, карманов или помещений, полагаясь на невнимательность потерпевшего.

Особое внимание привлекают кражи с использованием технических средств — от дублирования ключей до глушилок GSM-сигналов для отключения автосигнализаций.

Тайность как основной способ хищения эволюционировала от норм Судебников XV в., где поджог или лазание в избу карались как воровство. Как указывается в комментариях к УК РФ[1], способы включают: 1) хищение из кармана в толпе (карманная кража), 2) использование отмычек для вскрытия замков (тайное проникновение), 3) отвлечение внимания подменой (фокусничество), 4) удаленное хищение через дроны или магниты под авто, 5) цифровые аналоги – сканирование NFC для бесконтактных карт, хотя последние граничат со ст. 159 УК РФ. Согласно статистическим данным имеет место быть преобладание краж из квартир (70% по данным МВД 2025 г.)[2], где в качестве основного способа выступает подбор ключей или дубликаты. Анализ позволяет утверждать, что субъективная сторона кражи носит исключительно умышленный характер, предполагая прямой умысел как обязательное условие, поскольку виновный не только сознает противоправность изъятия чужого имущества, но и желает его совершения в тайной форме, предвидя возможность безнаказанного обогащения за счет ущерба собственнику, что подчеркивает повышенную общественную опасность такого посягательства.

При рассмотрении уголовных дел по существу судами устанавливается наличие в действиях субъекта преступления обязательных эле-

ментов объективной стороны состава тайного хищения, непосредственно определяющих квалификацию данного преступного деяния, а именно: совершение лицом, имевшим умысел на хищение чужого имущества, активных действий, связанных с непосредственным противоправным завладением принадлежащим потерпевшему имуществом[3].

В процессе написания указанной статьи использовались сведения, представленные мировыми судьями, районными (городскими) судами и судами субъектов РФ, а также изучались конкретные уголовные дела и принятые по ним решения, анализировалась апелляционная и кассационная практика. Изучение показало, что судьями в основном соблюдаются требования правовых норм, регламентирующих ответственность за вышеперечисленные уголовно наказуемые деяния, учитываются посвящённые вопросам рассмотрения уголовных дел анализируемой категории разъяснения, содержащиеся как в профильном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», так и связанные с применением норм материального и процессуального права разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в определениях от 26 октября 2017 года №2257-О, от 24 июня 2021 г. №1330-О, в постановлении от 12 января 2023 г. №2-П и других.

В ходе судебного разбирательства судьями в целом всесторонне, полно и объективно выясняются обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания. К назначению наказания судьи подходят дифференцированно, более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершённое преступление назначается только в том случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. В тех случаях, когда судьями всё же допускались ошибки, связанные в том числе с правовой оценкой содеянного, судами вышестоящих инстанций такие решения изменялись и отменялись.

С учётом сложившейся правоприменительной практики рассмотрения уголовных дел анализируемой категории представляется возможным сформулировать способы и сопутствующие обстоятельства совершения тайных хищений имущества:

- хищение происходит в присутствии собственника, иного владельца имущества либо посторонних лиц, но незаметно для них;

В качестве примера можно привести приговор, постановленный 15 марта 2023 года мировым судьёй судебного участка Старомайнского района Чердаклинского судебного района Ульяновской области в отношении Резепова Ф.И., который, как было установлено судом на основе достаточной совокупности допустимых и достоверных доказательств, находясь 10 января 2023 года в квартире 1 дома 8 по ул.Глубинная в с.Лесная поляна Старомайнского района Ульяновской области, воспользовавшись тем, что проживающая в этой же квартире Резепова Л.Б. отвлеклась и за его действиями не наблюдает, похитил из-под лежащей на диване подушки принадлежащий Резеповой Л.Б. кошелёк с денежными средствами. Указанные действия были квалифицированы судом по части 1 статьи 158 УК РФ как кража, то есть тайное хищение чужого имущества[4].

В другом случае Карсунский районный суд Ульяновской области в приговоре от 20 октября 2022 года, постановленном в особом порядке судопроизводства, оценив установленные в ходе предварительного расследования фактические обстоятельства инкриминируемого Батракову Н.С. деяния как подтверждающиеся совокупностью представленных доказательств, обоснованно констатировал, что Батраков Н.С., тайно и противоправно изъял из кармана сарафана, надетого на Наскиной Н.Б., принадлежащие последней денежные средства, воспользовавшись тем, что та, будучи занята своими делами, не обращала на осуждённого внимания, что, в свою очередь, позволило суду квалифицировать действия Батракова Н.С. по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ, как тайное хищение чужого имущества из одежды потерпевшего[5].

Ещё в одном случае, принимая решение о признании Арефьева А.А. виновным в совершении двух эпизодов преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 158 УК РФ, Засвияжский районный суд г.Ульяновска в постановленном 21 июня 2022 года приговоре исходил из предопределивших необходимость вышеуказанной правовой оценки установленных фактических обстоятельств содеянного осуждённым, выразившихся в хищениях наличных денежных средств из ящиков кассовых аппаратов после отвлечения внимания продавцов просьбами показать ему товар, находившийся на расположенной в другом конце торгового зала витрине, откуда невозможно было осуществлять наблюдение за кассой[6].

- хищение происходит в присутствии собственника, иного владельца имущества либо посторонних лиц, которые не обнаруживают своего присутствия;

Рассматриваемая ситуация, связанная с противоправным изъятием привлечённым к уголовной ответственности за тайное хищение лицом чужого имущества в присутствии лица, наделённого правомочиями по обеспечению сохранности этого имущества, имела место по уголовному делу в отношении Лавровой Н.В., находившемуся в производстве мирового судьи судебного участка №7 Заволжского судебного района г.Ульяновска и завершившемуся постановлением 9 марта 2021 года в отношении Лавровой Н.В. приговора в регламентированном главой 40 УПК РФ порядке, которым осуждённая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, частью 1 статьи 158 УК РФ[7].

Из содержащегося в приговоре описания преступного деяния, предъявление обвинения в совершении которого Лавровой Н.В. признано судом обоснованным и подтверждающимся собранными по делу доказательствами, следует, что осуждённая, находясь в торговом зале магазина «Магнит», полагая, что за её преступными действиями никто не наблюдает, похитила товарно-материальные ценности, с которыми попыталась скрыться, однако не смогла довести свой преступный умысел до конца, поскольку была задержана сотрудником магазина, наблюдавшим за Лавровой Н.В. в момент хищения.

Аналогичным образом по части 3 статьи 30, части 1 статьи 158 УК РФ были квалифицированы действия Обрезковой Т.А., попытка которой вынести без оплаты из магазина «Магнит» товарно-материальные ценности была пресечена сотрудником магазина, наблюдавшим за осуждённой в период пребывания её в торговом зале. Вступившим в законную силу постановлением мирового судьи судебного участка №2 Заволжского судебного района г.Ульяновска от 10 марта 2021 года, уголовное дело в отношении Обрезковой Т.А. было прекращено по основаниям, предусмот-

ренным статьей 25 УПК РФ[8].

- хищение происходит в присутствии собственника, иного владельца имущества либо посторонних лиц, однако они не могут воспринимать происходящее в силу нахождения в состоянии сна, алкогольного опьянения, психического расстройства, малолетства и т.п.;

Так, констатировав, что предъявленное Коноваловой М.В. органом предварительного расследования обвинение в совершении предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ преступления является обоснованным и подтверждающимся собранными на досудебной стадии производства доказательствами, мировой судья судебного участка №2 Чердаклинского судебного района Ульяновской области постановил 24 октября 2022 года в регламентированном главой 40 УПК РФ порядке в отношении Коноваловой М.В. приговор, квалифицировав по части 1 статьи 158 УК РФ как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, активные противоправные действия осуждённой, которая, находясь в квартире потерпевшего Шумихина Р.П. и воспользовавшись тем, что последний уснул, противоправно изъяла принадлежащий потерпевшему и хранившийся на столе в его квартире мобильный телефон[9].

- хищение происходит в присутствии собственника, иного владельца имущества либо посторонних лиц, при этом они не осознают преступного характера действий лица;

Так, вступившим в законную силу приговором Заволжского районного суда г.Ульяновска от 15 февраля 2022 года Щербинин А.Н. был осуждён по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ за тайное хищение чужого имущества с банковского счета. Основанием соответствующей юридической оценки содеянного послужили признанные доказанными судом фактические обстоятельства дела, согласно которым виновный, обнаружив, что к абонентскому номеру переданного ему родственником Прохорова А.А. для совершения звонка мобильного телефона подключена услуга «Мобильный банк», осуществил перевод денежных средств с банковского счёта Прохорова А.А. на свой счёт, после чего возвратил мобильный телефон[10].

В другом случае приговором мирового судьи судебного участка №7 Заволжского судебного района г.Ульяновска от 25 января 2022 года Калимуллин Э.К. был признан виновным в хищении от разгрузочной эстакады магазина «Светофор» принадлежащей ООО «Торгсервис 58» гидравлической тележки стоимостью 19 631 рубль. Вышеуказанные действия Калимуллина Э.К., квалифицированные судом по части 1 статьи 158 УК РФ, имели место, как было установлено в судебном заседании из показаний свидетеля Шипилова С.В. в присутствии последнего, полагавшего, что осуждённый является сотрудником магазина «Светофор»[11].

Постановлением Богородского городского суда Нижегородской области от 26 июля 2021 года, вступило в законную силу 06 августа 2021 года, прекращено в соответствии со статьей 76 УК РФ на основании статьи 25 УПК РФ за примирением сторон уголовное дело в отношении Щербакова А.Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ, при следующих обстоятельствах: В период времени с 22 часов 00 минут 23 апреля 2021 по 03 часов 30 минут 24 апреля 2021 Щербаков А.Г. находился в квартире Садовой Ю.Ф., расположенной по адресу: Нижегородская область, город Богородск, улица 3- й микрорайон, д. 15, кв. 62, где распивал спиртные напитки совместно с Садовой Ю.Ф., Зайтовой А.В., Селезеневой А.А., Грызловым А.Ю. После распития спиртного Щербаков А.Г., Зайтова А.В., Селезенева А.А., Грызлов А.Ю. вышли на улицу и находились около подъезда дома 15 по ул. 3-й микрорайон г. Богородска Нижегородской области, когда через окно кухни квартиры № 61, расположенной на первом этаже дома 15 по ул. 3-й микрорайон г. Богородска ранее незнакомая им Чмут А.Ю., находившаяся в квартире, попросила их помочь ей и ее несовершеннолетней дочери через окно выйти из квартиры, так как у нее и ее знакомого Жукова А.А., который проживал в данной квартире, произошел словесный конфликт.После того, как Чмут А.Ю. и ее несовершеннолетняя дочь через окно кухни квартиры № 61 д. 15 по ул. 3-й микрорайон г. Богородска вышли на улицу, Чмут А.Ю. попросила присутствовавших Щербакова А.Г., Зайтову АВ., Садову Ю.Ф., Селезеневу А.А., Грызлова А.Ю. помочь забрать из данной квартиры, принадлежащие ей вещи, а именно пакеты с предметами одежды и детскими игрушками. После этого в период времени с 22 часов 00 минут 23 апреля 2021 по 03 часов 00 минут 24 апреля 2021 Щербаков А.Г. с согласия Жукова А.А., находившегося в квартире, через входную дверь прошел в квартиру, 77 22 144 93 47 8 принадлежащую Шустовской А.В., расположенную по адресу: Нижегородская область, г. Богородск, ул. 3-й микрорайон, д. 15, кв. 61, а в дальнейшем и Грызлов А.Ю. с согласия Жукова А.А через окно кухни зашел в квартиру, где совместно стали распивать спиртные напитки и Жуков А.А. стал складывать вещи Чмут А.Ю. Щербаков А.Г., находясь в вышеуказанной квартире, под предлогом сбора вещей Чмут АЮ., прошел из кухни в комнату и, осмотревшись, увидел в комнате ноутбук марки «HP OMEN 17-an040ur», стоимостью 79424 рубля, принадлежащий Шустовскому А.Е., который решил похитить и отключил его от электропитания. Реализуя свой преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, действуя умышленно из корыстных побуждений, с целью личного обогащения, Щербаков АГ., находясь в состоянии алкогольного опьянения, воспользовавшись тем, что Жуков А.А. и Грызлов А.Ю. находятся на кухне и за его преступными действиями не наблюдают, пока Жуков А.А. в окно кухни передавал Чмут А.Ю. пакеты сее личными вещами, прошел в комнату, окно которой находилось в одном ряду с окном кухни, открыл окно и передал находившейся на улице Чмут А.Ю. ноутбук марки «HP OMEN 17-an040ur», стоимостью 79424 рубля, принадлежащий Шустовскому А.Е. Чмут АЮ., принимая от Щербакова АГ. ноутбук, не рассмотрев его и приняв его за пакет с принадлежащими ей вещами, передала ноутбук находившейся рядом Садовой Ю.Ф., которая отнесла его вместе с принадлежащими Чмут А.Ю. вещами к себе в квартиру, расположенную по адресу: Нижегородская область, г. Богородск, ул. 3-й микрорайон, д. 15, кв. 62. После этого Щербаков А.Г. вернулся из комнаты в кухню и через окно вместе с Грызловым А.Ю. покинул квартиру. Щербаков А.Г., продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, действуя умышленно из корыстных побуждений, заведомо зная, что похищенный им ноутбук, принадлежащий Шустовскому АЕ., находится в квартире Садовой Ю.Ф., расположенной по адресу: Нижегородская область, г. Богородск, ул. 3-й микрорайон, д. 15, кв.62, подошел к окну квартиры Садовой Ю.Ф., постучал в окно и попросил Садову Ю.Ф. отдать переданный им из квартиры Шустовского А.Е. ноутбук. Садова Ю.Ф., узнав из слов Чмут А.Ю., что ноутбук ей не принадлежит, не подозревая о преступных намерениях Щербакова А.Г. и полагая, что Щербаков А.Г.

намерен вернуть ноутбук владельцу, передала ему через окно своей квартиры ноутбук, после чего Щербаков А.Г. скрылся с места происшествия, тем самым тайно похитив ноутбук марки «HP OMEN 17-an040иг» стоимостью 79424 рубля, принадлежащий Шустовскому А.Е., причинив своими преступными действиями Шустовскому А.Е. значительный материальный ущерб [12].

- хищение происходит в присутствии посторонних лиц, однако виновный в силу каких-то причин (они являются его родственниками, близкими лицами) рассчитывает, что он не встретит противодействия в краже со стороны этих лиц;

Рассматриваемая ситуация, связанная с решением вопроса уголовно-правовой оценки содеянного в зависимости от способа хищения, в анализируемом периоде имела место по двум уголовным делам, находившимся в производстве Засвияжского районного суда г.Ульяновска – в отношении Татулашвили Г.Д. и Ширшикова Д.Н., а также в отношении Саранцева С.И.

Так, по итогам предварительного расследования действия Татулашвили Г.Д. и Ширшикова Д.Н. по одному из эпизодов инкриминируемой им противоправной деятельности, выразившиеся в хищении в присутствии ранее знакомого им лица из подъезда жилого дома принадлежащих потерпевшей Вражкиной Н.В. велосипедов, были квалифицированы по пункту «а» части 2 статьи 161 УК РФ как грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершённый группой лиц по предварительному сговору [13].

Однако, исходя из установленных в ходе судебного разбирательства на основе достаточной совокупности допустимых и достоверных доказательств фактических обстоятельств, в соответствии с которыми Татулашвили Г.Д. и Ширшиков Д.Н. находились в дружеских отношениях с присутствовавшим при совершении хищения велосипедов Костериным В.С. и, соответственно, не воспринимали его как лицо, могущее противодействовать противоправному изъятию ими чужого имущества либо сообщить о содеянном в правоохранительные органы, постанавливая 24 февраля 2021 года приговор Засвияжский районный суд г.Ульяновска, руководствуясь закреплённым в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» правилом, согласно которому если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознаёт противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества, квалифицировал действия Татулашвили Г.Д. и Ширшикова Д.Н. по этому эпизоду по пункту «а» части 2 статьи 158 УК РФ как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совершённую группой лиц по предварительному сговору.

Аналогичный подход к юридической оценке содеянного был продемонстрирован Засвияжским районным судом г.Ульяновска при постановлении 24 июня 2021 года приговора по уголовному делу в отношении Саранцева С.И., которому органом предварительного расследования инкриминировалось совершение предусмотренного частью 1 статьи 161 УК РФ преступления. Из установленных судом по результатам проверки и оценки доказательств в их совокупности фактических обстоятельств следовало, что Саранцев С.И. совершил хищение мобильного телефона, находившегося рядом с лежащим на полу в торговом зале Мирзоевым Д.О., полагая, что тот находится в бессознательном состоянии, а пришедший в сознание потерпевший, наблюдая момент противоправного изъятия телефона, этому не препятствовал и о том, что для него очевиден характер совершаемых действий, до сведения Саранцева С.И. не доводил. Таким образом, обоснованно констатировав, что потерпевший в силу своего состояния не имел реальной возможности ни контролировать сохранность находящегося при нём телефона, ни объективировать факт обнаружения хищения и воспрепятствовать ему, что охватывалось умыслом Саранцева С.И., суд квалифицировал действия последнего по части 1 статьи 158 УК РФ как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества[14].

В итоге, системный анализ способов тайного хищения имущества по ст. 158 УК РФ позволяет констатировать их эволюцию и специфику, требующую уточнения в разъяснениях Пленума ВС РФ.

Список литературы:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). 3-е изд., перераб. и доп. Юрайт-Издат, 2006.
2. Сводный отчет о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности за 2025 г.: сборник по Российской Федерации / ФКУ «ГИАЦ МВД России». Москва, 2025. Ф. 050. Кн. 700. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 27.04.2026).
3. Дутко О.В. Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 159 УК РФ // https://uiraion.ru/fingram/128314/ (дата обращения 13.04.2026).
4. Материалы уголовного дела №1-10/2023, архив судебного участка Старомайнского района Чердаклинского судебного района Ульяновской области, 2023 г.
5. Материалы уголовного дела №1-115/2022, архив Карсунского районного суда Ульяновской области, 2022 г.
6. Материалы уголовного дела № 1-275/2022, архив Засвияжского районного суда г.Ульяновска, 2022 г.
7. Материалы уголовного дела №1-4/2021, архив судебного участка №7 Заволжского судебного района г.Ульяновска, 2021 г.
8. Материалы уголовного дела №1-7/2021, архив судебного участка №7 Заволжского судебного района г.Ульяновска,2021 г.
9. Материалы уголовного дела №1-17/2022, архив судебного участка №2 Чердаклинского судебного района Ульяновской области,2022 г.
10. Материалы уголовного дела №1-73/2022, архив Заволжского районного суда г.Ульяновска, 2022 г.
11. Материалы уголовного дела №1-1/2022, архив судебного участка №7 Заволжского судебного района г.Ульяновска,2022 г.
12. Материалы уголовного дела №1-198/2021, архив Богородского городского суда Нижегородской области, 2021 г.
13. Материалы уголовного дела №1-475/2021, архив Засвияжского районного суда г.Ульяновска,2021 г.
14. Материалы уголовного дела №1-245/2021, архив Засвияжского районного суда г.Ульяновска,2021 г.

References:

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (ed. by A.A. Chekalin; ed. by V.T. Tomin, V.V. Sverchkov). – 3rd ed., rev. and add. – Yurayt-Izdat, 2006.
2. Summary report on the results of work to identify and solve economic crimes for 2025: collection for the Russian Federation / FKU “GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia”. Moscow, 2025. F. 050. Book 700. Access mode: by subscription (date of access: 04/27/2026).
3. Dutko O.V. Differentiation of the elements of crimes provided for in Articles 158, 159 of the Criminal Code of the Russian Federation // https://uiraion.ru/fingram/128314 / (accessed 04/13/2026).
4. Materials of the criminal case No.1-10/2023, archive of the judicial district of the Staromainsky district of the Cherdaklinsky judicial district of the Ulyanovsk region, 2023
5. Materials of criminal case No. 1-115/2022, archive of the Karsunsky District Court of the Ulyanovsk Region, 2022.
6. Materials of criminal case No. 1-275/2022, archive of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2022.
7. Materials of criminal case No. 1-4/2021, archive of the judicial district No. 7 of the Zavolzhsky judicial district of Ulyanovsk, 2021.
8. Materials of criminal case No. 1-7/2021, archive of judicial precinct No. 7 of the Zavolzhsky judicial district of Ulyanovsk, 2021.
9. Materials of criminal case No. 1-17/2022, archive of judicial precinct No. 2 of the Cherdaklinsky judicial district of the Ulyanovsk region, 2022.
10. Materials of criminal case No. 1-73/2022, archive of the Zavolzhsky District Court of Ulyanovsk, 2022.
11. Materials of criminal case No. 1-1/2022, archive of judicial district No. 7 of the Zavolzhsky judicial district of Ulyanovsk, 2022.
12. Materials of criminal case No. 1-198/2021, archive of the Bogorodsky City Court of the Nizhny Novgorod Region, 2021.
13. Materials of criminal case No. 1-475/2021, archive of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2021.
14. Materials of criminal case No. 1-245/2021, archive of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2021.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_296

ПОРЯДОК ИСКЛЮЧЕНИЯ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
THE PROCEDURE FOR EXCLUDING INADMISSIBLE EVIDENCE AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE AND AT THE COURT STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

МАНОХИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института ВлГУ, кандидат юридических наук.
600005, Россия, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8
E-mail: i@vmanohin.ru;

MANOKHIN Vitaly Sergeevich,
Associate Professor at the Department of Financial Law and Customs Activities of the Law Institute of Vladimir State University, Candidate of Legal Sciences.
600005, Russia, Vladimir, Studencheskaya Street, building 8
E-mail: i@vmanohin.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу института недопустимости доказательств в уголовном процессе России через призму судебной практики. Автор систематизирует ключевые критерии признания доказательств недопустимыми, опираясь на постановления Пленума Верховного Суда РФ и конкретные кассационные решения. Рассматриваются такие основания, как нарушение конституционных прав, отсутствие защитника, процессуальные ошибки при оформлении следственных действий, сбор доказательств неуполномоченными лицами, использование полиграфа и получение электронных доказательств. Отдельное внимание уделяется проблеме классификации нарушений и предлагается авторский алгоритм оценки недопустимости из трёх этапов, направленный на повышение состязательности и эффективности судопроизводства.*

Abstract: *The article analyzes the institution of inadmissibility of evidence in Russian criminal procedure through the lens of judicial practice. The author systematizes key criteria for recognizing evidence as inadmissible, relying on rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and specific cassation decisions. Grounds such as violation of constitutional rights, absence of defense counsel, procedural errors in documenting investigative actions, collection of evidence by unauthorized persons, use of a polygraph, and obtaining electronic evidence are examined. Special attention is paid to the problem of classifying violations, and the author proposes an original three-stage algorithm for assessing inadmissibility, aimed at enhancing adversarial proceedings and the efficiency of justice.*

Ключевые слова: *недопустимость доказательств, судебная практика, допустимость, критерии, алгоритм оценки, УПК РФ, нарушение закона.*

Key words: *inadmissibility of evidence, judicial practice, admissibility, criteria, assessment algorithm, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, violation of law.*

Для цитирования: *Манохин В.С. Порядок исключения недопустимых доказательств в стадии предварительного расследования и в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 296-299. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_296.*

For citation*: Manokhin V.S. The procedure for excluding inadmissible evidence at the stage of preliminary investigation and at the judicial stages of criminal proceedings. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 296-299. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_296.*

Статья поступила в редакцию: 16.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Рассмотрение столь сложной категории как «недопустимость» невозможно без оценки актуальной практики признания таковым доказательства.

Стоит начать с анализа ключевого Постановления Пленума Верховного суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» [5]. В пункте 16 указано, что доказательства признаются полученные с нарушением закона, если при их сборе были нарушены конституционные гарантии, а также установленный уголовно-процессуальным порядок сбора и закрепление, либо это действие совершило лицо, которое не предусмотрено законом.

Можно условно определить следующие доказательства в качестве недопустимых:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого, которые он дал на стадии досудебного производства при условии отсутствии защитника, даже если присутствовал отказ от защитника, не подтвержденные в суде (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговор») [2].
2. Показания свидетелей и потерпевшего, в случае если они не могут указать на источник информации, а также он носит неустойчивый характер
3. Доказательства, которые входят в адвокатское делопроизводство, которые получены даже в установленном законом порядке.
4. Электронные доказательства, полученных из открытых источников без надлежащего процессуального оформления
5. Иные доказательства в соответствии с УПК РФ

Исключение доказательств в качестве допустимых происходит с учетом соблюдения конкретных критериев. Представленный перечень не является исчерпывающим, однако он представляет собой сбор из ключевых признаков, согласно которым возможно оценить доказательство в качестве недопустимого.

1. Признание доказательства (а точнее сведений) недопустимыми возможно, если нарушены права личности и установленный законом порядок. Например, при опросе лица, не являющегося гражданином РФ, не предоставлен переводчик, либо постановление о назначении экспертизы не было представлено участникам дела; в ходе процессуальных действий не соблюдено необходимое число понятых; видеофиксация производилась на неавторизованное и несертифицированное техническое устройство и т.д. Это наиболее очевидные примеры нарушения законодательного порядка. С точки

Можно привести пример из Обзора судебной практики [3] по признанию доказательств недопустимыми, в рамках которого рассматривалось решение суда с учетом вердикта присяжных заседателей. Были оправданы несколько лиц, обвиняющихся в преступлении, предусмотренном ст. 105 УК РФ. В ходе рассмотрения дела было выяснено, что на стадии предварительного следствия было совершено большое количество нарушений, в том числе при проведении опознания были подобраны не схожие по типажу люди, а существенно отличающиеся от обвиняемого (он был единственным лезгином). Показания несовершеннолетнего также были исключены в качестве недопустимых, так как его опрос производился без присутствия законного представителя.

2. Помимо неправильного оформления источника, возможно ошибка в оформлении доказательств, неправильном документировании. К примеру, в ч. 1 ст. 164 УПК РФ норма отсылает к случаям, в рамках которых необходимо оформление следственных действий, либо о признании предмета вещественным доказательством; в протоколе неверно указано место проведения; должностное лицо его не подписало, либо собственноручно внесло изменения, без уведомления других участников. Даже явка с повинной, с учетом разъяснения прав и обязанностей, была зафиксирована в отсутствие защитника [4] либо в его присутствии, но без его подписи. [5]

Ещё одним примером можно считать Постановление Кировского районного суда Санкт-Петербурга. Во время рассмотрения дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ, было признано недопустимым доказательством протокол осмотра вещественного доказательства и приобщения этого предмета. Данное процессуальное действие было совершенно в нарушении ст. 177 и 180 УПК РФ, т.е. они не были упакованы и опечатаны. В дальнейшем в протокол вносились изменения, а квитанция о передачи на хранение также была изменена. Ещё одним нарушением посчитали проведения действия в присутствии единственного понятого, которому не разъяснили права и обязанности. Также не совпадало время проведения действия.

3. Сбор доказательств осуществлялся лицом, которое не имело процессуальных прав на это. К примеру, следователь не имел отношения к уголовному делу, либо не был включен в состав следственной группы; не было предварительно выдано поручение, либо сбор доказательств мог осуществить адвокат, не являющийся защитником обвиняемого.

В определении Кассационного суда общей юрисдикции [6] рассматривался вопрос о признании недопустимым проведения экспертиза на основании постановления, которое было вынесено следователем, в производстве которого дело не находилось. В рамках дела была проведена судебная физико-химическая экспертиза, однако было выяснено, что следователь, поручивший проведение, не был связан с делом и не имел поручение на совершение данного действия. Согласно ст. ст. 38, 195 УПК РФ, заключение эксперта должно быть получено в соответствии с требованиями закона, в том числе назначено следователем, в производстве которого находится дело, однако это не было совершенно. В результате приговор не был отменен, однако уменьшение объема доказательств привело к смягчению приговора.

4. Последним является совершение действий по сбору доказательств, которые не предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. В случае оформления признательных показаний, необходимо оформления протокола допроса, однако следователь может назвать документ «чистосердечным признанием», что в целом отсутствует в УПК РФ как вид доказательства. Возможно совершение выемки предмета в произвольной форме с оформление протокола «получения предмета» или «выдачи», что также является нарушением закона.

Сюда также относятся исследования, проводимые с применением полиграфа. Так, в Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2020 N 77-132/2020 [7] суд исключил психофизиологическую экспертизу, так как она содержала в себе оценку показаний обвиняемого, что в свою очередь является грубым нарушением уголовно-процессуального закона. Как указал суд, исключительно он имеет право оценивать доказательства, а не привлекаемый специалист и данное действие не имеет законодательного закрепления. В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2021 по делу № 77-375/2021 был более подробно раскрыт подход к полиграфу. Он применялся для проверки показаний потерпевших и был приложен к материалам дела, однако полученное заключение не отвечает законодательным стандартом. Суд признал его недопустимом по той же причине, что и в рамках предыдущего спора, т.е. доказательство оценивало достоверность других доказательств, что нарушает уголовно-процессуальный порядок рассмотрения дела, так как это исключительная прерогатива суда. Также, само по себе заключение по результатам психофизиологической экспертизы нельзя рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, исходя из буквального толкования УПК РФ (здесь была ссылка на то, что выводы данного исследования не являются научно обоснованными и носят вероятностный характер).

Помимо указанных группы признаков, можно ещё также условно добавить факультативный – следование правовым позициям Конституционного суда РФ в части толкования норм уголовно-процессуального права. Примером может служить подход, согласно которому лицо должно быть защищено исходя из своего фактического положения в рамках дела, а не только при условии наличия протокола о привлечении в качестве подозреваемого или обвиняемого. Это можно подтвердить протоколом о проведении следственных действий в отношении лица, который не является подозреваемым. Например, к материалам дела прикладываются документы, полученные до возбуждения дела в отношении подозреваемого. В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 N 77-2299/2021 [8] оцениваются показания, которые были даны в ходе опроса до возбуждения дела и одновременно пояснения по данному действию с точки зрения следователя. Суд дал оценку данным дока-

зательствам и признал их недопустимыми со ссылкой как на отсутствие защитника, так и о невозможности признать доказательство, полученное следователем, тем более после опроса возможного подозреваемого.

Отдельно стоит поговорить о получении электронного доказательства. Например, получении сведений из электронной почты, либо из мессенджеров подозреваемого. В случае оценки данных доказательств с точки зрения допустимости они подпадают сразу под несколько критериев (источник не соответствует законодательству, нарушение конституционных прав, сложное оформление следственного действия). Так, в Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2020 № 77-67/2020 [9] рассматривался сложный вопрос об оценке показаний свидетелей и информации, полученной из электронной почты подозреваемой. Во-первых, были свидетели, которые описали содержимое электронной почты, так как им было дано устное согласие на ознакомление с ней. Во-вторых, материалы электронной почты, в том числе отправляемые письма были приложены к материалам дела (обосновывалось это тем, что подозреваемая до этого самостоятельно подтвердила возможность совершить данное действие). В рамках кассации суд указал, что подозреваемая дала лишь устное согласие, которое не подтверждается ни одним документом в материалах дела, а также лица, которые произвели выемку не являются лицами, осуществляющими ОРД. Даже самое право на тайну переписки не было ограничено по решению суда, поэтому приговор был отменен. Цифровые технологии требуют повышенного акцента с точки зрения сбора доказательств, так как они не могут игнорировать правила, установленные при сборе классических доказательств. В том числе, если это касается конституционно-правового статуса.

Ещё одним интересным примером, служил определение Шестого кассационный суд общей юрисдикции [9], которые отменил приговор по причине того, что были зачитаны показания свидетелей и потерпевших, не явившихся в суд. Однако ходатайство об исключении доказательств в качестве недопустимого было проигнорировано, а также не предоставлена возможность проведения очной ставки. Это грубое нарушение привело к отмене приговора, так как действия по ознакомлению с результатами опроса не соответствует законодательному регламенту, а также проигнорировано требования стороны защиты.

В. С. Балакшина [10] условно разделяет два вида оснований для признания доказательств недопустимыми: во-первых, это безусловно-презюмируемые, т.е. когда строгий регламент получения доказательств был существенно нарушен и очевидно данное нарушение; во-вторых, условно оценочные, т.е. которые невозможно с точностью признать, как собранные с нарушением и зависящие от усмотрения суда либо органа предварительного следствия.

Попытка классифицировать доказательства, полученные с нарушением закона, исходит из подхода об относительности недопустимости. Она срабатывает не автоматически, хотя и является одним из ключевых условий оценки судьей предоставленных сведений. Во многом её применение зависит от различных дополнительных условий, в том числе и от стадии процесса, а также допустимого нарушения. В некоторых случаях говорят о несущественных нарушениях, восполнимых и неустранимых. Возможно ли признать недопустимым доказательство, в случае если имена понятых засекречены или зашифрованы, вопрос сложный, так как это не отрицает факт их присутствия, однако по соображениям оперативной работы или безопасности, подобным подходом пользуются сотрудники. В любом случае, попытки градировать недопустимость не может найти свое отражение в УПК РФ, однако с позиции доктрины позволит сформулировать теорию недопустимости и предложить её для практической деятельности.

С учетом вышесказанного, считаем необходимым предложить авторский «алгоритм оценки недопустимости», то есть критерии оценки каждого полученного доказательства и возможность их исключения:

1. Первым этапом должна стать оценка участников процесса, которые участвовали в сборе доказательства. В случае, если это были сотрудники правоохранительных органов, то имеют ли они отношение к рассматриваемому делу и существует ли доказательство заинтересованности в исходе.

2. На втором этапе происходит оценка формальных требованиях по законодательным требованиям. Совершенное процессуальное действие должно быть перечислено в законе и не нарушать уголовно-процессуальную логику (возвращаясь, к примеру полиграфа, которые производит оценку предоставленных сведений самостоятельно, хотя это исключительное полномочие суда). Также в рамках данного шага необходимо исследовать технические инструменты сбора доказательства и являются ли они сертифицированными. В случае наличия сомнений, в вопросах формального оформления процессуального действия, ставится вопрос о возможности исправления совершенных действий. Упор в данном случае стоит на том, соблюдены ли законодательные требования к оформлению сведений и могут ли они быть в дальнейшем применены.

3. На третьем этапе происходит оценка содержательной части доказательств, то есть самих сведений. В рамках данного шага исследуются источники получения информации, а также способ сбора. Были ли нарушены конституционные права граждан, либо подтвердилась ли информация в рамках судебного процесса. В случае, если речь идет о проверке показаний свидетеля, то необходимо выяснить источник знаний и совпадает ли он с протоколом. При исследовании цифровых доказательств, главным вопросом становится не их правильное процессуальное оформление, а соблюдение содержательной логики получаемой информации: возможно ли применить её в ходе рассмотрения дела и как она соотносится с традиционными аналоговыми доказательствами. Самое главное на данном шаге исследовать именно правовые последствия от предоставленных сведений с позиции возможного нарушения закона, а также существует ли способ исправить недостатки.

Данный алгоритм можно посчитать универсальным, однако его эффективность зависит от стадии применения.

Исключение недопустимых доказательств является исключительной компетенцией суда, однако можно говорить о возможности фактическое отклонения полученных сведений. В данном случае, речь идет о доказательствах, которые нарушили все три пункта алгоритма на недопустимость и оценивают, как абсолютно недопустимые. В данном случае государственный обвинитель может самостоятельно его исключить,

так как оно не имеет юридической силы.

На стадии судебного следствия, именно суд рассматривает ходатайство, которое подается в рамках ст. 235 УПК РФ и исследует представленные доводы. Бремя доказывания при этом распределяется следующим образом: сторона защиты должна обосновать заявленное ходатайство, а обвинитель опровергнуть. Издание методических рекомендаций, либо принятие профильного Постановления Пленума по вопросам достоверности, позволит упростить как вопрос доказывания, так и аргументацию суда, в случае наличия сомнений в допустимости доказательств.

Таким образом, недопустимость, как одна из центральных категорий теории доказывания в уголовном процессе, до сих пор не имеет более детальной законодательной регламентации. Существующий подход не учитывает многообразие доказательств и сложности, которые возникают в ходе оценки получаемых сведений. Фактически создание «алгоритма оценки на недопустимость» позволит конкретизировать требования к доказательствам, а также повысить состязательность процесса и эффективность судопроизводства в целом.

Список литературы

1. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Российская газета. – 1995. – 28 дек. – С. 16.
2. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. – 2016. – 7 дек. – № 277.
3. Обзор практики признания доказательств по уголовным делам недопустимыми за 1 полугодие 2007 года // Бюллетень практики участия прокуроров в рассмотрении дел судами / под ред. С. П. Зайцева, Н. П. Дудина. – 2007. – Вып. 2. – С. 19.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2021 № 77 404/2021 : [по делу об убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=36420 (дата обращения: 06.05.2026).
5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 № 77 493/2021 : [по делу об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35804 (дата обращения: 10.05.2026).
6. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2020 № 77 1302/2020 : [по делу о незаконном обороте наркотических средств (ч. 3 ст. 30, пп. «б» ч. 3 ст. 228.1, пп. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=12532 (дата обращения: 10.05.2026).
7. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2020 № 77 132/2020 : [по делу о незаконном обороте оружия и злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 222, 285, 303 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=2952 (дата обращения: 06.05.2026).
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 № 77 2299/2021 : [по делу о неправомерном завладении транспортным средством (ч. 1 ст. 166 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50436 (дата обращения: 15.05.2026).
9. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2020 № 77 67/2020 : [по делу о незаконных получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ)] : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=746 (дата обращения: 15.05.2026).
10. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : монография / В. С. Балакшин. – Екатеринбург : ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. – 244 с.

References

1. On certain issues related to the application of the Constitution of the Russian Federation by courts in the administration of justice: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.1995 No. 8 // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – December 28. – P. 16.
2. On the court verdict: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.11.2016 No. 55 // Rossiyskaya Gazeta. – 2016. – December 7. – No. 277.
3. Review of the practice of declaring evidence in criminal cases inadmissible for the first half of 2007 // Bulletin of the practice of prosecutors' participation in court proceedings / edited by S. P. Zaitsev, N. P. Dudin. – 2007. – Issue 2. – P. 19.
4. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 04.02.2021 No. 77 404/2021: [in a case concerning murder (Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]: the document was not published // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=36420 (date of appeal: 05/06/2026).
5. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 02/02/2021 No. 77 493/2021 : [in the case of intentional infliction of serious harm to health (paragraph "a" of Part 3 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation)]: the document was not published // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35804 (date of appeal: 05/10/2026).
6. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 08/11/2020 No. 77 1302/2020 : [in the case of illegal trafficking of narcotic drugs (Part 3 of Article 30, paragraph "b" of Part 3 of Article 228.1, paragraph "d" of Part 4 of art. 228.1 OF THE Criminal Code OF THE Russian Federation)]: the document was not published // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=12532 (date of appeal: 05/10/2026).
7. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 03/02/2020 No. 77 132/2020 : [in the case of illegal arms trafficking and abuse of official authority (Articles 222, 285, 303 of the Criminal Code of the Russian Federation)]: the document was not published // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=2952 (date of appeal: 05/06/2026).
8. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 07/06/2021 No. 77 2299/2021 : [in the case of unlawful seizure of a vehicle (Part 1 of Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation)]: the document was not published // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50436 (date of appeal: 05/15/2026).
9. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/03/2020 No. 77 67/2020 : [in the case of illegal receipt and disclosure of information constituting a commercial, tax or banking secret (art. 183 of the Criminal Code of the Russian Federation)]: the document was not published // SPS "Consultant-Plus". – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=746 (accessed: 15.05.2026).
10. Balakshin, V. S. Evidence in the Theory and Practice of Criminal Procedure Evidence: a monograph / V. S. Balakshin. – Yekaterinburg: LLC "UMC UPI Publishing House," 2004. – 244 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_300

УДК 343.9

НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ, СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ (СТ.199 УК РФ)

ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY AS A WAY OF EVADING TAXES, FEES, AND INSURANCE PREMIUMS (ART.199 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
125171, Россия, г. Москва, ул. 3ои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems
of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
125171, Russia, Moscow, 3oi and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Краткая аннотация*. В настоящей статье на основе изучения и критического анализа судебно-следственной практики, а также мнений представителей научной общественности в части конструирования по-новому диспозиций ст.ст. 173.1 – 173.2 УК РФ [7], которые не совсем отвечали до недавнего времени реалиям сегодняшнего дня и остро нуждались в законодательном упорядочении [8]. Суть противоречия заключалась в отсутствии современного механизма, который способствовал бы повышению уровня уголовно-правовой охраны правоотношений в экономической сфере, связанного с государственной регистрацией юридических лиц и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. На наш взгляд, в этом противоречии кроется по существу системная проблема. Ради справедливости следует отметить, что в силу актуальности разработанных в авторском коллективе алгоритма действий в виде методических рекомендаций [6], с участием одного из руководителей центрального аппарата МВД России – Панкратьева А.Н., кандидата юридических наук, полковника полиции (заместителя начальника Управления «Ф» ГУЭБиПК МВД России).), производят положительное впечатление. В настоящей статье основные изложенные в рекомендациях идеи нами взяты за основу при ее изложении, ибо сфера экономических правоотношений постоянно модернизируется на фоне растущего процесса коммерциализации (предпринимательской деятельности), а потому требует переосмысления с научных позиций происходящих перемен в налоговой сфере. На суд научной общественности выносим некоторые результаты авторского его видения.*

Abstract. *This article is based on the study and critical analysis of judicial and investigative practice, as well as the opinions of representatives of the scientific community regarding the construction of new dispositions of Articles 173.1 - 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which until recently did not fully meet the realities of today and were in urgent need of legislative regulation. The essence of the contradiction was the absence of a modern mechanism that would enhance the level of criminal law protection of legal relations in the economic sphere related to the state registration of legal entities and individuals as individual entrepreneurs. In our opinion, this contradiction is essentially a systemic problem. For the sake of fairness, it should be noted that due to the relevance of the algorithm of actions developed in the author's team in the form of methodological recommendations (prepared with the participation of one of the heads of the central office of the Ministry of Internal Affairs of Russia), they make a positive impression. In this article, we have taken the main ideas outlined in the recommendations as the basis for its presentation, because the sphere of economic legal relations is constantly being modernized against the background of the growing process of commercialization (entrepreneurial activity), and therefore requires a rethink from a scientific perspective of the ongoing changes in the tax sphere. We present some of the results of the author's vision to the scientific community.*

Ключевые слова*: органы внутренних дел, их подразделения ЭБиПК, уклонение от уплаты налогов и сборов, незаконное образование юридического лица, индивидуальный предприниматель, подставное лицо, уголовно-правовая охрана правоотношений в экономической сфере.*

Keywords: i*nternal affairs bodies, their divisions of the EBiPC, tax and fee evasion, illegal formation of a legal entity, individual entrepreneur, front person, criminal protection of legal relations in the economic sphere.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Незаконное образование юридического лица как способ уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199 УК РФ) // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_300.*

For citation*: Ivanov P.I. Illegal formation of a legal entity as a method of evading payment of taxes, fees, and insurance contributions (Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_300.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Среди множества способов [2] уклонения от уплаты налогов и сборов[1] незаконное образование юридического лица относительно новая схема, которая предполагает совершение ряда противоправных действий, наносящих ущерб консолидированному бюджету страны.

Говоря о рассматриваемой разновидности способа уклонения, мы считаем целесообразным в научном плане учесть два момента. *Во-первых*, общие положения, касающиеся системе схем в целом (структурно-содержательные компоненты, правовая ее природа, субъектно-объектная составляющая). *Во-вторых*, специфические особенности каждого способа, входящего в общую систему (механизм его формирования (образования), причинный комплекс, функциональное предназначение).

А.Н. Панкратьев, Н.А. Романченко и др. [6], рассматривая заявленную проблему, аргументированно утверждают, что острая необходимость пересмотра диспозиций статей 173.1 и 173.2 УК РФ была продиктована тремя взаимосвязанными обстоятельствами, а именно:

1) сложившейся криминогенной ситуацией, о которой наглядно отражали следующие данные: за последние 10 лет (период с 2014 года по 2023 год) наблюдалась постепенная трансформация организационно-правовой формы субъектов предпринимательской деятельности, при

[1] Уклонение чаще всего происходит по следующему сценарию: «фирмы-однодневки» организациями используются для искусственного формирования расходов, выставления фиктивных счетов-фактур и вывода средств в рамках налоговых схем. Или формально-легитимные организации по делам о легализации (отмывания) денежных средств используются для придания правомерного вида доходам, полученным преступным путем.

которой учащается регистрация индивидуальных предпринимателей и сокращается количество случаев регистрации юридических лиц. Вместе с тем, как отмечается в пояснительной записке [10], «уголовно-правовые запреты, установленные в статьях 173.1 и 173.2 УК, распространяются только на действия, связанные с незаконным образованием юридических лиц. В то же время индивидуальные предприниматели наделены схожими правами в сфере предпринимательской деятельности, что и юридические лица, при этом на них не распространяется ряд ограничений в части распоряжения денежными средствами при их обналичивании. В силу указанной особенности реквизиты индивидуальных предпринимателей широко используются при совершении преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, уклонением от уплаты налогов и сокрытием имущества, получением налоговых вычетов, банкротством, легализацией (отмыванием) денежных средств и др.»;

2) осуществлением предпринимательской деятельности через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя) является одним из способов уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов [9]. Приведенное обстоятельство (положение) весьма значимо не только в аспекте усиления анализируемого законопроекта, но и в оперативно-тактическом плане;

3) совершением противоправных действий, направленных на незаконное получение статуса индивидуального предпринимателя, обладающих сопоставимой общественной опасностью с незаконным образованием юридических лиц. Они также нашли отражение в обосновании предлагаемого законопроекта, что подтверждает важность установления уголовной ответственности за действия, связанные с незаконной регистрацией физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Однако справедливо отмечается, что в практической деятельности возникают определенные сложности, связанные с выявлением и уголовным преследованием организаторов преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 УК РФ, совершаемых в соучастии, когда по уголовным делам рассматриваемой категории к ответственности привлекаются только подставные лица, которые не заинтересованы в сотрудничестве с органами предварительного расследования, поскольку в случае дачи показаний, изобличающих соучастников преступления, содеянное повлечет повышенные меры ответственности. В то же время организаторы рассматриваемых преступлений зачастую преследуют цель использования незаконно образованных юридических лиц и зарегистрированных индивидуальных предпринимателей для совершения иных преступлений, например**,** легализации (отмывания) имущества.

В силу указанных причин проблема противодействия преступлениям, предусмотренным статьями 173.1 и 173.2 УК РФ, путем их своевременного выявления и документирования приобретает большую значимость. Следует при этом заметить, что в юридической и специальной литературе часто употребляются понятия «выявление преступлений» [3], в том числе оперативным путем, а также «документирование преступных действий» [4]. Думается, что они научно обоснованы, о чем пишут сами исследователи. Между тем практические работники нередко обходят научно обоснованные предложения и рекомендации, разработанные специалистами (учеными) в области теории ОРД и относящиеся, в частности:

в плане вскрытия в процессе документирования всей преступной цепочки, каждой из которых присуще ролевая характеристика, исполняющей конкретным участником преступной схемы (организатор, бенефициар (выгодоприобретатель), исполнитель, подставное лицо, регистратор);

в контексте закрепления оперативным путем наличия признака «группы лиц по предварительному сговору» в структуре состава рассматриваемых видов преступлений. На наш взгляд, данный сущностный признак образует относительно самостоятельную криминальную ситуацию, успешное разрешение которой предполагает планирование и проведение комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Говоря об этом, трудно не согласиться с положением о том, что «преступления, предусмотренные статьями 173.1 и 173.2 УК РФ, зачастую воспринимаются как формальные нарушения, связанные с регистрацией юридического лица или индивидуального предпринимателя с использованием подложных документов или подставных лиц. Однако практика показывает, что такие деяния редко являются самоцелью, так как они служат подготовительным этапом для совершения более тяжких преступлений, таких как уклонение от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ) и легализация (отмывание) денежных средств (ст. 174 УК РФ). Поэтому крайне важно при каждом выявлении признаков состава по ст. ст. 173.1-173.2 УК РФ не ограничиваться установлением только исполнителя, а сразу мыслить категорией группы лиц по предварительному сговору, стремясь выявить организатора, выгодоприобретателя и всю цепочку участников преступной схемы» [6].

На основе проведенного выборочного изучения рассматриваемой проблемы, мы попытались сформулировать специфические особенности, присущие преступлениям, предусмотренным статьями 173.1 и 173.2 УК РФ. Основными чертами, их характеризующими, являются:

- специфическая конструкция диспозиции этих норм, содержащих квалифицирующий признак – «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору»;

- создание необходимых предпосылок для совершения в дальнейшем более тяжких экономических деяний (незаконная банковская деятельность, уклонение от уплаты налогов и сокрытие имущества, получение налоговых вычетов, банкротство, легализация (отмывание) денежных средств). Исследователи это обстоятельство выделяют как наличие в рассматриваемых составах заранее мотивированной предикатной природы, что предопределяет принятие адекватных ответных мер;

- постепенная трансформация организационно-правовой формы субъектов предпринимательской деятельности, которая наблюдалась за последние десять лет, когда индивидуальных предпринимателей в установленном порядке регистрировали намного больше нежели юридических лиц. Как мы уже подчеркивали, индивидуальные предприниматели наделены схожими правами в сфере предпринимательской деятельности, что и юридические лица. Однако на них не распространяется ряд ограничений в части распоряжения денежными средствами при их обналичивании. В силу указанной особенности реквизиты индивидуальных предпринимателей широко используются при совершении вышеуказанных преступлений;

- реальная возможность освобождения при соблюдении установленных законом условий от уголовной ответственности. В частности, к статье 173.1 УК РФ предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности подставных лиц, совершивших впервые

преступления, предусмотренные статьями 173.1 и 173.2 УК РФ. Не менее важным является активное способствование раскрытию и расследованию преступления (в том числе изобличению и уголовному преследованию других соучастников), деятельное раскаяние;

- некоторая коммерциализация экономической сферы, связанной с государственной регистрацией юридических лиц и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Стремление недобросовестных предпринимателей любыми способами извлечь доход выступает своеобразным мотивом коммерции. Использование подставных лиц («фирм–однодневок»), незаконная регистрация индивидуальных предпринимателей, незаконное образование (создание, реорганизация) юридических лиц через подставных лиц и иные противоправные действия, направленные в интересах достижения указанной цели постоянно видоизменяются и совершенствуются, что настоятельно требует научной оценки (переосмысления), результаты которой непременно должны учитываться при выборе тактики и стратегии документирования.

Указанные и иные признаки наиболее выпукло выражены в оперативно-тактических ситуациях [5], с которыми сотрудники подразделений ЭБиПК часто сталкиваются по делам о налоговых преступлениях.

Применительно к рассматриваемой нами категории преступлений ими чаще всего являются:

1) «от результатов поисковой работы – к механизму подготовки и совершения налогового преступления»;

2) «от подучётного лица – к признакам указанного деяния»;

3) «от формирования умысла – к мерам по его пресечению»;

4) «от имеющихся в распоряжении подразделений ЭБиПК оперативных данных – к их проверке на предмет установления признаков рассматриваемого вида преступления»;

5) «от информации налогового органа – к их закреплению оперативным путем»;

6) «от оперативных материалов подразделений ЭБиПК по окраске «налоговое преступление» – к выездной налоговой проверке».

Следует заметить, что приведенный нами перечень ситуаций не исчерпывает все известные практике случаи.

Наряду с вышеуказанными типичными ситуациями выделяют также такие:

– «от поданной в налоговый орган декларации – к неправомерному возмещению налога на добавленную стоимость и налога на доходы физических лиц»;

– «от оперативно-розыскных данных подразделений ЭБиПК – к искусственному «дроблению» бизнеса» или «от применения специальных налоговых режимов – к искусственному «дроблению» бизнеса».

Перечисленные оперативно-тактические ситуации накладывают свой отпечаток на деятельность названных подразделений по документированию и прежде всего на круг решаемых ими задач.

В частности, в процессе документирования преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 УК РФ, следует планомерно решать следующие оперативно-тактические задачи:

- установление всей цепочки участников преступной группы (исполнитель, организатор, выгодоприобретатель), их роли, мотива. Их изобличение предполагает разработку и принятие комплекса мер. При этом сосредоточить основные усилия на установление реального выгодоприобретателя, который, как правило, скрывается за формальными регистрационными действиями;

закрепление противоправных действий «фирм-однодневок» при уклонении от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ) путем искусственного формирования расходов. Такие действия, как правило, совершаются путем выставления фиктивных счетов-фактур и вывода средств;

выяснение существующего механизма возможного освобождения от уголовной ответственности подставного лица при условии активного способствования раскрытию преступления, включая изобличение других участников, который должен выступать как ключевой инструмент разрушения всей преступной сети;

изучение и анализ судебно-следственной практики, методики документирования преступных действий, направленных на вскрытие всей цепочки участников, включая подставных лиц и организаторов преступной группы. При этом необходимо установить и закрепить признаки предварительного сговора группы лиц. Мы изучение существующего передового отечественного опыта рассматриваем одним из условий, способствующим избежать от возможных проб и ошибок;

– принятие мер по формированию налоговыми органами обширной базы данных о субъектах предпринимательской деятельности (налогоплательщиках) и проводимых ими финансово-хозяйственных операциях. В настоящее время вся налоговая отчетность сдается в электронном виде, налоговые органы получают сведения о движении денежных средств по счетам налогоплательщика в электронном виде без судебного постановления. В массив информации содержит и сведения о продажах контрольно-кассовых машин;

- своевременное пресечение фактов использования отдельными субъектами предпринимательства «криптовалюты» с целью уклонения от уплаты налогов (сборов) [1].

В связи со сказанным хотим подчеркнуть, что в настоящее время одной из угроз налоговой безопасности выступает криминализация информационно-телекоммуникационной среды**,** на фоне которой происходит структурная трансформация преступности, включая налоговой, в результате этого инструменты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», встраиваются в механизм совершения преступления налоговой направленности. На наш взгляд, такой вывод несколько необычный, который предполагает углубленное изучение судебно-следственной практики.

В заключении считаем необходимым отметить следующее.

1. Совершенствование деятельности подразделений ЭБиПК ОВД по выявлению и пресечению фактов незаконного образования юридического лица как одного из способов уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов предполагает принятие на основе налоговой поли-

тики[1] системного комплекса мер по следующим трем ключевым направлениям: 1) теоретико-прикладному осмыслению понятийно-категориального аппарата с учетом цифровой трансформации; 2) определению структурно-содержательной характеристики концептуальных основ указанного вида деятельности как составного элемента формирующейся оперативно-розыскной политики; созданию научных предпосылок для разработки современной модели оперативно-розыскного обеспечения своевременного выявления и пресечения фактов уклонения от уплаты налогов, сборов и сокрытия денежных средств либо имущества от налогообложения.

Посредством осуществления названных направлений мы стремимся постичь закономерности механизма противодействия фактов незаконного образования юридического лица.

2. Мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные нами в настоящей статье, бесспорны. Отдельные из них, по нашему мнению, носят дискуссионный (полемический) характер и нуждаются в дальнейшем обсуждении по результатам дополнительного углубленного изучения. Одновременно хотим отметить, что сформулированные в статье положения далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, связанной с незаконным образованием юридического лица.

Однако они, на наш взгляд, могут быть использованы в качестве исходных посылок для дальнейшего целенаправленного их исследования.

3. Как показывает проведенное нами выборочное исследование, ныне существующий механизм своевременного выявления и пресечения преступлений, предусмотренных статьями 173.1-173.2 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору, к сожалению, не отвечает современным цифровым реальностям. Одним из способов повышения его эффективности выступает внедрение цифровых технологий, позволяющих решать разнообразные оперативно-тактические задачи за относительно короткие отрезки времени.

4. По мнению автора настоящей статьи, налоговая безопасность в целом – это есть состояние защищенности налоговой сферы, в том числе уголовно-правовой охраны правоотношений в экономической сфере, связанных с государственной регистрацией юридических лиц и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, от преступлений налоговой направленности (фактов уклонения от уплаты налогов и сокрытия доходов от налогообложения). Такая угроза нами рассматривается с двух позиций:

1) как исходящая внутри самой страны в силу наличия множества криминогенных факторов;

2) проявляющаяся в виде транснациональных организованных налоговых преступлений, среда их совершения находится на стыке двух и более государств, осуществляющих в соответствии заключенными контрактами внешнеэкономическую деятельность.

Список литературы:

1. Егорова Е.В., Чефранов А.И. Уход от налогообложения через использование криптовалюты как угроза экономической безопасности // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. - С. 281-283.

2. Иванов П.И., Шитов А.С. Особенности оперативно-розыскного обеспечения деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке, совершаемых путем "искусственного дробления бизнеса" // Закон и право. № 2. 2020. С. 147-150. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10088 EDN: OIAYFE

3. Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу об обнаружении оперативным путем налоговых преступлений на потребительском рынке // Вестник Уфимского Юридического института МВД России. № 4. 2021. С. 109-113. EDN: VLXSXT

4. Иванов П.И. Особенности документирования подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел РФ налоговых преступлений в сфере потребительского рынка в условиях цифровизации // Правоохранительная деятельность. 2024, № 2 (14).

5. Иванов П.И. Раскрытие налоговых преступлений в сфере потребительского рынка в условиях цифровизации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024, № 4 (111). С.135-147. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.10.013 EDN: GUXEGH

6. Методические рекомендации "Выявление и раскрытие подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел преступлений, предусмотренных статьями 173.1 - 173.2 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору" / Под общ. ред. А.Н. Панкратьева, Н.А. Романченко. Домодедово: ВИПК сотрудников МВД России. 2026. 60 с.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ.

8. О внесении изменений в статьи 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 172-ФЗ. Опубликован на официальном интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 24 июня 2025 г.

9. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление от 26 ноября 2019 г. № 48 (абз 3 п. 6).

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в статьи 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации". Система обеспечения законодательной деятельности. Электронный ресурс. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/810023-8. Дата обращения 06.06.2025г.

References:

1. Egorova E.V., Chefranov A.I. Avoidance of taxation through the use of cryptocurrencies as a threat to economic security // Collection of scientific articles on the results of the Week of Russian Science at the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Ryazan : Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2021. – pp. 281-283.

2. Ivanov P.I., Shitov A.S. Features of operational investigative support for the activities of economic security and anti-corruption units to identify and disclose tax crimes in the consumer market committed through "artificial fragmentation of business" // Law and Law. No. 2. 2020. pp. 147-150; they are the same. Some elements of the operational-investigative characteristics of tax crimes committed in the consumer market // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No.

3. 2020. pp. 90-97. 3. Ivanov P.I., Shitov A.S. On the issue of detecting tax crimes in the consumer market by operational means // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4. 2021. pp. 109-113; Ivanov P.I. Detection of tax crimes at consumer market facilities is a priority task of the divisions of the EBiPK of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russia. 2024, No. 4 (72), pp.151-160.

4. Ivanov P.I. Features of documenting tax crimes in the sphere of the consumer market in the context of digitalization by EBiPK units of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Law enforcement activities. 2024, No. 2 (14). pp. 33-41; same. Disclosure of tax crimes in the consumer market in the context of digitalization // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, No. 4 (111). pp.135-147.

5. Ivanov P.I. Disclosure of tax crimes in the consumer market in the context of digitalization // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, No. 4 (111). pp.135-147.

6. Methodological recommendations "Identification and disclosure by the EBiPK units of the internal affairs bodies of crimes provided for in Articles 173.1 – 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by a group of persons by prior agreement" / Edited by A.N. Pankratiev, N.A. Romanchenko. Domodedovo: VIPK of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. – 60 p.

7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 419-FZ of December 7, 2011.

8. On Amendments to Articles 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ of June 24, 2025. Published on the official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) June 24, 2025

9. On the practice of applying legislation on liability for tax crimes by courts: Resolution No. 48 dated November 26, 2019 (third paragraph of paragraph 6).

10. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to Articles 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation". The system of ensuring legislative activity. An electronic resource. Access mode: https://sozd.duma.gov.ru/bill/810023-8 . Date of application 06.06.2025

[1] Под налоговой политикой следует понимать систему мер, проводимых государством в области налогов и налогообложения, включающей установление круга налогоплательщиков и объектов налогообложения, видов применяемых налогов, величин налоговых ставок и налоговых льгот.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_304

О ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ON THE INTERDEPENDENCE OF PROCESSES EDUCATIONAL IMPACT CARRIED OUT BY IN RELATION TO THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, building 15a, building 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

SAMOILOVA Anastasia A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, building 15a, building 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена анализу взаимосвязей отдельных направлений воспитательного воздействия оказываемого на осужденных к лишению свободы в исправительном учреждении в рамках организации и осуществления с ними воспитательной работы. Авторы отмечают в работе, что основные направления воспитания осужденных взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку правовое воспитание направлено на привитие уважения к соблюдению законодательства, развитию навыков законопослушного поведения, а также на формирование убеждений в необходимости следовать нормам закона. В статье обосновывается мнение о том, что основной задачей трудового воспитания осужденных является не просто их трудоустройство, а формирование в процессе трудовой деятельности нравственных качеств личности, таких как честное отношение к труду, превращение труда в привычку и дальнейшую потребность личности. В работе также отмечается, что эстетическое и физическое воспитание осужденных, хотя и имеет каждое свои цели и задачи, однако в реальном воспитательном процессе они выступают в комплексе с рассмотренными выше направлениями воспитательного воздействия на осужденных.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the interrelationships of certain areas of educational influence exerted on prisoners sentenced to imprisonment in a correctional institution within the framework of the organization and implementation of educational work with them. The authors note in the work that the main directions of education of convicts are interrelated and mutually conditioned, since legal education is aimed at instilling respect for compliance with the law, developing skills of law-abiding behavior, as well as forming beliefs in the need to follow the norms of the law. The article substantiates the opinion that the main task of labor education of convicts is not just their employment, but the formation of moral qualities of a person in the course of work, such as an honest attitude to work, the transformation of work into a habit and further personal need. The work also notes that aesthetic and physical education of convicts, although each has its own goals and objectives, however, in the real educational process they act in conjunction with the above-mentioned areas of educational influence on convicts.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, осужденные, воспитание, исправление, нравственность, право, обучение, труд, эстетика.*

Key words: *correctional institutions, convicts, upbringing, correction, morality, law, education, labor, aesthetics.*

Для цитирования: *Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. О взаимообусловленности процессов воспитательного воздействия, осуществляемых в отношении осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_304.*

For citation*: Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A. On the interdependence of the processes of educational influence carried out in relation to those sentenced to deprivation of liberty // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_304.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

При организации педагогического процесса в учреждениях и органах, исполняющих наказания, прослеживается своеобразная связь, существующая между нравственным и правовым воспитанием осужденных. Для осужденных отдельные нравственные требования носят характер правовых, но не по своей сущности, а по тем последствиям, к которым приводит их нарушение. При этом правовое воспитание, направленное на привитие учтивого отношения к нормам закона, формирование убеждения осужденного в необходимости следования положениям закона, имеет целью воспитания сознательной личности, а также сближение индивидуального правосознания с общественным. Следует поддержать мнение М.М. Мамонько, который обоснованно отмечает, что повышение правосознания и правовой культуры осужденных, это одна из важнейших задач правового воспитания, которая решается в процессе воспитательной работы [4, с.44].

Отметим, что в качестве одного из средств правового воспитания выступает пропаганда, основной целью которой является разъяснение нравственных и этических требований, на которых базируются правовые предписания. К сожалению, значительная часть осужденных восприни-

мает нормы законодательства только как ограничительные предписания и не видят в них этических требований, которые уже заложены в правах и обязанностях осужденных как граждан нашего общества.

Одним из перспективных направлений правовой пропаганды на современном этапе является проведение с осужденными еженедельных занятий по социально-правовым вопросам, в рамках которого происходит определение объема и направленности правовых знаний на различных этапах отбывания наказания. При этом исследователи отмечают, что правовое воспитание является одним из важнейших направлений воспитательной работы с лицами, чей статус обусловлен высокой степенью общественной опасности и приобретен вследствие совершения преступления, поэтому выпускники образовательных учреждений ФСИН России должны владеть техникой правового воспитания осужденных [3, с.15].

Рассматривая трудовое воспитание осужденных, следует сказать о том, что это одно из основных направлений воспитательного воздействия, оказываемого на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Основной задачей трудового воспитания осужденных является не просто их трудоустройство, а формирование в процессе трудовой деятельности нравственных качеств личности, таких как честное отношение к труду, превращение труда в привычку и дальнейшую потребность личности. Данная цель достигается путем выполнения ряда частных задач, например, воспитание трудолюбия, инициативности, дисциплинированности, ответственности, психологической готовности к труду, привитие профессиональных знаний.

Обратим внимание, что трудовое воспитание осужденных в исправительных учреждениях (далее – ИУ), не должно ограничиваться только включением их в производственный труд. Формами трудового воспитания осужденных также являются: привлечение осужденных к общественно полезным работам по благоустройству территории ИУ, по ремонту помещений, изготовлению наглядных пособий, по хозяйственному обслуживанию. Указанные разновидности общественно полезной деятельности в ИУ составляют важное средство коллективной активности осужденных. В данном случае, хотелось бы поддержать мнение О.Ю. Назарова, который аргументировано указывает, что создание и реализация педагогических условий, позволит создать оптимальные условия для формирования готовности осужденных к трудовой деятельности не только в пенитенциарной системе России, но и после освобождения из мест лишения свободы [5, с 457].

Особую роль в трудовом воспитании осужденных занимает образовательная деятельность, которая кроме развития интеллектуальных способностей призвана формировать такие нравственные качества личности, как настойчивость в преодолении трудностей, прилежание, внимательность, ответственность. По мнению С.С. Пиюковой, привлечение осужденного к трудовой деятельности положительно влияет на развитие его личностных качеств, так как формирует у него уверенность, ответственность, повышает самооценку, развивает коммуникативные навыки, а также выполняет сублимирующую функцию по нейтрализации негативного эмоционального фона [7, с.103].

Достаточно тесная взаимообусловленность в процессе воспитания осужденных прослеживается между эстетическим и нравственным воспитанием. В воспитательной работе иногда даже употребляют такой термин как нравственно-эстетическое воспитание. По мнению Э.В. Зауторовой, в нравственно-эстетическом воспитании особое внимание уделяется формированию ценностных ориентаций осужденных, коррекции асоциального поведения, активизации творческой деятельности личности, развитию интереса и любви к жизни во всех ее проявлениях, что в значительной степени поможет осужденным в скорейшей адаптации после освобождения [2, с. 88].

В практической деятельности сотрудников ИУ данный вид воспитательного воздействия выражается в том, что конкретные формы организации массового и индивидуального воздействия на личность включают в себя целый комплекс нравственных и эстетических мероприятий, которые не просто связывают, а взаимно обогащают друг друга. При этом содержание эстетического воспитания при организации педагогического процесса в ИУ, должно носить ярко выраженную идейно-нравственную окраску, поскольку оно противостоит так называемой эстетике пенитенциарной субкультуры. Также, в содержание эстетического воспитания осужденных должно входить развитие способностей правильно воспринимать прекрасное в людях, красивое в искусстве, дивное в природе, важное в отношениях. То есть сущность эстетического воспитания осужденных в ИУ, составляет формирование их эстетического отношения к действительности.

Взаимосвязь эстетического воспитания с другими направлениями воспитательного процесса прослеживается при обучении осужденных в школе, как в плане отдельно взятых учебных предметов и занятий, так и в эстетической выразительности наглядных пособий, привлекательности оформления помещений, содержание в чистоте жилых и производственных зданий ИУ, в дисциплинированности и опрятности осужденных и сотрудников ИУ.

Рассматривая физическое воспитание осужденных как самостоятельное направление педагогического процесса, следует отметить, что данный процесс имеет свои специфические задачи, к которым относятся: укрепление здоровья и профилактика заболеваний среди осужденных; способствование нормальному физическому развитию организма; тренировка и приучение организма к физическим нагрузкам; сохранение трудоспособности в период всего срока отбывания наказания. При этом формами физического воспитания выступают ежедневная утренняя зарядка и занятия осужденных в различных спортивных кружках. Физкультурно-спортивные мероприятия в ИУ выступают наиболее распространенной формой организации полезной занятости осужденных в свободное от работы время. Данные мероприятия выступают в качестве одного из средств профилактики совершения противоправных деяний осужденными. Кроме того, исследователи отмечают, что физическое воспитание представляет собой одно из направлений формирования и развития личности как субъекта деятельности [9, с. 54]. Как показывает практика, занятия физической культурой оказывают положительное влияние не только на общее развитие и укрепление организма человека, но и на его личностные качества.

Все рассмотренные направления воспитательного процесса, организуемого с осужденными в ИУ, находятся в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости. Каждое из направлений воспитательного воздействия занимает особое место в процессе развития, воспитания и исправления осужденных. Вместе с тем, реализация рассмотренных направлений воспитания осужденных на практике должна осуществляться в

комплексе, в своем единстве, что будет способствовать максимально возможному исправлению осужденных в условиях лишения свободы.

Список литературы:

1. Бондарев А.С. Правовая пропаганда и обучение - формы правового воспитания: понятие и средства воздействия. Вестник Пермского университета. 2008. № 1. С. 4-15. EDN: JMNAWW
2. Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание как условие ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Пенитенциарная наука. 2017. № 1. С.87-90. EDN: YHPQHZ
3. Лапшин В.Е., Шаханов В.В. Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов. Пенитенциарная наука. 2018. № 1. С. 13-18. EDN: YTXWUZ
4. Мамонько М.М. Правовое воспитание осужденных к лишению свободы: историко-правовой аспект. Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 43-45. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_6_43 EDN: VIYFUR
5. Назаров О.Ю. Создание педагогических условий по организации трудового воспитания осужденных в условиях пенитенциарной системы России // Мир науки. Педагогика и психология". 2023. Т. 11, № 4, ст. 32. EDN: PPCNYC
6. Панова О.Б. Педагогическое сопровождение становления правовой позиции воспитанника исправительного учреждения: сущность и структура. Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 4. С. 47-50. EDN: OYDASP
7. Пиюкова С.С. Формирование мотивации к труду у осужденных в исправительных учреждениях: психологический аспект. Вестник Самарского юриди-ческого института. 2020. № 4. С. 100-106. DOI: 10.37523/SUI.2020.40.4.016 EDN: GKZHQP
8. Пономарев С.Б. Тюремная субкультура с позиции теории систем. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 1. С. 38-43. EDN: LFBCPG
9. Чопик О.А., Чабан Р.В. Реализация педагогических условий организации и проведения физического воспитания осужденных в исправительных учреждениях. Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 3. С. 52-67. EDN: BGBVNG

References:

1. Bondarev A.S. Legal propaganda and education — forms of legal upbringing: the concept and means of influence. Bulletin of Perm University. 2008. No. 1. Pp. 4-15.
2. Zauturova E.V. Moral and aesthetic upbringing as a condition for the resocialization of juvenile convicts. Penitentiary Science. 2017. No. 1. Pp. 87–90.
3. Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Legal Education of Convicts: Search for New Approaches. Penitentiary Science. 2018. No. 1. Pp. 13–18.
4. Mamonko M.M. Legal Education of Convicts Sentenced to Imprisonment: Historical and Legal Aspect. Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 6. Pp. 43-45.
5. Nazarov O.Yu. Creating pedagogical conditions for organizing the labor education of convicts in the Russian penitentiary system. World of Science. 2023. No. 4. Pp. 453-464.
6. Panova O.B. Pedagogical support for the formation of the legal stance of a student in a correctional institution: essence and structure. Bulletin of Kostroma State University. 2011. No. 4. Pp. 47–50.
7. Piyukova S.S. Formation of work motivation among convicts in correctional institutions: a psychological aspect. Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 4. Pp. 100–106.
8. Ponomarev S.B. Prison subculture from the perspective of systems theory. Bulletin of the Penal System. 2020. No. 1. Pp. 38-43.
9. Chopik O.A., Chaban R.V. Implementation of pedagogical conditions for organizing and conducting physical education for convicts in correctional institutions. Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences. 2022. No. 3. Pp. 52-67.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_307

УДК 323.12

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
RELIGIOUS EXTREMISM AS A THREAT FACTOR TO THE NATIONAL AND SPIRITUAL SECURITY OF RUSSIAN SOCIETY

КУЛИДА Оксана Александровна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет»,
пр. Богдана Хмельницкого, 18, г. Мелитополь, Запорожская область, Россия 272312
E-mail: oksanakulida77@yandex.ru

ОСТРАТЮК Татьяна Васильевна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет»,
пр. Богдана Хмельницкого, 18, г. Мелитополь, Запорожская область, Россия 272312.
E-mail: ostratyuk.tanya@mail.ru

БАКШЕЕВА Юлия Владимировна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет»,
пр. Богдана Хмельницкого, 18, г. Мелитополь, Запорожская область, Россия 272312.
E-mail: bakheeva.yulie@yadex.ru

KULIDA Oksana Alexandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines ,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University",
Bogdan Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia 272312.
E-mail: oksanakulida77@yandex.ru

OSTRATYUK Tatyana Vasilyevna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University",
Bogdan Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia 272312.
E-mail: ostratyuk.tanya@mail.ru

BAKSHEIEVA Yulia Vladimirovna
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University",
Bogdan Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia 272312.
E-mail: bakheeva.yulie@yadex.ru

Краткая аннотация*: в статье рассматривается религиозный экстремизм как один из ключевых факторов угрозы национальной и духовной безопасности российского общества. На основе официальной статистики МВД России и ФСБ России за 2022–2025 гг., а также анализа нормативных правовых актов (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. [1], Федеральный закон № 114-ФЗ [2]) раскрываются типология религиозного экстремизма, основные каналы его распространения и региональные особенности проявления. Особое внимание уделяется влиянию экстремистской деятельности на традиционные духовно-нравственные ценности и межконфессиональный мир. Предлагаются меры совершенствования системы противодействия. Научная новизна заключается в интеграции официальной категории «духовная безопасность», введённой в 2021 г., в анализ современных угроз религиозного экстремизма в условиях геополитической турбулентности и роста миграционных рисков.*

Abstract: *the articles examine religious extremism as one of the key factors threatening the national and spiritual security of Russian society. Based on official statistics from the Ministry of Internal Affairs and the Federal Security Service of Russia for 2022–2025, as well as an analysis of normative legal acts (National Security Strategy of the Russian Federation 2021[1], Federal Law No. 114-FZ [2]), the typology of religious extremism, the main channels of its dissemination, and regional specifics are revealed. Particular attention is paid to the impact of extremist activities on traditional spiritual and moral values and interfaith peace. Measures to improve the counteraction system are proposed. The scientific novelty lies in integrating the official category of «spiritual security», introduced in 2021, into the analysis of contemporary threats of religious extremism amid geopolitical turbulence and growing migration risks.*

Ключевые слова: *религиозный экстремизм, духовная безопасность, национальная безопасность, радикализация, традиционные ценности, исламистский терроризм, противодействие экстремизму, межконфессиональный мир.*

Keywords: *religious extremism, spiritual security, national security, radicalization, traditional values, Islamist terrorism, countering extremism, interfaith peace.*

Для цитирования: *Кулида О.А., Остратюк Т.В., Бакшеева Ю.В. Религиозный экстремизм как фактор угрозы национальной и духовной безопасности российского общества // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_307.*

For citation*: Kulida O.A., Ostratyuk T.V., Baksheeva Yu.V. Religious extremism as a threat to the national and spiritual security of Russian society // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_307.*

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Введение

В условиях обострения глобальных и региональных вызовов религиозный экстремизм превратился в системную угрозу стабильности

государств и обществ. После 2022 г. в Российской Федерации фиксируется устойчивый рост преступлений террористического и экстремистского характера, значительная часть которых имеет религиозную мотивацию.

По данным МВД России, в 2022 г. зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (рост на 4,5 % к 2021 г.) и 1566 преступлений экстремистской направленности (рост на 48,2 %) [8]. В 2023–2024 гг. тенденция сохранилась: за 2024 г. выявлено более 2400 преступлений террористического характера и свыше 1700 экстремистских [8]. Эти показатели стали максимальными за последнее десятилетие и свидетельствуют о сохранении высокого уровня угрозы.

Особую актуальность проблема приобретает в свете Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) [1], где впервые на официальном уровне закреплена категория «духовная безопасность» как защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти от деструктивных идеологий.

Цель исследования – выявить и систематизировать угрозы национальной и духовной безопасности Российской Федерации, исходящие от религиозно-экстремистской деятельности.

Задачи:

1) раскрыть понятие и типологию религиозного экстремизма;

2) проанализировать нормативно-правовую базу противодействия;

3) выявить основные каналы и формы распространения;

4) оценить влияние на духовную безопасность;

5) определить региональные особенности;

6) предложить меры совершенствования системы противодействия.

Методы исследования: сравнительно-правовой, системный, статистический, контент-анализ материалов Федерального списка экстремистских материалов Минюста России.

Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении религиозного экстремизма через призму категории «духовная безопасность» с учётом эмпирических данных 2022–2025 гг. и современных геополитических реалий.

Основная часть

1. Теоретико-правовые основы религиозного экстремизма и духовной безопасности

Понятие экстремистской деятельности в Российской Федерации нормативно закреплено в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в редакции с изменениями по состоянию на 2025 год) [2]. Согласно статье 1 данного закона, экстремизм включает в себя насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а также пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистских организаций. Религиозный экстремизм как особая форма экстремизма представляет собой крайнее проявление религиозного радикализма, когда религиозные доктрины и тексты интерпретируются избирательно и искаженно с целью оправдания насилия, нетерпимости и дискриминации по конфессиональному признаку [8, 9]

В теоретическом плане религиозный экстремизм возникает на стыке религиозного фундаментализма и политического радикализма, где сакральные тексты используются как инструмент мобилизации для достижения целей, выходящих за рамки духовной сферы - от установления теократического правления до разрушения существующего общественного порядка [7]. В современной России, как многонациональном и многоконфессиональном государстве, религиозный экстремизм проявляется в трех основных типах. Первый - исламистский экстремизм салафитско-джихадистского толка, связанный с деятельностью запрещенных организаций, таких как «Исламское государство»[1] (ИГ, запрещено в РФ), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»[2] (запрещена в РФ), «Аль-Каида»[3] (запрещена в РФ) и их производными структурами [9]. Эти группы проповедуют идеологию глобального джихада, отвергая светский характер государства и традиционный ислам, практикуемый большинством мусульман России.

Второй тип - неоязыческий и национал-экстремистский, маскирующийся под возрождение «древнеславянской веры» или родноверия. Такие группы часто сочетают псевдоязыческие ритуалы с ультранационалистическими идеями, пропагандируя расовую исключительность славян и антихристианскую, антисемитскую риторику [5]. Третий тип - деструктивные псевдорелигиозные секты и новые религиозные движения (НРД), включая тоталитарные культы вроде «Аум Синрикё»[4] (запрещена в РФ) или современных аналогов, которые используют манипулятивные практики для контроля над адептами, вплоть до побуждения к самоубийствам или насилию [9].

Понятие духовной безопасности введено в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400[1]. В разделе о стратегических национальных приоритетах подчеркивается необходимость укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранения культурного и исторического наследия народа России, защиты от деструктивного информационно-психологического воздействия. Духовная безопасность трактуется как состояние защищенности традиционных ценностей - патриотизма, крепкой семьи, уважения к истории Отечества, межнационального и межконфессионального мира - от идеологий, разрушающих

[1] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.
[2] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.
[3] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.
[4] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

нравственные основы общества [1;10]. Религиозный экстремизм напрямую угрожает этой безопасности, подменяя традиционные ценности идеологией ненависти, разделения и насилия.

2. Нормативно-правовое и институциональное противодействие

За период 2023–2025 гг. российское законодательство в сфере противодействия экстремизму и терроризму претерпело значительные изменения, направленные на усиление ответственности и профилактики. В Уголовный кодекс РФ внесены поправки, ужесточающие наказание за пропаганду экстремизма в сети Интернет (ст. 280 УК РФ в редакциях 2023–2025 гг.) [3], включая публичное оправдание или пропаганду экстремизма наравне с призывами к нему (до 5 лет лишения свободы). Федеральный закон от 23.07.2025 № 215-ФЗ запретил лицам, включенным в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга, занимать руководящие должности в религиозных объединениях. Кроме того, усилен контроль за финансовыми операциями: с 2025 года введены дополнительные меры по мониторингу криптовалютных переводов в пользу запрещенных организаций, а также ответственность за финансирование экстремистской деятельности в рамках Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов...» [2].

Институциональную основу противодействия составляют ключевые органы государственной власти. Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России) осуществляет оперативно-разыскную деятельность, предотвращение терактов и ликвидацию ячеек. Министерство внутренних дел РФ (МВД России) отвечает за расследование преступлений экстремистской направленности. Росфинмониторинг ведет перечень лиц и организаций, причастных к экстремизму и терроризму, блокируя их финансовые активы. Министерство юстиции РФ (Минюст России) поддерживает федеральный список экстремистских материалов (по состоянию на октябрь 2025 г. - около 5500 позиций, с ежегодным приростом 400–500 единиц) и перечень запрещенных экстремистских организаций (около 62 по май 2025 г.). Координацию усилий обеспечивает Национальный антитеррористический комитет (НАК).

3. Каналы и формы распространения религиозного экстремизма

Основными каналами распространения религиозного экстремизма в России остаются цифровое пространство и социальные сети. Закрытые чаты в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), анонимные форумы и VPN-сервисы используются для вербовки, пропаганды и координации [6]. Значительную роль играют миграционные потоки из стран Центральной Азии, где радикальные идеи проникают через трудовых мигрантов, подверженных влиянию в странах исхода [7]. Пенитенциарные учреждения служат «инкубаторами» радикализации: в местах лишения свободы вербовка осуществляется через заключенных, уже зараженных экстремистской идеологией. Особую тревогу вызывает вербовка молодежи через образовательные учреждения, социальные сети и онлайн-игры, где экстремистский контент маскируется под религиозное просвещение или «борьбу за справедливость» [6].

За 2023–2025 гг. ФСБ России ликвидировала десятки ячеек, связанных с ИГ и другими запрещенными организациями, предотвратив более 500 терактов и террористических преступлений религиозно-мотивированного характера (по данным НАК и ФСБ за указанный период) [8]. Формы распространения включают распространение запрещенных материалов, организацию нелегальных медресе, финансирование через криптовалюту и использование нейросетей для генерации пропагандистского контента [6].

4. Влияние религиозного экстремизма на духовную безопасность

Религиозный экстремизм оказывает разрушительное воздействие на духовную безопасность России, подрывая традиционные ценности и подменяя их идеологией ненависти [1;10]. По данным МВД и Генпрокуратуры РФ за 2023–2024 гг., около 60–65% преступлений экстремистской направленности совершены по мотивам религиозной ненависти [8]. Экстремисты целенаправленно разрушают институт семьи, пропагандируя полигамию или отказ от светского брака, подрывают патриотизм, обвиняя государство в «неверии», и стирают историческую память, представляя историю России как цепь «угнетения истинной веры». В итоге происходит атомизация общества, рост межконфессиональной напряженности и ослабление национального единства.

5. Региональные особенности проявления религиозного экстремизма

Региональные особенности определяются этноконфессиональным составом и социально-экономическими факторами. На Северном Кавказе доминирует исламистский экстремизм: здесь фиксируется наибольшее количество предотвращенных терактов (более 180 за 2022–2024 гг.), связанный с остаточными ячейками ИГ и местными джамаатами [9]. В Поволжье (Татарстан, Башкортостан) наблюдается экспансия радикальных течений под видом «чистого ислама», параллельно с ростом неоязычества среди русского населения [4;5]. Центральный федеральный округ и мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург) характеризуются наличием «спящих ячеек» среди трудовых мигрантов из Центральной Азии. В Сибири и на Дальнем Востоке преобладают деструктивные секты и НРД, эксплуатирующие социальную изоляцию и поиск духовных альтернатив [9].

Заключение

Религиозный экстремизм в 2022–2025 гг. подтвердил статус системной угрозы национальной и духовной безопасности России. Его влияние проявляется в подрыве традиционных ценностей, межконфессионального мира и единства многонационального народа.

Для повышения эффективности противодействия необходимо:

1) развивать систему ранней профилактики радикализации молодёжи в образовательных организациях;

2) совершенствовать теологическую и религиоведческую экспертизу материалов;

3) усилить международное сотрудничество в рамках ШОС и ОДКБ по пресечению трансграничного финансирования;

4) внести изменения в законодательство, предусматривающие повышенную ответственность за вербовку через интернет и мессенджеры.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением роли искусственного интеллекта и нейросетей в распространении и противодействии экстремистскому контенту.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Аббясов Р. М. Религиозная политика в современной России. – М.: Изд-во Совета муфтиев России, 2023. – 184 с.
5. Верховский А. М. Государство против радикального религиозного экстремизма: запреты и преследования 2012–2022. – М.: Центр «Сова», 2023. – 312 с. – ISBN 978-5-98432-067-4.
6. Гривцов А. Ю. Противодействие идеологии экстремизма в цифровой среде // Право и безопасность. – 2025. – № 1 (54). – С. 38–47. – DOI: 10.24412/2071-5070-2025-1-38-47.
7. Малашенко А. В. Ислам в Центральной Азии: политика и общество. – М.: Московский Центр Карнеги, 2018. – 280 с. – ISBN 978-5-6040373-2-8.
8. Наматов Н. А. Религиозный экстремизм в России: теория, практика, противодействие. – М.: РАНХиГС, 2022. – 336 с. – ISBN 978-5-7743-1087-4.
9. Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России: деструктивные секты и течения. – М.: ИРИС, 2022. – 512 с. – ISBN 978-5-6047203-1-2.
10. Самыгин С. И. Религиозная безопасность Российской Федерации: дис. … д-ра социол. наук. – Ростов н/Д, 2017. – 380 с.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part II). – Art. 5351.
2. Federal Law dated 25.07.2002 No. 114-FZ “On Countering Extremist Activities” (as amended in 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031.
3. Criminal Code of the Russian Federation (as amended in 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. 2954.
4. Abbyasov R. M. Religious policy in modern Russia. Moscow: Publishing House of the Council of Muftis of Russia, 2023. 184 p
. 5. Verkhovsky A.M. The state against radical religious extremism: prohibitions and persecution 2012-2022. Moscow: Sova Center", 2023. – 312 p. – ISBN 978-5-98432-067-4.
6. Grivtsov A. Y. Countering the ideology of extremism in the digital environment // Law and Security. – 2025. – № 1 (54). – Pp. 38-47. – DOI: 10.24412/2071-5070-2025-1-38-47.
7. Malashenko A.V. Islam in Central Asia: politics and society. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2018. 280 p. ISBN 978-5-6040373-2-8.
8. Namatov N. A. Religious extremism in Central Asia Russia: theory, practice, and counteraction. Moscow: RANEPA, 2022. 336 p. ISBN 978-5-7743-1087-4.
9. Silantyev R. A. The modern history of Islam in Russia: destructive sects and trends. Moscow: IRIS, 2022. 512 p. ISBN 978-5-6047203-1-2.
10. Samygin S. I. Religious security of the Russian Federation Federations: dis. … Dr. of Sociological Sciences. – Rostov-on-Don, 2017. – 380 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_311

УДК 343.851.5

ПОБЕГ «НА РЫВОК» ПРИ КОНВОИРОВАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ: ПРЕСЕЧЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ESCAPE "ON A SPURT" WHILE ESCORTING SUSPECTS, ACCUSED AND CONVICTED: SUPPRESSION AND PREVENTION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru

КАЗАК Игорь Брониславович
доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности
Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru

GUSEV Anton Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty
of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia,
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

KAZAK Igor Bronislavovich
Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ran, Sennaya str., 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу одного из наиболее дерзких способов совершения побега из-под стражи — так называемого побега «на рывок». Автор рассматривает специфику объективной стороны в условиях динамичной обстановки конвоирования, а также выделяет ключевые детерминанты, способствующие реализации преступного умысла. Особое внимание уделяется роли человеческого фактора и инженерно-технических средств охраны. Предлагаются решения по совершенствованию тактики конвоирования и профилактики побегов на маршрутах движения.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of one of the most daring ways of escaping from custody - the so—called escape "on the spurt". The author examines the specifics of the objective side in the context of a dynamic escort situation, and also highlights the key determinants contributing to the realization of criminal intent. Special attention is paid to the role of the human factor and engineering and technical means of protection. Solutions are proposed to improve the tactics of escorting and preventing escapes on the routes of movement.*

Ключевые слова: *конвоируемые, осужденные, подозреваемые, обвиняемые, побег «на рывок», лица, склонные к побегу, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.*

Keywords: *escorted, convicted, suspects, accused, escape "on a dash", persons inclined to escape, the use of physical force, special means and firearms.*

Для цитирования: *Гусев А.С., Казак И.Б. Побег «на рывок» при конвоировании подозреваемых, обвиняемых и осужденных: пресечение и предупреждение // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 311-313. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_311.*

For citation*: Gusev A.S., Kazak I.B. Escape "by a dash" during the escort of suspects, accused persons, and convicts: suppression and prevention // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 311-313. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_311.*

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Пенитенциарная система функционирует в режиме постоянного противодействия криминальным элементам, стремящимся уклониться от уголовной ответственности и отбывания наказания. Побеги из-под стражи при конвоировании относятся к категории наиболее общественно опасных пенитенциарных преступлений, поскольку не только дезорганизуют деятельность ответственных органов, но и влекут за собой отвлечение значительных сил сотрудников правопорядка, материальных и временных затрат на розыск и задержание, а также создают у граждан ощущение незащищенности и подрывают авторитет государственной власти.

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (Далее УК РФ), уголовно наказуемым является самовольное, незаконное оставление места лишения свободы (колонии, тюрьмы), места нахождения под арестом или из-под стражи [1]. Объективная сторона преступления описана в УК абстрактно, криминалистическая наука и практика выделяют множество способов его совершения: от тайных (подкоп, проникновение в вентиляционные шахты, перепиливание решеток) до очевидных, открытых, дерзких. Именно к последней категории относится побег «на рывок» — деяние, характеризующееся стремительным, неожиданным для конвоя самовольным для осужденного преодолением линии охраны с использованием ошибок в тактике надзора.

Важно, что конвоирование, в отличие от охраны в СИЗО или колонии, происходит в условиях постоянно меняющейся окружающей обстановки, при наличии большого числа отвлекающих факторов и ограниченных технических возможностях, особенно вне спецтранспорта.

Исследование любого вида преступной деятельности невозможно без обращения к иерархии нормативно-правовых актов, которая в сфере конвоирования выстроена достаточно жестко.

Норма ст. 313 УК относит побег к категории деяний против правосудия. Квалификация преступления напрямую зависит от места его совершения, которым выступает специальный транспорт, либо маршрут движения караула. Самовольное оставление салона спецавтомобиля во время перевозки подозреваемого, обвиняемого, осужденного конвоируемого образует оконченный состав преступления [1].

Важно понимать, что преступление является длящимся. Побег признается оконченным не с момента его начала, а с момента выхода лица из-под контроля охраняющих его сотрудников. Для способа «на рывок» это имеет принципиальное значение: если конвоируемый предпринял попытку побега (рывок), но был схвачен за одежду или сбит с ног через несколько секунд и не успел скрыться за пределами прямой видимости и физической досягаемости конвоя, содеянное должно квалифицироваться как покушение на преступление (ч. 3 ст. 30, ст. 313 УК РФ). Этот нюанс требует тщательного изучения первичных материалов, составленных караулом непосредственно после инцидента.

Важным является применение наручников (для немедленного ограничения подвижности), а также палок специальных и огнестрельного оружия в случаях, если иными средствами задержать преступника невозможно.

Побег «на рывок» занимает специфическую нишу. Это способ, не связанный с предварительным техническим воздействием на запирающие устройства или инженерные заграждения, но использующий ошибки в тактике охраны. Если при подкопе или перепиливании решетки преступник рассчитывает на время и незаметность, то при «рывке» ставка делается исключительно на внезапность и физическую скорость.

Часто побег «на рывок» используется в условиях ограниченной видимости: ночь, туман, дождь, снегопад, чтобы обеспечивались условия для незаметного освобождения из-под охраны. Осужденные, подозреваемые и обвиняемые, пользуясь неудовлетворительной видимостью и сложившейся ситуацией, стараются как можно быстрее покинуть периметр учреждения и направиться к безопасным для них местам, где могут быстро скрыться и уйти от преследования. Это включает в себя движение в сторону транспортных узлов, где можно воспользоваться общественным транспортом или заранее заготовленным соучастниками преступления автотранспортом для исчезновения из зоны ведения розыска. Также осужденные могут выбирать направление движения сквозь лесные участки, лесные насаждения, посевы растений, поля или заросли, используя их как укрытие, что затрудняет возможность преследования и увеличивает возможность скрыться.

Способ побега «на рывок» выбирают лица определенной психофизической формации. Как правило, это лица до 35 лет, часто бывшие спортсмены, обладающие взрывной стартовой скоростью и крепким телосложением. Они психологически более склонны к риску и агрессивным, импульсивным действиям, в отличие от организаторов тайных подкопов, требующих хладнокровия и терпения. Личность, склонная к «побегу на рывок», склонна к девиантному поведению, в условиях следственного изолятора или исправительной колонии часто нарушает установленный порядок отбывания наказания, может провоцировать конвой на конфликты с целью проверки реакции и психологического прощупывания сотрудников.

Критически уязвимы следующие этапы конвоирования:

1. **Обменные площадки (спецвагоны/автозаки)**. Так называемый «побег под вагон» или рывок при выходе из автозака. Самое опасное время — вывод по одному или малой группой, когда часть охраны занята передачей документов. Важным фактором является наличие автомобильных дорог и железнодорожных путей рядом с пунктом обмена при конвоировании, позволяющее использовать транспорт для быстрого перемещения.

2. **Судебные учреждения**. Коридоры судов, конвойные помещения которых часто не отвечают элементарным требованиям безопасности (узкие проходы, отсутствие шлюзов). Могут происходить случаи, когда в коридоре конвоируемый замечает создавшееся скопление людей, резко вырывается из-под охраны конвоя и пытается смешаться с посетителями или работниками суда. Большое количество людей, находящееся в одном месте, создает сложности для применения физической силы или огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, а также к объектам, где применение силы может повлечь риск пожара или взрыва, что также дает основание конвоируемым дополнительное преимущество в случае преследования.

3. **Легковые автомобили без специального кузова**. До полного перехода на спецавтомобили типа «АЗ» (автозаки) перемещали конвоируемых в легковых автомобилях с сопровождающим на заднем сиденье. На светофоре сзади сидящий мог напасть на конвоира и выпрыгнуть из машины на ходу. В наше время, конвоирование подобным образом категорически запрещено.

Также необходимо уточнить, что при осуществлении конвоирования на обменных пунктах, осужденные могут препятствовать правильной организации процесса конвоирования, пытаясь либо дать возможность выйти из транспортного средства осужденному, подозреваемому, обвиняемому, либо оставить его в нем. Осужденные могут вести себя агрессивно, вызывающе, переходить из одной шеренги в другую, создавая скученность, выходя из строя, стараясь устроить инциденты, имитировать различные болезни и заболевания, что может быть неясно для личного состава караула, в связи с отсутствием компетенций у сотрудников в области лечебного дела, хотя, некоторые заболевания не могут оперативно диагностировать сами медицинские сотрудники и работники. Для обеспечения безопасности при посадке и высадке осужденных из транспортных средств сотрудникам подразделений по конвоированию необходимо соблюдать правила и проявлять профессионализм.

Преступный замысел может быть реализован спонтанно, при внезапно сложившейся благоприятной ситуации (поскользнулся и упал конвоирующий сотрудник, большегрузный автомобиль перекрыл путь сопровождения и т.д.), однако гораздо чаще ему предшествует скрытная подготовка. Она включает: изучение манеры несения службы конкретными сотрудниками караула; симуляцию болезни для вызова в медчасть с ослаблением охраны; предварительное освобождение от средств сковывания (наручников), например, путем подбора ключа или неполного защел-

кивания сектора замка.

Профилактика побегов «на рывок» строится на двух факторах: информационном обеспечении и физической тактике.

На лиц, склонных к побегу (и нападению), заводится отдельное досье, а справка-ориентировка в личном деле помечается специальным образом, что автоматически сигнализирует начальнику караула о повышенной степени угрозы. Эта норма обязывает усилить надзор за таким лицом, перевести его в отдельную камеру спецавтомобиля и применять наручники на всем протяжении маршрута.

При возникновении непосредственной угрозы выполнения побега «на рывок» (подозрительное поведение, попытка приблизиться к выходу, групповой ропот) караул обязан действовать согласно расстановке сил. Необходимо строго соблюдать конвойный ордер: количество конвоиров должно количественно и позиционно исключать возможность беспрепятственного нарушения линии охраны. В момент посадки-высадки обязательно формируется «коридор» из личного состава со сцепленными руками или баллистическими щитами.

Если пресечь побег на стадии попытки (окриком, захватом) не удалось и лицо совершило побег «на рывок», вступает в действие алгоритм действий при чрезвычайных обстоятельствах:

1. **Доклад и объявление тревоги**: немедленное оповещение дежурной части, блокирование ближайших транспортных узлов.
2. **Преследование**: один или два конвоирующих сотрудника начинают преследование, остальные обеспечивают охрану оставшейся группы, чтобы исключить второй «синхронный» отвлекающий рывок.
3. **Применение табельного оружия**: в соответствии с законодательством. Оружие может применяться для задержания лица, совершающего побег, если оно находится вне территории учреждения или спецтранспорта и не выполняет требования об остановке [2].

Вид побега «на рывок» является одним из основных показателей профессионализма конвоя. Переход на современные спецавтомобили, усиление бронирования и внедрение видеорегистраторов значительно сузили окно возможностей для конвоируемых лиц. Тем не менее, самым слабым звеном остается комплекс «конвоир - конвоируемый» в физическом пространстве.

Необходимо обеспечить высокий уровень бдительности и соблюдение мер безопасности, для того чтобы предотвратить возможные попытки побега. Критически важно педантично изучить маршрут перемещения осужденных, подозреваемых и обвиняемых и выявить потенциально опасные участки, где вероятность попытки побега наиболее высока. Караулы должны строго соблюдать процедуры сопровождения осужденных, обращая особое внимание на процесс посадки в транспортные средства и высадки из них. Необходимо предотвращать ситуации, когда осужденные и заключенные под стражу могут нарушить контроль за ними и попытаться совершить побег на открытых участках пути.

Тренировки и обучение сотрудников по реагированию на потенциальные ситуации побега также играют важную роль в предотвращении побегов методом «на рывок». Сотрудники должны быть готовы к быстрому реагированию и принятию необходимых мер для предотвращения побегов и обеспечения безопасности себя и окружающих лиц. Организация действий караулов при конвоировании имеет решающее значение для успешного предотвращения побегов методом «на рывок» и поддержания общественной безопасности государства и общества.

Для минимизации рисков необходимо не только ужесточение наказания за любые виды побега, но и приведение архитектуры судебных, обменных и других видов помещений, в соответствие со строгими нормами безопасности в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных, непрерывное практическое обучение тактике конвоирования и соблюдения законодательства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. — Москва: Эксмо, 2017. — 350 с. — ISBN 978-5-04-004029-2. Ст. 313
2. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (в ред. от 23.03.2026) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.05.2026)

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation: Criminal Code: text with amendments and additions as of August 1, 2017: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996]. — Moscow: Eksmo, 2017. — 350 p. — ISBN 978-5-04-004029-2. Art. 313.
2. Law of the Russian Federation dated 21.07.1993 No. 5473-1 “On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation” (as amended on 22.03.2026) [Electronic resource] // Reference and Legal System “Consultant Plus” (accessed: 03.05.2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_314

УДК 343.8

«УСЛОВНОСТЬ» ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ИЗБРАНА МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И КАК ПРЕОДОЛЕТЬ
CONDITIONALITY OF MONITORING SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS WHO HAVE BEEN IMPOSED WITH A BAN ON CERTAIN ACTIVITIES AND HOW TO OVERCOME IT

ЗВОНОВА Анна Вениаминовна,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: salikova.a@yandex.ru

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: salikova.a@yandex.ru

ДРАНИЦИНА Анастасия Николаевна,
курсант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: dranicinaanastasia5@gmail.com

ZVONOVA Anna Veniaminovna,
Associate Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Punishments that are not related to the isolation of convicts from society, Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia,
600020, Russia, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 67E.
E-mail: salikova.a@yandex.ru

MOISEEV Nikolai Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: salikova.a@yandex.ru

DRANICINA Anastasia Nikolaevna,
r student at the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.
600020, Russia, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 67E.
E-mail: dranicinaanastasia5@gmail.com

Краткая аннотация. *В статье подвергается анализу мера пресечения в виде запрета определенных действий. Авторы раскрывая сущность рассматриваемой меры пресечения, выделяют положительные и отрицательные стороны, исследуемого института, приходя к выводу о наличии пробелов и необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.*

Abstract. *The article analyzes the preventive measure in the form of a ban on certain actions. The authors reveal the essence of the preventive measure under consideration, highlight the positive and negative aspects of the institution under study, and conclude that there are gaps and the need to make changes to the criminal procedure and criminal enforcement legislation.*

Ключевые слова*. Мера пресечения, уголовно-исполнительная система, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-исполнительная инспекция, запрет.*

Keywords. *Preventive measure, penal system, suspect, accused, penal inspection, ban.*

Для цитирования: *Звонова А.В., Моисеев Н.Д., Драницина А.Н. «Условность» осуществления контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий и как преодолеть// Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_314.*

For citation*: Zvonova A.V., Moiseev N.D., Dranitsina A.N. "Conditional" nature of monitoring suspects and accused persons against whom a preventive measure in the form of a prohibition on certain actions has been imposed, and how to overcome it.// Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_314.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В 2018 году в рамках Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста» была введена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий. Данная мера пресечения вводилась как альтернатива заключению под стражу в рамках гуманизации уголовного судопроизводства, а также в связи с имплементацией международных стандартов в отечественное уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства. Так, Токийские правила, рекомендуют при избрании альтернативной меры, принимать во внимание потребности правонарушителя, с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы [1]. Помимо прочего обозначенная международная рекомендация нацелена, в том числе, и на недопустимость неоправданного

тюремного заключения, что в свою очередь влечет создание в странах-участницах ООН многоформатной системы досудебных до послесудебных мер, применяемых к правонарушителю. Ввиду этого, введение меры пресечения в виде запрета определенных действий воспринимается как целесообразное, необходимое и рациональное решение.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что запрет определенных действий первоочередно связан с уголовно-процессуальным законодательством, в рамках ч. 1 ст. 105. 1 УПК РФ предусмотрено осуществление контроля за лицами, в отношении которых данная мера пресечения избирается. Функция по его осуществлению возложена на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России (далее – УИИ), в связи с указанным считаем, что проблемные аспекты, возникающие при организации работы с подозреваемыми и обвиняемыми являются актуальным вопросом, не только уголовно-процессуального законодательства, но и уголовно-исполнительного законодательства.

Необходимо обратить внимание на то, что согласно статистическим данным ФСИН России отмечается рост лиц, к которым применяется запрет определенных действий, что говорит о востребованности меры пресечения. Сотрудниками большинства подразделений ФКУ УИИ различных территориальных органов, а также научными деятелями в исследовательских трудах выделяются недостатки в работе с подозреваемыми (обвиняемыми), которые можно условно разделить на 2 составляющие – законодательные пробелы и технические несовершенства.

Частью 6 статьи 105.1 УПК РФ [2] предусмотрены следующие запреты, которые могут быть возложены по судебному решению:

1. выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает на законных основаниях;
2. находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
3. общаться с определенными лицами;
4. отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
5. использовать средства связи и информационно- телекоммуникационную сеть Интернет;
6. управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

На протяжении длительного времени самыми дискуссионными запретами, возлагаемыми по судебному решению на подозреваемых или обвиняемых остаются – запрет на общение с определенным кругом лиц, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений и использование средствами связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Говоря о данных запретах, стоит указать, что проблема при организации контроля за их соблюдением одна – узкий круг функциональных полномочий сотрудников УИИ, а потому контроль за подозреваемыми и обвиняемыми нельзя считать достаточно полным и качественным, что ставит под сомнение работу инспекторов по данному виду учета.

Анализируя запрет, возложенный судом, связанный с общением с определенным кругом лиц, стоит отметить, что лицом, с которым запрещено общение может быть абсолютно любым в зависимости от статуса участника уголовного судопроизводства и вероятность того, что оно сообщит правоохранительным органам о фактах нарушения мала (происходит это по различным причинам). Совместный Приказ, который является ключевым документом по данному виду учета предусматривает сбор информации от лиц, с которыми общение запрещено, однако четко не регламентирует проведение данного мероприятия, не предусматривает периодичность и документ, который оформлялся бы в рамках его проведения. Считаем необходимым добавить положение в рассматриваемый нормативно-правовой акт со следующей вариативной формулировкой «при возложении судом запрета на общение с определенными лицами сотрудник УИИ осуществляет сбор информации, в том числе с использованием средств связи не реже 1 раза в месяц с оформлением соответствующих документов (в зависимости от способа получения информации), а также с помощью технических средств контроля, о фактах общения с подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или залога, лиц, указанных в решении суда».

Отправление и получение почтово-телеграфных отправлений. Что касается реализации запрета отправлять и получать почтово-телеграфные отправления в части получения почтово-телеграфных отправлений особых затруднений не возникает, так как имеющуюся копию постановления суда о соответствующем запрете УИИ направляет в почтовое отделение по месту жительства подозреваемого или обвиняемого. При поступлении корреспонденции в почтовое отделение на адрес подозреваемого или обвиняемого сотрудник почтового отделения уведомляет об этом УИИ, а УИИ – следователя либо дознавателя. Сложность реализации запрета возникает в части запрета отправлять почтово-телеграфные отправления. Это обусловлено достаточно разветвленной и обширной сетью почтовых отделений. Кроме того, нет возможности при отправке простых писем физически отследить Ф.И.О. отправителя, в лучшем случае адрес отправителя. Одним из вариантов считаем необходимость «создания общей базы между транспортными компаниями, курьерскими службами, почтой России и правоохранительными органами, осуществляющими реализацию п. 4 ч. 6 ст. 105.1 и ст. 185 УПК РФ» [3, с. 148]. Однако, отправка почтово-телеграфные сообщений подозреваемых и обвиняемых возможна через вторых лиц, что еще в большей степени затрудняет организую контроля за возложенным запретом. Есть еще один вариант решения проблемы «условности», но тесно связан с оставшимся запретом, поэтому считаем необходимым первоначально рассмотреть его.

Использование средств связи и сети Интернет является наиболее проблемным запретом в силу массовости использования, доступности и распространенности среди граждан. Хотелось бы обратить внимание на наиболее явный недостаток национального законодательства, который сильно влияет на качество контроля за данным запретом, именно отсутствием ответственности у лиц, которые работают в организациях, оказывающих услуги связи – операторов. Так как информация о абонентских договорах – конфиденциальная информация, которую в соответствии с Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О связи» они УИИ предоставить не могут [4], нет такого органа в перечне, а органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность есть, при этом такие органы в связи с широким перечнем, предо-

ставленных им полномочий, более эффективно бы выполняли функцию по контролю за соблюдением запретов предусмотренных п. 4,5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ либо же предусмотреть ответственность для операторов при отсутствии ответа за определенный период времени.

Технические средства на сегодняшний день аналогично не способствуют обеспечению контроля за соблюдением запретов в надлежащем объеме. Сотрудники УИИ безусловно приспособились отрабатывать нарушения СЭМПЛ в рамках сложившейся ситуации, однако есть и иные недостатки, о которых отмечается уже давно. Это и площадь действия контрольных устройств, и невозможность списания нарушения при неправильном снятии электронного браслета, и зависимость от многих факторов, связанных с производственными характеристиками, которые необходимо модернизировать. Помимо прочего, стоит и отметить, регулярные перебои связи, которые стали неотъемлемой тенденцией современной действительности.

Подводя итог, необходимо обратить внимание на то, что введение запрета определенных действий имеет важное значение, поскольку позволяет не только упреждать нарушение уголовно-процессуальных норм, но и вести успешную борьбу с преступностью на современном этапе [5, с. 111]. Но в тоже время, на современном этапе реализации исследуемой меры пресечения, нельзя сказать о высоком и эффективном уровне контроля за рассматриваемой категорией лиц, по причине пробелов в национальном законодательстве, а также отсутствии технического совершенствования устройств, используемых сотрудниками УИИ. Все эти причины, имеющие значение для организации работы необходимо устранять и только лишь после этого можно будет говорить о дальнейшем повышении эффективности работы с подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, нельзя не сказать, что в рамках настоящего исследования подняты далеко не все вопросы, а лишь наиболее актуальные.

Список литературы

1. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. // Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы / [сост. В. Н. Баврин и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1993. – Вып. 2. – С. 518–523.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. 1. Фетищева, Л. М. Пути решения проблем реализации пунктов 4 и 5 части 6 статьи 105.1 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сотрудниками УИИ ФСИН России / Л. М. Фетищева // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 4 (55). С.148. EDN: INVKXN
4. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Халимоненко, С. С. О причинах, способствовавших появлению в уголовном процессе России новой меры пресечения - запрет определенных действий / С. С. Халимоненко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : Материалы XXIII международной научно-практической конференции: В 2 частях, Красноярск, 02–03 апреля 2020 года. Том 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 111-113.

References

1. UN Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (the Tokyo Rules) 1990 // International cooperation in the field of human rights. Documents and materials / [compiled by V. N. Bavrin et al.]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. – Issue 2. – Pp. 518–523.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: [feder. Law No. 174-FZ dated December 18, 2001: adopted by the State Duma on November 22, 2001] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, Part 1, Art. 4921.
3. Fetishcheva, L. M. Ways to address the problems of implementing paragraphs 4 and 5 of Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by employees of the penal inspection of the Federal Penitentiary Service of Russia / L. M. Fetishcheva // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 4 (55). P. 148.
4. Federal Law No. 126-FZ dated July 7, 2001, “On Communications” // SPS “ConsultantPlus”.
5. Khalimonenko, S. S. On the reasons that contributed to the emergence of a new preventive measure in Russian criminal proceedings — the prohibition of certain actions / S. S. Khalimonenko // Current Issues in Combating Crime: Issues of Theory and Practice: Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference: In 2 parts, Krasnoyarsk, April 02–03, 2020. Volume 1. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. – Pp. 111–113.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_317
УДК 343.1

МЕТОДЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО СТАТЬЕ 88 УПК РФ
METHODS AND CRITERIA FOR ASSESSING ELECTRONIC EVIDENCE UNDER ARTICLE 88 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

КРУКОВСКИЙ Родион Николаевич,
аспирант Юридического института ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина».
167000, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, пр-т Октябрьский, д. 55.
E-mail: rodionus2014@yandex.ru;
KRUKOVSKY Rodion Nikolaevich,
postgraduate student at the Law Institute
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "SSU named after Pitirim Sorokin".
55 Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167000.
E-mail: rodionus2014@yandex.ru;

Краткая аннотация: *Научная статья посвящена комплексному исследованию проблем и методов оценки электронных доказательств в рамках системы критериев, установленных статьей 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор обосновывает тезис о том, что стремительная цифровизация общественных отношений и появление новых форм цифровых следов (облачных данных, метаданных) диктуют потребность в существенной модернизации классического доктринального понимания относимости, допустимости и достоверности доказательств. В работе критически анализируется актуальная судебная практика, включая правовые позиции Верховного Суда РФ, выявившие системные ошибки в мотивировке связи цифровых данных с обстоятельствами дела. Особое внимание уделяется «процессуальному вакууму» в регламентации изъятия и фиксации данных, а также проблемам практического применения ст. 164.1 УПК РФ. Автор предлагает внедрение специализированных стандартов верификации, основанных на обязательной технической экспертизе, криптографическом хешировании и зарубежной концепции «цепочки хранения» (chain of custody). В заключении формулируется вывод о необходимости перехода к комплексному подходу, интегрирующему технические параметры в юридическую оценку цифровой информации, что позволит минимизировать следственные ошибки и обеспечить гарантии прав участников уголовного судопроизводства.*

Abstract: *The research article is devoted to a comprehensive study of the problems and methods for evaluating electronic evidence within the framework of the criteria established by Article 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author substantiates the thesis that the rapid digitalization of social relations and the emergence of new forms of digital traces (cloud data, metadata) dictate the need for a significant modernization of the classical doctrinal understanding of the relevance, admissibility, and credibility of evidence. The paper critically analyzes current judicial practice, including the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, which revealed systemic errors in motivating the connection between digital data and the circumstances of the case. Particular attention is paid to the "procedural vacuum" in the regulation of data seizure and recording, as well as problems of the practical application of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code. The author proposes the implementation of specialized verification standards based on mandatory technical expertise, cryptographic hashing, and the foreign concept of "chain of custody." The article concludes with the necessity of moving towards an integrated approach that incorporates technical parameters into the legal evaluation of digital information, which will minimize investigative errors and ensure the rights of participants in criminal proceedings.*

Ключевые слова: *Электронные доказательства, оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность, цифровой след, метаданные, судебная экспертиза, цифровая трансформация.*

Keywords: *Electronic evidence, evidence evaluation,, relevance, admissibility, credibility, digital trace, metadata, forensic examination, digital transformation.*

Для цитирования: *Круковский Р.Н. Методы и критерии оценки электронных доказательств по статье 88 УПК РФ // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 317-320. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_317.*

For citation*: Krukovsky R.N. Methods and criteria for evaluating electronic evidence under Article 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 317-320. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_317.*

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Развитие электронных технологий, появление искусственного интеллекта, квантовых компьютеров, а также иных новелл современности формируют новейшую среду существования человека, порождая новые формы общественных отношений, требующие правового регулирования на всевозможных его уровнях. Уголовный процесс в данном контексте не является исключением, ведь развитие правоотношений непосредственно затрагивает и его. В связи с чем закономерным видится развитие данной отрасли права в рамках глобальной цифровизации.

Научная работа посвящена переосмыслению классических категорий доказательственного права в рамках критериев относимости, допустимости и достоверности электронных доказательств. Классические подходы не способны в полной мере охватить специфику цифровых доказательств, что, несомненно, является проблемой и вызывает трудности на практике. Неверная оценка доказательств в свою очередь напрямую влияет на осуществление основных задач уголовного судопроизводства - защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также обеспечения права на защиту всех участников процесса. Что может повлечь к неверным процессуальным решениям, создающим препятствия осуществлению правосудия, а при исключительных обстоятельствах: 1) к необоснованному обвинению лиц являющихся невиновными; 2) к освобождению лиц фактически причастных к преступлению. Указанную проблему также в своих трудах упоминает Воронин М.И., приводя в пример практику отмены приговоров неправомерно выносимых по статье 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей», суды первой инстанции не учли особенностей составообразующих доказательств и как следствие допустили ошибки в оценке их относимости к делу[5, С. 121].

Оценка доказательств представляет собой сложную мыслительную деятельность компетентных органов в установлении реальных событий преступления в ретроспективе на основе имеющихся данных способных подтверждать, либо в ином случае опровергать фактические обстоятельства дела. Само исследование доказательств происходит в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), исследованию подлежат доказательства, отвечающие требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Таким образом, необходимо произвести анализ доказательств обличенных в принципиально новую форму — электронного доказатель-

ства в соответствии с критериями, предъявляемыми доказательствам в уголовном процессе (статья 88 УПК РФ), а также выделить специфику, отличающую данный вид доказательств от уже привычных видов закрепленных в статье 74 УПК РФ, при этом данный анализ производится в контексте выделения электронного доказательства как отдельного опосредованного вида доказательств в уголовном процессе.

В данной связи каждый критерий требует отдельного внимания. Так доказательства, соответствующие критерию относимости — это сведения способные своим содержанием подтвердить или же наоборот опровергнуть обстоятельства, входящие в предмет доказывания, установленный в ст. 73 УПК РФ [1], имеющие значение для уголовного дела. Доктрина расширяет указанное понятие рассматривая критерий относимости как логическую связь между содержанием доказательства и подлежащим установлению фактами с указанием на необходимость его информационной направленности. Таким образом, первостепенной задачей при оценке доказательств по указанному критерию компетентным органам следует обращать внимание на так называемую причинно-следственную связь доказательства с событием преступления и рассматривать вероятность такой связи. Оценка электронных доказательства в рамках данного критерия является трудоемкой задачей ввиду большого разнообразия форм, ведь содержание электронного доказательства может быть представлено в виде электронного документа, мультимедийных файлов, данных из информационно-коммуникационных сетей, метаданных (информации о времени и месте создания или изменения файла, цифровые подписи и сертификаты, журналы событий, данные о маршрутизации и трафике), данные с технических устройств и данный перечень определенно точно нельзя назвать закрытым, регулярно появляются новые форматы данных выраженных в электронной форме. При этом основа оценки данного вида доказательств остается неизменной, необходимо установить, что:

1. Информация, предоставляемая в формате электронного доказательства, имеет прямое или косвенное значение для установления хотя бы одного из фактов, предусмотренных ст. 73 УПК РФ;
2. Есть возможность установить связь между электронной информацией и событием преступления;
3. Содержание данных имеет юридическое значение, а не является произвольным или не идентифицируемым.

Само по себе содержание электронного объекта (электронный документ, лог-файл, медиафайлы и т. д.) не всегда прямо указывает на причастность конкретного лица или же обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В данном контексте критически важным является правильная интерпретация электронного доказательства в массиве иных доказательств, а также комплексный подход в непосредственном исследовании доказательств, изучая не только содержательную сторону цифровых сведений, но и технические условия их получения, хранения и воспроизведения, поскольку именно в совокупности эти параметры позволяют определить, относится ли информация к обстоятельствам дела и может ли она быть использована в качестве значимого доказательства. Кроме того, сложность оценки проявляется при столкновении с электронными данными, требующими профессиональной оценки, что не дает лицу, не обладающему специальными познаниями установить относимость тех или иных данных касательно обстоятельств, подлежащих доказыванию без проведения специализированной экспертизы. В данной связи проявляется риск утраты причинно-следственной связи в случае отсутствия такой экспертизы, а также к затягиванию процесса при ее наличии, опять же в сравнении с процессом без электронных доказательств. Рассмотрим пример неверной оценки доказательств в практике Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) - кассационное определение по делу № 77-УД25-1-К1 от 17 апреля 2025 года [4]. В данном деле подсудимый был осуждён по статьям 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) за неправомерный доступ к компьютерной информации и использование компьютерных программ, предназначенных для блокирования информации, а также создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. На стадии апелляции Липецким областным судом от 25 августа 2022 года приговор в отношении ФИО1 изменен, постановлено считать ФИО1 осужденным по ч. 1 ст. 273 УК РФ[2] к 1 году ограничения свободы с возложением ограничений и обязанности. Постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2022 года приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения. Основой обвинения послужили электронные данные, в том числе логи посещения интернет-страниц, даты установки программного обеспечения на игровой приставке.

ВС РФ указал, что суд первой инстанции не предоставил мотивированного и всестороннего анализа связи электронных доказательств с инкриминируемыми деяниями. В частности, отсутствовали чёткие выводы о том, каким образом данные логи и даты установки программ подтверждают факт блокирования компьютерной информации, что является ключевым элементом состава преступления. Кроме того, суд не дал оценку экспертным заключениям и не мотивировал, почему именно эти электронные материалы признаны относимыми.

В результате Верховный Суд отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение, подчеркнув необходимость строгого соблюдения процессуальных требований к оценке электронных доказательств, включая их относимость, допустимость и достоверность (Определение ВС РФ № 77-УД25-1-К1 от 17.04.2025). Данный пример подчёркивает, что наличие электронных доказательств само по себе не гарантирует их относимость, и суд обязан обосновать их связь с обстоятельствами дела. Отсутствие мотивированной оценки электронных данных ведёт к признанию судебных актов незаконными. Предполагается, что при оценке электронных доказательств должен применяться комплексный подход, о чем говорит и практика - Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022[3].

В связи с чем становиться очевидной потребность в выработке и закреплении специализированных процессуальных стандартов установления относимости электронных доказательств, которые бы предусматривали:

1. Обязательную фиксацию контекста формирования цифровых данных:

- кто, когда и каким способом создал или сохранил или модифицировал электронные данные;
- фиксация условий и технических средств, при помощи которых были получены и сохранены цифровые сведения.

2. Поэтапную верификацию связи между цифровым следом и объективными обстоятельствами дела через техническую экспертизу

- выявление изменений данных, определение времени и субъекта внесения изменений, а также влияние этих изменений на содержимое

и достоверность информации;

- исследование контекста и идентификация принадлежности данных конкретному лицу на основе технических идентификаторов (IP-адрес, логин, устройство и др.);

- оценка технических параметров и средств контроля целостности (хэш-суммы, цифровые подписи, лог-файлы) с целью подтверждения неизменности содержания.

3. Выделение и обоснование относимых фрагментов электронных доказательств:

- критерии отграничения релевантных, существенных для дела данных от необоснованно включаемых сведений, не имеющих значения для установления фактов.

4. Документированное обоснование выводов суда об относимости электронных доказательств:

- мотивированное указание на то, каким образом конкретные цифровые данные соотносятся с элементами состава преступления и подтверждают или опровергают обстоятельства дела.

Такая методологическая система позволила бы снизить субъективизм интерпретаций и укрепить обоснованность выводов о значимости электронных доказательств.

Следующим критерием оценки электронных доказательств является критерий допустимости. По нашему мнению, это наиболее уязвимый критерий среди указанных в статье 88 УПК РФ ввиду наименьшей мобильности регламентации. Неверное позиционирование законодательной базы касательно допустимости доказательств приводит к исключению из дела доказательств порой критически важных для осуществления правосудия. В данной связи в доктрине наиболее остро обсуждается вопрос допустимости электронных доказательств. большое количество авторов занимаются изучением данного вопроса к таким авторам относятся: Вологина Е.В., Голоманчук Э.В., Количенко А.А., Никурадзе Н.О., Папикян А.П. и другие. Рассматриваемые научными деятелями вопросы действительно находят свое отражение в оценке электронных доказательств по критерию допустимости. Так Папикян А.П. в своем научном изыскании приводит четыре основных критерия допустимости электронных доказательств: 1) доказательство должно быть получено компетентным субъектом доказывания; 2) доказательство должно исходить из источника, предусмотренного уголовным законодательством; 3) необходимо строгое соблюдение процедуры, установленной уголовным законом; 4) порядок получения доказательств должен быть зафиксирован в соответствии с требованиями УПК РФ[9, С.211].

Данные критерии действительно могут отражать требования к допустимости электронных доказательств, однако не учитывают специфики такого вида доказательств и в настоящее время сложно говорить о возможности цифровых доказательств в полной мере соответствовать указанным критериям ввиду отсутствия нормативного закрепления электронных доказательств в УПК РФ. Однако остается и ряд вопросов, требующих раскрытия:

Во-первых, недостаточно раскрывается технический аспект допустимости цифровых доказательств. Учитывая, что электронные данные весьма легко поддаются изменению, данный вопрос рассматривается как критически необходимый, особое значение приобретает обязательность их хеширования, ведения журналов (логов) доступа и удостоверения подлинности носителя. Фиксация такого рода информации позволит защитить сторону защиты от недобросовестного истолкования доказательств стороной обвинения. Во-вторых, проблема допустимости осложняется отсутствием в законодательстве чётких процедур фиксации действий по получению электронного доказательства. В отличие от вещественных доказательств, для цифровых данных важно не только изъятие носителя, но и процесс копирования, конвертации, передачи в органы предварительного расследования. Всё это требует документирования с соблюдением технической воспроизводимости. При этом, как показывает практика, на данный момент данная процедура сбора и оформления в должной мере не используется, в материалах дела отсутствуют сведения, подтверждающие неизменность информации, данный вопрос не освещается. К сожалению, положительную динамику стороне защиты не сформировала и новелла уголовного процесса статья 164.1 УПК РФ, так как фактически на практике не нашла себе применения. Изучая практику нередко, можно столкнуться с односторонней позицией суда касательно применения данной статьи «специалист принимает участие в следственных действиях по усмотрению следователя (дознавателя). В силу с ч. 3 ст. 164.1 следователь (дознаватель) в ходе производства следственного действия вправе самостоятельно осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе, в связи с чем довод защиты о том, что осмотр и изъятие видеофайла с телефона «Honor-10» произведен следователем, не обладающим специальными познаниями, в отсутствие специалиста не состоятелен.».

В данной связи сложно сделать вывод, что введение данной статьи поспособствовало улучшению нормативного закрепления критерия допустимости электронных доказательств. При этом неоспоримым фактом является, что допустимость электронного доказательства должна рассматриваться не только через призму правовых процедур, но и через призму технической достоверности: насколько доказательство подтверждено методами цифровой идентификации, насколько оно может быть повторно получено без искажения, и есть ли подтверждение подлинности.

Значимым направлением развития представляется нормативное закрепление проверки цифровой допустимости с участием специалиста или эксперта - как обязательного элемента для признания электронного доказательства надлежащим. Например, следователь может представить заключение специалиста об условиях получения файла, цифровой подписи и идентификации устройства, с которого информация получена.

Интересной видится и позиция научных деятелей, рассматривающих возможность введения в реалии уголовного процесса России концепций зарубежной практики проверки электронных доказательств, где допустимость электронных доказательств обеспечивается наличием полной цепочки хранения и доступа к цифровому следу (chain of custody)[12,С.123]. Нарушение этой цепочки, отсутствие зафиксированных параметров файлов, следов изменения или удаления информации объективно подрывают доверие к доказательству и должны влечь его признание недопустимым.

Таким образом, критерий допустимости электронных доказательств требует модернизации в двух направлениях:

1) нормативного уточнения процедур и стандартов фиксации цифровых данных;

2) интеграции технических параметров в юридическую оценку. Без этого электронные доказательства, даже полученные законным путём, рискуют быть исключены из процесса доказывания по формальным причинам, либо использованы недобросовестно при отсутствии полноценной проверки.

Переходя к критерию достоверности, необходимо подчеркнуть, что именно этот элемент оценки доказательств выполняет проверочную функцию, позволяющую суду и иным субъектам уголовного процесса установить, соответствует ли представленное доказательство объективной реальности. Важность данного критерия подчеркивается в ряде работ, посвященных изучению вопроса электронных доказательств, так, например Ибрагимова, А. М. утверждает, что «несмотря на сохранение единства содержания и формы, широкое распространение электронной информации потребует поиска новых способов обеспечения ее достоверности...»[6, 111].

В случае с электронными доказательствами достоверность приобретает особое значение в связи с их уязвимостью к подделке, искажению и незаметному редактированию. Следовательно, при оценке достоверности цифровых доказательств возникает потребность в выработке дополнительных ориентиров, выходящих за рамки традиционных критериев. Интересную интерпретацию критерия достоверности электронных доказательств предложил А.А. Количенко “правовое требование, определяющее соответствие содержания доказательства, находящегося в виртуальной реальности, объективной действительности, не вызывающее сомнений у лица, уполномоченного на оценку доказательств.”[7, С.212]. На наш взгляд данная позиция действительно емко и в полной мере отражает понятие достоверности электронных доказательств, однако в данной связи видится необходимость уточнения критериев оценки, т. к. формулировка “не вызывающее сомнений” не дает ответов касательно самой оценки доказательства. Не ясно, на что конкретно ориентироваться при оценке данного вида доказательств и что должно вызывать сомнения в достоверности электронного доказательства. В связи с чем предлагаем рассмотреть следующие критерии оценки достоверности электронных доказательств:

1) Подтверждение целостности и неизменности электронных доказательств;

2) Участие специалистов при сборе электронных доказательств, требующих интерпретации, при необходимости техническая экспертиза (исключение искажение информации);

3) Надежность средств хранящих\воспроизводящих полученные электронные доказательства.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам:

На данный момент критерии оценки электронных доказательств не имеют достаточной законодательной регламентации, а на практике весьма часто оценка сводиться к “проверке” внутренних убеждений судьи. Изучив критерии оценки электронных доказательств, можно отметить, что основная методологическая база оценки базируется на фундаментальных критериях, однако касательно электронных доказательств весьма четко прослеживается необходимость дополнения “фундамента” положениями способными в должной мере охватить специфику электронных доказательств.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" // Российская газета. 2022. № 289.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.04.2025 № 77-УД25-1-К1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 25.03.2026).
5. Воронин, М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. №8 (129). С. 118-127. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128 EDN: NCPIRV
6. Ибрагимова, А. М. Модернизация доказывания в уголовном судопроизводстве в условиях цифровой трансформации / А. М. Ибрагимова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3(61). С. 106-114. DOI: 10.37973/2227-1171-2025-16-3-106-114 EDN: KTUZAQ
7. Количенко, А. А. Свойство достоверности как критерий оценки электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве / А. А. Количенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №4 (60). DOI: 10.36511/2078-5356-2022-4-209-213 EDN: ITINEG
8. Никурадзе Н.О. К вопросу об оценке "электронных доказательств" в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. №508. С. 258-269. DOI: 10.17223/15617793/508/28 EDN: QIUANU
9. Папикян А.П. Критерии допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / А.П. Папикян // Социально-политические науки. 2023. № 5. С. 112-115.
10. Рябова, О. В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств / О. В. Рябова // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 659–663.
11. Смирнова, К. А. Цифровые доказательства в уголовном процессе / К. А. Смирнова, Н. Н. Смирнов // Образование и право. 2024. № 5. С. 564-567. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-564-567 EDN: FTHPEC
12. Темников, А. С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы и перспективы использования криптографического хеширования / А. С. Темников // Вестник науки. 2025. № 3 (84). С. 17–22.
13. Харисова З.И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник УЮИ. 2025. №2 (108). С.116 — 126.

References:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 23, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on March 4, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of December 15, 2022 “On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunications Networks, Including the Internet” // Rossiyskaya Gazeta. 2022. No. 289.
4. Cassation Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 77-UD25-1-K1 of April 17, 2025 [Electronic resource] // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation.
5. Voronin, M. I. “Features of Evaluating Electronic (Digital) Evidence” // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 8 (129). pp. 118–127.
6. Ibragimova, A. M. “Modernization of Evidence in Criminal Proceedings in the Context of Digital Transformation” / A. M. Ibragimova // Law and Justice. 2025. No. 2. pp. 1–5.
7. Olichenko, A. A. “The Property of Reliability as a Criterion for Evaluating Electronic Evidence in Modern Criminal Proceedings” / A. A. Kolichenko // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (60).
8. Nikuradze, N. O. “On the Issue of Evaluating ‘Electronic Evidence’ in Criminal Proceedings in the Context of Russian and Foreign Experience” // Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 508. pp. 258–269.
9. Papikyan, A. P. “Criteria for Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings” / A. P. Papikyan // Social and Political Sciences. 2023. No. 5. pp. 112–115.
10. Ryabova, O. V. “Problems of Improving the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regarding the Regulation of Electronic Evidence” / O. V. Ryabova // Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (68). pp. 659–663.
11. Smirnova, K. A.; Smirnov, N. N. “Digital Evidence in Criminal Proceedings” / K. A. Smirnova, N. N. Smirnov // Education and Law. 2024. No. 5. pp. 564–567.
12. Temnikov, A. S. “Electronic Evidence in Criminal Proceedings: Problems and Prospects of Using Cryptographic Hashing” / A. S. Temnikov // Bulletin of Science. 2025. No. 3 (84). pp. 17–22.
13. Kharisova, Z. I. “Problems and Ways to Improve the Collection of Digital Evidence in the Investigation of Crimes in the Sphere of Computer Information” // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). pp. 116–126.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_321

УДК 343.85

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ)
CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT (USING THE EXAMPLE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE)

КАЛЯШИН Андрей Владимирович
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Владимирского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а.
E-mail: cav71@list.ru

ДРОЖЖИНОВ Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета
Владимирского юридический институт ФСИН России, г. Владимир,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: bloodsugarmagic@mail.ru

ТЮКАНОВА Виктория Романовна,
старший преподаватель-методист отделения планирования и методического обеспечения
образовательного процесса учебного отдела Университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург,
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.
E-mail: teovik@mail.ru

KALYASHIN Andrey Vladimirovich
Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law Vladimir branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Law, Associate Professor Vladimir,
600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а.
600017, Russia, Vladimir Oblast, Vladimir, Gorky Street, house 59a.
E-mail: cav71@list.ru

DROZHZHINOV Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer of the Department of the Organization of the Mode and Supervision Law Faculty
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,
600020, Russia, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 67E.
E-mail: bloodsugarmagic@mail.ru

TYUKANOVA Victoria Romanovna,
Senior Lecturer-Methodologist of the Department of Planning and Methodological Support of the Educational Process
of the Educational Department of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg,
196602, Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Sapernaya Street, 34.
E-mail: teovik@mail.ru

***Краткая аннотация**: в статье исследуются актуальные проблемы профилактики правонарушений в современной образовательной среде. Проводится анализ нормативно-правовой базы, раскрывается специфика противоправных деяний, характерных для образовательных организаций, и выделяются их типовые проявления. На примере курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний формулируются положения, направленные на профилактику правонарушений.*

***Abstract:** This article examines current issues of crime prevention in the modern educational environment. It analyzes the legal framework, reveals the specifics of illegal acts common in educational institutions, and identifies their typical manifestations. Using the example of cadets from departmental universities of the Federal Penitentiary Service, provisions aimed at crime prevention are formulated.*

***Ключевые слова**: образовательная среда, правонарушение, профилактика, курсанты, высшие учебные заведения, Федеральная служба исполнения наказаний, правила внутреннего распорядка, уголовно-исполнительная система.*

***Key words:** educational environment, offense, prevention, cadets, higher education institutions, Federal Penitentiary Service, internal regulations, penal system.*

***Для цитирования:** Каляшин А.В., Дрожжинов Д.Е., Тюканова В.Р. Профилактика правонарушений в образовательной среде (на примере высших учебных заведения федеральной службы исполнения наказаний) // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_321.*

***For citation**: Kalyashin A.V., Drozhzhinov D.E., Tyukanova V.R. Prevention of offenses in the educational environment (using the example of higher education institutions Federal Penitentiary Service) // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_321.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Профилактика правонарушений в образовательной среде представляет собой актуальную научно-практическую задачу, значимость которой определяется взаимодействием социальных, педагогических и нормативно-правовых факторов. В рамках ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) данная проблема приобретает особую значимость: курсанты, как будущие сотрудники российской уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), обязаны демонстрировать высокий уровень правовой культуры. Их правомерное поведение выступает ключевым фактором поддержания престижа профессии и обеспечивает надёжность функционирования правоохранительных институтов государства.

Согласно приказу Федеральной службы исполнения наказаний от 9 июля 2021 г. № 593 «Об утверждении Порядка и условий приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении ФСИН России» в ведомственный образовательные организации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) принимаются для обучения по программам бакалавриата либо специалитета по очной форме обучения граждане Российской Федерации, в возрасте от 16 до 25 лет на дату зачисления.

В силу положений Гражданского кодекса Российской Федерации, способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Исходя из сказанного большинство курсантов первого и второго курса, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета в ведомственных высших учебных заведения ФСИН России, могут являться несовершеннолетними гражданами. Именно в этот период своего развития курсанты, на наш взгляд, наиболее подвержены негативному влиянию со стороны внешних субъективных и объективных факторов, способных подтолкнуть их к совершению правонарушений, и требуют особого внимания со стороны руководства учебных заведений.

В подтверждение актуальности темы исследования приведем выдержки из выступлений глав некоторых силовых структур, касающихся правонарушений, совершаемых в молодежной сфере.

Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Владимирович Гуцан, подводя итоги деятельности надзорного ведомства за 2025 год подчеркнул, что число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличилось на 10%. При этом каждое пятое деяние связано с незаконным оборотом наркотиков, каждое третье совершено с использованием информационных технологий. В своем выступлении Александр Владимирович отметил, что кратно возросло число подростков, вовлеченных в преступления террористической направленности, которые приобретают все более агрессивные формы (поджоги, порча и уничтожение военного имущества, объектов транспортной инфраструктуры). Причину роста подростковой преступности глава надзорного ведомства связал, в том числе, с просчетами субъектов профилактики, и особо отметил, что на сегодняшний день детей втягивают в совершение противоправных действий не «дворовые хулиганы», а профессионально подготовленные люди, военные психологи, цель которых нанести максимальный урон Российской Федерации, нашему подрастающему поколению.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин на расширенное заседание коллегии об итогах работы следственных органов ведомства в 2025 году и задачах на 2026 год в своем докладе обозначил, что в подотчетном году расследовано 23000 криминальных деяний, где потерпевшими стали несовершеннолетние. Александр Иванович в своем выступлении также сообщил, что в суд было передано для рассмотрения свыше 12000 уголовных дел о преступных посягательствах в отношении детей, следователи признали потерпевшими почти 17000 несовершеннолетних. Всё это, по мнению главы Следственного ведомства, требует разработки специальных и глубоких мер профилактики.

Профилактика как социально значимый феномен неизменно находится в фокусе междисциплинарных исследований. Её изучают представители различных научных направлений - от криминологии до юриспруденции [1, С. 38]. Важно отметить, что в лингвистическом справочнике, систематизирующем и объясняющем значения слов современного русского языка профилактика определяется в качестве совокупности мероприятий, предупреждающих или предохраняющих от чего-нибудь [4, С. 940].

Сегодня законодатель уделяет повышенное внимание профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Ключевые документами являются:

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Кроме указанного деятельность по профилактике правонарушений в образовательной среде регламентируется локальными актами образовательных организаций (уставы, правила внутреннего распорядка, положения о профилактической работе).

Образовательная среда образовательных организаций ФСИН России отличается от гражданских вузов рядом особенностей:

1. служебно-дисциплинарный режим: курсанты подчиняются правилам, близким к армейским (ношение формы, специальные звания [2, С. 9-16], распорядок дня, субординация);
2. профессиональная направленность: обучение ориентировано на подготовку сотрудников УИС, что накладывает повышенные требования к морально-этическим качествам курсантов;
3. замкнутость коллектива: проживание в общежитиях, ограниченный круг общения могут усиливать влияние негативных факторов внутри группы.

Эта специфика создают как преимущества (жёсткий контроль, сплочённость), так и риски (стресс, конфликты, латентность правонарушений).

Выделим типовые правонарушения, которые традиционно встречаются как в курсантской, так и в студенческой среде:

К распространённым нарушениям относится нарушение правил внутреннего распорядка вуза. Например, курение на территории учебного заведения, пронос и употребление спиртных напитков, повреждение датчиков пожарной безопасности, опоздания на учебные занятия, нарушения правил прохода на территорию учебного заведения. Также к данной группе правонарушений относятся конфликты и правонарушения в общежитиях. Это могут быть как нарушения так называемых «уставных» взаимоотношений между курсантами (дедовщина), так и нарушения пропускного режима, допуск посторонних лиц без согласования с администрацией, переселение из комнаты в комнату без согласования с руководством учебного заведения. Условно обозначим данную группу правонарушений как «реальные правонарушения».

Также к распространенным правонарушениям в студенческой среде можно отнести правонарушения, связанные с использованием информационных технологий. Например, мошенничество в интернете, участие в мошеннических схемах, распространение запрещённого контента и вовлечение курсантов в деструктивные сообщества с помощью применения различных коммуникационных методов в сети интернет. Это могут быть группы, пропагандирующие экстремистские, террористические или иные противоправные идеи. В современных реалиях такие сообщества действуют, как

правило, именно в виртуальном пространстве. Также условно обозначим данную группу правонарушений как «виртуальные правонарушения». Следовательно, каждое третье нарушение законодательства, согласно вышеприведенного доклада Генерального прокурора Российской Федерации, мы можем отнести к «виртуальному правонарушению» и профилактике именно данного направления следует уделить особое внимание.

В спектре рассматриваемой проблемы стоит учитывать тот факт, что распорядок дня курсанта ведомственного образовательной организации ФСИН России значительно отличается от распорядка дня студента гражданского вуза. Ношение формы, построения, передвижения строем, несение службы в суточных нарядах, обязательное проживание в курсантском общежитии, социальная поддержка и адаптация (постоянный контроль со стороны руководства, учебно-строевых и учебно-вспомогательных подразделений, психологов, отдела по работе с личным составом учебного заведения), просветительская работа (периодическое проведение бесед и инструктажей по разъяснению норм законодательства Российской Федерации и ответственности за их нарушение, организация встреч с сотрудниками различных правоохранительных органов, в рамках которых разъясняется основания привлечения к административной и уголовной ответственности за совершение различных правонарушений), развитие досуговой инфраструктуры (организация спортивных секций, кружков по интересам, посещение культурных мероприятий), вовлечение обучающихся в волонтёрские программы и социальные проекты являются важными критериями, дисциплинирующими курсанта, и одновременно являются мерой профилактики по совершения им противоправных действий.

Необходимо, что курсанты ведомственных вузов ФСИН России, как действующие сотрудники УИС, обязаны носить присвоенную форму одежды, в том числе и за территорией образовательной организации, что, как мы описали выше, может служить дисциплинирующим фактором, но также, в условиях проведение Российской Федерацией специальной военной операции, может являться фактором повышенного внимания со стороны как гражданского населения, так и со стороны спецслужб недружественных государств. Курсант должен всегда помнить, что через призму его поведения в обществе создается общественное мнение о сотрудниках правоохранительных органов в целом и сотрудников УИС в частности. Один неправомерный поступок одного курсанта (даже самый незначительный) может быть использован противниками России для очернения образа нашей Родины в глазах мирового сообщества. Акцентирование внимания на данном моменте со стороны руководства ведомственных учебных заведений ФСИН России при проведении индивидуально-воспитательной работы с личным составом, направленной на профилактику правонарушений в курсантской среде, на наш взгляд, окажет положительное влияние на обучающихся.

Важно отметить, что в связи с бурным развитием информационных технологий в отношении курсантов ведомственных вузов ФСИН России наиболее остро стоит проблема профилактики и пресечения правонарушений именно в виртуальном пространстве, обозначенных нами выше, как «виртуальные правонарушения».

Способы коммуникаций с использованием современных информационных технологий предполагают общение в так называемых мессенджерах в сети интернет, которые, в свою очередь, как правило, гарантируют пользователям конфиденциальность и шифрование переписки. Но в то же время не исключают передачи личной или служебной информации определенному кругу лиц. Профессиональные психологи, используя специальные приемы, могут завоевать доверие курсанта. Особую опасность, на наш взгляд, представляет тот факт, что, в силу специфики распорядка дня курсантов ведомственного вуза ФСИН России, их общение в различных социальных сетях в сети интернет [3, С. 39-44] происходит в большинстве своём вне стен учебных заведений (увольнения, отпуска) или во временной промежуток, который в правилах внутреннего распорядка чаще всего называют личным (свободным) временем обучающего. То есть контроль со стороны руководства в данный временной промежуток либо ослаблен, либо отсутствует вовсе. Здесь хотим присоединиться к позиции Н.С. Сысолиной и А.В. Кушнарёвой, которые считают, что свободное время в изобилии способствует формированию асоциального поведения, замедляет развитие культурных и нравственных начал и, как следствие, приводит к крайней форме негативного, отклоняющегося от нормального поведения – совершению противоправных поступков и преступлений [5, С. 44-51].

На основании вышесказанного и в целях предупреждения совершения правонарушений в курсантской среде предлагаем разработать дополнительную профессиональную программу – программу повышения квалификации для курсантов ведомственных вузов УИС, направленную на профилактику нарушений закона, связанных с использованием информационных технологий (например, «Основы правой культуры общения курсантов ведомственных вузов ФСИН России в сети интернет и профилактика их правонарушений в виртуальном пространстве») и включить её в список программ, реализуемых высшими учебными заведениями УИС в рамках выполнения планов профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ФСИН России. На наш взгляд, повышение правовой осведомленности студентов в данной сфере снизит уровень правового нигилизма и поспособствует формированию законопослушного поведения курсантов.

Список литературы

1. Карлов И. В. Предупреждение правонарушений среди обучающихся образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2019. - № 8 (207). - С. 9-16. EDN: BIWBKK

2. Лопаева Н.С., Резер Т.М. Система профилактики правонарушений в студенческой среде: основные понятия и подходы // Педагогическое образование в России. - 2023. - № 5. - С. 38-50. EDN: UDZSMJ

3. Новиков Д. В. Профилактика деструктивного поведения обучающихся высших учебных заведений под влиянием сети интернет // В сборнике: Педагогическое образование: новые вызовы и цели. VII Международный форум по педагогическому образованию: сборник научных трудов. Казань, - 2021. - С. 39-44. EDN: SUXQEM

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. // Москва: Мир и Образование, 2019. - 1376 с.

5. Сысолина Н.С., Кушнарёва А.В. Развитие досуговой деятельности несовершеннолетних как направление профилактики подростковой преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2022. - № 3 (62). - 44-51. DOI: 10.25724/VAMVD.A017 EDN: DOGORR

References

1. Karlov I. V. Prevention of offenses among students of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. – 2019. – No. 8 (207). – Pp. 9–16.

2. Lopaeva N. S., Rezer T. M. The system of crime prevention in the student environment: basic concepts and approaches // Pedagogical Education in Russia. – 2023. – No. 5. – Pp. 38–50.

3. Novikov D. V. Prevention of destructive behavior among university students under the influence of the Internet // In the collection: Pedagogical Education: New Challenges and Goals. VII International Forum on Pedagogical Education: Collection of Scientific Papers. Kazan, – 2021. – Pp. 39–44.

4. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. // Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. — 1376 p.

5. Sysolina N.S., Kushnaryova A.V. Development of leisure activities for minors as a direction for preventing juvenile crime // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 3 (62). – 44–51.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_324

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАЗНАЧЕНИИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ABOUT THE PEDAGOGICAL PURPOSE OF FIXED ASSETS CORRECTIONS OF THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, building 15a, building 1.
e-mail: yutish@list.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена рассмотрению психолого-педагогического назначения основных средств исправления осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В работе обосновывается мнение о том, что основные средства исправления осужденных связаны между собой и составляют определенную систему, поскольку в своей взаимосвязи они представляют некую целостность. Исключение хотя бы одного из этих средств может разрушить действующую систему, поскольку она перестанет быть воспитывающей, то есть потеряет свою качественную определенность. В процессе исследования автор рассматривает педагогическое назначение таких средств исправления осужденных, как труд, получение общего образования и профессиональное обучение, а также режим. Автор отмечает взаимосвязь основных средств исправления осужденных как отдельных элементов единой системы. Режим обеспечивает условия для реализации всех других средств исправления. Трудовая деятельность осужденных составляет основу воспитательного процесса в целом. Повышение общеобразовательного и профессионального уровня осужденных стимулирует их активность в труде и служит основой для более успешной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.*

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the psychological and pedagogical purpose of the main means of correction of convicts serving sentences in the form of imprisonment. The paper substantiates the opinion that the main means of correcting convicts are interconnected and constitute a certain system, since in their interrelation they represent a certain integrity. The exclusion of at least one of these means can destroy the current system, since it will cease to be educative, that is, it will lose its qualitative certainty. In the course of the research, the authors consider the pedagogical purpose of such means of correcting convicts as labor, general education and vocational training, as well as the regime. The authors note the interrelation of the main means of correction of convicts as separate elements of a single system. The mode provides conditions for the implementation of all other means of correction. The labor activity of convicts forms the basis of the educational process as a whole. Improving the educational and professional level of convicts stimulates their activity in work and serves as the basis for more successful re-socialization after release from prison.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, воспитательная работа, труд, образование, режим, исправление, средства исправления.*
***Key words:** correctional institutions, imprisonment, convicts, educational work, labor, education, regime, correction.*

***Для цитирования:** Тищенко Ю.Ю. О педагогическом назначении основных средств исправления осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 324-326. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_324.*
***For citation**: Tishchenko Yu.Yu. On the pedagogical purpose of the main means of reforming convicts sentenced to imprisonment // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 324-326. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_324.*

Статья поступила в редакцию: 21.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Как известно, к основным средствам исправления осужденных законодатель относит установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ч. 2, ст. 9) Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). При этом, совершенно закономерно поставить вопрос о том, почему именно вышеуказанные средства признаются в качестве основных в процессе воспитательного воздействия и исправления осужденных к лишению свободы.

Полагаем, что названная выше совокупность средств наиболее полно отражает связь между такими категориями, как цель и средство, поскольку гуманной цели при исполнении наказания, то есть исправлению осужденных, соответствуют гуманные средства, ведущие к восстановлению и развитию личности.

В указанных выше средствах проявляются основные виды деятельности, в которых формируется личность осужденного. То есть, реализация указанных средств, предполагает практическое воплощение основной закономерности, воспитание и исправление, равное формированию личности при осуществлении конкретной деятельности.

В рассматриваемых нами средствах реализуются основные направления процесса воспитательного воздействия, оказываемого на осужденных. Мы считаем, что трудовая деятельность не только способствует профессиональному развитию, но и служит основой, нравственного воспитания, физического и эстетического развития.

Все вышеперечисленные средства исправления осужденных связаны между собой и составляют определенную систему, поскольку в своей взаимосвязи они представляют некую целостность. Полагаем, что исключение хотя бы одного из этих средств может разрушить действующую систему, поскольку она перестанет быть воспитывающей, то есть потеряет свою качественную определенность.

Отметим, что каждое из перечисленных средств занимает свое особое место в системе. Так, правильно организованный режим обеспе-

чивает условия для проведения воспитательной работы, организации трудовой деятельности, общеобразовательного и профессионального обучения. В то же время эффективная работа производства в значительной степени определяется хорошо налаженным режимом и постановкой воспитательной работы в исправительном учреждении (далее – ИУ). При этом повышение уровня образования осужденных оказывает свое влияние на их трудовую активность, способствует скорейшему овладению современными профессиями, служит основой более успешной ресоциализации после отбытия наказания в виде лишения свободы.

Обратим внимание, что все указанные средства и методы могут рассматриваться как воспитательные, в том числе и режим. Полагаем, что любое из предложенных средств, в зависимости от способа его применения, особенностей личности и складывающихся ситуаций, мастерства и профессиональных знаний сотрудников ИУ, может быть по своей направленности воспитательным.

Рассматривая трудовую деятельность осужденных к лишению свободы, отметим, что она является основой процесса оказания воспитательного воздействия на осужденных, поскольку труд всегда служил средством не только изменения мировоззрения, но и переориентации личности. В настоящее время, труд не потерял своего воспитательного значения, поскольку именно в трудовой деятельности формируются физиологические и психические свойства личности, развиваются ее способности, навыки и умения, нравственные качества, нравственные качества. В данном случае следует согласиться с мнением Ю.Ш. Мухтаровой, которая справедливо отмечает, что труд осужденных выполняет как воспитательную, так и экономическую роль. Воспитательная роль труда состоит в том, что он предохраняет человека от деградации: организует психику, интегрирует жизнедеятельность определенной целью, создает условия для полноценного межличностного общения [6, с. 43].

Трудовая деятельность осужденных может оказаться и нейтральным средством по отношению к цели деятельности ИУ, только если труд не будет рассматриваться в общей системе воспитательных воздействий и отвечать определенным педагогическим требованиям. При этом труд осужденных должен быть производительным, то есть связанным с созданием конкретных материальных ценностей.

Труд осужденных должен быть еще и общественно полезным. Не случайно, что успехи в области воспитательной работы с осужденными достигаются там, где осужденные выполняют важные государственные заказы, имеющие общественное значение. Также воспитательное значение имеет, в большей степени, коллективный труд осужденных. При этом важно, чтобы осужденные реально осознавали, от их трудовых усилий зависит успех в работе всего коллектива осужденных. По нашему мнению, именно это дает участникам трудовых процессов приобрести навыки коллективной работы, взаимного контроля и взаимопомощи, что предполагает подчинение своих личных интересов коллективным интересам. По мнению С.М. Алижановой, ни о каком исправлении без организации эффективного труда в процессе воспитания осужденных говорить не приходится, поскольку основополагающим фактором формирования и разностороннего развития личности в жизни общества является труд [1, с. 235].

Немаловажное воспитательное значение в труде осужденных имеет правильное сочетание материального и морального стимулирования. Материальная заинтересованность осужденных в результатах труда является не только экономическим, но и педагогическим фактором. В то же время, следует постоянно развивать и совершенствовать систему моральных стимулов, то есть связывать ее со стремлением личности к исправлению.

Говоря о получении осужденными общего образования и об их профессиональном обучении, следует отметить, что эти средства помимо реализации задачи повышения уровня интеллектуального и профессионального развития, еще имеют значение в процессе воспитания осужденных. Исследователи справедливо отмечают, что получение образования формирует систему знаний, развивает личность, ее нравственное сознание, которое впоследствии определяет поведение осужденного [5, с. 398].

Общее образование составляет основу специального образования, которое является фундаментом развития интеллекта личности, создает жизненные перспективы, способствует формированию мировоззрения.

Профессиональное обучение осужденных, ориентирующее их только на усвоение определенной суммы знаний не может принести высокого результата в воспитательной работе. В настоящее время педагогический процесс строится так, чтобы нравственно изменить личность осужденного посредством специально организованного учебно-воспитательного процесса. В ходе обучения осужденных происходит их самоутверждение как членов образовательного коллектива, а также совершается переориентация на деятельность, имеющую положительную направленность, при помощи которой у них развиваются познавательные потребности и интересы. Ученые обоснованно указывают, что обучение профессии в ИУ и получение образования являются важными факторами, влияющими на процесс перевоспитания осужденных, поскольку приобретение новых навыков и знаний - причины комплексного изменения личности, пересмотра осужденным своих ценностных ориентиров и жизненных установок [3, с. 231].

Организация обучения осужденных имеет определенные особенности. В частности, на результативности обучения отражаются такие факторы, как недостаточная подготовленность учащихся, прежде всего, вызванная негативным отношением к процессу обучения и длительными перерывами в учебе, еще тем, что организация процесса обучения происходит в изоляции, при которой возникают трудности в преодолении психологического барьера в отношениях с учителями и преподавателями.

Обратим еще внимание на то, что при организации профессионального обучения осужденных не всегда удается соблюсти принцип добровольности выбора профессии, поскольку чаще всего профиль профессионального образования определяется производственной необходимостью ИУ. Однако активное включение осужденных в процесс обучения предполагает формирование у них отношения к учебе как лично значимой ценности. Именно этому сейчас способствует система психологической подготовки осужденных к процессу обучения, которая проводится еще до начала учебного года, а также оказывает содействие в этом вопросе воспитательная направленность учебного процесса.

Рассматривая режим как одно из основных средств исправления осужденных, следует отметить, что он является основой реализации

всех выше рассмотренных средств. В режимных требованиях отражается одна из сторон исполнения наказания, выраженная в целой системе ограничений и запретов, которые вызывают определенное психическое состояние личности, формируют у нее специфические эмоции и чувства. Невозможность удовлетворить какие-либо физические и духовные потребности приводят личность к различным переживаниям, от которых возможно ожидать и положительного результата, если рассматривать их как активный внутренний процесс трансформации личности правонарушителя в законопослушного гражданина. Не отрицая воспитательного воздействия данных переживаний для осужденного, отметим, что в процессе его исправления необходимо, чтобы запреты, ограничения и особенно формы их реализации, не оказывали пагубного влияния на здоровье и психику осужденного, не служили средством унижения и подавления личности. Следует отметить мнение А.А. Раськевича, который указывает, что режим регламентирует жизнь в пенитенциарных учреждениях непрерывно и на протяжении всего срока наказания. С его помощью устанавливается граница дозволенного в поведении осужденных и таким образом определяется их правовое положение [7, с. 89].

Кроме ограничений и запретов режим определяет права, обязанности и ответственность осужденных, а также включает в себя нормы, направленные на предотвращение противоправных деяний, которые служат основанием для организации надзора и охраны. Вместе с нейтрализацией отрицательных качеств личности и пресечением противоправных поступков, режимные требования играют и стимулирующую роль, поскольку они вызывают положительную активность осужденных, способствуют выработке навыков, направленных на сознательное регулирование своего поведения в соответствии с требованиями правовых норм. Нормы соблюдения режима в ИУ содержат в себе и специальные правила, определяющие объем, границы, методы и способы реализации всех остальных средств исправления осужденных. Благодаря соблюдению режима в ИУ, выполнению всеми сотрудниками и осужденными единых режимных требований, в учреждении создаются оптимальные условия для организации трудовой деятельности, быта, образовательного процесса, деятельности коллективов осужденных. Таким образом, режим в ИУ создает объективные предпосылки для четкого и гибкого управления воспитательной работой с осужденными к лишению свободы.

Подводя итоги высказанным нами соображениям, следует отметить взаимосвязь основных средств исправления осужденных как отдельных элементов единой системы. Режим обеспечивает условия для реализации всех других средств исправления. Трудовая деятельность осужденных составляет основу воспитательного процесса в целом. Повышение общеобразовательного и профессионального уровня осужденных стимулирует их активность в труде и служит основой для более успешной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.

Список литературы:

1. Алижанова С.М. Труд осужденных женщин в исправительной колонии как фактор исправления и ресоциализации. Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 232-239.: 21.05.2026). EDN: UHREPV
2. Ветошкин С.А. Основные средства исправления осужденных в российском уголовно-исполнительном законодательстве. Ведомости УИС. 2020. № 7. С. 4-12. EDN: RFCVMY
3. Гусев А.С., Моисеев Н.Д. Значение получения профессии в процессе исправления осужденных. Аграрное и земельное право. 2024. № 9. С. 231-232. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_9_231 EDN: FJAPDD
4. Ивлиев П.В., Рахманкин Е.А., Трофимова Н.Н. К вопросу исправления осужденных и его основные средства. Аграрное и земельное право. 2024. № 6. С. 355-357. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_355 EDN: QFOPCX
5. Мартынов В.В., Казак И.Б. Профессиональное обучение и общее образование как средства исправления осужденных. Аграрное и земельное право. 2024. № 12. С. 398-399. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_398 EDN: USWYQN
6. Мухтарова Ю.Ш. Организация трудовой деятельности осужденных - основа воспитательной работы. Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 42-44. EDN: RUQHXV
7. Раськевич А.А. Режим как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1. С. 87-93. EDN: NBLRJN

References:

1. Alizhanova S.M. The labor of convicted women in a correctional colony as a factor in their rehabilitation and resocialization. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 3. Pp. 232-239.: 21.05.2026).
2. Vetoshkin S.A. The main means of rehabilitating convicts in Russian penal legislation. Vedomosti UIS. 2020. No. 7. Pp. 4–12.
3. Gusev A. S., Moiseev N. D. The significance of acquiring a profession in the process of rehabilitating convicts. Agrarian and Land Law. 2024. No. 9. Pp. 231–222.
4. Ivliev P. V., Rakhmankin E. A., Trofimova N. N. On the issue of rehabilitating convicts and its main means. Agrarian and Land Law. 2024. No. 6. Pp. 355–357.
5. Martynov V.V., Kazak I.B. Vocational training and general education as means of reforming convicts. Agrarian and Land Law. 2024. No. 12. Pp. 398–399.
6. Mukhtarova Yu.Sh. Organization of convicts' work activity — the basis of educational work. Penal Law. 2013. No. 2. Pp. 42-44.
7. Raskevich A.A. The regime as a means of reforming convicts: penitentiary problems. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1. Pp. 87-93.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_327

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ
ORGANIZATION OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES AGAINST EXTREMIST CRIMES IN CORRECTIONAL FACILITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru

MOISEEV Nikolay Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются отдельные направления организации оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в современных условиях развития общества, наряду с традиционными формами проявления экстремистских воззрений, особого внимания заслуживают преступления экстремистского характера. Предлагаются меры, направленные на недопущение преступлений экстремистской направленности в исправительных учреждениях.*

Abstract. *The article discusses certain aspects of the organization of operational and investigative counteraction to extremist crimes. Based on the conducted research, the author concludes that in the current conditions of society's development, along with traditional forms of extremist views, crimes of an extremist nature deserve special attention. The article proposes measures aimed at preventing extremist crimes in correctional facilities.*

Ключевые слова*: преступления экстремистской направленности, противодействие экстремистским преступлениям, оперативные подразделения, исправительные учреждения.*

Key words: *extremist crimes, countering extremist crimes, operational units, and correctional facilities.*

Для цитирования: *Моисеев Н.Д. Организация оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 327-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_327.*

For citation*: Moiseev N.D. Organization of operational and investigative counteraction against extremist crimes in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 327-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_327.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Экстремизм на современном этапе развития общества все больше интегрируется в различные сферы его жизни, что подтверждается ежегодным ростом количества выявленных преступлений экстремистской направленности. В результате в настоящее время можно констатировать обострение криминальной ситуации в данной сфере, что влечет за собой усиление реальных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Перед правоохранительными органами поставлены задачи по поиску наиболее эффективных путей противодействия данному преступному явлению. Проникнув во все сферы общественной жизни, экстремизм способствует расширению угрозы данного явления на территории РФ в целом и за ее пределами по причинам увеличения количества социальных общностей, групп, национальностей, расширения возможностей телекоммуникации и повышения доступности средств связи, а также формирования радикально настроенных группировок и повышения настроений нетерпимости.

В последние годы происходит увеличение количества лиц, осужденных за преступления, связанные с экстремистской деятельностью, случаев вовлечения представителей различных национальностей и вероисповеданий в деятельность радикальных формирований, что в настоящее время вызывает тревогу. В связи с этим вопросы организации деятельности структурных подразделений учреждений и органов ФСИН России по противодействию проявлениям экстремизма в местах имеют большое практическое значение.

Организация оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности в исправительных учреждениях ФСИН России регулируется комплексом нормативных актов и включает систему мер, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие таких преступлений. Ключевую роль в этой деятельности играют оперативные подразделения УИС, которые действуют в рамках принципов оперативно-розыскной деятельности, Конституции РФ и норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Согласно статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельностью является:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: – насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; – подрыв безопасности Российской Федерации; – захват или присвоение властных

полномочий; – создание незаконных вооруженных формирований; – осуществление террористической деятельности; – возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; – унижение национального достоинства; – осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; – пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Из приведенного определения тех явлений, которые законодательно квалифицируются как экстремистские, становится четко видно, что спектр их весьма широк, следовательно, и лица, осужденные за экстремистскую деятельность, различаются между собой и различия эти могут быть весьма значительными (от насильственных преступлений до финансовой поддержки экстремизма).

Места лишения свободы являются благоприятной средой для распространения экстремистской идеологии и ее принятия осужденными. Определяющим фактором является социальная изоляция, которая способствует отчуждению от внешнего мира и противопоставлению тюремного мира социуму. В таких условиях принятие экстремистской религиозной идеологии обусловлено желанием осужденного самоутвердиться, выразить протест против существования в изоляции, уйти от реальности, найти поддержку и защиту у группы лиц, объединенных схожими идеологическими взглядами и антисоциальными установками [5, с. 422].

Для успешных превентивных мер, направленных против экстремизма, в работе с осужденными необходимо понимать, что именно побудило их начать заниматься подобной преступной деятельностью.

Одной из отличительных особенностей функционирования экстремистских групп заключается в психологической обработке своих последователей. В числе людей, относящихся к группе риска вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность, можно включить тех, кто находится в сложной жизненной ситуации (нехватка денег для удовлетворения минимальных человеческих потребностей; переживающих болезнь или смерть близких людей; имеющие различного вида зависимости; молодежь и прочие). Далее вовлеченные в экстремистскую деятельность лица повергаются дальнейшему психологическому воздействию.

Следует отметить, что деятельность оперативных подразделений ФСИН России играет важную роль в аспекте противодействия [4, с. 74] пропаганде идеологии экстремизма в местах лишения свободы. Одной из задач указанных подразделений является недопущение демонстрации перманентных рисунков на теле осужденных, а также развития фашистской идеологии и АУЕ.

Сравнивая судебную статистику за 2023, 2024 и 2025 годы, можно сделать вывод о том, что сегодня отмечается рост пропаганды нацистской атрибутики или символики, а также экстремистских организаций.

Оперативные подразделения ФСИН России прилагают значительные усилия по выявлению лиц, совершающих противоправные деяния. Данные деяния можно разделить на две группы:

1) правонарушения, предусмотренные в ст. 20.3 КоАП РФ;

2) преступления, предусмотренные в ст. 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ.

Правонарушения, предусмотренные в ст. 20.3 КоАП РФ, подразумевают под собой демонстрацию перманентных рисунков на теле осужденного, например цифр 14 и 88, которые являются одним из кодовых лозунгов неонацистов.

В ст. 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ закреплены следующие составы преступлений: организация экстремистского сообщества, то есть физическое вменяемое лицо создает группу людей, объединенной одной идеологией, которая предусматривает совершение преступлений экстремистской направленности; организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. К таким объединениям можно, например, отнести запрещенную организацию на территории Российской Федерации «Свидетели Иеговы»; предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации; пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных в ст. 20.3 КоАП РФ.

В деятельности оперативных подразделений ФСИН России нередко возникают проблемы по документированию вышеуказанных противоправных действий с целью привлечения правонарушителя к тому или иному виду ответственности.

Обобщив имеющийся практический опыт в данном направлении, полагаем уместным представить алгоритм действий сотрудников УИС по выявлению лиц, совершающих правонарушения по рассматриваемым статьям КоАП и УК РФ.

Представляется логичным, что оперативным подразделениям целесообразно начинать свою работу с карантинного отделения. На пер-

воначальном этапе оперативный сотрудник должен провести опрос каждого осужденного и обратить особое внимание на манеру его общения, отношение его к «воровской» идеологии и пропаганде АУЕ, а также на то, к какой неформальной категории осужденных он относиться, имеет ли на теле перманентные рисунки; если да, то какие именно и что они означают. Необходимо изучить личные дела осужденных, которые отбывают наказания по ст. 205, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 и 354 УК РФ. Следует уточнить, как именно осужденный совершил такие деяния: способ и место, наличие сообщников, с помощью чего совершил и т. п. Если лицо было этапировано из другого учреждения, то необходимо установить, на каком профилактическом учете оно состояло, какая с ним проводилась профилактическая работа. Необходимо в обязательном порядке провести осмотр тела осужденного на предмет перманентных рисунков, которые являются запрещенными. К ним, в частности, относятся фашистская свастика, «воровские» звезды: на плечи в районе ключицы наносятся восьмиконечной звезды с определенной расцветкой: белый цвет – «людское» начало, черный цвет – «воровское» начало. После проведения первоначальных мероприятий оперативному сотруднику необходимо предпринять меры по недопущению пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики.

В связи с этим осуществляются оперативно-разыскные мероприятия и иные действия в соответствии с приказом Минюста России от 26 января 2026 г. № 17 «Об утверждении Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»:

1) постановка лица на профилактический учет по следующим основаниям: «изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие идеологии терроризма, а также осуществляющие экстремистскую деятельность»;

2) организация получения оперативной информации от подсобного аппарата в отношении осужденного, которое совершает данные правонарушения или преступления;

3) проведение опроса осужденного и разъяснение ему положений законодательства Российской Федерации (ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 205, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 354 УК РФ);

4) осуществление опроса лиц из круга общения осужденного для получения наиболее достоверной информации о фигуранте;

5) при подтверждении полученных данных необходимо задокументировать противоправные действия.

Оперативным подразделениям необходимо на постоянной основе обеспечивать получение оперативно значимой информации и систематизации сведений, а также принятия на их основе соответствующих решений оперативно-разыскным органом (ст. 10 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») [1], что в нашем случае предполагает подготовку следующих документов:

1) объяснение осужденного;

2) объяснения осужденных, которые являются свидетелями противоправных действий, причем в определенных случаях может использоваться видеозапись с носимых видеорегистраторов и стационарных камер видеонаблюдения, которые установлены в камерах, где содержатся подозреваемые, обвиняемые и осужденные;

3) протокол осмотра перманентных рисунков, фототаблица;

4) справки по личному делу осужденного;

5) характеристики на осужденного и справки о поощрениях и взысканиях.

При сборе данных документов оперативный сотрудник направляет материалы в правоохранительные органы для проведения исследования и привлечения фигуранта к административной или уголовной ответственности (при условии, что осужденный ранее был привлечен к административной ответственности согласно ст. 20.3 КоАП РФ).

Следует отметить, что в отношении данного осужденного должна постоянно поступать информация, которая служит ориентиром для оперативно-разыскных мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений. Для нераспространения экстремистской идеологии фигуранта необходимо изолировать от основной массы осужденных.

В условиях исправительных учреждений ФСИН России для работы с лицами, осужденными за экстремистскую деятельность, занимающихся распространением и вербовкой среди спецконтингента новых последователей, необходимы сотрудники, прошедшие специальную подготовку в этой области. Сотрудники должны обладать целостным непротиворечивым представлением о тех феноменах, противостоять которым им предстоит.

Одной из первых проблем, связанной с подготовкой специалистов для работы с экстремистами заключается в масштабности проблематики. Требуется повышение компетентности сотрудников ФСИН России в вопросах противодействия проявлениям экстремизма. В частности, они должны владеть навыками выявления признаков радикализации осужденных и вовремя пресекать негативные тенденции. При разборе конкретных примеров из юридической практики по делам о преступлениях экстремистской направленности (решений судов, обвинительных заключений и т. п.) рекомендуется избегать излишней детализации информации о преступных группировках, их лидерах и участниках, о тех «выгодах», что обещают вербовщики, поскольку это может вызвать ненужный интерес к их деятельности.

Разумеется, сотрудникам исправительных учреждений необходимо знать, из каких информационных источников подпитывается ментальность их подопечных, а для этого программы их подготовки должны включать предметы, развивающие критическое мышление.

Одним из важных шагов в плане реализации целей наказания в отношении экстремистов выступает правильный выбор пенитенциарного учреждения, согласно ст. 58 УК РФ. При организации размещения осужденных и их сосуществования в трудовой и иной деятельности в испра-

вительных учреждениях необходимо учитывать фактор мультикультурализма [3, с. 150], неоднородного этнического, национального и конфессионального состава осужденных. Так, не рекомендуется публично выделять отдельных осужденных (их групп) по определенным национальным, религиозным и иным подобным признакам, подчеркивать их отличие от других лиц, дабы не спровоцировать конфликтную ситуацию. Следует пресекать факты некорректных форм их взаимодействия, в основе которых лежат этнонациональные, культурные или религиозные различия, разъясняя суть и правовую природу этих проявлений [4, с. 73].

Мы считаем, что приоритетными направлениями противодействия преступлениям экстремистской направленности в исправительных учреждениях можно рассматривать:

– физическую изоляцию осужденных за преступления экстремистской направленности в течение всего или большей части срока лишения свободы от общества с целью предотвратить негативное влияние на остальных осужденных;

– усиление мер контроля и надзора за данной категорией осужденных со стороны администрации;

– реализацию принципов дифференциации и индивидуализации процесса исполнения наказания, выбора средств и методов исправительной профилактики в зависимости от роли осужденного в экстремистских организациях, направленности экстремистских убеждений и деятельности (вида экстремизма);

– постоянную работу со специфическими причинами и условиями в механизме индивидуального преступного поведения;

– определение узко специфических направлений групповой и индивидуальной психологической и воспитательно-профилактической работы;

– усиление взаимодействия отдела безопасности и оперативного отдела;

– правовое просвещение осужденных.

Сотрудники оперативных подразделений исправительных учреждений ФСИН России должны на постоянной основе осуществлять работу по противодействию преступлениям экстремистской направленности, путем проведения комплекса мероприятий с документальным оформлением и фиксацией доказательств противоправных действий, проводить анализ личных дел осужденных, осуществлять постановку лиц на профилактический учет. Только в совокупности вышеуказанных мероприятий и при взаимодействии всех заинтересованных отделов и служб исправительного учреждения получится противодействовать преступлениям экстремистской направленности.

Список литературы:

1. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. - М.: ИНФРА-М, 2006.
2. Поминов С. Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. 163 с. EDN: NOYMJR
3. Полякова Я.Н. Специфика психологической устойчивости сотрудников исправительных учреждений к проявлениям деструктивного воздействия со стороны осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Казанский педагогический журнал. - 2017. - № 5(124). - С. 149-153. EDN: ZSSFSP
4. Румянцев Н.В. О задачах органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по противодействию экстремистской и террористической де-ятельности: современное состояние, методы и приёмы профилактики // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - №1. - С. 72-75. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10015 EDN: WMBJXZ
5. Чистяков А. А. Противодействие возможностям возникновения и распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы / А. А. Чистяков, Д. М. Владимиров // Человек: преступление и наказание. - 2020. - Т. 28(1-4), № 3. - С. 417-424. DOI: 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).3.417-424 EDN: ZFVHYK

References:

1. Theory of Operational and Investigative Activities: Textbook / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, and G. K. Sinilov. - Moscow: INFRA-M, 2006.
2. Pominov S. N. Organization of Internal Affairs Bodies' Activities in Countering Religious Extremism: Dissertation. ... Candidate of Law. Moscow, 2007. 163 p.
3. Polyakova Ya.N. Specifics of the psychological stability of correctional facilities employees to manifestations of destructive influence from convicts for extremist and terrorist activities // Kazan pedagogical journal. – 2017. – No. 5(124). – Pp. 149-153
4. Rumyantsev N.V. On the tasks of internal affairs bodies and the penal system in countering extremist and terrorist activities: the current state, methods and techniques of prevention // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1. – Pp. 72-75.
5. Chistyakov A. A. Countering the Possibilities of Emergence and Spread of Extremism in Institutions of the Penitentiary System / A. A. Chistyakov, D. M. Vladimirov // Man: Crime and Punishment. – 2020. – Vol. 28(1–4), No. 3. – Pp. 417–424.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_331

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ
PROBLEMS OF ACHIEVING PUNISHMENT GOALS THROUGH THE PROBATION INSTITUTION

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при достижении целей уголовного наказания через институт пробации. На основе представленных в научной литературе точек зрения, автор приходит к выводу о том, что имеющиеся проблемы носят системный характер. По мнению автора, они связаны с недостаточностью законодательного регулирования, ресурсного обеспечения субъектов пробации и межведомственного взаимодействия. Автор считает, что устранение этих проблем требует комплексного подхода, основанного на сочетании правовых реформ и улучшения практической реализации пробации.*

Abstract. *This article examines the challenges that arise when pursuing the goals of criminal punishment through probation. Based on perspectives presented in the scientific literature, the author concludes that the existing problems are systemic. They stem from insufficient legislative regulation, inadequate resources for probation officers, and inadequate interagency cooperation. Addressing these challenges requires a comprehensive approach based on a combination of legal reforms and improved practical implementation of probation.*

Ключевые слова: *взаимодействие, исправление, институт пробации, осужденные, уголовные наказания.*
Keywords: *interaction, correction, probation institution, convicts, criminal penalties.*

Для цитирования: *Цаплин И.С. Проблемы достижения целей наказания через институт пробации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 331-332. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_331.*
For citation*: Tsaplin I.S. Problems in achieving the goals of punishment through the institution of probation. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 331-332. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_331.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Основным вопросом является эффективность достижения целей уголовного наказания в России через институт пробации, который был введен в 2023 году как одна из мер профилактики рецидивной преступности. Институт пробации направлен на исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений, что соответствует целям уголовного наказания, зафиксированным в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, несмотря на значимость данного института, его реализация сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют достижение целей наказания.

Как отмечает Н. Е. Крылова, «пробация как элемент уголовной политики должна быть не только инструментом контроля за осужденными, но и механизмом, обеспечивающим их интеграцию в социум посредством социальной поддержки и профилактических программ» [1]. Этот тезис подчеркивает необходимость многоуровневого подхода к ресоциализации осужденных, который включает их обучение, трудоустройство и взаимодействие с общественными организациями. Однако на практике часто наблюдается ограниченность ресурсов, что снижает качество работы пробационных служб. Например, отсутствие специализированных кадров, способных работать с социально уязвимыми категориями осужденных, приводит к снижению эффективности проводимых мероприятий. Следовательно, данный аспект требует дополнительного внимания со стороны законодателя и исполнительных органов власти.

Согласно утверждению А.В. Наумова, «эффективность пробации в значительной степени определяется степенью вовлеченности самого осужденного в процесс исправления, что достигается через четкое законодательное регулирование его прав и обязанностей» [2]. Этот взгляд акцентирует внимание на необходимости активного участия осужденных в реабилитационных программах. Однако действующее законодательство не всегда создает благоприятные условия для их мотивации. Отсутствие системы стимулирования, которая поощряла бы положительное поведение осужденных, формирует у них пассивное отношение к процессу пробации. В свою очередь, это подрывает основу для реализации исправительного воздействия наказания и требует пересмотра существующей системы правового регулирования.

И. Я. Козаченко утверждает: «Сложность работы пробации заключается в необходимости сочетания строгого контроля за поведением осужденных с оказанием им помощи в социальной адаптации, что требует межведомственного взаимодействия» [3]. Эта идея особенно актуальна в условиях российского контекста, где пробационные службы зачастую работают изолированно, не получая достаточной поддержки от других структур. Проблема межведомственного взаимодействия становится ключевой в вопросах трудоустройства осужденных, обеспечения их жильем и социальной поддержкой. В этом аспекте требуется комплексный подход, основанный на координации действий между уголовно-исполнительными учреждениями, социальными службами и органами местного самоуправления.

По мнению Е.В. Серегиной, «формальность в реализации пробации может стать главной преградой на пути достижения ее целей, по-

скольку система пробации основывается на индивидуальном подходе, который не может быть достигнут при недостатке кадровых и материальных ресурсов» [4]. Этот тезис указывает на одну из самых острых проблем реализации пробации в России. Формальность выражается в отсутствии регулярного и качественного взаимодействия пробационных инспекторов с осужденными. В результате программы пробации превращаются в фиктивные мероприятия, что полностью нивелирует их цели. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо создать нормативные гарантии по обеспечению пробационных служб ресурсами.

Как пишет Е. В. Серегина, «профилактика рецидивной преступности через пробацию возможна только при условии системной работы с факторами, способствующими рецидиву, такими как бедность, отсутствие образования и отсутствие социальной поддержки» [5]. Это утверждение подчеркивает необходимость исследования социально-экономических факторов, влияющих на преступность. Несмотря на то, что пробация ориентирована на профилактику, на практике эта цель достигается редко из-за отсутствия реальных программ, направленных на устранение вышеперечисленных факторов. Это создает замкнутый круг, когда осужденные после пробации снова совершают преступления из-за тех же причин, что привели их к первому нарушению закона.

Мнение Е.В. Серегиной, что «российский институт пробации имеет высокий потенциал, но его развитие ограничивается отсутствием механизмов оценки эффективности проводимых мероприятий» [5], акцентирует внимание на необходимости научного подхода к оценке пробации. В текущей практике пробация часто оценивается исключительно по количественным показателям, таким как количество осужденных, прошедших пробацию. Однако качественные аспекты, такие как уровень их социальной адаптации и снижение рецидива, остаются вне анализа. Это препятствует выявлению реальных проблем и их устранению.

Анализ этих положений позволяет заключить, что проблемы достижения целей наказания через институт пробации в России носят системный характер. Они связаны с недостаточностью законодательного регулирования, ресурсного обеспечения субъектов пробации и межведомственного взаимодействия. Устранение этих проблем требует комплексного подхода, основанного на сочетании правовых реформ и улучшения практической реализации пробации.

Список литературы

1. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов/ Н.Е. Крылова [и др.] ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 490 с. – (Высшее образование). – ISBN978-5-534-16216-5. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/544900 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А.В.Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 564с. – (Высшее образование). – ISBN978-5-534-18550-8. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/535355 (дата обращения: 13.03.2026).

3. Уголовное право. Общая часть. Краткий курс: учебное пособие для вузов / И. Я. Козаченко [и др.]; под редакцией И. Я. Козаченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 375с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18050-3. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/535853 (дата обращения: 20.03.2026).

4. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры/ О. С. Капинус [и др.]; под редакцией О. С. Капинус. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 704с. – (Бакалавр. Специалист. Магистр). – ISBN978-5-534-09728-3. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/487407 (дата обращения: 22.03.2026).

5. Уголовное право. Общая часть. Семестр II: учебник для среднего профессионального образования / И. А. Подройкина [и др.] ; ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 299 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-16656-9. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/538261 (дата обращения: 22.03.2026).

References

1. Criminal Law of Foreign Countries. General Part: textbook for universities / N.E. Krylova [et al.]; editor-in-chief N.E. Krylova. – 5th edition, revised and expanded. – Moscow: URAYT Publishing House, 2024. – 490 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-16216-5. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/544900 (date accessed: 10.03.2026).

2. Criminal Law. Special Part: textbook for universities / A.V. Naumov [et al.]; editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. – 6th edition, revised and expanded. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 564 p. – (Higher education). – ISBN978-5-534-18550-8. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/535355 (date of access: 13.03.2026).

3. Criminal Law. General Part. Brief Course: a textbook for universities / I. Ya. Kozachenko [et al.]; edited by I. Ya. Kozachenko. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 375 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-18050-3. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/535853 (accessed: 20.03.2026).

4. Criminal Law of Russia. General Part: textbook for bachelor's, specialist's, and master's degrees / O. S. Kapinus [et al.]; edited by O. S. Kapinus. — 2nd ed. — Moscow: Yurait Publishing House, 2019. — 704 p. — (Bachelor's. Specialist's. Master's). — ISBN978-5-534-09728-3. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/487407 (accessed: 22.03.2026).

5. Criminal Law. General Part. Semester II: textbook for secondary vocational education / I. A. Podroikina [et al.]; Editors-in-Chief I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. - 6th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 299 p. - (Professional education). - ISBN 978-5-534-16656-9. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/538261 (date of access: 03/22/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_333

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ
ENSURING THE RIGHTS OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF JUSTICE

ЛУШИН Евгений Александрович
Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: ev.lushin@yandex.ru

LUSHIN Yevgeny Alexandrovich
Candidate of law, associate professor at the Department of criminal procedure Law
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603022, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: ev.lushin@yandex.ru

НЕРСИСЯН Диана Гамлетовна
Магистрант факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет).
Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17 А.
E-mail: nersisyan.dianka@inbox.ru

NERSISYAN Diana Gamletovna
1th year Master's student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law).
«Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod).
603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia
E-mail: nersisyan.dianka@inbox.ru

***Краткая аннотация**: В статье рассматривается влияние цифровизации уголовного судопроизводства на реализацию прав потерпевшего, выявляются практические проблемы дистанционного участия, электронного документооборота и обращения с цифровыми доказательствами, а также обосновываются направления совершенствования уголовно-процессуального регулирования.*

***Abstract.** The article examines the impact of the digitalization of criminal proceedings on the exercise of the victim's rights, identifies practical problems of remote participation, electronic document circulation, and the handling of digital evidence, and substantiates directions for improving criminal procedure regulation.*

***Ключевые слова**: потерпевший, цифровизация, правосудие, уголовное судопроизводство, электронный документооборот.*
***Keywords**: victim, digitalization, justice, criminal proceedings, electronic document management*

***Для цитирования:** Лушин Е.А., Нерсисян Д.Г. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном процессе России в условиях цифровизации правосудия // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_333.*
***For citation**: Lushin E.A., Nersisyan D.G. Ensuring the rights of the victim in the criminal process of Russia in the context of the digitalization of justice // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_333.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Цифровая трансформация уже изменила не только организацию государственного управления, но и саму процессуальную ткань уголовного судопроизводства. Для уголовного процесса это выражается не в абстрактном «внедрении технологий», а в перестройке конкретных процессуальных действий, каналов связи между участниками, способов фиксации доказательственной информации и порядка обращения в суд. К 2026 году УПК РФ уже допускает использование электронных документов в ходе судебного производства и участие в судебном заседании с применением систем видео-конференц-связи, а значит, цифровой формат из дополнительного инструмента фактически превратился в часть действующего процессуального механизма.

На практике это означает, что отдельные ходатайства, заявления и жалобы могут направляться в суд в электронной форме, а участие в судебном заседании возможно без физического присутствия лица в зале суда при соблюдении условий, установленных законом. Судебная система и органы расследования уже используют видео-конференц-связь, аудио и видеозапись процессуальных действий, электронную передачу документов, цифровые носители информации, программные комплексы фиксации и хранения данных. Для потерпевшего такие изменения имеют не формальное, а вполне прикладное значение. От того, насколько быстро он может подать жалобу, получить копию решения, участвовать в заседании, ознакомиться с материалами и представить свои возражения, напрямую зависит реальность его доступа к правосудию, а не только декларативное наличие соответствующего права.

Именно здесь цифровизация выявляет главный вопрос: усиливает ли она процессуальные гарантии потерпевшего или, наоборот, создает новый набор препятствий. Мы исходим из того, что ответ не может быть однозначным. Электронный формат действительно сокращает временные и территориальные издержки, особенно когда потерпевший проживает в другом регионе, имеет ограничения по состоянию здоровья, опасается контакта с обвиняемым либо участвует в деле, связанном с насильственным преступлением, дистанционным мошенничеством, преступлением против половой свободы или иным деянием, где личное присутствие способно усилить вторичную виктимизацию. Одновременно этот же

формат порождает вполне конкретные риски: технический сбой в момент дачи показаний, невозможность своевременно ознакомиться с цифровыми материалами, отсутствие у участника необходимых навыков и оборудования, нарушение конфиденциальности, фактическое неравенство сторон при работе с электронными доказательствами [7].

Поэтому задача состоит не в том, чтобы противопоставлять традиционный и цифровой процесс, а в том, чтобы выстроить такую модель применения технологий, при которой скорость и удобство не будут достигаться за счет ослабления процессуальных гарантий. В уголовном судопроизводстве это особенно важно, поскольку здесь любое упрощение процедуры сразу затрагивает баланс публичного интереса и прав личности. Для потерпевшего проблема выглядит предельно предметно: если цифровой инструмент не обеспечивает понятного доступа к материалам, не гарантирует получение уведомлений, не позволяет безопасно участвовать в следственном действии или в заседании, то он не усиливает защиту прав, а переводит процессуальные ограничения в новую техническую форму.

Обсуждение цифровизации уголовного процесса в последние годы закономерно сместилось от общих рассуждений к анализу того, как именно электронные инструменты работают в конкретной процедуре. Такой подход представляется наиболее продуктивным. Недостаточно констатировать, что электронный документооборот, цифровые доказательства или дистанционное участие расширяют возможности участников. Для уголовного процесса значим другой вопрос: в какой точке технологии начинают влиять на допустимость доказательств, полноту реализации права на обращение, равенство процессуальных возможностей и гарантии справедливого разбирательства [2].

На уровне закона соответствующая основа уже создана. Статья 241.1 УПК РФ допускает участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи. При этом закон прямо закрепляет обязательность участия защитника в случае дистанционного участия подсудимого, запрещает использование такого формата при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, предусматривает удостоверение личности участника и необходимость обеспечения конфиденциального общения подсудимого с защитником. В свою очередь, статья 474.1 УПК РФ закрепляет порядок использования электронных документов в ходе судебного производства. Следовательно, вопрос сегодня состоит уже не в допустимости самой цифровой модели, а в пределах, условиях и гарантиях ее применения.

Однако действующее регулирование остается фрагментарным там, где потерпевший особенно нуждается в ясной и предсказуемой процедуре. Закон допускает дистанционное участие и электронное обращение, но многие вопросы по-прежнему завязаны на техническую возможность конкретного суда или органа. В результате одна и та же процессуальная гарантия в одном регионе реализуется как обычная практика, а в другом фактически не работает. Для потерпевшего это означает зависимость не от содержания права, а от уровня оснащенности конкретной системы. Такое положение нельзя признать удовлетворительным, поскольку право на доступ к правосудию не должно зависеть от того, насколько устойчив интернет-канал, есть ли в суде подходящее оборудование и способен ли участник самостоятельно работать с электронным форматом.

Отдельную проблему составляет цифровое доказывание. Сегодня в уголовном деле все чаще фигурируют переписка в мессенджерах, данные мобильных устройств, видеозаписи, сведения о геолокации, биллинге, электронных переводах и иных цифровых следах. Эти сведения уже используются при установлении обстоятельств преступления, подтверждении размера вреда, проверке версии потерпевшего, выявлении контактов между участниками события, фиксации угроз, преследования, вымогательства, дистанционного обмана. Но процессуальная форма обращения с такими данными до сих пор не выстроена как самостоятельный и внутренне непротиворечивый механизм. Цифровая информация включается в существующие категории доказательств, хотя способ ее изъятия, копирования, хранения, проверки целостности и воспроизводимости требует специальных правил [5].

Именно на этой стадии чаще всего возникают риски, которые напрямую затрагивают интересы потерпевшего. Если переписка, видеозапись или иной цифровой носитель изъяты с нарушением порядка, без фиксации хеш-суммы, без понятного протокола копирования, без описания используемых технических средств и без гарантии неизменности файла, у стороны защиты появляется обоснованное основание ставить вопрос о достоверности и допустимости таких данных. В итоге под сомнение ставится не только конкретный цифровой объект, но и сама версия потерпевшего, если она подтверждалась преимущественно электронными следами. Для дел о мошенничестве, угрозах, киберпреступлениях, незаконном распространении изображений, дистанционном вовлечении и ряде иных составов это имеет принципиальное значение, поскольку именно цифровая информация нередко становится основной доказательственной опорой обвинения.

Практически значим и вопрос участия потерпевшего в судебном заседании посредством видео-конференц-связи. Сам по себе такой формат способен реально облегчить доступ к правосудию. Он позволяет избежать повторной травматизации, сократить расходы на явку, ускорить рассмотрение дела, обеспечить участие лица, которое не может прибыть в суд по состоянию здоровья либо в силу удаленности места жительства. Для потерпевшего по делам о насильственных преступлениях, семейном насилии, сексуальных посягательствах, преступлениях против несовершеннолетних дистанционное участие может быть более безопасной формой реализации процессуальных прав, чем очное присутствие в одной пространственной среде с обвиняемым.

Но положительный эффект достигается не автоматически. Если качество связи не позволяет полноценно воспринимать происходящее, если суд не обеспечивает надлежащую идентификацию участника, если отсутствует возможность оперативно знакомиться с исследуемыми материалами, если потерпевший фактически оказывается выключен из живой динамики процесса, то дистанционный формат превращается из средства доступа в средство процессуального упрощения. Это особенно заметно в ситуациях, когда в заседании исследуются объемные цифровые материалы, демонстрируются видеозаписи, оглашаются переписки, а участник, подключенный удаленно, лишен возможности полноценно реагировать на их содержание и своевременно формулировать замечания либо ходатайства.

Не менее существенна проблема электронного документооборота. Для потерпевшего скорость получения постановлений, уведомлений

и копий судебных решений имеет прикладное значение на каждой стадии производства. Просрочка в получении документа способна повлечь пропуск срока обжалования, невозможность своевременно заявить гражданский иск, затруднения при реализации права на представителя, отложенное ознакомление с процессуальным решением, которое уже начало порождать правовые последствия. Поэтому сам по себе переход к электронному обмену следует оценивать положительно лишь при условии, что подтверждение отправки и получения документа будет надежным, понятным и проверяемым.

Сохраняет актуальность и вопрос утраты либо повреждения материалов уголовного дела. Статья 158.1 УПК РФ предусматривает порядок восстановления утраченного уголовного дела или его материалов, в том числе по решению суда, если утрата произошла в ходе судебного производства. Это означает, что законодатель по-прежнему исходит из реальности таких ситуаций. В условиях цифровизации логичным выглядит переход к обязательному защищенному электронному дублированию ключевых материалов, поскольку для потерпевшего утрата документов или доказательств оборачивается не технической проблемой, а риском затягивания дела, повторного производства процессуальных действий и ослабления доказательственной базы [3].

Еще один уязвимый участок связан с участием специалиста при работе с цифровыми следами. Действующая редакция статьи 58 УПК РФ определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое, в том числе, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов дела, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Но для работы с электронными носителями, облачными хранилищами, криптовалютными транзакциями, логами устройств, резервными копиями, удаленными аккаунтами и иными цифровыми объектами общей формулы о специальных знаниях уже недостаточно. На практике требуется более четкое определение требований к компетенции такого специалиста, пределам его участия и фиксации выполненных им действий.

Представляется необходимым закрепить в УПК РФ более определенные критерии применения видео-конференц-связи применительно к участию потерпевшего. Сейчас дистанционный формат воспринимается прежде всего через призму участия подсудимого и иных лиц, вызванных в судебное заседание. Между тем для потерпевшего должны быть прямо обозначены основания, при наличии которых удаленное участие рассматривается как средство усиления процессуальной защиты. К ним целесообразно отнести состояние здоровья, проживание в другой местности, необходимость обеспечения безопасности, риск повторной психотравматизации, участие в делах о преступлениях против половой свободы, против несовершеннолетних, о домашнем насилии, преследовании, дистанционном мошенничестве и иных случаях, когда очное участие объективно осложняет реализацию прав. Одновременно необходимо установить обязательные технические стандарты качества связи, правила идентификации личности, порядок демонстрации материалов удаленному участнику и процессуальные последствия технического сбоя [4].

Отдельно следует закрепить процессуальные гарантии полноценного участия потерпевшего в дистанционном заседании. Здесь недостаточно общей формулы о проведении заседания по общим правилам. Нужно прямо предусмотреть обязанность суда обеспечивать потерпевшему возможность в реальном времени слышать и видеть всех участников, знакомиться с предъявляемыми документами и цифровыми материалами, заявлять ходатайства без задержки, пользоваться помощью представителя, а также получать техническое содействие при подключении. Без этого дистанционный формат формально сохраняет участие потерпевшего, но ослабляет его реальное влияние на ход разбирательства.

Второе направление связано с регулированием цифровых доказательств. Необходимо закрепить специальный процессуальный порядок обращения с цифровой информацией: правила первичного изъятия электронных носителей, порядок создания копий, обязательную фиксацию контрольных сумм, описание программных и технических средств, использованных при доступе к данным, протоколирование каждого действия, влияющего на структуру или содержание файла, требования к упаковке, хранению и воспроизведению цифровых объектов. Для потерпевшего это имеет прямое значение, поскольку именно соблюдение такой процедуры позволяет сохранить доказательственную силу переписки, видеозаписей, аудиофайлов, банковских уведомлений, сведений из мессенджеров и иных материалов, которыми часто подтверждаются факт преступления, характер угроз, объем причиненного вреда и связь между действиями обвиняемого и наступившими последствиями.

Третье направление касается статуса специалиста. Статью 58 УПК РФ целесообразно дополнить положениями, которые позволят конкретизировать участие специалистов при работе с цифровой информацией. Речь идет не о формальном создании новой фигуры, а о законодательном уточнении требований к компетенции лица, которое обеспечивает извлечение, копирование, дешифровку, проверку и представление цифровых данных. Следует закрепить право сторон ходатайствовать о привлечении специалиста соответствующего профиля, обязанность отражать в протоколе примененные им методы и технические средства, а также возможность проверки его действий в судебном заседании. Без такой детализации цифровое доказывание продолжит зависеть от ведомственной практики и уровня подготовки конкретного исполнителя, что неизбежно снижает предсказуемость оценки доказательств [9].

Четвертое направление это развитие электронного документооборота с учетом интересов потерпевшего. Необходимо расширить гарантированный электронный обмен ключевыми процессуальными документами между судом, органами расследования и участниками процесса через защищенные каналы связи с подтверждением отправки и получения. Для потерпевшего приоритетное значение имеют постановления о признании потерпевшим, о прекращении дела, об отказе в удовлетворении ходатайства, уведомления о времени и месте следственного действия либо судебного заседания, копии приговора и иных итоговых решений, а также документы, затрагивающие гражданский иск и вопрос о возмещении вреда. Подтвержденное электронное вручение должно иметь ясные правовые последствия, а порядок исчисления сроков при таком вручении должен быть понятен и одинаково применим.

Пятое направление связано с сохранностью материалов уголовного дела. В условиях действующей статьи 158.1 УПК РФ разумным

выглядит не просто обсуждение восстановления утраченных материалов, а предупреждение самой возможности их утраты за счет обязательного создания полной электронной копии уголовного дела или, как минимум, его процессуально значимой части в защищенном архиве с регулярной проверкой целостности данных. Для потерпевшего это важно прежде всего на стадиях обжалования, пересмотра и исполнения судебного решения, когда необходимость повторного восстановления документов может существенно затянуть реализацию права на возмещение вреда и на эффективную судебную защиту.

Наконец, цифровизация уголовного судопроизводства должна развиваться не фрагментами, а через единую информационную среду, в которой процессуальные действия, уведомления, обращения, цифровые доказательства и аудиовизуальная фиксация соединены в одну управляемую систему с четким распределением прав доступа. Но движение к такой модели возможно только при поэтапном закреплении конкретных гарантий. Иначе электронная среда будет обслуживать прежде всего интересы процессуальной экономии, тогда как права потерпевшего останутся зависимыми от технических и организационных условий конкретного дела.

Цифровизация уголовного судопроизводства уже перестала быть перспективой и стала действующей правовой реальностью. Для потерпевшего это означает появление новых каналов обращения в суд, новых форм участия в заседании, новых способов представления и исследования доказательств, а также новых рисков, связанных с техническими сбоями, доступом к материалам, сохранностью цифровых данных и фактическим неравенством процессуальных возможностей. Поэтому оценивать цифровую реформу следует не по количеству внедренных сервисов, а по тому, усиливает ли она конкретные процессуальные гарантии потерпевшего в реальном деле.

Проведенный анализ показывает, что цифровые инструменты действительно способны расширить доступ к правосудию, сократить сроки коммуникации, облегчить участие уязвимых потерпевших в процессе и повысить устойчивость доказательственной базы. Но положительный результат достигается только там, где технология встроена в четко урегулированную процедуру. Именно поэтому ключевое значение имеют не декларации о модернизации, а точные правила применения видео-конференц-связи, специальный порядок обращения с цифровыми доказательствами, более конкретный статус специалиста, надежный электронный документооборот и защищенное архивное дублирование материалов дела [10].

В этой части дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно быть ориентировано на проверяемую практическую цель: цифровая среда должна не упрощать процесс любой ценой, а обеспечивать для потерпевшего более быстрый, безопасный и реально работающий доступ к правосудию, включая возможность полноценного участия, своевременного получения процессуальных документов и эффективной защиты нарушенных интересов.

Список литературы:

1. Гайворонская Л.В. Восстановление уголовных дел (ст. 158.1 УПК РФ): анахронизм или необходимость? // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - С. 134-142. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.134-142 EDN: JANPYZ
2. Гарипов Т.И., Моругина Н.А. Изучение зарубежного опыта правового регулирования создания электронных образов уголовных дел в сфере про-граммного обеспечения и технических средств, используемых для создания электронных образов уголовных дел // Вестник Воронежского института МВД России. - 2022. - С. 146-154. EDN: GIBYIP
3. Зуев С.В. "Человеческий фактор" в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровизации // Вестник ЮУрГУ. Серия "Право". - 2024. - С. 16-22. DOI: 10.14529/law240103 EDN: CZBIKG
4. Мичурина О.В. От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций // Уголов-ное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. - Санкт-Петербург, 2023. - С. 184-189. EDN: VPRUXB
5. Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А. Уголовное судопроизводство в условиях глобальной цифровизации общества // Журнал Сибирского фе-дерального университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2022. - С. 1082-1093. DOI: 10.17516/1997-1370-0911 EDN: PRFVMS
6. Пастухов П.С. Криминалистическое исследование как иное процессуальное действие в системе средств доказывания в уголовном процессе // Ex Jure. - 2023. - С. 145-161. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-145-161 EDN: BKUUEP
7. Русман Г.С., Сурменева С.В. Цифровые инструменты в примирительных процедурах уголовного судопроизводства: современное состояние и пер-спективы // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. - Санкт-Петербург, 2023. - С. 256-262. EDN: QMAKQG
8. Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - С. 242-247. DOI: 10.17223/15617793/488/26 EDN: QXGRXS
9. Солодовник В.В. О некоторых направлениях цифровизации предварительного расследования как средства упрощения порядка досудебного произ-водства // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2023. - С. 61-66. EDN: TXPMGS
10. Химичева О.В., Панфилов П.О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. - 2024. - С. 158-164.

References:

1. Gaivoronskaya L.V. Restoration of criminal cases (Article 158.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): an anachronism or a necessity? // Current problems of Russian law. – 2023. – Pp. 134–142.
2. Garipov T.I., Morugina N.A. Study of foreign experience in the legal regulation of creating electronic images of criminal cases in the field of software and technical means used to create electronic images of criminal cases // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – Pp. 146–154.
3. Zuev S.V. “The Human Factor” in Criminal Proceedings in the Context of Digitalization // Bulletin of South Ural State University. Series “Law”. – 2024. – Pp. 16–22.
4. Michurina O.V. From paper to electronic document management: Russian criminal procedure in line with modern global trends // Criminal proceedings in Russia and foreign states: problems and development prospects: materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 24, 2023. – Saint Petersburg, 2023. – Pp. 184–189.
5. Mishchenko E.V., Nikuradze N.O., Marina E.A. Criminal Proceedings in the Context of Global Digitalization of Society // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. – 2022. – pp. 1082-1093.
6. Pastukhov P.S. Criminalistic research as another procedural action in the system of means of evidence in criminal proceedings // Ex Jure. – 2023. – pp. 145-161.
7. Rusman G.S., Surmeneva S.V. Digital tools in conciliation procedures of criminal proceedings: current state and prospects // Criminal justice in Russia and foreign countries: problems and prospects of development : proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 24, 2023. – Saint Petersburg, 2023. – Pp. 256–262.
8. Smushkin A.B. On the ecosystem of preliminary investigation // Bulletin of Tomsk State University. – 2023. – Pp. 242–247.
9. Solodovnik V.V. On some directions for the digitalization of preliminary investigation as a means of simplifying the procedure for pre-trial proceedings // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Pp. 61–66.
10. Khimicheva O.V., Panfilov P.O. Changes in the criminal procedural form in the context of digitalization: new risks and opportunities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – Pp. 158–164.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_337

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС»
ON SOME ASPECTS OF THE OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITY "SURVEY"

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru

MOISEEV Nikolay Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются некоторые аспекты организации, подготовки и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос». Высказаны некоторые суждения относительно организационно-тактических аспектов проведения опроса сотрудниками оперативных подразделений.*

Abstract: *The article discusses some aspects of the organization, preparation, and conduct of the operational-search activity "interrogation." Some opinions are expressed regarding the organizational and tactical aspects of conducting interrogations by operational units.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, опрос, информация, методы, контакт, предупреждение, раскрытие.*

Key words: *operational search activities, operational search measures, interrogation, information, methods, contact, prevention, and disclosure.*

Для цитирования: *Моисеев Н.Д., Шерхов Р.Р. О некоторых аспектах проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос»// Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 337-338. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_337.*

For citation*: Moiseev N.D., Sherkhov R.R. On some aspects of conducting the operational-search activity “interview” // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 337-338. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_337.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

На современном этапе развития Российского государства одной из основополагающих общегосударственных задач, требующих принятия комплекса неотложных мер, являются укрепление правопорядка и борьба с преступностью. Особое значение придается активизации деятельности правоохранительных органов и, в частности, оперативных подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений [4, с. 132]. Необходимость этого обусловлена тем, что оперативно-розыскная деятельность (далее - ОРД) играет весьма заметную роль в борьбе с преступностью. Более того, без нее в ряде случаев практически невозможно решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством. Прежде всего, речь идет о неочевидных и латентных преступлениях, доля которых в общей структуре преступности достаточно велика.

В этом ключе одним из действенных, наиболее простых и эффективных, способов получения оперативно-розыскной информации является проведение опроса среди лиц, потенциально владеющих информацией, имеющей значение для органов, осуществляющих ОРД.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» перечисляет оперативно-розыскные мероприятия, но не дает их определений.

Опрос - одно из наиболее распространённых оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ), направленное на сбор фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Он представляет собой специальную беседу субъекта опроса с лицом, располагающим нужными сведениями [2, с. 28]. Главная цель опроса получить необходимые фактические данные (не имеющие доказательного значения) и оценить их, чтобы на этой основе принять дальнейшее решение. Результаты опроса могут быть использованы для проведения других предусмотренных ФЗ об ОРД оперативно-розыскных мероприятий.

Актуальность данной темы обусловлена возрастанием роли ОРМ «опрос» в процессе изобличения лиц, совершивших, совершающих, или имеющих намерения на совершение преступления.

Опрос – это сложный и многогранный процесс, который выступает одновременно и как информационный процесс, и как процесс взаимодействия индивидов, и как процесс их сопереживания и взаимопонимания [2, с. 30]. Для достижения результатов опроса, то есть получения оперативно значимой информации, оперативному сотруднику необходимо на первоначальном этапе установить с лицом контакт, который включает в себя: 1) знакомство с заинтересованным лицом; 2) формирование у объекта интереса к контакту; 3) установление с ним доверительных отношений.

Рассмотрим значение каждого из аспектов. Общение, как правило, начинается со знакомства, однако нередки случаи, когда человек зная, что общается с оперуполномоченным, в силу недоверия и настороженности психологически «закрывается» и намеренно «ставит барьеры» при коммуникации. Особенно это прослеживается в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы. На данном этапе общения учитываются индивидуально-психологические особенности объекта, его заинтересованность, психологический и социальный тип, мотивация поведения. Другими

словами, сотруднику важно найти предлог для знакомства с лицом, который должен не только оправдать обращение к объекту, но и дать в дальнейшем продолжить разговор. На практике существует множество различных приёмов выбора предлога. Разделим их на две группы:

первая – активной стороной является оперуполномоченный (в условиях исправительных учреждений, например, беседа с лицом в карантине, либо вызов осужденного в кабинет под предлогом проведения профилактической беседы);

вторая – активной стороной является объект (обращение в оперативный отдел с просьбой в решение частной ситуации).

Также, первое впечатление играет большую роль при установлении контакта с объектом. Оно подразумевает ряд внутренних переживаний интересующего лица и протекает у него на подсознательном уровне. Сотруднику же необходимо уметь создавать о себе благоприятное впечатление. Под интересом необходимо понимать эмоциональное проявление познавательных потребностей человека. Проявление интереса к конкретному человеку связано с явлениями симпатии и антипатии, которые складываются между общающимися и обычно протекают на подсознательном уровне [5 с. 129]. Соответственно, оперативному сотруднику необходимо вызвать к себе чувство симпатии со стороны объекта. Опыт разнопланового общения показывает, что людям свойственно сближаться на основе схожих ценностных ориентиров. Кроме того, человек всегда будет «тянуться» к тому, кто поддерживает его идеи, мнение, взгляды в различных сферах жизнедеятельности. Широкий кругозор сотрудника позволит поддерживать разговор на любые темы с объектом, что сохранит интерес собеседника.

Однако, как показывает статистика, большая часть лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, имеют низкий уровень образования, достаточно узкий кругозор, не стремятся к саморазвитию и самообразованию. Практически всем осужденным свойственны схожие черты характера, а именно: отсутствие эмпатии, холодность в межличностных отношениях, настороженность по отношению к людям, некоторая замкнутость, эгоцентричность, низкая терпимость, конфликтность, агрессивность, недоверчивость и скрытость [3, с. 14]. В данном случае излишняя заинтересованность может породить у объекта настороженность. Касаемо осужденных, будет рациональным использование метода мнимой заботы.

Исследования показали, что когда один человек стремится понять другого, последний как бы допускает человека в свои переживания и симпатизирует ему. Заботой в данном случае будет выступать стремление сотрудника понять внутренние переживания объекта. Для этого оперативник должен показать заинтересованному лицу, что он внимательно слушает его, поддерживая его эмоциональное возбуждение, используя вербальные и невербальные средства.

Доверие со стороны объекта – важный элемент для оперативного сотрудника. Доверие предполагает обмен личной информацией между общающимися. Аспект доверительности представляет субъективное ощущение «безопасности» и уверенности объекта в оперативном сотруднике. Заинтересованное лицо приобретает уверенность в том, что полагаясь на оперуполномоченного, ничем не рискует. Фаза доверительности наступает в процессе общения, объект как бы раскрывается, однако сотруднику в свою очередь также необходимо создать иллюзию открытости и полного доверия к собеседнику. В разговоре с осужденным, в целях достижения доверительных отношений эффективно использование сочувствия. Человеку, лишившемуся свободы, привычного образа жизни, не имеющему возможности видеть своих близких людей необходимо понимание, сопереживание, возможность высказать свои эмоции и чувства. Данный фактор будет способствовать сближению сотрудника с заинтересованным лицом. Своевременная реакция на откровенность объекта вызовет у него чувство благодарности, что укрепит взаимоотношения и уровень доверия. Однако сотрудник также должен уметь высказывать личное мнение, отличное от мнения объекта не раздражая его, критиковать, не вызывая у него чувство неприязни.

Опрос играет важную роль в осуществлении ОРД оперативными аппаратами УИС, поскольку сотрудникам именно этих подразделений приходится более часто соприкасаться с лицами, представляющими оперативный интерес, в форме прямого общения с ними. Поэтому оперативным сотрудникам следует уделять особое внимание подготовке, организации, тактическим особенностям и фактическому проведению этого ОРМ [5, с. 129].

От оперуполномоченного требуется тонкое чутье, профессиональная наблюдательность и внимательность. От уровня доверия между сотрудником и объектом зависит качество поступающей информации, имеющей оперативный интерес. В процессе проведения самого ОРМ оперативному сотруднику следует избрать правильную тактику формулирования и последовательности задаваемых вопросов, что во многом зависит от целей беседы, характеристики опрашиваемого, степени изученности его исходных данных и оценке сложившейся обстановки [4, с. 132].

Постоянное развитие необходимых навыков у сотрудников оперативных подразделений является важным элементом в их служебной деятельности, так как неотъемлемой частью оперативно-розыскной деятельности является работа с людьми, в которую входит ряд взаимосвязанных аспектов: проблемы изучения и оценки людей, установления и развития контактов с ними, общения, оказания на них своего влияния.

При проведении оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в целях получения достоверной и качественной информации от объекта, необходимо не только знать эффективные приемы и методы, но и уметь грамотно их применять.

Список литературы:

1. Теория оперативно-розыскной деятельности / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 5-е изд. испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 795 с.
2. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М.: Академия управления МВД России, 2003. 64 с.
3. Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учеб.-практ. пособ. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2006.
4. Зникин В. К., Контдратьев М.В. Организационно-правовые и прикладные аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия "Опрос" при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств / Вестник Кузбасского института - 2020. - № 3 (44) - С. 122-140. DOI: 10.53993/2078-3914/2020/3(44)/122-140 EDN: RDOGWV
5. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М., 2006. - 180 с. ISBN: 5-89784-101-2 EDN: QXBTMN

References:

1. Theory of Operational and Investigative Activities / ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. 5th ed., revised and expanded. M.: INFRA-M, 2024. 795 p.
2. Bobrov, V. G. The Concept of Operational and Investigative Activities. Grounds and conditions for conducting operational and investigative activities : lecture. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2003. 64 p.
3. Vagin O.A., Isichenko A.P., Shabanov G.Kh. Operational and investigative activities and the use of their results: textbook and practical guide. M.: Publishing house of Shumilova I.I., 2006. p. 14.
4. Znikin V. K., Kondratiev M.V. Organizational, legal and applied aspects of the operational search event "Survey" in the identification, suppression and disclosure of crimes related to the illegal sale of narcotic drugs / Bulletin of the Kuzbass Institute – 2020. – No. 3 (44). – pp. 122-140.
5. Chechetin A. E. Actual problems of the theory of operational investigative measures : monograph. Moscow, 2006. 180 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_339

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
DIRECTIONS AND FORMS OF INTERACTION BETWEEN RELIGIOUS ORGANIZATIONS AND PENITENTIARY INSTITUTIONS IN THE UNITED KINGDOM

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
125130, Moscow, Narvskaya Street, building 15a, building 1.
e-mail: yutish@list.ru
САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru
SAMOILOVA Anastasia A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
125130, Moscow, Narvskaya Street, building 15a, building 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. *В статье авторы анализируют направления и формы взаимодействия религиозных организаций и пенитенциарных учреждений в Великобритании. Отмечается, что духовное окормление заключенных в Великобритании, способствующее их исправлению, совершается с середины XVIII в. Подробно описаны требования к должности тюремного капеллана. По мнению авторов, на сегодняшний день, совершенно очевидно, что независимо от религиозной принадлежности заключенным необходима вера в возможность возврата к законопослушной жизни в открытом обществе. Религиозные организации, взаимодействуя с пенитенциарными учреждениями, участвуют в перевоспитании и ресоциализации заключенных, формируют у них позитивные мировоззренческие установки и оказывают реальную практическую помощь в исправлении лиц, преступивших закон.*

Abstract. *In the article, the authors analyze the directions and forms of interaction between religious organizations and penitentiary institutions in the UK. It is noted that the spiritual care of prisoners in Great Britain, contributing to their correction, has been carried out since the middle of the XVIII century. The requirements for the position of prison chaplain are described in detail. According to the authors, today it is quite obvious that regardless of religious affiliation, prisoners need to believe in the possibility of returning to a law-abiding life in an open society. Religious organizations, interacting with penitentiary institutions, participate in the re-education and re-socialization of prisoners, form positive ideological attitudes among them and provide real practical assistance in correcting persons who have violated the law.*

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения, заключенные, осужденные, религиозные организации, исправление, духовно-нравственное просвещение, свобода вероисповедания, духовное окормление, тюремные капелланы.*

Key words: *penitentiary institutions, prisoners, convicts, religious organizations, correction, spiritual and moral education, freedom of religion, spiritual care, prison chaplains.*

Для цитирования: *Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. Направления и формы взаимодействия религиозных организаций и пенитенциарных учреждений в Великобритании // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 339-341. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_339.*

For citation*: Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A. Directions and forms of interaction between religious organizations and penitentiary institutions in the UK // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 339-341. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_339.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Взаимосвязь норм права и религиозных ценностей, устанавливающих принципы общечеловеческой морали и нравственности, очевидна. Общепризнанные мировые религии: христианство, мусульманство, иудаизм, буддизм, внушают человеку определенные установки, нормы поведения и правила, которые в основе своей сводятся к учению о добре, мире и согласии.

Взаимодействие религиозных организаций и пенитенциарных учреждений в сфере исправления осужденных является одним из основных направлений социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными, закрепленным Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года[1]. В области совершенствования сотрудничества со структурами гражданского общества и привлечения общественности к оказанию социальной помощи осужденным и воспитательной работы с ними, предусмотрено активизировать взаимодействие с традиционными конфессиями, обеспечивая осужденным возможность участия в религиозных обрядах, в реализации совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов; использовать потенциал религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников УИС, а также социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Этим обусловлена актуальность исследования взаимодействия религиозных организаций и пенитенциарных учреждений в сфере исправления осужденных.

[1] Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

В связи с этим особый интерес представляет опыт привлечения религиозных организаций иностранных государств в процесс исправления заключенных для выявления возможности его применения в УИС России на современном этапе.

Нормы, закрепляющие права и свободы человека, распространяются на все слои общества, независимо от социального статуса граждан. Взаимодействие религиозных организаций и пенитенциарных учреждений, а также порядок реализации права заключенных на свободу вероисповедания в местах лишения свободы регулируют национальные законы об исполнении уголовных наказаний.

В **Великобритании** духовное окормление заключенных, способствующее их исправлению, совершается с середины XVIII в.; в 1779 г. Актом парламента были введены должности тюремного священника [4], а в 1823–1825 гг. появились требования о закреплении за каждой тюрьмой капеллана, участвующего в жизни осужденных наравне с начальником тюрьмы или доктором. При этом капеллан должен быть представителем англиканской Церкви. Только при наличии начальника, доктора и священника тюрьма могла быть открыта. С 1863 г. на работу в тюрьмы кроме представителей англиканской Церкви стали принимать и католических священников.

Капеллан (позднелат. capellanus) в римско-католической, православной, протестантской церквях и ряде других конфессий – многозначный термин, означающий должность священнослужителя [1]. Капеллан – это священник, совмещающий духовную деятельность с государственной должностью.

Первоначально обязанности тюремных капелланов включали:

- два раза в день вести религиозную службу в тюрьме;
- заниматься религиозным образованием и воспитанием заключенных;
- обеспечивать заключенных духовной литературой;
- навещать больных заключенных и принимать участие в их похоронах;
- посещать заключенных-нарушителей в изоляции;
- вести наблюдение за поведением заключенных.

В настоящее время в Великобритании капелланское служение является мультирелигиозным. Закон тюремной службы № 4550 «О религиозном наставлении» от 30.10.2000 (Prison Servise Order 4550. Religion Manual) устанавливает религиозные права заключенных различных вероисповеданий. В группу капелланов могут входить представители англиканской и католической церквей, иных христианских конфессий, мусульмане. Капеллан позиционируется как духовное лицо для всех заключенных, невзирая на вероисповедание. Религиозная свобода заключенных не ограничивается. Предусматривается соблюдение религиозных обрядов для представителей всех государственно признанных конфессий. Наиболее востребованными в капелланской среде являются квакеры: более девяноста тюрем Великобритании ощутили выгоду от взаимодействия с квакерами – тюремными капелланами. Практически во всех тюрьмах Великобритании есть помещения для проведения религиозных обрядов.

Тюремные капелланы поддерживают наиболее уязвимых осужденных, которые находятся в тюремной среде без поддержки близких; проводят информационно-разъяснительную работу, не только с заключенными, но и с тюремным персоналом; стремятся удовлетворять потребности заключенных и персонала путем привлечения жизненного опыта, основываясь на уважении целостности религиозных традиций; вносят вклад в ресоциализацию заключенных, помогая им вести законопослушный и социально полезный образ жизни в местах заключения и после освобождения.

Вклад капелланов в поддержку заключенных индивидуален: многие активно участвуют в ежедневной работе команды капелланов; другие доступны только для разовых посещений заключенных. Капелланство в Великобритании в значительной степени опирается на христианские традиции, однако их молитва часто выступает мостом между различными религиями. Большинство капелланов работают с заключенными всех вероисповеданий. Некоторые из них используют имеющиеся навыки при работе с заключенными: консультации, писательское мастерство, йога, обучение и др. Другие могут предложить заключенным свою дружбу, беседы либо просто выслушать. С капелланами можно связаться, написав им письмо или по телефону [2].

В соответствии с законом Великобритании «О религиозном наставлении» капелланы обеспечивают доступ заключенных к представителю избранной ими веры и выполняют гораздо более широкую пастырскую роль:

- посещают больных заключенных и вновь поступивших в течение суток;
- фиксируют религиозные предпочтения заключенных;
- обеспечивают уход и поддержку заключенным при решении их личных проблем в семье, в случае потери близких, издевательства или членовредительства;
- спонсируют приобретение радиоаппаратуры, музыкальных инструментов;
- принимают участие в решении других проблем;
- ходатайствуют по вопросам религиозного одеяния, соблюдения постов.

Заявление о своей принадлежности к той или иной религиозной конфессии дает заключенному право посещать основные религиозные службы и мероприятия. Однако если заключенный не сделал такого заявления, он все равно может общаться с капелланами. Во время воскресной христианской службы заключенные, приверженцы данной религии, освобождаются от всех других мероприятий. Заключенные, подвергнутые дисциплинарным взысканиям, склонные к совершению побегов, содержащиеся в условиях особой изоляции или больнице, не утрачивают право посещать основные религиозные службы. Но им может быть запрещено посещение массовых религиозных мероприятий по медицинским показаниям, а также в том случае, если директор тюрьмы считает, что заключенный злостно нарушил режим содержания или присутствие заключенного может

спровоцировать беспорядки. Заключенные, представители нехристианских религий, имеют право на питание и одежду, которые соответствуют их религиозным традициям, а также право на особый распорядок в соответствии с религиозными канонами (например, нерабочая суббота у иудеев).

Для урегулирования возникающих религиозных вопросов в Великобритании создан Комитет тюремных капелланов, который определяет приоритетные направления работы, активно поддерживает деятельность по укреплению тюремного служения, обеспечивает подготовку кадров тюремных капелланов. В Комитет входит от шести до восьми представителей квакеров, выступающих в качестве тюремных капелланов. Комитет тюремных капелланов взаимодействует с Национальной службой по контролю за правонарушителями (National Offender Management Service – NOMS). Капелланы участвуют в ежегодной конференции католических епископов Англии и Уэльса, где они обмениваются опытом по вопросам тюремного служения и получают взаимную поддержку. В настоящее время тюремные капелланы работают над новой коммуникационной стратегией, включающей в себя веб-ресурсы [3].

Требования, предъявляемые к претенденту на должность тюремного капеллана следующие:

- степень бакалавра по любой специальности;

- степень магистра богословия;

- наличие опыта работы в церкви;

- наличие посвящения и рукоположения, как официального одобрения церкви и признания соблюдения всех необходимых требований квалифицированного капеллана.

Для буддистов, желающих стать тюремными капелланами в Великобритании, существует специальная программа обучения.. Буддистские тюремные капелланы должны быть членами буддистского сообщества Angulimala и не менее двух раз в год посещать ежеквартальные обучающие семинары.

Капелланы в Великобритании являются полноправными членами коллектива пенитенциарного учреждения, они могут посещать все общие мероприятия (собрания, заседания и др.). Они состоят в группах, регулирующих взаимоотношения между верующими различных вероисповеданий, группах по профилактике суицида, уведомляют спецбюро о передаче заключенного на поруки и дают соответствующие рекомендации. Так как капелланы являются составной частью тюремной системы Великобритании, то конфиденциальность информации, полученной в ходе бесед заключенных с представителями капелланов, не гарантируется.

В заключении стоит отметить, что необходимость духовного просвещения заключенных впервые на межгосударственном уровне нашла закрепление в решении Первого международного тюремного конгресса, состоявшегося в Лондоне в июле 1872 г., который признал религию первым средством исправления преступников. На сегодняшний день, совершенно очевидно, что независимо от религиозной принадлежности заключенным необходима вера в возможность возврата к законопослушной жизни в открытом обществе. Религиозные организации, взаимодействуя с пенитенциарными учреждениями, участвуют в перевоспитании и ресоциализации заключенных, формируют у них позитивные мировоззренческие установки и оказывают реальную практическую помощь в исправлении лиц, преступивших закон.

Список литературы:

1. Митрохин Л. Н. и др. Христианство: словарь. М.: Изд. "Республика", 1994. С. 189.
2. Пертли Л.Ф., Фумм А.М., Железная Ю.Ю., Борисова Т.В. Порядок и условия отбывания лишения свободы: сравнительно-правовой анализ европейского законодательства: учебное пособие. М., 2012. 100 с.
3. Самарин В.А., Скоморох О.А. Религиозные конфессии в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников уголовно-исполнительной системы. СПб, ИПКР ФСИН России, 2012. 220 с.
4. Скоморох О. Капелланская доля. Опыт тюремного служения в европейских странах. Журнал московской патриархии. 2011. № 8. EDN: ZDCGHV

References:

1. Mitrokhin L. N. et al. Christianity: a dictionary. Moscow: Publishing House “Respublika”, 1994. P. 189.
2. Pertli L. F., Fumm A. M., Zheleznaya Yu. Yu., Borisova T. V. Procedure and conditions for serving imprisonment: a comparative legal analysis of European legislation: a textbook. Moscow, 2012. 100 p.
3. Samarin V.A., Skomorokh O.A. Religious denominations in the spiritual and moral education and upbringing of convicts and employees of the penal system. St. Petersburg, IPKR FSIN of Russia, 2012. 220 p.
4. Skomorokh O. The Chaplain’s Share. The Experience of Prison Ministry in European Countries. Journal of the Moscow Patriarchate. 2011. No. 8.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_342
УДК 343.98

МЕТОДЫ АКТИВАЦИИ ПАМЯТИ ПРИ ДОПРОСЕ ПОТЕРПЕВШЕГО: ОТ ОРИЕНТИРУЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ К ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ
METHODS OF MEMORY ACTIVATION DURING INTERROGATION OF A VICTIM: FROM ORIENTATION INFORMATION TO EVIDENCE

АРСЛАНОВА Альбина Ринатовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, 450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
e-mail: Alya.arslanova@inbox.ru
ARSLANOVA Al'bina Rinatovna
candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova St., 2
e-mail: Alya.arslanova@inbox.ru

Краткая аннотация: *настоящая статья представляет собой комплексное исследование проблемы активации памяти потерпевшего в условиях действующего правового регулирования и насущных потребностей следственной практики. В статье применяется комплексный анализ методов активации памяти потерпевшего, применяемых в ходе предварительного расследования.*

Abstract: *this article presents a comprehensive study of the problem of victim memory activation in the context of current legal regulation and the urgent needs of investigative practice. The article provides a comprehensive analysis of the methods used to activate the victim's memory during the preliminary investigation.*

Ключевые слова: *допрос потерпевшего, активация памяти, когнитивное интервью, гипнорепродукция, психогенная амнезия, допустимость доказательств, следственная тактика, юридическая психология.*

Keywords: *victim interrogation, memory activation, cognitive interview, hypnoreproduction, psychogenic amnesia, admissibility of evidence, investigative tactics, and legal psychology.*

Для цитирования: *Арсланова А.Р. Методы активации памяти при допросе потерпевшего: от ориентирующей информации к доказательствам // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 342-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_342.*

For citation*: Arslanova A.R. Methods of memory activation during the interrogation of a victim: from orienting information to evidence // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 342-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_342.*

Статья поступила в редакцию: 06.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Актуальность исследования обусловлена ситуацией, в которой оказался институт допроса потерпевшего – одного из ключевых источников доказательственной информации. С одной стороны, ежегодно число потерпевших от уголовных преступлений в Российской Федерации составляет более миллиона человек, чаще всего жертвами становились именно потерпевшие от мошеннических действий. Количество мошеннических операций с использованием платежных карт в 2025 году по-прежнему было самым высоким среди остальных типов операций - 980,46 тысячи операций. Число таких операций по Системе быстрых платежей (СБП) составило 290,6 тысячи, по счетам без использования карт - 282,6 тысячи, по электронным кошелькам - 13,4 тысячи [1].

Ситуация осложняется тем, что значительная часть преступлений совершается в условиях, вызывающих у потерпевшего острый психоэмоциональный стресс, шок или даже психогенную амнезию. Это приводит к тому, что потерпевшие не могут в полной мере воспроизвести обстоятельства преступления либо дают противоречивые показания, обусловленные психотравмирующим воздействием.

Традиционная процессуальная модель допроса в форме свободного рассказа, вопрос – ответ, фиксация показаний, не учитывает глубинных психологических механизмов формирования, хранения и воспроизведения следовой информации в экстремальных условиях. Возникает конфликт между правовой нормой, оставляющей следователю полную свободу тактики (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), и научно обоснованной психологической методикой, требующей строгой регламентации процедуры. Именно этот конфликт порождает риск как получения некачественных показаний, так и признания их впоследствии недопустимыми ввиду применения внушающих методов.

Методологическая основа настоящего исследования включает комплекс общенаучных (диалектический, системный, структурно-функциональный), юридический для анализа норм УПК РФ, регулирующих допрос; сравнительно-правовой для сопоставления российского и зарубежного опыта (когнитивное интервью, гипнорепродукция); статистический при анализе данных о потерпевших и результатах следствия.

Центральной коллизией правового регулирования допроса является сочетание двух положений ч. 2 ст. 189 УПК РФ: «Задавать наводящие вопросы запрещается. Следователь свободен при выборе тактики допроса». Наводящим признается вопрос, в формулировке которого в явной или скрытой форме содержится подсказка желаемого следователю ответа. Основная причина запрета заключается в том, что сам наводящий вопрос оказывает внушающее воздействие на допрашиваемого, и может снижать критический и волевой порог восприятия информации и, как следствие, формировать неверные сведения. Проблема заключается в том, что грань между допустимым тактическим приемом (активизация ассоциативных связей, постановка уточняющих вопросов) и запрещенным наводящим вопросом на практике очерчена крайне размыто. Рассмотрим особенности допроса потерпевшего.

Показания потерпевшего, в отличие от показаний свидетеля, обладают рядом особенностей, обусловленных фактом совершения преступного посягательства на его жизнь, здоровье, честь и достоинство. Как справедливо отмечается в литературе, показания потерпевшего характеризуются повышенной эмоциональностью и могут быть даны в состоянии страха, эмоционального напряжения, стресса или даже паники [2, С. 583]. В этой связи формирование показаний – это сложный психический процесс, включающий такие этапы как: 1) восприятие человеком события преступления и его обстоятельств; 2) запечатление воспринятого в памяти (формирование мысленного образа) [3, С.252]; 3) воспроизведение информации в ходе допроса.

На каждом из этих этапов возможны искажения. Особенностью потерпевшего является то, что он одновременно выступает носителем информации (наблюдал событие), пострадавшей стороной (эмоциональное состояние) и заинтересованным участником процесса. Все это может

влиять на непреднамеренное искажение информации [4, С.184, 5, С. 229], к примеру эмоциональное смещение акцентов, вытеснение психотравмирующих деталей и др., а также преднамеренных (оговор, преувеличение ущерба и др.).

Методы активации памяти исходя из природы воздействия и процессуального статуса получаемой информации, можно разделить на три группы:

1. Ординарные тактические приемы (допустимые, не требующие участия специалиста), к ним можно отнести свободный рассказ. Этап свободного рассказа рассматривается как важнейший элемент допроса. Именно в свободной форме изложения допрашиваемый может указать на такие детали события, которые, на его взгляд, не представляют интереса, но фактически играют большую роль в установлении обстоятельств дела. Кроме того, здесь нельзя без внимания оставить поведение следователя, а именно необходимо искренне проявлять интерес с помощью мимики, жестов, то есть занять позицию «активного слушателя» [6, С. 283-294].

В эту же группу можно отнести допрос с использованием ассоциативных связей, суть приема заключается в том, что следователь задает вопросы, относящиеся не к искомому, а к смежным с ним фактам, помогая установить сначала их, а затем, по ассоциации, и целевое обстоятельство.

Также довольно эффективным приемом является - предъявление вещественных доказательств и объектов. Визуализация предметов, связанных с событием преступления, выступает мощным стимулом для актуализации забытых обстоятельств.

В следующую группу предлагаем включить методы, требующие участия специалиста-психолога, к примеру: когнитивное интервью.

Разработанное зарубежными учеными когнитивное интервью представляет собой методику допроса, основанную на научном понимании процессов памяти. В российской криминалистической литературе оно рассматривается наряду с методикой мониторинга реальности и методикой оценки валидности утверждений как один из эффективных способов диагностирования достоверности показаний [7]. Суть интервью не предполагает внушающего воздействия, а создает оптимальные психологические условия для естественного восстановления следов памяти. Однако в российском уголовном процессе данная методика не имеет легального закрепления, что порождает неопределенность в правовой оценке результатов ее применения.

Следующий метод в данной группе это активация памяти с участием психолога при психогенной амнезии [8] (утрата воспоминаний о травмирующем событии без органических поражений мозга) встречается у потерпевших при совершении особо тяжких преступлений. В таких случаях участие специалиста-психолога в допросе становится не просто желательным, а необходимым. Психолог должен иметь специальную подготовку для работы с жертвами насилия и владеть методами восстановления психотравмированной памяти без риска формирования ложных воспоминаний.

Еще один существующий, но спорный метод с неопределенным доказательственным статусом - метод гипнорепродукции (гипнорепродукционного опроса) разработан в юридической психологии для преодоления естественного забывания или амнезии травматического характера [9]. К гипнозу прибегают исключительно после того, как исчерпаны традиционные методы активации памяти, но показания, полученные в результате введения человека в состояние гипноза, не используются судами в качестве доказательств, поскольку в процессуальном плане доказательствами не считаются. Практическая ценность заключается в том, что полученная в ходе гипнорепродукции информация может быть использована в ориентирующих целях для построения следственных версий, выдвижения предположений о месте нахождения доказательств и др.

От ориентирующей информации к допустимым доказательствам. Ключевая проблема, вытекающая из проведенного анализа заключается в определенном разрыве между психологически эффективными методиками и их доказательственным значением.

Процессуальное регулирование допроса потерпевшего в части активации памяти предполагает учитывать, что при наличии у потерпевшего признаков психогенной амнезии либо иных психических расстройств, препятствующих полному и объективному воспроизведению обстоятельств преступления, к участию в допросе привлекается специалист-психолог. Методика допроса разрабатывается с участием указанного специалиста и направлена на активизацию процессов восстановления памяти без использования внушающих методов. В данном случае потребуется организационная доработка, и мы предлагаем создание в штате следственных подразделений СК России и МВД РФ должностей штатных психологов, специализирующихся на работе с потерпевшими (и другими участниками) с психотравмой.

Список литературы:

1. "ЦБ сообщил о росте объема хищений мошенников в 2025 году до 29,3 млрд рублей": https://www.interfax.ru/business/1072685 (дата об-ращения 30.04.2026).
2. Маклаков, А.Г. Общая психология: учебник для вузов / А.Г. Маклаков. - СПб.: Питер, 2008.
3. Карпов А.В. Общая психология. М.: Гардарики, 2005.
4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователя: учеб. пособие. М.: Высшая школа МООП СССР, 1967.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: АН СССР, 1958. EDN: LJWHGW
6. Атватер И. Рефлексивное слушание. Психология влияния / пер. с англ. А.В. Морозов. СПб.: Питер, 2001.
7. Болатханова К. Р. Практика применения когнитивного интервью для работы с подозреваемым: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-kognitivnogo-intervyu-dlyabotyysclid=mos90xtxtl794619236 (дата обращения 29.04.2026).
8. Психогенная амнезия - пограничная психиатрия: https://www.rlsnet.ru/library/books/pogranicnaya-psixiatriya-antologiya-otecestvennoi-mediciny/24-psixogennye-amnezii?ysclid=mos9lr62ze924761151; (дата обращения 29.04.2026).
9. Замылин Е.И. Гипнорепродукция: уникальная возможность получения искомой информации в ходе расследования или "околонаучный ме-тод".
10. (размышления криминалиста): https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoreproduktsiya-unikalnaya-vozmozhnost-polucheniya-iskomoy-informatsii-v-hode-rassledovaniya-ili-okolonauchnyy-metod?ysclid=mos9un0w9p918916185 (дата обращения 29.04.2026).

References:

1. “The Central Bank reported an increase in the volume of fraudsters’ embezzlement in 2025 to 29.3 billion rubles”: https://www.interfax.ru/business/1072685 (accessed on 30.04.2026);
2. Maklakov, A.G. General Psychology: a textbook for universities / A.G. Maklakov. – St. Petersburg: Piter, 2008.;
3. Karpov A.V. General Psychology. Moscow: Gardariki, 2005.;
4. Ratinov A.R. Forensic Psychology for the Investigator: a textbook manual. Moscow: Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1967.;
5. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958.;
6. Atwater I. Reflective Listening. Psychology of Influence / translated from English by A.V. Morozov. St. Petersburg: Piter, 2001;
7. Bolatkhanova K. R. The Practice of Using Cognitive Interviewing in Working with a Suspect: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-kognitivnogo-intervyu-dlyabotyysclid=mos90xtxtl794619236 (accessed on 29.04.2026);
8. Psychogenic amnesia – borderline psychiatry: https://www.rlsnet.ru/library/books/pogranicnaya-psixiatriya-antologiya-otechestvennoi-mediciny/24-psixogennye-amnezii?ysclid=mos9lr62ze924761151; (accessed on 29.04.2026);
9. Zamylin E.I. Hypnoreproduction: a unique opportunity to obtain the desired information during an investigation or a “quasi-scientific method” (reflections of a criminologist): https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoreproduktsiya-unikalnaya-vozmozhnost-polucheniya-iskomoy-informatsii-v-hode-rassledovaniya-ili-okolonauchnyy-metod?ysclid=mos9un0w9p918916185 (date of inquiry: 29.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_344

УДК 343.14

НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
INADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

МАНОХИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института ВлГУ, кандидат юридических наук.
600005, Россия, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8.
E-mail: i@vmanohin.ru;

MANOKHIN Vitaly Sergeevich,
Associate Professor at the Department of Financial Law and Customs Activities of the Law Institute of Vladimir State University, Candidate of Legal Sciences.
600005, Russia, Vladimir, Studencheskaya Street, building 8.
E-mail: i@vmanohin.ru

Краткая аннотация: *Статья прослеживает эволюцию института недопустимости доказательств в уголовном процессе от средневековых ордалий до современного законодательства. Анализируются ключевые этапы: обвинительный процесс XII века, реформа 1864 года, советский период с его внесудебными производствами. Автор акцентирует внимание на современном правовом регулировании (ст. 75 УПК РФ) и проблемах определения допустимости, включая отсутствие легального понятия «недопустимости». Рассматриваются требования к процессуальной форме, роль суда и защиты в признании доказательств недопустимыми, а также сложности, связанные с электронными доказательствами. В завершение предлагается авторское определение недопустимости как свойства сведений, полученных с нарушением процедуры.*

Abstract: *The article traces the evolution of the institution of inadmissibility of evidence in criminal procedure from medieval ordeals to modern legislation. It analyzes key stages: the accusatory process of the 12th century, the reform of 1864, and the Soviet period with its extrajudicial proceedings. The author focuses on contemporary legal regulation (Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the problems of defining admissibility, including the absence of a legal definition of "inadmissibility." The requirements for procedural form, the role of the court and defense in recognizing evidence as inadmissible, as well as difficulties associated with electronic evidence, are examined. In conclusion, the author proposes an original definition of inadmissibility as a property of information obtained in violation of procedure.*

Ключевые слова: *недопустимость доказательств, уголовный процесс, допустимость, история, УПК РФ.*
Key words: *inadmissibility of evidence, criminal procedure, admissibility, history, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Манохин В.С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_344.*
For citation*: Manokhin V.S. Inadmissibility of evidence in the criminal process of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_344.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Институт недопустимости доказательств формировался параллельного становлению уголовного процесса. В XII веке, когда процесс был преимущественно обвинительным и божественным [1, С. 25] (то есть истина была исключительным явлением и исходила соблюдения заповедей), поэтому все имеющиеся факты рассматривались исключительно с точки зрения их процедурного соответствия принятым религиозным канонам. Сбор доказательств представлял собой оценку подозреваемого путем прохождения им соответствующих испытаний и дальнейшее толкование полученных результатов. Весь процесс доказывания сводился либо к подтверждению (реже опровержению) факта совершения преступления путем назначения специального испытания (кипящей водой или раскаленным железом), либо показаниями истца, который укажет на виновника.

Постепенное развитие уголовного процесса и переход от обвинительного (инквизиционного) уклона в сторону большей состязательности, трансформировал и подход к оценке недопустимости доказательств. Внешняя форма оценки поведения обвиняемого изменилась в сторону строгой процедурности к получению сведений от объектов материальной действительности, однако свидетельские показания все также оставались «королем доказательств» (не исключая важность признания в качестве «королевы»).

Уже в Уставе уголовного судопроизводства от 1864 года [1, С. 27] законодатель предусматривает большее равенство сторон, допуская возможность оправдательного и обвинительного исхода дела. Предметом рассмотрения судей становится вопрос о виновности или невиновности.

Итогом реформы 1864 года стало расширения состязательности процесса, смены парадигмы от подозреваемого как главного доказательства (путем пыток возможно было получить признание) к равенству сторон обвинения и защиты, а также активное введение суда присяжных. Появились и активно развивались дела частного обвинения. Оценка доказательств судом производилась исходя из внутреннего убеждения.

Октябрьская революция привела к разрушению старой судебной системы, однако невозможно сказать о полноценном отрицании правового наследства, которое досталось от Российской империи. Главным существенным изменением можно считать смену статуса стороны обвинения. Следователь получил возможность самостоятельно создавать судебные доказательства, таким образом практически исключив возможность их исследования и признания недопустимым или недостоверным. Состязательность процесса, была сведена практически к нулю и суд фактически превратился в ещё одну разновидность органов предварительного расследования. Следующим шагом стало введение упрощенного внесудебного уголовного производства, которая фактически исключала какую – либо защиту для подозреваемого. Постановления ЦИК СССР от

1 декабря 1934 г. [2, С. 240] и от 14 сентября 1937 г. закрепило, так называемое, исключительное производство по делам, связанными с терроризмом и контрреволюционными действиями. На смену классической судебной коллегии пришел новый орган – Особое совещание при НКВД СССР.

Недопустимость была одной из постоянных категорий во все времена уголовного процесса, однако трансформировался исключительно подход к содержательной части понятия. С одной стороны, нарушение порядка проведения испытания приводило к тому, что полученный результат был недопустимым, с другой стороны, с развитием состязательности уголовного процесса все больше поднимался вопрос о формализации подробного порядка получения сведений и их источника. Смена вектора обвинительного уклона привел к развитию теории доказывания и формированию требований, предъявляемых к порядку и источнику получения сведений по делу.

В настоящее время, понятие недопустимости закреплено в ч. 1 ст. 75 УПК РФ: таковыми признаются доказательства, которые получены с нарушением требований УПК РФ. Ю. Я. Власов определяет допустимость как пригодность доказательств для конкретного дела с учетом обязательного соблюдение процессуальной формы. К ним предъявляются специальные условия.

1. Доказательства должны быть получены в ходе деятельности уполномоченных органов. Закон устанавливает требования к порядку получения, то есть устанавливая не только, кто фактически должен их получить и представить, но и также необходимо соблюсти законодательно установленный алгоритм действий. (Ст. 74 и 75 УПК РФ в какой – то степени дублируют себя в данной части, определяя круг субъектов, а также важность соблюдения порядка ОРД. Однако, в некоторых случаях это вызывает вопросы в отношении сбора доказательств стороной защиты и иными лицами, но про это будет упомянуто ниже).
2. Источник доказательств должен быть законодательно закреплен. Не допускается использование анонимных заявлений, слухов или любой информации, которые не была проверена следственным путем
3. Даже, если источник предусмотрен законом, необходимо соблюсти процедуру получения доказательств, в противном случае она будет поставлена под сомнения.
4. Особая форма фиксации связана и с процессуальным статусом лиц, от которых получается информация. Если акцент делается на вещественные доказательства, то они оформляются соответствующим протоколом, которые также отвечает всем требованиям формальной процедурности.

Данные требования необходимы в первую очередь, для соблюдения равенства сторон и недопущении исключительно обвинительного уклона. Несмотря на то, что само понятие «недопустимости» не формулируется в рамках УПК РФ, представленные требования в совокупности с теоретическими и практическими особенностями, позволяет сформулировать релевантную дефиницию.

Интересным можно считать подход Т. Морщаковой [3, С. 74], которая указывает на то, что ч. 2 ст. 50 Конституции РФ устанавливает запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, однако данная норма не является прямого действия. То есть единственным участником процесса, который может признать доказательство недопустимым является суд, оценивающие представленные материалы дела. Это специальная гарантия состязательности, по мнению автора.

Возвращаясь к статье 75 УПК РФ, стоит отметить, что недопустимые доказательства, с точки зрения закона, утрачивают свою юридическую силу и значение на исход дела. С учетом понятия доказательства, можно говорить о том, что цель критерия допустимости выступают получаемые сведения, а не объекты материальной действительности. Фактически, предъявляемые требования касаются порядка правильного процессуального оформления информации, необходимой для подтверждения или опровержения виновности лица, установления факта преступления и определения круга дополнительных вопросов. Обличение сведений в процессуальную форму является залогом соблюдения конституционных гарантий, а также придания им юридической силы, дополнительным подтверждением соответствия материальной действительности правовой сфере.

Недопустимость доказательств - антипод их допустимости. И для того, чтобы доказательство отвечало требованиям допустимости, необходимо принять меры, способствующие предупреждению у него признаков недопустимости [4, С. 71]. Поэтому важно иметь четкое представление о критериях, которые позволяют признать доказательство недопустимым. Как справедливо отмечают Ю. В. Кореневский и Г. П. Падва, «нет возможности перечислить все встречающиеся нарушения процессуального порядка, которые служат основанием для признания доказательства недопустимым» [5, С. 62]. Решение об этом должно приниматься по каждому конкретному делу с учетом положений закона и разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации.

П. А. Лупинская, принимавшая участие в разработке нового Уголовно-процессуального кодекса, отмечала, что «установив право на свидетельский иммунитет, законодатель явно предпочел охрану лежащих в основе этого иммунитета ценностей (презумпции невиновности, сохранения родственных отношений и др.) установлению истины «любыми средствами». [6]

Принятие решения о признании доказательства недопустимым и недостоверным влечет определенные правовые последствия для дальнейшего производства по уголовному делу (в частности, исключение недопустимого доказательства, отмену или изменение процессуального акта, изменение объема обвинения, прекращение уголовного дела и так далее), при этом наступление соответствующего процессуального последствия должно определяться не только самим фактом признания доказательства недопустимым, но и его ролью в доказательственной базе по уголовному делу, а также характером реального ущерба правам и законным интересам участника уголовного судопроизводства, подлежащего устранению.

Ещё одним признаком недопустимости можно считать проактивность применения данного критерия. Он не применяется автоматически, в случае обнаружения, а зависит от деятельности стороны защиты, которая и ходатайствует об исключении данного доказательства. А. М. Ларин [7, С. 33] приводит в пример опознание обвиняемого, в ходе которого он не был опознан. Так, с точки зрения процедурности, важно соблюдение

строгого алгоритма действий: опрос опознаваемого, затем представление лиц, отсутствие наводящих вопросов. Это свидетельствует о проведении следственного действия, соответствующего требованиям закона и само по себе отсутствие результата не может считаться подтверждением недопустимости. Н. М. Кипнис [8, С. 103] указывает, что гарантией допустимости выступает участие защитника, в ходе оформления доказательства.

П. А. Лупинская [6] поддерживает данный подход и указывает на то, что ст. 75 УПК РФ направлена, прежде всего, на недопущение злоупотреблений со стороны органов предварительного следствия, которые получают показания подозреваемого в отсутствие защитника, нарушая конституционные права.

Ещё одной сложностью в формировании понятия недопустимости выступают электронные доказательства. Их активное распространение в рамках уголовной практики актуализировало проблему определения понятия, так как вопрос их процессуального оформления до сих пор остается одной актуальных проблем уголовного процессуального права. Ю.В. Гаврилин и А. В. Победкин [9, С. 25] рассматривают электронные доказательства не как средства замены классических доказательств, а как оптимизацию работы органов предварительного следствия, упрощение сбора сведений. Тем не менее, подобный подход должен сопровождаться строгому следованию закону и сохранению конституционных гарантий для подозреваемого.

В заключение хочется отметить, что отсутствие понятия «недопустимости» в УПК РФ до сих пор считается одним из главных пробелов законодательства. Подход, указывающий, что все собранное не в соответствии с законом можно считать недопустимым не учитывает особенности технологического развития и юридическую практику. Несомненно, главы 23-25 УПК РФ устанавливают порядок фиксации следственных действий, однако, как было приведено в пример, существует масса особых признаков, не вытекающих из нормы, но обязательных при рассмотрении дела. С учетом этого, считаем необходимым предложить собственное определение «недопустимости» — это уголовно-процессуальное свойство сведений, полученных в рамках сбора доказательств по делу, которое характеризуется нарушением законодательно установленной процедуры как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, применяемое по инициативе участников судопроизводства.

Список литературы:

1. Маркина, Е. А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. А. Маркина. - Москва, 2000. - 187 с. EDN: NLRWDN
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Юридическая литература, 1973. - 736 с.
3. Быков, В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / В. М. Быков. - Казань: Познание, 2008. - 298 с. ISBN: 978-5-8399-0238-1
4. Воскобойник, И. О. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе / И. О. Воскобойник, М. Г. Гайдышева // Юридический вестник Самарского университета. - 2021. - Т. 7, № 2. - С. 70-76. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-70-76 EDN: QJSQWU
5. Кореневский, Ю. В. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: практ. пособие / Ю. В. Кореневский, Г. П. Падва. - Москва: Юрист, 2004. - 159 с. - (Res cottidiana). ISBN: 5-7975-0684-X EDN: QVYKEJ
6. Лупинская, П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. А. Лупинская // Российская юстиция. - 2002. - № 7. - С. 7-9.
7. Стабров, Н. И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных / Н. И. Стабров // Журнал российского права. - 2006. - № 11. - С. 33-37. EDN: OOUBMX
8. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис; отв. ред. П. А. Лупинская. - Москва: Юристъ, 1995. - 128 с. EDN: YAKCBN
9. Россинский, С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 2. - С. 16-31. EDN: TOMORN

References:

1. Markina, E. A. Admissibility of Evidence as a Guarantee of Justice and Individual Rights in the Modern Russian Criminal Procedure: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.09 / E. A. Markina. — Moscow, 2000. — 187 p.
2. Theory of Evidence in the Soviet Criminal Procedure / ed. by N. V. Zhogin. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Legal Literature, 1973. — 736 p.
3. Bykov, V. M. Current Problems of Criminal Procedure / V. M. Bykov. — Kazan: Poznanie, 2008. — 298 p. — ISBN 978-5-8399-0238-1.
4. Voskoboynik, I. O. On the issue of evidence and proof in criminal proceedings / I. O. Voskoboynik, M. G. Gaidysheva // Legal Bulletin of Samara University. — 2021. — Vol. 7, No. 2. — Pp. 70–76.
5. Korenevsky, Yu. V. The Defender's Participation in Evidence under the New Criminal Procedure Law: a practical guide / Yu. V. Korenevsky, G. P. Padva. — Moscow: Yurist, 2004. — 159 p. — (Res cottidiana). — ISBN 5-7975-0684-X.
6. Lupinskaya, P. A. Evidence and Proof in the New Criminal Procedure / P. A. Lupinskaya // Russian Justice. — 2002. — No. 7. — Pp. 7–9.
7. Stabrov, N. I. Consideration of Motions Regarding the Admissibility of Evidence in the Russian Federation in a Jury Trial / N. I. Stabrov // Journal of Russian Law. — 2006. — No. 11. — Pp. 33–37.
8. Kipnis, N. M. Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings / N. M. Kipnis; ed. by P. A. Lupinskaya. — Moscow: Yurist, 1995. — 128 p.
9. Rossinsky, S. B. The Concept and Essence of Investigative Actions in Criminal Proceedings: The Debate Continues / S. B. Rossinsky // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. — 2015. — No. 2. — Pp. 16–31.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_347

УДК 343.34:004(470)

ТЕРРОРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
TERRORISM IN THE INFORMATION SPACE

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: k021@mail.ru

КУЛИЕВ Инал Борисович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Street, 2.
E-mail: k021@mail.ru

BADAMSHIN Ilfat Davletnurovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova St., 2.
E-mail: k021@mail.ru

KULIEV Inal Borisovich,
Lecturer at the Department of Special Disciplines of the North Caucasus Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Street, 2.
E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация: *В существующих реалиях глобальной проблемой социального развития мирового сообщества стала необходимость дальнейшего совершенствования противодействия терроризму в различных формах его проявления. К детерминантам возникновения угроз национальной безопасности природного и техногенного характера добавляются угрозы террористического характера которые приобрели в собственный арсенал способов их реализации все более изощренные формы, алгоритмы и средства, в том числе передовые достижения в области ИТ-технологий. Перечень традиционных террористических актов, таких как взятие заложников, активация взрывных устройств расширяется за счет киберугроз, в том числе насильственного характера, нацеленных на масштабные разрушения инфраструктур государства либо на оказание влияния на сознание интернет-идеологий.*

Abstract: *In the current reality, the need to further improve counteraction to terrorism in its various forms has become a global challenge for the social development of the global community. In addition to the determinants of natural and man-made threats to national security, terrorist threats have acquired increasingly sophisticated forms, algorithms, and means, including cutting-edge advances in IT technology, to their arsenal of methods. The list of traditional terrorist acts, such as hostage-taking and the activation of explosive devices, is expanding to include cyberthreats, including violent ones, aimed at large-scale destruction of state infrastructure or the influence of internet ideologies on consciousness.*

Ключевые слова: *терроризм, идеология, преступление, информационно-телекоммуникационные сети, кибертерроризм.*
Key words: *terrorism, ideology, crime, information and telecommunication networks, cyberterrorism.*

Для цитирования: *Бадамшин И.Д., Кулиев И.Б. Терроризм в информационном пространстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 347-349. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_347.*
For citation*: Badamshin I.D., Kuliev I.B. Terrorism in the Information Space // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 347-349. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_347.*

Статья поступила в редакцию: 04.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Проблема, связанная с распространением и развитием терроризма в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» приобретает одно из приоритетных значений. В настоящее время происходит трансформация терроризма в целом, который меняет форму и изменяет тактику. Анализ информационной обстановки в сети показывает, что контент основных интернет-ресурсов по продвижению идеологии терроризма носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Интернет сегодня превратился в мощный инструмент манипуляции сознанием и поведением.

Этому способствует специфика глобальной сети, которая обеспечивает такие преимущества, как простота доступа, независимость от географического расположения, неограниченная потенциальная аудитория, высокая скорость передачи информации, трудности в осуществлении контроля со стороны правоохранительных органов и другие. В виртуальном пространстве проводится идеологическая работа, сбор средств, а также непосредственная подготовка к совершению террористических акций. Обнаружение виртуального террориста почти невозможно, что само собой подразумевает и трудности с его нейтрализацией и наказанием.

Одной из главных задач террористических организаций, решаемых с помощью Интернета, является как можно более широкое освещение своих противоправных действий с привязкой их к идеологическим установкам и устрашением общества. Этому способствует повсеместное применение на регулярной основе, наряду с тривиальными средствами совершения терактов, информационно-коммуникационных технологий, что стремительно сокращает временные рамки трансформации угрозы в ее воплощение в форме реально совершенного акта.

Таким образом, сегодня характерно смещение акцента среды совершения терроризма в сферу масс-медиа и социальных сетей, где реализуются различного рода деструктивный контент идеологического, насильственного, политического или иного содержания, который ориентирован не на уничтожение, а скорее на всеобщность и значимость своего информационного освещения [1, с. 104].

Именно с развитием цифровизации деятельности мирового сообщества терроризм приобрел возможность своего проявления в режиме online, где открытость в реальном времени стала одним из основных его признаков. Существует весьма высокая вероятность того, что адресность указанного глобального феномена деструктивной активности в цифровом пространстве может составлять десятки тысяч абонентов информационных ресурсов, а также отдельные регионы или государства в целом.

В этой связи появляются новые термины и понятия. Одним из таких является – кибертерроризм.

Термин «кибертерроризм», или «компьютерный терроризм», впервые прозвучал в восьмидесятые годы прошлого столетия, но и в настоящее время до конца не определены границы данного понятия.

В законодательстве Российской Федерации оно, к сожалению, до сих пор не закреплено. В этой связи говорить об однозначности трактовки исследуемого термина не приходится. Очень часто в средствах массовой информации, говоря о кибертерроризме, подразумевают любое преступление, совершенное в сети «Интернет». На наш взгляд, такая трактовка некорректна.

В научной литературе предпринимаются попытки восполнить этот пробел. Так, одни исследователи считают, что под кибертерроризмом следует понимать преступные посягательства в киберпространстве, в результате чего возникает угроза безопасности личности, обществу и государству [2, с. 36]. Целью кибертерроризма в этом случае является повышение напряженности в обществе, а также нагнетание страха с последующей возможностью воздействия при принятии решений в политических, экономических и социальных сферах жизни. Способами такого воздействия могут являться угрозы причинения вреда здоровью, воздействия на материальные объекты информационно-телекоммуникационных сетей, искажение правдивой информации с целью введения в заблуждение людей, хищение личных данных пользователей с целью шантажа и получения материального вознаграждения.

По мнению других исследователей, кибертерроризм – деятельность по нарушению организации информационных систем, которая создает опасность причинения общественно опасных последствий, включая гибель людей и имущественный ущерб, тем самым создавая условия для различного вида катастроф и аварий техногенного характера, устрашения населения и воздействия на органы власти для выполнения последними условий, выгодных правонарушителям [3, с. 250].

С точки зрения третьих, понятие «кибертеррориризм» является схожим с понятием «терроризм», однако атаки осуществляются непосредственно на компьютерную сеть, систему, критическую информационную инфраструктуру и тем самым создается опасность для жизни и здоровья людей, а также возможность наступления иных тяжких последствий [4, с. 69-70]. Ее особенностью является и то, что преступники не используют взрывные устройства, не захватывают заложников, а все противоправные действия совершают с помощью компьютерных вирусов, специализированного программного обеспечения, а также различного вида атак на серверы. Как видим, данное описание исследуемого понятия является более ограниченным по своему содержанию.

Отметим, что в настоящее время выделяют три уровня кибертерроризма.

Первый уровень связан с простейшими хакерскими атаками на информационные системы. Злоумышленниками в данном случае чаще всего являются молодые люди, решившие попробовать себя на поприще кибертеррориста. Их обычно можно отнести к категории начинающих программистов. Программные средства, которые используются для реализации атак, в большинстве своем, берутся из сети «Интернет». Потери от такого вида атак, как правило, минимальны, а угрозы быстро нейтрализуются специалистами по защите информации.

При этом необходимо различать хакеров и кибертеррористов. Отличительной особенностью последних являются действия, способные причинить тяжкие последствия, такие как гибель людей, разрушения. Преступления совершаются по идеологическим, политическим, религиозным мотивам, с целью выдвижения каких-либо требований. Хакеры же преследуют в своих действиях чаще всего материальную выгоду, но не разрушения или выполнение своих требований.

Второй уровень предполагает, что организацией атак на информационные системы занимается уже не одиночка, а организация, обладающая всеми признаками управляемой структуры, а также имеющая возможности создания собственного программного обеспечения для взлома компьютерных сетей, обучения новичков. Основная их деятельность преимущественно связана, как правило, с получением материальной выгоды. Последствия от реализации их угроз могут быть значительными, но в большинстве своем носят только материальный характер.

Последний уровень предусматривает, что кибертеррористы способны к скоординированной атаке, которая может привести к массовым нарушениям систем безопасности отдельного государства. Для реализации своих целей они имеют возможность создания очень сложного специализированного программного обеспечения. Организация обычно четко структурирована, ее члены могут анализировать свои действия и вырабатывать совместные планы. Последствия от реализации таких атак будут максимальны не только с точки зрения значительных материальных потерь, но и с учетом возможности гибели людей [5, с. 101].

Таким образом, можно признать существование вместе с исключительно положительными и прогрессивными процессами цифровизации общества, наличие таких ее негативных проявлений, как преступность в виртуальном пространстве (киберпреступность) и, следовательно, терроризма в информационно-телекоммуникационной среде (кибертерроризма). Учет вышеизложенного предопределяет необходимость, в свете актуальности и специфичности рассматриваемого явления, его доктринального осмысления и единого легального определения, что на наш взгляд, станет важным шагом к повышению эффективности национальной безопасности.

Список литературы:

1. Гущина, А. А., Пакляченко, М. Ю. К вопросу терроризации медиа-контента // Противодействие терроризму и экстремизму в информационных системах: Сб. науч. ст. Всерос. конф. - М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2020. С. 103-105. EDN: QVHLGJ

2. Голик, О. А. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в информационном пространстве // Противодействие терроризму. Про-блемы XXI века - Counter Terrorism. 2015. № 1. С. 36-37. EDN: UEKIGB

3. Шарова, К. М., Клочкова, Е. Н. Основные направления противодействия кибертерроризму как разновидности международного терроризма // Противодей-ствие терроризму и экстремизму в информационных системах: Сб. науч. ст. Всерос. конф. - М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. С. 250-253. EDN: IMLBDE

4. Васенин, В. А. Информационная безопасность и компьютерный терроризм // Научные и методологические проблемы информационной безопасности: Сб. ст. / под ред. В. П. Шерстюка. - М.: МЦНМО, 2004. С. 67-83. Режим доступа: - URL: http://www.iisi.msu.ru/UserFiles/File/publications/sherstyuk_ed.pdf (Дата посещения: 13.04.2026).

5. Клочкова, Е. Н. Кибертерроризм как одна из форм проявления современного терроризма // Противодействие терроризму и экстремизму в ин-формационных системах: Сб. науч. ст. Всерос. конф. - М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 100-102. EDN: AOMCDK

References:

1. Gushchina, A. A., Paklyachenko, M. Yu. On the issue of terrorization of media content // Countering terrorism and extremism in information systems: Collection of scientific articles of the All-Russian Conference. – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2020. Pp. 103–105.

2. Golik, O. A. Countering the ideology of terrorism and extremism in the information space // Countering terrorism. Problems of the XXI century - Counter Terrorism. 2015. No. 1. pp. 36-37.

3. Sharova, K. M., Klochkova, E. N. The main directions of countering cyberterrorism as a type of international terrorism // Countering terrorism and extremism in infor-mation systems: Collection of scientific articles of the All–Russian Conference – Moscow: Moskovsky Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. pp. 250-253.

4. Vasenin, V. A. Information security and computer terrorism // Scientific and methodological problems of information security: Collection of articles / edited by V. P. Sherstyuk. Moscow: ICNMO, 2004. pp. 67-83. Access mode: – URL: http://www.iisi.msu.ru/UserFiles/File/publications/sherstyuk_ed.pdf (Date of visit: 04/13/2026).

5. Klochkova, E. N. Cyberterrorism as one of the forms of manifestation of modern terrorism // Countering terrorism and extremism in information systems: Collection of scientific articles of the All-Russian Conference – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2020. pp. 100-102.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_350

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДИВЕРСИИ
ON THE LEGAL CHARACTERISTICS OF SABOTAGE

ВЛАСОВА Светлана Владимировна
Доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

VLASOVA Svetlana Vladimirovna
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, Candidate of Law, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

ВЛАСОВ Дмитрий Алексеевич
Помощник судьи Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук, Нижний Новгород, Россия, 603950, пр. Гагарина, д.17А, пом. П1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

VLASOV Dmitry Alekseevich
Assistant Judge of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction, PhD in Law, Nizhny Novgorod, Russia, 603950, Gagarin Ave., Building 17A, Room P1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье предлагается комплексный анализ правовой характеристики диверсии как особо опасного посягательства на безопасность РФ по ст. 281 УК РФ, актуализированный геополитическими вызовами. Через призму конструктивных элементов – объективной и субъективной сторон, предмета и цели – выявляется специфика состава, отличающая его от терроризма, измены и саботажа; подчеркивается эволюция понятия от исторических норм к современным редакциям. На основе изучения судебной практики констатируются проблемы квалификации группы по сговору, доказывания целей и толкования объектов инфраструктуры.*

Abstract: *This article offers a comprehensive analysis of the legal characterization of sabotage as a particularly dangerous attack on the security of the Russian Federation under Article 281 of the Criminal Code, updated by geopolitical challenges. Through the prism of its constructive elements—objective and subjective aspects, object and purpose—the specific elements of the offense are identified, distinguishing it from terrorism, treason, and sabotage. The evolution of the concept from historical norms to modern versions is emphasized. Based on a study of judicial practice, the problems of classifying a collusive group, proving its objectives, and interpreting infrastructure facilities are identified.*

Ключевые слова: *диверсия, предмет посягательства, состав преступления.*
Keywords: *sabotage, object of the attack, elements of the crime.*

Для цитирования: *Власова С.В., Власов Д.А. К вопросу о правовой характеристике диверсии // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 350-352. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_350.*
For citation*: Vlasova S.V., Vlasov D.A. On the issue of the legal characterization of sabotage // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 350-352. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_350.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Исторически диверсия коренится в нормах Русской Правды и Псковской судной грамоты, где поджог или измена карались немилостивой казнью[1, с. 51-55].

В современном уголовном праве Российской Федерации диверсия предстает как одно из наиболее общественно опасных преступлений, посягающих на фундаментальные основы государственной безопасности, а именно на экономическую устойчивость и обороноспособность страны, что особенно актуализируется в условиях геополитических вызовов, включая специальную военную операцию. Предлагается рассмотреть правовую характеристику диверсии через призму ее конструктивных элементов, опираясь на диспозицию статьи 281 Уголовного кодекса РФ, с учетом доктринальных подходов и правоприменительной практики, дабы выявить специфику данного состава и предложить пути его дальнейшего совершенствования. В частности, анализ объективной стороны преступления позволяет утверждать, что диверсия не просто актом разрушения, но целенаправленным воздействием на ключевые объекты инфраструктуры, что отличает ее от смежных деликтов, таких как террористический акт.

Систематизируя подходы к понятию диверсии, следует отметить, что в уголовно-правовой доктрине оно эволюционировало от исторических аналогов в дореволюционном законодательстве, где аналогичные деяния трактовались как государственная измена или поджог в ущерб государству, к современному пониманию как формы подрывной деятельности против безопасности РФ. Как указывается в комментариях к УК РФ, диверсия охватывает совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, а также на нанесение вреда здоровью людей или компонентам природной среды, при условии наличия цели подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности. В этом контексте объективная сторона преступления носит формальный характер в базовом составе (ч. 1 ст. 281 УК РФ), поскольку оконченность наступает с момента совершения действий, независимо от реального ущерба, что подчеркивает повышенную опасность самого посягательства; виновный осознает потенциал дестабилизации и желает его реализации. Аналогично, в научной литературе подчеркивается, что такие действия, как затопление или выведение из строя, квалифицируются как "иные", если они аналогичны по общественной вредности взрыву

или поджогу, что требует от правоприменителя тщательного анализа способа[2, с. 173-176]. По всем уголовным делам , которые были нами проанализированы, способом совершения диверсии являлся поджог, при этом предметами преступного посягательства являлись, как правило, объекты транспортной инфраструктуры, а по двум уголовным делам также объекты средств связи (базовые станции операторов сотовой связи) (уголовное дело в отношении И.Б.И., К.Р.Р., К.Е.Р., осужденных приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 6 июня 2024 г., уголовное дело в отношении А.Ю.Ф., А.Д.А. и Ш.В.М., осужденных приговором Саратовского областного суда от 29 мая 2025 г.)[3; 4].

Изучение судебной практики показало наличие определенных сложностей при толковании понятий, характеризующих предметы преступного посягательства при совершении диверсии.

Переходя к анализу предмета посягательства, невозможно не констатировать, что диверсия затрагивает широкий спектр объектов, объединенных их стратегической значимостью: от промышленных комплексов до систем жизнеобеспечения, включая водохранилища и линии электропередач, что делает ее угрозой не только государству, но и населению в целом. В доктрине подчеркивается, что предметом могут выступать объекты любой формы собственности, включая частную, если их повреждение способно спровоцировать каскадные последствия для экономики или обороны, как это видно из практики дел о подрыве транспортных путей в приграничных регионах.

В качестве обязательного признака диверсии ч. 1 ст. 281 УК РФ устанавливает специальные цели этих действий – подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

По уголовным делам, рассмотренным судебной коллегией, судами устанавливалось сочетание этих целей.

Вместе с тем, изучение судебной практики показало, что, мотивируя свои выводы о целях совершения преступлений, суды, как правило, ограничиваются обоснованием наличия у виновных только цели подрыва обороноспособности Российской Федерации.

В связи с чем, предлагается обращать внимание на данные ситуации и при возможности приводить дополнительную мотивировку обоснования всех инкриминируемых целей совершения диверсии.

Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ (вступившего в силу с 9 мая 2023 г.) в ст. 281 УК РФ внесены изменения, согласно которым п. «а» ч. 2 данной статьи дополнен квалифицирующим признаком совершения диверсии«группой лиц по предварительному сговору» (предыдущей редакцией данной нормы устанавливалась уголовная ответственность за совершение диверсии «организованной группой»).

В связи с чем, проверяя правильность квалификации действий осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ, следует обращать внимание на дату совершения преступления – до или после 9 мая 2023 г.

Изучение практики рассмотрения дел по анализируемой категории выявило определенные вопросы, связанные с квалификацией виновных лиц по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ.

Так, приговором Верховного Суда Удмуртской Республики от 17 июня 2024 г. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ, осужден Б.Н.А.[5]. При этом судом констатировано совершение Б.Н.А. преступления группой лиц по предварительному сговору с иным неустановленным лицом, которое непосредственно не принимало участие в совершении преступления, свою роль в общем преступном умысле реализовало дистанционно. Судом первой инстанции установлено, что неустановленное лицо посредством переписки в мессенджере предложило Б.Н.А. за вознаграждение поджечь релейный шкаф на железной дороге, представило ему информацию о назначении релейных шкафов, их значении для безопасного движения поездов и другого транспорта, координаты шкафа и инструкцию по его поджогу. Получив указанные сведения, Б.Н.А. согласился на предложение неустановленного лица, вступив тем самым в предварительный сговор на совершение преступления в составе группы лиц.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, обсуждая доводы кассационных жалоб о несогласии с квалификацией действий осужденного, указала, что суд первой инстанции пришел к верному выводу о совершение диверсии в составе группы лиц по предварительному сговору, поскольку у каждого из соучастников имелся умысел на совершение противоправных действий, между ними имелась предварительная договоренность на совершение диверсии и каждый, соответственно своей распределенной роли принимал участие в выполнении части тех действий, которые облегчали непосредственное совершение преступного посягательства и которые в своей совокупности составляют объективную сторону преступления. По смыслу закона распределение ролей между участниками диверсии не исключает соисполнительство. Несмотря на то, что согласно предварительной договоренности между соучастниками преступных действий, непосредственный поджог объектов транспортной инфраструктуры совершил Б.Н.А., действия неустановленного лица, не поджигавшего самостоятельно объект посягательства, но предпринявшего все действия для этого согласно предварительной договоренности, обеспечившего возможность поджога согласно своей роли, следует расценить как соисполнительство в группе с осужденным. При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что действия Б.Н.А. по поджогу релейного шкафа на железнодорожных путях верно квалифицированы судом по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ как диверсия группой лиц по предварительному сговору.

Вместе с тем, приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 6 июня 2024 г. осужден Ибрагимов Б.И. за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 281.1 УК РФ, то есть за организацию совершения диверсии в отношении объекта транспортной инфраструктуры, руководство ее совершением и организацию ее финансирования[3].

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции апелляционным определением от 10 сентября 2024 г. оставила указанный приговор без изменения.

Судом установлено, что И.Б.И. вовлек несовершеннолетних К.Р.Р., К.Е.Р. и иное лицо в совершение диверсии; обсуждал с К.Р.Р., К.Е.Р. и иным лицом инструкцию по способам конспирации при совершении диверсии, уничтожению объекта преступного посягательства, необходимость осуществления видеофиксации совершенной диверсии, а также другие детали диверсии; приобрел бензин для совершения диверсии за счет де-

нежных средств, предоставленных К.Р.Р.; предоставил К.Р.Р., К.Е.Р. сведения о местонахождении объекта преступного посягательства.

Передачу И.Б.И. несовершеннолетним К.Р.Р., К.Е.Р. и иному лицу денежных средств за совершенный поджог релейного шкафа и организацию приобретения бензина для совершения этой диверсии, суд признал действиями, направленными на финансирование диверсии.

Приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 14 марта 2025 г. в отношении Г.И.В., Г.А.А. и С.А.Р. [6] установлено, что иное лицо в целях совершении диверсии на территории Российской Федерации подыскало в качестве непосредственного исполнителя данного деяния Г.И.В., отправило ему видеозапись с инструкцией поджога железнодорожного шкафа, а также сообщило координаты конкретного объекта транспортной инфраструктуры, который необходимо было поджечь, и дало указание сделать видеозапись поджога, обещая предоставить за совершенные действия денежное вознаграждение. Указанные действия неустановленного лица расценены судом как организация преступления.

В качестве организатора преступления определена роль неустановленного лица и приговором Саратовского областного суда от 29 мая 2025 г. в отношении А.Д.А., Ш.В.М. и А.Ю.Ф.[4]. Судом было установлено, что это лицо предложило Аксенову Юрию за денежное вознаграждение совершать диверсии, предоставило ему географические координаты участков местности расположения релейных шкафов, инструкцию о порядке действий, связанных сих поджогом, соблюдением мер конспирации и образец видеозаписи, которую необходимо было снять после совершения поджога.

При этом следует отметить, что этим же приговором установлено, что после получения задания от неустановленного лица А.Ю. с целью совершения диверсии на территории г. Саратова обратился к А.Д., которому сообщил сведения и инструкцию, полученные от неустановленного лица, передал ему контакты данного лица и договорился о совершении А.Д. диверсии. Далее А.Д. привлек к совершению преступления Ш.В.М., и непосредственно с ним вдвоем они совершили поджог объектов транспортной инфраструктуры.

Действия А.Д.А., Ш.В.М. и А.Ю.Ф. квалифицированы судом как совершенные группой лиц по предварительному сговору.

Указанные приговоры в части квалификации действий осужденных оставлены без изменений судебной коллегией по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции.

Таким образом, складывается неоднозначная судебная практика относительно наличия в действиях виновных лиц квалифицирующего признака совершения диверсии «группой лиц по предварительному сговору», поскольку при схожих фактических обстоятельствах суды дают различную юридическую оценку действиям лиц, участвующих в совершении этих преступлений. При этом следует обратить внимание на то, что санкцией ч. 4 ст. 281.1 УК РФ за организацию совершения диверсии, руководство ее совершением, а равно организацию финансирования диверсии, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненного лишения свободы, то есть более строгое, чем ч. 2 ст. 281 УК РФ – лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет.

В связи с имеющейся противоречивой судебной практикой, предлагается обсудить ее и выработать единый подход к квалификации действий осужденных за совершение диверсии группой лиц по предварительному сговору.

Субъективная сторона диверсии, безусловно, определяет ее специфику, поскольку предполагает исключительно прямой умысел с особой целью – подрывом экономической безопасности (нарушение устойчивости финансовой системы, логистики) или обороноспособности (ослабление военного потенциала), что отличает ее от корыстных или хулиганских мотивов. Виновный не только желает действий, но и предвидит их последствия для государства, что подтверждается через, переписку или связь с иностранными структурами. В условиях современных угроз, включая действия агентов иностранных спецслужб, доказывание цели должно опираться на презумпцию, основанную на объективных признаках способа и объекта, дабы избежать субъективизма в квалификации. Субъектом выступает физическое вменяемое лицо с 16 лет (в отдельных случаях с 14 по ч. 2 ст. 20 УК РФ), включая иностранцев, что расширяет юрисдикцию РФ.

Разграничивая диверсию от смежных составов, прежде всего от террористического акта (ст. 205 УК РФ), следует подчеркнуть, что сходство в объективной стороне (взрыв, поджог) маскирует фундаментальное различие в целях: терроризм стремится к устрашению населения и воздействию на органы власти, тогда как диверсия – к скрытому ослаблению государства без публичного резонанса.

Анализируя правоприменение, можно утверждать, что рост диверсий в приграничных областях требует усиления превентивных мер: от антитеррористических комиссий до разведки; статистика МВД показывает неполноту раскрываемости, что подчеркивает необходимость расширения объективной стороны до кибердиверсии. Правовая характеристика диверсии как высшей степени угрозы государству предполагает ее дальнейшую доработку для баланса репрессивности и гуманизма, обеспечивая защиту конституционного строя.

Список литературы:

1. Иванова Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках: материалы межд. научно-практического круглого стола. Тюмень, 2023. С.51-55. EDN: FAGGXG
2. Кириченко, Н. С., Александрова, Н. Г. Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой ана-лиз с учетом условий специальной военной операции // Военное право. - 2023. - № 2(78). - С. 173-176. EDN: LBYNEJ
3. Материалы уголовного дела № 2-17/2024, архив Верховного Суда Республики Татарстан, 2024 г.
4. Материалы уголовного дела № 2-12/2025, архив Саратовского областного суда, 2025 г.
5. Материалы уголовного дела № 2-11/2024, архив Верховного Суда Удмуртской Республики, 2024 г.
6. Материалы уголовного дела № 2-8/2025, архив Верховного Суда Республики Татарстан, 2025 г.

References:

1. Ivanova L.C. Criminal law counteraction to subversive activities // Novelties of the criminal cycle legislation and their great reflection in the criminal law sciences : materials of the international scientific and practical round table. Tyumen, 2023. pp.51-55.
2. Kirichenko, N. S., Alexandrova, N. G. On criminal liability for acts related to sabotage activities : a brief analysis taking into account the conditions of a special military operation // Military law. — 2023. — № 2(78). - Pp. 173-176.
3. Materials of the criminal case No. 2-17 / 2024, archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan, 2024
4. Materials of the criminal case No. 2-12/2025, archive of the Saratov Regional Court, 2025
5. Materials of the criminal case No. 2-11 / 2024, archive of the Supreme Court of the Udmurt Republic, 2024
6. Materials of the criminal case No. 2-8/2025, archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan, 2025

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_353

УДК 343.985.7

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБНАРУЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ФИКСИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ
FOLLOW-UP ACTIONS AIMED AT FOR THE DETECTION OF MATERIALLY FIXED INFORMATION

КАМАЛОВ Максим Рустэмович,
адъюнкт заочной формы обучения Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.
E-mail: kamalovmaximus@yandex.ru

KAMALOV Maxim Rustemovich,
adjunct correspondence course at the Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 117997, Moscow, st. Academician Volgina, 12.
E-mail: kamalovmaximus@yandex.ru

Краткая аннотация: *В научной статье осуществляется анализ особенностей расследования хищений товарно-материальных ценностей из предприятий розничной торговли. Акцентируется внимание на значении материально-фиксированной информации помогающей установить объем и стоимость похищенного. Подробно рассмотрены ключевые следственные действия: осмотр места происшествия, осмотр видеозаписей, обыск и выемка, проводимые при получении сообщения о факте хищения товарно-материальных ценностей из предприятий розничной продажи товаров. Показаны их специфические нюансы – например, необходимость максимально быстрого реагирования при осмотре места преступления из-за продолжения работы торговой точки, варианты фиксации видеоматериалов. Отдельное внимание уделено тактическим приемам: в частности, возможности использования видеозаписи, с участием подозреваемого для упрощения идентификации виновного лица. Автор подчеркивает важность четкого следования алгоритму следственных мероприятий для формирования надежной доказательной базы и успешного раскрытия преступлений.*

Abstract*: The scientific article analyses the specifics of investigating the theft of inventory items from retail enterprises. It emphasises the importance of materially fixed information, which helps to establish the volume and value of the stolen goods. The key investigative actions carried out after receiving a report about the theft of inventory items from retail outlets – namely, inspection of the crime scene, examination of video recordings, search, and seizure – are examined in detail. Their specific nuances are highlighted, such as the need for the fastest possible response when inspecting the crime scene due to the retail outlet continuing its operations, as well as the options for recording video evidence. Special attention is paid to tactical methods – in particular, to the possibility of using video recordings with the suspect's participation to simplify the identification of the perpetrator. The author stresses the importance of strictly following the algorithm of investigative measures to build a solid evidence base and successfully solve crimes.*

Ключевые слова: *хищение, розничная торговля, магазин, методика расследования, осмотр места происшествия, осмотр предметов (документов), видеозапись, доказательственная база, обыск, выемка.*

Keywords: *theft, retail trade, store, investigation methodology, inspection of the crime scene, inspection of items (documents), video recording, evidence base, search, seizure.*

Для цитирования: *Камалов М.Р. Следственные действия, направленные на обнаружение материально-фиксированной информации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 353-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_353.*

For citation*: Kamalov M.R. Investigative actions aimed at detecting materially fixed information // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 353-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_353.*

Статья поступила в редакцию: 17.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Совершение любого преступления неизбежно влечет объективное изменение окружающей среды, что обусловлено законом отражения[1], что не является исключением и в отношении деяний, совершенных на предприятиях розничной торговли. Объекты материального мира — будь то документы, различные предметы или иные вещественные доказательства — способны служить основанием для подтверждения либо опровержения обстоятельств, имеющих значение для расследования. В криминалистике их принято обозначать термином «материально-фиксированная информация».

Проблемность исследования материальных следов при проверке сообщений и расследовании уголовных дел по фактам хищения товарно-материальных ценностей из магазинов заключается в определении объема и стоимости похищенного имущества. Исходя из этого, представляется важным проведение следственных действий, направленных на выявление материально-фиксированной информации об объемах похищенного и ущерба[2].

Первым неотложным следственным действием при расследовании данных видов преступлений является осмотр места происшествия. Особенность проведения данного следственного действия заключается в исследовании и фиксации максимально объективной информации места совершения деяния. К сожалению, многие предприятия розничной продажи не прекращают реализацию товаров, так как простой влечет за собой убытки. В связи с чем, сотруднику полиции важно в максимально короткий период времени приехать на место происшествия для документирования факта хищения. Важным элементом осмотра места происшествия является выявления камер видеонаблюдения и изъятия файлов с видеозапись. Фиксировать данную информацию (видеофайлы) можно тремя способами: 1) изъятие в рамках осмотра места происшествия; 2) запросом; 3) постановлением и протоколом выемки. При невозможности незамедлительного изъятия видеозаписи, как правило, в рамках осмотра места происшествия осуществляется пересъемка с монитора компьютера видеофрагментов, свидетельствующих о факте хищения. Данный тактический прием

позволит оперативно организовать комплекс процессуальных, следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления и установление примерного объема и стоимости товарно-материальных ценностей.

Важным следственным действием является также осмотр изъятых видеозаписей из магазина – в тех случаях, когда такие видеозаписи есть. Тактика его производства зависит от складывающейся следственной ситуации, связанной с установлением / неустановлением лица, совершившим кражу в магазине. В первой ситуации, когда виновное лицо установлено (задержано работниками магазина), известен временной промежуток, когда именно совершена кража, что именно похищено, а, следовательно, известно место (стеллаж, холодильник), где этот товар лежал, известна внешность преступника. Вторая ситуация намного сложнее первой, поскольку неизвестно время совершения преступления и внешность преступника, известно только какой товар похищен и его местонахождение в зале до момента кражи. В практической деятельности допустимо осуществлять осмотр видеозаписи по факту кражи с участием самого подозреваемого. После просмотра видеозаписи в рамках следственного действия осмотр предметов (документов), допустимо разъяснить статью Конституции РФ и уточнить у подозреваемого кого он опознает на видео в качестве основного лица, совершившего хищение товарно-материальных ценностей. Если он пояснит, что опознает себя, то процессуальное лицо сможет освободить себя от необходимости проведения портретной экспертизы в целях идентификации личности причастной к деянию.

Обыск при расследовании кражи на предприятии розничной торговли – это следственное действие, которое заключается в принудительном обследовании помещений, участков местности и граждан с целью поиска и изъятия орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела. Обыск является одним из самых распространенных, важных и сложных для получения доказательств, следственных действий [3]. Важно понимать, что обыск должен проводиться в соответствии с действующим законодательством, с соблюдением всех процессуальных норм и прав участников. Отдельная особенность проведения обыска заключается в том, что похищенное имущество может храниться не только в жилых и нежилых помещениях, но и в других предприятиях розничной торговли в связи с тем, что индивидуальный предприниматель выкупил похищенные товары у преступника, не зная, что они похищенные. Сложность заключается в необходимости выявления среди массы товаров на складе или в торговом зале именно тех, которые являются похищенного с магазина, по которому ведется расследование уголовного дела.

Выемка является следственным действием, которое также может быть произведена при расследовании уголовного дела по факту хищения товарно-материальных ценностей из предприятий розничной продажи товаров. Используются исключительно в случаях, когда процессуальное лицо точно знает, где лежит имеющий доказательственное значение объект. Проблема кроется в том, что, изменение местоположения данного предмета не позволяет достичь целей и задач, стоящих перед следственным действием [4]. При этом выемка может подменять запрос в рамках уголовного дела. Так как при исполнении запроса второй стороне необходимо на него ответить и при необходимости приложить информацию. При выемке же возможно сразу на месте изъять необходимую для доказательственной базы в рамках расследования уголовного дел.

Подводя итог отметим, что комплекс следственных и процессуальных действий направленных на фиксацию следов хищения товарно-материальных ценностей из предприятий розничной торговли требует от следователя выполнения определенного алгоритма, позволяющего не только оперативно раскрыть преступление, но и максимально зафиксировать доказательственную базу и минимизировать риски невозможности идентификации лица в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Список литературы:

1. Володикова И. В., Васюков В. Ф. Некоторые особенности работы с материально-фиксированными отображениями при расследовании преступле-ний, совершаемых в условиях неочевидности // Пролог: журнал о праве. 2022. № 4 (36). С. 134. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.4.13 EDN: EDCPXK
2. Ценова Т. Л., Мороз А. В. Исследование материальных следов преступления // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С 201.
3. Гареева Э. Р., Сиразетдинов А Р. Тактика проведения обыска // Экономика и социум. 2016. №4-1 (23). С. 443.
4. Ястребова Т. И. Уголовно-процессуальные проблемы выемки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. №4. С. 31. DOI: 10.14529/law200405 EDN: SFGGOX
5. Сафин Д. Р. Следственный эксперимент как следственное действие // Инновационная наука. 2023. № 2-1. С. 69.

References:

1. Volodikova I. C., Vasyukov V. F. Some features of working with materially fixed images when calculating prerequisites performed in conditions of non-obviousness // Prologue: Journal of Law. 2022. No. 4 (36). P. 134.
2. Tsenova T. L., Moroz A. C. Investigation of material traces of development / / Theory and practice of social development. 2011. No. 1. C 201.
3. Gareeva E. R., Sirazetdinov A. R. The tactics of the experiment / / Economics and society. 2016. No.4-1 (23). p. 443.
4. Yastrebova T. E. Criminal procedural problems of seizure // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2020. No. 4. p. 31.
5. Safin D. R. Follow-up experiment as a follow-up action / / Innovative science. 2023. No. 2-1. p. 69.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_355

О РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОТКРЫТЫЕ БАЛКАНЫ»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ON THE IMPLEMENTATION OF THE OPEN BALKANS INITIATIVE: THEORY AND PRACTICE

ВЛАДИМИРОВ Артем Ильдарович,
аспирант кафедры правового обеспечения внешнеполитической деятельности МГИМО МИД России.
119021, Россия, г. Москва, Остоженка 53/2, 1.
E-mail: wtolaw@yandex.ru
КОМЕНДАНТОВ Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения внешнеполитической деятельности МГИМО МИД России.
119021, Россия, г. Москва, Остоженка 53/2, 1.
E-mail: wtolaw@yandex.ru
VLADIMIROV Artem I.,
post-graduate student of the Department of Legal Support of Foreign Policy Activities,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2, 1.
E-mail: wtolaw@yandex.ru
KOMENDANTOV Sergey V.,
candidate of law, associate professor, associate
professor of the Department of Legal Support of Foreign Policy Activities,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2, 1
E-mail: wtolaw@yandex.ru

Краткая аннотация: *В данной статье авторы анализируют инициативу «Открытые Балканы». Впервые концепция была озвучена осенью 2019 года на саммите в сербском городе Нови-Сад. Перспективы реализации плана были весьма оптимистичны – к 2021 году гражданам Сербии, Албании и Северной Македонии обещали передвижение, ведение бизнеса и трудоустройство в любом из вышеупомянутых государств только по удостоверению личности или почти только по нему. Озвучиваемая мотивация также была вполне типичной – подготовка к евроинтеграции, развитие торговли, рост экономики, а также недовольство существующими механизмами экономической интеграции и торговой реализации, существующие в рамках уже заключённых соглашений. Первые документы были подписаны только в июле 2021 года. Более того, два из них были меморандумами (о понимании в облегчении торговли и о понимании по вопросу разрешений на работу), соглашение было только одно – но не по экономической или торговой тематике, а по вопросу о сотрудничестве при чрезвычайных ситуациях. Стоит отметить, что, несмотря на исторически укоренившиеся политические и иные противоречия между государствами, в этой сфере сотрудничество всегда осуществлялось на весьма эффективном уровне.*

Abstract. *In this article, the authors analyze the Open Balkans initiative. The concept was first announced in the fall of 2019 at a summit in the Serbian city of Novi Sad. The prospects for implementing the plan were quite optimistic, as by 2021, citizens of Serbia, Albania, and North Macedonia were promised the freedom to travel, conduct business, and find employment in any of these countries using only their identity cards or almost exclusively. The motivation voiced was also quite typical: preparation for European integration, development of trade, economic growth, and dissatisfaction with the existing mechanisms of economic integration and trade implementation within the framework of existing agreements. The first documents were signed only in July 2021. Moreover, two of them were memoranda (on understanding in facilitating trade and on understanding on work permits), and there was only one agreement, but not on economic or trade issues, but on cooperation in emergency situations. It is worth noting that, despite the historically rooted political and other differences between the states, cooperation in this area has always been carried out at a very effective level.*

Ключевые слова: *Открытые Балканы, ЦЕФТА, ЕС, Меморандум о понимании в сфере торговли, Соглашение об условиях доступа к свободному рынку труда.*

Keywords: *Open Balkans, CEFTA, EU, Memorandum of Understanding on Trade, Agreement on Conditions for Access to the Free Labor Market.*

Для цитирования: *Владимиров А.И., Комендантов С.В. О реализации инициативы «Открытые Балканы»: теория и практика // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 355-358. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_355.*

For citation*: Vladimirov A.I., Komendantov S.V. On the implementation of the Open Balkans Initiative: theory and practice // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 355-358. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_355.*

Статья поступила в редакцию: 29.04.2026

Появившаяся в 2019 году инициатива «Открытые Балканы» изначально была воспринята наблюдателями, экспертами, правящими кругами и оппозицией в Сербии, Северной Македонии и Албании с причудливым сочетанием оптимизма и скепсиса. Если власти и проправительственные СМИ с момента объявления о инициативе президента Сербии Вучича, а также премьер-министров Албании Рамы и Северной Македонии Заева стали говорить о «мини-шенгене» и едином рынке, то оппозиционные круги сразу заклеймили данное предложение как мертворождённое.

Интересно, что на данный момент правой не оказалась ни одна из сторон. С одной стороны, инициатива заработала, с другой – прогресс очевидно отличается от обещанного. Таким образом, 16 подписанных соглашений не стали, как принято говорить на Балканах, „мёртвым словом на бумаге“, но и не превратили пространство от Суботицы до Ксамиля в западно-балканский шенген. В данной статье будут рассмотрены заключенные соглашения, а также их правоприменение с целью понять, какую роль сыграли и продолжают играть «Открытые Балканы» в текущей внешнеэкономической и торговой реальности государств данной инициативы.

Как отмечают в своем исследовании Д. Пророкович и Е.Г. Энтина, «в целом со второй половины 1990-х годов и до настоящего времени широко распространено мнение, что ЕС и США преследуют в регионе одни и те же цели. Это стабилизация и модернизация в рамках Евро-

Атлантики и ее ценностей. Хотя общая диспозиция верна, американские и европейские интересы в регионе различны. Политику ЕС в отношении Западных Балкан можно объяснить с точки зрения восприятия этого региона как собственной периферии. Присутствие ЕС в течение многих лет постепенно расширялось. Основным инструментом был переговорный процесс относительно возможного членства, при этом на деле Брюссель расширял свое присутствие и через другие механизмы, такие как CEFTA, Региональный совет по сотрудничеству (РСС) и Берлинский процесс. Они были призваны подпитывать европейскую интеграцию и наиболее заметно действовали в Сербии. В то же время такие проекты обеспечивали функциональную связанность региона внутри, а также региона с ЕС, что в итоге привело к усилению зависимости Балкан от ЕС, а в условиях торможения евроинтеграции в определенной мере ослабило устойчивость региона. Этому в первую очередь способствовали политические элиты, контролирующие экономические потоки и злоупотребляющие медийным пространством, через которое продвигались «политически правильные» нарративы. В то время как CEFTA служила инструментом снятия барьеров в экономике и продвижения свободной торговли, РСС внесла свой вклад в создание и продвижение повестки правовой гармонизации Балкан с ЕС. Существенно, что эти инициативы носят политический и даже идеологический характер, их нельзя сводить исключительно к механизмам правового регулирования. <…> Берлинский процесс был разработан для того, чтобы преодолеть проблемы и сомнения, связанные с расширением ЕС, а также смягчить негативные последствия растущего нетерпения и нервозности в обществах и элитах Западных Балкан от торможения евроинтеграции. Реалистично оценив, что вступление так называемой западно-балканской шестерки в ЕС затянется на неопределенный срок и, возможно, вообще не случится, Ангела Меркель создала дополнительный формат, чтобы сохранить «периферию» в геополитической орбите ЕС и продолжить наращивать функциональную связь ЕС и Западных Балкан посредством институционального сотрудничества. Берлинский процесс, благодаря заложенному в него механизму расширения инфраструктурной и правовой связанности, делает интеграцию Балкан в стратегические задачи ЕС безальтернативной. При этом на саму возможность вступления в ЕС это практически никак не влияет. <…> В США понимание необходимости и задач инициативы имеет другие акценты. До начала последней фазы украинского кризиса Вашингтон переживал не самый лучший период в отношениях с партнерами по НАТО из так называемой старой Европы, открыто выражая недовольство тем, что европейская безопасность фактически обеспечивается им, при этом традиционные партнеры по НАТО зачастую не разделяют тех внешнеполитических задач, которые США считают критически важными. Это привело к тому, что в течение 2010-х годов до некоторой степени Вашингтон сделал ставку внутри НАТО на построение более тесных связей с более политически лояльными и амбициозными странами Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом смысле инициатива «Открытые Балканы» усиливает значение Юго-Восточной Европы в южном крыле НАТО. Военное сотрудничество и формирование общей логистики и инфраструктуры являются важнейшими пунктами стратегии НАТО на Балканах. Таким образом, главная задача США – повышение региональной связанности, в первую очередь политической и военной. Инициатива «Открытые Балканы» подходит для этой задачи. Она формирует пространство без границ, способствующее реализации задачи оперативной совместимости. Это отчасти объясняет, почему Вашингтон приветствует участие всех западно-балканских стран в проекте. Кроме того, это позволяет по-другому взглянуть и на Вашингтонский договор, подписанный Приштиной и Белградом в сентябре 2020 г. (хотя и нереализованный), в котором содержалось обещание США инвестировать около 13 млрд долл. США в совместные проекты в области логистики и инфраструктуры. Для США, в отличие от ЕС, приоритетом интеграции является не институциональная модернизация или региональное экономическое сотрудничество с дальнейшей целью более глубокой интеграции в европейский рынок, а формирование общего военно-политического пространства от Балтики до Балкан. Тот факт, что они готовы осуществлять экономические инвестиции в регион без ощутимой экономической отдачи (что нехарактерно для американских инвестиционных программ по всему миру), укрепляет нас в мысли о том, что для США инициатива «Открытые Балканы» – это, прежде всего, инструмент усиления своего влияния в Европе в рамках НАТО» [1].

Впервые концепция была озвучена осенью 2019 года на саммите в сербском городе Нови-Сад. Перспективы реализации плана были по-балкански оптимистичны – к 2021 году гражданам Сербии, Албании и Северной Македонии обещали передвижение, ведение бизнеса и трудоустройство» в любом из вышеупомянутых государств только по удостоверению личности или почти только по нему. Озвучиваемая мотивация также была вполне типичной – подготовка к евроинтеграции, развитие торговли, рост экономики, а также недовольство существующими механизмами экономической интеграции и торговой реализации, существующие в рамках уже заключённых соглашений. Впрочем, инициатива также по-балкански «забуксовала» - первые документы были подписаны только в июле 2021 года. Более того, два из них были меморандумами (о понимании в облегчении торговли и о понимании по вопросу разрешений на работу), соглашение было только одно – но не по экономической или торговой тематике, а по вопросу о сотрудничестве при чрезвычайных ситуациях. Стоит отметить, что, несмотря на исторически укоренившиеся политические и иные противоречия между государствами, в этой сфере сотрудничество всегда осуществлялось на весьма эффективном уровне. Также был подписан оперативный план о сотрудничестве в сфере гражданской обороны.

Говоря о меморандумах, следует подчеркнуть, что, несмотря на их декларативный характер, данные соглашения содержали весьма конкретные очертания будущего сотрудничества сторон. Так, Меморандум о понимании в сфере торговли, помимо стандартных формулировок о существующих нетарифных торговых ограничениях, а также евроинтеграционных целей, в статьях 6-8 перечислил конкретные направления будущего сотрудничества. В статье 6 содержалось стремление сторон к сокращению времени и издержек, связанных с пересечением границы, посредством внедрения согласованных административных практик. Особое внимание было уделено развитию сотрудничества между таможенными органами, включая обмен информацией, использование современных электронных систем и применение механизмов управления рисками. В седьмой статье подчёркивалась необходимость сближения национальных стандартов, технических регламентов, а также санитарных и фитосанитарных мер. Планировалось постепенное устранение дублирующих проверок и создание условий для признания результатов оценки соответствия, проведенной в одной из стран-участниц. Статья 8 формировала механизм регулярных консультаций между компетентными орга-

нами, обмена опытом и согласования позиций по ключевым вопросам торговой политики. Второй меморандум, к сожалению, подобной конкретикой не отличался. Однако, при подписании данных соглашений лидеры страны Западных Балкан подчеркнули, что будут стремиться к развитию «четырёх свобод», т.е. свободного передвижения товаров, услуг, людей и капитала по модели Евросоюза.

Неожиданно для наблюдателей и специалистов, от деклараций к конкретике стороны перешли довольно быстро – уже в декабре 2021 года было подписано 4 соглашения, который и по сей день создают правовой базис Западных Балкан – Соглашение об условиях свободного доступа к рынку труда, Соглашение о создании единой системы электронной идентификации граждан, Соглашение о ветеринарном, фитосанитарном сотрудничестве и сотрудничестве в сфере продовольственной безопасности, Соглашение о сотрудничестве аккредитационных органов, а также два двусторонних соглашения о признании сертификатов. Реакция на соглашение была ожидаемой. Если официальные лица (в том числе и из других стран региона) и еврочиновники приветствовали сближение трёх балканских государств, то оппозиционно настроенные политики и граждане считали договор невыгодным для Сербии (как более развитой экономики). Конечно же, не обошлось и без пресловутого национального фактора.

Подробнее стоит остановиться на Соглашении об условиях доступа к свободному рынку труда по двум основным причинам: во-первых, ранее стороны сотрудничали в основном по торговым вопросам, например, в рамках Центрально-европейской ассоциации свободной торговли, во-вторых, идея создания единого рынка труда действительно была «прорывной» для региона, учитывая сложный политический фактор в отношениях между государствами. В документе из 19 статей, стороны, подчеркнув свою нацеленность на укрепление взаимопонимания, развитие региональной кооперации и создание условий для устойчивого экономического развития, сформировали чёткий порядок оформления документов для доступа к рынку труда. Предполагалось, что страны введут единый идентификационный номер, а одобрение разрешения будет проходить электронным путём. Страны-участницы также договорились о создании Совместного комитета для реализации и наблюдением за реализацией соглашения.

К середине 2022-го года система действительно заработала. На настоящий момент любой из граждан Сербии, Албании или Северной Македонии может зайти на сайт электронных услуг одного из государств и оформить соответствующее разрешение. Стоит (не без доли иронии) отметить, что интуитивно понятен только македонский сайт, в то время как переключить сербский портал на английский сразу сможет только пользователь из Сербии (которому он в данном случае не нужен) или Северной Македонии, албанский же портал вынудит неалбаноязычного пользователя пользоваться сторонним переводчиком.

Ещё одним безусловным достижением в реализации соглашения стало открытие единого пограничного перехода и таможенного пункта между Сербией и Северной Македонией. По оценкам в прессе, скорость оформления осуществления необходимых процедур там действительно быстрее, чем на пограничных пунктах «старого образца». Проблема состоит в том, что на остальных пограничных переходах картина остаётся неизменной, несмотря на заявления и обещания чиновников, которых в последнее время стало меньше.

С 2021 года в рамках «открытых Балкан» было подписано ещё 7 документов. Июнь 2022 года принёс подписанных 5 соглашений, к сожалению, в трёх из них стороны говорили исключительно о понимании (в сферах туризма, культуры и налогового сотрудничества). Последнее было более существенным и касалось взаимного признания дипломов. Подписанный в городе Охрид документ фиксирует интеграционную направленность соглашения, подчеркивая необходимость углубления регионального сотрудничества и приближения к стандартам Европейского союза. Важно подчеркнуть, что соглашение охватывает не только дипломы о высшем образовании, но и различные (весьма многочисленные на Балканах) уровни квалификаций, соответствующие европейской системе.

Статья 4 конкретизирует процедурные аспекты признания квалификаций и вводит упрощенный порядок рассмотрения документов. В частности, дипломы, снабженные апостилем, подлежат признанию без дополнительной проверки их подлинности, за исключением случаев обоснованных сомнений. Устанавливаются четкие временные рамки: подтверждение подлинности документа должно осуществляться в течение 14 рабочих дней, а вся процедура признания - в течение 20 рабочих дней. Нельзя не отметить, что подобные сроки крайне оптимистичны для балканской бюрократии. К сожалению, найти подтверждения их соблюдения или нарушения не удалось. Ещё одно соглашение о сотрудничестве касалось области кинематографии и аудиовизуального контента.

Последнее на сегодняшний день соглашение в рамках инициативы „Открытые Балканы“ было заключено в сентябре 2022 года. Оно касалось механизмов обеспечения продовольственной безопасности. Можно с уверенностью утверждать, что основной мотивацией для стран-участниц соглашения заключить подобный документ стала сложная ситуация в сфере торговли жизненно важными продуктами во время ограничений, связанный с эпидемией COVID-19 в 2020 году. Традиционное продуктовое аграрное «разделение труда» в регионе сделало отдельные страны если не монополистом, то лидером рынка в некоторых из отраслей, поэтому разрыв традиционных связей в ходе закрытия границ привело фактически к локальным кризисам, особенно в приграничных регионах. Подписанное соглашение закрепило взаимные обязательства сторон по гармонизации правового регулирования, упрощению административных процедур и развитию институционального сотрудничества. Особое внимание было уделено созданию единых или взаимно признанных механизмов регулирования, что позволяет снизить транзакционные издержки и повысить эффективность трансграничного взаимодействия.

Важным элементом содержания является фиксация принципа недискриминации и равного режима для субъектов из государств-участников. Это проявляется в предоставлении сопоставимых прав и условий доступа к соответствующим рынкам или услугам, а также в стремлении к устранению избыточных национальных ограничений. Одновременно сохраняется оговорка о применении национального законодательства в части защиты публичных интересов, включая безопасность, общественный порядок и иные значимые ценности.

С тех пор новые соглашения (даже о намерениях) в рамках «Открытых Балкан» заключено не было. И, если сначала отдельные авторы выражали оптимизм по поводу развития данного процесса и распространения инициативы на новые сферы сотрудничества, например, на безопасность и здравоохранение [2], то сейчас подобные оценки практически сошли на нет. Симптоматично, что появившийся на сайте сербского государственного новостного агентства «ТАНЮг» в 2022 году раздел, посвящённый «Открытым Балканам», ранее обозревавший прогресс в области реализации соглашений между государствами, сейчас превратился в раздел региональных новостей.

Говоря о статистических торговых показателях, то рост товарообмена между государствами соглашения впечатляет – от 40% до 97%, но сложно сказать, насколько этому способствовало заключение соглашения, так как эти цифры вполне похожи на общерегиональный тренд (не считая непризнанной Республики Косово). Новых заявлений политиков о развитии взаимодействия в рамках инициативы также отмечено не было, более того – в рамках предвыборной гонки в Северной Македонии звучали призывы выйти из соглашения. Что касается рынка труда, то на примере Сербии можно отметить, что в рамках механизма доступа к единому рынку труда в сербские госорганы за всё время с момента вступления механизма в силу за разрешением обратились 350 граждан Северной Македонии и 1 гражданин Албании.

Подводя итог, можно констатировать, что на данный момент инициатива «Открытые Балканы» находится в состоянии «активного анабиоза», не развиваясь согласно озвученным намерениям, но и не утратив функциональность полностью. События последнего времени (а скорее их отсутствие) могут натолкнуть на вывод о том, что ситуация не изменится в краткосрочной перспективе, а резкие перемены к лучшему или худшему будут обуславливаться скорее политическими факторами или внешним давлением на страны-участницы.

Список литературы:

1. Пророкович Д., Энтина Е.Г. Открытые Балканы: перспективы институционализации // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 106-121.
2. Митко К. Арнаудов Улога Отвореног Балкана у актуелним регионалним односима из перспективе стратешке политике и европских интеграција // Напредак. 2023. Vol. IV. № 1. С. 45-58.

References:

1. Prorokovich D., Entina E.G. Open Balkans: Prospects for Institutionalization // Bulletin of International Organizations. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 106-121.
2. Mitko K. Arnaudov's role as an open Balkans in current regional relations from the perspective of Strategic Policy and European integration // Napredak. 2023. Vol. Eve. № 1. Pp. 45-58.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_359

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ И ПРАВИЛ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (ВТО) В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
ON THE IMPLEMENTATION OF WORLD TRADE ORGANIZATION (WTO) NORMS AND RULES IN THE EUROPEAN UNION

КОМЕНДАНТОВ Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения внешнеполитической деятельности МГИМО МИД России.
119021, Россия, г. Москва, Остоженка 53/2, 1.
E-mail: wtolaw@yandex.ru

ХАЙДАРОВА Нургуль Дулатовна,
Магистр международного права Дипломатической академии МГИМО МИД России.
119021, Россия, г. Москва, Остоженка 53/2, 1.
E-mail: wtolaw@yandex.ru

KOMENDANTOV Sergey V.,
candidate of law, associate professor, associate
professor of the Department of Legal Support of Foreign Policy Activities,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2, 1
E-mail: wtolaw@yandex.ru

KHAIDAROVA Nurgul D.,
magister of International Law, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2, 1
E-mail: wtolaw@yandex.ru

Краткая аннотация. *Особенности имплементации права ВТО в ЕС напрямую связаны с историей возникновения ГАТТ, учредителями которого стали государства – члены ЕЭС. Представляется очевидным, что, инициируя ГАТТ и разрабатывая его положения, эти страны учитывали, прежде всего, свои интересы, в том числе и юридически оформляли их удобным для своего национального законодательства образом. Иными словами, изначально ГАТТ содержало смыслы и правовые формулировки, которые странам Европы было удобно имплементировать в свое национальное право государствами мира. ЕЭС появился только спустя десять лет после вступления в силу ГАТТ, он не стал членом ГАТТ, но ЕС стал членом ВТО, в учреждении которой объединенная Европа также принимала активное участие. ЕС действует как единый субъект в ВТО и представлен Комиссией, а не государствами-членами. Комиссия ведет переговоры по торговым соглашениям и защищает интересы ЕС перед ОРС ВТО от имени всех государств-членов. Комиссия регулярно консультируется и отчитывается перед Советом и Парламентом ЕС о содержании и стратегии многосторонних обсуждений. Согласно Лиссабонскому договору, Совет и Парламент ЕС являются законодателями с равным правом голоса в вопросах международной торговли. Несмотря на такое положение дел, в целом стоит отметить, что все основополагающие нормы и принципы ВТО успешно имплементированы в правовое поле ЕС. По крайней мере, именно ЕС как РТС добился в этом отношении максимального возможного на сегодняшний день соответствия. Брюссель поддерживает ВТО в деле глобального регулирования торговых отношений, но также представляет свои предложения по реформированию данной международной организации, безусловно, не без учета своего внутреннего права.*

Abstract. *The specifics of the implementation of WTO law in the EU are directly related to the history of the GATT, which was established by the member states of the EEC. It is clear that when these countries initiated the GATT and developed its provisions, they were primarily concerned with their own interests, including the legal framework that was most convenient for their national legislation. In other words, the GATT initially contained meanings and legal formulations that were convenient for European countries to implement in their national laws. The EEC was established only ten years after the GATT came into force, and it did not become a member of the GATT, but the EU became a member of the WTO, in the establishment of which the European Union also played an active role. The EU acts as a single entity in the WTO and is represented by the Commission, rather than by individual member states. The Commission negotiates trade agreements and represents the EU's interests before the WTO's Dispute Settlement Body on behalf of all member states. The Commission regularly consultes and reports to the EU Council and Parliament on the content and strategy of multilateral discussions. According to the Lisbon Treaty, the Council and the European Parliament are equal lawmakers in matters of international trade. Despite this, it is worth noting that all the fundamental norms and principles of the WTO have been successfully implemented in the EU legal framework. At least, the EU as a trading partner has achieved the highest level of compliance to date. Brussels supports the WTO in regulating global trade relations, but it also presents its own proposals for reforming the international organization, taking into account its domestic laws.*

Ключевые слова. *Имплементация, ВТО, Европейский союз, Договор о Европейском Союзе, Договор о функционировании Европейского союза.*

Keywords. *Implementation, WTO, European Union, Treaty on European Union, Treaty on the Functioning of the European Union.*

Для цитирования: *Комендантов С.В., Хайдарова Н.Д. К вопросу об имплементации норм и правил Всемирной торговой организации (ВТО) в Европейском Союзе // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 359-363. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_359.*

For citation*: Komendantov S.V., Khaidarova N.D. On the implementation of World Trade Organization (WTO) norms and rules in the European Union // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 359-363. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_359.*

Статья поступила в редакцию: 12.05.2026

Европейский Союз (ЕС) является региональной международной организацией, созданной государствами-членами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в целях выведения на более высокий уровень развития интеграционные процессы в Европе. Правовым основанием ЕС выступают два основных договора: Договор о Европейском союзе (ДЕС) и Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). В ЕС входят 27 государств. Государства-члены наделили ЕС наднациональными полномочиями, которые позволяют Брюсселю от их имени принимать решения в интересах всей международной региональной организации интеграционного типа («исключительные полномочия», ст. 3 ДФЕС).

Исключительные полномочия Союза предусмотрены в соответствии со ст.3 ДФЕС в сфере вопросов таможенного союза, установлении правил защиты конкуренции на внутреннем рынке, монетарной политике стран, входящих в зону евро, защите биоресурсов в условиях общих правил рыболовства и проводимой торговой политики. Второй пункт этой же статьи также устанавливает, что ЕС обладает исключительной компетенцией по вопросам заключения международных соглашений, если это предусмотрено законодательством ЕС и необходимо для обеспечения возможности ЕС

использовать свою внутреннюю компетенцию, или если это может влиять на общие правила или изменять их действие.

Общая коммерческая политика в этом случае связана с подписанием тарифных и торговых соглашений в разных областях: торговля товарами и услугами, коммерческие вопросы интеллектуальной собственности, осуществление прямых иностранных инвестиций, обеспечение единообразия либерализации, экспортная политика и защитные торговые меры, которые должны быть приняты при соблюдении принципов и целей внешних действий Союза. В статье 207 ДФЕС элементы общей торговой политики и порядок ведения переговоров раскрыты более детально.

Совместная компетенция ЕС и его государств-членов определена в статье 4 ДФЕС: внутренний рынок; вопросы социальной политики согласно ДФЕС, рыболовство и сельское хозяйство, окружающая среда, защита потребителей, инфраструктура, свобода, безопасность, отправление правосудия и др.

ЕС имеет только полномочия, предоставленные ему ДЕС и ДФЕС; вопросы, не относящиеся к ЕС, остаются в компетенции государств-членов (ст. 5(2) ДЕС). Для целей реализации права ВТО ЕС обладает исключительной компетенцией по всем вопросам, охватываемым соглашениями ВТО, за некоторыми исключениями, связанными с административным и уголовным правом, а также в отношении услуг, связанных с трансграничным перемещением физических лиц (ст. 207(6) ДЕС). ДФЕС наделяет Комиссию правом инициировать внутренние переговоры по договорам и, после выдачи мандата Советом, проводить такие переговоры.

Право ЕС является приоритетным относительно национального законодательства государств-членов и может иметь прямое действие. Суды государств-членов не применяют национальное право, если его нормы несовместимы или вступают в противоречие с законодательством ЕС. Систему управления ЕС иногда называют квазифедеральной. Законодатели ЕС избираются прямым голосованием в Европейском парламенте и Совете Европейского Союза. В связи с этим ЕС использует свои полномочия настолько, насколько его государства-члены считают это целесообразным и политически выгодным.

Международные соглашения, заключенные ЕС, становятся неотъемлемой частью правового режима ЕС, располагаясь иерархически между учредительными договорами (в частности, ДФЕС и ДЕС) и обычным («вторичным») законодательством. Согласно пункту 2 статьи 216 ДФЕС, заключенные ЕС международные соглашения обязательны для исполнения ЕС в целом и его государствами-членами. Это также относится к ГАТТ и Соглашениям ВТО.

Несмотря на то, что ДФЕС предусматривает положения о разделении компетенции между ЕС и его государствами-членами и исключительные полномочия Союза по заключению международных соглашений, на практике не исключены сложности с введением таких соглашений в действие в связи со спорами относительно правомерности таких действий со стороны ЕС в соответствии с первичным правом ЕС. К примеру, после протестов Валлонии против Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения с Канадой и Соглашения о свободной торговле между ЕС и Сингапуром Комиссия ЕС направила запрос в Суд ЕС о разделении компетенции по ССТ между ЕС и Сингапуром и соответствии проведенной ЕК процедуры заключения соглашений статье 218 ДФЕС.

В консультативном заключении Генерального адвоката Суда ЕС, которое подлежит подтверждению или отклонению Судом при подготовке его окончательного заключения, определены компетенции в Соглашении о свободной торговле между ЕС и Сингапуром, которые касаются как к исключительной и совместной компетенции ЕС с его отдельными членами: 1) части с исключительной компетенцией ЕС (в отношении соответствующего урегулирования споров, посредничества и прозрачности): торговля товарами; торговля и инвестиции в производство возобновляемой энергии; торговля услугами и государственные закупки (кроме транспортных услуг); прямые иностранные инвестиции (ПИИ); коммерческие аспекты прав интеллектуальной собственности (ПИС); конкуренция; торговля и устойчивое развитие (когда это касается коммерческой политики); сохранение морских и биологических ресурсов; а также торговля услугами железнодорожного и автомобильного транспорта. 2) части, относящиеся к совместной компетенции государств-членов и ЕС (в отношении соответствующего урегулирования споров, посредничества и прозрачности): определенные услуги воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, а также государственные закупки, связанные с транспортными услугами; инвестиции, не связанные с ПИИ (например, портфельные инвестиции); некоммерческие аспекты ПИС; фундаментальная трудовая / социальная политика и экологические стандарты.

Более того, согласно консультативному заключению, ЕС не имеет внешней компетенции прекращать и заменять двусторонние инвестиционные соглашения, ранее заключенные между определенными государствами-членами и Сингапуром.

Спорным вопросом, согласно анализу Генерального адвоката, является и компетенция ЕС в отношении механизма урегулирования споров между инвесторами и государством. Хотя ЕС утверждал, что он обладает исключительной компетенцией в отношении основных положений об инвестициях, что подразумевает исключительную компетенцию в отношении механизма разрешения споров инвестор-государство, Генеральный адвокат пришел к выводу, что определенные существенные вопросы, включая механизм разрешения споров инвестор - государство, относятся к совместной компетенции Союза и его государств-членов.

Наконец, Генеральный адвокат пришел к выводу, что если Соглашение о свободной торговле включает вопросы, подпадающие под исключительную компетенцию ЕС и совместную компетенцию государств-членов ЕС, данное соглашение можно заключить, если ЕС и государства-члены ратифицируют его совместно (посредством длительных процедур ратификации). В этом случае одобрение государств-членов ЕС должно также включать одобрение всех национальных и Союзного парламентов.

Соглашения ВТО, как ранее и ГАТТ, являются международными договорами с третьей стороной и международной организацией в понимании проанализированных выше статей. Вместе с тем, статус «права ВТО» и иных международных договоров с третьей стороной в практике имплементации норм указанных соглашений разнится. Правоприменительная практика ЕС зачастую отказывает присвоить праву ВТО

второе место после первичного законодательства в своей правовой системе и оставляет ходатайства отменить меры вторичного права, не соответствующие нормам ВТО, без удовлетворения.

Для того чтобы лучше разобраться в обозначенной специфике имплементации права ВТО в ЕС необходимо изучить историю взаимоотношений данных международных организаций, поскольку именно страны ЕС были инициаторами и учредителями ГАТТ, которое позже было преобразовано Европейским парламентом и Межпарламентским союзом (МПС) в ВТО, призванную укреплять демократию в мире, способствовать либерализации международной торговли и обеспечивать межпарламентское взаимодействие в многостороннем торговом сотрудничестве.

Первая официальная встреча парламентариев в рамках ВТО состоялась в Сиэтле в декабре 1999 г. во время Министерской конференции. В 2001 г. Европейский парламент и МПС договорились объединить свои усилия и обеспечить проведение парламентской встречи во время конференции ВТО в Дохе. Данная встреча заложила основы будущей Парламентской конференции по ВТО – форума, на котором парламентарии всего мира обмениваются мнениями, информацией и опытом по вопросам международной торговли. Участники форума анализируют и обсуждают эффективность деятельности ВТО, а также соблюдение принципов справедливости и прозрачности всех процедур и решений, повышают уровень качества диалога между правительствами, парламентами и гражданским обществом, инициируют и проводят дискуссии в ВТО, развивая потенциал влияния национальных парламентов на международную торговлю. Последнее заседание состоялось в Женеве 6-7 декабря 2018 г.

Представительство ЕС при ВТО представляет интересы ЕС и его государств-членов на постоянной основе, оно обеспечивает проведение торговых переговоров. Представительство ЕС является подразделением Европейской службы внешних связей, созданной в соответствии с Лиссабонским договором 2007 г. В целом ЕС играет ключевую роль в ВТО и способствует активному развитию справедливой, предсказуемой и основанной на общих правилах многосторонней торговой системы. Сегодня правовые нормы ВТО нуждаются в дальнейшем совершенствовании, поскольку торговые отношения претерпели существенные изменения за последние 20 лет. Для ЕС это возможность для проведения позитивных изменений и реформы ВТО с учетом видения Брюсселя. ЕС представил перечень конкретных предложений по улучшению разных направлений деятельности организации. Подробнее предложения Брюсселя будут рассмотрены нами в третьей главе настоящего исследования.

Несмотря на кажущуюся отстранённость национальных правительств стран-членов ЕС, сохраняющих свой самостоятельный статус членства во Всемирной торговой организации, от участия в работе ВТО, хотелось бы отметить, что это не так. Внешнеполитическую деятельность всех государств-членов ЕС определяет Совет, который состоит из компетентных министров стран-членов Европейского союза. Участие государств-членов ЕС в переговорах ВТО требует некоторых внутренних юридических усилий, связанных с использованием ст. 2 (1) ДФЕС [1]. В любом случае, Европейский Суд требует тесного сотрудничества государств-членов с институтами ЕС в процессе ведения переговоров, заключения и выполнения принятых обязательств. Это вытекает из требования единства в международном представительстве ЕС. Государства-члены по-прежнему имеют решающий голос вследствие их контроля деятельности Совета ЕС: Комиссия может участвовать в переговорах только в соответствии с «мандатом», который определяет конкретный перечень полномочий, но именно Совет заключает договоры. С 2009 г. для этого требуется предварительное одобрение Парламента (ст. 218(6), 218(10) ДФЕС).

Входящие в состав ЕС государства имеют индивидуальное членство в ВТО. Государства – члены ЕЭС заключили ГАТТ, при этом ЕЭС, созданное спустя десять лет после вступления в силу ГАТТ, никогда официально не присоединялось к договаривающимся сторонам ГАТТ. Однако ЕС (ранее ЕЭС) наделен полномочиями по внешнеэкономическим отношениям (общая торговая политика) с 1957 г. Данная компетенция сегодня указана в ст. 206 и 207 ДФЕС, она долгое время была единственной значимой силой внешних отношений ЕС и остается таковой в настоящее время. Вследствие передачи ЕС внешних полномочий каждый раз, когда он с целью реализации общей политики, предусмотренной ДФЕС, принимает положения, устанавливающие общие правила, какую бы форму они ни принимали, государство-член ЕС больше не имеет права, действуя индивидуально или даже коллективно, брать на себя обязательства перед третьими сторонами, которые влияют на эти правила.

В европейской интеграции и в практике ГАТТ исключительная компетенция ЕЭС, а затем и ЕС, стала бесспорной с середины 1960-х гг., и ЕС рассматривался как де-факто договаривающаяся сторона ГАТТ как в отношении переговоров[2], так и в отношении урегулирования споров[3] не в последнюю очередь вследствие ряда решений Суда ЕС, ссылавшегося на международное торговое право. Компетенция ЕС в ВТО динамично развивалась, что постепенно привело к тому, что вновь созданный субъект международного права стал членом ВТО. Исполнительный орган Союза, Комиссия ЕС, представляла государства-члены ЕС во всех спорах ГАТТ и во всех многосторонних раундах торговых переговоров, включая Уругвайский раунд, в котором ЕС вместе с другими ведущими торговыми странами, проявил свое лидерство[4].

И ЕС, и его государства-члены в отдельности, стали первоначальными членами ВТО. Тем не менее, необходимо отметить, что вследствие значительно более широкого круга компетенций в Соглашении о ВТО Европейский Суд отклонил в Мнении 1/94 интерпретацию, предоставившую ЕС исключительную компетенцию в отношении всех вопросов ВТО, в частности, в деле регулирования торговли услугами и сопряженными правами интеллектуальной собственности. С точки зрения законодательства ЕС, Соглашение о ВТО должно было быть заключено как «смешанное соглашение», поскольку ЕС был компетентен исключительно в торговле товарами и некоторых аспектах ГАТС и ТРИПС, тогда как большая часть положений ГАТС и ТРИПС по-прежнему входит в компетенцию государств-членов [5]. Вместе с тем, Комиссия смогла убедить страны-члены ЕС выступать в рамках Организации как единое целое. Действующий в настоящее время ДФЕС расширил сферу действия Общей торговой политики и распространяется на торговлю услугами и сопряженные права интеллектуальной собственности. Как следствие, компетенция ЕС в соответствии со ст. 207 ДФЕС соответствует предмету, регулируемому многосторонним торговым режимом ВТО.

В то же время строгое прочтение статьи XII Соглашения об учреждении ВТО, регламентирующей вступление в Организацию, позволя-

ет констатировать, что членство ЕС в ВТО – это уникальный феномен, повторить который уже вряд ли удастся.

Статья XII Соглашения ВТО предусматривает возможность присоединения только двум видам территориально-политических образований: государство и отдельная таможенная территория. При этом таможенная территория должна иметь компетенцию: 1) полная автономия во внешних коммерческих (торговых) отношениях; и 2) иные вопросы по Соглашению о ВТО и иным многосторонним торговым соглашениям ВТО.

На элементе наличия у ЕС полной компетенции мы уже остановились выше и подтвердили, что на момент создания ВТО и получения ЕС статуса ее члена, Союз не имел полной компетенции. Полная компетенция ЕС в части вопросов, покрытых «пакетом Соглашений ВТО», была передана несколько позднее.

Что касается первого элемента – обладание кандидата статусом либо государства, либо отдельной таможенной территории, то ЕС не относится ни к одной, ни к другой категории.

В кейсе «Европейский союз – Охрана товарных знаков и географических указаний на сельскохозяйственные товары и пищевую продукцию», Группа арбитров рассмотрела толкование термина «отдельная таможенная территория» в соответствии с общим правилом толкования договоров, в частности в отношении ЕС. В своем докладе Третейская группа, применив прежде всего, лингвистический метод толкования, а также обратившись к статье XXIV ГАТТ, в которой раскрыт термин, подтвердила, что слово «отдельная» имеет другую смысловую нагрузку. Речь идет о территории, «в отношении которой …член ВТО несет международную ответственность, и которая отделена от центральной территории. В своем докладе Панель арбитров приходит к заключению, что ЕС, безусловно, является таможенной территорией, но не является ни частью территории другой страны, ни отдельной территорией, в отношении которой другие члены ВТО несут международную ответственность.

Итак, ЕС – это уникальный член ВТО, не подпадающий ни под одно из определений возможных кандидатов в членство. Это ни государство, ни отдельная таможенная территория.

Для выявления специфики имплементации права ВТО в праве ЕС, обратимся к судебной практике. Так, в деле Комиссия против Германии Суд вывел обязательство толковать право ЕС через призму взятых обязательств в рамках ВТО, чтобы обеспечить, когда это возможно, единообразное толкование законодательства ЕС. Когда формулировки норм права ЕС носят дискуссионный характер, предпочтение отдается тому их толкованию, которое приводит формулировки в соответствие с правом ВТО. Вместе с тем, в случае несоответствия даже вторичного права ЕС нормам ВТО, несмотря на приоритет норм ВТО, лица и государства-члены ЕС, которые требовали в судебном порядке отменить несовместимое с указанным соглашением вторичное законодательство ЕС, получали по-разному аргументированные ответы Суда, подтверждающие невозможность отмены противоречащей ГАТТ/ВТО практики. При этом общим требованием, которое Суд предлагал выполнить для обоснования отмены, выступало условие, что международное соглашение будет иметь прямую силу только, если его положения способны предоставить гражданам ЕС права, на которые они могут ссылаться в судах. В своем решении International Fruit Company от 1972 г. Суд отказался приписывать это качество какому-либо положению ГАТТ. Такая позиция Суда в отношении права ВТО достаточна противоречива, учитывая, что все международные соглашения ЕС, заключенные с третьим странами, признаны имеющими прямое действие.

В связи с появлением ВТО несколько адвокатов выразили мнение, что новое соглашение ВТО об урегулировании споров (DSU) изменило фактическую основу отказа в предоставлении прямого действия закону ГАТТ/ ВТО. В своем решении заключить соглашения Уругвайского раунда Совет ЕС, который в то время обладал монополией решать, вступать ли в договорные отношения, заявил, что по своему характеру к Соглашению о ВТО с приложениями невозможно апеллировать в судах ЕС или судах государств-членов. Безусловно, это заявление, содержащееся в подзаконном акте, не имело юридической силы для определения того, как вышестоящий закон, такой как Основной закон ЕС и международное право, должны были быть истолкованы высшим судом Союза. Однако мнение исполнительной власти состояло в том, что ЕС не должен предоставлять прямое действие соглашению ВТО, поскольку основные торговые партнеры, в первую очередь, США в Законе о соглашениях Уругвайского раунда отказывались это делать.

В деле Portugal v Council Португалия стремилась отменить решение Совета о доступе на рынок текстильных изделий из Индии и Пакистана. Отклоняясь от выводов Генерального адвоката, Суд подтвердил свою правовую практику International Fruit, согласно которой правила ГАТТ не являются безусловными и… обязательство признавать их в качестве норм международного права, которые напрямую применимы во внутренних правовых системах договаривающихся сторон, не может основываться на общей схеме или условиях ГАТТ.

Нежелание Суда признать прямое действие вполне объяснимо, ведь Совет следует примеру основных торговых партнеров ЕС, которые не ввели прямое действие права ВТО, поэтому судебная власть не желала своим решением ослабить позиции переговорщиков ЕС, предоставляя третьим сторонам выгоду. Вопреки собственной обычной правоприменительной практике в отношении исполнения международных договоров Суд связывает взаимность и прямое действие.

Однако следует упомянуть два исключения из отказа Суда предоставить прямое действие нормам ВТО: первое, относится к случаям, когда акт ЕС выражает намерение Союза выполнить конкретное обязательство ВТО («исключение Накадзима») , второе – это когда рассматриваемый акт ЕС относится к конкретным положениям соглашения ВТО («исключение Fediol»), В этих кейса Суд рассматривал законность законодательного акта ЕС в сравнении с эталоном Соглашения о ВТО, упомянутым в законе ЕС.

Европейский Суд также отвергает прямое действие докладов Комиссии ВТО и Апелляционного органа, даже после истечения «разумного периода времени» в соответствии со статьями 21.3, 22.2 ДСУ. Аналогичная ситуация складывается и в отношении решений ОРС. В отсутствие судебной адаптации законодатели ЕС должны вносить изменения в законы ЕС, если ОРС принимает доклад Третейской группы или Апелляционного органа, подтверждающий, что законодательство Союза несовместимо с его обязательствами по Соглашению ВТО.

Таким образом, особенности имплементации права ВТО в ЕС напрямую связаны с историей возникновения ГАТТ, учредителями которого стали государства – члены ЕЭС. Представляется очевидным, что, инициируя ГАТТ и разрабатывая его положения, эти страны учитывали, прежде всего, свои интересы, в том числе и юридически оформляли их удобным для своего национального законодательства образом. Иными словами, изначально ГАТТ содержало смыслы и правовые формулировки, которые странам Европы было удобно имплементировать в свое национальное право.

ЕЭС появился только спустя десять лет после вступления в силу ГАТТ, он не стал членом ГАТТ, но ЕС стал членом ВТО, в учреждении которой объединенная Европа также принимала активное участие. ЕС действует как единый субъект в ВТО и представлен Комиссией, а не государствами-членами. Комиссия ведет переговоры по торговым соглашениям и защищает интересы ЕС перед ОРС ВТО от имени всех государств-членов. Комиссия регулярно консультируется и отчитывается перед Советом и Парламентом ЕС о содержании и стратегии многосторонних обсуждений. Согласно Лиссабонскому договору, Совет и Парламент ЕС являются законодателями с равным правом голоса в вопросах международной торговли.

ЕС стал первой международной региональной организацией интеграционного типа, которая изначально создавалась для устранения таможенных барьеров и развития торговли между государствами-членами. Единый рынок ЕС был частично основан на принципах и практике ГАТТ. Общая торговая политика ЕС – это одна из главных сфер, в которых ЕС имеет исключительную компетенцию.

Декларируется, что нормы права ВТО приоритетны относительно права ЕС, однако в международном торговом праве отсутствует указание на то, что они имеют прямое действие. Однако Европейский суд в ситуации возникновения правовых коллизий в принятии решений не склонен пересматривать вторичное право в связи с их несоответствием нормам ВТО, на основании того, что не признает за нормами ВТО прямого действия, предоставления прав отдельным лицам.

Несмотря на такое положение дел, в целом стоит отметить, что все основополагающие нормы и принципы ВТО успешно имплементированы в правовое поле ЕС. По крайней мере, именно ЕС как РТС добился в этом отношении максимального возможного на сегодняшний день соответствия. Брюссель поддерживает ВТО в деле глобального регулирования торговых отношений, но также представляет свои предложения по реформированию данной международной организации в том числе для того, чтобы устранить имеющиеся коллизии в согласовании своего внутреннего права и права ВТО.

Список литературы:

1. Michael Hahn and Livia Danieli, 'You'll Never Walk Alone: The European Union and its Member States in the WTO' in Bungenberg and Herrmann, eds., European Yearbook of International Economic Law, Special Issue. 2013. 49–63 pp.
2. Juan Marchetti and Petros Mavroidis, 'From Reluctant Participant to Key Player: EU and the Negotiations of GATS' in Inge Govaere, Reinhard Quick, and Marco Bronckers, eds., Trade and Competition Law in the EU and Beyond. Cheltenham: Edward Elga. 2011. 48–96 pp.
3. Ernst-Ulrich Petersmann, 'The GATT Dispute Settlement System as an Instrument of the Foreign Trade Policy of the EC' in Nicholas Emiliou and David O'Keefe, eds., the European Union and World Trade Law: After the GATT Uruguay Round. Chichester: Chancery Wiley Law Publications. 1996. 253–277 pp.
4. Patrick Messerlin, 'The Influence of the EU in the World Trade System' in Amrita Narlikar, Martin Daunton, and Robert M. Stern, eds., The Oxford Handbook on The World Trade Organization. Oxford University Press. 2012. 213–234 pp.
5. Jacques Bourgeois. The EC in the WTO and Advisory Opinion 1/94: An Echternach Procession. 1995. Common Market Law Review. 763–787 pp.

References:

1. Michael Hahn and Livia Danieli, 'You'll Never Walk Alone: The European Union and its Member States in the WTO' in Bungenberg and Herrmann, eds., European Yearbook of International Economic Law, Special Issue. 2013. 49–63 pp.
2. Juan Marchetti and Petros Mavroidis, 'From Reluctant Participant to Key Player: EU and the Negotiations of GATS' in Inge Govaere, Reinhard Quick, and Marco Bronckers, eds., Trade and Competition Law in the EU and Beyond. Cheltenham: Edward Elga. 2011. 48–96 pp.
3. Ernst-Ulrich Petersmann, 'The GATT Dispute Settlement System as an Instrument of the Foreign Trade Policy of the EC' in Nicholas Emiliou and David O'Keefe, eds., the European Union and World Trade Law: After the GATT Uruguay Round. Chichester: Chancery Wiley Law Publications. 1996. 253–277 pp.
4. Patrick Messerlin, 'The Influence of the EU in the World Trade System' in Amrita Narlikar, Martin Daunton, and Robert M. Stern, eds., The Oxford Handbook on The World Trade Organization. Oxford University Press. 2012. 213–234 pp.
5. Jacques Bourgeois. The EC in the WTO and Advisory Opinion 1/94: An Echternach Procession. 1995. Common Market Law Review. 763–787 pp.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_364

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК
INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MARITIME TRANSPORT

ПАВЛОВ Игорь Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры морского права,
ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского».
690003, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, д. 50а.
E-mail: Igor_2671@mail.ru

ТЫРКАЛОВ Денис Владимирович,
магистрант, ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского».
690003, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, д. 50а.
E-mail: tyrkalov02@bk.ru

PAVLOV I.N.
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Maritime Law,
Admiral G.I. Nevelskoy Maritime State University, Russia, Vladivostok.
50a Verkhneportovaya St., Vladivostok, 690003, Russia.
E-mail: Igor_2671@mail.ru

TYRKALOV D.V.
master's student, Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University Vladivostok.
50a Verkhneportovaya St., Vladivostok, 690003, Russia.
E-mail: tyrkalov02@bk.ru

Краткая аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию теоретических основ и практических аспектов международного правового регулирования морских перевозок. Анализируются исторические этапы формирования морского права, выделяется роль обычаев как старейшего источника регулирования и рассматривается их интеграция в международно-правовые инструменты, такие как Йорк-Антверпенские правила и международные конвенции (Гаагские, Гаага-Висбийские, Гамбургские и Роттердамские правила). Проводится сравнительный анализ правового регулирования перевозок по коносаментам и рейсовому чартеру, подчёркиваются различия в степени вмешательства государства и уровне свободы договорных отношений.*

Abstract. *This article is devoted to the study of the theoretical foundations and practical aspects of the international legal regulation of maritime transportation. It analyzes the historical stages of the formation of maritime law, highlights the role of customs as the oldest source of regulation, and examines their integration into international legal instruments such as the York-Antwerp Rules and international conventions (the Hague, Hague-Visby, Hamburg, and Rotterdam Rules). The article provides a comparative analysis of the legal regulation of transportation under bills of lading and voyage charters, highlighting the differences in the degree of state intervention and the level of freedom in contractual relations. The theoretical significance of the work lies in enriching the theory of international private and maritime law, and the practical significance lies in the possibility of using the findings by states, the professional community, and businesses to improve the legal support for maritime transportation.*

Ключевые слова: *морские перевозки, международное право, правовое регулирование; конвенции, коносамент, ответственность перевозчика.*

Key word: *maritime transportation, international law, legal regulation; conventions, bill of lading, carrier's liability.*

Для цитирования: *Павлов И.Н., Тыркалов Д.В. Международное правовое регулирование морских перевозок // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_364.*

For citation*: Pavlov I.N., Tyrkalov D.V. International legal regulation of maritime transport // Agrarian and land law. 2026. No. 5. Pp. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_364.*

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026

Актуальность выбранной темы обусловлена особой значимостью морского транспорта для мировой экономики и международной торговли. Так в 2024 году морской транспорт продолжил свое восстановление после предыдущих спадов, однако этот процесс происходит в исключительно сложных условиях. Объем мировой морской торговли, выросший на 2,4 процента в 2023 году, по прогнозам должен был увеличиться еще на 2 процента в 2024 году, при этом контейнерооборот в портах мира показал более уверенную динамику, достигнув 928 миллионов TEU, что на 7 процентов выше показателей предыдущего года.

Ключевой особенностью отчетного периода стала уязвимость стратегических морских коридоров: геополитическая напряженность в Красном море и вызванные изменением климата проблемы с уровнем воды в Панамском канале привели к кардинальной перенастройке глобальных судоходных маршрутов. Транзит через Суэцкий канал сократился на 70 процентов, вынуждая суда следовать более длинным путем вокруг мыса Доброй Надежды, что увеличило спрос на тоннаж и протяженность перевозок в тонно-милях на 4,2 процента. Эта ситуация неизбежно привела к росту фрахтовых ставок: Шанхайский индекс контейнерных перевозок к середине года более чем удвоился по сравнению с концом 2023 года, что повлекло за собой увеличение операционных расходов, расходов на топливо и страхование. Прогнозируется, что повышение стоимости грузоперевозок окажет инфляционное давление на мировую экономику, увеличив потребительские цены на 0,6 процента к 2025 году, причем наиболее уязвимыми окажутся малые островные развивающиеся государства и наименее развитые страны, где рост цен может быть еще более существенным, создавая угрозу продовольственной безопасности. На этом фоне мировой флот продолжал стареть и обновляться медленными темпами из-за высоких затрат и неопределенности в отношении будущего топлива, и лишь незначительная доля нового тоннажа готова к переходу на альтернативные источники энергии, в то время как рынок судостроения остается монополизированным Китаем, Японией и Южной Кореей. Порты мира столкнулись с рекордной нагрузкой, особенно в Азии, что стимулирует ускоренную цифровизацию и автоматизацию портовых операций с использованием искусственного интеллекта и блокчейна для повышения эффективности и снижения заторов. Особого международного контроля, его ужесточение, требует и расширение «теневого» флота, напрямую влияющего на безопасность мирового океана.

В этой связи, перед международной морской организацией (IMO) стоит наиболее важная задача, в современных геополитических условиях, о создании безопасных условий для транспортных перевозок. Все это требует постоянного совершенствования и адаптации международного правового регулирования, что подтверждает острую потребность в глубоком изучении и анализе существующих правовых механизмов.

Как уже было отмечено, международное правовое регулирование морских перевозок занимает центральное место в системе международного частного права, учитывая особую значимость морской торговли для мировой экономики.

Одним из фундаментальных положений международного частного права является признание обычая старейшим источником морского права. Данный институт обладает уникальной способностью оперативно адаптироваться к особенностям конкретной сферы человеческой деятельности, обеспечивая гибкое реагирование на изменения условий функционирования морского судоходства.

Формирование обычая представляет собой сложный и длительный процесс, базирующийся на систематическом воспроизведении определенных фактических отношений участниками морской практики. Несмотря на трудоемкость становления, возникший однажды обычай отличается устойчивостью и долговечностью своего существования. Его консерватизм позволяет передавать накопленный опыт последующим поколениям участников общественных отношений, сохраняя преемственность правового регулирования в условиях динамично развивающейся морской отрасли [5, с. 183].

Ярким примером кодифицированного международного обычая служит Йорк-Антверпенские правила, признанные ориентиром при разрешении вопросов распределения общеаварийных убытков.

Так, пункт 2 статьи 285 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации прямо закрепляет необходимость применения указанных правил в соответствующих случаях [4]. Это свидетельствует о признании их значимости и универсальности в международной практике урегулирования имущественных последствий аварийных ситуаций на море.

Представляя собой комплекс традиционно сложившихся нормативных предписаний, указанный документ имеет первостепенное юридическое значение для упорядочивания взаимоотношений сторон, участвующих в морской перевозке грузов, особенно в ситуациях возникновения общеаварийных убытков. Эти правила исторически сформировались как эффективный механизм разрешения споров и справедливого распределения финансовых потерь, неизбежно сопутствующих коммерческой деятельности в столь специфической и рискованной среде, какой является эксплуатация транспортных средств на просторах мирового океана [6, с. 69].

Многочисленные поправки и дополнения, диктующими современными условиями и изменениями в мировой морской практике, в Йорк-Антверпенские правила говорят о динамичности развития данного международного акта.

Такая открытость к инновациям и регулярному совершенствованию обеспечивает эффективность применения указанного международного обычая, одновременно гарантируя сохранение его фундаментальных признаков. К числу последних относятся критерии намеренности, рациональности и экстраординарности предпринятых мер, направленных исключительно на обеспечение коллективной безопасности участников морской перевозки.

На современном этапе основу международно-правового регулирования морских грузоперевозок формируют ряд значимых многосторонних соглашений, каждое из которых занимает особое место в развитии системы унифицированных норм. Среди них выделяются следующие важнейшие международные договоры:

– Брюссельская конвенция от 1924 года об унификации некоторых правил о коносаменте, известная также как Гаагские правила [1]. Она стала первым значительным шагом в формировании единого подхода к регламентации обязательств сторон при осуществлении международной морской перевозки грузов.

– протоколы изменений и дополнений к вышеуказанной Брюссельской конвенции, принятые соответственно в 1968 и 1979 годах, известные как Гаага-Висбийские правила, направленные на адаптацию первоначальной редакции к новым экономическим реалиям и техническим возможностям эпохи.

– Конвенция ООН о морской перевозке грузов, принятая в 1978 году (Гамбургские правила), отражающая стремление международного сообщества расширить сферу охвата и повысить уровень ответственности перевозчиков перед грузоотправителями и грузополучателями [2].

– Конвенция ООН о договорах полностью или частично международной морской перевозки груза, вступившая в силу в 2008 году (Роттердамские правила), ставшая очередным этапом совершенствования и модернизации ранее установленных стандартов, отвечающих современным требованиям международной торговли и транспорта [3].

Особенностью процесса становления и эволюции указанных международных норм стало то обстоятельство, что изначально основное внимание уделялось договорам морской перевозки грузов, оформление которых осуществлялось путем выдачи коносамента. Последний выступал ключевым доказательством факта заключения соглашения и служил основным инструментом фиксации взаимных прав и обязанностей сторон сделки.

Регулирование морских перевозок, осуществляемое на основе рейсового чартера, представляет собой особую категорию договорных отношений, отличающуюся от классической модели перевозки, основанной на выдаче коносамента. Рейсовый чартер, являясь альтернативным видом договора морской перевозки, предполагает предоставление судна или его части для осуществления определенного рейса или серии рейсов, что влечет за собой специфику правового регулирования.

Правовая основа таких отношений преимущественно определяется нормами национального морского законодательства соответствующего государства. Характерной особенностью указанных норм является их диспозитивный характер, позволяющий сторонам самостоятельно определять содержание большинства условий договора в рамках установленного законом минимального перечня обязательных требований. Подобная свобода волеизъявления субъектов правоотношений создает предпосылки для индивидуализации договорных условий, учитывая уникальные обстоятельства каждой отдельной перевозки.

Дополнительно в практике широко используются стандартные формы договоров (проформы), содержащие заранее подготовленные типовые условия, призванные облегчить процесс согласования существенных деталей контракта. Такие проформы носят рекомендательный характер и подлежат возможной модификации сторонами в зависимости от конкретных потребностей и предпочтений участников перевозочного процесса.

Договоры рейсового чартера, предусматривающие нерегулярные перевозки грузов с предоставлением фрахтователю всего судна или его частей, наряду с договорами аренды морских судов (тайм-чартером и бербоут-чартером), фактически остались вне рамок конвенционного регулирования. Причиной подобного положения вещей послужило активное участие объединений и ассоциаций представителей морской отрасли в разработке специализированных стандартных форматов контрактов (проформ), детально охватывающих всю совокупность возможных нюансов и тонкостей исполнения чартеров.

Указанное обстоятельство позволило сформировать уникальную систему диспозитивного регулирования, основывающуюся на принципе свободы договорных отношений и высоком стандарте добросовестной деловой практики. Такая структура обеспечила участникам рынка максимальную гибкость и оперативность при заключении сделок, позволяя вносить необходимые изменения, дополнения или сокращения в стандартные условия проформы в зависимости от индивидуальных потребностей сторон.

Практическое использование подобных инструментов получило широкое распространение и признание в профессиональном сообществе, что подтверждается активным обращением к таким известным проформа как Jencon (Дженкон), Baltime (Балтайм), Berkone (Беркон) и другим аналогичным документам, обеспечивающим эффективное и надежное правовое сопровождение морских коммерческих операций.

Морское право различных государств предусматривает возможность осуществления перевозки грузов исключительно на основании чартера, исключая обязательное составление коносамента. В данном случае стороны наделены правом свободного согласования всех существенных условий договора, что отражает принцип диспозитивности, присущий данному типу правоотношений.

Однако ситуация принципиально меняется при условии выдачи коносамента. Выдача данного документа трансформирует характер применяемых норм морского права, придавая отдельным положениям императивный статус. Императивность означает невозможность произвольного изменения или отмены таких норм соглашением сторон. Примером подобных обязательных норм выступают требования о приведении судна в мореходное состояние, установление пределов и оснований ответственности перевозчика, а также иные существенные условия, непосредственно влияющие на безопасность и надежность морской перевозки.

Процесс интеграции устоявшихся торговых практик в официальную международно-правовую систему получил свое воплощение в рамках дипломатической конференции, проведённой в Брюсселе в 1924 году. Результатом данной инициативы стало принятие важной Конвенции, направленной на унификацию ряда правил относительно коносамента. Историко-правовой основой для разработки указанной Конвенции выступили Правила о коносаменте, утвержденные тремя годами ранее — в 1921 году. Последние представляли собой консолидацию общепринятых деловых обычаев, глубоко укоренённых в традициях английского морского права.

Главной задачей, стоящей перед инициаторами унификационной процедуры, являлось достижение стабильности и прозрачности правового статуса коносамента в финансовой и хозяйственной сферах международной торговли. Достичь этого предполагалось посредством устранения возникающих конфликтов и несоответствий между действующими правовыми режимами различных юрисдикций, регулирующих морские перевозки товаров. Таким образом, принятие Брюссельской Конвенции 1924 года стало знаковым событием, заложившим основы современного международного правового регулирования коносаментных отношений и оказавшим существенное влияние на дальнейшее развитие всей системы международного коммерческого мореплавания.

Брюссельская Конвенция 1924. «Об унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагские правила), будучи одним из важнейших документов международного морского права, направлены на комплексное урегулирование ключевых аспектов перевозки грузов морскими судами. Центральное место среди объектов регулирования занимает коносамент, выполняющий одновременно функции товарораспорядительного документа и доказательства заключения договора перевозки. Правильное оформление коносамента требует неукоснительного соблюдения установленной процедуры и внесения исчерпывающей информации о грузе, включающей его количественную характеристику, внешние признаки и техническое состояние.

Современное транспортное право исходит из концепции презюмированной виновности перевозчика, участвующего в исполнении обязательств по договору морской перевозки. Данная презумпция означает, что законодатель априори рассматривает перевозчика ответственным за любые нарушения условий договора, если только последний не докажет собственную невиновность. Такое распределение бремени доказывания обусловлено необходимостью обеспечения должного уровня защиты интересов отправителей и получателей грузов, чьи позиции зачастую оказываются уязвимыми ввиду асимметрии переговорных возможностей и информационной закрытости процессов транспортировки.

Исторически сложившиеся принципы морского права, касающиеся распределения ответственности между субъектами морских перевозок, нередко подвергаются критике со стороны грузовладельцев, особенно в тех случаях, когда перевозчики получают освобождение от ответственности при наличии собственной вины. Одним из наиболее ярких примеров подобного исключения является норма о так называемой «навигационной ошибке».

Данная категория возникла и получила легитимизацию в рамках англосаксонской правовой семьи, где традиционно превалировали интересы судовладельцев. Формирование этого института имело глубокие исторические корни и объяснялось стремлением обеспечить стабильность и предсказуемость предпринимательской деятельности в условиях повышенного риска, неизменно сопровождающего мореплавание. Экономическая целесообразность введения подобного исключения заключается в необходимости перераспределения потенциальных убытков между всеми заинтересованными лицами, а не возложения их целиком на одну сторону — судовладельца.

Логика разработчиков данной нормы была направлена на создание благоприятных условий для устойчивого развития морской транспортной инфраструктуры. Полное устранение возможности сослаться на навигационную ошибку привело бы к увеличению издержек судовладельцев, что, в свою очередь, могло бы значительно затруднить расширение масштабов морской торговли и снизить инвестиционную привлекательность отрасли в целом.

Тем не менее, подобная позиция воспринимается грузовладельцами критически, поскольку они считают несправедливым перенос части ответственности за профессиональные упущения перевозчика на себя. Возникающее напряжение между этими группами участников рыночных отношений подчеркивает сложность и деликатность проблемы оптимального распределения рисков в сфере международного торгового мореплавания.

Развитие международного морского права сопровождалось рядом важных реформ, ключевыми из которых стали пересмотр и обновление Брюссельской конвенции 1924 года, завершившиеся созданием Гаага-Висбийских правил в 1968 и 1979 гг. Нововведения, включали расширение сферы действия конвенции, ограничение ответственности перевозчика и введение контейнерной оговорки. Хотя Россия официально присоединилась к ним лишь в 1998 г., соответствующие нормы уже давно были внедрены в советский кодекс торгового мореплавания, что гарантировало равенство и конкурентоспособность отечественного флота. Базовые принципы ограниченной ответственности перевозчика сохранили преемственность, несмотря на попытки усиления защиты грузовладельцев через Гамбургские правила 1978 г., которые, однако, не приобрели широкого распространения из-за устоявшейся практики применения старых норм.

Роттердамские правила (2008г.), созданные позднее других международных соглашений о морских перевозках, сталкиваются с проблемами внедрения из-за несогласованности мнений государств. Предлагаемые изменения не обеспечивают большей защищённости судовладельцев, так как современная коммерческая практика не испытывает потребности в подобных реформах. Вместо упрощения, новое регулирование способно внести неопределённость и осложнить процессы морских перевозок.

Хотя Роттердамские правила содержат расширенную детализацию обязанностей сторон и электронного документооборота, они остаются юридически неактивными, из двадцати шести стран подписавших правила (Россия не входит в их число), только пять стран ратифицировали (Того, Испания, Камерун, Бенин, Конго).

В случае вступления в силу, Роттердамские правила устраняют потенциальные юридические коллизии путём обязательной денонсации ранее действующих Гаага-Висбийских или Гамбургских правил. Основная цель создания новой конвенции — формирование чёткой и однозначной системы правовых стандартов, способствующей эффективной регуляции международных торговых отношений.

И в заключении необходимо отметить, что сегодня назрела необходимость комплексного и сбалансированного подхода к развитию международного правового регулирования морских перевозок. Можно с уверенностью утверждать, что дальнейшее развитие международного морского права должно идти по пути взвешенного реформирования, сочетающего традиционные ценности и современные вызовы цифровой экономики и экологии, сохранять преемственность правовых традиций и одновременно быть готовым к инновационным преобразованиям.

Список литературы:

1. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года (вместе с «Протоколом подписания») (заключена в г. Брюсселе 25.08.1924) (с изм. от 21.12.1979) // СПС Консультант Плюс.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов (Заключена в г. Гамбурге 31.03.1978) // СПС Консультант Плюс.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов («Роттердамские правила») (Нью-Йорк, 11 декабря 2008 г.) СПС Гарант.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, N 18, ст. 2207.
5. Бабаджанов И. Х., Сальников М. В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 180–197.
6. Касаткина А. С., Кобахидзе Д. И. Эволюция Йорк-Антверпенских правил об общей аварии как источника международного частного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4. С. 68–82.

References:

1. International Convention for the Unification of Certain Rules on Bills of Lading, 1924 (together with the "Protocol of Signature") (concluded in Brussels on 08/25/1924) (as amended dated 12/21/1979) // SPS Consultant Plus.
2. United Nations Convention on the Carriage of Goods by Sea (Concluded in Hamburg on 31.03.1978) // ATP Consultant Plus.
3. United Nations Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea (the "Rotterdam Rules") (New York, December 11, 2008) ATP Guarantor.
4. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation No. 81-FZ dated 30.04.1999 (as amended on 06/24/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/03/1999, No. 18, art. 2207.
5. Babajanov I. Kh., Salnikov M. V. Transformation of customs in law in the post-Soviet space // The World of Politics and Sociology. 2015. No. 1. pp. 180-197.
6. Kasatkina A. S., Kobakhidze D. I. Evolution of YorkAntwerp Rules on General Accident as a Source of Private International Law // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2016. No. 4. pp. 68-82.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_368

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ANIMAL CRUELTY AND LEGAL PROTECTION

ТАТАРИНОВ Константин Анатольевич,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 корп. 3.
E-mail: tatarinov723@gmail.com;

TATARINOV Konstantin Anatolyevich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management and Service, Baikal State University,
Russia. 11 Lenin St., building 3, Irkutsk, 664003.
E-mail: tatarinov723@gmail.com.

Краткая аннотация. *Проблема прав животных становится все более распространенной в размышлениях этиков, юристов и философов. Однако, правовое сознание общества меняется медленно, что выражается в до сих пор полезном подходе законодателя к животным. Автор статьи считает, что под гуманным обращением с животными следует понимать такое взаимодействие с ними, которое учитывает потребности животного и обеспечивает его уход и защиту. Акцент в статье делается на том, что животное не должно продолжать жить, только страдая и терпя боль. Поэтому на законодательном уровне должны быть запрещены и наказуемы необоснованные или бесчеловечные убийства и жестокое обращение с живыми существами. Трактовка животных должна быть признана с точки зрения их прав, а не только с точки зрения гуманной заботы человека об отсутствии у них страданий.*

Abstract. *The issue of animal rights is becoming increasingly prevalent in the thinking of ethicists, lawyers, and philosophers. However, society's legal consciousness is changing slowly, which is reflected in the legislator's still useful approach to animals. The author of this article believes that humane treatment of animals should be understood as interaction with them that takes into account the animal's needs and ensures its care and protection. The article emphasizes that animals should not continue to live only in pain and suffering. Therefore, unjustified or inhumane killing and cruelty to living beings should be prohibited and punished by law. Animals should be treated in terms of their rights, not merely in terms of human concern for their freedom from suffering.*

Ключевые слова: *правовая защита животных, антропоцентризм, биоцентризмом, жестокое обращение с животными, права животных, промышленный убой, экологическая этика, охрана животных, транспортировка животных.*

Keywords: *legal protection of animals, anthropocentrism, biocentrism, animal cruelty, animal rights, industrial slaughter, environmental ethics, animal protection, animal transportation.*

Для цитирования: *Татаринов К.А. Насилие в отношении животных и их правовая защита // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_368.*

For citation*: Tatarinov K.A. Violence against animals and their legal protection // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_368.*

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Потребность в правовой защите животных и этическое поведение человека по отношению к ним восходят к древним временам. Юрист ранней Римской империи, сторонник естественного права Ульпиан Домиций на рубеже II и III веков н. э. считал, что животные обладают врожденными правами, независящими от воли законодателя. Иными словами, права животных находятся не в государственном праве, а в естественном, где существует аксиологический порядок определенных норм, по отношению к которым все равны. В этом постулате прослеживается процесс формирования концепции гуманного обращения и защиты животных. Сегодня гуманная защита животных — это профилактика, защищающая их от страданий, вызванных человеческой деятельностью. Исходит она от этических и моральных побуждений, которые не допускают человеку причинять страдания живым существам без крайней необходимости.

Отношение к животным исторически определялось религиями и культурами жителей географических регионов. Сегодня люди демонстрируют два отношения к животным: господствующее и паритетное. Первое связано с убеждением о превосходстве человека над животным миром. Его подтверждают некоторые религии, в которых говориться об отсутствие души и чувств у животных. Животные предназначены только для служения человеку в его повседневном бытии. Второй подход, основан на приписывании обладания душой не только животных, но и вещей. Те, кто поддерживает такую точки зрения, считает, что и растения наделены разумом и волей, как и человек.

Большинство стран, особенно европейского сообщества, добились значительного прогресса в гуманном отношении к животным (ограничение корриды в Испании или запрет на цирковые представления с дикими животными в Великобритании). Большая и серьезная проблема по защите животных касается прежде всего животноводства. Речь идет содержании животных при очень высокой плотности, слишком низких или высоких температурах и в тесных помещениях. Такие условия содержания вызывают у животных стресс и агрессию. Стремление интенсифицировать животноводство путем генной инженерии приводит к болезням суставов из-за чрезмерной массы тела. Больше всего от этой селекции страдает крупный рогатый скот, свиньи и цыплята-бройлеры. Наиболее жестокое обращение с животными наблюдается, когда их грузят в транспорт и отвозят на бойню. Использование физического насилия при погрузке, «соленое» кормление, многочасовое содержание на солнце, избиение животных и бесчеловечные методы убоя с садистскими симптомами является преднамеренным поведением, рассчитанным на увеличение размера страданий и их продолжительности.

В сельской местности симптомы грубой халатности распространены по отношению к собакам и кошкам. Часто за ними не обеспечивается надлежащий уход (содержание собак на тяжелых и коротких цепях, отсутствие в зимний период утепленной будки, избиение и систематический голод для создания злости, отсутствие прививок и лечения, чрезмерное размножение). Венцом жестокости являет убийство

топором или подвешивание «бесполезны» псов и котов. У городских жителей подобные «интеллигентные» действия связаны с терпимостью по отношению к детям, которые относятся к собакам и кошкам как игрушкам [1, с. 50]. Речь идет об избиении и содержании в голоде и в небольших клетках (особенно в состоянии нетрезвости). Для разрядки собственного гнева, умерщвление происходит путем сброса животных с высотных заданий, привязывания к деревьям в лесах и парках и выбрасыванием на высокой скорости из автомобилей на дорогах общего пользования [5, с. 574].

Жестокое обращение человека с животными также включает в себя случаи, когда у общества это не вызывает какого-либо возражения. К таким случаям следует отнести чрезвычайно интенсивные тренировки лошадей перед скачками, а также использование допинговых средств. Эксплуатируемые до предела лошади, добившиеся успеха на скачках и приносившие своим владельцам значительные суммы денег, в дальнейшем отправляются на бойню. В цирке животные для развлечения зрителей подвергаются интенсивной дрессировке в сочетании с голодом. В передвижном зоопарке дикие животные часто содержатся в голоде, грязи и чрезмерной тесноте. Особенно это характерно для человекообразных обезьян, медведей, слонов и жирафов. Жестокими также являются методы, используемые браконьерами, устанавливающими силки и другие ловушки, подвергающие животных длительным страданиям. Отдельной проблемой является ввоз змей и черепах из жарких стран, а также их содержание в неподходящих жилищных условиях. Наконец, следует упомянуть об использовании животных для тестирования косметических средств и медикаментов, а также в совершения общественно опасных деяний с использованием животных (зоологические преступления) [9, с. 214]. Большинство животных от таких испытаний погибают, и несмотря на эти жертвы, сомнения об объективности и точности данных исследований не исчезают.

Цель статьи — выявить проблемы прав животных и их реализацию с точки зрения науки права. Статья носит научно-исследовательский характер и была подготовлена с использованием формально-догматического или юридически-сравнительного методов.

Споры о правах животных ведутся в мире уже давно. Возникают движения за освобождение диких животных из неволи и этическое обращение с ними. Сторонники этического обращения ссылаются на аболиционистские движения XIX века, требующие отмены рабства или эмансипационные движения за равноправие женщин.

В дискуссии о правах животных основной вопрос уже не в том, чтобы их защищать, а в том, давать животным права ради человека или ради их блага. Идея состоит в том, чтобы признать интенсивные методы разведения противозаконными, так как они наносят вред животным, а не из-за того, что такие продукты животноводства из-за гормонов, антибиотиков и аммиака вредны для человека.

Для обсуждения области прав животных необходимым является правильное определение места человека в природе. Представление об уникальной роли человеческого вида в природе приводит к идее о необходимости защиты окружающей среды ради блага и полезности для людей. В любом случае это лучше, чем декартовское приравнивание животного к машине. Вторым шагом являет дереификация животных в государственном праве. В этом случае животное — это не вещь, а «одушевленное существо», обладающее правовыми интересами и человек не может бесцельно убивать, причинять боль и страдания, а также калечить животных. Сопротивление признанию прав животных связано с метафизическими предположениями. Для людей, выросших на христианской культуре и религии, существует непреодолимая победная граница между миром людей и миром животных. Человек — это единственное существо на планете, наделенное душой. Приматолог Франса де Ваала делает вывод о том, что отношение к правам животных коррелирует с существованием в мире человекообразных обезьян. Иными словами, барьер между человеком и остальным животным миром не является абсолютным. В Индии, где человеческие сообщества сосуществуют с обезьянами, уникальность человека вообще не признается [2, с. 185]. Поэтому именно философия и этика, а не теория права, поставили проблему прав животных. Полное приравнивание людей к животным (например, избирательное право, свобода слова и вероисповедания и т. д.) бессмысленно, но право, препятствующее произвольному убийству животных ради развлечений, наиболее жестоким формам научных исследований и непосильному труду — необходимо. В философии прав животных существует антропоцентрическое и моральное направления, где в первом случае животное только объект морали, а во втором — субъект и само по себе является ценностью.

Вопрос о правовой защите животных связан с тем, что человек через культуру встал над эволюционным принципом выживания сильнейших. Только благодаря этому «кровожадный зверь» стал различать добро и зло. Выдающийся английский зоолог Томас Хаксли, яростный приверженец дарвинизма, считал человеческую этику доказательством победы над своенравными и скачкообразными процессами эволюции. Чарлз Дарвин, напротив говорил, что любое животное, обладающее родительскими и братскими инстинктами, обретет и совесть, если его интеллектуальные способности будут развиваться как у человека.

В отношении человека к животным можно выделить антропоцентризм, биоцентризм и утилитаризм. В юридической культуре главенствует позиция того, что человек является важнейшим и исключительным элементом природного мира. Антропоцентризм видит в человеке существо, стоящее над природой, а не слившееся с ней в единое целое. Однако, это не приписывает ему необходимость быть жестоким по отношению к животным [15, с. 17]. Антропоцентризм просто означает, что соблюдение прав животных осуществляет во имя уважения человека, а не из-за его долга перед ними [12, с. 128]. У сторонников антропоцентрической этики не возникает никакой связи между мучением животных и негативным влиянием на характер и нравственность человека. Биоцентризмом предполагает, что природа и биосфера представляют высшую ценность и поддерживает радикальное отрицание антропоцентризма. Утилитаризм — это прагматическое течение, стремящееся не противопоставлять человека животному и не «очеловечивать» последних. Сторонникам экологической этики по сути, все равно, с помощью какого юридического средства или правовой конструкции они достигнут своих целей, и поэтому расширение прав и возможностей животных для них просто средство. Само предоставление животным субъективных прав улучшит их положение через предоставление им соответствующего статуса.

Правовая защита животных означает состояние, при котором человек в своих собственных интересах, принимает решение о защите выбранных видов животных и произвольно устанавливает ее границы. Мотивы при этом могут быть различными, от полезности животных до

этических чувств, продиктованных тем, что животные, как и люди, имеют право на существование и сохранение своего вида в биосфере. Противники прав животных придерживаются позиции, что животные не могут знать о своих правах. Правильное решение накопившихся недоразумений и проблем возможно исходя из морального императива, что страдание — это зло. Дело не в том, умеют ли животные мыслить, рассуждать или говорить, а в том, что материальным источником прав является достоинство чувствующего живого существа, а не юридическая субъективность, которую создал человек [13, с. 11].

Разнообразие взглядов на правовую защиту животных на протяжении веков было огромным: от полного уничтожения отдельных видов животных до признания того, что они должны обладать такими правами, как человек, включая избирательные права. До абсурда в этом отношении дошло в гитлеровское время, когда считалось недопустимым экспериментировать на животных, если бы это было связано с их страданиями, в то время как проведение экспериментов на людях в Равенсбрюке и Освенциме считалось приемлемым.

Всемирная Декларация прав животных, принятая ЮНЕСКО в 1978 году в Париже, является своеобразным моральным и гуманитарным манифестом, касающимся защиты животных [4, с. 123]. Она является не общепринятым нормативным актом, а выразительным обращением к государственным институтам, где животное, как живое существо имеет права в моральной сфере, и непризнание данных прав ведут человека на путь преступлений против природы. Уважение животных человеком напрямую связано с уважением людей друг к другу. Следствием рассуждений, принятых в декларации, является принятие следующих констатаций:

1. Любое убийство животного без нужды — это преступлением против жизни.

2. Умерщвлению большого количества диких животных, является массовым убийством или преступлением против вида.

3. Убийство таких животных как, носороги, слоны, жиры, львы, леопарды, гепарды и даже некоторые виды антилоп, вызвано желанием получить огромные материальные выгоды и может привести к их исчезновению.

4. Сцены насилия над животными (убийства львов, носорогов и буйволов с кровавых сафари) не должны попадать на экраны, если только это не демонстрация данных преступлений.

5. Интенсивное сельское хозяйство является причиной уничтожения биоразнообразия в природе.

6. Охотничий туризм в заповедниках, не являющийся источником жизни или средством выживания — это преступление [10, с. 106].

Принятие тезиса о необходимости поиска оптимальной модели права в области правовой защиты животных основано не только на простом анализе национальных и наднациональных правовых норм, но и на аксиологических основах этого права [16, с. 257].

Характер защиты животных связан с их ролью в социальной и природной средах, а также с способом их использования человеком. Некоторые виды животных умирают только естественной смертью (домашние кошки и собаки, а также дикие животные в зоопарках), а другие виды напрямую предназначены для убоя или лабораторных исследований. Охрану животных можно разделить на гуманитарную (меры по предотвращению причинения ненужной боли и страданий), консервативную (меры, направленные на сохранение редких и исчезающих видов) и полезную (надлежащие условия содержания и ухода).

В США в Калифорнии и Нью-Йорке действуют запреты на производство и продажу фуа-гра, полученной путем принудительного откорма. Нагнетание в желудочно-кишечный тракт птицы некое количество корма через металлическую специальную трубу считается варварством и квалифицируется как пытка. Фактором, влияющим на правовую квалификацию такого поведения, является фактическое возникновение страданий, травм или телесных повреждений животного. Если лицо, содержавшее животноводство, создало этому животному такие условия, которые могли бы вызвать страдания, то такие действия обычно квалифицируются как проступки. Если действия человека действительно причиняли такие травмы и повреждения на теле животного, такое поведение квалифицируется как преступление.

Чрезвычайно важным вопросом в области защиты скота является также регулирование вопроса об их использовании для работы. Запрещены работы, связанные с принуждением к изнурительному галопу или рыси, с перенапряжением и использованием недоедающих или больных животных.

Убой скота является неотъемлемой частью процесса разведения и использования. Выделяют несколько видов убоя (промышленный, хозяйственный и ритуальный). Первый из них состоит в умышленном лишении жизни с соблюдением законов, этических норм и санитарных условий и основан на правильном использовании технологических методов для получения животноводческих продуктов. Проводится он на скотобойнях, которые должны соответствовать определенным положениям технического и санитарного характера. Если устройства, используемые на бойнях, спроектированные не надлежащим образом, то такие действия квалифицируются как отрицательно влияющие на благополучие животных. Промышленный убой должен проводиться таким образом, чтобы избавить животных от ненужной боли, страданий и беспокойства. К таким мерам относится сохранение животных в чистых и изолированных помещениях, а также предотвращение спотыканий, падений или травм. Умерщвление скота возможно только гуманным способом, то есть максимально минимизируя уровень его физических и психологических страданий. Хозяйственный убой проводится в хозяйстве владельца скота, где все убойные действия производятся вручную, а полученные животноводческие продукты (мясо, шкура, сбой, перо и т. д.) направленны исключительные на собственные нужды. Промышленный и хозяйственный убой — это немедленное умерщвление животного, при котором оно не испытывает постоянной боли, а, следовательно, и страданий. Напротив, ритуальный убой, связан с выполнением определенных требования данной религии, что вызывает огромные споры в международном обществе, в основном из-за способа убийства животного. Примером ритуального убоя является сечита, когда умерщвление животного проводится без предварительного лишения его сознания. Это приводит к необоснованному стрессу, боли и страданиям и содержит тем самым признаки бесчеловечного обращения [14, с. 7].

Учет в законе № 52-ФЗ «О животном мире» принципов различия видов, самоограничения, общности, локальности, постоянной потреб-

ности и позитивных обязательств изменит направление законодательной деятельности в сторону гуманизма и установит морально-этические границы для осуществления прав, предоставленных различным субъектам [3, с. 276]. Человек неразрывно связан с животными и зависим от них, и именно поэтому благополучие животных — это благополучие людей. Принцип различия видов позволяет определить уровень защиты животных в зависимости от степени их отличия от людей, и тем самым ограничить спор по поводу того, в какой степени животные схожи с людьми. Поиск сходства ведет к том, что для одних животных предоставляется защита, а для других — нет. Каждое животное заслуживает правовой защиты только из-за того, что оно не принадлежит к человеческому виду и, следовательно, характеризуется более низким уровнем самозащиты. Человек классифицирует животных (домашние, сельскохозяйственные, дикие и экспериментальные, зрелищные и т. д.) в зависимости от конкретных своих потребностей [6, с. 76]. Определяющий здесь фактор — это интерес человека, который он может ограничивать. Животные же сделать этого не могут, и поэтому законодатели должны знать постоянные потребности животных и адаптировать к ним возможности для реализации интересов людей. Человек на основе принципа самоограничения должен задуматься о том, от чего он может отказаться, чтобы обеспечить благополучие животного мира. Транспортировка животных — это одной из тех видов деятельности человека, которые способствуют их наибольшему страданию. Поэтому принцип локальности связан с максимальным сокращением времени перевозки животных или замены их местными видами. Принцип позитивных обязательств означает то, что те, кто не может продемонстрировать знание и соблюдение обязанностей по отношению к животным, не должен с ними контактировать. Соблюдение данного принципа меняет способ судебного разбирательства в случаях жестокого обращения, когда обвиняемый не знал, что его бездействия приводят к страданиям животного и этим аргументирует свою невиновность. Не следуют антропоморфизировать животное, так как это может быть опасно для него. Например, при авиаперевозке льва вместо листьев или травы ему была дана обычная подушка, которую он съел во время полета и умер. В этом случае нельзя было решать проблемы животного, ставя себя, буквальном смысле, не их место.

В России основным законодательным актом, касающимся защиты животных, считается федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Правовая норма, составлявшая основу гуманной защиты животных, стала модель уголовной нормы, поскольку она вводит наказание по ст. 245 УК РФ в виде лишения свободы до 3 лет. Законодатели уделяют внимание тому, что человек обязан уважать, заботиться и защищать животное, создавая ему надлежащие условия жизни и не нарушать условия его эвтаназии.

Закон разъясняет термин «жестокие методы» в животноводстве как действие или бездействие человека, приводящее к патологическим изменениям в организме, особенно в виде последствий перенесения боли, голода, жажды, принуждения к определенному поведению, а также кормления и поения животных насилием. Умерщвление животных оправдано только экономической выгодой, гуманитарными соображениями, санитарной необходимостью, потребностью науки с оговорками и чрезмерной агрессивностью по отношению к человеку. Оно должно происходить исключительно гуманитарным способом, заключающимся в причинении минимальных физических и психологических страданий на бойне только после предварительного лишения сознания. Что касается домашнего скота, владелец обязан заботиться и обеспечивать им надлежащие условия содержания, не допускающих ран и увечий. Используемые для работы лошади должны иметь достаточное время для восстановления сил, и не быть больными или недоедающими. Способы обращения с животными, используемыми в развлекательных целях, не должны угрожать их жизни или причинять им страдания. Запрещается использование животных в зрелищах с признаками жестокости, а также давать животным допинговые препараты.

Несмотря на карательные меры, в СМИ постоянно появляются сообщения о жестоком обращении с животными, причинении им страданий и изощренном их убийстве. В 2024 году было зарегистрировано 656 преступлений по статье 245 УК РФ, а в 2023 году — 682 случая, а в 2022 году — 709 эпизодов. В начале 2026 года зафиксирован резонансный случай массового отравления собак в Челябинске. Всего за период 2019–2024 годов за жестокое обращение с животными было осуждено 967 человек. В феврале 2026 года Правительство России одобрило законопроект о конфискации животных у жестоких владельцев, а в марте сего года парламентарии предложили увеличить штрафы до 1 млн рублей и ввести принудительные работы до 5 лет за повторные случаи разбрасывание отравляющих веществ в общественных местах. В тоже время зоозащитники отмечают, что даже при наличии закона возбудить дело очень сложно из-за требований наличия факта причинения увечий и проведения экспертизы. Именно поэтому значительная часть дел не доходит до суда и прекращается на стадии расследования. Количество приговоров к тюремному заключению не свидетельствует о строгости судов, так как большой процент этих наказаний был вынесен с условным сроком [11, с. 523].

Хотя в СМИ почти каждый день выходят репортажи о бесчеловечности по отношению к животным, уровень осведомленности общественности о возникающей проблеме недостаточен. Сегодня общество разделено, и одни выступают за решительное ужесточение наказаний, а другие — за информирование граждан об их обязанностях по отношению к животным. Проблема низкой осведомленности заключается в отсутствии надлежащего примера со стороны пожилых людей (особенно в сельской местности), а также в отсутствии школьного обучения и воспитания. Хотя, психологами уже давно доказана связь между мучениями животных и опасными преступлениями против человека [7, с. 416]. Большую роль в защите животных может сыграть новый закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», позволяющий общественным инспекторам с помощью фото- и видеосъемки фиксировать правонарушения и направлять по электронной почте соответствующие материалы в надзорные органы [8, с. 23].

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что закон прямо указывает на необходимость создания образовательных программ для формирования социальных установок и стимулирования социальной реакции на гуманное обращение с животными. Однако такие программы не вызывают общественный интерес, особенно в решение проблем бездомных животных (улучшения условий их содержания, лечения, поиска новых владельцев). Именно поэтому, этическое и гуманное обращение с животными играют значительную роль в современном человеческом обществе. Человек намного сильнее животного, из-за чрезвычайно развитого разума, интуиции и интеллекта, и должен использовать эти сильные преимущества,

прежде всего, для защиты животных, которых он не только приручает, но и использует. Принцип гуманного обращения с животными оказывает сильное влияние на общество, благодаря чему оно становится все более чувствительным к страданиям живых существ.

Человечество должно отказаться от парадигмы, согласно которой мир живых существ делится на «личностей» и «неличностей». Это не означает, что все нечеловеческие существа должны быть приравнены по своим полномочиям к человеку. Выделение индивидуальных прав животных и их включение в правовую систему требует не только изменений в самом законе, но, прежде всего, преобразования антропоцентрической «западной» парадигмы в философии права.

Список литературы:

1. Барсегян А.А. Законодательство в сфере защиты животных в РФ и ФРГ: сравнительный анализ / А.А. Барсегян, Е.Л. Поцелуев // Научные исследования XXI века. — 2024. — № 5(31). — С. 49–56.
2. Животные как объекты правовой охраны в Республике Индия / Е.Р. Смирнов, Я.В. Безносова, Ф.З. Завурбеков, Н.В. Остроумов // Вестник Костромского государственного университета. — 2021. — Т. 27, № 2. — С. 181–186. – DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-181-186.
3. Иванова М.О. Проблема определения ущерба, нанесенного жизнедеятельности объектов животного мира / М.О. Иванова // Global and Regional Research. — 2019. — Т. 1, № 2. — С. 274–279.
4. Карелин А.Н. Преступления «небольшой» тяжести. Особенности правоприменения ст. 245 УК РФ / А.Н. Карелин // Международный журнал экспериментального образования. — 2017. — № 6. — С. 122–125.
5. Китаева В.Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными / В.Н. Китаева // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 568–578. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).568-578.
6. Корнилова Н.В. О правовом режиме животных / Н.В. Корнилова // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 1(169). — С. 75–79.
7. Латыпова А.Р. Проблема привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными / А.Р. Латыпова, М.В. Лифанова // NovaUm.Ru. — 2018. — № 16. — С. 415–416.
8. Нормативные правовые акты в Развитие закона Российской Федерации об ответственном обращении с животными / А.А. Алиев, Д.А. Померанцев, И.И. Шершнева [и др.] // Вопросы нормативно-правового регулирования в ветеринарии. — 2020. — № 1. — С. 20–27. – DOI 10.17238/issn2072-6023.2020.1.20.
9. Плешаков А.М. Зоологические преступления: содержание общественно опасных деяний, совершенных с использованием животных / А.М. Плешаков // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 11(215). — С. 214–216. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_214.
10. Русецкая Г.Д. Роль и значение заповедных лесных территорий в сохранении озера Байкал / Г.Д. Русецкая, Л.В. Санина // Известия Байкальского государственного университета. — 2024. — Т. 34, № 1. — С. 96–108. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).96-108.
11. Туркина Д.А. Особенности практического применения статьи 245 Уголовного кодекса Российской Федерации / Д.А. Туркина // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 21. — С. 516–525.
12. Цыганцова С.И. Международно-правовая защита животных: проблемы и перспективы / С.И. Цыганцова // Московский журнал международного права. — 2021. — № 2. — С. 122–132. – DOI 10.24833/0869-0049-2021-2-122-132.
13. Kaczmarczyk H. Dlaczego prawa zwierząt? [Tekst] / H. Kaczmarczyk // Humanistyczne Zeszyty Naukowe – Prawa Człowieka. — 2014. — № 17. — S. 7–20. – URL: http://www.humanrights.com.pl/pdf/Tom17/7.%20Hubert%20Kaczmarczyk%20-%20Dlaczego%20prawa%20zwierz%C4%85t.pdf (дата обращения: 09.03.2026).
14. Paleń P. Wybrane aspekty prawne ochrony zwierząt gospodarskich w Polsce [Tekst] / P. Paleń // Kortowski Przegląd Prawniczy. — 2017. — № 2. — S. 5–10. — ISSN 2300-4673. – URL: https://wpia.uwm.edu.pl/czasopisma/sites/default/files/uploads/KPP/2017/2/5-10.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
15. Sławik K. Traktowanie i ochrona prawna zwierząt w Polsce [Tekst] / K. Sławik // Ius Novum. — 2011. — T. 5, № 4. — S. 9–25. — URL: https://bibliotekanauki.pl/articles/1396280.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
16. Zdyb M. The Legal Protection of Wild Animals in the Context of Contemporary Challenges with Particular Emphasis on Global Conditions: Selected Issues [Tekst] / M. Zdyb // Studia Iuridica Lublinensia. — 2021. — Vol. 30, № 3. — S. 249–264. — DOI: 10.17951/sil.2021.30.3.249-264. – URL: https://journals.umcs.pl/sil/article/view/12241 (дата обращения: 22.03.2026).

References:

1. Barsegyan, A. A., & Potseluev, E. L. (2024). Legislation on animal protection in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: A comparative analysis. Scientific Research of the XXI Century, (5(31)), 49–56.
2. Smirnov, E. R., Beznosova, Y. V., Zaurbekov, F. Z., & Ostroumov, N. V. (2021). Animals as objects of legal protection in the Republic of India. Bulletin of Kostroma State University, 27(2), 181–186. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-181-186
3. Ivanova, M. O. (2019). The problem of determining damage caused to the livelihood of wildlife objects. Global and Regional Research, 1(2), 274–279.
4. Karelin, A. N. (2017). Crimes of "minor" gravity: Features of the application of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. International Journal of Experimental Education, (6), 122–125.
5. Kitaeva, V. N. (2016). Some aspects of countering cruelty to animals. All-Russian Criminological Journal, 10(3), 568–578. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).568-578
6. Kornilova, N. V. (2019). On the legal regime of animals. Law and State: Theory and Practice, (1(169)), 75–79.
7. Latypova, A. R., & Lifanova, M. V. (2018). The problem of bringing to criminal liability for cruelty to animals. NovaUm.Ru, (16), 415–416.
8. Aliev, A. A., Pomerantsev, D. A., Shershneva, I. I., et al. (2020). Regulatory legal acts in the development of the law of the Russian Federation on responsible treatment of animals. Issues of Regulatory Legal Regulation in Veterinary Medicine, (1), 20–27. https://doi.org/10.17238/issn2072-6023.2020.1.20
9. Pleshakov, A. M. (2022). Zoological crimes: The content of socially dangerous acts committed using animals. Law and State: Theory and Practice, (11(215)), 214–216. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_214
10. Rusetskaya, G. D., & Sanina, L. V. (2024). The role and significance of protected forest territories in the conservation of Lake Baikal. Proceedings of Baikal State University, 34(1), 96–108. https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(1).96-108
11. Turkina, D. A. (2022). Features of the practical application of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. Issues of Russian Justice, (21), 516–525.
12. Tsygantsova, S. I. (2021). International legal protection of animals: Problems and prospects. Moscow Journal of International Law, (2), 122–132. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132
13. Kaczmarczyk, H. (2014). Why animal rights? Humanistic Scientific Papers – Human Rights, (17), 7–20. http://www.humanrights.com.pl/pdf/Tom17/7.%20Hubert%20Kaczmarczyk%20-%20Dlaczego%20prawa%20zwierz%C4%85t.pdf (Accessed: March 9, 2026)
14. Paleń, P. (2017). Selected legal aspects of the protection of farm animals in Poland. Kortowski Przegląd Prawniczy, (2), 5–10. ISSN 2300-4673. https://wpia.uwm.edu.pl/czasopisma/sites/default/files/uploads/KPP/2017/2/5-10.pdf (Accessed: March 20, 2026)
15. Sławik, K. (2011). Treatment and legal protection of animals in Poland. Ius Novum, 5(4), 9–25. https://bibliotekanauki.pl/articles/1396280.pdf (Accessed: March 14, 2026)
16. Zdyb, M. (2021). The legal protection of wild animals in the context of contemporary challenges with particular emphasis on global conditions: Selected issues. Studia Iuridica Lublinensia, 30(3), 249–264. https://doi.org/10.17951/sil.2021.30.3.249-264. https://journals.umcs.pl/sil/article/view/12241 (Accessed: March 22, 2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_373

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ КРАЖИ, СОВЕРШЁННОЙ В ПРИСУТСТВИИ СОБСТВЕННИКА, ВЛАДЕЛЬЦА, ПОСТОРОННИХ, ОТ ГРАБЕЖА, СВЯЗАННЫЕ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ФАКТА НЕОСОЗНАНИЯ ВИНОВНЫМ ТОГО, ЧТО присутствующие ПОНИМАЮТ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ЕГО ДЕЙСТВИЙ

ON THE DISTINCTION BETWEEN THEFT COMMITTED IN THE PRESENCE OF THE OWNER, POSSESSOR, OR OTHERS, AND ROBBERY, RELATED TO ESTABLISHING THE PERPETRATOR'S LACK OF AWARENESS OF THE ILLEGIBILITY OF THEIR ACTIONS

ДЕНИСОВ Леонид Викторович
Доцент кафедры предварительного расследования, Нижегородская академия МВД России.
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 23.
E-mail: leonidvd777@mail.ru

DENISOV Leonid Viktorovich
Associate Professor, Department of Preliminary Investigation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 23.
E-mail: leonidvd777@mail.ru

Краткая аннотация: *В представленном исследовании проблема разграничения кражи, совершённой в присутствии собственника, владельца или иных лиц, и грабежа рассматривается как сложный доктринально-доказательственный феномен, обусловленный определённой семантикой и динамикой ключевых понятий «тайность» и «открытость» способа совершения хищения. Автор обосновывает, что в центре дискуссии находится не только объективная сторона посягательства, но и субъективное восприятие виновного относительно вероятности осознания его действий со стороны потерпевшего, а также фактическое поведение последнего в момент похищения. Внимание сосредоточено на анализе методов установления способа хищения в условиях состязательного процесса, включая использование косвенных доказательств, видеозаписей, показаний свидетелей и динамики поведения участников. В заключение подчёркивается, что разграничение должно опираться на комплексный анализ поведенческих, психологических и технических факторов, а не на упрощённые формальные признаки, что, в свою очередь, требует развития методических рекомендаций для судей, следователей и законодательных инициатив, направленных на повышение стабильности и предсказуемости уголовно-правовой квалификации.*

Abstract: *This study examines the distinction between theft committed in the presence of the owner, possessor, or other persons, and robbery as a complex doctrinal and evidentiary phenomenon, conditioned by the specific semantics and dynamics of the key concepts of "secrecy" and "openness" in the method of committing the theft. The author argues that the discussion centers not only on the objective aspect of the crime, but also on the perpetrator's subjective perception of the likelihood of the victim's awareness of their actions, as well as the victim's actual behavior at the time of the theft. Attention is focused on analyzing methods for establishing the method of theft in adversarial proceedings, including the use of circumstantial evidence, video recordings, witness testimony, and the dynamics of the participants' behavior. In conclusion, it is emphasized that the distinction must be based on a comprehensive analysis of behavioral, psychological, and technical factors, rather than simplified formal criteria. This, in turn, requires the development of methodological recommendations for judges and investigators, as well as legislative initiatives aimed at increasing the stability and predictability of criminal classifications.*

Ключевые слова: *кража, хищение, грабеж, квалификация.*
Keywords: *theft, embezzlement, robbery, classification.*

Для цитирования: *Денисов Л.В. К вопросу об отграничении кражи, совершённой в присутствии собственника, владельца, посторонних, от грабежа, связанные с установлением факта неосознания виновным того, что присутствующие понимают противоправность его действий // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_373.*
For citation*: Denisov L.V. On the issue of distinguishing between theft committed in the presence of the owner, the holder, or outsiders, and robbery, related to establishing the fact that the perpetrator did not realize that those present understood the unlawfulness of their actions. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_373.*

Статья поступила в редакцию: 25.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Вопрос о разграничении кражи, совершённой в присутствии собственника, владельца или посторонних лиц, и грабежа сохраняет высокую научную и практическую значимость ввиду непосредственного влияния на квалификацию деяния, меру наказания и процессуальные возможности сторон. В то же время данная проблематика обнаруживает глубокие догматические и гносеологические сложности, коренящиеся в природе юридических понятий «тайность» и «открытость», в субъективной составляющей преступления и в фактической картине, которая воспроизводится в судебном разбирательстве. Цель настоящего исследования — систематизировать проблемные места, проанализировать ключевые критерии разграничения, выявить типичные фактические ситуации, затрудняющие квалификацию, и предложить теоретико-практические ориентиры, которые могли бы служить методическим ориентиром для судов и законодателя.

Во-первых, необходимо вернуться к догматическим основам: кража по своей диспозиции предполагает тайное хищение чужого имущества с корыстным умыслом, тогда как грабеж характеризуется открытым хищением с применением насилия или угрозы применения насилия, либо с применением насилия в отношении потерпевшего. Главным отличием служит способ совершения — тайный или открытый — и наличие непосредственного взаимодействия с волей потерпевшего. Тем не менее формулировки не всегда дают однозначный ответ в ситуациях, когда виновный действовал в условиях физического присутствия потерпевшего, но рассчитывал на его невнимание, бессознательность или пассивность. Вдобавок, современная

практика демонстрирует случаи, когда субъективное представление виновного о незаметности его действий не совпадает с реальной возможностью опознания его со стороны потерпевшего. Так, вступившим в законную силу приговором Ульяновского районного суда Ульяновской области от 18 февраля 2022 года В.В.И. был признан виновным, в том числе в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 158 УК РФ, а именно в краже, то есть тайном хищении чужого имущества, совершённой с незаконным проникновением в жилище. Действия В.В.И., который, незаконно проникнув в жилой дом А.Р.Р., похитил оттуда деньги, телевизионную приставку, а также продукты питания, обоснованно были квалифицированы как оконченное преступление, несмотря на изъятие у него телевизионной приставки и оставшихся денежных средств, поскольку в фактически содеянном В.В.И. наличествовали не только все признаки состава преступления, но и полная реализация умысла на получение имущественной выгоды путём безвозмездного изъятия принадлежащего потерпевшему имущества, его обособления и установления над ним противоправного владения[1].

Во-вторых, именно субъективный элемент — представление виновного о том, осознают ли присутствующие противоправный характер его действий — выступает краеугольным, но одновременно проблематичным критерием. Казуистически различают несколько ситуаций: а) виновный осознаёт, что потерпевший находится в непосредственной близости, но полагает, что сможет совершить хищение незаметно (карманная кража в очереди при непосредственном присутствии жертвы); б) виновный действует в условиях объективно высокой вероятности быть замеченным, но рассчитывает на отвлечение внимания или на страх потерпевшего (например, похищение вещи с поверхности стола при нахождении владельца в соседней комнате); в) виновный действует под прикрытием обстоятельств (толпа, шум), где присутствие очевидно, но понимание противоправности может быть затруднено для окружающих в силу внешних факторов. В этих случаях ключевым элементом является не только факт присутствия, но и уверенность виновного в том, что его действие останется незамеченным или не будет воспринято как противоправное в момент совершения. Так, к примеру, Засвияжский районный суд г.Ульяновска, руководствуясь разъяснением, сформулированным в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», на основе достаточной совокупности допустимых и достоверных доказательств устанавливал наличие двух юридически значимых критериев тайности способа: собственного восприятия привлекаемым к уголовной ответственности лицом своих действий, как носящих характер тайных (неочевидных для иных лиц), и существования к таковому восприятию объективных причин.

Применительно к рассмотренным делам установленные судом обстоятельства позволяли констатировать в первом случае (уголовное дело в отношении Т.Г.Д. и Ш.Д.Н.), что изъятие осуждёнными велосипедов воспринималось ими как тайное, несмотря на присутствие К.В.С., ввиду наличия объективных оснований полагать, что он не окажет какого-либо противодействия хищению [2], а во втором случае (уголовное дело в отношении С.С.И.) [3] – установленные обстоятельства содеянного позволяли суду констатировать факт осознания привлечённым к уголовной ответственности лицом тайного характера собственных действий, как совершаемых незаметно для собственника, ввиду того что последний не обнаруживал осведомлённость о совершаемом хищении и не демонстрировал готовность ему противодействовать.

Третий аспект — объективная сторона и поведенческий критерий: каково фактическое поведение потерпевшего и иных лиц в момент совершения? Невмешательство, отвлечение, отсутствие реакции не всегда свидетельствуют о неосознании противоправности; напротив, они могут отражать страх, беспомощность, или рассогласование между моральной обязанностью вмешаться и риском личной безопасности. Судебная практика часто сталкивается с ситуациями, когда потерпевший в момент похищения «замер»— например, находится в состоянии ступора, алкоголя или страха, и последующее осознание хищения наступает позже.

Четвёртый аспект проблемы разграничения кражи и грабежа связан с вопросами доказывания и с теми специфическими трудностями, которые возникают при установлении субъективного восприятия потерпевшего и его представления о противоправности поведения виновного в момент совершения хищения. В условиях состязательного процесса сторона обвинения несёт бремя доказывания не только самого факта изъятия чужого имущества, но и того, был ли способ совершения деяния тайным или открытым, и, соответственно, оценить, осознавал ли виновный, что его действия могут быть немедленно обнаружены [4]. Эта задача в силу своей психической и поведенческой специфики носит явно косвенный характер, поскольку напрямую установить внутреннее представление участников невозможно, а суд вынужден делать выводы по внешним признакам и объективным обстоятельствам.

В практической работе судов и следствия широкое распространение получили так называемые косвенные доказательства, через которые реконструируется психологическая картина: к ним относятся расстояние между виновным и потерпевшим, степень визуальной заметности происходящего, наличие отвлекающих факторов, характер самого способа действий (например, быстрое извлечение вещи, прятание её в одежде, использование чужой спиной или толпой в качестве прикрытия), отсутствие признаков непосредственного физического контакта или угрозы, а также наличие камер видеонаблюдения и свидетельских показаний. Вместе с тем правоприменитель не ограничивается фиксацией этих фактов, а пытается установить критический момент: когда именно потерпевший осознал противоправность происходящего и начал реагировать [5, с. 124-126].

Опыт показывает, что сам по себе факт немедленного заявления о хищении или активных действий потерпевшего (например, бегством за лицом, требованием вернуть имущество) не влечёт автоматического вывода об открытости деяния: в ряде случаев тайное хищение сразу же обнаруживается, поскольку вмешательство происходит уже после изъятия, а не во время самого изъятия. Напротив, если потерпевший ничего не заметил в момент совершения хищения и обнаружил пропажу лишь спустя какое-то время, это служит аргументом в пользу признания способа тайным. В целом можно констатировать, что судам приходится проводить именно комплексный, а не точечный анализ совокупности всех обстоятельств, опираясь на системно-синтетическое восприятие событий, а не на отдельные формальные признаки.

Пятый проблемный блок формулируется в плоскости последствий разграничения для квалификации и назначения наказания. Времен-

ной разрыв между моментом фактического похищения и моментом обнаружения ущерба имеет существенное значение для процессуальной и доказательственной логики, однако не всегда однозначно транслируется в правовую оценку. Законодательство и разъяснительная практика Верховного Суда РФ обычно ориентируются на объективные критерии, такие как наличие проникновения в жилище, групповость, причинение вреда здоровью, размер ущерба, а также отсутствие или наличие насилия и угроз.

Однако в реальной практике нередки ситуации, когда идентичные фактические обстоятельства трактуются в различных судах по-разному: в одном случае — как кража, в другом — как грабёж, что в итоге приводит к фрагментации судебного подхода и кустарности в применении нормы [6]. Такое положение вещей в свою очередь, даёт основания для критики существующей доктрины, которую обвиняют в недостаточной определённости и нехватке чётких методических ориентиров для разграничения. Вопрос здесь не столько в наличии самой нормы, сколько в её практической интерпретации и в отсутствии стабильных критериев, позволяющих суду уверенно разделить грани между тайным и открытым способом совершения хищения. В связи с этим просматривается потребность в более системном и детализированном правоприменительном и доктринальном осмыслении критериев, включая ориентиры на видимость, слышимость, дистанцию, поведение виновного и потерпевшего, которые могли бы служить в качестве «якорей» при анализе способа совершения деяния.

Шестой аспект затрагивает категорию умысла и роль восприятия и оценки риска со стороны виновного. В уголовно-правовой технике важно различать не только само наличие умысла, но и его качественную сторону: предвидение возможности того, что потерпевший или посторонние могут понять противоправный характер его действий, и сознательное допущение такого риска. Однако предвидение возможности быть замеченным и сознательное принятие этого риска — это уже качественно отличное состояние сознания по отношению к ожиданию появления сопротивления со стороны потерпевшего или применения силы. Если виновный предвидел высокую вероятность обнаружения и, тем не менее, продолжил хищение, это может свидетельствовать о переходе к открытому способу совершения и приближает поступок к грабежу, особенно в совокупности с иными обстоятельствами (угроза, физический контакт). На практике такие границы трактуются неоднозначно: где проходит линия между «принятием риска» и «намерением совершить открытое хищение» — предмет для дискуссии и для развития доктрины.

Так, С.С.И. совершил хищение мобильного телефона, находившегося рядом с лежащим на полу в торговом зале М.Д.О., полагая, что тот находится в бессознательном состоянии, а пришедший в сознание потерпевший, наблюдая момент противоправного изъятия телефона, этому не препятствовал и о том, что для него очевиден характер совершаемых действий, до сведения С.С.И. не доводил. Таким образом, обоснованно констатировав, что потерпевший в силу своего состояния не имел реальной возможности ни контролировать сохранность находящегося при нём телефона, ни объективировать факт обнаружения хищения и воспрепятствовать ему, что охватывалось умыслом С.С.И., суд квалифицировал действия последнего по части 1 статьи 158 УК РФ как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества[3].

На основе проведённого анализа представляется целесообразным выработать следующие ориентиры:

во-первых, считать ключевым элементом при квалификации не только факт физического присутствия потерпевшего, но и объективную возможность его восприятия противоправного поведения в момент совершения (видимость действий, освещённость, дистанция, отвлекающие факторы);

во-вторых, при оценке субъективной стороны руководствоваться признаками предвидения и сознательного допущения риска: подготовка, использование отвлекающих средств, быстрые манипуляции с предметом;

в-третьих, активно использовать «технические» доказательства (видеозапись, данные камер наблюдения, экспертные исследования позиции и траектории движения), чтобы минимизировать зависимость от противоречивых свидетельских показаний;

в-четвёртых, учитывать динамический характер действия: если начальный этап был тайным, но затем возникло применение силы, суд должен квалифицировать деяние по преобладающей воле виновного либо по совокупности преступных действий, с учётом временной логики и причинно-следственной связи;

в-пятых, рекомендовать законодателю рассмотреть возможность методического закрепления признаков «объективной видимости» и «приемлемой дистанции», как ориентиров при оценке наличия тайности;

в-шестых, развивать доктрину о «состоянии страха» потерпевшего как возможной причине отсутствия немедленной реакции, что должно приниматься во внимание при квалификации, чтобы не ошибочно приравнивать пассивность к факту знания.

Одиннадцатый блок — этика и права человека. Судебная практика должна быть осторожна, чтобы разграничение не приводило к ущемлению прав подозреваемых и к чрезмерной криминализации ситуаций, когда элемент насилия отсутствует и виновный не предполагал явного риска для потерпевшего. Вместе с тем подходы, которые чрезмерно либерализуют критерии тайности, способны снизить эффективность уголовного преследования реальных вредоносных посягательств. Баланс требует принципиального соблюдения пропорциональности, объективности и защиты прав всех участников процесса.

Наконец, двенадцатый пункт — перспективы научных исследований и рекомендаций для законодателя. Необходимо стимулировать эмпирические исследования, направленные на изучение типичных фактических ситуаций, при которых возникают разногласия в квалификации; кодифицировать на основе статистики и судебной практики типовые сценарии; разработать методические указания для следователей и судей; а также инициировать обсуждение потенциальных законодательных поправок, аккуратно вводящих критерии видимости и предвидения в диспозицию или комментарии к ст. 158 УК РФ и смежным нормам. Важным направлением является и усиление роли криминалистической экспертизы и технологий фиксации в правоприменении.

В заключение следует отметить, что сложность разграничения кражи и грабежа в ситуациях присутствия потерпевшего не является

следствием юридической неопределённости одной нормы; она отражает взаимодействие поведенческих, психологических, технических и социальных факторов, которые необходимо учитывать при квалификации. Научный и практический ответ на этот вызов должен быть многосоставным: совершенствование доктрины и методики, повышение качества доказательственной реконструкции, разработка гибких, но чётких критериев, а также законодательная и методическая адаптация к реальной картине современных преступлений. Такое сочетание теоретической ясности и практической ориентированности обеспечит более стабильную и справедливую правоприменительную практику.

Список литературы:

1. Материалы уголовного дела № 1-1-8/2022, архив Ульяновского районного суда Ульяновской области, 2022 г.
2. Материалы уголовного дела №1-475/2021, архив Засвияжского районного суда г.Ульяновска,2021 г.
3. Материалы уголовного дела №1-245/2021, архив Засвияжского районного суда г.Ульяновска,2021 г.
4. Уголовный процесс России (общая часть, досудебное производство). Практикум: учебное пособие для вузов / Н. Н. Ковтун [и др.]; под общей редакцией Н. Н. Ковтуна. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 665 с.
5. Власова С.В. Специфика обнаружения доказательств по делам об экономических преступлениях // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. - 2009. - № 1 (9). - С. 124-126. EDN: LANBJF
6. Наметкин Д.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как цель уголовного судопроизводства // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 12. - С. 513-516. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_12_513 EDN: FRUGQD

References:

1. Materials of the criminal case No. 1-1-8 / 2022, archive of the Ulyanovsk District Court of the Ulyanovsk region, 2022
2. Materials of the criminal case No.1-475/2021, archive of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2021
3. Materials of the criminal case No. 1-245/2021, archive of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2021
4. The criminal procedure of Russia (general part, pre-trial proceedings). Practicum: a textbook for universities / N. N. Kovtun [et al.]; under the general editorship of N. N. Kovtun. - Moscow : Yurait Publishing House, 2022. - 665 P.
5. Vlasova S.S. Specifics of paperwork in cases of economic crimes / / Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2009. – № 1 (9). - Pp. 124-126.
6. Nametkin D.C. Countering crime related to crime as a whole criminal procedure // Agrarian and land law. – 2025. – No. 12. - pp. 513-516.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_377

УДК 343.9

ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ПРОЦЕССЕ НАЗНАЧЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОРЯДКА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

THE LIMITS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE'S COMPETENCE IN THE PROCESS OF ASSIGNING, DETERMINING THE PROCEDURE, AND EXERCISING CONTROL OVER THE EXECUTION OF A CRIMINAL SENTENCE OF IMPRISONMENT

ГАЧАВА Мария Леонтьевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
600020, Россия, г. Владимир, ул. Горького д. 87,
E-mail: mdobrunina@mail.ru

КОВАЛЕВИЧ Иван Витальевич,
магистрант Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, , г. Владимир, ул. Горького,87.
E-mail: ivan.kovalevich.2002@mail.ru

GACHAVA Maria Leontyevna,
Chief of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, Assistant Professor of legal support of state and municipal management, Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: mdobrunina@mail.ru

KOVALEVICH Ivan Vitalievich,
master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: ivan.kovalevich.2002@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются проблемы, связанные со сложившимися на практике и закрепленными законом ограничениями компетенции суда первой инстанции в процессе назначения и осуществления контроля за исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы. Автором приводятся аргументы в пользу расширения пределов компетенции суда, предлагаются конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства.*

Abstract: *The article analyzes the problems associated with the limitations of the court of first instance's competence, which are established in practice and enshrined in law, in the process of imposing and monitoring the execution of criminal penalties in the form of imprisonment. The author provides arguments in favor of expanding the court's competence and suggests specific measures to improve the current legislation.*

Ключевые слова: *лишение свободы, суд первой инстанции, компетенция, судебное усмотрение, назначение, порядок исполнения наказания, судебный контроль за исполнением наказания.*

Keywords*: imprisonment, court of first instance, competence, judicial discretion, appointment, procedure for executing penalties, judicial control over the execution of penalties.*

Для цитирования: *Гачава М.Л., Ковалевич И.В. Пределы компетенции суда первой инстанции в процессе назначения, определения порядка и осуществления контроля за исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 377-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_377.*

For citation*: Gachava M.L., Kovalevich I.V. The limits of the court of first instance's competence in the process of assigning, determining the procedure, and exercising control over the execution of a criminal sentence of imprisonment // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 377-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_377.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Несмотря на глобальную мировую тенденцию гуманизации уголовного законодательства и постепенное сокращение количества осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, лишение свободы по-прежнему остается одним из наиболее часто применяемых судами видов уголовного наказания в России. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, во втором полугодии 2025 года лишение свободы на определенный срок было назначено 71 552 осужденным, что составляет 28,4% от их общего числа [4]. Более того, за 2025 год судами вынесено 100 приговоров к пожизненному лишению свободы, что является рекордным показателем с 2012 года. Анализ практики отдельно взятых судов общей юрисдикции во Владимирской области говорит о еще более внушительных цифрах. Так, за второе полугодие 2025 года Октябрьским районным судом города Владимира постановлено 58 обвинительных приговоров с назначением наказания в виде лишения свободы, что составляет 44% от числа рассмотренных уголовных дел за приведенный период. По сравнению с аналогичным периодом 2024 года доля наказания в виде лишения свободы выросла на 3%, что в целом говорит о стабильно высоком размере рассматриваемых показателей. Параллельно с этим доля условного осуждения сократилась с 48% до 36%.

На сегодняшний день процедура назначения судами наказания подробным образом урегулирована нормами уголовного материального

и процессуального права. Вместе с этим актуальным представляется вопрос о пределах компетенции суда и отдельно взятого судьи, осуществляющего правосудие в уголовном процессе.

Так, в соответствии с ч.3 ст.60 УК РФ, при назначении наказания учитываются характер, степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Вопрос учета и оценки перечисленных обстоятельств является предметом дискуссии среди научного сообщества и правоприменителей, так как речь идет о пределах судебного усмотрения и определенной доли дискреции в полномочиях председательствующего по конкретному делу. По этому поводу существует мнение о необходимости детальной стандартизации правовых позиций относительно учета тех или иных обстоятельств, с целью избежания неоправданной разницы в назначенных наказаниях по однородным делам [3, С. 140]. На наш взгляд, подобные предложения в контексте навязчивой идеи внедрения в судебную систему искусственного интеллекта могут привести лишь к еще большей инструктивности уголовного законодательства и, как следствие, к снижению значения судьи до роли уполномоченного регистратора, которого легко может заменить компьютер. По нашему мнению, пределы судебного усмотрения суда первой инстанции как наиболее близкого к всестороннему исследованию доказательств из первоисточников должны быть максимально расширены. Сегодня и без того усматривается проблема зависимости от судов вышестоящих инстанций в вопросе сложившейся практики оценки доказательств. Опасаясь за пресловутые показатели качества, формируемые из соотношения «устоявших» и отмененных/измененных судебных решений, судьи нижестоящих судебных инстанций зачастую слепо следуют сложившейся практике, не рискуя проявить профессиональное мужество и самостоятельность. Нередко это приводит к тому, что судья принимает решение не исходя из личного профессионального убеждения, подкрепленного законом и исследованными обстоятельствами дела, а руководствуясь позицией вышестоящих судов, которые формируют своего рода «тренд».

На наш взгляд, для решения обозначенной проблемы необходимо пересмотреть вопрос об оценке качества работы судьи первой инстанции. Так, многие решения отменяются не по объективным основаниям (вследствие допущенной ошибки квалификации и т.п.), а по причине сугубо оценочных и субъективных факторов. Например, вышестоящая инстанция может расценить наказание, назначенное по уголовному делу, как излишне мягкое или излишне суровое даже при условии, что оно назначено в пределах установленной санкции статьи и с учетом тех обстоятельств, оценка которых признана обязательной уголовным законом. В этом и заключаются пределы судебного усмотрения, основанного на профессиональном убеждении и чувстве социальной справедливости отдельно взятого судьи. Решения судов первой инстанции, отмененные/измененные по таким субъективным основаниям, не должны негативно влиять на показатели качества работы судей, что хотя бы в какой-то степени повысит их провозглашенную законом независимость.

Другим дискуссионным вопросом является роль суда в определении порядка исполнения наказания в виде лишения свободы. В соответствии со ст.58 УК РФ, суд определяет в приговоре не только вид и срок назначенного наказания, но также и тип исправительного учреждения в зависимости от категории тяжести совершенного преступления, наличия рецидива, данных о личности осужденного и иных факторов. Вместе с этим за пределами компетенции суда остается вопрос определения типа содержания осужденного в исправительном учреждении – одиночного или отрядного. Определение вида режима содержания осуществляется администрацией исправительного учреждения в соответствии с правилами внутреннего распорядка и с учетом поведения осужденного.

На наш взгляд, степень и характер пенитенциарного воздействия в зависимости от типа содержания настолько существенно различны, что разрешение данного вопроса едва ли целесообразно отдавать на откуп исправительному учреждению. Вид содержания должен быть отражен в приговоре суда наряду с типом исправительного учреждения, так как напрямую влияет на степень тяжести тех лишений, которые предполагает изоляция от общества. Вместе с этим администрации исправительного учреждения следует предоставить возможность обращаться в суд с ходатайством о замене типа содержания по аналогии с заменой назначенного судом наказания или вида исправительного учреждения.

Кроме того, представляется целесообразным расширение пределов судебного контроля за исполнением наказания в виде лишения свободы. Особенно остро данный вопрос выражен относительно процедуры применения к осужденным дисциплинарных взысканий и признания последних злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания (ст.116 УИК РФ). Принятие соответствующего решения составляет исключительную компетенцию исправительного учреждения, в связи с чем нередки случаи злоупотребления данным правом, включая явную несоразмерность взыскания совершенному нарушению, нарушение порядка наложения взыскания, применение взысканий по основаниям, не предусмотренным законом, и т.д. Действующее законодательство предусматривает возможность обжалования наложенных дисциплинарных взысканий, включая постановление о признании злостным нарушителем, посредством подачи жалобы в вышестоящий орган ФСИН России, прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях или в суд в порядке административного судопроизводства. Таким образом, проверка законности в данном случае носит исключительно заявительный характер. Вместе с тем, как показывает практика, в силу правовой безграмотности или оказанного давления со стороны администрации исправительного учреждения осужденные довольно редко пользуются предоставленным им правом. На наш взгляд, вопрос о признании осужденного злостным нарушителем представляет особую важность, так как в перспективе может повлиять на изменение условий содержания, вида исправительного учреждения или даже вида назначенного наказания. В связи с изложенным, суду должно быть предоставлено право осуществления контроля за законностью процедуры принятия соответствующего решения независимо от того, выражена ли формально воля осужденного на то или нет. В качестве правовой модели регулирования данного вопроса возможно использовать порядок уведомления органом предварительного расследования суда о проведенном следственном действии в порядке ч.5 ст.165 УПК РФ.

Очевидно, что предложенные решения затребуют дополнительного внимания и времени со стороны судей для оценки влияния того или иного типа содержания на достижение целей уголовного наказания в каждом конкретном случае, или же на проверку процедуры законности признания осужденного злостным нарушителем, что с учетом и без того запредельной нагрузки может создать новую проблему. Вместе с этим, на наш взгляд, сложившаяся тенденция повсеместной цифровизации если и может чем-то помочь консервативно настроенной судебной системе, так это высвобождением времени для решения нерутинизированных задач посредством автоматизации шаблонных процессов.

Таким образом, роль суда первой инстанции как наиболее близкого к всестороннему исследованию обстоятельств по делу в процессе назначения наказания в виде лишения свободы, определения порядка его исполнения, а также в процессе осуществления контроля за его исполнением, должна быть расширена за счет минимизации инструктивных законодательных ограничений и расширения пределов компетенции, а неизбежно возрастающая вследствие этого нагрузка на судей должна нивелироваться цифровой оптимизацией судебной системы.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. [Электронный ресурс] // СПС "Консультант-Плюс" URL: http://consultant.ru (дата обращения 01.02.2026).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. [Электронный ресурс] // СПС "Консультант Плюс" URL: http://consultant.ru (дата обращения 01.02.2026).
3. Горовой В.В. Проблемы назначения лишения свободы и пути их решения / В.В. Горовой, Д.С. Потехин // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. - 2021. - №10. - С. 139-141.;. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_10_139 EDN: KVIJVY
4. Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdep.ru (дата обращения 01.02.2026 г.).

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law. the law of 13.06.1996: adopted by the State Duma on May 24, 1996 [Electronic resource] // SPS "Consultant-Plus" URL: http://consultant.ru (accessed 02/01/2026);
2. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation: feder. Law No. 123-FZ of 18 December 2001: adopted by the State Duma on 22 November 2001 [Electronic resource] // SPS Consultant Plus URL: http://consultant.ru (accessed on 01 February 2026);
3. Gorovoy, V.V. Problems of Sentencing to Imprisonment and Ways to Solve Them / V.V. Gorovoy, D.S. Potekhin // Criminal Law and Criminology; Penal Law. – 2021. - No. 10. – Pp. 139-141.;
4. Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://www.cdep.ru (accessed on February 1, 2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_380

УДК 343.2/.7

МЕСТО ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
PLACE OF OTHER CRIMINAL MEASURES IN THE SYSTEM OF CRIMINAL IMPACT

ГОНЧАРОВА Алина Валерьевна,
ученый секретарь ученого совета Университет ФСИН России г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.
e-mail: goncharova.av@fsin.gov.ru
SPIN-код: 6036-9056

GONCHAROVA Alina V.,
Academic Secretary of the Academic Council
University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.
e-mail: goncharova.av@fsin.gov.ru
SPIN-код: 6036-9056

Краткая аннотация. *В статье анализируется место иных мер уголовно-правового характера в системе уголовно-правового воздействия и их связь с наказанием. Рассматриваются доктринальные подходы к составу системы (узкий, широкий), дискуссия о включении условного осуждения, УДО, отсрочки и медицинских мер. Подчеркивается неисчерпывающий характер перечня раздела VI УК РФ. Особое внимание уделено юридической природе лечения наркомании как меры реабилитации.*

Abstract. *The article analyzes the place of other criminal law measures in the system of criminal law influence and their relationship with punishment. It examines the doctrinal approaches to the composition of the system (narrow and broad), the discussion on the inclusion of conditional sentencing, early release, postponement, and medical measures. The article emphasizes the non-exhaustive nature of the list in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal nature of drug addiction treatment as a rehabilitation measure.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность; наказание; иные меры уголовно-правового характера; принудительные меры медицинского характера; воспитательные меры; условное осуждение; условно-досрочное освобождение; уголовно-правовое воздействие.*

Keywords: *criminal liability; punishment; other criminal measures; compulsory medical measures; educational measures; conditional conviction; parole; criminal legal influence.*

Для цитирования: *Гончарова А.В. Место иных мер уголовно-правового характера в системе уголовно-правового воздействия // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 380-382. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_380.*

For citation*: Goncharova A.V. The place of other measures of a criminal-legal nature in the system of criminal-legal sanctions // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 380-382. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_380.*

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

С момента возникновения человеческого общества возникло понятие преступление и соответственно преступник. Воздействие общества, а в последствии и государства, выражалась в применении мер уголовно-правового воздействия, на основании уголовного закона. С течением времени, реакция государства подвергалась изменениям вместе с развитием общества. Вопросы применения мер уголовного воздействия на лиц, приступивших закон, являлись постоянной темой дискуссий правоведов, по причине их каждодневной актуальности.

Основным способом восстановления социальной справедливости является применение к нарушителю наказания. Лицо, нарушившее уголовный закон, при условии соблюдения требований назначения, будет подвержено уголовному наказанию. Российский уголовный закон предусматривает систему назначения наказания. Вместе с наказанием к осужденному могут быть назначены дополнительные обязанности на момент отбывания наказания. Применение обязанностей ограниченно по времени, сроком отбывания наказания.

Современное российское уголовное законодательство закрепляет комплекс мер государственного принуждения, направленных на защиту личности, общества и государства от преступлений посредством норм уголовного права, как меры уголовно-правового характера. В этой системе ключевую, «стержневую» роль традиционно играют уголовные наказания, поскольку без назначения наказания в большинстве случаев не реализуются и иные меры воздействия.

В.В. Новиков, рассматривает меры уголовно-правового воздействия как ограниченный круг взаимосвязанных элементов, одни из которых играют ведущую, а другие – поддерживающую роль, объединённых общей целевой направленностью, закреплённой в нормах УК РФ [6]. В рамках его подхода наказание выступает центральным звеном этой системы, тогда как иные меры выполняют вспомогательную функцию, конкретизируя и усиливая реализацию целей, указанных в статье 43 УК РФ (исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений, формирование уважительного отношения к закону и др.).

По своей сущности иные меры уголовно-правового характера во многом сходны с наказанием: они применяются только к лицам, совершившим преступление, исходя из приговора суда, но при этом не всегда влекут состояние судимости и не обязательно указываются в санкциях статей Особенной части УК РФ. Тем самым они выступают формой реализации уголовной ответственности наряду с наказанием, но не отождествляются с ним.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации институт «иных мер уголовно-правового характера» формально представлен в специальном разделе VI, в котором перечислены три вида таких мер: конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера и

судебный штраф [1]. Вместе с тем законодатель, закрепив указанный перечень, не вводит легального определения иных мер, не раскрывает их место по отношению к наказанию и другим уголовно-правовым последствиям, что в научной литературе обоснованно оценивается как пробел системного характера [7].

При формальном подходе к определению иных мер к ним можно было бы отнести все меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законом и не являющиеся наказанием. Однако правовая наука выработала ряд конкурирующих моделей: «узкую» (ограниченную перечнем раздела VI УК РФ), «широкую» (включающую практически все посткриминальные меры) и «умеренную» («балансирующую»), предполагающую выделение самостоятельного, но ограниченного института иных мер уголовно-правового характера.

Согласно узкому, «кодексному» подходу, к иным мерам уголовно-правового характера относятся лишь три вида, прямо названные в разделе VI УК РФ: конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера и судебный штраф. Подобное понимание исчерпывает содержание рассматриваемого института рамками закона, но фактически не учитывает более широкий круг мер, обсуждаемых в доктрине как уголовно-правовые.

В «классическом» понимании перечень иных мер трактуется шире. Так, Д.Ю. Борченко относит к ним условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного и медицинского характера, а также конфискацию имущества [3]. Такой подход фактически исходит из того, что иные меры — это все специальные средства реализации уголовной ответственности, отличные от традиционного «реального» отбывания наказания.

Отсутствие единого нормативного определения предопределило развитие в доктрине подхода, согласно которому содержание института иных мер раскрывается через совокупность их признаков. А.Г. Антонов выделяет, в частности, следующие признаки: включённость в систему уголовно-правовых мер, принудительный характер воздействия, применение на основании УК РФ и за совершение преступления (либо общественно опасного деяния), а также наличие в качестве основания применения судебного решения [2].

Обобщая существующие научные позиции и выделенные в литературе признаки, иные меры уголовно-правового характера можно охарактеризовать следующим образом:

они предусмотрены УК РФ;

применяются только судом;

являются формой государственного принуждения и способом реализации уголовной ответственности;

выступают либо заменой уголовного наказания, либо сопровождают его исполнение;

обеспечены специальной ответственностью за уклонение от их исполнения.

Современные исследования обосновывают самостоятельность иных мер как особого правового института, обладающего собственной системой, отдельным предметом регулирования и специфическими целями, при сохранении функциональной связи с наказанием как центральной категорией уголовного права [5, 8]. Это позволяет рассматривать их не как «подвид» наказания, а как самостоятельный блок в механизме реализации уголовной ответственности.

Особое место в системе иных мер занимают принудительные меры медицинского характера, в том числе применяемые к лицам, страдающим наркоманией. Вопрос об их правовой природе и месте в системе уголовно-правовых средств тесно связан с задачами медицинской и социальной реабилитации осуждённых.

С одной стороны, такие меры имеют ярко выраженную превентивную и лечебную направленность, выходящую за рамки карательного воздействия: они ориентированы на устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления (психические расстройства, зависимость и т. п.), что позволяет рассматривать их как особый вид мер безопасности.

С другой стороны, они обладают всеми признаками мер уголовно-правового характера: назначаются судом, основываются на уголовном законе, применяются за совершение общественно опасного деяния и реализуются в рамках уголовно-правового механизма.

Назначение лечения от наркомании и связанной с ним медицинской и социальной реабилитации в сочетании с наказанием (например, при лишении свободы либо ограничении свободы) демонстрирует интеграцию карательных и реабилитационных элементов в едином комплексе уголовно-правового воздействия. Это усиливает индивидуализацию ответственности, позволяя учитывать не только деяние, но и личность виновного, его состояние здоровья и перспективы ресоциализации.

В ряде современных работ иные меры уголовно-правового характера прямо рассматриваются как особая форма реализации уголовной ответственности, отличная от классического наказания, но равнозначная ему по функции выражения отрицательной оценки со стороны государства. Такая трактовка подчёркивает, что уголовная ответственность не исчерпывается назначением и отбыванием наказания; она реализуется через более широкий комплекс последствий, включающих специальные ограничения, обязанности, меры медицинского и воспитательного воздействия, а также конфискацию имущества [4, 5].

В этом контексте условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания, меры воспитательного воздействия и меры, применяемые в случае нарушения осуждённым возложенных обязанностей, могут рассматриваться как элементы единой системы иных мер, обеспечивающих гибкость и многообразие уголовно-правовой реакции. Их назначение и реализация опираются на оценку поведения лица после совершения преступления, степени его исправления и социально-психологических характеристик, что усиливает компенсаторный и профилактический потенциал уголовного права.

С учётом рассмотренных концепций обоснованно говорить о том, что иные меры уголовно-правового характера следует понимать, как

относительно автономный, но тесно связанный с наказанием элемент механизма уголовно-правового воздействия.

Во-первых, проявляется их функциональная связь с наказанием: во множестве ситуаций иные меры назначаются лишь при наличии основного наказания. Так, при условном осуждении, при применении принудительных мер медицинского характера, соединённых с исполнением наказания, соответствующие меры не заменяют, а модифицируют и усиливают влияние основного наказания на осуждённого.

Во-вторых, в ряде случаев они приобретают замещающий характер: речь идёт, к примеру, об отсрочке отбывания наказания или определённых видах освобождения от наказания с возложением специальных обязанностей на лицо. В подобных конструкциях применение иных мер позволяет ограничить использование лишения свободы и иных наиболее жёстких карательных санкций, сохранив при этом необходимый уровень уголовно-правового воздействия.

Поощрительно-стимулирующая функция иных мер проявляется в том, что часть из них (прежде всего условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким его видом и т.п.) ориентирована не столько на карательное воздействие, сколько на поощрение правомерного поведения, осуждённого.

Благодаря этим свойствам иные меры обеспечивают баланс между карательным, предупредительным и восстановительным началами уголовной ответственности, что особенно важно в условиях курса на гуманизацию уголовной политики и расширение применения мер, не связанных с изоляцией от общества. Заключая проведённое исследование, следует констатировать, что иные меры уголовно-правового характера заняли в современной системе уголовно-правового воздействия самостоятельное, институционально оформленное место, сохраняя при этом тесную функциональную связь с наказанием как традиционной формой реализации уголовной ответственности. Они позволяют гибко реагировать на многообразие криминологических ситуаций, смещая акцент с исключительно карательного воздействия на сочетание профилактических, компенсаторных, реабилитационных и поощрительных элементов, что соответствует курсу на гуманизацию уголовной политики и снижение зависимости от лишения свободы.

В перспективе необходимы нормативное закрепление общего понятия иных мер, уточнение их системы и более чёткое разграничение с наказанием, мерами безопасности и посткриминальными последствиями, что позволит усилить их роль как эффективного инструмента уголовно-правового воздействия в условиях, меняющихся социально-правовых реалий.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: [в ред. от 29 дек. 2025 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации (pravo.gov.ru). - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 17.03.2026).

2. Антонов, А.Г. К вопросу о видах иных мер уголовно-правового характера / А.Г. Антонов //Уголовная юстиция. - 2023. - № 1. - С. 39-42. DOI: 10.17223/23088451/21/7 EDN: BFTTDG

3. Борченко, Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и поря-док применения: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Борченко Денис Юрьевич; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. - Тольятти, 2007. - 199 с. РГБ ОД, 61:07-12/1843. EDN: NOUSQX

4. Кудрявцев, А. В. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера в системе уголовного права / А.В. Кудрявцев. - Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 3. - URL: https://vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/52228/view (дата обращения: 16.03.2026).

5. Лаптев, А. А. Иные меры уголовно-правового характера как форма реализации уголовной ответственности / А.А. Лаптев // Вестник криминологии. - 2015. - № 4 (36).

6. Новиков, В.В. Современная система мер уголовно-правового воздействия и её структура / В.В. Новиков, И.А. Семенцова. - Текст: элек-тронный // Международный академический Вестник.- 2020. - № 2 (46). - С. 164-166. - URL: download/elibrary_42360295_44463784.pdf (дата обра-щения: 18.03.2026). EDN: DMHNQB

7. Сундуров, Ф.Р. Природа и признаки иных мер уголовно-правового характера / Ф.Р. Сундуров, А.Ю. Боковня. - Текст: электронный // Вест-ник экономики, права и социологии. - 2022. - № 1. - С. 108-111. - URL: https://www.vestnykeps.ru/0122/22.pdf (дата обращения: 18.03.2026). EDN: OFWWQV

8. Южанин, В. Е. Иные меры уголовно-правового характера как формы реализации уголовной ответственности / В.Е. Южанин, И.В. Пантюхи-на. - Текст: электронный // Вестник Югорского государственного юридического университета. - 2025. - № 2. Т. 21 - С. 123-135. - URL: https://vestnikugrasu.org/byusu/article/download/688523/214543 (дата обращения: 18.03.2026). DOI: 10.18822/byusu20250445-50 EDN: KOQFPA

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law. Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : adopted by the State Duma on May 24, 1996 : approved by the Federation Council on June 5, 1996 : [as amended. from 29 Dec. 2025] // The official Internet portal of legal information : state. Legal Information System (pravo.gov.ru). — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (accessed on 17.03.2026).

2. Antonov, A.G. On the Types of Other Criminal Measures / A.G. Antonov //Criminal Justice. – 2023. - No. 1. – Pp. 39-42.

3. Bortchenko, D.Yu. Confiscation of Property as a Criminal Law Measure: Concept, Nature, Social Purpose, and Application Procedure: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.08 / Bortchenko Denis Yurievich; [Place of Defense: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin]. - Tolyatti, 2007. - 199 p. RGD OD, 61:07-12/1843.

4. Kudryavtsev, A. V. The Legal Nature of Other Criminal Law Measures in the System of Criminal Law / A. V. Kudryavtsev. – Text: electronic // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 3. – Pp. 102-109. – URL: https://vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/52228/view (accessed: 16.03.2026).

5. Laptev, A. A. Other Criminal Law Measures as a Form of Criminal Responsibility / A. A. Laptev. – Text: electronic // Bulletin of Criminology. – 2015. – No. 4 (36). – Pp. 45-52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inye-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera-kak-forma-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti (accessed: 16.03.2026).

6. Novikov, V.V. The Modern System of Criminal Law Measures and Its Structure / V.V. Novikov, I.A. Semyontsova. – Text: electronic // International Academic Bulletin.- 2020. - No. 2 (46). - Pp. 164-166. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42360295_44463784.pdf (accessed: 18.03.2026).

7. Sundurov, F.R. The Nature and Features of Other Criminal Law Measures / F.R. Sundurov, A.Yu. Bokovnya. – Text: electronic // Bulletin of Economics, Law, and Sociology. - 2022. - No. 1. - Pp. 108-111. - URL: https://www.vestnykeps.ru/0122/22.pdf (accessed: 18.03.2026).

8. Yuzhanin, V. E. Other Criminal Law Measures as Forms of Criminal Responsibility / V. E. Yuzhanin, I. V. Pantyukhina. – Text: electronic // Bulletin of Yugra State Law University. – 2025. – No. 2. Vol. 21 – Pp. 123-135. – URL: https://vestnikugrasu.org/byusu/article/download/688523/214543 (accessed: 18.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_383

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБКАХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON EXPERT ERRORS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

НИКОЛАЕВА Татьяна Анатольевна
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права.
Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17 А.
E-mail: nta.pr@mail.ru

NIKOLAEVA Tatyana Anatolyevna
Candidate of law, associate professor, associate professor at the Department of criminal procedure Law.
«Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod).
603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: nta.pr@mail.ru

НОВИКОВА Светлана Васильевна
Старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород.
Россия, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д.3.
E-mail: n_swetlana@list.ru

NOVIKOVA Svetlana Vasilyevna
Senior Lecturer of the Department of Preliminary Investigation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, 3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: n_swetlana@list.ru

САЛАХЕТДИНОВА Диана Дмитриевна
Студент, Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17 А.
E-mail: dtr.di@bk.ru

SALAKHETDINOVA Diana Dmitrievna
student. «Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod).
603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: dtr.di@bk.ru

***Краткая аннотация**: настоящая статья посвящена проблемам, связанным с экспертными ошибками в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Подчеркивается, что ошибки, допущенные экспертами, могут приводить к серьёзным последствия, включая неправосудные приговоры. Анализируются причины возникновения экспертных ошибок, и предлагаются рекомендации по их устранению.*

***Abstract.** This article addresses issues related to expert errors in criminal proceedings in the Russian Federation. It emphasizes that errors made by experts can lead to serious consequences, including unjust verdicts. The causes of expert errors are analyzed and recommendations for their elimination are offered.*

***Ключевые слова:** эксперт, заключение эксперта, экспертные ошибки, уголовный процесс.*
***Key words:** expert, expert opinion, expert errors, criminal proceedings.*

***Для цитирования:** Николаева Т.А., Новикова С.В., Салахетдинова Д.Д. К вопросу об экспертных ошибках в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 383-386. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_383.*
***For citation**: Nikolaeva T.A., Novikova S.V., Salakhetdinova D.D. On the issue of expert errors in the criminal proceedings of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 383-386. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_383.*

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В рамках действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, заключение эксперта имеет одно из определяющих значений для выяснения тех обстоятельств, являющихся существенными для вынесения законного решения по конкретному уголовному делу. Так, комплексный и наукоемкий характер многих вопросов, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства, предопределяют потребность в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями, т. е. экспертов [1]. Экспертное заключение, базирующееся на проведенных исследованиях и представленных выводах, нередко становится предопределяющим доказательством, влияющим на исход дела.

Тем не менее, несмотря на указанную значимость экспертного заключения, нельзя утверждать, что оно обладает статусом неоспоримой истины. Как и любые другие виды доказательств, заключение эксперта подвержено риску возникновения ошибок, что безусловно может повлечь за собой вынесение неправосудных судебных решений, нарушение прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и, соответственно, снижение уровня доверия к самой судебной системе в целом.

Определение понятия «экспертной ошибки» носит дискуссионный характер в связи с отсутствием как легального определения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ), так и единства подхода к нему в юридической науке, обусловленного сложностью самого

явления и многообразием факторов, виляющих на результаты экспертных заключений.

Первоначально хотелось бы подчеркнуть, что экспертная ошибка не является следствием спонтанного или предопределённого явления (хотя этого невозможно исключить). При этом, в большинстве случаев, она обусловлена конкретными, выявляемыми причинами, что позволяет разрабатывать стратегии для ее предотвращения.

Одним из наиболее распространенных подходов к определению экспертной ошибки является заложенный в основу критерий «неверного вывода». Так, согласно ему, экспертная ошибка представляет собой результат ошибочного заключения, выводы которого не соответствует объективной реальности. Как утверждает Ю. К. Орлов, придерживающийся данного подхода, экспертная ошибка – это объективное несоответствие между выводами эксперта и фактическими обстоятельствами дела, независимо от причин такого несоответствия [2].

Напротив, другой подход базируется на анализе причин, обуславливающих наступление экспертной ошибки. Например, в своих исследования Е. Р. Россинская [3] рассматривает экспертную ошибку как результат некомпетентности эксперта или нарушения им процессуальных норм. На наш взгляд, данный подход является более детальным и позволяет тщательнее проанализировать природу экспертной ошибки и выявить соответствующие факторы риска, способствующие ее возникновению.

Таким образом, по нашему мнению, под экспертной ошибкой в уголовном судопроизводстве следует понимать несоответствие заключения эксперта объективной действительности, вызванное в результате недостаточной квалификации эксперта, использования некорректных методик, предвзятости или иных причин, повлекших искажение фактических обстоятельств дела, имеющих значение для принятия правильного решения по делу.

Важно учитывать, что имеют место быть те ситуации, когда эксперт в ходе исследования может добросовестно заблуждаться в своем выводе в виду различных причин таких как недостаточность либо же не качественность представленных материалов, ограниченность возможностей используемых методов исследований и т.д. В связи с этим, считаем целесообразным разграничить понятия «экспертная ошибка» и «экспертное заблуждение». В то время, как первое понятие характеризуется субъективным фактором, связанным с личностью самого эксперта и его деянием (действием или бездействием), второе – определяется наличием объективных факторов, не зависящих от его воли. На основании этого, экспертное заблуждение нельзя признать, как нарушение экспертом своих профессиональных обязанностей.

Безусловно, выявление причин, обуславливающих возникновение экспертных ошибок, играет ключевую роль в разработке действенных превентивных мер. Так, анализ причинно-следственных связей, лежащих в основе экспертных ошибок, позволяет идентифицировать факторы риска, т. е. те обстоятельства, которые статистически значимо увеличивают вероятность возникновения ошибки. Из чего следует, что обнаружение и систематический учет данных факторов риска будет являться необходимым условием для разработки целевых мероприятий, имеющих своим назначением устранение ошибок или же их существенную минимизацию.

К основным факторам риска, способствующим возникновению экспертных ошибок, относят: 1) недостаточную квалификацию экспертов, обусловленную отсутствием необходимого образования, опыта и навыков в соответствующей области знаний; 2) нарушение методики проведения экспертизы, включая несоблюдение установленных процедур, регламентов и стандартов, что может привести к систематическим отклонениям; 3) неправильную интерпретацию результатов экспертизы, связанную с субъективным восприятием и когнитивными искажениями.

Во-первых, недостаточная квалификация экспертов является наиболее распространенной и серьёзной проблемой, приводящей к возникновению экспертных ошибок в уголовном судопроизводстве. Так, по своей природе, недостаточная квалификация представляет собой отсутствие у эксперта тех знаний и умений, которые являются необходимыми для проведения конкретного вида экспертизы.

Примечательным является то, что, определяя в уголовном законе, кто такой эксперт, законодатель не раскрывает понятие «специальные знания», что и позволяет привлекать в качестве экспертов лиц, фактически не обладающих достаточной квалификацией, но обладающих допуском и занимающих соответствующую должность. В действительности, отсутствие четкого законодательного определения понятия «специальные знания» создает значительные риски для допустимости и достоверности экспертных заключений, используемых в доказывании по уголовным делам. Неопределенность критериев отбора экспертов открывает возможности для привлечения лиц, чья компетентность и квалификация не будет соответствовать требованиям, предъявляемым к проведению экспертных исследований.

В теории уголовного процесса под специальными знаниями понимается совокупность сведений, умений и навыков, приобретенных в результате профессиональной подготовки или опыта работы в определенной области науки, техники, искусства или ремесла, необходимых для решения вопросов, требующих выхода за рамки общеизвестных фактов и обыденного опыта [4, с. 99]. Однако, в отсутствие формализованных критериев оценки квалификации эксперта, решение о наличии у него необходимых специальных знаний остается на усмотрение должностного лица, поручившего ему исследование.

В обосновании этого, в своем исследовании адвокат Московской городской коллегии адвокатов Н. П. Ведищев приводит пример из своей практики, когда обвинительный приговор был изменен на оправдательный, в связи с отсутствием у эксперта (чье заключение в ходе судебно-медицинской экспертизы послужило решающим фактором для предъявления обвинения), необходимой квалификации и компетентности. Так, из материалов дела следовало, что лицо было признано виновным по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР в силу совершения следующего: «находясь в состоянии алкогольного опьянения, в процессе возникшей с потерпевшим Г. ссоры на почве личных неприязненных отношений он умышленно нанес удары руками и ногами в различные части тела потерпевшего, причинив ему субдуральную гематому височно-теменной области, относящуюся к тяжким телесным повреждениям, а также легкие телесные повреждения в виде ссадин и кровоподтеков на лице и подмышечной области справа, что привело к смерти потерпевшего». Подтверждением данного факта, явилось, как мы указали ранее, заключение судебно-медицинской экспертизы,

однако в надзорной жалобе автор данного исследования поставил под вопрос компетентность эксперта и, соответственно, утверждение Судебной коллегии по уголовным делам N-областного суда об отсутствии сомнений в обоснованности экспертизы, указав, что эксперт является хирургом ЦРБ, а не судмедэкспертом, способным установить данные обстоятельства. Надзорная инстанция с доводами Н. П. Ведищева согласилась, приговор был отменен и дело направлено на новое судебное рассмотрение, впоследствии которого по делу был вынесен оправдательный приговор [5, С. 21-22].

В качестве решения данной причины, считаем необходимым установить не только законодательное определение «специальных знаний», но и примерный перечень критериев отбора экспертов для привлечения их к исследованию по уголовным делам. Помимо этого, считаем разумным также внедрить систему обязательной аттестации экспертов не реже одного раза в 5 лет, как это предусмотрено, например, для экспертов, проверяющих сметную стоимость строительства по объектам, финансируемых с участием бюджетных средств [6].

Во-вторых, нарушение методики проведения экспертизы возникает, как правило, либо вследствие отступления от правил, приемов и последовательности тех действий, необходимых для проведения того или иного экспертного исследования, либо вовсе в связи с несовершенством методического обеспечения экспертных исследований, выражающегося в отсутствии четких стандартов, инструкций и других нормативных актов, регламентирующих порядок проведения экспертных исследований. Так, отступление от установленных процедур может реализовываться посредством неправильной подготовки объектов исследования, несоблюдения условий проведения исследования, например, нарушение установленных стандартов к температуре воздуха, влажности или освещения, несоблюдения последовательности действий и т.д.

В качестве примера можем привести довольно распространенное нарушение, заключающееся в отступлении от общепринятых методик при проведении экспертиз ДНК – прежде всего, это использование невалидированных, т. е. непригодных, реагентов или оборудования, что и приводит к экспертной ошибке об идентичности или причастности лица к совершенному преступлению [7, с. 507].

По нашему мнению, с целью минимизации нарушений методики проведения экспертиз необходимо совершенствовать нормативно-правовое регулирование экспертной деятельности, разрабатывать и внедрять новые методики, а также осуществлять контроль за соблюдением установленных требований к проведению экспертных исследований. Например, что касается судебно-медицинской экспертизы, как верно отмечала в своем исследовании Н. В. Сивогривова, уже давно назрела «острая необходимость разработки Отраслевого стандарта осуществления судебно-медицинской экспертной деятельности, либо стандартов (алгоритмов) проведения различного рода судебно-медицинских экспертиз, в т. ч. предусмотрев в них сроки выполнения экспертиз» [8, с. 5].

Безусловно научным и законодательным сообществом предприняты достаточные усилия по совершенствованию порядка проведения экспертных исследований, порядка их организации и производства [9]. Кроме того, с учетом изменения, развития в области науки, медицины и других специальных знаний в 2023 году Министерством здравоохранения Российской Федерации принят очередной Приказ «Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» [10], упраздняющий приказ от 12 мая 2010 №346н. Интересен тот факт, что срок действия нового приказа от 25 сентября 2023 г. №491н определен с 01.09.2024 по 01.09.2030 год, полагаем, что в дальнейшем изменения необходимы будут и в определяющих элементах, и качественных подходах исследования.

В-третьих, неправильная интерпретация результатов экспертизы проявляется из-за субъективного восприятия и когнитивного искажения эксперта. Подразумевается, что даже при проведении качественного исследования и получения объективных данных, эксперт может ошибочно интерпретировать данные из-за влияния субъективных факторов. К таким, в частности, относят: 1) искажение факторов под влиянием эффекта подтверждения («confirmation bias» [11, С. 1128]), при котором эксперт склонен отдавать предпочтение информации, которая подтверждает его предварительные убеждения или гипотезы, игнорируя или недооценивая противоречащие данные, что приводит к тому, что объективные результаты исследования «подгоняются» под заранее сформированное им мнение; 2) искажение вследствие эффекта якоря («anchoring bias» [12, с. 506–511]), при котором эксперт чрезмерно полагается на первую полученную информацию (именуемую в психологии как «якорь») при оценке последующих данных, даже если первая информация является нерелевантной или неточной; 3) искажение, вызванное эффектом доступности (availability heuristic), когда экспертом переоценивается значимость легкодоступной информации, даже если она не является наиболее уместной.

Решением данной проблемы является внедрение стандартизированных протоколов и методик, позволяющих снизить влияние субъективных факторов на процесс интерпретации результатов, использование «слепых» методов оценки, когда эксперт не знает контекста дела, предоставляется также возможным внедрение программ подготовки и повышения квалификации в том числе в области когнитивной психологии и т.д.

Таким образом, экспертные ошибки в уголовном судопроизводстве России представляют собой многоаспектное явление, требующее, в свою очередь, комплексного анализа и разработки мер по его минимизации. Так, как отмечается К. И. Бондаревым, экспертные ошибки могут возникать на различных этапах экспертного исследования, начиная от неправильной подготовки объектов исследования и заканчивая некорректной интерпретацией полученных результатов [13, с. 43]. Борьба с экспертными ошибками – это непрерывный процесс, обязывающий постоянное совершенствование нормативной базы, внедрение новых технологий и методик, а также повышения правовой культуры самих экспертов. Устранение экспертных ошибок является важным условием обеспечения законности, справедливости и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. - 24.12.2001. - N 52 (ч. I). - Ст. 4921.
2. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. - М.: Ин-т повышения квалификации Рос. федер. центра судеб. экспертизы, 2005. - 261 с. ISBN: 5-9900428-1-7 EDN: QWKLUZ

3. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. Р. Россинская, Е. Н. Дмитриев, И. Н. Подволоцкий [и др.] / под ред. Е. Р. Россинской. - М.: Проспект, 2018. - 544 с. ISBN: 978-5-392-26714-9 EDN: HDTCBC
4. Глазунова Е. В. Понятие специальных знаний в уголовном процессе // Молодой ученый. - 2023. - № 38 (485). - С. 97-100. EDN: IOCQMB
5. Ведищев Н.П. Экспертные ошибки процессуального характера по уголовным делам // Уголовный процесс. - 2013. - № 3. - С. 18-27. EDN: PXUHOF
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. - 03.01.2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 16.
7. Шабунина Е.А. Экспертные ошибки при днк-идентификации: виды, причины, значение // Технологии XXI века в юриспруденции: мат-лы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. - С. 506-511. EDN: FNVBCN
8. Сивогривова Н.В. К вопросу об организации контроля качества экспертных исследований // ПЭМ. - 2008. - № 30-2. - С. 54-7. EDN: OKCIUF
9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н "Об утверждении Порядка организации и производ-ства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации" // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077987/ (дата обращения 10.10.2025).
10. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н "Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы" // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=458641 (дата обращения 25.10.2025).
11. Tversky, A., Kahneman, D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Science / A. Tversky, D. Kahneman. - 1974. - № 185(4157). - С. 1124-1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
12. Халифаева О.А., Коленкова Н.Ю., Тюрина И.Ю. Когнитивная психология: учебно-методическое пособие. - Астрахань: Астраханский государствен-ный университет, Издательский дом "Астраханский университет, 2020. - 201 с.
13. Бондарев К. И. ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ // Академическая наука. - 2024. - № 4. - С. 40-48. EDN: CSEAEI

References:

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 21.04.2025) / / SZ RF. – 12/24/2001. - N 52 (part I). - Art. 4921.
2. Orlov Yu.K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. - M.: Institute of Advanced Training of the Russian Federation. the center of destinies. expertise, 2005. -261 p.
3. Forensic examination: typical errors / E. R. Rossinskaya, E. N. Dmitriev, I. N. Podvolotsky [and others] / edited by E. R. Rossinskaya. - M.: Prospekt, 2018. - 544 p.
4. Glazunova E. C. Understanding special knowledge in the criminal process / / A young scientist. – 2023. – № 38 (485). - Pp. 97-100.
5. Vedishchev N.P. Expert assessments of a procedural nature in criminal cases / / Criminal procedure. – 2013. – No. 3. - pp. 18-27.
6. Urban Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on December 29, 2025) / / SZ RF. – 03.01.2005. - No. 1 (part 1). - Art. 16.
7. Shabunina E.A. Expert errors in dna identification: types, causes, significance // Technologies of the XXI century in jurisprudence: proceedings of the third international scientific- practical conference. (Yekaterinburg, May 21, 2021) / ed. by D. S. Bakhteev. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2021. pp. 506-511.
8. Sivogrivova N.S. On the organization of quality control of expert research / / PEM. – 2008. – № 30-2. - pp. 54-7.
9. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 346n dated May 12, 2010 "On Approval of the Procedure for Organizing and conducting forensic medical examinations in State forensic expert institutions of the Russian Federation" / / URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077987 / (accessed 10.10.2025).
10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated September 25, 2023 No. 491n "On approval of the procedure for conducting a forensic medical examination " / / URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=458641 (accessed 10/25/2025)
11. Tversky, A., Kahneman, D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Science / A. Tversky, D. Kahneman. – 1974. – № 185(4157). - Pp. 1124-1131.
12. Khalifaeva O.A., Kolenkova N.Yu., Tyurina I.Yu. Cognitive psychology: an educational and methodical manual. Astrakhan: Astrakhan State University, Astrakhan University Publishing House, 2020. 201 p.
13. Bondarev K. E. EXPERT ERRORS / / Academic science. - 2024. – No. 4. - pp. 40-48.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_387

УДК 343.412

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА
OBSTRUCTION OF THE LEGITIMATE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A JOURNALIST

НИКЕРОВ Дмитрий Михайлович
доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальского государственного университета.
664003, Российская Федерация, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: 009501@bgu.ru
NIKEROV Dmitry Mikhailovich
Associate Professor of the Department of Legal Support for National Security,
Baikal State University.
11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation, Irkutsk region.
E-mail: 009501@bgu.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу уголовно-правовой нормы, предусматривающий ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. Исследуются правовая основа данной нормы, элементы состава преступления и проблемы правоприменения. На основе анализа судебной практики выявлена низкая эффективность исследуемого правого положения, обусловленная сложностями доказывания прямого умысла и соблюдения критерия законности деятельности журналиста. Рассмотрены пределы применения нормы в случаях нарушения журналистами прав граждан. Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis that establishes responsibility for obstructing the legitimate professional activities of journalists. The article examines the legal basis of the norm, the composition of the crime and the problems of law enforcement. Based on the analysis of judicial practice, the low effectiveness of the article was revealed due to the difficulties of proving direct intent and compliance with the criteria of legality of the journalist's activities. The limits of application of the norm in cases of violation of citizens' rights by journalists are considered. Proposals for improving law enforcement practice are formulated.*

Ключевые слова: *статья 144 УК РФ, воспрепятствование деятельности журналистов, свобода массовой информации, законная профессиональная деятельность, прямой умысел, правоприменительная практика.*

Keywords: *Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation, obstruction of the activities of journalists, freedom of the media, legitimate professional activity, direct intent, law enforcement practice.*

Для цитирования: *Никеров Д.М. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 387-390. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_387.*

For citation*: Nikerov D.M. Obstruction of the lawful professional activity of a journalist // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 387-390. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_387.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

«В последние несколько лет мы наблюдаем резкий рост числа правовых ограничений, касающихся распространения массовой информации» [6]. Одной из ключевых гарантий реализации положений о свободе массовой информации, закрепленных в статье 29 Конституции Российской Федерации, выступает их уголовно-правовая защита. Статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. Данная норма призвана обеспечивать беспрепятственное получение и распространение информации, что имеет первостепенное значение для формирования информированного гражданского общества и осуществления общественного контроля.

Основным объектом преступления, предусмотренного статьей 144 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок осуществления журналистом своей законной профессиональной деятельности. То есть одним из критериев применения данной статьи выступает законность осуществляемой журналистом деятельности, что предполагает ее соответствие требованиям действующего законодательства, включая соблюдение прав и законных интересов граждан. Объективная сторона преступления выражается в активных действиях, к которым относятся: принуждение журналиста к распространению либо отказу от распространения информации; незаконное изъятие, уничтожение или повреждение материалов и технических средств, предназначенных для сбора и фиксации информации; применение насилия или угроза его применения к журналисту или его близким. Состав преступления является формальным и считается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо должно осознавать, что препятствует именно законной профессиональной деятельности журналиста, и желать наступления соответствующих последствий. Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Правовое регулирование профессиональной деятельности журналистов осуществляется в соответствии с Законом РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Таким образом, под воспрепятствованием законной профессиональной деятельности понимается противоправное умышленное создание препятствий в реализации журналистом его профессиональных полномочий, предусмотренных статьей 47 Закона о СМИ.

Выше перечислены общие положения, но «каждое преступление, как известно, единично и неповторимо» [2]. В связи с чем представляется важным обратиться к судебной практике, анализ которой свидетельствует о низкой эффективности применения статьи 144 УК РФ. Так, статистические данные показывают незначительное количество возбужденных уголовных дел и вынесенных обвинительных приговоров по данной статье. Например, по данным Второго кассационного суда общей юрисдикции, с 2022 года по статье 144 УК РФ было осуждено менее 20 человек по всей России [3].

Основными проблемами правоприменения являются сложности в доказывании субъективной стороны состава преступления. Для квалификации действий по статье 144 УК РФ необходимо установить наличие прямого умысла, направленного именно на воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста. На практике правоохранительные органы часто сталкиваются с трудностями при разграничении умысла на воспрепятствование профессиональной деятельности и мотивов, связанных с реакцией на неправомерные действия самих журналистов.

Значительное число инцидентов, первоначально квалифицируемых по статье 144 УК РФ, в дальнейшем переквалифицируется на другие составы преступлений. Часто применяются статьи 116 УК РФ (побои), 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества) и 213 УК РФ (хулиганство). Такая практика обусловлена простой процедурой доказывания указанных составов преступлений и наличием устоявшейся судебной практики по ним.

Правоприменительная практика демонстрирует, что статья 144 УК РФ используется преимущественно в случаях, когда противоправные действия совершаются в отношении журналистов известных федеральных средств массовой информации или когда инцидент получает значительный общественный резонанс. В остальных случаях правоохранительные органы предпочитают применять более легкие в доказывании составы преступлений. Однако «правовые гарантии свободы слова и свободы информации должны быть соотнесены с требованиями государственной и общественной безопасности, уважением прав и свобод человека и гражданина» [7].

Таким образом, несмотря на наличие специальной нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, ее практическое применение остается ограниченным. Это обусловлено как сложностями процессуального характера, связанными с доказыванием субъективной стороны преступления, так и отсутствием единообразной практики применения данной нормы в Российской Федерации.

Анализ уголовного дела в отношении квартирных рейдеров Артура Ануфриева и Дмитрия Булыгина показывает характерные особенности применения статьи 144 УК РФ как сложного состава преступления.

Гагаринский районный суд г. Москвы признал подсудимых виновными по части 3 статьи 144 УК РФ (воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, соединенное с насилием над журналистами), части 1 статьи 167 УК РФ (умышленное уничтожение и повреждение имущества) и части 1 статьи 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки). Установленные судом обстоятельства дела свидетельствуют о систематическом противоправном поведении обвиняемых, которое продолжалось в течение нескольких лет, а именно с 2016 по 2021 год. Преступные действия включали создание невыносимых условий проживания для собственницы доли в квартире по Ломоносовскому проспекту, психологическое давление под угрозой применения насилия, повреждение имущества и подселение лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, с целью принуждения к совершению сделки купли-продажи на заведомо невыгодных условиях. Материальный ущерб, причиненный преступными действиями, составил 488 тысяч рублей.

Квалификация действий данных лиц по части 3 статьи 144 УК РФ обусловлена воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналистов ВГТРК ГТГ «Телеканал Россия», которые прибыли для подготовки репортажа о преступной деятельности рейдеров. «Суд установил, что 3 июня 2021 г. обвиняемые совершили умышленные действия, направленные на принуждение журналистов к отказу от распространения информации, применив в отношении них насилие» [3]. При назначении наказания суд учел характер и степень общественной опасности преступления, личность виновных и обстоятельства дела, назначив каждому из подсудимых 4 года 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Данное дело демонстрирует применение статьи 144 УК РФ в ее квалифицированном составе, когда воспрепятствование профессиональной деятельности журналистов сопровождалось применением насилия, что соответствует признакам части 3 данной статьи. Судебное решение также показывает комплексный подход к квалификации преступной деятельности, объединяющей различные составы преступлений.

Анализ судебного дела по кассационной жалобе осужденного В. В. Домашова демонстрирует устойчивую правоприменительную практику по квалификации действий, связанных с физическим противодействием работе журналистов, по части 3 статьи 144 УК РФ. Второй кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая жалобу на приговор Лефортовского районного суда Москвы от 11 сентября 2023 года и апелляционное определение Московского городского суда от 29 февраля 2024 года, подтвердил правомерность квалификации действий охранника Домашова как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста с применением насилия.

Установленные судами обстоятельства свидетельствуют, что потерпевший в составе съемочной группы ВГТРК прибыл в здание АО «Астамер» для выполнения редакционного задания, журналист открыто сообщил о профессиональной принадлежности, а съемочная группа имела профессиональное оборудование с соответствующими логотипами, что объективно подтверждало законный характер их деятельности. Как отмечается, «действия Домашова, выразившиеся в требовании покинуть помещение и прекратить съемку» [4], а затем в физическом выталкивании журналиста за пределы помещения с последующим закрытием двери для предотвращения возвращения съемочной группы, были верно квалифицированы судами как умышленное воспрепятствование профессиональной деятельности.

Особенностью данного дела стало подтверждение кассационным судом правовой позиции о том, что отсутствие телесных повреждений

у потерпевшего не влияет на квалификацию действий по части 3 статьи 144 УК РФ, поскольку для применения данной нормы достаточно самого факта применения насилия, независимо от его последствий [1]. Отклонение доводов защиты о необходимости переквалификации действий на часть 1 статьи 144 УК РФ свидетельствует о последовательном подходе судов к квалификации любого физического воздействия на журналиста при осуществлении им профессиональной деятельности как признака применения насилия по смыслу части 3 статьи 144 УК РФ.

Суд первой инстанции назначил Домашову наказание в виде 2 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, частично удовлетворив гражданский иск о компенсации морального вреда, что было оставлено без изменения апелляционной и кассационной инстанциями.

Данное судебное решение указывает на то, что законная профессиональная деятельность журналистов пользуется особой уголовно-правовой защитой, а физическое противодействие такой деятельности влечет квалификацию по квалифицированному составу преступления, даже при отсутствии реальных телесных повреждений у потерпевшего [7].

Анализ судебного дела, связанного с оспариванием конституционности статьи 144 УК РФ, демонстрирует принципиально важные аспекты применения данной нормы. Заявитель, осужденный по статье 144 УК РФ, обращался в Конституционный суд Российской Федерации с жалобой, в которой утверждал, что оспариваемая норма допускает признание лица виновным без должной оценки законности профессиональной деятельности журналистов и без учета возможного нарушения личных неимущественных прав граждан.

В основе дела лежали обстоятельства, при которых съемочная группа прибыла в квартиру заявителя по приглашению одной из проживающих там женщин для съемки репортажа о конфликте между собственниками. «Противодействуя съемке, заявитель применил к журналистам насилие и пытался изъять видеокамеру, что привело к прекращению съемки и уходу журналистов» [5]. Конституционный суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, указав в определении от 30 сентября 2025 г. № 2603-О, что суды общей юрисдикции при рассмотрении дел по статье 144 УК РФ обязаны оценивать правомерность действий всех участников конфликта, включая возможное злоупотребление правом со стороны журналистов.

Суд отметил, что нахождение журналистов в жилище с согласия одного из жильцов и сбор информации, не относящейся к частной жизни, сами по себе не могут считаться незаконными. Конституционный суд подчеркнул, что статья 144 УК РФ предусматривает ответственность только при доказанности прямого умысла виновного, который включает осознание того, что насилие применяется именно к журналисту, и желание воспрепятствовать его законной профессиональной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает описанная в журнале «Уголовный процесс» ситуация с журналисткой Б., которая, осуществляя съемку в ходе действий приставов, сорвала исполнение судебного решения. «В данном случае возбуждение уголовного дела по части 3 статьи 144 УК РФ в отношении гражданина У., выбившего микрофон из рук журналистки, вызывает серьезные сомнения в обоснованности квалификации» [5]. Как справедливо отмечает Ф. А. Куприянов, в условиях проведения исполнительных действий журналисты обязаны соблюдать установленный порядок доступа к информации, регламентированный приказом ФССП России.

Производство съемки без разрешения службы судебных приставов в такой ситуации является незаконным, а действия гражданина, направленные на устранение препятствий к исполнению судебного решения, хотя и противоправные, не образуют состава преступления по статье 144 УК РФ, поскольку отсутствует прямой умысел на воспрепятствование именно законной профессиональной деятельности. Данные показывают, что применение статьи 144 УК РФ требует тщательной оценки как законности действий журналистов, так и наличия специального умысла у обвиняемого, что на практике не всегда учитывается правоприменителями.

Главным ограничителем применимости статьи 144 УК РФ и одной из причин ее редкого применения на практике является условие о «законности» профессиональной деятельности журналиста. Статья неприменима в ситуациях, когда сами журналисты выходят за рамки полномочий, нарушая права и законные интересы других лиц [2].

Таким образом, грань применения статьи проходит ровно там, где заканчиваются законные права журналиста и начинаются охраняемые законом права человека: на неприкосновенность частной жизни, на неприкосновенность жилища, на защиту чести и достоинства. «Если журналист осуществляет скрытую съемку в частном помещении, вторгается в личное пространство без согласия человека или распространяет клевету, его деятельность перестает быть законной» [4]. В таких случаях ответные действия граждан, направленные на пресечение нарушений, не могут квалифицироваться по статье 144 УК РФ, поскольку объектом охраны здесь выступают уже не публичные интересы, а частные права, нарушаемые самим журналистом.

В целях совершенствования правоприменительной практики и повышения эффективности статьи 144 УК РФ представляется необходимым внести в нее изменения, направленные на снижение дискретности в квалификации и усиление гарантий для всех участников правоотношений.

Во-первых, требуется дать в примечании к статье или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ четкое и развернутое определение понятия «законная профессиональная деятельность журналиста», прямо указав на недопустимость злоупотребления статусом и конкретизировав действия, которые таковой не являются (например, вмешательство в работу правоохранительных органов, съемка в частных зонах без разрешения) [6].

Во-вторых, законодателю необходимо дать разъяснения обязательности установления и оценки правомерности поведения самого журналиста в каждом конкретном случае возбуждения уголовного дела по статье 144 УК РФ. Это позволит отсекать случаи явного провокационного поведения и злоупотребления правом.

В-третьих, следует разработать и внедрить четкие методические рекомендации для следственных органов по доказыванию прямого умысла, связанного именно с профессиональной деятельностью потерпевшего, что снизит риски необоснованного отказа в возбуждении дел при реальных посягательствах на свободу СМИ. «Только такой сбалансированный подход, учитывающий как необходимость защиты журналистов, так и недопустимость ущемления прав иных лиц, сможет сделать статью 144 УК РФ по-настоящему «рабочим» и справедливым инструментом пра-

вового регулирования» [5].

Проведенный анализ позволяет говорить о противоречивости статьи 144 УК РФ. Формально являясь ключевой гарантией свободы СМИ, на практике норма остается малоэффективной. Основная проблема – сложность доказывания прямого умысла, направленного именно на воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста, что приводит к массовой переквалификации на иные составы (побои, повреждение имущества). Реальное применение статьи ограничено условием «законности» деятельности журналиста. Норма не может быть применена, когда журналисты сами нарушают права граждан (неприкосновенность частной жизни, жилища) или препятствуют работе государственных органов.

Подводя итог, заключим, что статья 144 УК РФ носит преимущественно декларативный характер. Ее эффективность достигается лишь в единичных резонансных случаях. Решение данной проблемы может быть достигнуто с помощью четких разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о критериях законности деятельности журналистов и порядке доказывания умысла.

Список литературы:

1. Каримова Ю. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): отграничение рассматрива-емого состава от смежных составов преступлений / Ю. В. Каримова Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2024. - с. 157-169. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-4/157-169 EDN: RBMMFW

2. Корнакова С. В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий / С. В. Корнакова, Е. В. Завгороднева. // Всероссийский криминологический журнал. - 2021. -Т. 15. - № 4. - С. 495-501. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).495-501 EDN: UIUOVO

3. Второй кассационный суд общей юрисдикции: официальный сайт. - URL: https://2kas.sudrf.ru (дата обращения: 26.11.2025).

4. Прокуратура города Москва: официальный сайт. - URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 26.11.2025).

5. Гагаринский районный суд: официальный сайт. - URL: https://mos-gorsud.ru (дата обращения: 24.11.2025).

6. Рачков М. П. К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации / М. П. Рачков // Вопросы теории и практики журналистики. - 2015. - Т. 4. - № 2. - С. 127-138. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).127-138 EDN: TOMAEZ

7. Родивилин И. П. Информация как объект уголовноправовой охраны: понятие, признаки, виды / И. П. Родивилин. // Всероссийский кримино-логический журнал. - 2024. - Т. 18. - № 3. - С. 278-285. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).278-285 EDN: TVTCKC

References:

1. Karimova Yu. V. Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): delimitation of the considered composition from related crimes / Yu. V. Karimova // Pacific Rim: Economics, Politics, Law. – 2024. – Vol. 26. – No. 4. Pp. 157–169.

2. Kornakova S. V. Corpus delicti and the subject of proof: to the discussion of the relationship between the concepts / S. V. Kornakova, E. V. Zavgorodneva // Russian Journal of Criminology. – 2021. – Vol. 15 – No. 4. – Pp. 495–501.

3. Second Cassation Court of General Jurisdiction: official website. – URL: https://2kas.sudrf.ru/ (accessed: 26.11.2025).

4. Moscow Prosecutor's Office: official website. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ (accessed: 26.11.12025).

5. Gagarinsky District Court of Moscow: official website. – URL: https://mos-gorsud.ru/ (accessed: 24.11.2025).

6. Rachkov M. P. To the question of legal restrictions on the freedom of Russian media / M. P. Rachkov // Theoretical and Practical Issues of Journalism. – 2015. – Vol. 4 – No. 2. Pp. 127–138.

7. Rodivilin I. P. Information as an Object of Criminal Law Protection: Concept, Features, Types / I. P. Rodivilin I. P. // Russian Journal of Criminology. – 2024. – Vol. 18. – No. 3. Pp. 278–285.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_391

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ON THE RELATIONSHIP OF THE MAIN DIRECTIONS OF THE HOSPITAL THE IMPACT ON THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., 1, Moscow, 125130.
e-mail: yutish@list.ru
ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru;
SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена изучению комплексного подхода в организации и обеспечении воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Данный подход обусловливает определение целей и задач оказания воспитательного воздействия на осужденных, соответствие средств и методов целям воспитания, комплексное применение основных форм, методов и средств воздействия, организацию формального и неформального общения осужденных, планирование воспитательной работы, а также привлечение к непосредственной воспитательной работе сотрудников всех служб исправительного учреждения. В статье обосновывается мнение авторов о том, что основные направления оказания воспитательного воздействия на осужденных взаимосвязаны и взаимообусловлены. Политическое воспитание составляет основу всех направлений процесса воспитательного воздействия, придает педагогическому процессу определенную идейную и политическую направленность, что предполагает формирование общественной активности личности. При этом нравственное воспитание осужденных пронизывает все направления воспитательного процесса и выступает как часть политического, правового, эстетического и физического воспитания, целью которого является формирование этических свойств и качеств личности.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of an integrated approach in the organization and provision of educational work with convicts serving sentences in the form of imprisonment. This approach determines the definition of the goals and objectives of providing educational influence on convicts, the conformity of means and methods with the goals of education, the comprehensive application of basic forms, methods and means of influence, the organization of formal and informal communication of convicts, the planning of educational work, as well as the involvement in direct educational work of employees of all services of correctional institutions. The article substantiates the authors' opinion that the main directions of providing educational influence on convicts are interrelated and interdependent. Political education forms the basis of all areas of the educational impact process, gives the pedagogical process a certain ideological and political orientation, which presupposes the formation of social activity of the individual. At the same time, the moral education of convicts permeates all areas of the educational process and acts as part of political, legal, aesthetic and physical education, the purpose of which is the formation of ethical qualities and personality traits.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденный, воспитательная работа, политика, мораль, нравственность, труд, исправление.*
***Key words:** penal enforcement system, correctional institutions, convict, educational work, politics, morality, morality, labor, correction.*

***Для цитирования:** Тищенко Ю.Ю., Шерхов Р.Р. О взаимосвязи основных направлений воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 391-393. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_391.*
***For citation**: Tishchenko Yu.Yu., Sherkhov R.R. On the interrelation of the main directions of educational influence on those sentenced to imprisonment // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 391-393. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_391.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Комплексный подход в оказании воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы понятие достаточно широкое, охватывающее весь воспитательный процесс, все его элементы в их взаимообусловленности и взаимосвязи. Сама идея комплексного подхода связана с целостным развитием личности, то есть с пониманием личности как динамически развивающейся системы.

Применительно к личности осужденного, комплексный подход предполагает необходимость развития и изменения ее интеллектуальной, нравственной, эмоционально-волевой, физической сторон, что реализуется в нравственном, правовом, эстетическом и физическом воспитании. Указанные направления воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, составляют содержание комплексного подхода, а его элементы находятся в сложной взаимосвязи и взаимообусловленной зависимости друг от друга. При этом следует также поддержать мнение Г.А. Майстренко, который обоснованно указывает, что комплексный подход должен включать в себя обучение педагогов применению новых методов и средств воспитания и реабилитации осужденных, а также увеличение финансирования учреждений исполнения наказания и создание условий для организации спортивных мероприятий и творческих групп [5, с. 343].

Отметим, что политическое воспитание осужденных составляет основу мировоззрения их личности, поскольку оно тесно связано с их

нравственным развитием. Отношение осужденных к экономическим и политическим преобразованиям, происходящим в нашей стране, их отношение к родине, к событиям, протекающим в мировом сообществе, является основой для формирования таких нравственных качеств как патриотизм и коллективная солидарность. При этом формирование чувств дисциплинированности, морального долга и ответственности перед обществом, перед семьей и подрастающим поколением, является признаком гражданской зрелости, идейного и политического развития. Причем данные качества личности формируются в процессе ее жизнедеятельности, прежде всего в трудовых коллективах, поэтому отношение к целям труда, его организации и результатам, определяет содержание, не только трудового, но и нравственного воспитания.

Рассматривая политическое воспитание осужденных, следует обратить внимание на то, что оно составляет основу воспитательной работы сотрудников исправительных учреждений (далее – ИУ) и определяет главные задачи идеологической деятельности на современном этапе. Задача воспитания осужденных в данной сфере состоит в необходимости расширения их кругозора и получения знаний, формирования у них правильных убеждений и реализации их на практике. Основными формами политического воспитания осужденных являются, просмотр новостных передач, изучение периодических печатных изданий, лекции и доклады сотрудников и работников ИУ, а также представителей общественных и иных организаций.

Показателями успешного формирования политического сознания осужденного является степень его общественной активности, которая складывается в процессе его участия в трудовой, образовательной, культурной, творческой деятельности ИУ. При этом данный вид воспитательного воздействия составляет идеологическую основу всех направлений исправления осужденного и придает воспитательному процессу определенную направленность, которая предполагает формирование общественной активности личности, выступающей в качестве показателя ее внутренней убежденности. При этом следует также учесть мнение О.Б. Пановой, которая справедливо отмечает, что эффективность воспитательного процесса во многом зависит от осведомленности сотрудников УИС об уровне личностного развития подопечного и его планов на будущее [7, с. 37].

Говоря о нравственном воспитании, следует отметить, что оно занимает центральное место в процессе исправления осужденных. Его целью выступают формирование у осужденных моральных убеждений, развитие нравственных качеств, выработка общественно одобряемых навыков и привычек поведения.

Осужденный за совершение преступления с точки зрения педагогики и психологии представляет собой аморальную личность. Достаточно часто осужденным присущи ориентиры на криминальную субкультуру, тюремные традиции, которые по своей сущности также являются аморальными. Как правило, указанные ориентиры обусловливают и формирование извращенных нравственных представлений. При этом, человек совершающий преступление, нарушает не только нормы права, но и нормы морали и нравственности. Полагаем, что возвращение осужденных к нормальному образу жизни связано, прежде всего, с его нравственной трансформацией либо с нравственным становлением. Однако данный процесс очень сложен и связан с преодолением противоречий между необходимостью следовать требованиям морали и теми побуждениями и желаниями, которые мешают такому следованию.

Обратим внимание, что нравственное воспитание осужденного включает в себя моральное образование, формирование убеждений и привычек, перерастающих в черты характера и проявляющихся в нравственном поведении личности и ее отношении к основным социальным ценностям. Исходя из этого, нравственное воспитание осужденного, как и любое другое, допустим, правовое или эстетическое, призвано решать следующие задачи: дать представление осужденному о нормах морали, действующих в обществе; добиться осознания этих норм и сделать их убеждениями личности; практически реализовать эти знания и убеждения превратив их в навык или в привычку поведения, то есть сформировать нравственную систему отношений личности. Исследователи справедливо отмечают, что формирование негативного отношения осужденного к совершенному им преступлению, выработка позитивных волевых и высоких нравственных качеств, развитие интеллектуальных навыков, способствуют выработке у осужденного модели правопослушного поведения [4, с. 71].

Отметим, что моральное образование включает в себя изучение принципов, правил и норм нравственного поведения, идеалов, традиций и обычаев, справедливого и несправедливого отношения, которые являются некоторыми направлениями нравственного воспитания. Однако мы полагаем, что нельзя ограничиваться только нравственным образованием в процессе воспитательного воздействия на осужденных, поскольку они чаще всего нарушают нормы морали не потому, что они их не знают. Начальники отрядов осужденных свидетельствуют о том, что большинство осужденных правильно осведомлены о моральных требованиях и нравственных нормах. Они полагают, что знания еще не приводят осужденных к правильному поведению и не формируют в полном объеме позитивного отношения к основным социальным ценностям, поскольку они воспринимаются осужденными через призму уже сложившихся безнравственных чувств и привычек поведения.

Переходя к рассмотрению процесса формирования нравственных убеждений, отметим, что этот процесс наиболее сложный и длительный, представляющий собой одно из важнейших звеньев нравственного воспитания, который предполагает превращение индивида из объекта в субъект воспитания. То есть для осужденного требования морали из внешней силы, побуждающей его действовать должным образом, становятся внутренним стимулом его поведения.

Как отмечают практические сотрудники ИУ, занимающиеся воспитательной работой с осужденными, знание содержания нравственных норм и убеждение в необходимости им следовать автоматически не порождает нравственного поведения. Необходимо еще выработать привычки правильного поведения. А для этого осужденный должен перестроить систему своего поведения, сформировать для себя новый динамический стереотип, что достаточно трудно для взрослого человека.

Воспитание нравственного поведения осужденного представляет собой повседневный и длительный процесс, который включает в себя организацию жизни осужденного, его труда и отдыха, получения образования и профессии, а также постоянного общения. По мнению исследователей, установление контакта с другими осужденными мотивируется желанием познать уклад жизни в колонии, среду осужденных, требования,

предъявляемые как осужденными, так и администрацией [2, с. 87]. При этом индивидуальные беседы на нравственные темы, лекции, доклады, деловые игры, нравственное просвещение в школе, личный пример сотрудников ИУ, а также пример положительно характеризующихся осужденных, все это необходимые, но иногда недостаточные условия для нравственного перестроения личности. Практики отмечают, что без постоянных упражнений самих осужденных в нравственных поступках невозможно полностью решить проблему их исправления. Для значительной части осужденных тренировка в нравственных поступках может начаться с взаимного контроля и взаимопомощи в трудовом процессе, с добровольного возмещения ущерба потерпевшим от совершенного ими преступления, с активного участия в общественной жизни коллектива осужденных.

Обратим внимание, что, несмотря на ограничение в правах и недоверие общества к осужденному, выраженное фактом лишения свободы, он не перестает быть членом нашего общества. Поэтому нормы морали, которыми он должен руководствоваться в период отбывания наказания, не могут быть отличными от тех, которые составляют основу современного общества.

При организации процесса воспитательного воздействия на осужденных нормы морали и нравственности конкретизируются в определенных правилах поведения осужденных, отражаются в их правах и обязанностях, закрепленных в нормах уголовно-исполнительного права.

Таким образом, нравственное воспитание осужденных пронизывает многие направления воспитательного воздействия на них. Полагаем, что нравственное воспитание должно рассматриваться, как минимум, в двух аспектах, как формирование этических свойств и качеств личности, и как составная часть политического, правового, трудового, эстетического и физического воспитания, придающая этим направлениям этическую окраску.

Список литературы:

1. Бахтин А.А. О формах воспитательной работы с осужденными по действующему уголовно-исправительному законодательству России. Вестник Са-марской гуманитарной академии. 2009. № 1. С. 68-72. EDN: NUABZZ
2. Ефименко А.А., Гусева Е.В. Особенности воспитательного воздействия на осужденных, впервые отбывающих наказания в исправительных колониях общего режима. Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3. С. 85-91. DOI: 10.37523/SUI.2023.54.3.014 EDN: KKOKCE
3. Зюбанова Т.Н. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных в специфических условиях отбывания наказания в исправительных учреждениях. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С.19-22. EDN: PAMYAN
4. Кутякин С.А., Курбатова Г.В. Комплексный подход к пониманию индивидуальной работы с осужденными. Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 69-73. EDN: XQZVRR
5. Майстренко Г.А. Особенности воспитательной работы с осужденными: современные реалии. Образование и право. 2023. № 4. С. 342-346. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-342-346 EDN: ORJPAK
6. Маликов Б.З. Воспитательная работа в системе основных средств исправления осужденных: современные тенденции. Уголовно-исполнительное право. 2022. № 3. С. 320-325. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.320-325 EDN: AVONMY
7. Панова О.Б. Педагогическое прогнозирование социально-нормативного поведения несовершеннолетних осужденных. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 1. С. 35-42. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-236-1-35-42 EDN: KCIGEJ
8. Пургина О.В. Организация нравственно-этического воспитания и досуга осужденных к лишению свободы. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 4. С. 24-27. EDN: MUFZHP

References:

1. Bakhtin A.A. On the forms of hospital work with convicts under the current criminal correctional legislation of Russia. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. 2009. No. 1. pp. 68-72. EDN: NUABZZ
2. Efimenko A.A., Guseva E.C. The peculiarity of hospital education for convicts serving their sentences in correctional colonies of the general regime for the first time. Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 3. pp. 85-91. DOI: 10.37523/SUI.2023.54.3.014 EDN: KKOKCE
3. Zyubanova T.N. Moral and aesthetic education of convicts in special conditions of serving sentences in correctional institutions. Penal enforcement system: law, economics, management. 2012. No. 3. PP.19-22. EDN: PAMYAN
4. Kutyakin S.A., Kurbatova G.C. An integrated approach to understanding individual work with disabilities. Applied legal psychology. 2016. No. 4. pp. 69-73. EDN: XQZVRR
5. Maistrenko G.A. Features of hospital work with convicts: modern realities. Education and law. 2023. No. 4. pp. 342-346. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-342-346 EDN: ORJPAK
6. Malikov B.Z. Hospital work in the system of basic means of correcting deficiencies: current trends. Penal enforcement law. 2022. No. 3. pp. 320-325. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.320-325 EDN: AVONMY
7. Panova O.B. Pedagogical forecasting of socio-normative behavior of minors. Bulletin of the penal enforcement system. 2022. No. 1. pp. 35-42. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-236-1-35-42 EDN: KCIGEJ
8. Purgina O.S. Organization of moral and ethical education and leisure of persons sentenced to imprisonment. Penal enforcement system: law, economics, management. 2010. No. 4. pp. 24-27. EDN: MUFZHP

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_394

УДК 343.85

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
IMPLEMENTATION OF SECURITY IN CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM INSTITUTIONS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

САВИН Андрей Александрович,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний,
связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности
центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы
ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15-А, стр.
E-mail: Aasavin33@mail.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
доцент кафедры экономики, управления и права,
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

SAVIN Andrei A.,
PhD in Law, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution
of Custodial Sentences and the Study of Penitentiary Criminality at the Center for the Study of Security Issues
in Institutions of the Penal System
Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
15A Narvskaya str., Moscow, 125130.
E-mail: Aasavin33@mail.ru.

ZYKOV Daniil A.,
Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Associate Professor of the Department of Economics,
Management and Law of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящая работа посвящена исследованию актуальных методик повышения безопасности в пенитенциарных учреждениях, основанных на применении технологий искусственного интеллекта (далее ИИ). В статье проводится анализ существующих проблем, с которыми сталкиваются исправительные учреждения, таких как чрезмерная загруженность, нехватка квалифицированных кадров и потребность в оптимизации процессов надзора. В работе рассматриваются ключевые области применения ИИ, отдельно затрагивается международный опыт использования ИИ в местах лишения свободы. По итогам анализа предлагаются рекомендации по дальнейшей цифровизации уголовно-исполнительной системы (далее УИС), направленные на достижение баланса между повышением безопасности и защитой прав граждан.*

Abstract: *This work is devoted to the study of current methods of improving security in penitentiary institutions based on the use of artificial intelligence (AI) technologies. The article analyzes the existing problems faced by correctional institutions, such as overcrowding, lack of qualified personnel, and the need to optimize supervision processes. The work examines the key areas of AI application and provides an overview of international experience in using AI in prisons. Based on the analysis, the article offers recommendations for further digitalization of the criminal executive system (CES) aimed at achieving a balance between improving security and protecting the rights of citizens.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система, безопасность, видеоаналитика, цифровая трансформация, надзор, прогнозирование инцидентов, этические риски.*

Keywords*: artificial intelligence, penal system, security, video analytics, digital transformation, supervision, incident prediction, ethical risks*

Для цитирования: *Савин А.А., Зыков Д.А. Реализация обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы с привлечением искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 394-396. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_394.*

For citation*: Savin A.A., Zykov D.A. Implementing security measures in institutions of the penal system using artificial intelligence. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 394-396. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_394.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Пенитенциарные учреждения по всему миру испытывают колоссальные трудности. Перенаселенность, ветхость зданий, дефицит кадров, растущие медицинские расходы и сложность работы с разнообразным контингентом заключенных ставят под сомнение эффективность существующих методов исполнения наказаний. В этой ситуации искусственный интеллект видится перспективным решением, способным улучшить безопасность, сделать работу более эффективной и облегчить бремя персонала.

В Российской Федерации процесс цифровой трансформации УИС является одной из приоритетных задач, закрепленных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. Для реализации этой задачи 30 мая 2022 года в структуре ФСИН создано Управление цифровой трансформации (Указ Президента РФ от 11.04.2022 № 201).

Первые итоги применения технологий ИИ в деятельности ФСИН демонстрируют высокие результаты и эффективность, что свидетельствует о необходимости дальнейшего их продвижения и развития.

Анализ текущей ситуации в сфере обеспечения безопасности УИС выявляет ряд существенных проблем и вызовов. Организация надзора за осужденными и лицами, находящимися под стражей, представляет собой одну из наиболее трудоемких задач в рамках функционирования УИС. Отмечается тенденция к ухудшению качественного состава осужденных, что, в свою очередь, повышает вероятность совершения противоправных деяний в местах лишения свободы. Действующие системы видеоконтроля, базирующиеся на традиционных методологиях, не обеспечивают в достаточной мере уровень безопасности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

К числу основных проблем, снижающих эффективность обеспечения безопасности, относятся:

1. Ограниченные возможности человеческого фактора, когда персонал физически не способен одновременно отслеживать множество камер видеонаблюдения и своевременно реагировать на все потенциально опасные ситуации.

2. Традиционные системы контроля нацелены на фиксацию уже произошедших инцидентов, а не на их предотвращение, что является реактивный, а не проактивный характером надзора.

3. Высокая нагрузка на персонал по причине очевидно существующего дефицита кадров и необходимости обработки больших объемов информации приводят к снижению качества надзора.

4. Ограниченные возможности анализа поведенческих паттернов, когда выявление латентных процессов, предшествующих конфликтам или противоправным действиям, остается трудноразрешимой задачей.

Анализ текущей ситуации в следственных изоляторах свидетельствует о недостаточной результативности надзора за заключенными. Это ставит перед нами задачу поиска и внедрения передовых форм и методов надзорной деятельности. В этом свете, интеграция искусственного интеллекта открывает значительные перспективы для модернизации и повышения эффективности системы.

Исследование российского и зарубежного опыта в области применения искусственного интеллекта (ИИ) в пенитенциарной системе позволило определить несколько ключевых направлений. Наиболее активно развивающимся является внедрение интеллектуальных систем видеонаблюдения. Эти системы способны в автоматическом режиме обрабатывать видеопотоки, выявляя ситуации, представляющие потенциальную опасность. Современные решения, сочетающие в себе радарные технологии, тепловизионное наблюдение и компьютерное зрение, могут обнаруживать такие инциденты, как попытки самоубийства, драки или перемещение запрещенных предметов, и в режиме реального времени оповещать об этом сотрудников.

В России пилотный проект «Цифровая ИК» запущен в исправительной колонии № 6 УФСИН России по Владимирской области. Система автоматизирует контроль за соблюдением правил, проводит видеоаналитику, фиксирует голоса и изображения, создавая цифровые профили для биометрического учета, а также отслеживает перемещения по территории, оперативно выявляя подозрительную активность [5].

Важным направлением является внедрение аудиоаналитики, использующей искусственный интеллект для обработки звуковой и аудиовизуальной информации. Научные источники указывают, что современные системы аудиоаналитики позволяют анализировать и контролировать речь заключенных, транскрибировать и анализировать содержание разговоров, а также выявлять звуки в камерах для получения полной картины происходящего [2]. Внедрение аудиоаналитики может быть положено в основу создания отечественной системы кибернадзора, что существенным образом повысит состояние безопасности сотрудников, осужденных и иных лиц.

Одно из самых многообещающих применений ИИ заключается в его способности предсказывать потенциальные конфликты, побеги и другие нежелательные события, анализируя поведение заключенных. Используя машинное обучение, системы могут обрабатывать большие объемы данных о прошлых и текущих действиях, чтобы выявлять скрытые закономерности, предвещающие повышенный риск противоправных действий.

В зарубежной практике уже реализуются проекты по прогнозированию рецидивной преступности и оценке рисков. При интеграции таких систем с платформами управления делами осужденных (Offender Management Systems) становится возможным динамическое изменение уровня надзора в зависимости от актуальной оценки рисков [3].

Еще одной областью, где активно внедряется искусственный интеллект, является контроль за общением заключенных. В тюрьмах США уже применяются ИИ-инструменты, которые способны расшифровывать и анализировать телефонные звонки и сообщения заключенных [6].

С целью повышения эффективности надзора за условно-досрочно освобожденными, в Великобритании внедрен пилотный проект с применением искусственного интеллекта. Подопечные будут проходить регулярные удаленные проверки через мобильные устройства, где система будет верифицировать их личность и оценивать поведение. Любые попытки уклонения от контроля будут оперативно передаваться в службу пробации [6].

Алгоритмы распознавания объектов повышают эффективность идентификации запрещенных предметов в местах содержания заключенных. В США и Великобритании активно используются интеллектуальные системы поиска контрабанды, применяющие компьютерное зрение для анализа данных с рентгеновских сканеров и камер наблюдения [7].

Автоматизация контроля доступа на основе технологий распознавания лиц и иных биометрических данных позволяет существенно повысить уровень пропускного режима. В российской практике внедрение биометрического фотографирования рассматривается как одно из приоритетных направлений цифровизации УИС.

В Российской Федерации процесс внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность УИС находится на этапе активного

развития. Ключевые проекты и инициативы проявляют себя в ряде проектов (технологий): «Цифровая ИК» ИК-6, г. Владимир (Автоматизация надзора, видеоаналитика, биометрический учет); Электронные браслеты (Контроль за лицами, находящимися под домашним арестом/ограничением свободы); AI-анализ поведения (Прогнозирование конфликтов на основе анализа данных); Единая информационная система ФСИН (Сквозная автоматизация основных процессов) [1, 2, 5].

Необходимо сделать вывод о том, что, несмотря на наличие успешных пилотных проектов, системный переход к широкомасштабному внедрению ИИ в учреждениях УИС России требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и технической инфраструктуры. Наряду с очевидными преимуществами, внедрение ИИ в пенитенциарную сферу сопряжено с существенными рисками, в частности этических проблем, и требующими тщательного анализа и правового регулирования.

Когда речь заходит о применении искусственного интеллекта в тюрьмах, возникают юридические сложности. Например: законы пока не полностью охватывают эту сферу; есть противоречия между тем, как защищать личные данные заключенных, и тем, как обеспечить безопасность в тюрьмах; неясно, кто будет отвечать, если технологии дадут сбой – государство или компании, которые их поставили; и есть риск, что заключенные будут обращаться в суды, если их права будут нарушены.

Внедрение искусственного интеллекта в уголовно-исполнительную систему представляет собой не только технологическое обновление, но и стратегически важное решение. При грамотном применении ИИ способен ускорить переход от реактивных карательных моделей к проактивным системам, основанным на данных и ориентированным на реабилитацию. Однако при неправильном использовании он может усугубить наблюдение, усилить предвзятость и подорвать человеческие отношения, которые играют ключевую роль в процессе исправления осужденных.

Ключевая задача на современном этапе — создание системы управления, которая включает оценку соответствия, оценку воздействия на фундаментальные права и алгоритмический аудит, оставаясь при этом достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к развитию технологий.

Список литературы:

1. Информационные технологии в УИС: архив статей журнала // SciNetwork. [Электронный ресурс]. URL: https://scinetwork.ru/periodicals/1609/articles.
2. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в организацию надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Editorum, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/105903/view.
3. Грязнов С.А. Диджитализация УИС через ГЧП: технологические инновации и их влияние на исполнение наказаний // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didzhitalizatsiya-uis-cherez-gchp-tehnologicheskie-innovatsii-i-ih-vliyanie-na-ispolnenie-nakazaniy.
4. Повышение эффективности исполнения уголовных наказаний: расширение сферы применения информационных технологий // editorum, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pl.editorum.ru/ru/nauka/article/104213/view.
5. Владимирская колония стала первой в России, где применили ИИ // АиФ-Владимир, 03.07.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://vlad.aif.ru/society/vladimirskaya-koloniya-stala-pervoy-v-rossii-gde-primenili-ii.
6. Pedro das Neves. Artificial Intelligence in prisons: From concept to practice // JUSTICE TRENDS Magazine, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://justice-trends.press/artificial-intelligence-in-prisons-from-concept-to-practice.
7. Simon Bonk. Beyond pilots: How AI may quietly become real in corrections // JUSTICE TRENDS Magazine, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://justice-trends.press/beyond-pilots-how-ai-may-quietly-become-real-in-corrections.

References:

1. Information technologies in the penal system: archive of journal articles // SciNetwork. [Electronic resource]. URL: https://scinetwork.ru/periodicals/1609/articles.
2. Prospects for the introduction of artificial intelligence in the organization of supervision in pre-trial detention centers of the penal system // Editorum, 2025. [Electronic resource]. URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/105903/view.
3. Gryaznov S.A. Digitalization of the Penitentiary System through PPP: Technological Innovations and Their Impact on Punishment Execution // CyberLeninka. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didzhitalizatsiya-uis-cherez-gchp-tehnologicheskie-innovatsii-i-ih-vliyanie-na-ispolnenie-nakazaniy.
4. Improving the Efficiency of Criminal Penalties: Expanding the Scope of Information Technology Applications // editorum, 2025. [Electronic resource]. URL: https://pl.editorum.ru/ru/nauka/article/104213/view.
5. The Vladimir Colony Became the First in Russia to Use AI // AiF-Vladimir, 03.07.2025. [Electronic resource]. URL: https://vlad.aif.ru/society/vladimirskaya-koloniya-stala-pervoy-v-rossii-gde-primenili-ii.
6. Pedro das Neves. Artificial Intelligence in prisons: From concept to practice // JUSTICE TRENDS Magazine, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://justice-trends.press/artificial-intelligence-in-prisons-from-concept-to-practice.
7. Simon Bonk. Beyond pilots: How AI may quietly become real in corrections // JUSTICE TRENDS Magazine, 2026. [Electronic resource]. URL: https://justice-trends.press/beyond-pilots-how-ai-may-quietly-become-real-in-corrections.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_397

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ИСЧИСЛЕНИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ
CURRENT PROBLEMS ARISING DURING THE CALCULATION AND REIMBURSEMENT OF PROCEDURAL COSTS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

ТИНГАЕВА Ирина Владимировна,
Доцент кафедры головного процесса Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
E-mail: tatyana.fadeeva.19@bk.ru

АВРАМЕНКО Олег Валериевич,
Преподаватель кафедры физической подготовки,
Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
394065, Россия, г. Воронеж, проспект Патриотов, д. 53.
E-mail: o.avramenko2016@yandex.ru

TINGAEVA Irina Vladimirovna,
Associate Professor of the Head Process Department at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.
E-mail: tatiana.fadeeva.19@bk.ru

AVRAMENKO Oleg Valerievich,
Teacher of the Department of Physical Training
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
53 Patriotov Avenue, Voronezh, 394065, Russia.
E-mail: o.avramenko2016@yandex.ru

Краткая аннотация: *Финансовые расходы, неизбежно возникающие у участников судопроизводства в связи с производством по уголовному делу, способны оказывать существенное влияние на реализацию их процессуальных прав и обязанностей. Применение института процессуальных издержек выступает в качестве необходимого инструмента, обеспечивающего фактическую возможность участия в уголовном процессе как его непосредственных сторон, так и иных лиц, привлекаемых к процедуре. Следовательно, законодательное регулирование, определяющее, какие именно расходы указанных лиц признаются обоснованными и подлежащими возмещению за счет государственных средств, приобретает характер одной из гарантий состязательного и равноправного процесса. Отсутствие четких и справедливых правил в данной сфере может привести к ситуации, когда бремя материальных затрат сделает формально предоставленные права нереализуемыми на практике, особенно для социально уязвимых категорий граждан. Нынешняя открытая система зачастую оказывается неэффективной, ведет к злоупотреблениям, нерациональному использованию бюджетных средств и нарушению принципа равенства всех перед законом и судом. Необходим переход к более детализированному и исчерпывающему перечню конкретных видов процессуальных издержек, подлежащих возмещению, что позволит обеспечить стабильность и предсказуемость судебной практики, гарантировать единообразие применения закона и реально защитить имущественные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.*

Abstract: *The financial expenses that participants in legal proceedings inevitably incur in connection with the proceedings in a criminal case can have a significant impact on the implementation of their procedural rights and obligations. The use of the institution of procedural costs serves as a necessary tool that ensures the actual participation in the criminal process of both its direct parties and other individuals involved in the procedure. Therefore, the legislative regulation that determines which expenses of these individuals are considered reasonable and subject to reimbursement from public funds becomes a guarantee of a fair and equitable process. The lack of clear and fair rules in this area can lead to a situation where the burden of material costs makes the formally granted rights unrealizable in practice, especially for socially vulnerable groups of citizens. The current open system often has a negative impact on It is ineffective, leads to abuse, irrational use of budget funds, and violates the principle of equality before the law and the court. It is necessary to switch to a more detailed and comprehensive list of specific types of procedural costs that are subject to reimbursement, which will ensure the stability and predictability of judicial practice, guarantee the uniform application of the law, and effectively protect the property interests of individuals involved in criminal proceedings.*

Ключевые слова: *следователь, процессуальные издержки, участники уголовного судопроизводства, финансы, возмещение, затраты, уголовное дело*

Keywords: i*nvestigator, procedural costs, participants in criminal proceedings, finances, compensation, expenses, criminal case*

Для цитирования: *Тингаева И.В., Авраменко О.В. Актуальные проблемы, возникающие в ходе исчисления и возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе России // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_397.*

For citation*: Tingaeva I.V., Avramenko O.V. Current problems arising in the course of calculating and reimbursing procedural costs in the criminal process in Russia. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_397.*

Статья поступила в редакцию: 17.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Публичная природа уголовного судопроизводства предполагает выделение государством значительных ресурсов различного характера – финансовых, кадровых, организационных, административных. Исторически сложившееся в правовой доктрине, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 года, разделение подобных расходов на судоустройственные и судопроизводственные сохраняет свою актуальность. Судоустройственные затраты, направленные на содержание и обеспечение функционирования системы органов уголовной юстиции, включая заработную плату судей, прокуроров, следователей, эксплуатационные и административные расходы, безусловно возлагаются на государство[1]. В отличие от них, судопроизводственные расходы, непосредственно связанные с производством по конкретному уголовному делу, представляют собой особую категорию, бремя которых может распределяться не только за счет государственного бюджета, но и за счет участников процесса. Обе группы расходов отличаются

[1] Закирова Э.Ф., Шайхутдинова З.З., Куранов А.С. Понятие материальных затрат и их содержание в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4. С. 398.

значительным объемом и разнообразием.

Законодательная регламентация случаев отнесения затрат к судопроизводственным расходам имеет тенденцию к постоянному расширению и детализации. Подобная динамика объясняется стремлением законодателя к обеспечению правовой определенности в данной сфере, что, однако, закономерно ведет к росту как абсолютных, так и относительных показателей соответствующих бюджетных ассигнований в правоприменительной деятельности. Указанные расходы, имеющие денежное выражение и подчиняющиеся экономическим закономерностям, обладают сложной правовой природой, сочетающей публичные и частные начала. Государство, осуществляя уголовное преследование как публичную функцию, несет связанные с данной деятельностью затраты, однако механизм восстановления нарушенного имущественного положения участников процесса содержит существенный диспозитивный элемент, оказывающий непосредственное влияние на реализацию соответствующих правоотношений[1].

Независимо от отраслевой природы регулирующих норм, имущественные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, подлежат защите и восстановлению. Речь идет о приведении имущественного статуса таких лиц в положение, существовавшее до момента возбуждения уголовного дела. Игнорирование данного принципа не только лишает государство возможности рационально распоряжаться значительными финансовыми ресурсами для решения общественно значимых задач, но и подрывает доверие общества к правоохранительной системе, порождая ощущение несправедливости в ее работе. Защита публичных и государственных интересов посредством уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения является прямой обязанностью государства, что предполагает необходимость соответствующих финансовых вложений, их последующий учет и возможное возмещение.

Помимо возмещения рассматриваемых расходов из федерального бюджета, законодательство предусматривает возможность их взыскания с участников уголовного процесса. Теоретически такое взыскание может производиться на добровольной основе, однако на практике добровольное исполнение данной обязанности представляется маловероятным. Лишение части собственного имущества в счет возмещения процессуальных издержек является неблагоприятным последствием, которого большинство лиц стремится избежать. Участники процесса зачастую оказывают противодействие реализации восстановительной функции института, отказываясь от добровольной компенсации назначенных судом сумм, вплоть до сокрытия имущества от органов предварительного расследования, а впоследствии – от службы судебных приставов. Указанная ситуация актуализирует потребность в создании эффективного механизма обеспечения взыскания процессуальных издержек, который в настоящее время нельзя считать полноценно разработанным. Лишь в последние годы в научной литературе появились фундаментальные и прикладные исследования, посвященные данному процессуальному институту, однако множество вопросов обеспечения взыскания остаются без удовлетворительных ответов[2].

Действующий УПК РФ содержит достаточно подробную, но не лишенную пробелов и противоречий регламентацию института процессуальных издержек. К числу проблемных мест правового регулирования относится терминологическая множественность – использование различных понятий, таких как «взыскание», «возмещение», «распределение» без четкого разграничения их содержания. Дискуссионными остаются вопросы возмещения расходов потерпевшего на оплату услуг представителя, компенсации затрат на хранение вещественных доказательств, применения норм, позволяющих освободить осужденного от возмещения процессуальных расходов. Отмеченная неопределенность порождает противоречивую судебную практику, на что справедливо указывают исследователи.

Еще более сложной представляется ситуация с возмещением процессуальных издержек на стадии предварительного расследования. Даже при формальном соблюдении требований закона об установлении и подсчете понесенных расходов, следователь или дознаватель далеко не всегда совершает необходимые обеспечительные действия. Сам институт процессуальных издержек зачастую воспринимается правоприменителями как второстепенный, не являющийся органичной частью уголовного процесса. Подтверждением служит практика досудебного производства, где случаи отражения процессуальных издержек в итоговых документах встречаются крайне редко. Проведенные исследования свидетельствуют, что существующие механизмы не обеспечивают полного покрытия расходов участников процесса, вследствие чего значительные суммы, затраченные на судопроизводство, не возвращаются в бюджет[3]. Неслучайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации[4] в своем постановлении был вынужден специально разъяснять обязанность органов следствия и дознания прилагать к обвинительным документам справку о процессуальных издержках и указывать на необходимость проверки выполнения данного требования судом.

Таким образом, на стадии предварительного расследования процессуальные издержки, объективно возникающие, зачастую не фиксируются, не подсчитываются и не обеспечиваются мерами, гарантирующими их последующее взыскание.

Причины игнорирования правоприменителями обязанности по обеспечению исполнения приговора в части имущественных взысканий, связанных с издержками, носят комплексный характер. Так, например, процедура взыскания процессуальных издержек в статьях 131 и 132 УПК РФ прописана недостаточно детально - неоднозначность законодательной формулировки «другие имущественные взыскания» создает проблемы при наложении ареста на имущество для обеспечения возмещения издержек, что отмечается большинством практикующих юристов. Деятельность органов предварительного расследования традиционно сосредоточена на решении так называемого основного вопроса – доказывании виновности,

[1] Михайлов А.А. Взыскание процессуальных издержек // Законность. 2024. № 7. С. 68.
[2] Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144.
[3] Дехерт А.А. Понятие и критерии процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве / В сб.: Развитие конституционного и отраслевого законодательства в эпоху глобальных перемен и больших вызовов. Волгоград, 2024. С. 477.
[4] О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 // СПС КонсультантПлюс.

тогда как все иные вопросы, включая исчисление и обеспечение взыскания издержек, решаются по остаточному принципу. Сложность расчетов и процедур обеспечения не вызывает особой озабоченности у следователей и дознавателей, особенно учитывая позицию Верховного Суда, согласно которой отсутствие в материалах дела сведений об издержках само по себе не является безусловным основанием для его возвращения прокурору.

Сама же процедура калькуляции издержек отличается значительной сложностью. Множество подзаконных нормативных актов, регулирующих порядок исчисления различных видов затрат, порождает путаницу и неоднозначные ситуации. Так, например, на стадии расследования исход дела, включая вероятность постановления обвинительного приговора, остается неочевидным, что создает сомнения в целесообразности трудоемких действий по обеспечению будущего взыскания. Также правоприменители, перегруженные работой, зачастую не придают должного значения обеспечению исполнения приговора в данной части, предпочитая игнорировать наличие расходов или формально подходить к их учету. И хотелось бы отметить, что открытый характер перечня издержек, допускающий включение в состав «иных расходов», связанных с производством по делу, создает широкое поле для судебного усмотрения и разночтений, осложняя процесс доказывания и возмещения.

К подобным «иным расходам» судебная практика и доктрина относят широкий спектр затрат. В их число входят расходы потерпевшего на участие в процессе, не связанные с личным присутствием, например, на оплату услуг адвоката; затраты родственников умершего на эксгумацию и последующее захоронение; расходы на проведение следственных действий, не относящихся к экспертизам, включая возмещение стоимости поврежденного в ходе эксперимента имущества или оплату услуг статистов для опознания.

Комментарии к УПК РФ и научные работы расширяют данное понимание, предлагая относить к издержкам затраты на сбор и представление доказательств сторонами, возмещение стоимости имущества, поврежденного в ходе законных действий органов расследования, оплату услуг юристов, не являющихся адвокатами, расходы на копирование материалов дела, затраты на обеспечение ухода за детьми обвиняемого и охрану его имущества[1].

Высказываются предложения о включении в перечень расходов на розыск скрывшихся лиц, оплату привода, выплаты гражданам и специалистам, участвующим в гласных оперативно-разыскных мероприятиях. Пленум Верховного Суда также указывает на неисчерпывающий характер перечня, рекомендуя учитывать документально подтвержденные и обоснованные расходы любых заинтересованных лиц на любой стадии процесса, включая затраты на привлечение педагогов и психологов.

Неопределенность круга подлежащих возмещению расходов, а также возможность их взыскания как с осужденного, так и за счет бюджета, создает риск ошибки при выборе субъекта, на чье имущество могут быть наложены обеспечительные ограничения. Основным средством обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий служит наложение ареста на имущество. Однако цель его применения, сформулированная в законе как обеспечение «иных имущественных взысканий», не раскрывается. Большинство опрошенных практиков признают процессуальные издержки разновидностью таких взысканий, с чем соглашаются и многие исследователи. Подобный подход находит поддержку в сравнительном законодательстве ряда государств, где арест имущества прямо предназначен для обеспечения взыскания судебных издержек[2].

Несмотря на правовую обоснованность, практическое обеспечение взыскания процессуальных издержек сталкивается с серьезными препятствиями. Исследователи отмечают, что слабая материально-техническая база службы судебных приставов, их перегруженность и недостаточная компетентность сводят к минимуму возможность реального исполнения приговора в части имущественных взысканий при отсутствии подготовительных действий на досудебных стадиях.

Одним из глубинных препятствий является стремление правоприменителей избегать применения сложного института процессуальных издержек. Проявлением подобного подхода служит несвоевременное, а зачастую и полное неразъяснение участникам процесса их права на возмещение понесенных расходов и возможных мер обеспечения. Учитывая кажущуюся второстепенность вопроса об издержках, должностным лицам удобнее отступить от требования закона о разъяснении прав, что отмечается в литературе как типичное нарушение, на что также обращено внимание в Пленуме Верховного Суда, который обратил внимание на данную обязанность, распространив ее не только на суд, но и на органы предварительного расследования[3].

Вместе с тем взыскание процессуальных издержек допустимо не во всех случаях. Законодательство предусматривает ряд оснований для освобождения от уплаты процессуальных издержек, например таких как реабилитация, имущественная несостоятельность осужденного и рассмотрение дела в суде в особом порядке.

Принимая во внимание результаты анализа проблемных вопросов, возникающих при исчислении и возмещении процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве мы можем сделать вывод, что наличие некоторых системных противоречий препятствуют реализации данного института. Несмотря на довольно детальную законодательную регламентацию, на практике сохраняется разрыв между формальными требованиями закона и реальной правоприменительной деятельностью, особенно на стадии предварительного расследования. В основном трудности заключаются в терминологической неопределенности, а также калькуляции расходов в виду множественности подзаконных актов, и отсутствии единообразных подходов к обеспечению взыскания. Открытый перечень издержек, направленный на обеспечение гибкости, зачастую порождает правовую неопределенность и судебные разночтения. При этом основной обеспечительный механизм – наложение ареста на имущество, хотя и

[1] Соловьева Н.А., Дехерт А.А. Интегрированное значение принципа справедливости взыскания уголовно-процессуальных издержек // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4. С. 167.
[2] Шайхутдинова З.З. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве / В сб.: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Брянск, 2024. С. 163.
[3] Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144.

признается в теории и частично на практике применимым для данных целей, используется несистемно из-за недостаточной конкретики оснований и процедуры. Вследствие этого институт процессуальных издержек, призванный обеспечивать справедливое распределение финансового бремени судопроизводства и восстановление имущественного положения участников, зачастую не выполняет свою компенсационную и гарантийную функцию, оставаясь на периферии внимания правоприменителей.

Устранение указанных проблем требует дальнейшего совершенствования законодательства, детализации процедурных механизмов и формирования последовательной судебной практики, основанной на принципах разумности, соразмерности и реальной обеспеченности прав участников уголовного процесса.

Перспективы развития института видятся в достижении оптимального баланса между принципом процессуальной экономии, требующим разумного расходования государственных средств, и необходимостью создания максимально благоприятных условий для реализации прав участников уголовного судопроизводства. Достижение такого баланса возможно прежде всего через уточнение и структурирование открытого перечня издержек с выделением типичных, бесспорных видов расходов и установлением четких критериев для оценки «иных расходов»; упрощение процедуры возмещения, особенно в отношении реабилитированных лиц, с минимализацией бюрократических барьеров; внедрение современных технологий учета и финансирования процессуальных издержек, в том числе в цифровой форме; усиление судебного контроля за обоснованностью как взыскания издержек с осужденного, так и отказа в их возмещении иным участникам процесса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Феде-рации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 6.10.2022 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11, ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, (ч. I), ст. 4921.
3. Закирова Э.Ф., Шайхутдинова З.З., Куранов А.С. Понятие материальных затрат и их содержание в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4. С. 398. EDN: URGCAG
4. Михайлов А.А. Взыскание процессуальных издержек // Законность. 2024. № 7. С. 68. EDN: QZUBIV
5. Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144. EDN: PMUJRA
6. Дехерт А.А. Понятие и критерии процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве / В сб.: Развитие конституционного и отраслевого зако-нодательства в эпоху глобальных перемен и больших вызовов. Волгоград, 2024. С. 477. EDN: KUPUJU
7. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Рос-сийской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 // СПС КонсультантПлюс.
8. Соловьева Н.А., Дехерт А.А. Интегрированное значение принципа справедливости взыскания уголовно-процессуальных издержек // Вестник Сара-товской государственной юридической академии. 2024. № 4. С. 167. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-162-169 EDN: AMYSJO
9. Шайхутдинова З.З. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве / В сб.: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Брянск, 2024. С. 163. EDN: QICDMY
10. Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144. EDN: PMUJRA
11. Шайхутдинова З.З. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве / В сб.: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Брянск, 2024. С. 163. EDN: QICDMY
12. Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144. EDN: PMUJRA
13. Власова Н.А., Власова В.С. Первоочередные направления совершенствования норм, регламентирующих процессуальные издержки в уголовном судопро-изводстве // Мировой судья. 2024. № 1. С. 15. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-1-13-16 EDN: BLIPMG

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, taking into account the amendments introduced by the Law of the Russian Federation. The Russian Federation on Amendments to the Constitution. Of the Russian Federation dated 6.10.2022, No. 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2022. No. 11, article 1416.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: feder. The law grew. Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 was adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The collection grew. Of the Russian Federation on November 22, 2001: approval. By the Federation Council of the Fed. The collection grew. Of the Russian Federation on December 5, 2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2001. No. 52, (Part I), Article 4921.
3. Zakirova E.F., Shaikhutdinova Z.Z., Kuranov A.S. Understanding material costs and high maintenance in criminal proceedings // Eurasian Law Journal. 2025. No. 4. P. 398. EDN: URGCAG
4. Mikhailov A.A. Recovery of procedural costs / / Legality. 2024. No. 7. P. 68. EDN: QZUBIV
5. Kvasnitsa S.E. Some problematic aspects of determining procedural costs in criminal proceedings / / Forum. 2024. No. 2. P. 144. EDN: PMUJRA
6. Dekhert A.A. The concept and criteria of procedural costs in criminal proceedings / in collection: Development of constitutional and sectoral legislation in the era of global changes and large exports. Volgograd, 2024. P. 477. EDN: KUPUJU
7. On the practice of courts applying legislation on procedural publications in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 dated December 19, 2013 / / SPS ConsultantPlus.
8. Solovyova N.A., Dekhert A.A. The integrated meaning of the principle of fairness of penalties in criminal procedure publications // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. No. 4. P. 167. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-162-169 EDN: AMYSJO
9. Shaykhutdinova Z.Z. Procedural costs in criminal proceedings / in the collection: Actual problems of modern science: the view of young scientists. Bryansk, 2024. P. 163. EDN: QICDMY
10. Kvasnitsa S.E. Some problematic aspects of determining procedural costs in criminal proceedings / / Forum. 2024. No. 2. P. 144. EDN: PMUJRA
11. Shaikhutdinova Z.Z. Procedural costs in criminal proceedings / in collection: Actual problems of modern science: the view of young scientists. Bryansk, 2024. p. 163. EDN: QICDMY
12. Kvasnitsa S.E. Some problematic aspects of determining procedural costs in criminal proceedings / / Forum. 2024. No. 2. P. 144. EDN: PMUJRA
13. Vlasova N.A., Vlasova V.S. Priority issues of improving the rules governing procedural costs in criminal proceedings / / Justice of the Peace. 2024. No. 1. P. 15. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-1-13-16 EDN: BLIPMG

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_401

УДК 343.131

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
IMPRISONMENT AS A MEASURE OF INTERRUPTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ЗАДБАЕВ Очир Викторович
магистрант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.
E-mail: mister.nekrasov2015@yandex.ru

МУКАБЕНОВ Вячеслав Валерьевич
магистрант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.
E-mail: mr.merkit@mail.ru

ХАРАЕВ Эльдар Баатрович
магистрант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.
E-mail: eldarka2111@mail.ru

БАЛЫКОВ Намср Геннадьевич
магистрант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.
E-mail: w_wat@bk..ru

САЛАЕВА Светлана Бадняевна
доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.
E-mail: swetsalaewa@yandex.ru

ZADBAEV Almaz Viktorovich
master's student at Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: mister.nekrasov2015@yandex.ru

MUKABENOV Vyacheslav V.,
Master's Student at B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin str., 11.
E-mail: mr.merkit@mail.ru

KHARAEV Eldar Bogatrovich
is a master's student at Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: eldarka2111@mail.ru

BALYKOV Namssr Gennadievich
is a master's student at the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: w_wat@bk..ru

SALAEVA Svetlana,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin str., D. 11.
E-mail: swetsalaewa@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются современные новеллы уголовно-процессуального законодательства, направленные на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Анализ существующих проблем в избрании меры пересечения в виде заключения под стражу позволяет выявить несколько ключевых аспектов, оказывающих влияние на правомерность и эффективность применения данной меры.*

Abstract. *The article discusses the modern novelties of criminal procedural legislation aimed at limiting the use of a measure of interruption in the form of detention. The analysis of the existing problems in the election of a measure of interruption in the form of detention allows us to identify several key aspects that affect the legality and effectiveness of the application of this measure.*

Ключевые слова: *мера пресечения, заключение под стражу, подозреваемый, обвиняемый, обоснованность постановлений, доказательства.*

Keywords: *measure of interruption, detention, suspect, accused, validity of decisions, evidence.*

Для цитирования: *Задбаев О.В., Мукабенов В.В., Хараев Э.Б., Балыков Н.Г., Салаева С.Б. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_401.*

For citation*: Zadbaev O.V., Mukabenov V.V., Kharaev E.B., Balykov N.G., Salaeva S.B. Detention as a preventive measure in criminal proceedings // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_401.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В настоящее время вопросы избрания меры пересечения в виде заключения под стражу становятся все более актуальными и дискуссионными. Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие применение мер процессуального принуждения, постоянно требуют совершенствования.

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, применение которой в существенной степени ограничивает конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность. Эта мера избирается субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу, с целью предотвращения возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, оказать давление на свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса

уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Согласно статистике Верховного Суда РФ, в 2024 году суды удовлетворили 82 тыс. ходатайств о заключении под стражу, а в 2025 году – 70 тысяч [1]. На 04 марта 2026 года в российских следственных изоляторах и колониях содержатся 308 тысяч человек, из них в следственных изоляторах – 89 тысяч [2].

Председатель Верховного суда РФ Игорь Краснов заявил, что несмотря на общее снижение количества соответствующих ходатайств следственных органов, их удовлетворяемость остается крайне высокой – 88% о заключении под стражу, и 98% о продлении срока меры пресечения в виде содержания под стражей [3].

В феврале 2025 года принят Федеральный закон [4], который вводит более строгие правила задержания, направленные на предотвращение необоснованного задержания лиц, не представляющих реальной угрозы для общества. Категории таких лиц были расширены, а также изменились основания для применения данной меры процессуального принуждения. Также в мае 2025 года было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5], которое разъяснило положения о запретах при применении меры пресечения в виде заключение под стражу в отношении лиц с тяжелыми заболеваниями.

Анализ существующих проблем в избрании меры пересечения в виде заключения под стражу позволяет выявить несколько ключевых аспектов, оказывающих влияние на правомерность и эффективность применения данной меры.

Недостаточное обоснование необходимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу представляет собой ключевую проблему в судебной практике. Зачастую мера пресечения в виде содержания под стражей осуществляется без учета полного объема данных о личности подозреваемого, при недостаточной обоснованности невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. В ряде ситуаций суды избирают эту меру пресечения, опираясь на неубедительную доказательную базу, что вызывает серьезные вопросы о законности таких решений [6, с. 267]. Так, суд первой инстанции в принятом решении об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого указал, что Б., имея не погашенную в установленном законом порядке судимость за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, совершил аналогичное по характеру преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 228 УК РФ. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что суд при вынесении решения на стадии досудебного производства по делу в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства сделал вывод о виновности Б. в инкриминируемом ему органом следствия преступлении. Тем самым, при рассмотрении ходатайства органа предварительного следствия судом первой инстанции допущены существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, повлекшие ущемление прав и интересов подозреваемого Б.

Полагаем, что одним из средств решения данной проблемы является наделение прокурора полномочиями предупредительного характера, обеспечивающими законность и обоснованность указанной меры пресечения. Это должно быть обеспечено возвращением прокурору полномочия давать согласие следователю на обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения, продлении срока ее действия.

Во-вторых, нередко в процессе избрания меры заключения под стражу порой не учитывается альтернативные варианты мер пересечения, например залог, запрета определенных действий или домашний арест. Статистические данные указывают на то, что среди мер пресечения, в наибольшей степени ограничивающих личные права и свободы граждан, преобладает заключение под стражу. Кроме того, существуют проблемы с соблюдением процессуальных сроков и процедур избрания и продления данной меры.

Несмотря на сужение законодательных оснований применения заключения под стражу, данная проблема сохраняет свою актуальность. Беспокойство вызывают случаи, когда под стражей длительное время находятся женщины, имеющие малолетних детей, престарелые лица, несовершеннолетние, тяжело больные и инвалиды. В абсолютном большинстве случаев суды удовлетворяют ходатайства следствия об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Остаются злободневными вопросы содержания под стражей во время рассмотрения уголовного дела судом по существу. До сих пор в уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы о предельных сроках содержания под стражей после окончания предварительного расследования. В итоге лица, вина которых еще не установлена вступившим в силу приговором суда, вынуждены длительное время пребывать в условиях изоляции от общества. Проблема соблюдения прав гражданина при применении меры пресечения в виде заключения под стражу остаётся актуальной на сегодняшний день. Свидетельством тому являются жалобы, поступающие к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

Количество обращений о несогласии с избранной мерой пресечения в виде заключения под стражу и продлении ее сроков сохранилось практически на прежнем уровне, а по сравнению с 2023 годом – сократилось почти в 2 раза [7].

Полагаем, что немалую роль в этом сыграло принятие Федерального закона от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части изменения правил применения к подозреваемым и обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу). Дополнения разработаны во исполнение п. 17 перечня поручений Президента Российской Федерации от 12 января 2023 г. № Пр-19 и направлены на гуманизацию законодательства путем ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступлений ненасильственного характера, а также к отдельным категориям лиц, в том числе страдающим тяжелыми заболеваниями. При этом исключено условие, согласно которому заключение под стражу применяется в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет.

Важным изменением явилось введение норм, дифференцирующих основания применения заключения под стражу в зависимости от тяжести совершенного преступления. Федеральный закон от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ внес существенные поправки в статью 108 УПК РФ, установив, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления.

В отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении ненасильственных преступлений средней тяжести, заключение под стражу возможно в исключительных случаях при наличии одного из четырех обстоятельств: отсутствие у лица места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации, неустановленность личности лица, нарушение ранее избранной меры пресечения, уклонение от органов расследования или суда.

Также законодателем были введены ограничения на применение заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц, требующие особой защиты. Часть 2 статьи 108 УПК РФ предусматривает, что заключение под стражу может применяться в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, мужчин, являющихся единственным родителем малолетних детей, усыновителей или опекунов малолетних детей, единственного родителя, усыновителя, опекуна или попечителя ребенка-инвалида только в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а в исключительных случаях – преступлений средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения. Эта норма исходит из того, что содержание под стражей матери или единственного родителя наносит серьезный вред интересам детей и должно применяться только в самых исключительных ситуациях.

Была введена также часть 2.1 статьи 108 УПК РФ, устанавливающая запрет на применение заключения под стражу в отношении лиц, страдающих тяжелым заболеванием, которое препятствует содержанию под стражей. Перечень таких заболеваний утверждается Правительством Российской Феде рации на основании рекомендаций Министерства здравоохранения.

Введение новых законодательных норм вызвало неоднозначные последствия в практике правоприменения. Хотя суды стали реже задерживать обвиняемых за преступления, подпадающие под действие новых ограничений (особенно после вступления в силу Закона № 13-ФЗ от 28.02.2025), общее число лиц, содержащихся в следственных изоляторах, осталось относительно неизменным.

По данным на 4 марта 2026 года в российских следственных изоляторах и колониях содержатся 308 тысяч человек, из них в следственных изоляторах – 89 тысяч [8]. Это указывает на то, что субъекты доказывания компенсируют сокращение числа прямых постановлений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, изыскивая другие законные способы содержания под стражей лиц, на которых распространяются новые ограничения.

Нередки случаи, когда следственные органы, прибегают к практике изменения квалификации преступного деяния, что делает возможным вывести его из числа преступлений, при расследовании которых законом предусмотрены запреты на применение самой строгой меры пресечения. На практике решение о задержании лица часто зависит от его сотрудничества со следствием. Если обвиняемый признает свою вину и активно помогает следствию, ему зачастую назначают домашний арест или запрет определенных действий. Если же он не признает свою вину или ведет себя нелояльно по отношению к следствию, обвиняемому избирают меру пресечения в виде заключения под стражу [9, с. 166].

Итак, с одной стороны, законодатель последовательно вносит новеллы, устанавливающие более жесткие требования к применению меры пресечения в виде заключения под стражу, предусматривает расширенные гарантии для определенных категорий лиц. С другой стороны, правоприменительная практика меняется медленнее, чем предусматривает законодательство. Однако определенные положительные тенденции уже прослеживаются. Так, в 2025 году суды все чаще стали расширять практику применения домашнего ареста и запрета определенных действий. Верховным Судом РФ даны все необходимые разъяснения, сформированы правовые позиции и рекомендации. Они четко ориентируют суды на более широкое применение домашнего ареста и изменение данной меры на более строгую только в случае ее нарушения. «Действительно, многие суды следуют этой рекомендации все чаще, но нередко решения формально штампуются, особенно когда приводимые следователями основания о продлении срока содержания под стражей не меняются целый год. Однако там, где общественная опасность совершенного деяния невелика, судам следует внимательнее относиться к избранию меры пресечения, связанной с лишением свободы, в том числе по так называемым «предпринимательским статьям» [10].

Таким образом, окончательно проблема избыточного применения данной меры пресечения не решена и требует продолжения работы в этом направлении.

Список литературы:

1. За решетку стали попадать реже? Как за 10 лет изменились приговоры и аресты в России. - URL: https://dzen.ru/a/aVfXnBD7VhuwMgZk (дата обращения: 19.03.2026).
2. Число заключенных в российских колониях и СИЗО упало до рекордного минимума. - URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Российские суды удовлетворяют почти 90% ходатайств следствия об аресте. - URL: https://www.interfax.ru/russia/1073656 (дата обращения: 19.03.2026).
4. Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание Законодательства РФ. - 2025. - № 9. - Ст. 842.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // Российская газета. - 2025. - 20 июня.
6. Кокорева Л. В., Сидорова Е. И. К вопросу об уголовно процессуальном задержании // Вестник Воронежского института МВД России. - 2023. - № 3. - С. 267-273. EDN: GPZQBL
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. - URL: https://ombudsmanrf.org (дата обращения: 03.03.2026).
8. Число заключенных в российских колониях и СИЗО упало до рекордного минимума. - URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).
9. Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год. - URL: https://www.vsrf.ru/files/35517/ (дата обращения: 19.03.2026).

References:

1. Did they get into jail less often? How sentences and arrests in Russia have changed in 10 years. - URL: https://dzen.ru/a/aVfXnBD7VhuwMgZk (date of birth: 03/19/2026).
2. The number of prisoners in Russian colonies and pre-trial detention centers has fallen to a record low. - URL: https://www.kommersant.ru / (date of appeal: 03/12/2026).
3. Russian courts satisfy 90% of mail requests for arrest. - URL: https://www.interfax.ru/russia/1073656 (date of request: 03/19/2026).
4. Federal Law No. 13-FZ dated 02/28/2025 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Review of Legislation of the Russian Federation. - 2025. - No. 9. - Art. 842.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 No. 41 "On Amendments to Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 No. 41 "On the Practice of Application by Courts of the Law on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, pledge and prohibition of certain actions" // Rossiyskaya Gazeta. - 2025. - June 20th.
6. Kokoreva L. C., Sidorova E. E. On the issue of criminal procedural assignment / / Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 3. - pp. 267-273. EDN: GPZQBL
7. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2025. - URL: https://ombudsmanrf.org (date of application: 03.03.2026).
8. The number of prisoners in Russian colonies and pre-trial detention centers has fallen to a record low. - URL: https://www.kommersant.ru / (date of access: 03/12/2026).
9. Report of the Chairman of the Supreme Court at the final meeting for 2025. - URL: https://www.vsrf.ru/files/35517 / (date of access: 03/19/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_404

УДК 34

ТРАДИЦИОННЫЙ, ЦИФРОВОЙ И ГИБРИДНЫЙ ФОРМАТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
TRADITIONAL, DIGITAL AND THE HYBRID FORMAT OF DOMESTIC EDUCATION

СИДОРОВА Екатерина Закариевна,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

SIDOROVA Ekaterina Z.,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена анализу форматов российской образовательной системы в условиях цифровой трансформации общества. Рассматриваются три ключевых формата обучения в России: традиционный (очный), цифровой (дистанционный) и гибридный. Выявляются их сильные и слабые стороны, а также тенденции развития. Делается вывод о перспективности гибридной модели как основы будущей образовательной экосистемы, отвечающей стратегическим национальным приоритетам страны.*

Abstract *The article is devoted to the analysis of the formats of the Russian educational system in the context of the digital transformation of society. Three key learning formats in Russia are considered: traditional (full-time), digital (distance) and hybrid. Their strengths and weaknesses are identified, as well as development trends. The conclusion is made about the prospects of a hybrid model as the basis of a future educational ecosystem that meets the strategic national priorities of the country.*

Ключевые слова: *система образования России, цифровая трансформация образования, традиционное обучение, дистанционное обучение, гибридный формат обучения, образовательная экосистема, технологический суверенитет, традиционные ценности.*

Keywords: *Russian education system, digital transformation of education, traditional learning, distance learning, hybrid learning format, educational ecosystem, technological sovereignty, traditional values.*

Для цитирования: *Сидорова Е.З. Традиционный, цифровой и гибридный форматы отечественного образования // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 404-406. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_404.*

For citation*: Sidorova E.Z. Traditional, digital, and hybrid formats of domestic education // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 404-406. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_404.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Глобальный процесс цифровой трансформации, носящий характер четвертой промышленной революции, кардинально меняет социальные институты, в том числе систему образования. Для Российской Федерации этот вызов актуализирует задачу формирования образовательной модели, способной, с одной стороны, обеспечить технологический суверенитет российского образования и его гибкость в условиях постоянно трансформирующихся общественных отношений, а с другой – сохранить культурную идентичность, фундаментальность знаний и воспитательную функцию.

Современная отечественная образовательная система представляет собой динамичное поле взаимодействия и взаимовлияния трех форматов: традиционного (очного), цифрового (дистанционного) и гибридного (смешанного). Их развитие происходит в контексте жесткой государственной политики, направленной на контроль за развитием и содержанием образовательной среды и на совмещение цифровой модернизации системы образования с укреплением традиционных ценностей. Цель данной статьи – провести анализ текущего состояния российской образовательной системы, выявив ключевые тенденции, сильные стороны и существующие противоречия в развитии каждого формата, а также спрогнозировать развитие формирующейся смешанной модели обучения, отвечающей как вызовам времени, так и стратегическим национальным приоритетам.

1. Традиционный (очный) формат обучения основан на непосредственном контакте педагога и обучающегося в рамках физического образовательного пространства. Данный формат сохраняет роль базовой опоры российской системы образования. Его устойчивость обусловлена не только исторически сложившимися особенностями, но и неоспоримыми дидактическими и социальными преимуществами: возможностью прямого эмоционального и воспитательного воздействия, формированием «живых» академических и социальных связей, отработкой навыков командной работы и публичных выступлений[1].

Вместе с тем, под влиянием цифровизации общественных отношений и целенаправленной государственной политики традиционный формат активно трансформируется. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», включающая федеральный проект «Цифровая трансформация образования», ориентирует участников образовательных отношений на реализацию принципов персонализа-

[1] Кудрина Е.Л., Ярошенко Н.Н., Жарков А.Д. [и др.] Педагогика культуры: теоретические основания и инновационный потенциал: монография. М.: Московский государственный институт культуры, 2024. С. 115.

ции и практикоориентированности[1]. Это выражается во внедрении проектной деятельности, использовании цифровых симуляторов и тренажеров в аудиториях, насыщении классических дисциплин IT-компонентом[2]. Традиционная лекция все чаще дополняется интерактивными форматами с использованием интерактивных панелей, систем онлайн-голосования и мобильных приложений.

Таким образом, традиционное образование не отрицает цифровые инструменты, а применяет их для повышения эффективности обучения и вовлеченности школьников и студентов в образовательный процесс, оставаясь при этом ценностно- и социально-насыщенной средой, что полностью соответствует современной государственной политике в сфере образования, направленной на укрепление духовно-нравственных основ согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[3] и Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[4].

2. Цифровой (дистанционный) формат обучения особо актуализировался в период пандемии COVID-19, перейдя от частных случаев применения к режиму массовой, но в то же время вынужденной, практики. Как справедливо отмечают отечественные специалисты, технологический императив будет определять будущее человечества на многие годы вперед[5]. В полной мере это относится и к сфере образования, где дистанционный формат из временной меры превращается в стратегический вектор развития. Именно так называемый «пандемийный» период стал мощным фактором применения цифровых технологий в образовательном процессе, выявив у дистанционного формата обучения как потенциал, так и системные слабости и уязвимости. Сегодня цифровой формат образования постепенно становится самостоятельным, целевым рыночным сегментом, имеющим определенный правовой статус, предусмотренный положениями Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 16)[6]. Формируется рынок цифровых образовательных ресурсов и платформ («Сферум», «Мобильное электронное образование», «Кодемика»), активно развиваются корпоративные онлайн-университеты (например, «СберУниверситет») и онлайн-курсы профессиональной переподготовки (например, «Яндекс.Практикум»)[7].

Однако развитие цифрового (дистанционного) формата обучения сталкивается с рядом сдерживающих факторов.

Во-первых, инфраструктурный барьер, выражающийся в объективной неравномерности развития высокоскоростного Интернета на территории страны, особенно в сельской местности и удаленных регионах, в дефиците современной техники у конечных пользователей (обучающихся и педагогов).

Во-вторых, кадровый дефицит педагогического сообщества, поскольку в настоящее время не все педагоги обладают развитыми цифровыми компетенциями и, что важнее, методиками эффективной педагогики в цифровой среде.

В-третьих, нормативно-правовая неопределенность правового статуса цифрового формата обучения, поскольку остаются не до конца урегулированными все вопросы дистанционного образования (например, действующие нормативные акты не содержат механизмов официального признания и зачета так называемых цифровых знаков отличия в образовании[8], оценки академического качества массовых открытых онлайн-курсов (МООК)[9], проведения итоговой аттестации в дистанционном формате[10]).

В-четвертых, сохранение социально-психологических рисков для участников образовательного процесса, поскольку цифровое обучение требует высокой мотивации и самоорганизации, а его избыток может привести к цифровой усталости, снижению социализации и росту психоэмоциональных нагрузок, в особенности для несовершеннолетних обучающихся. Поэтому полный переход к цифровому формату обучения представляется необоснованным.

Преодоление обозначенных вызовов требует не только технического и нормативного совершенствования дистанционного обучения, но и целенаправленной работы с его участниками. Как отмечается в научной литературе, приоритетом должна стать работа по формированию у участников образовательного процесса цифровой грамотности и устойчивых навыков безопасного поведения в сети Интернет, что является непреложным условием обеспечения их криминологической безопасности в современном мире[11]. Сказанное говорит о необходимости дальнейшего совершенствования дистанционного формата обучения в целях обеспечения криминологической безопасности ее участников.

3. Гибридный формат обучения, целенаправленно сочетающий очное и дистанционное взаимодействие участников образовательных

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26 дек. 2017 г. № 1642 (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 375.
[2] Дудырев Ф.Ф., Максименкова О.В. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 255-276.
[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
[4] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
[5] Бегишев И.Р., Жарова А.К., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. Технологические трансформации: рост возможностей и правовой ответ на возникающие риски // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 4. С. 735.
[6] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
[7] Об импортозамещении цифровых решений в органах управления Российской Федерации: письмо Минцифры России от 1 апр. 2022 г. № МШ-П8-1-070-14732 // Администратор образования, 2022, май, № 10.
[8] О ведомственных наградах Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: приказ Минобрнауки России от 13 авг. 2021 г. № 748 (ред. от 29.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 08.09.2021.
[9] Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» и указаний по ее заполнению: приказ Росстата от 17 сент. 2025 г. № 507 // Документ опубликован не был. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/90849.html?ysclid=mkyqjy1fr3737401395 (29.01.2026).
[10] Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры: приказ Минобрнауки России от 29 июня 2015 г. № 636 (ред. от 04.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 24.07.2015.
[11] Сидорова Е.З. Цифровая, антиэкстремистская и иные виды криминологической безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 187.

отношений в рамках единого учебного процесса, рассматривается сегодня как наиболее оптимальная и перспективная модель развития системы образования. Он представляет собой качественно новую педагогическую конструкцию, где каждый элемент выполняет свою функцию. Очная часть процесса обучения фокусируется на сложных дискуссиях, практических лабораторных работах, групповых проектах и воспитательных мероприятиях. Цифровая же среда берет на себя решение вопросов, связанных с передачей теоретического материала, организацией самостоятельной работы, проведением текущих тестирований, индивидуальной коммуникацией участников образовательного процесса.

Именно гибридный формат может стать методологической основой будущей образовательной экосистемы (понятие «образовательная экосистема» уже применялся и раскрывался в научной литературе[1]), поскольку предлагает баланс между очным и дистанционным форматами образования. В нем сочетаются гибкость (возможность выбора времени и места для части занятий) с социальным взаимодействием, столь важным для личностного развития участников образовательных отношений. Он позволяет персонализировать траекторию образования и личностного развития, адаптируя образовательный компонент к потребностям конкретного обучающегося, не лишая его при этом поддержки педагога-наставника и команды сверстников. В таком формате эффективно могут выстраиваться отношения не только между педагогом и обучающимся, но и с другими участниками образовательных отношений: родителями (через цифровые дневники и чаты), представителями бизнеса (через онлайн-вебинары и проекты) и общественными организациями.

Конечно, переход к гибридному формату обучения сопряжен с рядом определенных сложностей, одной из которых выступают сложности экономического и организационного характера. Перевод образовательных организаций на гибридные модели обучения потребует значительных финансовых и материальных вложений в обеспечение их соответствующей цифровой инфраструктурой, переподготовку педагогических кадров, пересмотр учебных планов и систем оценивания. Однако анализ тенденций развития системы образования позволяет утверждать, что именно гибридный формат обучения становится ведущим трендом модернизации системы образования.

В целом речь следует вести не о конкуренции форматов обучения, а об их постепенном объединении в единую гибкую образовательную среду**.** В рамках формирующейся образовательной экосистеме границы между традиционным, цифровым и гибридным обучением будут размываться. Обучающийся, особенно на уровнях высшего и дополнительного образования, сможет конструировать свою индивидуальную образовательную траекторию, свободно комбинируя элементы образовательного процесса: посещая очные лекции по одним дисциплинам, проходя онлайн-курсы по другим, участвуя в гибридных проектных сессиях по третьим. Такой синтез полностью отвечает государственной политике в сфере образования[2]. Сказанное подтверждает тезис о том, что цифровая трансформация образовательной среды означает не замену, а расширение и обогащение традиционных педагогических практик новыми дистанционными технологиями и методами.

В заключении отметим, что традиционный, цифровой и гибридный форматы современного российского образования представляют собой взаимосвязанные элементы единой, находящейся в процессе трансформации образовательной системы. Традиционный формат, оставаясь фундаментом российской системы образования, обогащается цифровыми инструментами. Цифровой формат ищет свою устойчивую нишу и четкого нормативного закрепления. И при этом именно гибридный формат выступает в роли наиболее перспективной методологической модели развития образования в ближайшем будущем. Ключевым вектором становится синтез описанных форм обучения и переход к персонализированной образовательной экосистеме, где на первый план выходит не форма передачи знания, а потребности и личностная траектория развития обучающегося. Государству и образовательному сообществу предстоит проделать значительную работу по гармонизации технологического прогресса с сохранением сущностных основ отечественного образования. Только в этом случае новая образовательная среда сможет выполнить свою миссию – воспитать компетентного, патриотичного, нравственного и конкурентоспособного гражданина, способного развиваться в условиях цифровой эпохи, не теряя культурной и ценностной идентичности своей страны.

Список литературы:

1. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. Технологические трансформации: рост возможностей и правовой ответ на возникающие риски // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 4. С. 735-740. DOI: 10.21202/jdtl.2024.37 EDN: ACMFLL
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Образовательная экосистема: терминологический аспект // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4(44). С. 5-11. DOI: 10.54509/22203036_2021_4_5 EDN: CZMUJX
3. Дудырев Ф.Ф., Максименкова О.В. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты // Вопро-сы образования. 2020. № 3. С. 255-276. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-255-276 EDN: HYRSLG
4. Кудрина Е.Л., Ярошенко Н.Н., Жарков А.Д. [и др.] Педагогика культуры: теоретические основания и инновационный потенциал: монография. - М.: Московский государственный институт культуры, 2024. - 240 с.
5. Сидорова Е.З. Цифровая, антиэкстремистская и иные виды криминологической безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 181-189. EDN: XDZDJQ

References:

1. Begishev I.R., Zharova A.K., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. Technological transformations: growth of opportunities and legal response to emerging risks // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. No. 4. pp. 735-740.
2. Weindorf-Sysoeva M.E., Subocheva M.L. Educational ecosystem: a terminological aspect // Vocational education in Russia and abroad. 2021. No. 4(44). pp. 5-11.
3. Dudyrev F.F., Maksimenkova O.V. Simulators and simulators in vocational education: pedagogical and technological aspects // Questions of education. 2020. No. 3. pp. 255-276.
4. Kudrina E.L., Yaroshenko N.N., Zharkov A.D. [et al.] Pedagogy of culture: theoretical foundations and innovative potential: a monograph. Moscow: Moscow State Institute of Culture, 2024. 240 p.
5. Sidorova E.Z. Digital, anti-extremist and other types of criminological security of the educational environment // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (115). pp. 181-189.

[1] Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Образовательная экосистема: терминологический аспект // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4(44). С. 5.
[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г.№ 309 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_407

УДК 343

ГИБРИДНЫЕ СХЕМЫ: МОШЕННИЧЕСТВО, СОЕДИНЕННОЕ С ПОСРЕДНИЧЕСТВОМ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ (ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ «РЕШАТЕЛЬСТВА» В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ)
HYBRID SCHEMES: FRAUD COMBINED WITH BRIBERY MEDIATION (PROBLEMS OF QUALIFYING "DECISION-MAKING" IN GOVERNMENT AGENCIES)

СВЕШНИКОВ Артём Владимирович
Аспирант АНО ВО «Российский Новый Университет».
105005, Россия, г. Москва, улица Радио, 22.
e-mail: s.a.v.004@mail.ru

Научный руководитель:
КЛОЧЕНКО Лариса Николаевна
к.ю.н., доцент кафедры Публичного права и уголовно-правовых дисциплин
АНО ВО «Российский Новый Университет».
105005, Россия, г. Москва, улица Радио, 22.
e-mail: larisa-bmstu@yandex.ru

SVESHNIKOV Artem Vladimirovich
Postgraduate student of ANO VO"Russian New University.
22 Radio Street, Moscow, 105005, Russia.
e-mail: s.a.v.004@mail.ru

Scientific supervisor:
KLOCHENKO Larisa Nikolaevna
PhD, Associate Professor of the Department of Public Law and Criminal Law Disciplines
ANO VO"Russian New University.
22 Radio Street, Moscow, 105005, Russia.
e-mail: larisa-bmstu@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются проблемы квалификации действий лица, которое, не имея намерения передавать взятку должностному лицу, получает от заинтересованного гражданина деньги под видом посредничества в решении вопроса в государственном органе и присваивает их себе. Анализируется судебная практика разграничения составов мошенничества (ст. 159 УК РФ) и посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Обосновывается вывод о том, что в отсутствие реального субъекта получения взятки содеянное образует идеальную совокупность преступлений либо требует квалификации исключительно как мошенничество, соединенное с подстрекательством к даче взятки.*

Abstract: *This article examines the classification of the actions of an individual who, without intending to bribe an official, receives money from an interested citizen under the guise of mediation in resolving a matter with a government agency and appropriates it. It analyzes judicial practice in distinguishing between the elements of fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). It substantiates the conclusion that, in the absence of an actual subject accepting the bribe, the act constitutes an ideal set of crimes or requires classification solely as fraud combined with incitement to bribery.*

Ключевые слова: *мошенничество, посредничество во взяточничестве, «решательство», гибридные схемы, квалификация преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм.*

Keywords*: fraud, mediation in bribery, "fixing", hybrid schemes, classification of crimes, competition of criminal law norms.*

Для цитирования: *Свешников А.В. Гибридные схемы: мошенничество, соединенное с посредничеством во взяточничестве (проблемы квалификации «решательства» в государственных органах) // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 407-409. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_407.*

For citation*: Sveshnikov A.V. Hybrid schemes: fraud combined with mediation in bribery (problems of qualifying "decision-making" in government bodies)// Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 407-409. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_407.*

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

В правоприменительной практике последних лет все более распространенным становится феномен так называемого «решательства» — деятельности лиц, которые, не обладая реальными возможностями влиять на принятие решений должностными лицами, предлагают гражданам и организациям свои услуги по «урегулированию» вопросов в государственных органах за вознаграждение. При этом в зависимости от фактических обстоятельств такие действия могут содержать признаки как мошенничества (ст. 159 УК РФ), так и посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), а также подстрекательства к даче взятки [2].

Особую сложность для квалификации представляют ситуации, когда лицо, выступающее в роли посредника, не намерено передавать полученные деньги должностному лицу и присваивает их себе. В доктрине и судебной практике такие случаи получили наименование «гибридных схем» или «мошенничества, замаскированного под коррупцию» [2]. Настоящая статья посвящена анализу уголовно-правовой оценки подобных деяний, выявлению критериев разграничения смежных составов преступлений и обоснованию оптимальных подходов к квалификации [4].

Понятие и признаки посредничества во взяточничестве

Для корректного отграничения мошенничества от посредничества во взяточничестве необходимо определить сущность последнего. Согласно ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, посредничество во взяточничестве выражается в двух альтернативных формах: непосредственной передаче взятки по

поручению взяткодателя или взяткополучателя, а равно в ином способствовании взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Ключевым признаком посредничества является содействие сторонам коррупционной сделки. Посредник выступает связующим звеном между взяткодателем и взяткополучателем, действуя в их интересах и не используя в качестве взятки собственное имущество. Объективная сторона преступления может включать широкий спектр действий: поиск должностного лица, способного «решить вопрос», ведение переговоров, уговоры к «помощи» взяткодателю, организация встреч и т.п.

Принципиально важным является то, что ответственность по ст. 291.1 УК РФ наступает независимо от того, в чьих интересах — взяткодателя или взяткополучателя — действует посредник. Однако во всех случаях предполагается наличие двух реальных сторон коррупционной сделки: лица, дающего взятку, и должностного лица, ее получающего. Именно наличие обоих субъектов коррупционных отношений составляет основное отличие посредничества от мошеннических действий лжепосредника.

Квалификация действий лжепосредника: теоретические подходы

Действия лица, которое, не имея намерения передавать взятку должностному лицу, получает от заинтересованного гражданина деньги под видом посредничества и присваивает их себе, могут быть квалифицированы по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств.

Первый подход заключается в квалификации содеянного исключительно как мошенничество (ст. 159 УК РФ). В этом случае умысел виновного направлен на хищение чужого имущества путем обмана относительно своих намерений и возможностей. Потерпевший, полагая, что передает деньги для передачи должностному лицу, ошибается относительно истинных намерений «посредника». Обман заключается в создании ложного представления о наличии у виновного реальной возможности повлиять на решение должностного лица и о намерении передать ему денежное вознаграждение.

Второй подход предполагает квалификацию как посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) в совокупности с мошенничеством. Данный подход обосновывается тем, что виновный, принимая деньги для передачи взятки, уже совершает действия по способствованию реализации коррупционного соглашения, что образует состав посредничества. Присвоение же денег представляет собой самостоятельное хищение.

Третий подход, получивший отражение в разъяснениях прокуратуры и в судебной практике, состоит в том, что действия лжепосредника, который реально не собирался передавать взятку, следует квалифицировать как мошенничество, а в действиях передавшего ценности для дачи взятки могут быть усмотрены признаки покушения на дачу взятки [3]. При этом сам «посредник» может нести ответственность не только за мошенничество, но и за подстрекательство к покушению на дачу взятки в случае, если первоначально никто не собирался давать взятку, а поддался уговорам «посредника».

Судебная практика и критерии разграничения

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько ключевых критериев, используемых судами при разграничении рассматриваемых составов [5].

Отсутствие реального взяткополучателя является наиболее значимым признаком, свидетельствующим в пользу квалификации содеянного как мошенничество. Если в материалах дела отсутствуют доказательства того, что должностное лицо было осведомлено о предполагаемой взятке или давало согласие на ее получение, действия лжепосредника не могут образовывать состав посредничества во взяточничестве. В такой ситуации имеет место «обман относительно обстоятельств, имеющих значение для передачи имущества» [2].

Направленность умысла также имеет решающее значение. Если умысел виновного изначально был направлен на хищение денежных средств, а обещание передать взятку выступает лишь способом завладения имуществом, содеянное подлежит квалификации как мошенничество. Напротив, если виновный намеревался реально выступить посредником, но впоследствии изменил свои намерения и присвоил деньги, может ставиться вопрос о совокупности преступлений.

Важно отметить, что суды в подобных делах обращают внимание на наличие или отсутствие реальных связей с должностными лицами. Отсутствие таких связей, как правило, свидетельствует о заведомой невозможности выполнить обещанное и подтверждает наличие умысла на хищение.

Проблема идеальной совокупности преступлений

Особую сложность представляет квалификация действий лжепосредника, который одновременно совершает действия, образующие объективную сторону как мошенничества, так и посредничества во взяточничестве. В таких случаях возникает вопрос о наличии идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 291.1 УК РФ.

Представляется, что наличие идеальной совокупности возможно в ситуациях, когда виновный не только обманывает взяткодателя относительно своих намерений, но и реально способствует достижению соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. Однако в чистом виде «гибридные схемы» редко соответствуют такой конструкции, поскольку если взяткополучатель реально существует и достигнуто соглашение о передаче взятки, то факт присвоения посредником денежных средств означает недоведение взятки до адресата, что влечет ответственность посредника за хищение, а взяткодателя — за покушение на дачу взятки.

Более обоснованной представляется позиция, согласно которой в отсутствие реального взяткополучателя содеянное не может квалифицироваться как посредничество во взяточничестве, поскольку отсутствует сам предмет данного преступления. В такой ситуации имеет место единичное преступление — мошенничество, соединенное с подстрекательством к даче взятки (ч. 4 ст. 33 — ст. 291 УК РФ), если взяткодатель не имел ранее намерения давать взятку и был склонен к этому «посредником».

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Действия лица, которое, не имея намерения передавать взятку должностному лицу, получает от заинтересованного гражданина деньги под видом посредничества и присваивает их себе, в отсутствие реального взяткополучателя подлежат квалификации как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

2. Если в процессе совершения таких действий «посредник» склоняет взяткодателя к передаче взятки, ранее не имевшего такого намерения, содеянное дополнительно квалифицируется как подстрекательство к покушению на дачу взятки.

3. Квалификация содеянного как посредничество во взяточничестве возможна только при наличии реального взяткополучателя, осведомленного о передаваемой ему сумме, и реального намерения посредника выполнить свои функции.

4. В целях обеспечения единообразия судебной практики и преодоления конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации «гибридных схем» необходимо руководствоваться принципом приоритетной оценки субъективной стороны преступления — направленности умысла виновного на хищение либо на содействие коррупционной сделке.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с анализом цифровых форм «решательства», включая использование мессенджеров и криптовалют для осуществления подобных мошеннических схем, а также с изучением вопросов дифференциации ответственности посредников в зависимости от степени их вовлеченности в коррупционные отношения.

Список литературы:

1. Гражданское законодательство: судебная практика по ст. 66.2 ГК РФ. – URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika-po-st-66.2-gk1/sou;
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. – 2017. – 11 дек.
3. Прокуратура города Копейска. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: https://akgo74.ru/about/info/prosecutor/26607/ (дата обращения: 26.02.2026).
4. Суд просят не отделять общее от частного: [обзор практики по делам о коррупции] // Коммерсантъ. – 2026. – 15 марта. – С. 4.
5. Судебная практика Третьего кассационного суда общей юрисдикции. Дело № 8а-18443/2025. – 2025.

References:

1Civil Law: Case Law on Article 66.2 of the Civil Code of the Russian Federation. Available at: https://lawnotes.ru/sudpraktika-po-st-66.2-gk1/sou;
1. Case Law on Fraud, Misappropriation, and Embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017, No. 48 (as amended on June 29, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. December 11, 2017.
2. Kopeysk City Prosecutor's Office. Criminal Liability for Acting as an Agent in Bribery [Electronic Resource]. Available at: https://akgo74.ru/about/info/prosecutor/26607/ (Accessed: February 26, 2026).
3. The court is asked not to separate the general from the particular: [review of practice in corruption cases] // Kommersant. – 2026. – March 15. – P. 4.
4. Judicial practice of the Third Cassation Court of General Jurisdiction. Case No. 8a-18443/2025. – 2025.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_410

УДК 343.13

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
PROTECTING THE PERSONAL DATA OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

РОГАВА Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Ростов-на-Дону)
Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66.
E-mail.ru: inga-rogava@mail.ru;
SPIN-код: 4127-4591,
AuthorID: 778637

ROGAVA Inga Georgievna,
senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev » (Rostov-on-Don).
Russia, Rostov-on-Don, Lenin Ave., 66.
E-mail.ru: inga-rogava@mail.ru;
SPIN-код: 4127-4591,
AuthorID: 778637

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу проблем и перспектив обеспечения защиты персональных данных участников уголовного судопроизводства в условиях активной цифровой трансформации российской системы правосудия. Рассматривается, как внедрение электронного документооборота, формирование полностью электронных уголовных дел, использование государственной автоматизированной системы «Правосудие», дистанционных технологий участия в процессуальных действиях (видеоконференцсвязь, веб-конференции) и интеграция ведомственных информационных ресурсов существенно повышают скорость, экономичность и доступность уголовного процесса, одновременно создавая принципиально новые риски для конфиденциальности и безопасности личности.*

Особое внимание уделяется специфике персональных данных в уголовном процессе: их принудительному сбору без согласия субъекта в публичных интересах, высокой чувствительности сведений (здоровье, социальные связи, имущественное положение, биометрия, поведенческие характеристики), а также усилению уязвимостей за счёт централизации данных, расширения круга лиц с доступом, удалённой передачи и возможности перекрестного сопоставления массивов информации.

Автором систематизируются основные группы угроз: внешние кибератаки и внутренние утечки, деанонимизация защищённых лиц, компрометация электронных доказательств, недостаточная защищённость каналов видеосвязи, человеческий фактор и технические сбои. Проводится оценка действующего правового механизма защиты (конституционные принципы, УПК РФ, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», нормы о тайне следствия, закрытых заседаниях, государственной защите участников, криптографических средствах, электронной подписи, ответственности по УК РФ и КоАП РФ), выявляются его пробелы и несоответствие реалиям цифровой среды.

На основе проведённого анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства: введение в УПК РФ самостоятельной статьи о защите персональных данных в уголовном судопроизводстве, уточнение правил применения видеоконференцсвязи, установление обязательных требований безопасности к информационным системам и электронным доказательствам, усиление обезличивания и псевдонимизации, повышение квалификационных требований к должностным лицам в сфере информационной безопасности.

В заключение подчёркивается, что без своевременной и комплексной адаптации нормативной базы преимущества цифровизации уголовного судопроизводства рискуют превратиться в системную угрозу конституционным правам на неприкосновенность частной жизни, безопасность участников процесса и общественное доверие к институту правосудия в целом.

Abstract: *The article provides an in-depth examination of the protection of personal data of participants in criminal proceedings within the framework of the ongoing digital transformation of the Russian justice system. It analyzes how the introduction of electronic document management, fully digital criminal case files, the State Automated System "Justice" (GAS "Pravosudie"), remote procedural participation via videoconferencing and web-conferencing, as well as inter-agency data integration, significantly improve the speed, cost-efficiency, and accessibility of criminal justice, while simultaneously generating fundamentally new and heightened risks to personal privacy and security.*

Special focus is given to the unique nature of personal data in criminal proceedings: their compulsory collection without the data subject's consent for public interest purposes, the extreme sensitivity of the information involved (health, social connections, financial status, biometric data, behavioral patterns), and the amplification of vulnerabilities due to data centralization, broadened access rights, remote transmission, and the potential for cross-referencing across databases.

The author classifies the principal threat categories: external cyberattacks and insider leaks, re-identification of protected persons, compromise of electronic evidence, insecurity of videoconferencing channels, human factor errors, and technical failures. A critical assessment is made of the existing legal framework (constitutional principles, provisions of the Code of Criminal Procedure, Federal Law No. 152-FZ "On Personal Data", rules on investigation secrecy, closed hearings, state protection of participants, cryptographic safeguards, electronic signatures, and liability under the Criminal Code and Code of Administrative Offences), revealing significant gaps and inadequacies in addressing digital-era realities.

Based on this analysis, concrete legislative proposals are put forward: incorporation into the Code of Criminal Procedure of a dedicated article on personal data protection in criminal proceedings, refinement of videoconferencing rules, mandatory security standards for information systems and electronic evidence, enhanced pseudonymization and anonymization practices, and improved training and accountability requirements for justice system personnel in the field of information security.

The article concludes that, without prompt and comprehensive adaptation of the legal framework, the benefits of digitalization in criminal justice may turn into systemic risks to constitutional rights to privacy, the safety of process participants, and public trust in the institution of criminal justice as a whole.

Ключевые слова: *цифровизация уголовного судопроизводства, персональные данные, защита информации, электронное уголовное дело, ГАС «Правосудие», видеоконференцсвязь, несанкционированный доступ, обезличивание данных, уголовно-процессуальное законодательство, информационная безопасность.*

Keywords: *digitalization of criminal proceedings, personal data protection, electronic criminal case, Justice GAS, videoconferencing, unauthorized access, data pseudonymization, Code of Criminal Procedure, information security, privacy safeguards.*

Для цитирования: *Рогава И.Г. Защита персональных данных участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 410-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_410.*

For citation*: Rogava I.G. Protection of personal data of participants in criminal proceedings in the context of digitalization // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 410-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_410.*

Статья поступила в редакцию: 19.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства в Российской Федерации представляет собой сложный и многоплановый процесс, обусловленный как развитием информационно-коммуникационных технологий, так и необходимостью модернизации механизмов осуществления правосудия. Переход к электронному документообороту, использование государственных информационных систем, внедрение дистанционных форм участия в процессуальных действиях объективно способствуют оптимизации процессуальных сроков, снижению издержек и повышению уровня управляемости уголовного судопроизводства [1]. Вместе с тем указанные процессы объективно усложняют правовой режим информации, циркулирующей в рамках уголовного судопроизводства.

Переход от преимущественно бумажной формы уголовного дела к электронным форматам хранения и обработки информации обусловил качественные изменения в характере обращения с данными. Существенно возрос объем обрабатываемых сведений, расширились способы их фиксации, передачи и тиражирования. Доступ к материалам уголовного дела все чаще осуществляется посредством сетевых технологий, что требует пересмотра традиционных подходов к обеспечению конфиденциальности и защиты прав участников процесса [2, с. 67].

В структуре охраняемой информации особое значение приобретают персональные данные участников уголовного судопроизводства. Их правовой режим формируется на пересечении норм информационного и уголовно-процессуального законодательства. При этом специфика уголовного судопроизводства заключается в том, что сбор и обработка персональных данных зачастую осуществляются независимо от согласия субъекта, поскольку обусловлены публичными интересами раскрытия и расследования преступлений [3, с. 50]. Данное обстоятельство усиливает необходимость формирования эффективных правовых гарантий, направленных на предотвращение злоупотреблений и незаконного распространения сведений.

Содержание персональных данных в уголовном судопроизводстве отличается высокой степенью уязвимости. Помимо основных сведений идентификационного характера, в материалах уголовного дела также фигурируют данные, отражающие различные стороны жизни лица (социальные связи, состояние здоровья, имущественное положение) [4, с. 145]. В силу действия гласности как общего условия судебного разбирательства возрастает риск распространения таких сведений, что требует применения дополнительных гарантий и ограничений. Кроме того, и продолжающаяся цифровизация судопроизводства делает уязвимыми данные сведения, причем новыми способами: расширение круга субъектов, имеющих доступ к информации, объединение баз данных различных ведомств и др. [5, с. 37]. При этом последствия утечек персональных данных в уголовном судопроизводстве могут выходить за рамки индивидуального вреда, затрагивая интересы правосудия в целом, включая достоверность доказательственной базы и безопасность участников процесса.

Правовое регулирование защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве базируется на конституционных принципах неприкосновенности частной жизни и охраны информации о личности [6], а также на положениях уголовно-процессуального законодательства, определяющих пределы допустимого вмешательства в частную сферу личности, устанавливая процедурные формы получения и использования информации, имеющей значение для уголовного дела [7]. Существенное значение имеет Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», закрепляющий универсальное определение персональных данных как любой информации, относящейся к определённому или определяемому физическому лицу [8].

В контексте уголовного судопроизводства данное определение приобретает расширенное толкование, поскольку практически вся информация, содержащаяся в материалах уголовного дела, при определенных условиях позволяет идентифицировать конкретного субъекта. К числу таких данных относятся анкетные сведения, информация о месте жительства и работы, семейном положении, а также сведения, полученные в ходе процессуальной деятельности: показания, заключения экспертов, протоколы следственных действий и иные доказательства.

Особенность защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве состоит в сочетании принципа гласности и требования конфиденциальности. Гласность обеспечивает открытость, прозрачность и доступность информации о судебных процессах для общества и СМИ, но не является абсолютной и в случаях, предусмотренных законом, подлежит ограничению (например, закрытые судебные здания по делам, связанным с охраняемой законом тайной).

Цифровизация уголовного судопроизводства требует адаптации указанных механизмов к новым технологическим условиям. Использование электронных носителей информации, автоматизированных систем учета и хранения данных, а также дистанционных каналов взаимодействия между участниками процесса обусловливает необходимость внедрения дополнительных правовых и технических гарантий защиты персональных данных. К их числу относятся разграничение прав доступа, криптографическая защита информации, ведение журналов операций и иные меры, направленные на предотвращение неправомерного использования данных.

Внедрение цифровых технологий в сферу уголовного судопроизводства представляет собой объективный процесс, направленный на повышение оперативности, прозрачности и экономичности правосудия. Вместе с тем переход к электронным формам фиксации, хранения и передачи процессуальной информации существенно трансформирует традиционные механизмы обеспечения конфиденциальности и порождает качественно новые риски нарушения прав субъектов персональных данных.

Одним из ключевых направлений цифровизации выступает формирование электронного уголовного дела и внедрение систем автома-

тизированного документооборота, в частности в рамках государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Такие решения позволяют существенно ускорить обмен материалами между органами предварительного расследования, прокуратурой и судами, минимизировать бумажный оборот и обеспечить удалённый доступ уполномоченных лиц к материалам [9, с. 135].

Однако концентрация значительных объёмов чувствительной информации, включая специальные категории персональных данных, в централизованных цифровых хранилищах объективно повышает уровень уязвимости таких систем.

Практика обеспечения информационной безопасности свидетельствует о том, что угрозы утечки данных обусловлены не только внешними кибератаками, но и внутренними факторами, связанными с недостаточной регламентацией доступа, слабым контролем действий пользователей и использованием небезопасных технических средств. Дополнительным подтверждением уязвимости цифровой инфраструктуры являются сбои в функционировании государственных информационных систем, демонстрирующие критическую зависимость процесса осуществления правосудия от их устойчивости [10].

В этих условиях обеспечение защиты персональных данных требует комплексного подхода, включающего не только внедрение современных технических решений (шифрование, многофакторная аутентификация, сегментация сетей), но и совершенствование процессуального регулирования, определяющего порядок доступа к материалам уголовного дела в цифровой форме.

Существенным элементом цифровизации является расширение применения дистанционных форм участия в судебном разбирательстве, включая использование видеоконференцсвязи и веб-конференций (ч. 2¹ ст. 241 УПК РФ, ст. 278¹ УПК РФ). Закрепление соответствующих норм в уголовно-процессуальном законодательстве позволило обеспечить участие различных субъектов процесса вне зависимости от их территориального положения [11, с. 223]. Особенно актуальным данное направление стало в период ограничительных мер, а также при рассмотрении дел с участием лиц, находящихся в удалённых регионах или за пределами Российской Федерации.

Однако наряду с очевидными преимуществами данные технологии порождают специфические угрозы, связанные с возможностью перехвата передаваемой информации, несанкционированного подключения третьих лиц, а также трудностями достоверной идентификации участников. Как обоснованно отмечается в научной литературе, указанные риски включают потенциальную компрометацию аудиовизуальных данных, утечку биометрической информации и иные формы нарушения конфиденциальности при недостаточном уровне защиты каналов связи [12, с. 137]. При этом действующее нормативное регулирование технических требований к средствам видеоконференцсвязи не в полной мере учитывает специфику уголовного судопроизводства, где даже косвенное раскрытие сведений о личности может повлечь угрозу безопасности участников процесса [13, с. 15].

Обобщение существующих угроз позволяет выделить несколько их основных групп.

Во-первых, это риски несанкционированного доступа к цифровым материалам уголовного дела, реализуемые как посредством внешнего воздействия на информационные системы, так и вследствие нарушений внутреннего режима доступа [14, с. 139].

Во-вторых, сохраняется опасность раскрытия сведений о защищаемых участниках процесса, включая возможность деанонимизации данных путём сопоставления различных информационных массивов.

В-третьих, значительную проблему представляет недостаточная защищённость электронных доказательств, что может привести к их искажению или неправомерному использованию [15, с. 135].

Наконец, существенное влияние оказывает человеческий фактор, проявляющийся как в умышленных нарушениях, так и в неосторожных действиях пользователей [16, с. 31].

В условиях возрастания указанных рисков правовой режим защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве основывается на совокупности норм уголовно-процессуального и информационного законодательства, включая положения Федерального закона «О персональных данных», а также подзаконных актов, регламентирующих функционирование государственных информационных систем.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает комплекс специальных мер, направленных на минимизацию рисков неправомерного разглашения персональных данных на всех стадиях производства по делу. К числу ключевых гарантий относятся:

-жёсткое ограничение круга лиц, допускаемых к ознакомлению с материалами уголовного дела, в том числе в электронной форме (ст. ст. 216–217 УПК РФ), с обязательным учётом принципа необходимости и соразмерности доступа;

-возможность проведения закрытых судебных заседаний полностью или в части при наличии угрозы разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, либо при риске для безопасности участников процесса (ч. 2 ст. 241 УПК РФ), что приобретает особую актуальность в делах с использованием видеоконференц-связи [7];

-запрет на разглашение данных предварительного расследования без разрешения следователя или прокурора (ст. 161 УПК РФ), нарушение которого влечёт уголовную ответственность (ст. 310 УК РФ), а в случае утечки персональных данных — дополнительно квалифицируется по ст. 272¹ УК РФ.;

-институты государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников (Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [17]), включая замену подлинных данных псевдонимами, изменение внешности и места жительства, что позволяет эффективно обезличивать информацию в цифровых материалах дела.

Указанные нормы, хотя и не всегда прямо упоминают «персональные данные», фактически обеспечивают их защиту через категорию сведений ограниченного доступа и принципы тайны следствия. Вместе с тем практика показывает, что в условиях цифровизации требуется более

детальная регламентация порядка обезличивания и псевдонимизации данных при их размещении в ГАС «Правосудие» и иных системах.

Реализация процессуальных гарантий в цифровой среде опирается на комплекс сертифицированных технических решений и организационных процедур, обязательных для операторов государственных информационных систем (судов, Следственного комитета, органов МВД и прокуратуры):

-применение сертифицированных средств криптографической защиты информации при передаче данных по каналам связи и хранении в электронных хранилищах, включая использование квалифицированной электронной подписи для удостоверения процессуальных документов (Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»);

-реализация многофакторной аутентификации, ролевого разграничения доступа (RBAC) и непрерывного аудита действий пользователей в ГАС «Правосудие» и ведомственных системах, что позволяет оперативно выявлять попытки несанкционированного доступа;

-сегментация сетевой инфраструктуры, применение межсетевых экранов следующего поколения (NGFW) и систем обнаружения вторжений (IDS/IPS), а также обязательное шифрование трафика при проведении удалённых судебных заседаний посредством ВКС и веб-конференции;

-регулярное проведение аттестации объектов информатизации на соответствие требованиям по защите информации, включая моделирование угроз и оценку остаточных рисков.

На практике указанные меры дополняются ведомственными инструкциями по обработке персональных данных в уголовном процессе, утверждёнными в соответствии со ст. 18[1] Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», где акцент делается на минимизации объёма обрабатываемых данных, обезличивании при публикации судебных актов и уничтожении (анонимизации) материалов по истечении сроков хранения.

Неотъемлемым элементом системы защиты персональных данных выступает институт юридической ответственности. В условиях цифровизации законодатель усиливает меры воздействия за нарушения в сфере обработки информации, предусматривая как административную (ст.ст. 13.11–13.13 КоАП РФ), так и уголовную ответственность (ст. 137 УК РФ) за посягательства на неприкосновенность частной жизни и незаконное обращение с персональными данными. Применение указанных санкций выполняет не только репрессивную, но и превентивную функцию, стимулируя соблюдение установленных требований и формируя надлежащую правоприменительную практику.

Современный этап цифровизации уголовного судопроизводства выявляет ряд противоречий между развитием информационных технологий и состоянием нормативного регулирования. Прежде всего обращает на себя внимание отставание уголовно-процессуального законодательства от практики использования цифровых инструментов, включая электронный документооборот и системы видеоконференцсвязи. Т.е. сложилась ситуация, когда регулирование вопросов обработки, хранения и передачи персональных данных происходит лишь на уровне подзаконных актов.

Кроме того, риски связаны и с проведением процессуальных действий с использованием дистанционных технологий. Ввиду отсутствия общих требований к защите персональных данных при использовании системы ВКС создаются угрозы неправомерного доступа и утечки информации [18, с. 167].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства путём его адаптации к условиям цифровой среды.

Во-первых, ввести общую норму о защите персональных данных путем дополнения УПК РФ новой статьёй 11.1 следующего содержания:

«Статья 11.1. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве»

1. Обработка персональных данных участников уголовного судопроизводства допускается исключительно в целях осуществления уголовного судопроизводства и в объёме, необходимом для достижения указанных целей.

2. Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны обеспечивать защиту персональных данных от неправомерного доступа, уничтожения, изменения или распространения.

3. Использование информационных систем допускается при условии соблюдения требований законодательства о персональных данных и информации».

Во-вторых, уточнить порядок использования видеоконференцсвязи путем дополнения статьи 241[1] УПК РФ частью 3.1 следующего содержания:

«При проведении судебного заседания с использованием систем видеоконференцсвязи должны обеспечиваться: достоверная идентификация личности участников; применение сертифицированных средств защиты информации; недопущение доступа посторонних лиц к передаваемой информации; фиксация технических сбоев и попыток несанкционированного доступа».

В-третьих, закрепить требования к информационным системам, дополнив статью 74 УПК РФ частью 6.1 следующего содержания:

«Электронные доказательства и иные сведения, содержащие персональные данные, признаются допустимыми при условии их получения и хранения с использованием информационных систем, отвечающих требованиям безопасности, включая разграничение доступа, регистрацию действий пользователей и защиту от несанкционированного вмешательства».

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства существенно повышает его оперативность и доступность, но одновременно резко увеличивает риски неправомерного доступа, утечек и компрометации персональных данных участников процесса. Концентрация чувствительной информации в электронных системах, удалённый доступ и видеосвязь создают новые уязвимости, которые не в полной мере покрываются действующим законодательством, ориентированным преимущественно на «бумажную» эпоху.

Сохранение баланса между эффективностью правосудия и гарантиями неприкосновенности частной жизни требует системных изменений: введения в УПК РФ специальных норм о защите персональных данных в цифровой среде; ужесточения технических требований к информационным системам и каналам дистанционного участия; совершенствования обезличивания данных на всех стадиях производства; повышения цифровой грамотности и персональной ответственности должностных лиц.

Без своевременной и глубокой адаптации правового регулирования преимущества цифровизации могут обернуться угрозой фундаментальным правам граждан и подорвать доверие общества к системе уголовного правосудия.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.
2. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для вузов / И. Л. Бачило. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2026. - 419 с.
3. Альханов, Н. М., Исипова, Л. Р. Персональные данные и частная жизнь как объекты правовой защиты // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 9. - С. 52-55. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_9_52 EDN: NWRYSV
4. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / Под общ. ред. В.М. Лебеде-ва. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. - 936 с.
5. Галяшина, Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2020. - № 6(70). - С. 33-43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.033-043 EDN: JLECOZ
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013 (дата обращения: 20.03.2026).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных" // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
9. Смолькова, И. В. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. - 2025. - № 1(79). - С. 134-142. DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.15 EDN: CPSUZS
10. Хакеры серьезно поломали российские суды. Не работают сайты, ГАС "Правосудие" и интернет-телефония на базе древнего сервиса Microsoft Lynchttps://www.cnews.ru/news/top/2024-10-09_hakery_serezno_polomali (дата обращения: 22.03.2026).
11. Одноралова, Ю. В. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве России: генезис, современное состояние и тенденции дальнейшей ин-теграции // Правовое государство: теория и практика. - 2025. - № 1(79). - С. 222-226. DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.24 EDN: ISBUKE
12. Миронова, Е. Ю. К вопросу о перспективах и рисках применения веб-конференции в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сего-дня, завтра. - 2024. - № 1(29). - С. 135-149. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.12.61.013 EDN: UAQIEA
13. Количенко, А. А., Мушаков, В. Е., Грачева, О. А. Особенности обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом участнике уголовного процесса в условиях цифровизации // Полицейская деятельность. - 2024. - № 4. - С. 14-24. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.4.71325 EDN: RRTPAI
14. Жагинова, А. А. Цифровизация уголовного процесса в российском судопроизводстве // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сбор-ник статей XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 10 июня 2025 года. - Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. - С. 138-141. EDN: EGTDGP
15. Чучаев, А. И., Грачева, Ю. В., Маликов, С. В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Правосудие. - 2019. - Т. 1. - № 2. - С. 133-155. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.133-155 EDN: MHCDLL
16. Петров, И. В., Байчорова, Д. Н., Буйниченко, В. Р. Правовая защита персональных данных граждан в сервисах цифровых государственных плат-форм // Вестник экономики и права. - 2025. - № 103. - С. 31-38. EDN: UDHLFI
17. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизвод-ства" // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.
18. Лазарева, В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебник для вузов / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2026. - 260 с.

***References*:**

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, No. 309, "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030 and Through 2036" // Collected Legislation of the Russian Federation. May 13, 2024. No. 20. Article 2584.
2. Bachilo, I. L. Information Law: Textbook for Universities / I. L. Bachilo. - 5th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait, 2026. - 419 p.
3. Alkhanov, N. M., Isipova, L. R. Personal Data and Privacy as Objects of Legal Protection // Agrarian and Land Law. - 2025. - No. 9. - pp. 52-55. 4. Criminal Procedure Law: a textbook for bachelor's, specialist's, master's and postgraduate studies / Under the general editorship of V. M. Lebedev. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. - 936 p.
5. Galyashina, E. I. The concept of information (ideological) security in Internet media in the context of speech studies expertise // Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). - 2020. - No. 6 (70). - P. 33-43.
6. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 [as amended] // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013 (date accessed: 20.03.2026)
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (Part 1). Art. 4921.
8. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 31.07.2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.
9. Smolkova, I.V. Protection of Personal Data in Criminal Proceedings // Rule of Law: Theory and Practice. – 2025. – No. 1 (79). – Pp. 134-142.
10. Hackers have seriously hacked Russian courts. Websites, the State Automated System "Pravosudiye," and internet telephony based on the ancient Microsoft Lync service are down https://www.cnews.ru/news/top/2024-10-09_hakery_serezno_polomali (accessed: March 22, 2026)
11. Odnoralova, Yu. V. Videoconferencing in Criminal Proceedings in Russia: Genesis, Current Status, and Trends of Further Integration // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2025. – No. 1 (79). – Pp. 222-226.
12. Mironova, E. Yu. On the Prospects and Risks of Using Web Conferencing in Criminal Proceedings // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. - 2024. - No. 1 (29). - P. 135-149.
13. Kolichenko, A. A., Mushakov, V. E., Gracheva, O. A. Features of Ensuring the Confidentiality of Information about a Protected Participant in Criminal Proceedings in the Context of Digitalization // Police Activity. - 2024. - No. 4. - P. 14-24.
14. Zhaginova, A. A. Digitalization of Criminal Procedure in Russian Legal Proceedings // Current Issues of Society, Science and Education: Collection of Articles from the XXII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, Penza, June 10, 2025. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. – Pp. 138-141.
15. Chuchaev, A.I., Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. Digitalization and its criminal-law risks // Justice. – 2019. – Vol. 1. - No. 2. – Pp. 133-155.
16. Petrov, I.V., Baichorova, D.N., Buinichenko, V.R. Legal protection of citizens' personal data in the services of digital government platforms // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – No. 103. – Pp. 31-38.
17. Federal Law of August 20, 2004, No. 119-FZ "On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings" // Collected Legislation of the Russian Federation. August 23, 2004. No. 34. Article 3534.
18. Lazareva, V. A. Protection of individual rights in criminal proceedings in Russia: a textbook for universities / V. A. Lazareva, V. V. Ivanov, A. K. Utarbaev. - 5th ed., revised. and additional. - M .: Yurait, 2026. - 260 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_415

УДК 331.31

ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ ТАБЕЛЕЙ УЧЕТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И ЕДИНЫЕ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРИ ЗАПОЛНЕНИИ ТАБЕЛЕЙ УЧЕТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROCEDURE FOR MAKING TIME SHEETS AND UNIFORM SYMBOLS WHEN MAKING TIME SHEETS IN INSTITUTIONS AND BODIES OF THE CRIMINAL EXECUTION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

СТЕПАНОВ Денис Владимирович,
преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: sdv89377345734sdv@yandex.ru

БОРОДИН Андрей Евгеньевич
старший преподаватель кафедры организации режима юридического факультета
ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (Университет ФСИН России).
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А.
E-mail: andrei-79s@yandex.ru

STEPANOV Denis Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Mode Organization and Supervision in the Penitentiary System of the Law Faculty
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service"
(Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia).
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya Street, 1.
E-mail: sdv89377345734sdv@yandex.ru

BORODIN Andrey Evgenievich
Senior Lecturer at the Department of Regime Organization, Faculty of Law, St. Petersburg University
of the Federal Penitentiary Service of Russia (University of the Federal Penitentiary Service of Russia).
196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A.
E-mail: andrei-79s@yandex.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье проанализирован порядок ведения табелей учета использования рабочего времени сотрудников в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и условные обозначения, применяемые при их заполнении. Выработаны предложения по ведению табелей учета использования рабочего времени и по применению единых условных обозначений при заполнении табелей учета использования рабочего времени сотрудников в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.*

Abstract. *This article analyzes the procedure for maintaining time sheets for employees in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation, as well as the symbols used in their filling. The article also proposes suggestions for maintaining time sheets and using uniform symbols when filling time sheets for employees in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *сотрудник, табель учета использования рабочего времени, условные обозначения, исполнитель, ответственный исполнитель.*

Keywords: *employee, time sheet, symbols, performer, responsible performer.*

Для цитирования: *Степанов Д.В., Бородин А.Е. Порядок ведения табелей учета использования рабочего времени и единые условные обозначения при заполнении табелей учета использования рабочего времени в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_415.*

For citation*: Stepanov D.V., Borodin A.E. The procedure for maintaining time sheets for recording the use of working time and uniform symbols used when filling out time sheets for recording the use of working time in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation.// Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_415.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Табель учета использования рабочего времени (код формы 0504421) (далее - Табель) применяется для учета использования рабочего времени сотрудников в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) Российской Федерации и регистрации различных случаев отклонений от нормального использования рабочего времени. Табель ведется сотрудниками, которые определяются приказом руководителя (начальника) учреждения или органа УИС, ежемесячно в разрезе структурных подразделений (отделов, отделений, групп, факультетов, кафедр, лабораторий и других структурных подразделений). Указанные сотрудники несут ответственность за правильность и полноту заполнения Табеля.

В Табеле регистрируются случаи отклонений от нормального использования рабочего времени, установленного правилами внутреннего служебного распорядка, и фактические затраты рабочего времени. В верхней половине строки по каждому сотруднику, у которого имелись отклонения от нормального использования рабочего времени, записываются часы отклонений, а в нижней - условные обозначения отклонений. В нижней части строки записываются также часы работы в ночное время.

В сроки, установленные порядком документооборота учреждения или органа УИС сотрудником, ответственным за ведение Табеля, отражается количество дней (часов) неявок (явок), а также количество часов по видам переработок (сверхурочная работа, работа в выходные и нерабочие праздничные дни, работа в ночное время) с записью их в соответствующие графы. Заполненный Табель подписанный лицом, на которое возложено ведение Табеля (исполнитель), а также руководителем структурного подразделения учреждения или органа УИС (ответственный исполнитель), передается в кадровое подразделение с целью учета служебного времени для дальнейшего издания приказов о предоставлении компенсаций и передачи в бухгалтерию (финансовое подразделение) учреждения или органа УИС.

При обнаружении лицом, ответственным за ведение Табеля, факта не отражения отклонений или неполноты представленных сведений об учете рабочего времени (представление сотрудником листка нетрудоспособности, приказа (распоряжения) о направлении сотрудника в командировку, приказа (распоряжения) о предоставлении отпуска сотруднику и других документов, в том числе в связи с поздним представлением документов), лицо, ответственное за ведение Табеля, обязано учесть необходимые изменения и представить корректирующий Табель, составленный с учетом изменений в порядке и сроки, предусмотренные документооборотом учреждения или органа УИС.

В строке «Вид табеля» указывается значение «первичный», при представлении Табеля с внесенными в него изменениями, указывается значение "корректирующий", при этом при заполнении показателя "Номер корректировки" указывается:

- цифра "0" проставляется в случае представления лицом, ответственным за ведение Табеля, первичного Табеля;

- цифры, начиная с "1", проставляются согласно порядковому номеру корректирующего Табеля (корректировки) за соответствующий расчетный период.

Данные корректирующего Табеля служат основанием для перерасчета заработной платы за календарные месяцы, предшествующие текущему месяцу начисления заработной платы.

Выплата денежного довольствия сотрудникам учреждений и органов УИС за текущий месяц производится один раз в период с 20 по 25 число. В этот же период выплачивается денежное довольствие, пересчитанное в связи с присвоением специального звания, назначением на должность, изменением размера надбавки за выслугу лет и по другим основаниям, влекущим изменение размера денежного довольствия. В связи с чем рекомендуется предоставлять Табель за текущий месяц не позднее 3 числа начала следующего месяца. Если 3 число месяца приходится на выходной или нерабочий праздничный день, то рекомендуется предоставлять Табель в следующий за ним рабочий день.

Проанализировав порядок ведения Табеля в ряде территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний и подведомственных им учреждениях и условные обозначения, используемые при его заполнении, можно сделать вывод, что Табель ведется с нарушениями требований руководящих документов (в верхней половине строки записываются условные обозначения, в нижней - часы отклонений или фактические затраты рабочего времени, а в некоторых табелях и вовсе отсутствуют условные обозначения; работа в ночное время отражается в полном объеме (с 22.00 до 06.00 в количестве 8 часов), однако в соответствии с правилами внутреннего служебного распорядка сотрудникам предоставлялся дополнительный перерыв для отдыха и питания от одного до четырех часов)), а условные обозначения имеют существенные отличия.

Учитывая, что учреждения и органы УИС вправе самостоятельно дополнять применяемые условные обозначения при заполнении Табеля в рамках формирования своей учетной политики, в целях недопущения нарушений требований руководящих документов, качественного и правильного ведения Табеля, предлагается использовать в учреждениях и органах УИС единые условные обозначения:

Ф – продолжительность работы в дневное время;

Н – продолжительность работы в дневное и ночное время;

РП – продолжительность работы в выходные и нерабочие праздничные дни;

РПН – продолжительность работы в выходные, нерабочие праздничные дни и ночное время;

В – выходной или нерабочий праздничный день;

К – служебная командировка;

КВ – служебная командировка, выпадаемая на выходной или нерабочий праздничный день;

О – отпуск (основной, дополнительный (за стаж службы в УИС и ненормированный служебный день), по личным обстоятельствам, ветеранам боевых действий));

ОВ – отпуск (основной, дополнительный (за стаж службы в УИС и ненормированный служебный день), по личным обстоятельствам, ветеранам боевых действий)), выпадаемый на выходной или нерабочий праздничный день;

ОУ – дополнительный отпуск в связи с обучением с сохранением среднего заработка сотрудникам, совмещающим службу с обучением;

ОУВ - дополнительный отпуск в связи с обучением с сохранением среднего заработка сотрудникам, совмещающим службу с обучением, выпадаемый на выходной или нерабочий праздничный день;

ОР – отпуск по беременности и родам (в связи с усыновлением новорожденного ребенка)

ОРВ – отпуск по беременности и родам (в связи с усыновлением новорожденного ребенка), выпадаемый на выходной или нерабочий праздничный день;

Б – временная нетрудоспособность (нетрудоспособность по беременности и родам);

БВ – временная нетрудоспособность (нетрудоспособность по беременности и родам), выпадаемая на выходной или нерабочий праздничный день;

П – прогул;

НН – неявка по невыясненным причинам.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 5 августа 2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».
3. Приказ Министерства финансов РФ от 30 марта 2015 г. № 52н «Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению».
4. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 16 августа 2021 г. № 701 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

References:

1. Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment"
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated August 5, 2021 No. 132 "On the organization of service in the penal system of the Russian Federation".
3. Order No. 52n of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated March 30, 2015 "On Approval of the Forms of Primary Accounting Documents and Accounting Registers Used by State Authorities (State Bodies), Local Governments, State Management Bodies of Funds, State (Municipal) Institutions, and methodological decrees on their implementation."
4. Order No. 701 of the Federal Penitentiary Service dated August 16, 2021 "on Approval of the Procedure for Providing monetary funds to employees of the penal enforcement system of the Russian Federation".

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_418

УДК 343.3/7

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН, ПОСЯГАЮЩИЙ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
ENVIRONMENTAL CRIMES AS A LEGAL PHENOMENON THAT INFRINGES ON ENVIRONMENTAL SAFETY

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат военных наук, доцент, 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, 196105, Russia.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *проводится многоаспектный анализ юридических признаков экологических преступлений, посягающих на экологическую безопасность. Автор излагает свое отношение к юридической природе экологических преступлений. Предложены уголовно-правовые и криминологические средства противодействия этому виду правонарушений.*

Abstract: *The article provides a multi-aspect analysis of the legal features of environmental crimes that infringe on environmental safety. The author expresses his opinion on the legal nature of environmental crimes. The article proposes criminal law and criminological measures to counter this type of offense.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность; правовое регулирование; охрана окружающей среды; рациональное природопользование.*

Keywords: *environmental safety; legal regulation; environmental protection; rational nature management.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Экологические преступления как правовой феномен, посягающий на экологическую безопасность // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 418-422. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_418.*

For citation*: Pyanusov A.V. Environmental crimes as a legal phenomenon encroaching on environmental safety. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 418-422. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_418.*

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026
Дата публикации: 29.05.2025

По мнению ученых, безответственное и потребительское отношение к природе поставило мир на грань экологической катастрофы. Природа находится в столь критическом состоянии, что ее неблагополучие отражается на условиях жизни и здоровья людей, растет число генетических отклонений, сокращается продолжительность жизни.

На Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 г. генеральный секретарь конференции Морис Стронг заявил: «Или будет спасен весь мир, или погибнет вся цивилизация». Перед человечеством со всей очевидностью встали задачи прекращения сверх эксплуатации природных ресурсов земли, налаживания во всех регионах мира рационального природопользования, обеспечения в глобальных масштабах научно обоснованных мер по охране окружающей природной среды.

За последние 15 – 20 лет во всех развитых странах разработан и осуществлен комплекс экономических, технических, технологических, правовых и других мер, направленных на охрану окружающей среды. Развивается природоохранное законодательство, возникают общества, движения и организации, помимо государственных, выступающие против загрязнения окружающей среды и других отрицательных последствий научно-технического прогресса.

Вместе с тем, среди части населения все еще бытует мнение о неисчерпаемости природных ресурсов, о беспредельных возможностях окружающей среды к самовосстановлению, что приводит к недооценке характера и степени общественной опасности нарушений природоохранного законодательства. За последние 20 лет сложилась устойчивая тенденция увеличения абсолютного числа регистрируемых экологических преступлений. Так, например, в России в 2009 г. было зарегистрировано 12 413 экологических преступлений, что составило по отношению к 1999 г. + 363,7%)[1].

Право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, провозглашается Конституцией Российской Федерации (ст. 42)[2]. Одной из гарантий этого права является научно обоснованная система уголовно-правовых норм, обеспечивающих всестороннюю защиту окружающей природной среды от наиболее опасных посягательств на экологическую безопасность человека и природы.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) впервые в истории уголовного законодательства выделил самосто-

[1]Бакуменко А.А.Уголовно-правовое противодействие незаконной охоте: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. - СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2010. С. 24.
[2] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

ятельную главу «Экологические преступления», поместив ее в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Таким образом, законодатель определил родовой объект экологических преступлений с учетом их специфики: экологическая общественная безопасность и экологический общественный порядок.

Выделение в самостоятельную главу УК РФ экологических преступлений обусловлено:

во-первых, совершенствованием системы уголовного законодательства, предполагающим четкое структурное подразделение Особенной части в зависимости от родового и видового объектов;

во-вторых, многочисленными нарушениями природоохранительного законодательства, что сделало необходимым создание системы экологического уголовного законодательства, обеспечивающей защиту окружающей природной среды от наиболее опасных посягательств;

в-третьих, международными договорами в области охраны окружающей среды, задачей которых являются обеспечение всеобщей экологической безопасности и развитие международного природоохранительного сотрудничества в интересах настоящего и будущего поколений.

В современных условиях действует более 300 международных соглашений по охране окружающей среды[1], в которых предусмотрены как деликты, ответственность за которые несут государства, так и международные уголовные преступления физических лиц, например, загрязнение окружающей среды нефтепродуктами, радиоактивными и другими опасными веществами в результате деятельности человека.

Понятие «экологическое преступление» впервые было закреплено в уголовном законе сравнительно недавно. Глава 26 УК РФ называется «Экологические преступления» и включает 17 статей. Помимо этого, законодатель закрепил в УК РФ такое преступление, как экоцид в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» в связи с его особой тяжестью[2].

Наиболее удачным определением данной категории нам представляется формулировка, которая рассматривает экологическое преступление как предусмотренное уголовным законом и запрещенное им под угрозой наказания виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на целостность окружающей среды и ее компонентов, рациональное использование и охрана которых обеспечивают оптимальную жизнедеятельность человека, а также на экологическую безопасность населения и территорий, и состоящее в непосредственном противоправном использовании природных объектов (или в противоправном воздействии на них) как социальной ценности, приводящее к негативным изменениям состояния и качества окружающей среды.

Для того чтобы согласовать подходы к определению понятия «экологические преступления» необходимо указать их объективный и субъективный характер. Так к числу объективных причин существующих разногласий следует отнести:

сложность специфики, как объекта, так и предмета экологических преступлений;

опосредованность и многогранность существующих взаимосвязей между человеком и окружающей его средой;

сопряженность многих экологических преступлений с экономическими, административными и иными правонарушениями.

Важными субъективными причинами отмеченных противоречий следует признать:

существенное отставание многих отраслей науки (включая уголовное право) в выявлении и изучении динамики нарастающего экологического кризиса;

принятие уголовно-правовых норм, недостаточных для эффективного противодействия существующим и возникающим угрозам экологического характера;

недостаточное количество методологических исследований по рассматриваемым проблемам.

Экологическая преступность как один из видов преступности обладает присущими ей специфическими чертами. Одной из них следует считать то, что она в определенном смысле является продолжением процесса «нормального» природопользования. Ведь общество, эксплуатируя природные ресурсы, так или иначе, негативно воздействует на окружающую среду. Противозаконной такая деятельность становится в тех случаях, когда она осуществляется опасными методами и выходит за пределы установленных лимитов и нормативов.

Среди специфических признаков экологической преступности необходимо назвать возможность успешного использования просвещения, образования и воспитания для ее предупреждения. Знание населением закономерностей жизнедеятельности природных комплексов, влияния факторов воздействия на окружающую среду, содержания эколого-правовых норм может снизить девиантность поведения граждан, побудить их содействовать борьбе с экологической преступностью.

Экологическая преступность представляет огромную опасность для экологической безопасности населения страны. Ее специфика и латентность позволяют говорить о том, что она занимает первое место среди других категорий преступлений по тяжести последствий[3]. Так, количество экологических преступлений с 1991 года возросло практически в десять раз, с 3097 преступлений в 1991 г., до 26097 преступлений в 2003 г.[4] С 2003 г. по настоящее время наблюдается рост числа экологических преступлений, но не в таком масштабе как это проявлялось ранее, хотя и постоянно возрастает по отношению к предшествовавшему году. Существенную роль в этом стали играть меры предупреждения преступлений, проводимые государством в масштабе всей страны и в отдельных регионах в частности[5].

---

[1]Домбаева Х.Я. Преступность в сфере использования и охраны объектов животного мира: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. СПб., 2010. – 51 с.

[2] Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

[3]*Невирович В.С. Незаконная добыча водных биоресурсов: криминологический анализ: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. - СПб., 2008. С. 13 - 19.*

[4] Доклад «Статистика экологических преступлений в России». М.: Министерство природных ресурсов, 2004. С. 135.

[5]Резван А.А. Предварительная проверка материалов по делам об охране природы // Актуальные вопросы юридической науки. Ч. 2. Саратов, 2007. С. 186.

Как отмечает В.Д. Ермаков, «экологические преступления являются одними из наиболее общественно опасных и распространенных видов противоправных деяний. В совокупности с другими экологическими правонарушениями ввиду тяжести своих отрицательных последствий демографического, экологического, социального характера преступления они представляют сегодня реальную угрозу национальной безопасности, что предельно остро выражается в:

катастрофическом ухудшении качества среды обитания, ведущем к снижению продолжительности жизни, увеличению заболеваемости, смертности и ухудшению генофонда населения;

деградации возобновимых природных ресурсов (рыбных ресурсов);

в истощении невозобновимых или возобновляемых продолжительное время водных биоресурсов и растений»[1].

Уголовный закон ориентирован на признание окружающей природной среды биологической основой жизни, здоровья, деятельности человека. Изменение приоритетов в охране социальных ценностей выразилось в увеличении в нем более чем в 3 раза (с 4 до 14) числа статей об ответственности за преступления, сопряженные с причинением вреда природной среде (загрязнение вод, воздуха, почв, лесов и т. п.). Логично было бы предположить увеличение доли таких преступлений в общей структуре зарегистрированной экологической преступности. Однако по-прежнему в правоприменительной практике борьба ведется главным образом с экологическими преступлениями, сопряженными с незаконным захватом природных ресурсов (незаконным природопользованием): незаконной добычей водных животных и растений (ст. 256 УК РФ), незаконной охотой (ст. 258 УК РФ), и т.д.[2]

Законодателем выделены в самостоятельную главу УК РФ нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступление, по ряду причин. Во-первых, это многочисленные нарушения природоохранного законодательства, что сделало необходимым создание системы экологического уголовного законодательства, обеспечивающей защиту окружающей среды от наиболее опасных посягательств; Во-вторых, требования международных договоров в области охраны окружающей среды предполагают обеспечение всеобщей экологической безопасности и развитие международного природоохранительного сотрудничества в интересах настоящего и будущего поколений.

Законодательство Российской Федерации об охране окружающей среды, которое только на федеральном уровне содержит более 800 законодательных и других нормативных актов, устанавливает систему природоохранительных органов, определяет принципы проведения государственного экологического контроля и государственной экологической дисциплины, перечень платежей за природопользование, экологические требования при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию и эксплуатации предприятий, сооружений, иных объектов и ряд других положений, регламентирующих базовые природоохранительные отношения[3].

Предметом экологических преступлений являются окружающая среда в целом и отдельные ее компоненты. Многие авторы в качестве непосредственного объекта экологических преступлений рассматривают общественные отношения по охране и использованию различных видов природных ресурсов (В.А. Нерсесян[4], Э.Н. Желваков[5], А.И. Чугаев[6] и др.).

Следует отметить, что объективная сторона экологических преступлений в подавляющем большинстве заключается в несоблюдении или нарушении специальных правил, установленных в целях обеспечения экологического порядка и экологической безопасности, а также предупреждения экологических преступлений. Основная масса статей УК РФ об ответственности за экологические преступления сконструирована по типу материальных составов, что предполагает наступление общественно опасных последствий (причинение вреда здоровью или смерть человека, гибель животных и растительности, изменение природных свойств вод и воздуха и т.п.), находящихся в причинной связи с совершенным экологическим преступлением.

С субъективной стороны экологические преступления совершаются как умышленно (например, незаконная охота - ст. 258 УК РФ), так и по неосторожности (например, уничтожение или повреждение лесов - ст. 261 УК РФ). Мотивы и цели не включены законодателем в число обязательных признаков экологических преступлений. Однако они должны учитываться при решении судом вопроса о виде и размере наказания в пределах санкции.

Субъект экологических преступлений, как правило, общий - лицо, достигшее 16 лет. Однако в отдельных случаях субъектом является лицо, обладающее специальными признаками. Например, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ могут совершить лишь лица, ответственные за соблюдение определенных правил (ст. 246 УК РФ). Кроме того, квалифицирующим признаком отдельных преступлений является использование лицом своего служебного положения. Например, незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 260 УК РФ). Очевидно, что в этих случаях субъект преступления - специальный.

Итак, экологические преступления - предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на общественные отношения по сохранению окружающей природной среды, рациональное использование природных ресурсов, экологический порядок и экологическую безопасность как населения, так и природной среды.

Представляется, что каждая из классификаций экологических преступлений, включенных законодателем в гл. 26 УК РФ, имеет право на существование. Таковая в теории уголовного права не отличается единством. По-разному определяется как их круг, так и основания классифика-

[1]Криминология. Учебник для вузов / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М., 2001. С. 515.
[2]Жевлаков Э.Н., Суслова Н.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации в 2004 – 2005 гг. // Криминология. 2006. № 3.
[3] Туманов С.С. Судебныеэкспертизы по делам об экологических преступлениях: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. СПб., 2008. С. 34.
[4] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. // Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., С. 322.
[5] Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 538.
[6] Чуриков Д.Б. Чугаев Л.И. Экологические преступления. Ульяновск, 2002. С. 228.

ции. Зачастую к экологическим преступлениям относят все те, которые так или иначе связаны с природной средой[1]. Объективно практически вся материальная деятельность человека, связанная с природной средой, экологична, постольку, поскольку все, чем он пользуется, берется у природы. Но с позиции уголовного права экологически опасное деяние не всегда имеет своим объектом отношения в сфере экологии. Так, преступление, предусмотренное ст.358 УК РФ, хотя и связано с причинением вреда природной среде, но посягает, прежде всего, на отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества.

Любая классификация может быть теоретически правильной и практически приемлемой, если за ее основу берется стабильный признак, выражающий качественное свойство и своеобразие классифицируемых явлений. В теории уголовного права и в практике законотворчества закрепилась позиция, согласно которой в основу выделения из нормативного массива однородных общностей должен быть положен объект посягательства.

Систематизация норм Особенной части УК РФ по любому другому признаку (например, субъекту, характеру субъективной стороны, способам преступного посягательства) привела бы к объединению в одной главе совершенно различных по своей сущности преступлений. Систематизация норм по родовому объекту есть систематизация их по признаку, определяющему социальную (политическую, экономическую, экологическую и иную) сущность преступления. Анализ признаков предмета, объективной, субъективной сторон и субъекта лишь способствует установлению этой сущности, но в основу построения системы они в данном случае положены, быть не могут, поскольку только их совокупность дает полную характеристику преступления, сами, же они, взятые в отдельности, не обладают необходимыми для этого интегрирующими качествами.

Последовательно отражается эта позиция и в действующем законодательстве, в основу кодификации Особенной части УК РФ которого положен родовой объект посягательства. Все преступления, помещенные в гл. 26 УК РФ, объединены по видовому объекту посягательства.

Касаясь вопроса структуры общности, созданной по родовому и видовому объектам, необходимо иметь в виду, что любые посягательства только тогда образуют определенное единство, когда они находятся в отношениях и связях друг с другом. Свойства системы при этом оказываются не просто суммой свойств, составляющих систему отдельных посягательств. Наличие связи между составляющими системы определяет ее специфику, ее самостоятельное, обособленное существование.

Внутри системы классификация преступлений на группы может быть различной в зависимости от целей классификации: по предмету посягательства, форме вины, субъекту и т.д. Если мы хотим подчеркнуть социальную сущность деяний, сгруппированных в одну общность по видовому объекту, показать их виды, то логично взять в качестве основы систематизации непосредственный объект посягательства, который, как говорилось, в экологических преступлениях предпочтительно рассматривать в связи с предметом преступления.

По способу совершения экологические преступления можно разделить на два вида[2]: 1) выразившиеся в причинении вреда природной среде; 2) состоящие в незаконном завладении природными ресурсами. Первую группу образуют, в частности, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ), нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ), нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249 УК РФ), загрязнение вод, атмосферы и морской среды (ст. 250, 251, 252 УК РФ), порча земли (ст. 254 УК РФ) и др. Из нее можно выделить также подгруппу преступлений, выражающихся в уничтожении или повреждении природных ресурсов и объектов (ст. 257, 259, 261 УК РФ).

Ко второй группе относятся незаконная добыча водных животных и растений (ст. 256 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 260 УК РФ), нарушение правил использования недр (ст. 255 УК РФ).

Таким образом, любое из уголовно-правовых деяний, предусмотренных главой 26 УК РФ, тем или иным образом посягает на экологическую безопасность, причиняя вред окружающей среде.

Список литературы

1. Бакуменко А.А.Уголовно-правовое противодействие незаконной охоте: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. - СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2010. С. 24.
2. Домбаева Х.Я. Преступность в сфере использования и охраны объектов животного мира: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. СПб., 2010. – 51 с.
3. Жевлаков Э.Н., Суслова Н.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации в 2004 – 2005 гг. // Криминология. 2006. № 3.
4. Невирович В.С. Незаконная добыча водных биоресурсов: криминологический анализ: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. - СПб., 2008. С. 13 - 19.
5. Резван А.А. Предварительная проверка материалов по делам об охране природы // Актуальные вопросы юридической науки. Ч. 2. Саратов, 2007. С. 186.
6. Туманов С.С. Судебныеэкспертизы по делам об экологических преступлениях: Научное издание / Под научной редакцией профессора И.А. Соболя. СПб., 2008. С. 34.
7. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
8. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
9. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
10. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC.
11. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
12. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.

[1]Галахова А.В. Уголовная ответственность за хозяйственные преступления. М., 1997. С. 94 - 127.
[2] Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Под ред. Н.И. Краскова. М., 2005 С. 45-47.

13. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
14. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.
15. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.
16. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.
17. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.
18. Шеншин, В. М. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по экологическим преступлениям / В. М. Шеншин // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 41-45. – EDN ZTHMHT.
19. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

References

1. Bakumenko A.A. Criminal law counteraction to illegal hunting: A scientific publication / edited by Professor I.A. Sobol. St. Petersburg: LEMA Publishing House, 2010. P. 24.
2. Dombayeva H.Yes. Prospects in the field of use and protection of objects of the living world: A scientific publication / edited by Professor I.A. Sobol, St. Petersburg, 2010, 51 p.
3. Zhevlakov E.N., Suslova N.L. Environmental safety in the Russian Federation in 2004-2005 // Criminology. 2006. № 3.
4. Nevirovich V.S. Illegal extraction of aquatic biological resources: criminological analysis: A scientific publication / edited by Professor I.A. Sobol. - St. Petersburg, 2008. pp. 13-19.
5. Rezvan A.A. Preliminary verification of materials on nature protection / / Actual issues of legal science. Part 2. Saratov, 2007. pp. 186.
6. Tumanov S.S. Forensic examinations in cases of environmental crimes: Scientific edition / under scientific editorship Professor I.A. Sobol. St. Petersburg, 2008. p. 34.
7. Shenshin, V. M. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenshin, S. Y. Koryago / / Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). - Pp. 33-37. – EDN OWQZGY.
8. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin / / A Russian investigator. – 2018. – No. 6. - pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
9. Shenshin, V. M. On the regional factor of the implementation of criminal environmental policy / V. M. Shenshin / / Legal education and science. – 2018. – No. 6. - pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
10. Shenshin, V. M. Features of setting a fine for environmental violations / V. M. Shenshin / / Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(77). - Pp. 120-122. – EDN YUUETC.
11. Shenshin, V. M. Social demand of society as a neologism of criminal environmental policy / V. M. Shenshin / / Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). - Pp. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
12. Shenshin, V. M. Towards understanding the criminal environmental policy of Russia / V. M. Shenshin / / Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 2018, No. 3, pp. 157-164, EDN XSMIJF.
13. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. - Belgorod : Society with a limited Epicenter, 2017. -156 P. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
14. Shenshin, V. M. Reflection of environmental hazards in statistics / V. M. Shenshin / / Statistical issues. – 2017. – No. 11. - pp. 81-87. – EDN YMOYDN.
15. Shenshin, V. M. Features of prevention and suppression of environmental violations / V. M. Shenshin / / Environmental law. – 2017. – No. 4. - pp. 33-37. – EDN ZFANYH.
16. Shenshin, V. M. Criminal environmental policy of Russia: problem statement / V. M. Shenshin / / Bulletin of the Saint Petersburg University-theta of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(74). - Pp. 123-127. – EDN ZFLWXX.
17. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin / / Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(75). - Pp. 98-101. – EDN ZTEKUB.
18. Shenshin, V. M. The site of the defender in criminal proceedings on environmental crimes / V. M. Shenshin / / Court administrator. - 2017. – No. 4. - pp. 41-45. – EDN ZTHMHT.
19. Grigonis, C. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing state security / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova / / Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). - Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. - Belgorod : Society with a limited Epicenter, 2017. -156 P. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_423

УДК 343

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ
PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES THAT CONSTITUTE STATE SECRETS

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирский юридический институт ФСИН России
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
e-mail: alyonapov@mail.ru;

САВИН Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15-А, стр.
E-mail: Aasavin33@mail.ru;

SHANAZAROVA Elena Vitalievna
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Faculty of Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: alyonapov@mail.ru

SAVIN Andrei A.,
PhD in Law, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Custodial Sentences and the Study of Penitentiary Criminality at the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the Penal System Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
15A Narvskaya str., Moscow, 125130.
E-mail: Aasavin33@mail.ru.

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений, составляющих государственную тайну. Источники, составляющие государственную тайну Российской Федерации, разнообразны по их физическим свойствам и информационному наполнению, общим для них является особая ценность и значимость для обеспечения государственных интересов в сфере политической и экономической безопасности, сохранения суверенитета, а также развития научно-технического прогресса. Установленный порядок обращения с государственной тайной на территории Российской Федерации обеспечивается мерами административно-правового режима. Однако, важное значение в обеспечении сохранности государственной тайны имеют нормы УК РФ, закрепляющие в себе основания уголовной ответственности за общественно опасные деяния в области установленного порядка обращения с государственной тайной.*

Abstract: *The article discusses problematic issues related to the qualification of crimes that constitute state secrets. The sources that constitute the state secret of the Russian Federation are diverse in their physical properties and information content, but they all share a common value and significance for ensuring the state's interests in the areas of political and economic security, preserving sovereignty, and promoting scientific and technological progress. The established procedure for handling state secrets in the Russian Federation is enforced through administrative and legal measures. However, the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, which establish the grounds for criminal liability for socially dangerous acts related to the established procedure for handling state secrets, play a crucial role in ensuring the preservation of state secrets.*

Ключевые слова: *государственная тайна, уголовная ответственность, государственная безопасность, общественная безопасность, конфиденциальные сведения.*

Keywords: *state secret, criminal liability, national security, public safety, confidential information.*

Для цитирования: *Шаназарова Е.В., Савин А.А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, составляющих государственную тайну // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 423-426. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_423.*

For citation*: Shanazarova E.V., Savin A.A. Problematic issues in the qualification of crimes that constitute a state secret // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 423-426. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_423.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Необходимость защиты государственной тайны обуславливается тем, что именно обеспечение сохранности указанных данных выступает гарантией сохранения целостности конституционного строя, а также национальной безопасности России.

Установление правовых ограничений в сфере обращения с информацией, составляющей государственную тайну, в некоторой степени, ограничивает конституционное право граждан на свободный поиск, получение, передачу, воспроизведение и распространение информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

Особенность сегмента общественных отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны норм главы 29 УК РФ, образует сложившаяся в государстве система общественных отношений, обеспечивающих стабильность и нормальное функционирование государственных институтов в сфере обороноспособности, территориальной целостности, надлежащего порядка функционирования органов государственной власти, отстаивания государственных интересов во внешнеполитической деятельности и т.п.

Содержание непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ кроется в дефинитивной норме, закрепленной в ст. 2 Закона РФ «О государственной тайне». Речь идет о понятии «государственная тайна». Указанный акт трактует данное

определение следующим образом, – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ.

В науке уголовного права вопрос, связанный с определением природы непосредственного объекта государственной тайны, по сегодняшний день подвергнут научным дискуссиям, что привело в итоге к отсутствию единообразной позиции. По мнению одних авторов, непосредственный объект преступлений, посягающих на обеспечение сохранности государственной тайны, образуют общественные отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности государства [1]. Другие, под объектом рассматриваемого преступления предлагают понимать совокупность общественных отношений, составляющих информационную безопасность [2]. Так или иначе, обе отмеченные позиции авторов сходятся в части установления значимости охраняемой уголовным законом информации для безопасности государства, т.е., в постановке под угрозу обороноспособности, суверенитета, территориальной целостности государства его экономики и других сфер государственности. Несколько отличающейся, является позиция Е.В. Пономаренко, предлагающей рассматривать непосредственный объект рассматриваемого преступления, как общественные отношения, обеспечивающие сохранность государственной тайны [3].

Обобщив представленные мнения, составляющие содержание уголовно-правовой доктрины в части понимания непосредственного объекта преступления предусмотренного ст. 283 УК РФ, считаем, что наиболее точным будет его определение как совокупности общественных отношений, складывающихся в сфере сохранности и обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих государственную тайну.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образуют следующие признаки:

а) активные действия, состоящие в разглашении сведений, составляющих государственную тайну;

б) последствия – получение доступа третьих лиц к сведениям, составляющим государственную тайну;

в) причинная связь между разглашением государственной тайны и получением соответствующих сведений третьими лицами.

Разглашением государственной тайны следует признавать любой способ предания огласке сведений, составляющих государственную тайну. При этом указанное распространение сведений может быть изложено при различной ситуации, например, когда лицо знакомится с соответствующими документами, упоминает в разговорной речи нежелательную не доступную ни для кого информацию, при изучении тех или иных схем, моделей, образцов и др. и, как следствие, такая информация подвергается доступу со стороны сторонних субъектов.

Описываемая законодателем трактовка объективной стороны рассматриваемого деяния, имеет существенный признак, касающийся условия наступления уголовной ответственности. Речь идет о наличии имеющейся оговорки в ч. 1 ст. 283, содержание которой заключается в том, что разглашенные сведения должны быть доведены до иных лиц, в частности тех, кто не имеет доступа к секретной информации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что указанный состав преступления является формально-материальным, поскольку с того момента, когда сведения, составляющие государственную тайну, оказались в действительности разглашенными, и при этом возникла опасность их использования в ущерб безопасности и иным важным интересам России. Существенным обстоятельством является также и то, что особо охраняемые сведения, которые были распространены, будут подлежать квалификации по ст. 283 УК РФ только при том факте, что в совершенных действиях отсутствуют признаки государственной измены (ст. 275 УК РФ).

Бланкетный характер описания признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, требует обращения к законодательству, имеющему иную отраслевую принадлежность. Порядок сохранности и обращения со сведениями, составляющими государственную тайну, определен Законом РФ «О государственной тайне». Правилами отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности, перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, а также системой подзаконных нормативных актов в виде инструкций, положений, памяток и т. п.

Способ разглашения государственной тайны может быть различным, он не оказывает влияния на квалификацию рассматриваемого преступления и не способен влиять на дифференциацию уголовной ответственности.

В уголовно-правовой доктрине применительно к характеристике субъективной стороны рассматриваемого преступления на сегодняшний момент сложилось не однозначное представление. Так, определенная часть ученых считают, что данное посягательство на охраняемые государством сведения, облекается только умышленным совершением преступления. Представители иной точки зрения сводят направление своей позиции в пользу того обстоятельства, что действия, запрещенные ст. 283 УК РФ, могут быть совершены, как по неосторожности, так и в умышленной форме.

Рассматривая признаки деяния, состоящего в разглашении государственной тайны, мы склонны исходить из понимания такового как умышленного деяния, при котором лицо стремится предать огласке соответствующую информацию, в то время как неосторожная форма вины является признаком состава халатности (ст. 293 УК РФ). Считаем, что неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом, в обязанного которого, в соответствии со специальным правилом, входит обеспечение сохранности государственной тайны, повлекшее ее распространение среди посторонних, является примером неосторожной формы вины, выраженной в виде преступного легкомыслия либо небрежности. Несоблюдение установленных правил обращения с секретной документацией, небрежное обращение со сведениями, составляющими государственную тайну, образует признаки халатного отношения к исполнению служебных обязанностей. В свою очередь, доступ посторонних к секретным данным следует рассматривать как существенное нарушение, охраняемых законом, интересов государства в сфере сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Вышесказанное позволяет считать, что разглашение государственной тайны возможно только с умышленной формой вины (прямой или

косвенный умысел).

При прямом умысле лицо, осознавая общественно опасный характер действий, связанных с разглашением государственной тайны, предвидит, что, разглашенные им сведения, будут восприняты посторонними лицами и желает этого (например, техник, работающий на строительстве специального объекта, желая произвести впечатление на свою знакомую, разгласил последней секретные сведения о назначении и конструктивных параметрах строящегося объекта).

При косвенном умысле, лицо осознает общественно опасный характер, совершаемых им действий, предвидит возможность восприятия третьими лицами сведений, составляющих государственную тайну, но при этом прямо не желает их огласки, хотя сознательно допускает разглашение либо безразлично к нему относится (например, в ходе разговора на закрытую тему, состоявшегося между сослуживцами в общественном транспорте, секретная информация стала достоянием третьих лиц).

Такой признак субъективной стороны анализируемого состава преступления как мотив, чаще всего представлен желанием демонстрации собственной значимости, осведомленности в закрытых для масс вопросах.

В ч. 2 ст. 283 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак, повышающий степень опасности рассматриваемого преступления в силу наступления тяжких последствий, явившихся результатом преступного легкомыслия либо небрежности, допущенных в результате разглашения лицом государственной тайны.

В качестве тяжких последствий, наступивших в результате разглашения государственной тайны, следует признавать: доступ к секретной информации представителей иностранных разведок, срыв важных государственных мероприятий, замораживание перспективных научных исследований и т.п.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 283 УК РФ, характеризуется смешанной формой вины, умышленной по отношению к действиям, направленным на разглашение государственной тайны, и неосторожной по отношению к наступившим в результате совершенных действий тяжким последствиям. В соответствии с правилом, предусмотренным ст. 27 УК РФ, данное преступление признается совершенным умышленно.

Еще одной особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, являются специальные характеристики его субъекта, связанные с занимаемым им должностным положением, выполнением конкретных государственных функций, полномочий и, в целом, обязанностей. При этом лицо, которому доверены секретные сведения, относящиеся к государственной тайне, должно ими владеть и располагать, а также, в рамках осуществления своих служебных и профессиональных обязанностей – использовать. Кроме того, речь можно говорить и о работниках, которым государственная тайна не предоставлялась для использования непосредственно, но которые ознакомились с нею, когда осуществляли конкретную трудовую обязанность. В качестве примера, в список таких работников можно отнести слесарей, машинистов, шифровальщиков и т.д.

Представители иностранных спецслужб не чураются никаких способов завладения российскими секретными данными, а в помощь им идут новейшие научные разработки. Современные мобильные телефоны, смартфоны и планшетные компьютеры поддерживают всевозможное программное обеспечение, и ни для кого не секрет, что их можно использовать удаленно для передачи информации в любую точку земного шара.

Но одно дело, когда данные передаются с телефона обычного обывателя, а потребитель такого товара – заурядный хакер, удовлетворяющий праздное любопытство, или занимающийся мелкими кражами электронной валюты, и совсем другое – если электронное устройство находится на территории режимного военного объекта, а фото-, видео- и аудиоинформация содержит сведения, составляющие государственную тайну, а субъект-владелец беспечно способствует утечке этой информации за рубеж.

Осознание органами государственной безопасности необходимости противодействия незаконному получению сведений ограниченного доступа выразилось в принятии Федерального закона «О статусе военнослужащих», содержащего положениями, устанавливающими военнослужащим запрет при исполнении обязанностей военной службы иметь при себе электронные изделия бытового назначения, имеющих функцию хранения информации (файлов) и данные геолокации.

Причем, законодатель установил запрет не на использование, а именно на наличие у военнослужащих при себе таких изделий, поскольку технический прогресс позволяет пеленговать их даже в выключенном состоянии, а в смартфонах могут без ведома их хозяев быть установлены компьютерные программы, которые содержат алгоритмы по передаче информации и местонахождении объекта.

Корреспондирующие положения абз. 27 Приложения № 7 к ДУ ВС РФ и ст. 28.5 ФЗ «О статусе военнослужащего» определяют, что нарушение такого запрета образует состав грубого дисциплинарного проступка.

Таким образом, сам факт того, что военнослужащий при исполнении обязанностей военной службы будет иметь при себе данное электронное устройство, будет являться основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности. При этом не важно, будет ли причинен вред интересам военной службы, поскольку само по себе наличие смартфона может создать предпосылки к передаче сведений ограниченного доступа широкому кругу лиц, в том числе и потенциальному противнику [4].

Таким образом, если военнослужащий, находясь на служебном совещании, в кармане держит смартфон, транслирующий без его ведома все происходящее в онлайн режиме, то он является непосредственным виновником того, что информация становится достоянием третьих лиц, и субъектом данного преступления.

Наряду с этим, следует отметить, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 283 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. То есть, для того, чтобы привлечь виновное лицо к ответственности, необходимо, чтобы военнослужащий наверняка знал о том, что у него в телефоне установлен канал связи, по которому происходит утечка сведений, составляющих государственную тайну, но относился к этому безразлично, то есть действовал с косвенным умыслом. При этом умыслом виновного должно охватываться, что адресатом информации

не будет выступать иностранная спецслужба.

Думается, в том случае, если военнослужащий будет действовать с прямым умыслом – то есть желать того, чтобы секретные данные стали достоянием иностранных спецслужб, разглашение государственной тайны будет отсутствовать, а содеянное должно квалифицироваться по статье 275 УК РФ как государственная измена в форме выдачи государственной тайны.

Если же военнослужащий, предупрежденный о том, что существует эвентуальная угроза использования его смартфона враждебной разведкой как устройства для передачи за рубеж секретной информации, самонадеянно рассчитывает на то, что этого не произойдет, - он действует с неосторожной формой вины в виде легкомыслия, что образует состав уголовно наказуемого деяния.

Делая вывод из всего изложенного, следует констатировать, что действия военнослужащих, нарушивших запрет при исполнении обязанностей военной службы иметь при себе электронные устройства, в результате чего сведения, содержащие государственную тайну, стали известны представителям иностранных спецслужб, и использованы в ущерб внешней безопасности РФ, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 283 УК РФ и должны квалифицироваться как разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Список литературы:

1. Кузнецов А.П., Булавин В.И., Паршин С.М. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2006. С. 35.
2. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 32.
3. Пономаренко Е.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Учебное пособие; под общ.ред. Н.А. Лопашенко. - Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 121.
4. Померлян, А.Н., Григорьев, О.В., Кузин, А.С. Информационная безопасность Российской Федерации: вопросы подготовки курсантов военных вузов / А.Н. Померлян, О.В. Григорьев, А.С. Кузин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – № 5. – 177-180.

References:

1. Kuznetsov A.P., Bulavin V.I., Parshin S.M. Crimes against the foundations of the constitutional system and state security: Textbook. – Nizhny Novgorod, 2006. P. 35.
2. Pudovochkin Yu.E. Crimes against state security – M.: Yurlitinform, 2009. P. 32.
3. Ponomarenko E.V. Crimes against the foundations of the constitutional system and state security. Textbook; under the general editorship of N.A. Lopashenko. - Moscow: Yurlitinform, 2016. P. 121.
4. Pomerlyan, A.N., Grigoriev, O.V., Kuzin, A.S. Information Security of the Russian Federation: Issues of Training Cadets of Military Universities / A.N. Pomerlyan, O.V. Grigoriev, A.S. Kuzin // Historical and Social-Educational Thought. – 2019. – No. 5. – 177-180.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_427

УДК 343.3/.7

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ON IMPROVING CRIMINAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE LIGHT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

ФОМИН Илья Алексеевич
студент Института частного права
МГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».
123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 9 стр. 1.
E-mail: ifomin073@gmail.com
FOMIN Ilya Alekseevich
student of the Institute of Private Law Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA).
440026, Russia, Moscow, Sadovo-Kudrinskaya str., 9, building 1.
E-mail: ifomin073@gmail.com

Краткая аннотация. *Активное распространение цифровых технологий и их внедрение в различные сферы общественной жизни обусловливают возрастающее значение вопросов обеспечения безопасности персональных данных. Увеличение объёмов информации, используемой государственными органами, организациями и цифровыми сервисами, сопровождается ростом рисков её неправомерного использования, утечки и иных злоупотреблений. В этих условиях технологии интеллектуальной обработки информации могут выступать не только инструментом повышения эффективности механизмов защиты данных, но и средством выявления недостатков существующих уголовно-правовых гарантий их охраны. Анализ факторов, способствующих возникновению правовых пробелов в данной сфере, позволяет определить уязвимые элементы действующего законодательства и обозначить возможные направления его совершенствования. В работе сформулировано предложение, направленное на развитие уголовно-правовых механизмов защиты персональных данных с учётом особенностей использования технологий искусственного интеллекта.*

Abstract. *The rapid development of digital technologies and their widespread integration into various spheres of social life significantly increase the importance of ensuring the protection of personal data. The growing volume of information used by public authorities, organizations, and digital services is accompanied by an increased risk of data leakage, misuse, and other forms of unauthorized access. In this context, intelligent information processing technologies can serve not only as a tool for improving existing data protection mechanisms but also as a means of identifying shortcomings in the current criminal law safeguards for personal data protection. The analysis of factors contributing to the emergence of legal gaps in this area makes it possible to determine the most vulnerable elements of the existing legislation and outline potential directions for its improvement. The paper proposes a measure aimed at enhancing criminal law mechanisms for the protection of personal data, taking into account the specific features of the use of artificial intelligence technologies.*

Ключевые слова: *информация, персональные данные, искусственный интеллект, состав преступления, уголовная ответственность.*

Keywords: *information, personal data, artificial intelligence, crime, and criminal liability.*

Для цитирования: *Фомин И.А. О совершенствовании уголовно-правовой охраны персональных данных в свете развития технологий искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 427-429. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_427.*

For citation*: Fomin I.A. On Improving the Criminal-Legal Protection of Personal Data in Light of the Development of Artificial Intelligence Technologies // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 427-429. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_427.*

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и их активное внедрение в информационные процессы приводят к качественным изменениям в сфере общественных отношений, затрагивающих обращение с персональными данными. Использование современных цифровых решений делает возможной автоматизированную обработку значительных объёмов персональной информации, включая её сбор, систематизацию и аналитическую интерпретацию, без прямого участия человека. В таких условиях персональные данные граждан подвергаются непрерывной обработки

при помощи алгоритмов, что в результате может оказать негативное влияние на осуществление и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Появление искусственного интеллекта как самостоятельного фактора причинения вреда приводит к несоответствию между фактическими способами нарушения прав субъектов персональных данных и существующими уголовно-правовыми конструкциями. Это позволяет рассматривать искусственный интеллект не только как техническое средство, но и как фактор возникновения пробелов в уголовно-правовой охране персональных данных.

И. В. Понкин и А. И. Редькина рассматривают искусственный интеллект как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронную, в том числе виртуальную, электронно-механическую, биоэлектронно-механическую или гибридную) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [4,с. 94-95].

Другие авторы приходят к выводу, что искусственный интеллект - это «программно-техническое средство, обладающее биоподобными способностями» [2, с. 80].

В соответствии с Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под

искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений[1].

Автоматизированный характер принимаемых алгоритмических решений, их масштабируемость и относительная автономность обусловливают возникновение новых рисков нарушения прав субъектов персональных данных, несводимых к традиционным формам вмешательства в частную жизнь. В этих условиях особое значение приобретает вопрос адекватности существующих уголовно-правовых средств защиты персональных данных современным технологическим реалиям.

В условиях цифровой трансформации персональные данные приобретают значение ключевого информационного ресурса, обеспечивающего развитие и эффективное функционирование технологий, основанных на применении систем искусственного интеллекта.

Подобные технологии находят применение практически во всех сферах общественной жизни, включая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем формирование масштабных информационных систем и внедрение алгоритмов искусственного интеллекта для обработки содержащихся в них данных сопровождается возникновением ряда новых рисков. Среди них особое значение имеют угрозы, связанные с возможным вмешательством в сферу частной жизни человека, а также с нарушением установленного порядка обработки и защиты персональных данных.

Определение понятия «персональные данные» дано в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: «персональные данные - любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [2].

В современной уголовно-правовой доктрине обращается внимание на то, что уголовно-правовая защита персональных данных в значительной степени связана именно с их цифровой формой существования. Так, профессор Е. А. Русскевич отмечает, что «предметом преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ, являются не любые персональные данные, а только те, которые существуют в компьютерной форме и хранятся на устройствах, предназначенных для создания, обработки или передачи компьютерной информации» [5, с. 54].

Отметим, что в настоящее время основным уголовно-правовым инструментом защиты персональных данных является статья 272.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)[1], устанавливающая ответственность за незаконное использование, передачу, распространение, предоставление, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученные незаконным путем, а также за создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для их незаконного оборота.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 272.1 УК РФ характеризуется совершением активных действий, направленных на незаконное собирание либо распространение сведений о частной жизни лица. Следует согласиться с мнением Е. В. Зотиной, которая считает, что «алгоритмическая обработка персональных данных, осуществляемая с использованием систем искусственного интеллекта, далеко не во всех случаях связана с передачей информации третьим лицам в классическом смысле данного понятия» [1]. Однако подобная обработка способна повлечь для субъекта персональных данных значимые неблагоприятные последствия, выражающиеся, в частности, в автоматизированном принятии юридически значимых решений, формировании дискриминационных практик, а также в ограничении доступа к отдельным социальным и экономическим благам.

Помимо этого, субъективная сторона преступления традиционно связывается с наличием умышленной формы вины у конкретного субъекта. Автономность и непредсказуемость алгоритмов ИИ затрудняют установление вины, что ставит под вопрос эффективность привлечения к уголовной ответственности за нарушение безопасности персональных данных. «Это обусловлено тем, что он не является субъектом преступления и не обладает чувством вины, то есть психическим отношением к случившемуся, иными словами, у искусственного интеллекта отсутствует биологическая составляющая субъективной стороны, которая присуща человеку» [3, с. 159].

Одним из ключевых факторов возникновения пробелов уголовно-правовой охраны персональных данных является отсутствие чёткого механизма определения субъекта ответственности при использовании искусственного интеллекта. Указанная проблема усугубляется тем, что вред, причиняемый персональным данным в результате работы ИИ, зачастую носит распределённый и отложенный характер. Это связано с тем, что разработка систем искусственного интеллекта представляет собой сложный многоэтапный процесс, в котором участвует широкий круг специалистов — разработчики алгоритмов, программисты, специалисты по тестированию, эксперты в области нейрофизиологии и другие участники. Каждый из них выполняет отдельную функцию в процессе разработки программного продукта. В результате вклад конкретного лица в итоговое функционирование системы может быть ограничен лишь определённым этапом её создания. При этом совокупное взаимодействие различных программных модулей и компонентов не всегда приводит к полностью предсказуемому результату, что существенно затрудняет установление индивидуальной вины конкретного лица в рамках причинно-следственной связи между разработкой технологии и наступившими последствиями.

Дополнительно следует обратить внимание на то, что использование технологий искусственного интеллекта приводит к существенному

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ 8525 (дата обращения: 06.02.2026).
[2] Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3451.
[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2025) // Собрание законодательства РФ.1996. № 25. Ст. 2954.

расширению возможностей анализа персональных данных.

В отличие от традиционных информационных систем, современные алгоритмы способны не только обрабатывать уже имеющуюся информацию, но и формировать новые сведения о личности на основе анализа совокупности цифровых следов, оставляемых человеком в информационном пространстве. К таким следам могут относиться действия пользователя в сети Интернет, история поисковых запросов, характер коммуникации в социальных сетях, а также данные, полученные при использовании различных цифровых сервисов.

В результате обработки подобной информации формируются так называемые цифровые профили личности, представляющие собой комплексные информационные модели поведения человека. Такие профили могут включать сведения о привычках, интересах, уровне платежеспособности, профессиональной активности и иных характеристиках личности. Особенность формирования подобных моделей заключается в том, что они создаются автоматически на основе алгоритмов машинного обучения и могут содержать выводы, которые сам субъект персональных данных никогда непосредственно не сообщал.

В сфере уголовно-правовой защиты персональных данных все чаще возникают ситуации, при которых ущемление прав и законных интересов личности происходит даже при отсутствии факта непосредственного распространения сведений о частной жизни. Нарушение может быть обусловлено самой процедурой аналитической обработки информации, когда на основе совокупности имеющихся данных формируются выводы и принимаются решения, способные оказать существенное влияние на правовое и социальное положение человека.

Учитывая изложенные обстоятельства, представляется обоснованным утверждение о том, что применение алгоритмов искусственного интеллекта объективно усиливает общественную опасность незаконных действий, связанных со сбором и использованием сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, а также персональных данных.

С учётом указанных обстоятельств необходимо привести действующие уголовно-правовые механизмы защиты персональных данных в соответствие с современными технологическими реалиями. Одним из возможных путей решения данной задачи может выступать корректировка отдельных положений уголовного законодательства с учётом особенностей применения технологий искусственного интеллекта.

Представляется обоснованным уточнение объективной стороны состава преступления, закреплённого в ст. 272.1 УК РФ, посредством включения в неё указания на незаконную автоматизированную обработку персональных данных, если такие действия повлекли существенное нарушение прав и законных интересов субъекта данных. Подобный подход позволил бы распространить действие нормы на ситуации, при которых вред причиняется не вследствие передачи или распространения сведений, а в результате их аналитической обработки.

Кроме того, целесообразно дополнить норму квалифицирующим признаком, предусматривающим совершение преступления с использованием автоматизированных систем либо технологий искусственного интеллекта. В этой связи возможно дополнение части 3 статьи новым пунктом «д» следующего содержания: «д) с использованием алгоритмов технологий искусственного интеллекта».

Предложенные изменения направлены на устранение выявленных пробелов уголовно-правовой охраны персональных данных с учётом особенностей их автоматизированной обработки и функционирования алгоритмических систем. Их реализация позволит повысить адаптивность уголовного законодательства к современным технологическим условиям и одновременно обеспечить более эффективную защиту прав и свобод личности в цифровой среде.

Список литературы:

1. Зотина Е. В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 5.1.4. Казань 2024. - 33 с.
2. Кирилова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4 (271). С. 76 - 80. EDN: THOVON
3. Петрикова С. В., Лаврушкина А. А. Субъективная сторона состава преступления при причинении вреда здоровью искусственным интеллектом. Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 156-161. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-156-161 EDN: LXEXZE
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109 EDN: YVXKVA
5. Русскевич Е. А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. 2025. № 7. С. 53-59. EDN: PYYGBX

References:

1. Zotina E. V. Fraud using information and telecommunication technologies and social engineering techniques: a criminological study: abstract of a candidate of legal sciences dissertation: 5.1.4. Kazan 2024. – 33 p.
2. Kirilova E. A., Zulfugarzade T. E. On the issue of the legal personality of artificial intelligence // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 4 (271). Pp. 76-80.
3. Petrikova S. V., Lavrushkina A. A. Subjective side of the crime when harm to health is caused by artificial intelligence. Social and political sciences. 2021. Vol. 11. No. 6. Pp. 156-161.
4. Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial Intelligence from a Legal Perspective // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 91-109.
5. Russkevich E. A. On Criminal Liability for Illegal Actions with Computer Information Containing Personal Data // Criminal Procedure. 2025. No. 7. Pp. 53-59.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_430

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ
PROCEDURAL DEADLINES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF CALCULATION AND RESTORATION

МАРЧЕНКО Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лоцманская ул., 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru;

НИКИФОРОВА Варвара Игоревна,
студент, бакалавриата факультета гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лоцманская ул., 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.
E-mail: varvara_nikiforova1@mail.ru

MARCHENKO Alexander Vasilyevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Administrative Law St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
3 Lotsmanskaya St., St. Petersburg, 190121, Russia.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru;

NIKIFOROVA Varvara Igorevna,
undergraduate student at the Faculty of Humanities Education St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
3 Lotsmanskaya St., St. Petersburg, 190121, Russia.
E-mail: varvara_nikiforova1@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена проблемам исчисления и восстановления процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве России. Анализируются коллизии законодательства, в том числе «правовая пустота» при задержании подозреваемого, неопределённость правил исчисления и дискреционность восстановления сроков.*

Abstract: *The article examines issues related to the calculation and reinstatement of procedural deadlines in Russian criminal proceedings. It analyzes conflicts in the law, including the "legal vacuum" surrounding the detention of suspects, the ambiguity of the rules governing the calculation of deadlines, and the discretionary nature of their reinstatement.*

Ключевые слова: *процессуальные сроки, задержание подозреваемого, исчисление сроков, восстановление сроков.*
Key words: *procedural deadlines, detention of a suspect, calculation of deadlines, reinstatement of deadlines.*

Для цитирования: *Марченко А.В., Никифорова В.И. Процессуальные сроки в российском уголовном судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы исчисления и восстановления // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 430-433. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_430.*
For citation*: Marchenko A.V., Nikiforova V.I. Procedural deadlines in Russian criminal proceedings: theoretical and applied problems of calculation and restoration. // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 430-433. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_430.*

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Процессуальный срок в российском уголовном судопроизводстве определяется как установленный законодательством период времени, в пределах которого участники уголовного процесса обязаны принять правовое решение, либо осуществить какое-либо процессуальное действие или, напротив, воздержаться от его совершения. Соблюдение, корректное исчисление, обеспечение разумного срока являются неотъемлемыми элементами формы уголовного судопроизводства, выполняющими фундаментальную гарантийную функцию. Устанавливая императивные временные промежутки для совершения процессуальных действий и реализации прав участников судопроизводства, законодатель имплементирует в отраслевое регулирование фундаментальные конституционные принципы – правовой определённости, разумности сроков судопроизводства и уважения человеческого достоинства[1]. Таким образом, процессуальный срок выходит за пределы технического назначения, становясь материализованной гарантией против произвольной волокиты, чрезмерного применения мер принуждения и обесценивая процессуальных прав.

Вместе с тем, как демонстрирует изучение действующего правового регулирования и сложившейся правоприменительной практики, рассматриваемый институт сопряжен с рядом системных проблем, имеющих фундаментальный, а не частный характер. К числу наиболее значимых из них относятся: неопределенность момента начала течения отдельных сроков, прежде всего – срока задержания подозреваемого, внутренняя противоречивость правил исчисления, закрепленных в ст. 128 УПК РФ[2], а также чрезмерная дискреционность института восстановления пропущенных сроков, порождающая риски произвольного правоприменения. Важность рассматриваемого института подтверждает и статистика

[1] Шеншин, В. М. Актуальные проблемы проведения проверки сообщения о событии с признаками преступления / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 51-57. – EDN GDKBDX.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 9 апреля 2026 г. № 78-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

деятельности судов различного уровня. Например, в «Обзоре судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году» отмечено, что в областных и равных им судам в 2024 году по 77 делам, или 4,1 % от общего числа оконченных производством дел, были нарушены процессуальные сроки принятия решения по поступившему делу, назначения предварительного слушания или судебного заседания (ст. 227, 233 УПК РФ). За 2023 год такие нарушения были допущены по 99 делам (5,6 %). Районными судами за 12 месяцев 2024 года рассмотрено по существу 153,3 тыс. ходатайств о продлении срока содержания под стражей, что на 10,2 % меньше, чем в 2023 году (170,7 тыс.); из них удовлетворено 98,1 % от всех рассмотренных (97,9 %)[1].

Легальное определение процессуального срока в УПК РФ отсутствует, что делает доктринальное толкование не только научно значимым, но и практически востребованным. Исходя из системного анализа норм, процессуальный срок может быть определен как установленный законом временной промежуток (или конкретный момент), в пределах которого уполномоченный субъект обязан или вправе совершить определенное процессуальное действие, принять решение либо воздержаться от его совершения.

Юридическая природа и значение процессуальных сроков многогранны. Выступая элементом процессуальной деятельности, сроки придают уголовному судопроизводству упорядоченность и предсказуемость и являются важнейшей гарантией прав личности.

Анализ функций процессуальных сроков позволяет выделить следующие. Гарантийная функция обеспечивает защиту участников от необоснованного затягивания и чрезмерного принуждения. Обеспечительная (пресекательная) функция придает устойчивость процессуальным отношениям: истечение срока, как правило, влечет обязанность совершить действие (например, освободить задержанного – ч. 2 ст. 94 УПК РФ). Дисциплинирующая (организующая) функция стимулирует органы расследования и суд к оперативности. Наконец, функция юридического факта проявляется в том, что истечение или соблюдение срока выступает основанием возникновения, изменения или прекращения процессуальных правоотношений.

Таким образом, процессуальный срок, будучи формальным элементом, несет в себе значительный материально-правовой гарантийный потенциал, реализация которого, однако, зависит от совершенства его юридической конструкции.

В доктрине и правоприменении наиболее значимым является их разграничение на сроки-моменты и сроки-периоды. Первые из названных жестко привязаны к наступлению юридического факта и не имеют протяженности (например, обязанность незамедлительно освободить незаконно задержанное лицо – ч. 2 ст. 10 УПК РФ). Вторые в свою очередь представляют собой временной интервал между двумя событиями и требуют детальной регламентации порядка исчисления (ст. 128 УПК РФ).

УПК РФ предусматривает пять категорий исчисления: «незамедлительно», часами и минутами, сутками и днями, месяцами, годами. Каждая из них обладает специфическими правилами. Однако уже на этом догматическом уровне выявляются зоны повышенной нормативной напряженности.

Категория «незамедлительно» (встречается примерно в 40 нормах, включая ч. 1 ст. 42 УПК РФ) является наименее определенной. В правоприменении она интерпретируется не как мгновенность, а как совершение действия в минимально необходимый технический промежуток времени, что создает почву для споров.

Процедура исчисления временных промежутков в часах и минутах, урегулированная 36 статьями УПК РФ (включая нормы о задержании – ст. 91, 92, 94), предполагает строгую фиксацию начального момента отсчета. На практике определение этого момента выступает одной из ключевых проблем, в частности, в рамках института задержания.

Наиболее распространенное исчисление сутками и дням (более 120 норм) сопряжено с терминологической неопределенностью: закон не раскрывает соотношение понятий «сутки» (24 часа) и «дни» (календарные дни), что допускает двойственное толкование.

Исчисление месяцами (около 32 норм) порождает коллизию между календарным правилом окончания срока (в соответствующее число последнего месяца) и правилом о переносе на следующий рабочий день, если окончание приходится на нерабочий день (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Существуют также проблемы определения сроков применения отдельных мер пресечения, в частности запрета определенных действий, где для отдельных запретов конкретные сроки вовсе не предусмотрены[2]. Это является явным законодательным пробелом.

Наиболее остро системные противоречия проявляются в институте задержания подозреваемого. Центральной проблемой является глубокая коллизия между двумя юридически значимыми, но не совпадающими во времени событиями: фактическим задержанием лица и его процессуальным оформлением.

С одной стороны, п. 15 ст. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ императивно предписывают исчислять срок задержания с момента фактического задержания, то есть с момента фактического лишения свободы. С другой стороны, ст. 92 УПК РФ регламентирует процедуру, которая запускается с момента доставления задержанного в орган дознания и реализуется через составление протокола задержания. Именно с этого момента у лица возникают формализованные права подозреваемого, предусмотренные ст. 46 УПК РФ.

Закон, таким образом, конструирует два различных «стартовых момента» для одного процессуального действия. Между ними неизбежно возникает временной интервал, продолжительность которого зависит исключительно от оперативных и организационных факторов. Этот интервал и образует то, что в доктрине обоснованно обозначается как «правовая пустота» – промежуток времени, в котором лицо, уже лишенное свободы (de facto), лишено полноценного комплекса процессуальных гарантий (de jure).

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. – Москва: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. – С. 4. [Электрон. ресурс]. // URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
[2] Нехороших М.Е. Проблемы определения сроков применения мер пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 90.

Последствия «правовой пустоты» носят системный характер:

1. Нарушение принципа непосредственности: ключевые решения о правовом статусе откладываются, хотя принуждение является непосредственным.

2. Ограничение права на доступ к защитнику: право на юридическую помощь, гарантированное ст. 48 Конституции Российской Федерации[1], возникает лишь после составления протокола, что ставит под сомнение справедливость последующих следственных действий.

3. Искажение исчисления 48-часового срока: если протокол составлен со значительной задержкой, формальный 48-часовой срок, отсчитываемый от момента фактического задержания, может истечь еще до истечения 48 часов с момента оформления, создавая парадоксальную ситуацию.

Проблема усугубляется тем, что, на практике зачастую в протоколах задержания отсутствуют сведения о фактическом времени задержания. Предполагается, что двойственная трактовка начального момента задержания выступает одной из причин того, что постановление о задержании следователями выносятся в редких случаях.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к данной проблеме, однако его позиция носит двойственный характер. С одной стороны, он подвергал критике факты несвоевременного составления протокола[2]. С другой – в Определении от 26 ноября 2018 г. № 2845-О[3] указал, что законоположения, гарантирующие исчисление срока с момента фактического задержания, неопределенности не содержат. Тем самым высший судебный орган фактически перевел фокус с системного дефекта закона на оценку добросовестности правоприменения, что не решает рассматриваемую проблему[4].

Таким образом, феномен «правовой пустоты» является не случайным изъяном, а системным порождением внутренней противоречивости уголовно-процессуального регулирования, требующим законодательного вмешательства.

Институт восстановления пропущенных процессуальных сроков (ст. 130 УПК РФ) призван служить гарантией от безвозвратной утраты права на защиту. Однако именно здесь наиболее ярко проявляется проблема субъективного усмотрения. Законодатель сознательно не дает исчерпывающего перечня уважительных причин пропуска срока, предоставляя правоприменителю (следователю, дознавателю, суду) широкие полномочия по их оценке.

В доктрине справедливо отмечается, что восстановление пропущенного срока является гарантией надлежащей защиты лиц, чьи права и интересы могут быть нарушены[5]. Но отсутствие четких критериев превращает эту гарантию в источник правовой неопределенности.

Предполагается обоснованным выделить несколько основных блоков обстоятельств, признаваемых судами уважительными, среди них: погодные условия (только при стихийных бедствиях), обстоятельства непреодолимой силы, состояние здоровья (при этом амбулаторное лечение, как правило, не признается), исключительные жизненные ситуации, неграмотность (спорный критерий), неправомерные действия суда или иных лиц.

Вместе с тем отсутствие единых критериев порождает противоречивые решения. Рассмотрение заявлений о восстановлении пропущенного срока является сферой наиболее частого осуществления судебного усмотрения, что может привести к превышению его пределов и нарушению принципа равенства[6].

Существующая модель, целиком полагающаяся на усмотрение, исчерпала свой ресурс правовой определенности. Отказ в восстановлении срока, если он не является, очевидно, необоснованным, фактически приводит к безвозвратной утрате процессуального права, а такой отказ редко становится предметом успешного самостоятельного обжалования.

В настоящее время институт процессуальных сроков в российском уголовном судопроизводстве находится в состоянии системного напряжения. Исследование законодательства, доктрины и правоприменительной практики позволяет выделить ключевые проблемы, в их числе неопределенность отдельных правил исчисления, прежде всего категории «незамедлительно» и соотношения «суток» и «дней», коллизия между фактическим и процессуальным задержанием, порождающая «правовую пустоту», чрезмерная дискреционность института восстановления сроков ввиду отсутствия четких критериев уважительности причин.

Предполагается, что необходимым условием для устранения выявленных противоречий является внесение изменений в УПК РФ.

В целях устранения выявленных противоречий представляется необходимым внести следующие изменения в УПК РФ (de lege ferenda):

1. Для преодоления «правовой пустоты» дополнить ст. 92 УПК РФ положением о том, что права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, возникают у лица с момента фактического задержания, а протокол лишь фиксирует этот факт. Установить, что максимальный интервал между

[1] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2023 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей.1 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.А. Алексеева» // Российская газета. – 2023. – 7 апреля.
[3] Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2845-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Вениамина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026).
[4] Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI; Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
[5] Плотников М.С. Восстановление пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование решения суда первой инстанции // Вестник науки. – 2023. – № 3 (60). – С. 160.
[6] Царев М.А. Восстановление пропущенных процессуальных сроков: пределы судебного усмотрения // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2 (230). – С. 154.

фактическим задержанием и составлением протокола не может превышать 3 часов, за исключением случаев, когда более длительный срок объективно необходим, и мотивирован в протоколе.

2. Для унификации правил исчисления уточнить ст. 128 УПК РФ, четко разграничив понятия «сутки» (24 часа) и «дни» (календарные дни с окончанием в 24 часа), а также разрешить коллизию между календарным окончанием срока, исчисляемого месяцами, и правилом о нерабочем дне, установив приоритет последнего как обеспечивающего реальную возможность совершения действия.

3. Для детализации института восстановления сроков дополнить главу 17 УПК РФ новой статьей 128.1 «Уважительные причины пропуска процессуального срока», закрепив: а) примерный перечень обстоятельств, безусловно признаваемых уважительными (тяжелая болезнь, подтвержденная документально; госпитализация; смерть близкого родственника; действия непреодолимой силы; несвоевременное вручение процессуального документа); б) презумпцию уважительности при документальном подтверждении этих обстоятельств; в) критерии оценки иных причин (объективность, непреодолимость разумными усилиями, причинно-следственная связь между препятствием и пропуском срока).

4. В качестве рекомендации de lege lata Верховному Суду РФ целесообразно дать развернутое руководящее разъяснение о необходимости проверки судами при рассмотрении ходатайств об аресте продолжительности периода между фактическим задержанием и составлением протокола и учета этого периода при оценке законности задержания.

Реализация указанных предложений будет способствовать укреплению правовой определенности, повышению эффективности уголовного судопроизводства и усилению гарантий прав личности.

Список литературы

1. Нехороших М.Е. Проблемы определения сроков применения мер пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 88–95.
2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. – Москва: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. – С. 4. [Электрон. ресурс]. // URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
3. Плотников М.С. Восстановление пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование решения суда первой инстанции // Вестник науки. – 2023. – № 3 (60). – С. 158–166.
4. Царев М.А. Восстановление пропущенных процессуальных сроков: пределы судебного усмотрения // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2 (230). – С. 153–156.
5. Шеншин, В. М. Актуальные проблемы проведения проверки сообщения о событии с признаками преступления / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 51-57. – EDN GDKBDX.
6. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
7. Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.
8. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.

References

1. Nekhoroshikh M.E. Problems of determining the time limits for the application of preventive measures in criminal proceedings // Legal science and practice. – 2025. - Vol. 21, No. 2. - pp. 88-95.
2. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2024. - Moscow: Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, 2025. - P. 4. [Electronic. resources]. // URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (date of request: 05/12/2026).
3. Plotnikov M.S. The uprising of the missed procedural deadline for the appeal of the decision of the court of first instance / / Bulletin of Science. – 2023. – № 3 (60). - Pp. 158-166.
4. Tsarev M.A. The uprising of missed procedural deadlines: the limit of judicial review // Agrarian and land law. – 2024. – № 2 (230). - Pp. 153-156.
5. Shenshin, V. M. Actual problems of checking reports on events with signs of assumption/V. M. Shenshin / / Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2019. – № 12(269). - Pp. 51-57. – EDN GDKBDX.
6. Kainov, V. E. Constitutional law: Textbook / V. E. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. - Belgorod: Epicenter LLC, 2026. -284 P. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
7. Strokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation: A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Strokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. - Saint Petersburg-Belgorod : Society with a limited Epicenter, 2018. -160 p. – EDN FMOGLI.
8. Shenshin, V. M. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin / / Legal regulation and scientific and technological progress : A collective monograph / edited by G.F. Garayeva, V.C. Kovalevo. Krasnodar: Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_434

УДК: 343.779

УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПАРАДИГМА, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ (НАЧАЛО)
CRIMINAL ENVIRONMENTAL POLICY: THE PARADIGM, THE CONDITIONALITY OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT (BEGINNING)

ШЕНШИН Виктор Михайлович
доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

SHENSHIN Viktor Mikhailovich
Associate Professor of the Department of Ecology and Life Safety
Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящей статьей автор начинает рассмотрение некоторых особенностей уголовно-экологической политики России.*

Abstract: *With this article, the author begins to consider some of the features of Russia's criminal environmental policy.*

Ключевые слова: *уголовно-экологическая политика; экологическое преступление; преступность; опасность; окружающая среда.*
Keywords: *criminal environmental policy; environmental persecution; danger; environment.*

Для цитирования: *Шеншин В.М. Уголовно-экологическая политика: парадигма, обусловленность развития концепции (начало)// Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 434-437. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_434.*
For citation*: Shenshin V.M. Criminal and Environmental Policy: Paradigm, Determinants of Concept Development (Part 1) // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 434-437. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_434.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Обусловленность социально-правовой потребности в углублении уголовно-правовых знаний, практическом применении результатов уголовно-правовых исследований возникла в условиях кризиса окружающей среды, вызванного антропогенным фактором. На сегодня имеются основания утверждать о начале глубокого кризиса («Кризис» – слово греческое, в переводе оно означает «суд»[1]). Характеризуемый упадок определяется тем, что обнаруживается несоответствие предпринимаемых мер государством в сфере борьбы с экологической преступностью. Как российское, так и мировое сообщества, пришли к определенному «тупику» из которого выбраться пока ни на законодательном, ни на научном уровнях не получается.

«Можно, пожалуй, сказать, – предостерегал Ж.Б. Ламарк еще в начале XIX в., что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания»[2]. Православие учит нас иному, а именно, тому, что предназначение человека состоит в соблюдении заповедей Божиих, в спасении своей души.

С появлением человека, возникла и преступность. Вспомним, хотя бы Каина, убивающего Авеля!

Преступность, как глобальная угроза человечества, на всех этапах развития общества и государства, побуждает социум к поиску эффективного инструментария в ее снижении или полном устранении. Для решения такой задачи направляются значительные ресурсы, как материальные, так и интеллектуальные.

Преступления и преступность понятия различны. Преступность мы рассматриваем применительно к человеку, социальному институту, обществу. Множество преступлений охватывается более широким понятием преступности.

Преступность человека – это свойство совершать преступления[3].

Преступность социального института, выступает, как свойство института воспроизводить преступления внутри и вне себя.

Преступность общества – свойство общества порождать множество опасных для человека деяний (преступное множество).

Преступность воспроизводит преступления, выступает единством системного множества преступлений и иных социальных подсистем, является единством преступлений и вызывающих их детерминант[4].

11 Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 1995 г.) определил, что экологические преступления, приобретающие транснациональный характер, выдвигаются на первое место[5].

[1] http://www.pravmir.ru/svyatitel-nikolay-serbskiy-krizis-eto-sud-bozhiy/
[2] Ламарк Ж.Б. Аналитическая система положительных знаний человека // Избранные произведения. В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 442.
[3] Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. Редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 432 с. С. 10.
[4] Шестаков Д.А. 1) Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. СПб., 2001; 2) Опыт критической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 4 (5). С. 201-204; Преступность среди социальных подсистем: новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003.
[5] Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник. М.: Спарк, 1999. С. 161.

И.А. Соболь отмечал, что экологическая преступность, как неблагоприятное явление современного общества, рассматривается в виде общественно-правового явления, представляющего собой ряд отдельных преступлений, которые создают предпосылки к нарушению стабильности экологических правоотношений. Она входит в число наиболее опасных для общества видов преступности и имеет массовое распространение[1].

Под экологической преступностью мы будем понимать систему экологических преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере экологической безопасности, причиняющих вред окружающей среде и здоровью человека, единство экологических преступлений и их детерминант.

Экологическая преступность, несомненно, представляет реальную опасность окружающей среде, ее компонентам, а также жизни и здоровью человека. Принимаемые обществом и государством усилия, направленные на противодействие преступности, ведущие к реальному понижению ее уровня до рамок естественного фона[2], не дают должного результата по ряду причин, о которых речь пойдет ниже.

Экологические преступления сплетают в единый узел многие связи, причины и следствия, весь тот круг проблем, который позволяет говорить о масштабности экологической преступности. Этот узел можно разрубить с помощью уголовно-экологической политики.

Экологической преступности, оказывающей негативное воздействие на состояние экологической безопасности, типичны:

– корыстная направленность;

– рост удельного веса групповых деяний;

– высокая латентность.

Статистика преступлений выявила тенденцию несоответствия проводимой уголовной политики криминальной ситуации, сложившейся в российском обществе. Это подтвердилось, в частности, и тем, что с принятием в 2001 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статистикой зарегистрировано резкое увеличение количества преступлений - на 79,4 % (более чем на 734,5 тыс. преступлений).

Подобная тенденция наблюдалась и в сфере совершения экологических преступлений. Так, статистика экологических преступлений за последние 20-30 лет констатирует ежегодное увеличение числа совершенных экологических преступлений, и это несмотря на предпринимаемые государством меры борьбы с преступностью. Так, в 1990 г. было зарегистрировано около 3,5 тыс. экологических преступлений, в 2000 г. – свыше 13 тыс. Доля зарегистрированных экологических преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений увеличилась с 0,28 % в 1990 г. до 0,41 % в 1999 г. Таким образом, прирост за указанный период времени составил 390,7 %[3]. В середине 1990-х годов структура экологических преступлений имела следующий вид: незаконный вылов рыбы – 46,5 %, незаконная охота - 19,6, незаконная порубка леса - 30,2, все иные виды – 3,7 %[4]. Общее число зарегистрированных в стране преступлений сократилось в 2000 г. на 1,6%, но экологических – возросло на 19,4 %[5]; вместе с тем количество других видов преступлений снизилось на 1,6%. В последнее время доля экологических преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений, по экспертным оценкам, составляет не менее 3-5 %[6].

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики[7], за 1998 г. совершено 7721 экологическое преступление; за 1999 г. – 12413. В 2000 г. было зарегистрировано 14818 преступлений, в 2001 г. – 17128, в 2002 г. – 21409. Данные за 2003 г. позволяют увидеть, что в России в указанном периоде зарегистрировано 26096 экологических преступлений. Нетрудно заметить, что выявленные правоохранительными органами экологические преступления составили менее 1 % от общего количества зафиксированных преступлений. В 2004 г. число экологических преступлений увеличилось до 30573 (общее число преступлений возросло до 2893810); в 2005 г. – 33491, в 2006 г. – уже 41883. В 2007 г. имело место незначительное снижение их количества - было поставлено на учет 41242 преступления. Таким образом, с 2000 по 2007 г. рост составил около 278,3 %.

За 2009 г. зафиксировано 46607 экологических преступлений, прирост к 2008 г. составил 3,8 %. Данные МВД России говорят о том, что за указанный период показатели экологической преступности выросли на 6,6 %, вместе с тем показатели общей преступности снизились на 6,1 %[8].

За 2009 г. число не расследованных уголовных дел возросло на 23 % по–сравнению с 2008 г., число расследованных уголовных дел за указанный период увеличилось на 4,9 %. Количество нераскрытых экологических преступлений за 2008 г. (8236) по–сравнению с 2007 г. возросло в два раза, за 2009 г. число таких преступлений достигло 12354.

Из анализа правоприменительной практики следует, что в 2008 г. преступления, предусмотренные статьями 256, 258, 260 УК РФ, составляли соответственно – 44,2 %, 7,8, 45,7 %, а в 2009 г. – 42,7 %, 4,9 %, 50,7 % от всех зарегистрированных в 2008 и 2009 гг. экологических преступлений. Проведенная выборка по статьям 250, 251, 254 УК РФ позволяет увидеть, что в 2009 г. указанные преступления составили 0,26 % от общего количества совершенных экологических преступлений, за 2008 г. – 0, 22 %.

За 2010 г. в России зарегистрировано 39160 экологических преступлений, за 2011 г. – 29151, из которых раскрыто 14695[9]. За 2012 г. в России зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, из которых на долю экологических приходится 27583, что составляет 1,2 % от общего

---

[1] Соболь И.А. Экологическая преступность в регионе: особенности и пути противодействия // Государственно-правовая политика в Северо-Западном регионе: Материалы Международной научно-практической конференции, 29 – 30 октября 2010 г. / Под общ.ред. В.Н. Агеева, К.Н. Серова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2010. С. 251.
[2] Уголовное право. Общая часть / Под ред. С.А. Денисова. – СП ун-т МВД России, 2008. С. 17.
[3] Курманов А.С. Незаконная охота: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 3.
[4] Плешаков А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями. Автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 5.
[5] Дубовик О.Л. Экологическое право. Элементарный курс. М.: Юристъ, 2002. С. 160.
[6] Жадан В.Н.Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 39.
[7] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi
[8] URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/4365207/4366550.
[9] Оперативная ситуация. Январь-декабрь 2011 г.: по данным ГИАЦ МВД России // Щит и меч. 2012. 15 марта.

количества преступлений[1]. В тоже время за 2010 г. было зарегистрировано 2628800 преступлений, из них 39160 приходится на экологические преступления, удельный вес преступлений указанной категории составляет 1,5 %[2]. Из этих данных следует, что за 2012 г. по–сравнению с 2010 г. зарегистрировано экологических преступлений почти на 12 тыс. меньше.

В 2013 г. число экологических преступлений снизилось до 24728, что по сравнению с 2012 г. на 10,4 % меньше; из них раскрытых оказалось 13398 преступлений, что на 5 % меньше, чем в 2012 г.[3]. В суды же, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде российской Федерации, в 2013 г. направлено 12608 уголовных дел об экологических преступлениях, из которых 3443 дела было прекращено, в том числе пять из них – по реабилитирующим основаниям. Сумма ущерба, причиненного только преступлениями, предусмотренными статьей 261 УК РФ, в 2013 г. составила 1826806271 рубль, а присуждено судами к взысканию лишь 7467620 рублей[4]. В 2015 г. было зарегистрировано 24740 экологических преступлений, что на 3,1 % ниже, чем в 2014 г. (25530)[5]. И хотя в 2007 г. экологических преступлений по сравнению с 2015 г. зарегистрировано практически на 60 % больше, не будем забывать о том, что латентность таких преступлений приближается к 100 %.

В январе-апреле 2017 г. совершено 6762 экологического преступления, что на 5 % меньше по сравнению с тем же периодом 2016 года; вместе с тем за аналогичный период 2015 г. совершено на 2 % больше, чем за аналогичный период 2016 года[6]. Зарегистрированные преступления в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), нарушения правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УКРФ), незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) показали динамику роста. В совокупности названные преступления в 2007 г. достигли 4105, в 2008 г. – 5458, 2009 г. – 4105, в 2010 г. – 5458, в 2011 г. – 6464, в 2012 г. – 7062[7] (на квалифицированные составы приходится 50-60% от зарегистрированных экологических преступлений[8]).

Как указала Н.В. Краснослободцева, в период с 2000 по 2009 г. число незаконных рубок лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) возросло с 580 до 7514, а удельный вес подобных преступлений в общем количестве зарегистрированных экологических преступлений в 2009 г. составил 50,7 %[9].

Что же касается незаконной охоты (ст. 258 УК РФ), то за 2005-2010 гг. таких преступлений было зарегистрировано на 10 % меньше по–сравнению с общим числом экологических преступлений только в Омской, Томской и Новосибирской областях. В процентном отношении по зарегистрированным преступлениям по статье 258 УК РФ лидирует Республика Саха (Якутия), на территории которой в 2007 и 2008 гг. было зарегистрировано таких преступлений свыше 50 % от общего числа экологических преступлений, в 2009 г. их доля снизилась до 33 %, а в 2010 г. снова увеличилась и достигла 70 %[10]. В Республике Бурятия отмечалось снижение числа экологических преступлений с 813 в 2008 г. до 667 в 2009 г. Такая же картина снижения числа экологических преступлений наблюдалась в Камчатской и Сахалинской областях[11]. Говоря о незаконной охоте, Э.Н. Желаков отмечал, что данный состав преступлений по степени распространенности в структуре регистрируемой экологической преступности в Российской Федерации традиционно занимает третье место после незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ)[12].

А.И. Долгова в своей работе «Преступность и реформы в России» отмечает, что ежегодно в России фиксируется свыше 70 тыс. преступлений, связанных с незаконной охотой; более 12 млн. случаев в год фиксируется нарушений правил вылова рыбы; происходит более 30 тыс. возгораний в лесах[13]. Как правило, при этом в суд направляется малая часть материалов дел об экологических преступлениях.

Анализ статистических данных за 2009-2014 гг. показывает неэффективность в применении статьи 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», статьи 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», статьи 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации»[14]. В ходе опросов, проведенных для выявления представлений работников государственных органов о состоянии привлечения нарушителей экологического законодательства к ответственности, респонденты отвечали по-разному: 90 % из них полагают, что выявляются лишь малозначительные преступления; 10 % считают, что 2/3 выявленных преступлений до суда не доходят, причем в качестве основной причины они называют коррупцию, поразившую все звенья государственных структур[15].

Отметим, что только в Северо-Западном федеральном округе ежедневно фиксируется от 3 до 3,5 тыс. преступлений экологического

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2012 г. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427433392/replies.xml?item_no=128843 (дата обращения: 14.07.2017).
[2] Справка о состоянии преступности в России за 2010 г. URL: http://www.globalitv.ru/show/2542 (дата обращения: 14.07.2017).
[3] ИЦ МВД России. URL: http://www.justicemaker/ru/view-article/php?id=21&art=3624.
[4] Статистика Судебного Департамента Верховного Суда РФ. URL: http://www.cdep.ru.
[5] Состояние преступности - январь-декабрь 2015 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/7087734 (дата обращения: 21.12.2016).
[6] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi
[7] Тушин А.П. Состояние законности в сфере охраны и использования животного мира // Использование и охрана природных ресурсов в России». 2013. № 1. С. 43.
[8] Бедный О.П., Рубина Е.А., Буденков А.Н. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Состояние законности в сфере охраны и использования животного мира // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 8. С. 40.
[9] Краснослободцева Н.В. Общая характеристика экологических преступлений по действующему российскому законодательству // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2011.Вып. 9 (101). С. 58-62.
[10] Бедный О.П., Рубина Е.А., Буденков А.Н. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Состояние законности в сфере охраны и использования животного мира // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 8. С. 42.
[11] Фомина И.А. К вопросу о содержании понятия «незаконная порубка деревьев и кустарников» // Сибирский юридический вестник. 2007. № 2 (37). С. 104.
[12] Жевлаков Э.Н. О предмете незаконной охоты // Судья. 2016. № 4. С. 31-33.
[13] Преступность и реформы в России / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Криминолог. ассоциация, 1998. С. 261.
[14] Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2014. С. 5-7.
[15] Столяров В.Б. Проблемы применения экологического права // Экологическое право. 2006. № 2. С. 40.

характера[1]; по России такой показатель составляет от 30 до 35 тыс. фактов в год[2]. Однако, на наш взгляд, исчерпывающей информации о реальной распространенности экологических преступлений нет. В статистике отражается лишь небольшая часть фактически совершаемых посягательств на окружающую среду. Учет таких преступлений явно не соответствует складывающейся обстановке в сфере охраны окружающей среды, что подразумевает под собой бессмысленность проводимых мероприятий по выявлению, учету, раскрытию и предупреждению экологических преступлений. Указанные факты могут лишь в некоторой степени дать представление о дальнейшей направленности усилий в данной сфере противодействия. Есть основания полагать, что удельный вес фактически совершенных экологических преступлений по России достигает 15-20 %, а не 1,4 %, и в этом и проявляется та социальная опасность, которую представляют подобные преступления, поскольку общественная опасность последних несоизмеримо больше, нежели иных видов преступлений, но к ним, к сожалению, в целом терпимо общественное мнение.

Следует учесть, что многие преступления, совершенные сегодня, в виде своих последствий проявятся в будущем, о котором мы, к сожалению, не задумываемся. Согласимся с мнением, что «в России сложилась парадоксальная ситуация: при нарастании экологического кризиса наблюдается атрофия и разбалансированность государственного контроля и управления, при росте числа правонарушений и злоупотреблений просматривается линия на затухание судебно-правового регулирования»[3].

Список литературы:

1. Бедный О.П., Рубина Е.А., Буденков А.Н. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Состояние законности в сфере охраны и использования животного мира // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 8. С. 42.
2. Дубовик О.Л. Экологическое право. Элементарный курс. М.: Юристъ, 2002. С. 160.
3. Краснослободцева Н.В. Общая характеристика экологических преступлений по действующему российскому законодательству // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2011.Вып. 9 (101). С. 58-62.
4. Курманов А.С. Незаконная охота: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 3.
5. Плешаков А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями. Автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 5.
6. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2014. С. 5-7.
7. Соболь И.А. Экологическая преступность в регионе: особенности и пути противодействия // Государственно-правовая политика в Северо-Западном регионе: Материалы Международной научно-практической конференции, 29 – 30 октября 2010 г. / Под общ.ред. В.Н. Агеева, К.Н. Серова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2010. С. 251.
8. Тушин А.П. Состояние законности в сфере охраны и использования животного мира // Использование и охрана природных ресурсов в России». 2013. № 1. С. 43.
9. Фомина И.А. К вопросу о содержании понятия «незаконная порубка деревьев и кустарников» // Сибирский юридический вестник. 2007. № 2 (37). С. 104.
10. Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. Редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 432 с. С. 10.

References:

1. Bedny O.P., Rubina E.A., Budenkov A.N. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. The state of legality in the sphere of protection and use of wildlife // Use and protection of natural resources in Russia. 2010. No. 8. p. 42.
2. Dubovik O.L. Environmental law. Elementary course. Moscow: Jurist, 2002. p. 160.
3. Krasnoslobodtseva N.S. General characteristics of environmental obstacles under current Russian legislation / / Bulletin of Tambov University. Humanities. 2011.Issue 9 (101). pp. 58-62.
4. Kurmanov A.S. Illegal hunting: criminal-legal and criminological aspects. The abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2002. p. 3.
5. Pleshakov A.M. Criminal and legal fight against environmental crimes. The abstract. Dissertation... by Dr. Jurid. M., 1994. p. 5.
6. Popov I.S. Prerequisites against the natural environment: theoretical foundations and practice of application: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. the science: 12.00.08. Yekaterinburg, 2014. pp. 5-7.
7. Sobol I.A. Environmental safety in the region: features and ways to counteract // State and legal policy in the North-Western region: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, October 29-30, 2010 / Under the general editorship of S.N. Ageev, K.N. Serov. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Service and Economics, 2010. p. 251.
8. Tushin A.P. The State of legality in the sphere of protection and use of wildlife // Use and protection of natural resources in Russia". 2013. No. 1. p. 43.
9. Fomina I.A. On the issue of the content of the concept of "illegal felling of trees and shrubs" / / Siberian Law Bulletin. 2007. No. 2 (37). p. 104.
10. Ecocriminology (oikoscrimenlogos). Paradigm and theory. Methodology and practice of law enforcement / Under total. Edited by V.P. Salnikova; preface by D.A. Shestakov. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2005. 432 p. p. 10.

[1] Состояние преступности в России. Стат. ежегодник. М., 1997. 2004. С. 116.
[2] Состояние преступности в России. Стат. ежегодник. М., 1997. 2004. С. 117-119.
[3] Сухарев А.Я. Экологическая преступность: ее социальные корни и общественная опасность // Криминологические и правовые проблемы обеспечения экологической безопасности. Сб. науч. тр. М., 1996. С. 6.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_438

УДК 343.34

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»
ON THE ISSUE OF COUNTERING EXTREMISM ON THE INTERNET

РУДАЯ Татьяна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский университет правосудия им. В. М. Лебедева».
344038, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, проспект Ленина, 66
SPIN-код: 1235-9179
AuthorID: 841508
E-mail: rydau@rambler.ru

RUDAIA Tatiana Yu.
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Rostov Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian University of Justice named after V. M. Lebedev"
344038, Rostov region, Rostov-on-Don, Lenin Avenue, 66
SPIN-код: 1235-9179
AuthorID: 841508
E-mail: rydau@rambler.ru

Краткая анотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия экстремизму в сети «Интернет» в условиях цифровизации общественных отношений. Анализируются особенности распространения экстремистской идеологии в цифровом пространстве, а также правовые и организационные меры противодействия данной деятельности. Отмечаются сложности выявления и пресечения экстремистских проявлений в интернет-среде. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики.*

Abstract. *The article examines topical issues of countering extremism on the Internet in the context of digitalization. The specifics of extremist ideology dissemination in the digital space and legal countermeasures are analyzed. The author highlights difficulties in detecting extremist content online. The need to improve legal regulation and enforcement practice is substantiated.*

Ключевые слова*: экстремизм, Интернет, цифровое пространство, противодействие экстремизму, информационные технологии.*
Keywords: *extremism, Internet, digital space, countering extremism, information technology.*

Для цитирования: *Рудая Т.Ю. К вопросу о противодействии экстремизму в сети «интернет»// Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 438-440. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_438.*
For citation*: Rudaya T.Yu. On the issue of countering extremism on the Internet// Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 438-440. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_438.*

Статья поступила в редакцию: 19.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Экстремизм является одной из наиболее опасных форм социальной деструкции, угрожающей общественной безопасности, конституционному строю и стабильности государства. В настоящее врем экстремистская деятельность занимается особое место, что вызвано огромным масштабом и разрушительным характером ее последствий. Значительные изменения экстремизм претерпел в конце XX века, изменились его формы и методы, что связано с бурным развитием научно-технического прогресса и усложнением общественных отношений. С течением времени меняются территориальные масштабы распространения, мотивационные основы, используемые технологии и другие аспекты противоправной деятельности в связи с чем в настоящее время экстремизм превращается в серьезную деструктивную силу, представляющую угрозу национальной безопасности государств мирового сообщества. В основе природы экстремизма лежит не только радикализация отдельных социальных групп, но и политические, религиозные, этнические и идеологические противоречия, которые эксплуатируются для создания угрозы стабильности общества. В отличие от традиционного насилия, экстремизм часто носит системный и идеологизированный характер, а его проявления включают как физическое насилие, так и психологическое, в том числе информационные атаки, дезинформацию, а также манипуляции общественным сознанием. В современных условиях особую актуальность приобретает проблема противодействия экстремизму в сети «Интернет», которая стала ключевой средой для распространения радикальной идеологии и координации противоправной деятельности.

В последние годы принято множество нормативно-правовых актов, целью которых является противодействие экстремистской деятельности. Однако их возникновения вызвано со значительными сложностями в социально-экономической сфере, которые происходят в нашем обществе и государстве в условиях бурного развития информационно-коммуникационной сферы. Появление и развитие интернета, ускорение обмена информацией, развитие информационно-коммуникационных технологий, способствующих облегчению передачи данных с одной стороны, значительно упрощают многие формы общественного взаимодействия, а другой стороны приводят к развитию деструктивных тенденций, в том числе связанных развитием формы и методом совершения преступлений экстремистской направленности.

Очевиден и тот факт, что любой прогресс имеет свою обратную, негативную сторону. Еще великий русский мыслитель Лев Николаевич Толстой отмечал, что «прогресс одной стороны человеческой жизни повсеместно выступает регрессом другой ее стороны» [3, с. 133]. Стоит отметить, что данная фраза великого писателя относится к тому периоду общественного-технологического развития, когда не было ни электронно-вычислительных систем, ни иных технологий, которые связаны с цифровым пространством. Однако данное правило актуально для любой технологии, которая значительным образом меняем общественное устройство. Это в одинаковой степени относится к таким революционным технологическим открытиям, которые привели к развитию автомобилестроения, электрификации, телефонизации и др. Аналогичным образом инновации

в цифровой коммуникации, с одной стороны, детерминировали тенденцию достаточно устойчивой причинно-следственной связи между разнообразием технологий, а с другой — привели к качественным изменениям механизма экстремистской деятельности.

Как справедливо отмечается в научных исследованиях, цифровизация общественных отношений привела к изменению форм и способов экстремистской деятельности, сделав Интернет основным каналом пропаганды, вербовки и коммуникации экстремистских сообществ [7; С. 120]. Во многом это связано с характеристиками интернета, который позволяет быстро и анонимно размещать информацию, что критически важно для экстремистских материалов.

Интерес лидеров экстремистских организаций к цифровому интернет-пространству во многом обусловлен особенностями самой сети. Интернет представляет собой среду, которая не находится под полным контролем какого-либо одного государства, организации или конкретного лица. Несмотря на то, что в последнее время многими государствами, в том числе РФ предпринимаются целый ряд мер, направленных на обеспечение безопасности интернета, в том числе ставятся всяческие ограничения, «белые списки» и др., , контроль за содержанием размещаемой информации здесь часто оказывается недостаточно эффективным. В настоящее время по-прежнему имеется огромное количество способов распространения экстремистских материалов через интернет и вовлечения людей в деструктивную деятельность.

Рост объемов распространения экстремистских материалов через интернет во многом связан со специфическими характеристиками самого цифрового пространства. Цифровая среда имеет двойственную природу – с одной стороны, она предназначена для обмена информацией и развития коммуникаций, а с другой — обладает технологическими возможностями, которые могут использоваться в противоправных целях.

Среди таких возможностей можно выделить несколько наиболее значимых.

Во-первых, это анонимность пользователей и огромный масштаб аудитории сети. Современные технологии позволяют скрывать личные данные и идентификационную информацию. Для этого могут применяться различные средства, например IP-телефония, подмена телефонных номеров с помощью SIP-технологий, сквозное шифрование сообщений, использование зеркальных сайтов и другие способы маскировки. В настоящее время один из самых популярных мессенджеров – телеграмм, позволяет достаточно эффективно проводить обмен анонимными сообщениями, что обуславливает высокую популярность данного мессенджера у различных преступных группировок и является одной из причин замедления его в РФ.

Во-вторых, преступная деятельность в цифровой среде часто носит трансграничный характер. Организаторы противоправной активности, объекты воздействия и потенциальные жертвы могут находиться на территории разных государств и подпадать под различные юрисдикции, что значительно усложняет выявление и расследование преступлений.

В-третьих, важную роль играет высокая скорость распространения информации в интернете. Деструктивный контент может быстро распространяться среди большого числа пользователей. Кроме того, современные цифровые материалы часто имеют мультимедийный характер: они объединяют текст, изображения, видео и звук, что позволяет одновременно воздействовать на разные каналы восприятия аудитории и усиливать психологическое влияние. Важное влияние имеет и бурное развитие ИИ способов генерации контента, что позволяет генерировать различные информационные материалы экстремистской направленности с высоким уровнем реалистичности [2; С. 252].

В условиях глобальной информатизации произошли существенные изменения в механизмах влияния на общественное сознание. Методы трансформации социального поведения, основанные на цифровой коммуникации и технологиях социальной инженерии, стали важным инструментом воздействия на людей и их вовлечения в экстремистскую деятельность.

В современной ситуации практика расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых в цифровой среде, вынуждена самостоятельно искать пути решения возникающих проблем. Представленности трудности связаны с правовыми, организационными, научно-техническими, информационными и методическими аспектами работы правоохранительных органов. В процессе своей деятельности специалисты накапливают определенный практический опыт, однако его пока недостаточно для того, чтобы полностью обеспечить сотрудников необходимыми знаниями о специфике таких преступлений и дать четкие рекомендации по действиям в различных следственных ситуациях. Кроме того, накопленный опыт стремительно устаревает.

Экстремистские материалы, размещаемые в сети «Интернет», зачастую имеют обезличенный характер и ориентированы на формирование враждебного отношения к социальным, национальным, религиозным или иным группам населения. [1; С. 284]. Данные характеристики экстремистских материалов позволяют злоумышленникам избегать прямой персонализации жертв и тем самым усложнять процесс правовой оценки и доказывания. Кроме того, цифровая среда способствует формированию устойчивых виртуальных сообществ экстремистской направленности. В рамках данных сообществ осуществляется идеологическая обработка, радикализация и вовлечение новых участников. [3; С. 253].

Правовую основу противодействия экстремизму в Российской Федерации образует совокупность норм конституционного, уголовного, административного и информационного законодательства. Базовым актом в данной сфере является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031). Вместе с тем действующее законодательство не всегда в полной мере учитывает особенности интернет-пространства как специфической среды совершения преступлений. Отсутствие четкого законодательного определения места совершения преступления в цифровой среде порождает сложности при квалификации экстремистских деяний и определении территориальной подсудности [3; С. 134].

Расследование экстремистских преступлений, совершаемых в сети «Интернет», характеризуется наличием специфических цифровых следов, формирующихся в программной среде компьютерных устройств, сетевой инфраструктуре и информационных ресурсах. Такие следы отличаются высокой изменчивостью и зависимостью от технических условий их фиксации [4; С. 90]. Цифровые следы могут быть умышленно

уничтожены, искажены либо модифицированы, что требует от правоохранительных органов применения специальных криминалистических знаний и технических средств. Существенные трудности вызывает также трансграничный характер интернет-коммуникаций, при котором субъект преступления, сервер хранения информации и потерпевшие могут находиться на территории разных государств [6; С. 119]. Нахождение данных субъектов на территории других стран значительно затрудняет расследование данных преступлений, так как действия правоохранительных органов ограничены в пределах отдельных стран. В этой связи особое значение приобретает развитие международного сотрудничества и совершенствование методик выявления, фиксации и анализа цифровых доказательств.

В системе противодействия экстремизму в сети «Интернет» особое место занимает профилактическая деятельность, направленная на предупреждение радикализации пользователей. В целом данное положение применима для противодействия любым преступлениям, в том числе экстремистской направленности. Наиболее уязвимой категорией в данном контексте является молодежь, активно использующая цифровые коммуникации и подверженная влиянию деструктивного контента [5; С. 37]. Именно молодежь является проводником внедрения современных технологий, в число которых входит и интернет. При этом у молодежи в виду ее социально-психологических характеристик далеко не всегда развито критическое мышление, позволяющее эффективно отличать информационные материалы, формируемые экстремистами. В этой связи эффективная профилактика экстремизма предполагает комплекс мер, включающих правовое просвещение, формирование цифровой культуры, развитие критического мышления и создание позитивного информационного контента. Ограничительные меры без соответствующей профилактической работы не способны обеспечить устойчивый результат в борьбе с экстремизмом в цифровой среде [7; С. 122].

Таким образом, экстремизм в сети «Интернет» представляет собой сложное социально-правовое явление, обусловленное трансформацией общественных отношений в условиях цифровизации. Интернет выступает не только средством, но и специфической средой совершения преступлений экстремистской направленности. В рамках совершенствования противодействия экстремизму в цифровой середе необходимо использовать комплексный подход, который предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, развитие криминалистических методик расследования, усиление профилактической работы и межведомственного взаимодействия. Дальнейшие научные исследования в данной сфере должны быть ориентированы на выработку практико-ориентированных рекомендаций для правоприменительных органов.

Список литературы

1. Абидов Р. Р., Зумакулова З. А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет // Право и управление. 2024. № 6. С. 301–305. [1; С. 301–305]
2. Баранов В. В. Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 252–255.
3. Гурьянова К. В. Правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму в сети «Интернет» // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 10 (79). С. 132–137.
4. Давыдов В. О. Цифровое пространство как место совершения преступлений экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 1. С. 89–95.
5. Дизер О. А., Иванова Д. С. Правовые средства противодействия молодежному экстремизму в сети «Интернет» // Актуальные проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. Белгород, 2024. С. 36–43.
6. Курочкин Д. А., Смирнов С. Н. К вопросу применения российского законодательства в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 283–286.
7. Манаков Т. Л. О совершенствовании противодействия распространению идеологии экстремизма в интернет-пространстве // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности : сб. науч. тр. Челябинск, 2024. С. 117–125.

References

1. Abidov R. R., Zumakulova Z. A. Counteracting Extremism and Terrorism on the Internet // Law and Management. 2024. No. 6. pp. 301–305. [1; pp. 301–305]
2. Baranov V. V. Counteracting the Spread of Extremist Ideas on the Global Internet Based on New Information Technologies // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 9 (237). pp. 252–255.
3. Guryanova K. V. Legal Regulation of Counteracting Terrorism and Extremism on the Internet // Science Bulletin. 2024. Vol. 1. No. 10 (79). pp. 132–137.
4. Davydov V. O. Digital Space as a Place for Committing Extremist Crimes // All-Russian Criminological Journal. 2024. Vol. 18. No. 1. pp. 89–95.
5. Dizer O. A., Ivanova D. S. Legal means of countering youth extremism on the Internet // Current issues of countering the ideology of extremism and terrorism among young people: collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference. Belgorod, 2024. pp. 36–43.
6. Kurochkin D. A., Smirnov S. N. On the issue of applying Russian legislation in the sphere of countering extremism on the Internet // Agrarian and land law. 2024. No. 1 (229). pp. 283–286.
7. Manakov T. L. On improving counteraction to the spread of extremist ideology in the Internet space // State regulation of socio-economic processes of the region and municipality: challenges and responses of our time: collection of scientific papers. Chelyabinsk, 2024. pp. 117–125.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_441

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УМЫСЛА И НЕОСТОРОЖНОСТИ

CRIMINAL LIABILITY FOR DESTROYING OR DAMAGING ANOTHER PERSON'S PROPERTY: PROBLEMS OF DIFFERENTIATING INTENTION AND NEGLIGENCE

КИРИЛЕНКО Александр Михайлович,
аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
ул. М. Горького, д. 166, к. 212, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002.
E-mail: litas2011@yandex.ru

УЛЕЗЬКО Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
ул. М. Горького, д. 166, к. 212, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002.
E-mail: litas2011@yandex.ru

KIRILENKO Alexander Mikhailovich,
Postgraduate student of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology
Federal State Budgetary Educational Institution OF Higher Education"Rostov State University of Economics (RINH).
166 M. Gorky St., room 212, Rostov-on-Don, Russia, 344002.
E-mail: litas2011@yandex.ru

ULEZKO Sergey Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology
Federal State Budgetary Educational Institution OF Higher Education"Rostov State University of Economics (RINH).
166 M. Gorky St., room 212, Rostov-on-Don, Russia, 344002.
E-mail: litas2011@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный уголовно-правовой и криминологический анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 167 и ст. 168 УК РФ. Автор исследует проблемы разграничения умышленной и неосторожной форм вины при уничтожении или повреждении чужого имущества, выявляет критерии отличия значительного ущерба от крупного, а также рассматривает спорные вопросы квалификации общеопасного способа. На основе анализа судебной практики 2024-2026 гг. предлагаются пути совершенствования законодательства, включая корректировку размера значительного ущерба и введение новых квалифицирующих признаков.*

Abstract: *The article provides a comprehensive criminal law and criminological analysis of the elements of crimes under Articles 167 and 168 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the problems of distinguishing between intentional and negligent forms of guilt in the destruction or damage of another's property, identifies criteria for distinguishing significant damage from large-scale damage, and also examines controversial issues of qualifying a generally dangerous method. Based on the analysis of judicial practice for 2024-2026, ways to improve legislation are proposed, including adjusting the amount of significant damage and introducing new qualifying features.*

Ключевые слова: *уничтожение имущества, умысел, неосторожность, значительный ущерб, крупный ущерб, общеопасный способ, поджог, дифференциация ответственности, судебная практика.*

Keywords: *destruction of property, intent, negligence, significant damage, large-scale damage, generally dangerous method, arson, differentiation of liability, judicial practice.*

Для цитирования: *Кириленко А.М., Улезько С.И. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества: проблемы дифференциации умысла и неосторожности // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 441-445. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_442.*

For citation*: Kirilenko A.M., Ulezko S.I. Criminal liability for the destruction or damage of someone else's property: problems of differentiating intent and negligence // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 441-445. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_441.*

Статья поступила в редакцию: 19.05.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Уголовное законодательство России предусматривает два основных состава преступления, связанных с уничтожением или повреждением чужого имущества: умышленный (ст. 167 УК РФ) и неосторожный (ст. 168 УК РФ). При этом законодатель устанавливает кардинально различающиеся санкции: максимальное наказание за умышленное деяние, совершенное общеопасным способом, может достигать пяти лет лишения свободы, тогда как неосторожное уничтожение имущества в крупном размере наказывается лишь ограничением свободы до одного года либо принудительными работами на тот же срок.

Данный «разрыв» в строгости наказания представляется в целом оправданным, однако практика правоприменения сталкивается с серьезными трудностями при разграничении умысла и неосторожности, особенно в случаях, когда деяние формально содержит признаки обоих составов. Проблема усугубляется тем, что значительная часть дел об уничтожении имущества путем поджога изначально расследуется как нарушение правил пожарной безопасности, и лишь последующие экспертизы позволяют установить умышленный характер действий [1].

Цель настоящей статьи - выявление проблемных аспектов дифференциации умысла и неосторожности при уничтожении или повреждении чужого имущества, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 167 и ст. 168 УК РФ, выступают отношения собственности независимо от ее формы. Предметом преступления является чужое имущество, то есть имущество, не находящееся в собственности или законном владении виновного.

Ключевым объективным признаком обоих составов выступает размер причиненного ущерба. Для состава ст. 167 УК РФ обязательным условием является причинение значительного ущерба. Законодатель не устанавливает фиксированной суммы значительного ущерба, отсылая правоприменителя к примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, согласно которому значительный ущерб гражданину не может составлять менее пяти тысяч рублей. Однако эта сумма является минимальным порогом - значительность ущерба определяется с учетом имущественного положения потерпевшего.

Судебная практика выработала следующие критерии оценки значительности ущерба: стоимость уничтоженного или поврежденного имущества; материальное положение потерпевшего (размер заработной платы, наличие иждивенцев, совокупный доход семьи); значимость утраченного имущества для потерпевшего (например, уничтожение единственного жилья или единственного источника дохода).

Пример из судебной практики: приговором Лужского городского суда Ленинградской области от сентября 2025 года ранее судимый житель Лужского района был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ. Подсудимый, будучи в состоянии алкогольного опьянения, действуя из личных неприязненных отношений, умышленно поджег принадлежащий потерпевшему автомобиль стоимостью 100 000 рублей, который полностью выгорел. Суд признал ущерб значительным с учетом материального положения потерпевшего [2].

Для состава ст. 168 УК РФ законодатель использует критерий крупного ущерба. В соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ крупным признается ущерб, превышающий двести пятьдесят тысяч рублей. Таким образом, если стоимость уничтоженного имущества не достигает этой суммы, при отсутствии умысла уголовная ответственность по ст. 168 УК РФ не наступает.

Пример из судебной практики: Сортавальским городским судом Республики Карелия рассмотрено уголовное дело, в котором подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, за уничтожение чужого имущества в крупном размере, совершенном путем неосторожного обращения с огнем. В результате преступных действий была уничтожена квартира, принадлежащая потерпевшему на праве собственности. Сумма ущерба составила 604 502 рубля, что превышает установленный законом порог крупного ущерба [3].

Важно отметить, что ст. 168 УК РФ не требует установления значительности ущерба - достаточно крупного размера. Это создает определенную асимметрию: гражданин, по неосторожности уничтоживший имущество стоимостью 300 000 рублей, подлежит уголовной ответственности, тогда как при умышленном уничтожении того же имущества ответственность по ст. 167 УК РФ могла бы и не наступить, если потерпевший — состоятельный человек, для которого 300 000 рублей не являются значительным ущербом.

Основное различие между ст. 167 и ст. 168 УК РФ лежит в плоскости субъективной стороны.

Умышленная форма вины (ст. 167 УК РФ) предполагает, что лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело неизбежность или возможность уничтожения или повреждения чужого имущества и желало либо сознательно допускало эти последствия. В теории уголовного права выделяют прямой и косвенный умысел. Для квалификации по ч. 1 ст. 167 УК РФ достаточно косвенного умысла - лицо может не желать наступления последствий, но сознательно их допускать либо относиться к ним безразлично [4].

Особую сложность представляет установление умысла при поджогах. Если лицо поджигает забор, но огонь перекидывается на дом, вопрос о том, охватывалось ли уничтожение дома умыслом виновного, решается с учетом направленности умысла. По сложившейся судебной практике, если лицо предвидело возможность распространения огня на жилище и сознательно это допускало, содеянное квалифицируется как умышленное уничтожение имущества (в том числе дома) с косвенным умыслом.

Пример из судебной практики: Мотовилихинский районный суд г. Перми вынес приговор в отношении 41-летнего жителя города Перми, признанного виновным по ч. 2 ст. 167 УК РФ. В ночное время 31 октября 2025 года подсудимый, испытывая чувство обиды и ревности по отношению к бывшей сожительнице, совершил поджог ее автомобиля, припаркованного возле одного из домов. В результате возгорания в общей сложности пострадало 6 автомобилей, 4 из которых были полностью уничтожены, 2 получили повреждения. Общая сумма ущерба составила около 5 млн рублей. Суд квалифицировал действия подсудимого как умышленное уничтожение чужого имущества общеопасным способом, поскольку поджог одного автомобиля в условиях плотной парковки объективно создавал угрозу уничтожения других транспортных средств [5].

Неосторожная форма вины (ст. 168 УК РФ) может проявляться в виде преступного легкомыслия или преступной небрежности. При преступном легкомыслии лицо предвидит возможность уничтожения или повреждения чужого имущества, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (например, оставляет включенный обогреватель, полагая, что «ничего не случится»). При преступной небрежности лицо не предвидит возможности наступления последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [6].

Практика показывает, что наибольшие трудности возникают при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. Оба вида вины характеризуются тем, что лицо предвидит возможность наступления последствий. Однако при умысле лицо сознательно допускает эти последствия (относится к ним безразлично), а при легкомыслии - рассчитывает их предотвратить. Установить фактическое психическое отношение лица к последствиям в каждом конкретном случае возможно лишь на основе совокупности объективных данных: характера и интенсивности действий, наличия или отсутствия попыток предотвратить последствия, поведения после их наступления.

Криминологический портрет лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 168 УК РФ, существенно отличается от портрета умышленного преступника.

Для неосторожных преступлений характерно отсутствие антисоциальной установки. Лицо не стремится причинить вред, более того, обычно заинтересовано в сохранности имущества. Основной контингент - лица без специальных навыков обращения с огнем, электричеством, газовым оборудованием. Это могут быть как собственники имущества, которые по небрежности допустили его уничтожение, так и лица, использу-

ющие чужое имущество.

В отличие от умышленных преступлений, где значительную долю составляют лица в возрасте 25-40 лет, неосторожные уничтожения чаще совершаются пожилыми людьми (в силу возрастных изменений, забывчивости) либо, напротив, несовершеннолетними (в силу отсутствия жизненного опыта и навыков безопасного обращения с приборами).

Пример из судебной практики, мировым судьей судебного участка № 2 Октябрьского района г. Орска рассмотрено уголовное дело в отношении подсудимого по ст. 168 УК РФ. В феврале 2025 года подсудимый, находясь в нежилом здании, нарушил Правила противопожарного режима - проводил сварочные работы, что привело к загоранию горючего материала (утеплителя). В результате пожара был поврежден легковой автомобиль, повреждены конструкции нежилых помещений, уничтожено имущество. Общий размер ущерба составил 4 519 252 рубля, что является крупным размером. Подсудимый вину признал частично, в содеянном раскаялся [7].

Криминологический анализ позволяет выделить следующие основные группы причин неосторожного уничтожения имущества:

1. Алкогольное и наркотическое опьянение. Значительная часть бытовых пожаров происходит в состоянии опьянения, когда лицо не контролирует свои действия, засыпает с непотушенной сигаретой, оставляет включенные приборы без присмотра.

2. Неисправность электроприборов и газового оборудования. В ряде случаев неосторожность проявляется не только в действиях лица, но и в его бездействии - лицо не проводит своевременный ремонт, игнорирует признаки неисправности, использует приборы с поврежденной изоляцией.

3. Нарушение правил эксплуатации. Это наиболее распространенная категория - использование обогревателей для сушки белья, установка приборов вблизи легковоспламеняющихся предметов, оставление включенных приборов без присмотра.

4. Детская шалость с огнем. Отдельную группу составляют случаи, когда несовершеннолетние (часто оставленные без присмотра) играют со спичками, зажигалками, что приводит к пожарам.

Пример из судебной практики, мировым судьей судебного участка № 1 Соль-Илецкого района Оренбургской области рассмотрено уголовное дело по ст. 168 УК РФ в отношении местного жителя. В зимнее время мужчина, с целью подогрева двигателя автомобиля, включил в незащищенную предохранителем электрическую сеть жилого дома нештатное электрооборудование - электроподогреватель двигателя через временную электропроводку, не предназначенную по своим характеристикам. Данный прибор мужчина оставил без присмотра. В связи с произошедшим коротким замыканием произошло загорание, повлекшее повреждение автомобиля и причинение ущерба на сумму более 400 000 рублей. Суд квалифицировал произошедшее как следствие преступной небрежности подсудимого, выразившейся в неосторожном обращении с источником повышенной опасности [8].

Особенность неосторожных преступлений заключается в том, что они, как правило, не являются результатом устойчивой криминальной мотивации, а скорее следствием недостаточной культуры безопасности и отсутствия должной осмотрительности.

Одной из наиболее сложных в теории и практике является ситуация, когда умысел лица был направлен на уничтожение одного имущества, а в результате уничтожено иное имущество (часто более ценное) либо уничтожение одного имущества повлекло уничтожение другого в силу объективных обстоятельств.

Классический пример: лицо поджигает забор, отделяющий его участок от участка соседа, но ветер перекидывает огонь на соседский дом, который полностью сгорает. Квалификация содеянного зависит от того, охватывалось ли уничтожение дома умыслом виновного.

В судебной практике по таким делам ключевое значение придается следующим обстоятельствам:

- наличие или отсутствие у лица возможности предвидеть распространение огня (погодные условия, наличие легковоспламеняющихся предметов вблизи);

- характер действий лица после возникновения пожара (пыталось ли оно тушить огонь, вызвало ли пожарных);

- отношение лица к уничтожению дома (высказывало ли оно угрозы, имело ли мотив для уничтожения именно дома).

Если будет установлено, что лицо не предвидело и не могло предвидеть распространение огня на дом, содеянное может квалифицироваться как умышленное уничтожение забора (при наличии значительного ущерба) и неосторожное уничтожение дома, если ущерб от уничтожения дома является крупным.

На практике возникает необходимость разграничения ст. 168 УК РФ и ст. 219 УК РФ, которая предусматривает ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению.

Основное отличие - по субъекту. По ст. 219 УК РФ отвечает специальный субъект - лицо, на которое возложена обязанность по соблюдению требований пожарной безопасности (должностное лицо организации, ответственное за пожарную безопасность, либо лицо, эксплуатирующее объект с повышенной опасностью). По ст. 168 УК РФ субъект общий - любое лицо, по неосторожности уничтожившее чужое имущество в крупном размере.

Кроме того, для ст. 219 УК РФ последствия более тяжкие - причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. Если нарушение правил пожарной безопасности повлекло уничтожение имущества без вреда для здоровья, квалификация возможна по ч. 1 ст. 219 УК РФ только при наличии существенного вреда (понятие оценочное), в остальных случаях - по ст. 168 УК РФ.

Практическая проблема возникает, когда лицо одновременно является и специальным субъектом (ответственным за пожарную безопасность), и допустило неосторожное уничтожение имущества. В таких случаях предпочтение отдается специальной норме - ст. 219 УК РФ.

Особый криминологический интерес представляют лица, совершающие уничтожение имущества при отягчающих обстоятельствах,

предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ, - из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Эти преступники образуют особую криминологическую группу. Для них характерны:

1. Высокий уровень криминальной активности. Уничтожение имущества общеопасным способом нередко сочетается с иными преступлениями - хулиганством, грабежом, разбоем.

2. Антисоциальная направленность личности. В отличие от лиц, совершающих неосторожное уничтожение, эти преступники имеют устойчивую антиобщественную установку, пренебрежение не только к чужой собственности, но и к жизни и здоровью людей.

3. Мотивы совершения преступления. Чаще всего это хулиганские побуждения (желание противопоставить себя обществу, проявить пренебрежение к общепринятым нормам) либо мотив мести, который в сочетании с общеопасным способом приобретает особую опасность.

4. Криминальный профессионализм. В ряде случаев уничтожение имущества путем поджога осуществляется «по заказу» - для сокрытия другого преступления, для получения страхового возмещения, для устранения конкурентов.

Пример из судебной практики, Черемховский районный суд Иркутской области вынес приговор в отношении 37-летнего местного жителя, признанного виновным по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 167 УК РФ (организация умышленного уничтожения чужого имущества, совершенного путем поджога). Суд установил, что в мае 2025 года подсудимый, будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве личной неприязни организовал поджог имущества своего знакомого. Для этого он путем уговоров привлек 22-летнего жителя Свирска, приобрел на АЗС бензин и передал соучастнику. В результате были уничтожены хозяйственные постройки и домашний скот, причинен ущерб на сумму свыше 1,7 млн рублей. С учетом того, что подсудимый ранее был судим за поджог автомобиля, суд отменил условное осуждение по предыдущему приговору и назначил наказание в виде 3,5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима [9].

Дополнительный пример из судебной практики, главным управлением МЧС по Алтайскому краю приведен случай, когда гражданин Т., находясь в состоянии опьянения в квартире, пренебрег мерами пожарной безопасности. Из-за непотушенной сигареты произошло воспламенение мебели, после чего огонь распространился на соседние жилые помещения. Мировым судом судебного участка Кулундинского района Алтайского края вынесен обвинительный приговор по ст. 168 УК РФ. Мужчина был признан виновным в уничтожении чужого имущества в крупном размере вследствие неосторожного обращения с огнем, материальный ущерб собственникам составил свыше 2 млн рублей [10].

Особую тревогу вызывает рост числа преступлений, совершаемых с использованием современных технологий - в частности, квадрокоптеров, с помощью которых осуществляется сброс зажигательной смеси. Такие действия, безусловно, должны квалифицироваться как совершенные общеопасным способом, однако правоприменительная практика еще не выработала единых подходов к оценке степени общественной опасности подобных деяний.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

1. О необходимости корректировки понятия «значительного ущерба».

Установленный минимальный порог значительного ущерба в размере 5 000 рублей на сегодняшний день является слишком низким. С учетом инфляции и роста цен эта сумма не отражает реальной значимости ущерба для потерпевшего. Предлагается увеличить минимальный порог до 10 000 - 15 000 рублей либо установить его в процентах от среднемесячного дохода потерпевшего (например, не менее трех среднемесячных доходов).

2. О введении нового квалифицирующего признака для ст. 167 УК РФ.

Практика показывает, что значительная часть умышленных уничтожений имущества совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. По аналогии со ст. 264 УК РФ (где состояние опьянения является квалифицирующим признаком) предлагается дополнить ч. 2 ст. 167 УК РФ пунктом «совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ». Анализ судебной практики подтверждает актуальность данного предложения - во многих приговорах суды указывают состояние опьянения как отягчающее обстоятельство, однако законодательное закрепление этого признака позволит более дифференцированно подходить к назначению наказания [2; 9].

3. О корректировке примечания к ст. 168 УК РФ.

Существующая редакция ст. 168 УК РФ требует для наступления ответственности крупного ущерба (свыше 250 000 рублей). Однако причинение неосторожного вреда в размере, например, 200 000 рублей остается безнаказанным, что не соответствует принципу справедливости. Предлагается снизить порог крупного ущерба для неосторожных уничтожений до 100 000 рублей либо ввести альтернативный критерий «значительного ущерба, причиненного при отягчающих обстоятельствах».

4. О совершенствовании практики разграничения умысла и неосторожности.

В целях единообразия судебной практики представляется целесообразным принятие Пленумом Верховного Суда РФ отдельного постановления «О судебной практике по делам об уничтожении или повреждении чужого имущества», в котором были бы разъяснены критерии разграничения умышленной и неосторожной форм вины, а также даны рекомендации по квалификации деяний, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов. Необходимо также дать разъяснение по вопросу квалификации случаев, когда поджог одного объекта повлек уничтожение другого имущества (проблема «эскалации»), с указанием на необходимость установления направленности умысла и возможности предвидения распространения огня.

Предложенные изменения направлены на дифференциацию ответственности в зависимости от формы вины и степени общественной

опасности деяния, что в конечном итоге будет способствовать более справедливому и эффективному отправлению правосудия.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: офиц. текст (с изм. и доп. от 09 апреля 2026г.) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Приговор Лужского городского суда Ленинградской области от сентября 2025 года по делу о поджоге автомобиля [Электронный ресурс]. URL: https://мшинское.рф/?p=16071 (дата обращения: 25.04.2026).
3. Решение Сортавальского городского суда Республики Карелия от 2025 года по делу о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=369919#roiVuJVhcoH2RS3A (дата обращения: 20.04.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. №29 //Российская газета. 2003. 18 января.
5. Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/court/dhZxdfYREY5w/ (дата обращения: 10.04.2026).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /Под ред. А.И. Рарога. - М.: Проспект, 2024. – 456с.
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Октябрьского района г. Орска от 2025 года по ст. 168 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: https://orskok1.kodms.ru/news/unichtozhenie-chuzhogo-imushestva. (дата обращения: 14.04.2026).
8. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Соль-Илецкого района Оренбургской области по ст. 168 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: https://si1.kodms.ru/. (дата обращения: 14.04.2026).
9. Приговор Черемховского районного суда Иркутской области от 22.04.2026 по делу об организации поджога [Электронный ресурс]. URL https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8471208/ (дата обращения: 10.04.2026).
10. Информация Главного управления МЧС по Алтайскому краю о привлечении к уголовной ответственности по ст. 168 УК РФ [Электронный ресурс]. URL https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_22/mass-media/news/main/e3104214/ (дата обращения: 20.04.2026).
11. Борзенков Г.Н. Преступления против собственности. - М.: ИКД «Зерцало-М», 2022. – 245с.
12. Сверчков В.В. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 12-18.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ: official. the text (with amendments and additions dated April 09, 2026.) / / Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. The verdict was passed by the Luga City Court of the Leningrad region on September 2025 in the case of arson of a car [Electronic resource]. URL: https://мшинское.RF/?p=16071 (accessed: 04/25/2026).
3. The decision of the Sortavala City Court of the Republic of Karelia dated 2025 in the case of compensation for property damage caused by crime [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=369919#roiVuJVhcoH2RS3A (date of application: 04/20/2026).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery" dated December 27, 2002 No. 29 / / Rossiyskaya gazeta. 2003. January 18.
5. The verdict was passed by the Motovilikhinsky district Court of Perm [electronic resources]. URL: https://sudact.ru/regular/court/dhZxdfYREY5w / (date of appeal: 04/10/2026).
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / edited by A.E. Rarog. Moscow: Prospekt, 2024. - 456c.
7. The verdict was handed down by the world court of judicial district No. 2 of the Oktyabrsky district of Orsk dated 2025 under art. 168 of the Criminal Code Russian Federation [electronic resources]. URL: https://orskok1.kodms.ru/news/unichtozhenie-chuzhogo-imushestva (date of request: 04/14/2026).
8. The verdict was passed by the magistrate's court of judicial district No. 1 of the Sol-Iletsky district of the Orenburg region under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation [electronic resources]. URL: https://si1.kodms.ru /. (date of appeal: 04/14/2026).
9. The verdict was passed by the Cheremkhovsky District Court of the Irkutsk region on 04/22/2026 in the case of organizing arson [electronic resource]. URL https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8471208 / (date of access: 04/10/2026).
10. Information from the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of the Altai Territory on criminal prosecution under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]. URL https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_22/mass-media/news/main/e3104214 / (date of reference: 04/20/2026).
11. Borzenkov G.N. Crimes against property. Moscow: IKD"Zertsalo-M", 2022. - 245c.
12. Sverchkov V.C. Criminal liability for humiliation or infringement of property / / The Russian justice system. 2023. No. 4. pp. 12-18.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_5_446

УДК 343.9

ТЕОРИЯ ОПТИМИЗАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
THEORY OF OPTIMIZATION IN OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, ulitsa Zoe i Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *Выборочное изучение и критический анализ оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД) по противодействию преступлениям экономической и коррупционной направленности показывает, что указанный вид правоохранительной деятельности – финансоемкое ее направление, которое обусловлено прежде всего транснациональным характером названных проявлений преступности[1] [1] и ее высокотехнологичным характером, «раскрутка» которых по классической схеме обходится на сегодня большими затратами. В этих условиях оперативно-розыскная наука в соответствии с формирующейся политикой усердно ищет приемы и способы по оптимизации расходов – достижение искомых целей с наименьшими затратами при проведении для этого оперативно-розыскных мероприятий. Суть затронутой нами в статье проблемы заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью углубленного анализа понятия «оптимизация»[2] [2], компонентов его составляющих, и поверхностное представление о свойствах и особенностях оптимизации, присущих ОРД ОВД[3]. Такой подход, как показывает правоприменительная практика, не позволяет вскрыть совокупность факторов и уяснить природу их происхождения, что не обеспечивает получение новых научных знаний, необходимых для разработки предложений и рекомендаций по повышению эффективности и результативности указанной деятельности.*

Abstract. *A selective study and critical analysis of the operational-investigative activities of internal affairs bodies in countering economic and corruption-related crimes shows that this type of law enforcement activity is a financially intensive area, which is primarily due to the transnational nature of these criminal manifestations and their high-tech nature, the «unraveling» of which according to the classical scheme currently requires significant expenditures. In these conditions, operational-investigative science, in accordance with the emerging policy, diligently seeks techniques and methods to optimize costs – achieving the desired goals with minimal expenditures when conducting operational-investigative measures for this purpose.The essence of the problem we address in this article lies in resolving the existing contradiction between the need for an in-depth analysis of the concept of «optimization» and its constituent components, and the superficial understanding of the properties and features of optimization inherent in the operational-investigative activities of internal affairs bodies. Such an approach, as law enforcement practice shows, does not allow for uncovering the set of factors and understanding the nature of their origin, which fails to provide the new scientific knowledge necessary for developing proposals and recommendations to improve the effectiveness and efficiency of this activity.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел (ОВД), их подразделения ЭБиПК, система, оперативно-розыскная деятельность (ОРД), ее оптимизация, согласно существующей теории[4], наилучший вариант из множества возможных, максимальная эффективность, обоснованность, целесообразность.*

Keywords: *internal affairs bodies, their economic security and anti-corruption units, system, operational-investigative activities, its optimization, according to existing theory, the best option from a multitude of possibilities, maximum efficiency, validity, expediency.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Теория оптимизации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Аграрное и земельное право. 2026. № 5. С. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_446.*

For citation*: Ivanov P.I. Theory of optimization in operational-investigative activities of law enforcement agencies // Agrarian and land law. 2026. No. 5. pp. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_5_446.*

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026
Дата публикации: 29.05.2025

Результаты проведенного нами выборочного изучения указанной проблемы свидетельствуют о том, что в настоящее время существует множество определений понятия «оптимизация». Авторы пытаются их увязывать с предметом той или иной области знания.

Одни авторы требования к оптимизации отождествляют с теорией правовых принципов, рассматривая «принципы как нормы, которые требуют, чтобы нечто было реализовано в максимально возможной степени, учитывая правовые и фактические возможности. Принципы являются требованиями оптимизации (optimization requirements), характеризуемыми тем, что они могут быть удовлетворены в различной степени, и что надлежащая степень удовлетворения зависит не только от того, что фактически возможно, но и от того, что юридически возможно. Напротив,

[1] На примере налоговой преступности/
[2] «Оптимизация» (от лат. optimus — наилучший) в правовом контексте означает выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности. В советской и российской науке эффективность права часто отождествлялась с оптимальностью, правильностью, обоснованностью и целесообразностью.
[3] При этом мы придерживаемся такому правилу, как «сущность глубже, а явление (действие) – богаче, многообразнее, но они взаимосвязаны».
[4] Мы под теорией вообще понимаем учение либо систему научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности.

правила – это нормы, которые всегда либо выполнены, либо нет» [3].

Другие – утверждают, что оптимизация правового регулирования может быть истолкован как повышение эффективности. Это более широкое и прагматичное понимание, которое получило распространение в российской юридической науке. Так, «оптимизация» (от лат. optimus – наилучший) в правовом контексте означает выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности. В советской и российской науке эффективность права часто отождествлялась с оптимальностью, правильностью, обоснованностью и целесообразностью» [4]. Что же касается процессуального права, то рассматриваемый термин имеет несколько иное содержание. Так, например, «оптимизацию гражданского процесса можно определить как законодательно регламентированную деятельность по осуществлению функций законодательных и судебных органов, ставящей своей целью улучшение механизма правильного, всестороннего и своевременного рассмотрения гражданского дела при соблюдении равновесия между частными и публичными интересами» [5].

Помимо вышеуказанных точек зрений существует в экономической литературе и налоговом праве такое понимание как деятельность налогоплательщика по уменьшению налоговых платежей законными способами. Иначе говоря, под оптимизацией налогообложения понимают принимаемые налогоплательщиком меры, акцентированные на облегчении налогового бремени, или на исполнении налоговых обязательств наиболее оптимальным для налогоплательщика способом. Как правило, так называемая «налоговая оптимизация» связана с выбором среди возможных вариантов действий налогоплательщика такого варианта, который при прочих равных условиях наименее обременителен по объему налоговых обязательств. Между тем исследователи вычленяют проблему разграничения, мотивируя тем, что в законодательстве отсутствуют четкие критерии, позволяющие отличить законную оптимизацию от незаконной. Судебная практика выработала понятие «необоснованная налоговая выгода» для борьбы со злоупотреблениями, но эта категория остается оценочной [6].

Как мы уже отмечали, определение понятия «оптимизация» дается и по областям знаний. Так, в уголовно-процессуальной науке под оптимизацией понимается как совершенствование процедуры судопроизводства для повышения ее эффективности, быстроты и соответствия современным реалиям. В связи со сказанным приведем два варианта доктринального толкования. Сторонники первого варианта констатируют, что «оптимизация институтов уголовного процесса – это создание оптимальной формы для уже имеющихся в национальном законодательстве институтов. Это часть более широкого процесса реформирования наряду с созданием новых институтов и заимствованием зарубежного опыта» [7]. Есть и вторая позиция, сторонники которой, например, «оптимизацию уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации рассматривают как изменение информационно-технологического обеспечения расследования преступлений, переход от документов к данным с одновременным упрощением процессуальной формы. Внедрение электронного документооборота позволяет объективно зафиксировать доказательственную информацию и обеспечить материальную и процессуальную экономию» [8].

Наконец, в контексте уголовно-правовой деятельности оптимизация рассматривается как рационализация и гуманизация уголовной репрессии. При этом оптимизацию сторонники связывают с уголовной политикой, ее модернизацией через рационализацию и гуманизацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также практической правоохранительной деятельности [9].

Уяснив, широкое понимание смысла и содержания термина «оптимизация», непосредственно перейдем к рассмотрению его значимости для ОРД ОВД.

Процесс оптимизации указанной деятельности в условиях новых вызовов[1] и угроз[2] как качественно новое ее свойство подвержен волатильности, что характерен всеобщему методу познания явлений и процессов (диалектике)[3]. Познание указанного процесса через призму цифровой трансформации как совокупности последовательно осуществляемых действий, отражающих переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и результативности. Иными словами, цифровая трансформация предполагает комплексное преобразование структурно-содержательной модели осуществления оперативно-розыскной работы (основным стержнем которой выступает противодействие, в частности, например, налоговой преступности) на основе реализации концепции по внедрению цифровых технологий, использования оперативно значимых данных, развития человеческого фактора, компетенций, современных апробированных подходов к внедрению цифровых решений (алгоритмов действий).

Цифровизация в научно-теоретическом плане нами рассматривается через призму противодействия как действенный инструмент борьбы с налоговой преступностью в сфере потребительского рынка в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле цифровизация есть преобразование аналоговой информации в цифровую форму. В широком же смысле она представляет собой современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики национальных государств. При этом при мониторинге ситуации[4] нельзя не учитывать влияние преступлений, совершаемых в сфере экономики[5], носящих международный характер и представляющих повышенную общественную опасность.

---

[1] Под вызовами мы понимаем совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы, например, экономической безопасности хозяйствующих субъектов социальной сферы, задействованных в реализации национальных проектов (программ).

[2] Угрозы в нашем понимании - это комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба экономической безопасности указанной сферы.

[3] Как известно, диалектика имеет свои законы. В частности, это: общее, особенное, единичное, необходимое и случайное, причины и следствия. Они лежат в основе оперативно-розыскной характеристики преступности, ее структурно-содержательной составляющей, а также выработки и принятия ответных ей мер.

[4] Автор под «оперативно-розыскным мониторингом» понимает систему, состоящую из таких структурных ее элементов, как наблюдение, анализ, оценка и прогноз противоправных действий в сфере экономики. Комплексное их изучение, на наш взгляд, возможно только путем осуществления мониторинга с привлечением сил, средств и методов теории ОРД.

[5] О цифровых вызовах в разрезе экономических преступлений часто говорят в международных форумах. В действительности, когда активно идет процесс цифровизации криминальной среды, основные тенденции ее развития коренным образом изменились: наблюдается рост мошенничества, совершаемого с использованием цифровых

Теперь укажем некоторые особенности цифровой сферы через призму личности «цифрового преступника» [10]. К их числу мы относим:

- развитие стремительными темпами цифровых технологий;

- сеть Интернет, выступая неотъемлемой частью современной жизни, подталкивает к необходимости повышения квалификации «цифрового преступника» в целях поиска средств его существования. Становится он сильно зависимым при оказании им криминально-коррупционных «услуг»;

- нахождение в сети Интернет в открытом доступе. Тут все разрешено, нет особых ограничений и запретов. Указанная сеть является свободной зоной, которая не подчиняется государственным законам какой-то одной страны, т.к. является Всемирной паутиной;

- распространение в виртуальном пространстве проявлений новых форм коррупции (криптовалюта – предмет взятки). Как известно, сегодня криптовалюта остается привлекательной для преступников, в первую очередь из-за ее псевдо-анонимной природы и легкости, с которой она позволяет пользователям мгновенно отправлять средства в любую точку мира, а также из-за ее прозрачного и отслеживаемого дизайна.

Специалисты справедливо отмечают, что цифровая сфера с сугубо технической позиции представляет собой получение, обработку и передачу закодированной информации в дискретные сигнальные импульсы. Это осуществление информационной переработки из обычной формы с цифровую.

Вышесказанное применительно к ОРД имеет несколько иное содержание, которое отчасти прямо закреплено в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»[1]. С учетом этого укажем в рассматриваемом контексте отдельные ключевые рекомендации, которые непременно должны соблюдаться, а именно:

- обеспечение высокой степени конфиденциальности при разработке и проведении в рамках специальных операций оперативно-розыскных мероприятий и скоординированности деятельности при этом правоохранительных органов;

- строгое соблюдение конспирации при применении сил, средств и методов анализируемой деятельности;

- привлечение, по мере необходимости, к сотрудничеству граждан на негласной основе.

К числу подсистем рассматриваемой деятельности как системы мы относим также механизм ее осуществления, предполагающий определение порядка последовательности действий по установлению признаков, указывающих на факт совершении налогового преступления – уклонения от уплаты налогов либо сокрытия реальных доходов от налогообложения. При этом важно помнить, что механизм выявления может быть представлен только как неотъемлемая составная часть оперативно-розыскного противодействия.

Говоря о механизме, нельзя забывать о совокупности форм и методов, с помощью которых обеспечивается осуществление широкого спектра оперативно-розыскных отношений, возникающих в ходе обнаружения признаков распознания названных деяний.

Следующим элементом системы противодействия налоговым преступлениям мы относим его *тенденции* (тренды, направления развития), которые тесно увязаны самим явлением (преступностью). По результатам выборочного изучения весьма ощутимыми на сегодня выступают две из них, это:

- *интернационализация преступности* на фоне финансовой глобализации в процессе осуществления международной хозяйственной деятельности различными субъектами. Характерными ее признаками (чертами), как правило, выступают наличие организованности, изощренности при выборе схем (способов), транснационального характера налоговой преступности, пронизывающий во все сферы экономики, в том числе потребительского рынка;

- *качественные изменения в новых условиях* как налоговой преступности, так и самой среды ее проявления. Такая сопряженность во многом усиливает устойчивость преступных групп, стремящихся «завоевать» объект потребительского рынка как сферу своего влияния, где можно было бы беспрепятственно осуществлять незаконную предпринимательскую деятельность. Лидеры преступных групп, имея в распоряжении современную информационную технологию и технические средства, всячески пытаются уйти от налоговых проверок и ответственности. Удается им и приспосабливаться к предъявляемым требованиям, адаптируясь к налоговой системе в части организуемых проверок.

Без учета истории зарождения налоговой преступности (генезиса) не представляется возможным сделать глубокие выводы об ее особенностях и тенденциях развития. Более того, познанные закономерности возникновения и становления процесса выявления также должны приниматься во внимание при формулировании перспективных направлений его развития. Глубина познания и масштабности охвата предмета исследования, на наш взгляд, есть современный подход к решению данной задачи. Как нам представляется, его можно отнести к числу методов познания процесса выявления как целостного системного образования (устойчивой интегральной категории). Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что взаимосвязь между его компонентами, это не механическое их соединение, а внутренне логически выстроенная взаимообусловленность и взаимозависимость.

Принимаемые сотрудниками подразделений ЭБиПК контрмеры в аспекте противодействия преступности, как показывает проведенное нами изучение, не всегда дают ожидаемый результат вследствие прежде всего неравных условий по степени оснащенности современной техникой.

Таким образом, не определившись с сущностью понятия «оптимизация» вообще, познать закономерности его проявления, а также выстроить наиболее приемлемую современным условиям систему противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности невозможно или крайне затруднительно.

технологий, фактов легализации преступных доходов с использованием новых цифровых финансовых инструментов, наконец, криптовалюта стала как предмет и средство совершения экономических преступлений.

[1] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Научное осмысление (обоснование) такого подхода (качественно нового) – отправная точка для углубленного дальнейшего его изучения с целью определения соразмерности как ответной реакции вызовам и угрозам современности в сфере обеспечения правопорядка.

Список литературы:

1. Иванов П.И., Шитов А.С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С. 46-53.
2. Беляева Г.С. К вопросу о доктринальных и нормативно-правовых критериях оптимизации правового регулирования // Юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 124-135.
3. Alexy, R. A Theory of Constitutional Rights (Oxford University Press, 2002).
4. Беляева Г.С. К вопросу о доктринальных и нормативно-правовых критериях оптимизации правового регулирования // Юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 124-135.
5. Шульженко А.А. Теоретические и практические аспекты оптимизации гражданского процесса / А.А. Шульженко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 10-4 (73). – С. 33-35.
6. Кондратенко Ю.В. К вопросу о разграничении понятия оптимизации налогообложения и уклонения от уплаты налогов в деятельности подразделений ЭБиПК МВД России / Ю. В. Кондратенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 275-279.
7. Таричко И.Ю. Мировые тенденции оптимизации уголовного процесса / И.Ю. Таричко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 171-177.
8. Мовсисян А.Г. Оптимизация уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации / А.Г. Мовсисян // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 1 (108). – С. 182-187.
9. Антонченко В.В. Структурно-логическая схема формирования оптимальной уголовной политики / В.В. Антонченко // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 39-48.
10. Иванов П.И. К вопросу о личности «цифрового преступника» **//**Философия права. – 2024. – № 3 (110). – С. 128-135.

References:

1. Ivanov P.I., Shitov A.S. Transnational Organized Tax Crime as a Threat to Tax Security (Measures of Operational-Investigative Counteraction). Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2020, no. 4 (57), pp. 46-53.
2. Belyaeva G.S. On the Issue of Doctrinal and Normative-Legal Criteria for Optimization of Legal Regulation. Yuridicheskie issledovaniya [Legal Studies], 2015, no. 3, pp. 124-135.
3. Alexy, R. A Theory of Constitutional Rights (Oxford University Press, 2002).
4. Belyaeva G.S. On the Issue of Doctrinal and Normative-Legal Criteria for Optimization of Legal Regulation. Yuridicheskie issledovaniya [Legal Studies], 2015, no. 3, pp. 124-135.
5. Shulzhenko A.A. Theoretical and Practical Aspects of Optimization of Civil Procedure. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, no. 10-4 (73), pp. 33-35.
6. Kondratenko Yu.V. On the Issue of Distinguishing Between the Concept of Tax Optimization and Tax Evasion in the Activities of Economic Security and Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 1 (29), pp. 275-279.
7. Tarichko I.Yu. Global Trends in the Optimization of Criminal Procedure. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Current Problems of Russian Law], 2015, no. 12 (61), pp. 171-177.
8. Movsisyan A.G. Optimization of Criminal Proceedings in the Context of Digital Transformation. Yurist-Pravoved [Lawyer-Jurist], 2024, no. 1 (108), pp. 182-187.
9. Antonchenko V.V. Structural-Logical Scheme for Forming an Optimal Criminal Policy. In: Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 1, 2024. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2025, pp. 39-48.
10. Ivanov P.I. On the Issue of the Personality of the "Digital Criminal". Filosofiya prava [Philosophy of Law], 2024, no. 3 (110), pp. 128-135.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru.**

Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;
5. Список литературы должен быть на русском и английском языках.

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Дата выхода в свет 17.08.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 28,19 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 34 экз. «Свободная цена».